

Русская мысль

23; 7-8

1902

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВЪЧНЫЙ ГОРОДЪ.—П. Д. Беборынина. <i>Продолженіе</i>	1
II. ИЗЪ ВИКТОРА ГОМУЛИЦКАГО. (Перев. съ польск.)—В. М. Л.	25
III. ДАЛЕКІЕ ДНИ.—В. Н. Ладыженскаго. <i>Окончаніе</i>	57
IV. ГОСПОДА БЛАГОТВОРИТЕЛИ.—Е. Ловецкой.	70
V. КЛЮЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича	98
VI. НА ПОМОЩЬ БЛИЖНЕМУ. Разсказъ.—М. М. Гербановскаго.	108
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Изъ Яна Колара—В. А. Гиляровскаго . .	133
VIII. СПРУТЬ. Калифорскій романъ. Франка Норриса. Перев. съ англ.—А. Г. <i>Продолженіе</i>	134
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ив. Бунина.	159
X. СВИДАНІЕ.—Ив. Бунина	161
XI. ОЧЕРЕЖЪ РАЗВИТІЯ НѢМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИ- ТЕРАТУРЫ ВЪ XIX ВѢКѢ.—Мих. Г. <i>Продолженіе</i>	1
XII. ЖУКОВСКО-ГОГОЛЕВСКАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА.— В. В. Каллаша	20
XIII. ГОГОЛЬ И ЖУКОВСКІЙ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.—Д. И. Тихомирова	39
XIV. КРѢПОСТНЫЕ КРѢПОСТНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССИИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.—В. И. Семевскаго.	55
XV. ОБЪ УПАДКѢ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ЕГО НУЖДАХЪ.—А. В. Еропкина. <i>Ожтчаніе</i>	88
XVI. НЕРАВНОМѢРНОСТЬ ЗЕМСКАГО ОБЛОЖЕНІЯ ВЪ ЮРЬЕВ- СКОМЪ УѢЗДѢ ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.—С. Бунина. .	115
XVII. ПО ПОВОДУ ПОДАТНОЙ РЕФОРМЫ НА КАВКАЗЪ ПО ЗА- КОНУ 12 ІЮНЯ 1900 ГОДА.—Ив. Веретенникова.	120

Продолжается подписка на 1902 годъ

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ)

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Русская Мысль.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пере- сылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается рассрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 июля и 1 октября по 8 руб.

Подписавшіеся въ рассрочку и желающіе получить „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ рассрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 25 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный добавляется разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при рассрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтового департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ наложеннымъ платежомъ по волученіи задатка не менѣе 2 р. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 к. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксіной, кв. № 9.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатиць,

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

„НОВАЯ БИБЛИОТЕКА“.

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинкинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой *Индо-Китай* и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безпл. народн. библ. и читальни, въ ученическія библіотеки низшихъ учебн. заведен. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Эжитейна*. Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра*. Съ рисунками въ текстѣ. 170 стр. Ц. 30 к.

Японія и японцы. Страна. Быть японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. *Съ картой*. 178 стр. Ц. 35 к. Допущ. въ безпл. нар. библ. и читальни.

Разсказы Людвигъ Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова*. 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бесѣды по школьной гигиенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго*. Съ рис. и таблицей диаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учт. сельскія библ. низш. учеб. зав.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ бесплатныя народныя читальни и библіотекъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Мин. Народ. Просв.

Исполнѣнъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ *Крутта*). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Допущено въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки.—Въ мастерской. *И. А. Данилина*.—Преступники. *П. Б. Хотымскаго*. 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петра Розенера*. (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Бува демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильсама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Быть китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. *Съ картой*. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Башка. (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

А. И. Эртель. Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. 77 стр. Ц. 15 к.

Прнуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячкова*. 91+IV стр. Ц. 16 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Съ рисунками. 200 стр. Ц. 50 к.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1902.

1902

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Н^о, Пимен. ул., собств. домъ.

1902.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВЪЧНЫЙ ГОРОДЪ.—П. Д. Боборыкина. <i>Продолженіе</i>	1
II. ИЗЪ ВИКТОРА ГОМУЛИЦКАГО. (Перев. съ польск.).—В. М. Л.	25
III. ДАЛЕКІЕ ДНИ.—В. Н. Ладыменскаго. <i>Окончаніе</i>	57
IV. ГОСПОДА БЛАГОТВОРИТЕЛИ.—Е. Ловецкой	70
V. БЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича.	98
VI. НА ПОМОЩЬ БЛИЖНЕМУ. Разсказъ.—М. М. Гербановскаго.	108
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Изъ Яна Болара—В. А. Гиляровскаго . .	133
VIII. СПРУТЪ. Калифорнскій романъ. Фрэнка Норриса. Перев. съ англ.—А. Г. <i>Продолженіе</i>	134
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ив. Бунина.	159
X. СВИДАНІЕ.—Ив. Бунина	161
XI. ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ НѢМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕ- РАТУРЫ ВЪ XIX ВѢКѢ.—Мих. Г. <i>Продолженіе</i>	1
XII. ЖУКОВСКО-ГОГОЛЕВСКАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА.— В. В. Калаша.	20
XIII. ГОГОЛЬ И ЖУКОВСКІЙ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.—Д. И. Тихомирова	39
XIV. КРѢПОСТНЫЕ КРѢПОСТНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССИИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.—В. И. Семевскаго	55
XV. ОБЪ УПАДКѢ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ЕГО НУЖДАХЪ.—А. В. Еропкина. <i>Окончаніе</i>	88
XVI. НЕРАВНОМѢРНОСТЬ ЗЕМСКАГО ОБЛОЖЕНІЯ ВЪ ЮРЬЕВ- СКОМЪ УѢЗДѢ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНІИ.—С. Бунина. . .	115
XVII. ПО ПОВОДУ ПОДАТНОЙ РЕФОРМЫ НА КавказѢ ПО ЗА- КОНУ 12 ІЮНЯ 1900 ГОДА.—Ив. Веретенникова.	120

823301

	<i>Стр.</i>
XVIII. ДРУЗЬЯ РУССКИХЪ САМОРОДКОВЪ. (Я. П. Полонскій, Н. С. Лѣсковъ, гр. Л. Н. Толстой, А. Н. Островскій и друг.).— А. И. Яцимирскаго	147
XIX. КАКЪ НАСЪ «УЧИЛИ» ВЪ ГИМНАЗИИ. (Отрывокъ изъ школьныхъ воспоминаній).—И. Дроздова.	164
XX. СЮНИЗМЪ И ХРИСТИАНЕ.—Г. И. Гердона.	178
XXI. СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДѢЯТЕЛИ. II. Вальдекъ Руссо—Х. Г. Инсарова. <i>Продолженіе</i>	197
XXII. ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.—В. Г.	220
XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Высочайшій рескриптъ на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и во- просъ о реформѣ средней школы.—Прекращеніе земскихъ оцѣночныхъ работъ въ 12 губерніяхъ.—Занятія особаго со- вѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.— Изъ жизни провинціи.—Кончина М. М. Антокольскаго.— Положеніе о преміи имени Л. П. Кузнецова.	228
XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	248
XXV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.— Философія, педагогика.—Бритика, публицистика.—Исторія, исторія литературы.—Естествознаніе.—Книги для дѣтей.— II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Рус- ская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюня 1902 г.	213
XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ *).

XVIII.

Коренные римляне.

Титулъ „Romano di Roma“. — Кого считать коренными римлянами? — Историческія справки. — Римскій типъ и его разновидности. — Родовое дворянство. — Самые древніе дома. — Князья папскаго происхожденія. — Сословный духъ нобилей. — Ихъ теперешній складъ жизни. — Духовные. — Прелаты. — Либеральныя профессіи. — Классъ „mercanti di cambraga“. — Челядь. — Плебъ Залиберья. — „Romanesco“ и что обнимаетъ собою это слово. — Творчество, юморъ и діалектика трастеверянца. — Что дѣлало палатство для своего плебса? — Права теперешнихъ обитателей Трастевере. — Поэтъ-сатирикъ Белли и его сонеты. — Поговорки и прибаутки римскаго народа. — Какъ онъ коротаетъ круглый годъ по своему календарю? — Мои личныя впечатлѣнія среди римскаго простонародья.

Извѣстно, что уроженецъ Рима, кто бы онъ ни былъ — князь или простой факкино — всего болѣе гордится тѣмъ, что онъ «гоmano di Рома». Этой фразой Золя освѣтилъ одну изъ лучшихъ сценъ своей книги, хотя и ошибся той мѣстностью, куда слѣдовало ему помѣстить семью Бѣдняковъ.

«Io sono romano di Roma!» Вторая половина этого горделиваго возгласа кажется совершенно лишней. Ужъ если римлянинъ, то, конечно, изъ Рима. Но такъ кажется издали, а не здѣсь, не въ стѣнахъ Рима. Фраза значитъ: «я родомъ не изъ римской провинціи, или бывшей папской области, или изъ ближайшихъ окрестностей: изъ Альбано, Марино, Фраскати, Неми или Кастель-Гандольфо; а я изъ с _____ го Рима».

И сихъ поръ это чувство своей *особности* необычайно живуче въ римскомъ простонародьѣ. И всякій иностранецъ усваиваетъ этотъ идеъ, если осядетъ въ Римѣ и женится. Старый французъ-причигъ на *Villa Medici*, рассказывая мнѣ свое житье-бытье въ

Римъ, гдѣ онъ уже болѣе тридцати лѣтъ, дошелъ и до того, какъ онъ обзавелся семьей.

— Ваша жена итальянка?—спросилъ я его.

— *Une gomaine*,—отвѣтилъ онъ съ внушительнымъ жестомъ.—
Pas italienne, une gomaine, monsieur.

Точно онъ взялъ въ жены принцессу крови, а не дочь какой-нибудь прачки.

Часто бесѣдовали мы съ моимъ спутникомъ, докторомъ словесности объ этой фразѣ: «*gomaino di Roma*», ходя по урочищамъ, гдѣ кишеть простой народъ, и отправляясь за городъ.

— Видите ли,—говаривалъ онъ мнѣ,—корень лежитъ въ томъ, что городъ Римъ отдѣленъ своей Кампаней даже отъ ближайшихъ пригородовъ. Ни одно изъ этихъ мѣстечекъ—Альбано, Фраскати и др., не примыкаетъ къ нему. И такъ было съ незапамятныхъ временъ. Житель Рима, считающій себя кореннымъ римляниномъ, и привыкъ смотрѣть на свой городъ, какъ на особое государство, особую страну, всемирный пунктъ, единственный въ мѣрѣ *carut ogbi*.

И что же въ этомъ удивительнаго?—скажемъ мы отъ себя.—Ужъ если всякій коренной москвичъ кичится своимъ роднымъ городомъ, «первопрестольной», «бѣлокаменной», ея Кремлемъ и урочищами; то что такое Москва въ глазахъ римлянина? Поселокъ, который сдѣлался главнымъ становищемъ полудикаго народа, и на него въ Европѣ XIV вѣка смотрѣли приблизительно такъ, какъ смотрятъ теперь на «имперію» абиссинскаго негуса.

А тутъ, что ни ступилъ, все тѣни предковъ—и какихъ предковъ! Вонъ тамъ Сервій-Туллій обнесъ городъ стѣной, и ея камни еще сохранились. Тамъ Муцій Сцевола совершилъ свой геройскій подвигъ. Бъ тому мѣсту набережной присталъ Регулъ, вернувшись изъ Карфагена. И цѣлая вереница героевъ проходила по вереницѣ вѣковъ. А потомъ—столица императоровъ, всесвѣтное государство, триумфы, игры Колизея, даровая жизнь плебса на счетъ всего міра. Всѣ данники Рима—рабы его и кормильцы. Какъ бы ни былъ невѣжественъ римскій простолюдинъ, но онъ обо всемъ этомъ слышалъ, онъ съ пеленокъ увѣренъ въ томъ, что въ его жилахъ течетъ кровь «квиритовъ».

Пала имперія, поднялся папскій тронъ. И опять весь свѣтъ у ногъ Рима. Черезъ что только не прошелъ городъ, черезъ какія напасти, разоренія, одичаніе—и живетъ, красуется, притягиваетъ всѣхъ до послѣднихъ дней XIX вѣка! Развѣ онъ не духовная отрада всѣхъ вѣрующахъ римской церкви съ ея двумястами пятьюдесятью миллио-

нами вѣрныхъ католиковъ, кромѣ того и ученыхъ, и любителей искусства, и каждаго уважающаго себя форестьера?

Вотъ что питаетъ горделивое чувство коренного римлянина, по сей день.

Но вопросъ: кого считать *коренными* жителями вѣчнаго города? Развѣ иностранцу не позволительно добраться до сути? Теперь въ Римѣ до четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ жителей. Когда итальянцы брали его въ 1870 году, Римъ считался городомъ съ постояннымъ населеніемъ въ полтораста съ небольшимъ тысячъ. Стало быть, двѣ трети теперешняго Рима—не римляне или, по крайней мѣрѣ, ихъ отцы были пришельцами. Но и при папахъ, если вѣрить самымъ дѣльнымъ этюдамъ о тогдашнемъ Римѣ, во все средневѣковье и съ эпохи Возрожденія до прихода французовъ въ концѣ XVIII вѣка, въ Римѣ постоянно, изъ года въ годъ, переселялись изъ другихъ городовъ и государствъ Италіи. Жить въ немъ всякому, кто искалъ работы, считалось легче, потому что не было ни муниципального самоуправленияъ съ его неизбѣжными поборами, ни цеховъ, ни правильныхъ налоговъ на собственность. И одинъ изъ самыхъ серьезныхъ наблюдателей римской жизни въ тридцатыхъ годахъ прямо говоритъ, что и тогда трудно было отыскать жителя съ четырьмя восходящими колѣнами предковъ, родившихся въ Римѣ. И тогда уже оставалось мало древнихъ фамилій въ дворянствѣ, побольше въ среднемъ классѣ и довольно много въ классѣ ремесленниковъ и рабочихъ, особенно среди дубильщиковъ, мелкихъ торговцевъ и возчиковъ бочекъ съ виномъ. Среди этого люда тогда еще толковали о предкахъ, восходя чуть не до Троянской войны.

Но масса уже переполнилась пришельцами, всего больше неаполитанцами, пьемонтцами, генуэзцами и тосканцами. И тогда тотъ же наблюдатель считалъ *большинство* жителей *не римскаго* происхожденія и указываетъ на торговые и ремесленные специальности разныхъ пришлыхъ итальянцевъ, а также иностранцевъ, осѣвшихъ въ Римѣ: нѣмцевъ, французовъ, голландцевъ, испанцевъ, португальцевъ. Всѣ эти чужіе и даже чужеродные элементы сливались съ природными римлянами, т.-е. съ тѣми, кто жилъ въ немъ пятьсотъ и больше лѣтъ. Особнякомъ держались только евреи въ Гетто. Но ихъ никогда не было больше четырехъ тысячъ. Эта цифра и до сихъ поръ не много возросла.

Это несомнѣнно. А всетаки всякій, родившійся въ Римѣ не считаясь чужимъ, готовъ титуловать себя «шпешитомъ» (*speshito di Roma*). И всего болѣе кичится своимъ происхожденіемъ членъ Трастевере, въ обонхъ *Borgo*, въ *Lungara* и *Lungaretta*.

Тамъ и теперь любители народнаго быта, писатели и художники привыкли искать типичныя черты тѣлеснаго склада и стародавняго свойства характера римскаго народа, забывая, что и древній плебсъ, чуть не съ самаго основанія поселка Ромула и Рема (буде они существовали), былъ смѣшанной расы—съ сабинской и всякой другой кровью. А о средневѣковьи и говорить нечего!

Неужели, однако, спросить меня, нѣтъ у теперешнихъ римлянъ въ дворянствѣ, буржуазіи и простолюдьи выдающагося типа? Вѣдь говоримъ же мы всё о *римскомъ типѣ*.

Не мало ходилъ и ѣздилъ я по Риму, видалъ и народныя массы, всматривался въ фигуры и лица средняго люда и высшаго класса. Распознавать, кто происходитъ отъ древнихъ квиритовъ, никто на себя не возьметъ; даже изъ самыхъ бывалыхъ подготовленныхъ римлянъ. Смѣсь расъ со всей Италіи сдѣлалась теперь еще чаще и больше. И всетаки, проживя въ Римѣ нѣсколько мѣсяцевъ, вы начинаете различать типовыя черты во всѣхъ классахъ, несходныя съ тѣмъ, что вы находите во Флоренціи, Миланѣ, Туринѣ, Неаполѣ.

Мнѣ кажется, что въ Римѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ не одинъ, а два типа; и всего замѣтнѣе это въ обличьи, въ складѣ лица, отчасти и въ сложеніи. Первый болѣе рѣзкій типъ: крупныя черты, продолговатое или овальное лицо, длинный носъ съ классической горбинкой, меньшая смуглость кожи, болѣе черныя волосы, круглыя глаза, широкій ротъ и выдающійся подбородокъ; ростъ большой или выше средняго, крутыя плечи у мужчины и у женщины. Въ женщинахъ этого типа сказывается и теперь мужественность. Онѣ часто съ усиками, черты—жестковато-правильныя, грудь высокая, ростъ видный, наклонны къ полнотѣ. Такія попадаются и въ дворянствѣ, и въ самомъ простомъ классѣ, и въ городѣ, и за городомъ.

Другой типъ, отличный также отъ тосканскаго или ломбардскаго,—ростъ мельче, складъ широкій и короткій; а главное, лицо шире, съ выдающимися щеками, и очень характерный *короткій* носъ, глаза часто съ поволокой у женщинъ; мужчины менѣе красивы, чѣмъ въ первомъ типѣ, смуглы, курчавы, цвѣтъ волосъ нерѣдко темнорусый и рыжій. Попадаютъ въ народныхъ кварталахъ (а особенно въ Альбано и Марино) *совсъмъ блѣдыя*, «кудельныя» дѣвочки и мальчики.

Хотя тѣ, кто величаетъ себя «*giano di Roma*», и не признаютъ римлянами окрестныхъ жителей; но въ этихъ пригородахъ и во всей Кампаньи сохранилось много образцовъ римскаго благообразія, съ типическими особенностями лица, стана, всей повадки. Вамъ скажетъ это всякій художникъ. Пойдите на Piazza di Spagna, и вы каждый день найдете тамъ цѣлый наборъ натурщиковъ, и они болѣе изъ окрестно-

ской Рима, чѣмъ изъ города. Это сельскій людъ, хотя своей профессіей уже испорченный и приученный къ позированью, тунеядству и попрошайству. Но мы теперь говоримъ не о нравственныхъ свойствахъ. И въ нихъ не одинъ типъ, но ихъ лица чище по селаду, чѣмъ въ массѣ римскаго простаго народа, особенно у молодыхъ подростковъ, и дѣвчурокъ, и мальчиковъ. Нѣкоторые подростки, извѣстные всей артистической колоніи Рима, поражаютъ тонкостью линий лица, стройностью тѣла, живописностью всей головы. Нѣсколько мальчиковъ (они нарасхватъ у художниковъ) кажутся какими-то принцами крови, а они — дѣти крестьянъ или поденщиковъ. Точно также и взрослые итурцики, въ костюмѣ подгороднихъ прасоловъ и винодѣловъ, сохранили еще типическія черты тѣлеснаго склада и экспрессіи лица. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима раса осталась чище, потому что туда не переселялись пришлые итальянцы такъ много и часто, какъ въ самый городъ. И тамъ я различалъ разновидности тѣхъ же двухъ типовъ: одного сухого, болѣе крупнаго, съ удлинненнымъ оваломъ лица и носомъ съ горбинкой, другой—средняго и малаго роста, съ короткимъ носомъ, глазами помельче, часто съ бѣлокуростью и рыжиной волосъ. У женщинъ второго типа, въ Castelli Romani, попадаются очень тонкія лица, но репутація альбанокъ преувеличена, и голевская Аннунціата въ отрывкѣ «Римъ» отошла въ область романтическихъ грѣзъ. Въ Римѣ же вы безпрестанно встрѣчаете женщину—и въ свѣтѣ, и въ театрѣ, и на улицѣ, и въ лавкѣ—напоминающихъ нашихъ болѣе красивыхъ хохлушекъ.

Мужчину-уроженца Рима въ обществѣ я, подъ конецъ сезона, сталъ довольно легко распознавать, особенно если это молодой человекъ. Я бы сказалъ, что у такихъ прирожденныхъ римлянъ (если ихъ матери не иностранки) есть что-то похожее на испанскій типъ, овалъ лица мягкій, закругленный, матовая бѣлизна, нѣкоторая припухлость щекъ, *круглые* каріе или черные глаза, съ широкими вѣками, гладкіе волосы, *мяго* лежащіе на небольшой головѣ, хорошій ростъ и длинныя кисти рукъ, съ очень выразительными жемами на одной ладони, а и пальцевъ въ отдѣльности, при разговорѣ.

Такіе типичные римляне даже и въ старомъ дворянствѣ, опять свѣдѣтъ не древнеримскаго происхожденія. И при папахъ, шестьдесятъ больше лѣтъ тому назадъ, свѣдущіе люди (особенно изъ нѣмцевъ ученыхъ путешественниковъ) считали претензіи многихъ родовъ совершенно пустыми. Извѣстно, что двѣ фамиліи (теперь о нихъ въ Римѣ что-то и не слышно) *Сантакоче* и *Маттинго* вели свой родъ, первая отъ Валерія Публиколы, а вторая—отъ Фабіевъ. Да и фамилія *Франджитани* считается потомками рода Анціевъ.

Въ самой высшей *княжеской* аристократіи папской эпохи наизвѣстнѣйшіе роды—ломбардцы, а не римляне. До сихъ поръ дома: Колонна, Орсини и Массими (ихъ склоняютъ: говоря объ одномъ лицѣ произносятъ *Massimo*, а не *Massimi*), слывуть за древнѣйшіе. А знаменитый родъ Бонти вымеръ. Большинство теперешнихъ «принципе»—жалованные, возведенные въ княжеское достоинство папами или же посредствомъ браковъ. Фамилія Торлонья—разбогатѣвшіе банкиры, родомъ изъ Равенны. Такой же разжившійся денежный человекъ былъ и предокъ фамиліи Биджи; еще въ двадцатыхъ годахъ этотъ аристократъ занимался банковскими гешефтами.

Въ Римѣ каждый извозчикъ, говоря объ одной изъ этихъ фамилій денежнаго происхожденія, намекаетъ на то, что предокъ ихъ былъ: «un ebreo».

Затѣмъ пойдутъ фамиліи изъ папскихъ племянниковъ, другими словами, продукты *непотизма*, въ тѣсномъ смыслѣ: Людовизи, Пиомбино, Доріа-Памфили, Боргезе, Барберини, Альбани, Одескальки, Оттобуони, Альдобрандини, Борсини, Роспильози. Всѣ они сплошь—*принципалы* и возведены въ княжество изъ-за родства съ папами. До сихъ поръ въ ватиканскомъ мірѣ племянники царствующаго папы считаются наравнѣ съ самыми первыми римскими домами. Всѣ жалованные папами роды старше XVIII вѣка, за исключеніемъ двухъ, а въ XIX столѣтіи папы создавали князей (на что имѣютъ право и теперь): уже по другимъ мотивамъ. Такъ Порлонья—за богатство и гешефты съ папской казной, Банино—изъ-за родства съ Наполеономъ I.

Къ высшему дворянству причисляютъ и двѣ фамиліи съ титуломъ маркизовъ (Теодоли и Патрици) и называютъ ихъ: *Marchesi del Baldachino*, и одна фамилія Фальконьери, очень древняя, *не должна брать никакого титула*. При папскомъ дворѣ изъ фамилій, имѣвшихъ высшія наслѣдственные должности, Орсини и Колонна назывались «*Principi assistenti al seggio*», Биджи имѣли званіе маршаловъ Бонклава, а Русполи (голова въ зиму 1897—98 гг. былъ изъ этого рода)—*Maestro di sagro ospizio*, Патрици—знаменоносцы его святѣйшества.

Среднее дворянство, внесенное въ родословную книгу, состояло изъ нѣсколькихъ сотъ фамилій. Изъ нихъ нѣкоторыя очень стараго рода. *Коренные ли* они римляне—это опять вопросъ, который знающими людьми разрѣшается часто отрицательно.

Но такъ или иначе, всѣ тѣ дворяне, какихъ застали въ Римѣ событія 1870 года, имѣютъ право считаться коренными жителями, не меньше чѣмъ буржуазія или трастевринскій простой людъ. Только

самые старые роды и въ римскомъ дворянствѣ становятся все болѣе и болѣе смѣшанной крови. Безпрестанно вы встрѣчаете въ гостинныхъ князей и другихъ титулованныхъ баръ, у которыхъ матери англичанки и американки. У нѣкоторыхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ даже британскія лица, иногда и акцентъ, если не по-итальянски, то по-французски, по которому вамъ легко принять ихъ за англичанъ и англичанокъ.

Въ старомъ дворянствѣ коренныя черты римскаго быта держатся еще въ тѣхъ фамиліяхъ, которыя остались вѣрны Ватикану. Но ихъ дѣлается все меньше. Остальное примиряется съ савойскимъ домомъ и втягивается въ жизнь общепитальянскихъ жителей Рима.

Родовитыя и когда-то богатыя фамиліи обѣднѣли: однѣ оттого, что не хотять мириться съ теперешнимъ режимомъ; другія оттого, что ударились въ спекуляціи. Тѣ дома, гдѣ еще тянется прежняя традиціонная жизнь, доживаютъ свой вѣкъ въ старыхъ палаццо, въ бездѣйствіи, сословномъ фрондерствѣ и архиклерикальномъ консерватизмѣ. Но и при папахъ, въ половинѣ XIX вѣка, этотъ коренной римскій *мондо* уже не могъ жить такъ же, какъ въ прошломъ вѣкѣ, тогда въ каждомъ домѣ была «тронная» зала, держали огромный штатъ прислуги съ «*cavaliere*» во главѣ, родъ церемоніймейстера, тогда каждая римская дама имѣла при себѣ чичисбея, когда мужъ ея промѣ церемоній въ Ватиканѣ не зналъ никакой другой службы, имѣлъ своимъ самъ не управляя, вставалъ поздно, передъ обѣдомъ съелъ, дѣлалъ визиты, катался ежедневно въ раззолоченной каретѣ съ гайдуюкомъ и выѣзднымъ лакеемъ.

Папскіе порядки не давали большого хода и старому дворянству въ управленіи страной и городомъ Римомъ. Власть была въ рукахъ «князей церкви», кардиналовъ и всякихъ монсиньоровъ. Знатныя фамиліи уже съ конца XVIII вѣка стали менѣе стремиться на папскій престолъ, и послѣдній папа изъ барскаго римскаго рода былъ Пій VI (1775—1795 гг.) изъ фамиліи Браски, а послѣдній князь Борсини былъ папа Климентъ VII. Теперь нѣтъ ни одного кардинала съ княжескимъ титуломъ. Пій IX происходилъ изъ провинціальной графской фамиліи, вышедшей изъ мелкой буржуазіи. Левъ XIII также папа, но не римскій, а провинціальный.

если вы присмотритесь сколько-нибудь къ образу жизни, преданію и поведенію тѣхъ фамилій, которыя считаютъ себя «*del prin cartello*», то старый укладъ всетаки еще не исчезъ, подъ давлениемъ духа времени, особенно въ домахъ, оставшихся вѣрными папѣ, отъ ужчины—главы семейства; а ихъ дѣти имѣютъ почетныя званія Ватиканѣ.

Поразспросите тѣхъ иностранцевъ, кто входитъ въ ихъ общество; они вамъ расскажутъ, что весь сладахъ ихъ чувствъ, идей, предубѣжденій и понятій, образъ жизни и привычки отзываются тѣмъ временемъ, когда только они и задавали тонъ. До сихъ поръ еще фамиліи, считающія себя равными по древности царствующимъ домамъ, преисполнены той же гордыни. Они не ѣздятъ даже къ родственницамъ, вышедшимъ замужъ за дворянъ менѣе знатныхъ. Они, обѣднѣвъ, будутъ всетаки держаться своего княжескаго декорума, имѣтъ экипажъ, лакеевъ въ ливреѣ, одѣваться нарядно на прогулкахъ, а дома вести самую мизерную, просто скарედную жизнь, Богъ знаетъ чѣмъ питаться.

Супружескіе нравы въ XVIII вѣкѣ отличались большой распущенностью. Браки по расчету были правиломъ. Мужъ предоставлялъ женѣ полную свободу. Теперь чичисбеевъ нѣтъ, но женятся также на приданомъ, съ тою только разницей, что не пренебрегаютъ уже и американками съ миллионнымъ состояніемъ. Какъ и прежде, семейная связь—весьма рыхлая между родителями и дѣтьми, и родственники очень рѣдко выдаются между собою. Также часты тяжбы, раздоры, скандалы, разные подвохи и цѣлая система шантажа, какимыъ промышляютъ всякіе прихвостни барскихъ домовъ.

Ужъ не по рассказамъ, а въ залѣ трибунала можно было ознакомиться съ однимъ процессомъ, надѣланнымъ шуму при мнѣ, въ сезонъ 1897—1898 гг., — съ подкладной аристократическихъ семейныхъ нравовъ, съ тѣмъ, какъ происходятъ свадьбы, до какой тайной мизеріи могутъ доходить молодые женщины, продающія себя, вмѣстѣ съ приданнымъ, за княжескій титулъ. И сколько грязи накопилось въ этихъ родовитыхъ домахъ!

Сословный духъ поддается только духу наживы и спекуляціи, но онъ можетъ еще задавать тонъ и въ нынѣшнемъ Римѣ. Вѣдь теперь вездѣ, по примѣру Парижа, гоняются за титуломъ, за знатными иностранцами, князьями и герцогами. А въ Римѣ два-три десятка фамилій—если и не *коренные* римляне, то несомнѣнные бары. За ними и прежде ухаживали форестьеры, да и сами они знали, кромѣ людей своего круга, только съ богатыми и знатными иностранцами.

Надо слышать, какъ и теперь въ салонахъ римскаго космополиса, у дипломатовъ, въ гостиныхъ иностранцевъ, задающихъ тонъ, смакуютъ разныя тонкости старо-дворянскаго быта, какъ добиваются знакомства съ домами, куда попасть особенно трудно, какъ разбираютъ: чья фамилія древнѣе и почетнѣе. Обо всѣхъ обычаяхъ сословности говорятъ какъ о чемъ-то чуть не священномъ.

Иной дипломатикъ или барынька средней руки, знакомясь съ

вами въ римскомъ космополитѣ, будетъ васъ сейчасъ же просвѣщать насчетъ того: какъ старшіе сыновья княжескихъ фамилій, когда женятся, получаютъ отдѣльный титулъ. Сынъ князя Киджи, наприм., зовется *principe di Cambrano*, князя Доріа—*Valmonti*, а князя Торлонья—*Poli*; хотя прекрасно они знаютъ, что эти Торлонья—и теперь едва ли не самый богатый домъ—вышли чуть не изъ простонародья, и не такъ давно, о чемъ вамъ расскажетъ всю подноготную любой лавочникъ или извозчикъ.

Боторыя изъ старинныхъ римскихъ фамилій держатся Ватигана, тѣ, разумѣется и до сихъ поръ продолжаютъ считать свои обычаи, взгляды и привычки единственно допустимыми. Прежде дѣтей воспитывали дома, при мальчикахъ жилъ аббатъ, дѣвочекъ отдавали въ монастыри-пансіоны, держали сыновей скупю, виѣшній надзоръ былъ строгій, а воспитаніе сводилось къ манерамъ и разнымъ *talents d'agrément*; физическія упражненія, кромѣ фехтованія, были въ забросѣ. Такъ шло при папскомъ режимѣ. Теперь все это уже поддаюлось напору времени, даже и въ *черныхъ* домахъ, но складъ жизни—все еще напоминающій нашъ дореформенный дворянскій бытъ.

Сколько разъ мнѣ приходили на память, когда я смотрѣлъ на катанье вдоль Борсо и на Монте-Пинчю, картинки изъ нашей крѣпостной эпохи, въ Москвѣ и въ губернскихъ городахъ! Такъ и видишь по лицамъ и выраженіямъ этихъ титулованныхъ римлянъ, ихъ мужей и друзей дома, что они еще въ тискахъ того же быта, какой царилъ и у насъ еще въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, что ничегото ихъ не волнуетъ и не занимаетъ, кромѣ барскаго тщеславія, чванства, расчетовъ сватовства, любовныхъ интригъ, долговъ, желанія пускать пыль въ глаза, туалетовъ, чопорныхъ визитовъ и показыванья себя на катаньи, въ коляскахъ и каретахъ, на тысячныхъ или плоховатыхъ лошадяхъ и съ ливрейной прислугой, кормленной марголодь.

Въ Парижѣ и въ Лондонѣ—развѣ не тоже въ Булонскомъ лѣсу и въ Гайдъ-Паркѣ? Тамъ, однако, водворотъ жизни сытыхъ и праздныхъ классовъ общества—пестрѣе и разнообразіе; тамъ нельзя уже держаться только титуломъ, гербомъ и старыми наследственными палатами. Тамъ надо работать и наживать, пуская въ ходъ свои мозгомы чины. Здѣсь и настоящимъ князьямъ вѣчнаго города пріятно прожить въ такой дореформенной жизни; а когда они ударяются въ спелку пин—это часто ведетъ къ постыдному краху.

менными римлянами должны бы быть и духовные. Въ католическомъ нѣтъ духовнаго *сословія*. Римъ былъ всегда, да и до сихъ поръ во переполненъ патерами и монахами; но они стекались со всѣхъ

концовъ свѣта и изъ разныхъ провинцій Италіи. Избирательное начало и церковная іерархія могутъ возвести въ санъ епископа, кардинала или папы всякаго, кто добьется этого. Мѣстное духовенство, то-есть священники и прелаты собственно римской епархіи (викариатъ) и тѣ состоятъ далеко не изъ однихъ коренныхъ уроженцевъ города. Ихъ бытовой складъ, жаргонъ, привычки, кромѣ дисциплины семинарій и церковнаго чинопочитанія—связаны съ ихъ происхожденіемъ. Аристократовъ здѣсь очень мало; буржуазія и мелкій людъ доставляютъ новобранцевъ въ эту рать. По своему духовному *credo* они должны стоять за прежній Римъ; а если они, притомъ еще, родомъ изъ старой семьи, хотя бы и изъ простолюдиновъ Трастевере, то въ нихъ, конечно, живетъ и традиціонное чувство всемірнаго значенія вѣчнаго города. Тѣ приходскіе священники или приписанные къ церквамъ, которые живутъ въ постоянномъ сношеніи съ простымъ народомъ и мелкимъ мѣщанствомъ, говорятъ непремѣнно «*gomanesso*»—на жаргонѣ римскаго коренного простонародья, даже если они и изъ другихъ кварталовъ, близкихъ или дальнихъ. Этотъ жаргонъ уже самъ по себѣ приучаетъ къ чувству обособленности. Онъ указываетъ на цѣлый складъ наслѣдственной психіи, на чувства, нравы, оттѣнки ума и характера, которые складывались въ чертѣ города, на этихъ семи холмахъ, а не привезены готовыми изъ Абрुццъ, или съ Неаполитанскаго залива, изъ Тосканы, или Пьемонта, даже не изъ ближнихъ пригородовъ Рима.

Средній классъ не менѣе кичится своимъ чисто-римскимъ происхожденіемъ, хотя и знаетъ, что онъ изъ вѣка въ вѣкъ пополнялся пришельцами; а съ 1870 года, если въ него включить чиновниковъ, купцовъ, военныхъ, промышленниковъ и служащихъ всякаго рода, то рожденных въ Римѣ до 1870 года обывателей не-дворянъ окажется всего какихъ-нибудь пять, много десять процентовъ теперешняго населенія.

И коренные римляне-буржуа до 1870 года были далеко не римскаго происхожденія; но средній классъ, который застали «итальянцы», вполне сложился на римской почвѣ, при старыхъ порядкахъ.

Въ *столицѣ* тогдашняго папскаго государства все держалось за патриархально-абсолютную власть куріи и ея чиновниковъ духовнаго званія и за разбогатѣвшее, подъ сѣнью Ватикана, дворянское сословіе. Настоящей индустрии не было; ничего созидающаго, такого, гдѣ проявлялась бы трудовая энергія на началахъ свободы, частной конкуренціи, добросовѣстнаго труда.

Самыми видными буржуа были *mercanti di campagna*—фермеры или лучше съемщики *латифундій* у римской знати, по нашему «бу-

яки», «прасолы», «мірофды». Они жестоко эксплуатировали сельских батраковъ, богатыли, иногда банкротились, дѣлались домовладельцами, выдавали дочерей за прожившихся дворянъ и офицеровъ папскаго войска. Этотъ классъ до сихъ поръ существуетъ, и онъ по своему происхожденію всего ближе стоитъ къ сельскому и городскому престонародью. Есть еще старожилы, которые помнятъ, какъ такіе mercanti di campraга утромъ ѣздили верхомъ, въ мужицкой одежѣ, въ кожаныхъ штанахъ мѣхомъ вверхъ, въ длинномъ кафтанѣ изъ дерюжнаго сукна, въ поярковой шляпѣ (вродѣ нашихъ «гречушниковъ») и съ длинной палкой у стремени; а вечеромъ, въ театрѣ, преобразались въ господъ, а ихъ жены и дочери сидѣли въ ложахъ разряженныя и въ брилліантахъ. До французовъ, во время первой республики, и при Наполеонѣ I, въ Римѣ держалось внѣшнее отличіе классовъ. Тогда только дворяне носили пудренный парикъ и шпагу, ученые, врачи, адвокаты одѣвались какъ аббаты, а все остальное носило камзолъ. Но уже съ начала XIX вѣка средній классъ, обогащаясь, сталъ тянуться за господами, много тратитъ на обстановку, скоро разживался, но скоро и прогоралъ. Одинъ любознательный хроникеръ стараго Рима приводитъ такой фактъ, изъ богатыхъ буржуа, которые подносили цѣнные подарки Пію VII въ 1797 году и были поименно переписаны,—всѣ почти обѣднѣли.

Съемщики земель и угодій очень часто, въ папскомъ Римѣ, выходили изъ пекарей и владѣтелей хлѣбопекаренъ (forni), что составляло привилегію. И до сихъ поръ еще эти *форни*—«очаги»—попадаютъ вамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Рима. Кромѣ сельскаго барышничества—«мерканти» занимались подрядами у казны и всякихъ духовныхъ учреждений. Вмѣстѣ съ ними наживались и «агенты». Такъ звали въ папскомъ Римѣ всякихъ маклаковъ и крупныхъ, и мелкихъ, которые хлопотали по дѣламъ какого-нибудь «князя церкви», капитула, монастыря или цѣлыхъ учреждений Ватикана. При такихъ порядкахъ процвѣтали, конечно, и ростовщики, и ростовщичествомъ не пренебрегали даже крупные банкиры и дворяне, модъ шумокъ, черезъ подставныя лица.

Торговныя солидныя фирмы отъ отца къ сыну въ старомъ Римѣ считались рѣдкостью. Иностранцевъ, даже евреевъ, предпочитали въ дѣлахъ «добрымъ» католикамъ. У кого заводились деньжонки—удары ч сейчасъ въ барышничество, бралъ въ аренду земли, спекулировалъ, на что придется, или покупалъ доходные дома.

Буржуазія, считавшая себя коренными римлянами, жила гораздо тише, чѣмъ во Франціи или Германіи. Экипажъ, ложа въ оперѣ и вилла за городомъ: безъ этого ихъ семейства не могли бы

подражать большимъ господамъ; а всё тогда тянулись за барскими фасонами. Молодежь въ буржуазіи все больше и больше фрондировала противъ папскаго гнета. Ни іезуитскія школы, ни запретъ, лежавшій на газетахъ и книгахъ, ничто не могло бороться съ духомъ времени, такъ что теперешніе приверженцы Ватикана, производящіе клерикальную пропаганду, съ цѣлью повалить итальянское правительство, были тогда—тридцать и больше лѣтъ назадъ—либералами и продолжали считать себя потомками «квиритовъ», мечтать о древнеримской свободѣ или, по крайней мѣрѣ, о временахъ Боло ди-Ріенци.

Между промышленнымъ классомъ и массой мелкаго люда стояли профессіи судейскихъ дѣльцовъ и врачей—болѣе независимые отъ духовнаго міра, державшаго подъ своей ферулой педагогію во всѣхъ заведеніяхъ, отъ *Сатіенцы* до народныхъ школъ. Были два сорта судейскихъ дѣльцовъ—стряпчіе, которыхъ звали *куріали*, и правовѣды, т.-е. адвокаты, въ теперешнемъ смыслѣ. При общей тогдашней страсти къ сутяжничеству въ дворянствѣ и богатой буржуазіи, и особенно въ нѣкоторыхъ титулованныхъ фамиліяхъ, папскій Римъ былъ полонъ стряпчихъ и присяжныхъ повѣренныхъ. Тяжбы велись годами и десятками лѣтъ, въ разныхъ трибуналахъ, гдѣ царил секретная процедура, гдѣ взятка и волокита держались не менѣе упорно, чѣмъ въ московскихъ приказахъ XVII вѣка. Нѣкоторые законники и крючкотворы славились тѣмъ, что никто не могъ вести съ успѣхомъ никакого процесса съ папской казной, если дѣло попадало въ ихъ руки. Въ тридцатыхъ годахъ умеръ въ званіи начальника того хозяйственнаго папскаго учрежденія, которое и до сихъ поръ зовется *Dateria*—аббатъ Доменико Сала. Его звали за всесильное крючкотворство *чернымъ папой*, какъ теперь зовутъ иногда генерала іезуитовъ.

И классъ нотаріусовъ въ старомъ Римѣ имѣлъ сомнительную репутацію. Ихъ было слишкомъ много—все изъ-за страсти коренныхъ римлянъ къ сутяжничеству, къ составленію актовъ и скрѣпленію документовъ.

Но ни въ чемъ такъ не сказывалась барски-церковная суть жизни стараго Рима, какъ въ обиліи челяди, лакеевъ, посыльныхъ, кучеровъ, конюховъ и всякихъ приживальщиковъ, изъ того класса, который поляки зовутъ «офиціалистами». Изъ народной массы и мелкаго мѣщанскаго люда набирали этотъ громадный классъ прислуги въ папскомъ Римѣ. И она, еще и до сихъ поръ, проникнута характерными свойствами римскаго плебса, отшлифованнаго въ палаццо баръ и кардиналовъ, испорченнаго погоней за подачками (*шансія*); по своимъ замашкамъ, жаргону, умственной бойкости, пронырству и безпоря-

дочности—подобіе того плебса, который жилъ вѣками на счетъ цезарей и честолюбивыхъ богачей.

И теперь всякій, кто объявитъ въ газетахъ, что даетъ за мѣсто выѣздного сто лиръ—получить нѣсколько сотъ предложений; а въ папское время довольно было и десяти скуди. Коренные признаки прислуги мало измѣнились съ той эпохи. Природный римлянинъ, служащій въ «хорошихъ домахъ» — ловокъ, услужливъ, льстивъ, когда желаетъ подслужиться, очень самолюбивъ и обидчивъ, а потому легко можетъ перейти и въ грубый тонъ, весьма широкихъ взглядовъ на барское добро, интриганъ, франтоватъ, но не чистоплотенъ. Теперь, въ свѣтскомъ домѣ, особенно у иностранцевъ, вы уже не увидите старыхъ лакеевъ съ плохо бритымъ подбородкомъ и сомнительнымъ бѣльемъ, но тридцать и сорокъ лѣтъ назадъ, при обиліи лакейства, и за кардинальскими раззолоченными каретами ставвали лакеи, напоминавшіе наши порядки временъ Фамусова.

Въ лакейскихъ семьяхъ, служившихъ изъ рода въ родъ князьямъ и кардиналамъ, сохранились традиціонныя приемы, какихъ теперь уже нигдѣ не сыщешь, развѣ у англійской прислуги въ аристократическихъ домахъ. Но вы вездѣ чувствуете, отъ Ватикана до буржуазной квартиры, что надо совать въ руку такъ же часто, какъ и въ Россіи. Существуютъ еще термины вродѣ *Cappanere* и *Decano*—для обозначенія разныхъ обязанностей прислуги. Ея всегда больше въ домахъ, гдѣ принимаютъ, чѣмъ въ Германіи и во Франціи. А у кардиналовъ и до сихъ поръ камердинеръ имѣетъ доходъ со всѣхъ елленотовъ его эминенціи, обращающейся къ ней по дѣлу. Въ барскихъ домахъ служители поздравляютъ господъ съ разрѣшеніемъ отъ бремени синьоры, и въ прежнее время награда шла на весь штатъ прислуги. И въ прислугѣ поддерживается отъ поколѣнія къ поколѣнію тотъ насѣшливый, скептический духъ, которымъ полно трастевринское провинціальное общество, — остроты надъ господами за глаза—наслѣдіе плебса, который и триумфатора вышучивалъ тутъ же, толпясь около его побѣдной колесницы.

Что же, наконецъ, считать коренной *народной* массой Рима?

Въ послѣднюю четверть вѣка былъ такой приливъ трудового населения въ стѣны вѣчнаго города, что потомки если не квиритовъ, то и а составляютъ въ ней еще меньшій процентъ, чѣмъ стародавній едній классъ.

И что такое народъ въ теперешней столицѣ Италіи? Мелкій люда всякаго рода. Его—на наше мѣрило—нельзя считать «рабочимъ классомъ». Онъ скорѣе подходит къ нашему термину: посадские ищущіе. Пролетаріи, страдающіе безработицей, какъ мы видѣ-

ли, почти исключительно из пришлага люда. Иностранец можетъ, пожалуй, принять ихъ за римское простонародье, но мѣстный житель сейчасъ отличить настоящаго трастеверинца. Тамъ, въ кварталахъ по ту сторону Тибра, живетъ населеніе, издавна говорящее на «гопанеско». Тамъ сохранились и нравы, и типъ римскаго горожанина. Нужды нѣтъ, что любой подгородный обыватель, изъ Альбано или Фраскати, сельскій батракъ или пастухъ изъ римской Кампаньи говоритъ также на жаргонѣ и по своему типу, быту и правамъ мало отличается отъ городского населенія. Трастеверинецъ считаетъ себя создателемъ истиннаго римскаго діалекта. Знатоки увѣряютъ, что даже діалекты разныхъ урочищъ Рима и окрестностей отличны одинъ отъ другого. Но такія тонкости трудно доступны пріѣзжимъ.

«Romanesco» не одинъ только жаргонъ (*діалектомъ* его назвать врядъ ли можно), но *все* чисто-римское, мѣстное, бытовое, народное, все, что идетъ не отъ государства, не отъ власти, сената или курій, а снизу, отъ массы народа: языкъ, обычай, вино, всякіе сельскіе порядки, продукты, производство. Говорить по простонародному пріучаются дѣти всѣхъ римлянъ, даже и дѣти князей, если у нихъ кормилицы и няньки изъ народныхъ кварталовъ города или изъ его ближайшихъ окрестностей. Въ жаргонѣ римскаго обывателя буква *R* играетъ огромную роль. Онъ замѣняетъ ею вездѣ букву *L*. Онъ произноситъ «*er* (и даже *ar*) рара», вмѣсто «*il* рара». Но это не мѣшаетъ ему, когда онъ начинаетъ говорить на господскомъ языкѣ, проявлять необычайную звучность говора, музыкальность и пріятную вибрацію гласныхъ и согласныхъ. У него нѣтъ и въ поминѣ тосканскаго *x* вмѣсто *k* въ такихъ словахъ, какъ *casa*, *росо*, *cotto*. Онъ—поэтъ на своемъ діалектѣ, создатель пѣсенъ, прибаутокъ и даже цѣлыхъ былинъ, напр., изъ жизни трибуна Боло ди-Ріенци. И на его жаргонѣ оставилъ послѣ себя огромный литературный памятникъ народный поэтъ-сатирикъ Рима—Белли. Его имя, до сихъ поръ, мало у насъ извѣстно. Но намъ тѣмъ интереснѣе этотъ создатель цѣлой сатирической эпопеи, что Гоголь, съ конца тридцатыхъ годовъ, ознакомился съ его «сонетами», когда еще они ходили по рукамъ, въ запрещенныхъ тетрадкахъ. Можно предположить даже, что Гоголь былъ лично знакомъ съ этимъ характернымъ римляниномъ папской эпохи, который цѣлыя пятнадцать лѣтъ, до революціи 1848 года, безпощадно изображалъ въ своихъ сонетахъ (онъ оставилъ ихъ болѣе двухъ тысячъ) тогдашніе ватиканскіе порядки, ихъ вліяніе на нравственность народа, выкапывая всю подноготную трастеверинскаго быта. Онъ любилъ народъ; но показывалъ его такимъ, каковъ онъ есть. Всѣ его сонеты написаны какъ бы отъ лица простолюдиновъ въ раз-

говорной формѣ. Въ нихъ и можно найти богатѣйшій бытовой и психическій матеріалъ для знакомства съ тѣмъ, что и въ дурномъ, и въ хорошемъ составляетъ «гомапеско». Белли-сатирикъ не переставалъ быть либераломъ и даже противникомъ куріи все время, какъ сочинялъ свои сонеты. Но событія послѣ бѣгства Пія IX въ Гаету, провозглашеніе въ Римѣ республики испугали его, и онъ кончилъ пѣтизмомъ, на службѣ у куріи, и съ тѣхъ поръ писалъ только безвкусныя оды.

Народъ старыхъ римскихъ урочищъ, и прежде всего зарѣчныхъ кварталовъ, въ своихъ коренныхъ свойствахъ—почти тотъ же, какимы описывалъ его Белли. И до сихъ поръ любой трастеверинецъ считаетъ себя гораздо болѣе древнимъ римляниномъ, чѣмъ какой-либо простолюдинъ, даже изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ говорятъ провинціальными діалектами, въ которыхъ гораздо больше древне-латинскаго, чѣмъ въ его жаргонѣ. Онъ и по латыни-то произноситъ (когда молится на церковномъ языкѣ) по своему: *Deussè* вмѣсто *Deus*.

Нужды нѣтъ! Онъ еще мнитъ себя квириномъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ живетъ съ незапамятныхъ временъ въ городѣ, гдѣ все говоритъ о его всемірномъ величіи и славѣ, гдѣ слѣды древности на каждомъ шагу, гдѣ буквы *S. P. Q. R.* все еще видны на всѣхъ зданіяхъ, надписяхъ, афишахъ, объявленіяхъ городской управы. Истый трастеверинецъ еще считаетъ весь городъ *своей* собственностью. Улицы, церкви, ворота, внутренніе дворы домовъ, даже виллы богачей—все это должно быть къ его услугамъ, какъ нѣкогда весь Римъ доставлялъ ему и їду, и развлечения. И въ его жизни многое указываетъ, по сіе время, на древніе обычаи римлянъ. Всякій, кто хоть немножко присмотрится, увидитъ эти пережитки, дьящіяся тысячелѣтія. Народъ, до сихъ поръ, считаетъ смертельной обидой выраженіе «лишить огня и воды», онъ все еще разукрашиваетъ свои лавочки на античный ладъ, все еще у каменьщиковъ, когда они шабакаютъ вечеромъ, мальчикъ, котораго зовутъ «merlo», поетъ особую пѣсню древняго напѣва, все еще держится обычай особымъ образомъ обращаться съ тяжестью, при постройкахъ, ставитъ лѣса, носитъ все на головахъ—и воду, и бѣлье, и дрова. И также простолюдинъ драпирруется въ свой плащъ, напоминающій тогу и носить обувь, напомиющую сандалии. Этотъ пережитокъ одежды еще характернѣе у люлянъ римской Кампаньи, чѣмъ у самыхъ *истыхъ* римлянъ въ городѣ. А психическіе пережитки—всѣ налицо у римскаго простолюдія, даже у тѣхъ, кто въ послѣднюю четверть вѣка сталъ уже мелкимъ буржуа, значительно утратилъ народный складъ въ одеждѣ, комнатно-обстановкѣ, образѣ жизни, развлеченияхъ.

Это, во-первыхъ, при скептическомъ и насмѣшливомъ умѣ—сухая страстность, задоръ самолюбія, склонность къ кровавой расправѣ и отсутствіе состраданія къ животнымъ, которыхъ дѣти мучать съ утопченной жестокостью, а взрослые, походя и злобно, бьютъ. Нравы квиристовъ, абсолютная власть родителей, повиновеніе власти, поддержка, непоколебимая стойкая храбрость—все это утратилось; а болѣе низменные инстинкты и склонность къ горделивому приниженію всего того, что не римское,—еще живутъ, вмѣстѣ съ *положительнымъ* отгѣнкомъ религіознаго чувства. Римскій простолюдинъ ни мало не мистикъ. Онъ—прямое отродье того плебса, который жилъ въ тѣнѣ культа, основаннаго на суевѣрїи и замаливанїи боговъ, не вызывая высшихъ этическихъ порывовъ души. И теперь онъ почти такъ же суевѣренъ. Онъ вѣритъ сонникамъ, кабаллѣ; гадаеть о выигрышныхъ номерахъ лотò, у него сотня примѣтъ, въ особенности дурной глазъ, и слово «jettatore» совсѣмъ не пустой звукъ, не только у простого люда, но и въ богатой буржуазїи, и въ барскихъ салонахъ. Мнѣ указывали на жену одного сановника, которая считается такимъ «jettatore», приносящимъ всюду неудачу и бѣду.

Что же еще составляетъ отличительныя черты «*romanesco*» въ быту римскаго простолюдья?

Яркость одежды, огромныя пряжки и серьги, у мужчинъ—короткіе штаны, на колѣняхъ непремѣнно незастегнутые на одну пуговицу, шнуровки корсетовъ, отдѣлки шляпъ и цѣлыя одѣяла на головахъ женщинъ, сложенные въ видѣ пакетовъ, длинныя булавки въ волосахъ и гребни—все это *romanesco*. Теперь всѣ эти народныя моды переходятъ болѣе къ подгороднымъ крестьянамъ, батракамъ, винодѣламъ, натурщикамъ и натурщицамъ; но идутъ всѣ эти повадки отъ коренныхъ римлянъ. Во всемъ этомъ есть отгѣнки, по зажиточности и положенію, въ известной градаціи, отъ того, кого зовутъ «*Eminente*» (или *Minente*) до простыхъ «*Vignaioli*», и вверхъ до чистогородскаго щеголя *Raino*—слово, до сей поры самое характерное въ римскомъ жаргонѣ, даже и въ буржуазїи, и въ интеллигенціи. Женщины въ Трастевере и въ ближайшихъ подгородныхъ мѣстностяхъ, при всей ихъ любви къ яркимъ цвѣтамъ, умѣютъ носить свои платья, юбки, передники. И римскіе шарфы и одѣяла не даромъ такъ восхищаютъ, до сихъ поръ, форестьеровъ.

Romanesco—въ образѣ жизни и поведенїи: шлянье по остерїямъ, долгіе разговоры за виномъ, самолюбіе, горделивость, склонность сей-часъ же трактовать каждаго свысока (*soverchiare*), чуть что—пускать въ ходъ ножи; но вмѣстѣ съ тѣмъ—особаго рода учтивость, рыцарство, отзывчивость на каждое ласковое слово или угощенїе, быстрый

ствѣтъ на всякое замѣчаніе, издѣвательство или болѣе легкая граціозная шутка—все это «gomanesco».

Работать надъ однимъ и тѣмъ же, копить, терпѣть несносный надзоръ—этого римляне не любятъ. Они во всемъ и всегда—сами по себѣ. Нищій, попрошайка, но съ чувствомъ независимости. Посмотрите на любого оборванца—какъ онъ стоитъ у стѣны, съ грязной курткой, непремѣнно на одномъ плечѣ, или лежитъ на солнцѣ, въ продранныхъ штанахъ и босой, какъ его жена на улицѣ вяжетъ или что-нибудь варитъ, или возится съ ребятишками, или болтаетъ безконечно съ сосѣдками, или бранится съ ними—есть что-то въ нихъ неутомимо-задорное, и чуть вы имъ не понравитесь—они васъ осмѣивать, тутъ же. А художники находятъ въ этомъ современномъ плебей и пластическія наследственныя черты, какъ ни у какого простонародья. Живописность посадокъ тѣла, движеній, одежды происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что они *не желаютъ дѣлать усилій*. Римскій простолюдинъ,—что бы онъ ни принялся дѣлать,—сохраняетъ въ движеніяхъ многое, что срослось съ нимъ, и это даетъ его позамъ и жестамъ красоту и благородство.

На то, чтобы знать жизнь римскаго простолюдина до тонкости—надо потратить нѣсколько лѣтъ, проводить круглый годъ на улицѣ, на рынкѣ, въ остеріяхъ, въ лавчонкахъ и квартирахъ обывателей старыхъ народныхъ кварталовъ, въ зарѣчной части города, въ окрестностяхъ *Piazza Montanala*, въ бывшемъ *Гетто*, на разныхъ окраинахъ и въ безчисленныхъ улочкахъ и закоулкахъ старыхъ центральныхъ мѣстностей Рима, гдѣ также кипитъ муравейникъ бѣдлаго и еле-еле достаточнаго люда.

По счастью, мнѣ удалось приобрести въ спутникахъ и собесѣдникахъ, одномъ природномъ римлянинѣ, другомъ иностранцѣ—двухъ драгоценныхъ руководителей и знатоковъ «gomanesco». О нихъ я уже упоминалъ. Одинъ изъ нихъ—педагогъ, «*dottore in lettere*»—читалъ мнѣ родъ лекцій о римскомъ простолюдинѣ. И онъ, и его пріятель—швейцарецъ Б., лекторъ римскаго университета, — считаются специалистами по сонетамъ Белли, на-ряду съ тѣмъ итальянскимъ ученымъ критикомъ, который впервые издалъ Белли съ своимъ біографическимъ предисловіемъ и комментаріями. Мой римлянинъ, интереснѣйшій спутникъ въ экскурсіяхъ по городу и его окрестностямъ, читалъ нѣсколько публичныхъ лекцій о простонародьѣ, какимъ оно являлось у Белли, и сталъ готовить большую монографію, гдѣ впервые раздѣлялъ богатѣйшій матеріалъ сатиръ Белли на множество отдѣловъ, исчерпывающихъ всю римскую жизнь при папахъ Григоріи XI — Пій IX до 1848 г. Его пріятель—швейцарецъ—сдѣлался его со-

перникомъ по тому же «argomento», какъ выражаются итальянцы. Онъ для поправленія здоровья пріѣхалъ почти юношей, студентомъ одного изъ университетовъ французской Швейцаріи, остался здѣсь, попалъ на тему о Белли, сталъ изучать его сонеты и римскій діалектъ, провелъ нѣсколько сезоновъ среди населенія Трастевере. Результатомъ всего этого явилась цѣлая докторская диссертація (на французскомъ языкѣ), гдѣ онъ беретъ своей темой нравы римскаго простолюдина, придерживаясь содержанія тѣхъ сонетовъ Белли, которые посвящены народу въ тѣсномъ смыслѣ.

Съ этимъ швейцарцемъ мы ходили въ тѣ дома, гдѣ живутъ пролетаріи, изъ пришлыхъ рабочихъ, оставшихся въ безпомощномъ состояніи, послѣ враха. Онъ—самый дѣятельный членъ общества, прирѣвующаго этотъ людъ и самъ, на маленькія средства, завелъ столярную мастерскую, гдѣ каждый получаетъ въ день минимальную плату въ полторы лиры.

Какъ протестантъ, человекъ другой расы, болѣе трудовой и чистой по своимъ нравамъ, онъ строже относится къ исконнымъ сторонамъ быта тѣхъ коренныхъ трастеверинцевъ, съ которыми жилъ, когда готовилъ свою диссертацію. Мой римлянинъ не находитъ столько темныхъ сторонъ въ этомъ быту. Онъ—не пуританинъ; но и не клерикалъ. И тотъ, и другой того мнѣнія, что отъ римскаго простолюдья, при его наслѣдственномъ темераментѣ—нельзя и требовать другихъ качествъ, при томъ 'долгомъ режимѣ, подъ которымъ онъ жилъ. Швейцарецъ, безпощадный къ «попамъ», доказывалъ, что они развращали народъ, дѣлая своими любовницами множество молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ они потомъ отдавали замужъ, что ханжеская благотворительность пріучала народъ къ тунеядству, а привычка шататься на разныя церемоніи и праздники развивала въ женахъ и дочеряхъ тщеславіе, страсть къ нарядамъ и вела, конечно, къ продажности. Насчетъ прошлаго и мой римлянинъ допускалъ все это; но онъ находитъ, что теперь нравы стали чище, что нѣтъ такого сообщничества мужей съ женами, тайно промышляющими собою, о какомъ говорятъ всѣ иностранцы, вплоть до конца пятидесятихъ годовъ, до книги Эдмона Абу и его нѣмецкихъ и англійскихъ современниковъ. Но дѣвушки — до сихъ поръ подъ надзоромъ. Обычай, по которому старшій братъ слѣдитъ за поведеніемъ сестры, еще въ силѣ. И если у брата нравъ холерическій—ей не сдобровать, или ея соблазнителью, или обоимъ вмѣстѣ. Швейцарецъ напиралъ на то, что народъ самыхъ ближайшихъ къ Ватикану кварталовъ держали въ постоянномъ невѣжествѣ, не открывали никакихъ техническихъ школъ, не создавали фабрикъ съ прочнымъ источникомъ заработка.

И въ этомъ онъ, конечно, правъ. Защитникамъ папскихъ порядковъ стоитъ только пройти по такой улицѣ какъ *Via dei Penitentiari*, ведущей отъ Lungara и Lungaretta (гдѣ тоже коренное трастевринское населеніе) къ Borgo S. Spirito, мимо госпиталя, гдѣ и при запахъ бывало слишкомъ по тысячѣ кроватей.

Казалось бы, тутъ, въ двухъ шагахъ отъ дворца его святѣйшества и св. Петра, — чего же бы стоило заняться, хоть малость, этими пролетаріями? Вѣдь у нихъ тогда было немногимъ больше вѣрныхъ заработковъ, чѣмъ теперь. Кто мѣшалъ приучать ихъ дѣтей къ школѣ, создавать изъ нихъ ремесленниковъ, а не вагабундовъ, нищихъ и уличныхъ торгашей со всякимъ дрянцомъ?

До сихъ поръ эта «Улица кающихся» и множество другихъ переулковъ и закоулковъ зарѣчной части города полны грязныхъ кокуръ: изъ всѣхъ оконъ висятъ тряпки; босые, чумазы ребятишки, безъ привора, въ школу не ходятъ, даже и при теперешнемъ даровомъ и какъ бы обязательномъ обученіи. Такая улица кающихся грѣшниковъ — живая вывѣска той заброшенности, въ какой были ближайшіе къ Ватикану подданные его святѣйшества. Городское представительство, гдѣ столько клерикаловъ, весьма равнодушно къ нуждамъ народа; но все-таки теперь нѣтъ уже той грязи и той заброшенности цѣлыхъ кварталовъ, какъ въ былое время, столь восхваляемое сторонниками Ватикана.

Одна русская дама, съ поддержкой богатыхъ американцевъ, устроила гѣчебницу для проходящихъ въ Трастевере, и надо походить туда, по утрамъ, чтобы видѣть, въ какихъ условіяхъ растутъ тамъ дѣти, сколько чахлахъ, золотушныхъ, съ ужасными кожными болячками и какой видъ у ихъ матерей, хотя онѣ еще и на ногахъ.

Швейцарецъ, говоря со мною о римскомъ мелкомъ людѣ, указывалъ мнѣ на то, что всѣ народные кварталы кипятъ не работниками, даже не мастерами, а торгашами. Что ни дворъ — то лавчонка, что ни десять шаговъ — то васъ останавливаетъ попрошайка, торгующая всякой дрянью. И въ этомъ опять-таки протестантъ видитъ прямое слѣдствіе вѣкового растлѣвающего режима. Бѣдный народъ жилъ только около поповъ и баръ. Прислуги, факиновъ, приживальщиковъ и кліентовъ всякаго рода полонъ бывалъ папскій Римъ. И вѣками въ насъ привычка къ болѣе легкому заработку, къ торговлѣ и всякаго рода гешефту. Потомуки евреевъ въ Гетто, до сихъ поръ, просятъ ядуть старымъ платьемъ, и въ ихъ кварталѣ лавчонки со всякой дрянью — на каждомъ шагу. Но вѣдь тоже вы видите въ Трастевере, между Lungara и Lungaretta, и во всѣхъ Borgo. Это почти сплошной рынокъ и лавчонки. А что не торгуетъ — пробавляется сдачей

комнать или поденной работой. И то больше около господь—прачки, кухарки, посыльные, носильщики. Вряд ли есть городъ въ мирѣ, гдѣ было бы больше прачекъ, чѣмъ въ Римѣ, и гдѣ полиція позволяла бы такъ безвозбранно вывѣшивать мокрое бѣлье изъ оконъ всѣхъ этажей—даже и у очень достаточныхъ лицъ. Казалось бы, при такой всеобщей домашней стиркѣ—прачкамъ нечего дѣлать; а онѣ вьшати по вѣчному городу и его пригородамъ.

При мягкомъ климатѣ, римскому простолюдину, его женѣ и дѣтямъ, живетъя всетаки легче и пріятнѣе, чѣмъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, или въ Петербургѣ и Москвѣ. Такихъ ужасныхъ пролетаріевъ вы не увидите здѣсь, какъ на лондонскихъ улицахъ и докахъ. До сихъ поръ семья можетъ жить въ порядочной высокой комнатѣ за два рубля въ недѣлю, полъ-литра вина стоитъ 3—5 су, въ кабачкѣ, гдѣ и кормятъ—«сисина гомана»—совсѣмъ не плохо, хотя въ ѣдѣ и мало мяса. Въ лавкахъ, гдѣ дѣлаютъ фриттуру за нѣсколько су, римскій пролетарій наѣстся жареныхъ въ тѣстѣ овощей и мозговъ, упишетъ цѣлую миску *спагетти*, а чуть у него завелся лишній билетикъ въ одну лиру, онъ спрашиваетъ себѣ вкуснаго ягненка или козленка, какъ его умѣютъ дѣлать только въ Римѣ. А сидитъ онъ на пицѣ св. Антонія—довольствуется финоками и грызетъ желтые бобы.

Вина онъ пьетъ больше, чѣмъ гдѣ-либо. Надо видѣть самому, какое количество боченковъ (объемомъ въ 10—15 литровъ) привозятъ ежедневно въ Римъ изъ его окрестностей. Водва не въ такомъ ходу. И слава Богу! И безъ того въ остеріяхъ ежедневно происходятъ схватки, и ножъ идетъ въ ходъ почти также, какъ во времена Гѣте, сто пятнадцать лѣтъ назадъ, когда онъ въ своемъ дневникѣ отмѣчалъ, что дня не проходитъ, чтобы не зарѣзали кого-нибудь, а то и двоихъ, и троихъ.

Вы выходите изъ дому, послѣ завтрака, и вдругъ на тротуарѣ—большія красныя пятна, еще не совсѣмъ высохшія.

— Пролитое вино!—говорите вы, вновь.

— Это кровавая лужа,—спокойно объяснитъ вамъ римлянинъ.

Въ зиму, при мнѣ, было нѣсколько такихъ убійствъ. И что не дѣлаетъ чести характеру народа—удары ножомъ очень часто наносятся сзади, въ спину. И рѣдко когда прохожіе ловятъ убійцу. Это все еще остатокъ разбойничества, когда съ атаманами шаекъ папское правительство вступало въ сдѣлки, и тѣ выговаривали себѣ свободу и кончали жизнь на службѣ святаго престола. Еще не такъ давно, въ пятидесятыхъ годахъ, каждый туристъ, любитель рѣдкостей, попадалъ въ ту тюрьму, гдѣ содержался бывшій атаманъ разбойниковъ и съ гордостью давалъ читать форестьеру списокъ душъ, отправлен-

ныхъ имъ на тотъ свѣтъ. Въ его спискѣ значилось 168 душъ. И всѣ сторожа и сами почитатели, изъ простонародья, съ великимъ почтениемъ взирали на него.

Эти предательскіе удары въ спину даются совсѣмъ не въ пьяномъ видѣ. На *via Tritone* въ сезонъ 1897—1898 гг. какой-то лажикъ безъ мѣста подбѣжалъ къ своему сопернику по ухаживанью и всадилъ ему ножъ въ спину, среди бѣлаго дня, и успѣлъ скрыться.

При такихъ традиціонныхъ поведеніяхъ—огромное потребленіе вина усиливаетъ любовный темпераментъ. Римлянка также влюблива, а, главное, ищетъ пристроиться во всѣхъ слояхъ общества—и въ палаццо, и въ закоулкахъ Трастевере. Нѣкоторые наблюдатели мелкаго мѣщанскаго и рабочаго люда утверждаютъ, что первобытность семейныхъ узъ въ немъ патриархальная. И мой добросовѣстный и строгій швейцарецъ, жившій не мало съ простонародьемъ, склоненъ считать кровосмѣшеніе возможнымъ фактомъ, и даже не братьевъ съ сестрами, а отцовъ съ дочерьми. И будто бы даже, если вы станете усовѣщивать такого отца, онъ наивно-звѣрски отвѣтитъ вамъ:

— У меня нѣтъ денегъ на любовницъ. Я пользуюсь чѣмъ могу.

Какъ видите, это посильнѣе нашего крестьянскаго снохачества!

Если даже въ иныхъ семьяхъ и существуютъ такіе библейскіе нравы, зато и мужчины и женщины совсѣмъ не бездушные и суровые отцы и матери. Они не умѣютъ воспитывать дѣтей, ведутъ ихъ грязно, не хлопочатъ о ихъ грамотности или ремеслѣ, но рѣдко бьютъ ихъ, готовые всегда накормить, и обходятся довольно мягко. Итальянцы вообще дѣтолюбивы и часто въ подчиненіи у женъ. И женщина Трастевере не лишена домовитости. Да и въ буржуазіи, и въ интеллигенціи она скорѣе хорошая, чѣмъ дурная жена. И давно уже наблюдательные иностранцы, писавшіе о римскихъ женщинахъ, полѣзла и больше назадъ, находили, что римлянкамъ недостаетъ, кромѣ образованія, болѣе достойныхъ и любящихъ мужей. Но въ простонародь и тогда было меньше супружествъ, на манеръ барскихъ, съ малымъ равнодушіемъ супруговъ.

Чтобы судить сколько-нибудь вѣрно о томъ, какъ голова римскаго простолюдина, создавшаго «гомапеско», всегда играла—надо ознакомиться съ сонетами Белли. Жаргонъ, на какомъ эти стихи всѣ мы слышали, кажется труднымъ только съ перваго раза. Грамматика ея есть обще-итальянская, съ нѣкоторыми вольностями произношенія и окончаній. Главная трудность—обиліе бытовыхъ словъ, существительныхъ въ «гомапеско», какъ настоящая его приправа.

Вотъ въ этомъ-то языкѣ, прибауткахъ, острокахъ, складѣ юморнаго и трагическаго настроенія и сказывается одаренность расы,

тотъ особый воздухъ Рима, который перерабатываетъ по-своему всякаго пришельца. Въ два-три поколѣнія онъ уже римлянинъ и говорить на діалектѣ. До сихъ поръ молодые люди, чтобы показать, что они уроженцы вѣчнаго города, болтаютъ между собою на *романеско*, хотя они учились въ лицейхъ (гимназіяхъ), университетѣ, и родители ихъ—богатые буржуа, чиновники, даже дворяне. Это—особый шикъ и какъ бы почетное отличіе, каковаго нигдѣ, въ остальныхъ столицахъ Европы, нѣтъ, кромѣ развѣ Вѣны, гдѣ и эрцъ-герцоги, случается, говорить нарочно вѣнскимъ народнымъ нарѣчіемъ.

Со временъ республики и имперіи идетъ слава плебса по части сатиры и ядовитаго юмора. Въ папское время, до конца XVIII вѣка, римскій *Pasquino* не переставалъ быть собирательнымъ выразителемъ римскаго язвительнаго ума. Такъ, какъ извѣстно, прозвали обломокъ античнаго торса, стоявшій на углу перекрестка, около *Piazza Navona*. На немъ, по утрамъ, появлялись памфлеты. И *Пасквино* (объясненіе этого имени до сихъ поръ занимаетъ археологовъ) отвѣчалъ *Marforio*: такъ звали фигуру какой-то рѣки (Дуная или Рейна), въ видѣ водяного бога. Теперь это скульптурное изображеніе—въ нижнемъ этажѣ Капитолійскаго музея.

Пасквино приобрѣлъ всесвѣтную славу. Его эпиграммы на протяжении цѣлаго вѣка и больше освѣщали отблескомъ настоящей народной правды сладости папскаго режима. Когда Римъ сталъ республикой, *Пасквино* говорилъ гораздо меньше. Но и изъ той эпохи сохранилось въ народной памяти много остротъ, въ томъ числѣ такая: въ театрѣ давали республиканское торжественное представленіе; двѣ гипсовыя статуи изображали французскую и римскую республики. Подъ первой была надпись: *Magna mater*; подъ второй—*Filia grata*. Трастевринецъ произноситъ *mangia* (ѣсть) какъ *манья* (манья). И сейчасъ пущень отвѣтъ одного римлянина другому на вопросъ, что это значить: *Mangia la madre, la figlia si gratta* (мать ѣсть, а дочь почесывается).

И при нападѣ Григоріи XVI и Пій IX *Пасквино* еще дѣйствовалъ; но теперь на торсѣ неизвѣстнаго бога или героя (кто говоритъ Геркулеса, кто Аполлона) уже не появляется бумажекъ со строчками сатирическихъ стиховъ. Простонародье, конечно, менѣе участвовало въ этомъ обличительномъ стихотворствѣ, чѣмъ другіе классы. Но въ немъ не умирало сатирическое настроеніе и теперь еще на каждомъ шагѣ даетъ себя знать. Всего безпощаднѣе римскій уличный плебсъ ко всякаго рода безвкуснымъ претензіямъ; каждый оборванецъ, если вы скажете ему противъ шерсти, сейчасъ же найдетъ отвѣтъ вамъ ѣдко и забавно. Даже нищенки-дѣвчонки и мальчишки острятъ

и отвѣчаютъ вамъ «въ контру», какъ говоритъ нашъ простой народъ въ городахъ.

Бто любитъ народныя поговорки и прибаутки, найдетъ ихъ цѣлый коробъ у римлянъ разныхъ урочищъ и въ Трастевере, и въ другихъ мѣстностяхъ. И многіе изъ этихъ выводовъ народной мудрости показываютъ, что римлянинъ никогда нѣжно не относился къ своей прекрасной половинѣ, хотя и часто обуреваемъ влеченіемъ къ женскому полу. Вотъ вамъ на выборъ нѣсколько поговорокъ, которыя вы услышите часто въ Римѣ и его пригородахъ — и всё противъ женщинъ:

«Le donne non danno altro in dono ch'il danno» (игра словъ: *danno*—даютъ и *danno*—ущербъ, зло)..

Или:

«Tre cose imbrantanno la casa: galline, cani, donne».

Или еще:

«Femina, vino e cavallo, mercanzia di fallo» («проходный товаръ», какъ говоритъ нашъ народъ).

И вотъ этотъ плебсъ, считающій себя коренными римлянами, живетъ, изъ года въ годъ, пробавляясь все тѣми же дѣлишками, торговлянкой, попрошайствомъ, а также и черной работой всякаго рода, почему не удивляясь, ожидая все чего-то въ будущемъ, равнодушный къ политикѣ и къ тому, кто имъ править, но мнящій себя равнымъ кому угодно, хотя онъ и оборванъ, и грязенъ, и невѣжественъ, и приученъ къ нищенству. Настоящаго чувства достоинства трудового и стойбаго народа онъ не можетъ имѣть; но горделивости, задора и извѣстныхъ остротъ у него всегда будетъ довольно. Онъ вѣками привыкъ смотрѣть на круглый годъ, какъ на чередованіе разныхъ денежныхъ и даровыхъ зрѣлищъ и праздниковъ. Придетъ новый годъ, будетъ *Vesana*, съ разными службами въ церквахъ, съ выставкой вертеповъ. Карнавала теперъ нѣтъ, но онъ всетаки рядится и ходитъ по остеріямъ и пьетъ свое «vino di Castilli». А постомъ заходитъ послушать проповѣди. Въ день св. Іосифа будетъ ѣсть особый папушикъ — испеченный на постномъ маслѣ, то, что у насъ называется «коурки». На святой, въ папское время, были церковныя зрѣлища и мнимоинація; да и теперъ они есть, хотя и не такія нарядныя. Но идетъ лѣто, онъ будетъ ходить за разными городскія ворота, сидѣть по кабачкамъ и пить свое вино. На Piazza Navona еще недавно вы скакали воду и можно было кататься на лодкахъ. Подоспѣваютъ все іе ягоды, плоды, въ особенности арбузы. А тамъ глядишь и помины покойниковъ на кладбищѣ *Campo Vesano* за Porta S. Lorenzo, а рече такой же кутежъ на *Monte Testaccio*. Придетъ Рождество

и покажутся на улицах пифферари. И круглый год онъ играетъ въ карты, въ отгадку на пальцахъ (шого) и въ шары (boscie).

Богда я припоминаю свое житье въ Римѣ, и весь сезонъ 1897—98 гг., съ октября по конецъ марта, проходитъ передо мною, я долженъ сознаться, что нигдѣ мнѣ не было жутко среди римскаго простонародья: не видалъ я никакихъ грязныхъ сценъ, всегда находилъ мужчинъ и женщинъ, изъ этого класса, чрезвычайно вѣжливыми и обязательными, и за всю зиму встрѣтилъ на моемъ пути лишь *одного* дѣйствительно пьянаго рабочаго. Но я не знаю: былъ ли онъ цотомокъ квиритовъ или нѣтъ.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВИКТОРА ГОМУЛИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго.

I.

Х а л а т ь .

До самой Яблонной все шло какъ нельзя лучше. Солнце свѣтило ясно, кони бѣжали доброй трусцою, пассажиры, тѣсняясь на маленькомъ пространствѣ, согрѣвали другъ друга.

Только отъ времени до времени кто-нибудь встряхивался, плотнѣе закутывался въ шубу и бормоталъ сэвзозъ зубы:

— Ну, ужъ собачій... чертовскій... анафемскій морозище!

Всѣ, за исключеніемъ меня, курили; большинство довольно часто отягивало изъ оплетенныхъ и неоплетенныхъ, плоскихъ и пузатыхъ трутлюкъ.

Расположеніе духа у всѣхъ было превосходнѣйшее. Всѣ разсказывали анекдоты, смѣялись, болтали. Заправило былъ молодой человекъ съ козьею бородкой, съ усами, концы которыхъ, благодаря персской помадѣ, обладали прекрасною формою мышиныхъ хвостиковъ.

Молодой человекъ былъ одѣтъ не ordinarily. На немъ былъ огромный бараній тулупъ, на ногахъ сапоги съ лакированными голенищами, а на головѣ войлочная шляпа зеленого цвѣта.

Его общественное положеніе не было ни для кого тайною. Еще въ Варшавѣ, едва онъ успѣлъ впаковаться между красно-фіолетовымъ арендаторомъ и апельсинно-багровою экономкою пробоща, какъ тотъ съ представился своимъ спутникамъ въ качествѣ «фармацевта».

Я знаю—почему, но въ концѣ каждаго своего разсказа онъ по какому обращался ко мнѣ и, плутовски подмигивая глазомъ, спрашивалъ:

Не правда ли, коллега?

Я молча утвердительно кивалъ головой, гордясь и вмѣстѣ съ тѣмъ темнаго смущенный фамиллярнымъ отношеніемъ такой выдающейся личности.

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ; значить, я находился въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ самъ не знаетъ, съ кѣмъ ему водить компанію, въ какую «категорію» зачислить себя.

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я носилъ титулъ шестигласника. Это тоже и титулъ, и положеніе довольно неопредѣленные. Учителя величаютъ меня «господиномъ», а хорошенькія дѣвчонки, на которыхъ осмѣлишься взглянуть на улицѣ, вслухъ обзываютъ «сѣрякомъ», «гимназистикой» и съ выраженіемъ презрѣнія смѣются мнѣ прямо въ глаза.

Я учился въ Варшавѣ только послѣднюю четверть, и это были первые праздники, на которые я, въ чуждомъ обществѣ, спѣшилъ къ своимъ. Спѣшилъ я какъ могъ, и благодаря послѣдности, которая приводила меня въ лихорадочное состояніе, выгадывалъ цѣлыя сутки.

Мысль, что я черезъ нѣсколько часовъ увижу свой домъ и свой городъ, безъ преувеличенія согрѣвала меня,—и это была единственная моя охрана отъ мороза. Нельзя же считать достаточною защитою легкую, подбитую вѣтромъ шинель, вязаный шарфъ и обыкновенныя резиновыя калоши.

Еслибъ я имѣлъ терпѣніе подождать до слѣдующаго дня, то изъ дому мнѣ прислали бы шубу, пледъ и валеныя сапоги. Кромѣ того, я поѣхалъ бы въ закрытой почтовой каретѣ, въ обществѣ избраннѣйшихъ пассажировъ и пассажирокъ, при веселыхъ звукахъ трубы, пробуждающей лѣсное эхо.

Но отложить на двадцать четыре часа блаженство, о которомъ я мечталъ цѣлую четверть года, я не согласился бы ни за что. Извѣстно всѣмъ, что въ ту пору, когда у человѣка впереди вся жизнь, онъ бываетъ удивительно нетерпѣливымъ, и самая трудная для него вещь, это—ожиданіе.

По милости этого нетерпѣнія я, вмѣсто того, чтобы быть въ среду на Краковскомъ Предмѣстьѣ, передъ «Старой Почтой», очутился во вторникъ на Воловой улицѣ, посреди широкой площадки постоялаго двора «Подъ Оленемъ».

Тамъ находилась главная станція омнибусовъ, бричекъ крытыхъ и открытыхъ, которыя еврейскіе предприниматели посылали по всѣмъ трактамъ, побѣдоносно соперничая съ почтою и желѣзными дорогами. Одно изъ главныхъ начальническихъ мѣстъ занималъ тамъ Юсьба, поддерживавшій постоянное товаро-пассажирское сообщеніе между Варшавой и городомъ П., куда собственно и лежалъ мой путь.

Съ ѡтнимъ-то Іосьюкой я и ѣхалъ, въ большой, крытой, тряской, дробежащей бричкѣ, переполненной людьми и товаромъ.

Дѣло не обошлось безъ затрудненій и нѣкоторыхъ уступокъ.

Чтобы столковаться съ Іосьюкой, возсѣсть въ его бричку и ѣхать домой такимъ плебейскимъ образомъ, я долженъ былъ поступить напереворъ многимъ своимъ если не убѣжденіямъ, то по крайней мѣрѣ вкусамъ.

А вкусы мои въ это время были необыкновенно прихотливы. Я переживалъ періодъ «эстетизма», приходилъ въ восторгъ отъ прекрасныхъ формъ, отъ изящной внѣшности, отъ впечатлѣній, пріятно возбуждающихъ на душу.

Это состояніе не представляетъ ничего особеннаго у мальчиковъ и дѣвочекъ въ пору созрѣванія, — у меня это явилось только раньше, чѣмъ у моихъ сверстниковъ.

Въ то время я былъ необыкновенно требователенъ и къ ѣдѣ, и къ одеждѣ, и къ знакомствамъ. Сладкіе пирожки я отыскивалъ только много-нибудь необыкновеннаго вкуса; мыло и помаду употреблялъ только необыкновеннаго запаха; шапку надѣвалъ передъ зеркаломъ и даже носилъ перчатки.

Изъ многочисленнаго круга товарищей до дружбы я допускалъ очень немногихъ. То были ученики, отличившіеся или успѣхами, или родовыми титулами, или щегольскою внѣшностью. Придя къ убѣжденію, что дурныя отмѣтки есть вещь не эстетичная, я сдѣлался пріемнымъ ученикомъ и энергично стремился къ завоеванію награды.

Поэзія приводила меня въ восторгъ, только поэзія красивая. Въ моихъ ушахъ вѣчно звучали думки Богдана Замескаго. И самъ передъ собою и на улицѣ, среди шума и грохота колесъ, я повторялъ строфы вродѣ слѣдующей:

Солнышко заходитъ
Въ тучкахъ золотистыхъ,
Потянуло паромъ
Отъ луговъ душистыхъ.

Въ звѣздномъ вѣнцѣ
Съ высотъ небесъ
Тихая ночь
Сходитъ на лѣсъ...

Она заставляла дрожать не только прекрасная картина, но даже и сѣлько-нибудь сносный рисунокъ. Каждый день, возвращаясь изъ школы, я останавливался передъ эстампнымъ магазиномъ, съ наслажденіемъ любуясь однѣми и тѣми же гравюрами и хромофотографіями.

Безобразіе во всѣхъ видахъ было мнѣ ненавистно и причиняло почти физическія мученія. Я не въ состояніи былъ учиться по грязной, плохо переплетенной, дурно напечатанной книжкѣ. Старыя, некрасивыя лица отталкивали меня. Разговаривая съ уродливою служанкою, я старался не смотрѣть на нее. Когда мнѣ приходилось подавать милостыню нищему, то я дѣлалъ это всегда съ закрытыми глазами, далеко бросая монету, чтобы не дотронуться случайно до грязной ладони и черныхъ, искривленныхъ пальцевъ.

Въ особенности мнѣ были противны жидовскіе кварталы. Такъ какъ въ школу мнѣ приходилось идти черезъ Гжибовъ, то я нарочно вставалъ пораньше и дѣлалъ большой крюкъ, чтобы только избѣгнуть прикосновенія съ обладателями лапсердаковъ...

Какую же муку такой эстетики долженъ былъ испытывать отъ общенія съ Юськой, отъ котораго за три версты несло лукомъ и конскимъ потомъ!

Несмотря на то, трехмильное пространство, отдѣляющее Варшаву отъ Яблонной, мы проѣхали довольно благополучно. Морозъ былъ, это правда; щипался онъ сильно,—внѣ всякаго сомнѣнія; но отъ сплошной массы тѣлъ и мѣховъ струились теплыя теченія, которыя смягчали рѣзкость холода. Притомъ,—а это самое важное,—вѣтеръ дулъ намъ въ спину.

Больше всего намъ доставалось отъ тюковъ, какіе Юська наткалъ въ передокъ, въ задокъ и въ бока своего помѣстительнаго экипажа. Какъ разъ за мою спину тряслась въ соломѣ большая голова сахару, словно коническій пушечный зарядъ, тонкій конецъ котораго былъ направленъ прямо на меня. Отъ времени до времени этотъ снарядъ ударялъ меня подъ лопатки, то слабѣе, то сильнѣе, словно хотѣлъ просверлить меня насквозь. Тогда я понималъ, какія ощущенія испытываетъ насквозное, когда юный естествоиспытатель прокалываетъ его тупой булавкой.

Привалъ въ Яблонной до нѣкоторой степени примирилъ меня съ судьбою. Почти цѣлый часъ я просидѣлъ въ теплой комнатѣ постоялаго двора, не чувствуя за собою головы сахара и не видя передъ собою лохматой головы Юськи и его огромной, грязной, отрепанной шапки.

Эту комнату постоялаго двора я очень любилъ. Она всегда казалась мнѣ торжественно прекрасною,—то ли зала въ старомъ замкѣ, то ли капелла. Въ каждую пору года, въ каждый часъ дня въ ней царствовалъ полумракъ. Собственно это и вызывало торжественное настроеніе.

Пассажиры обыкновенно сидѣли молча, вели себя прилично, и

сдержанно, какъ въ залахъ перваго класса желѣзной дороги. Тамъ никогда не раздавалось ни громкаго смѣха, ни буйнаго возгласа.

На буфетѣ, мрачнѣе и серьезнѣе, стояли большія чучела птицъ. За буфетомъ же сидѣла прекрасная, блѣдная, благородно-грустная дама. Распоряженія прислугѣ она отдавала однимъ только движеніемъ устъ; голоса ея мнѣ никогда не пришлось услышать. Ее окружали странныхъ формъ сосуды изъ серебра, бронзы, хрустала; пучки сухихъ травъ и цвѣтовъ красовались за нею въ темныхъ вазахъ и гипнотизировали всѣхъ своею сонною, окаменѣлою неподвижностью. Когда эта дама звонила, то звонокъ издавалъ какіе-то необычайные звуки, таинственные, я сказалъ бы—благочестивые, какъ полуночный звонъ въ пустыни камедуловъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, въ то время это представлялось моимъ чувствамъ и моему воображенію.

Мое возбужденное настроеніе еще больше поддерживали два обстоятельства, хотя и совершенно противоположнаго характера.

Во-первыхъ, для меня вся Яблонная была тѣсно связана съ княжно-рыцарскимъ образомъ князя Юзефа Понятовскаго. Изъ окна восточнаго двора я смотрѣлъ на желѣзныя ворота, замыкавшія рѣшотку, которая ограждала его паркъ. У воротъ лежали два огромныхъ каменныхъ ядра, а сквозь рѣшотку виднѣлась сливающаяся въ пересвѣтивѣ аллея обнаженныхъ деревьевъ, застывшихъ отъ мороза. Мнѣ не разъ представлялось, что изъ тумана, окутывающаго глубину парка, безшумно выплываетъ бѣлый лебедь княжескихъ саней, а за ними слѣдуетъ молодой человекъ въ буркѣ, съ небольшими бакенбардами на румяномъ лицѣ, съ глазами, мечущими молніи...

Другимъ обстоятельствомъ, возбуждавшимъ меня, былъ фактъ,—а можетъ быть и не фактъ, а сплетня,—что буфетъ въ Яблонной держатъ двѣ сестры-балетчицы. Для пятнадцатилѣтняго эстета, балетчица, ballerina, представлялась чѣмъ-то неземнымъ. Меня однажды ввели въ театръ на волшебный балетъ, и я съ тѣхъ поръ проникся убѣжденіемъ, что танцовщица—нѣчто среднее между Свитезянкой Мицкевича и Нимфой Вергилія...

Темныя, высокія двери слегка скрипнули; показался Юська, граблѣный отъ холода, въ длинной, поношенной свиткѣ, съ бичомъ въ рукѣ и т. д.

Холодно-о-о,—протянулъ онъ, обращаясь какъ бы ко всѣмъ въ присутствіи ни къ кому.

него никто даже и не посмотрѣлъ.

Онъ задвигалъ тяжелыми сапожищами, ступнулъ нѣсколько разъ бичомъ о полъ, какъ бы для того, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Холодно-о-о... страсть какъ холодно,—повторилъ онъ немно- го громче, но всетаки съ прежней робкой покорностью.

Быль ли я догадливъе, или только наивнѣе своихъ глухихъ и молчаливыхъ спутниковъ, но только я догадался, что иззябшій воз- ница напрашивается на угощеніе. Я охотно приказалъ бы подать ему чаю съ ромомъ, кусокъ хлѣба съ мясомъ... что же дѣлать, коли онъ былъ такъ омерзительно безобразенъ, неопрятенъ, неотесанъ!

Я поспѣшно отвернулся къ окну, чтобы не смотрѣть на него. На- пряженнымъ, нетерпѣливымъ взоромъ я всматривался въ глубину аллеи, не покажется ли тамъ княжескій лебедь...

Бъ Іосѣбъ подошелъ слуга и съ силой ухватилъ его за плечо.

— Жыдамъ сюда входить воспрещается,—заявилъ онъ рѣши- тельнымъ голосомъ.

— Ну что-жь, я уйду,—сказалъ возница съ покорностью.— Господа, пожалуйста въ бричку,—прибавилъ онъ, обращаясь къ сво- имъ пассажирамъ,—пора ѣхать.

Сейчасъ же за Яблонною дорога изгибается чуть не подъ прямымъ угломъ. Вслѣдствіе этого вѣтеръ, который дулъ намъ въ спину, те- перь началъ донекать сбоку. Вѣтеръ былъ не сильный; лѣтомъ мы назвали бы его «зефиромъ» и навѣрно съ удовольствіемъ подставля- ли бы навстрѣчу ему свои разгоряченные лица; но при морозѣ свыше десяти градусовъ каждое привосновеніе такого зефира равнялось при- косновенію раскаленного желѣза.

Мои спутники съ головами погрузились въ свои теплыя шубы, а воротникъ моего пальто едва закрывалъ мои уши. Кромѣ того, и въ бричкѣ не было такъ тепло и тѣсно, какъ прежде,—часть пассажи- ровъ вышла въ Яблонной, и на сидѣньяхъ образовались промежутки.

И острота сыпалась меньше, и смѣхъ какъ-то утихъ. Экономка пробоща страдала флюсомъ. Отъ времени до времени она проявляла свои страданія подавленнымъ стономъ, который изъ-подъ многихъ наслоеній шалей, платковъ, платочковъ и косынокъ вырывался какъ бы изъ-подъ земли. Она только раскачивала головою то вправо, то влево и поднимала глаза къ небу.

Удостоверившись, что лицо, къ которому онъ обращаетъ рѣчь, не услышитъ его, молодой человекъ съ козьею бородой и мышиними усиками отважился на слѣдующій совѣтъ:

— Усерднѣйше совѣтую вамъ наполнить пустой зубъ холодною водою, сѣсть на раскаленную плиту и не вставать до тѣхъ поръ, пока вода въ зубѣ не закипитъ. Опытъ этотъ нужно повторить три раза: потомъ и флюсь, и самый зубъ отправятся къ чорту...

Онъ метнулъ на меня быстрый взглядъ.

— Не правда ли, коллега?

И затѣмъ тотчасъ нырнулъ въ необъятную шкуру своего барана.

Стало немного веселѣе. И тотъ, и другой изъ пассажировъ сдѣлалъ въ Яблонной свѣжій запасъ «утѣшительницы», и вновь послышалось пріятное для слуха бульбульканье жидкости, переливаемой въ горлышко бутылки въ горло человѣка.

Сдѣлалъ глотокъ худой, молчаливый мѣщанинъ, отеръ краснымъ платкомъ горлышко бутылки и передалъ ее арендатору; арендаторъ потянулъ тоже и передалъ фармацевту; фармацевтъ потянулъ разъ, другой, чмокнулъ и даже свистнулъ почему-то.

— Очередь коллеги, — поощрительно обратился онъ ко мнѣ. — Не повредить, — слово аптекаря...

Можетъ быть, я и поддался бы искушенію, но до меня долетѣлъ яблочный запахъ анисовки.

— Благодарю, — отвѣтилъ я, — я не пью простыхъ водокъ.

Аптекарь высоко поднялъ брови, нѣсколько разъ потянулъ козьею бородкой и молча отдалъ бутылку назадъ мѣщанину.

— Язвы Христовы! Святая Вероника!... — зашѣла въ это время шовонжа пробоща, къ которой вдругъ возвратился и слухъ, и даръ слова. — Какъ же можно такого деликатнаго мальчига такою, прости Господи, гадостью угощать!... У меня есть кое-что получше. Отецъ пробощъ угощаетъ этимъ барышень, когда онѣ приходятъ къ нему въ гости.

Она достала изъ саквояжа небольшую бутылку гольдвассера и маленькій, рѣзной стаканчикъ, потомъ налила густой сладкой жидкости, въ которой сверкали пластинки сусального золота.

— Бушайте, господинъ студентъ, на здоровье.

Цвѣтъ, запахъ, а въ особенности блескъ кусочковъ золота, искрившихся на солнцѣ, подѣйствовали на мое воображеніе.

Не раздумывая долго, я протянулъ руку за стаканчикомъ и выпилъ. Мнѣ сдѣлалось теплѣе, а это мнѣ было такъ необходимо.

— А отчего вы, господинъ студентъ, такъ налегтѣ? — спросила меня обладательница гольдвассера, краснорѣчивымъ взоромъ окидывая мою шинель, ладно скроенную, но всетаки подбитую вѣтромъ. — Про гудиться можно, сохрани Господь!...

- Э! — отвѣтилъ я съ притворнымъ легкомысліемъ. — Со мною ничего не будетъ. Я привыкъ. Наконецъ, — солгалъ я, для спасенія своей репутаціи, — внизу подо мною шуба.

выпятилъ губы и протяжно выпустилъ дыханіе, какъ это дѣлаютъ люди, которымъ стало жарко.

Экономка покачала головою, смежила очи и вновь погрузилась въ прежнее оцѣпенѣніе, прерываемое столами.

Морозъ все крѣпчалъ, а ѣхали мы все медленнѣе и медленнѣе. Лошади, кормленныя жидовскою соломою, уже исчерпали свой запасъ энергіи и фантазіи, и теперь не бѣжали, а шли почти шагомъ, спотыкаясь и скользя на каждомъ шагу.

День, какъ это обыкновенно бываетъ въ декабрѣ, быстро утасалъ. Солнце раскраснѣлось, разъискрилось; длинныя, косые лучи пурпурнаго свѣта скользили по ослѣпительно бѣлой, стевлянной поверхности пустыхъ, безбрежныхъ полей.

Въ воздухѣ плясали, подобно брилліантовой пыли, маленькія снѣжныя звѣздочки, которыя подъ лучами солнца отливали золотомъ и багрянцемъ. Меня восхищала эта пляска, восхищала игра цвѣтовъ, я слѣдилъ взглядомъ за искорками, и старался проникнуть туда, гдѣ линія горизонта, окрашенная огнемъ заката, сливалась съ небомъ, на которое падалъ млечный отблескъ снѣга.

Это позволяло мнѣ забывать о жестокомъ холодѣ, объ иглообразныхъ уколахъ мороза, о томъ, что мы не сдѣлали еще и половины дороги, а лошади мало-по-малу замедляютъ свой шагъ.

Тѣмъ временемъ алкоголь дѣлалъ свое дѣло.

Мѣщанинъ, до сихъ поръ молчаливый, какъ рыба, вдругъ разговорился и несъ какую-то околесину о «жидахъ-отщепенцахъ», о поросенкѣ, котораго загрызла собака комиссара. Все это онъ закончилъ громкимъ пѣніемъ рождественской пѣсни.

Арендаторъ съежился и опустилъ уши. Вѣроятно, онъ обладалъ тою особенностью, которую французы называютъ *le vin triste*. Въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, полныхъ меланхоліи, онъ жаловался на «собачьи времена», на «подмыя цѣны», на «страшный помѣщичій гнетъ», на «жидовскихъ пьявокъ»...

Фармацевтъ сдѣлался еще разговорчивѣе.

— Я на вашемъ мѣстѣ, — доказывалъ онъ земледѣльцу, — разводилъ бы только барановъ. Бараны даютъ самый большой доходъ. Профессоръ Гансъ Петеръ Пиперментъ изъ Дюссельдорфа доказалъ, что баранъ, если только ему предоставитъ кусокъ соли для лизанья и вдоволь воды для питья, ничего другого не требуетъ. А теперь считайте могущія быть выгоды. Я стригу барана и получаю шерсть, изъ шерсти сукно, изъ сукна платье для себя и для своихъ дѣтей. Я снимаю съ него шкуру вмѣстѣ съ шерстью, и становлюсь обладателемъ прекрасной шубы, вотъ такой, на примѣръ, какъ эта. Я дою его...

— Барана? — изумился шляхтичъ, тараща круглые глаза.

— Барана или его жену, въ сущности это одно и тоже. Итакъ, я дою его и получаю молоко, а изъ молока превосходнѣйшій сыръ. Наконецъ, я зарѣзываю почтенное существо и тогда погружаюсь въ море блаженства. Нашъ славный проповѣдникъ, коендъ Сварга, прекрасно выразился объ этомъ: «Все — ничто въ сравненіи съ вѣчностью, но и вѣчность ничто въ сраненіи съ бараниной съ чеснокомъ». Бромъ мяса, я получаю сало. Я несу сало въ аптеку, продаю его и получаю огромныя деньги. У меня остаются еще ноги, рога и кости. Ванна изъ бараньихъ ногъ прописывается маленькимъ дѣтѣмъ; изъ тѣхъ же ногъ можно приготовить отличный студень. Рога у меня покупаетъ пуговичная фабрика. Изъ костей я готовлю клей, такъ необходимый въ хозяйствѣ. Вы думаете, что на этомъ и конецъ?... А шкурка? А кипочки? Изъ шкурки вырабатывается перламентъ; изъ кипочковъ для меня дѣлаютъ струны, которыя я натягиваю на скрипку и играю мазурки и вальсы, успокоивая всѣ свои скорби и отгоняя прочь заботы..

Въ эту минуту мы остановились передъ большимъ каменнымъ домомъ. Мы доѣхали до Зегжа, который называется также Загробани. Последнее названіе какъ-то особенно жалобно звучитъ въ моихъ ушахъ.

Я любилъ этотъ городъ, хоть не любилъ его постоялаго двора. Городъ былъ чудесный, благодаря близости рѣки, — моей любимой «голубой» Нарви, а постоянный дворъ казался отвратительнымъ, — въ немъ всегда чувствовалась сырость, затхлость, запустеніе.

Солнце догорало. Багрянецъ его уже померкъ, яркость ослабѣла. Оно потускнѣло на подобіе глаза, затянутого катарактомъ, и погружалось въ разноцвѣтные туманы. На него уже можно было смотрѣть не мура глазъ; оно напоминало повергнутого на землю, умирающаго пшанта, не страшнаго уже ни для кого.

Туманъ на западѣ походилъ на шелковую шаль, съ которою играть танцующія баядерки. Шаль эта была цвѣта утренней зари, цвѣта морской воды, цвѣта только что распустившейся сирени. Казалось, она волнуется на подобіе расколыхавшагося моря; казалось, при дикомъ невидимыхъ танцовщицъ, она то свертывается, то развертывается причудливыми складками.

Нало-по-малу всѣ эти краски, дрожація, воздушныя, легкія, начали сливаться въ одну, въ розово-фіолетовую. Сначала фіолетовый цвѣтъ былъ только холодень; потомъ съ необыкновенной быстротою онъ смѣнялся и застывалъ, переходя въ тона стальные, могильные, темные, сдѣлался такимъ морознымъ, что становилось больно и глазамъ и душѣ...

Я съ ужасомъ закрылъ глаза. Мнѣ показалось, что тамъ, въ вышинѣ, уже все, все замерло.

Когда я вновь открылъ ихъ,—какая переѣвна! За минуту до того могильная пустыня пространства искрилась миллиардомъ огоньковъ, и каждый огонекъ былъ отдѣльнымъ міромъ, и каждый міръ взывалъ чрезъ бездны эфира: «Я живу!»...

Мой духъ, можетъ быть, полудѣтскій, но тѣмъ болѣе чуткій и болѣе близкій къ Богу, поднялся до высотъ, до которыхъ еще не возносился никогда. Я испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто у меня выросли крылья и какъ будто почва исчезаетъ подъ моими ногами...

— Паничъ! Юська водки бы выпилъ!—прозвучало у меня надъ ухомъ.

Я вздрогнулъ, какъ лунатикъ, когда онъ босякомъ наступилъ на мокрую простыню, и убѣжалъ на постоянный дворъ.

А тамъ фармацевтъ, моргая глазами, тряся козьею бородкой, шевеля мышинами хвостиками, уже кричалъ на арендатора, а тотъ, раскраснѣвшійся, какъ піонъ, сонно кивалъ надъ недопитымъ стаканомъ чая съ ромомъ.

— Что мнѣ ружье!—горячился фармацевтъ.—Ружье—это предразсудокъ, обломокъ варварскихъ временъ! Теперь, смотрите, гдѣ мы держимъ весь арсеналь.

Онъ разстегнулъ куртку, всунулъ два длинныхъ, худыхъ пальца въ жилетный карманъ и вытащилъ оттуда маленькую, овальную корбочку.

— Pululae... Triginta duo...—прочиталъ онъ, постукивая пальцемъ по крышкѣ коробки.—Тридцать двѣ пилюли—это значитъ тридцать два трупа. Трупа волчьихъ, лисьихъ, медвѣжьихъ, леопардовыхъ—по вашему выбору. Одна пилюля на персону. Запить сахарною водой и соблюдать діету.

Арендаторъ ничего не слышалъ, занятый отвѣшиваніемъ поклоновъ передъ стынувшимъ чаемъ. Поклоны становились все болѣе глубокіе, все болѣе подобострастные; наконецъ, при одномъ изъ нихъ чело пана арендатора стукнулось о край стола, а самъ онъ пробудился и на всю комнату заоралъ:

— Что это? Сиропъ?

— Пожалуйте, господа, въ бричку, пора ѣхать!—заявилъ Юська, стоя въ открытыхъ дверяхъ съ длиннымъ бичомъ въ лапѣ, фіолетовый отъ холода, дрожащій, какъ въ лихорадкѣ.

О смягченіи каменныхъ сердецъ пассажировъ онъ на этотъ разъ и не думалъ.

Въ бричкѣ мы очутились вчетверомъ. Выбыла обладательница гльдассера, которую въ Зегжѣ ожидали лошади пробоща. Зато Юскъ приобрѣлъ двухъ бородатыхъ, необычайно разговорчивыхъ то-мрищей. Тройка на козлахъ согрѣвалась отчаянной жестикуляціей, а также сожиганіемъ въ большихъ фарфоровыхъ трубкахъ зелья, именуемаго табакомъ «Трехъ волхвовъ» (почему не «сорока разбойниковъ?»).

На дворѣ стояла полная ночь, когда мы двинулись. Необычайная тишина царяла на всемъ пространствѣ, которому, казалось, не было ни конца, ни краю. Въ этой тишинѣ всякій самый обыкновенный ударъ копыта о мерзлую землю равнялся грому, каждый скрипъ снѣга подъ колесами казался какимъ-то крикомъ.

Сверху вытаращенные глаза звѣздъ смотрѣли на испуганную, сѣмѣвшую землю съ выраженіемъ невыразимой угрозы и холодного, жестокаго любопытства. Такими глазами смотрѣлъ Неронъ на жертвы, погибавшія въ циркѣ.

Тотчасъ же за Зегжемъ нужно было переѣзжать рѣку. Теперь такъ стоитъ желѣзныи мостъ, опирающійся на высокіе столбы; тогда деревянная настилка моста лежала почти на поверхности воды. Когда вода понижалась, то и мостъ вмѣстѣ съ нею низвергался точно въ пропасть. Эта пропасть казалась тѣмъ болѣе глубокою, что берегъ рѣки былъ очень высокъ.

Ночью, на днѣ пропасти, видѣлось дрожащее пламя колеблемаго вѣтромъ маслянаго фонаря, а въ грязно-желтомъ кругѣ его пламени— черныя, живо двигающіяся фигуры. Дальше—бездна, усѣянная мато-нами огоньками, сливающимися въ извилистую линію. Лѣтомъ снизу доходилъ плескъ невидимыхъ волнъ, къ которому присоединя-лось жалобное завываніе сплавщиковъ, ночующихъ возлѣ моста на льдахъ.

Съѣздъ на мостъ въ то время равнялся прыжку въ пропасть. Когда всѣ формальности были уже совершены и когда снизу дохо-дило сигналъ, что шлагбаумъ поднять, лошади стремительно броса-лись впередъ и, разбѣжавшись на крутомъ спускѣ, сваливали на мостъ, какъ лавина. Фонарь, люди, почему-то суетившіеся возлѣ него, домики смотрителя, столбы шлагбаума мелькали, какъ тѣни, когда все вдругъ исчезало, успокоивалось, и уже ничего не было слышно, кромѣ мѣрнаго удара копытъ по деревянной настилкѣ, пле-сы воды, завыванія плотовщиковъ, да кваканья лягушекъ.

До безумія любилъ эти спуски, хотя они для меня соединялись съ ошмѣннымъ страхомъ и хотя я всякій разъ крестился, какъ будто бы на вѣрную смерть.

И теперь все совершилось точно такимъ же порядкомъ, съ тою только разницею, что музыку лѣтней ночи смѣнило пронзительное ужасающее дребезжаніе жидовской брички.

Встряска при переправѣ подѣйствовала на всѣхъ благотѣльно. Арендаторъ отчасти отрезвѣлъ, мѣщанинъ прекратилъ свои плачущіе монологи, мнѣ сдѣлалось теплѣе, а къ фармацевту возвратилась словоохотливость, которая начала было покидать его.

Одно время на бричкѣ стало почти такъ же весело, какъ при выѣздѣ изъ Варшавы. Меня только изводилъ зловонный дымъ «Трехъ волхвовъ», который изъ трехъ трубокъ и изъ трехъ пастей валитъ какъ изъ шести вулкановъ.

Мое отвращеніе къ Юськѣ, въ одинаковой степени какъ эстетическое, такъ и нервное, возрасло до такой степени, что обратилось почти въ ненависть. Я чуть не ропталъ на Бога, за то, что онъ разрушилъ гармонию міра, создавая такіа грязныя и отвратительныя существа, къ тому же, окруженныя такой убійственной атмосферой.

Я твердо постановилъ на будущее время избѣгать всякаго рода Юсьекъ. Кроме того, у меня созрѣло рѣшеніе никогда не пускаться въ дорогу безъ флакона съ одеколономъ.

Вхали мы умѣренной трусцою среди неизмѣримыхъ пространствъ слабо отражавшихъ звѣздный свѣтъ. Снѣгъ пронзительно скрипѣлъ, бричка звенѣла, какъ будто нагруженная только однимъ стебломъ. Мѣщанинъ, прекративъ свои lamentаціи, молчалъ, какъ рыба. Арендаторъ временами выбрасывалъ короткія, энергическія замѣчанія, но такъ какъ онъ вмѣстѣ съ головою и шапкою исчезалъ за какими то огромными коробами, то разобрать то, что онъ говорилъ, не было ни малѣйшей возможности.

Надъ всѣмъ этимъ царилъ острый, пронзительный голосъ фармацевта. Этотъ нервный молодой человекъ, благоухавшій перувианскимъ бальзамомъ, производилъ впечатлѣніе человека, который вдругъ вырвался на свободу изъ продолжительнаго заключенія. Извѣстно что на такихъ людей свѣжій воздухъ дѣйствуетъ, какъ вино. А фармацевтъ искалъ вдохновенія и въ другихъ веселящихъ средствахъ, кромѣ свѣжаго воздуха.

Ерзая постоянно на мѣстѣ, онъ то распѣвалъ что-то вполголоса, то подражалъ звукамъ трубы и бубна, то, наконецъ, обращаясь къ Юськѣ, поощрительно покрикивалъ на него:

— Фуръ, фуръ, Мойша! Фуръ, фуръ!

Неустанная болтовня на козлахъ ни на минуту не прекращалась

— Тише, жида, пусть одинъ раввинъ оретъ!—старался фарма

неть унять разболтавшуюся тройку, которая не обращала на него никакого вниманія.

Такимъ образомъ мы доѣхали до Сироцка.

Только при выходѣ изъ брички я почувствовалъ, что одна моя нога окоченѣла отъ мороза. Долго мнѣ пришлось растирать ее, прежде чѣмъ она пришла въ нормальное состояніе.

Въ Сироцкѣ ждалъ гостей хорошо извѣстный многимъ поколѣніемъ проѣзжающихъ, владѣлецъ постоялаго двора съ «нумерами», мужъ непоколебимыхъ убѣжденій, который лѣтомъ и зимою, въ среду и въ пятницу, въ полдень и въ полночь, на вопросъ: «что у него можно спросить сегодня?» твердо отвѣчалъ:

— Есть жареное съ капустой.

Говорили, что огромный запасъ этого жаренаго и капусты онъ приобрѣлъ вмѣстѣ съ постоялымъ дворомъ отъ своего предшественника и въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ распродалъ его по частямъ.

Въ его одномъ лицѣ, кромѣ того, соединились эскъ-помѣщикъ и эскъ-портной. Человѣкъ онъ былъ ворчливый, неподвижный, съ огромной лысой головою, также неподвижно посаженною на плечи. Подъ волосомъ у него виднѣлись два кустика сѣдовато-рыжихъ волосъ, которые онъ неустанно приглаживалъ щеточкою. А такъ какъ онъ продавалъ это за буфетомъ, куда грязная дѣвка сквозь полуотворенныя двери просовывала тарелки съ горячими «порціями», то жареное, кромѣ капусты, постоянно было сдобрено еще какимъ-то сѣдовато-рыжимъ добавленіемъ. Фармацевтъ, вѣроятно, былъ осведомленъ объ этомъ, потому что, заказывая кушанье, въ концѣ сказалъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Волоса отдѣльно!

Двойной титулъ эскъ-помѣщика и эскъ-портного не мнѣ одному представлялся загадкою. Однако никакой тутъ загадки не было. Портной заработалъ много денегъ въ Варшавѣ, а такъ какъ имѣлъ дела съ людьми различныхъ классовъ, то вообразилъ себѣ, что при соответственномъ состояніи ему къ лицу будетъ и помѣщичье званіе. Нашлись пріатели, которые утвердили его въ этомъ убѣжденіи и переплатили его въ землевладѣльца. Съ земли онъ спорхнулъ скоро съ «буфетной», а на крохи прежняго состоянія, уцѣлѣвшія какимъ-то чудомъ, сдѣлался обладателемъ постоялаго двора съ нумерами и немалымъ запасомъ жаренаго съ капустой.

Изъ воспоминаніе о помѣщичьемъ положеніи, у него осталось одно стремленіе (увы! бесплодное) задирать усы кверху. Порт-

няжныхъ привычекъ онъ сохранилъ больше, и проявлялись онъ главнымъ образомъ въ манерѣ обращенія съ гостями.

Богда онъ подходилъ къ кому-нибудь съ вопросомъ: «Что прикажете?... жаренаго съ капустой?», то дѣлалъ это такъ, какъ будто собирался снять съ посѣтителя мѣрку скюртука или жилета. Бушанье онъ подавалъ движеніемъ быстрымъ, энергичнымъ, словно втыкалъ иглу въ толстое сукно, а принимая пустую тарелку, стремительно откидывалъ руку, точно вытягивалъ изъ гостя длинную нить.

Этотъ постоянный дворъ я зналъ лучше, чѣмъ содержимое своей ученической сумки. Я еще и сегодня могъ бы сказать, какіе горшечные цвѣты зеленѣли на небольшихъ оконкахъ его столовой, длинной, узкой, низенькой комнаты, въ которую входитъ нужно было сбоку, изъ воротъ, по нѣсколькимъ ступенькамъ.

Въ самомъ концѣ комнаты находился небольшой, желтый буфетъ; на немъ подъ стеклянными колпаками сохли и покрывались плѣсенью почтенныхъ лѣтъ закуски. За плечами эксъ-портного, подбодряющаго рыжіе усы, видѣлся стеклянный шкапчикъ съ разными бутылками, которыя онъ ежеминутно то вынималъ, то ставилъ на мѣсто.

Рядомъ находилась «дамская комната», поменьше, съ круглымъ столомъ на одной ножкѣ и съ мягкой мебелью. Она же играла роль пріюта для проѣзжающихъ женщинъ и гостиной для семьи содержателя постоялаго двора. Тамъ отдыхали дамы, путешествующія въ сопровожденіи взрослыхъ и подрастающихъ барышень и совсѣмъ маленькихъ дѣтей. Сквозь полуоткрытыя двери можно было всегда видѣть пирамиды чемодановъ и слышать громкій тонкій смѣхъ и визгъ новорожденныхъ младенцевъ.

Въ дамской комнатѣ прислуживала супруга эксъ-помѣщика, на туда ничего не подавали, кромѣ чаю, кофе съ молокомъ и булочки съ масломъ.

Я всетаки любилъ и этотъ постоянный дворъ и его владѣльца. Однако если бы меня спросили, что мнѣ больше всего нравилось тамъ, то я безъ долгаго раздумья отвѣтилъ бы: картина, висѣвшая прямо противъ средняго окна, рядомъ съ дверью, постоянно запертою и неизвѣстно куда ведущею. То была раскрашенная англійская гравюра, исполненная по рисунку Орловскаго и почернѣвшая отъ времени. Представляла она императора Павла, навѣщающаго Боспошко въ темницѣ.

Всякій разъ когда мнѣ приходилось бывать на постояломъ дворѣ, я подолгу простаивалъ передъ этой гравюрой. На этотъ разъ несчастный герой и несчастный монархъ напрасно привлекали меня къ себѣ знаками. Я не спѣшилъ привѣтствовать ихъ. Увы! ихъ слишкомъ

прямо освѣщала всякая лампа, а я нарочно спрятался въ тѣнь. За тѣмъ эскъ-помѣщику, хорошо знающему меня и моего отца, знать, что я путешествуе это совершаю съ бородатымъ и пейсатымъ Юськой!

Занявъ мѣсто за столикомъ наиболѣе отдаленнымъ отъ центра свѣта, я приказалъ подать себѣ чаю и жаренаго, потому что мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть. Но хотя я поднялъ воротникъ и измѣнилъ голосъ, меня всетаки узнали.

— Какъ, безъ мамы?—услыхалъ я инквизиторскій вопросъ хозина, ставившаго передо мною свое лучшее (потому что оно было единственнымъ) блюдо.

— О!—отвѣтилъ я, выпячивая грудь впередъ.—Развѣ я малый ребенокъ, что не могу безъ матери двинуться съ мѣста?

А видъ у меня въ то время былъ удивительно ребяческій.

— Морозецъ-то у насъ петербургскій,—продолжалъ хозяинъ, вынимая свою щеточку.

При этихъ словахъ онъ просверлилъ меня насквозь опытнымъ взглядомъ эскъ-портного, тѣмъ ясновидящимъ взглядомъ, который въ одну минуту замѣчаетъ и оцѣниваетъ не только покрой, материалъ и работу верхняго платья, но и его подкладку и вообще, что находится подъ нимъ, до жилета, рубашки и шерстяной фуфайки включительно.

— Не слишкомъ ли легко?—спросилъ онъ, суммируя свои наблюденія и желая вывести изъ нихъ какое-нибудь заключеніе.

Думалъ онъ съ минуту, какъ бы хотѣлъ еще что-то добавить, но ограничился тѣмъ, что поцарапалъ щеточкой усы и въ молчаніи отошелъ къ слѣдующему столу.

Въ Сироткѣ убыло двое нашихъ спутниковъ. Первымъ, совершенно для меня безразличнымъ, былъ молчаливый мѣщанинъ. Едва только бричка запрыгала по избитой мостовой городка, какъ онъ исчезъ изъ нашихъ глазъ, слился съ мракомъ, пропалъ.

Вслѣдъ за нимъ насъ долженъ былъ покинуть безцѣнный фармацевтъ, который однако до поры до времени такъ пожиралъ жареное съ капустой, что у него за ушами трещало. Онъ началъ коркою хлѣба вытирать остатки соуса съ тарелки, какъ за окнами послышался гамъ почтовой трубки.

Фармацевтъ проглотилъ корку, насторожилъ уши и торжественно ушелъ.

— Это мнѣ!—изрекъ онъ, многозначительнымъ взглядомъ окидывая присутствующихъ.—«Экстра!»... можетъ ли быть что-нибудь болѣе очаровательное? Пяти минутъ не прошло, какъ я послалъ жидка на почту, а почтальонъ уже готовъ. Вотъ это называется пунг-ту-а-ль-

ность. На свѣтѣ существуютъ только два пунктуальныхъ институ-
та: почта и аптека.

Онъ отыскалъ меня въ моемъ темномъ углу и спросилъ:

— Не правда ли, коллега?

— Вы изволите ѣхать въ...?—спросилъ хозяинъ, получая отъ
фармацевта плату и быстрымъ движеніемъ вытягивая изъ него невиди-
мую нитку.

— До Воробьиного Хвоста.

— До Хвоста?... Не знаю что-то.

— Бѣды большой нѣтъ. Отсюда три мили съ небольшимъ. Я до-
лечу въ десять минутъ. Быстрѣй экстры ничего нѣтъ.

— Вы шутите. А желѣзная дорога?

Молодой человѣкъ откинулся на спинку стула и свысока по-
смотрѣлъ на эксъ-портного.

— Желѣзной дороги я не признаю,—заявилъ онъ рѣшительнымъ
тономъ.—Желѣзная дорога, почтенѣйшій, это палліативъ, а я пре-
зираю палліативы. По моему мнѣнію, есть только три возможныхъ
способа передвиженія: экстра, гуколетъ и пшиковластикъ.

— Вы изволили сказать?

— Гу-ко-летъ и пши-ко-э-лас-тикъ,—проскандировалъ фарма-
цевтъ, доставая изъ кармана новую папиросу.

Хозяинъ выползъ изъ-за буфета.

— Я ничего не слыхалъ объ этихъ изобрѣтеніяхъ,—сказалъ
онъ, подавая молодому человѣку горящую спичку, и при этомъ слу-
чаѣ вонзая въ него свою острую, невидимую для обыкновенныхъ
глазъ иглу.

— Это меня ничуть не удивляетъ. О чемъ въ Гоголулу уже за-
были, то для Сиропка является неслышанною новостью. Теперь австра-
лійцы иначе не путешествуютъ, какъ въ гуколетахъ.

— А что же это такое, скажите пожалуйста?

— Пушка, высокоуважаемѣйшій. Жерло этой пушки настолько
велико, что въ него можетъ взойти ядро величиною съ обыкновенный
почтовый омнибусъ. Внутри ядро пустое, обитое мягкимъ. Въ минуту
отхода поѣзда пассажира заключаютъ въ ядро, ядро въ пушку и—
паф!... Пассажиръ на одной станціи чихаетъ, а на другой ему гово-
рять: будьте здоровы!

Эксъ-портной задержалъ въ воздухѣ щеточку, готовую прибли-
зиться къ его усамъ, раскрылъ ротъ, но ничего не сказалъ.

— Что же касается пшиковластика,—закончилъ молодой чело-
вѣкъ,—то изобрѣтеніе это еще не особенно въ ходу, хотя вполне за-
служиваетъ вниманія. Оно чрезвычайно просто и практично. Вообра-

ите себѣ, почтеннѣйшій, толстую, но очень толстую веревку изъ такъ называемаго «гумиластика». Одинъ конецъ этой веревки прирѣшенъ къ станціи А., другой же, при помощи соотвѣтственнаго снаряда, натянуть до станціи Б. На этой послѣдней къ веревкѣ прирѣпляется вагонъ съ пассажирами, потомъ, по данному сигналу заѣдущаго станцію, кондукторъ отпускаетъ веревку, и—шикъ!...

Почтальонъ за окномъ затрубилъ во второй разъ и не далъ фармацевту докончить своего изложенія.

Онъ всталъ, облекся въ свою великолѣпную шубу и ухарски налюбуцилъ передъ зеркальцемъ зеленую шляпу. Ему еще предстояло проститься съ товарищами по путешествію.

Дремавшій арендаторъ встрепенулся и запечатлѣлъ на обѣихъ щекахъ фармацевта по горячему поцѣлюю. Вѣроятно, ему приснилось, что онъ на ярмаркѣ въ Пултускѣ возобновляетъ старую связь съ давно не видѣннымъ пріятелемъ.

Потомъ фармацевтъ приблизился ко мнѣ.

— До свиданія, коллега,—сказалъ онъ, сильно потрясая мою руку.—Прощаюсь съ вами и желаю съ аппетитомъ покушать клеюкъ съ макомъ.

Прищуренными глазами онъ посмотрѣлъ на мою верхнюю одежду, подбитую вѣтромъ.

— Я вижу, коллега, вы закаливаете себя, но совѣтую вамъ не пересаливать. Иногда отъ этакой штучки можно себѣ грудь испортить, а то и желудочекъ. О ножкахъ и спинкѣ я не говорю, на это еще у васъ будетъ время.

Вдругъ онъ замолкъ, всетаки не выпуская моей руки. Съ нимъ случилось то же самое, что за минуту съ хозяиномъ постоялаго двора. Въ этой задумчивости онъ то водилъ страннымъ взглядомъ по моей шинели, то обращалъ его на арендатора, который долженъ былъ ѣхать со мною дальше, то, казалось, пробовалъ опредѣлить плотность нѣхвъ, лежащихъ съ нимъ рядомъ.

Въ эту минуту онъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ, онъ казался мнѣ серьезнымъ.

Но вдругъ козлиная его борода задрожала по прежнему, мышинные хвосты заходили.

На случай, если бы вы, коллега, сильно простудились,—прошепталъ онъ своимъ обычнымъ голосомъ, въ которомъ вѣчно слышался съ трудомъ сдерживаемый смѣхъ,—прошу васъ пожаловать въ аптеку отогрѣваться. Но никакъ не раньше Крещенія. До Крещенія я не возвращусь домой. Адресъ мой: Варшава, уголъ Подвала и Замка, площадь, аптека. Я дамъ вамъ капли моего собственнаго изо-

брѣтвенія, которыя я называлъ: «каплями вѣчно молодого безсмертія». Дѣйствуютъ они чудотворно. Годъ тому назадъ по ошибкѣ ихъ приняла девяностолѣтняя матрона, и повѣрите ли вы? Спусти недѣлю послѣ этого она вышла замужъ за своего же правнука, а теперь у нея есть прелестная дочка, которой она въ одно и то же время приходится и матерью и прапрабабкою. До свиданія!

Онъ потрясъ мою руку такъ сильно, какъ будто хотѣлъ вырвать ее изъ плеча, и вышелъ, съ громкимъ стукомъ захлопывая за собою дверь.

Спусти минуту до насъ донеслись звуки разудалаго краковяка, мало-по-малу замиравшаго въ отдаленіи: то почтальонъ игралъ на своей трубѣ.

Юська все не появляется, онъ видимо рѣшилъ здѣсь отдохнуть какъ слѣдуетъ. Послѣ сильного мороза тепло столовой дѣйствовало на меня такъ, какъ и слѣдовало, то-есть ослабляло и обезсиливало меня. Я снялъ шинель, примостился на двухъ табуреткахъ и заснулъ.

Спутникъ мой сдѣлалъ это уже давно, съ тою разницей, что ему потребовались не двѣ, а четыре табуретки.

Спалъ я долго, и сны мнѣ снились пріятные. Пробудилъ меня сильный стукъ въ оконную раму, и хрипкое, неразборчивое бормотаніе. Я съ трудомъ разобралъ только два слова: «садиться...», «ѣхать...» По моему тѣлу пробѣжала дрожь; я протеръ глаза и вздрогнулъ. Бомната имѣла мрачный видъ. Лампа, висѣвшая на бревенчатомъ потолокѣ, давно угасла; теперь на буфетѣ слабо свѣтилась маленькая, ночная лампочка, дававшая больше копоти, чѣмъ свѣта. Какія-то уродливыя тѣни дрожали на стѣнахъ и на полу. Было холодно, въ воздухѣ чувствовалась промозглая сырость.

Съ минуту мнѣ казалось, что я вижу это во снѣ. Я закрылъ глаза и улегся снова, съ намѣреніемъ заснуть опять. Но въ то же время двери скрипнули, въ комнату ввалилъ настоящій Юська, приглашавшій хриплымъ голосомъ въ бричку.

Въ комнатѣ не было никого, за исключеніемъ меня и арендатора. Толстый шляхтичъ спалъ самымъ сладкимъ сномъ, издавая носомъ и губами низкіе, глубокіе трубные звуки.

Мнѣ сдѣлалось необыкновенно грустно. Снова приходится окунуться во мракъ, выйти на морозъ, костенѣть отъ холода, выносить неудобства, терпѣть, сносить сосѣдство отвратительнаго халатника, смердящаго лукомъ и дешевымъ табаконъ. Если бы это было, по крайней мѣрѣ, хоть не далеко, но до П. еще три мили, три ужасныхъ мили, самыхъ длинныхъ изъ всѣхъ, которыя мнѣ когда-нибудь приходилось проѣзжать.

Я проникся сожалѣніемъ къ самому себѣ и чуть не расплакался, какъ ребенокъ. Была минута, когда я хотѣлъ сдаться, и сказать Юськѣ, арендатору, владѣльцу постоялаго двора, наконецъ, всему міру:

— Дѣлайте со мною, что хотите, возьмите все, что у меня есть: испорченные серебряные часы, портмоне съ тремя рублями, чемоданъ съ небольшимъ количествомъ бѣлья, но за то дайте мнѣ спать и не будите вплоть до Страшнаго суда.

Но этотъ протестъ утомленныхъ нервовъ и инстинкта самосохраненія проявился наружно только долгимъ, плачливымъ вѣвкомъ.

Нѣсколько минутъ спустя я уже сидѣлъ въ Юськиной бричкѣ, рядомъ съ полуспящимъ арендаторомъ. На козлахъ, кромѣ возницы, не было никого.

Морозъ еще усилился. Я удостовѣрился въ этомъ тотчасъ же по выходѣ изъ постоялаго двора; у меня положительно захватывало дыханіе. Атмосфера показалась мнѣ налитую стекловидною жидкостью, которую только съ огромнымъ усиленіемъ можно было втягивать въ грудь.

Былъ третій или четвертый часъ по-полуночи. Звѣзды утратили прежнюю яркость, темногранатное небо начинало свѣтлѣть, точно оно полиняло; приближалась минута восхода луны.

Въ бричкѣ, вмѣсто прежняго шума, теперь царилъ полная тишина. Кромѣ скрипа колесъ, ее прерывали только два голоса, — сапѣные арендатора, закутаннаго въ толстый пладъ, да фырканье лошадей, вездри которыхъ законопачивалъ иней.

Юська ни трубки не курилъ, ни пѣсенъ не мурлыкалъ, ни съ лошадьми не разговаривалъ. Молча сторбившись на своемъ твердомъ кѣшикѣ, набитомъ соломенной рѣзкою, онъ казался мертвой, безформенной глыбой, преисполненной безграничной апатіи.

Въ первый разъ съ минуты выѣзда изъ Варшавы я испыталъ чувство страха; въ первый разъ меня кольнула мысль, что это путешествіе можетъ окончиться несчастіемъ.

До сихъ поръ въ борьбѣ съ морозомъ, я получалъ кой-какія подкрѣпленія со стороны, — теперь я стоялъ одинъ, лицомъ къ лицу съ нимъ, совершенно безоружный. Онъ тотчасъ же сообразилъ это. Онъ не только мы тронулись съ мѣста, какъ онъ схватилъ меня, точно въ щамы, сильно стиснулъ и далъ понять, что теперь уже не выйдутъ.

Хотя мы ѣхали втроемъ, я чувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Если Юська былъ глыбою, олицетворявшей апатію, то шляхетъ можно было приравнять къ эгоизму, заключенному въ глыбу.

Отъ этихъ двухъ глыбъ на меня вѣяло духовнымъ холодомъ, еще болѣе горшимъ, чѣмъ холодъ физическій.

На широкомъ сидѣннѣ, гдѣ могли помѣститься четыре персоны, я и мой спутникъ занимали крайнія мѣста. Между нами лежала кочка мѣховъ. Тамъ была медвѣжья шуба арендатора, нарядъ праздничный «для города», и эта шуба тотчасъ же за городской заставою уступила мѣсто старой, вытертой шубѣ; новый, короткій полушубокъ и старая баранья шкура для прикрытія ногъ.

Одинъ изъ этихъ мѣховъ могъ бы спасти меня, но мнѣ отъ нихъ была такая же польза, какъ Тантагу отъ легендарныхъ яблокъ. Несмотря на это, они магнетически привлекали меня къ себѣ. Я всматривался въ нихъ съ отчаяннымъ упорствомъ и раздражался отъ одной только мысли: какъ хорошо было бы нырнуть въ теплый пухъ этого медвѣдя и растаять!...

Но я скорѣ лишенъ былъ даже удовольствія любоваться этими мѣхами. Шляхтичъ при выѣздѣ изъ Сироца предупредилъ, чтобы его высадили у корчмы подъ Лубеницей, гдѣ должны ожидать его собственные лошади.

Быть можетъ, еслибъ я заговорилъ съ этимъ толстымъ человѣкомъ и пласивымъ голосомъ признался ему, что я страшно озябъ, и просилъ бы сочувствія, то онъ, можетъ быть, позволилъ бы мнѣ прикрыться своею отрепанною бараньею шкурою. Но мой эстетизмъ даже подъ страхомъ смерти не дозволилъ бы мнѣ унизиться до мольбы.

И я замерзалъ съ возвышеннымъ презрѣніемъ ко всякому безобразію, какъ физическому, такъ и моральному. Если это было геройство, то на него обращали вниманіе развѣ только однѣ звѣзды, смотрѣвшія съ высотъ угасающими очами. И каково же было ихъ сужденіе о гордомъ ребенкѣ, ткавшемъ фантастическія мечтанія? Рукоплескали онѣ ему, или смѣялись надъ нимъ? А можетъ быть, они лишь жалѣли о немъ, да и то съ пренебреженіемъ?

Эти вопросы занимали меня, и я старался найти на нихъ отвѣтъ. Я вообще жаждалъ войти въ близкія сношенія съ звѣздами и забыть о землѣ. Въ эту минуту земля дѣлала мнѣ большія непріятности.

Морозъ кололъ меня тысячею иголъ. Началъ онъ со ступней, потомъ охватилъ ноги и поднимался выше. Подъ вліяніемъ этихъ укуловъ ноги мои, вплоть до колѣнъ, мало-по-малу теряли чувствительность и становились похожими на деревянные костыли. Чтобы охранить ихъ отъ окончательнаго одеревѣненія, я барабанилъ ими по дну брички, устланному соломой. Солома ломалась и расплзалась въ стороны, а изъ-подъ нея проступали твердыя, холодныя доски, а также плохо уложенныя, подпрыгивавшія пачки разныхъ товаровъ.

Одновременно съ этимъ, морозъ напиралъ на меня сверху и ударялъ въ лицо, недостаточно защищенное. Боль, которую онъ причинялъ моимъ ушамъ, носу, бородѣ и щекамъ, уже не могла идти въ сравненіе съ мелкими уколами. Просто-на-просто, я испытывалъ ощущение, какъ будто въ мое тѣло, отъ времени до времени, кто-либо запуская острые зубы.

Тревога моя возрастала и начинала принимать трагическіе размѣры. Еще недавно я читалъ разсказъ Андерсена о «Дѣвочкѣ со спичками». Теперь она предстала передъ моими глазами, какъ живая. Я видѣлъ, какъ она съежилась за угломъ каменнаго дома, посижившая отъ мороза, несчастная и — улыбающаяся. Серебряныя звѣздочки свѣга искрились на ея свѣтлыхъ, распущенныхъ волосахъ; большіе, блестящіе глаза съ напряженіемъ смотрѣли въ небо; все лицо осѣняло выраженіе великаго, сверхъ-земного счастья. Возлѣ нея, на свѣгу, догарала коробка спичекъ, а дымъ поднимался высоко-высоко и свивался въ фантастическіе клубы. Изъ этихъ клубовъ вырисовывались головки ангеловъ и любовно протянутыя руки бабушки, призывавшей ее къ себѣ.

— И я замерзну, — подумалъ я съ горечью, — но моя смерть не создастъ такой поэтической картинки...

Это замѣчаніе прибавило къ моей горести каплю гнѣва. Я всегда печталъ о смерти поэтической, которую можно было бы воспѣть звучными стихами. Но гнѣвъ, — это стимулъ, придающій энергію. Разсердившись на врага, я рѣшилъ не поддаваться ему. И я сталъ энергично двигать ногами, руками, головою, всѣмъ туловищемъ. Я метался по брѣвчѣ, какъ уторѣлый.

Это немного согрѣло меня, но зато и утомило. Я почувствовалъ слабость, а вмѣстѣ съ тѣмъ позывъ ко сну. Звѣзды, на которыя я смотрѣлъ неустанно, тоже смежались очи, засыпая и маня къ отдыху. Мнѣ казалось, что все вокругъ укладывается спать...

Я всѣми силами противился этому влеченію, зная, насколько оно опасно. Въ особенности я остерегался закрывать глаза. Чтобы поддерживать мысль въ постоянномъ напряженіи, я вслухъ декламировалъ стихи изъ «Энеиды». Каждую букву я отчеканивалъ такъ ясно, что мой добрый учитель Гомолевскій поставилъ бы мнѣ пятерку и въ радую окинулъ бы еще поверхъ своихъ очковъ пронизательнымъ, до чьмъ и словно грубящимъ взоромъ.

Однако въ мозгу моемъ начинало мало-по-малу путаться. Дѣйствительность и фантомы воображенія стали сливаться такъ плотно, что я уже не могъ различать ихъ. Мысли мои то описывали гру-

ги, то бѣжали по спиральнымъ линіямъ, становились красками, огнями, звуками...

Меня отрезвило сильное сотрясеніе. Бричка остановилась; изъ-подъ меня вытянули шубу арендатора, на которую я бессознательно облокотился. Темная глыба, заслонявшая мнѣ съ лѣвой стороны видъ на небосклонѣ, исчезла съ своего сидѣнья.

Я услышалъ, какъ кто-то громко выпалилъ:

— Ва-лежь!... Лошадей!...

Въ отвѣтъ послышался собачій лай, потомъ рѣзкая, мужицкая рѣчь. Затѣмъ голоса эти сразу стихли, какъ будто подъ землю провалились. Бричка вновь зазвенѣла, заскрипѣла, заскрежетала. Мы поѣхали дальше.

Всходила луна. Небо и земля покрылись серебристой пеленою. Я напрягалъ зрѣніе и мысль, чтобы видѣть все и во всемъ отдавать себѣ ясный отчетъ.

Юська еще больше съежился и былъ тагъ же неподвиженъ, какъ мѣшокъ, на которомъ онъ сидѣлъ. Голову онъ обвязалъ какимъ-то старымъ лоскутомъ, и этотъ странный уборъ чернѣлъ на небѣ остро-изломанными линіями, точно капюшонъ монаха. Теперь Юська казался мнѣ существомъ почти фантастическимъ, почти чуждымъ и страшнымъ.

Отъ времени до времени до меня долеталъ тихій, дрожащій, протяжный стонъ. Бричка ли изливала такой жалобный голосъ? Доходилъ ли онъ изъ лѣсовъ, спускался ли съ неба или вырывался изъ груди Юськи?

Я не въ состояніи былъ рѣшить этотъ вопросъ.

Вотъ и Лубеница. Длинные, прямолинейныя, каменные постройки стоятъ на своихъ мѣстахъ. Но не люди живутъ въ нихъ, а бараны. Тепло имъ, должно быть, подъ кровлей, среди толстыхъ стѣнъ, за плотно запертыми воротами.

Вотъ и часовенка на высокомъ холму, какъ разъ возлѣ дороги. При свѣтѣ восходящей луны она кажется поразительно бѣлою. Простая и стройная, она напоминаетъ лагерную караулку, а также и какое-то видѣніе съ неясными, расплывающимися очертаніями.

Въ этой часовенкѣ, изъ-за запыленного стекла кіота, видѣется смуглый ликъ Ченстоховской Божьей Матери. Мнѣ припоминается, что недавно, по Ея предстательству, я исцѣлился отъ смертельной болѣзни. Если бы Она и теперь восхотѣла быть милостива ко мнѣ!...

За часовенкой пригорокъ понижается, и дорога идетъ подъ гору. Покатость невелика, и обыкновенно съ нея очень быстро съѣзжаютъ на совершенно гладкую равнину. Но сегодня, однако, и этой покато

сти, и этому съѣзду конца нѣтъ. Бричка, среди пронзительнаго хора стеклянныхъ и металлическихъ звуковъ, спускается подъ гору, все выше и ниже, и никакъ не можетъ достигнуть дна.

Я мысленно считаю секунды, изъ секундъ слагаю минуты, изъ минутъ—четверти часа, причеиъ постоянно сбиваюсь въ счетъ. Стараюсь исправить ошибку, начинаю сначала, и попадаю еще въ большии омутъ. Наконецъ, мнѣ это надоѣдаетъ; я бросаю свои исчисления и отказываюсь отъ всякихъ мыслей. Я предпочитаю мечтать...

Мечтанія мои доставляли бы мнѣ наслажденіе, если бы не мучительная боль во всемъ тѣлѣ. Дѣлать энергическія движенія я уже не въ силахъ; я только ѣжусь и сгибаюсь въ три погибели, какъ Іосъба. Спать мнѣ хочется ужасно. Приходитъ мнѣ въ голову одна счастливая мысль—сползти съ сидѣнья на дно брички, зарыться въ солому, закрыть глаза и забыть обо всемъ.

Я чувствую, что сонъ утишилъ бы боль, которую я испытываю отъ мороза. Онъ далъ бы мнѣ возможность спокойно и пріятно по-мечтать. Но я знаю, что отъ этого сна я никогда уже не пробудился бы. Я не сползаю на дно брички въ солому еще и потому, что это было бы не эстетично, не хочу смыкать глаза навсегда, потому что не видалъ еще многого на землѣ. Бромъ матери, меня дома ждетъ любимый братъ, братъ не только по крови, но и по духу, ждуть экзамены съ желанною наградой, ждуть столько непрочитанныхъ книжекъ, столько сновъ, требующихъ осуществленія...

Не смотря на все это, я засыпаю.

Я засыпаю съ чувствомъ ужасающаго страха, и догадываюсь, что можетъ быть, это онъ извлекаетъ изъ моей груди такой громкій стонъ.

Такимъ же точно сномъ я засыпалъ два года тому назадъ, въ одну мартовскую ночь, не имѣя силъ и не желая отвѣчать на зовъ семьи, собравшейся вокругъ моей кровати. Но тогда я не испытывалъ никакого страха,—напротивъ, меня охватывало невыразимое блаженство. И какъ же велико было мое изумленіе, когда я, пробудившись, увидѣлъ замляканныя лица людей, которые привѣтствовали меня, какъ будто я вернулся съ того свѣта. Уже впоследствии мнѣ сказали, что по приговору врача, эта ночь должна была быть послѣднею въ моей ж... ж...

То теперь я уже знаю, что не проснусь.

Іеня охватываетъ хаосъ, мракъ. Я вижу вещи, которыхъ пластики создать невозможно; слышу звуки, которыхъ не знаетъ скандинавскихъ тоновъ; испытываю чувства, обрисовать которыя чело-вѣкъ свое слово не въ силахъ.

Наконецъ, я перестаю видѣть, перестаю слышать, перестаю чувствовать.

.....
Я проснулся.

Я проснулся вдругъ, въ одну минуту, безъ малѣйшихъ переходовъ отъ сна къ дѣйствительности. Маятникъ, неподвижно висѣвшій, кто-то или что-то толкнулъ, и часы по прежнему пошли.

Мнѣ было хорошо, очень хорошо, а прежде всего—тепло. Я испытывалъ блаженное состояніе человѣка, который послѣ долгой морской бури вновь чувствуетъ почву подъ ногами и видитъ надъ своею головою солнце.

Я осмотрѣлся вокругъ любопытнымъ взглядомъ. Все расплавилось въ ослѣпительно бѣломъ, сверкающемъ свѣтѣ. Луна заливала небо и землю волнами жидкаго серебра. Звѣзды, всѣ до единой, растаяли въ этомъ серебрѣ.

Бричка катилась быстро. Иосъки на козлахъ не было. Онъ бѣжалъ рядомъ и погонялъ лошадей, сильно ударялъ въ замерзшую землю своими подкованными сапогами и выдѣлывалъ отчаянные прыжки.

На немъ былъ только короткій кафтанъ, а на головѣ, кромѣ шапки, какой-то рваный лоскутъ. Что онъ сдѣлалъ съ своимъ толстымъ, теплымъ халатомъ, подбитымъ кое-гдѣ вытертыми заячьими шкурками?

Блескъ луны, быстрота ѣзды, энергическія движенія возницы подняли мой духъ и развеселили меня. Осматриваясь по сторонамъ хорошо знакомой дороги, я соображалъ, какъ далеко мнѣ остается до дома. Результатъ моего изслѣдованія былъ утѣшительный: направо и нѣсколько мелькали хатки, часовни, корчмы, предвѣщавшія близость города.

Наконецъ я обратилъ вниманіе на самого себя.

Я не занималъ уже прежняго мѣста. Я удобно сидѣлъ на днѣ брички, на двухъ связкахъ соломы, которыхъ раньше тамъ не было. Меня всего, съ ногами, руками и головою, закутывала какая-то теплая епанча, которою неизвѣстно кто прикрылъ и закуталъ меня.

Я не думалъ, не хотѣлъ думать ни объ этомъ, и вообще ни о чемъ.

Наслажденія испытывать блаженство существованія, какъ будто дарованнаго мнѣ во второй разъ, для меня было совершенно достаточно. Наконецъ, я былъ занятъ мечтаніями о домѣ, о звѣздахъ, о книжкахъ, о поэзіи.

Минуты летѣли быстро; быстро мелькали верстовые столбы.

Луна поблѣднѣла и умалилась въ размѣрахъ; мракъ на востокѣ

Но если бы вы хоть тысячу разъ повторяли мнѣ такія умныя вещи, — я ни на минуту не дамъ имъ вѣры.

И я всегда буду утверждать, что настоящія слезы падали въ то время съ елки на мой горѣвшій лобъ и на щеки, поблѣднѣвшія, не отъ холода.

И что шумъ, похожій на мелодію морскихъ волнъ, былъ стономъ искренняго и сердечнаго сочувствія.

И что трепеть вѣтокъ не вѣтромъ былъ вызванъ, а глубокимъ волненіемъ, охватившимъ все дерево.

Никогда я не разстанусь съ мыслью, что елка сохранила воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, когда свѣтили солнце, надежда и радость.

И что ее охватила дрожь, когда она сравнила это съ туманнымъ утромъ, полнымъ меланхоли и отчаянія.

Наконецъ, вы тщетно старались бы убѣдить меня, что съ деревомъ воспоминаній я разстанусь навсегда и что уже ничего никогда не можете сблизить насъ другъ съ другомъ.

Смотрите, стволъ этого дерева разросся настолько, что изъ него можно выпилить четыре толстыхъ доски.

А изъ этихъ досокъ, мягкихъ и благоуханныхъ, можетъ быть сдѣлана колыбель, въ которую радостно уляжется сердце, истерзанное скорбью...

2.

Что было.

Я бродилъ среди зарослей безпокойный, обращая вниманіе на каждое содрганіе солнечнаго луча, на каждое дыханіе вѣтра.

Я былъ словно охотничья собака, потерявшая слѣдъ своего хозяина, или словно птица, которая не можетъ отыскать дороги къ гнѣзду, разоренному злыми людьми.

Лѣсъ миллиономъ поклоновъ привѣтствовалъ меня, миллиономъ очей всматривался въ меня, миллиономъ тихихъ голосовъ выпытывалъ у меня:

— Чего ты ищешь?

Раздражили меня эти вопросы, и я съ упрекомъ отвѣтилъ лѣсу

— У тебя миллионъ глазъ, а ты не видишь; миллионъ ушей, а ты не слышишь; миллионъ сердець, а ты не чувствуешь. Развѣ чело вѣкъ съ такимъ взглядомъ можетъ искать чего-нибудь другого, какъ то, что было?

По зарослямъ пронесся шумъ изумленія, шумъ безпокойства. Когда этотъ шумъ утихъ, изъ разныхъ мѣстъ начали отзывать отдельные голоса:

Прежде всего заговорили цвѣты:

— Мы всегда таковы, какими были, и всегда останемся такими же. Вчера для насъ не существуетъ, для насъ существуетъ только завтра. Точно такъ же развертываются наши лепестки, окрашиваются вѣнчики, золотятся тычинки и пестики. Всегда мы разливаемъ вокругъ тотъ самый блескъ и то же самое благоуханіе. Откуда же намъ вѣдать, что такое значить *было*, если мы *всегда, всегда* существуемъ?

Потомъ начали говорить деревья:

— Присмотрись къ хвоемъ сосенъ; присмотрись къ листьямъ березъ, дубовъ, вленовъ. Не такіе же ли они, какъ вчера, не такіе же ли, какими бывали когда-либо? Не такіе же ли, какъ всегда? Рисунки вѣтвей, форма стволовъ, окраска коры, — подверглись ли какому-нибудь измѣненію? Такими же были мы и въ первый день творенія, такими же останемся и до его послѣдняго дня. Ты свое прошлое исчисляешь годами; для насъ сотни этихъ лѣтъ и сотни ихъ сотенъ являются настоящимъ. Не спрашивай насъ о томъ, что было, потому что мы отвѣтимъ: развѣ ты слѣпой?

Послѣ деревьевъ заговорилъ лучъ солнца:

— Загляни въ мое горнило, если ты въ состояніи сдѣлать это, если достанешь твоихъ силъ. Угасъ я? Охладѣлъ? Не съ сегодняшняго дня и не со вчерашняго я грѣю и свѣчу. Я существовалъ, когда тебѣ не было, я былъ, когда не существовало еще никого изъ тѣхъ, кто умеръ. Я — тотъ же самый, что пробудилъ Адама и показалъ ему Еву, что украсилъ голову Моисея огненнымъ вѣнцомъ и ослѣпилъ Савла, и онъ ослѣпъ и палъ на колѣна передъ Господомъ. Какъ и сегодня, такъ и тысячи лѣтъ назадъ, обливая багрянцемъ стволы сосенъ, я зеленою лѣсными мхи, позлащаю цвѣты, огненною стрѣлою пронизываю густую заросль. Я не измѣняюсь. Почему же ты, какъ ребенокъ, ищешь того, что передъ тобою?

Потомъ отозвалась туча, плывшая по небу:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я повисла въ высотѣ, я остаюсь такою же точно. Когда холодъ сгуститъ меня, я изливаюсь дождемъ на землю; когда солнце пригрѣетъ меня, я улетаю въ воздухъ и вновь становлюсь тучею. Я опускаюсь и возношусь, падаю и взлетаю, но меня не прибываетъ и не убываетъ. Сегодня я такая же, какою была вчера; завтра буду такая же, какъ сегодня. Между «было» и «есть» для меня нѣтъ никакой разницы — зачѣмъ же ты усиливаешься создать эту разницу?

Имъ же образомъ говорили мхи и мелкія травы, насѣкомыя, вращавшіяся въ воздухъ и ползавшіе по землѣ червячки. Наконецъ, истребила сѣрыми крылышками и запыла свою обычную пѣ-

сѣнку. Пѣсенка эта состоитъ только изъ одного такта и никогда, никогда не измѣняется. Эту пѣсенку птица пѣла вчера, эту пѣсенку она будетъ пѣть и завтра. Такъ ужъ постановлено до начала временъ.

Когда голоса умоляли, я воскрикнулъ:

— Ваша рѣчь полна лицемѣрія, и духъ всей природы проникнуть обманомъ. Я стою на мѣстѣ, гдѣ стоялъ *тогда*, но ни цвѣты не имѣютъ той окраски, ни деревья не имѣютъ тѣхъ формъ, ни солнечный лучъ того блеска, ни туча той легкости, ни птица того голоса, какъ было тогда. Цвѣты черные, и листья деревьевъ черные, и солнце свѣтитъ, какъ погребальная свѣча, и туча кажется погребальнымъ покровомъ, а въ пѣніи птицы не слышно ничего иного, кромѣ мѣрнаго свиста воздуха.

Гдѣ же *ты* цвѣты, тѣ листья, тѣ птицы, тотъ солнечный свѣтъ, тѣ тучи? Гдѣ блескъ ея глазъ, овалъ ея лица, розовая тѣнь шляпы, пожатія руки, поцѣлуи? Гдѣ обаяніе и сладость, которыя, изливаясь изъ нея, чаровали всю природу? Гдѣ порывъ, который возносилъ духъ до звѣздныхъ предѣловъ? Гдѣ любовь, объемлющая вселенную? Гдѣ вѣра, которая заслоняла всё пропасти радужными завѣсами? Ничего этого нѣтъ; ничего изъ этого не будетъ. Все, что разъ умерло, увяло, угасло, — навсегда останется мертвымъ, увядшимъ, угасшимъ...

Такъ говорилъ я, а тоска одолевала меня, и мнѣ казалось, что я, какъ Атласъ, весь міръ держу на своихъ плечахъ.

3.

Вампиръ.

Успокойся, духъ мой, засни, сердце мое...

Сегодня праздникъ Солнца, пиръ цвѣтовъ, — день великолѣпнаго, царственного блеска.

Какъ мать надъ головою спящаго ребенка, такъ Богъ надъ головою человечества распростеръ лазурную, прозрачную занавѣсь, не запятнанную ни однимъ облачкомъ.

Какимъ спокойствіемъ, какою благостью вѣетъ отъ этой лазури!

Такая окраска бываетъ въ глазахъ у ребенка и на цвѣткахъ незабудки. Глазами такого цвѣта смотритъ свѣтловолосая невѣста; одежду такого цвѣта носила Матерь Искушителя.

Но что это? Тамъ, высоко, на Западѣ, что значитъ это блѣдное, лицо вампира, неподвижно смотрящее на землю? Можно сказать: косяная шляпка гвоздя, вколоченнаго въ небесный сводъ.

Бто вырѣзалъ эту ужасную голову? Бто этимъ гвоздемъ изувѣ-

чистый сводъ неба? Омерзительное лицо то исчезаетъ, залитое мною лазури, то снова выплываетъ изъ бездны, какъ страшное неиступное видѣніе.

Ты омрачился, духъ мой; ты дрожишь, сердце мое. Васъ поражаеъ эта мертвая вещь, появившаяся на пиршествѣ жизни? Развѣ вы не знаете, что землю отъ вѣка вѣковъ обручили съ трупомъ?

Никто не разорветъ узъ, закрѣпленныхъ въ первый день творенія, никто не разорветъ обрученія земли съ мѣсяцемъ.

Каждую ночь, мертвый супругъ, нарядившись въ заимствованный блескъ, предстаетъ у ложа супруги. Каждую ночь онъ держитъ ее въ ледяныхъ объятіяхъ, погружая ее въ тяжелый сонъ. Каждую ночь земля впадаетъ въ сонъ, подобный смерти.

И сонъ этотъ перешелъ бы въ настоящую смерть, если бы этому не мѣшали дни блеска, дни веселья, дни, посвященные живому любовнику. И только вѣроломство оживляетъ и оплодотворяетъ землю. И только въ горячемъ объятіи Солнца она забываетъ о ледяныхъ объятіяхъ Мѣсяца.

Но у мужа-вампира порою являются подозрѣнія. Тогда онъ срывается со своей смертной постели и спѣшитъ подсматривать за вѣроливной женою. Онъ видитъ ее упоенною жизнью и счастьемъ, и отъ ревности и гнѣва его лицо дѣлается блѣднѣе кости. Объятіемъ онъ не можетъ заморозить ее, и тогда онъ замораживаетъ и убиваетъ ее глазами.

Страшные глаза, похожіе на ямины въ тающемъ снѣгу! Открытый склепъ стараго собора не вѣетъ такимъ гробовымъ холодомъ, какъ они.

Страшное лицо, заимствованное у вампира! Довольно одинъ разъ увидѣть его, чтобъ отпечатокъ его навсегда остался въ душѣ, какъ отпечатокъ листа на допотопномъ камнѣ...

На лигующую землю, на цвѣты, упоенные безуміемъ любви, на юмоды сердца, рвущіяся къ жизни, на все, что вѣрить, любить, видѣться, отъ этихъ глазъ и отъ этого лица падаетъ тѣнь траура, тѣнь печали, апатіи, смерти...

И хотя Богъ, какъ мать надъ спящимъ ребенкомъ, распростеръ лазурную, прозрачную занавѣсь, не запятнанную ни однимъ облачкомъ те успокойшься ты, духъ мой, не заснешь ты, сердце мое...

IV.

Тучка.

Между листьевъ папоротниковъ, па мягкомъ мху, усѣянномъ сосновыми хвоями, я сижу въ тишинѣ и неподвижности, подобно водолазу на морскомъ днѣ.

Вверху, надъ моею головою, шумитъ и волнуется океанъ,—огромный, зеленый океанъ, въ которомъ птицы замѣняютъ рыбу, а увядшіе листья—обрывки пѣны.

Здѣсь—полное спокойствіе, тамъ—неустанное движеніе вѣтра. Вѣтеръ не изъ такихъ, что заставляетъ дубы отвѣшивать ему поклонъ, березамъ—заметать землю своими распущенными волосами; но и въ этомъ достаточно силы, чтобы колебать сросшія верхушки деревьевъ и наполнять ихъ шумомъ и жизнью.

Борь играетъ, а эта игра напоминаетъ отдаленный голосъ органа, когда онъ аккомпанируетъ хоральному пѣнію. Но пѣнія не слышно. Можетъ быть, и поетъ гдѣ-нибудь хоръ ангеловъ, но высоко, въ небесахъ.

Въ одномъ мѣстѣ деревья разступились. Тамъ виднѣтъ кусокъ темной лазури, кристально чистый, бездонно глубокой. Мысли теряются въ этой безднѣ, и испытываешь какое-то упоеніе, которое на минуту заглушаетъ память о земныхъ дѣлахъ.

На бездонное озеро лазури выплылъ бѣлоснѣжный лебедь: то тучка. Легкая, пушистая, прозрачная, подталкиваемая заботливымъ дыханіемъ вѣтра, эта тучка плыветъ въ вышинѣ, распываясь въ лазури неба, въ золотѣ солнца.

Повисая между двумя безднами, она не заботится ни о той, ни о другой. Что ей значить земля, что ей значить небо! Она смотритъ на солнце и слушается вѣтра,—вотъ всѣ ея цѣли, вотъ всѣ ея права.

Нѣтъ ни одного пятна на тучкѣ, напоенной свѣтомъ. Маленькій херувимъ могъ бы почить на ней своимъ утомленнымъ тѣльцемъ; самъ Творецъ украсилъ бы ею подножіе своего престола.

Тучка плыветъ медленно, сохраняя свое достоинство. Я слѣжу за нею взглядомъ мечтательнымъ, завистливымъ взглядомъ. И вижу какъ она постепенно рѣдѣетъ и блекнетъ, и становится лепесткомъ бѣлой, осенней розы. Еще минута, и лепестокъ превратился въ свѣтящееся облачко. Еще минута,—и облачко сливается съ эфиромъ и растворяется безъ слѣда...

Положительно, на этомъ свѣтѣ есть много формъ счастья и радости, къ которымъ не только стоитъ стремиться, но и завоевывать ихъ.

Какая прекрасная вещь—сила! Изъ силы возрождается спокойствіе, а спокойствіе, это—предвкушеніе небеснаго блаженства.

И въ богатствѣ также не мало обаянія. Богачъ обладаетъ силою дѣлать другихъ счастливыми, а добро, которое мы сдѣлали, возвращается къ намъ въ отраженіи, освѣщая и согрѣвая насъ, какъ тепло солнечныхъ лучей.

Бого не восхитить прѣтокъ жизни, любовь! Даже раны, нанесенныя любовью, имѣютъ не мало прелести. Слезы любовниковъ становятся брилліантами, капли крови становятся для нихъ рубинами.

А слава? Развѣ она не даетъ упоенія безсмертія? Мужъ, создавшій твореніе, которое переживетъ его, мнитъ, что онъ побѣдилъ самый страшный и самый неизбѣжный изъ всѣхъ законовъ,—законъ всеуничтоженія.

Правда, сила, богатство, любовь—прекрасныя формы земнаго счастья, къ которымъ не только стоитъ стремиться, но и завоевывать ихъ.

Но я отдалъ бы все, чтобы, какъ эта тучка, золотиться и раскатываться въ лазури, вдали отъ земли и ея омутовъ, а потомъ слиться съ лазурью и развѣяться безъ слѣда...

У.

Духи болотъ.

О! вотъ они идутъ, идутъ,—бѣлые, развѣвающіеся, въ длинныхъ одеждахъ, влачащихся за ними по лугу.

Луна просвѣчиваетъ сквозь ихъ прозрачныя тѣла, стопы ихъ едва касаются травы; руками они сплелись такъ тѣсно, что кажутся спаянными въ одно цѣлое.

На болотахъ, поросшихъ чахлыми стеблями растений, на которыхъ можетъ удержаться развѣ только одна легкрылая стрекоза, они развернулись въ огромный хороводъ. Затѣмъ хороводъ распадается, и духи воздушной чредою идутъ прямо на меня, идутъ...

О! я уже вижу ихъ длинныя, тонкія, студенистыя руки. Они выставили ихъ впередъ, на подобіе щупальцевъ головонога, какъ будто хотятъ схватить и задавить весь міръ.

И заглядываютъ въ хаты, выросшія въ землю,—въ хаты, похожія на могилы, что поросли мохомъ и плѣсенью.

Въ шею матери обвиваетъ блѣдный ребенокъ, которому улыбается съ колѣнъ Пречистой добрый Младенецъ Іисусъ, туда они стремятся въ большомъ числѣ, съ большою назойливостью.

И туда, гдѣ бессонница открываетъ измученные глаза старца, а столбъ луннаго свѣта представляется ему дорогою, по которой онъ долженъ уйти изъ міра...

И туда, гдѣ сладкое, любовное безуміе томить слабую грудь дѣвушки и велить ей садиться у окна и плакать...

И всюду, гдѣ на румяномъ или зеленомъ плодѣ жизни чернѣется маленькое пятнышко, — признакъ червя, грызущаго сердцевину.

Они идутъ, тянутся, разрастаются вдаль и ввысь. Еще недавно они, словно миллионголовый гадъ пресмыкались по землѣ, а теперь челомъ касаются уже верхушекъ деревь.

Скрытая, молчаливая свирѣпость таится въ ихъ шествіи, напоминающемъ морской приливъ. Изъ ихъ мягкихъ, податливыхъ формъ, осеребренныхъ луною, истекаетъ нездоровое очарованіе, которое одуряетъ и лишаетъ силы.

Они идутъ прямо на меня, враждебные, жестокіе, неумолимые. Они идутъ тихіе, крадучись, и всегда, всегда ползкомъ.

Они отняли у меня свѣтъ луны, закрыли огоньки далекихъ хатъ; между мною и міромъ живущихъ въ молчаніи растянули густую паутину тѣней, подобную гробовому покрову.

Я ничего уже не вижу, кромѣ этихъ гибкихъ, змѣиныхъ формъ, то свивающихся, то развивающихся. И такая глухая, давящая, безнадёжная тишина западаетъ въ душу, какъ будто это уже конецъ всему...

Но я не отступаю передъ видѣніями, я не унижаюсь передъ ними.

Ничего они не могутъ взять у меня, потому что давно все уже взяли у меня, все!

В. Л.

ДАЛЕКІЕ ДНИ *).

IV.

В е с н а.

Дождь пересталъ. Солнце, наконецъ, разорвало облака, бѣшено мчавшіяся куда-то къ востоку, и освѣтило вымытыя дождемъ улицы съ ихъ вѣчной, неумолгающей суматохой, съ безчисленными дрожками извозчиковъ, съ сытыми, спокойными голубями, которые разгуливали между мчавшимися экипажами. Громадный городъ спѣшилъ и гудѣлъ какъ всегда, или, можетъ быть, въ этотъ весеній вечеръ даже нѣсколько больше обыкновеннаго. Казалось, все въ немъ спѣшитъ на встрѣчу тихому весеннему вечеру съ мягкимъ блескомъ угасающаго свѣта и съ необыкновенно яркой зеленью садовъ, какая бываетъ только на сѣверѣ.

Я спѣшилъ тоже, прибавляя шагъ въ толпѣ, перебѣгая улицы, лавируя между экипажами и звонившими конками. Радостное чувство жизни, молодости и весны владѣло всѣмъ моимъ существомъ, а оттого, что я шелъ въ отпускъ изъ закрытаго учебнаго заведенія, гдѣ все было тихо и однообразно, — суета огромной толпы казалась мнѣ веселой и манила къ себѣ. Мнѣ нравилось все: и огромный, вѣчно шумящій городъ, и широкая быстрая рѣка, закованая въ гранитъ съ ея необычайно длинными мостами, по одному изъ которыхъ я теперь шелъ, пробираясь въ зарѣчную часть города въ знакомую мнѣ студескую квартиру. Ждали ли меня тамъ? Я этого не зналъ, я пи не предупредилъ по городской почтѣ о своемъ приходѣ, какъ вѣдали мнѣ студенты, но сердце мое учащенно билось: прошло уже двухъ мѣсяцевъ, какъ я не видалъ милаго и дорогого мнѣ Алча. Онъ давно уже ушелъ отъ насъ, ѣздилъ къ себѣ въ деревню

и вотъ теперь поселился на этой студенческой квартирѣ. Я уже былъ у него разъ, еще до отъѣзда его въ деревню и перезнакомился со всѣми обитателями квартиры. Всѣхъ ихъ было пятеро: Алзаковъ, юристъ третьяго курса Пѣвицкій, два медика—Ивковъ и Быстрицкій и кухарка Аксинья. Алзаковъ только еще готовился въ университетъ, но уже ходилъ на лекціи популярныхъ профессоровъ и бывалъ на студенческихъ сходкахъ. Выраженіе его ласковаго, почти дѣтскаго лица сдѣлалось теперь задумчивымъ и серьезнымъ. Я зналъ, что онъ много читалъ и съ необыкновенной страстью ставилъ передъ собой тѣ вопросы, которые мучать людей вообще, а молодежь въ особенности. Онъ можетъ быть, болѣе чѣмъ мы всѣ, его товарищи и его сожителю-студенты, переживалъ періодъ бури и натиска, періодъ страстнаго напряженія молодой, ищущей мысли. Какъ я скучалъ по немъ въ нашемъ учебномъ заведеніи, изъ котораго онъ ушелъ, какъ я спѣшилъ теперь и какъ я хотѣлъ его видѣть! Я безъ труда отыскалъ деревянный низенькій домъ, казавшійся еще меньше среди тѣснѣвшихъ его каменныхъ громадъ, и взошелъ по узенькой лѣстницѣ въ квартиру, которую сами студенты почему-то называли «тихой пристанью».

На этотъ разъ, когда я отворилъ незапертую дверь этой пристани, въ ней было дѣйствительно тихо: слышалось только тиканье дешевыхъ столовыхъ часовъ и ничего больше.

Я сталъ снимать верхнее платье, когда услышалъ голосъ Пѣвицкаго:

— Кто тамъ?

Я назвалъ себя.

— Хорошо—сказалъ тотъ же голосъ.

Я прошелъ въ сосѣднюю комнату, сѣлъ около говорившаго и протянулъ ему руку. Снова наступила тишина съ усиливавшимъ ее тиканьемъ дешевыхъ часовъ. Пѣвицкій лежалъ на обитомъ клеенкой диванѣ, положивъ подъ голову старенькую круглую кожаную подушку, и молча курилъ. Я уже былъ знакомъ съ нимъ раньше и зналъ его удивительную молчаливость и неподвижность. Я зналъ, что онъ по цѣлымъ днямъ лежитъ на диванѣ и читаетъ литографированныя записки, а въ университетъ ходитъ только разъ въ мѣсяцъ для полученія стипендіи; я зналъ, что онъ бѣденъ, что у него ничего нѣтъ кромѣ знаменитой кожаной подушки и что безъ стипендіи онъ не могъ бы существовать; зналъ также и то, что товарищи подсмѣиваются надъ его удивительной неподвижностью. Недавно Ивко успѣлъ даже увѣрить его, что университетъ перекрасили въ желтую краску и что это очень глупо и даетъ университету пошлый видъ.

Почти цѣлый мѣсяць негодовалъ по этому поводу на своемъ диванѣ Пѣвицкій и успокоился только послѣ получения стипендіи, сказавъ товарищамъ въ назиданіе:

— Никакого остроумія здѣсь нѣтъ. Ишь хитрость какая — надуть человѣка!

Теперь онъ задумался на своемъ диванѣ, не выражая никакого желанія вступить въ разговоръ.

— Гдѣ же ваши товарищи и Алзаковъ? — спросилъ я его.

— Ушли куда-то. Общались скоро прійти, — сказалъ онъ и задумался снова.

Я подошелъ къ огню, поглядѣлъ на улицу, на надвигавшуюся бѣлую мглу весенняго вечера, взялъ со стола книгу, трактовавшую о социальныхъ вопросахъ, и началъ читать.

Въ «тихой пристани» водворилась глубокая, ничѣмъ ненарушаемая тишина. То, о чемъ говорилось въ книгѣ, было для меня совершенной новостью, я читалъ съ жадностью, быстро перелистывая страницы, не замѣчая больше ни Пѣвицкаго, продолжавшаго лежать неподвижно на своемъ диванѣ, ни все болѣе и болѣе надвигавшихся сумерекъ бѣлой весенней ночи, не мѣшавшихъ читать. Я не знаю, сколько прошло времени; можетъ быть, часъ, можетъ быть, нѣсколько больше или меньше, когда на лѣстницѣ зазвенѣли молодые, веселые голоса и «тихая пристань» перестала быть тихою, потому что наполнилась толпой молодежи.

— Какъ ты похудѣлъ, Миша, и какой ты сталъ смѣшной! — говорилъ я, радостно пожимая руку Алзакова.

— Ну вотъ и молодець, что пришелъ, — отвѣтилъ Алзаковъ. — За это я тебя представлю сейчасъ двумъ самымъ умнымъ и милымъ барышнямъ изъ всѣхъ, какія существуютъ на свѣтѣ.

На порогъ комнаты дѣйствительно стояли двѣ барышни. Одна изъ нихъ, хорошенькая блондинка съ нѣсколько вздернутымъ носомъ и великолѣпными волосами, оглядывала меня, какъ мнѣ казалось, съ насмѣшливымъ любопытствомъ. Другая, тоже блондинка, казалась очень серьезной и внимательно слушала Быстрицкаго, продолжавшаго разговоръ, начатый раньше. Ивовъ прямо прошелъ на кухню, и слышно было, какъ онъ вдвоемъ съ Агсиньей звенѣлъ по и стучалъ трубой самовара. Пѣвицкій поднялся и сѣлъ на свой диванѣ, не выпуская изъ рукъ литографированныхъ записокъ. Барышни эти были дочери очень извѣстнаго въ литературныхъ кружкахъ писателя и считались среди студентовъ неотразимо обаятельными. Старшая, та, которая разговаривала теперь съ Быстрицкимъ, бы-

ла курсисткой, и это было замѣтно и по ея костюму, и по манерѣ держать себя.

— Вотъ, Наталья Николаевна, это мой лучший другъ, — указывая на меня, сказалъ ей Алзаковъ.

— Который васъ покинулъ, или котораго покинули вы? — спросила съ вспыхнувшимъ смѣхомъ въ глазахъ младшая гостя, и мнѣ сдѣлалось вдругъ очень весело самому и очень хотѣлось смѣяться.

— Почему же покинулъ? Мы не покидали другъ друга. Вы всегда ужъ, Любовь Николаевна, что-нибудь выдумаете, — смущенно протестовала Алзаковъ.

— Онъ очень хорошій человѣкъ, — сказалъ про меня, совершенно неожиданно обращаясь къ барышнямъ, Пѣвицкій.

Всѣ засмѣялись. Пѣвицкій поднялся съ дивана и раскланивался со всѣми такъ, какъ кланяются со сцены итальянскіе тенора: слегка отставляя ногу и прикладывая руку къ сердцу. Я былъ, наконецъ, представленъ барышнямъ, и разговоръ сдѣлался общимъ. Черезъ нѣсколько минутъ на столѣ кипѣлъ самоваръ; клубы пара сливались въ самой большой комнатѣ «тихой пристани» съ волнами табачнаго дыма, Пѣвицкій разливалъ намъ всѣмъ чай и исполнялъ, какъ онъ самъ увѣрялъ, роль хозяйки. Я сидѣлъ рядомъ съ Любовью Николаевной и, кажется, нѣсколько нарушалъ общій тонъ картины своимъ блестящимъ, даже немного фатоватымъ мундирчикомъ того учебнаго заведенія, изъ котораго пришелъ. Быстрицкій все еще продолжалъ свой разговоръ съ Натальей Николаевной. Тема его была, по видимому, безконечной. Въ этотъ разговоръ вступали другіе, неожиданно возбуждались совершенно новые вопросы, самый предметъ бесѣды какъ будто мѣнялся, потомъ опять становился прежнимъ, и снова тянулся разговоръ, вбирая въ себя противорѣчивыя возраженія, пестря заключеніями, которыя, казалось, гнались одно за другимъ.

— Дѣло не въ личности. Надо, чтобы общая сумма страданій была возможно меньшей, — убѣжденно говорила Наталья Николаевна, прихлебывая чай съ блюдечка.

— Но за что же всетаки вы хотите принести личность въ жертву тому Молоху, который называется обществомъ? — возразилъ ей Быстрицкій.

— И пусть, и пусть! Насколько общее благо больше личнаго, настолько и общество больше личности.

— Да я не спорю съ вами объ этомъ. Пусть будетъ больше, да я-то не хочу быть ни рабомъ, ни жертвой, — отвѣтилъ Быстрицкій.

— Развѣ не можетъ быть человѣческаго счастья безъ жертвъ, и

рабовъ, и Молоховъ, принимающихъ жертвы? — спросилъ грустно Азаговъ.

Споръ объ условіяхъ человѣческаго счастья охватилъ всѣхъ. Всѣ наперерывъ старались говорить, перебывая одинъ другого, цитируя философовъ и Евангеліе, учебникъ политической экономіи и биологическую статью изъ журнала. Одинъ Пѣвицкій молчалъ, какъ прежде, и безпрестанно наливалъ собесѣдникамъ чай; стаканъ за стаканомъ. Гибанья дешевенькихъ часовъ теперь не было слышно, но время бѣжало быстро, самоваръ давно уже заглохъ, и свѣтлая, совсѣмъ бѣлая ночь замѣнила тѣ сумерки, въ которыхъ незамѣтно догорѣлъ и растагль весенній день.

— Поневогѣ приходится думать о возможно меньшей суммѣ страданій большинства, когда это большинство поголовно безграмотно и живетъ въ курныхъ норахъ вмѣстѣ съ ягнятами и телятами, когда забравшаяся въ его среду болѣзнь начинаетъ носить ребятъ безпощадно, — говорилъ вдохновенно Ивговъ.

— Но что же дѣлать? Что дѣлать? — перебивалъ его дрожавшій тревогой голосъ одного изъ собесѣдниковъ.

— Что дѣлать? Идти туда, чтобы разгонять мракъ.

— А если васъ не поймутъ и вамъ не повѣрятъ? А если это вторженіе въ чужую жизнь сдѣлается просто насиліемъ? — возражалъ кто-то.

— Какой вы милый и славный, — вдругъ шепотомъ сказала мнѣ Любовь Николаевна, — только вѣдь вы ничего не понимаете изъ этого спора.

Я не обидѣлся и отвѣтилъ ей ласковымъ взглядомъ. Я дѣйстви-тельно не понималъ многого и; главное, не могъ представить себѣ отчужденнаго народа. Всякій разъ, когда говорили о народѣ, мнѣ представлялся и конюхъ Авдюшка, и гучеръ Сисой, и знакомые мнѣ бѣлорусы мальчишки безъ шапокъ, и старушка, вздохавшая за клиросомъ въ деревенской церкви. Мнѣ представлялся рядъ избъ съ побурѣвшими соломенными крышами, высокіе журавцы колодцевъ, горячій жгучій полдень и безконечныя поля съ черной и влажной пашней. Все это было мнѣ близко и дорого и въ моемъ представленіи имѣло несо-мнѣнную связь съ бабушкой въ чепцѣ съ бѣлоснѣжными лентами, читавшей «Собраніе иностранныхъ романовъ». Я зналъ, что нищета и бѣдность ютятся въ маленькихъ, покрывившихся избенкахъ села, въ длинныя осенніе и зимніе вечера дымится лучина; но я не зналъ отчего это и какъ это можно сдѣлать, чтобы этого не было. Въ моемъ воображеніи вставалъ образъ за образомъ, начиная съ ма-ленькой оборванной, почему-то всегда улыбавшейся нищенки Дуни

до дряхлаго старика Николая, про котораго всё на селѣ говорили, что онъ одинокъ и бѣденъ; мнѣ дѣлалось ихъ нестерпимо жалко и все-таки было непонятно, какъ можно передѣлать, какъ неудавшійся рисунокъ, всю жизнь, среди которой я выросъ. Это непониманіе было мучительно и словно давило меня. Въ накуренномъ воздухѣ «тихой пристани» было душно и жарко, и поэтому я былъ очень радъ, когда Любовь Николаевна вдругъ заговорила, стараясь перекрычать споръ.

— Господа, пойдемте гулять и кататься на лодкахъ. Потомъ вы проводите насъ.

Всѣ очень обрадовались. Пѣвицкій принялся раскланиваться такъ, какъ кланяются итальянскіе тенора, и только лицо Натальи Николаевны попрежнему оставалось серьезнымъ и грустнымъ.

— Что же дѣлать, что дѣлать?—повторяла она, спускаясь по лѣстницѣ въ веселой толпѣ молодежи.

Теперь мы шли, перекидываясь веселыми замѣчаніями, охваченные свѣжестью весенней, совсѣмъ бѣлой ночи, по тихой и пустынной улицѣ къ рѣкѣ, гдѣ въ темной водѣ отражались таинственные громады дворцовъ.

— Господа,—сказала вдругъ остановившіеся Любовь Николаевна.—Мы цѣлый вечеръ толковали о счастьѣ. Я хочу искать свое счастье вонъ въ той вѣткѣ сирени, которая свѣсилась черезъ заборъ и высоко виситъ надъ нами. Но я не могу ея достать. Понимаете, не могу, и въ этомъ одно изъ рѣшеній вашихъ загадокъ о счастьѣ.

Она капризно топнула ногой о панель и трагически подняла руку вверху.

— Вы хотите сказать, что человекъ безсиленъ даже намѣтить пути для исканія своего счастья?—спросилъ Ивковъ.

Я взялъ зонтикъ изъ рукъ Натальи Николаевны, подпрыгнулъ какъ могъ высоко и при его помощи нагнулъ вѣтку сирени. Теперь ее можно было достать, и Алзаковъ сломалъ ее и подальъ Любови Николаевнѣ.

— Онъ разрѣшилъ вашъ вопросъ и даетъ вамъ счастье,—смѣясь сказалъ онъ, указывая на меня.

Любовь Николаевна казалась смущенной. Она посмотрѣла на меня долгимъ пристальнымъ взглядомъ, словно собираясь о чемъ-то спросить, и вдругъ разсмѣялась нервнымъ неискреннимъ смѣхомъ. Смущеніе охватило и меня: мнѣ все казалось, что тотъ вопросъ, котораго не сдѣлала мнѣ Любовь Николаевна, былъ самымъ важнымъ и нужнымъ.

Мы плыли въ лодкѣ по темной, необычайно красивой рѣкѣ мимо спавшихъ громадъ дворцовъ и повернули въ узкій и еще болѣе тем-

ный каналъ, едва протиснувшись между дровяныхъ барокъ. Передъ красотою весенней ночи наша компанія словно притихла. Студенты молча работали веслами, Наталья Николаевна сидѣла неподвижно, и я думалъ, что если бы я былъ художникомъ, то съ ея фигуры изваялъ бы воплощеніе грусти. Любовь Николаевна тихо, чуть слышно, низкимъ и звучнымъ голосомъ пѣла пѣсню о томъ, что нѣтъ въ родной землѣ такой обители, гдѣ бы не стопалъ ея сѣятель и хранитель. Временами усиливался грохотъ никогда не могущаго окончателно успокоиться и заснуть города, временами онъ замолкалъ, и тогда ночь казалась еще лучше, еще прекраснѣе.

— Не надо насъ провожать, господа. Намъ здѣсь близко, всего пройти одну аллею парка, — сказала Наталья Николаевна, когда мы, вернувшись назадъ, вышли изъ лодки.

Всѣ молча и тихо, словно усталые, пошли домой. Я всетаки вызвался проводить дамъ, потсму что Любовь Николаевна мнѣ правилась и мнѣ жаль было разстаться съ ея ласковымъ взглядомъ. Я обѣщался студентамъ прійти ночевать: теперь подъ утро, нечего было и думать вернуться въ то закрытое учебное заведеніе, въ которомъ я жилъ.

— Знаете, мнѣ кажется, что на свѣтѣ ничего нѣтъ кромѣ одного мученія, — сказала мнѣ дорогой Наталья Николаевна. — И эта равнодушная природа, которая всегда сіяла и всегда будетъ сіять своею вѣчною красотою, этимъ самымъ только прибавляетъ страданія.

Я ничего не отвѣтилъ. Я не понималъ ея настроенія, оно было мнѣ чуждо, но мнѣ было жаль ея, какъ бываетъ жаль больного среди жизнерадостнаго, веселаго общества. Я шелъ молча, не проронивъ больше ни слова во всю дорогу. Передъ самымъ выходомъ изъ парка, на поворотѣ аллеи Любовь Николаевна остановилась и взяла меня за руку.

— Спасибо вамъ за вашу сирень и за то, что вы пока еще не воете, что съ вами не тошно, за то, что вы не начали еще мучить себя и другихъ.

Я хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ наклонился къ ея рукѣ и принялся осыпая ея поцѣлуями.

— Полно, полно, — зашептала прерывистымъ шепотомъ Любовь Николаевна и быстро пошла прочь, догоняя сестру.

На обратномъ пути я сѣлъ на первую скамью парка и принялся думать. Я думалъ о Любви Николаевнѣ, которая казалась мнѣ преснѣе всѣхъ во всемъ мірѣ, о тоскующей сестрѣ ея, о знакомыхъ дентахъ и объ этомъ блѣдномъ начинавшемся утрѣ. И вдругъ въ мнѣ памяти, какъ живое, встало другое утро — послѣ темной ночи — моего далекаго родного гнѣзда, съ бриллиантовыми каплями ро-

сы на молодыхъ всходахъ овса, съ скрипящимъ крикомъ коростеля въ прибрежныхъ кустахъ, съ неподвижными дымами топящихся печей надъ селомъ въ голубомъ воздухѣ. Вспоминалась мнѣ и бабушка въ чепцѣ съ бѣлоснѣжными лентами, и блѣдная Lise со своимъ кроткимъ, задумчивымъ взглядомъ. Мнѣ сдѣлалось грустно, потому что я ясно сознавалъ, что все это уходитъ въ невозвратную вѣчность, что начинается въ жизни то новое, чему не удастся никогда вытѣснить прошлаго... Я всталъ и смущенный, разстроенный, пошелъ къ тихой пристани. Тамъ всѣ уже спали, кромѣ Алзакова, который сидѣлъ у окна, очевидно, дожидаясь меня.

— Спасибо тебѣ, дорогой мой, что ты пришелъ, — заговорилъ онъ. — Я тебя ждалъ, чтобы высказать то, что у меня на душѣ. Мнѣ тяжело, мнѣ очень тяжело — оттого, что у меня не хватаетъ вѣры. Я мало вѣрю и въ себя, мало вѣрю и въ другихъ. Знаешь, я теперь готовлюсь въ высшее учебное заведеніе и не вѣрю въ высшее образованіе — не какъ въ высшее знаніе, а какъ въ положеніе, сопряженное съ какими-то пезаконными привилегіями. Точно для получившихъ высшее образованіе есть какая-то низшая раса, насчетъ которой они могутъ не только гордиться, но и жить... Знаешь, въ нашей студенческой библіотекѣ виситъ съ потолка привязанный на ниточкѣ кусокъ хлѣба пополамъ съ древесной корой, тотъ суррогатъ, которымъ теперь питаются голодающіе. Всѣ подходятъ къ этому куску, тычутъ въ него пальцами и говорятъ разные рѣчи, въ которыхъ ругаютъ голодь и хвалятъ народъ. Я знаю, что многіе изъ нихъ будутъ потомъ такими же чиновниками надъ этимъ самымъ народомъ, какъ и ихъ старшіе братья, будутъ заботиться о самихъ себѣ и своихъ семьяхъ и теперь они упиваются красотой своихъ словъ. Разумѣется, я говорю не о всѣхъ. Но развѣ нужна эта привилегія образованія для господства надъ многомилліоннымъ большинствомъ, развѣ она справедлива? А эта жажда самопожертвованія вродѣ той, которая сожигаетъ Наталью Николаевну, развѣ она не погубитъ ея напрасно? Мнѣ все это кажется иногда заколдованнымъ кругомъ, изъ котораго нѣтъ выхода, и мнѣ дѣлается страшно и кажется, что не стоитъ и не надо жить...

Онъ опустилъ голову и задумался. При блѣдномъ свѣтѣ начинавшася утра онъ казался теперь еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ въ пансіонѣ Шмидта, когда онъ былъ такимъ одинокимъ въ громадномъ городѣ. Теперь онъ былъ одинокъ даже въ своей товарищеской средѣ. Онъ словно ждалъ отвѣта на свои неразрѣшимые вопросы, но отвѣта не было и не могло быть, а блѣдное весеннее утро, какъ всегда, вставало безстрастнымъ надъ пробуждавшимся городомъ...

V.

Стояло пасмурное весеннее утро, казавшееся еще болѣе хмуримъ въ нашемъ училищѣ. Огромное старинное зданіе точно хранило въ своихъ углахъ разъ навсегда залегшія въ нихъ сумерки, которыхъ не могло окончательно прогнать даже яркое солнце. Но солнца не было, и теперь, въ хмурое воскресное утро, наши безконечные пустыя дортуары казались унылыми. Изъ воспитанниковъ остались только тѣ, кому некуда было уѣхать въ отпускъ и кто не собирався уходить въ городъ. Нѣкоторые только что еще одѣвались, проспавъ дольше обыкновеннаго, благодаря отсутствію будничнаго звонка. Нѣкоторые безцѣльно бродили по дортуарамъ и столовой, предвидя длинный, словно пустой день съ томительной праздностью въ стѣнахъ опустѣвшаго училища. Было скучно и неуютно... Я сидѣлъ въ дортуарѣ, пододвинувъ къ нему спальный столикъ и разложивъ кучу бумагъ и на немъ, и на широкомъ подоконникѣ. Я былъ въ чрезвычайныхъ заботахъ и немало смущеніи: завтра долженъ выйти первый номеръ нашего класснаго журнала, редакторомъ котораго меня избрали товарищи. Гектографъ для его печатанія былъ готовъ, были приготовлены обложки для тетрадей, на этихъ обложкахъ красовались вычурныя буквы заглавія, нарисованнаго сквозь трафаретъ: *Записки воспитанниковъ...*, а самый текстъ журнала лежалъ теперь передо мной на подоконникѣ и вызывалъ во мнѣ чувство авторской робости. Тутъ было начало моей повѣсти «Двѣ сестры», въ которой я хотѣлъ описать Любу и Наташу, причемъ Наташа должна была трагически погибать отъ вмѣшательства злыхъ силъ судьбы, а Люба торжествовать въ ореолѣ любви. Для Наташи у меня уже создалась хотя довольно смутная фабула, благодаря тому, что я, выпроводивъ ее изъ Петербурга, позволялъ ей идти въ народъ. Картина за картиной вставалъ предо мною тотъ уголокъ родины, который взлѣлывалъ мое дѣтство и на его фонѣ вырисовывался грустный образъ Наташи... Про Любу же я рѣшительно ничего не могъ придумать кромѣ того, что она влюблена и что въ нее влюблены всѣ, потому что ее нельзя не любить. Дальше, въ слѣдующихъ главахъ повѣсти, я рассчитывалъ на встрѣчу двухъ сестеръ показать рѣзкую разницу ихъ характеровъ, но для Любы всетаки не могъ придумать характерныхъ чертъ, и она объезъ точно расплывался предо мною въ моемъ страстномъ къ нему мнѣніи. Публицистику для этого номера сочинялъ я же. Я писалъ, то писалъ, вчера ночью, и теперь предо мною лежала статейка, озаглавленная «Внутреннее обозрѣніе». Статейка занимала всего три писаныя мелкимъ почеркомъ страницы обыкновенной ученической тет-

ради; но, Боже мой, сколько злобы и сарказма, казалось мнѣ, успѣвъ я излить въ ней на начальство за то, что оно не позволяло читать многихъ изъ интересовавшихъ насъ книгъ, за то, что оно неукоснительно ловило насъ съ папиросами и водворяло насъ въ карцеръ, и за многое другое, что казалось мнѣ и несправедливымъ, и неберальнымъ, и возмутительнымъ! Въ этомъ же номерѣ помѣщался еще одинъ рассказъ, поражающій своей необыкновенной краткостью, и начало романа моего товарища, содержаніе котораго, сложное и запутанное, исчезло изъ моей памяти. Нѣсколько стихотвореній въ перемежку съ прозой украшали новорожденный журналъ. Тутъ были и описанія природы, и нѣжность едва пробудившагося чувства. Одинъ изъ моихъ товарищей, баронъ фонъ-Лигницъ, доставилъ къ первому номеру стихотвореніе, озаглавленное попросту: «Къ ней».

— Теперь ужъ, кажется, не печатаютъ больше такихъ заглавій,—возражалъ я.

— Ну пожалуйста, голубчикъ, ну что тебѣ, напечатай!—упрашивалъ Лигницъ.

Я посмотрѣлъ на покраснѣвшаго товарища и рѣшилъ напечатать. Я зналъ, кто была «она», потому что каждое воскресенье въ сопровожденіи своей длинноносой и необыкновенно смѣшной миссъ она появлялась въ церкви нашего училища. Стоявшіе въ рядахъ воспитанники успѣвали уже устать къ этому времени и рѣже чистили пуговицы мундировъ, какъ называлъ батюшка нашу манеру креститься. Но вотъ въ церкви начиналось движеніе; въ рядахъ нѣкоторые опускались на колѣни, открывались царскія двери и мы видѣли батюшку, окруженнаго голубымъ дымкомъ ладана. Регентъ нашего хора, такъ рано угасшій впослѣдствіи талантливый композиторъ, вдохновенно поднималъ руку кверху: начиналась херувимская пѣснь. Стоявшій рядомъ со мной Лигницъ краснѣлъ и начиналъ нервно вертѣться во всѣ стороны. Это означало, что вошла она,—стройная, матово-блѣдная, съ великолѣпными бѣлокурыми волосами, въ сопровожденіи своей уморительной миссъ.

Все для тебя,—мечты любви,
И счастья грезы золотыя,
И годы жизни молодые,—
Они твои, они твои!

Читалъ я теперь стонъ Лигница, посвященный ей въ первый номеръ нашего журнала. Черезъ нѣсколько часовъ гектографированный во многихъ экземплярахъ журналъ выйдетъ въ свѣтъ и сдѣлается общимъ достояніемъ. Будутъ его читать товарищи и ихъ род-

венники и знакомые, прочтеть хорошенькая дѣвушка, по которой скажетъ Лигницъ, покачаетъ надъ нимъ, быть можетъ, головой, сокрушаясь о нашей дерзости ея длинноносая миссъ, прочтеть Алзава, суда котораго я боюсь больше всего, прочтеть Люба... Да, пора спускать нашъ журналъ, пусть онъ создастъ общественное мнѣніе, вызываетъ толки, пусть хмурится и сердится начальство, пусть думать, что будетъ!

Не хватаетъ теперь только нѣсколькихъ страницъ, которыя долженъ доставить Кармольскій. Но онъ обѣщалъ и, конечно, сдержитъ все обѣщаніе. Это тихій и молчаливый юноша изъ очень богатой семьи, необыкновенно любящій писать. Въ сочинительствѣ ему, кажется, нравится больше всего самый процессъ писанія: великолѣпнымъ, ровнымъ и мелкимъ почеркомъ исписываетъ онъ безъ малѣйшихъ поправокъ страницу за страницей, не замѣчая, повидимому, нелогичности и противорѣчій разсказа. Такъ какъ всѣ читавшіе его рукописи въ нашей редакціи невольно пожимали плечами, то я, по совѣту товарищей, рѣшилъ было отказать ему въ сотрудничествѣ, но вынужденъ былъ всетаки прибѣгнуть къ его помощи. Дѣло въ томъ, что всѣ статьи для перваго номера были доставлены и распределены по отдѣламъ, а тетрадка всетаки выходила тощей и поэтому казалась мнѣ, должна была пробуждать въ читателяхъ сожалѣніе. Я и счелъ себя вынужденнымъ вступить въ переговоры съ Кармольскимъ.

— Знаешь, я хотѣлъ тебя просить написать что-нибудь изъ иностранной жизни, — сказалъ я.

— Изъ иностранной? — съ недоумѣніемъ повторилъ Кармольскій.

— Знаешь, для приложенія. Вотъ какъ бываетъ въ толстыхъ журналахъ. Въ концѣ книжки помѣщается романъ изъ иностранной жизни, который начинается съ запятой, а кончается на полусловѣ. Это во всѣхъ журналахъ такъ дѣлается. Вотъ я и хотѣлъ тебя просить въ нашемъ журналѣ...

— Хорошо, — сказалъ подумавъ Кармольскій, я начну тебѣ повесть. — Я что-нибудь про индійцевъ. Вотъ если, на примѣръ, заплачуться въ лѣсахъ Индіи и если какая-нибудь хорошенькая дѣвушка, которую ты любишь...

— Нѣтъ, зачѣмъ же про индійцевъ, — сказалъ я. — Это всѣ уже читали и у Эмара про то же. Надо такъ сочинить, какъ это во всѣхъ журналахъ бываетъ, — просто романъ изъ иностранной жизни, а не про индійцевъ. Ты ужъ пожалуйста, голубчикъ, къ первому номеру. Кармольскій задумался.

Вотъ что развѣ, — заговорилъ онъ, подумавъ. — Я начну ро-

манъ изъ французской великосвѣтской жизни. Въ первой главѣ у меня будетъ красавица-маркиза ожидать прибытія виконта. Она его любить. Но въ ихъ любовь должны вмѣшаться одинъ аббатъ, интриганъ и пройдоха первой степени, и старуха-мать виконта.

— Ну, какъ знаешь, — проговорилъ я съ нѣкоторой робостью. — Только ты ужъ того... чтобы всетаки правдоподобно было, знаешь, какъ въ настоящихъ журналахъ.

Теперь весь номеръ журнала былъ готовъ. Я подбиралъ его листикъ за листикомъ и только ожидалъ начала романа Кармольскаго изъ французской великосвѣтской жизни.

— Да здравствуетъ поэзія, литература и журналистика! — проговорилъ сзади меня Судовичъ.

Онъ только что проснулся и шелъ теперь изъ «умывальной». Въ ночной рубашкѣ съ открытой грудью, съ только что освѣженнымъ лицомъ, съ едва пробившимися темными усами, онъ былъ совсѣмъ молодцомъ.

— А мы вчера-таки порядочно кутнули, — заговорилъ онъ. — Жаль, что ты не поѣхалъ. Очень весело было. И Кармольскій подвыпилъ. Если бы ты видѣлъ, какъ онъ объяснялся въ любви Сюжеттѣ, — просто восторгъ. Потомъ онъ сталъ ей разспазывать какое-то свое сочиненіе изъ французской жизни. Говорилъ, что вы вмѣстѣ писать будете, или что-то въ этомъ родѣ. Сюжетта слушала-слушала его, потомъ сдѣлала огромные глаза, знаешь, какія бываютъ у дѣтей, когда они испугаются и все повторяла:

— Mais il est bête à manger du foin!

— Право, жаль, что тебя не было. Это намъ стоило нѣсколько, но вѣдь надо же пользоваться жизнью, когда это пріятно и возможно. Нашъ дядька дежурилъ всю ночь у чернаго хода и говорилъ, что приготовилъ твой мундиръ, а ты измѣнилъ намъ; но я не сержусь, потому что: да здравствуетъ поэзія, журналистика, публицистика!

Веселый и радостный, Судовичъ пошелъ дальше по дортуару.

— Скажи, ради Бога, Кармольскому, что я его жду, — крикнулъ я ему въ слѣдъ.

Я зналъ теперь, что нашъ журналъ долженъ будетъ запоздать на нѣсколько дней и уныло принялся собирать лежавшіе передо мной листочки. Приходилось бездѣйствовать въ ожиданіи, когда зайдетъ за мною Алзаковъ.

— Надо же, — думалось мнѣ, чтобъ этотъ Кармольскій принялся рассказывать свои романы Сюжеттѣ. — Писалъ бы онъ ихъ лучше ужъ прямо набѣло своимъ министерскимъ почеркомъ.

Негодовать мнѣ на этотъ разъ пришлось, однако, не долго. Алза-

ить уже дождался меня въ нашей огромной швейцарской, мирно бесѣдуя со своимъ знакомцемъ, Лаврентьичемъ, нашимъ старымъ и вѣстымъ швейцаромъ, одѣтымъ по случаю праздника въ великолѣпную ярко-красную ливрею.

— Ну пойдѣмъ, пойдѣмъ,—заторопился Алзаковъ, когда я показлся на лѣстницѣ.—Мы зайдѣмъ сначала въ церковь. Сегодня, ты знаешь, годовщина смерти... (онъ назвалъ имя талантливаго писателя). Наши рѣшили сойтись тамъ и почтить память. А потомъ пойдѣмъ къ намъ, въ наше студенческое гнѣздо. Тамъ вкстати всѣ ждутъ вашего журнала.

Торопясь и негодуя, я рассказалъ дорогой Алзакову о задержкѣ журнала.

— Ну, ничего, ничего!—успокоивалъ онъ меня.—Только что же расскажешь Кармольскій про французскую жизнь?...

Въ огромномъ храмѣ, куда мы зашли, было темно и уныло. Бучка молодежи окружала старика-священника, едва слышнымъ голосомъ произносившаго возгласы. На влѣвсѣ, покашливая, пѣлъ одинъ дѣточекъ. Впереди другихъ стояла Наташа. Люба, красивая и безвольная, прижалась въ уголокъ, и нельзя было разобрать — молится ли она или мечтаетъ. Чувствовалось, что вся эта обстановка и безпрестанное поминаніе имени почившаго съ каждой минутой возбуждаетъ молодежь все больше и больше.

— Мы должны,—говорилъ мнѣ Алзаковъ, когда мы шли, пробираясь въ студенческое гнѣздо по берегу великолѣпной рѣки,—мы должны какъ онъ, человѣкъ, котораго мы сейчасъ поминали, дать Аннибалову вѣтву бороться противъ того, что мѣшаетъ счастью родины. Вѣдь ты даешь, да, даешь?—спрашивалъ онъ, останавливаясь и видимо нервничая.

— Да, даю,—проговорилъ я медленно и вдругъ почувствовалъ, что сказанное настолько значительно и серьезно, что можетъ сдѣлаться поворотной точкой въ человѣческой жизни.

Прошлое уходило куда-то въ свѣтлую даль, а впереди виднѣлось тревожное, полное думъ будущее. И если бы я могъ тогда ясно выразить пережитое настроеніе,—я бы сказалъ тогда то же самое, что и теперь, когда много-много лѣтъ спустя мнѣ приходится дописывать эти строки: да будутъ благословенны далекіе дни дѣтства и юности, да будутъ благословенны думы о счастьѣ людей—вездѣ, и въ огромныхъ городахъ, и въ страшныхъ по своей нищетѣ избушкахъ, окруженныхъ цѣпью могилъ моей нѣбогда величественной бабушки,—какъ благословенна сама жизнь на землѣ!

Вл. Ладименскій.

ГОСПОДА БЛАГОТВОРИТЕЛИ.

— Николка! — гаркнулъ на весь домъ Леонидъ Константиновичъ Андроновъ, снявъ круглыя старческія очки въ стальной оправѣ и положивъ въ карманъ только что полученное со станціи и наскоро просмотрѣнное письмо съ подписью Виктора Петровича Лосева. — Николка!

Парень, лѣтъ 18, съ широкимъ лицомъ, полуоткрытымъ ртомъ и недоумѣвающимъ взглядомъ, шумно ворвался въ комнату и какъ вкопанный остановился, руки по швамъ, у порога.

— Живо лошадь! Сѣраго въ малый возокъ! Ну, чего ротъ разинулъ? Что бѣльмы вылунилъ? Живѣе запрягай: поѣдешь со мной въ Рѣчное...

Николка исчезъ за дверью, оставивъ ее второпяхъ полуотворенной.

Изъ нетопленнаго коридора пахнуло холодомъ.

— Дверь затвори, мерзавецъ! — грозно крикнулъ ему вслѣдъ Андроновъ. — Двадцать пять градусовъ мороза, а онъ ротозѣйствуешь... Ворона!

Николка исполнилъ приказаніе и, какъ испуганный заяцъ, вскачъ полетѣлъ къ лошадямъ запрягать Сѣраго.

А Леонидъ Константиновичъ, кряхтя, поднялся со стараго вышенчататаго дивана и, тяжело припадая на одну ногу, медленно пошелъ въ спальню переѣнить свой «домашній костюмъ». Засаленную, рваную вѣтчатую куртку онъ смѣнилъ на черную суконную поддевку а сильно потоптанные валенцы на «заказные» войлочные съ кожаной подошвой и широкими отворотами ботфорты, въ которыхъ до половины бедра тонули его дряхлыя, плохо сгибавшіяся въ колѣнахъ ноги. Прикрѣпивъ подъ самымъ подбородкомъ «Владимира» (безъ этого ордена Андроновъ никуда не выѣзжалъ изъ дому) и нахлобучивъ на уши мѣховую шапку, онъ, въ ожиданіи лошади, сталъ наполнять свой огромный сафьянный портсигаръ папиросами.

Не прошло и 15 минутъ, какъ Никола, держа въ рукахъ барскую енотку, объявилъ, что возокъ поданъ.

Андроновъ облекся въ шубу, туго подпоясался зеленымъ шарфомъ, надѣлъ овчинныя рукавицы и, вооружившись толстой палкой, направился черезъ кухню къ выходу. (Парадный ходъ заколачивался на зиму «для тепла»). По пути онъ заглянулъ въ стоявшія на горячей плитѣ мѣдныя кастрюли, окинулъ взоромъ бѣлый столъ, у котораго старуха Матрена дрожащими руками трудилась надъ дѣленіемъ на мелкіе кусочки телячьей грудины, и, бросивъ на ходу нѣсколько дополнительныхъ распоряженій относительно обѣда, приблизился къ порогу. Здѣсь уже стояла та же Матрена, держась за ручку двери, готовая распахнуть ее при первомъ движеніи барина. Бѣлымъ густымъ облакомъ ворвался въ кухню морозный воздухъ. Андроновъ вышелъ на обледѣвшее крыльцо и сталъ съ помощью палки спускаться по его покосившимся ступенькамъ. Сѣрый, съ явными признаками старости и дурного питанія, стоялъ, понуря голову и вздрагивая отъ холода. Никола суетился около возка, то безъ особой надобности обдергивая потертый бархатный коверъ, прикрывавшій сидѣнье и спинку саней, то заправляя сѣно, которое топорщилось и влочьями висѣло изъ-подъ порыжѣлой полости на волчьемъ мѣху. Андроновъ грузно усѣлся въ сани, Никола какъ-то на-отлетъ прикостился рядомъ, раздалось поощрительное причмокиванье, рѣзко застрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями, и возокъ съ большими отводами, главнымъ покачиваясь на ухабахъ, выѣхалъ за околицу по направленію усадьбы, лежавшей верстахъ въ семи отъ андроновской Дубовицы.

Солнце холоднымъ блескомъ заливало снѣжное пространство, ослѣпительно-сіявшее мириадами крупныхъ алмазовъ. Сѣрый, понураемый Николой, лѣнливо трусилъ по гладко наѣзженной дорогѣ. Андроновъ весь ушелъ въ свой мѣхъ, густо покрытый серебристымъ инеемъ.

— Трогай, братецъ, трогай!—мягко обратился онъ къ Николѣ.—Этакій морозище! Подохнуть можно... Духъ перехватываетъ... Подстегни, подстегни!

Быль второй часъ, когда возокъ остановился на тщательно расчищенной отъ снѣга площадкѣ, передъ крыльцомъ одноэтажнаго, небольшого, но бьющаго въ глаза основательностью своей новой постройки дома, принадлежавшаго сосѣду Андропова, одинокому холостяку и крупному землевладѣльцу—Дмитрію Николаевичу Корневу. И свирѣпый лай дѣшной собаки выбѣжала изъ людской избы неостаточно одѣтая женщина съ дурковатымъ выраженіемъ некрасиваго лица и суетливо кинулась отстегивать постромки.

— Дома баринъ?—спросилъ Андроновъ.

— Дома-съ, пожалуйста.

За дверью просторныхъ сѣней визгливо залаяла собачонка. Раздались глухіе паги ногъ, обутыхъ во что-то мягкое, и передъ Андроновымъ появился самъ хозяинъ, человѣкъ лѣтъ сорока, коренастый, съ густой русой бородой, такой же шевелюрой, свѣжимъ цвѣтомъ лица и голубыми глазами.

— Здравствуй, сосѣдушка. Получилъ? Читалъ? Каковъ нашъ Лосевъ-то!—освобождая себя отъ рукавиць, шубы и шапки, откашливаясь и задыхаясь, еще въ передней засыпалъ Андроновъ вопросами и восклицаніями своего пріятеля, по обыкновенію говоря ему фамиліарно «ты».—Къ филантропіи насъ притянуть хочеть, ха-ха-ха! Спасать отъ голода «бѣдныхъ дѣтишекъ» призываетъ!... Воззвание то каково?

— Какое возваніе?—спросилъ ошеломленный хозяинъ.

— А, такъ ты еще ничего не знаешь! Прелюбопытная, я тебѣ скажу, штука: представь себя и меня въ роли благотворителей... ха-ха-ха!.. занимающихся кормленіемъ бѣдныхъ, обездоленныхъ малютокъ...

— Ей-Богу, ничего не понимаю. О чемъ вы говорите?

— А вотъ, подожди, сейчасъ все узнаешь.—Андроновъ бережно уложилъ на верхней доскѣ вѣшалки свою шапку, поправилъ «Владимира» и пошелъ за хозяиномъ въ одну изъ двухъ отапливаемыхъ комнатъ съ скромной, хорошо сбереженной отъ старыхъ временъ мебелировкой.—Я, братъ, точно предчувствовалъ, что ты еще не получалъ лосевского посланія. Прихватилъ его съ собой. Вотъ оно!

Онъ торжественно развернулъ письмо и протянулъ его сосѣду. Тотъ взялъ, посмотрѣлъ на подпись и тутъ же, гдѣ стоялъ, съ жаднымъ любопытствомъ впился глазами въ первую страницу, забывъ даже предложить гостю стулъ.

— Да ты вслухъ, Митя, читай. И я послушаю. Такъ, братецъ ты мой, спѣшилъ къ тебѣ съ новостью, что и самъ еще путемъ не прочелъ... Пстой, я вотъ здѣсь поближе къ печкѣ сяду... да что она у тебя плохо топлена?

— Морозъ дьявольскій, остываетъ скоро,—смущенно отвѣтилъ Корневъ, подвигая къ слабо-вытопленной желѣзной печкѣ кресло краснаго дерева, обитое темно-голубымъ репсомъ.

— Вотъ такъ, хорошо. Теперь можешь начинать.—Андроновъ опустился въ кресло, закурилъ папиросу и, откинувъ на спинку свою сѣдую голову стараго гетмана, приготовился слушать.

Борнень сѣлъ на стулъ у окна, уперся локтями въ колѣни и, держа обѣими руками письмо, сталъ читать:

«Многоуважаемый Леонидъ Бонстантиновичъ! Вамъ, конечно, извѣстно, что губернія наша отнесена къ числу «благополучныхъ». Иначе говоря, она не нуждается въ той поддержкѣ, на которую имѣть право въ нынѣшнемъ году губерніи, пострадавшія отъ неурожая. Между тѣмъ зима только еще началась, а нужда среди мѣстнаго населенія настолько уже велика, что голодъ со всѣми его страшными послѣдствіями стоять, можно сказать, у порога. У огромнаго большинства крестьянъ своего хлѣба уже нѣтъ, покупному же цѣна 16 руб. за куль. Скудные запасы картофеля, которымъ теперь еще кое-какъ питаются, приходятъ къ концу, и—самое большее черезъ мѣсяць—нужда приметъ грандіозные размѣры. Ни хлѣба, ни заработковъ. Лѣсныхъ заготовокъ, служившихъ вообще подспорьемъ для дѣшвиныхъ крестьянъ, эту зиму нѣтъ и не предвидится. Уже и сейчасъ трудно найти вокругъ насъ деревню, въ которой не оказалось бы страшно бѣдствующихъ семей, изо дня въ день голодающей дѣтворы... Я предлагаю всѣмъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ соединиться для дѣла помощи хотя бы только этимъ ни въ чемъ неповиннымъ, голодающимъ на-ряду со взрослыми дѣтямъ деревни. Можетъ быть, нашъ скромный починъ послужитъ добрымъ примѣромъ и для интеллигентовъ другихъ уѣздовъ нашей губерніи. Положимъ же первый камень. Пусть мы бессильны сейчасъ организовать серьезную помощь для взрослоаго крестьянскаго населенія, но дѣтишекъ будемъ спасать немедленно. Поспѣшимъ прийти на помощь этимъ обездоленнымъ малюткамъ, которыя рядомъ съ нашими, болѣе чѣмъ сытыми, дѣтьми голодаютъ, холодаютъ и мрутъ, какъ мухи, отъ истощенія... А за тѣмъ, кто знаетъ, не положимъ ли мы основанія поистинѣ святому дѣлу помощи бѣдствующимъ деревенскимъ дѣтямъ вообще? Не послужитъ ли нашъ скромный неофициальный кружокъ въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ ядромъ для общества съ болѣе широкой задачей попеченія о бѣдствующихъ и безпріютныхъ дѣтяхъ всего нашего уѣзда? Нужда въ такихъ уѣздныхъ обществахъ давно назрѣла въ нашей русской деревнѣ. Пора на нее откликнуться! Бѣдныя дѣти деревни! Они не тѣ, что обездолены отъ рожденія,—они вдобавокъ совершенно лишены и общественною благотворительностью. Ихъ одинаково не спасетъ ни акробатство благотворительности, ни болѣе искренняя филантропія. Гдѣ то деревенское учрежденіе, въ которое могла бы поступать несчастная мать со своими голодными и голыми малютками? Гдѣ то благотворительное общество, которое ставило бы себѣ целью помощь бѣдствующимъ деревенскимъ дѣтямъ? Все въ городѣ

и для города, и ничего въ деревнѣ и для деревни. Точно деревенская нужда—не нужда, точно деревенскія дѣти—не дѣти...»

Андроновъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе производило это воззваніе на Корнева, и когда чтеніе было кончено, онъ нетерпѣливо воскликнулъ:

— Ну, что? Каково?

— Все ерунда!—отрѣзалъ тотъ, досадливо бросивъ письмо на столъ.—И безъ благотворительности у насъ много тунеядства. Какого лѣшаго станемъ мы насаждать подобныя общества? На свою голову лѣйтиевъ и пьяницъ поощрять? Нужда! Хлѣбъ дорогъ! А мы-то чѣмъ тутъ виноваты?

— Разумѣется, душа моя, ничѣмъ не виноваты,—поощрительно отозвался Андроновъ и выпустилъ изъ рта, точно изъ трубы, густые клубы дыма дешеваго табаку. Едва уловимая ироническая улыбка трепетала въ его черныхъ, сохранившихъ блескъ молодости глазахъ.

А Корневъ, волнуясь, продолжалъ:

— «Голодъ стоитъ у порога». А какой тамъ еще, къ чорту, голодъ? Здѣшніе мужики и всегда на покупномъ хлѣбѣ живутъ, потому что лѣйтии. Бабы побольше работали, да поменьше пили, такъ и хлѣбъ бы свой имѣли, и ребята ихъ не сидѣли бы не жравши... Знаемъ мы этотъ голодъ! Захотѣлось Лосеву погремѣть на чужія денешки, вотъ онъ и тянетъ насъ въ петлю. Видно, за дураковъ считаетъ... Да только, шалишь, отъ меня не разживется.

Онъ рѣшительно застегнулъ на всѣ пуговицы свою шведскую куртку, точно заранѣе оберегая свой карманъ.

— Неужто думаешь отвертѣться?—оживленно спросилъ Андроновъ и испытующе посмотрѣлъ на друга, у котораго лицо было красно отъ волненія, а въ глазахъ бѣгали недобрые огоньки.

— Переломленнаго гроша не дамъ!

— А если всѣ сосѣди размякнуть?

— До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла, а я въ хомутъ не полѣзу. Моя хата съ краю...

— Въ такомъ случаѣ и я вмѣстѣ съ тобой «ничего не знаю»,—перебилъ его Андроновъ, не скрывая радости.—Отлично! А то при моемъ-то плачевномъ положеніи да вдругъ въ филантропію пускаться, ха-ха-ха! Самому крышка приходитъ, а тутъ «бѣдныя дѣтишки»...

На дворѣ неистово залаяла цѣнная собака. Маленькая комнатная Рѣпка, лежавшая подъ столемъ, вскочила и съ визгомъ бросилась къ двери. Корневъ сталъ протирать рукавомъ заиндевѣвшее оконное стекло. Въ это время въ передней раздался звучный женскій гомосъ;

— Дмитрий Николаевич! Принимаете?

И въ комнату, гдѣ разговаривали друзья, быстро вошла съ раскраснѣвшимися отъ мороза щеками молодая женщина въ ротондѣ изъ бѣлаго тибета и въ бѣлой каракулевой шапочкѣ, изъ-подъ которой густыми прядями капризно выбивались каштановые волосы.

— Бого я вижу! Елена Александровна! Мой привѣтъ!

Прежде чѣмъ гостя успѣла поздороваться съ хозяиномъ, Андроновъ былъ уже около нея. Онъ молодецкато, насколько позволяли ему дряхлыя ноги, расшаркался и почтительно поцѣловалъ ея руку.

— Какими судьбами? Въ эту лютую погоду!... Митя, встряхнись! Что ты, словно въ воду опущенный?

Борневъ дѣйствительно выглядѣлъ растерянно при этомъ неожиданномъ появленіи гостя. Какъ-то неловко зацѣпилъ онъ своей жилистой, загрубѣлой рукой кончики ея пальцевъ и, пожавъ ихъ, проормоталъ:

— Мое почтеніе! Вы одиѣ? Безъ Виктора Петровича?

— Одна. Мужъ въ Петербургѣ. Сегодня долженъ возвратиться. Я ѣду встрѣтить его на станцію и на пути завернула на минутку къ вамъ по дѣлу...

Лосева стала рыться въ своемъ маленькомъ плюшевомъ сакѣ.

— По дѣлу?—точно машинально переспросилъ Борневъ.

— Да. Вамъ, какъ ближайшему сосѣду, рѣшила сама завести вотъ эту бумажку.

Черезъ столъ, стоявшій посреди комнаты и за которымъ всѣ сидѣли, она подала письмо своего мужа.

— Это, вѣроятно, прекрасное воззваніе Виктора Петровича?—послѣднимъ вмѣшателься Андроновъ.—Митя ужъ читалъ... Онъ знаетъ все. Вполнѣ согласенъ съ вашимъ супругомъ... Сосѣдушка отъ насъ не отстанетъ, будьте покойны, Елена Александровна!

Едва сдерживая смѣхъ, онъ многозначительно посмотрѣлъ на друга, который, смущенно улыбаясь, взялъ письмо и, не распечатывая, сунулъ его въ карманъ.

— О, я надѣюсь, что Дмитрий Николаевичъ не откажется, даже вопреки своему неизмѣнному принципу «моя хата съ краю», примнуть къ добруму почину,—сказала Лосева, и какъ будто не замѣая растеряннаго вида хозяина, она продолжала своимъ звучнымъ лосомъ:

— Господа, намъ нужно скорѣе собраться, чтобы столковаться асчетъ будущаго попечительства. Мы съ мужемъ рѣшили назначить обраніе въ ближайшее воскресенье у Покровскихъ. Павелъ Ивановъ очень просить объ этомъ. Онъ говорить, что у него всего удоб-

нѣе собраться, такъ какъ Отрадное лежитъ какъ разъ въ центрѣ всѣхъ окрестныхъ имѣній. Съѣзжаться ближе... Конечно, и вы, Дмитрій Николаевичъ, и вы, Леонидъ Константиновичъ, пріѣдете?

— Можетъ ли быть сомнѣніе?—съ угоромъ воскликнулъ Андроновъ и мигнулъ сосѣду однимъ глазомъ.—Можно ли въ такое время отказываться отъ роли благотворителей?!

Борневъ же далеко не выражалъ своимъ видомъ желанія быть благотворителемъ и не сразу отвѣтилъ. Онъ помялъ и повертѣлъ свою попавшую подъ руки овчинную шапку съ большими лысынами, выругалъ въ душѣ сосѣда, который своимъ поведеніемъ ставилъ его въ затруднительное положеніе, и, наконецъ, собравшись съ духомъ, далъ такой уклончивый отвѣтъ:

— Не знаю-съ, попаду ли я въ воскресенье на собраніе... Надо было бы на станцію по одному дѣльцу съѣздить...

Затѣмъ, точно спохватившись, онъ живо прибавилъ, подойдя къ своей гостьѣ:

— Да что же это вы въ шубѣ, Елена Александровна? Позвольте-съ!

И его неуязже распростертыя руки готовились принять въ своемъ объятіи пышный бѣлый тибетъ Лосевой, но та уклонилась, сказавъ:

— Нѣтъ, не беспокойтесь! Я сейчасъ ѣду, да у васъ и не жарко. «Дѣльце» свое вы, Дмитрій Николаевичъ, отложите, а на собраніе пріѣзжайте непременно.

Она стала прощаться и, направляясь къ выходу, бросила:

— Итакъ, господа, увидимся въ воскресенье у Покровскихъ?

— Je suis tout à votre disposition, madame, — отозвался Андроновъ и пошелъ слѣдомъ за молодой женщиной, подбодрившись и стараясь какъ можно меньше припадать на больную ногу.—И самъ я охотно готовъ идти вмѣстѣ съ вами на помощь нашей обездоленной меньшей братіи (Андроновъ съ особеннымъ чувствомъ произнесъ слово «обездоленной»), и сосѣда общаю увлечь, несмотря ни на какія его хозяйственныя препоны. Au plaisir de vous revoir et au chagrin de vous quitter!

Онъ величественнымъ жестомъ распахнулъ передъ Лосевой дверь въ коридоръ и, громко крикнувъ на ходу: «Ванька, лошадь давай барынь!», проводилъ ее до крыльца, сопутствуемый своимъ другомъ, который безъ шапки, въ своей потрепанной кожаной курткѣ на красной байковой подкладкѣ и въ валенцахъ виновато шелъ сзади.

— До скорого свиданія!—раскланялся Андроновъ.

— Мое почтеніе-съ!—все съ тѣмъ же виноватымъ видомъ пробормоталъ свою обычную и при встрѣчѣ, и при прощаніи лагоничскую фразу Борневъ.

— Въ воскресенье у Покровскихъ, — донесся со двора голосъ Лосевой.

Рѣзвая, красивая, некрупная лошадка рванулась, и маленькія санки быстро исчезли въ серебристой дали зимней дороги.

— Ну, сосѣдушка, кажется, и намъ съ тобой придется раскошиться, — съ хохотомъ обратился къ Борневу Андроновъ, когда они опять вошли въ комнату. — Придется, душа моя, и намъ съ тобой заняться благотворительностью, ха-ха-ха! Сама Елена Александровна вмѣшалась. Теперь, пожалуй, того... не отвертѣться.

— Сказалъ, что гроша переломленного не дамъ, и не дамъ! — рѣшительно объявилъ тотъ. — Что мнѣ копеечка-то даромъ, что ли, дается? Съ нашими прожатыми имѣніями бьешься, какъ ваторжный, а все едва концы съ концами сводишь. Какого чорта стану я жертвовать свои трудовыя денежки на этихъ пьяницъ и лѣнтяевъ? Пусть Лосевъ благотворительствуетъ изъ собственного кармана, если у него денегъ куры не клюютъ, а у меня и безъ его затѣи расходовъ не оберешься.

Онъ распахнулъ куртку, точно ему стало вдругъ жарко, вытеръ скомканнымъ и далеко несвѣжимъ носовымъ платкомъ свое взволнованное лицо, цвѣта раздавленной клюквы, и сталъ шагать по комнатѣ, заложивъ обѣ руки въ карманы.

Гость его спокойно сидѣлъ, раскинувшись въ креслѣ у печки и свободной отъ папиросы рукой поглаживалъ свои длинные, сѣдые усы, которые казались серебряными на его черной поддевкѣ.

— Дивлюсь я на Елену Александровну, — сказалъ онъ, сочувственно поглядывая на друга: — что ей-то за охота возиться съ этими соплягами?

— Отъ бездѣлья. Своихъ нѣтъ, такъ хоть съ чужими позабавиться...

И, вскрывъ письмо, привезенное Лосевой, Борневъ насмѣшливо прибавилъ:

— Больше, чѣмъ вамъ, Леонидъ Константиновичъ, расписали... Думаютъ, попаду на удочку. Какъ же, держи карманъ! Это Покровскаго легко было поймать, потому что ему расчетъ есть вступать въ общество...

— Какой расчетъ? — не понялъ Андроновъ.

— А вы думаете даромъ предлагаетъ онъ сѣхаться въ Отраднѣ? Думаете ради удобства? Попросту Покровскій хочетъ подставить ножку Макарову: зачѣмъ тотъ пыли много пускаетъ. Живутъ же при одной и той же деревнѣ, а на виду все больше Макаровы: у нихъ и мельница, и лавка для крестьянъ, и всякія ошеломляющія

мужика затѣи въ хозяйствѣ... Ну, а теперь шабашъ! И Покровский заявить себя желаетъ. Макаровъ попочительствуетъ у насъ надъ школой, а Покровский мѣтитъ вотъ прославиться въ будущемъ обществѣ...

Борневъ придалъ своему лицу выраженіе проникательности, хитро прищурилъ глаза и, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Знаемъ мы настоящую-то подкладку этой филантропіи!

Андроновъ захохоталъ.

— Послушали бы Елена Александровна да Викторъ Петровичъ твои рѣчи.

— Ну ихъ къ лѣшему! Мнѣ отъ ихъ затѣи ни тепло, ни холодно. На собраніе ихъ я все равно не поѣду.

— Нѣтъ, сосѣдшка, поѣдемъ, просто ради дарового спектакля поѣдемъ. Любопытно посмотрѣть, что у нихъ тамъ выйдетъ.

Только послѣ упорнаго сопротивленія Борневъ согласился поѣхать на собраніе. Уже въ передней, когда Андроновъ, побряхтывая и характерно покашливая, медленно облачался въ свои мѣховые доспѣхи, ему удалось, наконецъ, уговорить друга отправиться въ Отрадное. Рѣшено было ѣхать «ради спектакля», но съ тѣмъ, чтобы денегъ ни въ какомъ случаѣ не давать и «до послѣдней возможности» держаться пассивно на совѣщаніи.

— Навѣрно, весь нашъ звѣринецъ соберется, — хохоталъ Андроновъ, — безъ насъ съ тобой, Митя, будетъ пробѣлъ. Смотри же, не надуй, приѣзжай... А сейчасъ одѣвайся и дернемъ-ка, дружище, ко мнѣ обѣдать. Какимъ рагу угощу! — пальчики оближешь.

Онъ причмокнулъ языкомъ и щелкнулъ пальцами, поднявъ надъ головой лѣвую руку.

— Да ты не гляди хмурою-то осенью! Бери примѣръ съ меня: зубы на полку скоро положу, а не унываю... «Въ грядущемъ, вѣрю я, свѣтло»... Ыдемъ же, Митя! Да ты что-жь не одѣваешься-то?

— Нѣтъ, спасибо, — отвѣтилъ съ озабоченнымъ видомъ Борневъ. — Не могу. Жду сегодня Якова Иванова: общалъ пріѣхать по-смотриѣть клеверъ.

«Сѣрый», предчувствуя дождь, весело встряхнулъ головой и, точно помолодѣвъ, бодро пустился впередъ, не ожидая поощренія со стороны Николаки.

Косые лучи солнца золотили воздухъ. Надъ снѣгомъ упала сизая дымка. Лазурь неба поблѣднѣла, точно утомленная дневнымъ сіяніемъ. Морозъ усиливался и беспощадно кусалъ Николаку, щеки и уши втораго смѣло могли бы конкурировать по цвѣту съ карминомъ.

— Берегись! — неожиданно раздался въ морозномъ воздухѣ крикъ Николки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «Сѣраго», по обѣимъ сторонамъ узкой дороги, рассыпалась группа дѣтей, полуодѣтыхъ во всевозможное тряпье, съ мѣшками и котомками на плечахъ. Одни изъ нихъ, постарше, удержались на ногахъ и стояли по поясъ въ снѣгу, храбро глядя на испугавшую ихъ лошадь, другіе, поменьше, какъ подстрѣленные птички, попадали въ сугробы.

— Николка! кто тамъ? — очнулся вздремнувшій было въ своей теплой шубѣ Андроновъ.

— Бояжки, — отвѣтилъ тотъ. — Это наши дубовицкія ребятинки домой возвращаются. Видно, немного за день-то собирали... Ишки, кажись, у всѣхъ пусты болтаются.

— А-а-а, — зѣвнулъ Андроновъ. Онъ ниже нахлобучилъ свою шапку и выше поднялъ посѣдѣвшій отъ мороза воротникъ своей шубы.

Солнце погасло, когда возокъ подъѣхалъ къ Дубовицѣ.

II.

Въ воскресенье, назначенное для общаго собранія, въ домѣ Павла Ивановича Покровскаго царило чрезвычайно торжественное настроеніе. Комнаты были прибраны ранѣе обыкновеннаго, пыль особенно тщательно вытерта, бронзовыя лампы и подсвѣчники блестяли, какъ въ дни большихъ праздниковъ. Уже къ 12 часамъ все было готово къ приему ожидавшихся гостей. Самъ Павелъ Ивановичъ, высокій, худощавый, съ жидкими волосами и бородкой блондинъ, среднихъ лѣтъ, въ черномъ, безукоризненно вычищенномъ сюртукѣ, въ свѣжей крахмальной сорочкѣ, замѣнившей на этотъ разъ обычную пѣтную рубашку съ мягкимъ воротомъ, безцѣльно ходилъ по комнатамъ съ видомъ человѣка, не знающаго, какъ убить медленно идущее время.

— Что это значить? Посмотри, Лидія, уже безъ пяти минутъ двѣ, а никого нѣтъ, — сказалъ онъ съ нѣкоторой тревогой въ голосѣ, обращаясь къ женѣ, миниатюрной женщинѣ съ блѣднымъ и утомленнымъ лицомъ, которая вышла изъ сосѣдней спальни, гдѣ она лежала, отдыхая отъ присмотра за уборкой комнатъ.

— О, ужъ скорѣе бы съѣзжались! У меня невыносимо голова заболѣла отъ ожиданія, — томно произнесла Лидія Федоровна, страдавшая часто нервами и головной болью. Она взглянула на висѣвшіе въ углу часы съ длиннымъ, тяжелымъ маятникомъ и поднесла къ лицу платокъ, отъ котораго распространился сильный запахъ оде-
жонъ -

За стеклянной дверцей часовъ что-то сначала робко, затѣмъ смѣлѣе и смѣлѣе зашипѣло и разрѣшилось двумя глухими, протяжными, точно стонъ, ударами. Въ это время къ крыльцу быстро подъѣхала лошадь Лосевыхъ. Дѣти Павла Ивановича, прильнувшія къ окнамъ и не спускавшія глазъ съ дороги, съ крикомъ:

— Приѣхали, приѣхали!—разбѣжались по своимъ комнатамъ.

— А, первыя ласточки!—привѣтствовала Павель Ивановичъ Елену Александровну и Виктора Петровича.—Очень, очень приятно! (Лицо Павла Ивановича озарилось улыбкой). Представьте, до сихъ поръ не могу прійти въ себя отъ восторга передъ вашей прекрасной идеей... Доброе дѣло задумали. Вотъ что значитъ быть живымъ и отзывчивымъ человѣкомъ.

Покровский усадилъ гостя на почетномъ, но самомъ неудобномъ мѣстѣ—на диванѣ, который былъ забаррикадированъ полукруглымъ столомъ, покрытымъ бархатной скатертью. На столѣ возвышалась большая лампа съ яркимъ бумажнымъ абажуромъ и лежало роскошное иллюстрированное изданіе Жизни Иисуса Христа—Фаррара.

Елена Александровна сѣла у того же стола и начала перелистывать Фаррара.

— Видѣли вы это изданіе?—обратился къ ней хозяинъ, любившій щегольнуть вновь купленной книгой.—Обратите вниманіе, какъ издано, какія гравюры, какая бумага!... А, батюшка! мое вамъ почтеніе! Пожалуйте вотъ сюда, поближе къ Виктору Петровичу, на диванчикъ.

Послѣднія слова относились къ появившемуся въ дверяхъ мѣстному приходскому священнику. Отецъ Алексѣй вошелъ въ залу съ степеннымъ и серьезнымъ видомъ и занялъ мѣсто рядомъ съ Лосевымъ на диванѣ. Его густая, вѣрообразная темно-русская борода была старательно расчесана, а нелишенное пріятности лицо горѣло легкимъ румянцемъ, замѣтно сгущавшимся на носу.

— Вотъ, батюшка, Викторъ-то Петровичъ каковъ: всѣхъ насъ разбудилъ и на ноги поставилъ...

— Разбудилъ ли?—перебилъ его Лосевъ, обводя глазами пустую залу и иронически улыбувшись на восторженный тонъ хозяина.

— Ужъ не сомнѣваетесь ли вы, что соберутся? Полноте, да развѣ это возможно!... А, не правъ ли я, слышите?

Павель Ивановичъ указалъ рукою на дверь.

Изъ передней донеслось суетливое движеніе, раздались голоса, откашливанье. Почти одновременно въ залѣ стали появляться новыя лица. Первымъ вошелъ робко и безшумно очень высокій и смуглый діагонъ. Онъ отвѣсилъ всѣмъ сидѣвшимъ низкій поклонъ и безмолв-

во, съ видомъ забитаго судьбой челоуѣка, усѣлся на отдаленномъ стулѣ у стѣны. За нимъ слѣдовалъ матово-блѣдный брюнетъ съ гладко зачесанными назадъ волосами и съ необыкновенно обильной бородой, забиравшей ему почти до глазъ. Это былъ художникъ Смѣловъ, невѣдомо какой случайностью попавшій въ деревню управлять дѣльствомъ ближайшихъ сосѣдей по имѣнію Покровскаго—Макаровыхъ. Миновавъ порогъ залы, онъ вруто повернулъ влѣво и помѣстился въ углу комнаты близъ изразцовой печи, гдѣ стояли небольшой плетеный диванчикъ и пара такихъ же кресель. Одно изъ этихъ кресель занялъ господинъ небольшого роста и неопредѣленнаго возраста, съ внѣшностью и манерами бурсака, а другое—высокій, черноглазый, черноволосый, свѣженькій юноша лѣтъ 22-хъ, съ застѣнчивыми движеніями и взглядомъ, какъ у молодой дѣвушки. Первый—Малиновскій, большой другъ макаровскаго «художника», служилъ управляющимъ у постоянно отсутствовавшего изъ своей усадьбы лѣснаго помѣщика Орлова, а второй—его родственникъ по женѣ—Борскій самостоятельно хозяйничалъ на своихъ восьмистахъ десятинахъ, унаслѣдованныхъ имъ послѣ отца. Эта группа держалась особнякомъ и не принимала никакого участія въ разговорѣ—незначительномъ и вяломъ, которымъ старалась занять себя остальная публика въ ожиданіи новыхъ членовъ собранія. Малиновскій, поддерживаемый другомъ, Смѣловымъ, настойчиво убѣждалъ вполголоса въ чемъ-то Борскаго, но тотъ, видимо, не соглашался и, возражая своимъ собесѣдникамъ, густо краснѣлъ и смотрѣлъ черезъ всю команду такимъ просительнымъ взглядомъ на сидѣвшаго въ противоположномъ углу Лосева, какъ будто искалъ у него защиты или поддержки.

— А вотъ и Николай Николаевичъ Мирозъ,—раздался среди общаго говора радостный голосъ хозяина.

И онъ торопливо пошелъ навстрѣчу сѣдому, полному господину съ хоронимъ привѣтливомъ выраженіемъ голубыхъ глазъ.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Безконечно счастливъ васъ видѣть, Николай Николаевичъ! Прошу васъ къ столу, вотъ въ это кресло, специально для васъ приготовленное, — говорилъ Покровскій, обращаясь къ гостю, крупному землевладѣльцу и бывшему къ тому мировому судѣ, и хлопотливо предлагая ему одно изъ мно численныхъ кресель, рѣшительно ничѣмъ не отличавшееся отъ всѣхъ прочихъ.

— Спасибо! Я сяду. Пожалуйста не безпокойтесь, Павелъ Ивановичъ! Дайте сперва оттаять немного у печки, замерзъ совсѣмъ... Не помню такихъ морозовъ,—отвѣчалъ Мирозъ, оттирая и грѣя у

голландки руки.—И представьте, въ такой-то холодъ, встрѣчаю сейчасъ полуголыхъ ребятишекъ Василя Егорова съ Максимихи. Несчастливые бѣгутъ «на заработки» съ котомками.

— Существоуй уже у насъ проектированное Викторомъ Петровичемъ попечительство, мы не имѣли бы передъ глазами такого печальнаго явленія,—подчеркивая каждое свое слово, замѣтилъ Покровскій и многозначительно посмотрѣлъ на Лосева.

— Прежде всего, скажите: не попали наша губернія въ число «благополучныхъ»,—нервно перебилъ его тотъ.—Бругомъ страшная нищета, а мужику ни ссудъ, ни пособія, ни отсрочки платежей... Недаромъ мѣстные крестьяне завидуютъ голоднымъ губерніямъ. Тѣмъ, говорятъ они, помогаютъ, а мы не меньше ихъ нуждаемся, и нѣтъ намъ никакого послабленія.

— Позвольте, Викторъ Петровичъ, вотъ здѣсь-то и дорога частная инициатива! Вотъ здѣсь-то и надо цѣнить предприимчивость отдельнаго лица вообще и въ данномъ случаѣ вашу!—съ чувствомъ продолжалъ Павелъ Ивановичъ, выпрямивъ свою и безъ того прямую фигуру и откинувъ назадъ голову.—Всѣ мы знали, что крестьянамъ эту зиму туго приходится и, несмотря на это, никто палець о палець не ударилъ, чтобы прійти имъ на помощь. А почему? Потому, что мы эгоисты и привыкли интересоваться мужикомъ только тогда, когда намъ трудъ его нуженъ. Иначе мы мало о немъ думаемъ и мало съ нимъ сталкиваемся. Окружаемъ себя въ усадьбахъ стѣнной китайской и дальше своего забора не хотимъ знать деревни. Какъ кроты въ своихъ норахъ роются и спокойно спимъ, когда у насъ подъ бокомъ мужикъ-сосѣдъ отъ голода стонетъ. Но вы, какъ энергичный и отзывчивый человѣкъ, всколыхнули своимъ живымъ словомъ наше сонное царство. Вы заставили насъ прозрѣть, вы сплотили насъ, вы, какъ будильникъ...

Павелъ Ивановичъ, увлекшійся своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ и не замѣчавшій, что его мало слушали, и что Лосевъ о чемъ-то тихо бесѣдовалъ съ Мировымъ, неожиданно былъ прерванъ въ своемъ восторженномъ потоцѣ появленіемъ въ дверяхъ новыхъ гостей: въ залу вошли двѣ дамы. Одна—сухая, маленькая особа, лѣтъ 60-ти, съ нервной физиономіей и острымъ взглядомъ, очень бодрая и подвижная, несмотря на свои преклонные годы, Агриппина Павловна Горѣлова, маленькое имѣніице которой ютилось невдалекѣ отъ земли Покровскаго; другая—ея дочь, Наталья Ивановна, зрѣлая дѣвица съ энергичнымъ лицомъ и движеніями, высокая и мужественная, съ фигурой атлета, жившая неразлучно съ матерью въ деревнѣ.

— А мадамъ Макаровой нѣтъ?—обратился Покровскій къ женѣ,

вторая только что усадила вновь прибывших дамъ по ихъ желанію сидѣльной группой около рояля.

— Какъ видишь... такъ же, какъ и господина Магарова,—хладно-ровно отвѣтила Лидія Федоровна.— Можетъ быть, еще подѣдуть.

Она наклонила голову, сжала шестью пальцами свои виски и страдальчески прибавила:

— А моя головная боль не унимается.

Бъ тремъ часамъ пріѣхалъ и Андроновъ. Съ своимъ характернымъ дворянскимъ побряхтываніемъ онъ, медленно переступая, обошелъ всѣхъ, кто находился въ залѣ, и съ парой-другой привѣтливыхъ словъ пожалъ каждому руку, причемъ особенно радушно и мѣсто съ тѣмъ почтительно приблизился къ священнику:

— И вы, святой отче, здѣсь среди насъ, собравшихся во имя добраго, христіанскаго дѣла!

Въ своихъ колоссальныхъ войлочныхъ ботфортахъ, съ «Владимиромъ» на шеѣ, Андроновъ съ очаровательной улыбкой извинился передъ дамами «за свой костюмъ» и погрузился въ предложенное хозяйномъ кресло.

— А что же я не вижу здѣсь милѣйшаго моего сосѣдушки? Ба, да вотъ и онъ—легкокъ на поминѣ. Здорово, другъ! Садись, вотъ тебѣ мѣсто,—весело обратился онъ къ Корневу, который какъ-то нерѣшительно вошелъ въ это время въ залу.

— Простите, господа, я немножко приопоздалъ. Домашнія дѣла задержали,—смущенно проговорилъ Корневъ, занявъ стулъ рядомъ съ Андроновымъ. Лицо его было густо нащипано морозомъ, а борода и усы убѣлены не успѣвшимъ еще оттаять инеемъ. Сѣрый пиджакъ изъ сибирскаго сукна замѣнялъ его обычную шведскую тужурку, а мѣсто валенцовъ на его ногахъ красовались болотные сапоги съ сильнымъ запахомъ свѣжаго дегтя.

— Ничего, сосѣдъ, не смущайся! Сказано: послѣдніе да будутъ первыми,—за всѣхъ отвѣтилъ Андроновъ.—Естественное дѣло, что опоздалъ: ты ведешь жизнь труженика... всегда въ постѣ, молитвѣ и трудахъ. Все хозяйство обширное на своихъ раменахъ выносишь.

— Сеньга мазиловскій меня задержалъ,—перебилъ друга Кор-

— А что случилось, сосѣдушка?

— Да только что я выѣхалъ за ворота, какъ гляжу: среди двора Сеньга копошится около своихъ дровней. Подѣзжаю, вижу: онъ въ издыхаетъ.

Ну?—неподдѣльно заинтересовался Андроновъ.

— Ну, я ее и купилъ собакамъ на мясо. Пока-то сволокли въ сарай, пока-то распорядился шкуру содрать... вотъ и опоздалъ.

— А сколько далъ, сосѣдушка?

— Два цѣлковыхъ.

— Ха-ха-ха!—разразился Андроновъ.—Вотъ счастье-то валитъ человѣку! Посудите, господа,—обратился онъ къ тѣмъ, кто слушалъ его бесѣду съ пріятелемъ,—за два рубля получилъ лошадь, когда шкура одна стоитъ около пятерки, кромѣ того четыре подковы—гривень шесть, да кормъ собакамъ мѣсяца на три... Вотъ ужъ поистинѣ деньги къ деньгамъ.

— Напротивъ, я продорожилъ. Больше полтины давать не слѣдовало,—возразилъ Борневъ.—Не случись меня, Сенька не получилъ бы вѣдь ни гроша: шкура-то на морозѣ все равно бы пропала. А онъ еще думалъ нагрѣть меня на лишній цѣлковый, трешницу заломилъ сначала.

Зажгли лампы. По комнатѣ разлился теплый свѣтъ краснаго абажура. Базавшіяся очень блѣдными при зимнихъ сумеркахъ лица точно ожили подъ его мягкими тонами. Даже отъ скорбнаго, мертвеннаго лица молчаливаго діакона, сидѣвшаго неподвижно, какъ изваяніе, повѣяло живнью. Медленно и глухо опять простонали часы. Всѣ какъ одинъ взглянули на стрѣлки. Было уже половина четвертаго а никто больше не являлся. Павелъ Ивановичъ заволновался и сталъ то и дѣло оглядываться на дверь. Лидія Федоровна изнемогала отъ головной боли и все чаще и чаще подносила къ лицу платокъ съ сильнымъ запахомъ одеколона.

— Кажется, скоро можно будетъ и во-своихъ отправляться,—с веселымъ видомъ шепнулъ другу Борневъ.—Сорвалось! Народу мало ни-черта не выйдетъ.

Андроновъ готовъ былъ согласиться, но вдругъ запнулся, толкнулъ локтемъ въ бокъ сосѣда и, кивнувъ головой на Лосева, тихо проговорилъ:

— Нѣтъ, гляди-ка: начинается...

III.

Лосевъ всталъ съ дивана, поправилъ золотыя очки, откинулъ на задъ густую, непокорную, черную шевелюру и, уловивъ моментъ общей паузы, началъ свою рѣчь голосомъ, который наполнилъ всѣ залу. Напомнивъ присутствующимъ о цѣли собранія и нарисовавъ имъ яркую картину крестьянской нужды, онъ сталъ призывать всѣхъ откликнуться на эту нужду и немедленно же приступить къ помощи голодающимъ дѣтямъ.

— Прежде всего, — гремѣлъ онъ, — не должно быть голодныхъ дѣтей! Грѣшно, преступно допускать, чтобы наряду со взрослыми существовали отъ голода и безпомощныя, ни въ чемъ неповинныя дѣти. Умирающія дѣти! Нищія дѣти! Слабыя, окутанныя въ лохмотья ма- тки, бѣгающія по морозу и вьюгѣ изъ одной голодной деревни въ другую «по кусочки»!... Какое ужасное явленіе, возведенное нуждой въ правило, въ обычай! Соединимся же и протянемъ руку помощи этой несчастной крестьянской дѣтворѣ. Не будемъ смущаться нашею многочисленностью. Вспомнимъ, господа, извѣстнаго аббата Русселя, который началъ свое дѣло одинъ и безъ всякихъ средствъ. Подобралъ на улицѣ впервые нѣсколькихъ бездомныхъ дѣтей—своихъ буду- щихъ питомцевъ, онъ отправился самъ за подаяніемъ, чтобы имѣть возможность накормить и прирѣть ихъ. И что же? Въ результатѣ возникшее учрежденіе въ Парижѣ, спасающее ежегодно отъ физиче- ской и нравственной гибели массу несчастныхъ дѣтей. Пусть же есть прихѣрь французскаго аббата поддержитъ и въ насъ бодрость, вергу и вѣру въ полную осуществимость того дѣла, ради котораго мы здѣсь собрались.

Когда онъ смолкъ, первымъ поднялся священникъ и, сильно уда- вивъ на о, промолвилъ:

— Все это прекрасно. Я вполнѣ сочувствую доброму дѣлу, на которое призываетъ насъ Викторъ Петровичъ; но зачѣмъ будемъ мы создавать новое общество, когда у насъ есть уже приходское попечи- тельство?

— Я совершенно согласенъ съ о. Алексѣемъ, — застѣнчиво и по- томо промолвилъ диаконъ, отдѣлившись отъ стула, точно статуя отъ пьедестала.

— О какомъ, батюшка, попечительствѣ вы говорите? — обратился священнику Лосевъ.

— Я говорю о попечительствѣ, которое имѣется при церкви на- шей въ Овечьемъ-Ручьѣ, — спокойно отвѣтилъ о. Алексѣй, бережно вытирая пальцами свою густую бороду.

— При нашей церкви есть попечительство?

— Какъ же-съ, уже болѣе 20-ти лѣтъ.

— О. Алексѣй вспомнилъ сейчасъ о церковно-приходскомъ по- печительствѣ, которое слишкомъ 20-ть лѣтъ бездѣйствовало и о существованіи котораго не знаютъ даже его прихожане, — нетерпѣ- ливо перебилъ священника Мировъ и, обращаясь къ Лосеву, про- молвилъ:

— Неудивительно, что вы, новый въ нашихъ краяхъ человѣкъ, не слыхали о мѣстномъ попечительствѣ, но, представьте, даже я,

здѣшній старожилъ, ничего не знаю ни о его дѣятельности, ни о томъ, кто изъ нашихъ землевладѣльцевъ состоитъ его членомъ.

Мировъ обвелъ вопросительнымъ взглядомъ сидѣвшихъ въ залѣ. Всѣ молча переглянулись, но никто не заявилъ о своей прикосновенности къ церковному попечительству. Тогда священникъ, замѣтно смутившійся, сказалъ:

— Что дѣлать! До сихъ поръ попечительство наше дѣйствительно ничѣмъ о себѣ не заявляло и ни разу не собиралось, но вотъ теперь-то и представляется прекрасный случай возродить это мертвое дѣтище прихода. Вмѣсто того, чтобы учреждать новое общество, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, всѣмъ здѣсь собравшимся вступить въ составъ его членовъ.

— Извините, батюшка,—сдержанно проговорилъ Лосевъ.— Не задачей церковно-приходскихъ попечительствъ, какъ извѣстно, служить, прежде всего, нужды церкви и причта, а у нашего кружка будетъ исключительная цѣль—помощь голодающей деревенской дѣтворѣ.

— Дѣла общаго благотворенія не изъяты изъ вѣдѣнія церковно-приходскихъ попечительствъ,—заявилъ обиженнымъ голосомъ о. Алексѣй.

— Это я знаю. Но районъ-то вашей дѣятельности ограниченъ. Зачѣмъ на первыхъ же порахъ станемъ мы заключать себя въ рамки Овечье-Ручьенскаго прихода и отказывать въ помощи тѣмъ ни въ чѣмъ неповиннымъ дѣтямъ, родители которыхъ числятся въ другомъ приходѣ? Ну, а кромѣ того, нельзя забывать и параграфа 1-го Положенія о приходскихъ попечительствахъ, который гласитъ, что «въ предѣлахъ прихода учреждаются приходскія попечительства изъ лицъ, отличающихся благочестіемъ и преданностью вѣрѣ православной». Значитъ, всѣ лица не православнаго вѣроисповѣданія лишаются возможности примкнуть официально къ дѣлу, которому они могутъ всей душой сочувствовать и служить и матеріально, и нравственно.

— А затѣмъ,—поддержала своего мужа Елена Александровна,—мы не должны упускать изъ виду и идеи организациі въ будущемъ, когда минуетъ острая нужда, уѣзднаго общества попеченія о бѣдствующихъ и безпріютныхъ дѣтяхъ деревни, основой которому и должно будетъ послужить наше временное попечительство.

О. Алексѣй собирался что-то возразить, но въ это время всталъ съ своего мѣста Покровскій. Держась по обыкновенію прямо, какъ хорошо врытый столбъ, онъ положилъ руки на спинку сосѣдняго стула и, приподнявъ болѣе обыкновеннаго подбородокъ надъ воротничкомъ бѣлоснѣжной рубашки, началъ разсмѣренно и отчетливо:

— Господа, позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ. По моему

мнѣнію, и напѣ глубокопочитаемый пастырь о. Алексѣй правъ, и напѣ уважаемый Викторъ Петровичъ также съ своей стороны правъ. Мнѣнью Алексѣю естественно желать соединенія новаго кружка съ близкимъ его сердцу приходскимъ попечительствомъ, но и у Виктора Петровича имѣются серьезные основанія къ тому, чтобы протестовать противъ такого соединенія. Что же тутъ дѣлать? Я полагаю, что рѣшеніе вопроса здѣсь весьма простое: надо идти рядомъ, но самостоятельно. Пусть о. Алексѣй, со свойственною ему добротой сердца, занимается о приходскомъ попечительствѣ, а Викторъ Петровичъ, съ присущею ему энергіей, создастъ новое общество помощи бѣднымъ дѣтямъ. Церковное попечительство будетъ дѣлать свое дѣло, а новое общество свое. И на долю того, и на долю другого работы хватить. Я думаю, что никто изъ насъ не откажется какъ вступить въ новый кружокъ, такъ и оказать поддержку и церковно-приходскому попечительству.

Но тутъ вмѣшался Мировъ.

— Сегодня, — сказалъ онъ, — мы собрались здѣсь не для того, чтобы поднимать вопросъ о возрожденіи, говоря по правдѣ, мнѣніе нашего приходскаго попечительства. Мы сейчасъ совершенно уклонились отъ цѣли нашего собранія. Вмѣсто того, чтобы заняться обсужденіемъ своего дѣла и сговориться о томъ, какъ немедленно же приступить къ правильной организаціи помощи голодающимъ вокругъ насъ крестьянскимъ дѣтямъ, мы теряемъ время на разговоры о возрожденіи мертваго дѣтища о. Алексѣя.

— Возродить! Соединиться! Мы согласны съ мнѣніемъ о. Алексѣя! — неожиданно раздался голоса изъ угла, гдѣ сидѣли Смѣловъ, Малиновскій и Борскій. Первые два, какъ-то сразу повеселѣвшіе, криками развязно и побѣдоносно и имѣли видъ людей, почувствовавшихъ подъ ногами почву, но ихъ юный союзникъ Борскій заявилъ свое мнѣніе неохотно, смущенно, точно повинувшись какой-то роковой необходимости, и урывками бросая застѣнчиво-сочувственные взгляды на Лосева.

— Что это съ нашими Серезкой-то? — кивнувъ на Борскаго, взглянулъ къ своему сосѣду Андроновъ.

— Видите, — шепотомъ пояснилъ Корневъ, — какъ Малиновскій олдрывается за «соединеніе», Лосева подсиживаетъ, чтобы не расклевываться на новое общество.

— Понимаю. А «художникъ», значить, изъ дружбы къ пріятелю въ оппозицію сталъ?

Андроновъ беззвучно расхохотался и, чтобы подавить смѣхъ, усилленно затягивался папирисой.

— Я и моя Наташа также не хотимъ новаго попечительства, — быстро нанизывая слова, говорила въ это время Агриппина Павловна Горѣлова. — Мы за батюшку. Если батюшка находитъ, что надо соединиться съ церковнымъ, ну и соединимся. А на новое-то еще какъ начальство посмотреть. Хорошо придумали... безъ разрѣшенія.

Она нервно потянула на плечи спустившуюся вязаную шаль и устремила острый, недружелюбный взглядъ на Лосева. Ярая противница всякой частной инициативы и нововведеній, Горѣлова пріѣхала на собраніе по необходимости, изъ желанія «не отстать отъ сосѣдей», и рѣшила, скрѣпя сердце, примкнуть къ новому дѣлу, полагая къ тому же, что оно организуется подъ сѣнью начальства или духовенства. Но не найдя на собраніи никого, кромѣ приходскаго батюшки съ діакономъ и своихъ же знакомыхъ землевладѣльцевъ, да притомъ еще въ такомъ небольшомъ количествѣ, и не встрѣтивъ тамъ ничея помпезнаго и официальнаго, она закипѣла негодованіемъ противъ смутившаго ея покой Лосева, котораго вообще недолюбливала, какъ безпокойнаго, по ея мнѣнію, человѣка.

— Успокойтесь, мамаша, — тихо обратилась къ матери Наталы Ивановна. — О. Алексѣй неожиданно насъ выручилъ. Теперь наши руки развязаны: отличный есть поводъ не вступать въ лосевское попечительство. Какой, подумаешь, благодѣтель проявился... на чужіи деньги.

Она ядовито улыбнулась и, энергично тряхнувъ своими короткими волосами, вызывающе посмотрѣла на Лосева.

— Смотри-ка, сосѣдь, — опять нагнулся къ уху своего друга Андроновъ, — наша-то прелестная иммортель — совсѣмъ разгнѣванная богиня съ Олимпа, ха-ха-ха!

Но Борневъ не смѣялся. Онъ мрачно слѣдилъ за ходомъ засѣданія и, несмотря на начавшійся расколъ, далеко не былъ увѣренъ въ благополучномъ для себя исходѣ собранія.

И дѣйствительно, когда «оппозиція» успокоилась въ своемъ союзѣ съ священникомъ, остальная часть общества признала, что на рожденіе новаго кружка для помощи голодающимъ дѣтямъ не должно находиться въ зависимости отъ вопроса о возрожденіи церковно-приходскаго попечительства, и постановила немедленно же приступить къ дѣлу.

— Въ виду все болѣе и болѣе усиливающейся нужды деревенской, — убѣждалъ Лосевъ, — всякое наше промедленіе будетъ преступленіемъ. Помощь нужна неотложная. Но прежде чѣмъ организовать эту помощь, намъ необходимы деньги. Перейдемъ же, господа, отъ словъ къ дѣлу и немедленно сдѣлаемъ наши единовременные взносы..

Крупная бумажка, энергично брошенная, упала на Фаррара. Немедленно положила туда же свои деньги и Лосева. Ея примѣру послѣдовалъ и Миронъ.

— Позвольте-съ, Викторъ Петровичъ, за деньгами дѣло не стоять, но вы еще не изволили представить намъ плана организаціи, — замѣтилъ Покровский, любившій во всемъ послѣдовательность и порядокъ.

Лосевъ въ краткихъ словахъ изложилъ «планъ организаціи». Всѣмъ членамъ кружка предлагалось взять на себя попеченіе о ближайшихъ къ каждому изъ нихъ деревняхъ. На первыхъ порахъ въ приходѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ расширенія средствъ, и дальше, за предѣлами прихода, каждая деревня должна была имѣть своего попечителя, обязаннаго заботиться, чтобы въ ней не было ни голодныхъ, ни холодныхъ дѣтей. Эти попечители должны были немедленно же привести въ извѣстность, въ данномъ районѣ, число голодающихъ малолѣтокъ и приступить къ дѣлу снабженія ихъ пищей и одеждой. Единоновременные и ежемѣсячные денежные взносы и разныя пожертвованія предлагалось вручать одному изъ членовъ кружка по выбору общаго собранія.

Павелъ Ивановичъ, удовлетворенный и со всѣмъ согласившійся, подошелъ къ столу и съ видомъ человѣка, совершающаго священнодѣйствіе, положилъ на Фаррара деньги со словами:

— Отъ меня и отъ моей жены.

За нимъ стремительно взошелъ Борскій и, взволнованный и красный до корней волосъ, съ отчаянною рѣшимостью объявилъ:

— Я съ собой денегъ не взялъ, но... внесу ихъ потомъ. Я... долженъ сказать, что и новому обществу сочувствую и... церковно-приходское попечительство воскресить хотѣлъ бы... Я... и въ томъ, и въ другомъ буду участвовать...

Сконфуженный, растерянный, онъ смолкъ и, какъ провинившійся ребенокъ, сѣлъ на прежнее мѣсто подъ негодующими взглядами своего родственника.

Андроновъ неподвижно сидѣлъ въ торжественно-величественной позѣ, съ откинутой назадъ головой, весь окутанный густыми клубами табачнаго дыма. Только усиленное покрхтыванье выдавало его волненіе. Отъ времени до времени онъ искоса поглядывалъ на своего соседа, на лицѣ котораго такъ и написано было: «да минуетъ меня чинъ і сія».

— А при тебѣ деньги-то есть?—шепнулъ онъ ему съ тревогой.

— Есть, — едва слышно отвѣтилъ Борневъ.

аступила продолжительная, тяжелая пауза. Всѣ молча перегля-

дывались съ тѣмъ чувствомъ, которое охватываетъ мало близкихъ людей, когда неожиданно порвется бесѣда, и всѣ молчать, точно потерявъ мысли и даръ слова.

— Развѣ здѣсь нѣтъ больше сочувствующихъ? — вдругъ раздался въ общемъ безмолвіи голосъ Лосева, отъ котораго дамы вздрогнули, точно отъ электрической искры.

Елена Александровна невольно оглянулась на Борнева, который сидѣлъ, весь сторбившись, опираясь руками въ колѣна, какъ будто подъ гнетомъ давившей его тяжести. Почувствовавъ на себѣ ея взглядъ, онъ вдругъ смутился, выпрямилъ спину и, торопливо доставъ изъ кошелька новенькую пятирублевку, какъ-то неловко, бокомъ положилъ ее на край стола. Лицо его приняло страдальческій видъ и замѣтно стало блѣднѣе.

Увидя на столѣ лепту своего друга, Андроновъ, усиленно покрхтывая, но съ наружнымъ спокойствіемъ олимпійца, приподнялся съ своего мѣста, плавнымъ, неторопливымъ жестомъ досталъ изъ кармана громадный засаленный бумажникъ, перевязанный шнурочкомъ, и, вынувъ изъ него двѣ старыя рублевки и одну такую же трехрублевую бумажку, величественно и безмолвно положилъ ихъ на столъ.

— Зарѣзалъ ты меня, безъ ножа зарѣзалъ, — глухо прошепталъ онъ, сверкнувъ на Борнева глазами изъ-подъ сурово сдвинутыхъ бровей. Но быстро овладѣвъ собой, онъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, спокойно погрузился въ кресло и снова застылъ въ своей величественной позѣ среди облаковъ табачнаго дыма.

Смѣловъ и Малиновскій безмолствовали, принявъ видъ безучастныхъ постороннихъ зрителей, а мать и дочь Горѣловы глядѣли такъ, какъ будто имъ нанесено было личное оскорбленіе. Наконецъ, Наталія Ивановна, выпрямивъ свою фигуру атлета, точно готовясь вступить въ бой, рѣшительно заявила:

— Мы съ мамашей не желаемъ участвовать въ этомъ попечительствѣ, мы будемъ въ церковномъ...

И, многозначительно переглянувшись, дочь и мать съ осанкой разгнѣванныхъ королевъ покинули собраніе. За ними, какъ два тѣлохранителя, послѣдовали Смѣловъ и Малиновскій, забравъ съ собой, точно пѣнника, грустнаго и поблѣднѣвшаго Борскаго.

Покровский предложилъ просить о Алексѣя принять на себя трудъ по приему въ своемъ домѣ пожертвованій.

— Не могу, не имѣю времени, — холодно отвѣтилъ онъ, разглаживая рукой бороду. — Вотъ, если бы соединиться съ церковнымъ... Дѣло одно — общее, христіанское...

— Не будемъ больше тревожить сегодня ваше мертвое попечительство, батюшка!—перебилъ его Мировъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ. — Богъ съ нимъ! Вы лучше посодѣйствуйте, по мѣрѣ возможности, процвѣтанію и нашего благодотворительнаго кружка. А соединиться-то намъ будетъ съ чѣмъ впоследствии, только бы благое намѣреніе Виктора Петровича относительно увѣднаго общества осуществилось.

— А кстати! Я и забылъ вамъ сказать, батюшка,—обратился къ священнику Лосевъ, —что на-дняхъ, въ городъ, мнѣ пришлось бѣсѣдовать объ этомъ обществѣ съ нашимъ преосвященнымъ. Владыка отпелся къ его учрежденію весьма сочувственно и тепло, даже выразилъ готовность сдѣлать съ своей стороны крупное пожертваніе.

Густой румянецъ залилъ лицо о. Алексѣя. Онъ весь какъ-то встрепенулся, заволновался и сильно дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Что говорить: доброе дѣло... Я съ самаго начала высказалъ мое сочувствіе и... готовъ посвятить весь свой досугъ этому истинно христіанскому попеченію о малыхъ сихъ.

— И я готовъ служить, чѣмъ могу, — нерѣшительно проговорилъ діаконь, робко взглянувъ на священника, точно неувѣренный въ его одобреніи.

Но о. Алексѣй всѣмъ своимъ радужнымъ видомъ и поощрительнымъ взглядомъ одобрялъ и, замѣтивъ, что Лосевъ, избранный председателемъ кружка, составлялъ списокъ деревень, чтобы распределить ихъ между членами попечительства, попросилъ записать и его съ діакономъ въ число попечителей.

— Рѣчное, Мазилова и Максимиха остаются за вами, Дмитрій Николаевичъ?—спросилъ у Корнева Лосевъ, заканчивая списокъ.

— Нѣтъ, мнѣ некогда... своей работы по горло. Я вотъ только хотѣлъ бы знать: можно ли, вмѣсто постановленныхъ собраніемъ мѣсячныхъ денежныхъ взносовъ, жертвовать натурой?

— Разумѣется, можно,—отвѣтилъ съ невольною улыбкой Викторъ Петровичъ, записывая три ближайшихъ къ владѣніямъ Корнева деревни на свое имя.

— Ужъ не думаешь ли ты, душа моя, свою гнилую капусту проглотодною сплавить на пользу «бѣдныхъ дѣтишекъ»?—толкнулъ свое о друга Андроновъ, перебираясь съ нимъ на отдаленные стулья, въ ожиданіи развѣзда.

— Даровому коню въ зубы не смотрять, —отрѣзалъ тотъ. —Во всякомъ случаѣ я рѣшилъ денегъ больше не давать. Влетѣлъ, дошло о! Думалъ: соберутся, поговорять, потолкуютъ, да и развѣдутся. А тутъ, чортъ бы ихъ драгъ, взносы сейчасъ же подавай! Если

бы зналъ, ей-Богу не поѣхалъ бы. Какая мнѣ, лѣпшій, польза отъ этого общества? Одинъ убытокъ...

— Д-а! — многозначительно протянулъ Андроновъ, — «спектакль»-то оказался не бесплатнымъ. И подвелъ же ты меня, сосѣдшка! — продолжалъ онъ насмѣшливо. — Я на тебя надѣялся, какъ на каменную стѣну, а ты, туда же, за меньшую братію! ха-ха-ха!... Пять цѣлковыхъ! Да вѣдь это цѣлая голова сахару, а тутъ какъ въ печку бросилъ. И это въ моемъ плачевномъ положеніи! Вѣрилъ я, душа моя, въ твое мужество и храбро ѣхалъ на собраніе, «годовъ тяжелый грузъ забывъ», а ты, гляжу, и сплеховалъ.

— А что-жъ мнѣ было дѣлать, когда деньги изъ всѣхъ кармановъ на столъ посыпались, и только мы съ вами, двое «сочувствующихъ», сидимъ и въ усъ не дуемъ? Вижу, Елена Александровна на меня смотритъ... Я и не выдержалъ, свалилъ дурака, — оправдывался Борневъ. — Ну, да впередъ отъ меня не разживутся!

Высказавъ такое рѣшеніе, онъ приободрился и выпрямился, точно готовясь смѣло идти навстрѣчу опасности.

Всѣ встали со своихъ мѣстъ, шумно задвигали стульями и какъ-то сразу оживились. Только скорбная фигура діакона осталась неподвижной у стѣны, точно окаменѣвшая въ своей печали. Гулъ голосовъ, прерываемый то смѣхомъ, то кашлемъ, то грохотомъ отодвигаемаго кресла или стула, разомъ наполнилъ собою всю комнату.

Когда стали развѣзжаться, Павелъ Ивановичъ, замѣтивъ, что Лосевъ ищетъ свою шапку, бросился къ нему и, пожимаая на прощаніе обѣ его руки, патетически началъ благодарить его «за радость своего прозрѣнія».

— Сегодняшій день, — восторженно говорилъ онъ, — будетъ счастливейшимъ днемъ въ моей жизни. И виновникъ моего счастья — вы. Да, Викторъ Петровичъ, вы, открывшій всѣмъ намъ глаза и указавшій путь, по которому... Да куда же вы такъ торопитесь?... — съ огорченіемъ прервалъ себя Петръ Ивановичъ, пытаясь удержать въ передней Лосева, который спѣшилъ къ выходу, желая избавиться отъ грозившаго ему пространнаго диѳирамба хозяина, обладавшаго способностью не упускать ни одного подходящаго случая для «произнесенія слова».

Проводивъ гостей, Павелъ Ивановичъ вернулся въ комнаты и, довольный, и какой-то торжествующій, подошелъ къ женѣ, гасившей въ залѣ лампу съ краснымъ абажуромъ, и сказалъ:

— Свершилось!

Онъ помогъ женѣ задуть трепетавшій въ лампѣ, совсѣмъ умирающій огонекъ и прибавилъ:

— А Макаровы-то каковы: не прїѣхали! Прислали управляющаго! Какъ тебѣ это нравится?

— Ахъ, мнѣ все равно, все равно! — страдальчески отвѣтила блѣдная и измученная Лидія Федоровна. — Я совсѣмъ умираю отъ утомленія и головной боли.

IV.

Прошло пять мѣсяцевъ. Была вторая половина апрѣля. Поля уже обнажились, озимыя ожили, дороги размягли. Отъ снѣжныхъ сугробовъ только и остались кое-гдѣ въ низинахъ, да густой чащѣ лѣса бѣлыя пятна съ робко пробивающеюся зеленою травкой по краямъ. Въ мягкомъ, прозрачномъ воздухѣ пахло набухшей почкой и талой землей, сильно пригрѣтой яркими и горячими лучами весенняго солнца.

— Здорово припекаетъ, совсѣмъ по-лѣтнему, — говорилъ Андроновъ, сидя съ неразлучной папирсой на ступенькахъ террасы своего дома и разстегивая нѣсколько верхнихъ пуговицъ драповаго потертаго пальто — просторнаго и длиннаго, какъ бурка. — Митя! выходи ты изъ моего печальнаго аббатства на вольный воздухъ... Дыхни-ка: благо-раствореніе-то какое! — Андроновъ потянулъ нѣсколько разъ носомъ воздухъ съ рѣдѣющими при легкомъ вѣтеркѣ кольцами табачнаго дыма и откинулъ на затылокъ старую, лоснящуюся дворянскую фуражку съ кокардой. — Садись. Не хочешь ли въ ожиданіи обѣда червячка приваморить? Люблю я проснувшуюся отъ зимняго сна природу: ея весенній воздухъ чертовски на аппетитъ дѣйствуетъ! Вотъ здѣсь, — Андроновъ показалъ въ уголъ, гдѣ помѣщалась большая деревянная плѣть съ дощатымъ верхомъ, въ которой откармливались три жалкихъ, тощихъ курицы и откуда временами доносился тяжелый запахъ невычищеннаго птичника, — вотъ здѣсь, на лонѣ благоухающей природы, мнгомъ велимъ подать себѣ...

— Если для меня, то не безпокойтесь, — перебилъ Борневъ, усаживаясь рядомъ съ своимъ другомъ на полусгнившей лѣстницѣ балкона.

— Ну, какъ знаешь... Оно, пожалуй, и лучше не портить обѣда. гановилось жарко. Солнце забралось на террасу и ласково приграло бѣдныхъ плѣтницъ, подобранныхъ крылья и жалобно просящихся на свободу. Въ саду стройныя березы колыхали своими тонкими, до земли свлоненными вѣтвями, и сверху донизу усыпали ихъ распускавшіяся, душистыя почки. Весело порхали и щебетали птицы. Почти у самой лѣстницы, гдѣ сидѣли друзья, стайка во-

робьевъ задорно прыгала на солнечномъ припеѣ, шурша сухимъ осеннимъ листомъ, толстымъ слоемъ лежавшимъ по всему невычищенному саду. Въ глубинѣ отдаленной аллеи, на вершинѣ черной, совершенно еще обнаженной липы, рѣзко перебликалась пара дроздовъ... Все кругомъ дышало ароматной весной, проснувшеюся жизнью, красотой теплаго, яснаго апрѣльскаго дня.

— Ну и какой же пуляркой я угощу тебя сегодня, душа моя, объяденіе!—восторженно обратился къ своему другу Андроновъ.— Нарочно одну велѣлъ для тебя зарѣзать,—продолжалъ онъ, указавъ на своихъ тощихъ плѣнныхъ куръ, съ полуопущенными крыльями грустно и вяло клевавшихъ куски чернаго хлѣба, разбросаннаго на неопрятномъ днѣ влѣтки.— Жаль вотъ только, что сморчковъ еще нѣту. Петька-конюхъ обѣщалъ, да не принесъ, мерзавецъ! А свѣжая пулярка подь соусомъ изъ сморчковъ, съ лучкомъ, съ перчикомъ, со сметанкой, да если еще сдобрить тертымъ мускатнымъ орѣхомъ... это, братецъ ты мой, таковой деликатесъ, какихъ мало!... Пшца боговъ!

— А по-моему, безъ сморчковъ лучше,—равнодушно замѣтилъ Борневъ.

— Безъ сморчковъ лучше! Ха-ха-ха! Эхъ ты, дитя природы!

Андроновъ снисходительно потрепалъ сосѣда по плечу и, съ усиленіемъ поднявшись со ступенекъ, направился къ калиткѣ, у которой только что остановились нѣсколько нищихъ, дряхлыхъ, измученныхъ долгой ходьбой стариковъ.

— Что, братцы, скажете?

— Милостыньку, батюшка, Христа-ради!—прошамгали прохожіе и низко склонили свои обнаженные головы.

— А, милостыньку! Такъ вотъ что я вамъ скажу, дорогіе мои: ступайте вы въ сосѣднее село, Овечій-Ручей, къ тамошнему священнику и скажите, что дубовицкій баринъ васъ прислалъ. Тамъ, драгоценные мои, для васъ деньги отпущены... Идите къ попу и требуйте свою часть.

— Что-то не слышали мы про то, батюшка,—нерѣшительно замѣтилъ одинъ изъ стариковъ.

— Какъ не слышали! Сорокъ тысячъ на васъ, милые мои, отпущено, по двадцати рублей на брата... Идите и требуйте, говорю, свою долю.

— Не слышали, батюшка, про то, не слышали... Подай, Христа-ради, хоть кромочку хлѣбца... Издалеча идемъ-то, батюшка.

— Говорятъ вамъ, ступайте къ отцу Алексѣю въ Овечій-Ручей, а меня не беспокойте!—прикривнулъ на стариковъ Андроновъ и, захлопнувъ калитку, пошелъ обратно на террасу.

Здѣсь онъ разразился неудержимымъ хохотомъ и, захлебываясь, съ трудомъ переводя духъ, проговорилъ, обращаясь къ тоже хохотавшему Корневу:

— Каково выпроводилъ я кліентовъ-то нашихъ! А? Геніально? Пусть теперь папаша нашъ расхлебываетъ, ха-ха-ха!

Въ дверяхъ появился, руки по швамъ, Николка съ обычнымъ своимъ выраженіемъ недоумѣнія на сильно уже загорѣвшемъ лицѣ и объявилъ, что обѣдъ готовъ.

— Идемъ, сосѣдушка, въ столовую. Жрать хочу, какъ стая голыхъ шакаловъ.

Андроновъ затянулся остаткомъ папирасы и направился въ домъ, предварительно отшвырнувъ сильнымъ взмахомъ руки далеко на дорожку окурокъ, отчего пріютившіеся на садовой рѣшеткѣ воробьи испугались и дробью рассыпались въ воздухъ, изступленно чиркая.

Оба друга вошли въ столовую. Яркій весенній день, врывавшійся сквозь тускляя стекла, беспощадно обнажалъ все мрачное убожество этой комнаты съ ея оборванными, грязными обоями, съ почернѣвшими, растрескавшимися потолкомъ, облупившимся поломъ и скудной, ветхой мебелью, надъ которою доминировалъ огромный клеенчатый диванъ съ провалившимся сидѣньемъ. Пахло сыростью и затхлостью стараго, запущеннаго дома, вмѣстѣ съ застоявшимся запахомъ дешеваго табаку...

— Прежде всего, Митя, пропустимъ отечественной, — усаживаясь за столъ, покрытый заштопанною и очень дурно вымытою скатертью, обратился къ гостю Андроновъ. — За твое драгоценное здоровье!

Онъ однимъ глоткомъ опустошилъ рюмку и медленными движеніями вилки приступилъ къ закускѣ.

Корневъ послѣдовалъ его примѣру и протянулъ руку съ кускомъ чернаго хлѣба, намазаннаго масломъ, къ зеленому тертому сыру.

— Бриминаль! Что ты дѣлаешь, Митя! Начинать съ сыра, когда за столъ сервирована селедка! — Андроновъ съ неподдѣльнымъ негодованіемъ отстранилъ отъ сыра руку гостя и подвинулъ къ нему одно гарнированную астраханку. — Бери, закусывай и хватимъ передъ горячимъ по второй.

Въ онъ съ наслажденіемъ стараго гурмана, характерно смакуя заливную стряпню своей 65-тилѣтней Матрены, и усердно поощрялъ своего друга, который поглощалъ все безъ разбора съ аппетитомъ здороваго, проголодавашагося человѣка.

Слѣдъ «горячаго», приводя въ порядокъ съ помощью сине-грязныхъ «фетки свои длинныя, гетманскіе усы, онъ обратился къ Корневу

— Не знаешь ли, Митя, вернулся ли Лосевъ изъ Петербурга?

— Не знаю, — нехотя отвѣтилъ тотъ.

— А какъ ты, однако, полагаешь, дружище, утверждать ему уставъ или нѣтъ?

— А, что-бъ его съ этимъ уставомъ! — Борневъ энергично пихнулъ въ сторону пустую глубокую тарелку. — И теперешнее-то попечительство его проклятое хуже рѣдки надошло, а онъ еще носится съ своимъ уѣзднымъ обществомъ, да съ разными тамъ пріютами, яслями, ремесленными отдѣленіями да земледѣльческими колоніями.

— Да, братецъ ты мой, животь свой готовъ положить нашъ Викторъ Петровичъ на пользу «бѣдныхъ, обездоленныхъ малютокъ»! ха-ха-ха! Ыздить, хлопочетъ, волнуется... Видѣлъ я его передъ послѣдней поѣздкой въ городъ. Спрашиваю: надѣетесь ли вы, дорогой нашъ Викторъ Петровичъ, что уставъ будетъ утвержденъ? А самъ думаю: ну какъ, грѣхомъ, утверждать! Тогда дѣло мое совсѣмъ — труба. Не будетъ ли, спрашиваю, препятствій какихъ? Ни минуты, говоритъ, не сомнѣваюсь, что уставъ нашъ пройдетъ. Мы, говоритъ, отъзываемся на истинную нужду деревни, которая давно ждетъ пріобрѣтѣнія своихъ обездоленныхъ дѣтей, а правительству, говоритъ, нѣтъ смысла тормазить инициативу частной и общественной благотворительности; напротивъ, оно должно дать ей просторъ, всячески ей содѣйствовать, идти навстрѣчу и...

— И пошелъ, конечно, разводить турусы на колесахъ, — перебилъ Борневъ. — Соловьемъ, небось, пѣлъ... Знаемъ мы его! А вотъ только мы посмотримъ, откуда денегъ онъ возьметъ на всѣ эти затѣи, если дѣло съ уставомъ выгоритъ?

Онъ торжествующе посмотрѣлъ въ пространство, точно уже видѣлъ передъ собой Лосева, безъ надежды достать денегъ.

— Не безпокойся, сосѣдушка, — возразилъ ему Андроновъ, не смѣиваясь. — Теперь за деньгами остановки не будетъ: дѣло ужъ на мази — не станетъ. Разъ Лосевъ притянулъ-таки весь нашъ звѣринскій къ филантропіи, то ужъ будь увѣренъ, что и въ будущемъ обществѣ всѣ примемъ участіе. Теперь ужъ хочешь, не хочешь, а денежки вкладывать будешь... словно подъ гипнозомъ.

— Ну, ужъ я-то второй разъ впросака не попаду, теперь звѣрь травленный, баста! — горячо запротестовалъ Борневъ и опрокинулъ въ ротъ рюмку мандариновки, слѣдуя примѣру хозяина, который любилъ передъ жаренымъ «заложить» стаканчикъ какой-нибудь изъ многочисленныхъ своихъ домашнихъ настоевъ.

— Не зарекайся, Митя, примгнешь. Мы съ тобой и на покечительство рѣшили было денегъ не давать, да вотъ раскошеливаемся

и цѣлыхъ пять мѣсяцевъ по примѣру прочихъ. Филантропией, вопреки принципу, занимаемся, ха-ха-ха! Не отвертѣлся... Тоже господа благотворители! Ха-ха-ха!...

— Николка!—вдругъ прервалъ свой хохотъ Андроновъ такимъ значимымъ голосомъ, что можно было подуматъ, что Николка находился гдѣ-нибудь на противоположномъ концѣ двора, а не стоялъ тутъ же у двери, слѣдя своимъ недоумѣвающимъ взглядомъ за движеніями барина.—Николка! второе подавай!

Николка бросился «за вторымъ» и чуть не сбилъ съ ногъ попавшійся ему навстрѣчу Матрену. Красная и вспотѣвшая, только что, видимо, оторвавшаяся отъ раскаленной плиты, она остановилась у порога и объявила, что «гость пріѣхалъ».

— Кто такое? Какъ фамилія?—спросилъ Андроновъ.

— Какъ его... память-то у меня старая... забыла, какъ звать-то. Баринъ... хохлатый такой... съ Ольховки.

Андроновъ больше не спрашивалъ. Онъ сбросилъ съ груди салфетку и, извинившись передъ другомъ, послѣшилъ къ выходу.

Но въ этотъ моментъ въ дверяхъ столовой появился радостный, сияющій Лосевъ и весело сказалъ:

— Господа, уставъ нашъ утвержденъ...

На другой же день всѣмъ землевладѣльцамъ было разослано приглашеніе пріѣхать въ ближайшее воскресенье въ Ольховку на учредительское собраніе, причемъ Лосевъ, увѣдомляя о собраніи Мирова, писалъ: «Отбросьте, прошу васъ, всѣ свои сомнѣнія и не придавайте слишкомъ большого значенія неискренности многихъ нашихъ членовъ. Важно такъ или иначе втянуть въ дѣло всѣхъ и заставить творить добро даже эгоистовъ и равнодушныхъ. Вспомните, при какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ организовалось наше попечительство, вспомните странное къ нему отношеніе нѣкоторыхъ членовъ... Однако же оно всю зиму дѣлало свое доброе дѣло и теперь не только не распалось, но, наоборотъ, разрослось и окрѣпло настолько, что можетъ служить ядромъ будущему обществу попеченія о бѣдствующихъ и безпріютныхъ крестьянскихъ дѣтяхъ всего нашего уѣзда. Я вѣрю, что стоитъ только крѣпче сплотиться всѣмъ искренно преданнымъ и верующимъ, стоитъ только собрать всѣ силы и средства, какими мы располагаемъ, чтобы поработать и за себя, и за другихъ, и отъ добраго дѣла не уйдетъ никто, не уйдутъ даже Корневы и Андроновы».

Е. Ловецкая.

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ *).

11 января 1876 года дебютировала въ Москвѣ Лукка въ роли Маргариты въ «Фаустѣ» Гуно. При появленіи во 2-мъ актѣ пѣвицы, которую Москва никогда прежде не слыхала, не было ни одного аплодисмента; не знаю, что было тому причиной. Хотѣла ли публика сама провѣрить громадную репутацію примадонны, или быть можетъ холодный пріемъ былъ подготовленъ неблагоприятными отзывами нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ, трубившихъ, что Лукка не можетъ пѣть въ Россіи, потому что не переноситъ климата, и постоянно то не въ голосъ, то больна. Только ужъ съ 3-го дѣйствія, въ которомъ артистка увлекла зрителей выраженіемъ невиннаго счастья Маргариты, заставила всю залу пережить съ нею восторги перваго свиданія и робкую радость первой любви, публика поняла, что видитъ въ первый разъ подобное исполненіе, видитъ въ пѣвицѣ и великую драматическую актрису, талантъ которой блисталъ ярче того электрическаго свѣта, какимъ залита сцена въ минуты разлуки Фауста съ Маргаритой; слышитъ голосъ, въ каждой нотѣ котораго звучитъ чувство, слышна душа; видитъ, наконецъ, на оперныхъ подмосткахъ жизнь и правду!

Понятно, что послѣ этого дѣйствія вызовамъ и аплодисментамъ не было конца.

Я видѣлъ прежде прекрасную Маргариту—Нильсонъ. Весь 3-й актъ, пока Гретхенъ остается свѣтлымъ типомъ, созданнымъ Гете перешедшимъ, какъ олицетвореніе невинности, и на полотно, и въ музыку, и въ жизнь, — Нильсонъ замѣчательно хороша, и трудно вѣрнѣе изучить и передать эту роль. Но сколько разъ мнѣ ни приходилось видѣть въ этой роли Нильсонъ, она всегда играла ее одинаково; напередъ знаешь каждое ея движеніе, каждый правдивый и прекрасный жестъ. Всегда одно и то же изумленіе при видѣ бриллиантовъ, одна и та же поза, выраженіе лица милой невольной кокетки

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1900 г.

зубующейся на себя въ зеркало; на одномъ и томъ же мѣстѣ она начинала обрывать лепестки цвѣтка, гадая, любить ли ее Фаустъ. И всегда при исполненіи гаданія одинаково выражала свой восторгъ и все ту же дѣтскую радость. Прекрасная, но однообразная игра, безъ наибѣйшаго измѣненія... то-есть безъ вдохновенія. Не такова Лукка. Помню я ее при началѣ ея сценическаго поприща въ Берлинѣ, и во всѣ ея прїѣзды въ Петербургъ я почти не пропускалъ ни одного представленія, когда она играла (именно *шрала*, а не только пѣла). Каждый разъ я находилъ новую прелесть въ исполненіи той или иной сцены, и такъ во всѣхъ роляхъ: въ Церлинѣ («Донъ-Жуанъ» и «Фра-Діаволо»), въ потрясающемъ дуэтѣ 4-го акта Валентины съ Фаулемъ (что это было за совершенство пѣнія и игры, когда Лукка пѣла въ «Гугенотахъ» съ Марио!), въ шаловливомъ пажѣ «Свадьбы Фигаро» и въ «Миньонѣ», другомъ безсмертномъ типѣ Гёте. Помню такъ сейчасъ одно представленіе «Трубадура». Послѣ многократныхъ отбѣгнъ спектаклей по случаю болѣзни Лукка принуждена была, хотя и больная, пѣть партію Элеоноры съ Никколини въ самомъ разгарѣ того романа съ Патти *). Всѣмъ извѣстна ревность Патти къ успѣхамъ ея сценическихъ соперницъ и соперниковъ; она даже не могла переносить триумфа шестидесятилѣтняго Марио. На этомъ представленіи «Трубадура» Патти была въ театрѣ. Никколини, чтобы угодить своей возлюбленной, форсировалъ голосъ, желая вполне заглушить сильную Лукку. Наступилъ послѣдній актъ; Никколини изъ тюрьмы пѣетъ «Miserege», Лукка на сценѣ одна; услышавши голосъ Маприко и не видя его, она задрожала и заметалась по сценѣ, ища, откуда исходитъ дорогой для нея голосъ? Волненіе, страданіе, блеснувшая мимовременіе радость, которыя выражала она своею мимическою игрой, поразили публику. Раздались аплодисменты, несмотря на то, что Никколини продолжалъ пѣть; и, какъ онъ ни старался, рукоплесканія *молчаливой* Луккѣ заглушали пѣніе Никколини.

Бывало съ Луккой, что, увлекаясь, она дѣлала промахи и у нея прорывались движенія, не подходившія къ исполняемой роли. Разъ пѣла она въ Петербургѣ въ «Фаустѣ». Въ 4-мъ дѣйствіи, въ сценѣ у церкви, битая горемъ, рыдая, пала ницъ бѣдная Маргарита. Укоры совѣсти слышитъ она въ звукахъ аріи Мефистофеля; тогда подъ гнетомъ непереносимыхъ страданій, точно обезумѣвъ, она вскочила, далеко кинула отъ себя молитвенникъ, закрыла лицо руками и снова, павъ на колѣни, судорожно зарыдала. Строгій критикъ справедливо осудить эту игру. Набожная, смиренная Гретхенъ никогда не кинетъ святой

*) По окончаніи петербургскаго сезона дѣла развелась съ маркизомъ Ко и вышла замужъ за Никколини.

книги; этотъ страстный порывъ не вѣренъ характеру роли; но онъ былъ такъ прекрасенъ, такъ поразителенъ, что многимъ знаменитымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ можно пожелать побольше такихъ мгновений, такихъ ошибокъ.

Бстатн объ этой сценѣ: при исполненіи ея Патти, Нильсонъ и другими пѣвцами Мефистофель поетъ свою партію, стоя на сценѣ; подь конецъ начинаетъ привлекать къ себѣ Маргариту, которая, точно загнипнотизированная, приближается къ нему и безъ чувствъ падаетъ къ его ногамъ. Довольно бессмысленная балетная сцена. Не такъ играетъ ее Лукка. Гретхенъ на сценѣ одна; изъ раскрытыхъ дверей церкви слышенъ органъ и святые напѣвы, и она направляется къ храму; вдругъ раздается зловѣщій голосъ Мефистофеля, который не выходитъ на сцену, а изъ колодца появляется его огненный отблескъ, исчезающій каждый разъ, какъ кончается речитативъ. И для Гретхенъ эти звуки являются какъ бы укоромъ совѣсти изъ глубины души, какъ ужасное воспоминаніе ея паденія, грѣховной любви и мучительнаго счастья!

Поэтическая минута, вполне подходящая къ великому сюжету трагедіи! Какой просторъ для игры большому таланту! Заурядному же дарованію гораздо легче пѣть, отступая шагъ за шагомъ, выдѣлывать заученные приемы драматической пагистики, по традиціямъ старой школы и, наконецъ, падать къ ногамъ Мефистофеля.

Въ 4-мъ дѣйствіи, гдѣ кончается свѣтлая сторона роли, гдѣ идеаль невинности—Гретхенъ—становится грѣшной женщиной, мучимою душевными страданіями, слабѣетъ исполненіе г-жи Нильсонъ. Тамъ, гдѣ недостаточно одного изученія роли, обдуманности каждаго жеста и движенія, гдѣ нужны большая сила таланта, вдохновеніе, присутствіе священнаго огня,—тамъ-то является полное торжество Лукки! Сколько слезъ, мольбы звучало въ ея пѣніи, когда она стремилась къ церкви; какъ судорожно держалась она за ступени; какаа надежда мгновенно вспыхивала на ея прекрасномъ лицѣ при звукахъ молитвы и какое отчаяніе омрачало ея синіе глаза при пѣніи Мефистофеля! Сколько правды въ тяжкомъ горѣ внесла въ эту сцену Лукка! И когда переполнился фіалъ страданій Маргариты, она, какъ стебель, подкошенный косою, упала на каменные ступени.

Въ сценѣ смерти Валентина въ исполненіи Лукки не было эффектнаго, но невѣрнаго по роли, сумашествія Маргариты. Нильсонъ и многія пѣвицы Дрюилинскаго театра и Большой Парижской оперы, вели эту сцену такъ: когда Маргарита падаетъ на трупъ брата и наконецъ начинаетъ медленно опускаться, тогда постепенно подымается Маргарита и, выпрямляясь во весь ростъ, съ безумствомъ въ очахъ,

стоит одна, какъ надгробная статуя надъ умершимъ, а весь народъ въ колѣняхъ тихо поетъ заупокойную молитву. Красивый, но не яркий эффектъ, въ которому никогда по складу своего дарованія не могла прибѣгнуть Лукка. Нѣтъ, она просто вела все послѣднее мненіе: переживъ столько страданій въ предыдущей сценѣ у церкви, безропотно переносила она и укоры брата, и презрѣніе толпы; ее несли къ Валентину и любовь, и страшное сознаніе, что она—не-малая причина его смерти; съ порывомъ нѣжности кинулась она къ нему на его призывъ, и когда послѣднія слова къ ней брата были проклятіемъ, съ ужасомъ и раздирающимъ душу воплемъ бросилась она на трупъ Валентина... Я никогда не забуду страшныхъ глазъ Маргариты, глядѣвшихъ въ лицо умершаго брата, голову котораго она держала въ рукахъ! Въ этомъ взглядѣ былъ и ужасъ при видѣ смерти и только что поразившаго ее проклятія, и все отчаяніе погибшей, навсегда сломленной жизни!

Упалъ, наконецъ, занавѣсъ, но подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, окаменѣвшая публика молчала... Прошло мгновеніе, и раздался возгласенный клики и громъ рукоплесканій! Черезъ тридцать лѣтъ увидѣла Москва на тѣхъ же подмосткахъ, гдѣ царилъ Мочаловъ, преемнику великаго трагика! Мочаловъ былъ драматическій актеръ, Лукка — пѣвица, но Божій даръ у нихъ былъ одинъ. Въ пылу восторга Москва поставила рядомъ эти два имени...

Я не музыкантъ и потому, не позволяя себѣ говорить о достоинствахъ пѣнія Лукки, могу только выразить то, что чувствуетъ человѣкъ, душу котораго трогаетъ все прекрасное и великое въ искусствахъ, кому и музыка даетъ много счастья, кто сознаетъ, что въ-рѣшъ стихъ Пушкина:

Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь—мелодія...

Особенность пѣнія Лукки, то, чѣмъ она напоминаетъ великаго Рубини, это—*драма въ голосъ*. Кто хоть разъ слышалъ Рубини, тотъ никогда не забудетъ неподвижнаго пѣвца, стоящаго безучастно среди происходящаго вокругъ него дѣйствія. Но онъ запѣлъ... и не говоря уже о мелодичности голоса и металлическомъ тембрѣ, подобныхъ которымъ никто не слышалъ, сколько было нѣги, радости, счастья: въ его любовномъ признаніи, какія горячія слезы лились вмѣстѣ съ голосомъ въ Соннамбулѣ, какими проклятіями гремѣлъ онъ въ Лю-и! Самъ же онъ оставался всегда неподвиженъ, безъ игры, безъ жестикуляціи... а всѣ другіе пѣвцы казались пигмеями, и старательная работа большинства изъ нихъ была мелка передъ неподвижнымъ вулканомъ—огнедышащаго пѣнія!

Фазатки *одного* пѣнія, безъ драматической игры, часто повторяютъ опредѣленіе Россини, когда его спросили, какія необходимы условія для хорошаго пѣвца. «Три условія, — отвѣчалъ будто бы маэстро. — Первое — голосъ, второе — голосъ и третье — голосъ», прибавляя при этомъ, что драматическая игра въ оперѣ — второстепенное дѣло (чуть не роскошь), что игрою артиста можно восторгаться въ драмѣ и комедіи, а въ оперѣ главное — голосъ и умѣніе пѣть. Согласенъ, ежели голосъ такой, *драма* въ голосѣ такая, мастерство пѣнія такое, какъ все было у Рубини. Но къ чему говорить о невозможномъ? Теперешніе тенора не могутъ замѣнить не только Рубини или Маріо но даже и Тамберлика. Доживемъ мы, пожалуй, до того, что будутъ преклоняться и передъ Мазини и его называть Dio del Canto...

Но можетъ быть, что, явись теперь и Рубини, все же въ драматическихъ операхъ: «Гугенотахъ», въ «Пророкѣ», въ «Фаустѣ», послѣ пѣнія и драматической игры Маріо, Гризи, Уэтамъ и Лукки, насъ и удовлетворилъ бы *одинъ* божественный голосъ самого Рубини.

Лукка и голосомъ, и превосходною игрою переноситъ насъ въ давно прошедшее время, въ золотой вѣкъ итальянской оперы, когда въ Петербургѣ пѣли: Віардо, Альбони, Гризи, Бозіо, Маріо, Лябляшъ, Тамбурины, Тамберликъ, Граціани, Богаджиоло, Уэтамъ. Не дѣлая сравненія голосовыхъ средствъ, мастерства пѣнія названныхъ выше великихъ примадоннъ съ голосомъ и пѣніемъ Лукки, я говорю о цѣльности впечатлѣнія въ исполненіи ею тѣхъ же оперныхъ партій, и притомъ о разнообразіи въ ея репертуарѣ: Церлина въ «Донъ Жуанѣ» и «Фра-Діаволо» и Валентина въ «Гугенотахъ», Маргаритъ въ «Фаустѣ» и Миньона, «Барменъ» и «Африканка», Пажъ въ «Свадьбѣ Фигаро», Розина въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и «Аида», Элеонора въ «Трубадурѣ» и другія партіи оперъ Верди. Такой разнообразный репертуаръ былъ только у Джуліи Гризи, которую я слышалъ идеальной Нормой, Семирамидой и потомъ Розиной въ «Севильскомъ Цирюльникѣ».

Понятно, что московская публика стремилась въ театръ, восторгалась Луккой, платя не барышникамъ, а самой дирекціи такія цѣны, какихъ не платили даже при представленіяхъ Патти, — платила, не смотря на то, что Лукка пѣло съ такими тенорами, какъ синьоры Борси и Павани, и съ контральто Джинделли. Но что за дѣло у нихъ публикѣ, — ей нужна одна Лукка.

Какъ нужны картины великихъ мастеровъ для художественнаго образованія будущихъ поколѣній живописцевъ, такъ таланты подобные Маріо и Луккѣ, нужны, какъ образцы пѣнія и драматической игры для будущихъ пѣвцовъ, актеровъ и актрисъ. Маріо, въ послѣдніи

пріѣздъ свой въ Петербургъ, былъ уже безъ голоса, но великимъ мастерствомъ пѣнія и геніальной игрой оставался колоссомъ въ искусствѣ, которому не шикать должны были, а на котораго должны были бы молиться начинающіе артисты.

Въ Петербургъ въ семидесятыхъ годахъ при постановкѣ на Малинскомъ театрѣ трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ» была исключена сцена «Царская дума», въ которой каждое слово—драгоценный перлъ поэзіи,—сцена, полная страшнаго трагизма въ положеніи Бориса, долго слушающаго рассказъ патріарха о явленіи во снѣ царевича Димитрія слѣпцу и ищѣніи его у гроба младенца, убитаго Борисомъ *).

Дирекція тогда пожертвовала однимъ изъ лучшихъ мѣстъ драмы, чтобы только не вывести на подмостки патріарха. Въ Москвѣ теперь не выпускаютъ болѣе сцену «Царская дума», но вмѣсто патріарха является бояринъ; опять безсмыслица: царь, обращаясь къ боярину, говоритъ:

Ты первый,
Святой отецъ, свою повѣдай мысль.

И потомъ:

Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда **).

Да и вся рѣчь патріарха такова, что ея не можетъ говорить бояринъ, и подобная негѣпость при постановкѣ «Бориса Годунова» не возволительна.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ распоряжались проще. Приведу въ примѣръ слѣдующую интересную афишу представленія въ Большомъ театрѣ, которую я сохранилъ на память:

«Петръ Пустыникъ.
Опера Россини.
Дѣйствующія лица.

Петръ Пустыникъ.

Фараонъ.

Маги и такъ далѣе, имена выдающихся іудеевъ (современниковъ Моисея).

*) Пушкинъ въ примѣчаніи къ этому монологу пишетъ: *Общее смущеніе. Въ продолженіи сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ.*

**) На спектаклѣ у Графа А. Д. Шереметева давали „Бориса Годунова“, и въ сценѣ „Царская дума“ публика въ первый разъ увидѣла патріарха. Я считаю себя счастливымъ, что мнѣ пришлось тогда играть эту роль.

Бурьезъ объясняется просто. Ставить оперу Россини «Моисей»; нельзя же выпустить на сцену пророка, и вотъ, ничего не измѣняя ни въ либретто, ни въ постановкѣ оперы (съ неопалимой купиною), переименовываютъ только Моисея въ Петра Пустынника! Цензоръ не догадался однако дать названія крестоносцевъ другимъ дѣйствующимъ лицамъ и вышелъ маленькій анахронизмъ — такъ, лѣтъ на 2700, не болѣе, и современниками Петру Пустыннику стали Фараонъ и маги. Другими словами: Петръ Пустынникъ вмѣсто Палестины попалъ въ Египетъ къ фараонамъ за 3688 лѣтъ до своего рожденія! Потомъ постарались исправить эту хронологическую неточность, переименовавъ Моисея въ Зору. Когда дошелъ чередъ въ итальянской оперѣ до постановки Мейерберовскаго «Пророка», я ожидалъ, что театральная цензура послѣдуетъ примѣру цензора николаевскаго времени Елагина, который, въ концѣ сороковыхъ годовъ, пропустилъ дѣтскій разсказъ съ картинкой «Пророкъ Магометъ»; но на картинкѣ, въ заглавіи и въ текстѣ, вездѣ, гдѣ было написано «Пророкъ Магометъ», цензоръ прибавилъ *Лже*, такъ что въ разсказѣ правовѣрный мусульманинъ, усердно молясь, говорилъ: «О, лже-пророкъ, Магометъ!» *) Но времена уже перемѣнились, вмѣсто лже-пророка было напечатано: Иоаннъ Лейденскій. Ранѣе же этого, при постановкѣ «Гутенотовъ» въ 1849 г., дирекція, вѣроятно, чтобы не огорчить петербургскихъ нѣмцевъ напоминаніемъ о прискорбиномъ фактѣ избіенія гутенотовъ въ Вареломеевскую ночь, переименовала оперу Мейербера въ «Гвельфы и Гибеллины». Впрочемъ, можетъ быть, это переименованіе сдѣлано было съ финансовою цѣлью: дирекція не хотѣла, чтобы грустное для лютеранъ названіе оперы мѣшало имъ ходить ее слушать.

Съ конца семидесятыхъ годовъ стало затихать дивное пѣніе, замолкалъ потрясающій вопль Мельпомены; одинъ за другимъ покидали нашу сцену великіе пѣвцы и актеры..., и заснулъ я непробуднымъ сномъ! Постепенно, съ годами, не только сталъ я забывать прежнія радости и восторги, но въ моемъ глубокомъ снѣ мнѣ даже не снились потрясавшіе меня великіе образы, то леденившіе мнѣ кровь, то наполнявшіе счастье чуткое сердце! Пушкинскій слѣпой (въ монологѣ патріарха передъ царемъ Борисомъ) былъ счастливѣе меня, — тотъ тоже забылъ образы, ему *снились только звуки*: въ моей летаргіи мнѣ не снились даже прежніе звуки! Долго я спалъ, и какъ весной,

*) Можетъ быть, этотъ исправленный цензоромъ дѣтскій разсказъ далъ мысль А. Н. Островскому вложить въ уста Феклуши-странницы въ „Грозѣ“ слова, что въ Турціи и Персіи подають судьямъ просьбы съ заголовкомъ (à la Елагинъ): „Суди меня, судья неправедный“.

послѣ зимняго сна, пробуждается жизнь, когда съ недостигаемой голу-
бой выши польется звонкая трель жаворонка, такъ и мнѣ зазвучали,
внезапно, знакомые чудные звуки, и отраднo вспомнилъ я свою весну
и въ искусствѣ, и въ жизни! *) Я услышалъ Зембрихъ, Баттистини,
раскаты грома дивнаго тенора Таманьо; закаркалъ ворономъ и безум-
ный «Жельникъ» (въ «Русалкѣ»), появился мрачный Іоаннъ Гроз-
ный... все тотъ же Шаляпинъ!

Хорошее начало дѣятельности новаго управляющаго московскимъ
театромъ г. Теляковского, что онъ пригласилъ на казенную сцену
Шаляпина; не могу умолчать и объ отрадномъ фактѣ, что на Марин-
ской сценѣ поютъ прекрасныя пѣвицы — Медея Фигнеръ, Боль-
ска. Великимъ постомъ уже два года мы слушаемъ международную
оперу съ несравненнымъ Баттистини во главѣ. Многіе называютъ ва-
нскомскимъ смѣшеніемъ языковъ, когда славятъ Моцарта разомъ и
по-итальянски, и по-французски, и по-русски, а по моему несравнен-
но лучше слушать хорошо исполненную оперу на разныхъ нарѣчійхъ,
чѣмъ слушать ее на одномъ русскомъ языкѣ, когда изъ всей труппы
Маринскаго театра только и умѣютъ хорошо и правильно по-*русски*
говорить речитативы итальянца Медея Фигнеръ и полька Больска!

Теперь пѣвицами и пѣвцами выдвинулись на первыя мѣста сла-
вы: полька Зембрихъ, поляки братья Реше, полька Больска. Бог-
да-то придетъ чередъ до русскихъ?

Пора появиться русскимъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, подобнымъ те-
вору Иванову и контральто Петровой. Какъ пѣвецъ и актеръ (вмѣ-
стѣ), Шаляпинъ подаетъ большія надежды стать рядомъ съ этими
славными именами.

Современная дирекція театровъ отличается блестящей постановкой
и оперъ и драмъ. Блескъ и роскошь, при исторической точности, дохо-
дитъ до того, что менуэтъ въ «Донъ-Жуанъ» играютъ на сценѣ три
традиціонныя скрипки, какъ во времена Моцарта, и идетъ тутъ же
балетъ, музыка котораго написана (если не ошибаюсь) авторомъ
«Донъ-Жуана», чего не слышалъ никогда я прежде. Давно не бывъ въ
Парижѣ, не могу себѣ представить ничего лучшаго петербургской об-
становки; но главное ли это дѣло для оперы и драмы? Сотни тысячъ,

*) Бывало, въ октябрьскій дождливый вечеръ спѣвши съ Царскосельскаго вок-
зала въ Большой театръ, завернувшись въ теплую шинель; дождь стегаетъ лицо
и слытъ съ гусарской шапки; вотъ повернули съ Садовой, театръ близко, не опо-
чалъ въ увертюру и заранѣе слышится, какъ поетъ скрипка Вьетана переходя къ
аріи Рауля: „Plus blanche que la blanche hermine“, поетъ такъ, что на мгновение
кажешься, что началъ уже арію самъ Маріо... Блаженное время! Увы, какъ не вер-
нется молодость, не вернуться и прежнимъ пѣвцамъ, — пѣвцамъ и солистамъ, подоб-
нымъ Вьетану и Генрику Веявскому!

которыхъ стѣять эти постановки, не лучше ли употребить на гонораръ пѣвцамъ или чтобы имѣть первоклассныхъ пѣвцовъ, не одного Батистини? Вѣдь опера не балетъ. Глядя на роскошь современныхъ декораций, освѣщенія, костюмовъ, я вздыхаю о простенькой сѣренькой кулисѣ Большого театра, болѣе двадцати пяти лѣтъ безъ измѣненія стоявшей на лѣвой сторонѣ сцены въ «Севильскомъ Цирюльничѣ»: окно съ зелеными опущенными жалюзи и балкончикомъ. Съ 1843 г. какихъ дивныхъ Розинъ голоса раздавались изъ окошка этой кулисы! Какіе Альмавивы—Рубини, Маріо—пѣли передъ нею свои серенады! Какіе Фигаро—Тамбурины, Граціани—появлялись передъ ней! Изъ ея двери выходилъ Бартоло-Лябляшъ! Въ то блаженное время послѣдовательно въ той же оперѣ исполняли партію Донъ-Базиліо: Формезъ, Богаджиоло, Медини Уэтамъ...

Возстаютъ въ моей памяти образы великихъ артистовъ, пѣвшихъ въ «Фаустѣ». Маріо пѣлъ Фауста въ послѣдній свой пріѣздъ въ Петербургъ, когда онъ уже потерялъ голосъ, и мнѣ памятна одна особенность въ его исполненіи, которой я не видалъ ни у одного изъ теноровъ, пѣвшихъ эту партію. Фаустъ-Маріо, дѣлаясь вновь молодымъ, душою оставался прежнимъ Фаустомъ: онъ не становился на колѣни передъ Гретхенъ и не цѣловалъ ея рукъ; въ молодомъ тѣлѣ все еще жила холодная душа скептика и мыслителя. Ен *soit* и безголосый Маріо былъ лучшимъ Фаустомъ изъ всѣхъ теноровъ, какихъ я видѣлъ въ этой роли. Звучить въ моей памяти настоящій голосъ баритона (не баса или низкаго тенора Валентина-Ботони, послѣдняго изъ могижанъ и учителя Батистини), еще пѣвшаго по традиціямъ своихъ великихъ предшественниковъ, пѣвцовъ сороковыхъ годовъ, почти имъ равнаго и по голосовымъ средствамъ, и по мастерству пѣнія. Не помню фамиліи одного баритона, успѣшно пѣвшаго въ Петербургѣ, съ которымъ я разговорился разъ о великихъ пѣвцахъ прежняго времени, и онъ рассказалъ мнѣ, какъ онъ сдѣлался артистомъ. Онъ обладалъ хорошимъ голосомъ, страстно любилъ музыку. Большого труда стоило ему уговорить отца, богатаго провинціального купца, дозволить ему поступить въ консерваторію. Послѣ долгихъ просьбъ отецъ далъ свое согласіе, и будущій пѣвецъ послѣдшилъ въ Парижъ, выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ. Сбылась, наконецъ, его завѣтная мечта. Наканунѣ поступления въ консерваторію пошелъ онъ послушать итальянцевъ. Давали «Донъ-Жуана», котораго пѣлъ Тамбурины, донну Анну—Гризи, Церлину—Малибранъ, донъ Октавіо—Рубини, Лепорелло—Лябляшъ. «Опера кончилась,—разсказывалъ онъ,—я вернулся въ гостиницу и не могъ заснуть всю ночь. Утромъ я пошелъ въ консерваторію, взялъ назадъ свои бумаги,

и въ тотъ же день мальпость увезъ меня обратно въ контору моего отца. Я понялъ, что не могу и мечтать пѣть такъ, какъ пѣли эти великіе артисты. Два года занимался я торговлею, но призванье побороло мои сомнѣнія, я опять поѣхалъ въ Парижъ, поступилъ въ консерваторію... и, какъ видите, пою».

Богѣ низкій тепоръ, нежели баритонъ, Граціани одинъ своимъ чуднымъ голосомъ напоминалъ мнѣ средній теноровый регистръ Маріо въ сороковыхъ годахъ; теперь Баттистини напоминаетъ мнѣ голосъ Граціани, и не знаешь, кому изъ нихъ отдать преимущество *). Какъ актеръ, Баттистини неизмѣримо выше Граціани **). Такого Фигаро, какъ Баттистини, и по пѣнію, и по игрѣ, мнѣ кажется не случалось видѣть, хотя я восхищался Тамбурины въ этой роли. Впрочемъ, трудно и сравнивать въ промежутокъ пятидесяти лѣтъ пѣніе и игру такихъ артистовъ; можно только благодарить судьбу, что снова увидалъ чудеснаго исполнителя чудесной роли!

А. Стаховичъ.

*) Какъ пѣлъ Граціани арію передъ портретомъ въ „Маскарадѣ“, такъ никто бы и не пѣлъ ее.

**) Баттистини считаетъ себя богѣ знаменитымъ актеромъ, нежели пѣвцомъ, и онъ вѣренъ: актеръ онъ хорошій, а дѣвецъ превосходный.

НА ПОМОЩЬ БЛИЖНЕМУ.

Рассказъ.

I.

Мелкій осенній дождикъ назойливо барабанилъ по стекламъ сельской Черновицкой больницы; когда порывъ вѣтра бросалъ дождевыя капли въ окна цѣлой кучей, слезливыя окна жалобно вздрагивали, и на минуту скучный видъ на базарную площадь и церковь мѣстечка закрывали быстро смывавшіе потоки воды.

Въ приѣмномъ покоѣ больницы за простымъ деревяннымъ столомъ, покрытымъ залитой чернилами и продырявленной клеенкой, въ небрежной позѣ сидѣлъ молодой сельскій врачъ и, то брезгливо морщась, то громко и врасосъ позѣвывая, просматривалъ какія-то бумаги.

— Что это за счетъ лѣкарствъ, присланный изъ Зиньковецкой волости? — спросилъ онъ дѣловымъ тономъ фельдшера Мозгляченко, почтительно, съ наклономъ впередъ, стоявшаго шагахъ въ двухъ отъ стола, и потрясъ продолговатой бумажкой.

— Это-съ?...

Фельдшеръ, изъ отставныхъ ротныхъ фельдшеровъ, еще почти-тепльнѣе подался впередъ, переступилъ съ ноги на ногу, устоялся на знакомую бумажку и въ тонъ доктору дѣловитымъ тономъ отвѣтилъ:

— Это-съ Зиньковецкая волость на собственные средства выпи-сала нѣкоторые медикаменты, какъ бы, значить, въ дополненіе... Потому была въ нихъ сильная недостача еще въ началѣ года, и господинъ Ноновскій обратились къ зиньковецкому волостному правленію, чтобы оно озаботилось выпиской...

— А-а...

Врачъ поднялъ еверху голову, выпустилъ струю табачнаго дыма и снова углубился въ чтеніе какой-то бумаги.

«Въ селѣ Ваньковцахъ... крестьянину Гаврилѣ Фодотову... нанесены тяжкіе побои... могущіе быть опасными... для его жизни... о чемъ доношу вашему благородію... на предметъ оказанія немедленной помощи...»

Врачъ досадливо причмокнулъ, забарабанилъ по столу пальцами и сердитыми глазами посмотрѣлъ въ окно. Небо было сплошь сѣрое, ю краямъ какого-то мутно-фіолетоваго оттѣнка; клочковатая тучи бѣжали низко надъ землей густыми, сомнутыми рядами; на оголенныхъ вѣтвяхъ акаціи сиротливо дрожали передъ окномъ блеклые листья, точно въ лихорадочномъ ознобѣ; базарная площадь вся почернѣла, и только тусклыми стальными пятнами разбросанно блестяли на ней безчисленные лужи.

Не угодно ли ѣхать въ такую погоду!... Онъ представилъ себя среди безлюднаго поля на высокой почтовой таратайкѣ въ непромокаемомъ плащѣ («промокаетъ, каналья!» — съ досадой подумалъ онъ), насквозь прохваченнаго вѣтромъ и иззябшаго... Усталыя лошади тяжело дышатъ и съ трудомъ вытаскиваютъ ноги изъ вязкой грязи чернозема. Вѣтеръ забирается подъ осеннее пальто («два мѣсяца тому назадъ купилъ у жидовъ за восемнадцать рублей и уже нигуда не годится!») и пронизываетъ холодомъ. Въ лицо хлещетъ гусой дождь и противныя струйки («брр!...») время отъ времени свистываются за воротникъ.

«Что я за каторжный! — подумалъ онъ. — Какой-то пьяной скотинѣ вздумалось подраться, а я — мовни ради его удовольствія!»

И онъ ощутилъ къ этому невѣдомому Гаврилѣ Фодотову, осмѣлившемуся непрошено беспокоить его особу, личную ненависть. И это чувство становилось тѣмъ острѣе, тѣмъ яснѣе онъ сознавалъ, что онъ не можетъ не ѣхать, что онъ непременно поѣдетъ и не позже, какъ завтра, а проклятый дождь будетъ лить и лить, навѣрно, еще съ недѣлю.

Чтобы отогнать докучливыя думы, онъ полѣзъ въ карманъ за портсигаромъ. Табачный дымъ притуплялъ обостренные чувства и давалъ мыслямъ болѣе спокойное теченіе.

Вмѣстѣ съ портсигаромъ онъ вытащилъ случайно какое-то письмо.

При видѣ письма его глаза почти мгновенно оставило сердитое и лженіе. Письмо было отъ его университетскаго товарища, котора о судьба закинула въ сибирскую глушь такимъ же, какъ и онъ, го емкой-врачомъ.

Блаженовъ — у, горячая голова! Маленькая, подвижная фигурка то арница, съ кошной курчавыхъ волосъ на головѣ, въ которые тотъ не чуточно запускалъ свои холенныя руки, и пронизывающимъ бле-

скомъ бѣгающихъ глазъ, встала живой въ его воображеніи. Вотъ у кого бы признать энергіи, вѣры въ добро и въ науку, душевной бодрости!

Пять лѣтъ тому назадъ онъ кончалъ съ Блаженовымъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ и послѣдній семестръ жилъ на одной квартирѣ. Какъ часто по вечерамъ въ ихъ небольшой комнаткѣ на Бузничной дымъ стоялъ коромысломъ и гудѣли возбужденные голоса будущихъ врачей: басокъ пессимиста Тарашенки, хриплый голосъ народника Верховенскаго, прерывистый, точно захлебывающійся, голосокъ крайняго радикала Первухина, а надъ всѣми доминировалъ электризовавшій ихъ звучный теноръ неугомоннаго идеалиста Блаженова. За малороссійской колбасой и стаканами жидкаго чая дебатировались вопросы студенческой и общественной жизни, рѣшались политическія судьбы народовъ, клеймилась позоромъ наша отсталость и невѣжество, а молодыя сердца горѣли общимъ желаніемъ послужить темному, забитому, обиженному судьбой мужику-страстотерцу...

А поѣздки по Днѣпру въ лунныя ночи!... Благоуханной прохладой дышитъ майская ночь; въ чуткой тишинѣ отрывисто и звонко отдается дружное плесканье весель; лодка покачивается, скрипитъ и тихо подвигается впередъ, оставляя за собой золотистый, дробящійся слѣдъ. И опять споры, нескончаемые споры или могучее, далеко разносящееся по рѣкѣ: «Ой, ты Днѣпръ, ты мой широкий»... И точно въ отвѣтъ оттуда, гдѣ желтой точкой мелькаетъ фонарь плывущей навстрѣчу лодки, слышится имъ бодрый и веселый мотивъ студенческаго гимна:

Gaudeamus igitur
Jvenes dum sumus...

Чортъ возьми, какъ все это хорошо! И отчего оно — прошедшее и отчего его не вернуть никакими силами?

И какой горькой ироніей звучать слова: «будемъ радоваться, пока мы молоды», не для всѣхъ, конечно, но, по крайней мѣрѣ, для него, Нестроева, не умѣвшаго сберечь въ сердцѣ огонекъ молодой вѣры въ добро и людей, позволившаго житейскимъ бурямъ остудить когда-то тоже вѣдъ пылкое сердце.

А для Блаженова слова студенческой пѣсни никогда, пожалуй, не будутъ звучать ироніей.

Впрочемъ, развѣ онъ виноватъ въ томъ, что жизнь обошлась съ нимъ, какъ съ большинствомъ она обходится, — сурово и недружелюбно? Жизнь показала ему воочию практическую неосуществимость нѣкогда столь дорогихъ ему идеаловъ и научила смотрѣть подъ ноги, ходя по землѣ, чтобы не упасть, а не заирать голову къ небу.

Что дурного въ томъ, что онъ сталъ практичнѣе? «Блаженъ, кто молоду былъ молодъ, блаженъ, кто во-время созрѣлъ». Въ юности онъ поддавался обаянію красивыхъ фразъ и мечталъ осуществить ихъ на дѣлѣ потому, что вообще юности свойственно мечтать, а, столкнувшись съ жизнью, поумнѣлъ.

По выходѣ изъ университета онъ не встрѣчался съ Блаженовымъ: ихъ дороги разошлись. Блаженовъ уѣхалъ въ Сибирь, увлекаемый прочно засѣвшими ему въ голову идеалами помогать тому, кѣмъ, по студенческому выраженію, держится земля русская. Тамъ, по мнѣнію Блаженова, было больше дикости, больше невѣжества, а потому и больше страданій, — тамъ и помощь была нужнѣе. А онъ, приведя въ дѣйствіе довольно сложный механизмъ протекціи (его двоюродная сестра была замужемъ за правителемъ канцеляріи губернатора, а тотъ послѣдній былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ врачомъ-инспекторомъ одной изъ южныхъ губерній черноземной полосы), очень скоро получилъ мѣсто сельскаго врача въ одномъ изъ населенныхъ въ то время мѣстечекъ. Такимъ образомъ, кромѣ жалованья, онъ могъ имѣть еще значительную практику, потому что евреи—большіе охотники дѣлаться.

А Блаженовъ—тотъ, навѣрное, не думаетъ о практикѣ, ѣздитъ, ломая голову, по глухимъ сибирскимъ трактамъ изъ деревни въ деревню и не помышляетъ объ отдыхѣ. Что дѣлать, всякія бываютъ натуры!

Идеалистъ! Отъ каждой строчки его письма вѣетъ студенческимъ идеализмомъ и горячностью неподдавшейся соблазнамъ жизни, неиспорченной натуры.

Вотъ онъ пишетъ. Нестроевъ развернулъ письмо и прочелъ послѣднія строки.

«... Я добился всего, о чемъ мечталъ: работы, самой неотложной работы по горло. Когда я пріѣхалъ сюда, ужасъ овладѣлъ мною при видѣ того, въ какой непроглядной тьмѣ бродятъ эти люди. Они встрѣтили меня недоувѣрчиво, почти враждебно, но, знаешь, великое дѣло—безкорыстное сочувствіе. А я—видитъ Богъ!—имъ всей душой сочувствовалъ. И холодъ натянутыхъ отношеній мало-по-малу смѣнился болѣе спокойнымъ разглядываніемъ другъ друга, которое съ теченіемъ времени перешло въ дружбу съ опаской, а теперь я—дорогой и желанный гость въ любой крестьянской хатѣ. Знахари скрежещутъ на меня зубами, потому что у нихъ на первомъ планѣ—корысть, а для меня лучшей наградой служитъ теплое, отъ самаго сердца идущее «спасибо» моихъ пациентовъ. И скоро я совѣмъ думаю задавить знахарей, ибо, что ни говори, а они—порожденіе тьмы,

за мною же стоять авторитетъ всеильной науки. Прости, что пишу тебѣ рѣдко, но, право, нѣтъ свободной минутки. Вотъ и теперь о многомъ хотѣлось бы еще потолковать съ тобою, да некогда: у воротъ меня ждутъ лошади, и я черезъ минуту ѣду на тифозную эпидемію...»

Странное, больное чувство сжало сердце Нестроева.

Письмо стараго товарища, пришедшее точно изъ другого міра, неожиданно ворвалось рѣзкимъ диссонансомъ въ его жизнь. Оно отдалило его на мгновение отъ окружающей жизни, къ которой онъ начиналъ привыкать, и заставило раскрыть начинавшіе было смыкаться глаза. Что-то старое, что-то знакомое, но случайно позабытое, по слышалось ему въ словахъ товарища и ему стало досадно и стыдно за свою забывчивость. И въ то же время что-то новое, воспитанное теперешнею жизнью, поднималось въ его душѣ все болѣе и болѣе слышнымъ протестомъ противъ позабытыхъ и, какъ казалось этому новому, справедливо позабытыхъ словъ.

Какъ же, за нимъ авторитетъ всеильной науки! Подумаешь! Знаемъ мы этотъ авторитетъ. Жалкая мякина, на которой не проведешь опытнаго воробья. Можно, конечно, удивляться успѣхамъ человѣческаго знанія, но надо быть дуракомъ или идеалистомъ, чтобы благоговѣть предъ ними. Разрозненные факты, натянутыя гипотезы, которымъ можно и вѣрить и не вѣрить,—вотъ что такое наука! Что помогаетъ человѣческому тѣлу освободиться отъ угнетающихъ его недуговъ—*ars medicandi* или сама *natura medicatrix*, это еще открытый вопросъ. Когда даютъ больному лѣкарство и онъ выздоравливаетъ безъ его помощи, говорятъ: помогло лѣкарство; когда же даютъ лѣкарство и больной умираетъ, говорятъ: мы не боги. Пусть обманываются другіе, а онъ не вѣритъ больше этой красивой лжи, которую называютъ идеализмомъ, и если прекраснодушные идеалисты слѣпо уповаютъ на авторитетъ всеильной науки, то онъ хорошо знаетъ только то, что онъ ничего не знаетъ.

Въ такомъ случаѣ не лучше ли ему было бы отказаться отъ роли врача и предоставить это мѣсто тѣмъ, которые не сомнѣваются въ авторитетѣ науки? Ни мало не лучше. Онъ исполняетъ свои обязанности честно, т. е. исправно продѣлываетъ все то, что предписываетъ въ такомъ-то или въ такомъ-то случаѣ наука. А до его внутреннего міра, до того, какъ онъ вѣритъ и во что вѣритъ, нѣтъ никому дѣла.

Нестроевъ всталъ и спокойно спрятавъ письмо товарища въ карманъ.

— Посмотрите,—обратился онъ къ фельдшеру,—нѣтъ ли тамъ больныхъ. Мнѣ слышалось, что въ сѣни кто-то вошелъ.

Фельдшеръ бросился въ сѣни, и черезъ минуту въ дверяхъ показалась высокая фигура въ намокшемъ армякѣ.

— Здѣсь, здѣсь сними армякъ, — кричалъ вдогонку фельдшеръ. — Этакій народъ, сто разъ ему говори... Наслѣдить, какъ собака, а потомъ прибирай за нимъ.

Вошедшій послушно попятился. Когда онъ возвратился, сбросивъ въ передней армякъ, докторъ увидѣлъ предъ собой худого мужика, худобу котораго не могла скрасить даже теплая свитка. Продолговатое, скуластое лицо было изжелта-блѣдно; впавшіе глаза, окруженные синевой, смотрѣли скорбно и болязненно; нечесанные волосы, смоченные дождемъ и слипшіеся на лбу прядями, придавали лицу страдальческое выраженіе.

— Что у тебя болитъ? — спросилъ, подходя, Нестроевъ.

— Тутечки! — крестьянинъ показалъ на грудь. — Такъ меня въ грудяхъ болить, что и дышать не могу.

— Ну-ка, раздѣнься.

Когда, наконецъ, мужикъ, при помощи фельдшера, медленно и съ одышкой сбросилъ рубашку, Нестроевъ взялъ его за плечи и подвелъ къ окну. Фельдшеръ, заложивъ руки назадъ, сталъ въ созерцательной позѣ съ лѣвой стороны.

Желтоватая кожа, кое-гдѣ покрытая волосами, обтягивала нѣсколько бочкообразную грудь, явственно обозначая ребра; благодаря легкому стоянію диафрагмы при дыханіи желудокъ почти вовсе не приходилъ въ движеніе; когда больной вбиралъ въ себя воздухъ, его плечи приподнимались и сильно оттопыривалась грудь; по временамъ, при сильномъ вздохѣ, въ груди слышались трескучіе свисты и хрипы.

Нестроевъ взялъ стетоскопъ и принялся выслушивать, изрѣдка роняя загадочное «гм».

— Башляешь часто?

— Башляю. Не очень часто, а всетаки кашляю. Въ дождь всю грудь отъ кашля разобьетъ, а когда тепло, то ничего.

— А въ дождь нужно дома сидѣть, — наставительно замѣтилъ Нестроевъ.

— Что-жъ дѣлать, господинъ докторъ, когда работать нужно.

Нестроевъ взялъ плексиметръ и немного постучалъ, точно для шутки.

— Такъ-съ. А тяжело тебѣ въ дождливую погоду дышать, задыхаешься?

— Тяжело, страсть какъ тяжело! А когда кашляю, такъ прямо лобъ выпираетъ.

У больного въ глазах мелькнуло выраженіе страданія, и они восторженно и съ мольбою уставились на доктора.

— Эмфизема, осложненная разлитымъ бронхитомъ, — какъ бы про себя сказалъ врачъ.

— Можно сказать, несомнѣнная эмфизема пульмонумъ, — авторитетно поддакнулъ фельдшеръ.

— Господинъ докторъ, а мнѣ полегчаетъ? — спросилъ больной, неловко просовывая голову въ рубашку и оправляясь не безъ труда.

Вопросъ былъ заданъ тихимъ и неувѣреннымъ голосомъ, въ глазахъ опять мелькнуло выраженіе страданія; больному, очевидно, вспомнились долги, бессонныя ночи, въ которыя мѣшали ему спать на жарко натопленной печкѣ раздражающій кашель и одышка. Онъ закашлялся и судорожно схватился за грудь, грудь захригѣла, заколыхалась. Когда онъ отдышался, его глаза глядѣли на доктора такъ, какъ будто онъ возлагалъ на него послѣднюю угасавшую надежду.

— Берегись, не простуживайся, и тебѣ будетъ лучше, — успокоительно сказалъ докторъ. — Тебѣ дадутъ здѣсь мазь, которой ты будешь натирать себѣ грудь утромъ и вечеромъ, и порошки. Тебѣ отъ нихъ станетъ легче кашлять.

Мужикъ потоптался на мѣстѣ.

— А нельзя ли, господинъ докторъ, дать мнѣ того «кандидата»?

— Какого «кандидата»? — удивленно спросилъ докторъ.

Фельдшеръ негромко разсмѣялся.

— Это — съ они по необразованности, — полупрезрительно пояснилъ онъ, — называютъ такъ «кали iodatumъ».

Нестроевъ въ свою очередь улыбнулся.

— Ну, «кандидата» тебѣ не нужно.

— Какъ же, господинъ докторъ, онъ шибко помогаетъ. Потому, какъ болѣзнь выгоняютъ снутри, такъ она скорѣй уходитъ. А «кандидатъ» ее снутри выгоняетъ.

— Смотря какую болѣзнь. Тебѣ его не нужно.

Больной разочарованно вздохнулъ.

— Субъектъ! — проговорилъ фельдшеръ, махнувъ презрительно рукой, и подошелъ къ столу, чтобы раскрыть доктору книгу амбулаторныхъ больныхъ, въ которой отмѣчались имя и фамилія больного, названіе его болѣзни и прописанныя лѣкарства.

— Дайте ему, — сказалъ Нестроевъ, сядя за столъ и обращаясь къ фельдшеру, — двѣ унціи olei therebintini и расскажите, какъ приготовить скипидарную мазь. А также отпустите двѣнадцать порошковъ pulveris Doverii cum patro bicarbonico въ обыкновенной дозѣ.

Отмѣтивъ въ книгѣ необходимыя свѣдѣнія, Нестроевъ опять за-

думался. Хотѣлъ бы онъ знать, какъ бы на его мѣстѣ поступилъ Блаженовъ? Навѣрное, тоже со спокойною совѣстью прописалъ бы Доверовъ порошокъ, примиря авторитетъ всеильной науки съ ограниченными выборомъ средствъ въ сельской аптекѣ, и опочилъ бы на лаврахъ идеализма. Онъ же не закрываетъ глазъ на собственное безсиліе и прекрасно знаетъ, что Доверовъ порошокъ ровно ничего не можетъ. Тутъ слѣдовало бы измѣнить совершенно условія жизни, запретить больному всякій мускульный трудъ и послать его на годъ въ Ниццу или въ Меранъ. А что онъ посоветуетъ крестьянину, для втораго трудъ является необходимымъ условіемъ существованія? Да, онъ имѣетъ смѣлость признать свое полное безсиліе.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ стоялъ шкафъ съ медикаментами, фельдшеръ грузно ходилъ и время отъ времени повзвизгивалъ передвигаемыми стѣлками. Слышно было, какъ онъ громко сморкался, отодвигалъ какой-то ящикъ и потомъ что-то растиралъ въ фарфоровой ступкѣ.

За спиной Нестроева, у дверей, покашливалъ больной. Нестроевъ обернулся. Больной сидѣлъ на скамейкѣ, понуривъ голову и тупо уставившись въ землю. Вся его фигура выражала горькую безнадежность; онъ тяжело дышалъ, потому что воздухъ въ комнатѣ былъ сырой, насыщенный запахомъ карболки и еще какихъ-то аптечныхъ запаховъ.

Нестроевъ всталъ. На шумъ отодвигаемаго стула изъ сосѣдней комнаты выскочилъ фельдшеръ.

— Смейте-ка, пожалуйста, на руки. Я сегодня едва ли уже зайду въ больницу. Поэтому вечеромъ вы сами сдѣлайте перевязку тому нужно изъ стационарныхъ больныхъ.

— Слушаю-съ.

Фельдшеръ досталъ со шкапа большую зеленую бутылку съ растворомъ сулемы и слилъ доктору на руки. Потомъ онъ принесъ изъ передней палаты и помогъ Нестроеву одѣться.

Когда Нестроевъ былъ уже около двери, больной съ усиліемъ приподнялся и проводилъ его поклономъ. И опять Нестроеву въ его глазахъ почудилось выраженіе страданія, но безъ прежней искорки надежды—страданіе было глухое, безнадежное.

Что-то шевельнулось въ душѣ Нестроева, какое-то безформенное чувствіе, которое беспокойно закопошилось въ груди. Ему на минуту даже захотѣлось, что онъ поступилъ не такъ, какъ слѣдовало бы, или по крайней мѣрѣ не такъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ Блаженовъ. Но такъ и только, онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета.

Разскажите же ему, какъ принимать лѣкарство,—повторилъ онъ въ воротахъ больницы, фельдшеру.

II.

Нестроевъ раскрылъ зонтигъ и неувѣренно двинулся впередъ; чтобы не завязнуть по колѣни въ грязи, приходилось держаться поближе къ домамъ и заборамъ, такъ какъ не только тротуаровъ, но даже мостовой и въ поминѣ не было. Нестроевъ на чемъ свѣтъ стоить ругалъ гнусное мѣстечко и проклиналъ судьбу, обрекшую его на житье въ такомъ захолустьѣ; ноги поминутно скользили; жидкая грязь брызгами разлеталась въ разные стороны и пачкала пальто и брюки. До дому было недалеко; въ хорошую погоду онъ тратилъ не болѣе пяти минутъ на ходьбу, но теперь необходимость «мѣсить грязь» удлиняла его путешествіе втрое.

Онъ снималъ у еврея, за десять рублей въ мѣсяцъ, небольшой «постоялый домъ», который послѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ онъ кое-какъ приспособилъ для жилья. Свѣзной широкой коридоръ раздѣлялъ домъ на двѣ половины; изъ каждой комнаты выходила въ коридоръ дверь. Все было устроено такъ, чтобы домъ во всякое время можно было превратить въ «номера для прїѣзжающихъ»; впрочемъ, таково было устройство почти всѣхъ большихъ еврейскихъ домовъ въ мѣстечкѣ. Когда же въ лицѣ Нестроева нашелся постоянный жилецъ, еврей-хозяинъ предпочелъ невѣрный барышъ отъ случайныхъ посетителей регулярной мѣсячной платѣ.

Въ квартирѣ было пять комнатъ: по лѣвую сторону коридора—пріемная и кабинетъ; по правую—гостиная, его спальня, служившая въ то же время и столовой, и спальня Ольги Николаевны. Комнаты были неудобныя и тѣсныя, но онъ къ нимъ привыкъ. Привыкла и Ольга Николаевна, его «фамъ»—жена учителя гимназіи, съ которой онъ сошелся еще студентомъ и которую по полученіи мѣста увезъ отъ мужа. А въ первое время, Боже, какъ она капризничала и злилась!...

Въ коридорѣ Нестроевъ не безъ усилій скинулъ облѣпленный грязью калоши и въ одномъ изъ угловъ примостилъ на полу раскрытый зонтигъ, чтобы онъ скорѣе просохъ. Сбросивъ въ пріемной пальто, онъ перемѣнилъ больничныи пиджакъ на домашній и подошелъ къ зеркалу причесаться. Съ зеркала на него глянуло отраженіе довольно полного лица съ мясистымъ носомъ и крупными губами; густая, рыжеватая борода полукругомъ обрамляла лицо и маскировала некрасиво выпяченный подбородокъ.

Пригладивъ торчавшіе ежомъ волосы и вытеревъ платкомъ усы, Нестроевъ черезъ коридоръ прошелъ въ гостиную. На преддиванномъ столикѣ въ гостиной валялись куски темно-зеленой матеріи и какія-

ю выкройки—вѣроятно, Ольга Николаевна стряпала себѣ новую юфточку; на спинкѣ мягкаго кресла—вся мебель въ гостиной была старая, просиженная, выцвѣтшая—висѣла черная юбка; мытый, но выщеленый полъ былъ покрытъ грязноватыми слѣдами собачьихъ лапъ.

«Сколько разъ говорилъ не пускать въ гостиную Джека! И опять эти выкройки на столѣ!»—недовольно подумалъ Нестроевъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, куда онъ вошелъ, сидѣла, спиной къ двери, за небольшимъ обѣденнымъ столомъ полная женщина въ ситцевомъ свѣтломъ матинѣ; передъ ней лежало на столѣ нѣсколько номеровъ моднаго журнала. При его входѣ она лѣниво повернула голову и вскинула на него красивые, черные глаза—единственное украшение ординарнаго, одутловаатаго лица, синевато-бѣлый цвѣтъ котораго, къ тому же неравномѣрно распределенный, заставлялъ предполагать употребленіе примитивной косметики. За исключеніемъ глазъ, четвертый десятокъ лѣтъ пощадилъ немного изъ ея нѣкогда несомнѣнныхъ прелестей.

Нестроевъ подошелъ къ ней и машинально приложился къ ямкамъ, пожалуй, слишкомъ мягкимъ губамъ.

— Ты сегодня что-то рано?—спросила она, также машинально отвѣчая на его поцѣлуй.

— Благодаря дождю въ больницѣ почти совсѣмъ не было амбулаторныхъ больныхъ,—отвѣтилъ Нестроевъ, шагая по комнатѣ.

— Можетъ быть, ты хочешь обѣдать? Теперь всего лишь начало второго.

— Пожалуй, вели подавать. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

Она поднялась, опираясь локтями на столъ, и не слѣша пошла къ дверямъ. Недовольство сегодняшнимъ днемъ, вызванное отчасти ильмомъ Блаженова, обострило притупившуюся наблюдательность Нестроева: онъ замѣтилъ, что матинѣ на Ольгѣ Николаевнѣ неряшливо растегнуто, юбка надѣта криво и вся фигура какъ-то осѣла въ талии.

Ольга Николаевна раскрыла двери и громко, но лѣниво крикнула:

— Марья! Обѣдать!

Откуда-то издали визгливый женскій голосъ отвѣтилъ:

— Сейчас!

И это «сейчасъ» продолжалось по меньшей мѣрѣ полчаса. Все это время Нестроевъ, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по комнатѣ и, изрѣдка останавливаясь около печки, гдѣ спалъ на войлокѣ какой-то гавый песъ, съ которымъ онъ лѣтомъ охотился по праздникамъ, ногою трогалъ его, соннаго, за морду.

Почечъ, показавшаяся съ тарелками Марья, некрасивая, весну-

щатая дѣвица, съ красными, слезящимися глазами, вѣчно мечтавшая о женихахъ и несмотря на это успѣвшая похоронить уже третьяго ребенка.

За столъ сѣли молча.

— Ты опять, кажется, принялась за питье?—спросилъ Нестроевъ, проглатывая ложку жидкаго и соленаго супа.

— Да. Хочу себѣ спать теплую домашнюю кофточку, но все не могу найти подходящаго фасона.

— За модой гоняешься?—полуиронически спросилъ онъ.

— А хотя бы и за модой.

«Удивительная у этихъ женщинъ погоня за моднымъ, — подумалъ онъ, — никто у насъ не бываетъ, а ей непремѣнно — по послѣднимъ рисункамъ!»

— Такая скука! — послѣ минутнаго молчанія кисло протянулъ Ольга Николаевна,ковыряя вилкой засушенную котлету. — И такъ невесело, а тутъ еще несносный дождь.

— Благодаря Бога, что тебѣ хоть дома сидѣть можно, а мнѣ вотъ не сегодня-завтра опять предстоитъ поѣздка.

— Неужели ты поѣдешь?

— Служба не дружба, моя голубушка!

И опять въ душѣ Нестроева шевельнулось непріязненное чувство къ Гаврилѣ Федотову, ради котораго онъ долженъ подвергнуть себѣ всѣмъ непріятностямъ пути въ такую погоду. Собралось, навѣрное, въ корчмѣ, — мысленно злобствовалъ онъ, — три кума: Петро, Тымко и Гаврило, выпить по случаю праздника, а то и безъ всякаго случая «горилки». Сначала пили молча и чинно: опрокидывали «клиншекъ», крякали и обтирали губы рукавомъ свитки. Потомъ, когда хмель ударилъ въ голову, заспорили. «Скільки верстовъ до Черновець?» — «Пятнадцать», рычитъ Гаврило. «Брешешь, — двадцать!» — «Я брешу?» — «Ты брешешь!» — «Я брешу?!» и баць Петра по фizioноміи Петро далъ сдачи Гаврилѣ, а Тымко, какъ единомышленникъ Петра вступился за оскорбленнаго дѣйствіемъ кума. Произошла внятная потасовка, въ результатъ которой — отношеніе полицейскаго урядника за номеромъ такимъ-то. Гаврила, избитый до потери образа человѣческаго, лежитъ безъ движенія на лавкѣ; все лицо закутано грязными тряпками; одинъ глазъ совершенно распухъ и закрытъ, а другой — безмысленно уставился въ закопченный потолокъ... Такъ ему, кональ, и нужно: самъ виноватъ!...

Обѣдъ кончился. Нестроевъ взялъ съ кровати подушку и отпривился въ гостиную поваляться на диванѣ. Во рту не проходило ощущеніе горечи отъ пригорѣвшаго грибнаго соуса, густо заправленнаго

кухой. Недочеты въ кулинарномъ образованіи Марьи давали себя знать на каждомъ шагѣ: даже самыя простыя кушанья она подавала въ такомъ видѣ, что только привычный къ подобнымъ «сквернамъ» чело-вѣкъ могъ ихъ ѣсть безъ отвращенія. Ольга Николаевна снисходитель-но относилась къ недостаткамъ Марьи, потому что, во-первыхъ, луч-ней кухарки нельзя было здѣсь найти, а во-вторыхъ, она и сама не смѣла была въ кулинарномъ искусствѣ. Притомъ же не каждый день Марья готовила такой обѣдъ, что его въ ротъ нельзя было взять: иной разъ судьба, точно сжалившись надъ ней, посылала и ей уда-чу. Последнее соображеніе примиряло отходчивое сердце Ольги Ни-колаевны съ Марьей.

Уже лежа на диванѣ, Нестроевъ крикнулъ:

— Оля, прикажи подать бутылку пива!

Марья принесла бутылку какого-то «царскаго» пива и стаканъ. Нестроевъ взялъ стаканъ и посмотрѣлъ на свѣтъ: жирныя пальцы Марьи отпечатлѣлись на стеклѣ. Онъ вытеръ стаканъ бархатной сал-феткой, налилъ горьковатаго пива и отхлебнулъ; потомъ вытащилъ изъ-подъ выкроекъ послѣдній номеръ медицинскаго журнала и сталъ его перелистывать.

Статья по гинекологіи трактовала о какомъ-то слишкомъ спеці-альномъ вопросѣ и показалась ему скучной; онъ пропустилъ статью по офтальмологіи и заинтересовался результатами наблюденій надъ ирыскиваніемъ туберкулина; но особенное вниманіе онъ удѣлилъ «сбѣси», гдѣ редація подносила читателю разнохарактерный мате-риалъ: тутъ были и слухи изъ медицинскаго міра, и хроника, въ ко-торой недвусмысленную роль играли разныя «имена», и сообщенія о новѣйшихъ открытіяхъ, относящихся къ области медицины, и не-врологи, и опроверженія газетныхъ сообщеній, затрогивающихъ кор-поративную честь врачей.

Просмотрѣвъ медицинскій журналъ, онъ принялся за чтеніе про-винціальной газеты, которую выписывалъ по просьбѣ Ольги Нико-лаевны; но газета показалась ему еще болѣе скучной. За слѣпнымъ дѣломъ, поглощавшимъ и силы, и время, мало-по-малу пропадала привычка къ чтенію; въ свободное отъ посѣщеній больницы и прак-тики время хотѣлось отдохнуть, не напрягая ума надъ критической провѣркой фактовъ, наблюденій, выводовъ. И Нестроевъ положилъ газету обратно на столъ. Потомъ онъ сладко потянулся.

Презагадочная штука—жизнь человѣческая! Думалъ ли онъ, когда шелъ въ первомъ студенческомъ мундирѣ и негодовалъ на ме-дленный ростъ усовъ, что будетъ такимъ байбакомъ прозябать въ ли-нейномъ интеллигентнаго общества мѣстечкѣ, отлынивая, гдѣ только

возможно, отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей? Помнится какъ въ бывшее время онъ сладко мечталъ о томъ, что по окончаніи университета пойдетъ въ деревню—«на помощь ближнему». Экзальтированный Блаженовъ умѣлъ будить въ его душѣ идеалистическія порывы; да и не онъ одинъ,—весь ихъ кружокъ слылъ за народолюбцевъ...

Взоръ Нестроева упалъ на этажерку, гдѣ подъ слоемъ пыли покоились его университетскіе учебники. Миръ ихъ праху! Сколько ночей проведено за ними напролетъ, сколькохъ усилій стоило уму впитать въ себя ихъ мудрость! Попадались отдѣлы, которые онъ штудировалъ съ интересомъ; но еще больше было такихъ, усвоивать которые заставлялъ страхъ предъ неудовлетворительной отмѣткой на экзаменѣ. Блаженовъ—тотъ занимался запоємъ: читалъ, дѣлалъ отмѣтки, сличалъ мнѣнія... На то онъ, впрочемъ, и крайній человѣкъ!

Ему вспоминается, какъ въ хорошіе дни, съ какимъ-нибудь томомъ «общей патологій и терапій» подъ мышкой, онъ уходилъ въ ботаническій садъ къ «гимназической горкѣ» и тамъ, подъ тѣнью акаціи, усаживался на скамейку читать или бродилъ по излюбленной студентами каштановой аллеѣ. Въ этой каштановой аллеѣ происходили его свиданія съ Ольгой Николаевной.

Пришло на память и начало его «исторіи» съ Ольгой Николаевной... На одномъ вечерѣ у знакомыхъ его представили какому-то высочому, сутуловатому мужчинѣ въ очкахъ, оказавшемуся, какъ онъ узналъ впоследствии, учителемъ гимназіи. Его поразило тогда то, что этотъ длиннородый мужчина очень охотно разговариваетъ съ безусыми юношами и входитъ, какъ равный, во всѣ ихъ интересы: обсуждаетъ подробности недавней студенческой исторіи съ точки зрѣнія истаго студента, кипитъ, спорить.

Когда составились партіи въ винтъ, мужчина подошелъ къ нему. Разговорились все о той же студенческой исторіи. Какъ хорошо знакомый съ ней, Нестроевъ привелъ въ порывѣ откровенности своему новому знакомому, Красавкину, такія соображенія и сообщилъ такія подробности, какія могли быть извѣстны лишь человѣку «посвященному».

Красавкинъ энергично потрясъ его руку и, глядя на него изъ-подъ очковъ серьезными, до смѣшного добрыми глазами, сказалъ:

— Вы слишкомъ, молодой человѣкъ, откровенны. Но я цѣню это. Соображенія ваши заслуживаютъ вниманія; я надъ ними подумаю...

И онъ снова потрясъ его руку.

— Очень буду радъ, если вы меня посѣтите. У меня по суббо-

тамъ собирается молодежь. Пойдемте, я познакомлю васъ съ моею женой.

Онъ взявъ его подъ руку и провелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ въ группѣ дамъ, съ краю, сидѣла не первой молодости, но очень еще свѣжая брюнетка.

— Оля, позволь тебѣ представить моего новаго знакомаго.

Красавкина привѣтливо кивнула ему головой, пожала крѣпко-накрѣпко руку и указала на стулъ подлѣ себя.

Завязалась болтовня. Ольга Николаевна не была ни особенно умна, ни особенно глупа; она свободно высказывала первыя приходившія ей въ голову глупости и удивительно играла глазами. После разныхъ словопреній ея болтовня показалась Нестроеву освѣжающей, а красивые глаза, на которые онъ заглядывался, какъ будто что-то обѣщали.

Онъ тутъ же рѣшилъ пойти къ ней въ слѣдующую субботу, и пошелъ. Потомъ былъ еще и еще. Отъ бесѣды съ Красавкинымъ онъ утомлялся, но отъ Ольги Николаевны почти не отходилъ. Красивые глаза мерцали такъ выразительно, что у него голова шла кругомъ. Какой-то бѣсъ шепталъ, что глупо не понимать ихъ выразительности, и подталкивалъ на сближеніе.

Началось съ теплыхъ рукопожатій и очень скоро окончилось поцѣлуями. Чуть ли не на третій день послѣ перваго поцѣлуя она была уже въ его квартирѣ запросто. По обыкновенію всѣхъ измѣняющихъ мужьямъ женъ, она говорила, что мужъ ея не понимаетъ, и горько жаловалась на свою судьбу.

На самомъ же дѣлѣ мужъ не понималъ только низменной стороны ея натуры. Это былъ добрѣйшій человѣкъ. Въ гимназій, гдѣ онъ былъ преподавателемъ исторіи, ученики злоупотребляли его добротой, его совершенной неспособностью понимать шутки и дѣлали его иппенью для мальчишескихъ выходокъ. Однажды ученики, желая увильнуть отъ урока, пристали къ нему, что онъ не влѣзетъ въ пустой библіотечный шкафъ. Красавкинъ серьезно посмотрѣлъ на шкафъ, точно взвѣсивая послышки для окончательнаго вывода, и отвѣтилъ послѣ глубокомысленнаго раздумья: «Нѣтъ, влѣзу». — «Ни за что не влѣзаете, вы слишкомъ большого роста», — приставали ученики. — «А вотъ я вамъ докажу, что я правъ». Красавкинъ влѣзъ въ шкафъ; ученикамъ только этого и было нужно: они затворили его въ шкафу и, несмотря на его просьбы выпустить, продержали до конца урока. За эту продѣлку онъ не донесъ на учениковъ и продолжалъ относиться къ нимъ по прежнему. Въ обществѣ одни отзывались о Красавкинѣ какъ о психопатѣ, другіе считали человѣкомъ не отъ міра сего.

Брасавкинъ былъ дважды женатъ. Его первая жена убѣжала отъ него черезъ годъ послѣ свадьбы съ какимъ-то армейскимъ офицеромъ. Несмотря на это, онъ всегда отзывался о ней превосходно.

— Прекрасная была женщина, — говорилъ онъ, — но увлекающаяся: этотъ армейскій офицеръ такой глухой! Надо послать ей денегъ: она, бѣдняжка, любила вкусно поѣсть и хорошо одѣться.

Когда его первая жена умерла, онъ женился на Ольгѣ Николаевнѣ. Злые языки предсказывали, что и эта сбѣжитъ, потому что такой воплощенной добротѣ и близорукости, какъ Брасавкинъ, на роду написано быть обманутымъ.

Правда оказалась на сторонѣ злыхъ языковъ: сойдясь съ Нестроевымъ, Ольга Николаевна рѣшила бросить своего мужа, какъ только Нестроевъ получитъ мѣсто. Она привязалась къ нему привязанностью женщины, которая прожила безбурно тридцать лѣтъ и впервые вкусила сладость грѣха. Она знала, что, бросая мужа, лишается симпатичнаго ей кружка знакомыхъ, обрекаетъ себя на томительную скуку въ глухомъ захолустѣ, и всетаки, когда Нестроеву пришло назначеніе, бросила мужа съ легкимъ сердцемъ.

Для Брасавкина ударъ оказался неожиданнымъ и глубокимъ. Онъ былъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда человекъ боится одиночества и становится необычайно чувствительнымъ ко всякому горю, потому что сердце покидаетъ надежда на лучшее будущее.

Говорятъ, что вскорѣ послѣ побѣга жены, придя къ знакомымъ, у которыхъ онъ нѣкогда встрѣтился съ Нестроевымъ, Брасавкинъ при случайномъ упоминаніи о женѣ зарыдалъ, какъ мальчигъ.

— За что, за что? — повторялъ онъ безпомощно съ такимъ отчаяніемъ, что у присутствующихъ навертывались слезы на глазахъ.

Нестроевъ безпокойно заворочался на диванѣ.

Объ этой исторіи ему писалъ Блаженовъ. Въ тонѣ письма слышалось сдержанное негодованіе, и, помнится, его уязвленная совѣсть долгое время таила вражду противъ Блаженова, пока, наконецъ, ея не успокоили соображенія о свободѣ чувства, въ особенности такого чувства, какъ любовь, и о неизбѣжномъ угнетеніи слабыхъ особей сильными въ борьбѣ за существованіе.

До сихъ поръ онъ старался не думать объ этомъ и это ему удавалось. Образъ Брасавкина совсѣмъ было исчезъ изъ его памяти, и только теперь, Богъ вѣсть почему, онъ опять всталъ въ его воображеніи безмолвнымъ укоромъ. Чувство, которое онъ нѣкогда питалъ къ Ольгѣ Николаевнѣ и которое вначалѣ подогрѣвалось кратковременными свиданіями, вскорѣ оставило его, какъ только онъ поближе взглядылся въ ея душевную пустоту. Вотъ почему Брасавкинъ казался

ему теперь жалкимъ и достойнымъ состраданія, какъ никогда. Какъ онъ былъ глупъ, что связалъ себя съ Ольгой Николаевной,—ахъ, лучше бы она согрѣвала холодное одиночество этого несчастнаго добряка!...

Онъ еще, что называется, въ цвѣтѣ лѣтъ и, однако, увѣренъ, что однообразія его жизни ничто не измѣнитъ до могилы: сърой лентой будутъ тянуться его дни, съ надѣвшимъ ему выстукиваніемъ и выслушиваніемъ больныхъ, отвратительными обѣдами Марьи, заколустной скукой и успѣвшими набить оскомину нѣжностями быстро старѣющей Ольги Николаевны.

Проклятая жизнь!...

Въ сосѣдней комнатѣ нослышались шаги, и въ гостиную вошла Ольга Николаевна. Она придала своему лицу выраженіе скучающей дѣвочки и постаралась зажечь въ глазахъ плутоватые огоньки.

— Пусти-ка дѣвоцку къ себѣ на диванъ, дѣвоцкѣ одной скучно!—прозююкала она, подходя къ дивану.

Нестроевъ съ гримасой отодвинулся. Ольга Николаевна съ легкимъ кряхтѣніемъ, совсѣмъ не соответствовавшимъ принятому ею тону, опустилась на диванъ и, засматривая Нестроеву въ глаза, стала тербить его волосы.

— Дѣтка баянъки хочеть?

— Такъ просто валяюсь,—досадливо отвѣтилъ Нестроевъ, удерживаясь отъ рѣзкаго выраженія.

— Дѣтка скучаетъ, можетъ быть дѣткѣ сладенькаго хочеться или можетъ быть у дѣтки головка болить? — шутила она, ласкаясь...

— Не корчъ изъ себя институтки, терпѣть не могу этихъ сантиментовъ,—рѣзко и раздражительно сказалъ Нестроевъ, отводя отъ своего лица руку Ольги Николаевны.

Ольга Николаевна состроила обиженную гримаску.

Въ дверь постучали; вслѣдъ за стукомъ дверь тихо пріотворилась, и въ нее просунулась голова еврея съ козлиной бородой и испуганными глазами.

— Гашпадинъ докторъ; я васъ прошу...

Еврей вошелъ въ комнату и осторожно притворилъ за собой дверь.

— Гашпадинъ докторъ, я васъ прошу... — умильно повторилъ еврей и сдѣлалъ жестъ рукой по направленію къ еврейской части мѣста.

— Что такое?—недовольно кривнулъ Нестроевъ и приподнялся.

— Я васъ прошу... у меня больной ребенокъ,—еще тише проговорилъ еврей.

— Шляетесь только, чортъ возьми, по цѣлымъ днямъ. Никогда отъ васъ покоя нѣтъ доктору. Навѣрное, пустяки какіе-нибудь.

Еврей робко жался къ дверямъ, но не уходилъ.

— Отошли его и не ходи! — посовѣтовала Ольга Николаевна, неприязненно глядя на еврея, точно онъ посягалъ на ея собственное спокойствіе.

Смиренный и жалкій видъ еврея смягчилъ немного Нестроева. Ему стало стыдно за свою раздражительность, и онъ болѣе спокойнымъ тономъ прибавилъ:

— Вотъ что: я пойду, но только раньше выпью чаю. Если хочешь, можешь меня подождать въ приемной.

Еврей постоялъ еще нѣсколько секундъ у порога, точно хотѣлъ что-то сказать Нестроеву, но ничего не сказалъ и, тихо вздохнувъ, вышелъ за двери.

III.

— Нѣтъ на свѣтѣ существа несчастнѣе сельскаго врача,—размышлялъ вслухъ Нестроевъ, возбужденно шагая изъ угла въ уголъ. — Чиновникъ отсидитъ положенные часы и свободенъ: ни до кого и ни до чего ему нѣтъ дѣла. Только ты, какъ почтовая вляча, не смѣй думать объ отдыхѣ. Тутъ больной... тамъ больной... Больные у меня вотъ гдѣ сидятъ! — чуть не выкрикнулъ онъ. — Ихъ сотни, а я—одинъ. Никто не хочетъ думать, что вѣдь я тоже человекъ и, стало быть, ничто человѣческое мнѣ не чуждо...

Ольга Николаевна въ теченіе пяти лѣтъ переслушала не мало подобныхъ жалобъ, и онѣ казались ей вполнѣ естественными: больные—такіе несносные! Они вѣчно думаютъ только о себѣ и никогда не подумаютъ о томъ, каково ея Ванечкѣ. Усталъ ли онъ, голоденъ ли онъ—имъ нѣтъ дѣла. Не успѣетъ у нихъ порядкомъ разболѣться голова, какъ уже сію минуту подавай имъ доктора. Что и говорить—не жизнь, а каторга! Но не повидавшая ея сердца обида за отвергнутую ласку не позволила ей теперь наружно согласиться съ доводами Нестроева и подтолкнула на возраженіе.

— Не всякому и чиновнику сладко. Не хочешь—можешь не идти.

— Можешь не идти! А кто же вмѣсто меня пойдетъ? Ты пойдешь, что ли?

У Ольги Николаевны на глазахъ навернулись слезы. Боже, какая она несчастная! Она не задумалась пожертвовать для него всѣмъ,

изъ-за него она умираетъ теперь со скуки въ этомъ болотѣ и вмѣсто благодарности и ласки слышать постоянныя грубости и оскорбленія...

Марья внесла въ столовую самоваръ и загремѣла стаканами. Ольга Николаевна воспользовалась предложеньемъ уйти. Ея лицо, подѣляясь раздраженію сразу потускнѣвшее и состарившееся, производило жалкое впечатлѣніе. Съ видомъ незаслуженно оскорбленной она прошуршала мимо Нестроева юбками и, переступивъ порогъ столовой, нарочно не сдержала вздоха.

Но Нестроевъ не обратилъ на это никакого вниманія. Каждый разъ, когда онъ дѣлалъ поворотъ къ огню, ему бросались въ глаза на противоположномъ концѣ улицы почернѣвшіе отъ дождя заборы, часть грязной улицы и широкая лужа предъ окномъ, на которой отъ дождя поминутно вскакивали водяные пузырьки и расходились неровными кругами. И каждый разъ это обостряло его раздраженіе.

Охъ, ужъ эти ему больные!... Дня, часа, минуты не можетъ пройти безъ того, чтобы его не тянули въ разныя стороны. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ съ покорностью рабочаго вола, для котораго законъ—воля хозяина, мыкается по мѣстечку изъ дома въ домъ, гдѣ только не заблагоразсудится заболѣть его пациентамъ; но, наконецъ, бывають минуты, когда мѣра долготерпѣнія исполнится. Это ужъ слишкомъ—знать, что въ жизни его нѣтъ и никогда не будетъ такой минуты, на которую не сочли бы себя въ правѣ посягнуть разныя тамъ больныя. Вотъ и теперь въ пріемной его дожидается Шмуль. И онъ долженъ обжигаться горячимъ чаемъ, который всегда любитъ пить послѣ обѣда съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой, долженъ отказаться отъ послѣобѣденнаго сна и немедленно предоставить свою особу въ распоряженіе Шмуля, одинъ изъ многочисленныхъ Ицеговъ котораго неумѣренно попользовался твердыми бубликами, приготовленными матерью для продажи, и получилъ расстройство желудка.

Его предшественникъ, Ноновскій, не церемонился съ назойливыми посѣтителями; это былъ желчный и раздражительный человекъ, который, говорятъ, въ изступленіи кидался на евреевъ съ сжатыми кулаками и выпроваживалъ ихъ угрозами. Этотъ Ноновскій былъ ему драйнѣ антипатиченъ, и хотя онъ всегда считалъ рассказы о его безрдечій преувеличенными, но теперь онъ охотно имъ вѣрить и какъ гдѣ понимаетъ подобное настроеніе, повидимому, близкое къ пошлительству.

Ожидаемое появленіе несимпатичной фигуры Ноновскаго въ вообращеніи Нестроева подѣйствовало на него охлаждающимъ образомъ. Съ этой краской въ лицѣ онъ замѣтилъ, что его дошедшія до абсур-

да мысли были хоть Ноновскому впору. Чувствовалось такъ, точно онъ неожиданно увидѣлъ себя въ грубо-карикатурномъ видѣ. И раздраженіе Нестроева сразу улеглось.

Ноновскій и онъ рядомъ—фи, какая гадость! Когда онъ пріѣхалъ сюда, всё облегченно вздохнули. Сначала со стороны и случайно, больше черезъ Ольгу Николаевну, а потомъ и къ нему лично стали доходить на первый взглядъ неправдоподобные рассказы о дѣйствіяхъ его предшественника. Но слишкомъ были единодушны отзывы, чтобы въ нихъ можно было усомниться. Говорили о Ноновскомъ съ замѣтнымъ недружелюбіемъ, съ нескрываемой злобой, нѣкоторые даже, что называется, съ пѣной у рта: у одного въ напрасномъ ожиданіи врачебной помощи умеръ ребенокъ; у другого жена во время родовъ промучилась лишнія сутки; у третьяго результаты небрежнаго лѣченія сказались въ переходѣ болѣзни изъ острой формы въ хроническую. Ольга Николаевна рассказывала ему, что, вскорѣ по пріѣздѣ ихъ сюда, молодая и работающая акушерка, просматривая больничные счета, вдругъ ни съ того ни съ сего разрыдалась въ ея присутствіи. На ея вопросъ, что съ ней, акушерка отвѣтила: «не могу видѣть безъ слезъ эти счета: столько я изъ-за нихъ перенесла незаслуженныхъ оскорбленій. Все было не такъ, все не по немъ; къ каждой цифрѣ онъ придирался: то зачѣмъ она слишкомъ велика, то зачѣмъ слишкомъ мала»...

Изъ-за этой внушавшей ему постоянное отвращеніе фигуры выплыла въ памяти другая... Докторъ Сивохо, котораго смѣнилъ Ноновскій,—вотъ о комъ всё безъ исключенія отзываются, какъ о безукоризненно прекрасномъ человѣкѣ. Онъ съ нимъ немножко знакомъ... Длинное лицо, длинная, черная борода лопатой; изъ-подъ темныхъ очковъ внимательный и добродушный взглядъ сверкающихъ бѣлыми глазъ; задумчивое поглаживаніе бороды и медленная, методическая рѣчь, пересыпанная постоянными «вотъ именно»... Говорятъ, что ему почти не приходилось слѣзать съ повозки, такъ какъ отовсюду то и дѣло сыпались приглашенія; а когда онъ возвращался, на него навидывались евреи и тащили за собой. Брестяне тоже валомъ валили въ Черновицкую больницу, потому что «лысый докторъ» такъ благодушно калякалъ «съ дядьками» по-малороссійски, такъ участливо спрашивалъ про болѣзнь! Даже у фельдшера при напомниманіи о докторѣ Сивохо лицо и теперь еще расплывается въ улыбку.

Сивохо и Блаженовъ—люди одной категоріи; Ноновскій ихъ антиподъ. А онъ—онъ, Нестроевъ,—занимаетъ между ними какое-то среднее положеніе. Но онъ чувствуетъ, что душою всетаки ближе

къ этимъ людямъ самоотверженія и безропотности, чѣмъ къ своему полупомѣшанному предшественнику. Если бы ему удалось вырваться изъ этого засасывающаго болота, изъ этой глуши, въ которой онъ дичаетъ безъ общества,—о, онъ непременно укрѣпилъ бы свою волю и сталъ другимъ человѣкомъ!

Нестроевъ вошелъ въ столовую, надѣлъ сапоги и шведскую куртку, вѣско̀ро выпилъ два стакана чаю и вышелъ. Погруженный въ свои думы, онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія, что въ глазахъ Ольги Николаевны стояли слезинки и грудь ея дышала часто и нервно. Она пила чай молча, неслышными глотками, придерживая пальцемъ ложечку, чтобы та не звенѣла; грудь ея давила какой-то клубокъ и она чувствовала, какъ этотъ клубокъ медленно подкатывался къ горлу...

— Пойдемъ! — крикнулъ Нестроевъ еврей, отворяя дверь въ крѣпкую.

Еврей испуганно шелохнулся и взялся за шапку.

Нестроевъ шелъ впереди, увѣренно шагая въ ботфортахъ по лужамъ; за нимъ, старательно подобравъ полы чернаго лапсердака, маленькими шажками поспѣвалъ еврей; онъ безпокойно озирался по сторонамъ и въ безнадежно-ровной грязи улицы старался отыскать мѣстечки получше, потому что жидкая грязь набиралась въ старыя, съ чужой ноги, калоши и подмачивала его единственные башмаки.

Отъ базарной площади расходились двѣ широкія улицы; одна, постепенно суживаясь, спускалась къ мутной рѣчонгѣ, другая, болѣе людная, вела въ торговую часть мѣстечка. На прирѣчной улицѣ жили крестьяне, и избышки были низкія, крытыя соломой, но около каждой былъ разбитъ маленькій садикъ или по крайней мѣрѣ росло двѣ-три акаціи. На торговой улицѣ дома были высокіе, крытые гонтомъ, но грязные, въ незапамятныя времена выбѣленные густо подшпаклеванной известкой, которые еще печальнѣе выглядѣли отъ того, что около нихъ не росло ни одного деревца. На каждомъ шагу попадались деревянные, покосившіеся лари, на которыхъ вели мелочной торговъ и продавали съѣстные припасы грязныя-прегрязныя еврейки; попадались вѣрѣдка и настоящія лавчонки съ безграмотными, хорошо знакомыми Нестроеву, вывѣсками: «шлюсаръ и мѣдникъ», «продажа печива изъ шаравской пекарни колбасъ и вѣдчины», «парюкмахерская. Залъ для гнѣтя, стрижкѣй и завивкѣй волосъ».

Е и вывѣски, надъ которыми въ былое время онъ много смѣялся, напомнили Нестроеву его первыя впечатлѣнія по приѣздѣ сюда. Въ первые дни отъ мнимыхъ и дѣйствительно-больныхъ евреевъ пролетѣло мимо него не было; нѣкоторые шли изъ любопытства посмотрѣть, каковыя вывѣски; другіе — чтобы запастись новымъ рецептомъ и

присоединить его къ десяти предыдущимъ, бесполезно валявшимся въ особой коробкѣ. Платили ему сначала по пятидесяти копеекъ, потомъ по сорока, по тридцати и, наконецъ, дѣло дошло до пятнадцатиннаго. Ольга Николаевна вначалѣ отмѣчала для свѣдѣнія его ежедневные доходы синимъ карандашомъ на табачной коробкѣ и оказалось послѣ подсчета, что въ первый мѣсяцъ онъ пятнадцатинными и двугривенными заработалъ свыше пятидесяти рублей.

Вспоминаются ему и курьезы изъ больничной практики... Въ первое время его сильно озадачивало распространенное среди мѣстныхъ крестьянъ представленіе о какомъ-то «золотныкъ», который сидитъ внутри и пускаетъ корни: если пустить корень въ голову—голова болитъ, пустить въ руку—рука болитъ. Представленіе объ этомъ загадочномъ «золотныкъ» распространено преимущественно среди женскаго населенія. Сколько онъ ни допытывался, что это за «золотныкъ», неизмѣннымъ отвѣтомъ ему было: «або-жь вы не знаете?» Его фельдшеръ изобрѣлъ даже отъ «золотныка» специфическое лѣкарство пургативнаго свойства—смѣсь александрійскаго листа съ жженой магнезіей,—которое крестьяне брали нарасхватъ, во-первыхъ, потому, что оно темно-коричневаго цвѣта; во-вторыхъ, потому, что хорошо дѣйствуетъ или, какъ они говорили, «дуже міцне»...

Что касается мѣстной «интеллигенціи»—батюшка, арендаторъ мельницы, акцизный чиновникъ—то понятія ихъ о медицинѣ тоже не высокаго достоинства: они убѣждены, что водянка можетъ произойти отъ неумѣреннаго и частаго употребленія воды; что заболѣвшему отъ неизвѣстной причины ребенку нужно положить на животъ тертаго чеснока, и серьезно вѣрять рассказамъ о томъ, что какой-то господинъ, послѣ того какъ были испробованы всѣ средства надъ его умиравшимъ ребенкомъ, взялъ его на руки, раскрылъ ротикъ и трижды вдохнулъ въ него свой «духъ»... И—вы можете себѣ представить!—ребенокъ ожилъ...

Домишки пошли приземистѣе и грязнѣе; высокія, неуклюжія крыши надъ ними поражали своею ветхостью; на иныхъ зеленеватыми полосками вползала плѣсень, на другихъ зеленеватыя полоски превращались въ огромныя зеленыя пятна настоящаго мху.

— Гашпадинъ докторъ, здѣсь!—проговорилъ еврей, догоняя Нестроева и показывая рукой на маленькую, накренившуюся на бокъ дверь одного изъ приземистыхъ домиковъ.

Нестроевъ толкнулъ визгливую дверь и, низко наклонивъ голову, прошелъ въ тѣсныя сѣни; его обдало запахомъ кислой капусты и прѣлага грязнаго бѣлья. Онъ отворилъ дверь направо и вошелъ въ низкую, темноватую комнату.

При входѣ Нестроева со стула поднялся старый съ благообразной физиономіей еврей, что-то такое внимательно чинившій, и молча помылился, запахивая поряжѣлый халатъ, позволявшій созерцать стоптанные камашки и часть грязноватаго дезабилье. Маленькій жиденокъ, съ большими глазенками и сбитыми въ войлокъ кудряшками, игривый у порога на кучѣ мусора, раскрылъ удивленно ротъ и тупо уставился на вошедшаго. Не шелохнулась только при входѣ Нестроева среднихъ лѣтъ женщина, неподвижно сидѣвшая возлѣ привѣшенной къ потолку колыски, на которую пошла старая плетеная корзина изъ-подъ бубликовъ; женщина продолжала сидѣть на сундукѣ, машинально покачиваясь, со сложенными на колѣняхъ руками, и бессмысленно, но скорбно смотрѣла въ колыску, гдѣ въ грудѣ грязныхъ тряпокъ разметалось въ лихорадочномъ жару маленькое существо...

Нестроевъ подошелъ къ колыскѣ. Еврейка не перемѣнила своего положенія и только перевела свой бессмысленный взглядъ на него.

— Давно это съ нимъ? — спросилъ Нестроевъ, снимая двумя пальцами съ ребенка затасканное одѣяльце и раздвигая на груди рубашонку, чтобы вставить подъ мышку термометръ.

— Третій день... нѣтъ, четвертый день! — тихо проговорилъ сопровождавшій его еврей, заходя сбоку и тоже наклоняясь надъ колыской.

Дыханье у ребенка было разгоряченное и частое, тѣло розоватое; на верхней части груди и на шеѣ видѣлись плоскія ярко-красныя пятна съ слабо обозначенными краями, почти сливавшіяся въ одно большое пятно.

— Зажгите свѣчу!

Еврей бросился къ печкѣ и вытащилъ откуда-то крохотный огонекъ. Онъ вправилъ его въ глиняный подсвѣчникъ, зажегъ сѣрной свѣчкой, отъ которой распространился по комнатѣ царавшій въ торгѣ запахъ, и, закрывая пламя ладонью руки, осторожно понесъ доктору.

— Посвѣтите!

Нестроевъ совсѣмъ низко наклонился надъ колыской и двумя пальцами разжалъ ротъ ребенку. Языкъ былъ бѣловатый и тѣмъ свѣже отгнѣялъ красноту небной дужки и горла. Термометръ показывалъ сорокъ и одну десятую.

— Скарлатина!

Въ глазахъ еврейки отразился ужасъ.

— Ай вей змиръ? Шкарлатинъ? Што-жь мы будемъ теперъ дѣлать? — говорилъ нараспѣвъ еврей, качая безнадежно головой.

Это не такъ опасно, — обнадежилъ Нестроевъ. — Смотрите,

чтобы въ комнатѣ былъ чистый воздухъ, да не зажигайте здѣсь нашихъ вонючихъ спичекъ. Пока ребенку не станетъ лучше, давайте ему только молоко, и все пройдетъ благополучно.

Еврей сосредоточенно вслушивался въ наставленія Нестроева и, качая утвердительно головой въ знакъ того, что онъ ихъ понимаетъ, чуть не за каждымъ словомъ повторялъ «ага». Глаза еврейки стали спокойнѣе и внимательнѣе.

— Повторяю: ничего опаснаго. Все пройдетъ само собой. А если у ребенка продолжится лихорадочное состояніе, то нужно будетъ давать микстуру, которую я пропишу, черезъ два часа по чайной ложкѣ.

Нестроевъ вынулъ изъ кармана записную книжку съ отрывными листами и написалъ рецептъ. Потомъ, обведя глазами нищенскую обстановку комнаты, онъ добавилъ сбоку: «рго рауреге», чувствуя, что этимъ неминуемо навлечетъ на себя гнѣвъ корыстолюбиваго аптекаря.

Еврей осторожно взялъ изъ рукъ Нестроева рецептъ, бережно сложилъ его и протянулъ доктору потертый двугривенный, который держалъ все время зажатымъ въ рукѣ.

По привычкѣ Нестроевъ хотѣлъ было спрятать протянутый двугривенный въ карманъ куртки, куда по его возвращеніи съ практики обыкновенно заползала любознательная ручка Ольги Николаевны, но неожиданный и самому ему непонятный порывъ заставилъ его отстранить протянутую руку. Можетъ быть, видъ слишкомъ бросающейся въ глаза бѣдности нечувствительно подтолкнулъ его на этотъ поступокъ, а можетъ быть, къ нему привело его болѣе спокойное теченіе мыслей, какъ прежде ихъ бурный потокъ довелъ его до пароксизма злобы.

— Не надо! Оставьте себѣ на лѣкарство.

Лицо еврея сначала изобразило недоумѣніе, а потомъ разомъ просвѣтлѣло. Съ предупредительной поспѣшностью онъ бросился отворять дверь Нестроеву и, пропуская его мимо себя, проговорилъ:

— Прощайте, гашпадинъ докторъ! Давай вамъ Богъ здоровья!

Нестроевъ вышелъ. Уже смеркалось. Тучи, которыя прежде застилали небо колыхающейся дымной пеленой, теперь приняли болѣе рѣзкія очертанія и точно сторонились одна отъ другой, медленно и неуклюже двигаясь на востокъ. А на западѣ, откуда шли тучи, уже сверкала червоннымъ золотомъ тонкая, какъ нитка, полоса...

«Чего добраго завтра будетъ погода»,—съ радостью подумалъ Нестроевъ.

Благодушно посвистывая, онъ постоялъ немного около дверей еврейскаго домика, оглядѣлъ примиреннымъ взоромъ грязную улицу и бодро пустился въ обратный путь по лужамъ. Совершенно случайно пришлось ему сегодня поступиться выработаннымъ суровой прак-

тикой жизни убѣжденіемъ, что каждый трудъ долженъ быть оплаченъ, и—онъ не жалѣеть объ этомъ. Все только что происшедшее рисуется въ его памяти неясно, неопредѣленно, какъ что-то далекое-далекое, но онъ нарочно не хочетъ вносить свѣтъ въ эти сумерки воспоминаній, потому что эта неясность ему пріятна. Вонъ, на западѣ, медленно ширится и растетъ красноватая полоса—онъ это видитъ, но не хочетъ слѣдить за ея ростомъ, не хочетъ наблюдать за ея измѣняющимися контурами, и ему почему-то кажется, что отъ этого она будетъ расти скорѣе. Онъ не хочетъ углубляться и въ то чувство, которое просыпается въ сердцѣ, но всѣмъ существомъ своимъ ощущаетъ, что это чувство—тихое, хорошее, свѣтлое...

Когда Нестроевъ пришелъ домой, почти совсѣмъ стемнѣло. Къ удивленію своему, онъ ни въ одномъ окнѣ не замѣтилъ освѣщенія. Вѣроятно, Ольга Николаевна отъ скуки пошла въ гости къ «матушкѣ».

Перемѣнивъ въ пріемной грязные ботфорты на теплыя туфли, Нестроевъ беззвучно прошелъ въ гостиную и опустился въ мягкое кресло. Въ гостиной было темно, въ столовой тоже. Въ густѣющей темнотѣ сумерекъ отдыхалъ глазъ, а въ головѣ, слабо цѣпляясь одна за другую, лѣниво ползли разрозненные мысли.

Нестроевъ прислушался. Ему показалось, что кто-то—онъ не могъ опредѣлить сразу, гдѣ именно—не то тихо вздохнулъ, не то тихо вскрикнулъ. Черезъ нѣсколько секундъ напряженного ожиданія ему вторично послышался чей-то всхлипывающий вздохъ, почти совсѣмъ заглушенный. Вздохъ какъ будто бы шелъ изъ третьей комнаты, изъ спальни Ольги Николаевны.

«Неужели она дома? Неужели она плачетъ?»

Онъ поднялся съ кресла и пошелъ въ ея спальню. Уже стоя на порогѣ, онъ замѣтилъ на кровати неопредѣленные отъ сумерокъ очертанія ея фигуры, а подойдя ближе и взглянувъ, увидѣлъ, что она лежала лицомъ къ стѣнѣ, глубоко зарывшись въ подушки.

— Оля,—позвалъ онъ.

Отвѣта не было. Тогда онъ подошелъ вплотную къ кровати и, наклонившись, дотронулся до ея плеча.

— Оля, что съ тобой? Ты плачешь, голубушка?

Затихнувшія было рыданія опять возобновились съ новою силой. Нестроевъ сѣлъ на край кровати и, отыскавъ руку Ольги Николаевны, сталъ ее тихо гладить. Онъ зналъ, что въ минуты нервнаго потрясенія слова слишкомъ грубо прикасаются къ душѣ, что молчаливая ласка успокоитъ ее скорѣе и лучше словъ.

Рыданія становились тише и затихли. Ольга Николаевна высвободила голову изъ подушекъ и чуть замѣтно повернулась къ Нестро-

еву. Его сегодняшняя рѣзкость въ обращеніи съ ней вызвала въ ея умѣ цѣлый рядъ певеселыхъ мыслей и довела до слезъ: ей казалось, что онъ ее разлюбилъ, что онъ ее ненавидитъ. Нечего болѣе ждать счастья отъ тоскливо прожитой жизни! Но теперь голосъ его звучалъ примирительно, и ей захотѣлось прильнуть къ его груди, обнять его со всею накопленною за эти скучные дни нѣжностью.

Она быстро повернулась и обхватила его руками.

— Фи, нехорошая! Зачѣмъ ты плакала?—ласково спросилъ онъ.

Съ этой женщиной его связала слѣпая судьба и обрекла на совмѣстное прозябаніе. Ему не сладко, но и ей не лучше. Къ чему же увеличивать взаимными оскорбленіями душевную тяготу каждаго, когда можно жить мирно, товарищами? Въ ея сердцѣ теплится къ нему неостывшая съ годами нѣжная привязанность, а онъ, утративъ нѣжность, не утратилъ еще въ ней дружескаго расположенія.

Пять лѣтъ онъ жилъ съ ней рядомъ и почти не обращалъ вниманія на ея душевную жизнь. Некогда было заниматься такими пустяками! Но эти слезы заставляютъ его призадуматься надъ вопросомъ: чѣмъ скрасить горечь постылой жизни? Прежде, когда онъ былъ молодъ, онъ сумѣлъ бы рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно. А теперь?... Неужели между *ними* прежнимъ и *имъ* теперешнимъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго? Есть! Письмо Блаженова показало ему, что нити, которыми его сердце связано съ прошлымъ, не порвались, а только, пожалуй, ослабѣли.

Жить среди некультурнаго общества, отправлять изо дня въ день скучныя обязанности — тяжело. Да вѣдь живутъ же другіе! Немного смѣшной идеалистъ Блаженовъ мирится съ еще худшими условіями жизни и даже находитъ для себя въ нихъ отраду. Какъ онъ завидуетъ этимъ цѣльнымъ натурамъ, для которыхъ нѣтъ въ жизни непосильныхъ задачъ, которыя еще на студенческой скамьѣ намѣтили себѣ цѣль и стойко всю жизнь преслѣдуютъ ее! А для него жизнь кажется неразрѣшимой загадкой: та, которую онъ до сихъ поръ велъ, не дала ему счастья и не дастъ, потому что онъ въ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія видитъ, что идетъ не туда, куда нужно, и не тамъ, гдѣ нужно, ищетъ счастья. Но гдѣ же его искать, куда идти?...

Онъ взглянулъ въ окно. Небо постепенно очищалось отъ тучъ; вѣтеръ все болѣе и болѣе обнажалъ его темную лазурь и разгонилъ послѣднія облака, посеребренные восходящей луной; тамъ и сямъ вспыхивали звѣзды.

И въ эту минуту сердцу Нестроева почему-то особенно близкимъ казался Блаженовъ, сумѣвшій такъ просто разрѣшить томившую его теперь загадку жизни.

Мих. Гербановскі

Л и п а *).

(Изъ Яна Колара).

Подъ липой ребенка баюкала мать,
Подъ липой я маленькимъ началъ играть,
Въ тѣни ея свѣжихъ, зеленыхъ вѣтвей
Въ счастливую юность я встрѣтился съ ней,
И юношей бодримъ, исполненнымъ силъ
Не мало въ мечтаньяхъ часовъ проводилъ,
И въ грустную ночь—въ той же тѣни вѣтвей
Навѣкъ распрощался я съ милой моей,
И сердце, въ страданьяхъ, вицѣло въ огнѣ...
Но муза подъ липой явилася мнѣ,
И сверху, какъ листья, на лиру мою
Посыпались строфы... Съ тѣхъ поръ я пою,
Въ тѣни этой липы, не мало ужъ дней
О счастья, свободѣ отчизны моей.
Послѣдняя просьба: подъ липою той
Хочу отыскать я мой вѣчный покой;
Когда я окончу унылые дни,
Подъ липой, народъ мой, меня схорони.
Но, нѣтъ! Надъ могилой не ставьте гранить,
Пусть липа родная вѣтвями шумить,
Пусть листья ея надо мной шелестятъ,
И льется весеннихъ цвѣтовъ аромать,
И пусть мой страдающій, бѣдный народъ,
Подъ липою пѣсню свободы поеть.

В. Гиларовскій.

СПРУТЬ).

(Эпопея пшеницы).

Калифорнскій романъ Франка Норриса.

КНИГА ВТОРАЯ.

II.

За длинной траншеей, гдѣ Бродерсонова рѣчка пересѣкала по-
лотно желѣзной дороги, низменная почва была покрыта порослями
сѣро-зеленыхъ ивъ. Вдоль ручья въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись
болотца, и Хильма Три ходила туда иногда собирать гулявникъ для
салата. Это было живописное, закрытое мѣстечко, настоящій оазисъ
зеленой тѣни среди безпредѣльнаго, плоскаго однообразія пшенич-
ныхъ полей. Рѣчка текла на днѣ довольно глубокаго оврага, и какой
бы зной ни стоялъ на трепетавшей поверхности ранховъ наверху,
внизу всегда чувствовалась ароматная, сырая прохлада. По време-
намъ непрестанное журчаніе ручья, который бѣжалъ, перескакивая
черезъ большіе камни, заглушалось грохотомъ поѣзда, мчавшаго бе-
зумнымъ галопомъ сотни желѣзныхъ колесъ, оставляя въ воздухѣ
запахъ горячаго масла, ѣдкій дымъ и влуды пара.

Однажды весною Хильма возвращалась въ Бвинъ-Себъ отъ Хуве-
новъ по тропинкѣ, шедшей изъ Лосъ Муэртоса въ усадьбу Анниксте-
ра. Она ходила въ гости къ Миннѣ Хувенъ, которая повредила ногу
и потому не выходила изъ дому. Хильма свернула къ ивамъ у ручья и
рѣшила набрать гулявника къ ужину. Она нашла лужицу, гдѣ крестъ
былъ всего гуще, нарвала его, вымыла въ ручьѣ и завернула въ по-
совой платочекъ; образовался прохладный узелокъ, который Хильма
съ наслажденіемъ прикладывала къ своимъ горячимъ щекамъ и шеѣ.
Несмотря на перемѣну, замѣченную въ ней Анникстеромъ на балу

*) *Русская Мысль*, 1902 г., кн. VI.

въ житницѣ, Хильма во многомъ оставалась ребенкомъ. Все забавляло ее, когда она была одна. Теперь она пила изъ ручья, лежа на травѣ, наполовину погрузивъ лицо въ воду. Она воображала себя заводалымъ путникомъ, бѣднымъ бродягой, который утоляетъ жажду у ручья; наступитъ ночь, разразится гроза, а ему некуда идти; онъ попросится на ночлегъ въ какую-нибудь хижину... Вдругъ ей захотѣлось поболтать ногами въ водѣ. Будь она еще маленькой дѣвочкой, какъ теперь было бы пріятно разуться, побродить въ водѣ у берега. Въ концѣ-концовъ скучно это, что она выросла... Хильма сидѣла на берегу, сняла одну туфлю, но разуться не рѣшалась. Вдругъ пройдетъ поѣздъ! Ей уже казалось, что машинистъ смотритъ на нее и смѣется...

Послѣ достопамятнаго вечера въ житницѣ, Анникстеръ разговаривалъ съ нею всего два раза. Хильма не дѣлала уже никакой работы въ домѣ. Необходимость войти въ столовую или спальню Анникстера приводила ее въ ужасъ, такъ что всю работу въ усадебномъ домѣ дѣлала м-съ Три. Одинъ разъ она встрѣтилась съ владѣльцемъ Квинъ Себа у артезианскаго колодца, и они обмѣнялись простымъ привѣтствіемъ; въ другой разъ Анникстеръ опять приходилъ въ молочную разсматривать новый прессъ для сыра. Но на этотъ разъ это былъ настоящій хозяйскій осмотръ. Какъ только вошелъ Анникстеръ, у Хильмы сердце упало. Она не находила словъ, отвѣчала односложными восклицаніями, конфузилась, чувствовала себя неловко, а когда Анникстеръ ушелъ, она побѣжала въ свою комнату, кинулась на постель и горько плакала, сама не зная почему. Хильма была чрезвычайно рада, что въ теченіе цѣлой зимы Анникстеръ былъ заваленъ работой. Онъ безпрестанно уѣзжалъ изъ ранхо по дѣламъ, иногда на цѣлыя недѣли то въ Санъ-Франциско, то въ Сакраменто или въ Бонневиль. Онъ можетъ быть совсѣмъ забылъ о ней... И сперва она думала, что только этого и желаетъ, но потомъ эта мысль стала мало-по-малу тревожить ее.

Она знала его заботы. Всѣ ихъ знали. Новость о внезапномъ нападении желѣзной дороги, начинавшей войну, огнемъ пробѣжала по всему графству. Въ представленіи Хильмы поведеніе Анникстера было необыкновенно героично. Смѣлость, съ которой онъ встрѣтилъ нападеніе желѣзной дороги, такъ же, какъ онъ встрѣтилъ Деланея въ житницѣ, казалась ей верховъ благородства. Она не хотѣла ничего знать о людяхъ, помогавшихъ ему въ борьбѣ. Въ ея воображеніи боюющая лига, къ которой присоединились всѣ фермеры, была проста и формальностью. Одинъ Анникстеръ стоялъ лицомъ къ лицу съ чужимъ вице-президентомъ. Компания хочетъ проглотить только Квинъ-Себа, какъ

китъ писаря. Онъ былъ защитникомъ ея семьи, онъ былъ ея боець, Она начала поминать его въ своихъ молитвахъ, всегда прибавляя мольбу, чтобъ онъ сдѣлался *добрымъ* человекомъ, чтобъ онъ не такъ много ругался и чтобъ онъ никогда не встрѣчался съ Делансемъ.

Пока Хильма раздумывала о томъ, разуваться ей или не разуваться, поѣздъ дѣйствительно проѣхалъ. Длинный рядъ вагоновъ, сѣрыхъ отъ пыли огромныхъ пустынь юго-запада, прогремѣлъ, потрясая землю, наполняя воздухъ дымомъ. Грохотъ колесъ заглушилъ журчаніе ручья, а также и топотъ копытъ Овраго, спускавшагося по тропинкѣ къ ручью, такъ, что когда Хильма обернулась послѣ прохода поѣзда, она внезапно увидѣла Анникстера. Онъ улыбался ей, что съ нимъ случалось не часто, и жесткая линія его выдающейся нижней губы какъ-то смягчилась. Онъ снялъ шляпу, кланяясь, и хотя его желтые волосы были всклокочены на макушкѣ, вихорь не стоялъ по обыкновенію торчкомъ, какъ перо Апаша.

— Это вы, миссъ Хильма? Здравствуйте!—воскликнулъ онъ.

Хильма поклонилась, встала на ноги и стала обѣими руками нервно счищать соръ съ платья. Анникстеръ сѣлъ на камень около нея и, надѣвъ поводъ на руки, закурилъ сигару. Онъ заговорилъ о жарѣ, о дурномъ состояніи Нижней дороги, по которой онъ ѣхалъ теперь послѣ засѣданія комитета лиги въ Лосъ-Муэртосъ, о томъ, какъ медленно идутъ работы по орошенію и вообще о тяжелыхъ временахъ, которыя настали.

— Миссъ Хильма!—вдругъ сказалъ онъ,—никогда не выходите замужъ за фермера... Бонца нѣтъ его тревогамъ...

Хильма притаила дыханіе, глаза ея расширились. Внезапно какое-то необъяснимое чувство виновности охватило ее. Ея руки дрожали, когда она нервно сжимала свой узелокъ между ладонями.

Анникстеръ продолжалъ говорить. Онъ тоже былъ взволнованъ этой встрѣчей. Въ теченіе всѣхъ прошедшихъ зимнихъ мѣсяцевъ горячей дѣятельности, лихорадки политической кампаніи, мучительныхъ проволочекъ и послѣднихъ поражений въ одномъ судѣ послѣ другого, онъ никогда не забывалъ выраженія лица Хильмы въ то время, когда онъ стоялъ, обнявъ ее за талію въ своей житницѣ, въ минуту смертельной опасности. Нѣмого признанія глазъ Хильмы для него было довольно. Но онъ никогда не имѣлъ случая дѣйствовать на основаніи этого. Въ тѣ рѣдкіе промежутки времени, когда онъ оставался въ ранхо, Хильма избѣгала его, а однажды, на Рождествѣ, она провела цѣлый мѣсяцъ у своего дѣда, содержателя гостиницы въ Санъ-Франциско. И вотъ теперь онъ встрѣтилъ ее. Онъ покончилъ съ этимъ положеніемъ, которое мучило и огорчало его день за днемъ въ тече-

ше мѣсяцевъ. Онъ почувствовалъ, что насталъ какой-то рѣшительный моментъ, хотя онъ не зналъ въ чемъ именно. Поправивъ во рту сигару, онъ снова заговорилъ. Ему приятно было высказаться открыто передъ Хильмой, инстинктъ подсказывалъ ему, что это сблизитъ ихъ, установить между ними нѣкоторую интимность.

— Что вы думаете объ этой исторіи, миссъ Хильма, объ перепалкѣ съ желѣзной дорогой? Думаете, захватить Шельгримъ съ своей пайкой Бвинъ Себъ?.. Сгонять насъ съ ранхо?

— О, нѣтъ, сэръ!—воскликнула Хильма.—О, нѣтъ, ни за что!

— Ну, что жъ тогда?

Хильма пожала плечами съ видомъ полного невѣдѣнія.

— Я не знаю что!

— Ну, такъ вотъ что: лига рѣшила сегодня, что если пробные процессы будутъ проиграны въ высшемъ судѣ,—вы знаете, что мы подали аппеляцію въ высшій судъ въ Вашингтонѣ, — тогда мы будемъ драться.

— Драться?

— Да, драться.

— Драться... драться, какъ вы дрались съ Деланеемъ... О, Боже мой!... Съ оружіемъ?

— Я не знаю...—неопредѣленно отвѣтилъ Анникстеръ. — Что вы думаете?

Низкій голосъ Хильмы слегка дрожалъ, когда она отвѣтила:

— Драться съ оружіемъ... это такъ ужасно. О, эти выстрѣлы съ житницъ! Я точно и теперь ихъ слышу. Каждый выстрѣлъ казался взрывомъ...

— Что жъ намъ уступить? Пустить Деланея и Бермана, и всю пайку? Уступить имъ?

— Никогда, никогда!—воскликнула, она и глаза ея заблестѣли.

— Вы не захотите, чтобъ васъ прогнали изъ вашего дома, миссъ Хильма, потому что Бвинъ Себъ *вашъ* домъ? Вы жили здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ родились. Вы не захотите, чтобъ Берманъ и остальные выгнали васъ изъ дому?

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—нѣтъ! Я не хочу этого. И мать, и...

— Неужели вы можете хоть на секунду подумать, что я *допущу* это?—закричалъ Анникстеръ, стискивая сигару зубами.—Вы останетесь преспокойно тамъ, гдѣ живете. Я сумѣю объ васъ позаботиться. . Слушайте,—вдругъ спросилъ онъ,—вамъ совсѣмъ не нуженъ такъ пьяный орало, Деланей?

— Я думаю, что онъ злой человѣкъ,—объявила она.—Я знаю,

что желѣзная дорога будто бы продала ему часть ранхо, а онъ допускаетъ, чтобъ Берманъ и Роггльсъ пользовались имъ!

— Вѣрно! Я такъ и думалъ, что вы его понимаете.

Наступило долгое молчаніе. Сѣрый началъ обнюхивать камушки, отыскивая травы; Анникстеръ переложилъ свою сигару въ другой уголь рта.

— Славное мѣстечко!—сказалъ онъ, осматриваясь. Потомъ началъ:—Миссъ Хильма, послушайте, я хочу о чемъ-то поговорить съ вами, если хотите. Я совсѣмъ не знаю, какъ говорить такія вещи, и если я запутаюсь пока буду говорить, такъ вы такъ и знайте, что это оттого, что я никогда не имѣлъ привычки быть съ женщинами—поняли? Вотъ что: послѣ этого бала—и гораздо раньше этого, я ужасно много объ васъ думалъ. Прямо говорю, думалъ, и полагаю, что вы это сами знаете. Вы почти единственная дѣвушка, которую я знаю, и я думаю единственная, которую я хочу знать. У меня такая натура. Вы тогда ничего не сказали, когда мы стояли вмѣстѣ, а Деланей дурака разыгрывалъ... Но я почему-то подумалъ, что вы не хотите, чтобы Деланей попалъ въ меня, и что если онъ попадетъ въ меня, то это будетъ вамъ огорчительнѣе, чѣмъ если бы онъ попалъ въ кого-нибудь другого... Ну, вотъ, а я то же самое чувствовалъ относительно васъ. Мнѣ было бы легче, если бы онъ застрѣлилъ какую бы то ни было другую дѣвушку въ залѣ, только не васъ... да, даже въ цѣломъ Штатѣ. Если бы съ вами что-нибудь случилось, миссъ Хильма... я бы ни чѣмъ на свѣтѣ не дорожилъ. Отнялъ бы Берманъ Квинъ-Сезъ—милости просимъ. Изстрѣляй меня Деланей всего сверху до низу—сколько угодно. Все на свѣтѣ тогда не стоило бы для меня плевка. Для меня вы единственная дѣвушка на свѣтѣ. Сначала я такъ не думалъ и не хотѣлъ думать. Но когда я видѣлъ васъ каждый день, видѣлъ какая вы красивая и умная, и слышалъ вашъ голосъ и все, ну вотъ—тогда все это какъ-то вошло въ меня, а теперь я ни о чемъ другомъ не могу думать. Я терпѣть не могу ѣздить въ Санъ-Франциско, или Сакраменто, даже въ Бонневиль, потому что васъ тамъ нѣтъ; я быстро дѣлаю тамъ свои дѣла и возвращаюсь сюда. Когда вы уѣзжали на Рождество, я чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, что... нѣтъ вы не знаете, что я дѣлалъ. Я каждый вечеръ вычеркивалъ одинъ день въ календарѣ, пока вы не вернулись. Это все вотъ къ чему: я хочу, чтобы вы всегда были со мною. Я хочу, чтобы вашъ домъ былъ также и моимъ домомъ. Я хочу заботиться объ васъ, хочу, чтобы вы были совсѣмъ моею, понимаете... Что вы на это скажете?

Хильма стояла передъ нимъ и тщательно развязывала узелъ носового платка, разглядывая его сивозъ слезы.

— Что вы объ этомъ скажете, миссъ Хильма? Что?

— Я... я не знаю,—прошептала Хильма.

— Чего не знаете? Можетъ быть мы рѣшимъ это вмѣстѣ? Я думаю, что рѣшимъ, Хильма. Я не хочу пугать васъ... Объ чемъ вы плачете?

— Я не знаю.

Анникстеръ всталъ, кинулъ сигару, выпустилъ поводъ, подошелъ къ ней и положилъ ей руку на плечо. Хильма не двигалась, она все еще развязывала узелъ.

— Я не могу жить безъ васъ,—продолжалъ онъ,—мнѣ нужно васъ, ужасно нужно. Я никогда не видѣлъ много радости въ жизни. Я жесткій человекъ. Всѣ хотятъ принизить меня, а теперь я началъ войну съ желѣзной дорогой. Я борюсь съ ними день и ночь, на жизнь и на смерть, борюсь за свой домъ, за свою землю, за все, что мнѣ дорого на землѣ. Если я одолѣю ихъ, я хочу, чтобы кто-нибудь радовался со мною; если меня побѣдятъ, я хочу чтобы кто-нибудь огорчился за меня, погоревалъ со мною. Я усталъ какъ собака, я хочу, чтобы кто-нибудь поддержалъ меня. Мнѣ надобно чувствовать, что вы стоите рядомъ со мною, иногда подбодряете меня. Мнѣ надобно бороться за *вещи* — землю, собственность, деньги; я хочу бороться за живое существо, за кого-нибудь еще кромѣ себя самого. Вы поняли? Хочу знать, что не все это одно себялюбие... что еще чьи-нибудь интересы замѣшаны въ эту игру... чтобы вернувшись домой я могъ обнять кого-нибудь и чтобы меня обняли... какъ, Хильма?

— Вотъ... такъ?—спросила Хильма и съ безконечной нѣжностью обняла Анникстера за шею.

Прикосновеніе ея теплыхъ мягкихъ рукъ наполнило Анникстера восторгомъ, котораго онъ никогда не испытывалъ. Онъ наклонилъ голову и поцѣловалъ ее. Они стояли молча, потомъ Хильма отстранилась отъ Анникстера, вытирая глаза своимъ мокрымъ узелкомъ съ травой.

— Я все время думала, что ненавижу васъ,—сказала Хильма, и ему показалось, что никогда еще ея бархатный голосъ не звучалъ такъ приятно.

— А я думалъ, что вамъ нравится этотъ черномазый козелъ ело, тотъ мушланъ табуниингъ.

— Деланей? Вотъ выдумали! Я думаю, что всегда нравились и вы.

— Съ которыхъ поръ, Хильма?—спросилъ онъ, снова обнимая

ее и чувствуя невыразимую радость, что она допускает эту близость.—Съ которыхъ поръ? Ну-на расскажите, какъ это было.

— О, всегда... Съ тѣхъ поръ какъ я начала о васъ думать... нѣтъ вспоминать... ну, вы сами знаете, что я хочу сказать... тогда...

— Когда?

— Я не знаю, я объ этомъ не довольно думала.

— Но вы сказали, что это было всегда?

— Ну, да, только тогда было иначе... О!—воскликнула она внезапно, и глаза ея приняли необыкновенно серьезное выраженіе, а руки крѣпко сжимали его руки.—Вы будете добрый со мною? Я во многомъ, во многомъ совѣмъ ребенокъ, и я отдалась вамъ вдругъ, въ одну минуту, и теперь уже не могу идти назадъ, уже теперь это навсегда... Иногда я думала, что не хочу этого, но теперь это такъ, и я рада, и я счастлива. Но если *теперь* вы не будете добры со мною, подумайте, что это будетъ для меня... Вы сильный, умный, богатый; а я ваша служанка, никто... но я вамъ отдаю себя, и вы всегда должны быть добрымъ. Помните это всегда. Будьте со мною добрымъ, мягкимъ, снисходительнымъ въ мелочахъ... во всемъ, иначе вы разобьете мою жизнь.

Анникстеръ обнялъ ее и молчалъ. Всякое слово казалось ему неподходящимъ. Онъ, наконецъ, могъ только повторить нѣсколько разъ

— Ну, да, ну, да, моя маленькая дѣвочка... Вы не бойтесь, я буду объ васъ заботиться... Ну, да, ну, да...

Долго они сидѣли и разговаривали. Сѣрый, который не нашелъ для себя пищи по вкусу, отправился вдоль тропинки въ конюшню, волоча за собою поводъ. Анникстеръ не двинулся; если бы у него ушли всѣ его лошади, онъ бы всетаки не двинулся въ эту минуту. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что пора выработать планъ дѣйствій.

— Ну, Хильма,—сказалъ онъ,—что же мы будемъ дѣлать? Я хочу устроить васъ гдѣ-нибудь. Посмотримъ: въ Бонневиллѣ? Не годится... Тамъ пропасть всякихъ собаченокъ, которыя насъ знаютъ и сразу начнутъ тявкать... Ну, а Санъ-Франциско? Мы могли бы съѣздить туда на будущей недѣлѣ и посмотрѣть. Я бы искалъ квартиру, которую вы могли бы взять и устроить ее ахти какъ.

— Но зачѣмъ уѣзжать изъ Бвинъ-Себа?—протестовала Хильма.—И такъ скоро. Зачѣмъ намъ ѣхать въ свадебное путешествіе теперь, когда вы такъ заняты? Не лучше ли... Ахъ, вотъ что я вамъ скажу: поѣдемте послѣ свадьбы въ Монтерей, гдѣ живутъ мои родные, на недѣлку, потомъ вернемся прямо въ Бвинъ-Себа.

Анникстеръ слушалъ и смутился.

— Гм!—сказалъ онъ,—понимаю

Онъ взялъ пригоршню камешковъ и началъ систематически швырять ихъ въ ручей. Наступилъ такой фазисъ дѣла, котораго онъ совсѣмъ не обсудилъ. Онъ до этого момента думалъ, что Хильма понимаетъ его. На секунду къ нему опять вернулось его старое подозрѣніе, что Хильма хочетъ забрать его въ руки. Въ такихъ разговорахъ толку мало. Вѣчно эти бабы осложняютъ положеніе своимъ сумасшедшимъ желаніемъ выйти замужъ.

— Развѣ такъ не лучше? — спросила Хильма.

— Я не знаю.

— Ну, хорошо. Не поѣдемъ въ Монтерей, а поѣдемъ прямо назадъ въ Квинъ-Себъ; какъ вамъ нравится, такъ мы и сдѣлаемъ.

— Я совсѣмъ не такъ объ этомъ думалъ.

— Какъ же?

— Развѣ мы не можемъ... развѣ мы не можемъ подождать съ этими свадьбами?

— И я то же говорю, — весело подхватила она. — Я вѣдь говорила, что это слишкомъ скоро. Скажемъ лучше — въ концѣ лѣта.

— Что?

— Назначимъ нашу свадьбу, я хочу сказать.

— Зачѣмъ вообще жениться? Къ чему весь этотъ гвалтъ и суета? Для чего я буду вмѣшиваться какого-нибудь попа въ мои личные дѣла? И въ чемъ тутъ разница? Мы другъ друга понимаемъ — развѣ этого недостаточно? Пфа! Я, Хильма, не изъ тѣхъ людей, которые желаютъ.

Она смотрѣла на него, удивленная, и только мало-по-малу начала понимать, что онъ хочетъ сказать. Она встала; глаза ея расширились, лицо поблѣднѣло. Онъ не смотрѣлъ на нее, но слышалъ ея тяжелое дыханіе.

— О! — воскликнула она съ настоящей физической болью.

Анникстеръ также всталъ и смотрѣлъ на нее.

— Ну, что такое? — грубо спросилъ онъ.

Хильма отмахнулась отъ него, точно защищаясь отъ чего-то страшнаго, потомъ отвернулась, перебрѣжала по доскѣ, положенной черезъ ручей, и исчезла. Анникстеръ внезапно остался одинъ и стоялъ неподвижно, потомъ поднялъ шляпу, тщательно вытеръ ее, надѣлъ, еще востоялъ, неопредѣленно поглядывая по сторонамъ, и не выговоривъ ни слова, большими шагами пошелъ по тропинкѣ домой.

Въ этотъ вечеръ онъ Хильмы не видѣлъ, а на другой день онъ всталъ рано и не завтракалъ дома. Дѣла лиги призывали его въ Бонвикъ, гдѣ назначено было совѣщаніе съ Магнусомъ и адвокатами, чтобы вѣсти вели земельные процессы. Надобно было подать апелляцію

въ вашигтонскій высшій судъ, и въ этотъ день предстояло рѣшить, которыя изъ начатыхъ дѣлъ надобно разсматривать какъ пробныя.

Въ Бонневилль Анникстеръ поѣхалъ не въ экипажѣ и не верхомя, какъ обыкновенно, а по желѣзной дорогѣ.

Совѣщаніе съ адвокатами происходило въ одной изъ переднихъ комнатъ Иоземитской гостиницы; секретарь одного изъ адвокатовъ составлялъ стенографическій отчетъ засѣданій и дѣлалъ копии со всѣхъ писемъ. Совѣщаніе было сложное и длилось долго, потому что дѣло подходило къ своему кульминаціонному пункту; поэтому Анникстеръ освободился только въ два часа дня.

Когда Магнусъ и Анникстеръ спустились послѣ засѣданія въ переднюю гостиницы, они замѣтили, что въ кофейной Иоземита, сообщавшейся съ передней, собралась оживленная и возбужденная толпа. Тамъ находился Дайкъ, и издали слышались раскаты его баса, гнѣвнаго и раздраженнаго. Магнусъ и Анникстеръ, чрезвычайно удивленные, присоединились къ собравшейся толпѣ и сразу очутились зрителями первой сцены разыгравшейся драмы.

Въ этотъ день мать Дайка разбудила его на разсвѣтѣ. Получилось увѣдомленіе отъ желѣзной дороги о приходѣ съ сѣвера шестовъ для его хмѣльника, и онъ долженъ былъ ѣхать за нимъ въ Бонневилль.

Онъ позавтракалъ одинъ и полчаса спустя уѣхалъ въ своей большой телѣгѣ, мурлыча какую-то пѣсенку и громко хлопая бичомъ надъ спинами своихъ покойныхъ и сильныхъ фермерскихъ лошадей.

Утро было ясное, солнце только что взошло. Выѣхавъ изъ сонной и безжизненной Гвадалаяры, Дайкъ ѣхалъ по верхней дорогѣ. Онъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и весело глядѣлъ на темныя поля, зардѣвшія отъ восхода солнца. Передъ нимъ далеко впереди радостно блестѣлъ на первыхъ утреннихъ лучахъ позолоченный куполь суда въ Бонневилль, сѣвернѣе старая колокольня Санъ-Жуана темнымъ силуэтомъ видѣлась на пылающемъ небѣ. По мѣрѣ того какъ онъ подвигался впередъ, все вокругъ просыпалось, встрѣчая новый день. У оросительной канавы онъ встрѣтилъ отрядъ португальцевъ, шедшихъ на работу съ лопатами и кирками на плечахъ. Хувенъ прокричалъ ему «*¡Guít moñu!*» изъ-за загороди Лось-Муэртоса. Далекое на просторѣ открытыхъ полей видѣлась зеленая группа эвкалиптусовъ и кипарисовъ у дома Деррига, и струя дыма изъ трубы кухни поднималась прямо вверхъ.

Въ одиннадцать часовъ отставной механикъ былъ у бонневильскаго почтамта, но ему не хотѣлось сразу предъявить свое объявленіе въ конторѣ Роггльса. Онъ любилъ для развлечения побродить

часок-другой по улицамъ. Въ городѣ онъ бывалъ рѣдко, а когда бывалъ, то ему пріятно было наслаждаться своей популярностью. Всюду онъ встрѣчалъ друзей и со всякимъ заводилъ разговоръ, который неизбѣжно заканчивался словами:

— Пойдемъ, выпьемъ чего-нибудь?

— Ну, что-жъ, выпьемъ.

И друзья шли въ Йоземитъ, гдѣ угощали другъ друга съ надлежащими церемоніями. Дайгъ, впрочемъ, былъ безусловно воздержанный человѣкъ. Его выдрессировала служба механикомъ. Онъ никогда не пилъ ничего спиртного и ограничивался имбирнымъ пивомъ и другими легкими напитками.

Въ бакалейной лавкѣ, гдѣ продавались всякія вещи, Дайгъ увидѣлъ интересную игрушку.

— Вотъ что, Джимъ,—сказалъ онъ приказчику,—я знаю маленькое существо, которое съ ума сойдетъ отъ радости, увидя вотъ это... Это я возьму.

— Какъ поживаетъ Сидней?—спросилъ приказчикъ, закрывая игрушку.

Благодаря любви Дайга къ дѣвочкѣ, она сдѣлалась своего рода извѣстностью въ городѣ.

— Самое милое маленькое существо во всемъ графствѣ! Одна прелесть.

— А хмѣль?

— Въ лучшемъ видѣ!—объявилъ Дайгъ съ готовностью добродушнаго человѣка говорить о своихъ дѣлахъ со всякимъ, кто станетъ его слушать.—Въ лучшемъ видѣ! Урожай будетъ за первый сортъ. Дождь выпалъ въ самый разъ. Теперь не знаю, войдетъ ли весь хмѣль въ житницы, которыя я выстроилъ, такой будетъ урожай. Приказчикъ мнѣ попался — незабудка! Наживу я денегъ, Джимъ. Когда умлачу по завладнымъ... вы знаете, что мнѣ пришлось заложить? Да, и урожай, и домъ—все, но я могу все очистить и проценты, отчасти могу... Такъ вотъ я говорю, что когда я покрою всѣ расходы, хмѣль еще очистится хорошая деньга. Да, сэръ, я зналъ, что хмѣль дѣло ловкое. Урожай уже проданъ. Это мнѣ приказчикъ обрадовалъ. Одинъ паренекъ изъ Санъ-Франциска его беретъ и по хорошей цѣнѣ. Я было хотѣлъ подождать, не проторговать бы... а приказчикъ не говоритъ: «нѣтъ, цѣна хорошая». Подписалъ. Въ лучшемъ видѣ, Джимъ говорю.

- Что же вы думаете дѣлать?

- Самъ еще не знаю. Теперь хочу прокатить мать и дѣвочку, чтобы не начнутся классы; а тамъ отдадимъ Сидъ въ семинарію.

— Такъ что вы теперь ужъ всегда будете заниматься хмѣлемъ.

— Совершенно вѣрно. Это, я вижу теперь, — дѣло хорошее. Теперь пропасть людей начинаетъ сѣять хмѣль. Я имъ дорогу показаль. Это сдѣлается скоро новой промышленностью. Я ужъ для будущаго года сажаю. Приказчика я теперь отпущу, самъ всему научился, думаю прикупить влочокъ земли отъ Квинъ Себа, выстрою еще житницу... и, ей-Богу, лѣтъ черезъ пять, все это у меня загудитъ... На живую я денегъ, Джимъ.

И онъ вышелъ на улицу. Ему казалось, что всё относится къ нему теперь иначе. Онъ уже не подчиненный, не служащій, а самостоятельный человекъ, собственникъ, землевладѣлецъ, ведущій усиленное предпріятіе. Никто не помогаль ему, никто не руководилъ имъ; онъ началъ свое дѣло самъ и если имѣль успѣхъ, то обязанъ всецѣло себѣ, своему уму, своей дальновидности. Онъ расправилъ свои широкія плечи такъ, что его синяя куртка затрещала. За послѣднее время его бѣлосурая борода выросла, а лицо покраснѣло отъ солнца; подъ козырькомъ фуражки — остатокъ его службы механикомъ — голубые глаза сіяли добродушіемъ. Онъ чувствовалъ себя красивымъ, проходя мимо молодыхъ дѣвушекъ, шедшихъ на почту за письмами, и спрашиваль себя, смотрять ли онѣ на него, знаютъ ли онѣ, что онъ на пути къ богатству.

Но хронометръ въ онѣ ювелира указаль ему, что время идетъ. Онъ перешель черезъ улицу и вошелъ въ контору Рогльса, которая была также конторою кладей.

Стоя у проволочной перегородки въ ожиданіи клерка, онъ увидѣль не безъ удивленія знакомую фигуру, разговаривающую съ самимъ Рогльсомъ у одной изъ конторокъ.

То былъ толстый человекъ среднихъ лѣтъ, который время отъ времени потираль рукой свой большой животъ. Человекъ обернулъся, чтобы сдѣлать замѣчаніе клерку, и Дайкъ узналь Бермана. Банкиръ, желѣзно-дорожный агентъ и политическій дѣлецъ показаль Дайку толще обыкновеннаго.

Дайкъ внимательнo разсматриваль его. Вотъ онъ врагъ, представитель трѣста, съ которымъ мѣрялась лига Деррика. Дайкъ былъ почти въ ежедневномъ общеніи съ фермерами-пшеничниками. Онъ слышалъ ихъ обвиненія, ихъ жалобы, ихъ опасенія. Передъ нимъ была другая сторона въ лицѣ вотъ этого безразличнаго, жирнаго человека въ жесткой соломенной шляпѣ и полотняномъ пиджакѣ, который никогда не теряль терпѣнія, любезно улыбался врагамъ, даваль имъ совѣты, выражалъ имъ сожалѣніе послѣ каждаго пораженія, увѣренный въ своей власти, чувствуя, что за нимъ стоитъ колоссальная

она сундуковъ могучей организаціи, которая выбрасывала миллионы въ отвѣтъ на тысячи лиги.

Лига была криклива, у всѣхъ на виду, ея поступки были извѣстны послѣднему уличному мальчишкѣ; трѣсть же былъ молчаливъ, его пути оставались невѣдомы, и публика видѣла только результаты. Онъ работалъ во мракѣ покойно, съ дисциплиной, неуклонно. И Дайку вдругъ показалось, что онъ видитъ безчисленные развѣтвленія чудовища... Казалось ему, что подъ его ногами почва подкопана, и глубоко внизу во мракѣ могучія щупальцы вытягиваются и причутся, разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ, ломаютъ всякое сопротивленіе спокойно, постепенно, выжидая надлежащій моментъ...

— Нужно мнѣ будетъ отъ васъ, господа, нѣсколько вагоновъ до конца лѣта, — сказалъ Дайкъ, складывая бумагу, данную ему клеркомъ. Онъ отлично помнилъ, что сговорился насчетъ перевозки своего хмѣля нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; но роль собственника такъ забавляла его, что ему пріятно было возвращаться къ подробностямъ своего предпріятія. — Я надѣюсь, — прибавилъ онъ, — что у васъ будутъ вагоны. Въ нынѣшнемъ году переварки будетъ страсть сколько, такъ мнѣ бы не хотѣлось остаться безъ вагоновъ.

— О, вы получите свои вагоны, — пробормоталъ клеркъ.

— По моей милости у васъ еще дѣла прибавится, — продолжалъ Дайкъ; — мнѣ такъ посчастливилось на хмѣльникахъ, что въ будущемъ году многіе за это дѣло возьмутся. Предположимъ, — продолжалъ онъ, слѣдуя внезапно явившейся мысли, — что мы войдемъ въ соглашеніе, ну какъ бы въ организацію, не можете ли вы тогда для насъ установить особый тарифъ, подешевле... скажемъ полтора цента?

Клеркъ посмотрѣлъ на него.

— Полтора цента? Вы скажите *четыре* цента съ половиной, тогда давайте разговаривать.

— Четыре цента... — повторилъ Дайкъ, не понимая. — Какъ такъ? Когда обыкновенная цѣна два цента?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ клеркъ, смотря ему прямо въ глаза, — пять центовъ.

— Ну, это-то вздоръ, милый мой, — увѣренно сказалъ Дайкъ. — Вы справьтесь-ка. Вы увидите, что тарифъ на хмѣль отъ Бонневилля до Спринга два цента съ фунта. Вы мнѣ сами это сказали.

— Сказалъ, когда такъ было.

Вступило молчаніе.

Дайкъ подозрительно смотрѣлъ на клерка, но успокоился и занялся тѣмъ:

— Справьтесь. Сами увидите, что я правъ.

Подожель Берманъ и вѣжливо пожалъ руку механику.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ, м-ръ Дайкъ?

Дайкъ объяснилъ. Когда онъ замолчалъ, клеркъ почтительно обращаясь къ Берману, замѣтилъ:

— Нашъ обыкновенный тарифъ на хмѣль пять центовъ.

— Да,—сказалъ Берманъ подумавъ,—да, м-ръ Дайкъ, это вѣрно—пять центовъ.

Клеркъ принесъ большой листъ желтой бумаги и подалъ его Дайку.

— Вотъ посмотрите сами,—сказалъ Берманъ, указывая на рубрику: «Измѣненіе № 7 отъ 1 августа», и подъ заглавіемъ—«Различные товары». Тамъ Дайкъ прочелъ: «Означенный тарифъ на перевозку хмѣля въ вагонахъ входитъ въ дѣйствіе съ 1 іюня и остается въ силѣ до новаго тарифнаго измѣненія». По слѣдующимъ затѣмъ цифрамъ Дайкъ увидѣлъ, что перевозка хмѣля изъ Бонневилля или Гвадалаяры въ Санъ-Франциско стоитъ пять центовъ.

Сперва Дайкъ ничего не могъ понять. Но мало-по-малу ему все стало ясно. Железная дорога увеличила перевозочный тарифъ. Всѣ свои расчеты при запродажѣ хмѣля онъ основывалъ на перевозочной цѣнѣ въ два цента съ фунта. Хмѣль поставить онъ обязался, отступить уже нельзя, а новый тарифъ поглощаетъ всю его прибыль. Онъ разоренъ.

— Что все это значить?—вдругъ вырвалось у него.—Вы мнѣ объявили тарифъ въ два цента, въ этомъ расчетѣ я дѣйствовалъ въ своихъ дѣлахъ. Что это значить?

Берманъ и клеркъ спокойно смотрѣли на него изъ-за рѣшотки.

— Пять центовъ!—упрямо повторилъ клеркъ.

— Но вѣдь это разореніе! Понимаете, разореніе? — кричалъ Дайкъ.—Я пятидесяти центовъ не выручу... Какое—выручу... я... я не уплачу... Понимаете, это разореніе?

Клеркъ пожалъ плечами.

— Мы не принуждаемъ васъ перевозить вашъ товаръ—дѣлайте какъ знаете. Тарифъ теперь пять центовъ.

— Но... чортъ бы васъ побралъ! у меня контрактъ заключенъ. Что же мнѣ дѣлать? Вѣдь вы сказали... вы обѣщали возить за два цента.

— Этого я не помню,—отвѣчалъ клеркъ.—Ничего этого я не знаю, а знаю, что цѣны на хмѣль поднялись. Я знаю, что нѣмецкій хмѣль не уродился, а нью-іоркскаго и перевозить не стоило. Хмѣль

теперь стоит по доллару. Вы думаете, что мы этого не знаем, — г-ръ Дайкъ?

— Какое вамъ дѣло до цѣны на хмѣль?

— А такое, — возразилъ тотъ съ внезапной запальчивостью, — что перевозочныя цѣны повысились соотвѣтственно. Мы дѣлаемъ дѣла не для времяпрепровожденія... Миѣ приказано поднять цѣны, и я считаю, что вы дешево отдѣлались.

Дайкъ былъ совершенно ошеломленъ отъ удивленія. Въ первую минуту его такъ поразила вся эта нахальная смѣлость, что онъ даже забылъ лично о себѣ.

— Господи Боже мой! — воскликнулъ онъ. — Что еще вы способны выкинуть? И на чемъ вы основываетесь, назначая тарифъ? — кричалъ онъ бѣшено? — Какое у васъ правило? На чемъ вы основываетесь?

При этихъ словахъ Берманъ, все время молчавшій, нагнулся впередъ. Въ первый разъ въ жизни Дайкъ увидѣлъ, что лицо его дышало злостью, враждебностью и презрѣніемъ ко всему земледѣльческому элементу, съ которымъ онъ тягался. Чтобы придать своимъ словамъ болѣе вѣсъ, Берманъ ударялъ указательнымъ пальцемъ по конторкѣ при каждомъ словѣ:

— Братъ — все — что — товаръ — можетъ — вынести!

Отставной механикъ отступилъ на шагъ. Онъ чувствовалъ, что бѣднѣетъ, что сердце его стало точно свинцовая гиря въ груди, перестало биться.

Въ одну секунду все дѣло, со всѣми его послѣдствіями, пронеслось въ его воображеніи какъ въ панорамѣ. Всѣ его сбереженія были поглощены; болѣе того, — онъ занялъ денегъ, занялъ у Бермана, заложивъ сборъ хмѣля и домъ. Если онъ не выполнитъ своихъ обязательствъ, Берманъ будетъ взыскивать. Желѣзная дорога не только пожирала всю его прибыль, но отнимала у него домъ; сразу онъ останется безъ денегъ, безъ пристанища. Что будетъ съ его матерью, съ его маленькой дочкой? Съ Сидъ, которую онъ хотѣлъ воспитать какъ настоящую леди? Цѣлый годъ онъ только объ этомъ и говорилъ. Весь Бонневилль знаетъ это. Какого шута онъ изъ себя разигралъ! Рабочій, который дѣлается фермеромъ! Есть чему посямѣться — онъ вообразилъ, что можетъ обойти желѣзную дорогу! Все случилось ему, какъ онъ увѣрялъ, что трѣсть проглядѣлъ его маленькое предпріятіе, пренебрегъ такой мелкой сошкой. Какъ могъ онъ вообразить, что дорога дастъ ему заработать денегъ!

Гѣна еще не было въ немъ, не успѣла еще подняться въ душѣ

та слѣпая, безумная ярость, которая толкаетъ на нападеніе. Ударъ подавилъ его, расшаталъ, смутилъ.

Онъ отошелъ въ сторону, чтобы пропустить рабочаго, принесшаго аппаратъ для автоматическаго запора двери.

— Куда это?—спросилъ рабочій.

Дайкъ присѣлъ на диванчикъ, взятый изъ стараго вагона для украшенія конторы Роггльса. Бусочкомъ синяго карандаша онъ началъ выписывать на старомъ желтомъ конвертѣ какія-то цифры, множилъ, вычиталъ и только увеличивалъ свое смущеніе огромными ошибками въ вычисленіи.

Вошелъ Гензлингеръ съ Деланеємъ. Берманъ и клеркъ отпустили рабочаго и начали за конторкой оживленный разговоръ съ новопришедшими. Деланей отправлялъ на югъ партію лошадей и, очевидно, пришелъ согласиться съ желѣзной дорогой на счетъ вагоновъ. Разговоръ шелъ въ самомъ дружескомъ тонѣ.

Дайкъ, погруженный въ свои вычисленія, снова надумалъ заговорить:

— Послушайте,—сказалъ онъ, какъ же это будетъ?

— Мы сказали вамъ нашъ тарифъ, м-ръ Дайкъ,—сердито закричалъ клеркъ.—Больше никакой уступки мы сдѣлать не можемъ. Хотите—берите, не хотите—какъ хотите.

Онъ повернулся къ Дайку спиной и заговорилъ съ Гензлингеромъ.

Дайкъ отошелъ и, стоя посреди комнаты, продолжалъ глядѣть на конвертъ съ цифрами.

— Я не знаю,—бормоталъ онъ, что мнѣ теперь дѣлать.—Нѣтъ, не знаю... что я теперь буду дѣлать?

Вошелъ Роггльсъ, съ нимъ еще два человѣка, въ которыхъ Дайкъ узналъ двухъ подставныхъ покупателей ранховъ Лось-Муертоса и Остермановскаго. Они прошли мимо него, и въ то время какъ Дайкъ выходилъ, обмѣнивались веселыми привѣтствіями съ Деланеємъ, Гензлингеромъ и Берманомъ.

Дайкъ вышелъ на улицу и безцѣльно направился въ Йоземитъ-Хаусъ, перебирая въ пальцахъ желтый конвертъ. Ему было стыдно. Всякому прохожему ясно—въ какомъ онъ очутился положеніи; всякій видитъ въ немъ неудачника уже по тому, какъ онъ опустилъ голову. Молодые дѣвушки, которыя возвращаются съ почты, навѣрное узнаютъ въ немъ несчастнаго банкрота.

Вдругъ въ немъ загорѣлась поздняя ярость. Нѣтъ, Богъ свидѣтель—*нетъ!* онъ невиноватъ. У него было достаточно и энергіи, и умѣнья, и предвидѣнья. Онъ—жертва колоссальнаго мошенничества, черной несправедливости, жертва ненасытнаго алчнаго чудовища, пой-

кая одна изъ миллионовъ щупальцевъ, внезапно показавшимся изъ-подъ земли, схватившимъ его за горло, удавившимъ его, сосунимъ его кровь. На секунду у него мелькнула мысль о судѣ. Онъ засмѣялся. Какой судъ можетъ справиться съ чудовищемъ? О, безумная ярость безсилія, беспомощности! Нѣтъ спасенія, нѣтъ спасенія! Это гибель въ одну секунду въ полной силѣ лѣтъ, здоровья, разума. Какъ онъ вернется домой? Что онъ скажетъ матери? А Сидней... какъ объяснить ей свое несчастье, какъ сохранить ея довѣріе къ себѣ, къ своимъ способностямъ?

Свирѣпый, горькій, зловѣщій гнѣвъ теперь поднимался въ сердцѣ Дайка. Булаки сжимались, зубы скрежетали. О, если бы теперь ему попался Берманъ, онъ бы сжалъ ему горло... онъ бы залилъ лицу кровью, высосанной изъ жилъ народа.

Первому встрѣчному пріятелю Дайкъ разсказалъ свою исторію, а потомъ слѣдующему и слѣдующему. Вѣсть переходила изъ устъ въ уста, шла впереди Дайка, и когда онъ подошелъ къ Іоземиту, она уже ждала его тамъ. Вокругъ него образовалась группа людей. Его друзья подходили одинъ за другимъ. Подошелъ Магнусъ Деррикъ и Анникстеръ. Дайкъ снова и снова разсказывалъ свою исторію, начиная съ того времени, когда онъ былъ отставленъ компаніей, потому что не желалъ принять несправедливаго уменьшенія жалованья. Его голосъ дрожалъ отъ отчаянія, тяжелая фигура тряслась отъ бѣшенства, глаза налились кровью, лицо пылало, а громовый голосъ гудѣлъ, покрывая голоса собесѣдниковъ.

Слушатели обсуждали его дѣло со всѣхъ точекъ зрѣнія, то съ горячностью, то спокойно и разсудительно. Одно мнѣніе было преобладающимъ, и его выразилъ Анникстеръ:

— Безъ ножа зарѣзали! Теперь орите хоть до хрипоты, съ желѣзной дорогой вамъ не справиться. Ничего тутъ не подѣлаешь!

— Вы можете застрѣлить этого негодяя Бермана,—закричалъ кто-то изъ толпы.—Да, серъ, ей-Богу, имѣете право застрѣлить.

— Бѣдный дуракъ,—сказалъ Анникстеръ и отвернулся.

Ничего не подѣлаешь! Нѣтъ, рѣшительно ничего. Когда Дайкъ очутился одинъ въ своей телѣгѣ на возвратномъ пути, онъ снова пердумалъ все дѣло отъ начала до конца. Совѣты всякаго рода, даже приложенія денежной помощи сыпались на него со всѣхъ сторонъ; и то не было недостатка въ друзьяхъ, которые отъ всего сердца прилагали на его разсмотрѣніе необыкновенные проекты и планы дѣятвія. Все бесполезно—щупальцы держатъ его плотно. Онъ зарѣзалъ безъ ножа.

Онъ выѣхалъ въ открытое поле, гнѣвъ его стихъ, и снова верну-

лось притупленное отчаяніе. Онъ не могъ думать о будущемъ, ни за часъ впередъ; онъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ былъ зарѣзанъ безъ ножа. По инерціи онъ ѣхалъ впередъ, какъ мѣшокъ съ пескомъ, едва держа возжи, разсѣянно глядя на спины лошадей. Онъ смирился. Не все ли равно? Къ чему продолжать работу? Онъ зарѣзанъ безъ ножа.

Лошади, на которыхъ онъ ѣхалъ, были куплены въ Лосъ-Муэртосъ. Такъ какъ ими не правили, онъ свернулъ на дорогу, шедшую къ усадьбѣ Деррика. Дайкъ замѣтилъ это, когда они остановились у колоды передъ заведеніемъ Берехера.

Дайкъ слѣзъ и осмотрѣлся, не понимая куда онъ попалъ. Тѣмъ хуже.. И не все ли равно... Онъ разнуздавъ лошадей и стоялъ рядомъ, наблюдая за тѣмъ, какъ они пьютъ.

— Не знаю,—бормоталъ онъ,—не знаю, что мнѣ теперь дѣлать...

У дверей показался Берехеръ, его красное лицо, рыжая борода и красный галстукъ рѣзко вырисовывались въ тѣни дверей.

— Здравствуйте, напнтанъ.

— Здравствуйте, Берехеръ.

— Ну, что новенькаго въ городѣ?—спросилъ Берехеръ, выступая впередъ.

Дайкъ рассказывалъ ему. Красное лицо Берехера побагровѣло, глаза заблестали подъ густыми бровями. Въ бѣшенствѣ онъ разразился градомъ ругательства.

— А, теперь вашъ чередъ пришелъ!—кричалъ онъ.—Имъ мало крупныхъ пшеничниковъ, богачей. Боже мой, праведный! они полѣзли въ карманъ бѣдняка. О, когда-нибудь лопнетъ ихъ брюхо... Вѣчно такъ продолжаться не можетъ. Въ одинъ прекрасный день они промахнутся, они наскочутъ на человѣка съ душкомъ, который хватить въ отвѣтъ, когда его хватятъ... Онъ поднялъ сжатый кулакъ къ небу и продолжалъ:

— Помоги мнѣ, Господи! Когда я думаю объ этомъ, я съ ума схожу... О, если бы народъ сознавалъ свою силу... Если бы мнѣ дано было пробудить его... Развѣ одинъ Шельгримъ на свѣтѣ... Тысячи ихъ магнатовъ, богачей, кровопійцевъ. Ихъ часъ пробьетъ, княнусь Богомъ пробьетъ!

Дайкъ вошелъ въ нитейное заведеніе, находившееся за лавочкой, чтобы рассказать подробности своего новаго несчастія. Все еще подавленный, онъ сѣлъ за одинъ изъ столиковъ, а Берехеръ принесъ бутылку виски.

Случилось такъ, что Презлей, возвращаясь изъ Бонневилля, за-

халъ купить графиту для своего велосипеда. Дверь изъ лавочки въ забачокъ была открыта, и онъ слышалъ весь разговоръ между Дайкомъ и кабатчикомъ.

— Ну-ка, расскажите, Дайкъ, какъ это было?—понукалъ Берехеръ.

Въ пятидесятый разъ Дайкъ пересказалъ свою исторію. Она успѣла выкристаллизоваться у него въ опредѣленную форму: онъ употреблялъ одни и тѣ же выраженія, однѣ и тѣ же слова при каждомъ новомъ пересказѣ. Такъ онъ будетъ рассказывать свою исторію всякому, кто захочетъ ее слушать, изо дня въ день до конца жизни. Въ разговорѣ онъ глоталъ стаканчикъ за стаканчикомъ виски, и благородный его гнѣвъ, порывы негодованія перешли въ мрачную, злую ненависть, въ затаенное коварное зложелательство. Берехеръ, увѣренный, что нашелъ въ немъ ученика, подливалъ ему стаканъ за стаканомъ.

— Что же, вы и теперь будете осуждать насъ,—воскликнулъ онъ, насъ, красныхъ?—Да, это очень прекрасно для среднихъ классовъ проповѣдовать умѣренность... Я бы тоже могъ проповѣдовать. И вы бы могли, если бы у васъ брюхо было сытое, если бы ваша земля была цѣла, если бы у васъ не убили жену, если бы ваши дѣти не околѣвали съ голоду. Тогда легко проповѣдовать систему улучшения законовъ, легальный путь и прочую ерунду. А каково *намъ*? А! и горластый кабатчикъ, не такъ ли? Я сумасшедшій стачечникъ? А вы, Дайкъ, механикъ на черномъ спискѣ, разоренный земледѣлецъ, ждите пока не выгонятъ на улицу вашу мать и дочь, послѣ того какъ Берманъ заберетъ вашъ домъ. Подождите, пока онѣ не исхудають, пока ваша дѣвочка не спроситъ, отчего всѣмъ вамъ нечего ѣсть. Подождите, пока не увидите, что семья ваша умираетъ, потому что у нея куска хлѣба нѣтъ, а сотни тысячъ акровъ пшеницы—милліоны четвериковъ пищи—забираетъ желѣзнодорожный трѣстъ... ну, тогда и говорите объ умѣренности. Трѣсту только этихъ разговоровъ и надобно—нихъ онъ не боится. Онъ къ одному не глухъ, одно его пугаетъ—народъ вооруженный.

Дайкъ не возражалъ. Онъ налилъ себѣ еще стаканъ виски и выпилъ его въ два глотка. Его лобъ нахмурился, багровое лицо приняло угрюмое выраженіе, голова опустилась, ушла въ могучія плечи; на оргая, онъ смотрѣлъ мутными глазами на свои мускулистыя руки, мрачно лежавшія на столѣ.

Презлей забылъ зачѣмъ пришелъ. Онъ слушалъ слова Берехера. Вся драма удвоеннаго тарифа ясно представилась его уму. И это то что одинъ примѣръ, единичный случай, который попался ему на

глаза. А сколько других примѣровъ на всемъ протяженіи штата! Такія вещи должны случаться постоянно—всюду въ отдаленныхъ графствахъ; въ кантонахъ предгорія должны въ самомъ зачаткѣ гнѣнуть маленькія предпріятія, никому неизвѣстныя, кромѣ чудовища, и брезгающаго ничѣмъ, которое одно щупальце заноситъ на сотни тысячъ акровъ пшеницы, а другое—на пригоршню хмѣля.

Онъ уѣхалъ молча, опутивъ голову, крѣпко сжимая ручки велосипеда. Его губы побѣлѣли. Въ сердцѣ его поднялось бурное чувство мятежа, грозящее, проклинающее.

Въ Лосъ-Муэртосѣ онъ засталъ Анникстера, который стоялъ въ крыльцѣ, разговаривая съ Херраномъ, а Магнусъ тамъ же объяснял что-то женѣ.

Поглощенный спѣшными дѣлами и послѣднимъ совѣщаніемъ съ адвокатами лиги передъ отъѣздомъ въ Вашингтонъ, Анникстеръ опоздалъ на поѣздъ. Онъ принялъ предложеніе Магнуса вернуться въ экипажѣ въ Лосъ-Муэртосъ и телефонировалъ въ Бвинъ-Себъ приказаніе, чтобы ему привели Сѣраго къ Деррикамъ. Сѣрый его уже ждали, а Анникстеръ замѣшкался, рассказывая Херрану исторію Дайка.

— Что же ему теперь дѣлать?—спросилъ Херранъ.

— Ничего,—отвѣтилъ Анникстеръ.— Онъ зарѣзанъ.

— Я только что видѣлъ его,—сказалъ Презлей, присоединяясь къ разговору.—Онъ у Берехера. Мелькомъ его видѣлъ. Онъ пьетъ. Я видѣлъ только его спину; онъ раздавленъ... это ужасно, ужасно!

— Онъ у Берехера?—спросилъ Анникстеръ.

— Да.

— Пьетъ?

— Мнѣ кажется... около него стояла бутылка.

— Пьетъ у Берехера! — воскликнулъ Анникстеръ.— Я знаю, чѣмъ онъ кончитъ...

Наступило молчаніе. Казалось, нечего было сказать. Сумрачно, горько, съ безконечной грустью эти три человѣка, казалось, смотрѣли на неизбежную гибель одного изъ своихъ товарищей, честнаго, сильнаго, безстрашнаго человѣка.

— Я знаю, чѣмъ онъ кончитъ! — повторилъ Анникстеръ.— Дайкъ идетъ на смарку, открывається новый счетъ на Бермана, Шельгрима и К°...

Онъ сошелъ со ступенекъ крыльца, отвязалъ Сѣраго и вскочилъ на сѣдло.

— Спаси насъ Господи,—прибавилъ онъ отъѣзжая,—и чтобы чортъ ихъ прибралъ до послѣдняго! Прощайте. Я ѣду домой, у меня еще не надолго есть домъ.

Онъ носкавалъ по Нижней дорогѣ къ Квинъ-Себу, выѣхавъ на широкій бурый просторъ полей изъ-подъ тѣни кипарисовъ, окружавшихъ усадьбу Магнуса.

День склонялся къ вечеру, и тѣнь Анникстера удлинялась на пыльной дорогѣ передъ нимъ. Анникстеръ торопился, онъ боялся опоздать къ ужину и думалъ о томъ, будетъ ли Хильма прислуживать ему.

Хильма! Это имя радостно, торжественно прогремѣло у него въ головѣ. Цѣлый день среди напряженной работы, тщательнаго, подробнаго обсуждения послѣдней битвы въ войнѣ лиги и трѣста, представленіе и воспоминаіе о ней составляли фонъ его мыслей. Теперь онъ былъ одинъ. Онъ могъ отложить всѣ заботы и думать только о ней.

Въ торжественной красотѣ кончающагося дня, въ хаосѣ солнечнаго заката онъ снова видѣлъ ее. Лишенный воображенія, грубый, прямой, онъ всетаки вызывалъ ея образъ, залитый свѣтомъ, радостный, блестящій, живой. Онъ видѣлъ ласковую простоту ея движеній, статуарную красоту ея фигуры, слышалъ ея низкій, бархатный голосъ, выходившій прямо изъ груди. Бопыта Сѣраго застучали по камушкамъ у Бродерсоновой рѣчки, и Анникстеръ вспомнилъ событія предыдущаго вечера. Онъ стиснулъ зубы со злостью и разочарованіемъ. Почему она не могла его понять? Почему это женщины всегда непремѣнно хотятъ выходить замужъ? Развѣ не довольно того, что онъ дорожитъ ею болѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой женщиной? И она имъ дорожитъ, она сама сказала. Она хочетъ быть хозяйкой въ Квинъ-Себѣ? Вотъ въ чемъ дѣло! Она дорожитъ его богатствомъ, хочетъ выйти замужъ, чтобы имѣть деньги. Его непреодолимое недоверіе къ женщинамъ не покидало его. Какимъ бездоннымъ двуличіемъ она обладаетъ, что можетъ казаться такой наивной. Это несомнѣнно... а въ сущности несомнѣнно ли?

Въ первый разъ въ жизни онъ сомнѣвался. Можно предположить, что она не думаетъ объ его богатствѣ... въ сущности, плохое время выходить за него замужъ богатства ради, когда вопросъ о Квинъ-Себѣ виситъ на волоскѣ и рѣшится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Предположимъ, что она искренна... Онъ поймалъ себя на этой мысли. По золить одурачить себя дѣвчонкѣ въ его года? Его, хвата Анникстера, ловкаго, упорнаго, дѣловаго человѣка? Ну, нѣтъ! Что бы ни случилось, а онъ останется самъ себѣ господиномъ.

Въ такомъ расположеніи духа онъ пріѣхалъ въ Квинъ-Себѣ. Но на утро ни на какія рѣшенія, Анникстеръ не могъ владѣть собою. Ра *дывая Сѣраго, онъ думалъ, что Хильма снова здѣсь, близко, и

сердце его усиленно стучало. Темнѣло, а Анникстеръ всетаки украдкой посматривалъ кругомъ въ надеждѣ увидать Хильму. Онъ почему-то рѣшилъ, что Хильма ничего не скажетъ своимъ родителямъ о томъ, что произошло между ними у Длинной траншеи. Ему и въ голову не приходило, что между нимъ и Хильмой все кончено. Онъ долженъ просить прощенія, — это ясно, — долженъ это съѣсть, какъ онъ говорилъ. Ну, и съѣсть... теперь онъ не боялся ея, послѣ ея признанія. Онъ увидится съ ней какъ можно скорѣе, выяснитъ всё эти дѣла и начнетъ все сызнова. Что собственно ему нужно отъ Хильмы, этого Анникстеръ не могъ ясно опредѣлить; было время, когда онъ зналъ это, но теперь цѣль его желаній стала неопредѣленной. Ему хотѣлось, чтобы все продолжалось безъ всякихъ послѣдствій; если послѣдствія придутъ — пусть приходятъ сами собою. Теперь онъ зналъ только, что Хильма занимаетъ его мысль день и ночь, что онъ счастливъ, когда она съ нимъ, — несчастенъ, когда она далеко отъ него.

Поварь-китаецъ молча подавъ ужинъ. Анникстеръ поужиналъ, зажегъ сигару и сѣлъ въ дверяхъ своего дома, наслаждаясь полумракомъ. Стоялъ великолѣпный, теплый вечеръ, небо было усыяно звѣздами; отъ конюшенъ доносился звукъ гитары, на которой игралъ одинъ изъ португальцевъ-рабочихъ.

Анникстеръ непременно хотѣлъ видѣть Хильму. Лечь спать не увидѣвъ ея казалось ему невозможнымъ. Онъ сошелъ съ крыльца и началъ безцѣльно бродить по усадьбѣ въ надеждѣ встрѣтиться съ нею гдѣ-нибудь. Онъ подошелъ къ домику Три, тамъ все было темно. Неужели они всё такъ рано легли спать? Онъ обошелъ вокругъ, прислушался — все было тихо. Дверь молочной была открыта настежь. Онъ вошелъ. Мѣдные крынки и кувшины неясно мерцали во всѣхъ углахъ и на стѣнахъ, пахло свѣжимъ сыромъ, все было тихо, пусто. Онъ опять вышелъ и стоялъ въ раздумьи между молочной и житницей. Въ это время изъ дортуара рабочихъ вышелъ его приказчикъ и направился къ житницѣ.

— Эй, Вилли! — закричалъ ему Анникстеръ.

— О! добраго вечера, м-ръ Анникстеръ, — отвѣчалъ тотъ, подходя къ нему. — Я не зналъ, что вы вернулись. Кстати, — прибавилъ онъ какъ о вещи извѣстной Анникстеру, — надолго отъ насъ уѣхали Три? Или, можетъ быть, совсѣмъ отошли?

— Что? — закричалъ Анникстеръ. — Когда они уѣхали? Всѣ трое уѣхали?

— Я думалъ, что вы знаете. Конечно, всѣ уѣхали, сегодня днемъ съ поѣздомъ въ Санъ-Франциско. Спѣхомъ уложились... все

съ собой взяли. Да, всё трое уѣхали... и молодая барышня тоже. Они меня предупредили сегодня утромъ. Не хорошо они сдѣлали... Бога я теперь найду молочной завѣдывать? Вы кого думаете взять, и-рь Анникстеръ?

— За коимъ чортомъ вы пустили ихъ?—закричалъ Анникстеръ.— Зачѣмъ вы меня не дождались? Зачѣмъ вы не спросили ихъ, навсегда ли они уѣхали? Зачѣмъ? Я не могу быть всюду! За что я вамъ плачу деньги, если вы не можете даже присмотрѣть за тѣмъ, чего я самъ не вижу?

Онъ круто повернулся и пошелъ, самъ не зная куда. Онъ вышелъ изъ усадьбы прямо въ поле, шелъ быстро, повторяя самому себѣ:

— Уѣхала, ей-Богу, уѣхала. Господи Боже мой, она уѣхала... Въ головѣ у него было пусто. Онъ не могъ собраться съ мыслями и обсудить это новое положеніе дѣлъ. Такъ онъ дошелъ до оросительнаго рва, шелъ нѣсколько минутъ по дорожкѣ, протоптанной вдоль него рабочими; потомъ свернулъ въ поле и подошелъ къ большому бѣлому камню, торчавшему изъ земли. Тамъ онъ сѣлъ, положивъ локти на колѣни, и смотрѣлъ въ темноту ночи. Мысли его начинали приходить въ порядокъ.

Онъ былъ одинъ. Тишина ночи, безконечный покой плоской, голой земли,—двѣ безконечности,—ширились надъ нимъ и вокругъ него какъ два безпредѣльных моря. Сѣрый полусвѣтъ, важный и таинственный, лился внизъ отъ звѣздъ.

Теперь для Анникстера не было сомнѣній—или Хильма, или ничего. Теперь, когда она потеряна для него, воспоминаніе о ней охватило его съ непобѣдимой силой. Онъ никогда не могъ представить себѣ какъ много мѣста она занимаетъ въ его жизни. Онъ ей это говорилъ, но самъ не вѣрилъ тому, что говоритъ. Вдругъ внезапная горькая злость на самого себя вспыхнула въ немъ, когда онъ подумалъ объ оскорбленіи, которое нанесъ ей въ предыдущій вечеръ. Не такъ онъ долженъ былъ поступать. Какъ—онъ не зналъ, но сознание оскорбленія, которое онъ нанесъ ей, мучило его жестоко. Теперь онъ жалѣетъ объ этомъ, страстно жалѣетъ. Онъ ее опечалилъ, онъ заставилъ ее плакать. Онъ такъ страшно оскорбилъ ее, что она не за умѣла дышать однимъ воздухомъ съ нимъ. И вотъ она все рассказала роднымъ и уѣхала... Уѣхала изъ Квинъ-Себа навсегда... въ ту минуту, когда онъ думалъ, что побѣдилъ ее. Онъ—грубое животное, онъ прогналъ ее.

Прошелъ часъ, два, шесть часовъ, а Анникстеръ все сидѣлъ недвижно въ полномъ смущеніи, въ борьбѣ съ самимъ собою. Онъ не

понималъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ не могъ найти выхода изъ мрака, его окружавшаго, изъ вихря мыслей, его охватившаго. Что ему дѣлать? Какъ поправить все случившееся? Ни на одну минуту ему не приходило въ голову отказаться отъ Хильмы. Она отдалась ему и могла бы ему принадлежать всегда. Потому все было бы легко, а вотъ теперь онъ одинъ, въ темнотѣ ночи, а Хильма дальше отъ него, чѣмъ когда-либо.

Правда, даже и теперь онъ можетъ вернуть Хильму, если женится на ней. Для него женитьба всегда представлялась неопредѣленной и отдаленной возможностью, — почти настолько же отдаленной какъ смерть, — вещью, которая случается съ нѣкоторыми людьми, но которая навѣрное не случится съ нимъ, или случится черезъ много лѣтъ, когда онъ будетъ старше, зрѣлѣе, — событіемъ, принадлежащимъ другому возрасту, еще отдаленному. Но Хильма была всегда присутствующая реальность, близкая къ нему. Женитьба — безформенная, далекая абстракция, а Хильма — осязаемый фактъ. Передъ тѣмъ какъ соединить эти два понятія въ одно цѣлое, онъ долженъ былъ пройти безконечныя пространства; вѣщи противоположныя, по его понятію, какъ огонь и вода, должны были слиться въ его мозгу въ одно цѣлое, и пока этотъ процессъ не совершился, онъ терзался какъ въ пытку.

Медленно и постепенно, его воображеніе, инструментъ непривычный для него, начинало работать. Работа мозга постепенно слабѣла. Онъ думалъ меньше, чувствовалъ больше. Въ его суровую природу, мрачную, жестокую, гдѣ-то глубоко было заложено зерно иного, маленькое зерно, слабое, позабытое, затерянное въ темныхъ чертахъ его характера.

Но по мѣрѣ того какъ умолкалъ разсудокъ Анникстера, мысль о себѣ ступшевывалась. Онъ уже не разсуждалъ о себѣ, и вопросъ о женитьбѣ не разсматривалъ только съ точки зрѣнія своихъ удобствъ, желаній и выгодъ. Онъ понялъ, что въ новомъ для него желаніи сдѣлать Хильму счастливой онъ вполне искрененъ. Въ этомъ что-то есть, въ самомъ дѣлѣ — сдѣлать кого-нибудь счастливымъ! Объ этомъ стоитъ думать...

Далеко на востокѣ едва замѣтная полоса сѣраго свѣта заблѣгла надъ горизонтомъ. Колокольня миссіи чернѣла на ней. Свѣтло. Обманчивый мракъ ночи исчезалъ. Скрытыя вещи становились видными.

Съ полузакрытыми глазами и положивъ подбородокъ на кулакъ Анникстеръ всецѣло поддавался мечтѣ. Что будетъ, если онъ навсегда

соединить свою жизнь съ Хильмой, съ этой прекрасной дѣвушкой, чистой, благородной—благородствомъ расцвѣтающей женственности? И внезапно, когда онъ подумалъ объ этомъ, къ нему пришло съ подавляющей силой сознание его собственной негодности. Во всемъ этомъ дѣлѣ онъ поступалъ дурно, отъ начала до конца онъ ошибался. Она неизмѣримо выше его. Не ему быть господиномъ положенія,—она, его служанка, бѣдная, простая, можетъ только снизойти до него. И ему представилась картина его будущей жизни, если онъ поддастся своему лучшему, высшему, не эгоистическому инстинкту. Онъ видѣлъ Хильму принадлежащую ему въ счастьи и несчастіи, богатствѣ и бѣдности, когда всѣ преграды падутъ между ними, когда онъ отдается ей такъ же свободно и благородно, какъ она отдалась ему. Последнимъ усиленіемъ не воли, а эмоціи онъ пересѣкъ пропасть, которая долгое время отдѣляла Хильму отъ мысли о женитьбѣ. Сразу, какъ быстрое смѣшеніе великолѣпныхъ красокъ, какъ сліяніе въ гармоническій аккордъ звуковъ, оба представленія соединились въ одно, и въ этотъ моментъ для его грубаго, непривѣтливаго міра родилось новое понятіе. Анникстеръ вскочилъ на ноги. Могучая нѣжность и приливъ кротости наполнили его сердце, росли, готовы были вырваться наружу. Изъ темныхъ уголковъ его души, изъ суровой глубины его существа что-то поднялось и распустилось. Безконечное счастье охватило его, слезы выступили на глазахъ. Самъ не зная почему, онъ не стыдился ихъ. Этотъ грубый малый, черствый, узкій, съ непривѣтливой душой, неистовый, жестокій, себялюбивый и упрямый сразу почувствовалъ, какъ внутри него воскресла радость жизни, великая, животворная, вѣчная сила человѣчества.

И когда сознание этого сложилось въ увѣренность, на зарѣ новаго восходившаго дня, Анникстеръ понялъ, наконецъ, что все это значить.

— Но... я... я люблю ее!—воскликнулъ онъ.

Никогда до этого времени, ни при одной мысли о Хильмѣ это слово не было имъ произнесено.

Почти совсѣмъ разсвѣло. Востокъ искрился опаломъ. Вся земля вокругъ Анникстера была залита свѣтомъ. Но за ночь произошла перемена. Разстроенному Анникстеру это измѣненіе сперва казалось прозрачнымъ, почти фантастическимъ. Теперь при полномъ свѣтѣ онъ снова взглянулъ на развивавшіяся передъ нимъ поля отъ края до края горизонта. Измѣненіе произошло. Земля была не голая, не пустая, не бурая. Анникстеръ громко крикнулъ:

Вотъ она, пшеница!

Маленькое зерно, давно посѣянное, прораставшее въ темныхъ бороздахъ земли, въ одну ночь вырвалось на свѣтъ. Пшеница взошла, всходы были передъ нимъ, всюду вокругъ него, безпредѣльные, неизмѣримые. Зимняя чернота почвы подернулась легкимъ зеленымъ отливомъ. Великая мать земля опять доказала свою вѣрность. Снова милосердный, покойный титанъ шелохнулся, пробудился, и ясное утро торжественно свѣтило человѣку, сердце котораго восторженно билось любовью къ женщинѣ и упоенной землѣ, сіявшей радостнымъ великолѣпьемъ ненарушимаго обѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На озерѣ.

На озерѣ, среди лѣсовъ зеленыхъ,
Кувшинки бѣлыя, какъ звѣзды, расцвѣли.
Въ Петровки, въ жаркій день, когда въ бору сосновомъ,
Такъ сухо и свѣтло отъ солнца и песковъ,
Я прихожу на лугъ, подъ тѣнь ольхи серебристой,
Гдѣ пахнетъ мятою и теплою водою,
Гдѣ рѣютъ радужно-стеклянные стрекозы
И блестятъ озеро среди стволовъ березъ.

На озерѣ, въ веселый лѣтній полдень,
Я слышу женскій смѣхъ, далекій крикъ и плескъ,
Въ бору за озеромъ аугается кто-то—
И сладко мнѣ дремать и слушать въ полуснѣ.
Люблю я молодыхъ, счастливыхъ и безпечныхъ,
Люблю зеленый лѣсъ и долгій лѣтній день,
Всѣ голоса его меня зовутъ, волнуютъ...
Но я заката жду... Я жду иной любви.

Закроются на озерѣ кувшинки...
Какъ ночь въ лѣсу темна, спокойна и тепла!
Кузнечики въ травѣ чуть шепчутся... Сквозь вѣтви
Бѣлѣтъ озеро,—тамъ звѣзды въ глубинѣ...
Стоишь и слушаешь—и кажется, что звѣзды
Глядятъ изъ темныхъ водъ, а свѣтляки въ кустахъ
Для тѣхъ, кто ждетъ любви, горять, какъ грань брильянта...
И вотъ она идетъ,—неслышно и легко.

Таинственно съ песчаного прибрежья
на сойдетъ къ водѣ, одежды тихо снявъ,—

И ласковымъ тепломъ ее вода обниметь,
И закачается у берега звѣзда.
Какъ жутко-хорошо въ ночномъ подводномъ небѣ!
Баяная глубина!... Но поздно, —отдыхъ ждетъ:
Прохлады и легкой одежды послѣ влаги,
Песокъ еще хранить полдневное тепло...

О, будутъ, будутъ сладкія мгновенья!
Мы будемъ счастливы, мы станемъ проводить
Всѣ эти темныя, таинственныя ночи
Наединѣ, вдвоемъ, у тихихъ звѣздныхъ водъ!
Я не нарушу клятвъ, я буду въ страсти нѣженъ,
Но свѣжестъ влажныхъ косъ, но сладость юныхъ устъ
Я буду медленно вливать въ надеждъ страстной
Всю душу взять твою — и все отдать тебѣ!

Ив. Бунинъ.

С В И Д А Н Ь Е .

Посвящается М. П. Ч.

Передь закатомъ шелъ дождь, полно и однообразно шума по саду вокругъ дома, и въ незакрытую форточку въ залѣ тянуло сладкой свѣжестью мокрой майской зелени. Громъ грохоталъ надъ крышей, гулко разрастаясь, когда молнія краснымъ блескомъ мелькала по залу, отъ нависавшихъ тучъ темнѣло, а часы показывали половину двѣдцатаго, и трудно было понять, — дѣйствительно наступаютъ сумерки или это только такъ кажется. Потомъ пріѣхали съ поля въ мокрыхъ чекменяхъ работники и стали распрягать у сарая грязныя сѣны, потомъ пригнали стадо, наполнившее всю усадьбу блеяньемъ лягять. Бабы съ крикомъ бѣгали по двору за овцами, подоткнувъ подошвы и блестя бѣлыми босыми ногами по травѣ; запыхавшійся пастиленокъ въ огромной шапкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ разъ десять пробѣжалъ по саду, гоняясь за коровой и почти съ головой пропадавъ въ облитыхъ дождемъ лопухахъ, когда корова съ трескомъ выдалась въ чашу... Наступала ночь, дождь прекратился, но отца, ушедшаго въ поле еще утромъ, все не было.

Я была одна дома, но я, по обыкновенію, не скучала; мнѣ только сравнялось тогда семнадцать лѣтъ, и я еще не успѣла насладиться ни своею ролью хозяйки, ни своею свободою послѣ гимназіи. Братъ Лаша учился въ кадетскомъ корпусѣ, Анюта, вышедшая замужъ еще при жизни мамы, жила въ Курскѣ, такъ что мы съ отцомъ провели мою первую деревенскую зиму и весну въ уединеніи. Однако, мне ..рошла спокойно и незамѣтно, потому что я переживала тотъ пері ..ь молодости, когда все кажется интереснымъ. Я была здорова и и ..тства, я правила самой себѣ... правила даже за то, что мнѣ ..т ..ходить и бѣгать, работать что-нибудь по дому или отдавать ..т ..нибудь приказаніе. На ходу и за работой все выходило у меня ..т ..то само собою. Напѣвая, я сочиняла собственные мотивы, во-

торые меня трогали; увидавъ себя въ зеркалѣ, я невольно улыбалась... И кажется, все было мнѣ къ лицу, хотя я одѣвалась просто.

Какъ только дождь прошелъ, я накинула на плечи шаль и, подхвативъ юбки и шлепая калошами по лужамъ, побѣжала къ варку, гдѣ бабы доили коровъ. Нѣсколько капель упало съ неба на мою открытую голову, но легкія неопредѣленные облака, высоко стоявшія надъ дворомъ, уже расходились, и на дворъ рѣялъ странный, блѣдный полусвѣтъ, какъ всегда бываетъ у насъ въ майскія ночи. Свѣжесть мокрыхъ травъ и зеленой доносилась съ поля, мѣшаясь съ запахомъ дыма изъ топившейся «людской». На минуту я заглянула туда, — работники, молодые мужики въ бѣлыхъ замашныхъ рубахахъ сидѣли вокругъ большого стола за чашкой щей и при моемъ появленіи встали, — а я подошла къ столу и, улыбаясь надъ тѣмъ, что бѣжала и запыхалась, сказала:

— А папа гдѣ? Онъ былъ въ полѣ?

— Они были ненадолго и уѣхали, — отвѣтило мнѣ нѣсколько голосовъ сразу.

— На чемъ и куда? — спросила я.

— На дрожкахъ, съ барчукомъ Сиверсомъ.

— Развѣ онъ пріѣхалъ? — чуть не сказала я, пораженная этимъ неожиданнымъ пріѣздомъ, но, въ-время спохватилась, только кивнула головой и поскорѣе вышла. И щеки у меня загорѣлись, и на душѣ сразу стало и хорошо, и жутко, и такъ жаль стало всего, что я любила дома!

Сиверсъ, кончивъ Петровскую академію, отбывалъ тогда воинскую повинность, и его внезапный пріѣздъ и обрадовалъ и испугалъ меня. Меня еще въ дѣтствѣ называли его невѣстой, — мы были сосѣди, — и въ дѣтствѣ онъ не нравился мнѣ за это, но потомъ мнѣ уже нерѣдко думалось о немъ, какъ о женихѣ; а когда онъ, уѣзжая въ августѣ въ полѣ, приходилъ къ намъ въ солдатской блузѣ съ погонами и, какъ всѣ вольноопредѣляющіеся, съ удовольствіемъ рассказывалъ о «словесности» фельдфебеля-малоросса, я уже начала свываться съ странной мыслью, что я буду его женою. Веселый, загорѣлый (рѣзко бѣлѣла у него только половина лба) онъ былъ очень милъ мнѣ тогда...

«Значить, онъ взялъ отпускъ», — взволнованно думала я, идя къ варку, и было очень пріятно, что онъ пріѣхалъ, очевидно, для меня, и въ то же время на душѣ становилось все болѣе тревожно. Чтобы пока не думать объ этомъ, я торопилась въ домъ приготовить отцу ужинъ, но когда я вошла въ прихожую, отецъ уже ходилъ по залу, стуча сапогами. Почему-то я необыкновенно обрадовалась ему

и, быстро войдя въ залъ, крѣпко поцѣловала ему руку. Шляпа у него была сдвинута на затылокъ, борода растрепана, длинные сапоги и чесуичевый пиджакъ закиданы грязью, но онъ показался мнѣ въ эту минуту олицетвореніемъ мужской красоты и силы.

— Папочка, отчего ты не зажечь лампу?—спросила я.

— Не стѣять, Натата,—отвѣтилъ онъ, называя меня, какъ въ дѣтствѣ.—Я сейчасъ лягу и ужинать не буду. Усталъ ужасно, и притомъ, знаешь, который уже часъ? Почти десять. Развѣ стаканчикъ молока,—прибавилъ онъ, кидая шляпу въ кресло.

Я опять потянулась къ лампѣ, но онъ замахалъ головою, и, разглядывая стаканъ на свѣтъ, нѣтъ ли мухи, выпилъ молоко медленными глотками. Соловьи уже пѣли въ саду, и въ тѣ три окна, что были на сѣверо-западъ, виднѣлось далекое свѣтло-зеленое небо надъ лиловыми весенними тучками нѣжныхъ и красивыхъ очертаній. Все было неопредѣленно и на землѣ, и въ небѣ, все смягчено легкимъ сумракомъ ночи и все можно было разглядѣть въ полусвѣтѣ непогасившей зари. Я спокойно отвѣчала отцу на вопросы по хозяйству, но что-то другое было у меня въ головѣ, и когда онъ внезапно сказалъ, что завтра къ нимъ придетъ Сиверсъ, я почувствовала, что краснѣю.

— Зачѣмъ?—спросила я невольно.

— Свататься за тебя,—отвѣтилъ отецъ съ принужденной улыбкой.—Мы уже пропили тебя. Что-жъ, малый красивый, умный, будетъ хорошій хозяинъ... Чѣмъ вамъ не пара, сударыня?

— Не говори такъ, папочка!—сказала я, смущаясь еще болѣе, и на минуту мнѣ сталъ неприятенъ весь этотъ разговоръ.—Неужели я уже наскучила тебѣ?

И на глазахъ у меня навернулись слезы.

Отецъ долго, но совершенно разсѣянно глядѣлъ на меня съ грустнымъ и задумчивымъ лицомъ...

— Ну, до этого еще далеко! — проговорилъ онъ, наконецъ, пожимаясь.

Потомъ вздохнулъ, поцѣловалъ меня въ лобъ и быстро пошелъ къ дверямъ кабинета.

— Утро вечера мудренѣе!—прибавилъ онъ безпечно, оборачиваясь въ дверяхъ.—Просыпайся завтра пораньше, мнѣ на станцію надо съѣздить...

Я опять осталась одна.

Одни мухи, потревоженные нашимъ разговоромъ, тихо гудѣли надъ толкѣ, мало-по-малу задремывая, часы зашипѣли и звонко и леза что прокуковали три раза,—значить, было уже одиннадцать,

позднее время для деревенской усадьбы. Неопредѣленно улыбаясь, я посидѣла, подумала...

— Ну, до этого еще далеко! — пришли мнѣ въ голову успокоительныя слова отца, и опять мнѣ стало хорошо и легко, и какъ-то счастливо-грустно...

Отецъ уже спалъ, — въ кабинетѣ было давно тихо, — и все въ усадьбѣ тоже спало. Не спали только соловьи да заря на сѣверо-западѣ, и мнѣ казалось такъ естественно провести наединѣ съ ними всю ночь. Что-то блаженно-сладостное было въ тишинѣ ночи послѣ дождя и старательномъ выщелкиваніи соловьевъ, что-то неуволимо-прекрасное рѣяло въ далекомъ полусвѣтѣ зари... И стараясь не шумѣть, я стала осторожно убирать со стола, переходя на ципочкахъ изъ комнаты въ комнату, поставила въ холодную печку въ прихожей молоко и масло, прикрыла чайный сервизъ салфеткой, машинально съѣла хлѣба съ медомъ и только уже тогда прошла въ свою спальню. Это не разлучало меня съ соловьями и зарей. Ставни въ моей комнатѣ были закрыты, но комната моя была рядомъ съ гостиною и въ отворенную дверь, черезъ гостиную, я видѣла полусвѣтъ въ залѣ, а соловьи были слышны во всемъ домѣ. Распустивъ волосы, я долго сидѣла на постели, все собираясь о чемъ-то подумать, потомъ закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказалъ вдругъ надо мною «Сиверсъ!» и, вздрогнувъ, я очнулась.

— Однако, что же это такое? — пришла мнѣ въ голову трезвая мысль. — Что, если онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ мнѣ завтра предложеніе?

Откинувъ съ постели одѣяло, я быстро подколола волосы, чтобы поскорѣе улечься и подумать серьезно, осторожно сняла ботинки, стараясь не стукнуть ими объ полъ, потомъ стала раздѣваться... И вдругъ мысль о мужѣ сладкимъ холодомъ пробѣжала по всему моему тѣлу, краска стыда и внезапной страсти залила мнѣ лицо и, спрятавшись подъ одѣяло, я прильнула лицомъ къ подушкѣ, и сознание у меня затуманилось отъ неизъяснимо-сладкаго чувства.

Я лежала долго, безъ мыслей, точно въ забытьи, и только наслаждалась тѣмъ, что во мнѣ происходило... Потомъ стало представляться, что я одна во всей усадьбѣ, уже замужня, и что вотъ въ такую же ночь мужъ вернется когда-нибудь изъ города, войдетъ въ домъ и сниметъ въ прихожей пальто тихо-тихо, а я уже слышала звукъ колесъ и сдержанные голоса подъ крыльцомъ и тоже тихо-тихо выйду къ мужу навстрѣчу... Какъ онъ долженъ обрадоваться и

засмѣяться, какъ онъ легко подниметь меня на руки, полураздѣтую, и крѣпко прижметъ къ сердцу!... И мнѣ уже стало казаться, что я люблю его. Мужъ! Какое это большое и хорошее слово!... Я крѣпче прижалась къ подушкѣ, не теряя нити сладкихъ чувствъ и мыслей, и мнѣ уже мучительно стало хотѣться осуществленія ихъ. Сиверса я знала тогда мало, мужчина, съ которымъ я мысленно проводила эту самую нѣжную ночь моей первой любви, былъ не похожъ на него, и всетаки мнѣ казалось, что я думаю о Сиверсѣ. Я почти годъ не видела его, а ночь дѣлала его образъ еще болѣе неопредѣленнымъ, красивымъ и желаннымъ. Было тихо, темно, я лежала не двигаясь, лежала долго и все болѣе теряла чувство дѣйствительности. «Что-жъ, малый красивый, умный...» приходили мнѣ въ голову слова отца. И я улыбалась, глядя въ темноту закрытыхъ глазъ, гдѣ плавали какія-то свѣтлыя пятна и лица. «Милый!»—повторила я нѣсколько разъ съ наслажденіемъ и снова стала забываться въ томъ неопредѣленномъ, что происходило во мнѣ...

А между тѣмъ чувствовалось, что наступилъ глубокой часъ ночи. «Если бы Маша была дома,—подумала я про горничную, моего большого друга,—я бы пошла сейчасъ къ ней и мы проговорили бы до разсвѣта... Но нѣтъ,—опять подумала я,—такъ лучше. Какъ хорошо, что я одна! Я возьму ее къ себѣ, когда выйду замужъ...» Что-то робко треснуло въ залѣ... Я насторожилась. Какъ хорошо, что такъ жутко и такъ странно все! И когда я, наконецъ, открыла глаза, мнѣ показалось, что въ залѣ стало какъ будто темпѣе, чѣмъ прежде. И все вокругъ меня и во мнѣ самой уже измѣнилось и жило иной жизнью,—особой ночной жизнью, которая становится такъ непонятна, когда о ней вспомнишь утромъ. Соловьи умолкли,—медленно и таинственно щелкалъ только одинъ, жившій въ эту весну у балкона, маятникъ въ залѣ тикалъ осторожно и развѣренно точно, а тишина въ домѣ стала напряженной и чуткой. И невольно прислушиваясь къ каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя въ полной власти этого таинственного ночного часа, созданнаго для поцѣлуевъ, для воровскихъ объятій, и самыя невѣроятныя предположенія и ожиданія стали казаться мнѣ вполне естественными. Я вдругъ вспомнила шутливое обѣщаніе Сиверса придти какъ-ли удъ ночью въ нашъ садъ на свиданіе со мной, и вотъ мнѣ уже стало казаться, что это непременно случится сегодня. А что если онъ не придетъ? Что если онъ медленно и неслышно подойдетъ къ балкону Боже мой,—думала я съ восторгомъ,—что можно было бы тогда за такое счастье!

Облокотившись на подушку, я смотрѣла въ зыбкій сумракъ гостиной, и лицо у меня горѣло отъ волненія и я, минута за минутой, пережила въ воображеніи все, что я сказала бы ему едва слышнымъ шопотомъ, отворяя дверь балкона. Соловей поетъ съ такой затаенной страстью, въ саду такъ все напоено ароматомъ,—и вотъ я едва слышно отворяю ему балконъ, и онъ уводитъ меня по сырому песку аллеи все дальше отъ дома, въ глубину мокраго сада, въ душистую сиреневую бесѣдку... Сколько разъ я мечтала въ молодости о такихъ свиданіяхъ, начитавшись стиховъ плохихъ поэтовъ, преимущественно воспѣвающихъ соловьевъ и свиданія, и какъ странно, что за всю мою молодость я пережила только одно вымышленное свиданіе!

Точно во снѣ,—только въ глубинѣ души сознавая, что я дѣлаю глупости, обманываю себя, какъ ребенка,—я стала медленно, подавляя внутреннюю дрожь, одѣваться. Куда? Бѣ нему,—отвѣчала я себѣ твердо и радуясь тому, что я мысленно произношу это съ такой рѣшительностью.—Все можетъ быть, все можетъ случиться... Въ августѣ, въ жаркую темную ночь, я вотъ также не спала и томилась, а онъ бродилъ по деревнѣ и всю ночь пѣлъ гдѣ-то далеко казачкія пѣсни. Развѣ это не можетъ повториться? И помню, никакого стыда у меня не было, когда я собиралась. Зубы у меня изрѣдка стучали, лицо горѣло, но я одѣвалась тщательно, нашла въ темнотѣ все, что нужно, накинула шаль на плечи и, выйдя въ гостиную, съ бьющимся сердцемъ, какъ воръ, остановилась у двери на балконъ. Потомъ, убѣдившись, что въ домѣ не слышно ни звука, кромѣ мѣрнаго тиканья часовъ и соловьиного эхо, сильно и безшумно повернула ключъ въ замкѣ. И тотчасъ же соловьиное шелканье, отдававшееся по саду, стало слышнѣе, напряженная тишина исчезла, и грудь свободно и глубоко вдохнула душистой сыростью ночи.

По длинной аллеѣ молодыхъ березокъ, по мокрому песку дорожки, я увѣренно и быстро, хотя и затаивая внутреннюю дрожь, пошла въ полусвѣтѣ зари, затемненномъ тучками на сѣверѣ, прямо къ гущѣ въ концѣ сада, гдѣ была сиреневая бесѣдка среди тополей и осинъ. Было такъ тихо, что слышно было рѣдкое паденіе капель съ нависшихъ вѣтвей. Все дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой пѣсней. Въ каждой тѣни мнѣ чудилась человѣческая фигура, съ которой я не спускала глазъ, сердце у меня замирало отъ нервнаго волненія, и когда я, наконецъ, вошла съ бьющимся сердцемъ и расширенными глазами въ темноту сиреневой бесѣдки и на меня пахнуло ея теплотой, я была почти увѣрена, что кто-то тотчасъ же неслышно и крѣпко возьметъ меня въ объятія!

Никого, однако, не было, и постоявъ, дрожа отъ волненія и вслушиваясь въ мелкій сонный лепетъ осинь, я, наконецъ, сѣла на сырую скамью бесѣдки и крѣпко закрыла горящее лицо холодными руками. Я еще чего-то ждала, ждала долго, хотя уже почти безнадежно, и порою быстро взглядывала въ сумракъ разсвѣта. И еще долго близкое и неуловимое вѣяніе счастья чувствовалось вокругъ меня,— то нѣчто страшное и большое, что въ тотъ или иной моментъ встрѣчаетъ почти всѣхъ насъ на порогѣ жизни. Оно вдругъ раскрылось предо мной и коснулось меня и, можетъ быть, сдѣлало именно то, что нужно было сдѣлать: коснуться и уйти. Помню, впрочемъ, что всѣ тѣ нѣжныя и сладкія слова, которыя раздавались въ моей душѣ и къ которымъ я прислушивалась сама, вызвали, наконецъ, на мои глаза слезы. Прижавшись къ стволу тополя, я тихо цѣловала мокрую вѣтку сирени, ловила, какъ че-то нѣжное утѣшеніе, слабо возникающій и замирающій лепетъ осины и была почти счастлива сознаниемъ своей молодости и одиночества, и своими медленными, беззвучными слезами...

Ночь тянулась еще долго-долго, и я прослѣдила весь ея сокровенный переходъ къ разсвѣту. Я видѣла, какъ сумракъ сталъ блѣднѣть и таять, исчезая, точно призракъ. Видѣла, какъ заалѣло непогожее блесное облако на сѣверѣ, сквозившее сквозь вишеникъ сада, въ отдаленіи. Свѣжѣло, я крѣпче куталась въ шаль, а въ свѣтлѣющемъ просторѣ неба, который на глазахъ дѣлался все больше, дрожа вставала чистая, какъ слеза, яркая и цѣломудренная утренняя звѣзда. Я ни о комъ уже не думала и чувствовала, что, скорѣе всего, и ни за кого не выйду замужъ. Но кого-то я любила,— кажется, больше всего себя и то неосуществимое, чего мнѣ хотѣлось. И любовь моя была во всемъ: въ холодѣ и ароматѣ утра, въ свѣжести зеленого сада, въ этой яркой утренней звѣздѣ... И вдругъ послышался рѣзкій визгъ водовозки,— кто-то вѣхалъ мимо сада на рѣчку... Потомъ на дворѣ кто-то крикнулъ сильнымъ, но свѣжимъ, утреннимъ голосомъ... И сразу затаивъ гдѣ-то глубоко въ душѣ все, что мнѣ дала эта ночь, я встала со скамьи, машинально выбралась изъ бесѣдки, быстро дошла до балкона, легко и безшумно отворила дверь, и, войдя въ теплую темноту своей спальни, не раздѣваясь тотчасъ же легла въ постель и заснула.

Заверсъ, который пришелъ къ намъ утромъ, стрѣлялъ въ саду въ локъ, а мнѣ казалось, что въ мою комнату вошелъ пастухъ и хлопаетъ большимъ кнутомъ. Но это не мѣшало мнѣ спать крѣпко, и въ то время, когда же я, наконецъ, проснулась, въ залѣ раздавались го-

лоса и гремѣли тарелками. Потомъ къ моимъ дверямъ подошли отецъ и Сиверсъ, и Сиверсъ весело крикнулъ мнѣ:

— Наталья Алексѣевна! Стыдно!

А мнѣ, и правда, было стыдно, — стыдно выйти къ нему послѣ моей странной ночи, стыдно, что я откажу ему, если онъ будетъ просить моей руки, и неловко торопясь одѣться и поглядывая въ зеркало на свое поблѣднѣвшее лицо, я что-то шутливо и привѣтливо крикнула въ отвѣтъ, но такъ слабо, что онъ, вѣроятно, не слышалъ.

Ив. Бунинъ.

Очеркъ развитія нѣмецкой художественной литературы въ XIX вѣкѣ *).

III.

„Молодая Германія“ и политическая лирика.

Мы видѣли въ предыдущей статьѣ, какъ разсѣвался голубой туманъ романтизма и какъ нѣмецкая поэзія съ разныхъ сторонъ вступала на поприще изображенія дѣйствительной жизни. Ближайшій періодъ ея развитія, 30-е годы, характеризуется двумя чертами. Зрѣлище реального міра, какъ бы открытаго вновь, наполняетъ радостью сердца; неисчерпаемое разнообразіе и пестрота явленій оупьяняютъ людей этого времени. Мы видѣли, какъ зарождалась эта черта въ самыхъ нѣдрахъ романтизма (напомнимъ Раинъ и Беттину); теперь она становится господствующей. Быть можетъ, самымъ характернымъ образчикомъ такого отношенія къ дѣйствительности является пресловутая объективность Леопольда Ранке, великаго нѣмецкаго историка (р. 1795 г.). Онъ объективенъ потому, что его интересъ всецѣло излщрпывается дѣйствительностью; каждый характеръ, каждый типъ, каждое совершившееся явленіе для него—сами по себѣ драгоценность и святыня, и онъ не оцѣниваетъ ихъ ни съ точки зрѣнія ихъ моральнаго достоинства, ни съ точки зрѣнія ихъ политической цѣлесообразности,—онъ вообще не оцѣниваетъ ихъ, а лишь съ радостью и благодарностью созерцаетъ и воспроизводитъ ихъ.

Другая характерная черта этой эпохи—могучее чувство индивидуальности, точно также коренящееся въ романтизмѣ: оно родилось изъ того чувства силы и собственной значительности, которымъ наполняла писателя-романтика интенсивность его поэтическихъ переживаній. Теоретическій представитель этого индивидуализма, Людвигъ Фейербахъ (1804—1872 гг.), видитъ основною признакъ новѣйшаго міровоззрѣнія въ томъ, что «отдѣльная личность сама личность сознала себя божественной и безконечной въ своей индивидуальности». Отсюда возникаетъ стремленіе устранить тѣ путы, ко-

* Русская Мысль 1902 г., кн. III.

к. III, 1902 г.

торыя мѣшаютъ свободному развитію и проявленію личности; вся фило-софская агитація Фейербаха направлена на то, чтобы опрокинуть неподвижныя перегородки, лишить догматъ и обычай абсолютнаго значенія, доказать ихъ условность. Еще дальше идетъ въ этомъ направленіи ученикъ и противникъ Фейербаха, Максъ Штирнеръ (1806—1856): онъ не признаетъ ничего внѣ отдѣльной личности; каждый индивидуумъ, всякій *x* есть конечная цѣль и задача всемірной исторіи, и точно также каждому мгновенію принадлежитъ безусловный суверенитетъ, котораго не должны ограничивать предыдущіе моменты; поэтому традиція, законъ, воля большинства—призраки; мало того: даже принципы отдѣльнаго чѣловѣка—цѣли, которыя должны быть сброшены.

Сочетаніе этихъ двухъ элементовъ — радости бытія и чувства индивидуальности — и опредѣляетъ характеръ того теченія въ нѣмецкой литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ, которое извѣстно подъ именемъ «молодой Германіи». Это поколѣніе уже всецѣло живетъ въ настоящемъ; оно жаждетъ безграничной индивидуальной свободы, потому что оно обоготворяетъ чело-вѣческую личность и потому что оно хочетъ безъ помѣхи наслаждаться реальнымъ міромъ; поэтому оно неизбежно должно вступить въ борьбу съ тѣми силами, которыя держатъ личность въ порабощеніи. Романтики также были индивидуалистами, но ненавидя современность, относясь съ отвращеніемъ къ будничной дѣйствительности, они держались въ политикѣ какого-то пассивнаго консерватизма. Для людей 30-хъ годовъ дѣятельное участіе въ текущей жизни—настоятельная потребность, и потому ихъ индивидуализмъ привелъ ихъ къ политическому либерализму, къ активной борьбѣ перомъ и словомъ за политическую свободу Германіи.

Въ 1834 году вышли въ свѣтъ «*Aesthetische Feldzüge*» Лудольфа Винбарга,—будущій катехизисъ кружка,—посвященные *Молодой Германіи*; 10 декабря 1835 г. Союзный совѣтъ, по доносу Менцеля, запретилъ всѣ изданныя и могущія впредь быть изданными сочиненія «литературной школы, извѣстной подъ названіемъ «молодой Германіи», къ которой принадлежатъ особенно Генрихъ Гейне, Карлъ Гуцковъ, Лудольфъ Винбаргъ, Теодоръ Мундтъ и Генрихъ Лаубе» (Берне былъ пропущенъ). Такъ было официально установлено существованіе революціоннаго кружка, аналогичнаго возникшей незадолго передъ тѣмъ подъ руководствомъ Мадзини «молодой Итали» (*Giovine Italia*).

Программу этой «школы», сыгравшей крупную роль въ политической исторіи Германіи, можно вкратцѣ изложить такимъ образомъ: въ политическомъ отношеніи она проповѣдовала демократическій либерализмъ и космополитизмъ (т. е. вражду къ абсолютизму и націонализму) и прелоненіе передъ Франціей, какъ вождемъ чело-вѣчества по пути просвѣщенія и свободы; въ социальномъ отношеніи она, подъ влияніемъ французской поэзіи (Гюго, Зандъ, Бальзакъ) съ одной стороны, сентъ-симонизма — съ другой, проповѣдовала эмансипацію женщины и ратовала противъ брака; въ религіозномъ отношеніи она возставала противъ церковной догмы и религіи

провенія въ защиту естественной религіи; наконецъ, въ литературномъ пошееніи она, естественно, отвергла ученіе романтизма, требуя, чтобы поэзія служила современности, какъ проводникъ изложенныхъ сейчасъ идей. Поэзія «молодой Германіи» — время безусловнаго торжества тенденціи въ литературѣ.

Въ противовѣсъ романтизму эта школа выработала новую эстетику, являющуюся упомянутый выше Винбаргъ. Онъ отрицаетъ существованіе абсолютно-прекраснаго и какихъ бы то ни было канонѣвъ красоты: весь міръ принадлежитъ человѣку и можетъ быть преобразенъ въ красоту; «стихи или проза—это безразлично: все, что вытекаетъ изъ глубины души человѣческой, есть поэзія». Германія слишкомъ долго была университетомъ Европы, въ ней достаточно философіи или, по крайней мѣрѣ, философовъ: учась безпрестанно, она разучилась жить, а жизнь—истинная цѣль бытія. И потому все должно служить жизни, и литература прежде всего. Такимъ образомъ, тенденція объявляется главнымъ нервомъ литературы, искусство становится средствомъ, служанкою изъ госпожи. Руководительство въ борьбѣ за новые идеалы беретъ на себя лѣвая вѣтвь германства, представленная, главнымъ образомъ, знаменитымъ журналомъ Гольда Руге *Hallesche Jahrbücher*: на буксирѣ этой философіи идетъ поэзія. При такихъ условіяхъ творчество молодой школы, естественно, носитъ не столько созидательный, сколько разрушительный характеръ, и не столько полезно, что она не оставила ни одного долговѣчнаго произведенія, которое легло бы владомъ въ духовную сокровищницу нѣмецкаго народа. Она оказала величайшую услугу дѣлу свободы въ Германіи; въ исторіи нѣмецкой публицистики дѣятелямъ «молодой Германіи» принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, въ чисто же литературномъ отношеніи ея школа была болѣе скромна, хотя все же весьма значительна: она рѣзко перевернула теченіе литературы на современность, на живую жизнь данной эпохи. Если поэзія въ эту эпоху рабски служила политикѣ, то и политика оказала поэзіи великую услугу *).

Гейне только невѣжество Союзнаго совѣта могло причислить къ «молодой Германіи», изъ остальныхъ же четырехъ представителей ея ни одинъ не обладалъ сколько-нибудь крупнымъ талантомъ. Винбаргъ былъ теоретикомъ школы, Мундтъ—ея критикомъ; заслуги Лаубе основаны не столько на эффектныхъ пьесахъ, сколько на его дѣятельности въ качествѣ директора вѣнскаго Бургъ-театра, гдѣ онъ упорно и съ успѣхомъ ратовалъ за реализмъ какъ въ сценическомъ исполненіи, такъ и въ репертуарѣ. Только въ качествѣ художника школы, одинъ Гудцовъ (1811—1878 гг.). Гудцовъ написалъ подлужины многотомныхъ романовъ и двѣ дюжины пьесъ; «рѣка временъ въ своемъ теченіи» унесла все, пощадивъ лишь три драмы и обративъ Гудцова почти въ «литературный трупъ». Между

* С. Carl Busse: „Geschichte der deutschen Dichtung im XIX Jahrhundert“
I, 1

тѣмъ изъ нѣмецкихъ писателей XIX вѣка едва ли еще одинъ пользовался при своей жизни такимъ громаднымъ вліяніемъ. Съ конца 40-хъ и до начала 60-хъ годовъ Гюцковъ полновластно царилъ въ нѣмецкой литературѣ, общепризнанный какъ ея неоспоримо лучший писатель, облеченный диктаторской властью узаконять литературные тенденціи и вкусы; онъ безапелляционно раздавалъ патенты на литературное безсмертіе и безжалостно избивалъ, какъ Иродъ, литературныхъ младенцевъ; общество слѣпо поклонялось ему, онъ былъ кумиръ молодежи. Онъ достигъ этого царственнаго положенія, конечно, не силою своего таланта, который былъ невеликъ: источникомъ его могущества была тенденція. Съ первыхъ шаговъ онъ отдалъ свое перо на службу просвѣтительной тенденціи. Самый ранній его романъ: «Мага Гуру, исторія одного бога» (1833), совершенно на вольтеровскій манеръ переноситъ современные проблемы въ Тибетъ: лама, ставшій богомъ, иллюстрируетъ шаткое положеніе королей и другихъ владыкъ, которые по своему сану должны стоять выше человѣческихъ страстей, тогда какъ плоть ихъ все же немощна; цензура осмѣивается въ лицѣ китайскаго сатрапа и пр. Слѣдующій затѣмъ романъ «Валли» (1835) посвященъ апопеезу «безнравственности», свободной любви; «Блазедовъ и его сыновья» (1838)—протесту противъ специализаціи воспитанія и т. д. Посѣтивъ въ 1842 годъ Парижъ, онъ убѣдился, что театръ можетъ служить чрезвычайно вліятельной политической трибуной; при своемъ послѣднемъ свиданіи съ Гизо онъ развиваетъ ту мысль, что государство должно было бы такъ же упорно поощрять театръ, какъ оно поддерживаетъ церковь. И вотъ, по возвращеніи въ Германію, онъ дѣлаетъ театръ главной ареной своей пропаганды и пишетъ въ ближайшія 12 лѣтъ до двадцати пьесъ, разумѣется, вполне тенденціозныхъ не только по сюжету, но и по страстно-протестующимъ или сатирическимъ монологамъ и безчисленнымъ намекамъ на политическую злобу дня. Послѣ неудачной революціи 1848 года онъ снова обращается къ роману, и тутъ — то возникаютъ тѣ два его романа: «Рыцарь духа» и «Римскій чародѣй», которымъ онъ преимущественно обязанъ своею извѣстностью. Для насъ въ данномъ случаѣ эти два произведенія — важнѣйшая часть его наслѣдія.

Они носятъ на себѣ явные слѣды вліянія только что вышедшихъ тогда знаменитыхъ романовъ Евгенія Сю: «Тайны Парижа» и «Вѣчный жидъ». Своимъ колоссальнымъ успѣхомъ послѣдніе два романа были обязаны двумъ причинамъ: ихъ тенденціи и ихъ техникѣ. Тенденція ихъ была социальная свойства: они стремились пробудить жалость въ обездоленнымъ и угнетеннымъ, и еще болѣе — ненависть къ богатымъ и привилегированнымъ. Главнымъ секретомъ ихъ техники было разнообразіе, пестрота. Какъ ослѣпительная панорама, развертывалась передъ читателемъ вся парижская жизнь отъ послѣднихъ ступеней нужды и разврата до высшаго блеска; ловкій изобрѣтательный романистъ давалъ въ одномъ романѣ весь тотъ необъятный матеріалъ, который Бальзакъ распредѣлялъ по всѣмъ частямъ свое «Comédie humaine», и современники были изумлены этимъ зрѣлищемъ.

точно хромой бѣсъ Лесажа сразу предъ ихъ глазами снялъ крыши со всѣхъ домовъ Парижа. Гукцовъ пошелъ по стопамъ французскаго романиста: старое единство и внутреннюю законченность сюжета онъ замѣнилъ сложной сѣтью параллельно бѣгущихъ и переплетающихся нитей. Въ предисловіи къ «Рыцарямъ духа» онъ пытается даже теоретически оправдать эту реформу, утверждая, что человѣческая жизнь въ общемъ поразительно незатѣйлива и скучна и что поэтому сводить ея перипетіи къ одному яркому фокусу, какъ это дѣлалъ старый романъ, значитъ искажать дѣйствительность. Теперь, конечно, никто не скажетъ, что «Рыцари духа» по сюжету правдоподобіе гётевскихъ «Wahlverwandschaften»; но въ смыслѣ завоеванія дѣйствительности—*сейей* дѣйствительности—новая форма романа все же представляла крупный шагъ впередъ. Рассказываютъ, что Гукцовъ, проходя однажды по театальной площади въ Веймарѣ, поднялъ кулаки на памятники Гёте и Шиллера и прошепталъ: «А девяти томныхъ романовъ они всетаки не писали». Да, девяти томныхъ романовъ они не писали, да это и противорѣчило бы ихъ эстетической теоріи: цѣня лишь типическое, остающееся неизмѣненнымъ во всѣхъ разновидностяхъ, они стремились обнять всю совокупность жизни въ небольшомъ количествѣ типическихъ явленій, въ которыхъ должна была, по ихъ концепціи, отражаться вся несмѣтная масса остальныхъ. Эта концентрація была не по сердцу современникамъ Гукцова: они упиваются именно многообразіемъ видовъ и разновидностей, многогранностью и пестротой жизни.

А тутъ на подмогу явилась еще упомянутая выше тенденція. Задача романа—показать испорченность высшихъ классовъ, муки и огрубѣніе низшихъ: уже самая эта тенденція заставляетъ автора переносить сцену дѣйствія на задворки и въ трущобы, изображать преступленія и преступниковъ—грабежи, подлоги, прелюбодѣянія, убійства, расточительность. Надо замѣтить, что Гукцовъ, какъ и его преемникъ Шпильгагенъ, въ противоположность Евгенію Сю, сохранялъ въ этомъ отношеніи чувство мѣры. Такимъ образомъ, для нѣмецкаго романа былъ завоеванъ новый и немаловажный кусокъ дѣйствительности.

Этотъ новый видъ романа составляетъ главный литературный вкладъ «молодой Германіи». Онъ ставитъ себѣ задачей быть зеркаломъ эпохи, и нѣмцы мѣтко назвали его «Zeitroman». Лишенный художественнаго единства, онъ превращается въ калейдоскопъ эскизовъ съ натуры, современныхъ портретовъ, разсужденій на современные темы, социальна-политическихъ дебатовъ. Двѣ черты характеризуютъ его главнымъ образомъ: на-првленіе на современность и широкій захватъ дѣйствительности; такимъ образомъ, онъ знаменуетъ собою экстенсивное завоеваніе, расширеніе территории поэтическаго изображенія. Отъ этой добычи литература уже не откажется, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи романъ, освободившись отъ за-бодневной тенденціи, углубитъ свое содержаніе и снова внесетъ художественное единство въ раскрытое тенденціей многообразіе вещей.

Если такова была непосредственная услуга, оказанная нѣмецкой лите-

ратурѣ «молодой Германіи», то не менѣ важны были и ея косвенныя послѣдствія: она дала толчокъ развитію той *политической поэзіи*, которая нанесла окончательный, смертельный ударъ романтизму въ области лирики, наполнивъ,—можно сказать, затопивъ послѣднюю бурными волнами живой, современной дѣйствительности.

Какъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершилась эта революція въ области лирики, это лучше всего можно видѣть на примѣрѣ самаго даровитаго изъ представителей новой политической поэзіи, Фердинанда Фрейлиграта (1810—1876 г.); его «превращеніе» типично для всей школы.

Первый сборникъ его стиховъ, вышедшій въ 1838 г. и сразу доставившій своему автору обширную извѣстность, безконечно далеко отъ современной дѣйствительности: это—поэзія аравійской пустыни, бедуинскихъ наѣздовъ и охотъ, выдержанная въ необыкновенно яркихъ, экзотическихъ краскахъ; одинъ эффектъ крикливѣе другого, на декорацию идетъ половина африканской фауны; львы, тигры, антилопы, жираффы, верблюды не сходятъ со сцены. Эти рѣзкія краски, звучныя и чуждыя уху рѣчмы, блескъ техники и роскошь картинъ сначала остѣпляютъ читателя, пока онъ начинаетъ замѣчать, что все это—чистѣйшая риторика, что за этой фееріей не скрывается никакого поэтического чувства. Для насъ поэтъ—прежде всего человекъ, поэтически преображающій дѣйствительность; мы можемъ спорить о томъ, какъ онъ долженъ дѣлать это: натуралистически, символически или какъ-нибудь иначе, но самый принципъ для насъ неизбѣженъ. Флейлиграть же въ своемъ первомъ періодѣ ищетъ поэзію внѣ дѣйствительности; художественная правда для него не въ поэтическомъ переживаніи, а въ общемъ поэтическомъ настроеніи или, вѣрнѣе, въ жадѣ поэзіи.

Но эта жажда въ немъ неподдѣльна и, дѣйствительно, глубоко прочувствована. Онъ стремится вырваться изъ безотрадной, сѣрой дѣйствительности—вотъ почему, онъ воспламененный знаменитыми «Orientales» Гюго (1828 г.), бѣжитъ въ Африку, въ страну яркихъ красокъ и сильныхъ страстей. И публика съ восторгомъ привѣтствовала эту экзотическую лирику: она жаждала поэзіи, движенія, яркихъ красокъ, калейдоскопической пестроты. Погоня за пестротой—самая характерная черта молодого Фрейлиграта. Его любимая манера—контрастъ: бедуину въ пустынѣ показывають газету, поэтъ-атеистъ задумывается надъ старой библіей, по которой онъ въ дѣтствѣ учился, въ бивуакѣ звуки хора смѣшиваются съ криками ссорящихся игроковъ; еще чаще встрѣчаются контрасты красокъ: золотой браслетъ на черной рукѣ негра, алая кровь на черномъ тѣлѣ, бѣлое покрывало на зеленой травѣ и т. д. А гдѣ нѣтъ мѣста контрасту, тамъ, по крайней мѣрѣ, густо накладывается отдѣльная краска, и любопытно отвращеніе, которое обнаруживаетъ поэтъ къ роднымъ цвѣтамъ: зеленый цвѣтъ, традиціонный въ нѣмецкой поэзіи для изображенія луга и лѣса, встрѣчаются у него очень рѣдко, излюбленный романтиками голубой почти совсѣмъ отсутствуетъ; зато на каждой страницѣ можно десять разъ встрѣ-

тѣхъ коричневый, желтый или красный цвѣтъ, особенно пунцово-красный, для усиленія котораго употребляются всевозможныя сравненія: пурпуръ, кровь, пламя и пр. Эти мелкія черты характерны—онѣ указываютъ на направленіе. Эта поэзія—сплошной протестъ противъ безцвѣтной родины и ея тихой жизни, крикъ тоски по сочнымъ, яркимъ краскамъ. Въ этомъ смыслѣ Фрейлигратъ былъ правъ, когда писалъ позднѣе: «Моя первая стадія—поэзія пустыни—въ сущности тоже носила революціонный характеръ: она была рѣшительнымъ протестомъ противъ тогдашней кроткой поэзіи, какъ и противъ трусливаго настроенія общества».

Изъ такой же «жажды поэзіи», мы видѣли, родился когда-то романтизмъ. Первый сборникъ Фрейлиграта дѣйствительно носилъ на первый взглядъ совершенно романтическій характеръ, и неудивительно, что одинъ изъ увлѣвшихся ветерановъ романтизма, Клеменсъ Brentano, давно уже не интересовавшійся новой поэзіей, поспѣшилъ написать молодому поэту восторженное письмо, гдѣ сулилъ ему безсмертіе и провозглашалъ побѣдителемъ Байрона. Но прошлое не возвращается; нѣмецкая жизнь и поэзія со времени романтизма прошли длинный путь развитія, и поэзія стала въ иное отношеніе къ дѣйствительности: изъ сходнаго зародыша теперь долженъ былъ развиться иной плодъ. Прошло три года, и въ одно прекрасное утро Фрейлигратъ, говоря его собственными словами, «открылъ глаза на себя и нашелъ себя въ лагерѣ либеральныхъ политиковъ».

Нѣмецкая революціонная лирика родилась въ 1841 году. Два событія соединились въ этомъ году, чтобы «привести лавину въ движеніе». Въ 1840 году Николай Беккеръ написалъ, въ отвѣтъ Ламартину, свою знаменитую «Рейнскую пѣснь»:

Sie sollen ihn nicht haben,
Den freien deutschen Rhein!

Это стихотвореніе сразу прослывило своего автора; оно вызвало небывалый энтузіазмъ—по всей Германіи пѣвческія общества распѣвали его въ безчисленныхъ композиціяхъ. Этотъ успѣхъ знаменовалъ собою настоящую революцію въ нѣмецкой поэзіи: до сихъ поръ эстетики отрицали законность любовныхъ сюжетовъ въ лирикѣ—«Рейнская пѣснь» обезоружила ихъ. Она, разумеется, тотчасъ же вызвала несчетное число подражаній.

Вторымъ обстоятельствомъ, вызвавшимъ въ жизни политическую лирику въ 1841 году, было появленіе стихотворенія Фрейлиграта «Изъ Испаніи», гдѣ воспѣвается казнь испанскаго партійнаго борца, причѣмъ поэтъ, однако, категорически оговаривается, что онъ прославляетъ лишь доблесть боца, но не дѣло его партіи: поэтъ стоитъ выше партіи:

Er beugt sein Knie dem Helden Bonaparte,
Und hört mit Zürnen d' Enghiens Todesschrei:
Der Dichter steht auf einer höhern Warte,
Als auf den Zinnen der Partei *)!

*) Онъ склоняетъ колѣно предъ героемъ Бонапартомъ, но съ гнѣвомъ слушаетъ смертный крикъ герцога Энгиенскаго: поэтъ стоитъ выше партіи.

На это юный Гервег тотчасъ отвѣтилъ пламеннымъ стихотвореніемъ— апофеозомъ «партіи»:

Partei! Partei! Wer sollte sie nicht nehmen,
Die noch die Mutter aller Siege war?
Wie mag ein Dichter solch ein Wort verfemen,
Ein Wort, das alles Herrliche gebar *)?

Вспыхнулъ бой: Эмануэль Гейбель отвѣтилъ Гервегу страстнымъ стихотвореніемъ, Гервегъ отвѣтилъ Фрейлиграту и Гейбелю ѣдкой пародіей, Фрейлигратъ не остался въ долгу, ему отвѣчалъ Людвигъ Виль и т. д.; скоро въ Германіи не оставалось ни одного поэта, который бы за или противъ не принялъ участія въ этой стихотворной войнѣ, гдѣ политика и эстетика смѣшались воедино. Этотъ споръ нанесъ романтической лирикѣ послѣдній ударъ; да и какъ могъ удержаться консервативно-аристократическій романтизмъ противъ натиска либеральныхъ тенденцій? Еще въ 1839 г. Арнольдъ Руге помѣстилъ въ упомянутыхъ выше *Hallesche Jahrbücher*—органѣ «молодой Германіи»—страстный манифестъ противъ романтиковъ, а въ 1842 г. уже и Фрейлигратъ, ихъ Вениаминъ, прочелъ отходную романтизму:

Dein Reich ist aus! Ja, ich verhehl' es nicht.
Ein andrer Geist regiert die Welt, als deiner.
Wir fühlen's alle, wie er Bahn sich bricht,
Er pulst im Leben, lodert im Gedicht,
Er strebt, er ringt—so strebte vor ihm keiner **).

Отнынѣ путь Фрейлиграта былъ безповоротно начертанъ. Ему больше не было надобности бѣжать фантазіей въ страну бедуиновъ, къ львамъ и тиграмъ: въ живой дѣйствительности, въ разгорающейся исторической борьбѣ онъ находилъ теперь достаточно жизни, движенія, красокъ для патетическаго подъема.

Поразительно видѣть, какъ съ этого времени дѣйствительность *восматываетъ* музу Фрейлиграта. На первыхъ порахъ ея шагъ не твердъ. Въ 1846 году вышелъ первый сборникъ политическихъ стихотвореній Фрейлиграта. Здѣсь тенденція еще слишкомъ обнажена и разсудочна, образы искусственны, слишкомъ обильны сравненія и историческіе анекдоты; здѣсь больше риторика, чѣмъ поэзія. Но вотъ наступаетъ революція: ея могучее потрясеніе и горечь завершившей ее неудачи пробуждаютъ въ поэтѣ всю силу, всю страстность, весь героизмъ его души. Оба выпуска его «Новыхъ политическихъ и социальныхъ стихотвореній», вышедшіе въ 1849—1850 гг., съ чисто-художественной точки зрѣнія составляютъ несомнѣнно лучшее, что создалъ Фрейлигратъ. Сосредоточенная страсть, которою дышать эти

*) Партія! Кто откажется примкнуть къ ней, которая искони была матерью побѣдъ? Какъ можетъ поэтъ презирать такое слово, изъ котораго родилось все прекрасное?

***) Да, я не скрываю: твое владычество кончилось. Иной, не твой духъ царитъ надъ міромъ, и мы всѣ чувствуемъ биеіе его пульса въ жизни и его жаръ въ стихѣ; онъ пробиваетъ себѣ путь съ невиданной энергіей.

стихотворенія, ихъ тебрь, точно дрожащій отъ негодованія, громовые удары гнѣва и угрозы глубоко потрясають еще и современнаго читателя; здѣсь нѣтъ и тѣни риторическаго паэоса, ни одного изысканнаго эффекта, стихъ сжатъ и иѣтокъ, точно кованный. Экзотическій сонъ разсѣялся; поэтъ стоитъ въ ряду борцовъ на баррикадѣ и наноситъ ударъ за ударомъ.

Путь, пройденный Фрейлиграторомъ, является типическимъ для развитія всей нѣмецкой лирики въ данную эпоху. Авторъ чудовищнаго «Löwenritt» и сентиментальной «Мести цвѣтовъ», захваченный могучимъ потокомъ борьбы за свѣтъ и свободу, становится пѣвцомъ дѣйствительности и гдѣ-шатаемъ ея правъ на царство поэзіи:

Dieses auch ist Poesie,
Denn es ist das Menschenleben!—

«и это—поэзія, потому что это—человѣческая жизнь».

Этотъ потокъ увлекъ въ русло политической лирики не одного Фрейлиграта: одновременно на то же поприще выступаетъ цѣлая плеяда талантливыхъ молодыхъ поэтовъ. Они всё не чужды аффектаціи и склонности къ риторикѣ, но небывалый успѣхъ и вліяніе, какое стяжали нѣкоторые изъ нихъ, несомнѣнно доказываютъ, что они дѣйствительно уловили и сумѣли выразить реальныя нужды и стремленія современнаго имъ общества. Горькой ироніей звучали «Lieder eines kosmopolitischen Nachtwachters» Франца Дингельштедта (1842 г.), ироніей надъ народомъ, «который готовъ ирряться со всѣмъ, который, будучи самъ въ параличѣ, парализуетъ и своихъ поэтовъ». Венгерскій еврей Карлъ Бекъ, «приложившій свое чуткое ухо къ великому мировому сердцу идей Бёрне» (sien horchendes Ohr an das grosse Weltherz der Börgneschen Gedanken gelehnt) въ своихъ «Lieder vom armen Mann» (1846 г.) первый внесъ поправку въ одностороннюю политическую лирику, поднявъ социальный вопросъ. Но главный триумфъ достался на долю Георга Гервега (1817—1875 гг.). Трудно изобразить тотъ энтузіазмъ, который вызвали его «Gedichte eines Lebendigen», вышедшія въ 1841 году; его поѣздка по Германіи осенью слѣдующаго года была настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ съ безчисленными банкетами, фавельпутами, лавровыми вѣнками. Эти стихотворенія бѣдны мыслями и риторичны, ихъ техника заимствована у Беранже, и все же они до сихъ поръ не утратили своей зажигающей силы. Дѣло въ томъ, что они правдивы, продиктованы искреннимъ, честнымъ, можно сказать—наивнымъ чувствомъ. Въ нихъ Гервегъ на минуту сумѣлъ заговорить языкомъ массы; онъ сумѣлъ облечь всенародное чувство въ художественную форму, и, можетъ быть, ни ино потому, что онъ не углубилъ этого чувства, не наложилъ на него свой личной печати,—общество сразу признало въ немъ своего глашатая. Егъ революціонная лирика сильно разнится отъ лирики Фрейлиграта. Если послѣдній—ораторъ революціи, то Гервегъ—демагогъ; онъ не провозглашаетъ убѣжденій, не ставитъ требованій—онъ зоветъ на бой. Это—политическій агитаторъ; его призывъ всегда конкретенъ: «ударьте на врага—Рейнъ

долженъ остаться нашимъ!» Его языкъ проще, чѣмъ языкъ Фрейлинграта, и его оружіе не такъ блестяще, но бьетъ вѣрнѣе и быстрѣе.

За этими вождями слѣдуетъ безчисленное множество рядовыхъ революціонной поэзіи. Точно эпидемія охватила нѣмецкій Парнасъ: люди, отъ которыхъ менѣе всего можно было бы ожидать интереса къ злобамъ дня, пишутъ политическія стихотворенія, всевозможныя «*Bagrikadenlieder*» и т. п. Даже поэты, принципиально отрицавшіе законность тенденціи въ лирикѣ и открывшіе борьбу въ защиту «чистаго искусства»,—даже они этою борьбою несли дань дѣйствительности. Самый даровитый представитель этой эстетической (и политической) реакціи, графъ Страхвицъ, насквозь проникнутый романтическими и аристократическими тенденціями, обнаруживаетъ—и не только въ этой борьбѣ противъ тенденціозной поэзіи, но и въ своихъ романтическихъ произведеніяхъ— тотъ же духъ активности, какимъ дышать пѣсни Гервега, и скорбя о тяжелой долѣ поэзіи, низведенный вандалами на площадь, на торжище буйнаго спора *), онъ самъ не менѣе страстно вмѣшивается въ споръ, чтобы защитить свои идеалы.

Такъ и лирика—заповѣдная область романтизма—не могла устоять противъ натиска живой дѣйствительности. Муза нѣмецкой поэзіи бросилась на шумную площадь, съ якобинской шапкой на головѣ, съ краснымъ флагомъ въ рукѣ, и стала звать на бой, разжигала крамолу и помогала воздвигать баррикады. Всѣ струи стекались въ то же русло. Главный представитель политически-индифферентной лирики въ эту эпоху, поэтъ розъ и любви, Эммануэль Гейбель, пѣвучимъ складомъ своихъ легкихъ, незатѣйливыхъ стиховъ, точно напрашивающихся на мелодію, много способствовалъ освобожденію нѣмецкой лирики отъ ея книжнаго, кабинетнаго характера, и тѣмъ какъ будто замѣнилъ ея старомодное, пригодное лишь для праздности, платье, другимъ, попроще, но удобнымъ для будничной жизни и работы.

Однако, до полнаго завоеванія современной дѣйствительности было еще далеко: только ея патетическіе моменты (революція, борьба цѣлой страны за свободу) получили пока право гражданства въ поэзіи. Оставалось еще завоевать такъ называемую «будничную» дѣйствительность, и мы увидимъ дальше, что эту цѣль поставила себѣ нѣмецкая лирика послѣднихъ десятилѣтій вѣка.

Набросанная нами картина развитія нѣмецкой поэзіи въ 40-хъ годахъ была бы неполна, если бы мы обошли молчаніемъ двухъ поэтовъ, изъ которыхъ одинъ лишь отчасти примыкаетъ къ политической лирикѣ, другой стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ нея, но творчество которыхъ, свободное отъ тенденціи, явилось благодѣтельнымъ коррективомъ къ односторонней поэзіи этой эпохи; ибо въ то время, какъ революціонная лирика экстенсивно расширяла сферу поэтическихъ переживаній, Ленау и Мерики,

*)

Es trägt die Kunst ihr eisern Los mit Qualen.
Lass, Herr, die Göttliche in ihrer Hoheit
Nicht untergehn, ein Opfer der Vandalen,
In dieses Meinungsstreits ergrimpter Roheit!

о которыхъ мы говоримъ здѣсь, продолжали углублять содержаніе поэзіи, вскрывая все болѣе интимныя стороны природы и человѣческой души. Ленау (1802—1850 гг.) стоитъ на порогѣ эпохи, породившей политическую поэзію; тѣ же условія, которыя вызвали къ жизни послѣднюю, та же жажда яркой, полной силы и движенія жизни, то же недовольство печальной, сѣрой дѣйствительностью—опредѣлили характеръ и его міросозерцанія; страстная ненависть противъ деспотизма во всѣхъ его видахъ, одушевляющая его «Польскія пѣсни», «Савонаролу», «Альбигойцевъ», даетъ ему право на мѣсто въ ряду пѣвцовъ революціи. Но не она характеризуетъ его творчество. Тѣ же условія вызвали въ его страстной, но слабой и совершенно лишенной активности натурѣ иную реакцію: они сдѣлали его пѣвцомъ «мировой скорби». Грусть—его неразлучная спутница; онъ лелѣетъ ее, какъ любимую подругу, упивается ея сладкой отравой и вѣчно, неустанно ищетъ во всѣхъ закоулкахъ природы ту обстановку, которая могла бы питать его меланхолю. Въ сліяніи съ жизнью природы на почвѣ грусти и лежитъ его главная сила. Такимъ глубокимъ чувствомъ природы, такимъ даромъ безраздѣльно сливаться съ нею и одушевлять ее не обладавъ ни одинъ нѣмецкій писатель XIX вѣка. Онъ олицетворяетъ ее все въ новыхъ и новыхъ образахъ, ласкаетъ и бранитъ, какъ живое существо, ссорится и мирится съ нею. Онъ не вноситъ въ нее человѣческихъ чувствъ,—напротивъ, она какъ бы наполняетъ каждый разъ его душу своимъ содержаніемъ. Свои крупныя произведенія Ленау любилъ называть «лирико-эпическими поэмами»: таковы въ сущности всѣ лучшія его стихотворенія. Немногими штрихами онъ изображаетъ вначалѣ какой-нибудь уголокъ природы, и пока онъ рисуетъ ландшафтъ, уже соответствующее настроеніе охватило его душу: «мѣсяцъ осеребрилъ гладь озера; я не могу сдержать слезъ: сладкое воспоминаніе о тебѣ звучитъ въ моей душѣ, какъ тихая ночная молитва». Въ этомъ нѣтъ ни тѣни искусственности,—онъ не настраиаетъ своей лиры подъ ладъ природѣ: онъ только созерцаетъ послѣднюю въ ея различныхъ состояніяхъ, и каждый моментъ ея извлекаетъ въ его чуткихъ струнъ соответственные звуки. Никто въ такой мѣрѣ, какъ Ленау, не оправдалъ извѣстной формулы Байрона, развитой въ наше время Амиелемъ: ландшафтъ есть настроеніе. Одна изъ лучшихъ картинъ Бёклина изображаетъ чернаго, съ головы до пятъ закутаннаго въ желѣзо рыцаря, который обнимаетъ молодую дѣвушку всю въ бѣломъ. Художникъ самъ рассказалъ, что побудило его написать эту картину: переходя однажды площадь во Флоренціи въ знойный лѣтній день, онъ былъ пораженъ контрастомъ своей черной тѣни на ослѣпительно свергавшихъ вышѣ мостовой *). Такъ картины природы естественно, безъ насилія, рождаются въ душѣ Ленау его дивныя поэтическія образы.

рике (1804—1875 гг.) во многомъ составляетъ противоположность

*) Это рассказалъ, со словъ Бёклина, Флоерке въ своихъ прелестныхъ воспоминаніяхъ о Бёклинѣ, вышедшихъ въ прошломъ году.

Ленау. «Наивная и чистая душа», съ дѣтски-яснымъ взоромъ, уравновѣшенная идеалистическая натура, онъ совершенно чуждъ жгучимъ интересамъ своего времени; но поразительная интенсивность лирическаго чувства и въ особенности глубокое проникновеніе въ жизнь природы сближаютъ его съ повтомъ мировой скорби. Мало того: его отношеніе къ природѣ шире; Ленау любитъ опредѣленные уголки ея, тѣ, которые скорѣе способны вызвать въ немъ грусть, — Мерике объѣмлетъ ее своей симпатіей всю, безъ отбора. Не одному человѣку, но и вещамъ присущи чувства и желанія; лампа, часы, дѣтская игрушка тоже хотятъ выразить свое чувство красивымъ словомъ, и Мерике благодушно исполняетъ ихъ волю. Отсюда его удивительное искусство слышать мелодіи, которыхъ не уловляетъ наше ухо, видѣть движенія, дремлющія въ покойныхъ членахъ. Онъ видитъ рисунокъ, на которомъ изображено дерево и нѣсколько фигуръ: рисунокъ оживаетъ для него, вѣтеръ колеблетъ листья и фигуры двигаются; птичка, висѣщая въ изголовьи спящаго ребенка, «поетъ тихо-тихо, чтобы не разбудить дитя». Изъ такого слиянія человѣческой души съ душою природы родились въ древности воздушные образы эльфовъ, нимфъ и русалокъ.

Драма 40-хъ годовъ.

Эпоха 40-хъ годовъ, такъ далеко раздвинувшая рамки романа и вызвавшая такой глубокой переворотъ въ лирикѣ, не менѣе сильно отразилась и на драмѣ, но отразилась иначе, сообразно съ органическими свойствами этого рода литературы: драма 40-хъ годовъ характеризуется, во-первыхъ, углубленіемъ психологическаго анализа и замѣчательнымъ реализмомъ въ изображеніи различныхъ состояній человѣческой психики; во-вторыхъ, углубленіемъ своего философскаго содержанія, стремленіемъ раскрыть высшія проблемы бытія. Мы остановимся здѣсь на трехъ замѣчательнѣйшихъ ея представителяхъ: Бюхнерѣ, Геббелѣ и Людвигѣ.

Георгъ Бюхнеръ (1813—1837 гг.), старшій братъ извѣстнаго популяризатора, автора «Kraft und Stoff», Людвигъ Бюхнера, подобно послѣднему, былъ насквозь проникнутъ идеями нарождавшагося тогда боевостаго матеріализма. Отъ изученія анатоміи и физиологіи человѣческаго тѣла онъ переходитъ къ изученію строенія государства, страстно бросается въ водоворотъ политики, рискуетъ жизнью, участвуя въ политическихъ заговорахъ, издаетъ первый въ Германіи социалистическій памфлетъ и своими художественными произведеніями предвозвѣщаетъ агитацію «молодой Германіи». На всѣхъ этихъ поприщахъ онъ остается строгимъ ученымъ; естественнаго научная подготовка, привычка работать микроскопомъ и скальпелемъ сдѣлали его однимъ изъ первыхъ представителей «экономическаго матеріализма», и тотъ же научный методъ сдѣлалъ его первымъ послѣдовательнымъ реалистомъ нѣмецкой поэзіи. Его неоконченная повѣсть «Ленцъ» изображаетъ картину развивающагося психическаго разстройства съ такимъ поразительнымъ реализмомъ, такими тонкими и увѣренными штрихами, та-

его можно найти лишь у нашего Достоевскаго. И въ этой же повѣсти онъ, устами поэта Ленца, такъ полно и, можно сказать, пророчески формулируетъ догматъ художественнаго реализма, что подъ этими строками могъ бы подписаться самый передовой реалистъ нашего времени. «Поэты, о которыхъ говорятъ, что они передаютъ дѣйствительность, на самомъ дѣлѣ не имѣютъ о ней никакого представленія,—говоритъ Ленць;—но все же они сносятъ тѣхъ, которые желаютъ опозитивировать дѣйствительность. Господь Богъ создалъ міръ, вѣроятно, такъ, какъ ему слѣдуетъ быть, и лучшаго мы не придумаемъ; намъ остается только по мѣрѣ силъ подражать ему. Я требую во всемъ жизни, правдоподобія,—больше ничего; и тогда нечего спрашивать, красиво ли это, или уродливо. Чувство жизнесподобія выше красоты и уродства и должно быть единственнымъ мѣриломъ художественности. Но это встрѣчается рѣдко—вполнѣ только у Шекспира и въ народныхъ пѣсняхъ, да иногда у Гёте. Все остальное можно бросить въ огонь. Господа, не умѣющие нарисовать собачьей когурмы, берутся за изображеніе идеальныхъ образовъ; естественно, что получаютъ однѣ деревянные куклы. Въ этомъ идеализмѣ скрывается самое оскорбительное презрѣніе къ человѣческой натурѣ. Попробуйте углубиться въ жизнь ничтожнѣйшаго изъ людей и воспроизведите ее во всѣхъ содроганіяхъ, въ мельчайшей, едва замѣтной игрѣ мускуловъ. Чувство одинаково почти во всѣхъ людяхъ, только оболочка, черезъ которую ему приходится проникать,—у одного плотнѣе, у другого тоньше; всюду остается одно: безконечная красота, переходящая изъ одной формы въ другую, вѣчно открытая взору, вѣчно мѣняющаяся... Надо любить людей—иначе не проникнешь въ своеобразное существо каждаго; ни одинъ человѣкъ не долженъ казаться слишкомъ ничтожнымъ, слишкомъ уродливымъ: только при этомъ условіи можно понять людей. Самое незначительное лицо производитъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ отвлеченное чувство красоты, и художникъ долженъ давать своимъ образамъ выступать изнутри наружу и не долженъ проецировать наружное внутрь, гдѣ онъ не найдетъ бьющагося пульса, жизни и мускуловъ». Эта формула для насъ вдвойнѣ драгоценна, потому что она проливаетъ свѣтъ и на реализмъ нашихъ дней. Она показываетъ, что пессимизмъ художниковъ-реалистовъ происходитъ въ послѣднемъ итогѣ изъ страстной любви къ жизни, къ «безконечной красотѣ» бытія. Они ненавидятъ идеализмъ не за то, что онъ лживъ, а за то, что онъ презираетъ міръ, какимъ Богъ его создалъ. Все живое кажется имъ достойнымъ художественнаго воспроизведенія, и какъ разъ въ мельчайшихъ проявленіяхъ жизни, въ едва замѣтной игрѣ мускуловъ, луче всего, по ихъ мнѣнію, можно уловить пульсъ жизни. Но это пристальное изученіе всего мелкаго и обыденнаго, сталкиваясь съ ихъ унаслѣдованнымъ эстетизмомъ, вызываетъ въ нихъ глубокое отвращеніе къ этой «пошлой» жизни, и они разражаются такими страстными проклятіями противъ «пошлой» стороны человѣка, какія можно встрѣтить развѣ у прогнинутыхъ чужеземныхъ идеалистовъ средневѣковыхъ аскетовъ. Самымъ яркимъ пред-

ставителемъ такого реализма, соединеннаго съ глубочайшимъ отвращеніемъ къ жизни, былъ въ наши дни Мопассанъ.

Самъ Бюхнеръ послѣдовательно провелъ эти взгляды въ своей знаменитой драмѣ «Смерть Дантона». Мы видѣли, что еще Граббе выдѣляли героя изъ ряда будничныхъ явленій: Бюхнеръ устраняетъ и это исключеніе. «Въ человѣческой природѣ,—писалъ онъ,—я нахожу ужасающее однообразіе, въ человѣческихъ отношеніяхъ—несокрушимую власть, присущую всемъ и никому въ частности. Отдѣльный человѣкъ—лишь пѣна на волнѣ, величіе—простая случайность, господство генія—кукольная комедія, смѣшная борьба противъ желѣзнаго закона; узнать этотъ законъ—есть высшее, восторжествовать надъ нимъ невозможно». Бюхнеръ писалъ эту драму въ изгнаніи; онъ до конца оставался страстно преданъ своимъ политическимъ идеаламъ, до конца жилъ мыслью объ исцѣленіи большого человѣчества, главными язвами котораго считалъ абсолютизмъ и бюрократію. Но отъ усилій отдѣльныхъ «героевъ» онъ уже не ждалъ ничего: ихъ мятежъ для него—«кукольная комедія», и потому его «Смерть Дантона»—почти героическая трагикомедія.

Если Георгъ Бюхнеръ можетъ быть названъ представителемъ матеріалистическаго реализма, то его сверстникъ Геббель (1813—1863 гг.), ставившій себѣ цѣлью въ своихъ драмахъ раскрытіе высшихъ морально-философскихъ проблемъ современнаго человѣчества, является представителемъ философскаго реализма. Для него художественное творчество—лишь средство къ проникновенію въ тайны бытія; «искусство,—говоритъ онъ,—овеществленная философія, какъ міръ—овеществленная идея». Изъ этого догмата вытекаетъ его взглядъ на драму, какъ на высшую форму искусства: ея задача—воплощать въ образахъ жизненный процессъ человѣчества, который въ послѣднемъ итогѣ сводится къ борьбѣ между индивидуальной формой проявленія жизни и идеей, т.-е. всеобуславливающимъ нравственнымъ началомъ. Такимъ образомъ, трагическая вина лежитъ не въ *содержаніи* человѣческаго хотѣнія, а непосредственно въ самой волѣ, въ упрямомъ стремленіи самочинно раздвинуть рамки своего «я», такъ что драматически совершенно безразлично, о возвышенное ли, или о низменное стремленіе разбиваются силы героя; въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакой разницы между виною Антигоны и виной Ричарда III. Самая воля является здѣсь, какъ у Шопенгауэра, грѣхомъ, потому что актъ воли есть притязаніе на большую власть, чѣмъ какую свѣтъ согласенъ представить личности. Между тѣмъ только въ индивидуумахъ, въ актахъ ихъ воли міръ и живетъ, и именно въ томъ заключается трагизмъ, что міръ заставляеть личность осуществлять ея волю и совершать поступки, результатомъ которыхъ неизбѣнно является гибель даннаго индивидуума. Мировая воля призываетъ личность на службу себѣ и, какъ только служба исполнена, убиваетъ слугу.

Но «индивидуальная форма проявленія жизни» мѣняется во времени, мѣняется, значитъ, и ея отношеніе къ «идеѣ»; слѣдовательно, каждой

мощь присущь особый видъ трагическаго конфликта. Такимъ образомъ, драма, какъ понимаетъ ее Геббель, всегда современна, злободневна въ высшемъ смыслѣ слова, такъ какъ она вскрываетъ основную проблему данной эпохи. Въ этомъ смыслѣ онъ называлъ и свои драмы «художественными жертвами времени». Въ предисловіи къ своей «Маріи Магдалинѣ», написанномъ въ 1844 году, т.-е. въ самый разгаръ культа революціонной лирики, онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Я хорошо знаю, что въ Германіи процвѣтаетъ теперь другая злободневная поэзія—новзія, отдающаяся текущему мгновенію. Поскольку она дѣйствительно служить минутѣ, противъ нея нельзя ничего возразить; но она не должна заявлять притязаній на монополію. Услышавъ звукъ набата, мы всё бросаемся вонъ изъ концертной залы на улицу, чтобы узнать, гдѣ горитъ; но тотъ, кто ударилъ въ набатъ, не долженъ воображать, что онъ одержалъ верхъ надъ Бетховеномъ и Моцартомъ; и если эпиграмма, написанная шлономъ на спинѣ какой-нибудь видной особы, понятіе для публики и быстрѣе распространяется, чѣмъ сатира Ювенала, то авторъ этой эпиграммы забудется, какъ только та особа повернетъ спину или просто пережмётъ сюртукъ, а Ювенала не пришлось бы цитировать здѣсь, если бы его не читали еще теперь, спустя тысячелѣтія». И въ томъ же предисловіи онъ обращается къ драматическимъ поэтамъ съ такими словами: «Я говорю вамъ: если вы довольствуетесь тѣмъ, чтобы ставить на сцену анекдоты, историческіе или какіе-нибудь другіе, или, въ лучшемъ случаѣ, изображать характеры во всей сложности ихъ психологическаго механизма, то, сколько бы слезъ и какой бы хохотъ вы ни исторгали у зрителей,—мы ничѣмъ не выше того, кто показываетъ народу маріонетки. Мѣсто вашему искусству лишь тамъ, гдѣ есть проблема; когда же вы наткнулись на проблему, когда предстало передъ вами нарушенное равновѣсіе жизни и, вѣсть съ тѣмъ, вы ощутили въ себѣ присутствіе идеи, которая способна вернуть ей утраченное равновѣсіе, тогда исполняйте ваше дѣло безбогъзвенно, не смущаясь толпами эстетической черни».

Изъ этихъ принциповъ съ неуклонной послѣдовательностью вытекаетъ содержаніе всѣхъ драмъ Геббеля. Необузданной страстности и насильственности рыцарскаго міра онъ противопоставляетъ свою Женевьеву, высшее воплощеніе кротости и чистоты. Міровая воля воззвала ее искупить своей чистотой этотъ міръ, но она должна пасть жертвою своего подвига. Орудіями ея канонизаціи и гибели являются Голо, воплощеніе мужской страстности, и Маргарита, воплощеніе женской испорченности. Но драматическая диалектика должна, по ученію Геббеля, быть вложена не въ характеры, а въ самую идею; не испорченность міра должна погубить красоту, а какъ разъ ея собственное совершенство. Поэтому Голо—не лицемерный вѣмъ угъ, а идеалистъ, въ которомъ только высокая духовная красота Женевьевы способна возбудить страсть; такъ и въ планѣ другой драмы Геббеля «Христосъ», Іуда—самый вѣрующій изъ апостоловъ. Фатумъ новой драмы Геббель видѣлъ въ «обычаѣ», въ нравственномъ укладѣ даннаго

общества: роковымъ образомъ наступающее нарушеніе этого обычая съ стороны «героя» и есть трагическая вина, приводящая къ гибели героя и вовлеченныхъ имъ въ вину лицъ. Наиболее отчетливо разработалъ Геббель эту проблему въ своемъ «Гигесѣ». Сюжетъ этой драмы заимствованъ у Геродота. Последний рассказываетъ, что лидійскій царь Кандавлъ, послѣдній Гераклидъ, потомокъ полубога и Омфалы, женатый на красавицѣ Родопѣ, доставилъ своему любимцу Гигесу случай увидѣть Родопу обнаженной. Возмущенная этой обидой, царица предложила Гигесу одно изъ двухъ: либо убить царя, либо самому умереть; послѣ долгаго колебанія Гигесъ выбралъ первое, убилъ Кандавла и, женившись на Родопѣ, счастливо царствовалъ затѣмъ въ Лидіи. Этотъ сюжетъ, легко вызывающій на грубокомическое толкованіе, въ наше время не разъ былъ использованъ опереткой. Геббель тотчасъ уловилъ его трагическій смыслъ. Не изъ пустой прихоти, не подъ вліяніемъ винныхъ паровъ Кандавлъ показываетъ другу свою нагую жену: его толкнула на этотъ шагъ глубокая, роковая потребность. Обычай Востока требуетъ, чтобы жена царя—его драгоценнѣйшее достояніе—была скрыта отъ всякаго человѣческаго взора; кто увидѣлъ ее, тотъ долженъ искупить это святотатство смертью. Но въ Кандавлѣ старый, прочный нравственный укладъ уже поколебленъ; его тайно грызетъ сомнѣніе: «Мнѣ нуженъ свидѣтель,—говоритъ онъ,—который удостовѣрилъ бы, что не самообманъ заставляетъ меня считать себя обладателемъ прекраснѣйшей изъ женщинъ». Точно такъ же его терзаетъ мысль, что его почитаютъ только какъ царя; онъ снимаетъ свою корону и идетъ въ народъ, чтобы узнать, что онъ способенъ внушать людямъ, какъ человекъ, какъ личность. Онъ счастливъ, что нашелъ друга въ героѣ Гигесѣ: эта дружба укрѣпляетъ его колеблющееся мнѣніе о собственной цѣнности. Пусть же этотъ другъ удостовѣритъ ему и высокую цѣнность его лучшей жемчужины: вотъ почему онъ обнажаетъ передъ Гигесомъ прелести Родопы. Но это кощунство унижаетъ Родопу до качества вещи, ибо только обычай, такъ рѣзко нарушенный здѣсь, сообщаетъ ей человѣческое достоинство. Она является въ пьесѣ воплощеніемъ обычая, хранителемъ его священнаго огня, и потому она же должна стать орудіемъ кары: она принуждаетъ Гигеса убить царя въ поединкѣ и, торжественно обручившись съ нимъ, закалывается. Слѣдое уваженіе къ обычаю уже поколеблено въ послѣднемъ Гераклидѣ, но онъ не обладаетъ еще и безстрашной энергіей завоевателя—Гигеса; его трупъ ложится мостомъ между старымъ и новымъ.

Мы видѣли выше: чувство индивидуальности и вѣра въ могущество отдельной личности составляютъ одну изъ главныхъ отличительныхъ чертъ нѣмецкой литературы 40-хъ годовъ. Мы видѣли, какъ силилось это поколѣніе разбить оковы, мѣшавшія свободному развитію и проявленію личности, какъ и въ теоріи провозглашенъ былъ принципъ ея божественности и безконечности, какъ Штирнеръ сметалъ съ ея пути догматы, обычай, законъ—все, что можетъ связать ея волю. Именно этой проблемѣ посвящено все творчество Геббеля, и потому онъ былъ правъ, когда считалъ

свои драмы болѣе злободневными, современными въ высшемъ смыслѣ, чѣмъ любую революціонную пѣсню Гервега. Но онъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ противоположномъ смыслѣ; каждой своей строкой онъ говоритъ: горе «отдѣльному», тому Einziger, за которымъ Штирнеръ признавалъ исключительный суверенитетъ. Эта точка зрѣнія намъ уже знакома: такъ рѣшалъ вопросъ и Гримшарцеръ; Анна Дросте проповѣдовала бесплодность борьбы противъ плотной массы «безконечно-малаго», Граббе изображалъ роковую гибель Ганнибаловъ и Наполеоновъ и торжество безсмертной пошлости, Бюхнеръ называлъ «отдѣльнаго» пѣной на поверхности волны и борьбу жизни—кукольной комедіей. Такъ, въ борьбѣ двухъ морально-философскихъ ученій нарождалось мировоззрѣніе нашихъ дней; мы увидимъ ниже дальнѣйшія перипетіи этой по истинѣ всемірно-исторической борьбы.

Третій изъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ драматурговъ середины вѣка, это Людвигъ (1813—1865 гг.), занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между материализмомъ Бюхнера и художественнымъ идеализмомъ Геббеля. Онъ любилъ называть себя реалистомъ, и реалистомъ онъ является прежде всего въ своей благоговѣйной любви къ реальному міру—черта, какъ мы увидѣли, свойственная всей этой эпохѣ. Отсюда его протестъ противъ старой идеалистической школы и ея главнаго представителя—Шиллера. «Поэмы,—говоритъ онъ,—не въ правѣ презирать жизнь, какова она есть. Большая часть катастрофъ, изображаемыхъ въ нашихъ трагедіяхъ и повѣстяхъ, представляютъ собою заглавіе дѣйствительности на алтарѣ красоты. Поэтъ ищетъ какую-нибудь несправедливость дѣйствительности, т.-е. существующаго, противъ индивидуума, какое-нибудь насиліе судьбы надъ прекраснымъ, и въ своей поэзіи или трагедіи побѣдоносно ратоборствуетъ противъ этого насилія. Въ этомъ лежитъ серьезная опасность; ибо въ то время, какъ античная поэзія поучаетъ насъ вещамъ, которыхъ мы сами не могли узнать на опытѣ, и тѣмъ воспитываетъ насъ къ жизни,—драмы Шиллера укрѣпляютъ наше заблужденіе, превращаютъ наши юношескія идеалы въ страсть; онѣ воспитываютъ насъ къ чисто-фантастической жизни, которая дѣлаетъ насъ избалованными, слѣпыми и, главное, несправедливыми къ дѣйствительности». Въ этомъ отношеніи, значить, Людвигъ приближается къ «молодой Германіи», подобно ей защищая права дѣйствительности и требуя гармоническаго сліянія поэзіи съ жизнью. Но онъ вѣкъ возстаетъ противъ «молодой Германіи» за ея тенденціозность: ея античная тенденція кажется ему такимъ же преступленіемъ противъ факта, какъ идеализація шиллеровской школы; то и другое равно вводитъ зрителя или зрителя въ заблужденіе относительно истиннаго положенія вещей въ мірѣ. Воспроизводитъ жизнь въ образахъ, а не мудрствовать надъ ней, интуиція, а не рефлексія—таковъ его художественный догматъ; Бюхнеръ долженъ избѣгать всякой искусственной точки зрѣнія, долженъ выст. самую вещь въ ея естественномъ освѣщеніи. И дѣйствительно, въ своихъ произведеніяхъ Людвигъ является не только реалистомъ, но натуралистомъ. Онъ самъ установилъ такую терминологию: «натуралистъ на-

зываетъ правдою то, что по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ дѣйствительно случилось, идеалистъ—то, что никогда не случается, но, по его мнѣнью, всегда должно было бы случаться, реалистъ—то, что всегда случается. Въ этомъ смыслѣ—и онъ самъ натуралистъ; лишь немногие изъ современныхъ намъ нѣмецкихъ писателей могутъ сравниться съ нимъ въ тонкости и богатствѣ наблюденій и отчетливости воспроизведенія, въ изумительной правдивости деталей какъ внѣшняго міра, такъ и психической жизни человека. Но этотъ реализмъ не исключаетъ у него морально-философской точки зрѣнія. И онъ въ своихъ драмахъ стремится, говоря словами Геббеля, «вести данный характеръ до высочайшей точки его развитія, чтобы съ этой вершины обозрѣть кусокъ дѣйствительности». Онъ не влагаетъ въ драму морали, какою у Геббеля является проповѣдь непротивленія обычаю, но онъ требуетъ, чтобы изъ драмы, какъ изъ самой жизни, которой она является микрокосмомъ, само собою вытекало для зрителя моральное поученіе. Въ этомъ требованіи—Ахиллесова пята Людвигъ: онъ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Боль скоро изъ драмы должно вытекать поученіе, значить оно должно быть предназначено въ умъ поэта, ибо только при этомъ условіи изъ огромной массы жизненныхъ явленій будетъ подобранъ тотъ матеріалъ, который можетъ привести читателя къ данному моральному выводу. Такимъ образомъ, объективный реализмъ въ концѣ концовъ всетаки приносится въ жертву врожденной субъективности, чисто-эстетическая игра силъ искажается въ угоду моральной пѣлесообразности, и безусловно-правдивой картины міра, какой прежде всего требуетъ отъ художника Людвигъ, онъ самъ, оказывается, не въ силахъ дать. Это колебаніе между двумя противоположными началами—сознаніемъ непримиримости поэзіи съ моралью и неискоренимой потребностью вносить мораль въ повѣю—было главной причиной того, что громадный талантъ Людвигъ, не подаривъ нѣмецкую сцену ни однимъ безукоризненнымъ, внутренне-цѣльнымъ произведеніемъ. Оно испортило и лучшую драму его—«Der Erbfolger». Въ нѣмецкой драматической литературѣ, конечно, немного сценъ, которыя могли бы сравниться съ первыми двумя дѣйствіями этой драмы; еще и теперь, спустя 53 года, они сохранили всю свою свѣжесть. Старикъ-лѣсничій Ульрихъ, сильный, суровый человекъ, тщательно скрывающій свою доброту и мягкость, 40 лѣтъ управляетъ лѣснымъ имѣніемъ Дюстервальде, которымъ до него управляли его отецъ и дѣдъ. Онъ—старый другъ фабриканта Штейна, въ сущности хорошаго, но нѣсколько щекотливаго въ своемъ самолюбіи барина: оба упрямы, ежедневно ссорятся, но не могутъ дня прожить одинъ безъ другого. И вотъ Штейнъ, въ виду предстоящей женитьбы своего сына на дочери Ульриха, покупаетъ Дюстервальде для сына, и такимъ образомъ старые пріятели попадаютъ въ положеніе хозяина и слуги. Изъ этой превосходной экспозиціи съ удивительной энергіей и послѣдовательностью развивается драматическій конфликтъ. Предметъ столкновенія—лѣсъ, «свободный кусокъ природы». Штейну, ставшему собственникомъ лѣса, приходитъ въ голову шальная мысль расчистить лѣсъ,

т. е. сдѣлать продольныя порубки, чтобы остальные деревья росли свободно; Ульрихъ заявляетъ, что ни въ какомъ случаѣ не допустить этого, такъ какъ лѣсъ открытъ вѣтрамъ и порубки погубятъ его. Въ самый день помолвки молодыхъ происходитъ новая ссора, и вспыльчивый Штейнъ въ раздраженіи уходитъ изъ дома Ульриха до помолвки. Онъ уже и самъ понимаетъ, что старикъ правъ, но хозяйское самолюбіе не позволяетъ ему первому «идти къ Баноссу»; еще менѣе можно этого ждать отъ лѣсничаго, убѣжденнаго въ своей правотѣ. Съ неподражаемымъ искусствомъ изображаетъ Людвигъ столь обычную въ жизни картину рокового наростанія ссоры подъ вліяніемъ ложнаго самолюбія, невѣрныхъ свѣдѣній, неловкаго вмешательства окружающихъ. Наконецъ, конфликтъ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта: Штейнъ отказывается Ульриху отъ службы и назначаетъ другого лѣсничаго,—въ сущности только для того, чтобы напугать старика. Ульрихъ потрясенъ: какъ! его заставляютъ разстаться съ его любимымъ лѣсомъ, послѣ 40-лѣтней безупречной службы,—и за что? за то, что онъ не хочетъ идти наперекоръ своему убѣжденію, не хочетъ быть негодяемъ? Нѣтъ, онъ докажетъ имъ свое право; никто не можетъ притнать своего слугу, пока не докажетъ, что слуга дурно исполнялъ свою обязанность. Онъ посылаетъ сына въ городъ къ адвокату, подать въ судъ жалобу о томъ, что его, не учтивъ ни въ какой винѣ, лишили мѣста. Но сынъ возвращается отъ адвоката съ такимъ отвѣтомъ: только на государственной службѣ никто не можетъ быть уволенъ, пока добросовѣстно исполняетъ свой долгъ, на частной же службѣ для этого достаточно воли хозяина.—Такъ у васъ двойное право? Но въ Библии сказано: одно да будетъ право для всѣхъ; онъ правъ—и онъ не уступитъ. Драма превратилась въ грандіозный конфликтъ между инстинктомъ права и положительнымъ правомъ, между убѣжденіемъ и закономъ. Съ этого момента читатель болѣе не узнаетъ Людвигъ: куда дѣвались вѣроподобіе дѣйствія, послѣдовательность, реализмъ психологическаго развитія! Художникъ становится судьей и моралистомъ: цѣлой сѣтью самыхъ неправдоподобныхъ встрѣчъ, недоразумѣній и ошибокъ, которыми не побрезгалъ бы и авторъ Романболя, онъ обрушиваетъ на Ульриха весь міръ, дѣлаетъ его убійцей дѣчери и самоубійцей. Очевидно, изъ пьесы *должна была* вытекать сенсация: не довѣряться своему инстинкту справедливости, покорись установленному праву! И дѣйствительно, Людвигъ самъ повѣдалъ, съ какой кѣлью онъ писалъ эту драму: возмущеннымъ поведеніемъ массы во время февральской революціи въ Парижѣ, онъ хотѣлъ предостеречь свою родину противъ довѣрія къ внутреннему чувству справедливости и права. Такимъ образомъ, даже этотъ сильный художникъ, реалистъ по натурѣ и убѣжденію, не устоялъ противъ соблазна обращать искусство въ орудіе. Нѣмецкой литературѣ предстояло пройти еще долгій путь, чтобы научиться не выказывать дѣйствительность.

Мих. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Жуковско-Гоголевская юбилейная литература.

I.

Изъ всѣхъ юбилейныхъ чествованій великихъ писателей самое важное значеніе имѣеть у насъ, какъ извѣстно, воспоминаніе о пятидесятилѣтій ихъ кончины. По нашимъ законамъ это—срокъ прекращенія правъ литературной собственности,—моментъ, когда сочиненія писателя дѣлаются общественнымъ достояніемъ, перестаютъ быть монополіей наследниковъ или, что случается чаще и что по существу дѣла еще печальнѣе, предметомъ хищной эксплуатаціи невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ книгопродавцевъ-издателей, обыкновенно скупающихъ права литературной собственности за бездѣнокъ и потомъ ими злоупотребляющихъ. Какъ извѣстно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ право на изданіе сочиненій нашихъ лучшихъ писателей скупается (почти всегда за ничтожную сравнительно сумму) крупными книжными фирмами, которыя выпускаютъ въ свѣтъ по очень высокой цѣнѣ «полныя собранія сочиненій» съ малограмотными біографіями, каррикатурными портретами, невольными пропусками и искаженіями текста. Обыкновенно эти изданія туго идутъ въ глубь общества и сильно мѣшаютъ популяризаціи писателя, распространенію его произведеній въ школѣ и среди народа. Прекращеніе книжной монополіи приводитъ всегда къ массовому появленію новыхъ изданій, ихъ значительному удешевленію—къ самой широкой ихъ популяризаціи. Такъ, въ сотняхъ тысячъ и даже милліонахъ экземпляровъ еще недавно, благодаря этому, разошлись по всей Руси широкой сочиненія Пушкина, Брыкова, Лермонтова, пошли въ ширь и въ глубь общества, проникли въ значительной степени въ народную школу и крестьянскую избу.

21 февраля и 12 апрѣля текущаго года такой моментъ исключительной важности наступилъ для произведеній Гоголя и Жуковскаго. Ихъ знало раньше, за рѣдкими исключеніями, одно образованное общество; теперь узнаютъ ихъ, кромѣ того, народъ и народная школа. Это дастъ широкую общественно-воспитательную роль всѣмъ художественнымъ произведеніямъ Гоголя; кругъ вліянія Жуковскаго, конечно, всегда будетъ уже и меньше, но и у него найдутся такія произведенія, какъ «Вамозель», «Ундина» ко-

торыя никогда не потеряют своего художественнаго обаянія и которымъ можно пожелать самой широкой извѣстности.

Что же для этой популяризаціи дали и могутъ дать недавно пережитые времена? Каковы итоги издательской инициативы въ этомъ отношеніи? Разобраться въ этомъ вопросѣ тѣмъ болѣе важно, что юбилей освѣжаетъ память о писателѣ, усиливаетъ къ нему общественный интересъ, опредѣляетъ надолго судьбу его произведеній—самымъ фактомъ массоваго появленія изданій и книжнаго «перепроизводства».

II.

Съ 21 февраля цѣлый потокъ изданій произведеній Гоголя и литературы о немъ хлынулъ на нашъ книжный рынокъ.

«Полныя» и избранныя, какъ иллюстрированныя, такъ и неиллюстрированныя собранія сочиненій Гоголя заполонили книжные магазины и полесутъ «горькое слово смѣха», «искры вѣчной, могучей любви» и «видимый міру смѣхъ сквозь незримыя, невѣдомыя ему слезы» далеко въ глубь и въ ширь общества. Хочется вѣрить, что наступаетъ, наконецъ, время, когда нашъ народъ «Гоголя съ базара понесетъ»...

Какъ всегда, на-ряду съ благожелательной и интеллигентной инициативой, въ дѣло вмѣшались хищные спекулятивные инстинкты и предприимчивое невѣжество. Многое рассчитано на наивность и плохую освѣдомленность покупателя, многое представляетъ только «покушеніе съ негодными средствами», во многомъ чувствуется отсутствіе плана и опредѣленныхъ цѣлей, и отъ всего этого надо предохранить и предупредить читателя-покупателя. Желая «потрафить» всѣмъ, нѣкоторые издатели не удовлетворяютъ, несомнѣнно, никого. Повидимому, иногда они даже совсѣмъ не представляли себѣ своихъ читателей и дѣйствовали слѣпо, наугадъ. Это тѣмъ болѣе странно, что ихъ задачи были значительно упрощены тщательными работами Тихонравова и В. И. Шенрока надъ гоголевскимъ текстомъ: все возможное собрано, текстъ установленъ и, въ общемъ, разъясненъ—оставалось только сдѣлать толковый выборъ и провести разумную систематизацію.

Но и на это у многихъ не хватило пороку.

Собственно, полнаго собранія сочиненій не вышло ни одного. Даже тѣ изданія, которыя такъ себя называютъ, на самомъ дѣлѣ воспроизводятъ далеко не весь матеріалъ основнаго 10-го изданія, съ дополнительнымъ къ нему томами: опущены не только варианты, но и многіе отрывки, абриски, черновые матеріалы и первоначальныя редакціи. А между тѣмъ такого изданія можно было бы ждать хотя бы отъ г. Маркса.

Въ послѣднее время право собственности на сочиненія Гоголя перешло отъ Салаева (Думнова) къ Марксу. Думнову (собственно, еще Салаеву) прилежитъ честь приглашенія въ редакторы изданія академика Тихонова — вложившаго такъ много глубокаго знанія, усидчиваго труда и

любви въ замѣчательное 10-е изданіе, теперь вышедшее изъ продажи (томовъ). Въ немъ впервые былъ точно, научно, критически установленъ гоголевскій текстъ, извлечено изъ разныхъ изданій и рукописей множество вариантовъ и отрывковъ, чрезвычайно характерныхъ для исторіи гоголевскаго творчества, даны прекрасныя объяснительныя примѣчанія, — на томъ дѣлѣ, цѣлыя изслѣдованія о Гоголѣ. VI и VII дополнительные томы не были доведены до конца Тихонравовымъ и вышли въ свѣтъ подъ редакціей В. И. Шенрока, когда Гоголь сдѣлался на нѣсколько лѣтъ собственностью Маркса.

10-е изданіе осталось до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ. Марксъ издавалъ потомъ нѣсколько разъ «полныя собранія сочиненій Гоголя подъ редакціей Тихонравова (давно уже покойнаго!!) и В. И. Шенрока, приложилъ одно изъ нихъ къ *Немецъ* и выпустилъ огромное количество изданій отдѣльныхъ произведеній. Характерно, что онъ ни разу до самаго послѣдняго времени не издавалъ отдѣльно «Мертвыхъ Душъ», несмотря на всю необходимость такого изданія для школы, и недавно напечаталъ на плоховатой бумагѣ за 2 р. — при 1 р. 25 к. за «полное собраніе».

Безъ оговорок, имъ отбинуты въ позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ хохряковскаго изданія драгоцѣнныя объяснительныя статьи редактора, научный аппаратъ, варианты, отрывки и черновыя редакціи, иногда очень интересные. При перепечаткѣ вкралось довольно много опечатокъ и искаженій текста *).

Еще недавно одна изъ газетъ (помнится, *Новое Время*) указала на изданіи Маркса рядъ текстуальныхъ несообразностей и этимъ доказала неустановленность гоголевскаго текста. Въ изданіи подъ редакціей Тихонравова ихъ не было, и онѣ, несомнѣнно, явились позднѣе. А надъ изданіемъ все остается «подъ редакціей академ. Н. С. Тихонравова»: «мертвые души не имуть» — и не могутъ протестовать противъ искаженія любимаго Гоголемъ текста. При жизни Тихонравова, конечно, ни за что не согласился бы на тѣ операціи, которыя произведены надъ его работой. «Большая публика, не знающая внутренней подкладки дѣла, не имѣющая понятія о томъ, кто былъ Тихонравовъ, наивно покупаетъ сомнительные плоды замгильнаго редактированія.

Г. Марксу принадлежитъ одна только заслуга: онъ продавалъ свои права на нѣя (въ томъ числѣ небольшія произведенія Гоголя, иллюстрированныя) сравнительно дешево и тѣмъ способствовалъ довольно широкому распространенію сочиненій великаго писателя.

На прощаніе съ очень выгоднымъ правомъ собственности фирма Маркса думала довольно остроумный планъ: наводнить книжный рынокъ новыми изданіями самымъ окончаніемъ этого права возможно болѣе дешевыми изданіями.

* Заранѣе оговариваемся, что мы и не думаемъ всего этого приписывать Марксу, а чтенному второму редактору изданія, В. И. Шенроку. Мы увѣрены, что если бы Марксу было предоставлено въ его полное распоряженіе, всѣхъ этихъ промаховъ не было.

бранія сочиненій и отдѣльныхъ произведеній, чтобы они могли бороться съ будущей конкуренціей.

Г. Марксъ выпустилъ однотомное и шеститомное изданія (Спб., 1 руб. 25 к. и 2 р. 50 к.), которыя въ объявленіяхъ почему-то называетъ «полнымъ собраніемъ», «редакція Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока» (на первомъ) и «редакція Н. С. Тихонравова» (на второмъ), — «Мертвыя Души» (2 р.) *) и 15 иллюстрированныхъ книжекъ («Ревизоръ», «Старосвѣтскіе помѣщики» и пр.) съ удачными въ общемъ иллюстраціями, недурной печатью и бумагой, цѣною отъ 5 до 20 к.

Какъ уже было выше указано, «полныя собранія» на самомъ дѣлѣ оказались очень неполными, въ особенности однотомное. Последнее въ общемъ составлено по плану, выработанному покойными А. Н. Майковымъ и Н. Н. Страховымъ, по тексту, установленному покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ. Оно имѣетъ въ виду удовлетворить главнымъ образомъ требованіямъ общедоступности: оно ставитъ себѣ цѣлью дать *ест* произведенія великаго писателя, за исключеніемъ тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе только для ученыхъ специалистовъ». Но какая, собственно, «общедоступность» имѣется въ виду? Для кого предназначено изданіе—для школы или для т. наз. «широкой публики»? Ихъ интересы, конечно, далеко не совпадаютъ. Для школы и школьнаго преподаванія нуженъ и «Ганцъ Бюхельгартенъ», столь характерный для настроенія юнаго Гоголя, и объ редакціи повѣсти «Портретъ», сопоставленіе которыхъ важно для ознакомленія съ поворотомъ въ настроеніи Гоголя и вводитъ въ тайники его творчества, и письма о «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ», и наиболѣе характерныя выборки изъ писемъ вообще,—чего въ изданіи Маркса нѣтъ. Для большой публики многое изъ этого, конечно, не нужно, какъ ненужны изъ помѣщеннаго Марксомъ «научныя» статьи «Арабесокъ», «Петербургскія Записки 1835 г.» и кое-что другое.

Въ данномъ случаѣ, какъ и у всѣхъ почти остальныхъ издателей, чувствуется смѣшеніе цѣлей, которое не могло не отразиться дурно на самомъ характерѣ изданія.

Краткая біографія составлена В. И. Шенрокомъ прекрасно—это лучшее, что есть въ изданіи. Самое изданіе напечатано въ двѣ колонки на приличной бумагѣ и съ вѣшной стороны производитъ хорошее впечатлѣніе.

Г. Марксомъ же изданы «Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока». (4 тома. Спб., 1902 г. 6 р.).

Это—драгоценнѣйшій матеріалъ для біографіи Гоголя, исторіи его внутренняго развитія и характеристики его творчества. До сихъ поръ письма Гоголя можно было пользоваться въ двухтомномъ изданіи Кулиша, которое далеко не охватывало всей переписки великаго писателя, мѣстами

Большое иллюстрированное изданіе „Мертвыхъ Душъ“, въ общемъ очень недурное, стоитъ 12 руб. Не лучше ли было бы воспользоваться для него не только рисунками Поклевскаго вмѣсто воспроизведенія неудачныхъ новыхъ?

допустило пропуски, неправильныя чтенія словъ и невѣрное приуроченіе отдѣльных писемъ къ тѣмъ или другимъ годамъ. Г. Шенрокъ потратил много силъ, времени и любви на то, чтобы собрать все, что было можно, и провѣрить уже напечатанныя письма по подлинникамъ, дать реальный комментарий къ письмамъ. Довольно много писемъ печатается имъ впервые (напримѣръ, т. I, стр. 38, 44, 103, 104, 173 и пр.). Отдавая полную справедливость добросовѣстности и эрудиціи редактора, мы не можемъ не отмѣчать нѣкоторыхъ мелкихъ погрѣшностей. Напрасно было отмѣчать такъ тщательно «варианты», т.-е., по-просту говоря, невѣрныя, ошибочныя чтенія отдѣльных словъ, допущенныя предшествующими издателями писемъ, — они вѣдь не представляютъ никакого интереса, — въ особенности такіе, какъ «радостію—радоствію» (примѣч. редактора: «мы не имѣли возможности сравнить это письмо по подлиннику»), «здравіе» въ *Русскомъ Архивѣ* невѣрно «здравье», «женщиною» — «женщиной». Съ другой стороны, редакторъ не воляеть себѣ исправлять въ текстѣ своеобразныя неологизмы Гоголя («модовольство» вм. «самодоволіе»), печатаетъ «разговорчиво» съ оговоркою «по подлиннику» «разговорчивѣе» (стр. 493). Онъ «смягчаетъ» выраженіе (стр. 613), не рѣшается возстановить «высѣкъ» (своего крѣпостного лакея) и не печатаетъ «дуракъ» (вмѣсто этого слова точки съ примѣчаніемъ: «зрѣлъ»); Гоголь употребляетъ выраженіе, равнозначительное слову *чудакъ*, стр. 27. Онъ помѣщаетъ въ числѣ писемъ альбомную замѣтку, не всегда удачно приурочиваетъ письма безъ датъ (наприм., т. I, стр. 12), допускаетъ и такія пропуски, отмѣчаетъ очевидныя опечатки (наприм., «пошиться» вм. «пошиться»): «не имѣя подлинника передъ собою, провѣрить не можемъ нѣкоторыми мѣстами даже искажаетъ текстъ (наприм., т. I, стр. 105: «до слишкомъ большой нужды не дожду»; т. I, стр. 96: «вы тогда не оставите меня никогда» (никогда?); стр. 198: занимать вм. заниматься; стр. 429: вы и проч.). Мѣстами чувствуются lapsus calami (напримѣръ, «нѣжныя благородныя сынъ» — несомнѣнно «благодарныя»). Не всегда дѣло обстоитъ благополучно и съ примѣчаніями. Шишковъ рекомендуется, какъ «известный писатель узкаго направленія» (стр. 241); альманахъ «Новоселье» названъ журналомъ (стр. 312); замужней сестрѣ Гоголя оставляется дѣвичья фамилія (стр. 476); давно уже напечатанный романъ Миклашевичъ «Семейство Михайловское» указывается, какъ ненапечатанный, со словъ Кулѣшова (стр. 608). Г. Шенрокъ иногда загадываетъ своему читателю загадки: слово «высказать», наприм., такая выноска (стр. 124): «здѣсь въ подлинникѣ, вѣроятно, пропускъ, такъ какъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя» находимъ здѣсь другое слово «открыть», поставленное въ скобки въ знакъ того, что оно дополнено издателемъ по требованію текста». Но отчего не взять «высказать» самъ г. Шенрокъ?

Все это, конечно, мелочи, которыя не мѣшаютъ труду г. Шенрока быть драгоценнымъ вкладомъ въ небогатую вообще Гоголевскую литературу; но лучше, если бы ихъ не было совсѣмъ...

Съ рядомъ изданій выступила и фирма г. Сытына: «Полное (?) собр...

сочинений» (М., 3 тома, 3 р. 50 к.) и «Собрание сочинений» под ред. А. И. Бирнчинова (80 коп.), и 15 отдельных маленьких изданий съ иллюстраціями (тѣ же, что и у Маркса) отъ 20 до 5 к.

Въ первый томъ «Полнаго собранія» вошли: «Опытъ хронологической канвы къ біографіи Гоголя» (вмѣсто біографіи), болѣе умѣстный въ учебномъ изданіи, а не въ предназначенномъ для большой публики *), «Вечера» и «Миргородъ»; во второй—повѣсти («Носъ», «Портретъ», «Шинель», «Болыска», «Римъ»), комедія (нѣтъ «Развязки Ревизора») и «Мертвыя Души» (томъ 2-й въ исправленной редакціи); въ третій—«Выбранныя мѣста», «Арабески», юношескіе опыты и проч. Нѣтъ ни «Ночей на виллѣ», ни «1834 г.», ни многихъ отрывковъ—и всетаки «полное собраніе сочинений»!

Редакторъ поработалъ надъ текстомъ, самостоятельно отнесся къ изданію Тихонравова, въ чемъ, по компетентному указанію В. Е. Якушкина, заключается его главная заслуга и наиболѣе существенное отличіе отъ другихъ редакторовъ. Примѣчанія очень обстоятельны и даютъ читателямъ много цѣнныхъ указаній. Подавляющее большинство иллюстрацій совсѣмъ неудачно. Онѣ или карикатурны, или безцвѣтны, или слишкомъ идеализованы; хуже всего переданы украинскіе типы—въ нихъ не чувствуется непосредственное знакомство съ Малороссіей; не выдержаны и плохо вьются съ текстомъ типы «Мертвыхъ Душъ». Второе, сокращенное изданіе Сытина открывается біографіей, живо и интересно написанной. Если бы въ нѣкія иллюстраціи, оно было бы совсѣмъ хорошо. Жаль, что въ немъ пропущены «Театральный разъѣздъ», «Римъ» и «Невскій проспектъ»; слѣдовало бы прибавить письма о «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ». Отдѣльными изданіями Гоголевскихъ произведеній хуже Марксовскихъ и стоятъ не дешевле.

Г. Панафидинъ выпустилъ «Полное (?) собраніе сочинений» въ одномъ томѣ (М., ц. 1 р. 75 к.) и нѣсколько маленькихъ изданій отдельныхъ произведеній, на очень плохой бумагѣ, скверной печати, съ грубо-выполненными рисунками—они гораздо хуже и дороже какъ Марксовскихъ, такъ и Сытинскихъ. «Полное собраніе» вышло подъ редакціей г. Смирновскаго, составившаго очень блѣдную и безцвѣтную біографію. Въ немъ нѣтъ «Развязки Ревизора», перевода Жиро, зато введено многое изъ того, чѣмъ не пользовались другіе редакторы («Ночи на виллѣ», «Непогода» и пр.). Иллюстраціи очень грубы.

Неудурно съ внѣшней стороны, но, сравнительно, дорого изданіе Ас-варханова: «Сочиненія Гоголя. Полное собраніе» (Спб., 2 тома. Ц. 1 р. 50 к.); оно безъ иллюстрацій. Редакторъ его, г. Филоновъ, далъ вмѣсто біографіи пестрый и безсвязный наборъ фактовъ, неудобоваримый для обыкновеннаго читателя (вышло и отдѣльнымъ изданіемъ). Вѣроятно, по

*) Онъ начинается такъ: „1653 г. присоединеніе Малороссіи къ Россіи... 1793 г. Д. П. Троицкскій сдѣланъ статсъ-секретаремъ. 1799 г. апрѣля 16 В. А. Гоголь-Яковскій произведенъ въ титулярные совѣтники“.

его идеѣ матеріалъ расположенъ въ изданіи довольно оригинально. В первый томъ, повидимому, вошло то, что г. Филоновъ считаетъ лучшимъ у Гоголя: 4 разсказа изъ «Вечеровъ», весь «Миргородъ», «Шинель», «Коляска», «Ревизоръ», «Театральный разъѣздъ», «Мертвыя Души», отрывки изъ «Выбранныхъ мѣстъ», «Авторская исповѣдь», «Развязка Ревизора»; во второй—все остальное, въ такомъ порядкѣ: «Шпонька», «Заводанное мѣсто», «Портретъ», «Носъ», «Пропавшая грамота», «Женитьба» и пр. «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» почему-то отсутствуетъ совсѣмъ, зато введено много набросковъ, отрывковъ и черновыхъ редакцій, опущенныхъ другими изданіями.

Такой распорядокъ вообще производитъ сумбурное впечатлѣніе: въ немъ нѣтъ ни хронологическаго начала, ни распредѣленія по содержанию и формамъ. Почему предпочтены «Страшная мѣсть», «Коляска» и «Развязка Ревизора»? Зачѣмъ разрушены рубрики самого Гоголя, связавшаго, на примѣръ, «Вечера» личнымъ и мѣстнымъ приуроченіемъ?

Очень хорошее впечатлѣніе (кромѣ иллюстрацій) производитъ изданіе Павленкова (въ одномъ томѣ. Спб., ц. 1 р. 25 к.). Г. Яковенко далъ для него обстоятельную, толково написанную біографію. Матеріалъ расположенъ по слѣдующимъ рубрикамъ: беллетристическія произведенія (въ томъ числѣ отрывки, наброски, неоконченные разсказы), драматическія, публицистическія и критическія, историческія, юношескія стихотворенія и мѣлочи. Если бы въ него вошли первоначальныя редакціи «Портрета», «Ревизора» и обѣ редакціи 2-го тома «Мертвыхъ Душъ», оно было бы собою полнымъ. Иллюстраціи недурно задуманы, но вышли расплывчатыми.

Имъ же издано 25 маленькыхъ иллюстрированныхъ книжекъ «Гоголевской бібліотеки» (отъ 50 до 2 коп.) и 5 иллюстрированныхъ сборничковъ (отъ 30 до 12 к.). Печать въ нихъ мелка, но довольно четка. При своей дешевизнѣ эти книжечки, несомнѣнно, получаютъ самое широкое распространеніе.

Очень большой успѣхъ достался на долю изданія «Народной Пользы» (Спб., 5 томовъ, ц. 3 р., по подпискѣ 2 р.): вскорѣ послѣ выхода оно было распродано и, по слухамъ, печатается вторично, на лучшей бумагѣ. Оно снабжено 230 иллюстраціями А. М. и В. М. Васнецовыхъ, барона М. П. Клодта, Н. Н. Каразина, В. Е. и А. В. Маговскихъ и др., автентичными съ картинъ Брюллова, Клодта, Перова и Рѣпина, нѣсколькими портретами Гоголя и близкихъ ему лицъ. Почти всѣ иллюстраціи задуманы прекрасно; но вслѣдствіе тонкости бумаги черезъ нихъ просвѣчивается обратная сторона, поэтому онѣ въ большинствѣ случаевъ слипаются и сплываются. Ихъ размѣщеніе, повидимому, зависѣло отъ порядка поступленія, и поэтому многія изъ нихъ попали не на мѣсто. Нѣкоторые типы (напр., Члчиковъ) не вездѣ выдержаны, что сильно нарушаетъ иллюстрацію. Народные типы мѣстами (напр., въ «Майской ночи») слишкомъ идеализованы. Изданіе это даетъ не только текстъ всѣхъ главныхъ произ-

веденій Гоголя (пропуски въ общемъ не существенны, хотя и ихъ слѣдовало бы избѣжать), но, что особенно цѣнно и что отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ, прибавляетъ къ этому обстоятельный историко-литературный комментарий, живо написанную біографію великаго писателя (г. Вѣтринскаго), двѣ обстоятельныя его характеристики (А. Н. Пыпина изъ его «Исторіи русской литературы» и редактора этого изданія Е. А. Ляцкого), хорошо, въ общемъ, сдѣланныя выборы изъ частной переписки Гоголя и критическихъ статей о немъ—прекрасная замѣна сборника г. Землинскаго. Редакторская работа выразилась не столько въ работѣ надъ текстомъ, сколько въ распредѣленіи и комментированіи матеріала. Напрасно только «Тарасъ Бульба» включенъ въ «Вечера», а не въ «Миргородъ»; въ «статьи разнообразнаго содержанія» не соблюденъ хронологическій порядокъ, и включенъ въ текстъ, а не въ примѣчанія, очень сомнительный «апростихъ». Порядокъ размѣщенія матеріала вообще опредѣлялся поступленіемъ рисунковъ, почему и замѣчается почти вездѣ хронологическая неидержанность. Печать мелка, но въ общемъ довольно четка.

Среди «избранныхъ сочиненій» для школъ и народа выдѣляются сборники Д. И. Тихомирова (М., 3 вып., ц. 40 коп.), охватывающіе у Гоголя все доступное школьному возрасту (своеобразную черту составляетъ помѣщеніе «Жизни» и «Днѣпра»), юбилейный сборникъ саратовскаго губернскаго земства (ц. 40 к.), съ недурнымъ критико-біографическимъ очеркомъ г. Голубева (вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ) и удачными иллюстраціями (въ него вошли «Тарасъ Бульба», «Сорочинская ярмарка», «Ревизоръ», «Шинель», «Старосвѣтскіе помѣщики»), «избранныя сочиненія Н. В. Гоголя для дѣтей младшаго возраста съ біографіей А. Нестерскаго» (издан. журнала *Игрушечка*, Спб., 35 коп.; очень изящная книжка, заключающая въ себя: біографію, «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», отрывокъ изъ «Тараса Бульбы», «Шинель» и «Чичиковъ у Плюшкина») и 8 томовъ «Девятой Библіотеки» Суворина, въ которые вошли всѣ художественныя произведенія Гоголя (Спб., ц. 1 руб.). Мы находимъ очень удачной мысль г. Суворина помѣстить рядомъ съ первоначальной редакціей и позднѣйшія переработки «Тараса Бульбы», «Портрета» и «Мертвыхъ Душъ»: это можетъ ввести читателя въ тайники творчества Гоголя. Желательно было бы, чтобы къ этому изданію былъ прибавленъ дополнительный томикъ съ остальными произведеніями Гоголя и, въ частности, съ его юношескими опытами.

«Избранныя сочиненія Гоголя для юношества» (Изданіе журнала *Образъ жизни* (Спб., 2 тома, ц. 1 руб.) безукоризненны съ внѣшней стороны. Въ нихъ приложена коротенькая, недурно составленная г. Морозовымъ біографія писателя. Въ текстъ мѣстами сдѣланы сокращенія, съ чѣмъ трудно согласиться: гениальное произведеніе въ самомъ себѣ несетъ началъ нравственнаго очищенія, а кто вообще способенъ вылавливать изъ литературнаго произведенія одни только рискованныя мѣста, того не исправятъ и не спасутъ сокращенныя изданія. Впрочемъ, это очень спорный

и сложный вопрос, не разъ трактовавшійся въ спеціальной педагогической литературѣ и рѣшаемый вообще очень различно. Жаль, что исключены изъ сборника «Вій», «Ночь» и «Театральный разѣзд».

Очень неудовлетворительны «Избранныя сочиненія Гоголя съ биографіей и портретомъ въ 2-хъ томахъ. Сост. Д. Б. Тихомировъ. Изд. Б. Тихомирова» (М., 2 тома, ц. 75 коп.). Биографія Е. В. (она же вышла отдѣльнымъ изданіемъ съ именемъ г. Е. Воскресенскаго) безцвѣтна, безсодержательна и, при общей шаблонности и банальности, допускаетъ рядъ странныхъ ошибокъ. «Книги, написанныя о предметахъ болѣе или менѣе интересныхъ и полезныхъ для всѣхъ или для многихъ людей, написанныя притомъ ясно, толково, а то и красиво (жящно), составляютъ такъ наз. литературу» (V). «Вечера» Гоголя, будто бы, «впервые, можно сказать, познакомили русское общество съ Малороссіей» (IX), что совершенно невѣрно (вспомнимъ Нарѣжнаго и др.). «Арабески» будто бы вышли позднѣе «Миргорода» и въ нихъ вошелъ «Ночь» (XI) и пр. Книги плохо сброшюрованы, плохо прокорректированы, мѣстами съ безобразно узкими полями. Редакторъ настолько былъ наивенъ, что въ число «драматическихъ отрывковъ» включилъ «Игроковъ» и «Записки сумасшедшаго», хотя первое — не отрывокъ, а второе — не драма, и не далъ ни «Портрета», ни «Театрального разѣзда», рассчитывая притомъ, повидимому, не столько на школу, сколько на «большую публику».

Если мы упомянемъ о своеобразныхъ выборкахъ *Московскихъ Вѣдомостей*: «Гоголь о вѣрѣ, мірѣ и жизни», скромная которыхъ цѣль доказать, что Гоголь имѣлъ дерзость предвосхитить идеи г. Грингута, и изданіе Губинскаго «Мертвыхъ Душъ» (Спб.) съ воспроизведеніемъ извѣстныхъ рисунковъ Агина, то всѣ извѣстныя намъ юбилейныя изданія сочиненій Гоголя будутъ перечислены.

Въ этомъ отношеніи Гоголевская юбилейная литература богата не столько качественно, сколько количественно. Конечно, и послѣднее, при дешевизнѣ, имѣетъ очень большое значеніе. Даже плохія и неполныя изданія принесутъ свою долю пользы въ дѣлѣ популяризаціи сочиненій Гоголя; но мы видѣли, что къ юбилею вышло и нѣсколько безусловно хорошихъ изданій, а это во всякомъ случаѣ крупный результатъ. То, что раньше покупалось за рубли и было доступно только обезпеченнымъ классамъ, теперь пойдетъ за копейки...

III.

Литература о Гоголѣ въ общемъ небогата.

До сихъ поръ вышло только три Гоголевскихъ сборника, хотя ихъ ожидалось гораздо больше.

Нѣжинскій сборникъ (изданный Гоголевскою комиссіей при историко-филологическомъ институтѣ) даетъ много интереснаго. Проф. Спергскій напечаталъ вновь найденное письмо Гоголя со своими комментаріями. (См.

ныя изслѣдованія о «портретахъ Гоголя» и «Гоголь въ народной книгѣ и картинѣ». Ныѣ же организована была прекрасная Гоголевская выставка въ Нѣжинѣ, для которой былъ составленъ обстоятельный каталогъ, не потерявшій значенія, для справокъ по Гоголю, и послѣ закрытія выставки *)

Много новыхъ данныхъ сообщаютъ «Матеріалы для біографіи Гоголя изъ архива гимназіи высшихъ наукъ» г. Сребницкаго.

Г. Заболотскому принадлежитъ бібліографическій обзоръ «Гоголь въ русской литературѣ» — наиболѣе полное до сихъ поръ перечисленіе литературы о Гоголѣ. Жаль только, что составитель воспроизводитъ иногда думя указанія безъ провѣрки и повторяетъ ошибки (напр., приуроченіе къ Гоголю басни о гоголѣ-птицѣ, замѣна Львовой — Леоновой, превращеніе прозаическаго некролога гр. Ростопчиной въ стихотвореніе и пр.). Такихъ ошибокъ, впрочемъ, мы замѣтили немного, и, за вычетомъ ихъ, трудъ г. Заболотскаго производитъ прекрасное впечатлѣніе.

«Гоголевскій сборникъ русскаго бібліологическаго общества» (Спб.) составляетъ воспроизведеніе 1 книжки *Литературнаго Вѣстника* за этотъ годъ. Въ него вошли (кромѣ прекрасно исполненнаго портрета): наши «Мелкія замѣтки о Гоголѣ», объ отношеніяхъ Гоголя и Великопольскаго (Б. Л. Модзалевскаго), очень свѣжее по даннымъ изслѣдованіе г. Лугавскаго «Гоголь въ польской литературѣ», замѣтки и матеріалы для біографіи Гоголя (г. Щеголева), сближеніе «Портрета» Гоголя съ «Мельмотомъ-опитальцемъ» Матюрена (г. Шляпкина), письмо Булиша къ матери Гоголя и вновь найденное письмо великаго писателя по поводу постановки «Ревизора» въ Москвѣ, «Булишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя» (г. Коробки), «объ отношеніи Гоголя къ католичеству» г. Лященко (вопросъ, затронутый и проф. Кочубинскимъ въ его статьяхъ въ *Вѣстникъ Европы* этого года), «Ростовскій городничій» и «Ревизоръ» Гоголя (г. Витберга), «Иллюстраціи къ произведеніямъ Гоголя» (его же) и «Бъ бібліографіи матеріаловъ о Гоголѣ» г. Лященко. Кромѣ того, перепечатано нѣсколько старыхъ статей о Гоголѣ (Максимовича, Булиша и Погодина) и газетныхъ замѣтокъ о немъ и дано нѣсколько отзывовъ о новыхъ изданіяхъ по Гоголю.

Очень интересенъ «Гоголевскій сборникъ *Дѣтскаго Читанія* (М., ц. 60 к.). Въ него вошли живо написанный біографическій очеркъ, «Италія», «Плюшкинъ», «О малороссійскихъ пѣсняхъ», «Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ», «Ночи на виллѣ», «Утро дѣловаго человѣка» и письма къ Балабиной и Жуковскому самого Гоголя, стихотворенія о Гоголѣ Некрасова, Вейнберга и Бейна, прекрасно подобранные рассказы о Гоголѣ его друзей и близкихъ

По нему въ значительной степени составленъ каталогъ московской Жуковско-Гоголевской выставки. Въ послѣднемъ перечисленіи литературы о Гоголѣ и Жуковскомъ можетъ имѣть нѣкоторое бібліографическое значеніе. Съ болѣе интересныхъ выставокъ г. Фишеромъ снятъ альбомъ (ц. 3 р. 50 к.), который служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ московскому и петербургскому Пушкинскимъ альбомамъ.

знакомых, «Бѣлинскій о Гоголѣ» и русскій переводъ комедіи отца Гоголя «Простакъ», съ которою давно уже слѣдовало познакомить русскую публику.

О нашемъ сборникѣ «Гоголь въ русской поэзіи» (М., 50 коп.) была уже рѣчь на страницахъ *Русской Мысли*.

Юбилей не принесъ ни одной полной, составленной на основаніи новѣйшихъ данныхъ, біографіи и всесторонней характеристики Гоголя. Подавляющее большинство характеристикъ и біографическихъ очерковъ повторяетъ избитые факты, въ томъ числѣ закоренѣлыя ошибки, воспроизводитъ вѣщныя черты, не давая почти ничего для характеристики внутреннего облика великаго писателя *).

Лучшіе изъ популярныхъ очерковъ принадлежатъ: Д. И. Тихомирову («О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ», М., 10 коп.), В. П. Острогорскому («Н. В. Гоголь. Литер. біограф. очеркъ». Вятка, 8 к.) и А. Д. Алферову («Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія», М., 20 к.). Хорошо составлены: «Какъ жилъ Гоголь и что онъ писалъ», г-жи Хлѣбниковой (М., 2 к.), краткая и подробная біографія издательскаго комитета харьковскаго общества грамотности.

Прекрасная работа г. Важенова: «Болѣзнь и смерть Гоголя», составляетъ оттискъ изъ *Русской Мысли* и, конечно, памятна нашимъ читателямъ, какъ помнятъ они, вѣроятно, и живой очеркъ г. Гиляровскаго: «На родинѣ Гоголя» (М., 25 к., перепечатка статьи изъ *Русской Мысли*, съ дополненіями).

Изъ изданій біографическаго характера слѣдуетъ еще особенно отмѣтить «Последніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора Тарасенкова» (изд. 2-е, дополненное по рукописи, М., 1902 г., 30 к.). Необыкновенно живо и ярко воскрешаютъ онъ потрясающую картину умранія Гоголя, мучительство докторовъ, рѣшившихъ, что они имѣютъ дѣло съ сумасшедшимъ, съ которымъ не стоитъ церемониться,—всего одиночества и заброшенности несчастнаго страдальца.

«Ф. В. Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ» біографическій очеркъ (М., 50 к.) г. Черокова составленъ почти исключительно по печатнымъ источникамъ и представляетъ вообще мало интересна.

«По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ», г. Авертино (М., 30 к.) даетъ очень скудныя свѣдѣнія о мѣстахъ въ Римѣ, связанныхъ съ памятью великаго писателя.

«Шутки, остроты и избранныя мысли Н. В. Гоголя», г. Бозмана

* Таковы: „Гоголь, какъ христіанинъ“—Добропавова (Саранскъ); „Къ характеристикѣ личности Гоголя“—Мишина (Т.-Сергіевъ посадь); „Гоголь, его жизнь и произведенія“—Первова (М.) и Анненской (Сиб.); „Гоголь, какъ вѣрный сынъ церкви“—Розанова (М.); „Н. В. Гоголь“—Д. Лавикова (М.). Біографія г. Иванова въ „Юномъ Читателѣ“ составляетъ неудачную поддѣлку подъ дѣтскую рѣчь. „Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя. Къ характеристикѣ Гоголевскаго идеала“—г. Замотина (Варшава),—очень слабая вариация на модную теперь тему о романтизмѣ Гоголя.

(Одесса, 30 к.)—очень пестрый и случайный подбор анекдотовъ о Гоголѣ (иногда очень сомнительныхъ), отрывковъ изъ его писемъ и сочиненій.

Болѣе благоприятное впечатлѣніе производить «Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Гоголя и его статей автобіографическаго характера», г. Русанова (М., 25 к.).

Разборъ комедіи «Ревизоръ» г. Хоцянова (Псковъ, 40 к.) представляетъ собою наивную, чисто ученическую попытку.

Два этюда о Гоголѣ г. Розанова, прибавленные ко второму изданію его книги «Легенда о великомъ инквизиторѣ» (Спб., 1 р.), отличаются обычными для этого писателя кривляніями и ломаніями, «извитіемъ» и «плетеніемъ словесъ» съ «нелѣпоглаголаніемъ». Нѣкоторыя его выраженія звучали бы прямо глумленіемъ надъ Гоголемъ, если бы вообще можно было обращать вниманіе на «вѣщанія» новоявленного нововременскаго пророка и придавать имъ какой бы то ни было смыслъ и значеніе.

«Характеристика творчества Гоголя» г. Дорофеева (Тифлисъ, 60 к.)—добросовѣстный пересказъ Бѣлинскаго, Чернышевскаго и нѣкоторыхъ другихъ, въ общемъ очень немногосленныхъ, источниковъ. Только съ этой стороны онъ и можетъ представить нѣкоторый интересъ.

«Малороссійскія и петербургскія повѣсти Гоголя» г. Мочульскаго (Одесса) слишкомъ подробно развиваютъ довольно элементарную мысль: «въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголь является художникомъ - натуралистомъ (?), вѣрно (даже при идеализации и гиперболизации, «бенгальскомъ освѣщеніи»?) отразившимъ не только роскошную, нѣжную и томную южную природу, но и бытъ малороссіянъ со всѣмъ его разгуломъ и весельемъ, со всѣмъ его добродушіемъ и хитростью. Вместе съ внѣшними бытовыми картинками Гоголь заглянулъ и въ душу народа и здѣсь нашелъ много такихъ вѣрованій, которыя до сихъ поръ составляютъ его нравственное бытіе и заставляютъ его мучиться и волноваться и представляютъ такой пульсъ его жизни, безъ котораго становится малопонятной самая жизнь (!). Эти народныя вѣрованія и составляютъ тотъ фантастическій элементъ, который въ большой дозѣ вошелъ въ его малороссійскія повѣсти. Вместе съ этимъ фантастическимъ элементомъ Гоголь незамѣтно сталъ на почву народной психики и такимъ образомъ естественнымъ и постепеннымъ путемъ подготовилъ себя къ тому психологическому анализу и къ тѣмъ глубокимъ психологическимъ приѣмамъ, какіе онъ употреблялъ впоследствии въ своемъ художественномъ творчествѣ. Въ петербургскихъ повѣстяхъ съ фантастическимъ элементомъ Гоголь является уже истиннымъ художникомъ-психологомъ».

«Левымирающіе типы Гоголя», рисунки и текстъ И. И. Кланга (М., 2 вып., 10 к.), представляютъ беззабѣчивую спекуляцію. При разныхъ обстоятельствахъ оба выпуска совершенно тождественны и заключаютъ въ себѣ necessarily пошлыя изображенія современныхъ разновидностей Гоголевскихъ типовъ.

Характеръ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литера-

турнаго языка» г. Мандельштама (Гельсингфорсъ, 2 р. 75 к.) мало оправдывает свое заглавіе. Авторъ систематически смѣшиваетъ стиль съ поэтическимъ содержаніемъ, самъ пишетъ болѣе чѣмъ странно рѣчью, допускаетъ не оговоренныя и не отмѣченныя цитаты изъ Потебни. Онъ договаривается даже до того, что изображеніе смерти Кукубенна въ «Тарасѣ Бульбѣ» считаетъ результатомъ непосредственнаго созерцанія у Гоголя и про сопоставленіе: «шаровары—Черное море», пишетъ: «но все же объемъ предмета можно представить; у *другихъ* (?) этого чувства мѣры нѣтъ». Есть у г. Мандельштама нѣсколько любопытныхъ наблюденій, но они облечены въ неудобоваримую форму и тонутъ въ волнахъ пустословія, нагроможденія далеко не всегда нужныхъ примѣровъ, странныхъ сопоставленій и фактическихъ ошибокъ *).

Таковы, въ общихъ чертахъ, итоги юбилейной Гоголевской литературы.

IV.

Какъ и слѣдовало заранѣе предполагать, издательская инициатива отозвалась гораздо живѣе на юбилей Гоголя, чѣмъ на юбилей Жуковскаго.

Жуковскаго теперь мало читаютъ, его болѣе изучаютъ въ классѣ. Общественный спросъ на него былъ до сихъ поръ вообще очень не великъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что у него есть рядъ произведеній, которыя заслуживаютъ самой широкой извѣстности. Юбилей оживилъ память о немъ. Вышедшія изданія, будемъ надѣяться, поддержать ее и дальне.

Въ послѣднее время право собственности на сочиненія Жуковскаго принадлежало Глазунову. Передъ истеченіемъ срока фирма выпустила въ большомъ количествѣ экземпляровъ прекрасное 10-е изданіе, сравнительно дешевое (2 р. 25 к.), подъ редакціей П. А. Ефремова: «В. А. Жуковский. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ». Оно полнѣе всѣхъ предшествующихъ, хотя, къ сожалѣнію, въ него не вошли ни письма, ни первоначальныя редакціи стихотвореній, иногда чрезвычайно интересныя. Впрочемъ, послѣдняго можно было бы требовать отъ изданія критическаго, *академическаго*, а не общедоступнаго. Рукописи Жуковскаго такъ мало еще изучены, что во время печатанія этого изданія и послѣ выхода его въ свѣтъ было опубликовано довольно много новыхъ матеріаловъ. Часть ихъ успѣла попасть въ дополненія, въ концѣ. Въ новомъ изданіи мало сдѣлано для выдѣленія неподписанныхъ журнальныхъ статей Жуковскаго за время его редактированія *Вѣстника Европы*.

*) Для полноты обзора отмѣтимъ еще: „Русь, прологъ въ стихахъ въ пять 50-лѣтій со дня смерти Гоголя“ (Рига, 20 к.), „Памяти Гоголя“ (Астрахань), ад. *Астрах. Губ. Вѣд.*, Богословскій, „О творчествѣ Гоголя“ (Ватумъ) и „Гоголь въ русской критикѣ“ Абрамовича (Сиб.). „Гоголь въ эпоху творчества 1-го тома „Мертвыхъ душъ“ г. Заболотскаго (Варшава) извѣстно намъ только по заглавію. Крімъ того, вышла отдѣльнымъ оттискомъ изъ *Русской Мысли* наша работа „Гоголь и его письма“.

Оно снабжено удачными портретами поэта и редактора его сочинений— П. А. Ефремова, обстоятельнымъ биографическимъ очеркомъ перваго и краткими биографическими свѣдѣніями (съ приложеніемъ перечня трудовъ) о второмъ. Напечатано оно въ двѣ колонны даже тамъ, гдѣ приходится «ломать строку» (наприм., въ гекзаметрахъ «Одиссеи»), и съ внѣшней стороны производитъ вполне благопріятное впечатлѣніе.

Въ основу его положенъ текстъ изданія 1849 г., съ прибавленіемъ всего, что было разыскано въ рукописяхъ, съ сжатымъ библиографическимъ и историко-литературнымъ комментариемъ. Оно рассчитано на большую публику, чѣмъ и объясняется, конечно, и его составъ, и его планъ. Въ оставленныхъ редакторомъ предѣлахъ оно вполне удовлетворяетъ своей цѣли и исправностью текста превосходитъ всѣ другія изданія.

Любопытнымъ обѣщаетъ быть изданіе Маркса подъ редакціей профессора Архангельскаго (приложеніе къ *Нивѣ*). Пока вышло 4 томка, содержащихъ подробную біографію поэта и его стихотворенія до 1849 г. включительно. Въ него войдутъ письма, всѣ вновь найденные матеріалы съ обстоятельнымъ историко-литературнымъ и библиографическимъ комментариемъ. Оно не будетъ критическимъ и вполне научнымъ, но обѣщаетъ быть наиболѣе полнымъ и довольно исправнымъ, если не считать нѣскольکو пропусковъ (сравнительно съ изданіемъ П. А. Ефремова) и промаховъ, въ общемъ немногочисленныхъ.

Прекрасное впечатлѣніе производятъ изданія г. Сытина (изящное иллюстрированное въ 2 томахъ 7 р., удешевленное иллюстрированное въ 2 томахъ 3 р. 50 к., однотомное общедоступное иллюстрированное народное изданіе въ 60 коп. и 11 отдѣльныхъ изданій отъ 3 до 20 коп.), въ особенности первое. Издатель сдѣлалъ все, чтобы соединить изящество съ сравнительной дешевизной. Для иллюстрированія приглашенъ академикъ Лебедевъ; въ текстъ и на отдѣльныхъ листахъ помѣщено много снимковъ съ портретовъ, видовъ и проч. Это первое у насъ изящное изданіе, широко задуманное и прекрасно выполненное, и можно только пожелать, чтобы г. Сытинъ на немъ не остановился, а далъ такія же изданія Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Крылова.

Редакторъ этого изданія, г. Алферовъ, оговаривается въ предисловіи: «предлагаемое изданіе имѣетъ въ виду не специалистовъ, а широкую массу русскихъ читателей, и хотя не представляетъ полного собранія сочиненій В. А. Жуковскаго, но, мы надѣемся, можетъ дать достаточно полное представление о немъ, какъ о писателѣ и какъ о человѣкѣ».

Выборъ въ общемъ сдѣланъ удачно, но можно возражать противъ распределенія матеріала. Въ первый томъ отнесено, наприм., все то, что «имѣетъ, главнымъ образомъ, біографическій характеръ», въ томъ числѣ и «Странствующій жидъ». Последнее произведеніе автобіографично не только же, насколько «Камоэнсъ», большинство балладъ, даже «Ундина»; субъективная подкладка въ немъ не настолько сильна, какъ въ лириче-

ских стихотвореніяхъ: зачѣмъ же было его отдѣлять отъ другихъ произведеній и помѣщать рядомъ съ «интимной лирикой»?

Биографія (вышла и отдѣльнымъ изданіемъ, М., 25 коп.) составлена редакторомъ по книгамъ Загарина, Зейдлица и Тихонравова, съ небольшимъ прибавленіемъ новыхъ матеріаловъ. Она лучше большинства блѣдныхъ и безсодержательныхъ биографическихъ очерковъ, вышедшихъ къ юбилею *), но вызываетъ мѣстами серьезныя возраженія. Характеристика педагогической несостоятельности Благороднаго пансіона сдѣлана грубовато; краски въ ней слишкомъ сгущены. Мало затронуты вліяніе сентиментализма на юнаго Жуковскаго и роль семьи Тургеневыхъ въ его позднѣйшемъ увлеченіи нѣмецкою литературой. Блѣдными чертами намѣчена исторія его романа съ «Машей»: о многомъ упоминается вскользь или не упоминается совсѣмъ, между тѣмъ какъ въ письмахъ и стихотвореніяхъ можно было бы легко подобрать рядъ характерныхъ чертъ **). Очень неопредѣленно и даже противорѣчиво обрисованъ «Арзамасъ», и совсѣмъ почти не затронута журнальная дѣятельность Жуковскаго. Его педагогическое значеніе сильно преувеличено и идеализовано. Для характеристики его взглядовъ на обученіе и воспитаніе и педагогическихъ пріемовъ есть много совсѣмъ еще неразработанныхъ данныхъ, но г. Алферовъ ограничился только изложеніемъ уже давно разработаннаго и изученнаго. Попадаются и мелкіе фактическіе промахи. Ходячее названіе «Le Jupiter de son coeu» можетъ и не доказывать совсѣмъ спеціальнаго изученія миеологій (стр. 11). Крайняя идеализація кн. Вяземскаго (стр. 13) плохо вяжется съ рядомъ общезвѣстныхъ фактовъ о немъ. Патриотическія стихотворенія, фехтованіе, танцы, военные чертежи и рисованіе почему-то должны доказывать «утилитарное направленіе учебнаго заведенія» (стр. 17), хотя они только характерны для безтолковой энциклопедичности стариннаго дворянскаго воспитанія. Чье-то краткое изложеніе содержанія извѣстной книги Штурма («Размышленія») г. Алферовъ принялъ за заглавіе (стр. 17). Очень сбивчиво переданы отношенія Жуковскаго къ гр. Самойловой и кн. Хилковой (стр. 71), хотя въ нихъ легко было разобраться (см., наприм., примѣчанія проф. Архангельскаго къ посвященнымъ имъ стихотвореніямъ). Въ общей характеристикѣ личности, творчества и литературнаго значенія Жуковскаго мало

*) «В. А. Жуковскій»—Васина (М., 3 коп.), Воскресенскаго (М., 20 коп.), Андриевскаго (Одесса), Языкова (М., 20 коп.), Соколова (Вильна, 5 коп.); «Жуковскій и Гоголь»—Ливотовыка (Холмъ, 10 коп.); «Жуковскій, какъ наставникъ Царя-Освободителя»—Степанова (Сиб., 60 коп.); «Поэтъ-христіанинъ Жуковскій»—Сиземскаго (Сиб., 40 коп.); «Идеалы и завѣты поэта-христіанина и христіанина-философа Жуковскаго»—Троицкаго (Кіевъ, 20 коп.); «Биографія Жуковскаго» — фонъ - Дитмаръ (М., 10 коп.); «Жуковскій, какъ писатель и человѣкъ» Сосоновича (Варшава), Змигродскій, «Памяти Жуковскаго» (Юрьевъ), говоритъ о тѣхъ домахъ, въ которыхъ поэтъ жилъ въ старомъ Дерптѣ, и первомъ исполненіи тамъ же «Боже, даря храми».

**) Рельефнѣе пересказанъ этотъ романъ въ *Литературномъ Вѣстникѣ* (г. Ляцканомъ).

определенности и исторической перспективы. Очень смутно переданы его отношенія къ романтизму.

Все это не мѣшаетъ работѣ г. Алферова быть лучшимъ изъ вышедшихъ къ юбилею, болѣе значительныхъ по объему, біографическихъ очерковъ. Изъ краткихъ біографій для школы и народа лучшія принадлежатъ Д. Н. Тихомирову («Жизнь и труды Жуковскаго», М., 10 к.) и г-жѣ Луцкиной («Какъ жилъ Жуковскій и что онъ писалъ», М., 5 коп.).

Бромѣ указанныхъ выше изданій, намъ извѣстны еще два чисто-спекулятивныхъ изданія — Панафидина и Блюкина (М., по 1 р. 50 коп.). Они называются оба «полныя собранія въ одномъ томѣ», хотя въ нихъ не вошли раннія оды Жуковскаго, многія изъ его прозаическихъ произведеній и проч. Въ изданіи Панафидина лучше бумага и недурны въ общемъ рисунки; изданіе Блюкина напечатано на плохой бумагѣ, плохимъ шрифтомъ, очень небрежно въ корректурномъ отношеніи и вообще производитъ отрицательное впечатлѣніе. Мы замѣтили только одно отличіе его отъ Панафидинскаго: въ немъ помѣщены отрывки изъ дневниковъ Жуковскаго.

Въ изданіи Панафидина приложена коротенькая біографія, составленная г. фонъ-Дитмаромъ и «одобренная сыномъ поэта», ко второй—такая же біографія г. Васина.

Изъ научныхъ трудовъ о Жуковскомъ вышли пока «Взглядъ Жуковскаго на поэзію» Н. Н. Сакулина (М.) и «чтеніе» академика А. Н. Веселовскаго (Спб.).

Брошюра г. Сакулина представляетъ пробную лекцію въ Московскомъ университетѣ, прочтенную потомъ, съ измѣненіями, на торжественномъ засѣданіи педагогическаго общества въ честь Жуковскаго. Она была напечатана въ *Вѣстникѣ Воспитанія* и теперь вышла отдѣльнымъ оттискомъ. Въ ней авторъ подошелъ къ центральному пункту творчества Жуковскаго, въ основному значенію его поэзіи и далъ яркую, живо написанную и прекрасно обоснованную картину.

Со свойственнымъ ему мастерствомъ, тонкостью пониманія и умѣньемъ быстро ориентироваться во всякомъ, самомъ запутанномъ научномъ вопросѣ, даже далекомъ отъ предмета его постоянныхъ личныхъ занятій, акад. А. Н. Веселовскій набрасываетъ сжатую и выразительную характеристику Жуковскаго. Она насколько интересна и мѣстами свѣжа, что мы считаемъ лучшимъ познакомить съ нею читателей подробнѣе.

«В. А. Жуковскій занимаетъ въ нашей литературѣ особое положеніе. Мы говоримъ о Карамзинскомъ, Пушкинскомъ ея періодѣ, но съ именьемъ Жуковскаго понятія періода не соединяемъ. Вкругъ него есть подражатели. Нѣтъ собственно школы; передъ нимъ его учителя, послѣ него ученики подслушавшіе «плѣнительную сладость» его стиха, но нашедшіе и свое содержаніе для своей поэзіи. Отзвуки Державинской помпы, едва ли ему вѣковой, слышатся въ его раннихъ опытахъ и, позже, въ патристическомъ одахъ; затѣмъ имъ надолго, я сказалъ бы навсегда, овладѣлъ французскій сентиментализмъ. Въ этому настроенію онъ былъ подготовленъ»

раннимъ опытомъ сердца, не находившаго встрѣчности въ родной се воспитаніемъ и чтеніями въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, всего болѣе — недочетами чувства, на этотъ разъ встрѣчно заторможеннаго требованіями условной нравственности и канонскаго права, и оно рвалось въ выси платоническихъ мечтаній, надеждъ на возможность такого счастья и постоянныхъ разочарова-

«Эта-то любовь, развитіе которой мы можемъ прослѣдить до мел и сдѣлала Жуковскаго повтомъ: сентиментализмъ далъ ему готовые этическія формулы, программу жизни; въ Карамзинской школѣ все было или становилось игрой, стихотворнымъ отводомъ напускной чувствительности; Жуковскій перенялъ многое на дѣлѣ, глубоко и правдиво, единственный, настоящій поэтъ этого направленія; отголоски западнаго романтизма, залетавшіе къ намъ тогда къ великому недоумѣнію нашей тини, затронули его позднѣе не новыми задачами, а развѣ мотивами, которые растворялись въ готовомъ уже міросозерцаніи; таково и его шеніе къ байронизму. Онъ не романтикъ, какимъ называли его у насъ еще называютъ, а Карамзинецъ, мимо котораго проходили событія и строенія, зарождалась новая поэтическая школа, а онъ былъ тѣмъ, какимъ сложился въ 1805—1820 гг., гуманно и любовно относясь ко му, что было ему встрѣчно, что укладывалось въ его пониманіе жи. Его связывали съ новой литературною молодежью искренность наснія, впервые съ такою прямою и откровенностью заговорившій «я сердца», которые до сихъ поръ подкупаютъ насъ, несмотря на ограниченность и неподвижность міросозерцанія Жуковскаго, его иде кругозора.

«Въ немъ нѣтъ колебаній, нѣтъ страстныхъ порывовъ въ сто въ погонѣ за новыми призраками счастья, за новыми откровеніями ны, послѣ чего человекъ порой возвращается къ себѣ и лучше себя нимаешь. Нѣтъ: все идетъ медленно, методично, изъ однихъ и тѣхъ началъ; намѣченное въ юношескихъ афоризмахъ повторяется потомъ интимныхъ письмахъ, въ статьяхъ, назначенныхъ для печати, — прох въ лирику... Возрѣнія на главные вопросы жизни, нравственности эзиз, религіи не мѣняются, новые опыты только помогаютъ ихъ чить, или обостряютъ, когда практика жизни и общественности шли наперекоръ; онъ же не шелъ новому навстрѣчу, а лишь серьезнѣе ронялъ то, что было ему дорого и имъ пережито».

У него человекъ покрывается повтомъ, поэзія — жизнью.

Жуковскій съ молодыхъ лѣтъ серьезно усваиваетъ и всесторонне рабатываетъ программу сентиментализма, намѣченную Карамзинымъ преобладаніемъ личной жизни и вождельній сердца. «Сентиментал эпохи — эпохи общественного затишья, ожиданія или реакціи; широкі ли дѣятельности заказаны или еще не раскрылись, прогрессъ ограни предѣлами личности». Жуковскій вноситъ въ эту программу мечтатель и педантичность; у него есть «порядокъ и въ фантазіи».

За рѣдкими и случайными исключениями кругозоръ его интимной личности ограниченъ личною жизнью, «и въ ней уголокъ чувства, тихо волнующагося, призывнаго, грѣющаго, томящагося по чѣмъ-то реальному или невѣдѣнному». Воспоминаніе и чаяніе становятся его девизами, основными мотивами его поэтики. На сѣбѣ настоящего, гдѣ царитъ меланхолія и душа зрѣетъ страданіемъ, появляется таинственное «тамъ», населенное милыми тѣнями прошлаго. Изъ той же безвѣстной дали появляются иногда и пугающіе, грозные призраки. «Это настроеніе и вызывало балладные мотивы, видѣнія кладбищъ при невѣрномъ свѣтѣ луны, тѣхъ чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, которыхъ у насъ, вмѣстѣ съ нечтательностью и меланхоліею, считали признакомъ романтизма, считалъ и Жуковскій. Но это не романтизмъ, а автобиографическія признанія сердца, шедшаго навстрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы, и созвучнаго оссіановскаго настроенія».

Ему почти совсѣмъ была чужда, очень мало знакома практика общественной жизни, хотя онъ самъ сознавалъ, что «знакомство съ вѣшнимъ» необходимо «для вѣрности, солидности и теплоты идей». Въ этой *теплотѣ идей* заключается весь Жуковскій.

«Его гуманизмъ былъ гуманизмъ жалости и благотворенія; носитель добра и помощи всюду, гдѣ въ нихъ сказывалась нужда, онъ не рѣшался теоретически распространять то и другое на болѣе широкіе горизонты. Культъ воспоминанія связывалъ его личное чувство, какъ культъ преданія—его оцѣнку историческихъ явленій».

Въ отмежеванномъ имъ себѣ узкомъ и небогатомъ по содержанію районѣ онъ могъ совершать чудеса. «Въ немъ онъ полный хозяинъ, знаетъ въ немъ всякій закоулокъ, неуловимыя движенія чувства, неслышныя колебанія настроенія. Все это для него дорого, и онъ хочетъ схватить это невѣдомое, бѣгущее, ускользающее отъ глаза и слуха; хочетъ выразить «невыразимое», и въ извѣстной степени это ему удастся. Въ этомъ очарованіе его стиха».

Въ поэзіи Жуковскаго настроеніе цвѣтовое и вмѣстѣ мелодическое—особая прелесть стиха, подборъ поэтическаго языка, «въ которомъ словарь чувствительности сосѣдитъ съ элементами церковно-славянскими и народными, мѣрное теченіе рѣчи обрывается порой лирическимъ вопросомъ, плодятся анахоризмы и встрѣчаются сочетанія, выходявшія изъ нормъ господствовавшей тогда литературной рѣчи».

Медленнымъ и тяжелымъ путемъ вырабатывалъ онъ свой стихъ; его *инструментами* были переводы, въ которыхъ онъ, впрочемъ, «не столько переводилъ, сколько воспроизводилъ, спускаясь къ оригиналу, чаще поднимая его до своего пониманія». У него чисто женская восприимчивость, «способность возгорѣться у всякаго (?) огня, усваивать и развивать родственныя теченія, образы». Даже въ переводахъ «онъ давалъ не только *свое*, но и *силы себѣ*: процессы чувства были для него дѣломъ въ высшей степени важнымъ; на нихъ строилось его мировоззрѣніе, которыхъ онъ такъ до-

рожилъ. Стремленіе схватить ихъ невыразимость было поэтическимъ актомъ той же искренности: таково впечатлѣніе стили Жуковского, тамъ гдѣ онъ не шалилъ стихомъ, а былъ поэтомъ».

Какъ-то разъ, защищая Жуковского отъ нападенія критиковъ, кн. земскій сказалъ, что стихъ Жуковского можетъ устарѣть, но останетсѣ поэзія. А. Н. Веселовскій прибавляетъ къ этому: «устарѣтъ ея содержаніе, въ болѣе широкихъ перспективахъ потонетъ его крохотный личностный кругозоръ, останетсѣ правдивость настроенія и прелесть овладѣвшаго стиха. Можетъ быть, его поэзія и не переживетъ завистливую дальность, но въ перебоѣ поколѣній и вкусовъ къ ней будутъ возвращаться, когда жизнь мечты и довѣющаго самому себѣ чувства будетъ брать вверхъ надъ массовыми тревогами дня и спросами, поглощающими вопль о личномъ счастьи. Когда-то вся природа была мнѣ пѣсней, моя душа звѣздой цѣла, говорилъ онъ въ посвященіи «Ундины»:

Оно прошло, то время золотое,
Съ природы спалъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но магическій вѣнецъ не будетъ снятъ съ природы, свѣтъ не узанъ и нѣтъ конца мечтамъ—призракамъ и дьямъ «восторженныхъ видѣній поэзіи».

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе этой изящной и остроумной рѣчи, лучшаго, что дала юбилейная литература о Жуковскомъ. Ею можно особенно пріятно заключить свой обзоръ *).

Вл. Калашъ.

*) Для полноты отмѣтимъ еще: „Жуковский въ образцахъ и музыкальныхъ образцахъ“ Соколова и Гольдмана (Вильна). Вышла еще отдѣльнымъ оттискомъ статья о Жуковскомъ изъ *Русской Мысли*: „Поэтический дядька чертей и вѣнцедѣльцевъ и англійскихъ (памяти Жуковского)“.

Гоголь и Жуковский въ народной школѣ *).

„Нѣтъ ничего труднѣе, какъ создать дѣтскую и народную литературу; но ее и создавать не надо: есть только одинъ способъ ее найти, — это изучить ту, которая существуетъ... Надобно дать этой литературѣ большую обработанность, отбросивъ все грубое, но не посягая на присущіе ей умъ и истину“. „Глазъ и ухо начинаютъ воспитаніе, и надо набѣгать развращать ихъ безобразнымъ и ужаснымъ“.

Пушкинъ.

„Дѣтямъ можно читать много книгъ, написанныхъ не для нихъ, но надо дѣлать выборъ,—напримѣръ, рыцарскія сказки, все комическое и повѣстическое и стихотворенія и вообще хорошо написанныя книги, но никогда не давать имъ ничего безобразнаго, никакихъ каррикатуръ, ничего необычайнаго“.

Жуковский.

„Въ сущности, людей слѣдуетъ воспитывать для той роли, которую имъ приходится играть на свѣтѣ; роль большинства—быть добрымъ мужемъ, добрымъ отцомъ, доброй женой, доброй матерью. Слѣдуетъ также быть добрымъ гражданиномъ и добрымъ патриотомъ... Я отдаю должное кесарю, но не слѣдуетъ отдавать ему то, что ему не принадлежитъ, т.-е. львиную часть“.

Пушкинъ.

„Придетъ ли времячко,
Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго,—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара повесеть?“

Некрасовъ.

I.

Эти прекрасныя мысли Пушкина и Жуковского о дѣтской и народной литературѣ переходятъ въ наши дни изъ области благихъ пожеланій въ дѣйствительность, настойчиво проводятся въ жизнь школы и народа, и это горячо желанное времячко, когда «мужикъ Бѣлинскаго и Гоголя съ базара повесить», уже близко къ намъ, мы стоимъ на порогѣ его. Характерною особенностью отличаются теперь наши литературныя гражданскіе праздники: благодаря земству и городскому управленію, въ тихихъ общественныхъ праздникахъ принимается въ широкихъ размѣрахъ самое широкое участіе народная школа, а просвѣтительныя общества и кружки

* Слѣдуетъ упомянуть, что это высказано въ публичномъ засѣданіи Педагогическаго Общества.

привлекають къ такому же участию и верхніе слои народной массы столѣтнюю годовщину Пушкина, на Страстной площади, передъ памятникомъ великаго поэта, учащихъ было едва ли меньше, чѣмъ врозь, а вечеромъ въ тотъ же день подножіе памятника, неожиданно для многихъ было усыяно полевыми цвѣтами: то были скромный даръ поэту его соотечественныхъ и безвѣстныхъ поклонниковъ изъ среды рабочаго люда. Въ десятилѣтіе Гоголя, вокругъ его могилы въ Даниловомъ монастырѣ, съ рядомъ представители города и избраннаго общества, представители литературы и науки и учителя и ученики народной школы. Въ пушкинско-гоголевскіе дни повсюду читались біографіи и произведенія великихъ людей въ народныхъ школахъ, какъ и въ гимназіяхъ, въ народныхъ театрахъ и народныхъ театрахъ, какъ и въ собраніяхъ общественности на театральныхъ сценахъ для просвѣщенныхъ классовъ общества. Это было повсюду, не въ столицахъ только, но въ Вологдѣ и въ Архангелѣ, въ Перми и въ Вяткѣ, въ Тобольскѣ и въ Иркутскѣ. Даже и въ тѣхъ мѣстахъ Бѣлинскаго, болѣе скромно и незамѣтно отпразднованныхъ, была мала участіе народная школа, по крайней мѣрѣ, на мѣстѣ его рождения въ Пензѣ. Литературные юбилеи — поминки нашихъ властителей дум и чувствъ — перестали теперь быть привилегіей избраннаго общества, а болѣе и болѣе становятся общепризнанными и узаконенными всенародными праздниками. Эти же юбилейныя торжества вызываютъ необычайное у насъ до сихъ поръ распространеніе не только въ обществѣ, но и въ народѣ сочиненій чествуемыхъ писателей. Трудно сосчитать количество экземпляровъ полного собранія сочиненій, избранныхъ сочиненій и отдельныхъ произведеній Пушкина и Гоголя, появившихся на книжномъ рынкѣ въ юбилейные дни; во всякомъ случаѣ, можно безъ преувеличенія сказать, что число это многомилліонное. Достоинно вниманія при этомъ, что редакторы и издателями по профессіи работаютъ теперь на пользу распространенія въ народѣ образцовыхъ литературныхъ произведеній — города и земства, частныя общества и отдѣльныя лица, что рядомъ съ дешевыми изданіями для всѣхъ осуществляются еще болѣе доступныя изданія для народныхъ школъ, — изданія образцовыхъ произведеній нашихъ писателей, біографическихъ очерковъ, разъясняющихъ и эти произведенія, и заслуги и значеніе писателя, которыми онъ великъ и славенъ и останется вѣчно памятенъ и «любезнымъ» для своего народа. По установившемуся теперь обычаю всѣ эти общедоступныя по своему содержанію изданія сочиненій и біографій раздаются учащимся въ сотняхъ тысячъ и милліонахъ экземпляровъ, проникають черезъ школу въ народныя массы, а въ самой школѣ въ силу этого въ обычный обиходъ повседневной учебно-воспитательной жизни.

Потому-то мы и въ правѣ сказать, что близко-близко времячко, когда простой нашъ народъ породнится мыслью и чувствомъ и съ Пушкинымъ и съ Гоголемъ, и со всѣми другими избраннѣйшими и благороднѣйшими людьми нашей родной земли, пророками и учителями жизни, властными вождями изъ мрака къ свѣту.

II.

Великіе писатели безвозбранно открываютъ свои духовныя сокровища всѣмъ и каждому; но воспользоваться этими сокровищами можетъ далеко не всякій. Для воспріятія и усвоенія духовныхъ богатствъ требуются прочныя навыки, приобретаемыя цѣлесообразными упражненіями, серьезное вдумчивое вниманіе и, наконецъ, обладаніе извѣстною суммою предварительно воспринятыхъ и хорошо усвоенныхъ понятій и впечатлѣній, мыслей и идей,—словомъ, требуется извѣстная подготовка, извѣстное развитіе, безъ чего чтеніе великихъ произведеній всегда будетъ скучнымъ, безцѣльнымъ и бесплоднымъ занятіемъ. Эту подготовку и это развитіе скорѣе и легче всего можетъ дать хорошо поставленная школа, знающій свое дѣло и опытный въ искусствѣ руководительства чтеніемъ наставникъ, который постепенно и послѣдовательно выработаетъ въ своихъ ученикахъ цѣлесообразныя навыки разумнаго чтенія, разовьетъ при этомъ мыслительныя способности ученика, обогатитъ его новыми впечатлѣніями, понятіями и мыслями, основательно зная, когда и что можно предложить ученику въ мѣру его силъ, когда и что можно отъ него потребовать соотвѣтственно ступени его духовнаго развитія. Такую общую подготовку, въ большей или меньшей мѣрѣ, и даетъ своимъ ученикамъ наша современная школа, и даже и народная, почему и стали сравнительно доступны и ей наши образцовые писатели, какъ Пушкинъ, Гоголь и другіе. Школа и учитель сдѣлали тѣмъ самымъ великое образовательное дѣло, но еще большее дѣло предстоитъ имъ впереди.

Важно и необходимо дать ученикамъ эту общую подготовку къ чтенію и разумѣнію образцовыхъ нашихъ писателей, но это еще не конечная цѣль занятій: необходимо въ самой же школѣ помочь ученикамъ сознательно и разумно, послѣдовательно и постепенно, брать у писателя и твердо усвоить все то, что ученикъ въ мѣру силъ своихъ можетъ воспринять отъ него въ данное время; необходимо дать ученику влечь и къ дальнѣйшему, правильному и полному пониманію писателя,—словомъ, нужно разумное и умѣлое руководство въ чтеніи учениками избранныхъ произведеній каждаго изъ великихъ нашихъ писателей, руководство въ уразумѣніи и усвоеніи духа и общаго направленія писателя, въ усиленномъ пониманіи того, чѣмъ именно онъ былъ и есть великъ и славенъ.

Правильное пониманіе литературныхъ произведеній само собою не приходитъ и далеко не каждому дается непосредственно; къ тому же истолкованію и оцѣнка этихъ произведеній, намѣренно или ненамѣренно, нерѣдко бываетъ ложная и тенденціозная. Припомните легкомысленныя, глупыя, а иногда и злобныя случаи и гнусныя сужденія о «Ревизорѣ» послѣ перваго представленія этой безсмертной комедіи. Припомните не менѣе странныя «слова и рѣчи» о произведеніяхъ Пушкина и Гоголя во время юбилейныхъ торжествъ уже въ наши дни.

«Хорошо сказалъ поэтъ, печальникъ народнаго горя, соединивъ вѣстѣ

два великих имени — Бѣлинскаго и Гоголя: Гоголь предстанеть даже и передъ малоопытнымъ читателемъ во всемъ своемъ значеніи и отдасть ему свои духовныя сокровища лишь при разумномъ и честномъ руководителствѣ въ духѣ Бѣлинскаго. Только такое чтеніе Гоголя и обогатитъ нашего читателя новыми понятіями и идеями, и возведетъ его на новую и высшую ступень духовнаго развитія, и дастъ ключъ къ пониманію всѣхъ бессмертныхъ произведеній Гоголя, а черезъ нихъ приведетъ и къ разумнѣйшю и современной намъ жизни.

Само собою разумѣется, что во всей своей цѣлостности и полнотѣ истолкованія Гоголя Бѣлинскимъ недоступны нашему читателю; но его объясненіе общаго жизненнаго значенія Гоголя и тѣхъ его отдѣльныхъ произведеній, которыя читаются въ классѣ и внѣ класса, совершенно доступны. Такъ, цѣликомъ могутъ быть прочитаны и вполне поняты учениками, какъ мы хорошо знаемъ это по многократнымъ опытамъ, многія страницы Бѣлинскаго о «Вечерахъ на хуторѣ», «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Тарасѣ Бульбѣ» и даже «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ». И это новая и крайне важная заслуга нашей школы: если еще и не пришло пока то времячко, когда мужикъ сочиненія Бѣлинскаго съ базара понесетъ, зато дѣти этого мужика и теперь уже могутъ воспринимать свѣтлыя мысли и благородныя чувства великаго истолкователя великихъ произведеній и уносить ихъ съ собою изъ школы въ жизнь.

III.

Сочиненія Гоголя справедливо признаются довольно трудными и малоинтересными для неопытнаго и малоразвитаго читателя, особенно же читателя изъ народа, почему они въ цѣломъ своемъ составѣ и извѣстны до сихъ поръ лишь образованному читателю. «Вечера на хуторѣ», особенно же «Тарасъ Бульба», читаются всѣми съ полнымъ интересомъ, но «Миргородъ» и «Петербургскія повѣсти», особенно же «Ревизоръ» и «Мертвыя души» кажутся неподготовленному читателю малоинтересными или даже совсѣмъ неинтересными. И это вполне понятно. Произведенія Гоголя не увлекаютъ читателя занимательной по своей замысловатости фабулой, интригой, сюжетъ ихъ съ внѣшней своей стороны всегда очень простъ, не дразнить воображенія читателя, не возбуждаетъ въ немъ нетерпѣнія преждевременно заглянуть на послѣднюю страницу повѣсти, чтобы поскорѣе узнать, чѣмъ все это кончится. Не увлечетъ и не прибавитъ интереса заурядному читателю и блестящій своими бессмертными красотоми языкъ Гоголя, такъ какъ языкъ этотъ далекъ отъ того языка, которымъ читатель владѣеть, или къ какому онъ привыкъ при чтеніи другихъ авторовъ.

А тонкій юморъ Гоголя, этотъ смѣхъ *сквозь незримыя міру слезы* иными и вовсе не будетъ замѣченъ. О незримыхъ міру слезахъ свидѣтельствуетъ и самъ Гоголь, а объ его смѣхѣ Бѣлинскій справедливо замѣчаетъ:

ной простодушный читатель и въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что авторъ и шутку завидуетъ «славной, отличнѣйшей бекешѣ» Ивана Ивановича.

Внимательно интереса для нашего читателя большая часть произведеній Гоголя не представляетъ, а внутреннее и глубоко-жизненное содержаніе къ открывается не сразу, требуетъ отъ читателя извѣстной подготовки, сосредоточенно-вдумчиваго вниманія и безусловно-необходимаго на первое время руководства. Людская суетность и пошлость, душевное ничтожество, грубость животныхъ вожделѣній, грубый эгоизмъ, безправіе и произволъ до такой степени обычны въ окружающей нашего читателя обиходной жизни, что этотъ читатель непосредственно самъ, безъ посторонней помощи, безъ усвоенныхъ предварительно, хотя бы нѣкоторыхъ высшихъ понятій «о жизни чисто человеческой» — не увидитъ, не пойметъ и не оцѣнитъ гоголевскихъ картинъ и типовъ, не найдетъ въ нихъ для себя ничего интереснаго и поучительнаго. Но зато при извѣстной подготовкѣ, при вслѣдовательномъ подборѣ матеріала, при настойчиво-внимательномъ чтеніи и умѣломъ руководствѣ, Гоголь заронитъ въ душу юнаго читателя добрыя жизненные симпатіи и антипатіи, постепенно введетъ его въ кругъ высшихъ жизненныхъ понятій, а взрослому читателя заставитъ и содрогнуться надъ пошлостью окружающаго и глубоко призадуматься надъ своею личною и надъ общественною жизнью. Гоголя нельзя читать, какъ обычно дѣти и взрослые читаютъ легковѣсныя рассказы и повѣсти, — его нужно вдумчиво изучать, надъ нимъ нужно серьезно работать, и тогда читатель спорихою будетъ вознагражденъ за такой трудъ: онъ, этотъ трудъ, разольетъ читателя умственно и нравственно, дастъ ему высокое наслажденіе, приучитъ къ вдумчивому чтенію, подготовитъ, наконецъ, къ разумнѣйшей всей нашей образцовой литературы — прошлой и настоящей.

Попробуемъ намѣтить здѣсь послѣдовательныя ступени восхожденія отъ низшихъ понятій къ высшимъ. Всего легче читаются, какъ мы уже замѣтили выше, «Вечера на хуторѣ»; съ нихъ и должно быть начато подъ руководствомъ учителя знакомство съ Гоголемъ. Здѣсь ясно выражены и горячая любовь автора къ природѣ и людямъ, и его веселый, молодой, заразительный смѣхъ, смѣхъ безъ незримыхъ миру слезъ. Здѣсь полупатриархальные свѣчаи и обычаи народные, простодушныя первобытныя вѣрованія, простоватыя, незлые и нестрашные (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ рассказовъ) черти и вѣдьмы, красавицы-русалки.

Прочитайте хотя бы только избранныя изъ этихъ рассказовъ: «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Ночь подъ Рождество», и отдѣльно о каждомъ изъ нихъ, а потомъ и обо всѣхъ вмѣстѣ, непременно побесѣдуйте съ вашими учениками. Возстановите въ воображеніи вашихъ слушателей отдѣльныя картины природы, соберите воедино характерныя черты ихъ и въ обычаевъ народныхъ, и особенно остановитесь на вѣрованіяхъ, побольше побесѣдуйте о чертяхъ, вѣдьмахъ, русалкахъ и всякой «нечисти»: какъ бы такая бесѣда возбудитъ интересъ къ прочитанному, введетъ глубже

въ его пониманіе, подготовить вашего слушателя къ болѣе полному и всестороннему разумѣнію каждаго изъ послѣдующихъ разсказовъ.

Но и здѣсь не безъ трудностей. Художественныя картины доступны далеко не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ; сельскій ребенокъ скорѣе пойметъ ихъ прелесть, чѣмъ городской. Но у нашихъ слушателей, кто бы они ни были, есть уже въ прошломъ достаточная, если не жизненная, то литературная подготовка: воспользуйтесь этой подготовкой, сравните то, что было извѣстно, что усвоено и пережито, съ тѣмъ, что воспринято вновь, и картина станетъ ближе, виднѣе, понятнѣе, ярче заблеститъ въ воображеніи. Картины природы въ названныхъ разсказахъ непосредственно и тѣсно связаны съ человѣкомъ, онъ осязательно чувствуетъ ихъ обаятельную власть, всецѣло живетъ и дѣйствуетъ подъ неотразимымъ ихъ воздействиемъ, и эта тѣсная связь жизни природы съ жизнью человѣка значительно облегчитъ разумѣніе художественныхъ описаній.

Черты народнаго быта, особенности малорусской жизни, вся празднично-обрядовая старина будутъ гораздо скорѣе и легче картинъ природы замѣчены нашимъ слушателемъ: все это болѣе или менѣе близко и знакомо, не только изъ книгъ и устныхъ разсказовъ, но и изъ дѣйствительности. Но и здѣсь бесѣда, вызывающая на сравненіе, во многомъ облегчитъ усвоеніе того, что ново или мало извѣстно. Необходимо при этомъ особенно отнѣтитъ жизненную простоту взаимоотношеній, несложныя радости и горести, задумчивое и беззаботное веселье, гѣсни, пляски, игры, — словомъ, все то, чѣмъ характерна и красна жизнь малоросса-простолюдина.

Все это, несомнѣнно, заинтересуетъ читателей изъ народной школы, какъ близкое имъ и болѣе или менѣе знакомое. Но самый большой интересъ возбудитъ бесѣда о вѣрованіяхъ народныхъ, о чертахъ и вѣдѣмахъ, о колдунахъ, о привидѣніяхъ и всякой темной силѣ, чѣмъ особенно богато воображеніе малоросса. Народныя вѣрованія и всяческія суевѣрія для насъ интересны и занимательны, какъ поэтическіе остатки старины глубокой; для народа же, а стало быть и для учениковъ народной школы, это настоящая вѣра, несомнѣнная правда, и съ этою вѣрою, въ большей или меньшей степени, ученикъ нерѣдко выходитъ и изъ школы. Мы, учителя, много грѣшимъ въ томъ отношеніи, что очень рѣдко вызываемъ нашихъ учениковъ на свободныя бесѣды, рѣдко предоставляемъ имъ возможность открывать свои мысли и чувства, непосредственно почерпнутыя ими изъ самой жизни; потому-то мы и мало, сравнительно, влияемъ на воспитаніе дѣтской души, потому-то часто и бываетъ, что школьное ученіе и воспитаніе идутъ своимъ порядкомъ, а внѣшкольныя воздействія своимъ, и на урокахъ того или иного предмета ученикъ твердо и бойко осудитъ всякія суевѣрія и полуязыческія вѣрованія, а въ душѣ своей и въ дѣйствительной жизни останется съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ въ школу, т. е. въ данномъ случаѣ, полуязычникомъ. Соедините ваше школьное ученіе съ гѣ школьнымъ и вообще душевною жизнью вашего ученика, поставьте его въ возможность открыто и свободно высказывать свои чувства и мысли. Юж

возрѣнія и убѣжденія (да, убѣжденія! жизнь вѣдь сама собою слагаетъ твердыя убѣжденія даже и въ ребенкѣ!), бесѣдуйте съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ, спокойно спорьте съ нимъ, доказывайте ему, а не диктуйте вашихъ взглядовъ, вашихъ убѣжденій и тогда, и только тогда, школа будетъ имѣть и удесяттерить свое воспитывающее жизненное воздѣйствіе.

Важны подобныя свободныя бесѣды по отношенію къ предметамъ вѣрваній народныхъ, еще того важнѣе въ отношеніи возрѣній народа на жизнь, на добро и зло, на счастье и несчастье людское, на права и обязанности наждаго человѣка по отношенію къ себѣ самому, къ своимъ роднымъ и близкимъ, къ окружающему обществу и проч., и проч. Не думайте, что душа ребенка, особенно же ученика народной школы, чистый листъ бумаги, на которомъ учитель можетъ написать все, что ему угодно; и десятилѣтній ученикъ народной школы хорошо уже знаетъ жизнь и по своему судить о ней, и имѣть опредѣленное па все мировозрѣніе, хотя нерѣдко и грубо-матеріальное и уродливое, и узко-эгоистическое, — и такое-то мировозрѣніе нашихъ учениковъ очень нерѣдко остается въ нашихъ воздѣйствій.

Мы уже выше замѣтили, что жизнь и мировозрѣніе гоголевскихъ типовъ во многомъ и очень во многомъ есть жизнь и возрѣнія современной массы, и не народной только, а потому откровенныя и свободныя бесѣды о разныхъ сторонахъ этой жизни могутъ имѣть великое воспитательное и образовательное значеніе. Остановимся, хоть и на самое короткое время, на типичныхъ въ этомъ отношеніи повѣстяхъ: «Старосвѣтскіе номѣщики», «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Шинель», — при чемъ не будемъ выходить изъ рамокъ нашей темы.

Начнемъ съ самаго важнаго, съ самаго близкаго для нашихъ учениковъ, — съ понятій религиозныхъ. Какія представленія о раѣ и адѣ и вообще о загробной жизни имѣютъ хотя бы «добрые старички», какъ Аванасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна? Предвѣстникомъ смерти для Пульхеріи Ивановны является оборотень въ видѣ одичавшей, любимой когда-то ласочки, а для Аванасія Ивановича загробный голосъ его вѣрной спутницы. Какія думы и заботы у такихъ людей въ послѣдній предсмертный часъ? Да все тѣ же, какъ и во все время ихъ жизни.

«Смотри мнѣ, Явдоха, — говоритъ Пульхерія Ивановна, — когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы ты берегла его, какъ глаза своего, какъ родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любить, чтобы бѣлье и платье было чистое. Не своди съ него глазъ, Явдоха, я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Когда же будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастья на свѣтѣ. И сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И если ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ твой не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія».

Пульхерія Ивановна непоколебимо вѣритъ, что христіанскій Богъ — ея молитвы и жестоко покараетъ и саму Явдоху, и все потомство

ея за то, что она не будет давать Аеанасію Ивановичу любимыхъ кушаньевъ, не позаботится о чистотѣ его платья и бѣлья. Твердо вѣруеть въ этотъ грозный судъ и Явдоха; могутъ согласиться съ этимъ многія Пульхерія Ивановны и нашего времени.

Припомните также, въ чемъ полагаетъ обязанности христіанина прекрасный, по общему признанію, человекъ Иванъ Ивановичъ. Онъ человекъ богомольный: каждый воскресный день надѣваетъ онъ свою отличнѣйшую бекешу и идетъ въ церковь. Взошедши въ нее и раскланявшись на всѣ стороны, онъ, обыкновенно, помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Послѣ службы, по своей природной сердечной добротѣ, онъ обходитъ всѣхъ нищихъ, разспрашиваетъ о ихъ горькой долѣ и кончаетъ словами: «Ну, ступай же съ Богомъ, чего-жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью». Онъ, несомнѣнно, строго соблюдаетъ всѣ посты и постные дни, ежедневно творить положенныя на каждый случай молитвы, и протопопъ отецъ Петръ на этомъ основаніи всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ хорошо исполнялъ долгъ христіанскій. Развѣ такія воззрѣнія на долгъ христіанскій перестали существовать теперь? И развѣ бесѣда на эту тему съ нашими учениками не представляетъ интереса и высокой поучительности?

И, по общему убѣжденію, Богъ щедро награждаетъ такихъ людей, такъ вѣрующихъ и исполняющихъ долгъ христіанскій, каковы добрые старички съ Иваномъ Ивановичемъ. Богъ не попуститъ, чтобы домъ и кухня и кладовая сгорѣли у Аеанасія Ивановича и Пульхерія Ивановны. «Господи Боже мой, чего у меня нѣтъ?—думаетъ Иванъ Ивановичъ,—птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть; водка перегонная, настоенная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ».

И въ этомъ, и только въ этомъ высшее благополучіе и полное счастье человѣческое, — счастье, посылаемое Богомъ! Въ этомъ матеріальномъ довольствѣ и прихотяхъ, обеспеченныхъ на всю жизнь, въ постоянной ѣдѣ въ теченіе всего дня и вечера и даже ночи, когда пресыщеніе не даетъ человекѣ покою, и онъ придумываетъ, какой бы новой ѣдой успокоить свой желудокъ, во всемъ этомъ, и только въ этой грубо-животной жизни эти люди-христіане и видятъ идеалъ счастья земного, въ заботахъ объ этомъ проводятъ все свое время, всю свою жизнь.

Они не задумываются ни на минуту, откуда приходитъ къ нимъ это довольство, какъ и вообще люди не задумываются много надъ средствами для приобрѣтенія благъ земныхъ, и видятъ настояще и полное счастье въ томъ, чтобы много имѣть и мало, а еще того лучше, и совсѣмъ ничего не дѣлать, чтобы «привольная и праздная жизнь катилась шутя». Они считаютъ вполне естественнымъ, что для обезпеченія ихъ сытой и прихотливой праздности должны работать десятки, сотни рукъ; имъ не приходится въ голову, что раскрытыя избы вокругъ нихъ молчаливо, но выразительно свидѣтельствуютъ, кто и какой цѣной оплачиваетъ ихъ никому ненужную жизнь; они хоть и замѣчаютъ, и съ превеликимъ неудоволь-

стиемъ, что эти неустанно работающія на нихъ руки, эти голодные рты расхищаютъ ихъ добро, лгутъ имъ въ глаза, стараются провести и обмазнуть на каждомъ шагѣ, но они понять не могутъ того, что сами они, ладные и бездѣльные скопидомы и туеядцы, развращаютъ другихъ, лишая ихъ всего и даже самаго необходимаго, подавая имъ примѣръ во всемъ своемъ собственной жизнью, что сами они, пользуясь всѣмъ и ото всѣхъ, вносятъ въ общую жизнь одно только зло и растлѣніе. Да и мало ли они чего не замѣчаютъ такого, что дастъ замѣтить теперь своимъ ученикамъ школьный учитель: ихъ правдная жизнь безсодержательно пуста и ничтожна по своимъ интересамъ, и сами они непроходимо невѣжественны; черезъ чистоловь, окружающій ихъ домъ, не перелетаетъ ни одна истинно-человѣческая мысль, ни одно благородное желаніе; имъ невѣдомы даже сильныя страсти, а тѣмъ болѣе беспокойныя порожденія духа; они не могутъ быть названы даже хорошими отцами и мужьями, честными хозяевами и добрыми сосѣдями, и всего менѣе добрыми христіанами и полезными для себя и другихъ гражданами: все это постигнѣ мертвыя въ самихъ себѣ души, мертвыя и все и всѣхъ, что ихъ окружаетъ.

При руководствѣ учителя и малоподготовленный читатель безъ особаго труда замѣтитъ, что Гоголь добродушно и даже съ нескрываемою любовью относится къ добрымъ, по-своему, старичкамъ — старосвѣтскимъ помѣщикамъ; художникъ заронитъ и въ душу читателя это доброе чувство къ этимъ скромнымъ и миролюбивымъ людямъ; читатель вмѣстѣ съ авторомъ и посмѣется надъ ихъ невѣжествомъ и другими недостатками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пожалѣетъ этихъ людей за то, что они не знаютъ лучшей жизни, и не живутъ, и не могутъ жить по-человѣчески.

Увидитъ и нашъ читатель, что безъ всякой злобы и ненависти осмѣиваетъ Гоголь даже и такихъ «существователей», каковы Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифорычемъ: авторъ не клеветаетъ на нихъ, а рассказываетъ про нихъ только то, что есть на самомъ дѣлѣ и что видятъ и знаютъ всѣ; но ни сами эти существователи, ни всѣ, кто окружаетъ ихъ, не осмѣиваютъ этой пустой и пошлой животной жизни такъ, какъ понимаютъ ее и судятъ о ней авторъ; потому-то люди эти при всей своей ничтожности и гадости жалки, и больно за нихъ Гоголю, а съ нимъ вмѣстѣ и читателю, до слезъ больно за нихъ, какъ за разумное Божье созданье, въ которомъ пустая и правдная жизнь заглушила образъ и подобіе Божье.

Еще ярче скажется для нашего читателя гоголевскій смѣхъ сквозь незримыя міру слезы въ повѣсти «Шинель», въ этой повѣсти о жизни малыхъ людей, — униженныхъ и оскорбленныхъ. Прочтайте эту повѣсть съ вѣскими учениками *), и они много и отъ всей души посмѣются вмѣстѣ съ Гоголемъ, — посмѣются, а потомъ и горько пожалѣютъ этого маленькаго, пришибленнаго жизнью, всѣми обижаемаго и оскорбляемаго Акакія

* Ложекъ повѣсти необходимо сократить, какъ это нами сдѣлано въ школьномъ изданіи Гоголя.

Авакиевича; въ дѣтскую душу глубоко западутъ его пронизывающія сердце слова-слезы: «оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете? Я братъ вашъ!» Наши читатели хорошо поймутъ въ концѣ концовъ и всю эту жалкую жизнь этихъ канцелярскихъ чиновниковъ, которые корпятъ до отупѣнія надъ своимъ бездушнымъ дѣломъ, и сами обращаются въ безчувственную машину, и нѣтъ въ нихъ, какъ и въ тѣхъ сытыхъ людяхъ, мѣста для свѣтлой мысли, для человѣческаго чувства; увидитъ читатель, что вся жизнь этихъ жалкихъ людей проходитъ въ однѣхъ только заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, что черствѣютъ они отъ этой жизни и становятся безсердечными и жестокими и даже не замѣчаютъ, сколько горя и мученій совсѣмъ безцѣльно и напрасно причиняютъ они другъ другу. Незлые это люди сами по себѣ, а жизнь дѣлаетъ ихъ такими. Жалки эти люди и потому, что они безответны и беззащитны, и каждый-то, болѣе ихъ сильный, можетъ безнаказанно унижить, обидѣть, оскорбить ихъ, а сами они даже и не сознаютъ своихъ, всѣми попираемыхъ, человѣческихъ правъ. И посмѣется читатель вмѣстѣ съ авторомъ надъ глупостью и пошлостью людскою, но пожалѣетъ человѣка, обижаемаго судьбою и человѣкомъ, и поскорбитъ душою о жалкой жизни людскою.

Смѣхъ и слезы надъ бездушною жизнью — отъ сытой ли праздности и безпробудной лѣни, или отъ тупой забитости безправьемъ и бездушнымъ трудомъ, смѣхъ и слезы надъ всеобщимъ и непрогляднымъ невѣжествомъ людскимъ, надъ всѣмъ тѣмъ зломъ, которое безцѣльно и часто неначѣнно вноситъ человѣкъ и въ свою личную жизнь, и въ жизнь окружающихъ, зломъ, отъ котораго гибнетъ самъ, безсердечно и безжалостно губить и другихъ, — этотъ смѣхъ и эти слезы достаточно подготовятъ нашего читателя къ пониманію новаго, еще болѣе злѣйшаго зла, — общественнаго, но зла уже себя сознающаго и въ то же время самооправдывающаго, зла, которое боится закона и его справедливой кары и въ то же самое время ликуетъ и торжествуетъ и надъ погрязшимъ закономъ, и надъ человѣческой правдой, того самаго зла, котораго было цѣлое море въ нашей дореформенной жизни, которое всѣмъ и всѣми властно управляло, съ которымъ не въ силахъ была справиться и мощная власть государева.

Изъ жизни личной и семейной «Ревизоръ» введетъ нашего читателя въ широкій кругъ, въ высшую область общественныхъ и даже государственныхъ понятій. Гоголь покажетъ здѣсь самоуправцевъ-чиновниковъ, которые притѣсняють слабыхъ и беззащитныхъ, берутъ взятки, обираютъ казну, попираютъ для своей выгоды божескіе и человѣческіе законы, обманываютъ государя, которому они будто бы усердно служатъ; своимъ бичующимъ смѣхомъ надъ этимъ незаконно-властнымъ зломъ, которое само же себя и осуждаетъ и достойно караетъ, Гоголь дастъ читателю нравственное удовлетвореніе и укрѣпитъ въ немъ вѣру въ святость добра, правды, справедливости. Въ заключеніе всего здѣсь могутъ быть выяснены нашему читателю понятія о благѣ личномъ и общественномъ, о зако-^{нѣ} и

масти, о правѣ и обязанности, о долгѣ службы и честномъ трудѣ на пользу общественную.

Съ неослабѣвающимъ отъ начала и до конца интересомъ прочтается повѣсть «Тарасъ Бульба», которая дастъ читателю яркіе и могучіе образы, познакомятъ съ полною содержанія и смысла казацкою жизнью и нарисуютъ общую кровавую картину исторіи Запорожской Сѣчи, откуда вылетали всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, люди, откуда разливалась воля и козачество. Въ заключеніе всего содержаніе этой повѣсти и всѣ ея герои представлятъ сами по себѣ полную противоположность той пустой по своей безсодержательности и ничтожной по своей пошлости жизни, какова жизнь всѣхъ этихъ болѣе близкихъ намъ существователей, — этихъ мертвыхъ душъ, Аеонасіевъ Ивановичей, Ивановъ Ивановичей, Ивановъ Никифоровичей: сравните съ вашимъ читателемъ эти противоположные типы, и вы во всей полнотѣ выясните вашимъ ученикамъ понятіе о томъ, что такое жизнь полная и пустая, и жизнь полная содержанія, руководимая тою или другою идеей.

Вы отмѣтите, конечно, все то грубое, жестокое и дикое, что было въ этой жизни, — этотъ неистовый разгулъ, это полное презрѣніе ко всѣмъ, кто не казакъ, особенно же лютую ненависть къ врагамъ своимъ полякамъ, эти адскія жестокости и всѣ эти кровавые ужасы, которые совершенно сногояно совершали казаки, — отмѣтите все это и дадите вмѣстѣ съ Гоголемъ и объясненіе: таковъ былъ тогдашній грубый и свирѣпый вѣкъ кровавыхъ воинскихъ подвиговъ, въ которыхъ закалялся человѣкъ душою, не чужь человѣчества. Но вы отмѣтите рядомъ съ этимъ и истинно высокія, достойныя полнаго уваженія человѣчскія чувства, мужественные и геройскіе подвиги, совершаемые такъ естественно и просто. И казакъ не смѣлъ въ вѣрѣ Христовой и совсѣмъ не знаетъ высокаго ученія о мирѣ и любви человѣка къ человѣку; но онъ не будетъ издѣваться надъ голодной нищетою, онъ не сдѣлаетъ своего брата рабомъ своимъ, онъ постойтъ, напротивъ, за этого своего брата, онъ готовъ положить за этого брата и за свою вѣру и полагаетъ въ дѣйствительности голову свою. Онъ, далѣе, безкорыстно, страстно, самоотверженно любитъ свою родину, свой народъ, свое вольное и удалое братство-казачество и крѣпко вѣруетъ въ несокрушимую ихъ силу: родина и казачество для него дороже богатства, къ которому онъ чувствуетъ полнѣйшее презрѣніе, дороже семьи — жены и сына, дороже самой жизни, которую онъ, презирая страшныя пытки, не чувствуя сверхчеловѣческихъ мученій, не задумываясь, легко и просто, съ радостью и даже съ восторгомъ, отдаетъ за своихъ товарищей, за честь и славу вѣства и милой сердцу Украйны. Въ сравненіи со всѣмъ этимъ, для него жизнь — копейка, голова — пустое дѣло. Идею свободы, равенства и братства казакъ всецѣло воплощалъ во всей своей жизни — личной, общественной и государственной, насколько послѣднее понятіе приложимо къ жизни Запорожской Сѣчи, и онъ готовъ былъ бы осуществить эту идею

во всемъ подлунномъ мірѣ; опъ непреложно вѣрять въ торжество этой идеи, которую и называетъ *русскою вѣрой*.

Сравните же во всемъ этомъ, сравните и во многомъ другомъ эту богатую своимъ содержаніемъ жизнь Тараса Бульбы, Остапа и другихъ гордыхъ, вольныхъ и могучихъ орловъ съ жизнью всѣхъ этихъ Ивановъ Ивановичей и Акакіевъ Акакіевичей и другихъ подобныхъ имъ воронъ и куриць, и вы обогатите вашихъ учениковъ высшими жизненными понятіями, вы разовьете ихъ умственно и нравственно.

Заключительнымъ словомъ о жизни, такъ реально и художественно изображенной въ безсмертныхъ созданіяхъ Гоголя, можно поставить небольшую, но глубокую по своему смыслу картину, которая такъ и озаглавлена Гоголемъ—«Жизнь» *). Припомните начало этой картины: «Бѣдному сыну пустыни снился сонъ»... Припомните яркія картины и мертвеннаго Египта и веселой Греціи, и желѣзнаго Рима, этихъ царственныхъ въ послѣдовательномъ развитіи человѣчества народовъ, которые въ воображеніи бѣднаго сына пустыни предстали какъ будто бы на страшный судъ передъ кончиною міра.

Припомните и символъ вѣры каждаго изъ этихъ народовъ-властелиновъ.

Припомните и заключительную картину,—скромную по внѣшнему виду, но глубокую по своему міровому значенію, открывшую міру вѣковѣчную, непреложную истину жизни человѣка и всего человѣчества,—картину, въ которую вперилъ ослѣпшія очи свои гордый и властный Римъ, картину, къ которой обратила и Греція свои влажныя отъ наслажденія, прекрасныя очи, къ которой обратился и Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи. Картина эта особенно близка и родственна душѣ Гоголя...

«Камениста земля; презрѣнень народъ; немногочудная весь прислонилась къ холмамъ, изрѣдка оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградой стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ Младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная Мать и глядитъ на Него исполненными слезъ очами; надъ Нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда, и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

«Задумался древній Египетъ, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приняла ухомъ Азія съ народами-пастырями»...

Гоголь не раскрылъ до конца, не вырисовалъ въ художественныхъ образахъ отдѣльныхъ частей этой божественной картины жизни, не открылъ во всей полнотѣ, въ краскахъ и образахъ, сокровенной тайны жизни истинно-человѣческой, хотъ и мучительно искалъ и стремился къ тому въ свои послѣдніе предсмертные годы и погибъ въ борьбѣ съ невозможностью воплотить свой идеалъ въ правдивые и живые образы, для которыхъ не нашель материала ни въ себѣ самомъ, ни въ окружающей его

* См. „Арабески“, а также и наше школьное изданіе сочиненій Гоголя (третій сборникъ).

жизни. Онъ умеръ, не доведя до конца своей работы, но до конца дней своихъ вѣровалъ въ торжество добра и правды, въ непреложное осуществленіе ихъ въ жизни, умеръ съ вѣрою въ русскаго человѣка, съ любовью къ человѣку и человѣчеству.

IV.

Для насъ, школьныхъ учителей, хорошимъ дополненіемъ въ указанномъ направленіи можетъ служить Жуковский, о которомъ мы и находимъ нужнымъ сказать въ заключеніе нашей бесѣды хоть нѣсколько словъ.

Мы не сравниваемъ этихъ двухъ писателей по силѣ ихъ таланта и по направленію, — это не наша область; мы возьмемъ и у Жуковского лишь то, что доступно школѣ и что важно въ воспитательномъ отношеніи.

Гоголь—великій мастеръ въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ жизни; его безсмертныя творенія отражаютъ жизнь такую, какою она есть и какою не должна быть; мечтатель Жуковский всегда и во всемъ указываетъ, чѣмъ человѣкъ можетъ и долженъ быть. Гоголь смѣется надъ недостатками жизни людей, плачетъ надъ ними; Жуковский отирываетъ въ чешуйкѣ человѣка, ведетъ его къ чистому идеалу и радуется, и торжествуетъ за все то свѣтлое и высокое, чистое и прекрасное, что въ человѣкѣ есть или можетъ быть, и что представляется въ святыхъ мечтахъ поэта такъ легко осуществимымъ въ дѣйствительной жизни. Для него—«повнія въ Богъ въ святыхъ мечтахъ земли»: «Богъ есть истина, любовь, а повнія—мечта объ истинѣ, о любви, о правдѣ, объ осуществленіи ихъ на землѣ».

„Повнія—небесной
Религія сестра земная; свѣтлый
Маякъ самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не обихия
Съ пути. Постъ, на пламени его
Свой факелъ зажига! Твои всѣ братья
Съ тобою за одно засвѣтять, каждый,
Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путеводными;
При блескѣ ихъ, чтобъ труженникъ земной
Ни испыталъ,—душой онъ не падеть,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ“.

Жуковский и былъ такимъ поэтомъ—и не въ мечтахъ своихъ только, не въ стихотвореніяхъ только своихъ, а и во всей жизни своей, во дѣлахъ своихъ.

Онъ хорошо знаетъ и жизненную дѣйствительность, и для него самого жизнь не розами усыяна, онъ съ юности и до конца дней своихъ знаетъ и горести, но не унываетъ, не падаетъ духомъ: «все въ жизни къ высочайшему». Онъ ясно видитъ и все зло жизни людской, жизни лич-

ной и жизни общественной, онъ знаетъ и причины этого зла и призываетъ на борьбу съ нимъ и словомъ, и дѣломъ. Пѣвцы-поэты, называя свой пламень благодатный въ жаждущія утѣшенія сердца людей, — должны клеймить зло горячимъ и властнымъ словомъ своимъ:

„Да обрушится вашъ громъ
На всѣхъ жестокихъ и развратныхъ,
Которые въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,
Невинность, доблести и честь поправъ ногами,
Держають величать себя полубогами“.

Эту послѣднюю задачу принялъ на себя Гоголь, насколько позволили ему жизненные обстоятельства; въ этомъ-то отношеніи поэзія Жуковскаго и поэзія Гоголя, при всемъ различіи, представляются намъ по существу своему родственными, — по крайней мѣрѣ, въ цѣляхъ педагогическихъ. Не даромъ же и незлобивый Жуковский нѣжно и трогательно любилъ страшнаго и опаснаго для многихъ своимъ блучущимъ смѣхомъ «миллаго, любезнѣйшаго Гоголька».

Мы не будемъ здѣсь подробно выяснять все богатое въ педагогическомъ отношеніи содержаніе поэзіи и самой жизни поэта, что нами уже посылно сдѣлано въ нашей брошюрѣ о Жуковскомъ *), мы возьмемъ лишь отсюда общую характеристику, которая и покажетъ, чѣмъ именно Жуковский можетъ для школы восполнить Гоголя.

Задумчивыя и чаще всего грустныя пѣсни поэта открываютъ читателю лучшія стороны его прекрасной души, его святыхъ и мирныхъ мечтъ, его радости и горести, и невольно зовутъ привадуматься надъ самимъ собою, надъ жизнью своей собственной души.

Всѣ мысли и чувства Жуковскаго цѣломудренно чисты и святы, благородны и возвышенны, исполнены искренней любви ко всему прекрасному и въ природѣ, и въ человѣкѣ.

Красоты природы приносятъ поэту чистыя и тихія радости, успокаиваютъ его душевныя горести. Его земныя картины всегда напоминаютъ о небѣ, — возвышаютъ, облагораживаютъ душу.

Поэтъ восхваляетъ уединенную и тихую семейную жизнь, особенно же сельскую, искреннюю сердечную дружбу, мирный честный трудъ, хотя бы и совершенно скромный, но полезный для себя и для другихъ.

Онъ уважаетъ въ человѣкѣ человѣка, высокое и святое его души, и ни во что не ставитъ безъ этого — богатство, почести, славу, особенно же славу кровавую.

Онъ предастъ проглатію всякое насиліе человѣка надъ человекомъ; онъ отрицаетъ рабство, признавая человѣка свободнымъ, хотя бы онъ и въ цѣляхъ родился; онъ призываетъ всѣхъ къ мирной и дружественной жизни, видитъ счастье народовъ въ братствѣ, въ законной свободѣ въ

*) См. „Жизнь и труды В. А. Жуковскаго“. — См. также — Сочиненія Жуковскаго, школьное изданіе, подъ редакціей Д. И. Тихомирова.

широкомъ и для всѣхъ равно осуществимомъ просвѣщеніи и въ добрыхъ нравахъ.

Онъ самъ непоколебимо вѣрить въ добро и правду, въ побѣдное торжество добра надъ зломъ, свѣта надъ тьмою,—вѣрить въ безсмертіе добра и добраго дѣла; онъ и другимъ внушаетъ эту святую вѣру, и самъ всегда надѣется, и другихъ учить надѣяться на свѣтлое будущее, терпѣливо переносить жизненные невзгоды.

Одно изъ величайшихъ безсмертныхъ дѣлъ Жуковского—это воспитаніе царя-человѣка, царя-Освободителя. Припомните вдохновенно-пророческія пожеланія поэта царственному младенцу:

„Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: человекъ.
 Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
 Для блага всѣхъ свое позабывать,
 Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
 Вотъ правила царей великихъ внуку“.

Припомните, какъ поэтъ развилъ эти высокія и свободныя мысли въ своемъ «Планѣ» о воспитаніи наследника и что онъ убѣжденно внушалъ ему на своихъ урокахъ:

«Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога... но сію власть имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительной насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ.

«Люби и распространяй просвѣщеніе,—оно сильнѣйшая опора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства, легко управлять имъ только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти; но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ.

«Уважай общественное мнѣніе,—оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли.

«Люби свободу, т.-е. правосудіе, ибо въ немъ и правосудіе царей, и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ.

«Владычествуй не силой, а порядкомъ; истинное могущество государя въ исклѣ его воиновъ, а въ благоденствіи его народа».

Припомните, наконецъ, что отвѣтомъ царственного ученика на эти уроки своего наставника-поэта были великія освободительныя дѣла: дарованіе свободы десяткамъ милліоновъ рабовъ, равенство всѣхъ передъ закономъ, правый и милостивый судъ, земское и городское самоуправленіе, широкое распространеніе просвѣщенія.

Послѣ чтенія произведеній Гоголя и Жуковскаго, послѣ бесѣдъ объ этихъ произведеніяхъ, перечитайте съ учениками изъ исторіи очерки великихъ освободительныхъ реформъ, подробно побесѣдуйте о нихъ, и тогда еще болѣе станутъ ясными для вашихъ учениковъ и гоголевскія картины нашей дореформенной жизни, и жизненное значеніе прекрасныхъ идеаловъ Жуковскаго; ясны станутъ и многія понятія изъ жизни личной, общественной и государственной, и вы тѣмъ самымъ сблизите школу и книгу съ жизнью, и многому научите, и хорошо воспитаєте вашего ученика для жизни истинно разумной и истинно доброй, жизни личной и общественной. А въ этомъ, и только въ этомъ, и заключается просвѣтительная задача всякой школы.

Д. М. Тихомировъ.

Крепостные крепостных крестьянъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.

Огромное количество матеріаловъ для разработки исторіи Россіи въ XVIII в. дали фамиліные архивы разныхъ частныхъ лицъ; въ этомъ легко убѣдиться, ознакомившись съ одною изъ главъ «Опыта русской исторіографіи» В. С. Иконникова, труда въ высшей степени замѣчательнаго по изумительной начитанности автора *). Многие изъ владѣльцевъ этихъ архивовъ были собственниками крупныхъ населенныхъ имѣній, но источники, рисующіе отношенія этихъ богатыхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, были всего менѣ затронуты не только при разработкѣ матеріаловъ, хранящихся въ частныхъ собраніяхъ рукописей, но и при изданіи сырыхъ документовъ.

Одними изъ самыхъ крупныхъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній въ Россіи, а съ начала XIX в. и самыми крупными, были гр. Шереметевы. Въ первые годы царствованія имп. Екатерины II (въ 1767 г.) гр. П. Б. Шереметеву и его женѣ принадлежало 44,561 д. м. п. **).

Относительно количества его крестьянъ въ нѣсколько болѣе позднее время мы имѣемъ свѣдѣнія въ хранящихся въ московскомъ межевомъ архивѣ данныхъ генеральнаго межеванія, которое во второй половинѣ XVIII в. было произведено въ 20 губерніяхъ Великороссіи. По нашему подсчету на основаніи этихъ данныхъ во время генеральнаго межеванія за гр. Петромъ Бор. Шереметевымъ (вмѣстѣ съ женою и сыномъ и за исключеніемъ данныхъ въ приданое за дочерью) числилось около 60,000 д. м. п. Но такъ какъ во многихъ изъ тѣхъ губерній, гдѣ лежали вотчины гр. Шереметева (а именно Московской, Ярославской, Владимірской, Костром-

* Томъ I, кн. 2, Спб., 1892 г., гл. VII. «Фамиліныя и частныя библіотеки въ Россіи», стр. 1072—1349.

«Отголоски XVIII в.». Вып. V. Спб., 1897 г., стр. 38—41. Впрочемъ, списокъ этотъ не полонъ: укажемъ, наприм., на то, что въ немъ нѣтъ «рижскихъ имѣній» или «вотчинъ» (Пебалгскій замокъ), пожалованныхъ при Петрѣ В. въ 1711 г. В. Шереметеву и оставленныхъ во владѣніи его потомковъ. «Сб. Истор. Общ.» т. XV, стр. 324—325; *Eckardt*: «Livland im XVIII Jahrhundert», т. I, стр. 408—409; *Российскій Архивъ*, 1898 г., т. II, стр. 286; т. III, стр. 8; 1896 г., т. II, стр. 207.

ской, Тверской, Смоленской, Тульской, Рязанской и Орловской) не было произведено до 4-й ревизии (1782 г.), то количество душ этих имѣній, было указано по даннымъ третьей ревизии (первой вины 1760-хъ гг.) и потому всего у гр. Н. П. Шереметева въ XVIII в. должно было быть значительно болѣе крестьянъ. Яковъ Си утверждалъ, что въ 1797 г. гр. Н. П. Шереметеву принадлежало 13 душъ *). Если онъ разумѣлъ при этомъ души мужского пола, какъ новенно тогда считали, то эта цифра сильно преувеличена. По сл Свербеева, у гр. Шереметева при Александрѣ I было до 100,000 крестьянъ мужского пола **). Баронъ Гакстгаузенъ, посѣтившій Росс 1843—44 гг., говорить о гр. Шереметевыхъ: «Эта фамилія неизмѣри гата. Я слышалъ, будто она имѣетъ 200,000 д. крѣпостныхъ мужского По этому показанію Шереметевъ имѣлъ бы почти столько же крѣпост сколько герцогъ Нассаусскій подданныхъ. По другимъ имѣющимъ у свѣдѣніямъ Шереметеву принадлежить только 128,000 душъ ***). Эт слѣдняя цифра ближе къ истинѣ, чѣмъ первая. Извѣстный профе А. В. Никитенко, бывшій въ молодости крѣпостнымъ гр. Шерем въ началѣ «Повѣсти о самомъ себѣ» пишетъ: у гр. Шереметевыхъ послѣднее время, говорятъ, считалось до 150,000 душъ», очевидно, ского пола ****). Это довольно точная цифра крѣпостныхъ гр. Д. Шереметева въ 1859—1860 гг.: въ это время по даннымъ, извлечен изъ свѣдѣній о всѣхъ имѣніяхъ въ Россіи болѣе 100 душъ, у гр. Шереметева было 145,920 д. крестьянъ и 1,137 дворовыхъ, итого 146,0 муж. пола и около 800,000 дес. земли †). Такъ какъ въ счетъ мог попасть нѣкоторыя небольшія имѣнія, то общее количество крес гр. Шереметева вѣроятно было нѣсколько болѣе.

И вотъ отношенія къ ихъ крѣпостнымъ крестьянамъ этихъ земель магнатовъ остаются почти совершенно неизвѣстными! Въ трудѣ Барсугова «Родъ Шереметевыхъ» (7 томовъ, 1881—1899 гг.), доведе до 1672 г., авторъ, имѣвшій возможность воспользоваться матеріалам мильнаго архива этого рода, вовсе не касается отношенія представ его къ крестьянамъ, а между тѣмъ примѣръ И. Е. Забѣлина, живо и жавшаго хозяйственную дѣятельность боярина Морозова ††), по какъ много интереснаго можетъ дать исторія хозяйствъ крупныхъ в никовъ. Въ болѣе чѣмъ скудныхъ отрывкахъ, напечатанныхъ гр. Шереметевымъ, изъ своего архива домовой конторы †††), очень мало да

*) *Blum.*: „Ein Russischer Staatsmann“, т. IV, стр. 321.

***) „Записки Д. Н. Свербеева (1799—1826 гг.)“. М., 1899 г., т. II, стр. 6

****) *Haxthausen*: „Studien über die innern Zustände Russlands“, т. III, стр

****) *Русская Старина*, 1888 г., т. 59, стр. 307.

†) „Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій“. Спб., 1860 г., IV, VI.

††) См. его статью „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“. *Миръ Европы*, 1871 г., № 1 и 2.

†††) „Указы гр. П. Б. Шереметева его управителямъ“. *Русскій Архивъ*, 1 т. II, 1898 г., т. I—III.

о крѣпостныхъ; кое-какіе отрывочные факты были приведены въ его брошюрахъ «Отголоски XVIII в.» *), и, наконецъ, въ 1901 г. была издана книга небольшая (149 стр.) книжка подъ заглавіемъ «Архивъ села Вожажника» **), которая представляетъ матеріалы всего за два года (1718—1719 г. ***). Вотъ почти все, что обнаружено изъ архивовъ гр. Шереметевыхъ о положеніи ихъ крестьянъ ****).

Не лучше обстоятъ дѣло изученія положенія крестьянъ и другихъ земельныхъ магнатовъ Россіи. Вторымъ землевладѣльцемъ въ *Великороссіи* послѣ гр. П. Б. Шереметева при Екатеринѣ II былъ гр. К. Г. Разумовскій, которому въ этой части Россіи принадлежало въ 1784 г. 45,000 д. муж. п. †). Но такъ какъ въ *малороссійскихъ имѣніяхъ* Разумовскаго, лежавшихъ въ полкахъ: Нѣжинскомъ, Кіевскомъ, Переяславскомъ и Гадячскомъ было въ 1774 г. *взрослыхъ* работниковъ (15—60 лѣтъ) 22,649 д., то, слѣдовательно, въ нихъ было тогда около 45,000 душъ ††). Кромѣ того, онъ наслѣдовалъ имѣнія своего брата Алексѣя Григорьевича въ Стародубскомъ и Полтавскомъ полкахъ. Въ Стародубскомъ полку въ 1781 г. ему принадлежало по нашему подсчету около 23,000 д. м. п. †††). Размѣры населеннаго имѣнія (Барловка), лежавшаго частію въ Полтавскомъ полку, частію въ Екатеринославской провинціи неизвѣстны, но несомнѣнно это было очень крупное помѣстье. Слѣдовательно всего Кир. Григ. Разумовскому принадлежало 120,000 душъ ††††). Такимъ образомъ во *всей Россіи* въ концѣ 1770-хъ гг. гр. К. Г. Разумовскій былъ самымъ крупнымъ вотчинникомъ. Но затѣмъ нѣкоторыя имѣнія онъ продалъ, а остальные были раздѣлены между его многочисленнымъ семействомъ, между тѣмъ какъ имѣнія гр. П. Б. Шереметева, кромѣ отданныхъ въ приданое за его дочерью, перешли къ его сыну Николаю Петровичу, и потому въ XIX в. по числу душъ гр. Шереметевы были несомнѣнно самыми крупными владѣльцами населенныхъ имѣній въ Россіи; по числу же десятинъ земли ихъ далеко превосходили владѣльцы строгановскаго майората; но имѣнія этихъ послѣднихъ лежатъ почти исключительно въ Пермской губ., вотчины же Шереметевыхъ были разсѣяны по всей *Великороссіи*. Семейство Разумовскихъ нашло въ А.

*) Выпуски IV и V, 1897 г.

**) Имѣніе Ярославской губ., пожалованное Б. П. Шереметеву вмѣстѣ съ Юхотскою волостью (Угличскаго и Мышкинскаго уѣздовъ).

***) Письма и указы Б. П. Шереметева, челобитныя и донесенія ему.

****) Нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о крѣпостныхъ крестьянахъ гр. Шереметева, села Иванова (Владимірской губ., Шуйскаго уѣзда), были сообщены г. Гарелинымъ въ его книгѣ „Городъ Иваново-Вознесенскъ“. Шуй, 1885 г., ч. 1 и 2.

†) А. Васильчиковъ: „Семейство Разумовскихъ“. Спб., 1880 г., т. I, прил. стр. XI—XXIII.

†) *Güldenstädt*: „Reisen“, т. II, стр. 382.

††) 6,842 двора, 7,829 хатъ и 266 бездворныхъ хатъ крестьянъ и 29 дворовъ, 47 хатъ и 27 бездворныхъ хатъ подсуздвовъ. *Лазаревскій*: „Описаніе старой Малосіи“. Томъ I. Стародубскій полкъ; срав. „Матер. для оцѣнки земель. угодій, со черниг. земск. упр.“, т. XV, стр. 75—79.

†††) Такъ полагаютъ и Е. П. Карновичъ „Замѣчат. богатства“, 1874 г., стр. 287.

Васильчиковъ внимательнаго біографа, но и онъ очень мало затронулъ хозяйственную дѣятельность этихъ баловней счастья.

Въ 1747 и 1749 гг. состоялся раздѣлъ унаслѣдованныхъ тремя братьями Строгановыми отъ ихъ отца имѣній, въ которыхъ тогда было 5 душъ муж. п. *). Доли двухъ братьевъ—Александра Григорьевича и Николая Григорьевича раздѣлились въ концѣ 1750-хъ и началѣ 1760-хъ годовъ, но доля третьяго брата—Сергѣя Григорьевича перешла въ 1756 году раздѣльно къ его сыну Александру Сергѣевичу **), у котораго по ревизіи было почти 23,000 д. муж. п. (въ томъ числѣ въ пермскихъ имѣніяхъ 21,612 д.) а въ годъ смерти (въ 1811 г.) въ его пермскихъ имѣніяхъ было 44,846 д. муж. п. Наслѣдовавшій его имѣнія сынъ, гр. Павелъ Александровичъ, составилъ въ 1817 г. майоратный актъ, по которому всѣ его имущества должны были войти въ составъ одного перманентнаго имѣнія. По этому акту, утвержденному императоромъ Александромъ I, вдова его по его смерти вступаетъ въ пожизненное владѣніе майоратнымъ имѣніемъ, а затѣмъ наследуетъ матери старшая дочь. Гр. Павелъ Александровичъ умеръ въ томъ же году и вдова его—Софья Владиміровна владѣла майоратомъ до самой смерти въ 1845 г. По восьмой ревизіи (1834 г.) въ майоратѣ было 59,727 д. муж. п. Наталья Павловна была замужемъ за бар. Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, и послѣднимъ попечителемъ московскаго учебнаго округа при императорѣ Николаѣ I съ женитбою получившимъ, по условіямъ майората, титулъ графа (умеръ въ 1882 г.) ***). Въ позднѣйшее время въ майоратѣ гр. Строгановыхъ снова числилось по 10-й ревизіи (1859 г.) 78,064 д. муж. п. или 160 тысячъ душъ обоимъ пола и 1.400,000 дес. земли ****). Что же знаемъ мы о крестьянѣхъ въ громаднѣхъ имѣніяхъ Строгановыхъ? Для допетровскаго времени собрано не мало данныхъ лучшимъ знатокомъ исторіи Пермскаго края А. А. Дмитриевымъ †), но для XVIII в. мы имѣемъ лишь свѣдѣнія о раздѣлахъ имѣній между членами семьи Строгановыхъ и о продажѣ имѣній нѣкоторыми изъ нихъ со статистическими свѣдѣніями о количествѣ крестьянъ, и только для первой половины XIX в. есть нѣкоторые факты о крестьянахъ майоратнаго имѣнія ††).

*) Изъ трудовъ Ѳ. А. Волегова по исторіи Строгановыхъ. Прилож. къ 1-й книжкѣ Пермской губ. на 1889 г., стр. 26—27.

**) Онъ получалъ въ 1761 г. титулъ графа Римской имперіи, а въ 1771 г. титулъ графа Россійской имперіи.

***) А. Дмитриевъ: „Историч. очеркъ возм. отношеній на Уралѣ съ половинъ XVIII вѣка въ районѣ бывшихъ имѣній Гр. Дм. Строганова“. *Пермскія Губернскія Вѣдомости* 1883 г., № 73; *Болмаковъ*: „Домъ и фамилія Строгановыхъ 1752—1887 г.“. *Старина* 1887 г., № 4, стр. 80—84.

****) „Вотчинное хозяйство на Уралѣ“. *Русская Мысль*, 1883 г., № 3, стр. 11. *Володинъ*: „Къ исторіи строгановскаго майоратнаго имѣнія“. *Пермскія Губернскія Вѣдомости*, 1883 г., № 68.

†) См. его трудъ „Пермская Старина“. Вып. IV.

††) См. *Пермскій Край*, т. II—III. Пермь, 1893—1895 гг. *Н. Роговъ*: „Данные для исторіи пермскаго заповѣднаго имѣнія гр. Строгановыхъ“. 1892 г.

Братья Орловы было пожаловано при Екатеринѣ II 25,544 души муж. п. Биографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова, составленный гр. Орловымъ-Давыдовымъ (1878 г.), сообщаетъ свѣдѣнія о его хозяйственной дѣятельности, но было бы желательно имѣть гораздо болѣе данныхъ объ отношеніи къ крестьянамъ этой семьи, столь близкой къ Екатеринѣ II въ первые годы ея царствованія.

Г. А. Потемкину въ половинѣ 1780-хъ гг. въ Великороссіи, Бѣлорусіи и Новороссіи принадлежало около 51,000 д. муж. п. *). Много ли мы знаемъ о томъ, какъ жилось его крестьянамъ?

Графу Румянцеву за блестящую воинскую дѣятельность и прочія заслуги было пожаловано около 20,000 д. муж. п. Никакого изданія документовъ о гр. Румянцевѣ, какъ помѣщикѣ, не существуетъ, хотя такіе документы сохранились.

Гр. А. и С. Р. Воронцовымъ въ 1801 г. принадлежало вмѣстѣ 15,823 души муж. п. **). Теперь напечатано 40 томовъ архива кн. Воронцовыхъ; изданіе закончено, но въ немъ нѣтъ свѣдѣній о крестьянахъ ихъ имѣній.

Наслѣдники гр. Никиты Петровича Панина издали подъ редакціей проф. Бригнера нѣсколько томовъ матеріаловъ для его биографіи, но свѣдѣній объ его обширныхъ имѣніяхъ мы въ нихъ не находимъ.

Перечень этотъ можно было бы значительно удлинить, но сказаннаго достаточно, чтобы показать, что наслѣдники всѣхъ этихъ магнатовъ и вельможъ, обязанные своимъ благосостояніемъ многимъ поколѣніямъ крѣпостныхъ крестьянъ, вовсе не думали или думали очень мало о томъ, что имъ долсъ—дать для науки матеріалъ, который могъ бы обрисовать жизнь этихъ труженниковъ. Подвиги предковъ этихъ богачей все равно рано или поздно сдѣлаются достояніемъ исторіи, у которой одинаково хорошая память какъ для добра, такъ и для зла, сдѣланнаго народу; а между тѣмъ значительная доля отвѣтственности за медленные успѣхи исторіи крѣпостного права въ Россіи лежитъ на владѣльцахъ дворянскихъ архивовъ, почти вовсе не издающихъ тѣхъ изъ принадлежащихъ имъ документовъ, которые относятся къ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ ихъ предковъ.

Намъ могутъ сказать, что вотчинные архивы наиболѣе богатыхъ дворянскихъ фамилій Россіи такъ обширны, что нѣтъ возможности напечатать даже сотую долю хранящихся въ нихъ документовъ; но потому-то и нужно начинать такіа изданія не съ отдѣльныхъ отрывочныхъ распоряженій помѣщиковъ и донесеній вотчинныхъ властей, а съ документовъ болѣе общаго характера: инструкцій управителямъ и приказчикамъ, уложеній и управления имѣніями, статистическихъ свѣдѣній о нихъ, данныхъ о ихъ чельныхъ отношеніяхъ, размѣрахъ барщины и оброка, помѣщичьихъ

*) Госуд. Арх., XI, № 949, ч. I, № 2.

„Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ Щукина“, т. IX, стр.

фабрикахъ, бытѣ дворовыхъ, переселеніяхъ, цѣнахъ крестьянъ, о наказаніяхъ, которымъ они подвергались, побѣгахъ и волненіяхъ крѣпостныхъ и т. п. При свѣтѣ большого количества такихъ фактовъ было бы легче различать болѣе обычное отъ явленій рѣдкихъ и исключительныхъ. Слѣдуетъ также пожелать, чтобы архивы отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, а также и дворянскихъ собраний, были доступны для ученыхъ, что далеко не всегда бываетъ въ настоящее время.

Мнѣ была доставлена небольшая по количеству, но цѣнная по своему интересу коллекція бумагъ, относящихся къ вотчинамъ гр. Шереметевыхъ во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX вв. Для настоящаго очерка я воспользуюсь тѣми изъ нихъ, которыя дополняютъ болѣе чѣмъ скудные извѣстія, имѣющіяся въ нашей научной литературѣ относительно крѣпостныхъ, принадлежавшихъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Нашъ очеркъ весьма неполонъ по причинамъ, отъ насъ независящимъ, но, быть можетъ, онъ побудитъ дополнить сообщенныя въ немъ свѣдѣнія тѣхъ, кто располагаетъ необходимыми для этого матеріалами.

Въ половинѣ XVIII столѣтія право владѣть крѣпостными и пріобрѣтать ихъ на свое имя какъ съ землею, такъ и безъ земли, сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ дворянства. Въ 1739 и 1740 г. крестьянамъ дворцовымъ и тѣмъ, которые принадлежали церковнымъ учрежденіямъ, запрещено было покупать людей какъ въ услуженіе, такъ и для поставки вмѣсто себя въ рекруты. Но въ 1766 г. дворцовымъ крестьянамъ разрѣшено было покупать отъ помѣщиковъ къ дворцовымъ волостямъ небольшія деревни съ землями, а въ 1788 г. это право было распространено на *все казенныя волости*. При такихъ покупкахъ крестьяне имѣли главнымъ образомъ въ виду пріобрѣсти замѣстителей для отбыванія рекрутской повинности. Крѣпостные же крестьяне послѣ запрещенія 1730 г. продолжали пріобрѣтати людей въ личное владѣніе какъ съ землею, такъ и безъ земли, но только не на свое имя, а на имя помѣщика и съ его разрѣшенія. Были, впрочемъ, случаи покупки людей крѣпостными и на имя другихъ дворянъ.

Крестьяне ярославской и ростовской вотчинъ фельдмаршала Б. П. Шереметева покупали крестьянъ (въ нынѣшней Новгородской губ.) еще въ 1718 г. *). Сынъ его, гр. Петръ Борисовичъ, въ своей неизданной инструкціи приказчику села Островца, Московской губ. (1764 г.), установилъ относительно этого слѣдующее правило. Если кому-либо изъ его крестьянъ понадобится купить у помѣщиковъ «въ работу» дворовыхъ людей и

*) Бор. Петр. Шереметевъ писалъ приказчику этихъ вотчинъ: „Какъ сей и индикъ... къ вамъ придетъ, тотчасъ его отправь на Бѣло озеро для *взятыхъ* купленныхъ крестьянъ, давъ ему крѣпости. Также съ нимъ отправь и тѣхъ мужиковъ, *которые оныя крестьянъ купили*, для всякаго вспоможенія“. Съ ними предписывае съ еще „послать двухъ человекъ изъ тѣхъ мужиковъ, купленныхъ для вѣрности *другъ* съ, что онымъ мужикамъ *взятыхъ* никакой обиды не показано“. „Архивъ села Вошеникова“. Вып. I, стр. 6. „Бумаги фельдмаршала Б. П. Шереметева“. М., 1907.

крестьянъ, такихъ велѣно было покупать «съ вѣдома и свидѣтельства приказчиковъ и выборныхъ» на имя господина, брать «отъ крѣпостныхъ дѣлъ» купчія и присылать въ Москву въ домовую канцелярію, оставивъ въ вотчинѣ копіи, а «безъ вѣдома и безъ справокъ отнюдь не покупать». За такихъ купленныхъ крестьянами крестьянъ подушныя деньги, рекрутскія слагади и прочіе государственныя «поборы» изъ мірскихъ сборовъ платить было не велѣно и ихъ въ число крестьянъ, платящихъ оброкъ господину, и въ вытное число съ прочими крестьянами не полагать, а всё государственныя поборы велѣно было вносить въ «вотчинную сумму» съ тѣмъ, чтобы они уплачивались за нихъ въ городѣ, сообщая съ другими крестьянами *).

Приобрѣтать работниковъ или работницъ для «услугъ» разрѣшалъ и гр. В. Г. Орловъ въ своемъ уложеніи, гдѣ были установлены подробныя права относительно управленія его вотчинами; такая покупка дозволялась лишь съ разрѣшенія господина, и если купившіе работниковъ хозяева станутъ дурно обращаться съ ними, то ихъ позволялось отбирать отъ хозяевъ безъ всякой платы. За дурное поведеніе хозяева могли наказывать купленныхъ ими людей сами или при помощи бурмистра; если же эти люди окажутся неисправными, то также могли быть отобраны. Ограниченіе власти хозяевъ надъ купленными ими крестьянами сказалось и въ томъ, что, хотя имъ было позволено выдавать своихъ женщинъ замужъ за постороннихъ, но не велѣно было брать за нихъ выводныхъ денегъ. Подобно тому, какъ и у гр. Шереметева, хозяева купленныхъ людей въ имѣніяхъ гр. В. Г. Орлова не должны были платить за нихъ оброка господину, но обязаны были вносить подушную подать и нести рекрутскую повинность, не возлагая того и другого на крестьянское общество **).

Крѣпостные гр. Шереметева въ большомъ размѣрѣ воспользовались даннымъ имъ разрѣшеніемъ покупать крѣпостныхъ на имя своего господина. Въ селахъ гр. Шереметева—Ивановѣ и Стромихинѣ, Шуйскаго уѣзда, по пятой ревизіи (1794 г.) числилось господскихъ крестьянъ (кромѣ дворовыхъ) 3,797 душъ муж. п. и 4,491—жен. п.; а у нихъ «покупныхъ и живущихъ у хозяевъ» было 528 душъ муж. п. и 659 жен. п., слѣдовательно, въ этой вотчинѣ седьмую часть населенія составляли купленные крестьянами гр. Шереметева на имя своего господина ***).

*) Въ 1779 г. управляющій гр. Шереметева въ с. Ивановѣ, Есауловъ, «отдалъ въ вѣчное владѣніе» крестьянину этого села Гарелину принадлежавшаго ему мальчика, отца котораго онъ купилъ въ 1763 г. у своей тетки, причемъ купчая была выдана на имя гр. Шереметева. Уступая мальчика Гарелину, Есауловъ написалъ слѣдующее письмо на его имя. *Гарелинъ*: „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, т. I, с. 106—107.

*) Одинъ новгородскій помѣщикъ въ письмѣ къ Суворову называлъ такихъ людей состоящихъ во владѣніи крѣпостныхъ, холопами. *Рыжковъ*: „Генералиссимусъ Суворовъ“. М., 1874 г., стр. 107.

*) Въ 1796 г. господинъ велѣлъ сдѣлать новую перепись такихъ покупныхъ крестьянъ. Вотъ какъ писались въ с. Ивановѣ „поступныя письма“ при продажѣ

Въ 1796 г. гр. Н. П. Шереметевъ, какъ видно изъ его неизданнаго предписанія, обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ «покупныхъ крестьянами крестьянъ» имѣютъ въ селѣ Ивановѣ купленные ими дома за которые ему ничего не платятъ, а другіе, женись на «вотчинныхъ» крестьянкахъ, «владѣютъ «отеческими домами» своихъ женъ безъ должнаго платежа, и такимъ образомъ «притѣсняются маломочные и средней статьи крестьяне». Поэтому гр. Шереметевъ установилъ впредь слѣдующія правила. Крестьянинъ женить своего «работника» на вотчинныхъ крестьянкахъ которыхъ есть свои дома, гдѣ они и живутъ, то этихъ женившихся крестьянъ считать зятями въ тѣхъ домахъ, причислить къ вотчиннымъ крестьянамъ и взимать наравнѣ съ ними графскій оброкъ. Дѣвушка, вышедшая замужъ съ дозволенія вотчиннаго правленія, «безъ своего дома, а въ домъ къ хозяину, остается въ немъ», какъ это было предписано Б. П. Шереметевымъ еще въ 1784 г.; если же кто женить своего работника безъ вѣдома вотчиннаго правленія, то такой долженъ быть поставленъ на тягло съ прочими вотчинными крестьянами и обязанъ платить одинаковый съ ними оброкъ. Если «покупной работникъ» женится на вдовѣ или дѣвушкѣ безъ вѣдома своего хозяина, такого отъ слѣдующаго не отбирать, а женѣ работника жить съ мужемъ у хозяина, бы даже ей одной приходилось наследовать домъ послѣ отца, но за свою вольную женитьбу домъ этотъ долженъ былъ перейти къ ближайшему родственнику ея отца. При этомъ за вышедшихъ самовольно замужъ вдовъ и дѣвушекъ изъ вотчинныхъ крестьянъ и за покупныхъ работницъ мужа должны были платить хозяевамъ выводныя деньги въ такомъ же размѣрѣ, какъ назначено предписаніемъ графа для крестьянъ послѣдней статьи, причемъ вдовы и дѣвушки старше 25 лѣтъ могли выходить замужъ, несмотря даже на запрещеніе хозяина; но выводныя деньги слѣдовало платить и за нихъ

людей отъ одного крестьянина другому. Въ 1806 г. Яковъ Гарелинъ «поступилъ своему родному брату доставшуся ему по раздѣлу послѣ покойнаго отца покупку на имя графа крестьянскую дочь - дѣвку, написанную по пятой ревизіи въ селѣ Таковицахъ, деревнѣ Василевѣ, цѣною за 50 р., «которая напередъ сего мною никому не продана и ни подъ какимъ предлогомъ нигдѣ не прикрѣплена, а составлена единственно за мною въ неоспоримомъ владѣніи моемъ, а ежели кто осмѣлится на такую дѣвку вступаться, то долженъ я покупщика отъ всѣхъ вступившихъ очищать и ни до какихъ убытковъ не доводить». Въ вотчинномъ правленіи с. Иваново при засвидѣтельствованіи этого поступка писма было взыскано съ покупателя цѣны дѣвушки 5% пошлина. *Я. Гарелинъ:* «Городъ Иваново-Вознесенскъ», стр. 107—109.

*) Относительно выводной платы при выдачѣ вотчинными крестьянами вдовъ и дѣвушекъ замужъ за постороннихъ въ неизданной инструкціи гр. П. Б. Шереметевымъ (1764 г.) приказчику установлена слѣдующая плата: «съ пашенныхъ и ремесленныхъ съ первостатейныхъ—по 30 р., съ среднихъ—20 р., съ малотяглыхъ—по 10 р. въ тѣхъ, кто имѣетъ торгу на 500 р., велѣно было брать за выводъ 100 р., а у торговъ болѣе чѣмъ на 500 р., такихъ замужъ за постороннихъ безъ указа господина велѣно было не выпускать. Съ богатыхъ крестьянъ въ такомъ случаѣ брали еще большія деньги. Въ первой половинѣ XIX в. за увольненіе на свободу для вы

Въ «Собраніи положеній и правилъ», по которымъ долженъ былъ поступать управляющій гр. Шереметева (составленномъ во второй половинѣ 1810-хъ гт.), сказано, что хозяева «покупныхъ на имя помѣщика своего дѣвокъ», если онѣ, достигнувъ совершеннолѣтія, пожелаютъ выйти замужъ и принять себѣ жениховъ, не должны ихъ отъ этого удерживать (согласно предписанію 1794 г.), а также стараться поженить «покупныхъ» и мужского пола. При этомъ если купленная крестьяниномъ дѣвушка пожелаетъ идти замужъ за вотчиннаго крестьянина, то женихъ платитъ за нее покупщику 100 руб. выводныхъ, а если кто пожелаетъ взять въ замужество за своего покупнаго работника вотчинную дѣвушку, то платитъ помѣщику выводъ «соразмѣрно съ достаткомъ» отца невѣсты, какъ это было постановлено и относительно выпуска замужъ за постороннихъ. Въ такихъ случаяхъ велѣно было, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, представлять въ канцелярію господина и ожидать приказаній, а самимъ не выпускать. Высканіе же вывода за покупныхъ дѣвушекъ съ постороннихъ жениховъ предоставлялось на волю хозяина, а правленіе должно было только испросить отъ канцеляріи позволеніе на выдачу невѣстѣ выводнаго свидѣтельства. Если же кто изъ крестьянъ «осмѣлится покупнаго своего работника женить на вотчинной дѣвкѣ самовольно, не заплатя выводу», тотъ (какъ это было предписано въ селѣ Ивановѣ еще въ 1796 г.) «лишается женившихся», которые причисляются къ вотчиннымъ крестьянамъ и поверстываются въ тягло.

Мы видѣли выше, что въ 1796 г. крестьяне гр. Шереметева не платили въ «казну» помѣщика никакого оброка за купленныхъ ими работниковъ; напротивъ, въ «Собраніи положеній и правилъ» (второй половины 1810-хъ гт.) сказано, что въ Ивановской вотчинѣ графа за всѣхъ «покупныхъ крестьянами работниковъ» взималось въ это время въ пользу господина 960 рублей въ годъ.

Въ началѣ XIX столѣтія въ село Иваново привозили на базаръ цѣлыми возами дѣвушекъ для продажи. Главнымъ образомъ ихъ доставляли изъ Малороссіи, и мѣстные богатые крестьяне покупали ихъ для домашнихъ услугъ. Этому не приходится удивляться, если даже въ Петербургъ въ послѣдней четверти XVIII в. привозили людей для продажи цѣлыми барками. Бромъ того, крестьяне села Иванова, бывавшіе на дальнихъ окраинахъ, покупали тамъ себѣ слугъ преимущественно изъ калмыковъ, которые торговали тогда въ Астрахани и на ярмаркахъ Макарьевской и Ирбитской *). Наконецъ, въ 1808 г. правительство запретило продажу людей на ярмаркахъ.

1809 г. гр. Н. П. Шереметевъ умеръ, и опекуны его малолѣтняго

въ сродну въ замужество крестьянскихъ дѣвицъ (села Иванова) Ямановской и Гандуриной, было взято помѣщикомъ за первую 10,000 р., а за вторую 7,000 р. Гарелинъ: „Годы Иваново-Вознесенскъ“, т. I, стр. 114.

Гарелинъ, т. I, стр. 121: „Сборн. историч. матер. извлеч. изъ арх. соб. Е. И. Р. канц.“. Спб., 1891 г., т. IV, стр. 451.

сына Дмитрія Николаевича нашли нужнымъ въ томъ же году воеводамъ крестьянамъ перепродавать изъ рукъ въ руки купленныхъ ими людей (въ томъ же году *), а въ 1811 г. они запретили также крестьянамъ покупать, на имя своего помѣщика, такъ и на имя лицъ постороннихъ людей обоего пола и всякое недвижимое имущество, «какъ совершенно присвоенное имъ однимъ дворянствомъ», и велѣли просить объ этомъ ни отъ кого не принимать **). Но покупка людей мужского пола для отдачи въ продажу попрежнему разрѣшалась, хотя и не иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: крестьяне должны были подавать письменныя прошенія, которыя разсматривались вотчиннымъ правленіемъ, затѣмъ крестьянское общество своимъ приговоромъ давало дозволеніе на такую покупку, а приговоръ этотъ утверждался опекунами графа, которые и выдавали довѣренности какъ помѣщику, такъ и самому крестьянину ***). Управляющій дворомъ долженъ былъ наблюдать, чтобы крестьяне не покупали людей «для продажи на имя гр. Дм. Ник. Шереметева, ни на имя постороннихъ помѣщиковъ, ни по довѣренностямъ. Прежде купленные крестьяне и впредь покупались для отдачи въ рекруты люди мужского пола должны были причисляться по очереди къ семействамъ покупателей, которые должны были платить за нихъ всѣ государственныя подати.

Приведенныя выше постановленія гр. В. Орлова и гр. Шереметева о покупкѣ ихъ крѣпостными крестьянами крестьянъ или работниковъ наводятъ на размышленіе о правилахъ владѣнія отдѣльными лицами. Но у гр. Шереметева были крѣпостные, пріобрѣтавшіе на его имя дѣльныя населенныя имѣнія. Каковы же были отношенія такихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ, съ одной стороны, къ своему господину, гр. Шереметеву, а съ другой—къ крестьянамъ на его имя крестьянамъ? До сихъ поръ объ этомъ не было никакихъ данныхъ въ нашей научной литературѣ. Къ счастью, въ нашемъ распоряженіи находятся доставленные намъ изъ провинціи неизданныя рукописныя акты, дающіе отвѣты на эти вопросы относительно одного такого крѣпостнаго владѣльца населеннаго имѣнія, крѣпостнаго крестьянина гр. П. Б. Шереметева, Никифора Сеземова.

Сеземовъ нажился сначала торговлею, а затѣмъ виннымъ откупомъ. Откупщикомъ онъ сдѣлался съ разрѣшенія господина (какъ это тогда было закономъ) въ 1775 г. ****).

*) Быть можетъ, это распоряженіе было вызвано только что указаннымъ выше обстоятельствомъ, а именно запрещеніемъ торговли людьми на ярмаркахъ.

***) Однако это запрещеніе не всегда соблюдалось: есть указаніе на покупку крестьяниномъ села Иванова Полушинымъ въ 1815 г. *Русск. Арх.* 1881 г. т. II, стр. 182.

****) О покупкѣ крѣпостными крестьянами *съ землею* для отдачи ихъ въ продажу свидѣтельствуетъ Н. И. Тургеневъ: „*La Russie et les Russes*“, т. II, стр. 9.

*****) У нѣкоторыхъ крестьянъ-подданныхъ гр. К. Г. Разумовскаго были въ Россіи въ 1781 г. свои крестьяне и подсудьки; у одного было 37 крестьянскихъ дворовъ. *Ал. Лазаревскій*: „*Описан. стар. Малороссіи*“, т. I, стр. 312, 313, 320.

*****) Гр. Шереметевъ разрѣшилъ ему вступить въ торги на откупъ питей.

Въ 1777 г. Сеземовъ купилъ у прапорщика Аммоса Демидова на имя своего помѣщика село Богородское съ деревнями въ Ветлужской волости; Унженскаго уѣзда, Галицкой провинціи; въ имѣніи этомъ числилось 429 душъ мужского пола. Сеземовъ израсходовалъ на его покупку 29,560 руб. *), т.-е. въ среднемъ почти по 69 руб. за каждую душу мужского пола. 3 іюля того же года гр. П. Б. Шереметевъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Кузовѣ далъ Сеземову за своею подписью «указъ», въ которомъ писалъ: «покупнымъ тобою на мое имя... недвижимымъ имѣніемъ (такимъ-то) тебѣ и установленнымъ по тебѣ наследникамъ владѣть дозволяю, чего ради для владѣнія и данъ сей указъ». Одновременно съ этимъ гр. Шереметевъ послалъ предписаніе «старостѣ и всѣмъ крестьянамъ села» Богородскаго, въ которомъ извѣщалъ, что прапорщикъ Аммосъ Прокофьевъ сынъ Демидовъ продалъ ему, гр. Шереметеву, село Богородское съ деревнями, «въ чемъ отъ него и купчая имѣ въ Москвѣ отъ брѣвпостныхъ дѣлъ дана, и та купчая въ вотчинной коллегіи явлена, и о справѣ и объ отказѣ производится въ той коллегіи дѣло, о чемъ вамъ вѣдать. А какъ нынѣ отъ меня въ то село Богородское съ деревнями посланъ подмосковной моею вотчины, села Вешнякова, деревни Выхиной, крестьянинъ Никифоръ Сеземовъ, которому отъ меня вѣдено ту вотчину осмотрѣть и принять ему въ свое вѣдомство и трактаніе, и той вотчины между крестьянъ судъ и расправу имѣть ему, Сеземову; того ради по полученіи сего его Сеземова (sic) во всемъ вамъ быть послушнымъ и по его распорядкомъ, что онъ усмотритъ къ лучшему, исполнять и прекословія ни въ чемъ не имѣть». Указъ этотъ былъ прочтенъ на сходѣ всѣмъ крестьянамъ. Такимъ образомъ официально Сеземовъ явился не владѣльцемъ имѣнія, а только какъ бы его управляющимъ.

Въ сентябрѣ 1777 г., будучи въ селѣ Богородскомъ, Сеземовъ далъ письменный приказъ, которымъ поручалъ крестьянъ въ вѣдомство старосты Филиппа Иванова: они должны были исполнять его приказанія точно такъ же, какъ и самого Сеземова, и, что положено на нихъ, собирать непремѣнно въ тѣ сроки, какъ назначено, но приказъ, по словамъ Сеземова, остался неисполненнымъ вслѣдствіе послабленія со стороны старосты. Приказавъ къ нимъ вторично въ слѣдующемъ году, Сеземовъ приказалъ крестьянамъ своего «вѣдомства», чтобы они слушались не одного старосту, но и выборнаго. Между прочимъ, Сеземовъ предписалъ: «если когда будутъ рекрутскіе наборы, то безъ моего вѣдома никого не отдавать, а собирать имѣ, старостѣ и выборному, всѣхъ крестьянъ на сходѣ и брать приговоры за три статьи: отъ первостатейныхъ, и отъ среднихъ, и маломощныхъ съ

процѣлъ сборовъ съ 1775 г. на четыре года, но сдѣлалъ оговорку, что онъ, Шереметевъ, не отвѣчаетъ за казенные недоборы, если они окажутся впоследствии на Сеземовѣ».

А именно онъ залаталъ за него наличными деньгами 21,000 руб., «сводчичнымъ оберъ-офицерамъ, которые къ продажѣ склоняли», 5,000 руб., на платежъ двойныхъ помѣнъ онъ внесъ 3,360 руб., при написаніи купчей было разныхъ расходовъ 100 руб.

прописаніемъ имянъ, и на кого приговорять, и за что, по семьѣ ли, или за неплатежъ, или за какую шалость, или до кого дошла очередь, то, съ прописаніемъ всёхъ тѣхъ резоновъ и доказательствъ, тѣ три приговора присылать ко мнѣ въ Москву на разсмотрѣніе, и даже, когда не рассмотрю, то отнюдь не отдавать никого и ожидать того, кого я прикажу отдать». Старостѣ и выборному Сеземовъ велѣлъ дать льготу въ тяглѣ каждому съ четырехъ «маленокъ» (т.-е. съ посѣва 4-хъ четвериковъ *); кромѣ того, они должны были получать изъ оброчной суммы денежное жалованье: староста—по 15 руб., выборный—по 12 руб. въ годъ. Обоиъ имъ велѣно было «быть при земской избѣ безотлучно, пить и ѣсть свое», и безъ вѣдома Сеземова нигуда не отлучаться. Сеземовъ считалъ, что за послѣднюю половину прошлаго 1777 г. крестьянами было уплачено 814 руб. оброчныхъ денегъ и слѣдовало еще внести 156 руб., а за первую половину 1778 г. къ Петрову дню должно было собрать 970 руб., а во второе полугодіе къ Рождеству столько же, слѣдовательно, онъ желалъ получать оброка въ годъ по 4 руб. 52 коп. съ души мужского пола. Кромѣ того, Сеземовъ требовалъ съ нихъ разныхъ сборовъ натурою за вторую половину прошлаго года **). Требования Сеземова показались крестьянамъ чрезмѣрными, и между ними и ихъ владѣльцемъ начались недоразумѣнія.

1 іюня 1778 г. Сеземовъ отправилъ въ уженскую воеводскую канцелярію явочную челобитную, въ которой писалъ, что, по пріѣздѣ его въ вотчину, крестьяне не оказывали ему повиновенія «какъ въ сборѣ оброка, такъ и въ прочемъ». Онъ принесъ на нихъ жалобу гр. Шереметеву, и 5 апрѣля изъ домовой канцеляріи былъ данъ крестьянамъ села Богородскаго вторичный указъ о послушаніи Сеземову. Однако неповиновеніе крестьянъ продолжалось, и 25 и 27 мая, собравшись толпою человекъ до 300, они приходили, по словамъ Сеземова, въ селѣ Богородскомъ въ домъ «господина моего, гдѣ я нынѣ по повелѣнію его житьельство имѣю, и... проговаривали мнѣ съ великимъ шумомъ и азартомъ, чтобъ я добровольно отъ нихъ изъ вотчины уѣхалъ», прибавивъ: «если же не уѣдешь, то можешь погибнуть въ рѣкѣ Ветлугѣ», въ чемъ и имѣю я не малое опасеніе ***).

*) Въ Галицкой провинціи сѣяли тогда на малой десятинѣ, т.-е. въ 2,400 кв. саж., 2 четверти ржи, пшеницы $1\frac{1}{2}$ четверти („Труды волян. экон. общ.“, т. X, стр. 81), слѣдовательно, въ ржаномъ полѣ полагалось старостѣ и выборному льготной земли по $\frac{1}{4}$ десятины и около того въ другихъ поляхъ.

**) Какъ видно изъ особой записки Сеземова, полугодовой окладъ этихъ сборовъ со всёхъ крестьянъ села Богородскаго былъ слѣдующій: холста 800 аршинъ (за 1777 г. отправлено), меду 10 пуд. (не получено), масла коровьяго 10 пуд. (не получено), барановъ 80 и съ овчинами (отправлено 26), замчыхъ шкурокъ 80 (отправлены), яицъ 600, за нихъ деньгами по 4 коп. за десятокъ, свиныхъ тушъ 16, а вѣсомъ 48 пуд.

***) Такъ какъ Сеземовъ былъ неграмотенъ, то за него расписался дворовый человекъ одного помѣщика. Челобитная послана была вмѣстѣ съ письмомъ къ кому-то изъ служащихъ въ уженской канцеляріи, въ которомъ Сеземовъ писалъ: „мужики дураки, по приказанію его сіятельства, ни въ чемъ меня не слушаютъ, въ чемъ крайне я отъ нихъ терплю обиду: давъ свои собственныя денежки, не имѣю участія“ (sic).

16 іюня того же года въ Москву явились въ домовую канцелярію гр. Шереметева изъ села Богородскаго, Беберино тожь, староста Филиппъ Ивановъ и трое крестьянъ и подали графу отъ всего міра заручную челобитную, въ которой жаловались, что Сеземовъ положилъ на нихъ «неуѣренный оброкъ и припасы не по ихъ возможности, и взыскиваетъ по тому положенію не токмо на нынѣшній 1778 г. сполна, но и за прошлый 1777 годъ на вторую половину со всякою строгостію, а они на вторую половину по окладу оброкъ заплатили Демидову (въ чемъ отъ него и квитанцію имѣютъ), да еще требуетъ выбрать молодыхъ ребятъ 6 человекъ, да 10 дѣвокъ, а на что и куда, они не знаютъ, и похваляется до конца ихъ разорить, а молодыхъ ребятъ выбрать и распродать въ солдаты», и просили у графа въ томъ защиты, а оброкъ чтобъ положить по ихъ возможности.

Вслѣдъ затѣмъ и отъ Сеземова была получена челобитная «государю сіятельнѣйшему графу Петру Борисовичу», въ которой тотъ писалъ: крестьяне указами графа «чинятся противны и меня, низайшаго, ни въ чемъ не слушаютъ и не токмо надлежащаго оброку не платятъ, но и припасовъ на пищу ничего нынѣ мнѣ въ бытность мою въ оной вотчинѣ не даютъ, и сто всего отказались, и изъ вотчины выбиваютъ вонъ, и... я, низайшій, опасенъ, чтобъ не учинили смертнаго убійства, а изъ вотчины выхлѣать и пуще опаснѣе, въ дорогѣ чтобъ не учинили какого зла. Почему я принужденъ, за нечаею отъ нихъ, крестьянъ, ничего, покупать въ пищу всякій харчъ по дорогой цѣнѣ, и то въ отдаленныхъ разныхъ мѣстахъ, токмо и послать стало некого, и никто изъ крестьянъ меня не слушаетъ, а людей при мнѣ токмо три человекъ, которыхъ за опасностію и отлучить не можно. А они, крестьяне, не слушаются и отказались, и сказали, что они послали на меня мірскую челобитную къ вашему сіятельству, яко-бъ о наложеніи мною на нихъ противъ прежняго вѣщнаго оброка, и до полученія-де указа ничего не дадутъ и служить не будутъ. А я, низайшій, противъ прежняго ихъ помѣщика никакого вѣщнаго оброку на нихъ не наложилъ, а имъ же, крестьянамъ, для исправленія роздалъ отъ себя собственныхъ 1,000 р., токмо какъ оныхъ, такъ и оброчныхъ и понынѣ еще не платятъ». Сеземовъ жаловался также на то, что староста и земскій недобросовѣстно исполнили его порученія по торговымъ дѣламъ и, кромѣ того, что земскій Герасимъ Ивановъ «учинился противенъ и товаровъ къ нагрузкѣ на суда принимать не сталъ», и изъ села, гдѣ она производилась, «бѣжалъ въ нижнія мои деревни, которыя... присудны къ селу Богородскому», и тамъ, возмуть всѣхъ крестьянъ, пришелъ съ ними въ Богородское на другой день «со многолюдствомъ, съ шумомъ, крикомъ и азартомъ. Крестьяне, приступая ко мнѣ, гово мнѣ: ты-де земскаго Герасима отъ насъ не отлучай, и переимѣнуй-де тебѣ мы его не дадимъ и отъ вотчины не отлучимъ, а мнѣ, низайшему, гово мнѣ съ угрозами и вторично: ты-де поѣзжай отъ насъ вонъ и ничего тебѣ не дадимъ, а буде не поѣдешь, то-де мѣсто есть въ рѣкѣ Вет-

лугѣ, почему я, низайшій, опасаясь, послалъ въ вотчину вашего сіятельства, въ село Макарьевское, къ прикащику Дмитрію Толстову съ обніемъ, также и въ постороннія сосѣднія вотчины, почему для сберотскій вотчины дворянина Льва Прокофьевича Демидова и явилъ земскимъ, а сотскій для опасности и ночевальъ *)).

Сеземовъ просилъ «премилосердаго государя», гр. Шереметева, товщиковъ» старосту Филиппа Иванова, земскаго Герасима Иванова пять крестьянъ зачинщиковъ «отъ такихъ ихъ озорничествъ и нагасмирить, и для страху другимъ наказать зачинщиковъ вѣхъ кнутъ также и прочихъ отъ девяти десятаго кнутомъ, а земскаго Герасимовъ плетми, чтобъ онъ годился къ отдачѣ въ рекруты», прочихъ же Сеземовъ просилъ высѣчь плетми, а утраченныя имъ деньги со старосты и земскаго съ крестьянами—взыскать и отдать ему, «и о всемъ писанномъ учинить вашего сіятельства милостивый указъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 5 іюня, Сеземовъ написалъ письмо тремъ служивымъ въ домовоі канцеляріи гр. Шереметева. Упомянувъ о томъ, что крестьяне послали на него въ Москву челобитчицами старосту Филиппа Иванова товарищами, онъ упоминаетъ о томъ, что крестьяне жалуются на несправедливость оброка, а между тѣмъ онъ положенъ «противъ здѣшнихъ сосѣднихъ владѣльцевъ не съ тягостью»: ближніе крестьяне Масловы платятъ оброкъ и исполняютъ работы, «и обойдется съ нихъ съ душе 5 рублей»; крестьяне Мальцова (72 души) платятъ оброку 30 руб. въ годъ (въ среднемъ по 4 р. 17 к.), да сверхъ того даютъ по двѣ души исполняютъ всякія работы, а землю у нихъ почти никакихъ нѣтъ. Между тѣмъ у крестьянъ купленнаго Сеземовымъ села Богородскаго, по словамъ, «земли, и покосовъ, и лѣсу, и всякихъ угодій довольно» что они ежегодно продаютъ дегтю тысячи на три рублей, да кроме на немалую сумму липовыхъ досокъ, разнаго лѣсу, луба и драны, «новокъ» (цыновокъ), саней и проч. на немалую сумму; они же жалуются на работу по Волгѣ и могли бы платить оброкъ «безъ нужды» однако вслѣдствіе упрямства не платятъ его, и на 1778 годъ не платили ни копейки оброку и не поставили никакихъ припасовъ, «и въ томъ бѣдѣ своими утруждаютъ его сіятельство напрасно». Сеземовъ просилъ тѣхъ, кому писалъ свое письмо, доложить графу, чтобы на крестьянъ села Богородскаго былъ положенъ оброкъ по 4 р. 25 к. съ души,

*) Кроме того, Сеземовъ обвинялъ земскаго Герасима Иванова, что онъ съ прикащикомъ, мѣщаниномъ Шкуринимъ) растратилъ до 500 руб. его денегъ.

**) Во время генеральнаго межеванія Костромской губерніи (1773—83 гг.) Богородское гр. Шереметева (официально оно принадлежало ему, а не Сеземову) въ Варнавинскомъ уѣздѣ, было обмежевано въ одной дачѣ съ владѣніями Льва Демидова. Въ этой общей дачѣ двухъ владѣльцевъ на 533 д. м. п. было 4,5 пахотной земли, 392 дес. сѣнокоса, 18,874 дес. лѣса, всего съ неудоб. 25,97 дес. еще отдѣльно покоса и лѣса 186 дес., да кроме того общій боръ съ Демидовыми и вязниковскими мѣщанами въ 20,569 дес. (Эконом. примѣч. Варнав. у. въ М. архивѣ).

одной московской подводѣ съ двухъ душъ, чтобы они давали положенный на нихъ холстъ и въ вотчинѣ около дома производили строенія, починки и всякія работы для дома. Въ заключеніе Сеземовъ просилъ доложить графу «и истребовать вѣрующее письмо, чтобъ взять изъ города команду и наказать зачинщиковъ».

Между тѣмъ пришедшіе въ Москву челобитчики были допрошены въ домовую канцелярію графа по поводу жалобъ Сеземова и заявили, что крестьяне села Богородскаго находятся всегда въ послушаніи, «никакой противности не чинили» и за первую половину года по раскладкѣ Сеземова оброкъ деньгами 863 руб. (т.-е. по 4 руб. въ годъ съ души), а также и половинное количество припасовъ внесли безъ всякаго спора, а Сеземовъ эти деньги и припасы зачитаетъ за вторую половину прошлаго 1777 г., за которую они заплатили оброкъ Демидову (въ чемъ имѣютъ квитанцію); они не отказывались внести оброкъ и на вторую половину 1778 г. Въ бытность Сеземова въ вотчинѣ припасы для прокормленія его собираютъ и ему даютъ, а именно: овцы, куры, яйца, масло коровье и сметану, сколько чего нужно, и пиво для него варятъ изъ крестьянскаго хлѣба, изъ вотчины же его не высылали и утопить въ рѣкѣ Ветлугѣ не грозили; а когда было приказано собрать холостыхъ ребятъ и дѣвокъ, невѣстно для чего, то просили Сеземова «учтивымъ образомъ», чтобы онъ объявилъ, на что они нужны, и отложилъ это требованіе до тѣхъ поръ, пока послѣдуетъ указъ на ихъ челобитье. 1,000 рублей нѣкоторые крестьяне взяли въ займы у Сеземова подъ срочныя заемныя письма съ натою 20%, но этимъ письмамъ еще не вышли сроки, а въ надлежащее время они заплатятъ. На покушку цыновокъ, рогожъ, веревокъ и разныхъ другихъ припасовъ староста съ земскимъ и крестьяниномъ Кондратіемъ Васильевымъ деньги отъ Сеземова взяли и купленный для него разный товаръ нагрузили, и онъ самъ отправилъ его въ Нижній-Новгородъ подъ присмотромъ Кондратія Васильева, и притомъ ни гнилого товара, ни пощекія его, ни утайки денегъ не оказалось, и въ томъ староста ни отъ кого не уличенъ. Вторично они приходили къ Сеземову съ просьбою, чтобы онъ отгѣнилъ взысканіе съ заплаченнаго ими Демидову оброка или дождался бы указа на ихъ челобитье, «и никакой противности и похвальныхъ словъ не было, и оное все написано напрасно».

Еще въ маѣ мѣсяцѣ, въ виду жалобъ крестьянъ Сеземова, приказчику принадлежащаго графу Шереметеву, той же Ветлужской волости, села Макарьевскаго предписано было домовою канцелярією навести справку, по сколько въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне платятъ оброка своимъ помѣщикамъ. Оказалось, что помѣщики берутъ съ нихъ отъ двухъ до трехъ рублей съ души, а не болѣе, да и въ селѣ Макарьевскомъ гр. Шереметева положено денежнаго оброка по 3 рубля съ души.

6 іюня 1778 года гр. Шереметевъ прислалъ въ домовую канцелярію слѣдующаго содержанія: Сеземову было отъ графа изустно приказано крестьянъ не разорять, а брать съ нихъ умѣренный доходъ—по

3 рубля, да сверхъ того на припасы и подводы—по 50 коп., итого по 3 руб. 50 коп. съ ревизской души, а больше съ нихъ ничего не брать, также и молодыхъ ребятъ и дѣвокъ, вслѣдствіе прокшедшихъ съ крестьянами несогласій, впредь до разсмотрѣнія изъ вотчины никого не брать и не выводить, и сообщить въ домовую канцелярію, на что ему нужны эти холостые люди и дѣвки, и перечислить ихъ по именамъ.

Изъ домовой канцеляріи были сообщены Сеземову заявленія крестьянъ, опровергающія его жалобы, и указъ гр. Шереметева, и кромѣ того прибавлено: «прочее-жъ, что отъ его сѣятельства приказано учинить, объявлено тебѣ будетъ по пріѣздѣ твоёмъ въ Москву... А что требовалъ ты написанныхъ въ челобитѣ твоёмъ противниковъ наказать иныхъ кнутомъ, а многихъ плетью, то, не облича подлинно въ ихъ большой виновности, такими наказаніями мучить не пристойно». Въмѣсто того велѣно было земскаго Герасима Иванова, 6 крестьянъ и съ ними старосту для разсмотрѣнія ихъ винъ выслать въ Москву, а Сеземову приказано было привести въ домовую канцелярію домашнія заемныя письма крестьянъ, записки относительно дачи денегъ для торга и вообще всѣ счета съ ними. Если окажется, что крестьяне уплатили оброкъ Демидову за вторую половину 1777 г., а отъ него, Сеземова, не было приказано, чтобы они его не платили прежнему помѣщику, то требовать съ нихъ двойного оброка было не велѣно, такъ какъ самъ Сеземовъ виновенъ въ этомъ ущемленіи, и оброчныя деньги за второе полугодіе прошлаго года ему слѣдуетъ требовать не съ крестьянъ, а съ Демидова. Въ тотъ же день и крестьянамъ былъ посланъ указъ съ подтвержденіемъ о послушаніи Сеземову «съ благопристойнымъ почтеніемъ подъ опасеніемъ жестокаго наказанія за малѣйшую наглость и невѣжество». Когда Сеземовъ поѣдетъ въ Москву, то, чтобы на дорогѣ его не убили, велѣно было, по его требованію, дать ему въ проводники необходимое количество надежныхъ людей; если же съ нимъ что-либо случится, то крестьянамъ села Богородскаго грозило жестокое наказаніе. Приказчику села Маварьевскаго велѣно было обстоятельно разузнать, справедливы ли жалобы Сеземова на крестьянъ и кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ.

Крестьяне села Богородскаго вмѣсто того, чтобы выслать въ домовую канцелярію графа требуемыхъ отъ нихъ людей, послали ему новую челобитную и лишь послѣ двухъ подтвердительныхъ указовъ были присланы 14 сентября въ Москву староста Филиппъ Ивановъ, земскій Герасимъ Ивановъ и семеро крестьянъ; они были допрошены и за «противность», угрозы и «невѣжество» Сеземову и за недачу ему подводъ и проводниковъ, староста и крестьяне были наказаны въ домовой канцеляріи и затѣмъ отпущены домой *). Указомъ графа 28 октября 1778 г. крестьянамъ

*) Земскій же Герасимъ Ивановъ, какъ оказалось при продажѣ села Богородскаго, былъ исключенъ изъ купчей прежнимъ помѣщикомъ, а потому онъ былъ отданъ въ Москвѣ Демидову, а изъ села Богородскаго велѣно было выслать къ нему его жену съ дѣтьми; приказано было также не допускать жить въ этомъ мѣстѣ

вѣрно было платить Сеземову оброкъ по 3 р. 50 к. съ души, а если отъ него будутъ присланы распоряженія, «не сходныя съ указомъ» графа, или «излишнія требованія», то немедленно прислать ихъ для разсмотрѣнія въ канцелярію *).

Мы подробно остановились на этихъ фактахъ, почерпнутыхъ изъ неданныхъ документовъ, такъ какъ изъ нихъ видно, что крѣпостной владѣлецъ населеннаго имѣнія далеко не былъ полнымъ господиномъ надъ своими крестьянами: не только онъ самъ, но и его крестьяне вполнѣ зависѣли отъ воли помѣщика, который являлся высшею и безапелляціонною инстанціей въ разборѣ всѣхъ недоразумѣній между крѣпостнымъ владѣльцемъ и купленными имъ крестьянами. Графъ В. Г. Орловъ въ своемъ уложеніи разрѣшилъ крестьянамъ самимъ наказывать купленныхъ имъ, или обращаться съ этою цѣлью къ бурмистру. Графъ Шереметевъ также далъ Сеземову право наказанія отдѣльныхъ крестьянъ въ случаѣ ихъ проступковъ (указомъ 3 іюля 1777 г. Сеземову были предоставлены «судъ и расправа» надъ крестьянами), но въ недоразумѣніи, происшедшемъ со всею вотчиной, онъ оказался безсильнымъ. Являясь официально простымъ управляющимъ или приказчикомъ, онъ не могъ собственною властью требовать воинской команды на помощь себѣ: подавъ заявленіе въ воеводскую канцелярію объ угрозахъ крестьянъ, онъ просилъ у графа особой довѣренности на вызовъ военнаго отряда, но не получалъ ея, и вмѣсто жестокихъ наказаній всѣхъ крестьянъ кнутомъ или плетью долженъ былъ удовольствоваться наказаніемъ весьма немногихъ изъ нихъ въ дошовою канцелярію графа.

Выбравшись благополучно изъ села Богородскаго, Сеземовъ, кромѣ официальныхъ, такъ сказать, сообщеній отъ старосты и выборнаго, получалъ иногда тайныя донесенія отъ крестьянина Кондратія Васильева, который и прежде былъ послушнымъ исполнителемъ его порученій по торговымъ дѣламъ. Одно такое донесеніе, написанное уже послѣ столкновенія Сеземова съ крестьянами, сохранилось, и мы приведемъ его, такъ какъ оно дорисовываетъ намъ отношенія этихъ, во всякомъ случаѣ немногочисленныхъ, крѣпостныхъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній къ подвластнымъ имъ крестьянамъ.

«Милостивому государю и отцу нашему Никифору Артемьевичу, рабъ вашъ Кондратій Васильевъ всепокорнѣйше челомъ бьетъ.

«Второе вашимъ милосердіемъ къ намъ, нижайшимъ рабамъ, повелѣніе прислано, чтобъ намъ, нижайшимъ рабамъ, о своихъ обидахъ и что въ вотчинѣ—обо всемъ ваше здоровье вѣдомить обстоятельно, и на онъ къ, ваше милосердіе, очень благодаримъ и всеижайше кланяюсь; то что да и нынѣ не можно ли вашему милосердію меня увѣдомить, чтобъ

имъ сколько крестьянъ и крестьянокъ, исключенныхъ изъ купчей, подъ опасеніемъ изъ канія по указамъ „за пожилое“, какъ за бѣглыхъ, „не малаго штрафа“.

*) Деньги, взысканы крестьянами у Сеземова взаимъ (862 руб.), вѣрно было устать въ сроки.

отъ старость не было мнѣ налогъ и обиды, если что буду до вашего милосердія съ обстоятельствомъ вѣдомить и буде если ваше милосердіе жете вѣрить. А которое отъ вашего милосердія повелѣніе присла Василіемъ Серебряковымъ старость Максиму Андрееву, чтобъ собрать бараньихъ шкурокъ и сукна, да и холста, и того ничего староста не бираетъ, а о земскомъ Григорьѣ, каковъ есть рачитель до вашего милосердія, и мы о томъ обще съ Иваномъ Тимофеевымъ чрезъ инхотарствянь ваше милосердіе вѣдомили, что не лучше брата Герасима одобрение отъ міру до вашего милосердія прислано о немъ, Григорь то о томъ и сами изволите знать, что какъ за Герасима старалнесь вы бунтовщики..., а староста, видно, что съ него воли не снимая твоимъ присланнымъ повелѣніямъ не вѣрятъ. Если можно на его, горья, вашему милосердію попросить въ канцеляріи. И покорно проижайшій сирота, чтобы о семъ письмѣ старость и другимъ извоицикамъ неизвѣстно было, и чтобы они не знали кромѣ сего письмоподателя неже здѣсь мнѣ случаются не малыя обиды, и налоги, и притѣсненія. И покорно прошу тебя, государя и отца своего, о себѣ до меня, и шаго сироты, увѣдомить письменно для того, что многократно до вашего милосердія писано, а извѣстія ничего ко мнѣ не получено. Да и письмоподателя покорно прошу не оставить, о чемъ онъ будетъ въ милосердію кланяться нарочито изъ милости о покупкѣ рекрута, что онъ мужикъ хорошій и въ вѣдомствѣ вашего милосердія не послѣдній находится. Того ради и прошу вашего милосердія о семъ письмоподателѣ въ неоставленіи. Рабъ вашъ Кондратій Васильевъ униженно кланяется.

Очень любопытна послѣдняя просьба. Какъ мы видѣли, и гр. Штевель, и гр. В. Орловъ позволяли своимъ крестьянамъ пріобрѣтать вѣщныя и работниковъ или покупать рекруты; но тутъ дѣло идетъ о томъ чтобы крѣпостной владѣлецъ населеннаго имѣнія дозволилъ одному крестьянъ купленнаго имъ имѣнія купить въ свою очередь челоука въ отдачи въ рекруты. Тутъ уже можно вспомнить, что въ Римѣ не только рабы имѣли иногда своихъ рабовъ («викаріевъ»), но что даже пзвѣтъ случай, когда такой викарій имѣлъ въ свою очередь своего раба-викарія.

Принадлежавшіе Сеземову крестьяне подверглись нѣкоторымъ притѣсненіямъ отъ приказчика сосѣдняго села Макарьевскаго, принадлежащаго гр. Шереметеву, Григорьева: онъ отнялъ у нихъ покосы за рѣкою Сесемогою, хотя они принадлежали къ землямъ, купленнымъ Сеземовымъ, и допускалъ до владѣнія ими, билъ крестьянъ, старосту, выборнаго Макарьевскаго, даже сѣкъ батогами, а, кромѣ того, пять крестьянскихъ дѣвчатъ самовольно, безъ платы выводныхъ денегъ, выдалъ замужъ за крестьянъ села Макарьевскаго. На всѣ эти притѣсненія Сеземовъ подалъ жалобу въ канцелярію гр. Шереметева, просилъ взыскаъ и выводную плату за каждую дѣвушку съ ихъ мужей по 40 руб. *), а также возвратитъ

*) Въ началѣ 1780-хъ гг. обычная плата за выводъ была 30—40 р.

его деревнямъ покосы, такъ какъ иначе крестьянамъ нечѣмъ будетъ прокормить себя и скоть, и они могутъ разбѣжаться.

Столеновеніе съ своими крестьянами, на которыхъ онъ хотѣлъ наложить тяжелыя поборы, и съ приказчиками гр. Шереметева, веденіе другихъ крупныхъ дѣлъ по винному откупу и, наконецъ, преклонный возрастъ,—все это заставило Сеземова желать продажи села Богородскаго. Въ 1779 г. онъ обратился по этому дѣлу съ прошеніемъ къ гр. П. Б. Шереметеву, въ которомъ объяснялъ, что вслѣдствіе крайней старости и слабости здоровья желалъ бы возвратитъ истраченныя на покупку вотчины деньги продажею ея постороннимъ или «черезъ принятіе, ежели угодно в—му с—ву въ собственное и потомственное в—го с—ва владѣніе» съ тѣмъ, чтобы употребитъ эти деньги «на богоугодныя дѣла въ раздачу по церквамъ, на поминованіе о грѣшной душѣ его», «егда разлучится отъ тѣла, и на исправленіе всякихъ нужнѣйшихъ церковныхъ потребностей и въ раздачу самымъ бѣднымъ и немѣющимъ пропитанія людямъ въ милостыню». Поэтому Сеземовъ просилъ гр. Шереметева «дозволитъ» ему продать его «вотчину», для чего и дать ему вѣрующее письмо или принять ее въ собственное владѣніе графа, а истраченныя имъ деньги ему возвратитъ. При этомъ къ затратамъ на пріобрѣтеніе имѣнія (29,560 р.) Сеземовъ причислялъ еще 1,600 руб. оброча съ крестьянъ за одинъ годъ, не взятаго съ нихъ въ первый годъ послѣ покупки по волѣ графа. Мы видѣли, что Сеземову позволено было взымать оброкъ съ крестьянъ вторично не за цѣлый годъ, а лишь за второе полугодіе 1777 г., такъ что, и собираясь благодѣтельствовать по смерти церквамъ и бѣднымъ, Сеземовъ не прочь былъ стянуть съ своего помѣщика нѣсколько лишнихъ сотенъ рублей. Гораздо важнѣе, впрочемъ, отмѣтитъ, что на продажу своего собственнаго имѣнія Сеземову приходилось испрашивать разрѣшеніе у гр. Шереметева, что являлось естественнымъ послѣдствіемъ покупки имѣнія не на свое имя, а на имя помѣщика. Сеземовъ предвидѣлъ даже возможность отказа на свою просьбу, и юридически (но, конечно, не нравственно), гр. Шереметевъ даже имѣлъ на это право, такъ какъ законъ дѣлалъ его полнымъ господиномъ надъ всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ вѣрѣстнаго. «Если же о продажѣ той моей вотчины дозволенія не послѣдуетъ», писалъ Сеземовъ, то въ виду того, что она «нагlostами» приказчика Ропова доведена до крайняго разоренія, Сеземовъ просилъ его вотчину «изъ вѣдомства Ропова исключитъ, а для поправленія препоручитъ въ полное вѣдомство и смотрѣніе мое нижайшаго, дабы я отъ него, Ропова, обиженъ не былъ». Слѣдовательно, управленіе Сеземовымъ его имѣніемъ было еще ограничено надъ прокъ какого-то графскаго приказчика.

Въ другомъ прошеніи Сеземовъ ходатайствовалъ о возвращеніи ему «за мообразно взятыхъ» у него въ 1774 г. (для гр. Шереметева) 3,000 р., но, не дождавшись рѣшенія по этимъ дѣламъ, подалъ графу новую челобитую, въ которой писалъ, что вѣрѣности какъ на вотчину, такъ и на коммандирскій его дворъ, «а равно и указъ на 3,000 р.» отобраны отъ него

въ домовую канцелярію графа. Сеземовъ жаловался и на то, что еще не получилъ дохода съ своей вотчины за текущій годъ, а также и денегъ, розданныхъ крестьянамъ займы, которымъ давно уже минулъ срокъ. Далѣе онъ заявлялъ, что содержится въ камеръ-коллегии для взыскапія съ него до 29,000 рублей *), и если онъ этихъ денегъ не заплатитъ, то вѣлно сослать его въ каторжную работу. Вслѣдствіе этого Сеземовъ просилъ о приказаніи выдать ему оброчныя деньги съ мужиковъ и его собственныя деньги, и для уплаты долга въ казну разрѣшить ему продать село Богородское и дворъ въ Москвѣ, чтобы имѣть возможность забавиться отъ ссылки въ каторжную работу. Сеземовъ ссылался еще на обнадеживаніе со стороны графа относительно полученія имъ оброчныхъ денегъ съ крестьянъ, гдѣ бы онъ ни находился, и вновь повторялъ просьбу о разрѣшеніи ему просимой продажи **). Если бы всё принадлежащія ему деньги были взысканы, то онъ не нуждался бы въ продажѣ деревни и дома и расплатился бы съ казною. Жаловался, наконецъ, Сеземовъ и на то, что, хотя онъ и содержится подъ карауломъ, управители графа взыскали съ него оброка на 1779 г. 248 руб. ***).

Только что приведенная цифра оброка, внесеннаго Сеземовымъ, побуждаетъ насъ сообщить здѣсь нѣсколько свѣдѣній объ оброкахъ въ вотчинахъ гр. П. Б. Шереметева съ его собственныхъ крестьянъ. Въ его имѣніяхъ крестьяне платили помѣщику денежные сборы не въ одинаковомъ количествѣ съ души.. Такъ, напримѣръ, въ его селѣ Павловѣ (нын. Нижегородской губ.) крестьяне въ первой половинѣ 1770-хъ гг. платили гр. Шереметеву нѣсколько болѣе 15,000 р., что составляетъ въ среднемъ

*) Сеземовъ содержался подъ карауломъ вслѣдствіе недоимки по штейному откупу.

***) Вмѣстѣ съ тѣмъ Сеземовъ жаловался, что во время его содержанія въ камеръ-коллегии вать его, Федоръ Рогунинъ, выкралъ у него веселей разныхъ лицъ на сумму 16,813 р., да деньгами получилъ за поставку соли изъ Нижняго 5,575 р. Рогунинъ захватилъ еще и крѣпости на купленныхъ имъ людей и не отдаетъ ихъ. Онъ напоминалъ также о своей просьбѣ взыскать съ одного крестьянина гр. Шереметева села Иванова до 2,000 р. и съ другого крестьянина села Павлова до 2,400 р.

****) Составитель позднѣйшей записки (1808 г.), касающейся имущества Сеземова, рассказываетъ слѣдующее: „По накопленіи Сеземовымъ на себя великой казенной недоимки, гр. Петръ Борисовичъ, узнавъ рѣшеніе камеръ-коллегии преждевременно о конфискаціи за окую Сеземова имѣнія, и желая оное скрыть отъ казеннаго взысканія, наканунѣ того дня, когда съ казенной стороны оное должно быть секвестровано, прислалъ челоуѣкъ 30 своихъ людей при управителяхъ и секретаряхъ ночнымъ временемъ, и все Сеземова имѣніе съ письменными дѣлами и крѣпостями на Богородское село тайнымъ образомъ увезено въ домъ его с—ва, а когда со стороны казенной приступлено было къ аресту имѣнія Сеземова, тогда онъ отъ страха, желая скрыться, спрятался въ сундукъ, гдѣ едва живъ найденъ, но имѣнія при немъ на платежъ недоимки уже ничего не было, почему тогда взять подъ стражу и осужденъ въ ссылку въ Оренбургъ, куда и былъ сосланъ“. Извѣстіе это подтверждается заявленіемъ Сеземова въ только что вложенномъ прошеніи, что у него отобраны крѣпости на вотчину и на московскій его дворъ, а также и „указъ“ графа на заимъные у него 8,000 руб.

около 4 р. 50 к. съ души, но такъ какъ, по словамъ Георга, «платежи распределялись соответственно доходамъ и зажиточности, и, слѣдовательно, бѣдные старики и пр. освобождались отъ него, то нѣкоторые крестьяне вносили по 100, иные даже до 200 р.» *).

Въ 1796 г. гр. Н. П. Шереметевъ предписалъ крестьянамъ селъ Иванава и Стромихина (Шуйскаго у.) «какъ капиталистамъ, такъ и ремесленникамъ, равно и хлѣбопашцамъ имѣть тягальную землю наравнѣ» и платить оброкъ съ каждаго тягальнаго крестьянина (отъ 17 до 65 лѣтъ) по 15 р., да, *кромя того*, «съ имѣющихъ капиталы свыше 500 р.» и болѣе брать со всѣхъ по $\frac{1}{2}\%$ ежегодно, «съ имѣющихъ же фабрики и заводы, по мѣрѣ ихъ прибытка или оборотной суммы, по тому-жъ съ рубля брать..., ремесленныхъ же росписать всѣхъ на цехи и положить съ каждаго мастерового окладъ по рублю, однако-жъ ту сумму велѣть имъ между собою располагать, смотря по состоянію ихъ каждаго, ибо и въ ремеслѣ всѣ одинаковы быть не могутъ». Въ селѣ Ивановѣ были земли подъ лавками, амбарами, бѣлильнями, торговыми мѣстами, фабриками и заводами, принадлежанія крестьянамъ; этими землями, сверхъ тягальныхъ, крестьянамъ предоставлялось владѣть, какъ и въ другихъ вотчинахъ гр. Шереметева, т.-е. съ ушатою особою поземельнаго сбора; если же владѣющіе ими откажутся отъ платежа этого сбора или будутъ вновь занимать такія мѣста, которыя желаютъ получить и многіе другіе, то велѣно было устраивать торги и отдавать «со взятемъ порукъ» въ содержаніе на четыре года тѣмъ, кто противъ назначеннаго наддастъ болѣе. Если кто изъ крестьянъ имѣлъ въ селѣ два или три дома и, живя въ одномъ изъ нихъ, отдавалъ остальные въ наемъ, то назначено было, чтобы съ получаемой за дома наемной платы онъ вносилъ въ казну помѣщика четвертую часть.

Въ 1781 г. Сеземовъ, еще содержавшійся, въ ожиданіи ссылки, въ восточной разыскной экспедиціи, пожелалъ сдѣлать письменное распоряженіе о своемъ имуществѣ въ формѣ духовнаго завѣщанія, хотя онъ указывалъ въ немъ не только то, какъ слѣдуетъ распорядиться его имуществомъ по смерти его и его жены, но и предписывалъ, какъ должно употреблять доходы съ этого имущества еще при его жизни. Относительно села Богородскаго съ деревнями (Костромской губ.) **). Варнавинскаго у., Велужской волости, а также двора въ Москвѣ съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ, по смерти его и его жены онъ просилъ повелѣть, чтобы они «вѣчно состояли» въ родѣ Сеземовыхъ, и назначилъ наследниками внучать своего родного брата, крестьянъ деревни Выхиной ***). Со-

) Georgi: „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich“, II, 833, 835.

*) Костромское намѣстничество было открыто въ 1778 г.

**) Четырехъ своихъ дочерей (и ихъ дѣтей) Сеземовъ „отрѣшалъ отъ наследства“, такъ какъ онѣ выданы отъ него замужъ „съ довольнымъ награжденіемъ“; онъ писалъ наследство и дѣтей его покойной дочери, бывшей замужемъ за крестьяниномъ Рогушинымъ, который захватилъ у него въ г. Орлѣ и былъ долженъ ему 14,000 р. и кромѣ того, находясь въ Орловской провинціи при питейныхъ сборахъ, причелъ ему убытку болѣе 50,000 р.

бираемая съ названнаго недвижимаго имѣнія оброчныя деньги его чата вмѣстѣ со старостами и первостатейными людьми села Богородскаго должны были ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ доставлять Сеземову туда онъ будетъ находится. Московскій дворъ съ пивовареннымъ заводомъ слѣдовало продать, а деньги переслать ему, Сеземову. По смерти его жены наслѣдники должны были третью часть доходовъ съ села Богородскаго ежегодно употреблять на плату за заказъ вѣчной литургии въ трехъ церквахъ для моленія о здравіи гр. Шереметевыхъ, поминаніи ихъ предковъ, а также родителей Сеземовыхъ, его самого и его жены на подачу милостыни нищимъ, остальные же $\frac{2}{3}$ должны были идти на пользу внучатъ-наслѣдниковъ. Но при жизни жены Сеземова третья часть этихъ двухъ третей (т.-е. $\frac{2}{9}$ всего дохода) должна была идти въ ея пользу. Если же наслѣдники-внучата не исполняютъ воли Сеземова, то онъ проситъ село Богородское съ его деревнями продать, а деньги употребить на убогихъ выше богоугодныя дѣла. Сеземовъ представилъ въ камеръ-коллегіи векселей, данныхъ ему разными людьми, на сумму до 80,000 р., указавъ при томъ, что и въ московской полиціи находится принадлежащихъ ему векселей писемъ и векселей на немалую сумму; если по нимъ будутъ выданы деньги, то слѣдовало прислать ихъ къ нему, а по смерти его поступали въ собственность внучатъ-наслѣдниковъ. Надъ несовершеннолѣтними внучатами Сеземовъ назначилъ опекуномъ своего двоюроднаго брата Гаврилу Вас. Сеземова. Духовное завѣщаніе по просьбѣ завѣщателя было подписано его духовникомъ, а самъ онъ за неграмотностью приложилъ свою печать. Гр. Шереметевъ *велъ духовную Сеземова приписать въ домовую канцелярію и по ней исполнять.*

Въ день отъѣзда изъ Москвы, 19 сентября 1781 г. Сеземовъ послалъ къ двумъ служащимъ въ домовую канцелярію гр. Шереметева Гаврилу Сеземовъ, котораго онъ назначилъ опекуномъ надъ своими внучатами и который согласился принять на себя надзоръ за его домами въ Москвѣ и въ деревнѣ Выхиной и за всѣмъ въ нихъ имуществомъ, если перъ отказывается отъ этого и ни во что не вступаетъ. Сеземовъ проситъ служащихъ гр. Шереметева поручить надзоръ за его имуществомъ, если они заблагоразсудятъ, прося прислать это лицо повидаться съ нимъ.

Составитель записки 1808 г. свидѣтельствуетъ, что доходъ съ Богородскаго, собираемый домовою канцеляріей, высылался въ Оренбургъ Сеземову. Онъ былъ возвращенъ изъ ссылки по манифесту 7 августа 1782 г. о разныхъ милостяхъ по случаю открытія памятника Петру I, а въ 1787 или слѣдующемъ году умеръ.

Жена Сеземова, вѣроятно, призванная въ домовую канцелярію гр. Шереметева, «сказала», что послѣ ея покойнаго мужа осталось слѣдующее недвижимое имущество: 1) «вотчина село Богородское, съ коею полагается денежный доходъ вступаетъ въ домовую канцелярію, а изъ него выдается ей по просьбамъ по нѣкоторой суммѣ»; 2) московскій домъ пивовареннаго завода, который нынѣ не дѣйствуетъ и прише-

ветхость; 3) огородная земля на Крымскомъ Броду, которая отдана отъ домовою канцеляріи ея мужу за бывшій долгъ; 4) домъ въ деревнѣ Вышней. «Все это недвижимое имущество состоитъ на имя его сіятельства графа-государя». Кроме того есть небольшая покупная дачка въ Костромской губ., въ Шлескомъ уѣздѣ «на имя его высокородія Николая Владиміровича» (Шереметева?). Движимое имущество хранится въ московскомъ домѣ ея мужа, а опись ему имѣется въ домовою канцеляріи графа; въ томъ числѣ находится ея собственное приданое и имущество умершей дочери ея мужа Екатерины, бывшей въ замужествѣ за владимірскимъ купцомъ Шемякиннмъ. «Вышеозначенному недвижимому и движимому послѣ мужа ея имѣнію,—сказала Сеземова,—опредѣленіе наследника зависить отъ воли его сіятельства графа-государя, ибо имѣніе нажито все мужемъ ея, а не родовое; а приданому имѣнію, поелику оно принадлежитъ ей, наследникомъ никто быть не можетъ; также и Крымскій Бродъ, по отъезду мужа ея, принадлежитъ ей» *). Въ заключеніе Сеземова сказала: «Въ прочемъ же во всемъ предаюсь волѣ его сіятельства». Нужно помнить, что Сеземова была крѣпостною графа.

Наведена была справка въ дѣлѣ объ имѣніи Сеземовыхъ, которое велось въ домовою канцеляріи гр. Шереметева, и произведенъ былъ учетъ дохода съ недвижимаго имѣнія и оцѣнка движимаго имущества. Оказалось, что въ селѣ Богородскомъ съ тремя деревнями было по четвертой ревизіи (1782 г.) 455 д. муж. пола. Съ этой вотчины собиралось оброка въ годъ «и съ прибавочной третьей третью»—2,388 р., что составитъ на душу 5 р. 25 к. (слѣдовательно, оброкъ сравнительно съ 1778 г. былъ увеличенъ въ полтора раза); земля на Крымскомъ Броду приносила оброка 90 руб., итого денежный доходъ равнялся 2,478 р. (копейки опускаемъ). Принадлежащаго Сеземову движимаго имущества, *оставшагося послѣ пограбж* (см. ниже), по оцѣнѣ вхотскихъ крестьянъ**), было на 831 руб., наследниковъ Шемякиной—на 1,489 р. По долговымъ письмамъ числилось: по принадлежащимъ Сеземову—67,381 руб. (въ томъ числѣ и за взятый «въ вавну», т.-е. гр. Шереметовымъ, хлѣбъ), по принадлежащимъ Шемякиной—14,451 р. По духовной Сеземова изъ вотчиннаго дохода было положено: 1) третью часть давать на богоугодныя дѣла, что составитъ 826 р.; 2) наследники должны были получить $\frac{2}{3}$, за исключеніемъ доли жены, что составитъ 1,101 р.; 3) женѣ назначена третья часть изъ $\frac{2}{3}$ (т.-е. $\frac{2}{9}$), что равняется 550 р. Наличной суммы, принадлежащей Сеземовымъ, поступившей въ «казенное вѣдомство и оставшейся за расходомъ»—3,878 руб., которую слѣдовало распределить по указанному выше расчету. Даговъ за Сеземовымъ числилось—2,498 р. Кроме того ежегодно выдава съ на помянованіе души—65 р. Обветшавшій каменный домъ въ селѣ

*) Имущество послѣ Шемякиной слѣдовало, по словамъ Сеземовой, получить ея мужъ, такъ какъ и самъ Шемякинъ, и его жена были ему должны.

**) Вхотская волость—имѣніе гр. Шереметева въ Ярославской губ.

Выхиный предполагено было поправить, устроить въ немъ богадельню и поселить въ ней престарѣлыхъ крестьянъ, выдавая необходимую сумму на ея содержаніе. Чтобы капитализировать взносъ въ Новоспаскій монастырь на поминаненіе, предполагено было внести въ воспитательный домъ 1,000 руб., проценты съ которыхъ и отдавать въ монастырь; «да по особой запискѣ сдѣлать разныя строенія по церквамъ и прочимъ мѣстамъ», на что употребить извѣстную сумму, «когда получатся деньги по претензіямъ Сеземова на казнѣ»; деньги эти получать наследникамъ и выполнять назначенное. Но наследники Сеземова «свои во всемъ части продали Василию Рогушину» (зятю Сеземова) «за 6,000 р. съ тѣмъ, чтобъ уже онъ всѣмъ владѣль, кромѣ части женовой, и по духовной выполнялъ».

Канцелярія въ своемъ докладѣ графу предложила слѣдующее: 1) вотчины и дворы Сеземова взять «въ казну», т.-е. въ пользу графа, и уплатить Рогушину 6,000 р., предоставивъ ему отыскивать всѣ претензіи, а изъ полученной суммы выполнять по запискамъ (построеніе церкви и проч.), что предоставитъ на его душу; 2) движимое имѣніе Сеземова раздѣлить между Рогушинымъ и женою Сеземова, соотвѣтственно распредѣленію денегъ; 3) имущество Шемякиной отдать требующимъ его; 4) женѣ Сеземова изъ вотчиннаго дохода на ея часть «за все опредѣлить получать по смерти по 500 р.» въ годъ. Затѣмъ останется «въ казнѣ» гр. Шереметева вотчина и дворы и нѣсколько наличныхъ денегъ *). Оброка будетъ поступать съ вотчины (за исключеніемъ выдаваемыхъ Сеземовой 500 р.)—1978 р. въ годъ. Изъ нихъ на поминаненіе будетъ издерживаться 65 р.; въ деревнѣ Выхиной на содержаніе бѣдныхъ и на поправку дома 413 р.; «затѣмъ по 1,500 р. должно поступать въ казну прибыли, а когда прибавится на вотчину дохода, то будетъ и больше прибыли».

Каково было рѣшеніе гр. П. Б. Шереметева на этотъ докладъ домовою канцелярію, мы не знаемъ, но онъ не утвердилъ его въ полномъ объемѣ; по свидѣтельству цитированной выше записки (1808 г.), жена Сеземова до ея смерти пользовалась тѣмъ доходомъ съ села Богородскаго, который получалъ ея мужъ; мы увидимъ также, что она продолжала жить въ Москвѣ въ домѣ своего мужа.

По смерти мужа Сеземовой приходилось не разъ обращаться въ домовую канцелярію графа. Оказывается, что Сеземовъ покупалъ людей не только на имя гр. Шереметева. Въ 1788 г. его вдова подала въ домовую канцелярію графа прошеніе по слѣдующему дѣлу. Въ предыдущемъ году Сеземовъ кушеннаго имъ на имя служащаго при кабинетѣ ея величества бригадира Бартенева двороваго человѣка Иванова «за непорядочные поступки и продерзости» отправилъ къ Бартеневу съ письмомъ, въ которомъ просилъ отдать Иванова въ рекруты, а полученные за него деньги прислать къ

*) Наличныхъ 3,878 р., не залатятся за взятый хлѣбъ деньги—524 р., московскій дворъ продать хотя бы за 3,000 р., итого—7,402 р. Изъ нихъ, если приказано будетъ залатить за Сеземова долгъ, послѣ чего останется 4,904 р. для основательной поправки дома въ селѣ Выхиномѣ.

вину—Сеземову. Но Бартеневъ не исполнилъ этого, а отъ своего имени далъ Иванову паспортъ для житъя, гдѣ онъ пожелаетъ, и затѣмъ отпускалъ его ежегодно, пользуясь такимъ образомъ, по словамъ Сеземовой, «имѣніемъ» ея мужа *). Между тѣмъ во время содержанія Бартеневымъ итѣйнаго откупа въ Твери, на немъ оказалась недоимка въ 11,000 руб., вслѣдствіе чего его имѣніе было описано и находилось подъ запрещеніемъ. Сеземова просила, чтобы московская домовая канцелярія гр. Шереметева предписала петербургской канцеляріи не требовать названнаго двороваго челоука и, по возвращеніи, отдать его въ рекруты, а деньги, съ кого слѣдуетъ, взыскать; если же онъ негоденъ въ военную службу, то *опредѣлить съ крестьяне* (вѣроятно, богородской вотчины).

Въ 1790 г. Сеземовой опять пришлось обратиться въ домовую канцелярію. «Она жаловалась на разные непорядки», а именно пьянство, грубость и ослушаніе живущей у нея внучки ея мужа «рекрутской женки» Перфильевой и купленныхъ ея мужемъ на имя графа села Богородскаго крестьянской «дѣвки» Емельяновой и крестьянина Григорьева. За это солдату Перфильеву (приходившемуся ей по мужу внучкой) Сеземова сослала «съ своего двора» въ Москвѣ (слѣдовательно, она продолжала жить въ своемъ домѣ), и затѣмъ въ тотъ же день «какъ видно по подговору ея Перфильевой», бѣжала и Емельянова и не являлась три дня, такъ что Сеземова подала объ ней заявленіе въ полицію, а затѣмъ бѣжавшая явилась въ домовую канцелярію графа. Но такъ какъ Сеземова не рассчитывала на исправленіе работника и работницы и даже боялась съ ихъ стороны какого-либо злодѣйскаго покушенія, то она просила разрѣшенія выдать Емельянову замужъ въ подмосковную вотчину графа въ деревню Выхино за крестьянина, который согласенъ на ней жениться, работника же наказать и затѣмъ отослать, куда будетъ угодно графу. вмѣсто нихъ она предполагала держать вольнонаемныхъ работниковъ, а въ работницы просила разрѣшить ей взять двухъ купленныхъ ея мужемъ дѣвушекъ села Богородскаго, находящихся въ г. Владимірѣ у дочери ея покойнаго мужа, Варвары Алферовой, которой онѣ даны были на время, и на наемъ работниковъ просила выдать ей деньгами «изъ вотчины», т.-е. села Богородскаго. Такимъ образомъ Сеземова продолжала еще считать это село своею вотчиной, хотя, очевидно, она получала съ нея доходъ уже не непосредственно, такъ ея мужъ до ареста, а лишь чрезъ домовую канцелярію графа.

По смерти Сеземовой (вѣроятно, въ 1791 г.) **) село Богородское окончательно поступило въ собственность гр. Н. П. Шереметева, сына и наследника умершаго въ 1788 г. Петра Борисовича, но на какихъ условіяхъ, — намъ неизвѣстно. Мы видѣли, что наследники-внуки Сеземова уступили

* Жена Иванова была изъ числа людей, подаренныхъ Сеземову изъ Нижняго Новгорода; она жила (съ малолѣтнимъ сыномъ) въ Москвѣ у крестьянина села Выхины Федора Рогумина.

** Въ письмѣ 1808 г. племянника Сеземова, купца Сафонова, къ гр. Н. П. Шереметеву сказано, что село Богородское находится во владѣніи послѣдняго 17 лѣтъ.

свои права Рогушину за известную сумму. Не была ли выплачена шину эта сумма, какъ предлагала ранѣе домовая канцелярія? Мы только изъ записки 1808 г., что онъ получилъ какое-то движимое имущество какъ Сеземовой, такъ и Шемягина. Если Рогушинъ въ вознагражденіе за уступленное имъ наслѣдниками Сеземова право на село Богородское получилъ отъ гр. Шереметева только 6,000 р., какъ предлагала канцелярія, то нельзя не признать, что довольно-таки дешево для графу это имѣніе въ нѣсколько сотъ душъ. Если Рогушинъ получилъ за эту сумму выше небольшую сумму, то едва ли можно признать его сделку своимъ помѣщикомъ вполне добровольнымъ актомъ; на такихъ условияхъ свободный, конечно, не продалъ бы имѣнія, за которое ранѣе было заплачено Сеземовымъ около 30,000 руб., и сделка наглядно дорисовывала бы безправное имущественное положение крѣпостныхъ. Или Рогушинъ не получилъ никакого вознагражденія за село Богородское и долженъ былъ удовольствоваться только движимымъ имуществомъ? По причинамъ, отъ насъ не зависящимъ, намъ приходится ограничиться въ этомъ случаѣ лишь предположеніями и ожидать шенія нашихъ недоумѣній со стороны тѣхъ лицъ, у которыхъ хранятся необходимые для этого документы.

Считаемъ однако необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ установленныхъ графами Шереметевыми правилахъ о наслѣдованіи имущественныхъ крѣпостными и о составленіи завѣщаній.

Гр. П. Б. Шереметевъ въ приказчиьей инструкціи (1764 г.) указывалъ подробныя правила относительно раздѣла «крестьянскихъ поземельныхъ послѣ умершихъ его собственныхъ крестьянъ, но правила эти касались лишь въ томъ случаѣ, если наслѣдники просили произвести между ними раздѣлъ *). Не будемъ здѣсь излагать этихъ правилъ, но упомянемъ, что въ 1767 г., по поводу одного представленнаго ему прошенія, П. Б. Шереметевъ приказалъ по прошествіи полугода просить о наслѣдствѣ не принимать, такъ что кто въ теченіе полугода не просилъ о наслѣдствѣ, тотъ терялъ свое право на него.

Въ 1796 году гр. Н. П. Шереметевъ разрѣшилъ своимъ крестьянамъ «заблаговременно» составлять духовныя завѣщанія въ вотчинныхъ документахъ и за подписью свидѣтелей и наслѣдодателя (а для неграмотныхъ за подписью священниковъ) являть въ правленіяхъ. Въ такихъ завѣщаніяхъ крестьяне могли раздѣлить имѣніе между дѣтьми по своей воле, т.-е. «достойнаго отличить отъ недостойнаго отличною наградою, и сродственникамъ ближнимъ своимъ или женамъ могутъ благопріобрѣсти собою отказать, кому они сами пожелають, не касаясь одного имущества, по наслѣдству имъ дошедшаго, которое само собою идеть къ старшему сыну».

*) «Послѣ умершихъ крестьянъ», сказано въ инструкціи, «движимое и недвижимое имѣніе ихъ наслѣдникамъ по челобитію ихъ дѣлить по нижесказанному образцу, а челобиття ихъ въ раздѣлъ не вступать, а раздѣлъ чинить безъ взятокъ»...

раздѣлъ по линіи родства узаконеннымъ порядкомъ, и *таковыя духовныя не могутъ уже быть нарушены никакимъ споромъ*. Затѣмъ позволено было писать духовныя завѣщанія и дома, и если они «будутъ подтверждены постороннимъ свидѣтельствомъ, то и ихъ принимать въ дѣло, но выдѣлять въ такомъ только случаѣ, ежели они согласны будутъ съ постановленіями», все же имъ противное «отмѣняется», и тогда раздѣлъ производится по изложеннымъ выше правиламъ инструкціи 1764 г.

Въ 1794 г. велѣно было «стороннихъ людей», которые будутъ «съ родни служителямъ и крестьянамъ» гр. Шереметева, къ участию въ раздѣлѣ наслѣдства какъ движимаго, такъ и недвижимаго не допускать, если бы даже они были болѣе близкими родственниками, чѣмъ вѣрнопостные графа *).

Правило 1794 г. не оставалось безъ примѣненія и иногда приносило выкупившимся на свободу дѣтямъ вѣрнопостныхъ гр. Шереметева огромный ущербъ. Н. И. Тургеневъ, столь хорошо знакомый съ русскою жизнью въ эпоху Александра I, говоритъ: «Недавно умеръ одинъ изъ крестьянъ гр. Шереметева, занимавшійся въ Москвѣ торговлею. Послѣ него осталось, кромя другого имущества, 50,000 рублей, положенныхъ въ ломбардъ. Его дѣти, которыхъ ему удалось выкупить на свободу и которыя было записаны въ гильдію, конечно, пожелали получить наслѣдство, оставшееся послѣ отца. Но графъ потребовалъ его въ свою пользу, на томъ основаніи, что послѣдній былъ его вѣрнопостной. Начался процессъ. Судъ не могъ не признать правъ господина и присудилъ ему капиталъ; графъ получилъ его, а дѣти лишились наслѣдства, собраннаго трудами ихъ отца **).

Одинъ изъ непрінадлежащихъ къ числу вѣрнопостныхъ гр. Шереметева близкихъ родственниковъ Сеземова, сынъ родной его сестры, купецъ Семенъ Сафоновъ, пытался требовать извѣстной доли его наслѣдства. Онъ не могъ основывать своихъ претензій на завѣщаніи Сеземова, но ссылаясь на то, что Сеземовъ захватилъ капиталъ его отца, Сафонова, отъ имени котораго первоначально содержалъ откупъ, а также на то, что онъ самъ, Семенъ Сафоновъ, сохранилъ въ Саратовѣ во время Пугачевского бунта до 70,000 руб., принадлежавшихъ Сеземову, и доставилъ ему эти деньги.

Если вѣрить запискѣ, составленной въ 1808 г., вѣроятно, по просьбѣ Сафонова, еще графъ П. Б. Шереметевъ приказалъ удовлетворить Сафонова, затѣмъ и гр. Николай Петровичъ первоначально рѣшилъ «удовольствовать» его «изъ доходовъ имѣнія, оставшагося послѣ Сеземова***), но это исполнено не было****), и, наконецъ, Сафоновъ получилъ отъ графа

) Предписанія эти были повторены и въ „Собраніи положеній и правилъ, по которымъ управляющій долженъ поступать во время управленія вотчинами“ гр. Шереметева, составленномъ послѣ 1815 г.

*) „La Russie et les Russes“, т. II, стр. 92.

**) По просьбѣ Сафонова о немъ писалъ гр. Шереметеву кн. Александръ Андр. Безб родко.

***) Сафонову былъ выплаченъ только долгъ Сеземова въ 2,250 руб.

****) 1794 г., 1802 г.

«несоответственный первой резолюціи отзывъ, что у Сеземова имѣніе осталось». Въ 1808 г. Сафоновъ написалъ письмо къ гр. Н. П. Шереметеву, въ которомъ говоритъ: «Много разъ осмѣливался я утруждать с—во о удовлетвореніи меня имѣніемъ, захваченнымъ канцелярією с—ва по смерти дяди моего крестьянина Сеземова и дочери его купца Шемякина *). Въ прошеніяхъ моихъ в—му с—ву изъяснялъ останусь доволенъ десятою частью доходовъ съ недвижимаго имѣнія, которое вышеписанный Сеземовъ купилъ на имя родителя вашего Богородской губ., деревни Богородской. Много разъ былъ я лично увѣряемъ с—мъ, вашими управителями и, наконецъ, чрезъ г. Титова, секретаря камеръ-коллегіи **) въ томъ, что я получу сіе награжденіе; но въ время ничего не имѣю и думаю, что управители в—го с—ва скрыли отъ васъ состояніе сего дѣла. Въ нуждѣ моей осмѣливаюсь покорно просить ваше с—во въ послѣдній разъ наградить меня, по обѣщаніи шему, по крайней мѣрѣ 54,000 руб., составляющими десятою частью дохода, получаемого» (т.-е. полученнаго за 17 лѣтъ до 1808 г.) «с—ва имѣнія, нагло захваченнаго канцелярією в—го с—ва безъ дома правительства. Сія сумма есть ничто въ сравненіи выигрыша, рый ваше с—во получите, окончивъ сіе весьма запутанное дѣло Сеземова, которое причинить можетъ в—му с—ву много убытка и сердцу многія печали. Мои изъясненія могутъ обратить вниманіе правителя на сіе дѣло, ибо упомянутые Сеземовъ и Шемякинъ остались долгами казнѣ около милліона рублей». Въ приложенной къ письму описи Сафоновъ утверждалъ, что въ селѣ Богородскомъ въ то время было 700 душъ (объяснительной запискѣ того же года сказано: до 700 душъ), и оцѣнилъ его въ 200,000 руб.; дохода съ него, «кромя рекрутскихъ денегъ» очевидно денежныхъ взносовъ за освобожденіе отъ рекрутчины ***) считалъ по 7,000 руб. въ годъ, а въ 17 лѣтъ всего 119,000 руб. недвижимый домъ Сеземова въ Москвѣ, проданный канцелярією графа въ 6,000 руб., онъ оцѣнивалъ въ 16,000 руб., а движимое его имущество очевидно, со включеніемъ оставшихся на его имя векселей—въ 100,000 и такимъ образомъ считалъ стоимость всего наслѣдства самого Сеземова въ 435,000 руб. Весьма вѣроятно, что сумма эта преувеличена ***).

*) Какъ мы уже знаемъ, отъ послѣдней осталось только движимое имущество 29-го сентября 1789 г., слѣдовательно еще при жизни Сеземовой, по приказу оно было отдѣлено отъ имѣнія Сеземова, для отдачи сестрѣ Шемякиной, кн. Алферовой, но отдано не было.

**) На объяснительной запискѣ 1808 г. есть надпись: получена отъ сестры Титова.

***) Въ селѣ Ивановѣ гр. Шереметева въ первой половинѣ XIX в. за освобожденіе семейства крестьянъ Гондуринныхъ отъ воинской повинности было взята польза помѣщика 30,000 р. Гарелинъ: „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, т. I, стр. 100.

****) Быть можетъ, еще болѣе преувеличена Сафоновымъ стоимость наслѣдства Шемякиной (состоявшаго, по словамъ записки 1808 г., въ вещахъ, золотѣ и серебряныхъ ассигнаціяхъ, векселяхъ, ушаченныхъ по смерти Шемякиной, и др.).

Что отвѣчалъ Сафонову гр. Н. П. Шереметевъ, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ село Богородское осталось его собственностью *). Однако вѣтвики Сеземова не бросили вовсе этого дѣла, какъ видно изъ имѣющейся въ нашихъ документахъ записки, составленной послѣ 1863 года. Въ ней сказано, что Сеземовъ завѣщалъ прибрѣтенное имъ съ разрѣшенія гр. Шереметева на свои собственные деньги село Богородское «сыновьямъ» (внучатамъ, см. выше) «своего брата, Сеземовымъ», и завѣщаніе это скрѣплено повѣренными Шереметева. Въ настоящее время имѣется вѣлицо нисходящій потомокъ непосредственнаго наслѣдника Сеземова по завѣщанію **). Затѣмъ перечислены документы, имѣющіеся по этому дѣлу ***).

Записка эта имѣла тогда не одно историческое значеніе ****). Въ ней указано далѣе, на чемъ можно основывать возбужденіе этого дѣла, а именно:

оставшихся послѣ нея векселяхъ), которое Сафоновъ оцѣнилъ въ 174,394 руб. Относительно имущества Шемякиной Сафоновъ замѣчаетъ, что оно „естъ, дѣйствительно, вѣличіе купеческое, которое по смерти ея (Шемякиной) должно быть представлено правительству, но канцелярія в—го с—ва, нарушивъ законы, нагло оное захватило и соединила съ имѣніемъ Сеземова“. Относительно имущества Шемякиной мы находимъ въ запискѣ 1808 г. извѣстіе, что еще до смерти Сеземова, по возвращеніи его изъ ссылки, оно было описано и опечатано канцелярією гр. Шереметева, а когда Сеземовъ мѣсяца черезъ два послѣ этого умеръ, то она вторично описала, запечатала и конфисковала, вмѣстѣ съ имуществомъ Сеземова, и имущество Шемякиной, „и находилось оное въ томъ же домѣ за карауломъ отъ его с—ва, но вскорѣ послѣ того владовая, въ коей оное хранилось, подломлена, и изъ имѣнія Шемякиной деньги и лучшія вещи—похищены, и когда сіе гласно въ домѣ его с—ва сдѣлалось, тогда нѣмъ заключаютъ, что похищеніе сдѣлано не постороннимъ кѣмъ, а болѣе всякаго подозрѣнія клонилось на крестьянина Рогущина; однако же обстоятельство сіе, какъ тогда, такъ и донынѣ осталось безъ изслѣдованія, и похититель не открытъ; оставшее же имѣніе Шемякиной и понынѣ состоитъ въ секвестрѣ въ домовой его с—ва канцеляріи“.

*) Въ свѣдѣніяхъ объ имѣніяхъ, доставленныхъ въ редакціонныя комиссіи, значится въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромской губ. имѣніе гр. Дм. Ник. Шереметева (отца Николая Петровича): „Село Макарьевское и Богородское съ деревнями“ 1472 д. муж. и. крестьянъ, 7 дворовыхъ, земли въ пользованіи крестьянъ 12,898 дес. да еще не въ пользованіи ихъ—31,374 дес. („Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій“. Спб., 1860 г., т. IV, Костромская губ., стр. 14—15); срав. выше данныя Екатер. генер. межеванія о селѣ Богородскомъ, гдѣ очевидно было включено и село Макарьевское.

**) Напротивъ, въ письмѣ Сафонова и въ запискѣ 1808 г. о завѣщаніи не упоминается, такъ какъ Сафоновъ не могъ основывать своихъ притязаній на завѣщаніе.

***) А именно: 1) удостовѣреніе гр. Шереметева, выданное Сеземову, что наследникъ имѣніе куплено на его деньги, и въ томъ, что Шереметевъ дозволяетъ владѣти этимъ имѣніемъ потомкамъ Сеземова; 2) духовное завѣщаніе его въ пользу нисходящихъ родственниковъ; 3) равныя бумаги, удостовѣряющія, что Сеземовъ владѣлъ купленнымъ имъ имѣніемъ.

****) Это видно изъ надписи, относящейся, очевидно, къ перечню документовъ: „Вамъ и слѣдуетъ представить два документа № 3 и завѣщаніе, а пожалуй что ирѣе тамъ достаточно значатъ одинъ перамъ“.

сдѣлана ссылка на 32 ст. Общаго Положенія 19-го февраля *), а на два циркуляра **).

Быль ли возбужденъ въ половинѣ 1860-хъ гг. въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вопросъ о правахъ потомковъ Сеземова на имѣніе и пленное, или, лучше сказать, на вознагражденіе за него, намъ неизвѣстно до главнаго комитета по крестьянскому дѣлу такое дѣло во всѣхъ случаяхъ не доходило, какъ убѣдились мы изъ просмотра описи бумагъ комитета въ архивѣ государственнаго совѣта. Весьма желательно, лица, имѣющія документы по этому дѣлу, разъяснили его; наша первая попытка получить доступъ въ одинъ частный архивъ, гдѣ должны находиться матеріалы относительно перехода села Богородскаго къ гр. Шереметеву, успѣхомъ не увѣнчалась.

Сеземовъ былъ не единственнымъ владѣльцемъ населеннаго имѣнія крестьянъ графа Шереметева. Въ 1821 году крестьянка графа Шереметева села Иванова (Владимірской губерніи) вдова Гарелина съ дѣтьмиступила своему деверю недвижимое имѣніе, доставшееся по духовн. завѣщанію ея мужу послѣ его покойнаго отца и состоявшее 1) фабрики и 2) крестьянъ въ селѣ Спасскомъ, сколько огажето по седьмой ревизіи, и послѣ нея вновь рожденныхъ, при фабрикѣ и домѣ ихъ мужского и женскаго пола, со всею пахотною землею, лѣсами и покосами, за 8,000 руб. (въ поступномъ письмѣ были выключе-

*) Въ статьѣ 32-й сказано: „Земли, дома и вообще недвижимыя имущества, обрѣтенныя крестьянами въ прежнее время, на имя ихъ помѣщиковъ, укрѣплены за крестьянами, или ихъ наслѣдниками, окончательно, по утвержденіи за ними имущества самими помѣщиками, или рѣшеніемъ мирового учрежденія, на основаніи особыхъ правилъ, при семъ приложенныхъ“. 38-я статья (тамъ же): „Въ послѣдствіи наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными обычаями“.

**) 1) Циркуляръ 16-го фев. 1859 г. о совершеніи купчихъ крѣпостей на купленные на имя владѣльцевъ, которымъ было предписано не считать положенныя примѣчаніемъ къ 1138 ст. IX т. Св. Зак. о соот., изд. 1857 г., десятилѣтняго препятствіемъ къ совершенію безпоздннно на гербовой бумагѣ низшаго достоинства купчихъ крѣпостей, выдаваемыхъ помѣщиками ихъ крестьянамъ на имущества, купленные на имя ихъ помѣщиковъ, Выс. указа 3-го марта 1848 г. на имя помѣщиковъ (Срав. объ этомъ указѣ мою книгу „Крестьянскій вопросъ“, т. II, стр. 152-153). 2) Циркуляръ 1863 г. о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ по искамъ крестьянъ о правахъ собственности на имущества, приобретенныя ими на имя помѣщиковъ (имѣніе госуд. сов. Высоч. утв. 6-го мая 1863 г.): 1) приложенныя къ 32-й ст. Полож. о крестьянахъ правила объ укрѣпленіи за крестьянами недвижимыхъ имуществъ, приобретенныхъ ими въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ, остаются въ силѣ; 2) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ сношеніе съ бывшимъ примѣрамъ съ представленіемъ въ главный комитетъ по такимъ дѣламъ крестьянъ о земляхъ, присваиваемыхъ ими въ собственность, къ которымъ по такимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, невозможно примѣнить буквально означенныя правила, безъ явнаго нарушенія справедливости“. См. Чудовскій: „Сводъ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ за 1862, 1863 и 1864 гг.“, СПб., 1873 г., стр. 282—283.

«дѣла»). Пошлинные деньги въ вотчинное правленіе должны были платиться покупщикъ «по домашнимъ постановленіямъ графа»; онѣ были уплачены въ размѣръ 400 р. *). Есть и свидѣтельства нѣкоторыхъ современниковъ о томъ, что крѣпостные крестьяне гр. Шереметевыхъ владѣли населенными имѣніями. «Мнѣ говорили, — рассказываетъ Пассенанъ, — что одинъ крѣпостной гр. Шереметева владѣетъ 500 душъ крестьянъ **). По словамъ Н. И. Тургенева, «среди крестьянъ гр. Шереметева есть такіе, которые сами владѣютъ землями, населенными рабами. Эти рабы второй ступени, или рабы рабовъ, всѣ записаны на имя графа и по закону считаются ему принадлежащими. Ему никогда не пришла бы мысль, ни ему, ни кому-либо другому, что онъ можетъ ихъ присвоить (?). Но, въ случаѣ принудительнаго отчужденія, несомнѣнно эти рабы-рабовъ раздѣлили бы судьбу другихъ крестьянъ графа; они всѣ могли бы быть проданы съ публичнаго торга вмѣстѣ съ населенными ими землями». Полагая, что графъ не могъ бы подумать о присвоеніи крестьянъ, принадлежащихъ его крестьянамъ, Н. И. Тургеневъ непосредственно вслѣдъ за тѣмъ говоритъ слѣдующее: «Еще въ другомъ случаѣ, — во время малолѣтства наследника господина, права его крестьянъ, собственниковъ недвижимыхъ имѣній, бывають не только нарушены, но даже совершенно уничтожены. Такъ по смерти гр. Шереметева ***) опекуны его малолѣтняго сына не упустили случая овладѣть недвижимыми имуществами, принадлежавшими въ дѣйствительности крѣпостнымъ крестьянамъ графа, и, кажется, нѣсколько разстроенное состояніе молодого человѣка, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, не позволило ему возвратитъ законнымъ собственникамъ имущества столь дурно приобрѣтеннаго» ****).

Однако и позднѣе (у шереметевскихъ крестьянъ бывали населенныя имѣнія. Баронъ Гакстгаузенъ отмѣтилъ въ своей извѣстной книгѣ, что у гр. Шереметева въ Бирюченскомъ уѣздѣ (Воронежской губ.) есть имѣніе Алексѣевское, какъ говорятъ, 32,000 душъ *). «Тамъ есть крестьяне, которые (не имѣя по русскимъ законамъ права владѣть крестьянами на своемъ имени) купили на имя графа имѣнія съ 600—700 крѣпостныхъ крестьянъ и владѣютъ ими, въ чемъ онъ имъ ни мало не препятствуетъ и не увеличиваетъ съ нихъ поборовъ сравнительно съ другими своими крѣпостны-

*) *И. Гарелинъ*: „Городъ Иваново-Вознесенскъ“. Шуя, 1885 г., т. I, стр. 110—

12. Подъ поступнымъ письмомъ подписался: Гарелинъ, ея сынъ и двѣ дочери.

**) *Passenan*: „La Russie et l'esclavage“, P., 1822, t. I, p. 67—68.

***) Гр. Н. П. Шереметевъ умеръ въ 1809 г., оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Дмитрія, надъ которымъ была назначена опека. *Русскій Арх.* 1899 г., т. III, стр. 24—26.

****) „La Russie et les Russes“, t. II, p. 91—92.

****) Во время генеральнаго межеванія, которое въ Воронежской губ. происходило въ 1798 г., въ слободахъ Бирюченскаго уѣзда, принадлежавшихъ гр. Шереметеву, было 10,566 душъ муж. п., а во время крестьянской реформы въ слободѣ Алексѣевской числилось 37,956 душъ крестьянъ и 356 дворовыхъ муж. п.

ми» *). Мы видѣли, однако, что Сеземовъ платилъ въ 1779 г. 248 р. въ годъ, между тѣмъ какъ крестьяне гр. Шереметева въ немъ съ его имѣніемъ селѣ Макарьевскомъ (Костромской губ.) вносили то же время всего по 3 р. съ души, а крестьяне графа въ селѣ П. (нынѣ Нижегородской губ.) въ началѣ 1770-хъ гг. платили въ среднемъ около 4 р. 50 к. съ души; несомнѣнно, въ 1840-хъ гг., когда существовалъ баронъ Гакстгаузенъ, гр. Д. Н. Шереметевъ взималъ денегъ сборы не въ одинаковомъ размѣрѣ съ крестьянъ богатыхъ, средней точности и бѣдныхъ **).

Населенными имѣніями владѣли не одни крѣпостные гр. Шереметевы. Какъ видно изъ записки Заблоцкаго-Десятовскаго, составленной въ 1811 г. у одного «умнаго и добраго» старика-помѣщика, воспитывавшагося въ детствѣ и жившаго во Франціи во время революціи, былъ крѣпостной дворянинъ имѣлъ на имя господина 60 душъ крестьянъ. «Человѣкъ этотъ славный старикъ, росъ вмѣстѣ съ бариномъ, но жилъ и умеръ при немъ. Господинъ ни за что не хотѣлъ отпустить его» на волю ***).

Намъ удалось собрать болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о крѣпостныхъ Сеземова; быть крестьянъ въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ другимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, долженъ составить предметъ новыхъ изслѣдованій.

Можетъ явиться вопросъ: отчего разбогатѣвшіе крѣпостные гр. Шереметевыхъ не выкупались на волю? Относительно тѣхъ изъ нихъ, которые владѣли населенными имѣніями, это объясняется отчасти тѣмъ, что выходя на волю они не могли бы владѣть населенными имѣніями на свое имя, такъ какъ владѣніе крѣпостными было исключительнымъ достояніемъ дворянства; но кромѣ того Шереметевы вообще неохотно пускали на волю своихъ крѣпостныхъ. Впрочемъ, въ XIX в. было довольно много случаевъ выкупа на свободу шереметевскихъ крестьянъ, хотя всетаки ихъ господа далеко не всегда соглашались на него. Такъ селѣ Ивановѣ съ 1827 до 1839 г. выкупилось 34 семьи крупныхъ новосельскихъ фабрикантовъ, причемъ выкупная сумма доходила до 20,

*) *Haxthausen*: „Studien über die innern Zustände Russlands“ 1847, t. II. О слободѣ Алексѣевкѣ и жизни ея крестьянъ въ началѣ XIX в. см. въ запискѣ А. В. Никитенка. *Русск. Стар.* 1888 г., № 8, стр. 307, 311—313, 320—322.

**) Тайный совѣтникъ С. В. Шереметевъ, владѣлецъ торгово-промышленнаго Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ., собиралъ съ своихъ крестьянъ предъ крестьянскою реформою слѣдующій оброкъ. Минимумъ оброчнаго былъ 25 р. с. съ души, но большинство платило гораздо болѣе: 75 чел. платили въ 1858 г. отъ 50 до 95 р., 53 чел.—отъ 100 до 195 р., 24 чел.—отъ 375 р., 9 чел.—отъ 500 до 1,530 р. съ души. Недоимщики вносили за каждыя 100 душъ штрафъ въ размѣрѣ 4 коп. съ рубля. *В. Стюжковскій*: „Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губ. наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы ея“. „Дѣйствія Нижегород. губ. ученой архивной комиссіи. Сборникъ т. III“. Нижний Новгородъ, 1898 г., стр. 69; срв. стр. 70—73 и *Русск. Стар.* 1901 г. стр. 350—353.

***) *Заблоцкій-Десятовскій*: „Графъ Киселевъ и его время“, т. IV, стр. 3.

съ семьи, хотя «въ большинствѣ случаевъ была значительно ниже этой цифры»; но въ послѣдствіи ивановскимъ крестьянамъ приходилось вторично выкупать свои дома. Всего въ селѣ Ивановѣ до уничтоженія крѣпостного права выкупилось на волю болѣе 50 семействъ. «Выкупную сумму въ Ивановѣ,—говоритъ г. Гарелинъ,—можно смѣло положить въ миллионъ рублей, не менѣе, такъ какъ выкупъ возможенъ былъ для самыхъ богатыхъ, и многіе послѣ этого выкупа захудали» *). Нѣкоторые крѣпостные гр. Шереметева въ слободѣ Алексѣевкѣ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губ., выкупились на свободу за 80—100 тыс. руб. **). Н. И. Тургеневъ утверждаетъ, что былъ даже случай выкупа на свободу одного фабриканта шляпъ, крѣпостного гр. Шереметева, за 800,000 р. ***), что и при счетѣ на ассигнаціи составляетъ все же громадную сумму. Заблочкій-Десятовскій въ своей извѣстной запискѣ «О крѣпостномъ состояніи въ Россіи» (1841 г.), говоритъ: «Изъ числа оброчныхъ крестьянъ въ иныхъ мѣстахъ, наприм., въ Ярославской и Нижегородской губерніяхъ, есть очень богатые. Въ нѣсколько лѣтъ трудовъ и счастья они составляютъ себѣ значительные капиталы. Въ такомъ случаѣ приходятъ они къ помѣщикамъ и просятъ откупиться. Нѣкоторые не отпускаютъ вовсе, тщеславясь тѣмъ, что имѣютъ крестьянъ-капиталистовъ, какъ, наприм., князь Г—ій (Грузинскій), а иногда изъ выгоды, чтобы богатые крестьяне выносили на плечахъ недомки своихъ собратій. На этомъ основаніи и гр. Ш—въ ****) остановилъ отпускъ крестьянъ на волю» †). Мы только что видѣли, что много выкупившихся было въ селѣ Ивановѣ. «Благодаря этому выходу на свободу,—говоритъ г. Гарелинъ,—положеніе крестьянъ, оставшихся въ крѣпостномъ состояніи, сдѣлалось очень тяжелымъ: оброкъ, который платили крестьяне, нисколько не былъ уменьшенъ, такъ что приходилось платить и тѣ деньги, которыя вносились прежде выкупившимися... Въ этомъ случаѣ много помогало то обстоятельство, что богатые фабриканты платили за бѣднѣйшихъ изъ крестьянъ» ††).

В. Семеvскій.

*) *Русскій Архивъ* 1898 г., т. II, стр. 188, 189, 194, 196, 197; срв. *Гарелинъ: „Городъ Иваново-Вознесенскъ“*, 1886 г., т. I, стр. 114, 129, 166, 210, т. II, стр. 5, 7—12.

**) *Haarhausen: „Studien“*, II, p. 72.

**) „*La Russie et les Russes*“, t. II, p. 90—91.

**) Изъ рукописи этой записки, хранящейся въ арх. мин. гос. имуществъ, видно, что это гр. Шереметевъ.

†) *Заблочкій-Десятовскій: „Гр. Киселевъ и его время“*, т. IV, стр. 289.

††) *Городъ Иваново-Вознесенскъ*, т. I, стр. 210.

Объ упадкѣ земледѣлія и его нуждахъ *).

III.

Переходимъ къ ближайшему для насъ этапному пункту, неурожаямъ 1897—98 гг. Богатый матеріалъ по характеристикѣ экономическаго положенія крестьянскаго населенія и результатовъ этихъ злосчастныхъ годовъ можно найти въ докладахъ предсѣдателя рязанской губернской земской управы князя Н. С. Волконскаго губернскому собранію за указанный періодъ времени. Въ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ въ достаточной мѣрѣ использовать этотъ любопытный матеріалъ и намъ придется остановиться лишь на самыхъ крупныхъ экономическихъ явленіяхъ, отмѣченныхъ и разработанныхъ въ тѣхъ докладахъ.

Общій расходъ на оказаніе помощи какъ по продовольствію, такъ и по обмѣненію полей въ продовольственную компанію 1897—1898 гг. при переводѣ выданнаго хлѣба на деньги выразился въ цифрѣ 2,390 тыс. рублей, изъ которыхъ на губернской продовольственный капиталъ относится лишь 152 тыс. рублей; остальная потребность удовлетворена изъ средствъ частныхъ продовольственныхъ капиталовъ.

По мнѣнію губернской управы: «минувшій годъ (1897-й) былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ неурожайныхъ, которые Рязанской губерніи приходилось переживать съ тѣхъ поръ, какъ въ ней введены земскія учрежденія.

«Если основываться на данныхъ, ежегодно сообщаемыхъ земствамъ черезъ волостныя правленія и служащихъ матеріаломъ для Всеподданнѣйшихъ отчетовъ, то надо признать, что съ самаго начала 80-хъ годовъ, времени, когда упомянутыя свѣдѣнія стали собираться, губернія въ полномъ составѣ такого недорода не испытывала, за исключеніемъ 1891 г. Недородъ опредѣлялся на деньги въ 13 милліоновъ рублей. Ближайшій по размѣрамъ недородъ, пережитый губерніей за тотъ же промежутокъ времени, былъ недородъ 1892 года, опредѣленный по такому же подсчету въ 11 милліоновъ рублей. По тѣмъ же даннымъ недородъ 1891 года только

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1902 г.

по 11 уѣздамъ губерніи (за исключеніемъ Раненбургскаго, одного изъ наиболѣе пострадавшихъ въ то время, по которому свѣдѣнія были доставлены по другой программѣ)—въ 24 милліона рублей. Хотя въ частности были цѣлыя мѣстности, испытавшія въ 1897 году худшій урожай, чѣмъ въ 1891 году: такими надо считать значительныя части Михайловскаго и Зарайскаго уѣздовъ».

Далѣе въ докладѣ приводятся подробныя свѣдѣнія о продовольственныхъ средствахъ, имѣвшихся въ распоряженіи населенія и земства на поддержаніе продовольственныхъ и сѣмянныхъ нуждъ губерніи и констатируется, что «борьба съ послѣдствіями прошлогодняго неурожая естественно должна была быть легче, чѣмъ въ 1891—1892 году и идти болѣе ровнымъ обычнымъ теченіемъ: точно также какъ и выданные въ этомъ году 2 милліона должны были по своему значенію для населенія стоить тѣхъ 5-ти слишкомъ милліоновъ, которые были израсходованы на продовольственныя надобности въ 1891 году».

Очень силенъ былъ въ минувшемъ году недостатокъ кормовъ; въ этомъ отношеніи 1897 годъ для большинства губерніи стбитъ 1891 года: *скота въ этомъ году убавилось очень много* (курсивъ нашъ). Но что можно сдѣлать противъ такого недостатка? Нельзя же говорить въ самомъ дѣлѣ серьезно о ссудахъ на поддержаніе скота или, пожалуй, объ устройствѣ скотскихъ столовыхъ, какъ о мѣрѣ, которая можетъ быть доступна массѣ нашего населенія».

Не будемъ останавливаться на весьма интересномъ матеріалѣ, приводимомъ княземъ Волконскимъ въ докладѣ о сравнительномъ сокращеніи браковъ въ неурожайныя 1897 и 1891 годы, причемъ по губерніи сокращеніе это въ 1897 году относительно средней 4 послѣднихъ лѣтъ выразилось въ 15,9%. Пропускаемъ описаніе отдѣльныхъ пострадавшихъ мѣстностей и переходимъ прямо къ слѣдующему году.

Въ 1898 году губернію вновь постигъ недородъ. Губернская земская управа вновь докладываетъ собранію, что съ конца 70-хъ годовъ недородъ 1898 года уступаетъ только недороду голоднаго 1891 и 1897 гг. Особенностью этого года въ отличіе отъ другихъ неурожавъ, по свѣдѣнію губернской управы, было то, что неурожай яровыхъ, особенно овса, былъ гораздо сильнѣе и постигъ гораздо большую площадь губерніи, чѣмъ неурожай ржи. А такъ какъ при этомъ и цѣны на рожь сложились на рынкѣ не особенно высокія (60 — 65 коп. пудъ), то этимъ и опредѣлился характеръ борьбы, которую пришлось вести земству съ послѣдствіями прошлогодняго неурожая. Она велась въ большей части губерніи отъ вочна, случайными мѣрами, направленными къ облегченію участи отдѣльныхъ мѣстностей въ строгомъ соображеніи съ частными продовольственными средствами самого пострадавшаго населенія прежде всего и стала обилнѣе дѣломъ всей губерніи лишь въ заботахъ о добычѣ сѣмянъ на обсеменение ярового поля. И тѣмъ не менѣе положеніе отдѣльныхъ мѣстностей было въ этомъ году всетаки ужасно. Уже истощенныя неурожавомъ

1897 года, эти отдѣльныя мѣстности должны были встрѣтиться въ нѣшнемъ году съ послѣдствіями *дѣйствительнаго* недорода и хлѣба, и мовь (см. докладъ управы 35 очередному собранію о народномъ ц вольствѣ, стр. 2).

Всего въ эту кампанію израсходовано на удовлетвореніе продовольс ной и сѣмянной нужды губерніи при переводѣ магазиннаго хлѣба на ги 802,214 рублей, причеъ большая половина этихъ средствъ позаим вана изъ губернскаго и имперскаго продовольственныхъ капиталовъ.

Итакъ, свыше 8 милліоновъ рублей продовольственныхъ ссудъ в ченіе 8 лѣтъ. И всѣ эти ссуды новымъ бременемъ легли на источе цѣлымъ рядомъ неурожаевъ земледѣльческое населеніе губерніи.

Мы уже указывали, что сплошнаго подворнаго обслѣдованія губ со времени 1887 года не производилось; но въ отдѣльныхъ уѣздахъ и онахъ производились частичныя изслѣдованія, на основаніи которыхъ и постараемся составить картину экономическаго положенія населеніи ближайшіе къ намъ годы.

На первомъ мѣстѣ по справедливости необходимо поставить подво описаніе 5 волостей Михайловскаго уѣзда, произведенное земскимъ ночнымъ отрядомъ въ неурожайный 1898 годъ, особенно поразившій но этотъ районъ, и разработанное княземъ Н. С. Волконскимъ.

Всего зарегистрировано было 4,532 двора. Мы не станемъ утомлят тателей изобиліемъ цифръ; изъ всего сборника мы выберемъ самыя пуклыя явленія общественной экономической жизни, не распыляяс частностяхъ и деталяхъ. Что особенно обращаетъ вниманіе, это—ос вившійся приростъ населенія сравнительно съ переписью 1885 г.; въ 1,3% прироста прежнихъ лѣтъ, теперь отмѣчается лишь 0,73% въ по отдѣльнымъ обществамъ цифры прироста очень разнообразны; въ которыхъ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, напримѣръ, хинской волости, замѣчается даже убыль населенія. При этомъ проп населенія рабочаго возраста убавился почти во всѣхъ обществахъ и ос но въ обществахъ помѣщичьихъ крестьянъ въ той же Плахинской вол

«Подобное вліяніе могла бы оказать война,—говоритъ князь Во скій,—вырывающая часть населенія въ лучшемъ рабочемъ возрастѣ ружье... Намъ кажется, что подобно настоящей арміи и промышлен армія можетъ вліять на населеніе нашихъ селъ и деревень такимъ образомъ. И она вербуетъ своихъ солдатъ среди населенія рабочаго раста мужскаго и женскаго, отрывая ихъ отъ сельскихъ домашнихъ тій». Число дворовъ въ рассмотрѣнныхъ селеніяхъ возрасло съ 1885 въ еще меньшей степени, всего на 1,5% за все время, причеъ у дарственныхъ крестьянъ приростъ былъ гораздо значительнѣе—4 тогда какъ у бывшихъ помѣщичьихъ не только не было никакого п ста, но даже послѣдовало сокращеніе числа дворовъ на 3,7%. «Я это, вполне согласное съ измѣненіемъ, происшедшимъ въ возрастном ставѣ населенія, совершенно противорѣчитъ тому, что мы до сихъ

думали. Мы привыкли считать, что крестьяне послѣ отгѣны крѣпостного права дробили крупныя семьи вслѣдствіе частныхъ семейныхъ раздѣловъ и симоны были видѣть въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ крестьянскаго обгдѣнія. Изданное въ 70-хъ годахъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ извѣстное изслѣдованіе «Статистика поземельной собственности», даже прямо удостовѣрило размѣръ происшедшаго отъ того сокращенія численнаго состава двора, опредѣленнаго въ среднемъ выводѣ для центрально-черноземныхъ губерній именно, если не ошибаемся, въ 6 чело-вѣкъ на дворъ. И такой результатъ тогда всѣхъ удивилъ. Ожидали бдльшаго сокращенія. Произведенное теперь изслѣдованіе несомнѣнно доказы-ваетъ, что въ настоящее время указаннаго явленія больше нѣтъ въ этой части Рязанской губерніи». Въ изслѣдованіи указано, что и въ 1885 году численный составъ двора въ средней семьѣ у государственныхъ крестьянъ былъ 6,3 и у помѣщичьихъ 6,5; по отдѣльнымъ волостямъ колебанія еще большія.

«Всѣ эти подробности,—продолжаетъ князь Волконскій,— указываютъ на характеръ происходящаго явленія. Причина его не имѣетъ ничего об-щаго съ увеличеніемъ работоспособности семьи: люди скучиваются по нуждѣ, въ силу уменьшенія количества лицъ рабочаго возраста, изъ ко-торыхъ одни выбыли вовсе, другія на заработкахъ, въ силу того, что не на что завести отдѣльное хозяйство. При такомъ увеличеніи числа душъ хозяйственная мощь двора не возрасла, а стали только тѣснѣе жить. Если же принять во вниманіе, что и избы стали теперь меньше и тѣснѣе пре-жихъ, то придется заключить, что жить стало много тѣснѣе».

Въ изслѣдованіи моемъ о надѣлахъ Рязскаго уѣзда мною было обра-щено вниманіе на то же явленіе скученности и постоянства величины крестьянской семьи. На первый взглядъ казалось бы, писалъ я тогда, что земельный достатокъ населенія вызоветъ усиленные семейные раздѣлы. Цифры доказываютъ однако, что вообще колебанія между составомъ дво-ровъ незначительны, тяготя къ среднимъ цифрамъ 6,6—7,5; замѣчается даже, что по группамъ сельскихъ обществъ, наиболѣе обеспеченнымъ зем-лей, какова, напримѣръ, группа государственныхъ крестьянъ съ наличной разверсткой земли, гдѣ на каждую ревизскую душу приходится 7,9 дес. и на каждую наличную душу—2 десят. надѣла, и по группамъ наименѣе обеспеченнымъ, каковы: помѣщичьи крестьяне съ наличной разверсткой и тѣ же крестьяне съ ревизской разверсткой земли, гдѣ надѣла приходится на ревизскую душу въ среднемъ лишь 2 десятины слишкомъ и на налич-ную душу лишь 0,7 десятины,—численный составъ дворовъ является со-ливающимъ.

Въ то же время мы отмѣчали весьма любопытное явленіе: это—тяги-тѣіе къ среднимъ величинамъ численнаго состава крестьянскаго двора, не только среди однородныхъ по способамъ землепользованія группъ сель-скихъ обществъ, каковыми, конечно, необходимо признать общества, со-стояція при общинномъ владѣніи землей съ той или иной разверсткой по-

слѣдней, но и среди другихъ селеній, находящихся въ совершенно икономическихъ условіяхъ. Такъ средній численный составъ двора обществъ состоящихъ на дарственномъ надѣлѣ, равенъ 6,7 душъ; составъ дворовъ обществъ, владѣющихъ землей подворно, выражается въ цифрѣ 7, общества, выкупившія свой надѣлъ, въ среднемъ составляютъ численно каждый двора въ 6,6 душъ; наконецъ, по обществу крестьянъ деревни Какуй, Ухоловской волости, владѣющихъ одной усадебной землей въ мѣрѣ 4,5 десятины на всѣ 23 двора и не имѣющихъ никакого иного дѣла, численный составъ двора равенъ 7,6 наличныхъ душъ.

По имущественной состоятельности и по обеспеченности землей общества эти находятся въ слишкомъ неравныхъ условіяхъ: по обществамъ выкупившимъ надѣлъ, на каждую наличную душу приходится 1,2 дес. земли; по обществамъ, состоящимъ на дарственномъ надѣлѣ—0,3 дес. и, наконецъ, по деревнѣ Какуй всего—0,02 дес. на наличную душу. Ответственно земельной обеспеченности колеблются и цифры подворнаго распределенія скота и процентъ безземельно-бездомовыхъ семей (по деревнѣ Какуй 20%). И при подобномъ неравномерномъ распределеніи имущественнаго благосостоянія крестьянъ, мы наблюдаемъ однако почти одинаковый численный составъ дворовъ, колеблющійся между цифрами 6,5—7,6 душъ.

Земли у крестьянъ обследованной княземъ Волконскимъ мѣстности числится надѣльной (кромѣ усадебной и неудобной) 21,941 десятина, чемъ у государственныхъ крестьянъ приходится 0,8 десят. на наличную душу обоего пола, у помѣщичьихъ—0,54; въ общемъ приходится на душу 0,71 десятины (луга—3,7% всей площади, остальное пашня).

Недостатокъ надѣльной земли пополняется частью купчей землей, частью арендуемой. Какъ и слѣдовало ожидать, купчей земли больше у помѣщичьихъ крестьянъ (32,4% дворовъ) нежели у государственныхъ (9,3%). Всего купчей земли зарегистрировано—3.672,2 десят. противъ—2.308,5 по переписи 1885 года; у бывшихъ помѣщичьихъ площадь купчей земли увеличилась почти вдвое.

У кого не хватаетъ купчей земли, тотъ прибѣгаетъ къ арендованію земли, способъ менѣе выгодный, но зато по большей части болѣе доступный, чемъ приобрѣтеніе земли посредствомъ покупки; цѣны, платимыя за десятину пашни, колеблются отъ 5 до 12 и 13 руб.; при краткосрочной арендѣ достигаютъ 16 и даже 21 руб. за десятину подъ одинъ посѣвъ озимого ярового. Всего арендуется въ данной мѣстности кромѣ надѣльныхъ участковъ 6.563,2 десятины или 23,7% всей площади крестьянской земли.

«Такимъ образомъ, площадь крестьянской земли надѣльной, увеличившаяся на 14,4 процента отъ приобрѣтенія земли посредствомъ покупки, личивается независимо отъ того, —путемъ аренды, —на 23,7 процентовъ.

Въ изслѣдованіи приводится дальше расчетъ соответствія посѣва площади наличнымъ силамъ земледѣльческаго населенія и числу рабочихъ лошадей. Наличнаго населенія является нѣкоторый избытокъ, чего да-

нельзя сказать про рабочихъ лошадей. Если принять въ основаніе расчетъ урожая данныхъ 70-хъ годовъ, собранный губернскимъ земствомъ при отбѣжкѣ предметовъ земскаго обложенія, то получился бы урожай ржи по 16,7 мѣръ на ѣдока съ большими колебаніями по отдѣльнымъ волостямъ и обществамъ. «Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ, заключаетъ князь Волконскій, такого урожая въ настоящее время не только въ средніе годы не бываетъ, но не всегда бываетъ и въ хорошіе, то при недостаточномъ удобреніи и плохой обработкѣ на слабыхъ истощенныхъ лошадяхъ, въ дѣйствительности получается болѣею частью совсѣмъ другой результатъ. Мы не касаемся здѣсь вопроса ни о повинностяхъ, ни о другихъ расходахъ крестьянскаго хозяйства, кромѣ продовольствія.

Разсмотрѣніе данныхъ о землевладѣніи и посѣвахъ въ связи съ данными о населеніи приводитъ къ заключенію, что несмотря на усилившееся занятіе земледѣліемъ и возросшую площадь запашки, въ обследованной мѣстности въ общемъ должно было произойти извѣстное обѣдненіе крестьянъ... Разсмотрѣніе данныхъ произведеннаго обследованія не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія».

Исслѣдованіе отмѣчаетъ прежде всего упадокъ скотоводства; сравнительно съ переписью 1885 г. отмѣчаются слѣдующіе проценты убыли:

Лошадей . . .	14,4%	телятъ . . .	34,5%
жеребятъ . . .	39,8%	овецъ . . .	65,8%
коровъ . . .	9,1%	свиной . . .	81,9%

Всего скота по переводѣ къ крупному (жеребятъ и телятъ 3 головы за одну; овецъ и свиной 6 головъ) убыло 34,6%. Наблюдаемое явленіе упадка рѣзче сказалось въ группѣ помѣщичьихъ крестьянъ (—39,2%), нежели у государственныхъ (—31,4%). Въ этой послѣдней группѣ отмѣчается даже нѣкоторая прибыль коровъ (+3,3%) за счетъ лошадей (—0,9%). Но какъ справедливо указываетъ авторъ исслѣдованія, это возрастаніе слѣдуетъ считать также однимъ изъ признаковъ (хотя и меньшихъ) упадка крестьянскаго хозяйства. «Заводить вмѣсто лошади корову начинаютъ семьи, отказывающіяся отъ собственнаго полевого хозяйства и переходящія къ сдачѣ части надѣльной земли въ наемъ».

На каждое домохозяйство при переводѣ скота на крупный въ среднемъ такимъ образомъ приходится въ данной мѣстности у государственныхъ крестьянъ 2,3, помѣщичьихъ—2,7; всего—2,5. Вспомнимъ при этомъ, что въ среднемъ по губерніи приходилось въ 1864 г. 4,2 крупнаго скота на дворъ и въ 1887 г.—3,5.

Интересно также отмѣтить, что процентъ безлошадныхъ дворовъ въ данной мѣстности сравнительно съ переписью 1885 г. (44,5%) поднялся до 46,8%, и съ одной лошадыю съ 21,7 до 25,6 проц.; численность дворовъ съ 2 лошадыми почти безъ пережъны и съ 3 лошадыми и болѣе понизилась съ 15,1% до 9,5%. «Однолошадники, — пишетъ князь Волконскій, — представляютъ въ хозяйственномъ отношеніи очень непрочную и ненадеж-

ную часть населенія, способную при первой невгодѣ лишиться хозяйства вовсе. Что касается безлошадниковъ, составляющихъ еще болѣе численную группу, то это уже прямо пролетариатъ, который самъ ни пахать, ни возить не въ состояніи. Какое собственно они могутъ вести отдѣльное хозяйство, вопросъ мудреный, который въ прежнее время, конечно, не допускалъ бы иного рѣшенія кромѣ отрицательнаго. Но при нынѣшнихъ условіяхъ хозяйства, когда все можно купить и нанять, оказывается возможнымъ и разрѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ значительность числа дворовъ, занимающихся земледѣіемъ, увеличившаяся съ 1885 г., повидимому, ясно доказываетъ это».

Въ изслѣдованіи сгруппированы данныя объ избахъ и другихъ построекахъ. При этомъ выясняется, что дворы съ полнымъ комплектомъ построекъ, т. е. изба, рига, дворъ, надворныя строенія, составляютъ лишь 63,7%; въ другихъ группахъ недостаетъ тѣхъ или иныхъ построекъ; наконецъ, безъ всякихъ построекъ зарегистрировано 4,2% всѣхъ домохозяевъ; сопоставляя данныя эти съ данными о подворномъ распредѣленіи лошадей, причѣмъ 61,3% дворовъ съ полнымъ комплектомъ построекъ у государственныхъ крестьянъ, какъ знаемъ 51,8% безлошадныхъ и при 68,2% полныхъ дворовъ у помѣщичьихъ крестьянъ 37,4% безлошадныхъ, изслѣдователь приходитъ къ двумъ выводамъ: во-1-хъ, что разоряющійся дворъ сначала лишается лошади, а затѣмъ уже принимается за продажу построекъ и, во-2-хъ, что помѣщичьи крестьяне болѣе привержены къ земледѣлію и крѣпче удерживаютъ лошадей, нежели государственные. Эта послѣдняя мысль нѣсколько разъ повторяется и подчеркивается въ изслѣдованіи. Выводъ представляется въ высшей степени интереснымъ и по новизнѣ своей, и по социальному значенію; но на нашъ взглядъ онъ требуетъ дальнѣйшей повѣрки въ болѣе обширныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ.

Нельзя пройти молчаніемъ и ту часть изслѣдованія, которая трактуетъ о размѣрахъ крестьянскихъ избъ. Выводы сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ:

	% избъ 6 аршин. квадрат. и менѣе.			% избъ 7—8 аршинъ.			% избъ 9—10 аршинъ.			% избъ 10 аршинъ и болѣе.		
	1885 г.	1888 г.	+	1885 г.	1888 г.	+	1885 г.	1888 г.	+	1885 г.	1888 г.	+
У государствен. крестьянъ . .	18,4	26,7	+8,3	73,6	69,3	-4,3	6,4	2,9	-3,5	1,6	1	-0,6
У бывшихъ помѣщичьихъ . .	20,1	31,2	+11,1	70,6	-61	-9,6	7,3	-4,4	-2,9	2	3	+ 1
Итого. . .	19	28,3	+9,3	72,6	66,4	-6,2	6,7	3,4	-3,3	1,7	1,7	

«Изъ приведенной таблицы видно, что огромное большинство крестьянъ изслѣдованной мѣстности живетъ или въ 6-тиаршинныхъ избахъ и меньше или въ избахъ отъ 7 до 8 аршинъ въ квадратъ. У государственныхъ крестьянъ въ такой избѣ живетъ въ среднемъ 6,7 душъ, а у помѣщичьихъ—7,2. Принявъ за средній размѣръ избы горницу 7 аршинъ въ ква-

драть вѣстимости, т.-е. безъ угловъ при высотѣ въ 3 аршина, больше чего рѣдко бываетъ въ нашихъ избахъ, получимъ для жилья пространство въ 147 кубическихъ аршинъ, изъ которыхъ надо еще исключить печь, занимающую болѣе полусажени. По правиламъ гигиены, говорятъ намъ, требуется для здороваго помѣщенія не менѣе 2—2½ кубич. саж. воздуха на человѣка. Слѣдовательно, въ такой избѣ можно гигиеническимъ образомъ помѣстить 2—3 человѣка не болѣе, а живетъ 7; да еще съ ними помѣщается теленокъ, куры, овцы съ ягнятами. Объ удобствахъ жилья въ подобныхъ помѣщеніяхъ говорить излишне».

Для цѣлей настоящей статьи отмѣтимъ очевидное ухудшеніе жилищныхъ условій со времени 1885 г.: 7—8-аршинныя избы въ значительной долѣ замѣнились 6-ти-аршинными. Правда, въ группѣ помѣщичьихъ крестьянъ отмѣчается увеличеніе числа 10-ти аршинныхъ избъ, но насколько? на 1%. И для какого количества обитателей? Для 3 дворовъ со ста, изъ которыхъ ⅓ продолжаютъ пользоваться 7—8-ми-аршинными избами, а одна треть ютится еще въ худшихъ помѣщеніяхъ.

При такомъ-то экономическомъ положеніи, данную мѣстность два года подрядъ постигъ полный неурожай: въ 1897 г. она еще обѣялась собственной рожью, но яровыя сѣмена пришлось покупать (земство ссуды здѣсь почти не выдавало, хлѣбъ также начали покупать съ августа и лишь 13,8 процентовъ дворовъ обошлись безъ покупного хлѣба. Пришлось взяться за распродажу скота: болѣе половины дворовъ (52%) утратили значительную часть своего скота—15,8% лошадей и 17,5% коровъ. «Сравнивая цифры убыли скота, происшедшей за послѣдній годъ, значится по этому поводу въ изслѣдованіи, съ убылью, понесенной тѣмъ же населеніемъ съ 1885 г., нельзя не придти къ заключенію, что главная разница между той и другой убылью заключается въ томъ, что въ то время какъ убыль за послѣднія 13 лѣтъ главнымъ образомъ происходила въ мелкомъ скотѣ, теперь она падаетъ на лошадей и въ особенности на коровъ; поэтому очевидно, что мелкаго скота проѣдать уже было нельзя: онъ и такъ весь перевелся... Вслѣдъ за скотомъ взялись за избы и другія постройки. Брыши нужны были для корма и на топку; строенія главнымъ образомъ— на топку».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробнѣе останавливаться на той части изслѣдованія, гдѣ приводятся свѣдѣнія о числѣ раскрытыхъ или разрушенныхъ построекъ; скажемъ лишь, что 33,6 проц. всѣхъ построекъ было раскрыто для корма скота и 2,8 проц. построекъ разрушено для отопленія.

Въ 1898 г. неурожай вновь повторился: по даннымъ изслѣдованіямъ все оставалось ржи отъ урожая и ссудъ, выданныхъ на обѣменение озимяго поля по 3 мѣры на ѣдока въ среднемъ, причѣмъ лица въ отходѣ въ расчетъ не принимались; при среднемъ урожаѣ на ѣдока обыкновенно собралось 16,8 мѣръ. Урожай овса оказался и еще того хуже, составляя лишь 15 проц. обычнаго средняго урожая. При всемъ томъ годъ для скота

долженъ былъ выйти еще голоднѣе, чѣмъ для людей: въ общей сложности населеніе не могло бы (здѣсь) прокормить всего скота гуменнымъ болѣе 1½ мѣсяцевъ».

Обслѣдованіе заканчивается этими данными. Результаты новаго года 1898 г. имъ не охвачены; но ихъ легко себѣ представить изъ изложеннаго.

Намъ скажутъ, быть можетъ, не сгущены ли здѣсь краски? Въ земскія обслѣдованія такъ ярки и такъ прямолинейны? Для тѣхъ именъ автора цитированнаго обслѣдованія ничего не говорить, — для насъ найдемъ болѣе убѣдительный языкъ официально-административныхъ Беремъ приложенія къ Всеподданнѣйшимъ отчетамъ рязанскаго губернатора за 1897 и 1898 гг.; здѣсь въ отдѣлѣ «земледѣліе и скотоводство» мы читаемъ, что за 1897 г. по губерніи собрано всего зерна 31,5 пудовъ слишкомъ, *меньше* прошлогодняго на 27½ милл. пуд. и картофеля 30½ милл. пуд., *меньше* прошлаго года на 8½ милл.; въ частности прошла сама 3,1, овесъ сама 2, колеблясь по отдѣльнымъ уѣздамъ сама 1,3 (Пронскъ, Зарайскъ, Егорьевскъ) до 2,7 по Данковскому уѣзду.

Сравнительно съ 1896 г. число головъ скота *значительно* уменьшилось, а именно: лошадей на 19,027 головъ (7 проц.), рогатаго — на 10,000 головъ (10 проц.), овецъ — на 103,524 головъ (14 проц.), свиней на 26,050 головъ (20 проц.).

Въ 1898 г. урожай зерна по губерніи нѣсколько выше: 39½ пудовъ, но картофеля еще меньше прошлогодняго на 6½ милл. Урожай ржи выразился въ сама 4,7, овесъ — сама 1,9, картофель — сама 1,9.

Число головъ скота продолжаетъ уменьшаться: за 1899 г. уменьшилось лошадей на 5,270 головъ (2%), коровъ на — 4,261 (1,5%), свиней на — 26,524 (4%), свиней на — 19,317 (16%).

Если по всей губерніи получились такія неутѣшительныя цифры, что же сказать объ отдѣльныхъ особенно пострадавшихъ районахъ губерніи и являлись тѣ 5 волостей Михайловскаго уѣзда, обслѣдованнаго в. Волконскимъ, о которыхъ мы только что говорили?

Нужны ли еще какія-нибудь доказательства упадка крестьянскаго хозяйства? Мы могли бы остановиться на вопросахъ недоимочности крестьянскаго населенія; предъ нами вѣдомость о движеніи выкупныхъ платежей по губерніи за 17-лѣтній періодъ по 1899 годъ. Но что новаго скажутъ намъ и прибавятъ эти цифры? Картина положенія крестьянскаго хозяйства ясна и опредѣленна. Не достаточно ли цифръ?

Мы говорили уже, что однимъ изъ самыхъ выдающихся земскихъ работниковъ Рязанской губерніи является работа извѣстнаго статистика В. Г. Плева въ 1881—1882 гг., къ сожалѣнію, прерванная на 4 уѣздахъ губерніи. Такимъ образомъ при всей своей цѣнности и эрудиціи автора, работа Плева обобщенныхъ выводовъ и не можетъ представлять собою матеріала для

экономическаго состоянія всей губерніи. Къ тому же работа эта составляеть въ настоящее время библиографическую рѣдкость, ибо постановленіемъ губернскаго земскаго собранія официально пензурованные, отпечатанные сборники эти должны были быть уничтожены. Дікое постановленіе къ счастью нѣсколько запоздало, и нѣкоторые розданные уже гласнымъ сборники сохранились.

Особый интересъ для настоящей цѣли представляетъ текстъ, написанный г. Григорьевымъ къ сборнику по Рязанскому уѣзду; на немъ мы и остановимся. Изъ текста этого мы позаимствуемъ данныя о положеніи *частно-владѣльческихъ имѣній*, особенно характерныя и освѣщенныя мастерской рукой.

Въ сборникѣ приведена параллель между землевладѣніемъ 1876 и 1881 гг. Приростъ и убыль землевладѣнія приведены въ слѣдующей таблицѣ:

	Число владѣльцевъ.	Земли у нихъ.	Средній размѣръ владѣнія.
До 50 десятинъ	+ 62,4%	+ 66,7%	+ 1,8%
Отъ 50 до 200 десятинъ .	+ 7,4%	+ 13,3%	+ 5,3%
Отъ 200 до 1,000 десятинъ .	+ 4,7%	+ 2 %	— 2,6%
Свыше 1,000 десятинъ . .	+ 17,4%	— 15,2%	— 27,6%
Итого . .	+ 50,6%	—	— 36,6%

Отсюда вытекаетъ, что, во-первыхъ, число землевладѣльцевъ увеличилось, землевладѣніе же измельчало; во-вторыхъ, измельчаніе это шло за счетъ группъ крупныхъ землевладѣльцевъ, особенно владѣющихъ свыше 1,000 десятинъ; и, въ-третьихъ, среднее и мелкое землевладѣніе значительно возросло.

Весьма интересно прослѣдить, въ какихъ сословныхъ группахъ произошли намѣченныя измѣненія за тотъ же періодъ:

	Приростъ числа владѣльцевъ.	Приростъ дес. земли у нихъ.	Приростъ размѣра владѣній.
У дворянъ	— 27,9%	— 82,2%	— 0,5%
» кушцовъ	+ 88,2%	+ 658,2%	+ 302,8%
» крестьянъ	+ 82,1%	+ 195,3%	+ 60 %
» ищанъ	+ 30 %	+ 44,7%	+ 11,2%

«Уменьшеніе землевладѣльцевъ дворянскаго сословія шло объ руку съ уменьшеніемъ числа дворянскихъ земель, — пишетъ Григорьевъ, — въ 1867 г. они были почти безраздѣльными владѣльцами всей земли личной собственности; имъ принадлежало болѣе чѣмъ $\frac{2}{3}$ ея, черезъ 15 лѣтъ имъ принадлежало лишь $\frac{1}{3}$, остальное перешло преимущественно въ руки кушцовъ и крестьянъ».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи приростъ землевладѣнія проводится и разсматривается по вышеуказаннымъ группамъ, т.-е.:

Число владѣльцевъ.	1-я группа до 50-ти дес.		2-я группа отъ 50 до 200 дес.		3-я группа отъ 200 до 1,000 д.		4-я группа ше 1,000
	1867 г.	1881 г.	1867 г.	1881 г.	1867 г.	1881 г.	1867 г.
У крестьянъ . . .	82 %	91,8%	1,7%	12,4%	0	3,7%	—
> дворянъ . . .	11,4	4,1	86,3	70,1	93,7	79	100%
> мѣщанъ . . .	2,3	1,8	4	3,7	0,8	3	—
> купцовъ . . .	0,7	0,4	5,2	11,2	5,5	12,1	0
> разныхъ . . .	3,3	1,9	2,8	2,6	0	2,2	—

Десятины земли въ группахъ:

У крестьянъ . . .	51 %	77,7%	1,5%	10,4%	0	3,1%	—
> дворянъ . . .	38	13,9	87,7	69,9	93,4	78,2	100
> мѣщанъ . . .	5,5	4,1	5,1	3,4	0,4	2	—
> купцовъ . . .	1,8	1,2	4,3	12,5	6,2	15,4	0
> разныхъ . . .	3,9	3,1	1,4	3,8	0	1,3	—

Отсюда вытекаетъ слѣдующее заключеніе:

«*Сословію дворянъ* (въ 1881 году) принадлежитъ большая часть частновладѣльческихъ земель уѣзда; это преобладаніе дворянскаго с проходитъ черезъ всѣ группы землевладѣнія кромѣ мелкаго (1—50). Но за послѣднія 15 лѣтъ замѣчается быстрый переходъ дворянскіи земель въ руки другихъ сословій. Это ускользаніе земель изъ рукъ дворянскаго сословія замѣчается во всѣхъ группахъ; оно особенно силъ крупномъ и мелкомъ землевладѣніяхъ; въ среднемъ же (50—200) дворянское сословіе удерживается нѣсколько прочнѣе, что быть объясняется *непосредственнымъ* участіемъ такихъ владѣльцевъ въ хозяйствѣ.

«*Купеческое землевладѣніе* занимаетъ по своимъ размѣрамъ второе мѣсто послѣ дворянъ, и только въ группѣ мелкаго землевладѣнія оно отстаетъ на задній планъ. Ростъ землевладѣнія купческаго сословія громаденъ по количеству земли, ему принадлежащей, возросло въ $7\frac{1}{2}$ разъ противъ причеиъ оно завладѣваетъ главнымъ образомъ крупными участками, совершенно пренебрегая мелкими и даже выпуская ихъ изъ своихъ рукъ.

«*Крестьянское землевладѣніе* личное стоитъ на третьемъ мѣстѣ; въ группѣ мелкихъ собственниковъ оно является господствующимъ, числѣ же владѣльцевъ сверхъ 1,000 десятинъ нѣтъ ни одного крестьянина. Ростъ его не такой изумительно быстрый, какъ землевладѣнія купческаго, но все же за 15 лѣтъ оно по количеству земли возросло почти въ 82%. Мелкіе клочки земли, на которые съ береженіемъ смотритъ купецъ, которые не удовлетворяютъ дворянскіи степенно поступаютъ въ руки крестьянина; перевѣсъ крестьянскіи землевладѣнія въ числѣ землевладѣльцевъ громаденъ: среди нихъ крестьянъ $\frac{1}{10}$ съ среднимъ размѣромъ владѣнія въ $5\frac{1}{2}$ десятинъ. Такимъ образомъ крестьяне являются дѣйствительными представителями мелкаго землевладѣнія.

«*Мѣщане* за послѣднія 15 лѣтъ, какъ сословіе землевладѣльцевъ

лилось, хотя значительно меньше купцовъ и крестьянъ. Средній размѣръ владѣнія мѣщанъ 31 десятина, т.-е. значительно выше крестьянскаго, что и понятно: подспорья въ надѣлахъ они не имѣютъ, а потребности ихъ имѣли возможность развиться выше скромныхъ потребностей крестьянина.

«Раньше было отмѣчено возрастаніе средняго и особенно мелкаго землевладѣнія безъ различія сословій; теперь мы видимъ, въ чьихъ рукахъ происходитъ это усиленное возрастаніе. Паденіе же крупнаго землевладѣнія находитъ себѣ объясненіе въ издавномъ преобладаніи здѣсь дворянскаго сословія, владѣнія котораго сокращаются повсюду».

Все это писалось еще въ 1882 г., когда не открывали еще своихъ дѣйствій ни дворянскій, ни крестьянскіе банки. Конечно, въ настоящее время картина землевладѣнія измѣнилась до неузнаваемости, особенно за послѣдніе годы, когда пониженіе процента по ссудамъ крестьянскаго банка вызвало повышеніе продажныхъ цѣнъ на землю и усиленный переходъ имѣній въ руки крестьянскаго сословія.

Въ сожалѣнію, позднѣйшихъ обследованій землевладѣнія губерніи не производилось, и послѣднія данныя по этому вопросу относятся къ 1887 г., къ земской подворной переписи. Кроме того, въ распоряженіи нашемъ имѣются свѣдѣнія о распределеніи поземельной собственности между сословіями по даннымъ рязанской казенной палаты за 1901 годъ. Тѣ общія основанія, которыя были намѣчены изслѣдованіемъ г. Григорьева, продолжаютъ оказывать свое вліяніе и въ послѣдующіе годы и въ еще болѣе прогрессивномъ движеніи: дворянское землевладѣніе все сокращалось, крестьянское и купеческое все возрастало. Въ послѣдующемъ матеріалѣ мы не находимъ группировокъ движенія землевладѣнія по схемѣ Григорьева. Но общая картина вполне выясняется изъ общихъ цифръ убыли и прироста основнаго владѣнія по уѣздамъ и по губерніи. Такъ, по Рязанскому уѣзду, обследованному Григорьевымъ, приростъ десятинъ земли у различныхъ сословій выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1867 г.	1881 г.	1887 г.	1901 г.
1. Дворяне	92 %	66,6%	56,4%	35%
2. Крестьяне	4,1	12,4	19,1	26
3. Бушцы	2,4	18,3	22,1	} 39
Мѣщане	1,1	1,5	2,2	
Остальныя сословія .	0,4	1,2	0,2	
	100	100	100	100

Дворянское землевладѣніе таетъ чрезвычайно быстро, возрастаетъ купеческое, усиливается крестьянское. Обыкновенно принято указывать, что дворянское землевладѣніе исчезаетъ по неспособности этого сословія вести хозяйство, что гипотечныя ссуды обременяютъ дворянскія имѣнія, нисколько не увеличивая цѣнности послѣднихъ введеніемъ болѣе интенсивной культуры, затрачиваясь зря и непроизводительно. За аргументомъ этимъ нельзя признать ни новизны, ни справедливости: современные намъ дворянскія имѣнія

или приобретаются уже обремененные гипотечнымъ долгомъ по недостатку наличнаго капитала, или переходятъ таковыми по наследству. Такимъ образомъ, если даже когда-то, въ прошедшія времена, ссуды эти тратились непроизводительно, то обвинять новое молодое поколѣніе въ грѣхахъ отцовъ до меньшей мѣры нелогично.

Мы всегда, какъ и теперь, ратовали за возможно большее обезпеченіе крестьянскаго населенія, этой основы русскаго государства, землей. Съ этой стороны переходъ земельныхъ владѣній отъ одного земледѣльческаго сословія къ другому не представляетъ ничего необычнаго или вреднаго съ государственной точки зрѣнія. Въ сожалѣнію, этого совѣтъ нельзя сказать про усиленіе купеческаго или мѣщанскаго владѣнія, этихъ некультурныхъ, пришлыхъ и чуждыхъ земель элементовъ, съ ихъ хозяйственными приемами, съ ихъ понятіями о приращеніи цѣнностей.

Но и независимо отъ какихъ-либо сословныхъ или, вѣрнѣе сказать, интеллигентно-культурныхъ тенденцій, подобная стремительность мобилизаціи поземельной собственности заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія съ чисто-экономической точки зрѣнія: если дворянскія имѣнія ликвидируются съ такою быстротой и не удерживаетъ ихъ отъ того ни льготный кредитъ, ни всевозможныя отсрочки недоимокъ и текущихъ платежей, ни меліоративныя ссуды, то, очевидно, самыя условія владѣльческаго хозяйства складываются настолько невыгодно для помѣщика, что онъ предпочитаетъ отказаться отъ всякихъ льготъ и отъ поддержки со стороны правительства. На сцену выступаютъ и завоевываютъ положеніе новые собственники съ новыми требованіями и взглядами на выгодность владѣнія и на доходность земельного имущества, вкладывающіе въ эксплуатацію собственности свой личный трудъ—крестьяне. По отчетамъ крестьянскаго банка видно, что за одинъ 1900 годъ крестьянскимъ банкомъ выдано ссудъ на покупку земли 53¹/₂ милліона рублей, т.-е. почти столько же, сколько до реформы 1895 года было выдано за десятилѣтній періодъ отъ 1887 до 1896 года включительно. Ростъ ссудъ годъ отъ году увеличивается прогрессивно.

За 1896 годъ было выдано ссудъ 7,2 милл. руб.

> 1897	>	>	>	>	21,2	>	>
> 1898	>	>	>	>	36,4	>	>
> 1899	>	>	>	>	44,5	>	>
> 1900	>	>	>	>	53,5	>	>

Посмотримъ же, какъ экономически обставлены эти новые собственники, насколько выгодны для нихъ эти форсированныя покупки земель, оказавшихся невыгодными и ненужными для дворянскаго сословія, обставленнаго столь льготнымъ кредитомъ?

Изъ того же отчета мы видимъ, что по Рязанской губерніи съ 1883 г. при посредствѣ крестьянскаго банка куплено крестьянами земли всего 81,425 десятинъ *); средняя покупная цѣна земель, приобретаемыхъ при

*) При переписи 1881—87 г. у крестьянъ значилось 166 тыс. десятинъ.

посредствѣ крестьянскаго банка по Рязанской губерніи, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ съ 1895—1900 г., послѣдовательно: 95 руб., 100 руб., 121 руб., 110 руб., 117 руб., 104 руб. десятина.

Мы уже указывали, что мы вовсе не считаемъ возможнымъ строить какіе-либо выводы о повышеніи или пониженіи цѣнъ на землю на основаніи среднихъ покупныхъ цѣнъ крестьянскаго банка, такъ какъ полагаемъ, что среднія эти колеблются отъ случайнаго преобладанія покупокъ въ той или другой мѣстности губерніи, съ болѣе или менѣе цѣнной землей. Но чтобы не осложнять расчетовъ, возьмемъ цѣну позднѣйшихъ покупокъ, т.-е. въ 104 руб. за десятину. Предположимъ для единства расчета, что вся доплата къ ссудѣ крестьянскаго банка обходится покупщикамъ изъ тѣхъ же 6 процентовъ, какъ по ссудамъ дальнѣйшаго срока. Такимъ образомъ на каждыя 3 десятины (три поля) купленной при помощи крестьянскаго банка земли упадетъ 18 руб. 72 коп. ежегодныхъ процентовъ по затраченному на покупку капиталу. Прибавляя сюда въ среднемъ около 50 коп. поземельныхъ сборовъ, получаемъ 19 руб. 25 коп. обязательныхъ платежей; стоимость обработки круга и положимъ въ среднемъ 10 руб.; изъ сборника Селиванова мы знаемъ, что въ среднемъ по губерніи десятина приноситъ 3,6 четв. ржи и 5,6 четв. овса (безъ сѣмянъ); слѣдовательно, выгодность или невыгодность этого новаго землевладѣнія будетъ неизмѣнительно зависѣть отъ той или иной высоты хлѣбныхъ цѣнъ. Если, напримѣръ, мы примемъ высокую для послѣднихъ лѣтъ цѣну пуда ржи и овса по 40 коп., то получимъ валовой доходъ съ трехъ десятинъ 26 руб. 40 коп., т.-е. около трехъ рублей дефицита. Мы приводимъ идеальный средній расчетъ среднихъ величинъ по губерніи, который съ дѣйствительнымъ расчетомъ и съ дѣйствительными цѣнами, конечно, не совпадаетъ. Начать хотя бы съ того, что самая цѣнность десятины земли, средняя по губерніи, совершенно не совпадаетъ съ средними по уѣздамъ. Изъ того же отчета крестьянскаго банка за 1900 годъ мы видимъ, напримѣръ (стр. 11, таблица о ссудахъ), что средняя покупная стоимость десятины земли по Рязанскому уѣзду равна 136 руб., по Рязскому 125 руб., по Скопинскому 120 р. и т. д. Въ дѣйствительности и эти оцѣнки представляются отвлеченными величинами, ибо каждая конкретная покупная цѣна будетъ зависѣть еще и отъ качества почвы того или иного района уѣзда, и отъ населенности его и отъ размѣровъ земельной обезпеченности и проч.

Поэтому, чтобы составить себѣ совершенно точное и правильное понятіе о доходности земельныхъ владѣній, приобретенныхъ при помощи крестьянскаго банка, необходимо было бы произвести подворное обследованіе губерніи или иного какого района и только изъ этихъ конкретныхъ величинъ возможно было бы сдѣлать какіе-либо выводы по губерніи; иначе мы всегда рискуемъ витать въ области отвлеченныхъ понятій и величинъ.

Какого подворнаго обследованія однако не производилось ни въ Рязанской ни въ другихъ губерніяхъ. Тѣмъ не менѣе при близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями хозяйственной жизни возможно весьма

близко подойти къ дѣйствительному экономическому положенію того или иного поземельнаго владѣнія. Намъ, напримѣръ, въ качествѣ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ доподлинно извѣстно, что въ Скопинскомъ и Рязскомъ уѣздахъ въ настоящее время лучшую черноземную землю нельзя приобрести дешевле 150 рублей за десятину.

Для наглядности возьмемъ какое-либо среднее по размѣрамъ имѣніе въ этой хорошо извѣстной намъ мѣстности,—скажемъ въ 300—400 дес. Прежде всего въ каждомъ такомъ имѣніи необходимо сбросить до 10% земли, не приносящей никакого дохода и состоящей подъ усадьбой, выгонами, оврагами и проч. Въ имѣніи—традиционное трехполье (иначе оно и не могло бы служить для насъ типичнымъ для нашихъ расчетовъ); подсчитаемъ доходность *полевого* хозяйства въ такомъ имѣніи. При среднемъ урожаѣ безъ сѣмянъ 7 четвертей ржи и 7 четвертей овса (рожь 10 коп. по 6 мѣръ и овесъ 6 коп. по 12 мѣръ) и при среднихъ цѣнахъ 40 коп. пудъ зерна, валовая цѣнность полученнаго съ «круга» зерна равна 42 рублямъ *). Скинемъ отсюда прежде всего 10%, на неудобную землю, никакого дохода хозяину не приносящую; затѣмъ стоимость обработки земли и зерна; содержание служебнаго персонала. Для наглядности расчета предположимъ, что вся земля обрабатывается при помощи «круговъ»; въ дѣйствительности это, конечно, рѣдко случается; значительная доля земли въ имѣніяхъ непременно обрабатывается или батраческими, или сдѣльнымъ трудомъ, что обходится хозяину дороже круговой обработки; вмѣстѣ съ объединеніемъ крестьянской массы, вмѣстѣ съ возрастаніемъ процента безлошадныхъ и безинвентарныхъ хозяйствъ постепенно вытѣсняется круговая обработка владѣльческихъ полей. Итакъ, обработка 3 десятинъ стоитъ:

10-типроцентная скидка на неудобье	4 р. 20 к.
Круговая обработка (вспахать, посѣять, убрать, свозить хлѣбъ овесъ и рожь, навозъ)	12 » — »
Молотьба и вѣйка (20 к. четверть ржи и 15 к. овса)	2 » 90 »
Подвозъ хлѣба на рынокъ (10—15 верстъ 14 четверт.)	2 » 80 »
Староста и объѣзчики	1 » 50 »
Страхование хлѣба на 4 мѣсяца	1 » 50 »
Повинности (по 50—60 к. съ дес.)	1 » 50 »
Страхование построекъ ($\frac{1}{2}$ повинностей)	— » 75 »
<hr/>	
Всего	27 р. 15 к.

Чистый доходъ трехъ десятинъ, стоящихъ 450 руб., равняется такимъ образомъ 15 руб., т.-е. 3,3%.—таковъ финансовый итогъ полевого хозяйства **). Не будемъ затемнять его дальнѣйшими подробностями о по-

) Въ обзорѣ работъ Рязанскаго губернскаго земства, стр. 79. Нормальный доходъ десятины ржи въ этой мѣстности показанъ 23 руб. 16 коп., овса 18 руб. 16 коп.

**) Арендныя цѣны на землю въ этой мѣстности около 6—7 руб. десятина, но хорошей хозяинъ избѣгаетъ такой аренды какъ чумы, боясь истощить свои поля и изгадить свои постройки.

бчныхъ доходахъ съ садовъ и огородовъ, съ скотнаго двора, съ отбросовъ и проч., во-1-хъ, потому, что доходы эти въ большинствѣ случаевъ весьма проблематичны и далеко не типичны для черноземной полосы Россіи, занимающейся по преимуществу полевымъ хозяйствомъ, и во-2-хъ, потому, что съ доходами этими попутно растутъ и побочные расходы. Въ томъ же нами не принято никакой платы за трудъ предпринимателя, никакихъ расходовъ по ремонту построекъ и процентовъ по обратному капиталу (инвентарь, скоть, сѣмена).

Пока имѣніе свободно отъ гипотечнаго кредита, владѣлецъ можетъ существовать, если любить свое хозяйство, свое занятіе и не гонится за высокой рентой на свой капиталъ. Но гипотечный кредитъ готовить ему прямую гибель даже при всѣхъ льготахъ дворянскаго банка: при ссудѣ въ размѣрѣ 50 процентовъ стоимости имѣнія (75 руб. на десятину) и при 5 процентахъ роста, чистый доходъ имѣнія понижается съ 3,3 процента до 1,6 процента. Залогъ въ частныхъ земельныхъ банкахъ при 5½% роста еще того хуже, понижая чистый доходъ до 1 процента.

Не говоримъ уже про неурожаи, подобно 1891 или 1897 гг., даже самый нагѣйшій недородъ немедленно влечетъ землевладѣльца все къ новому и новому кредиту, все туже затягиваетъ на немъ мертвую петлю долгосрочныхъ ссудъ и безконечныхъ отсрочекъ.

А кредитъ крестьянскаго банка, этотъ самый дорогой гипотечный кредитъ изъ всѣхъ существующихъ, развѣ его возможно было бы вынести крестьянскому хозяйству, если бы онъ не прилагалъ при обработкѣ почвы своего личнаго *дарового труда*? Конечно, ему не нуженъ ни староста, ни объѣздчикъ, онъ не боится своего хлѣба (къ сожалѣнію), у него нѣтъ въ большинствѣ случаевъ и никакихъ построекъ на его купчей землѣ. Такимъ образомъ его чистый доходъ выше барскаго на 3 руб. 50 коп., и капиталъ приноситъ ему 4 процента. Но не забудемъ, что этотъ капиталъ чужой: 90% составляетъ ссуда крестьянскаго банка изъ 6-ти годовыхъ процентовъ; остальные 10% изъ частныхъ источниковъ—благо, если изъ тѣхъ же 6-ти процентовъ, а не дороже.

Получивъ слѣдовательно 18 руб. 75 коп. чистаго дохода съ трехъ десятинъ, мужикъ обязанъ уплатить однихъ процентовъ 27 руб. Дѣйствительно трудъ его оказывается даровымъ, ибо ту работу, за которую онъ только что накануне получилъ съ барина 17 руб. 70 коп. (крута—молотьба, вѣйка, подвозъ хлѣба на рынокъ), нынче онъ совершилъ для себя за 9 руб. 55 коп., почти вдвое дешевле.

«Солома, мякина, наконецъ, его телушка на жнивѣ?», — скажутъ мнѣ.

— Да, солома и мякина—его прямой барышъ; изъ-за нея-то онъ и влился въ петлю гипотечнаго кредита, каждую минуту готовую захлестнуть его убогое хозяйство, какъ она захлестнула сосѣднее помѣщичье.

III.

Мелиоративный кредитъ, всевозможныя обводнительныя работы, укрѣпленіе овраговъ и песковъ, защитныя лѣсонасажденія, устройство элеваторовъ съ правительственной инспекціей и выдачей варрантовъ подъ хлѣбъ, устройство скотобоенъ и случныхъ пунктовъ, открытіе сельско-хозяйственныхъ выставокъ, устройство бесѣдъ, чтеній и проч.—вотъ программа подъема сельскаго хозяйства въ прогрессивномъ направленіи; усиленіе дискрѣціонной власти земскаго начальника, уголовная репрессія по нарушеніямъ договоровъ найма на сельско-хозяйственныя работы, неотчуждаемость дворянскихъ имѣній, майораты и упованіе на милость и щедрость въ нуждахъ служилаго помѣстнаго сословія — таковы вождѣнія реакціонныхъ силъ. И въ конечномъ результатѣ — всевозможныя ссуды: дворянскія, соло-вексельныя, мелиоративныя, крестьянскія, продовольственныя, сѣменныя, и другого наименованія, ссуды и ссуды безъ конца, цѣлый потокъ ссудъ, въ которомъ уже захлебнулось помѣстное сословіе.

Сельскій хозяинъ, обдумывая въ глуши своихъ помѣстій широкія программы заботливыхъ прожектеровъ, въ ихъ стремленіи спасти его гибнущее хозяйство, и во всѣхъ благопожеланіяхъ инстинктивно чувствуетъ что-то недосказанное; не хватаетъ въ нихъ самаго элементарнаго, самаго необходимаго лично для него въ настоящую тяжелую минуту. «Конечно,—размышляетъ онъ,—и орошеніе, и осушеніе, и элеваторы, и случные пункты, все это хорошо, но какъ-то слишкомъ отвлеченно и слишкомъ отдаленно... Если бы теперь же окупились мои расходы и повинности по имѣнію, если бы хватало средствъ кормить и содержать мою семью, тогда я готовъ былъ бы трактовать вопросы о постройкѣ элеваторовъ, объ осушеніи болотъ и облѣсеніи степей».

Инстинктъ самосохраненія не обманываетъ сельскаго хозяина: его думы и размышленія совершенно правильны. Тяжелый кризисъ переживаетъ земледѣіе и сельское хозяйство въ теченіе цѣлаго десятилѣтія: послѣдовательный рядъ неурожаевъ или такихъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, которыя не окупаютъ издержекъ производства, замкнули какую-то безконечную цѣпь, которая все тѣснѣе и тѣснѣе охватываетъ и сжимаетъ оскудѣвшую русскую деревню,—и нѣтъ ей выхода изъ этого заколдованнаго круга. И помѣщикъ, и крестьянинъ въ данномъ случаѣ терпятъ одинаково печальную участь: пять неурожайныхъ лѣтъ на протяженіи одного десятилѣтія (неурожайные 1891 и 1897 гг. и недороды 1892, 1898 и 1901 гг.), поставили въ тяжелое положеніе неоплатныхъ должниковъ и недомщицковъ передъ правительствомъ и землевладѣльца, и земледѣльца, особенно этого послѣдняго.

Съ одной стороны—прогрессивно понижающееся благосостояніе русской деревни и галлопирующая мобилизація поземельной собственности, вытѣсняющая помѣстное дворянство; съ другой—область метеорологическихъ и экономическихъ явленій, лежащихъ внѣ человѣческаго воздѣйствія и

малюющихъ земледѣліе къ окончательной гибели. А въ отдаленіи, какъ мы-ражъ, проекты всевозможныхъ реформъ и улучшеній сельскаго хозяйства, благожелательныхъ, но бессильныхъ и паллиативныхъ по существу.

Подойдемъ поближе къ разсмотрѣнію этой проблемы, вдумаясь въ положе-ніе вещей и посмотримъ, дѣйствительно ли положеніе это такъ без-надежно.

По принятой нами системѣ прежде всего начнемъ съ разсмотрѣнія преобладающаго въ Россіи хозяйства—крестьянскаго. По нашему глубо-кому убѣжденію, все экономическое благосостояніе, и государства, и от-дѣльныхъ его сословій исключительно зависятъ отъ благосостоянія му-жицкаго хозяйства: сытъ и одѣтъ мужикъ, сыты и одѣты всѣ прочія со-словія, удовлетворены и всѣ потребности государства. Это экономическое правило представляется для насъ безспорнымъ; да оно и не можетъ быть инымъ для лицъ знакомыхъ съ экономическимъ состояніемъ и производи-тельными силами нашей страны.

Насъ старались увѣрить, что одна изъ важнѣйшихъ основъ сельскаго хозяйства—цѣны на хлѣбъ, чужда крестьянскому хозяйству. Фикція эта, построенная на бездоказательной презумпціи существованія натурального крестьянскаго хозяйства, разсѣивается, какъ туманъ, даже при поверхност-номъ анализѣ экономическаго положенія современной русской деревни. Не говоря уже объ общезвѣстномъ фактѣ уплаты денежныхъ крестьянскихъ повинностей изъ продажи ярового зерна (овса), загромаждающаго хлѣбные рынки въ извѣстные опредѣленные періоды, совпадающіе со сроками взноса водатей, самая роль крестьянина, какъ частнаго землевладѣльца, оспари-вающаго первенствующее по гипотекѣ мѣсто и значеніе у дворянскаго и купческаго землевладѣнія, построенныхъ исключительно на денежномъ хо-зяйствѣ, совершенно не вяжется съ теоріей натурального хозяйства, какъ основы крестьянскаго благосостоянія. Для уплаты процентовъ по ссудамъ крестьянскаго банка крестьянину волей-неволей приходится считаться съ состояніемъ хлѣбнаго рынка, и въ этомъ случаѣ его стремленія не мо-гутъ идти въ разрѣзъ со стороною, предлагающей продуктъ: для крестья-нина безубыточные хлѣбныя цѣны такъ же необходимы, какъ и для по-мѣщика въ его крупномъ хозяйствѣ.

Итакъ, низкія хлѣбныя цѣны, не окупающія издержекъ производства, или доставляющія микроскопическій доходъ на затраченный въ землю ка-питалъ и совершенно не оплачивающія личнаго труда предпринимателя, вотъ первая и главная нужда землевладѣльца и земледѣльца.

Вторымъ факторомъ уровня экономическаго благосостоянія сельскаго и медвѣческаго населенія является достаточный урожай: не только при е урожаѣ, но даже и при недородѣ того или иного вида хлѣба неизбежна и вѣстная грань, за которой никакія даже самыя высокія цѣны хозяйству и помогутъ. Не надо забывать, что и при обсужденіи *урожаевъ* хлѣбовъ е гается еще открытымъ вопросъ объ *урожайности* ихъ, и если сельскій и значиъ бессильнъ предотвратить бѣдствія чрезвычайной засухи, подобной

1891 г., когда въ теченіе всей весны и лѣта не выпало ни капли дождя, или, наоборотъ, изобилія влаги, какъ въ 1894 году, когда непрерывные дожди, породившіе буйные хлѣба, сами же и погнусли ихъ въ полѣ, то онъ далеко не такъ безсиленъ, лишь только заходитъ рѣчь объ урожайности полей: всякій, кому приходилось наблюдать состояніе посѣвовъ, не только легко отличить помѣшечьи поля отъ крестьянскихъ по внѣшнему виду хлѣбовъ, но замѣтитъ разницу даже между состояніемъ посѣвовъ на ближнихъ и на дальнихъ, запольныхъ нивахъ крестьянина. Замѣчено, что граница этихъ дальнихъ запольныхъ участковъ годъ отъ году все болѣе и болѣе придвигается къ поселку, все болѣе и болѣе сокращая площадь лучшей, унавоженной земли; можетъ быть, недалеко и то время, когда площадь эта сведется къ нулю и урожайность крестьянскихъ полей понизится до минимума. Периодически все чаще и чаще повторяющіеся неурожай и недороды служатъ существеннымъ тому подтвержденіемъ.

Итакъ, мы возвращаемся къ исходному пункту: отсутствіе удобренія, какъ результатъ безлошадности населенія и неизбѣжнаго недостаточнаго количества скота, безлошадность, какъ результатъ бездоходности надѣловъ, а бездоходность, какъ результатъ убыточнаго сбыта зерна.

Существуетъ еще и третья нужда земледѣлія; нужда эта по преимуществу крестьянская — обременительность податей и повинностей. Изъ предыдущаго мы видѣли уже, какииъ гнетомъ лежитъ на крестьянскихъ надѣлахъ совокупность платежей: и государственныхъ, и земскихъ, и мірскихъ, и страховыхъ, и продовольственныхъ. Этотъ гнетъ парализуетъ всякую энергію, всякую инициативу домохозяина, этотъ гнетъ отрываетъ его и гонитъ въ дальніе края на поиски заработковъ и промысловъ; но и тамъ, на чужбинѣ, не оставляетъ его забота о покинутомъ надѣлѣ, по которому онъ обязанъ «отрадать» всѣ повинности, независимо отъ того, получилъ ли или не получилъ онъ какой-либо доходъ отъ этой безплодной и безотвязной его собственности.

Правительство сознаетъ эту крестьянскую нужду и въ цѣломъ рядѣ различныхъ финансовыхъ мѣропріятій идетъ навстрѣчу этой потребности, по крайней мѣрѣ—въ области прямыхъ налоговъ: по законамъ 28 декабря 1881 года и 21 февраля 1884 года понижены выкупные платежи въ довольно крупныхъ размѣрахъ (для Рязанской губерніи, наприм., на 567¹/₂ тысячъ руб., см. «Отчетъ министерства финансовъ по выкупной операціи за 1899 годъ»). Вскорѣ отменены и подушныя подати. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ по закону 7 февраля 1894 г. потребовалось произвести отсрочку недоимокъ выкупныхъ платежей, какъ результатъ неурожая въ 1891—92 гг. Въ слѣдующемъ году государственный поземельный налогъ пониженъ наполовину, въ видѣ временной мѣры впредь на 10 лѣтъ. Еще годъ—и новая льгота (закономъ 13 мая 1896 г.): допущена пересрочка выкупныхъ платежей; правда, мѣра эта въ первые годы примѣнялась туго, и къ 1900 году въ Рязанской губерніи, наприм., пониженіе овладовъ по пересрочкѣ выразилось въ цифрѣ 68¹/₂ тысячъ рублей (тамъ же, стр. 71).

Въ 1900 г., благодаря новеллѣ 31 мая 1899 г., къ этой суммѣ прибавилось еще около 295 тысячъ рублей по губерніи; кромѣ того, сложено окладовъ выкупныхъ платежей на 29½ тысячъ рублей. Въ дальнѣйшемъ предвидится новое пониженіе, такъ какъ операція пересрочки все еще остается неоконченной. Въсѣтъ съ реформой податного дѣла (законъ 23 іюня 1899 года) по Высочайшему повелѣнію приостановлено временно взысканіе съ крестьянскаго населенія недомогъ выкупныхъ платежей, а затѣмъ и страховыхъ, земскихъ и продовольственныхъ платежей.

Словомъ, податныя облегченія слѣдуютъ непрерывно другъ за другомъ въ цѣломъ рядѣ реформъ; и все же обложеніе надѣловъ остается слишкомъ высокимъ, слишкомъ непосильнымъ. Пересрочка выкупного долга принесла *нѣкоторое* облегченіе податного бремени; но не надо забывать, что облегченіе это связано съ удлинненіемъ срока выкупной операціи, причѣмъ большинство комбинацій пересрочки въ окончательномъ итогѣ переплатъ невыгодно для населенія, воспользовавшагося этими комбинаціями. Думается намъ, что болѣе соответственно интересамъ населенія простое пониженіе выкупныхъ платежей по образцу 1881 года безъ всякой пересрочки основного долга; оно было бы и справедливѣе, ибо самыя условія пересрочки ставились въ зависимость отъ доходности надѣловъ; если правительство пришло къ убѣжденію въ несоотвѣтствіи доходности надѣловъ съ ихъ обложеніемъ, то, очевидно, справедливѣе было бы провозвести облегченіе платежей за счетъ казны, а не за счетъ населенія, признаннаго обложеннымъ чрезмерно. Но мы идемъ и далѣе: не только пониженіе, но и окончательное сложеніе выкупныхъ платежей не принесло бы большого ущерба государственному бюджету, если только сопоставить эту скромную статью въ 86 миллионѣвъ рублей съ 2 миллиардами общей суммы государственныхъ доходовъ (4,3%) и если вспомнить при этомъ, что выкупной платежъ составляетъ для крестьянъ черноземнаго района Рязанской губерніи большую половину всѣхъ его денежныхъ повинностей, считая въ томъ числѣ и страховые платежи.

Ссылаясь на начало гипотечнаго кредита въ данномъ случаѣ врядъ ли угѣстно: во-первыхъ, гипотечный кредитъ, будучи обоснованъ на доброй волѣ сторонъ, обезпеченъ лишь имущественной, но не личной отвѣтственностью владѣльца даннаго имущества; конструкція выкупныхъ платежей не удовлетворяетъ этому условію; во-вторыхъ, гипотечный кредитъ по самому существу своему основанъ на началахъ періодическаго погашенія первоначальнаго капитала, затраченнаго государствомъ на денежную операцію; между тѣмъ, срочные государственные займы, произведенные для выкупной операціи, при конверсіяхъ, превращены въ непогашаемые; такимъ образомъ, самая идея погашенія остается невыполненной, и выкупные платежи, съ такимъ трудомъ добываемые крестьянами съ истощеннаго надѣла, затрачиваются государствомъ на общегосударственныя нужды и въ такомъ погашенія основного долга въ дѣйствительности не происходитъ. Съ этой точки зрѣнія не безразлично ли для государственной казны при-

нять на себя непогашенный выкупной долгъ на 20—30 лѣтъ ранѣе. Выгоднѣе ли съ экономической и съ государственной точки зрѣнія не водить населеніе до разоренія *)?

Второй мѣрой облегченія крестьянскихъ надѣльныхъ платежей по справедливости необходимо признать распределеніе мірскихъ, волостныхъ и сельскихъ сборовъ на всѣ сословія. По высотѣ обложенія и по обязательности мірскіе сборы занимаютъ первое мѣсто послѣ выкупныхъ тежей. По Рязанской губерніи, наприм., сборы эти составляютъ половину оклада выкупныхъ платежей, почти вдвое превосходятъ окладъ страховъ платежей и окладъ земскаго сбора.

О всесословности мірскихъ сборовъ въ связи съ всесословностью своей организаціи такъ много говорилось и писалось и такъ много писалось, въ томъ числѣ и мною, что въ настоящее время возбуждать этотъ сложный вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ врядъ ли умѣстно. Изъ рѣшающихся имѣя я отсылаю къ трудамъ и журналамъ губернскихъ земскихъ собраній, неоднократно и не далѣе, какъ въ прошломъ году сообщавшимъ эту тему, а также и къ статьѣ моей «О всесословности мірскихъ сборовъ», помѣщенной въ *Вѣстникъ Европы* за октябрь 1900 г. и къ слѣдованію моему о надѣлахъ Ряжскаго уѣзда. Тамъ вопросъ этотъ является достаточно разработаннымъ и подкрѣпленнымъ цифровыми данными. Теперь же я лишь укажу на финансовую сторону вопроса: мірскіе сборы до крайности обременяютъ надѣльное землевладѣніе и являются однимъ изъ существеннѣйшихъ тормазовъ развитія крестьянскаго хозяйства.

Возраженія противниковъ всесословнаго мірскаго обложенія давно известны: всѣ они опираются, главнымъ образомъ, на непосильность и обременительность этого новаго поземельнаго налога для владѣльцевъ сельской поземельной собственности. На это давно готовы и отвѣты первыхъ, никто не предлагаетъ переложить мірскій налогъ всецѣломъ на владѣльцевъ некрестьянскаго сословія; рѣчь идетъ объ обложеніи *всесословномъ*, или, точнѣе выразиться, всеимущественномъ; слѣдовательно сюда войдутъ не однѣ лишь земли, но и всякое вообще имущество: предѣлаи волости или селенія, и промышленныя, и торговыя заведенія и усадьбы, и фабрики, и другіе объекты земскаго обложенія; во-второе соображеніе, что налогъ будетъ обременителенъ для частновладѣльцевъ имѣній, служить лишь лишнимъ доказательствомъ необходимости этой меры по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, ибо если налогъ этотъ уменьшенномъ до половины размѣрѣ (благодаря переложенію на налогоплательщиковъ) будетъ труденъ, то какова же его обременительность надѣловъ въ настоящемъ его интенсивномъ видѣ? Вѣдь и земскіе сборы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не легки для населенія; однако, никто не станетъ утверждать и доказывать необходимость перенесенія этого об-

*) См. *Ходскій*: „Внутреннее обозрѣніе „Нар. хоз. 1902 г.“, № 1, стр. 15.

нія на однѣ лишь надѣльныхъ земли. А между тѣмъ, по существу какая же разница между земскими и мірскими сборами, какъ и вообще между налогами общегосударственного, общенароднаго значенія?

Иной вопросъ—высота и обременительность поземельнаго обложенія вообще, безъ всякой зависимости отъ подраздѣленія податныхъ сословій отъ неподатныхъ, обременительность, признанная и правительствомъ въ его заботахъ и попеченіи объ интересахъ земскихъ плательщиковъ, огражденных нынѣ закономъ 12 іюня о предѣльности земскаго обложенія. Мы знаемъ однако, что для надѣловъ земскій сборъ по губерніи составляетъ лишь одну десятую часть всего поземельнаго обложенія и если признана обременительность даже этой десятой доли, то что же сказать объ остальныхъ $\frac{9}{10}$ частяхъ?

Существуетъ, на нашъ взглядъ, болѣе справедливый путь облегченія поземельнаго обложенія вообще,—это перенесеніе части земскаго сбора на одинъ изъ привилегированныхъ нашихъ объектовъ обложенія—торговлю и промыслы, путемъ ли повышенія процентнаго отчисленія въ пользу земства съ цѣны патентовъ и промысловыхъ документовъ, путемъ ли участія земства въ раскладочномъ государственномъ промысловомъ налогѣ. Вотъ куда слѣдовало бы направить вниманіе земскимъ плательщикамъ.

Высота, обременительность налоговъ гонитъ крестьянина съ земли; пустѣютъ деревни, «промышленная армія вербуетъ все новыхъ и новыхъ рекрутовъ изъ сельскаго населенія лучшаго рабочаго возраста, а помѣщичьи-землевладельцы сѣтуютъ на недостатокъ рабочихъ рукъ, и взываютъ къ помощи правительства, бессильные устранить «рабочій кризисъ». Крестьянинъ самъ не оторвется отъ родной нивы и села, если нужда не согонитъ его съ насиженнаго мѣста. Но разъ онъ потерялъ и лошадь, и надѣлъ, и скотъ, и избу, то что значить для него, безпечнаго пролетарія, договоръ о наймѣ на обработку помѣщичьихъ полей? Никакая уголовная репрессія здѣсь дѣлу не поможетъ и никакая паспортная система этого босляка не удержитъ.

Итакъ, не уголовная репрессія и ни какая-либо система препонъ, а поддержаніе надѣльнаго хозяйства и прежде всего пониженіе надѣльныхъ платежей до крайней мѣры—вотъ что должно составлять предметъ стремлений и ходатайствъ передоваго помѣстнаго сословія передъ правительствомъ. Этой элементарной истины не хотятъ признать поборники системы устрашенія «законнаѣренныхъ» рабочихъ.

Итакъ, безубыточные для хозяйства хлѣбныя цѣны, повышеніе урожайности полей и пониженіе надѣльныхъ податей и повинностей—вотъ три огія деревенскихъ невзгодъ и стремлений.

агъ достигнуть этихъ стремлений, мы увидимъ изъ послѣдующаго. Но прежде зарительно мы должны сказать нѣсколько словъ объ одной побочной деревенской нуждѣ, такъ сказать, второстепеннаго характера, но причиняющей селскому люду много горя и бѣдствій,—мы имѣемъ въ виду опустошительные деревенскіе пожары, ежегодно вырывающіе изъ скуднаго на-

родного бюджета и безвозвратно истребляющие запасы и имущество многие миллионы рублей. По Рязанской губернии за последнее пятилетие 1895—1900 гг., какъ видно изъ Всеподданинѣйшихъ отчетовъ рязанскаго губернатора, пожарами истреблено деревенскаго имущества послѣдственно на:

1,846	тыс. руб.	въ 1896 г.
2,889	»	» 1897 »
2,919	»	» 1898 »
1,555	»	» 1899 »
1,682	»	» 1900 »

Земское обязательное страхованіе, правила распланированія севооборота, древонасажденіе, вольная пожарная дружина,—все это благія, но съ попытками вознаграждать населеніе и оградить его отъ дальнѣйшихъ бѣдъ Единственной радикальной мѣрой борьбы съ этимъ колоссальнымъ хроническимъ бѣдствіемъ являлась бы окончательная замѣна легковоспламеняющагося матеріала—соломы—железомъ. Но здѣсь мы вступаемъ въ завидную область таможенныхъ тарифовъ и интересовъ желѣзодѣлательной промышленности.

Беремъ труды статистическаго отдѣла департамента таможенныхъ делъ «Обзоръ внѣшней торговли Россіи», за имѣющійся у насъ послѣдній годъ: «Вообще можно сказать, значитъ въ этихъ трудахъ стр. 20-й, какъ вывозъ характеризуется хлѣбами и прочими продуктами земледѣлія, такъ—привозъ металлами и вологнистыми веществами въ томъ видѣ и съ издѣліями всякаго рода (курсивъ нашъ). Въ 1899 г. металловъ не въ дѣлѣ и въ дѣлѣ ввезено на 191 милліонъ руб., простыхъ веществъ и издѣлій изъ нихъ на 130 милл. руб., что вмѣстѣ составитъ почти половину (49%) цѣнности всего привоза. По подробной группировкѣ предметовъ привоза мы видимъ, что машинъ и орудій, судовъ—ввезено болѣе чѣмъ на 100 милл. руб., каменнаго угля болѣе чѣмъ на 30 милл. руб. и проч. Правда, и мы въ своемъ отчетѣ вывезли на 92 т. р. каменнаго угля, на 10½ милл. руб. бумаги, тканей и на 2½ милл. р. металлическихъ издѣлій и съ избыткомъ крыли этими статьями вывозъ къ намъ овощей, фруктовъ и проч. (на 12,76 милл. руб.). Тѣмъ не менѣе торговый балансъ нашъ лишь немного не достигъ равновѣсія: весь нашъ привозъ мы покрываемъ вывозомъ хлѣбныхъ продуктовъ (371 милл. руб.), животныхъ (93 милл. руб.) и сырскаго товара (56 милл. руб.), что въ общемъ составитъ болѣе 50 процентовъ всей цѣнности вывозныхъ предметовъ.

Изъ данныхъ, опубликованныхъ *Вѣстникомъ Финансовъ* (1902 № 1, стр. 10), мы видимъ, что за послѣдующіе 1900 и 1901 гг. бѣда складывается въ нашу пользу и если за 1899 г. отмѣчался минусъ вѣдъ, то за 9 мѣсяцевъ 1900 г. отмѣчается уже 46½ милл. руб., а за тотъ же срокъ 1901 г. плюсъ 129 милл.

притомъ вывозъ издѣлій поднялся съ 11½ милл. руб. 1899 г. до 16½ милліоновъ рублей въ 1901 г., а жизненныхъ припасовъ съ 217 милл. р. до 309 милл. руб., возросъ почти на 43 проц., что въ связи съ недородомъ 1901 г. представляется явленіемъ въ высшей степени знаменательнымъ. Правда явленіе это отиѣчалось и за прежніе годы: въ неурожайный 1897 г. вывозъ нашей ржи и ржаной муки и овса простирался свыше 70 милл. руб. и за 1898 г. до 68 милл. руб. противъ 84 милл. руб. среднихъ за пятилѣтіе (1894—1899 г.). Въ голодный 1891 г. вывозъ тѣхъ же продуктовъ простирался до 94 милл. руб. противъ 77 милл. руб. среднихъ за пятилѣтіе (1889—1893 гг.). Въ 1892 г. вывозъ этихъ продуктовъ упалъ до 30½ милл. руб. *). Конечно, въ голодный 1891 г. за границу вывозились запасы прежнихъ лѣтъ. Но все же это явленіе нельзя не признать знаменательнымъ для того времени, когда цѣна ржи внутри Имперіи стояла выше 1 руб. за пудъ и когда простонародье голодающихъ мѣстностей пухло и болѣло отъ голода, кормясь желудями, лебедой и другими суррогатами.

А вывозъ кормовыхъ продуктовъ, развѣ онъ не прогрессируетъ? Въ періодъ 1889—1899 гг. вывозъ отрубей съ 5 милл. руб. въ среднемъ за первое пятилѣтіе возросъ до 9 милл. руб. за второе; въ 1899 г. вывезено отрубей на 11 милл. руб. Вывозъ жмыховъ съ 8 милл. руб. за первое пятилѣтіе возросъ до 12 милл. руб. за второе, въ 1899 г. вывезено на 16 милл. руб.

Въ Германію, которая теперь грозитъ закрыть свою границу для нашихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, нами вывезено на 3,76 милл. рублей лошадей и на 2,66 милл. руб.—свиней; всего вообще животныхъ на 12,65 милл. руб. Для выкормки отправленнаго туда скота нами вывезено и кормовыхъ средствъ болѣе чѣмъ на 13 милл. руб. (на 7,68 милл. руб. отрубей и на 5,41 милл. руб. жмыховъ); оно и понятно: нѣмецкій скотъ привыкъ къ питательному корму; нашимъ лошадямъ достаточно и соломы съ мякиной. Да отчего же и не взять нѣмцу дешевыхъ нашихъ продуктовъ? Вотъ бумажныхъ нашихъ тканей онъ не беретъ (въ 1898 г. въ Германію вывезено всего на 8 тыс. руб.); вообще ими не пренебрегаетъ лишь Китай (4 милл. руб.), да Персія (4,57 милл. руб.), отчасти Финляндія (1,29 милл. руб.); а европейскимъ странамъ онѣ не нужны; не нужны никому и наши металлическія издѣлія; нѣтъ ни одного государства ни по Европейской, ни по Азіатской границѣ, которое взяло бы отъ насъ этого товара болѣе чѣмъ на полмилліона рублей (лишь одна Персія на 551 тыс. руб.). Правда, на сотню тысячъ рублей берутъ у насъ машины и «частей къ нимъ», и Германія, и Великобританія, и Соединенные Штаты; но что значать эти цифры въ сравненіи съ соответствующими цифрами привоза къ намъ того же товара изъ тѣхъ же государствъ? За тотъ же годъ привезено къ намъ машинъ и аппаратовъ изъ Германіи

*) Вывозъ ржи былъ воспрещенъ.

на 51½ милл. руб., изъ Великобританіи на 32 милл. руб., изъ Соединенныхъ Штатовъ на 3 милл. руб.

Итакъ, всёми нашимъ фабрикатамъ суждено оставаться внутри страны, удовлетворять потребностямъ и спросу собственного населенія, т.-е. иными словами—опять-таки того же земледѣльца. Мануфактурныя издѣлія цѣлкомъ зависятъ отъ внутренняго спроса простонароднаго потребителя; что касается каменно-угольной, желѣзо-дѣлательной и машино-строительной индустріи, то по удостовѣренію органа министерства финансовъ «потребности рынка сбыта при теперешнемъ его характерѣ слагаются почти исключительно изъ крупныхъ покупателей въ лицѣ заводовъ, работающих на нужды машино-строенія и желѣзныхъ дорогъ» (*Вѣстникъ Финансовъ*, 1902 г., № 1, стр. 11). Если бы не указанные исключительныя нужды, то чѣмъ и существовать этимъ отраслямъ промышленности съ ихъ сто-милліонными годовыми оборотами? «За десятилѣтній періодъ времени съ 1892—1901 гг. на желѣзно-дорожное строительство затрачено 2½ милліарда рублей, слагающихся изъ 1 милліарда превышенія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ расходами за указанный періодъ и изъ 1,442 милліон. руб. увеличенія желѣзно-дорожныхъ долговъ» *). Эти-то милліарды и питали нашу молодую промышленность; сокращеніе правительственныхъ заказовъ немедленно отразилось кризисомъ нашей металлургіи. Въ другой степени промышленное оживленіе влечетъ за собой желѣзно-дорожную горячку: усиленіе товарнаго движенія и увеличеніе желѣзно-дорожной сѣти. Такое лихорадочное оживленіе даетъ обманчивую картину процвѣтанія промышленной индустріи; но при ближайшемъ разсмотрѣніи это отрадное явленіе представляется простымъ миражемъ, фатаморганой, ненормальнымъ процессомъ ненормальнаго роста и желѣзныхъ дорогъ, и металлургіи. Изъ очень любопытнаго очерка В. В., помѣщеннаго въ журналъ *Народное Хозяйство* (1901 года, № 1), «Промышленное оживленіе и желѣзно-дорожныя перевозки», обоснованнаго цифрами официальныхъ данныхъ, мы видимъ, что за послѣдніе годы (1893—1897 г.) количество желѣзно-дорожныхъ грузовъ возросло на 34 проц. И что же? Изъ этой цифры на долю продуктовъ сельскаго хозяйства приходится не болѣе 5—6 проц. роста; все остальное оживленіе необходимо отнести на долю желѣзно-дорожныхъ грузовъ добывающей и разрабатывающей промышленности: «это огромное возрастаніе перевозокъ, свидѣтельствующее о быстромъ развитіи нашей промышленности, составляетъ главнымъ образомъ изъ приращенія перевозокъ ископаемаго топлива и матеріаловъ и принадлежностей строительнаго дѣла». Перевозка каменнаго угля увеличилась (съ 1893—1897 г.) на 58 проц.; перевозка строительныхъ матеріаловъ на 63 проц.; перевозка руды и металловъ на 96 проц.

«Замѣченное въ это время необыкновенное оживленіе перевозокъ,—говоритъ авторъ,—было слѣдствіемъ прежде всего развитія строительной дѣ-

*) *Русскія Вѣдомости*, 1902 г., № 51.

тельности. Строительная же дѣятельность получила широкое распространѣніе, благодаря, съ одной стороны, начавшемуся въ текущемъ десятилѣтіи по инициативѣ и на счетъ казны или подъ ея гарантіей желѣзнодорожному строительству, съ другой—усилению теченію сельскаго населенія въ города. Для сооруженія десятковъ тысячъ новыхъ рельсовыхъ путей, желѣзнодорожныхъ станцій, жилыхъ помѣщеній, для быстро растущаго городского населенія и т. п., потребовалась масса строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей, частью добываемыхъ непосредственно изъ гѣдръ земли, частью приготовляемыхъ на заводахъ и фабрикахъ. Поэтому должно было оживиться устройство новыхъ фабрикъ и оборудованіе новыхъ и старыхъ заводовъ... Очерченное выше оживленіе строительно-промышленной дѣятельности и желѣзнодорожныхъ перевозокъ питалось пока само собою, поддерживаемое постройкой новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и теченіемъ сельскаго населенія въ города».

Такъ, строилось новыхъ линій:

Въ 1890 году . . .	410 верстѣ	въ 1895 году . . .	10,460 вер.
» 1891 » . . .	3,075 »	» 1896 » . . .	9,700 "
» 1892 » . . .	4,420 »	» 1897 » . . .	11,940 .
» 1893 » . . .	5,870 »	» 1898 » . . .	12,590 »
» 1894 » . . .	6,255 »		

Итакъ, промышленное оживленіе—какъ результатъ заказовъ желѣзныхъ дорогъ, и желѣзнодорожное оживленіе—какъ результатъ усиленныхъ перевозокъ строительныхъ матеріаловъ для тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ. Такому исключительному оживленію долженъ наступить рано или поздно конецъ. И если металлургія существуетъ на счетъ желѣзныхъ дорогъ, то эти послѣднія въ свою очередь для своего существованія также должны черпать средства изъ какого-либо другого источника: не могутъ же онѣ питаться перевозкой собственныхъ желѣзнодорожныхъ грузовъ. Въ настоящее время эксплуатация желѣзныхъ дорогъ приноситъ государству убытокъ; за 1900 г., наприм., около 32 милліоновъ рублей, какъ то удостовѣряютъ отчеты государственнаго контроля *).

Убытокъ сравнительно съ 1892 годомъ уменьшился на 4 милліона руб.; но не надо забывать, что желѣзнодорожное строительство производится за счетъ новыхъ желѣзнодорожныхъ займовъ и что вмѣстѣ съ ростомъ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ должны возрастать и расходы по займамъ.

Но изъ какого же источника въ концѣ-концовъ черпаютъ желѣзныя дороги свои средства? Отъ промышленной индустріи нечего ждать помощи; она сама дышитъ правительственными заказами. Даетъ земледѣліе, тотъ самый мужикъ, который вывозомъ своихъ земледѣльческихъ продуктовъ перекладываетъ въ нашу пользу торговый балансъ, который оправдалъ надежды и расклетъ винной монополіи, который оплатилъ расходы и нужды отече-

См. Ходскій *Нар. Хоз.* 1902 г., № 1, стр. 134.

ственной мануфактуры, — вот кто оплатил и дефициты желѣзнодорожнаго хозяйства. Тѣхъ, для кого доводы наши представляются мало-убѣдительными, мы приглашаемъ внимательнѣе просмотрѣть статьи нашего приходнаго государственнаго бюджета и затѣмъ сопоставить численность земледѣльческаго населенія съ населеніемъ городовъ и фабрикъ. Безспорно, металлургія наша непосредственно нисколько не дорожитъ сельскимъ потребителемъ, — что значать въ самомъ дѣлѣ какіе-нибудь 0,3 пудовъ потребления желѣза на душу крестьянскаго населенія Россіи, какъ оно вычислено вятскимъ земствомъ? При столь ничтожномъ непосредственномъ потребленіи немислимо не только процвѣтаніе, но даже и прозрѣбаніе желѣзодѣлательной промышленности. Все это безспорно. Но столь же безспорно и то, что сельскій житель привыкъ къ лишеніямъ альтруистическаго свойства: отказывая себѣ въ потребленіи желѣза, онъ тѣмъ не менѣе питаетъ своими средствами металлургическую промышленность, точно также какъ, не наѣдаясь досыта хлѣбомъ, онъ доставляетъ нашему экспорту блестящіе торговые балансы.

Вѣдь высчитано же Марессомъ, что большая половина сельскаго населенія (52,3%) обычно питается впроголодь, потребляя лишь по 12,2 пудовъ хлѣба на душу въ годъ (съ овсомъ), и лишь $\frac{1}{6}$ часть населенія покрываетъ полностью свои продовольственныя нужды, потребляя 25,5 пудовъ зерна на душу (въ томъ числѣ 7,5 пудовъ на скотъ). По изслѣдованіямъ херсонскаго земства (по Александрійскому уѣзду), потребительныя нормы хлѣба сельскимъ населеніемъ нѣсколько выше отъ 20 пудовъ, для бѣдныхъ хозяевъ до 28,8 пуд. для зажиточныхъ; въ среднемъ по 24,6 п. на душу, считая здѣсь и кормъ скота. Для дворовъ, засѣвающихся 30 дес. и болѣе, норма потребления повышается до 32,9 пудовъ на душу.

Вспомнимъ же теперь все сказанное нами о постепенномъ объединеніи сельскаго населенія Рязанской губерніи; припомнимъ, какъ быстро увеличивается процентъ оскудѣвшихъ дворовъ и какъ рѣдѣетъ слой зажиточныхъ домохозяевъ; припомнимъ изумительно быструю ликвидацию помещичьихъ имѣній и переходъ владѣльческихъ земель въ руки крестьянъ, этихъ quasi-собственниковъ за счетъ ссудъ крестьянскаго банка; представимъ себѣ картину современнаго экономическаго сельскаго быта и спросимъ себя, что же выгоды для русской деревни: сохранить ли нашъ торговый балансъ, истощиться ли въ средствахъ на выполнение неосуществимой мечты побить мировой рекордъ желѣзнодорожныхъ и всякихъ другихъ промышленныхъ успѣховъ, — или до-сыта накормить собственное населеніе, дать ему возможность обзавестись собственнымъ скотомъ, откармливать его у себя дома, повысить мѣстный спросъ и мѣстное потребленіе хлѣбнаго рынка, сохранивъ въ закромахъ крестьянина хоть какіе-нибудь запасы зерна и въ его карманахъ всѣ транспортныя и накладныя расходы по доставкѣ этого, оторваннаго у голодныхъ производителей, хлѣба на заморскіе рынки?

А. Еропинъ.

Неравномѣрность земскаго обложенія въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.

Оцѣнка земельныхъ угодій, подлежащихъ обложенію земскими сборами, была произведена въ Юрьевскомъ уѣздѣ еще въ самомъ началѣ функционирования земскихъ учрежденій, и такъ какъ работа эта сдѣлана была по необходимости очень спѣшно и безъ участія специалистовъ, о которыхъ итѣмъ въ то время не могло быть и рѣчи, то, само собою разумѣется, что полученные оцѣночныя данныя и не могли быть правильными. Размѣненіе однихъ и тѣхъ же угодій на разряды по ихъ доходности было самое несовершенное, соответствовавшее не столько качеству этихъ угодій, сколько границамъ волостей и т. п. Именно: весь уѣздъ былъ разбитъ на 4 мѣстности съ такими оцѣнками за десятину: усадебныя земли—60 руб., 40 руб., 20 руб. и 10 руб., поемныя луга во всѣхъ мѣстностяхъ—30 р., непоемныя, а также пашни—30 руб., 20 руб., 10 руб. и 5 р., пастбища и залежи—1 руб. 50 коп., 1 руб., 50 коп. и 25 коп. и, наконецъ, лѣса—5 руб., 2 руб., 1 руб. и 50 коп.

Лучшей характеристикой этихъ оцѣнокъ можетъ служить отзывъ комиссіи при владимірскомъ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи по преобразованію оброчной подати и лѣсного налога государственныхъ крестьянъ въ выкупныя платежи, сдѣланный въ 1886 году объ оцѣнкахъ губернскаго земства. Отзывъ этотъ таковъ: «на достоинство работы губернскаго земства по оцѣнкѣ земель и лѣсовъ комиссія положить не можетъ». Оцѣнки же владимірскаго губернскаго земства по Юрьевскому уѣзду совершенно тождественны съ уѣздными оцѣнками: то же дѣленіе на 4 мѣстности, тѣ же границы этихъ мѣстностей и, наконецъ, тотъ же размѣръ оцѣнокъ, за исключеніемъ оцѣнокъ пахотныхъ земель и непоемныхъ луговъ, которыя во 2-й, 3-й и 4-й мѣстностяхъ немного ниже оцѣнокъ уѣздныхъ.

Но какъ бы ни были несовершенны приведенныя уѣздныя оцѣнки, все-таки, при ограниченности земскаго бюджета, неправильность ихъ, а, следовательно, и неправильность обложенія въ первые годы по введеніи земскаго не были столь замѣтны и ощутительны для плательщиковъ. Но

затѣмъ, при естественномъ ростѣ земскихъ расходовъ и вслѣдствіе измѣнившихся общихъ условій жизни и условій, такъ сказать, частнаго характера, какъ, наприм., проведеніе московско-ярославской жел. дороги, близко подошедшей къ западной части уѣзда, и юрьевской жел.-дорожной вѣтви, пересѣкающей весь уѣздъ, и т. п., существующія оцѣнки земельныхъ угодій стали безусловно несправедливыми. Доходъ отъ пахотныхъ земель уменьшился, по крайней мѣрѣ, вдвое и, наприм., лучшія пахотныя земли въ восточной части уѣзда къ Гавриловскому посаду, оцѣненные для взиманія уѣзднаго земскаго сбора въ 30 руб. и арендовавшіяся ранѣе на одинъ посѣвъ по 20 и 25 р. десятина, а въ исключительныхъ случаяхъ даже по 30—35 руб., теперь могутъ быть сданы въ аренду на тѣхъ же условіяхъ не выше 15 и много 20 руб. десятина, и это не считая парового вліяна. А въ южной части уѣзда многія пашни совершенно брошены, представляютъ собою жалкіе пустыри и почти не имѣютъ продажной стоимости. Наоборотъ, лѣса, хотя и не находившіе ранѣе обезпеченнаго сбыта, но оцѣненные для взиманія уѣзднаго и губернскаго земскихъ сборовъ всетаки несоразмѣрно низко, именно отъ 50 коп. до 3 руб. десятина, настолько возросли въ цѣнѣ, что средняя продажная стоимость 40-лѣтняго лиственнаго лѣса дошла до 400 и даже до 500 руб. десятина, а хвойнаго, правда, хотя и въ исключительныхъ случаяхъ, доходитъ до колоссальной цифры 800—1,000 руб. десятина. И послѣднія продажныя цѣны взяты, между прочимъ, изъ 4-й мѣстности, гдѣ лѣса для взиманія земскихъ сборовъ оцѣнены всего на всего въ 50 коп. (!) десятина. Считаю, что, по мѣстнымъ очень высокимъ цѣнамъ на топливо, уходъ за лѣсомъ во время его роста долженъ полностью окупиться двумя прочистками его, можно съ положительностью сказать, что средній ежегодный доходъ десятины лѣсной площади можетъ быть принятъ въ настоящее время равнымъ 10 руб., т.-е. среднему доходу десятины пашни въ лучшей части уѣзда безъ вычета изъ нея парового вліяна. Если доходъ лѣса принятъ равнымъ даже не 10 руб. съ десятины, какъ это есть въ дѣйствительности, а хотя бы только 5 руб., то и тогда несправедливость низкихъ оцѣнокъ лѣсныхъ угодій не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. И по такому доходу лѣса доходность пашни, земская оцѣнка которой во всѣхъ мѣстностяхъ превышаетъ ровно въ десять разъ оцѣнку лѣсныхъ угодій, должна бы быть равной, наприм., въ 1-й мѣстности, 50 руб. съ десятины безъ выключенія $\frac{1}{2}$ части подъ паромъ или 75 руб. съ десятины посѣва (!!).

А такъ какъ изъ общей лѣсной площади въ уѣздѣ въ 63,260 десятинъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, крупнымъ землевладѣльцамъ 52 $\frac{1}{2}$ тысячи десятинъ и только 10,902 десятины—крестьянамъ, то вся тягость земскаго обложенія и оказалась лежащей преимущественно на мелкихъ землевладѣльцахъ и особенно на крестьянахъ. Последнее обстоятельство очень ясно и рельефно видно изъ слѣдующихъ цифръ: по смѣтѣ уѣзднаго земскаго сбора на 1901 годъ количество удобной земли, подлежащей

обложению, у частныхъ владѣльцевъ—104,212 десятинъ, и уѣздный земскій сборъ на 1901 годъ исчисленъ въ 14,731 руб. 64 коп., а у крестьянъ 141,653 десят. и уѣздный земскій сборъ за то же время 43,695 р. 38 к. Иначе говоря, у крестьянъ противъ частныхъ владѣльцевъ земли болѣе почти въ 1½ раза, а уѣздный земскій сборъ болѣе частновладѣльческаго уже не въ 1½ раза, а въ двѣхъ 3 раза. При этомъ не лишне помнить, что почти всѣ частновладѣльческія имѣнія, особенно крупныя, находятся не въ наихудшихъ частяхъ уѣзда, а наоборотъ; слѣдовательно, о худшемъ качествѣ земель по ихъ грунту въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Между крестьянами въ Юрьевскомъ уѣздѣ земля распределена такъ: у бывшихъ помѣщичьихъ 91,969 десятинъ надѣльной земли, а у бывшихъ государственныхъ только 45,765 десятинъ. (*Ходокій: «Земля и землевладѣлецъ», т. II, прил., стр. 70—71).*

Чтобы еще нагляднѣе показать неправильность земскаго обложениа отъ несообразно низкой оцѣнки лѣсовъ и сравнительно высокой оцѣнки земель пахотныхъ, приведемъ въ примѣръ нѣсколько отдѣльныхъ картинъ, основанныхъ на документальныхъ данныхъ:

1. Имѣніе дворянки Е. Н. С.—3,985 десятинъ удобной земли, въ томъ числѣ 1,750 десятинъ лѣса съ оцѣнкой 2 руб. (!) десятина. Правильно организованное лѣсное хозяйство съ 12—15,000 р. дѣйствительнаго ежегоднаго дохода. Окладъ уѣзнаго земскаго сбора на 1902 г. 126 р. 35 к. или съ десятины удобной земли 3,17 коп.

2. Имѣніе князя А. Б. Г.—10,066 десятинъ удобной земли, въ томъ числѣ 5,353 десятины лѣса съ оцѣнкой 2 руб. (!) десятина. Правильно организованное лѣсное хозяйство. Окладъ уѣзнаго земскаго сбора на 1902 годъ 756 руб. 46 коп. или въ годъ съ десятины удобной земли 7,5 коп.

3. Имѣніе дворянина С. И. Б.—1,180 десятинъ удобной земли, въ томъ числѣ 525 десят. лѣса съ земской оцѣнкой за десятину 50 к. (!). Лѣсное хозяйство. За часть лѣса, подлежащую сводкѣ, владѣлецъ просилъ 1,000 руб. (!) за десятину, но такъ какъ лѣсопромышленники давали только по 800 р., то приступилъ къ сводкѣ самъ. Окладъ уѣзнаго земскаго сбора на 1902 годъ 28 р. 46 к. или въ годъ съ десятины удобной земли 2,4 коп.

4. Имѣніе дворянина А. И. В.—736 десятинъ удобной земли, въ томъ числѣ 458 десятинъ лѣса съ оцѣнкой за десятину 50 коп. По словамъ самого владѣльца, средній чистый доходъ въ годъ съ имѣнія равенъ 3,500 руб., безъ всякаго съ его стороны труда (самъ служить) и лишь при одномъ малограмотномъ приказчикѣ. Окладъ уѣзнаго земскаго сбора на 1902 годъ 9 руб. 12 коп. (!) или въ годъ съ десятины удобной земли 1,2 коп. . .

1 смотримъ теперь земскую оцѣнку владѣній чисто-земледѣльческихъ:

1. Имѣніе дворянки И. Ф. В.—211 десятинъ удобной земли, въ томъ

числѣ лѣсной только 8 десятинъ. Арендный доходъ съ имѣнія 2, въ годъ. Окладъ уѣзднаго земскаго сбора на 1902 годъ исчисленъ 95 р. 26 к. или съ десятины удобной земли 45 к. (!).

2. Владѣніе общества крестьянъ с. Шельбова—501 десятина у земли, въ томъ числѣ 11 десятинъ поемнаго луга. Окладъ уѣзднаго земскаго сбора на 1902 годъ 244 руб. 58 коп. или съ десятины у земли 49 коп.

3. Владѣніе общества крестьянъ с. Пѣрши—521 десятина у земли, поемныхъ луговъ нѣтъ. Окладъ уѣзднаго земскаго сбора на 1902 годъ 244 руб. 34 коп. или съ десятины удобной земли въ годъ 47 коп.

4. Владѣніе общества крестьянъ с. Осановецъ—788 десятинъ у земли. Окладъ уѣзднаго земскаго сбора на 1902 годъ 389 руб. 4 коп. или съ десятины удобной земли въ годъ 49 коп. и т. д.

Всѣ показанныя выше цифры оклада, какъ сказано, относятся до уѣзднаго земскаго сбора; губернской же земской сборъ составляетъ среднее $\frac{2}{3}$ оклада уѣзднаго, и потому неравномѣрность обложенія чивается еще значительнѣе.

Разумѣется, вышеприведенный порядокъ обложенія земскими сборами нельзя признать нормальнымъ, а такъ какъ притомъ земскими платежами являются *de facto* не всѣ владѣльцы земель, а главнымъ образомъ, мелкіе землевладѣльцы и особенно крестьяне, доходы которыхъ висятъ и отъ капризовъ природы и отъ многихъ случайностей, то это, само собою разумѣется, встрѣчаетъ подчасъ серьезныя затрудненія въ удовлетворенію самыхъ насущныхъ и необходимыхъ расходовъ на прим., плата жалованья учителямъ и т. п.

А такія затрудненія, въ особенности въ годы, неблагоприятныя для сельскаго хозяйства, могутъ приводить къ ложному убѣжденію въ тягости и несправедливости земскаго обложенія.

Но въ указанныхъ ненормальностяхъ было бы несправедливо обвинять одно уѣздное земство. Оно, начиная еще съ середины семидесятыхъ годовъ, на устарѣлость и неправильность земельныхъ оцѣнокъ обратило вниманіе, сознавая, по примѣру другихъ земствъ, что статистика есть главный камень для всего земскаго хозяйства и что безъ точныхъ мѣръ и изслѣдованій вообще невозможно вести сложное земское хозяйство. В частности нельзя точно оцѣнить объекты обложенія,—вопросъ объ этомъ сразу ставитъ на правильную почву и хлопочетъ объ учрежденіи губернской земской управы правильно организованнаго статистическаго бюро. Вопросъ о статистикѣ поднимается много разъ и на губернской земскихъ собраніяхъ. Правда, на всѣхъ собраніяхъ слышны были численные голоса противъ статистики, и доходили чуть не до слезъ о «бѣдномъ мужичкѣ» и тягости для него даже незначительныхъ налоговъ, но это были голоса лѣсовладѣльцевъ, и земскія собранія щемъ достаточно оцѣнили ихъ «прокопидомовы слезы».

Но вопросъ о статистикѣ получаетъ практическое осуществленіе

во изданіи закона 1893 года объ оцѣнкахъ недвижимыхъ имуществъ, въ которомъ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ оказано высшимъ правительствомъ весьма серьезное довѣріе. Но и потомъ земству пришлось столкнуться съ массой препятствій и недоразумѣній, и въ настоящее время въ нашей губерніи опять продолжительный перерывъ въ статистическихъ работахъ. Между тѣмъ, работа почти окончена; не изслѣдованъ, если не ошибаюсь, всего одинъ уѣздъ изъ тринадцати, и не оформлены матеріалы лишь по немногимъ изслѣдованнымъ уѣздамъ и въ томъ числѣ во Юрьевскому.

Поэтому приходится пожелать, чтобы неотложное и спѣшное дѣло упорядоченія земскаго обложенія не встрѣчало болѣе на своемъ пути затрудненій, тяжело отзывающихся и на земскихъ плательщикахъ, и на ходѣ всего земскаго дѣла, не говоря уже о томъ, что собранные матеріалы могутъ устарѣть и потребовать новыхъ работъ, а, слѣдовательно, и новыхъ денежныхъ ассигнованій. По приведеніи же въ ясность всѣхъ объектовъ обложенія, тягота земскихъ сборовъ будетъ справедливо распределена между всѣми владѣльцами и земство не будетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ оставаться безъ копѣйки денегъ.

При этомъ, разумѣется, необходима и текущая статистика, которая лучше и надежнѣе всего покажетъ эволюцію доходности каждаго отдѣльнаго вида земскаго обложенія и дастъ возможность во время принять мѣры къ предупрежденію такихъ аномальностей въ этомъ дѣлѣ, какія имѣютъ мѣсто въ Юрьевскомъ уѣздѣ въ настоящее время.

Разумѣется, по Юрьевскому уѣзду сравнительная несправедливость цѣнокъ объектовъ земскаго обложенія могла бы быть до нѣкоторой степени сглажена и сейчасъ,—наприм., абсолютнымъ увеличеніемъ оцѣнокъ цѣсовъ. Но въ настоящее время при наличномъ составѣ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, при массивности гласныхъ крестьянъ, изъ которыхъ почти всѣ волостные старшины, и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, такъ сказать, мѣстнаго характера ожидать этого довольно трудно.

С. Бунинъ.

По поводу податной реформы на Кавказѣ, по закону 12 іюня 1900 года.

I. Крестьянское хозяйство накануне реформы, по данным подворного обседа в Тифлисской губернии 1895—1900 гг.—II. Сущность реформы и значение крестьянского населения Закавказья.—III. Десятилѣтній опыт учреждения хозяйственных капиталовъ в сельскихъ обществахъ Тифлисской губернии.

Совершившееся къ истекшемъ 1901 году столѣтіе присоединения Кавказа совпало съ осуществленіемъ важнаго законодательнаго акта въ отношеніи Кавказа — введенія податной реформы, по закону 12 іюня 1900 года. Содержанію своему названная реформа кореннымъ образомъ измѣняетъ податныя отношенія сельскаго населенія Кавказа. Упраздняетъ старую земельную систему обложенія, «подымную», законъ 12 іюня 1900 г., вводитъ поземельное обложеніе, по количеству, качеству и доходности земли. Этими сторонами опредѣляется исключительно важное значение вводимой реформы для края и въ то же время—доля общаго интереса каждаго изъ жителей края отъ этой реформы.

Во время празднованія столѣтняго юбилея была приурочена къ этому времени сельско-хозяйственная выставка въ Тифлисъ, съ цѣлью показанія, какъ въ настоящемъ положеніи находится въ настоящее время сельско-хозяйственная промышленность въ краѣ. Не менѣе интересно, по тому же поводу обратить вниманіе на современномъ экономическомъ положеніи крестьянства на современномъ строѣ крестьянскаго хозяйства въ той же краѣ. Потому что въ области сельско-хозяйственной промышленности, разумеется, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ земледѣльцу, т. е. мѣстному крестьянину.

Крестьянское хозяйство у туземнаго населенія Закавказья отличается, на первый взглядъ, настолько отличными отъ крестьянскаго хозяйства во внутреннихъ губерніяхъ, что, повидимому, трудно что-либо между ними общее. Дѣйствительно, физическія особенности начинающія съ климата, съ его неисчислимыми переходами, вслѣдствіе въ той или другой степени такихъ постоянныхъ факторовъ, какъ южнаго солнца, вѣчнымъ снѣгомъ покрытыя горы, значительное

ліе морского побережья; затѣмъ особенности, выражающіяся въ разноплемненности населенія, при различіи вѣроисповѣданій и еще большею различіемъ по языку и нарѣчіямъ; наконецъ, совершенно отличныя историческія условія края, — все это заранѣе заставляетъ предполагать, что и крестьянскій бытъ и тѣсно связанное съ нимъ крестьянское хозяйство должны были вылиты здѣсь въ особыя формы. Въ то же время, вслѣдствіе исключительнаго разнообразія существенныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ условій по отдѣльнымъ мѣстностямъ, крестьянское хозяйство въ Закавказьѣ не поддается общей для всего края характеристикѣ; здѣсь наблюдается: и хозяйство наполовину кочевое, и хозяйство осѣдлое, но исключительно скотоводческое, земледѣльческое хозяйство на различныхъ ступеняхъ его развитія, воздѣлываніе риса и хлопчатника, туловыя плантаціи въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе занято шелководствомъ, садоводство вообще и виноградарство въ винодѣльческомъ районѣ. При такихъ условіяхъ обследованіе, въ цѣляхъ ближайшаго ознакомленія съ мѣстнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, возможно лишь въ предѣлахъ болѣе или менѣе небольшихъ районовъ, чтобы обнаружили основныя черты этого хозяйства и чтобы съ увѣренностью можно было извлечь изъ нихъ тѣ или другія практическія указанія.

Матеріалы, послужившіе для настоящаго очерка, относятся къ мѣстностямъ Закавказья, въ которыхъ хлѣбопашество составляетъ или исключительное занятіе или, какъ въ винодѣльческомъ районѣ, отступая на второй планъ, остается всетаки въ хозяйствѣ существеннымъ. И вотъ здѣсь, при однородности занятій населенія обследованныхъ мѣстностей и крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній, детальное обследованіе, какое могло быть выполнено путемъ подворнаго описанія, приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что при общности занятій — хлѣбопашествомъ — обнаруживается полное сходство основныхъ факторовъ въ хозяйствѣ того и другого населенія, а вся совокупность различій между ними заключается во внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствахъ. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является подворно-наслѣдственное владѣніе и пользованіе землею кавказскаго крестьянина, которое проходитъ глубокою чертою черезъ весь строй мѣстнаго крестьянскаго хозяйства и составляетъ существенную и характерную его особенность. Въ какой степени и въ какихъ формахъ выразилась эта отличительная черта мѣстнаго хозяйства, на этотъ вопросъ отвѣчаютъ матеріалы подворнаго описанія, обработкѣ которыхъ посвящена нижеслѣдующая статья.

I.

Подворное описаніе произведено въ тѣхъ уѣздахъ Тифлисской губерніи, гдѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне выкупаютъ свои надѣльныя земли при содѣйствіи правительства. Но такъ какъ цѣль такого описанія заключалась въ томъ, чтобы на основаніи собранныхъ матеріаловъ проектировать тѣ или другія льготы для особенно недомочныхъ хозяйствъ по уплатѣ вы-

купныхъ платежей, а большая недоимочность по выкупнымъ платежамъ представляетъ, за исключеніемъ Тифлисскаго уѣзда, общее явленіе губерній, то въ районъ обследованія вошли 6 уѣздовъ изъ 9, т.-е. 2/3 губерній, составлявшіе до присоединенія Грузіи такъ называемыя Карталинскую и Карталинскую.

Какъ и Закавказье вообще, Тифлисская губернія характеризуется широкимъ разнообразіемъ топографическихъ и климатическихъ условій уѣзды, въ которыхъ произведено обследованіе, въ общемъ имѣютъ плодородную почву и мягкій климатъ, отличаются обиліемъ воды и или менѣе роскошною природою. Населеніе обследованныхъ мѣстъ въ подавляющемъ числѣ — грузины. По матеріаламъ подворнаго описанія, въ 1739 обследованныхъ дымахъ, совершившихъ выкупныя платежи, числится 16,640 лицъ обоаго пола, при отношеніи между полами 1,000 муж. 850 жен., т.-е. съ значительнымъ преобладаніемъ лица мужскаго пола, — общая черта для Кавказа. Населеніе въ рабочемъ возрастѣ, принимая таковой отъ 18 до 60 лѣтъ, составляетъ 50% общаго населенія; такое же приблизительно отношеніе повторяется и во внутреннихъ губерніяхъ, наприм., въ Воронежской. Численный составъ (наличнаго хозяйства) 5,9 лицъ, для той же Воронежской губ. — 6,7. Наконецъ, за послѣднія 20—25 лѣтъ здѣсь, въ обследованной мѣстности, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ, благодаря семейнымъ раздѣламъ, значительно возросло число отдѣльныхъ хозяйствъ: изъ 1,739 дымовъ въ время совершенія выкупныхъ сделокъ (1875—1880 гг.) въ настоящее время зарегистрировано 2,820, т.-е. на 62% болѣе.

Занятіе населенія распредѣляется между земледѣліемъ собственнымъ и виноградарствомъ; причемъ преобладаніе того или другого изъ этихъ занятій, даже въ предѣлахъ одного уѣзда, наблюдается достаточно ясно, выражаясь то въ исключительномъ воздѣлываніи хлѣбовъ, то въ виноградарствѣ, какъ преобладающемъ занятіи. Отмѣчаемое нынѣ распределеніе занятій по различнымъ мѣстностямъ, повидимому, относится къ очень далекому времени, и понынѣ эти оба вида занятій продолжаютъ развиваться въ тѣхъ же мѣстностяхъ: виноградарство — разведеніемъ виноградной лозы на участкахъ, прилегающихъ къ крестьянскимъ усадьбамъ принадлежащихъ помѣщикамъ, по изстари установившемуся обычаю, а также разведеніемъ садовъ на прибрѣтенной въ собственность землѣ; хлѣбопашество, на собственной землѣ и, главнымъ образомъ, на арендуемой.

Общее количество надѣльныхъ земель у обследованныхъ хозяйствъ помѣщичьихъ крестьянъ, по выкупнымъ актамъ, 7,625 десятинъ, т.-е. въ среднемъ на 1 наличное хозяйство 2,7 десятины. По своему значенію земельный надѣлъ въ такомъ размѣрѣ можетъ быть приравненъ наименѣе изъ такъ называемыхъ дворянскихъ надѣловъ во внутреннихъ губерніяхъ, именно: въ губерніяхъ Харьковской, Полтавской и Черниговской, если сравнить съ одной изъ болѣе центральныхъ губерній — Воронежской.

частью ея, наиболее заселенной и поэтому наименѣе обезпеченной землею, наприм., съ Землянскій уѣздомъ, въ которомъ, по земско-статистическимъ сборникамъ 1886—1887 гт., причиталось въ среднемъ на 1 наличное хозяйство 6,7 дес., то надѣль помѣщичьихъ крестьянъ въ Закавказь оказывается въ два съ половиною раза менѣе. Безусловная необезпеченность крестьянъ при такомъ «нищенскомъ» надѣлѣ не измѣняется и въ районахъ виноградарства. Въ отношеніи обследованныхъ мѣстностей, не исключая Бахетин (Сигнахскій и Телавскій уѣзды), слѣдуетъ сказать, что виноградарство и винодѣліе въ общемъ не вышли изъ первобытной обстановки, въ которой они стояли во времена гораздо болѣе отдаленныя, чѣмъ могутъ запомнить глубокіе старики среди настоящаго населенія, и поэтому продуктивность этого вида сельско-хозяйственной промышленности невысока и неустойчива. Съ другой стороны, естественное движеніе населенія, приростъ его, требуетъ все болѣе и болѣе средствъ на удовлетвореніе потребностей разрастающагося населенія и прежде всего—хлѣба; поэтому надѣль землею, какъ непосредственный источникъ кормовыхъ средствъ, и въ районѣ виноградарства не утерять того же значенія. Это, между прочимъ, доказываютъ данныя о развитіи у крестьянъ хозяйства на арендуемой землѣ, въ томъ же убѣждаетъ разсмотрѣніе годового бюджета отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства изъ винодѣльческаго района (Телавскій уѣздъ),— бюджета, который показываетъ, что изъ общей доходности отъ надѣльной земли, виноградарство даетъ 60%, а хлѣбопашество—остальные 40%, т. е., что хлѣбопашество въ хозяйственной жизни мѣстнаго крестьянина и винодѣльческаго района остается всетаки существеннымъ. Въ сложности же, для всѣхъ обследованныхъ мѣстностей, по даннымъ о распредѣленіи надѣльныхъ земель по угодьямъ, зарегистрированы, какъ пахатныя, 93% изъ общаго количества надѣльныхъ земель; этимъ опредѣляется въ достаточной степени господствующее значеніе хлѣбопашества въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

При надѣлѣ въ 2,7 десятины на хозяйство, считая въ томъ числѣ всѣ угодья, до усадьбы включительно, имѣеть особенно важное значеніе право крестьянъ на общее съ помѣщиками пользованіе выгонами и пастбищами на внѣ-надѣльной землѣ, такъ какъ это даетъ возможность содержать хотя бы самое необходимое количество рабочаго скота; такое право особенно важно въ Закавказь, гдѣ, благодаря климатическимъ условіямъ, особенно продолжителенъ періодъ времени для содержанія скота въ поляхъ, на подножномъ кормѣ. Между тѣмъ, это право съ каждымъ годомъ суживается, а въ иныхъ мѣстностяхъ уже въ настоящее время крестьяне лишены возможности фактически осуществить его: частью вслѣдствіе распашки тѣхъ одій, которыя 20—25 лѣтъ тому назадъ могли служить выгономъ для паса, частью за отнесеніемъ кустарниковъ, среди которыхъ также проводилась пастба скота, къ пространствамъ, оберегаемымъ для правильного роста лѣса, а частью и потому, что возрасла потребность, а поэтому цѣнность такихъ угодій, что побуждаетъ помѣщиковъ всякими средствами

ограничивать бесплатное пользование ими. Противоположность существенных интересов помещиков и крестьянъ въ этомъ отношеніи ведетъ къ цѣлому ряду споровъ, вносимыхъ на разрѣшеніе въ мѣстное крестьянское присутствіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при болѣе рѣзкомъ характерѣ отношеній между сторонами, приводитъ къ преступленіямъ, — мѣстная судебная хроника можетъ иллюстрировать это положеніе болѣе или менѣе громкими процессами.

Хотя по выкупнымъ актамъ значится у крестьянъ, какъ сказано выше, 7,625 дес. земли, въ дѣйствительномъ же пользованіи ея — менѣе. Въ программахъ обследованія указывается на слѣдующія причины, вслѣдствіе которыхъ частью или даже полностью земельные надѣлы фактически изъяты изъ пользованія выкупающихъ эти надѣлы дымохозяевъ: захваты посторонними лицами, земли, отошедшія подъ вновь устроенное шоссе, подъ лагеря для войскъ, негодныя къ обработкѣ, вслѣдствіе размыва и сноса почвеннаго слоя отъ разлива рѣкъ и ливней и вслѣдствіе постоянного скопленія воды; также не пользуются отведенными надѣлами, благодаря фактически совершившейся передачѣ ихъ другимъ лицамъ, или вслѣдствіе безсрочнаго залога. Всего такихъ земель числится около 6% изъ общаго количества по актамъ, что еще уменьшаетъ и безъ того недостаточный земельный надѣлъ. Въ связи съ неудовлетворительнымъ размѣромъ надѣльной земли и съ постояннымъ сокращеніемъ фактической возможности пользоваться пастбищами, скотоводство у обследованныхъ хозяйствъ очевидно падаетъ и уже въ настоящее время представляетъ весьма печальную картину.

Рабочимъ скотомъ у мѣстнаго населенія служатъ исключительно буйволы и волы; поэтому при группировкѣ обследованныхъ хозяйствъ принята за признакъ одна пара рабочего скота. По такому признаку оказалось, что почти половина описанныхъ хозяйствъ не имѣютъ рабочего скота, именно: 44,2%; хозяйствъ съ одной парой скота — 21,8%; остальные же 34% хозяйствъ съ 2-мя парами и болѣе. Слѣдуетъ отмѣтить, что приведенный расчетъ относится къ числу хозяйствъ коренныхъ, числящихся въ выкупныхъ актахъ; слѣдовательно, если принять во вниманіе установленный обследованіемъ фактъ — увеличеніе съ того времени хозяйствъ на 62%, то, естественно, распределеніе рабочего скота по отдѣльнымъ хозяйствамъ окажется еще болѣе неудовлетворительнымъ. Въ этому необходимо добавить, что обычно здѣсь пользуются плугами мѣстнаго издѣлія, настолько неуклюжими и тяжеловѣсными, что при работѣ требуется отъ 4 до 10 паръ воловъ на каждый плугъ. При такой обстановкѣ было бы немыслимо заниматься земледѣіемъ для огромнаго большинства хозяйствъ, если б г населеніе не прибѣгало къ своеобразному способу обработки полей, при совместномъ участіи нѣсколькихъ хозяйствъ.

Въ «Сборникѣ статистическихъ данныхъ о земледѣіи и о способахъ хозяйства въ пяти губерніяхъ Закавказскаго края» такъ описывается этотъ способъ обработки: «въ виду того, что отдѣльные крестьяне въ больши

ствѣ случаевъ не имѣютъ средствъ вспахивать свое поле плугомъ, требующимъ отъ 4 до 10 паръ воловъ, да и самаго плуга часто не имѣютъ или имѣютъ лишь отдѣльныя части его, то они соединяются между собою въ родъ артели и общими силами пашутъ поочередно поля всѣхъ ея участниковъ. Такое соединеніе людей, скота и орудій совершается на определенное число дней и называется «ало» или «авадмъ». Ало длится отъ 21 до 23 дней, а всѣхъ ало въ году два или три. Въ 21 день работы, каждому участвующему въ артели взрослому работнику вспахивается одна десятина, если же онъ имѣетъ пару воловъ, то 1,5 десятины и т. д.». Этотъ приемъ совместной обработки объясняется то обстоятельство, что несмотря на отсутствіе рабочего скота, почти у половины обследованныхъ хозяйствъ всетаки зарегистрировано до 70% (68,9%), обрабатывающихъ свои надѣльныя земли; но изъ нихъ насчитывается только 3,8% такихъ хозяйствъ, которыя обрабатываютъ землю самостоятельно, своими силами,— это именно тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ крестьянское хозяйство поставлено въ исключительно благоприятныя условія, обладая рабочимъ скотомъ отъ 4 паръ и болѣе; всѣ же остальные 65% обрабатываютъ свои надѣлы только совместно, при разнообразныхъ комбинаціяхъ рабочихъ рукъ, рабочего скота и земледѣльческихъ орудій, и такимъ путемъ удерживаютъ за собой хозяйственную самостоятельность. Однако, изъ тѣхъ же матеріаловъ подворнаго описанія видно, что далеко не всѣмъ удалось удержать и въ такой степени хозяйственную самостоятельность, ибо 31% или третья часть хозяйствъ не обрабатываетъ надѣльныхъ земель, сдавая ихъ въ аренду; или земельные надѣлы находятся въ пользованіи общества, или временно не обрабатываются, если не удалось сдать другому лицу, или, наконецъ, систематически не обрабатываются, вслѣдствіе «безвѣстной» отлучки дымохозяевъ. Въ послѣднюю группу дымохозяевъ, не обрабатывающихъ своихъ надѣловъ, входятъ самые разнообразные элементы: разнаго вида служащіе, мастера, живущіе внѣ селенія, разорившіеся по разнымъ причинамъ и обѣдѣвшіе дымохозяева.

Земледѣльческая техника въ обследованныхъ хозяйствахъ находится на исключительно низкомъ уровнѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ собранныхъ матеріалахъ отмѣчается 2-хольная система полеводства, т. е. годъ обработки пашни смѣняется въ слѣдующемъ году ея отдыхомъ: другими словами, половина надѣльныхъ земель ежегодно не обрабатывается. Списокъ засѣваемыхъ хлѣбовъ чрезвычайно ограниченъ: по значительной распространенности можно указать лишь два растенія: пшеницу и ячмень, первая занимаетъ 60% общей площади обрабатываемыхъ пахатныхъ земель, второй—25%, остальные 15% распределяются между слѣдующими расеніями: подъ кукурузою 10%, картофелемъ—2%, овсомъ—1%, рожью и пшечкой—1%. Земледѣльческія орудія представляютъ ассортиментъ почти тѣ архангелскій.

Мы уже сказали о мѣстныхъ плугахъ, которые, при сравнительно неглубокой пахатѣ и очень мелочной работѣ, требуютъ отъ 4 до 10 паръ

воловоу на каждый; здѣсь приведемъ описаніе способа молотбы. «Тягъ хлѣбъ—какъ объясняется въ «Сборникѣ кавказскаго статистическаго комитета»—съ помощью молотильной доски, съ передняго конца загнутаго сверху, а нижняя сторона которой усажена острыми кусочками кирпича. Въ переднему концу такой доски припрягаютъ воловоу или буйволовоу, которыя возятъ доску, нагруженную дѣтьми и женщинами по хлѣбу, женному на току, причеиъ камни (кремени), которыми усажена противоположная сторона доски, выбиваютъ зерно изъ колосьевъ».

Было бы большою несправедливостію объяснять такое убожество обстановки мѣстнаго крестьянскаго хозяйства только косностію населения, какъ и несправедливо очень распространенное мнѣніе, что мѣстное крестьянское населеніе неспособно или, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время неспособно воспринимать тѣ или другія цѣлесообразныя указанія для улучшенія своего хозяйства. Въ послѣдніе годы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи и особенно въ такъ называемой Кизикіи, части Сиверскаго уѣзда, гдѣ хлѣбопашество составляетъ исключительное занятіе крестьянскаго населенія, благодаря условіямъ, подготовленнымъ мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ, весьма охотно пошло на окупацію железными плугами и притомъ въ такой мѣрѣ, что одною крестьянскою фирмою въ Тифлисѣ—«Ауферманъ»—за послѣдніе 3—4 года продано крестьянамъ нѣсколько сотъ плуговъ, причеиъ изъ года въ годъ требованіе на плуги со стороны крестьянъ увеличиваются. Та же черта видна навстрѣчу цѣлесообразнымъ и доступнымъ улучшеніямъ,—проявляющаяся у населенія не менѣе рельефно и въ другой области крестьянскаго хозяйства—виноградарствѣ. Въ послѣднее десятилѣтіе болѣзни виноградной лозы (паразитныя грибки—оидіумъ и милдіу) приняла настолько широкое распространеніе, что въ нѣкоторые года и особенно въ года, благоприятныя для развитія этихъ паразитовъ, неурожай винограда охватываетъ большіе районы. Радикальное лѣченіе лозы въ этихъ случаяхъ, сѣрнымъ удобреніемъ долго не давалось крестьянскому населенію. Но въ одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ, благодаря опять условіямъ, подготовленнымъ мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ и тифлисскимъ «Филоксернымъ обществомъ», командировавшимъ отъ себя инструкторовъ въ селенія для производства показательныхъ опытовъ лѣченія виноградной лозы, а благодаря умѣлому вѣдѣтельству въ это дѣло администраціи, способствовавшей снабженію крестьянъ въ кредитъ всѣмъ необходимымъ для лѣченія, былъ спасенъ урожай винограда въ томъ году (1898), по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ винодѣльческаго района.

Эти справки изъ области мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, по моему мнѣнію, съ очевидностію доказываютъ, какимъ образомъ соотвѣтствующія условія создаютъ и для мѣстной крестьянской среды дѣятельное участіе въ развитіи своего хозяйства. Слѣдовательно, всякія начинанія, идущія на удовлетвореніе наблюдаемыхъ въ дѣйствительности потребностей у

ленія и въ то же время соотвѣтствующія матеріальнымъ средствамъ, и здѣсь, среди туземнаго, некультурнаго населенія оказываются вполне цѣлесообразными и осуществимыми.

II.

Въ какой степени соотвѣтствуютъ денежные повинности, отбываемыя населеніемъ, вышесказанному размѣру надѣльныхъ земель, способамъ и приемамъ хозяйства, даютъ вполне опредѣленный отвѣтъ данныя о денежныхъ сборахъ, причитающихся съ обследованныхъ хозяйствъ. По этимъ даннымъ на 1 десятину надѣльной земли причитается: выкупныхъ платежей—3 р. 50 к., подымной подати (казенной и земской)—2 р. 34 к., итого казенныхъ и земскихъ денежныхъ сборовъ—5 р. 84 к. Если принять за доходность земли существующія арендные цѣны, которыя, по матеріаламъ того же обследования, колеблются отъ 3 до 8 руб., то, по приведенному выше разсчету, обложеніе сборами казенными и земскими поощряетъ въ лучшемъ случаѣ 73% доходности надѣльной земли. Сверхъ того, при подворномъ описаніи, вычислены мірскіе денежные сборы, падающіе на десятину той же надѣльной земли въ размѣрѣ 1 р. 57 к.

Въ приведенныхъ разчетахъ указаны лишь денежные сборы. Но мѣстное крестьянское населеніе отбываетъ еще нѣкоторыя натуральныя повинности, опредѣляемыя по даннымъ обследования въ 3 р. 75 к. на десятину. Изъ этихъ натурально-отбываемыхъ повинностей заслуживаетъ особаго вниманія дорожная, благодаря дѣйствующимъ порядкамъ ея отправления. Чтобы познакомить съ характеромъ и размѣрами этой повинности, мы воспользовались собранными специально по этому предмету матеріалами, при посредствѣ мѣстныхъ податныхъ инспекторовъ, по 18 уѣздамъ Тифлисской и Кутаисской губерній, за время съ 1893 по 1895 годъ.

О размѣрахъ этой повинности можно составить представленіе болѣе или менѣе близкое къ дѣйствительному положенію по слѣдующимъ даннымъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздовъ: «въ Тифлисскомъ уѣздѣ весной 1893 г. была начата разработка Тифлиско-Александропольскаго шоссе. Работы закончились зимою того же года, и для ихъ выполненія потребовалось—12,026 подводъ и 20,175 рабочихъ дней (при 4,198 дымахъ Тифлисскаго приставства)».

«По Сенакскому уѣзду дорожныя повинности обычно обходятся населенію въ 4—5 руб.; но были годы, въ которые стоимость этой повинности, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ обществъ, возрастала до 40 руб. Въ 1895 г. въ Сенакскомъ уѣздѣ въ общей сложности было проложено по отна дорогъ свыше 300 верстъ, изъ которыхъ около 150 верстъ шоссе, для чего потребовалось 3,500 куб. сажень камня, а къ исполненію работъ было привлечено 325,000 рабочихъ (т.-е. рабочихъ дней) и 24,685 аробъ (подводъ), всего на сумму 252,409 руб. Хотя эти усиленныя работы—заканчиваются мѣстной податной инспекторъ—объясняются тѣмъ, что въ прошломъ году (1885) въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда до-

роги сильно пострадали от наводнений, всетаки такое количество в течение одного года нельзя не признать чрезвычайным».

Приведенных примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какую повинность въ Закавказьѣ составляетъ, такъ называемая, дорожная повинность; но, благодаря порядкамъ ея отбыванія тяжесть этой повинности переходитъ возможные предѣлы и становится бичомъ населенія, неизя года въ годъ его хозяйственныя и платежныя силы. Составитъ писки о постановкѣ отбыванія дорожной повинности, на основаніи собраннаго объ этомъ податными инспекторами матеріала, приходившимъ слѣдующимъ выводамъ. «Изъ приводимыхъ податными инспекторами указаній видно, почему такъ тяжело ложится на населеніе дорожная повинность. При отсутствіи въ этомъ дѣлѣ никакой организаціи, затрачивается болѣе силъ и времени, чѣмъ требуется производимыя населеніемъ работы,—такъ, напр., въ 1895 году населеніе Тіонетскаго уѣзда прибыло къ мѣсту работъ 12 октября и работало 7 дней, такъ какъ только 20 октября были указаны работы. Недостаточность или случайность технического надзора отражается настолько непріятно на ходѣ работъ, что доводитъ до минимума ихъ продуктивность, такъ, напр., техники указали рабочимъ выполнить извѣстныя работы; затѣмъ, черезъ нѣкоторый болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, при новомъ осмотрѣ, представитель того же технического надзора признаетъ исполненную работу негодною и предлагаетъ переделывать уже исполненныя работы,—понижить или повысить стоимость работъ, провести его въ другомъ направленіи и т. п., что, конечно, не только увеличиваетъ и безъ того тяжелый трудъ рабочихъ. Тяжесть дорожной повинности усугубляется еще значеніемъ въ хозяйствѣ того времени, въ которое населеніе призывается къ производству дорожныхъ работъ; обыкновенно эти работы производятся: весною—въ апрѣлѣ и въ началѣ мая, и осенью—въ сентябрѣ, октябрѣ и отчасти въ ноябрѣ; между тѣмъ является временемъ вспашки и посѣва яровыхъ, осень—временемъ винограда и молотбы хлѣба. Отвлекать крестьянина въ такую пору отъ своего хозяйства значитъ наносить ему существенный вредъ. Дѣйствительно, по заявленію, напр., крестьянъ Тіонетскаго уѣзда, которые изъ нихъ въ 1895 г., вслѣдствіе отбыванія дорожной повинности, не успѣли посѣять, другіе—собрать хлѣбъ. Далѣе, какъ очевидно изъ тѣхъ же матеріаловъ, населеніе привлекается къ устройству новыхъ сѣйныхъ дорогъ, т.-е. сооружений, которыя требуютъ «техническихъ знаній и искусства» вопреки статей 13 и 186 уст. о зем. повин., которыми такого рода сооружения должны производиться на счетъ земскихъ ассигнованій. Наконецъ, вызовъ рабочихъ для отбыванія дорожной повинности не ограничивается прилегающими къ мѣстности производства дорожныхъ работъ селеніями, но распространяется безразлично на всѣ селенія уѣзда, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напр., при устройствѣ аннануро-тіонетской дороги, въ теченіе ряда лѣтъ, поочередно

вывалось население трехъ смежныхъ уѣздовъ: Душетскаго, Тонетскаго и Телавскаго.

Таковы условия, въ которыхъ поставлено население по отбыванію имъ одной изъ натуральныхъ повинностей. Они указываютъ съ полною очевидностью, что интересы отбывающаго повинности населенія во вниманіе не приняты, что практикуемый въ краѣ порядокъ выполненія дорожной повинности отражается неисчислимыми для населенія потерями и что, кромѣ огромныхъ средствъ, доставляемыхъ населеніемъ въ видѣ даровой рабочей силы, для увеличенія и поддержанія въ исправности путей сообщенія въ краѣ, существующими порядками отбыванія этой повинности систематически подрывается хозяйственное благосостояніе населенія.

Послѣ отступленія, сдѣланнаго для характеристики отбываемой крестьянскимъ населеніемъ Закавказья, одной изъ натуральныхъ повинностей, — дорожной, какъ существеннаго дополненія къ приведеннымъ выше расчетамъ тяжести денежныхъ повинностей, лежащихъ на томъ же населеніи, остановимся на вопросѣ: гдѣ же и въ чемъ населеніе ищетъ дополнительныхъ источниковъ, чтобы кромѣ податей, поглощающихъ $\frac{1}{4}$ доходности надѣльныхъ земель, «обеспечить свой бытъ»?

Для отдѣльныхъ хозяйствъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, наприм., въ Душетскомъ для большинства, сторонніе заработки, какъ отмѣчается въ матеріалахъ, составляютъ существенное подспорье въ денежномъ хозяйствѣ крестьянъ, однако, нерѣдко сопровождаемое упадкомъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Но что дѣйствительно поддерживаетъ крестьянское хозяйство, какъ земледѣльческое, и въ то же время составляетъ источникъ для возстановленія возможнаго равновѣсія въ крестьянскомъ бюджетѣ, — это, во-первыхъ, сравнительно большое развитіе хозяйства на арендуемой землѣ и, во-вторыхъ, хозяйство на участкахъ «собственной» земли.

III.

Хозяйство на арендуемой землѣ въ обследованныхъ селеніяхъ Тифлисской губерніи, представляя вообще частое явленіе, по отдѣльнымъ мѣстностямъ однако различается въ степени распространенія.

Какъ выше было отмѣчено, признаки, характеризующіе хозяйственную обстановку, проведены въ матеріалахъ подворной описи не по наличнымъ хозяйствамъ, а по дымамъ, во время совершенія выкупныхъ сдѣлокъ; поэтому и приводимыя данныя объ арендѣ крестьянами земли и о собственной крестьянской землѣ отнесены къ тѣмъ же первоначальнымъ дымамъ. Изъ 1,739 обследованныхъ дымовъ, 658, т.-е. 37%, занимаются земледѣліемъ на арендуемой землѣ. Въ различныхъ частяхъ обследованныхъ мѣстностей это отношеніе измѣняется; такъ, наприм., въ Горійскомъ уѣздѣ изъ 654 обследованныхъ дымовъ, арендуютъ землю 352 дыма, т.-е. 54%, тогда какъ въ смежномъ уѣздѣ Душетскомъ изъ 281 — арендуютъ землю 99 дымовъ, менѣе 7%. Общая площадь арендуемой земли всѣми зареги-

строванными хозяйствами равняется 2,508 десятинамъ, что составить въ среднемъ на каждый изъ арендующихъ дымовъ 3,8 дес.; но по отдѣльнымъ мѣстностямъ и площадь арендуемой земли также рѣзко измѣняется въ связи съ уменьшеніемъ арендующихъ хозяйствъ: въ томъ же Горійскомъ уѣздѣ арендуется крестьянами 1,163 дес., а въ Душетскомъ только 57 дес.

Хозяйство на арендуемой землѣ предполагаетъ наличность у населенія соответствующаго количества рабочаго скота, такъ какъ арендные земли, какъ указываютъ матеріалы, эксплуатируются исключительно въ хлѣбонашествѣ: изъ 2,508 дес. арендуемой земли подъ садами—27 дес., все остальное—подъ пашнями. Поэтому необходимая связь между этими двумя сторонами крестьянскаго хозяйства должна обнаружиться въ данныхъ, съ одной стороны о распредѣленіи хозяйствъ по количеству рабочаго скота, съ другой—о числѣ хозяйствъ, арендующихъ землю. Сопоставляя данныя того и другого ряда, получаемъ слѣдующее соотношеніе: общее число хозяйствъ, имѣющихъ рабочій скотъ, 866; изъ нихъ хозяйствъ съ двумя парами и болѣе 527; къ послѣдней категоріи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести хозяйства, арендующія землю, какъ требующія сравнительно болѣе удовлетворительнаго инвентаря, въ томъ числѣ и рабочаго скота. Оказывающійся излишекъ арендующихъ хозяйствъ (658) противъ числа хозяйствъ, удовлетворительно обставленныхъ рабочимъ скотомъ (527), объясняется тѣмъ комбинаціоннымъ способомъ обработки, на который мы уже указывали выше, именно: когда нѣсколько хозяйствъ, имѣющихъ рабочій скотъ въ недостаточномъ количествѣ для обработки воздѣлываемой земли собственными силами каждаго отдѣльнаго хозяйства, обрабатываетъ ее совместно. Хозяйствъ съ одною парой скота по матеріаламъ насчитывается до 300, слѣдовательно, $\frac{1}{3}$ часть этихъ сравнительно слабыхъ хозяйствъ, соединяясь въ артели, дополняютъ собою контингентъ занимающихся земледѣіемъ на арендуемой землѣ.

Такое широкое развитіе хозяйства на арендуемой землѣ указываетъ прежде всего, конечно, на большой недостатокъ надѣльной земли,—обстоятельство съ полною очевидностію установленное въ I главѣ, на основаніи матеріаловъ о надѣленіи землею обследованныхъ хозяйствъ. Сверхъ того, расширеніе земледѣльческаго хозяйства путемъ арендованія указываетъ на то, что населеніе предпочитаетъ этотъ источникъ для достиженія хотя бы нѣкотораго равновѣсія въ своемъ бюджетѣ другимъ источникамъ и, можетъ быть, единственно возможному для крестьянскаго населенія—батрачеству. Правильность послѣдняго соображенія также доказывается данными обследования, обнаруживающими вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующую зависимость: съ развитіемъ хозяйства на арендуемой землѣ уменьшается движеніе населенія на сторонніе заработки и наоборотъ. Горійскій и Душетскій уѣзды, стоящіе крайними членами по развитію аренднаго хозяйства, представляютъ въ то же время наиболѣе рѣзкіе примѣры того, какъ населеніе склонно вести широкое хозяйство на арендной землѣ и, благодаря этому, часть ея въ рабочемъ возрастѣ прикрѣпляется къ своему хозяйству и не ищетъ

заработковъ на сторонѣ; и наоборотъ тамъ, гдѣ не развито хозяйство на арендуемой землѣ, большая половина населенія въ рабочемъ возрастѣ зарегистрирована батраками и поденщиками на стороннихъ заработкахъ. Въ Горійскомъ уѣздѣ, какъ сказано, арендуютъ землю 54% дымовъ, при общемъ количествѣ арендуемой земли 1,163 дес.; въ этомъ же уѣздѣ, изъ 1,635 лицъ мужского пола въ рабочемъ возрастѣ, зарегистрировано 151 лицо, состоящихъ на стороннихъ заработкахъ; въ Душетскомъ уѣздѣ, при 7% дымовъ арендующихъ землю, при общемъ количествѣ арендуемой земли 57 дес., изъ 576 лицъ того же рабочаго возраста, 386 отиѣчены въ матеріалахъ, какъ занимающіеся сторонними заработками и при томъ, главнымъ образомъ, какъ поденщики и батраки. Матеріалы не даютъ отвѣта, чѣмъ объясняется по отдѣльнымъ мѣстностямъ большее или меньшее развитіе хозяйства на арендуемой землѣ; но, судя по стремленію мѣстнаго крестьянства къ земледѣльческому хозяйству, весьма вѣроятно, отсутствіе предложеній земли для сдачи въ аренду въ близъ лежащихъ мѣстностяхъ заставляетъ населеніе устремляться на сторонніе заработки.

Третьимъ, существеннымъ и распространеннымъ въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ источникомъ, изъ котораго населеніе извлекаетъ средства для поддержанія своего хозяйства, являются приобретаемые крестьянами въ собственность участки земли. Общая площадь земли, приобретенная крестьянами въ собственность, въ настоящее время, по даннымъ подворнаго описанія, составляетъ 1,153 дес., а хозяйствъ имѣющихъ собственную землю 730, т.-е. 42% общаго числа обследованныхъ хозяйствъ; следовательно, по среднему расчету на каждый дымъ причитается 2,1 дес. собственной земли. Владѣнія отдѣльныхъ хозяйствъ обычно не превышаютъ площади отъ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ сажень до нѣсколькихъ десятинъ, достигая только въ рѣдкихъ случаяхъ 10 десятинъ и болѣе, но свыше 25 дес. въ матеріалахъ не оказалось ни одного случая.

Установленное обследованіемъ, болѣе или менѣе распространенное среди крестьянскаго населенія, частное землевладѣніе представляетъ явленіе многозначительное. Настоячивое стремленіе мѣстнаго крестьянина къ приобретенію собственной земли заставляетъ его многіе годы, путемъ тѣхъ или другихъ заработковъ, скопить деньги, съ единою мыслью, затѣмъ, съ помощью такихъ многолѣтнихъ сбереженій, приобрести хотя бы клочокъ земли, — разуйтеса, на родинѣ. Эта черта у населенія поддерживается, если во всецѣло создается, условіями мѣстнаго крестьянскаго хозяйства. Подворное пользованіе землею, при возможности эксплуатировать даже клочокъ земли, благодаря климатическимъ условіямъ, допускающимъ разведеніе такихъ растений, какъ: виноградъ, миндаль, персики, абрикосы и т. д., создало здѣсь мелкую крестьянскую поземельную собственность, эксплуатируемую разведеніемъ высокихъ культуръ. Эта характерная черта крестьянскаго хозяйства повторяется далеко за предѣлами шести обследованныхъ уѣздовъ Тифлисскаго губерніи съ переменною лишь воздѣлываемыхъ растений: исключительное виноградарство въ однихъ мѣстахъ замѣняется въ

другихъ смѣшанными садами — виноградной лозы съ персиковыми и аоркосовыми насажденіями; затѣмъ эти послѣдніе замѣняются исключительно персиковыми и абрикосовыми садами; наконецъ, сады смѣняются тутовыми плантаціями, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ развито шелководство и т. д. Въ этой особенноти кавказскаго крестьянскаго хозяйства заключается, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ, объясненіе той непонятной выскоти платежеспособности, которую проявляетъ мѣстное населеніе при своемъ до крайности ограниченномъ надѣлѣ, при тяжести обложенія, поглощающаго $\frac{3}{4}$ доходности отъ надѣльной земли, и при угнетающемъ крестьянское хозяйство порядкѣ отбыванія натуральныхъ повинностей. Скажемъ болѣе, въ этой издавна создавшейся чертѣ крестьянскаго хозяйства, по нашему глубокому убѣжденію, заключается разрѣшеніе задачи о мѣрѣ къ широкому развитію его экономическаго благосостоянія.

Само собой разумѣется, что эксплуатация земли путемъ разведенія новыхъ культуръ, требующаго постояннаго и упорнаго труда, возможна для силъ отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства только въ очень ограниченнхъ предѣлахъ; и, дѣйствительно, по даннымъ подворнаго описанія, изъ 1,153 дес. собственной земли только 320 дес. зарегистрированы подъ садами, вся остальная земля показана пахатной. Но если обратимся къ даннымъ о распредѣленіи собственной земли по угодьямъ и по владѣніямъ, тогда отношеніе между этими угодьями представится въ иномъ видѣ; наприм., въ Горійскомъ уѣздѣ зарегистрировано 91 хозяйство, имѣющія собственную пахотную землю, и 165 хозяйствъ, имѣющихъ сады на собственной землѣ, — слѣдовательно, наиболѣе распространенный видъ эксплуатация собственной земли, по владѣніямъ, представляетъ садоводство.

Используя матеріалы подворнаго описанія для этого краткаго очерка о крестьянскомъ хозяйствѣ на Кавказѣ, мы не могли, по ограниченности района и матеріаловъ обследованія, рассчитывать на изображеніе болѣе или менѣе полной картины, — этого нельзя было достигнуть и по размѣрамъ предлагаемой статьи. Наша цѣль заключалась въ томъ, чтобы отмѣтить существенныя особенности въ этомъ хозяйствѣ и, такъ сказать, подвести итогъ хозяйственно-податному положенію крестьянина на Кавказѣ, поскольку позволяли это выполнить матеріалы, оказавшіеся въ нашемъ распоряженіи. Поэтому мы считали бы себя удовлетворенными, если бы намъ удалось въ большей или меньшей степени точно передать тѣ положительныя черты въ хозяйственной жизни мѣстнаго крестьянства, которыя обезпечиваютъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части его, самостоятельность земледѣльческаго хозяйства; а также, если бы намъ удалось съ достаточною убѣдительною остановить вниманіе на тѣхъ условіяхъ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, какъ малоземелье, тяжесть и несоразмѣрность налоговъ, угнетающіе неурядки въ отбываніи натуральныхъ повинностей, которыя, подрывая хозяйственныя и податныя силы, уже въ настоящее время выражаются въ довольно внушительныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, что касается ближайшаго повода къ составленію настоящаго очерка, — показать, въ какой

степени вызывалась неотложность податного преобразования въ край и за тѣмъ, какъ отвѣчаетъ такой давно назрѣвшей потребности совершившися нынѣ на Кавказѣ реформа, то это составляетъ содержаніе слѣдующей главы,—главы о значеніи названной реформы для крестьянскаго населенія Закавказья.

IV.

12 іюня 1900 г. Высочайше утверждены два законоположенія, относящіяся до Кавказа и вносящія, вмѣстѣ взятая, коренное преобразование въ дѣйствовавшую до настоящаго времени на Кавказѣ податную систему. Въ силу одного изъ этихъ законоположеній отмѣняется съ 1 января 1901 года взиманіе на Кавказѣ подымной подати, и устанавливается взамѣстъ ея поземельное обложеніе. Вторымъ законоположеніемъ, съ того же срока, отмѣняется подымный земскій сборъ, и для удовлетворенія земскихъ потребностей вводится поземельный земскій сборъ.

Какъ изложено въ запискѣ министерства финансовъ, внесенной въ государственный совѣтъ, по первому изъ указанныхъ законоположеній, «подымная подать, по основаніямъ своего исчисленія, почти вполнѣ тождественна со взимавшеюся въ прежнее время повсемѣстно въ имперіи подушною податью. Между этими податями существуетъ лишь одно отличіе: при исчисленіи подушной подати объектомъ обложенія служило всякое лицо (мужскаго пола), занесенное въ ревизскую сказку—«ревизская душа», а при исчисленіи подымной подати—«дымъ» (хозяйство, дворъ), зарегистрированный по «камеральному описанію», представляющему, такъ же какъ и ревизскія сказки, регистрацію податного населенія. Во всемъ остальномъ порядокъ исчисленія подымной подати ничѣмъ не отличается отъ порядка исчисленія подушной подати. Платежною единицею является податное общество. Сумма подати съ каждаго общества опредѣляется умноженіемъ числа зарегистрированныхъ по обществу дымовъ на средній, установленный для этого общества или ряда обществъ, находящихся въ однородныхъ условіяхъ, подымный окладъ. Причитающаяся съ общества сумма взимается за круговую порукою всѣхъ членовъ общества и не подлежит измѣненію, впредь до составленія новаго камеральнаго описанія».

Такимъ образомъ, вышнее значеніе закона 12 іюня заключается въ переходѣ отъ личнаго обложенія къ имущественному и въ этомъ отношеніи, повидимому, представляетъ много общаго съ закономъ 25 мая 1885 г., объ отмѣнѣ подушной и преобразованія оброчной податей, который въ окончательномъ видѣ былъ осуществленъ во внутреннихъ губерніяхъ имперіи въ 1886 г. освобожденіемъ отъ уплаты подушной подати государственныхъ крестьянъ. Базалось бы поэтому, осуществленіе того же въ сущности законодательнаго акта на Кавказѣ, во-первыхъ, представляетъ собою лишь распространеніе на эту окраину закона, уже давно примѣняемаго по отношенію къ внутреннимъ губерніямъ; во-вторыхъ, какъ это было

во внутренних губернияхъ, при отмѣнѣ подушной подати для государственныхъ крестьянъ, отмѣна подымнаго обложенія и на Кавказѣ не будетъ связана съ какими-либо существенными измѣненіями въ податной тягости населенія. Но только внѣшнее сходство этихъ двухъ законовъ можетъ вызвать такое предположеніе. Въ полную противоположность закону 25 мая 1885 г. для внутреннихъ губерній, законы 12 іюня 1900 г. для Кавказа—объ отмѣнѣ подымнаго обложенія, представляютъ собою преобразование, которое должно рѣзко отразиться на хозяйственно-податномъ положеніи населенія, а по глубинѣ и объему эта реформа, совершившаяся на рубежѣ двухъ столѣтій, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто въ летописяхъ экономической жизни Кавказа.

По дѣйствовавшему до закона 12 іюня положеніямъ, всю тяжесть прямыхъ казенныхъ налоговъ на Кавказѣ несло исключительно крестьянское населеніе. По новому закону привлечены также частное землевладѣніе и удѣльное вѣдомство. По дѣйствовавшему до сего времени правилу, 99% общей суммы расходовъ на удовлетвореніе земскихъ потребностей покрывалось подымною земскою податью съ того же крестьянскаго населенія. По новому закону—удовлетвореніе земскихъ потребностей составляетъ предметъ общей денежной повинности, и объектомъ обложенія для сего устанавливается земельное имущество, кому бы таковое ни принадлежало. Этими сторонами двухъ новыхъ законоположеній опредѣляется значеніе вводимой реформы въ отношеніи равномѣрности и справедливости обложенія. Населеніе Кавказа, на которое распространяется законъ 12 іюня, по переписи 1897 г., выражается въ 8 милліонахъ лицъ (за исключеніемъ городского), а площадь земель, подлежащихъ по тому же закону обложенію, по даннымъ «комиссін», на которую было возложено составленіе законопроекта объ отмѣнѣ подымной подати, установлено въ 13 милліоновъ десятинъ. Этими данными опредѣляется объемъ реформы.

Въ именномъ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату отъ 12 іюня 1900 г., по поводу двухъ разсматриваемыхъ законоположеній, объяснено, что «мѣры эти имѣютъ цѣлью внести въ податное обложеніе края необходимую справедливость». Насколько является важнымъ преслѣдуемая закономъ 12 іюня равномѣрность и справедливость обложенія въ край можно видѣть хотя бы изъ того, что въ Закавказьѣ вся сумма прямого обложенія сельскаго населенія въ доходы казны, въ размѣрѣ 2.483,388р. уплачивалась всецѣло крестьянскимъ населеніемъ; а изъ общей суммы расходовъ на земскія нужды, такъ наприм., по смѣтѣ одного изъ послѣднихъ трехлѣтій, именно: 1894—1896 гг.—3.279,785 руб. въ годъ, взыскивалось съ крестьянскаго населенія—3.050,601 руб., т.-е. 93%. Въ то же время всѣ остальные земли, болѣе 3 милл. дес., составлявшія собственность частныхъ лицъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ, и владѣнія лицъ высшихъ сословій, въ доходы казны не облагались, а въ расходахъ по удовлетворенію земскихъ повинностей участвовали въ размѣрѣ 3% общей суммы расходовъ.

Приведенныя данныя представляютъ собой итоговые результаты только одной стороны той системы обложенія, которая нынѣ, послѣ закона 12 іюня, отошла въ исторію. Значеніе совершившейся реформы не менѣе важно въ другомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, для настоящаго момента—мы имѣемъ въ виду распределеніе обложенія, нынѣ отиѣннаго подымнаго, между крестьянскимъ населеніемъ. Подымное обложеніе, какъ личное, ложилось всею своею тяжестью на мѣстности густо населенныя, а таковыя въ большинствѣ случаевъ характеризуются малоземельемъ, и населеніе въ нихъ—меньшею состоятельностью, и наоборотъ, при подымномъ обложеніи оказывалось въ особо льготныхъ условіяхъ населеніе многоземельное и, слѣдовательно, болѣе состоятельное.

Вполнѣ убѣдительные примѣры такой грубой неравномѣрности со всею очевидностью выступили лишь при самомъ осуществленіи реформы, когда рядъ селеній, которыя при подымномъ обложеніи несли тяжелые налоги, приходилось или освобождать отъ обложенія, или устанавливать для нихъ ничтожные оклады по малоземелью или отсутствію надѣльныхъ земель (например, бывшіе монастырскіе крестьяне, переведенные въ разрядъ казенныхъ поселянъ, но землю не надѣленные или имѣющіе одну усадьбную землю). Тогда же, при установленіи окладовъ по закону 12 іюня, обнаружались и обратныя явленія: селенія съ надѣломъ въ 50 десятинъ и болѣе на одно хозяйство облагались при подымной системѣ ничтожными окладами. Въ какой степени въ первомъ изъ указанныхъ случаевъ возрастало обложеніе, было указано выше, при опредѣленіи размѣра обложенія крестьянской земли; здѣсь мы хотѣли лишь пояснить нашу мысль, что значеніе реформы идетъ гораздо глубже достиженія равномѣрности въ обложеніи между такими крупными группами какъ податное населеніе, съ одной стороны, и лица высшихъ сословій—съ другой: реформа точно указала и устранила вопіющую неравномѣрность бремени налоговъ среди *самого* крестьянскаго населенія.

Финансовая сторона реформы по закону 12 іюня 1900 г. представляется весьма сложною, вслѣдствіе того, что съ податною реформою казенныхъ сборовъ неразрывно связана реформа земскаго обложенія, а эта послѣдняя, въ свою очередь, связана съ цѣлымъ рядомъ существенныхъ измѣненій въ закавказской земской смѣтѣ по обоимъ отдѣламъ ея—по доходамъ и расходамъ. Но эти существенныя измѣненія касаются, главнымъ образомъ, земскаго денежнаго хозяйства и участія въ немъ казны, не отражаясь или отражаясь въ слабой степени на обложеніи сельскаго населенія. А такъ какъ для нашихъ цѣлей важно именно это послѣднее, то мы ограничимся рассмотрѣніемъ финансовыхъ результатовъ реформы только въ этихъ рамкахъ, т. е. ограничимся сопоставленіемъ результатовъ прежде существовавшаго обложенія сельскаго населенія и вновь вводимаго по закону 12 іюня; причемъ не будемъ принимать въ нижеслѣдующихъ разсчетахъ Терской и Кубанской областей, какъ мѣстностей, заселенныхъ казачами и ни по строю жизни, ни по роду управленія, ничего общаго не

имѣющихъ съ прочими мѣстностями района, на который распространяется законъ 12 іюня.

Какъ было указано нами, до совершившейся въ истекшемъ году реформы, въ Закавказьѣ земли не облагались въ доходы казны, а вся сумма казенныхъ налоговъ съ сельскаго населенія взыскивалась съ крестьянъ въ видѣ подымной подати. Размѣръ этого вида налога по даннымъ «комиссіи», названной выше, выражался въ 2.483,389 руб. Нынѣ съ того же крестьянскаго населенія, по росписи, приложенной къ Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта *) о податной реформѣ, причитается къ сбору: оброчной подати съ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ—3.099,000 р., и поземельнаго налога—114,000 руб., всего 3.213,000 р.; слѣдовательно, повышение казенныхъ налоговъ для крестьянскаго населенія выражается въ суммѣ 729,611 р. (3.213,000—2.483,389).

Также было сказано, что на удовлетвореніе земскихъ потребностей, до реформы, свыше 90% общей суммы расходовъ ложилось на крестьянское населеніе, и выражался этотъ налогъ, за послѣднее трехлѣтіе, въ суммѣ 2.845,761 р. **). Нынѣ по смѣтамъ и раскладкамъ земскихъ повинностей на 3-лѣтіе 1901—1903 гг. ***) съ земель и лѣсовъ удѣльных, частновладѣльческихъ и крестьянскихъ положено сборовъ 2.795,578 р., изъ которыхъ на частновладѣльческія земли и земли удѣловъ, на основаніи учета по количеству и разрядамъ земель той и другой категоріи, должно отойти приблизительно 25%, или 779,000 руб.; за вычетомъ этой части, сумма земскаго сбора собственно съ крестьянскаго населенія выразится въ 2.016,579 руб., т.-е. менѣе, бывшаго обложенія подымнымъ земскимъ сборомъ на 829,182 р. Такимъ образомъ въ результатѣ реформы, по казеннымъ и земскимъ сборамъ, вмѣстѣ взятымъ, получается для крестьянскаго населенія пониженіе налоговъ на сумму около 100,000 р. (829,182—729,611—повышеніе казенныхъ сборовъ). На семь милліоновъ десятинъ, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ въ Закавказьѣ, это уменьшеніе въ среднемъ на десятину составитъ около 1,5 к., т.-е. такую мало замѣтную величину въ общей суммѣ платежей отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства, что едва ли можно разсматривать его какъ осязаемую льготу; и тѣмъ болѣе потому, что сдѣланный расчетъ—есть расчетъ предварительный,—при окончательномъ установленіи окладовъ онъ можетъ нѣсколько измѣниться и даже въ сторону уменьшенія.

Однако, только благодаря совершившейся реформѣ, обложеніе крестьянскаго населенія если не уменьшилось чувствительно, то, по крайней мѣрѣ, не увеличилось, какъ это сдѣлалось обычнымъ явленіемъ въ послѣд-

*) «Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства», 1900 г., іюль, № 73, ст. 1622.

***) Представленіе министерства финансовъ въ государственный совѣтъ 12 февр. 1901 г., № 1264.

***) «Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства», 1900 г., № 73.

ня 25—30 лѣтъ. Увеличеніе земскихъ расходовъ расло такъ неудержимо и такими рѣзкими скачками отъ одного къ другому 3-лѣтію, что, какъ указывается въ одномъ изъ официальныхъ документовъ *), со времени установленія дѣйствовавшей до настоящаго времени подымной системы обложения, т.-е. съ 1843 г. къ 1897 г., при увеличеніи за этотъ промежутокъ времени казенныхъ податей въ 2,5 раза, земскіе сборы увеличились въ 11 разъ, и это въ среднемъ для всего района, составляющаго вѣдомство тифлисской казенной палаты (Тифлисская, Бутансская, Эриванская губерніи); а для отдѣльныхъ мѣстностей, какъ наприм., для Бутансской губерніи земскіе сборы увеличились въ 40 разъ, при увеличеніи казенныхъ податей для той же губерніи только въ 5 разъ. Между тѣмъ, безъ большой ошибки можно утверждать, что единственнымъ плательщикомъ земскихъ сборовъ до реформы было крестьянское населеніе, которое и несло всю тяжесть такого роста земскихъ расходовъ.

Таковъ характеръ совершившейся нынѣ реформы на Кавказѣ по закону 12 іюня 1900 г. Само собой разумѣется, что значеніе реформъ, особенно такого рода, какъ разсматриваемая, должно быть оцѣниваемо по внутреннему содержанию, а также по степени ихъ осуществимости. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи законъ 12 іюня, повидимому, представляетъ нѣкоторое положительное ручательство. Собраніе необходимыхъ для обоснованія реформы матеріаловъ, ихъ разработка, установленіе главныхъ основаній вновь вводимаго обложения, наконецъ, составленіе самаго текста законопроекта было возложено всецѣло на *мѣстныхъ* представителей различныхъ вѣдомствъ, заинтересованныхъ этою реформой. Съ 1898 г. были начаты подготовительныя работы по собиранію матеріаловъ черезъ мѣстныхъ податныхъ инспекторовъ (75 лицъ). Собранные такимъ образомъ матеріалы подвергались неоднократной обработкѣ и затѣмъ общей ихъ сводкѣ силами 6 кавказскихъ казенныхъ палатъ, по соответствующимъ имъ районамъ. Когда были выполнены подготовительныя работы, онѣ поступили для окончательнаго разсмотрѣнія въ особую «комиссію», образованную въ Тифлисѣ, въ составъ свыше 20 лицъ, среди которыхъ со стороны министерства финансовъ были мѣстные представители отъ всѣхъ губерній и областей Кавказа. Работы этой комиссіи, съ измѣненіями лишь въ контингентахъ поземельнаго налога, были внесены министерствомъ финансовъ въ государственный совѣтъ, каковымъ и одобрены съ несущественными частными поправками и дополненіями. Такая постановка всего дѣла по разработкѣ основаній реформы и порядку ея примѣненія, по нашему мнѣнію, представляетъ извѣстное ручательство въ осуществимости самаго законопроекта. Конечно, только послѣдующее время и опытъ дадутъ твердыя основанія для надлежащей оцѣнки реформы съ этой стороны.

Представленіе тифлисской казенной палаты департаменту окладныхъ сборовъ

14 и въ 1897 г.

У.

Какъ бы ни было важно значеніе такой податной реформы, осуществлена нынѣ на Кавказѣ, тѣмъ не менѣе влияніе ея ограничилось одною областью—упорядоченіемъ податныхъ отношеній. Между въ представленномъ очеркѣ хозяйственнаго положенія крестьянъ в Кавказѣ опредѣленно выступаютъ признаки общаго упадка экономическаго благосостоянія сельскаго населенія. Распространенное мнѣніе, сложившееся у лицъ, по своему служебному или общественному положенію имѣвшихъ возможность наблюдать за послѣдніи 25—30 лѣтъ крестьянско-бытѣ въ Закавказьѣ, таково, что за этотъ промежутокъ въ благосостояніе крестьянъ глубоко измѣнилось, и вмѣсто прежняго достатка, даже богатства, въ настоящее время наблюдается только одинокіе вышнихъ признаковъ состоятельности—податная исправность; всѣ нынѣшніе признаки крестьянскаго благосостоянія исчезли.

При такихъ условіяхъ представляются особенно цѣнными начинанія и мѣропріятія, которыя облегчаютъ крестьянскому населенію, тѣмъ или инымъ путемъ возстановлять пошатнувшіяся силы хозяйства. Въ отношеніи мы отмѣтили выше дѣятельность кавказскаго сельскаго общественаго общества и тифлискаго филосерснаго комитета. Оба названные учрежденія могутъ и дѣйствительно удѣляютъ долю вниманія къ крестьянскому хозяйству, но мѣра этого участія, по ограниченности средствъ и случайности, не можетъ приносить настолько существенныхъ результатовъ, чтобы широко отражаться въ крестьянской хозяйственной жизни.

Учрежденіе «общественныхъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ» Тифлисской губерніи, по крайней мѣрѣ, по мысли составителей этого учрежденія, должно широко отвѣчать нуждамъ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, и въ результатѣ—въ окрѣпшемъ и развившемся хозяйствѣ—населеніе получить силы противостоять бѣдствіямъ отъ неурожая.

Нельзя точно указать время введенія въ селеніяхъ Тифлисской губерніи сборовъ сельско-хозяйственныхъ общественныхъ капиталовъ, какъ оно совершилось постепенно и одновременно, послѣ составленія этого предмета общественныхъ приговоровъ. Но въ виду того, что официально напечатанный отчетъ о состояніи сельско-хозяйственныхъ капиталовъ относится къ 1890 г., можно считать этотъ годъ первымъ годомъ болѣе или менѣе систематическаго функціонированія учрежденія. Ближайшія обстоятельства, при которыхъ возникла самая мысль объ учрежденіи, были слѣдующія.

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ была произведена ревизія «общественныхъ вольственныхъ магазиновъ» въ губерніи, при этомъ обнаружилось только отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ (или недоброкачественности запасовъ) въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ хлѣбъ собирался съ населенія. Не оказалось въ наличности даже помѣщеній «магазиновъ»,—перваго и необходимаго шага для осуществленія требованій къ обезпеченію на

продовольствія. Такое положеніе продовольственнаго дѣла въ губерніи, послѣ всесторонняго наблюденія и обсужденія его, вызвало сомнѣніе въ цѣлесообразности и возможности вообще—путемъ дѣйствующихъ правилъ, т.-е. устройствомъ «запасныхъ магазиновъ»,—достигнуть обезпеченія населенія продовольственными средствами.

Отсутствіе спеціальнаго законодательства по продовольственному вопросу въ отношеніи Закавказья, а также рѣзкія особенности края, дали формальныя основанія мѣстной администраціи къ возбужденію вопроса о способахъ обезпеченія народнаго продовольствія въ Тифлисской губерніи на совершенно иныхъ началахъ, сравнительно съ принятыми для внутреннихъ губерній Имперіи.

Чтобы точнѣе передать тѣ соображенія, которыя легли въ основаніе проекта устава о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ сельскихъ обществъ Тифлисской губерніи, представленнаго мѣстною администраціей болѣе семи лѣтъ тому назадъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе, мы приводимъ выдержку изъ подлиннаго документа. Это официальное представленіе, сопровождавшее проектъ «Устава», заключаетъ какъ основныя соображенія составителей проекта по продовольственному вопросу, такъ и предположенія о способѣ его разрѣшенія для населенія Тифлисской губерніи.

«Разсматривая продовольственный вопросъ во всемъ его объемѣ, говорится въ названномъ документѣ, нельзя не признать, что въ корнѣ его лежатъ два явленія, которыя, хотя и тѣсно связаны между собою, но тѣмъ не менѣе, требуютъ неодинаковыхъ мѣропріятій; это—неурожаи и вызываемый неурожаемъ голодъ. Первый, хотя и зависитъ нерѣдко отъ временныхъ, случайныхъ явленій природы, но въ большинствѣ случаевъ, составляетъ результатъ постояннаго нерациональнаго веденія сельскаго хозяйства, долженъ и можетъ быть устраняемъ радикальными мѣрами предупрежденія, тогда какъ голодъ, составляя лишь результатъ неурожаи, можетъ быть парализованъ только палліативными мѣрами пресѣченія, близко подходящими къ мѣрамъ призрѣнія нищихъ. Нынѣ дѣйствующая система народнаго продовольствія всѣ усилія правительства и населенія направлены къ мѣрамъ второго рода, проявляющимся въ заботахъ о накопленіи и сохраненіи въ видѣ денегъ или зерна запасовъ.

«Между тѣмъ, дѣйствительное средство огражденія населенія отъ голода должно было бы выразиться въ стремленіи устранить причины самыхъ неурожаевъ, порождающихъ голодъ, предупредительными мѣропріятіями, направленными къ подъему, накопленію и сбереженію матеріальныхъ и нравственныхъ силъ населенія.

«Прошлый годъ, поразившій голодомъ обширное пространство многихъ въ границахъ губерній Имперіи (1891—1892 гг.), воочию доказалъ, что голодъ произошелъ не отъ недостатка зерна въ нашемъ государствѣ и не отъ особенной его дороговизны, а отъ отсутствія покупательной способности населенія,—отъ того общественнаго зла, которое именуется нищетою».

«Встарину, при отсутствіи сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія, голодъ обусловливался исключительно недостаткомъ на мѣстѣ хлѣба возможности своевременнаго его подвоза изъ болѣе благополучныхъ мѣстъ, — почему населеніе, несмотря на всю имущественную свою способность къ приобретенію жизненныхъ припасовъ, подвергалось всѣмъ бѣдствіямъ голода. При современныхъ же быстрыхъ способахъ передвиженія и торговли, покупательная способность населенія въ дѣлѣ обезпеченія народа продовольствіемъ, въ случаѣ неурожая, приобрѣла первостепенное значеніе. Въ настоящее время голодъ можетъ проявить себя только при томъ случаѣ, когда хлѣбъ есть, да не на что его купить, а не при томъ случаѣ, когда хлѣба нѣтъ, да нѣтъ самаго хлѣба. Поэтому, система заготовленія хлѣба въ продовольственныхъ магазинахъ теряетъ нынѣ свое первоначальное значеніе, какъ необходимой мѣры для восполненія, въ случаѣ нужды, недостатка хлѣба. Въ виду этого, усилія правительства по поддержанію народнаго продовольствія должны быть направлены къ увеличенію покупательной способности населенія, путемъ развитія производительныхъ силъ земли, улучшенія и подъема сельско-хозяйственной промышленности, какъ единственнаго источника благосостоянія наибольшей части населенія такой земледѣльческой страны, какъ Россія. Этими средствами устраняются причины, порождающія неурожай, ограничивая число ихъ тѣми средствами, явленіями естественнаго происхожденія, которыя неустранимы человеческими стараніями. Такимъ образомъ нынѣ дѣйствующая система заготовленія продовольствія, оставляя двери открытыми для безпрепятственнаго вторженія бѣдствія, врагуетъ, и то не всегда и не вполне, недугъ, котораго онъ уже поразилъ населеніе. Система же предупрежденія бѣдствія, которая не совсѣмъ, то въ большей части случаевъ, ограждаетъ населеніе отъ самаго появленія зла предварительнымъ устраненіемъ, во-первыхъ, причинъ, пріятныхъ для его зарожденія и, во-вторыхъ, главныхъ элементовъ, усиленіемъ самого организма до степени, предоставляющей возможность противостоять бѣдствію собственными силами.

«Система предупрежденія бѣдствія, въ вопросѣ о народномъ продовольствіи, требуетъ громадныхъ трудовъ и капитала, чего правительство не можетъ принять на себя, во всемъ ихъ объемѣ. Но правительство должно возбуждать эту самодѣятельность, поощрять эти усилія и проявлять участіе въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другія средства по природѣ недоступны усиліямъ сельскаго населенія.

«Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ рассмотрѣнію вопроса о народномъ продовольствіи въ примѣненіи къ Тифлисской губерніи, можно сказать, что губернія эта представляетъ всѣ условія, при которыхъ заботы объ огражденіи населенія отъ бѣдствія должны быть направлены не на учрежденіе и устройство продовольственныхъ магазиновъ, а исключительно къ подъему и развитію сельской промышленности во всемъ ея разнообразіи, порождаемомъ особенностями климата и почвы».

Соответственно изложеннымъ въ приведенной выдержкѣ исходнымъ соображеніямъ проектированы въ «Уставѣ» о сельско-хозяйственныхъ общественныхъ капиталахъ.

Цѣль образованія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ точно опредѣляется § 1 «Устава»: она заключается «въ удовлетвореніи общественныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ». Въ отдѣлѣ о средствахъ и о способахъ образованія такого капитала устанавливается: 1) добровольное соглашеніе сельскихъ обществъ, выраженное въ особомъ на этотъ предметъ приговорахъ (§ 2), 2) капиталы составляются изъ сбора хлѣба въ зернѣ (§ 4), 3) единицею обложенія принято лицо мужского пола въ возрастѣ отъ 12 до 60 лѣтъ, причемъ устанавливается наименьшій размѣръ взноса—въ 20 фун. хлѣбнаго зерна съ cadaго изъ облагаемыхъ лицъ; опредѣленіе же вышшаго размѣра по уставу, предоставляются усмотрѣнію общества (§ 6). Въ III и IV отдѣлахъ устава регламентируются подробности при сборѣ зерна и его сохраненія. Въ началѣ cadaго года составляется списокъ въ каждомъ селеніи, по дымохозяйствамъ, лицамъ, подлежащимъ обложенію, съ представленіемъ въ этихъ спискахъ размѣра сбора съ cadaго дыма; по утвержденіи списка общественнымъ сходомъ списокъ передается для выполненія въ сельское управленіе (§ 7).

Сборъ производится въ періодъ молотьбы (§ 8), причемъ зерно собираемаго хлѣба предварительно очищается черезъ рѣшето и сдается по вѣсу (§ 9).

Слѣдующіе три отдѣла устава—V, VI, VII и VIII—заключаютъ опредѣленіе порядка составленія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ, образуемыхъ изъ сборовъ.

Сельско-хозяйственные капиталы проектируются въ двухъ видахъ, съ особеннымъ для cadaго изъ нихъ назначеніемъ. Изъ сборовъ, поступающихъ по выше изложеннымъ правиламъ, прежде составляется сельско-хозяйственный капиталъ въ зернѣ, размѣръ котораго для cadaго селенія долженъ соответствовать двухгодичному окладу сборовъ. Назначеніе этого вида сельско-хозяйственнаго капитала состоитъ въ томъ, чтобы оказывать помощь членамъ сельскаго общества въ случаяхъ общаго въ предѣлахъ того же общества неурожая (§ 24). При этомъ помощь, по категорическому требованію устава, оказывается только путемъ продажи хлѣба изъ складовъ съ уступкою противъ рыночныхъ цѣнъ (отъ 30 до 50%) и въ размѣрѣ не болѣе двухгодичнаго взноса для cadaго дымохозяйина (§ 25). Съ поступленіемъ въ складъ урожая третьяго года, со времени образованія хлѣбныхъ запасовъ, производится ежегодно продажа съ торговъ хлѣба, пролежавшаго болѣе двухъ лѣтъ въ складѣ; причемъ устанавливается порякъ торговъ, контроль надъ производствомъ ихъ и отвѣтственность въ случаяхъ злоупотребленія (§ 27).

Вырученные за продажу хлѣба деньги немедленно вносятся въ сберегательную кассу мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ, по книжкѣ того общества, хлѣбъ котораго проданъ, и именуется сельско-хозяйственнымъ капи-

таломъ даннаго общества (§ 30). Нарастающіе проценты на капиталъ, по требованію § 32 устава, обязательно и ежегодно присоединяются къ капиталу. Назначеніе этого второго вида сельско-хозяйственнаго капитала возможно точно опредѣляется какъ въ положительномъ смыслѣ—на какія нужды расходуется образованный капиталъ, § 33, такъ и въ отрицательномъ—что не подлежитъ удовлетворенію за счетъ сельско-хозяйственнаго капитала, § 38. Въ первомъ изъ указанныхъ параграфовъ перечисляются главныя и второстепенныя нужды, удовлетворяемыя средствами сельско-хозяйственнаго капитала. «Въ числу главнѣйшихъ нуждъ относятся: а) приобрѣтеніе сельскими обществами, на правѣ собственности, всякаго рода земельныхъ и лѣсныхъ угодій и сельско-хозяйственныхъ заведеній и б) сооруженіе общественныхъ мельницъ, водопроводовъ и оросительныхъ канавъ, плотинъ и тому подобныхъ сооружений, имѣющихъ непосредственное сельско-хозяйственное значеніе для всего сельскаго общества. Въ числу второстепенныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ относятся: а) приобрѣтеніе племеннаго скота для улучшенія мѣстныхъ породъ; б) выписка саженцевъ для облѣсенія свободныхъ пространствъ; в) выписка улучшенныхъ видовъ фруктовыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ, сѣмянъ хлѣбныхъ растений, земледѣльческихъ орудій; и другія сельско-хозяйственныя нужды. Въ тому же параграфу въ отдѣльной части присоединено, слѣдующимъ образомъ выраженное, требованіе устава: «всѣ же прочія нужды, хотя и имѣющія общественное значеніе, удовлетворенію изъ этихъ капиталовъ не подлежатъ». Дополнительно къ этому, содержаніе §§ 37 и 38 Устава способствуетъ, съ другой стороны, болѣе точному установленію цѣлей образуемаго сельско-хозяйственнаго денежнаго капитала, по которымъ «расходы изъ сельско-хозяйственнаго капитала, внѣ изложенныхъ условій, а равно выдача изъ этого капитала заимообразно денежныхъ ссудъ, въ какой бы то ни было формѣ, какъ цѣлому обществу, такъ и отдѣльнымъ его членамъ, безусловно не допускается».

Завѣдываніе всѣми дѣлами сельско-хозяйственныхъ капиталовъ «уставъ» возлагаетъ на сельскія общества и на избираемыхъ ими изъ своей среды должностныхъ лицъ, съ одной стороны, и на коллегіальное губернское учрежденіе, особаго состава, подъ предсѣдательствомъ губернатора, съ другой. На послѣднее учрежденіе, по проекту устава, возлагается обязанность общаго по губерніи руководства по составленію, сохраненію и расходованію сельско-хозяйственныхъ общественныхъ капиталовъ.

VI.

Со времени начала сборовъ для образованія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ прошло 10 лѣтъ, изъ которыхъ за первыя 8 лѣтъ—1890—1897 гг. имѣются печатные отчеты.

Въ концѣ перваго года по установленію сборовъ въ сельско-хозяйствѣ иныя капиталы, именно: на 1 января 1891 г. числилось хлѣба 67,000 п. д.

и денежных капиталовъ 110,700 рублей. Черезъ три года, къ 1 января 1893 г., количество капиталовъ въ хлѣбѣ достигло 268,000 пуд., а денежные капиталы—410,000 рублей. Еще черезъ три года, къ 1 января 1896 г., отчетъ устанавливаетъ размѣръ денежных капиталовъ въ суммѣ 864,000 руб., а черезъ слѣдующее трехлѣтіе, къ 1 января 1898 г.—1,126,000 руб. Въ томъ же отчетѣ за 1897 годъ указано, что изъ 395 сельскихъ обществъ губерніи, въ 271, заключающихъ 1,627 селеній, съ 88,318 домохозяевами, производятся сборы въ сельско-хозяйственный капиталъ. Къ 1 декабря 1900 г. денежные капиталы у крестьянъ Тифлисской губерніи достигли 1.340,606 руб. и свыше 80,000 пудовъ разнаго хлѣба.

Что же способствовало возможности такого быстрого роста «сельско-хозяйственныхъ капиталовъ» въ Тифлисской губерніи? Существуетъ мнѣніе, по которому успѣшность образованія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ объясняется тѣмъ, что сборы въ эти капиталы, какъ установленныя по инициативѣ администраціи, находятся подъ особенно ревностнымъ наблюденіемъ со стороны мѣстныхъ агентовъ послѣдней; отсюда необходимый выводъ, что исключительная успѣшность ихъ поступленія происходитъ за счетъ правильнаго, т.-е. своевременнаго взысканія другихъ денежныхъ сборовъ, и что, слѣдовательно, быстрое возрастаніе «сельско-хозяйственныхъ капиталовъ» находятъ себѣ объясненіе въ увеличеніи недоимокъ казенныхъ податей. Это мнѣніе совершенно голословное, благодаря, однако, своей несложности, легко усваиваемое, стало почти общепринятымъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности нѣтъ и внѣшнихъ поводовъ для такого заключенія. Собранныя по назначеніямъ данныя за восемь лѣтъ, 1888—1895 гг., о суммахъ недоимокъ казенныхъ сборовъ и параллельно о суммахъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ, ничѣмъ не подтверждають предположенія, будто бы усиленный ростъ послѣднихъ находятъ объясненіе въ увеличеніи недоимокъ казенныхъ сборовъ *). Таковъ выводъ на основаніи итоговыхъ данныхъ для цѣлой губерніи.

Мы не думаемъ, чтобы этотъ рядъ цифръ могъ навести на мысль о томъ, что по мѣрѣ увеличенія суммъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ увеличиваются недоимки, или о томъ, что съ введеніемъ сборовъ для об-

*)	Недоимокъ: казенныхъ и земскихъ сборовъ:	Сельско-хозяйственныхъ денежныхъ капиталовъ:	
Къ 1 января 1888 года	57,608 руб.	} Сборы въ эти годы не производились.	
„ „ 1889 „	177,262 „		
„ „ 1890 „	87,004 „		
„ „ 1891 „	74,552 „		
„ „ 1892 „	62,251 „		110,692 руб.
„ „ 1893 „	89,237 „		220,910 „
„ „ 1894 „	91,213 „		409,648 „
„ „ 1895 „	75,158 „		567,428 „
		710,000 „	

разованія этихъ капиталовъ начали возрастать недоимки казенныхъ и земскихъ сборовъ.

Что касается отдѣльныхъ селеній, то, судя по даннымъ уѣздныхъ казначействъ, не только не подтверждается мнѣніе, что съ ростомъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ увеличиваются недоимки податей, а, повидимому, получается обратное явленіе: по тѣмъ селеніямъ, за которыми числятся болѣе или менѣе значительныя недоимки казенныхъ сборовъ, по свѣдѣніямъ за 1896 г., взносовъ въ счетъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ или нѣтъ, или эти взносы ничтожны. Разумѣется, таково общее впечатлѣніе,—имѣются, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, отдѣльные, единичные случаи, когда при крупныхъ недоимкахъ всетаки значатся взносы на образование сельско-хозяйственныхъ капиталовъ. Поэтому, конечно, нельзя отрицать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣло мѣсто рвеніе къ усиленному взысканію этихъ сборовъ, въ силу личныхъ служебныхъ соображеній, но дѣйствіе такой внѣшней причины этими отдѣльными случаями и ограничивалось.

Мнѣніе, на которомъ мы остановились и по которому успѣшность образованія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ отражается неблагоприятно на поступленіи казенныхъ податей, не могло не обратить на себя вниманія мѣстныхъ представителей министерства финансовъ и вызвало особое обслѣдованіе, съ цѣлью выяснить дѣйствительное положеніе дѣла по взысканію податей въ связи съ сборами въ сельско-хозяйственные капиталы. Данные такого обслѣдованія, произведенныя черезъ посредство податныхъ инспекторовъ въ 1897 г., т.-е. послѣ болѣе чѣмъ шестилѣтней практики взиманія сборовъ въ сельско-хозяйственный капиталъ, знакомятъ съ порядкомъ сборовъ, отмѣчая тѣ черты при этомъ, которыя сложились при его осуществленіи; они же обнаруживаютъ нѣкоторыя отрицательныя стороны учрежденія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ; и, наконецъ, указываютъ на тѣ условія, которыя способствовали образованію, въ сравнительно короткое время, крупной суммы сельско-хозяйственныхъ капиталовъ. Добытыя обслѣдованіемъ свѣдѣнія не лишены общаго интереса; поэтому мы передадимъ ихъ сущность.

Сборы для образованія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ производятся хлѣбомъ и деньгами, причѣмъ отношеніе между этими двумя видами сборовъ измѣняется по мѣстностямъ и даже по годамъ. Въ однихъ мѣстностяхъ сборы вносятся исключительно хлѣбомъ, въ другихъ—въ известной части деньгами, и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ послѣдніе годы, взносы производятся исключительно деньгами, по разъ установленному размѣру. Но также, въ одной и той же мѣстности, въ зависимости отъ урожая хлѣбовъ и рыночныхъ цѣнъ на хлѣба, сборы вносятся то хлѣбомъ, то деньгами. Такая свобода въ выборѣ того, чѣмъ именно производить взносы, безъ сомнѣнія, представляетъ положительную сторону.

Установившійся порядокъ сбора таковъ: лица, уполномоченныя дѣла

сбора въ селеніи, предъявляютъ въ каждомъ дворѣ требованіе взносовъ, по числу лицъ мужского пола; при этомъ въ тѣхъ дворахъ, въ которыхъ нужда, въ силу какихъ бы то ни было условій, лишаетъ возможности внести причитающійся сборъ, послѣдній не взыскивается и въ то же время недоимкою не зачисляется. Эта послѣдняя бытовая черта (она не предусмотрена проектомъ устава) отмѣчена въ нѣсколькихъ уѣздахъ.

Во всѣхъ описаніяхъ по уѣздамъ отмѣчается успѣшность поступленій сборовъ въ сельско-хозяйственный капиталъ. Изъ 9 описаній только въ двухъ указывается при этомъ, какъ на причину успѣшности, на исключительную принудительность взысканія; во всѣхъ остальныхъ описаніяхъ быстрое образованіе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ приписывается свойству сбора и основнымъ положеніемъ учрежденія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ. Относительно двухъ указанныхъ выше отзывовъ, составляющихъ исключеніе изъ подавляющаго большинства, слѣдуетъ замѣтить, что, судя по содержанию и характеру этихъ описаній, очевидно, составители ихъ не отнеслись къ дѣлу достаточно объективно и въ то же время не запаслись детальными наблюденіями, и поэтому оказались подъ вліяніемъ впередъ сложившагося мнѣнія.

Наиболѣе категорически выражено мнѣніе о причинахъ особой успѣшности разсматриваемыхъ сборовъ въ описаніи, относящемся къ Горійскому уѣзду. «Справедливость требуетъ сказать, что до 1896 года поступленіе сборовъ въ сельско-хозяйственный капиталъ отличалось замѣчательною аккуратностью и что поэтому недоимки, сложенные со счетовъ, не могли быть значительны. Успѣшность поступленія зависѣла не отъ строгихъ мѣръ взысканія, такъ какъ онѣ почти не примѣнялись, а отъ слѣдующихъ, по моему мнѣнію, причинъ: 1) отъ преобладанія зерновой системы взносовъ; 2) отъ незначительности самаго сбора, и 3) отъ счастливаго выбора единицы обложенія (рабочія руки), благодаря которому главная тяжесть этого сбора падаетъ на долю наиболѣе состоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ».

Такова постановка въ дѣйствительности сборовъ для образованія сельско-хозяйственныхъ капиталовъ. Если исключить отмѣчаемое во всѣхъ описаніяхъ неустройство въ счетоводствѣ по этимъ сборамъ и отсутствіе систематическаго контроля, какъ результатовъ новизны дѣла, и дѣла, носящаго характеръ перваго опыта, тогда, въ общемъ, нельзя не признать целесообразности учрежденія «сельско-хозяйственныхъ общественныхъ капиталовъ» въ Тифлисской губерніи; а результаты десятилѣтняго опыта этого учрежденія, выразившіеся въ составленіи капитала въ 1.340,000 р., съ очевидностью убѣждаютъ въ осуществимости его.

Наче стоитъ дѣло въ отношеніи другой стороны того же «учрежденія», — удовлетворенія тѣхъ назначеній, ради которыхъ проектировано само учрежденіе. Всѣ лица, производившія обслѣдованіе по уѣздамъ, одинакъ во указываютъ на то, что, несмотря на сравнительно продолжительное время взиманія сборовъ, крестьянское населеніе или совсѣмъ не мо-

гло пользоваться «сельско-хозяйственными капиталами», или случившіяся были такъ рѣдки и исключительны, что населеніе сомнѣвалось только въ томъ, что когда-либо осуществятся тѣ хорошія обѣщанія, которыхъ заявлялось передъ введеніемъ этого учрежденія, но дается въ томъ, имѣетъ ли оно какое-либо право на эти его сбереженія.

Какъ видно изъ тѣхъ же отчетныхъ вѣдомостей, за восемь лѣтъ капитала въ 1.126,322 рубля израсходовано на нужды населенія 7,910 руб. Нужно ли прибавлять, что использованіе сельско-хозяйственнаго капитала въ такомъ размѣрѣ, при кругомъ обступающихъ ложныхъ нуждахъ у населенія и при обладаніи уже такими средствами, какія выражаются въ миллионной цифрѣ, равняется полному безразличію къ сельско-хозяйственнымъ капиталамъ? Но это обстоятельство вѣсело всегда поправимое. Опасность, дѣйствительно, серьезная, для этого учрежденія, грозитъ съ иной стороны. «Общественные сельско-хозяйственные капиталы» въ настоящее время находятся внѣ закона и стоятъ въ полной зависимости отъ тѣхъ или другихъ совершенно случайныхъ распоряженій, такъ какъ уставъ этого оригинально задуманнаго учрежденія вотъ семь лѣтъ ожидаетъ того или другого разрѣшенія.

Ив. Веретенниковъ

Друзья русских самородковъ.

(Н. П. Полонскій, Н. С. Лѣсковъ, А. Н. Островскій, гр. Л. Н. Толстой и др.).

„Когда природа возвала меня къ жизни, она ласково сказала мнѣ:

— Милый мой, справляйся самъ, какъ знаешь.
И я справился!

Художникъ Франкоаръ.

Когда юный воспитанникъ Поръ-Рояльскихъ отшельниковъ, застѣнчивый Расинъ читалъ предъ очарованнымъ славой и упоеннымъ богатствомъ Вернадемъ свое первое драматическое произведеніе, то старый поэтъ убѣжденно сказалъ:

— Другъ мой, вы поступите весьма благоразумно, если откажетесь отъ сочиненія трагедій...

Но поставленная чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ «Фебаида» доставила юному автору такой успѣхъ, который не на шутку огорчилъ пресыщеннаго въ похвалахъ старина Борнеля.

А Фонтенель оказался еще болѣе строгимъ судьей, когда Вольтеръ показалъ ему свои первые опыты. Онъ совѣтовалъ молодому писателю даже бросить всякія литературныя занятія.

И всего чрезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же Вольтеръ былъ признанъ важнымъ общественнаго мнѣнія во Франціи.

Старые руководители не сумѣли угадать талантовъ въ юныхъ генияхъ.

Но когда античный историкъ и туристъ, уже сѣдѣвшій Геродотъ читалъ на олимпійскихъ играхъ отрывки изъ своей исторіи, онъ не могъ не замѣтить, что одинъ изъ слушателей, неизвѣстный мальчикъ плакалъ, слушая его правдивые и занимательные рассказы. Тогда Геродотъ подозвалъ родителей этого мальчика и сказалъ имъ:

— Обратите вниманіе на воспитаніе этого ребенка. Его слава будетъ во всей славой и славой всей Греціи.

И этотъ наивный мальчикъ оказался не менѣе знаменитымъ историкомъ. Это былъ Фукидидъ.

Восемнадцатилѣтній Бетховенъ игралъ предъ Моцартомъ одну изъ нѣхъ пьесъ этого мощнаго композитора. Когда послѣ этого юноша маэстро давать ему уроки, Моцартъ не безъ волненія отвѣтилъ — Ступайте! Мнѣ нечему учить васъ...

Старые гении угадали грядущіе таланты въ незамѣтныхъ до того юношахъ.

Развѣ нельзя привести подобныхъ примѣровъ много? Но они скажутъ ничего новаго. Старая, какъ вселенная, истина всегда одна: намъ, что истинный талантъ пробьетъ себѣ дорогу безъ всякихъ помощей. Пусть тяжела будетъ его жизнь, пусть слава постигнетъ его только на могилѣ, но живая искра должна разгорѣться въ яркое живительное пламя и безъ посторонняго содѣйствія будетъ горѣть сама собой. Самыя гениальныя искры не ищутъ. Они сами выходятъ на ясный свѣтъ, когда не въ силахъ жечь и среди громоздкихъ и холодныхъ камней и глыбъ...

Но если для мощнаго таланта не нужно покровительства, просто выдающіеся, а въ особенности самородки, выбивающіеся изъ общаго уровня крестьянской или мѣщанской, нуждаются въ такой поддержкѣ, въ дѣйствіи.

Мы не будемъ говорить о русскихъ самородахъ или самоучкахъ и вспомнимъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, — тѣхъ, на творчество которыхъ имѣло то или другое вліяніе знакомство съ людьми болѣе сильными, привычными и авторитетными судьями въ литературныхъ вопросахъ.

Изъ живущихъ у насъ ненапечатанныхъ еще матеріаловъ о талантахъ особый интересъ представляетъ, на примѣръ, письмо покойнаго Я. П. Попова къ одному семнадцатилѣтнему юношѣ-крестьянину поэту, который послалъ ему на судъ свои стихотворные опыты.

Личность этого молодого русскаго самородка настолько интересна, что мы посвятимъ ему нѣсколько строкъ мы считаемъ не лишнимъ.

Алексѣй Васильевичъ Заборскій, сынъ крестьянина Архангельскаго уѣзда, деревни Новомонастырской, родился 3 октября 1871 года. Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ, помогая семьѣ въ сельскихъ работахъ — боронилъ, сгребалъ сѣно, кололъ дрова, молотилъ, возилъ снопы и т. д. Окончивъ сельскую школу, онъ поступилъ къ мѣстному мировому судѣ; здѣсь онъ присмотрѣлся къ канцелярской работѣ, но между дѣломъ продолжалъ читать. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на четырнадцатилѣтняго мальчика біографія народнаго поэта Кольцова. «Она возбудила во мнѣ, — пишетъ въ своей автобіографіи Заборскій, — желаніе писать стихи. Мечты быть поэтомъ, быть замѣченнымъ, имѣть возможность учиться, примѣръ моего земляка Ломоносова — вали мнѣ покою. Меня тянуло въ Петербургъ или Москву. Получивъ это разрѣшеніе родителей, я въ 1894 г. оставилъ свою службу и, получивъ несколько, скопленными за три года рублями двинулся въ путь. Добравшись до Петербурга мнѣ не удалось... Уже въ Рыбинскѣ у меня

шло въ карманѣ нѣсколько копеекъ. Отсылавъ земляковъ, я при ихъ водѣйствіи поступилъ въ контору къ купцу Н. И. Мыркину, гдѣ нахожусь и по настоящее время. По поступленіи на службу, я сразу же былъ отпращенъ въ контору дѣсопильнаго завода, находящагося по рѣкѣ Шекснѣ въ 20-ти верстахъ отъ Рыбинска. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ я заглушалъ свои давнишнія мечты, отдавшись дѣйствительности. Но это продолжалось недолго. Мечты снова проснулись, съ новой силой... Я сталъ искать выхода изъ своего положенія и, наконецъ, рѣшился обратиться со своими стихотворными опытами къ поэту Я. П. Полонскому. Мысли объ этомъ мнѣ приходили еще на родинѣ...

«Мой кумиръ былъ разбитъ, мои надежды рухнули, мечты ясно стали казаться мнѣ несбыточными. Я мало-по-малу примирился съ мыслью, что призваніе поэта—не мое призваніе. Я смутно чувствовалъ, что должны существовать болѣе возвышенныя цѣли жизни и что жизнь недоступныхъ мнѣ людей высшихъ классовъ должна имѣть какія-нибудь нравственныя основы. Положеніе этой неопредѣленности, смутное желаніе чего-то новаго я пробовалъ выразить въ стихахъ:

Мнѣ хочется плакать,
Мнѣ такъ тяжело!
Искать я стараюсь—
Но гдѣ и чего?..

И вотъ юноша Заборскій случайно приобрѣлъ въ 1898 г. на ярмаркѣ «Философію нравственности». Эта книга произвела полный переворотъ въ душѣ молодого разочарованнаго поэта, и онъ посвятилъ весь свой досугъ самообразованію, по самоучителю изучилъ французскій языкъ, перечитывая массу философскихъ и психологическихъ трактатовъ, и вторая половина его интересной автобіографіи занята толковымъ изложеніемъ его міропониманія, основаннаго на прочитанныхъ философскихъ книгахъ и отчасти на собственныхъ взглядахъ, которые зачастую поражаютъ своей логичностью. Такимъ образомъ, Алексѣй Васильевичъ изъ поэта превратился въ мыслителя; но это произошло, главнымъ образомъ, благодаря сердечному и полному глубокаго смысла письму старика-поэта покойнаго Якова Петровича. Въ этомъ письмѣ настолько ярко выступаетъ мощный и симпатичный образъ Полонскаго, что мы считаемъ весьма интереснымъ привести цѣлкомъ это письмо, тѣмъ болѣе, что оно нигдѣ не напечатано.

«Простите, Алексѣй Васильевичъ, что такъ поздно отвѣчаю вамъ: раньше не могъ. Мѣшала старость, болѣзни, семейныя заботы и разнаго рода невѣсныхъ обстоятельствъ.

Отвѣчаю вамъ въ надеждѣ, что письмо мое будетъ прочтено вами не безъ пользы и заставитъ васъ одуматься. Считаю великимъ грѣхомъ не сказать вамъ правды. Боюсь, что эта правда васъ огорчитъ вмѣсто того, что бы обрадовать, ибо всякая правда, какъ бы ни была она горька, лучше слабой лжи и не разъ была спасительна для тѣхъ, кто еще не погрязъ въ тощемъ собственномъ самолюбіи.

«Если вы когда-нибудь читали жизнь вашего родича, Ломоносова конечно, знаете, что это былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ Ломоносовъ Россіи—хоть онъ и не былъ рожденъ поэтомъ, но первый создалъ русскіе стихи и имѣлъ въ русской литературѣ, на русскій языкъ большое вліяніе.

«Знайте же, что и теперь, чтобы быть поэтомъ, мало имѣть талантъ, надо стоять во главѣ европейской образованности. И Пушкинъ, Гоголь и другіе могли въ подлинникахъ, на иностранныхъ языкахъ читать и изучать лучшія произведенія поэтическаго творчества въ Гете, во Франціи и въ Англіи.

«Поэзія—искусство трудное: труднѣе музыки, труднѣе живописи.

«Я всю жизнь мою учился стихи писать и, сознаюсь, все еще не достигъ отъ желаемого совершенства.

«Но стихи—еще не поэзія. Кто въ наше время стиховъ не пишетъ? Рѣдкій гимназистъ, рѣдкій школьникъ не увлекается стихописаніемъ. Сколько еще тѣхъ несчастныхъ, которые печатаютъ стихи свои въ альманахахъ и газетахъ или издають ихъ отдѣльными книжками! Они несчастны, что никто не вѣритъ ихъ поэтическому призванію, не считаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть поэтъ—учителемъ и пророкомъ, пробудителемъ мысли и духа въ современномъ ему поколѣніи. Печатаютъ, и ни отъ кого не слышатъ ни похвалъ, ни рукоплесканій. Однимъ словомъ, надо быть гениальнымъ, чтобы обратить на себя вниманіе.

«Вамъ же и стихи еще не даются... Вы должны это знать и не надо роптать на судьбу свою. Если, какъ говорятъ, хорошо быть поэтомъ, то быть человѣкомъ еще лучше. Людей, которые не превратились въ животныхъ, людей, сохранившихъ въ себѣ еще образъ и подобіе Бога, вѣрьте, не много.

«Человѣкъ искренно вѣрующій, проникнутый Евангельскимъ ученьемъ честный и трезвый нигдѣ не пропадетъ.

«Не думайте, что есть на свѣтѣ какой-нибудь трудъ или занятіе, которые бы унижали насъ. Всякое честное дѣло—свято, какое бы оно ни было.

«И всякое дѣло, безъ привычки, безъ искренняго желанія все посвятить ему—не легко и, честию своею увѣряю васъ, что бытъ столяромъ, хорошимъ слесаремъ во сто разъ лучше, чѣмъ быть поэтомъ или посредственнымъ поэтомъ.

«Если вамъ противно занятіе въ конторѣ, сдѣлайтесь кустаремъ, возьмите по себѣ ремесло и займитесь имъ, доходите до совершенства, старайтесь работать лучше всѣхъ—и вы почувствуете, что въ хорошей, выточенной или же изящно сдѣланной вещи, въ какомъ-нибудь предметѣ печати, замкѣ и даже въ наперсткѣ больше красоты, больше значенія, чѣмъ въ любомъ стихотвореніи, которое никому ничего не говоритъ и никому не подскажетъ ничего хорошаго.

«Будьте повсюду въ любой работѣ, то-есть вдохновляйтесь трудомъ и ведите его къ совершенству.

«Надѣйтесь, что вещи, вами сдѣланныя, могутъ когда-нибудь появиться на выставкѣ и быть оцѣнены такъ, какъ въ наше прозаическое время не дѣяются стихи, всѣмъ давно надоѣвшіе.

«Не советую вамъ приѣзжать въ Петербургъ: здѣсь на каждое мѣсто, даже на мѣсто курьера или дворника—двадцать кандидатовъ или ждущихъ при первой возможности хлопотать о его замѣщеніи. Бѣдные здѣсь вдвое, втрое чувствуютъ свою безпомощность и свое одиночество, а если случатся деньги, то соблазновъ во сто разъ больше, чѣмъ въ любой губернской городѣ. Плутовъ, пьяницъ, попрошаекъ, развратниковъ и развратителей тоже не малое количество. Въ общество же литераторовъ или ученыхъ, не кончивши университетскихъ курсовъ, ничѣмъ себя, то-есть своихъ способностей, не показавши, и не отличившись ничѣмъ, попасть невозможно;—и совсѣмъ не потому, что вы сынъ крестьянина: это рѣшительно все равно, а потому, что вы по своему образованію или развитію стоите съ ними не на одномъ уровнѣ. Словомъ, Петербургъ—городъ очень тяжелый и взыскательный, и всякій, кто только можетъ изъ него бѣжать куда-нибудь въ степь, въ деревню или на берегъ моря, ждетъ съ нетерпѣніемъ лѣта, чтобы какъ можно скорѣй удрать изъ Питера куда-нибудь на просторъ, на чистый воздухъ, на лоно природы.

«Вамъ всего только семнадцать лѣтъ. Есть еще вамъ время найти для себя подходящее дѣло и къ пожилымъ годамъ скопить себѣ средства или деньги настолько, чтобы жить независимо, никому не дѣлать зла и помогать другимъ, если не деньгами, то хоть добрыми, отъ души высказанными совѣтами.

«Отъ души посылаю вамъ и я мои совѣты.

«Не сердитесь за правду и никогда, ни въ какомъ случаѣ не теряйте своего человѣческаго достоинства.

«Остаюсь желающій вамъ добра

Я. Полонскій.

1894 года, 14 сентября*.

Итакъ, важенъ самъ по себѣ уже тотъ фактъ, что почивавшій на лаврахъ Полонскій такъ внимательно и сердечно отнесся къ молодому, нездѣльному, начинающему поэту и посвятилъ ему большое и глубоко-содержательное письмо-исповѣдь, которое могло бы послужить добрымъ совѣтомъ для многихъ начинающихъ писателей.

Приведемъ еще другой случай.

авѣрное, каждый изъ насъ не разъ слышалъ мелодичную пѣсню «Не бра и меня, родная»; но едва ли многіе знаютъ, что авторъ ея — почти нездѣстный поэтъ-крестьянинъ Алексѣй Ермиловичъ Разореновъ, служившій и приказчикомъ, и лакеемъ, и разнощикомъ; въ послѣдніе годы своей жизни онъ открылъ мелочную овощную лавочку въ Москвѣ. Покойный поэтъ

родился въ 1819 году въ селѣ Маломъ Уваровѣ, Коломенскаго уѣзда и образованіе свое получилъ у мѣстнаго пономаря «по Псалтыри». Писать онъ очень много, не мало и печатался въ разныхъ журналахъ, начиная *Грамотею* и кончая *Радуюю*. Другой поэтъ-крестьянинъ Николай Степаненко такъ характеризуетъ музу покойнаго поэта: «Мелодія полная грусти и тоски, элегичность тона, — вотъ присущіе его мотивы. У Разоренова часто сивозъ слезы пробивается иронія надъ жизнью, но именно та иронія, которая все же даетъ надежду... Вспоминая о прошломъ лѣтъ, поэтъ, напримеръ, говорить:

Не грусти о лѣтъ, —
 Лѣто вновь проснется:
 Только прежней живанью
 Сердце не забьется!...»

Разореновъ умеръ 22 января 1891 года, на 71 году жизни. Начало его писательства относится къ шестидесятымъ годамъ. Со своими стихами Разореновъ обращался кое къ кому изъ писателей, и со многими, жившими въ Москвѣ, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Повидимому, онъ былъ хорошо знакомъ съ Н. С. Лѣсковымъ, потому что въ письмѣ, написанномъ въ 1884 году, послѣдній называетъ его своимъ другомъ. Очень возможно, впрочемъ, что такой эпитетъ объясняется лишь манерой писателя обращаться къ своимъ собратьямъ. Письмо Лѣскова также нигдѣ не появилось въ печати. О его чисто-литературномъ интересѣ говорить не приходится. Поэтому приведемъ его цѣликомъ.

«Только вчера, другъ мой Алексѣй Ермиловичъ, посвятилъ вечерокъ пересмотру вашихъ стиховъ. Есть среди нихъ вещи очень и очень недурныя, но отдѣлывать ихъ вы или не умѣете, или же совсѣмъ не хотите. Такъ писать нельзя. Помните, что основное правило всякаго писателя — передѣлывать, перечеркивать, перемаривать, вставлять, сглаживать и снова передѣлывать... Иначе ничего не выйдетъ. Стихи также, какъ и всякое беллетристическое произведеніе, — не газетная статья, которую можно набирать съ карандашной замѣтки. Не знаю, знакомъ ли вамъ слѣдующій случай изъ жизни нашего историка Карамзина. Когда появились его повѣсти, одинъ изъ тогдашнихъ поэтовъ, Глинна, спросилъ автора: «Откуда у васъ такой дивный слогъ?» — «Все изъ камня, батюшка!» отвѣчалъ Карамзинъ. Тотъ въ недоумѣніи. «Не смѣется ли?» думаетъ. — «А я, видите ли, — отвѣчаетъ, — напишу, переправлю, перепишу, а старое — въ камень. Потомъ подожду денѣка три, опять за передѣлки принимаюсь, снова перепишу, а старое — опять въ камень! Наконецъ, ужъ и передѣлывать нечего: все превосходно. Тогда — въ наборъ». Советую и вамъ поступать такъ же съ вашими стихами. Мысли въ нихъ попадаются хорошія, да форма далъко не всегда литературная. Нынче къ стихамъ строго относятся. Ужъ болъно прѣдълись всѣ эти фигляры, которые предъ публикой наизнанку вывертываются за гривенники и двугривенные. Надо имѣть особенно сильное дарованіе, чтобы стать впереди другихъ, заставить о себѣ говорить. Т: не

деревятые люди, какъ известно, не плодятся, какъ лѣтніе грибы, а по-
вѣляются вѣками. Конечно, въ литературѣ нашей нѣтъ трезвенныхъ словъ.
Вмѣсто руководящей критики, то и дѣло приходится наталкиваться на по-
лемическія статьи бравурно-развязнаго тона, съ потугами и недомолвками,
берущими черезъ край. Одно время у насъ совсѣмъ не было критики, даже
газетныя рецензіи встрѣчались рѣдко. Оно и лучше было. Развѣ можетъ
быть теперь такая здравая критика, которая руководила бы не однихъ начи-
нающихъ писателей, а освѣщала бы путь, давала бы добрые совѣты и
тѣмъ, кто достаточно окрѣпъ на литературной дорогѣ? Въ наше время раз-
гнѣдьяства и шатаній отошли въ вѣчность такія имена какъ Бѣлинскій,
Добролюбовъ, Писаревъ. Теперь люди, которымъ нѣтъ мѣста на поприщѣ
взыщной словесности, взялись за картонные мечи и давай размахивать ими
направо и налево: берегись—расшибу! Это люди, озабоченные собственной
неудачей. Вотъ почему я не совѣтую вамъ слушаться и прислушиваться
къ ивѣнію такихъ горе-критиковъ. Работайте попрежнему, не обращая ни
на кого вниманія. Я не поэтъ, и давать вамъ совѣта не стану. Но если
есть Божья искра, она не потухнетъ. Вотъ мое послѣднее слово.

Истинный вашъ доброжелатель Ник. Лѣсковъ».

Для многихъ можетъ показаться страннымъ, что и Полонскій, и Лѣсковъ
отрицательно отнеслись къ стихамъ поэтовъ-самоучекъ, и очень возможно,
что въ свое время ихъ письма тяжело подѣйствовали на огорченныхъ по-
этовъ. Но иначе они и не могли поступить. Зачѣмъ было лгать и хвалить
малоіе стихи, когда тѣ же самородки могли приложить свои силы къ болѣе
плодотворному дѣлу, что такъ ярко сказалось на Заборскомъ? Такіе отрез-
мяющіе, задушевные совѣты не должны забывать не только скромные
начинающіе поэты, но и многіе изъ писателей уже признанныхъ.

Мы не будемъ приводить многихъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ этой
же области. Припомнимъ только, что Станкевичъ случайно познакомил-
ся на винокуренномъ заводѣ съ прасоломъ Кольцовымъ и впоследствии
ввелъ «пѣвца могучаго простора» въ свой литературный кружокъ, гдѣ въ
судьбѣ поэта приняли участіе Пушкинъ, Бѣлинскій, Жуковскіе и другіе
писатели.

Первыя свои стихотворенія Никитинъ показывалъ профессору словес-
ности въ семинаріи Чехову, который одобрилъ ихъ и совѣтовалъ продол-
жать писать. Но болѣе замѣтный толчокъ ему далъ Н. И. Второвъ, и пер-
вый издатель сочиненій Никитина—извѣстный купецъ, также самородокъ,
В. А. Бокоревъ. А. Н. Майковъ писалъ Никитину:

Знаете ли, что я завидую вамъ? Завидую тому, что васъ воспитала
и кормила сермяжная Русь. Слѣдовательно, вы должны знать ее лучше
не я».

Первымъ судьей стиховъ Сурикова былъ бѣдный чиновникъ, какой-то
Есѣюфонтъ Силычъ. А въ 1862 году Плещеевъ ободрялъ нашего пѣвца
то ч и горя слѣдующими словами:

— У васъ много задушевности, правды и чувства—важныя черты въ поэзіи. Работайте смѣло!

Первый журналъ, примотившій его стихотворенія, былъ *Дѣло*, а за нимъ и *Вѣстникъ Европы* напечаталъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ былинку «Садо». Покойный Б. Т. Солдатенковъ, этотъ истинный другъ просвѣщенія, далъ средства на изданіе стиховъ Сурикова, а затѣмъ больного, уже умиравшаго поэта отправилъ на свой счетъ въ Крымъ.

Интересный рассказъ объ А. Н. Островскомъ находимъ въ автобіографіи драматурга И. А. Бупчинскаго. Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ.

Иванъ Александровичъ Бупчинскій, изъ малороссійскихъ мѣщанъ, родился въ Курскѣ въ 1844 г. Несмотря на то, что въ то время все образованіе въ мѣщанствѣ, да и въ купечествѣ состояло только въ томъ, чтобы научить мальчика читать, писать да считать на счетахъ, отецъ Бупчинскаго понималъ значеніе образованія и отдалъ сына въ приходское, а затѣмъ въ уѣздное училище. Въ тѣ годы, по словамъ Бупчинскаго, въ уѣздномъ училищѣ было всего трое мѣщанъ, около десятка купцовъ, а остальные ученики были все дѣти дворянъ. Окончивъ это училище, онъ продолжалъ свое образованіе, посѣщая вечерніе классы при курской гимназій, гдѣ преподавалась химія, технологія, механика и черченіе машинъ. Одновременно съ этимъ Бупчинскій перечиталъ много популярныхъ книгъ по исторіи и географіи. Но у отца не было средствъ на дальнѣйшее обученіе сына, и въ 1861 году мальчика отвезли въ Харьковъ, гдѣ помѣстили приказчикомъ-молодцомъ въ лавку къ одному купцу. Старшіе приказчики обращались съ мальчикомъ очень дурно, и въ своей автобіографіи Бупчинскій рассказываетъ прямо возмутительные случаи. А когда года черезъ три онъ получилъ отъ своего хозяина разрѣшеніе посѣщать читавшіяся при университетѣ публичныя лекціи по физикѣ, химіи и технологіи, то всѣ приказчики были возмущены такой новостью и въ насмѣшку стали называть его «студентомъ».

Съ ранняго дѣтства Бупчинскій любилъ театръ и живя еще дома устраивалъ для дѣтей представленія маріонетокъ. Въ Харьковѣ онъ написалъ первую пьесу «Надо умереть», напечатанную впоследствии въ I томѣ его сборника «Театръ». Однажды приказчики украли у молодого драматурга-самоучки его рукопись и показали хозяину, который сейчасъ же узналъ себя и всѣхъ приказчиковъ въ выведенныхъ въ пьесѣ герояхъ. Въ результатѣ этой шутки было, конечно, удаленіе со службы, и Бупчинскому пришлось занять мѣсто кондуктора при товарныхъ поѣздахъ. Шесть лѣтъ онъ ѣздилъ и въ лѣтній зной, и въ стужу на площадкахъ вагоновъ, но продолжалъ читать и писать и, наконецъ, рѣшилъ съѣздить въ Москву попытать счастья въ писательствѣ. Здѣсь онъ отнесъ свои опыты къ Гатцуку, въ редакціи другихъ газетъ, къ разнымъ любочнымъ издателямъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существовалъ своими рассказами, очерками и оде-

актными пьесами. Въ 1889 году уже вышло собраніе сочиненій Бупчинскаго, а въ 1896 году появились два тома его бытовыхъ пьесъ, изъ которыхъ четырехактная комедія «И въ рукахъ было, да сплыло», шла на Императорской малой сценѣ. Въ настоящее время больной старикъ Бупчинскій снова переѣхалъ въ Курскъ и теперь готовится къ печати третій томъ своего «Театра».

Въ своей автобіографіи И. А. Бупчинскій рассказываетъ, между прочимъ, о своей бесѣдѣ съ А. Н. Островскимъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. По приѣздѣ въ Москву Бупчинскій выбралъ одну изъ своихъ пьесъ и отдалъ ее на судъ князю І. А. Мещерскому, извѣстному переводчику Мольеровскихъ комедій. Авторъ прочиталъ нѣкоторыя мѣста изъ своей пьесы Мещерскому, который слушалъ чтеніе съ большимъ вниманіемъ и сказалъ, что пьеса, по его мнѣнію, настолько серьезна, что самъ онъ и судить о ней не берется.

— Вы сдѣлаете очень хорошо,—закончилъ князь бесѣду,—если сами же обратитесь къ А. Н. Островскому.

Впрочемъ, въ томъ же году молодому драматургу не удалось повидаться съ Островскимъ по причинамъ, зависѣвшимъ отъ кого угодно, но только не отъ самого Бупчинскаго: пріѣхавъ въ Курскъ, онъ былъ арестованъ по подозрѣнію за участіе въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ и до слѣдствія просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи около двухъ мѣсяцевъ, самъ не зная, за что его посадили. Наконецъ, въ 1879 году ему удалось снова попасть въ Москву и познакомиться съ Островскимъ.

«Когда я,—рассказываетъ въ своей автобіографіи И. А. Бупчинскій,—явился къ Островскому, то онъ, видя предъ собой почтеннаго мужа съ омадистой, уже начинавшей сѣдѣть бородой, сказалъ:

— Вы далеко не юноша. Прочту вамъ принесенное и напрямикъ выскажу свое мнѣніе.

«Насталъ назначенный для вторичнаго свиданія день,—пишетъ Бупчинскій,—и я снова пришелъ къ Островскому. Встрѣчая меня въ этотъ разъ, А. Н. крѣпко пожалъ мнѣ руку и првговорилъ:

— Да вы настоящій писатель! Но только гдѣ же это вы были до сихъ поръ?

«Выслушавъ мою краткую біографію, Островскій продолжалъ, добродушно улыбаясь:

— Поздно однако васъ сажали въ одиночное. Надо бы пораньше. Человѣку даны способности литератора-драматурга, а онъ служитъ приказчикомъ, ѣздитъ кондукторомъ. Конечно, нужда, заботы о завтрашнемъ днѣ онекали васъ отъ серьезной работы, и вы изъ-за насущнаго хлѣба должны были писать все, что могло дать грошевый заработокъ. Но вы временами могли отдѣлывать ваши серьезные бытовые пьесы.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды Бупчинскій опасно заболѣлъ и пробылъ въ постели три мѣсяца. Отсюда онъ вышелъ почти инвалидомъ, разбитымъ и парализованъ. Средствъ у него не было никакихъ, и Бупчинскій жа-

лутся въ автобіографіи, что самое ужасное для него въ это время было то, что онъ не имѣлъ денегъ на извозчиковъ: ему, больному, приходилось съ трудомъ тащиться изъ редакціи въ редакцію. Въ 1886 году Островскій занялъ мѣсто завѣдующаго репертуаромъ Императорскихъ театровъ. Въ нему опять отправился Бупчинскій за совѣтомъ.

— Вы напрасно, — сказала Островскій, — разбиваетесь на мелочи. Занялись бы посерьезнѣе отдѣлкой большихъ пьесъ для Малаго театра.

«Съ радостью взялся я за работу, — заканчиваетъ свои воспоминанія объ Островскомъ Бупчинскій, — увѣренный, что наконецъ-то пришла давно желанная пора, но, увы! Въ томъ же году Александра Николаевича не стало, и мнѣ снова пришлось работать надъ всѣмъ, но не надъ тѣмъ, къ чему лежала душа моя».

«Тѣмъ не менѣе, одну изъ моихъ комедій, написанныхъ еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, я успѣлъ показать Александру Николаевичу незадолго до его смерти. Это была пьеса, поставленная затѣмъ въ Малаго театрѣ, «И въ рукахъ было, да слышно». А. Н. велѣлъ черезъ недѣлю прийти за пьесой».

— Это мои типы, — сказала Островскій, возвращая рукопись, — совсѣмъ мои; только они нѣсколько обновлены временемъ.

«Но я лично съ этимъ несогласенъ, потому что, при всемъ уваженіи къ таланту покойнаго драматурга, я никогда не подражалъ ему, а всегда писалъ съ натуры, пользуясь богатымъ запасомъ наблюдений».

Бъ сожалѣнію, изъ біографіи Бупчинскаго трудно видѣть, какую именно роль въ его литературной судьбѣ сыгралъ Островскій; если бы драматургъ былъ живъ, то навѣрное онъ сталъ бы его ближайшимъ руководителемъ. Но и нѣсколько бодрящихъ словъ, сказанныхъ Островскимъ, заставили Бупчинскаго отнестись къ своимъ пьесамъ и къ ихъ отдѣлкѣ болѣе серьезно. Очень возможно, что его пьесы имѣли бы гораздо больше успѣха, если бы онъ не работалъ почти одновременно съ самимъ Островскимъ.

Теперь приведемъ очень интересные отрывки изъ автобіографіи повстанца В. Д. Ляпунова, на судьбу котораго имѣло важное вліяніе знакомство съ Л. Н. Толстымъ. Но прежде посвятимъ самому Ляпунову нѣсколько строкъ, такъ какъ личность этого самородка достаточно характерна.

Вячеславъ Дмитріевичъ Ляпуновъ — уроженецъ бѣдной деревушки Манаровки, Тульской губерніи; родился онъ въ сентябрѣ 1873 г. «Съ самаго ранняго дѣтства, — рассказываетъ Ляпуновъ въ своей автобіографіи, — олюбилъ я свою родину. Здѣсь, среди чудной сельской природы, впервые пробудились мои желанія, стремленія и все, чѣмъ богато дѣтство каждого изъ насъ. Росъ я, какъ и всѣ деревенскіе мальчики, мои сверстники, и жизнь моя мало чѣмъ разнилась отъ ихъ жизни». Особенное вліяніе на развитіе ребенка имѣлъ дѣдъ его Федоръ, у котораго на тѣнистой пас'ѣ

онъ проводилъ лѣто. Между прочимъ, старикъ выучилъ мальчика токарному ремеслу, которое, какъ увидимъ дальше, пригодилось ему впоследствии какъ нельзя кстати. Отъ этого же дѣда, знавшаго только буквы, но читать не умѣвшаго, мальчикъ получилъ первоначальное знаніе азбуки, а затѣмъ самъ уже научился читать. «Какъ-то отецъ, сидя за чаемъ, прочелъ вслухъ моей матери былинку Алексѣя Толстого «Садко». Съ жадностью я слушалъ чтеніе. Въ воображеніи моемъ проносились картины то страшныя, то смѣшныя. Звучные стихи очаровали меня, и послѣ, сидя на печкѣ, я вахивалъ, подражая отцу, рукой и шепотомъ читалъ оставшіяся въ моей памяти мѣста». Повидимому, это былъ важный моментъ въ жизни будущаго поэта, потому что черезъ нѣсколько дней мальчикъ и самъ попробовалъ написать стихи, а темой выбралъ, конечно, своего дѣда и пасѣку. Въ одиннадцать лѣтъ Вячеслава засадили за учебники. Отецъ училъ его ариметикѣ, мать—молитвамъ и закону Божію. Подъ влияніемъ токарныхъ работъ дѣда, у одиннадцатилѣтняго мальчика развилась страсть къ изобрѣтательству.

Ребенокъ любилъ строить разныя машины. Въ оврагѣ, около пчельника былъ родникъ, на которомъ скоро уже появилась игрушечная трехпоставная мельница съ жерновомъ, толчеей и самотасками. Вскорѣ отецъ потерялъ мѣсто управляющаго въ селѣ Макаровкѣ, семья должна была переехать въ Тулу, чтобы найти какія-нибудь занятія, и въ концѣ-концовъ В. Д. попалъ въ оружейный заводъ токаремъ. Въ свободное отъ занятій время онъ посѣщалъ бібліотеку и познакомился съ образцами русской литературы, причемъ сильное впечатлѣніе произвели на него стихотворенія Никитина и Некрасова. Быть можетъ, подъ этимъ влияніемъ и было написано большое стихотвореніе изъ жизни мастеровыхъ, скоро разошедшееся въ сотняхъ списковъ по рукамъ среди рабочихъ завода. Это была первая слава поэта. Ляпуновъ продолжалъ самообразование, изобрѣлъ какую-то самодвижущуюся машину, учился играть на гитарѣ, на скрипкѣ, на рояли, посѣщалъ театръ, рисовалъ и послѣднимъ даже зарабатывалъ деньги. Рѣшающимъ моментомъ въ жизни Ляпунова было то время, когда онъ познакомился съ сочиненіями Л. Н. Толстого и затѣмъ показалъ великому писателю свои стихотворные опыты.

«И вотъ, осенью 1894 г.,—разсказываетъ въ своей автобіографіи Ляпуновъ,—я отправился въ Ясную Поляну. Но когда я подошелъ къ двумъ наклоннымъ столбамъ, ведущихъ въ усадьбу Толстыхъ, смѣлость покинула меня, и я долго стоялъ въ странномъ мучительномъ состояніи чловѣка, связаннаго слабой волей... Съ пакетомъ, заключавшимъ нѣсколько моихъ стихотвореній, едва побѣждая робость и волненіе, я направился къ дому графа.

Цѣль Николаевичъ былъ въ то время немного нездоровъ, и прислуга на дѣлѣ отказалась не только доложить обо мнѣ, но даже передать мой пакетъ, давъ, однако, совѣтъ стать около крыльца и на счастье подождать. Это было въ концѣ сентября. Шелъ дождь. Промокшій до костей, озяб-

шій, терзаемый страхомъ и сомнѣніемъ, я нѣсколько часовъ до Льва Николаевича.

«Наконецъ, на террасу вышелъ неизвѣстный мнѣ человекъ въ чуйкѣ и вязаной шапочкѣ. Принявъ его за швейцара или за дворя хотѣлъ попробовать подать черезъ него свои стихотворенія графа чуйки слегка распахнулись, сѣдая борода и нижняя часть лица, скрывъ подъ ними, мгновенно измѣнили появившагося человека. Предом ялъ Левъ Николаевичъ.

— Что вы хотите отъ меня?— произнесъ онъ слабымъ, уголосомъ.

Неожиданное появленіе графа смутило меня. Я протянулъ руку котомъ и что-то несвязно объяснилъ.

— Ахъ, какой громадный! Нѣтъ, увольте, положительно описьмами. Не успѣваю прочитывать присланныхъ по почтѣ. Вы зджите на словахъ, что нужно. Еще лучше, когда люди говорятъ къ лицу. Тогда меньше мѣста заднимъ мыслямъ. А когда человекъ говременно заготовить свои слова на бумагѣ, легко можетъ быть

«Я растерялся еще больше и съ трудомъ объяснилъ, что въ стихи и что мнѣ хочется знать мнѣніе о нихъ такого великаго че

«Левъ Николаевичъ слегка улыбнулся.

— Мнѣніе мое о стихахъ вообще такое: человекъ, пишущій и хожъ на спутанную лошадь. И рада бы она бѣжать, да спутанатѣль бы человекъ, пишущій стихи, сказать что-нибудь, но также риемами и ненужными разиѣрами. Охъ, стихи, стихи...—устало жалъ онъ.—Да вѣдь это наводненіе. Меня осаждаютъ ими и просянія. И какая почти всегда бессмыслица, безсодержательныя копипій! Вы кто?

«Я вкратцѣ объяснилъ.

— Отъ души совѣтую вамъ перестать заниматься ими. Идите ревно, работайте. Если есть хорошія мысли, записывайте ихъ, но не стихами.

«Я чувствовалъ, что аудіенція кончена, что промокшая и сфигура моя жалка и смѣшна. Мнѣ было стыдно и больно за надежды. Какъ убитый стоялъ я безъ словъ, безъ движенія.

«Брови Льва Николаевича сдвинулись. Съ минуту онъ пронменя въ упоръ испытующимъ взоромъ, потомъ неожиданно прруку, взялъ мой злополучный пакетъ и вскрылъ его.

— Ну, конечно, избитыя темы... Подражаніе... Некрасовщина, рилъ онъ, не отрывая глазъ отъ рукописи.

«Потомъ онъ углубился въ чтеніе, запахнулъ полы халата и на свамеечку. Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ и дожидался своего говора.

— Идите-ка вы въ павильонъ,—произнесъ онъ вставая, и поменя.—Я скоро тамъ буду.

«Я направился въ небольшой вродѣ бесѣдки домикъ. Черезъ полчаса графъ пришелъ. Большая переѣзна, происшедшая съ нимъ за это время, поразила меня. Это былъ не тотъ дряхлый старецъ, котораго я нѣсколько минутъ тому назадъ видѣлъ на террасѣ, а человекъ полный жизни, силъ и какого-то особеннаго духовнаго вѣянія, которое, какъ извѣстно, придаетъ Льву Николаевичу въ хорошія минуты. Теперь каждый, увидавшій его, сказалъ бы, что это тотъ духовный богатырь, предъ геніемъ котораго преклоняются тысячи лучшихъ людей нашего вѣка.

«Никогда не забуду ни выраженія его лица въ тѣ минуты, ни стальнаго пронизывающаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно добраго взгляда, какъ будто проникающаго туда, въ душу, гдѣ спрятано самое тайное и сокровенное... Мнѣ казалось, что онъ знаетъ меня всего, читаетъ мои мысли. Казалось, что самый дерзкій человекъ не смогъ бы произнести предъ нимъ ни одного слова неправды.

— Вы навѣрное помните эти стихи,—сказалъ Л. Н.— Не можете ли прочесть мнѣ ихъ?

«Онъ быстро подвинулъ мнѣ стулъ, мы сѣли. Я сталъ читать, едва справляясь съ все болѣе и болѣе охватывавшимъ меня волненіемъ. Мнѣ казалось, что все, что я говорю, такъ ничтожно, такъ жалко... Вотъ я проваливаюсь въ какую-то темную неизвѣстность... Бое-какъ дочитавши до конца, я несмѣло взглянулъ на Льва Николаевича.

«Онъ сидѣлъ неподвижно, опутивъ голову. Глаза его были влажны.

— Спасибо,—сказалъ онъ, вставая и съ чувствомъ пожимая мою руку.— Стихи ваши хороши, больше чѣмъ хороши. Признаюсь, они растрогали меня... Должно быть, вы много переживали, сидя за ними? Пишите! Беру назадъ свои слова. Смѣло дѣлитесь съ людьми вашими искренними и правдивыми мыслями. Навѣдывайтесь ко мнѣ въ Ясную. Желаю вамъ всего лучшаго.

«Онъ быстро вышелъ. Долго стоялъ я, пораженный тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. До сей поры свиданіе это составляетъ лучшее воспоминаніе въ моей жизни, и никакія награды и похвалы не могли бы быть для меня выше.

«Вскорѣ послѣ того я опять видѣлся съ Львомъ Николаевичемъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, гуляя по окрестностямъ Ясной Поляны.

— А что вы теперь дѣлаете?—спросилъ онъ меня въ одну изъ нашихъ прогулокъ.

«Я сказалъ, что служу въ Тулѣ на оружейномъ заводѣ.

«Левъ Николаевичъ отнесся къ этому неодобрительно.

— Идите въ деревню, поближе къ своему родному пахарю. Ничего не можетъ быть выше этого труда. Вѣдь всѣ мы какъ-то слякисы и спѣшимы, вообразивъ на эту жалкую и исхудалую клячу и сидимъ на ней неподвижною тяжестью, не замѣчая, что кляча хрипитъ, качается. А мы, чтобы встать и идти дальше, какъ шаловливыя дѣти, просовываемъ передъ

ея мордой вкусный кормъ, до котораго она никогда не дотянется вѣрно, упадетъ отъ изнеможенія, если не освободить ее. Вѣдь безжалостно. О, если бы какой-нибудь сказочный волшебникъ сказъ «Спрашивай. Я дамъ тебѣ все, что захочешь!» Я сказала бы емнѣ таковой воды, которою, если брызнуть на людей, своей чудесн заставила бы всѣхъ ихъ обняться и жить между собой такъ же какъ живутъ братья».

«Немного спустя я переселился въ Ясную Поляну. Это было октября. Семья графа уѣхала уже на зиму въ Москву, а онъ остался въ Ясной до января. Въ это время онъ писалъ стихи и предложилъ мнѣ заняться перепиской. Быть по близости человека, да еще помогать ему, показалось мнѣ верхомъ счастья. Сидя въ комнатѣ, смежной съ его кабинетомъ, я съ удовольствием и интересомъ принялся за работу. Мы жили совершенно одни въ домѣ. Рубили дрова, топили печи, убирали свои комнаты, ставили самоваръ и варили кашу «Геркулесъ». Иногда вечеромъ за чаемъ Николаевичъ просилъ меня поиграть на гитарѣ, и больше всего емнѣ нравились мотивы русскихъ пѣсенъ. Онъ шутилъ, рассказывалъ что интересное; а потомъ опять углублялся въ свою работу, и тогда мертвая тишина водворялась въ домѣ. Во всѣхъ углахъ нашихъ стояли мышеловки, потому что мыши насъ буквально осаждали. По временамъ нарушалась щелканьемъ мышеловки. Тогда мы походили выпускать плѣнниковъ въ сосѣдній лѣсокъ.

— Зачѣмъ лишать ихъ жизни,—говорилъ при этомъ Левъ Львовичъ.—Не нами дана жизнь этому животному. Какое же имѣемъ право отнимать ее?

«По отъѣздѣ графа въ Москву я остался въ Ясной въ должномъ рабочаго, а весной Левъ Львовичъ Толстой предложилъ мнѣ остаться у нихъ въ качествѣ завѣдывающаго. Такъ устроился я въ Ясной. Это было второй важный переворотъ въ моей жизни».

Такимъ образомъ, знакомство Ляпунова съ Толстымъ оказало большое влияние на литературныя занятія молодого поэта. Онъ пишетъ очень много, гораздо больше читаетъ, и обрабатываетъ свои стихи, а единственное стихотвореніе, которое онъ рѣшилъ напечатать, это было «Счастье харь», помещенный вмѣстѣ съ письмомъ Льва Николаевича въ *Мысли* за 1896 годъ.

Предъ нами еще одинъ примѣръ того, какую судьбу имѣло творчество автора-самоучки съ литераторомъ по профессіи. Это—авторъ и поэтъ и задушевнаго стихотворенія «Ты проснись, проснись, Волга-матушка», которое и теперь еще поется по всему волжскому понизовью,—Воронинъ.

Поэтъ-калачникъ Иванъ Григорьевичъ Воронинъ—сынъ государственнаго крестьянина Рязанской губерніи, села Дурнаго. Вслѣдствіе несчастій, на нихъ неурожайныхъ лѣтъ, родители его навсегда покинули род

переселились въ Саратовъ. Отецъ нашего поэта ходилъ первое время на поденщину, а мать торговала крендельками и квасомъ, бродя съ утра до вечера по берегу. Скоро, впрочемъ, отецъ завелъ свой собственный калачный курень, но едва-едва могъ прокармливать этой торговлей свою семью. Бѣдность и гнетущая нужда никогда не покидали большую семью старика Воронина.

Въ школѣ мальчику-Воронину учиться не пришлось, а читать онъ выучился у своего родственника, кантониста, по церковной азбукѣ да *Исаакыри*. Одиннадцати лѣтъ мальчикъ поступилъ въ булочный курень къ одному кушу, гдѣ прожилъ семь лѣтъ въ самой ужасной обстановкѣ, среди пьяныхъ рабочихъ и ночлежниковъ. Недостатки образования Воронинъ пополнялъ чтеніемъ всякихъ книгъ, начиная романами Дюма и кончая традиционными повѣстями о Гуагѣ и Францызѣ Венцманѣ.

«Страсть писать стихи, — рассказываетъ въ своей автобіографіи Воронинъ, — проявилась у меня на 23 году, но еще раньше мнѣ страшно хотѣлось описать безвременную смерть моего брата. Торгуя калачами и имѣя мало досуга для писанія, и большую часть стиховъ писалъ на калачномъ столѣгѣ. Смѣха и оскорбленій за эту страсть я перенесъ много, но явилась благодѣтельная рука и подала мнѣ первую помощь: Н. В. Орловъ, читая мои опыты въ *Саратовскомъ Листкѣ*, заинтересовался узнать меня лично и принялъ во мнѣ участіе».

Тяжелое положеніе поэта-калачника измѣнилось къ лучшему только тогда, когда съ нимъ познакомился Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, сотрудничавшій въ тѣ времена въ саратовскихъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, автобіографія покойнаго Воронина была написана еще до этого знакомства, и рассказъ о встрѣчѣ съ этимъ поэтомъ мы находимъ лишь въ сообщеніи Николая Александровича.

«Въ 1860 году, — рассказываетъ намъ Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, — я случайно услышалъ, что въ Саратовѣ, на толкучемъ рынкѣ, есть юный калачникъ, не болѣе двадцати лѣтъ, который между развѣской продаваемыхъ имъ калачей, урывками пишетъ стихи. Мѣстные семинаристы, читавшіе въ то время съ такимъ жаромъ огненные творенія покойнаго Бѣлинскаго и бредившіе Больцовымъ, близко приняли къ сердцу первыя стихотворныя попытки начинающаго поэта-калачника. Проскользая изъ полуиранныхъ стѣнъ своего воспитательнаго гнѣзда отъ бдительныхъ инспекторскихъ глазъ, въ послѣобѣденные часы, кто что могъ тащилъ изъ книжнаго матеріала юношѣ-калачнику. И вотъ онъ читаетъ съ такимъ же жаромъ разрозненный томъ Бѣлинскаго, и «Громобой» Жуковскаго, и «Мертвыя Души» Гоголя, оставляя въ сторонѣ «Черную женщину» Греча и «Наша Медвѣжья Лапа» и т. п. романическія бредни и похождения.

А его прилавкомъ нерѣдко идутъ горячіе споры юношей, которыхъ книга обдѣлила не только теплымъ пальто, но часто и простымъ крѣпкимъ супомъ, но дала много вѣры въ свѣтлое будущее, любви къ людямъ-братьямъ. Эта горячая молодость если и не рассчитывала закидать нужду

и лишенья своими плохонькими шапками, то такъ съ ней освоилась, сжилась съ жалкой безотрадной колыбельки, что не мѣшала ей честно мыслить, искренно чувствовать и энергично готовиться быть людьми дѣла. То было огневое время надеждъ, упованій, время, породившее въ литературѣ, въ жизни и въ государствѣ много великихъ преобразований. Всякій чувствовалъ въ себѣ нѣчто новое, небывалое, горѣлъ дѣятельностью... Что вышло изъ этого, выражаясь поэтически, *румянаго утра обновлений*, каждый хорошо знаетъ и чувствуетъ самъ въ нашъ *современный полдень*...

«За прилавкомъ калачника Воронина шли споры о разныхъ идеалахъ, прерываемые, то и знай, возгласами: «Эй, малый, дай-ка на семитку калачика!»—«Отвѣсь фунтик!»—«Отпусти полпудина на артель!»... и т. п. Народъ то отходилъ, то подходилъ сюда къ прилавку изъ общей массы рынка, волнуящегося изъ-за грошей и пятаковъ. А тамъ, въ углубленіи, за тѣмъ же прилавкомъ, около кучи калачей, размахивая руками, съ жаромъ разсуждаютъ о субъективномъ и объективномъ въ жизни и литературѣ два юныхъ семинариста.

«Въ одинъ изъ такихъ заурядныхъ дней въ жизни юнаго калачника, тоже въ послѣобѣденное время, къ прилавку медленно придвинулась высокая, типичная фигура въ шинели, и полубасомъ проговорила, окинувши бѣглымъ взглядомъ все общество:

— Гдѣ тутъ Воронинъ?

«Молодой, смуглый, только что съ опускающейся черной бородкой, Воронинъ, выступая впередъ, смѣло проговорила: «Я-съ!»

— Орловъ, Николай Васильевичъ,—рекомендовался подошедшій господинъ.—Слышалъ, братъ, что ты стихи пишешь... Вотъ возымѣлъ желаніе познакомиться и быть тебѣ полезнымъ... Будемъ пріятелями! Отпусти-ка мнѣ и матеріальнаго и духовнаго твоего товарцу, да и самъ заверни попросту, вечеркомъ... Квартира моя вотъ тутъ, недалеко... Тамъ я тебя съ зятемъ познакомлю... малую толику тоже пишеть...

«Товаръ отпущенъ въ видѣ одного мягкаго калача да тетрадки стиховъ. Рослая фигура такъ же медленно, важно отодвинулась и скрылась въ общей массѣ, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ она выдвинулась изъ нея. Съ этого времени началось знакомство Воронина съ семействомъ, гдѣ ему пришлось встрѣтиться съ мѣстной ученой интеллигенціей гимназіи, семинаріи и института, пришлось слышать разные воззрѣнія на произведенія литературы, на жизнь, на общественныя дѣла. Приходилось не разъ уходить ему изъ общества съ пылкими мечтами, съ думами до того опьяняющими, что родная каморка въ грязномъ обжорномъ ряду, и до тѣхъ посѣщепій казавшаяся удушающей, теперь становилась день ото дня несноснѣе и несноснѣе,—особенно, если взять въ расчетъ ничтожный заработокъ. .

«Стихи пишутся съ большимъ и большимъ жаромъ и обработкой. Знакомые сочувствуютъ, а родная среда по обычаю косится, чуть не каждый день ворчатъ:

— Что ты бумагу-то переводишь, да бродишь вонъ по ночамъ по вышымъ тамъ разнымъ знакомымъ. Отъ дѣловъ ты отбиваешься... какой тутъ толкъ будетъ!

«Но благодаря обстоятельствамъ толкъ тутъ является, чтобы показать этой средѣ, что талантъ и энергія могутъ пробить себѣ дорогу. Какъ разъ вскорѣ открывается мѣстная, бѣдненная по своему содержанію, газетка *Саратовскій Справочный Листокъ*, и нѣкоторыя стихотворенія Воронина, съ замѣткой о немъ Орлова, появляются на ея столбцахъ. Пишущій ободранъ, окрыленъ, списываетъ большее количество клочковъ сѣрой бумаги. Но торгашество всетаки тяготитъ Воронина. Ему ясно чувствуется, что въ этой средѣ онъ не въ силахъ будетъ ни самовоспитать, ни самообразовать себя; а потому онъ энергично рвется къ другой, лучшей жизни и дѣятельности.

«Вскорѣ Орловъ позаботился отыскать ему мѣсто по пароходному дѣлу, которое дало большой просторъ его знакомству съ привольскимъ краемъ. Волга съ ея красотами и привольемъ, кипучая береговая дѣятельность на грузовкѣ, выгрузкѣ, распауживаній на меляхъ, нерѣдко гигантская борьба съ бурями, льдомъ, ранней весной и поздней осенью, — все это бодритъ и закаливаетъ энергію молодого выходца изъ тѣснаго куреня на просторъ и прибой торговой дѣятельности одной изъ главныхъ европейскихъ рѣкъ. Это были уроки умѣнья обойтись человѣчно съ владчникомъ и простымъ забитымъ жизнью бурлакомъ, часто своеобразно-бурливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне поддающимся вліянію истинно-сердечной гуманности»...

На этомъ оканчиваются воспоминанія Н. А. Соловьева-Несмѣлова о нашемъ поэтѣ-самородкѣ, стихотворенія и прозаическіе очерки котораго выдержали два изданія: одно въ Казани, другое въ Москвѣ.

Мы привели нѣсколько болѣе характерныхъ разсказовъ о встрѣчахъ писателей-самоучекъ съ извѣстными литераторами по профессіи. Какіе же выводы можно сдѣлать изъ прочитанныхъ разсказовъ? Намъ кажется, что такія встрѣчи, были ли онѣ случайны или нѣтъ, всегда имѣли благотворное вліяніе на самоучекъ. Если писатель, художникъ, артистъ нуждается иногда въ поддержкѣ, въ руководствѣ здоровой критики, въ сочувствіи читателей и зрителей, то во всемъ этомъ подавно нуждается писатель изъ народа, затерявшійся гдѣ-нибудь среди обширныхъ полей и лѣсовъ Россіи.

Какъ мы могли замѣтить, руководители не всегда поощряли писательство самоучекъ: иногда они отрезвляли ихъ своимъ безпощаднымъ приговоромъ. Но во всякомъ случаѣ дать добрый совѣтъ, протянуть руку помощи слабому и неувѣренному въ себѣ писателю-самоучкѣ всегда будетъ добрымъ дѣломъ со стороны писателей по профессіи, которыхъ можно назвать истинными друзьями нашихъ самородковъ.

А. М. Яцимирскій.

Какъ насъ „учили“ въ гимназіи.

(Отрывокъ изъ школьныхъ воспоминаній).

„Чтобы не было и
Достоевскій

Я кончилъ N—скую гимназію въ 1886 году, т.-е. въ пору са-
дѣта», такъ называемый, дяляновской «системы» гимназическаго
образованія. Предлагаемый отрывокъ изъ школьныхъ воспоминаній о т
насъ «воспитывали» и «учили» въ N—ской гимназіи въ срединѣ
дакъ, будетъ, думается намъ, не безъинтересной страничкой при
о «духъ» названной школьной «системы».

Прошло уже дѣльныхъ 15 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я окончилъ
ческую гимназію въ одной изъ центральныхъ губерній Европейской
Кажется, время вполне достаточное для того, чтобы отнестись
спокойно къ тогдашнимъ событіямъ гимназическихъ лѣтъ. Одно
это ни покажется, быть можетъ, страннымъ, собираясь теперь
нѣсколько строгъ воспоминаній изъ своей школьной жизни, я са-
бы переживаю весь тотъ ужасъ, которымъ насъ охватывала въ
годы царившая тогда «система» гимназическаго образованія,—
гнетъ, которому безсердечно подвергали наши молодые организа-
ту нравственную дрессировку, подъ которой росли мы долгіе гим-
годы... И при этомъ—до того глубокой слѣдъ оставила въ душѣ
стема»,—былая горечь къ своимъ «воспитателямъ» снова кипитъ
ди, какъ и 15 лѣтъ тому назадъ... Всмотриваясь теперь въ это
лое, въ обстановку тогдашней своей жизни, удивляешься, какъ т
гимназисты, могли выносить такую жизнь, какъ мы не задохли
дашней атмосферѣ...

Директоромъ былъ у насъ Z., по прозванію «Гарпія». Уже
прозвище, данное ему гимназистами, говоритъ достаточно о томъ
человѣкѣ былъ нашъ директоръ. Слово «гарпія» было заим-
гимназистами у римскаго классика Овидія. Гарпіями у Овидія на-

лицы мерзкой, отвратительной наружности, такую только можно себя представить, — издававшія при этомъ ужаснѣйшій, душлимый запахъ и все поргившія однимъ своимъ прикосновеніемъ. Нужно отдать честь гимназистамъ, прозвище это было дано дириктору Z очень жѣтко: директоръ Гарсія (будемъ такъ называть его) какъ бы созданъ былъ для того, чтобы уродовать и портить дѣтскія и юношескія души, — вытраивать въ нихъ все доброе, гуманное и собственное достоинство и прививать злость, ложь, притворство, рабскую покорность...

Какъ и въ другихъ гимназіяхъ того времени, нашъ директоръ Гарсія былъ въ N—ской гимназіи tout, esmъ. Читая печатающіяся въ настоящее время въ газетахъ и журналахъ многочисленныя статьи о постановкѣ образованія въ средней школѣ, я готовъ утверждать, что въ N—ской гимназіи «система» была культивирована Гарсіей въ наиболѣе чистомъ своемъ видѣ, — съ энергіей и прямолинейностью, достойными лучшаго назначенія. Гарсія не допускалъ даже и мысли, чтобы «система» въ чемъ-либо малѣйшемъ потерѣла ущербъ или была не примѣнена. Онъ былъ истиннымъ хранителемъ традицій «системы», суть которой сводилась не къ тому, чтобы сообщить намъ, гимназистамъ, побольше знаній, чтобы, говоря вообще, насъ образовывать, а къ тому, чтобы «воспитать» изъ насъ людей, не способныхъ «смыслъ свое сужденіе имѣть». Не «система» для учениковъ, какъ бы говорила вся натура Гарсія, а ученики для «системы»...

Обратимся однако къ «мелочамъ» нашей тогдашней гимназической жизни.

Въ аданіи N—ской гимназіи была церковь. Устроена она была для удобства гимназистовъ, которымъ до этого приходилось посѣщать холодный и сырой соборный храмъ. Кажется, что можно имѣть противъ такой цѣли устройства храма? Но посмотрите, въ какую форму, подъ влияніемъ господствовавшей «системы» воспитанія и образованія юношества, вылилось это дѣло.

Прежде всего намъ было объявлено распоряженіе директора, что посѣщеніе церкви съ этихъ поръ становится *обязательнымъ* — подъ угрозой суроваго наказанія до увольненія изъ гимназіи («за вольподумство») включительно. Эта обязательность проводилась до того неумолно, что, напримеръ, директоромъ не возбранялось ученику не прийти въ субботу (или предпраздничный день) въ классъ на уроки, но въ церковь вечеромъ ученикъ обязанъ былъ прийти непременно, что нѣкоторые ученики иногда и практиковали. Это показываетъ насколько элементы «воспитанія», согласно «системѣ», преобладали надъ задачами образованія, т. е. надъ сообщеніемъ учащимъ известной суммы гуманитарныхъ занятій.

Бло въ томъ, что мы, гимназисты, нерѣдко сказывались больными и не ходили въ классъ. Бывало, захочется посидѣть дома — урока ли не пригонъ, книгу ли вдумашь почитать или такъ просто полѣнишься, — во, и пишешь въ гимназію записку: «честь имѣю довести до свѣдѣнія гимназическаго начальства, что сегодня я не могу явиться въ классъ по бо. зни». Подпись: такой-то. Гимназическій врачъ хорошо зналъ о характе-

рѣ «болѣзни» гимназистовъ и обыкновенно не посѣщать больныхъ. Иногда «болѣзнь» вдругъ въ одинъ день въ какомъ-нибудь классѣ принимала «эпидемическій» характеръ: это означало, что въ этотъ день есть какой-нибудь «страшный урокъ». Помню, напримеръ, что, когда я былъ въ седьмомъ классѣ, такимъ урокомъ была греческая грамматика, которой посвящались каждый понедѣльникъ. «Эпидемическія болѣзни» бывали также и въ другихъ классахъ. И въ случаяхъ такой «эпидеміи» врачъ также не посѣщалъ «больныхъ». Такъ что, если ученикъ, дѣйствительно, нуждался въ помощи врача, то на упомянутой запискѣ онъ добавлялъ: «нуждаюсь въ помощи врача».

И директоръ, и другое начальство хорошо все это знали и... «терпѣли». Но не могло начальство терпѣть, чтобы «больной» не явился въ церковь въ богослужебный день. Повидимому, здѣсь какъ будто бы есть противорѣчіе въ дѣйствіяхъ гимназическаго начальства. Но это только такъ кажется,—на самомъ же дѣлѣ тутъ была полная гармонія, полное соотвѣтствіе требованіямъ «системы»: что ученикъ не пойдетъ въ классъ, что онъ пропуститъ много уроковъ,—можетъ быть, важныхъ, серьезныхъ,—что, наконецъ, быть можетъ, потерянное ученикомъ въ этомъ отношеніи останется невосполненнымъ... что за бѣда: «система» подтягиванія и дрессировки въ *известномъ дужѣ* или, выражаясь официальнымъ языкомъ, «система гимназическаго образованія» отъ этого нисколько не пострадаетъ. Напротивъ, такая «поблажка», такое «снисхожденіе» со стороны начальства, быть можетъ, примиритъ того или другого ученика съ этой «системой».

Со мной въ шестомъ и седьмомъ классахъ учился одинъ гимназистъ, который буквально по полугодю (и даже, пожалуй, болѣе) не ходилъ въ классъ (правда, онъ не отличался особеннымъ здоровьемъ, но такихъ «нездоровыхъ» у насъ было много). И однако директоръ Гарпія не только «терпѣлъ» этого ученика, но даже любилъ его. А секретъ этой «любви» былъ очень простъ: хотя ученикъ сей былъ большой бездарностью, не зато онъ никакимъ «вольномудствомъ» не былъ зараженъ: нисколько не кланялся начальству, не «увлекался» чтеніемъ книгъ, не велъ «компрометирующихъ» знакомствъ въ обществѣ и т. д., и т. д.,—однимъ словомъ, былъ «панька», вполне отвѣчавшій требованіямъ «системы»... Вотъ почему и «система» не оставалась передъ нимъ въ долгу: она была къ нему благосклонна...

Совсѣмъ другое дѣло было съ точки зрѣнія «системы», если ученикъ, хотя бы и исправно посѣщалъ уроки и вообще хорошо учился, но мнѣнировалъ своими релігіозными обязанностями: тутъ ужъ «система», въ лицѣ директора Гарпія, тотчасъ же усматривала со стороны ученика нѣ то вродѣ «потрясенія основъ»... системы, вольномысліе и т. п. проявленія характера, нетерпимыя въ стѣнахъ N—ской гимназіи, гдѣ культивировалась достославная «система»...

Итакъ, посѣщеніе церкви, бывшее у насъ раньше добровольнымъ, отъ на-

тлось въ обязательную повинность, которую, какъ и всякія другія требованія «системы», носившія характеръ повинности, *volens-volens*, нужно было исполнять. И не удивительно, если это «исполненіе» часто принимало форму, ничего общаго съ насажденіемъ искренней религіозности не имѣющую... Впрочемъ, нашему «попечительному» начальству, въ сущности говоря, до искренней религіозности было мало дѣла.

Вотъ мнѣ живо припоминается субботній (или предпраздничный) вечеръ. Ровно въ шесть часовъ начинаютъ раздаваться по городу звуки гимназическаго колокола. Уже одинъ этотъ способъ призыва въ храмъ могъ разстроить религіозное, молитвенное настроеніе: это былъ не тотъ «колоколь», который «къ вечернѣ христіанъ зоветъ»,—не тотъ «колоколь», который возвѣщалъ бы намъ, гимназистамъ, «отдыхъ отъ работъ». Нѣтъ... Этотъ колоколь своими однообразными, тонко-пронзительными звуками живо напоминалъ намъ обычный учебный день и возвѣщалъ намъ, что сегодня вечеромъ и завтра утромъ, несмотря на праздничный день, для насъ будетъ тоже подневольная «работа». И, соответственно съ такими чувствами, неволью создавалось обычное для насъ, гимназистовъ, будничное настроеніе, не только не гармонировавшее съ религіознымъ настроеніемъ, но шедшее ему въ разрѣзъ: это обязательное посѣщеніе церкви напоминало намъ обычное наше педагогическое ярмо, которое, какъ всякое ярмо, было тягостно намъ, нашимъ молодымъ силамъ, жаждавшимъ воли и простора...

«Бум... бум... бум...» звенѣлъ гимназическій колокольчикъ. И по улицѣ тихаго городка N. начинали показываться гимназистики въ мундирахъ. (Непримѣнно въ мундирахъ, какая бы жара ни стояла). По приходѣ въ гимназію, насъ звали на переключку, какъ и въ обычное учебное время. Опять-таки и эти «переключки», съ помѣтками надзирателя—«былъ—не былъ», не могли способствовать религіозному настроенію «питомцевъ гимназіи». Нѣкоторые гимназисты, отбывъ «переключку», старались тайкомъ улізнуть домой, и это никогда не встрѣчало неодобренія или легкаго товарищескаго укора, даже со стороны очень религіозныхъ товарищей.

Но вотъ насъ вводили по парѣ въ церковь, гдѣ и становили шеренгами. Обыкновенно «милостивое» начальство дозволяло ученикамъ восьмого класса прислоняться къ стѣнѣ. Но иногда начальство бывало въ гнѣвномъ настроеніи, и тогда восьмиклассники должны были не приближаться къ стѣнѣ больше, какъ на одинъ шагъ.

Наконецъ, начиналось богослуженіе. Но во время богослуженія «заботы» о насъ «попечительнаго» начальства не прекращались: то надзиратель, то инспекторъ, то самъ директоръ или даже священникъ изъ алтара—зорко окидывали насъ глазами: смирно ли мы стоимъ, часто ли крестимся и т. п.? И что же получалось? Весьма многіе гимназисты, изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ директора (повторяю, для насъ все начальство олицетворялось въ директорѣ Гаршинѣ,—этой грозѣ всѣхъ N—свѣтъ и заштовъ), безъ всякаго къ тому внутренняго желанія, учащенно крестились.

стились, особенно когда замѣчали направленное на нихъ око Гаршин. Развивалась та «псевдо-религіозность и показная набожность», о которой такъ вѣрно говоритъ г. Ф. П. въ своей статьѣ (*Миръ Божій*, 1901 г., апрѣль: «Въ вопросу о реформѣ средней школы»).

Но Н—ская гимназія знаетъ явленія еще воть какого рода: представители «системы» въ нашей гимназіи, насаждая религіозность и набожность, совершали при этомъ поступки профанирующаго свойства, что должно было такъ или иначе отражаться на религіозномъ настроеніи гимназистовъ.

Ученики, напримѣръ, были обязаны становиться на колѣни во время пѣнія «Отче нашъ». Вообще же начальство рекомендовало намъ (что было равно для насъ приказанію), чтобы въ отношеніи колѣнопреклоненія слѣдовали примѣру директора: когда онъ колѣнопреклонялся, и мы должны были дѣлать то же самое. При этомъ непременно во время каждаго богослуженія происходила такая сцена: воть хоръ стройно поетъ «Отче нашъ», всѣ гимназисты стоятъ на колѣняхъ, нѣкоторые изъ нихъ усердно и искренно молятся, вообще настроеніе получается религіозно-приподнятое.. И воть въ такой-то моментъ директоръ, самъ стоя на колѣняхъ, вдругъ поглубочивался къ гимназистамъ (онъ всегда становился впереди всѣхъ въ церкви) и своимъ суровымъ, бессердечнымъ взглядомъ (я никогда не забуду этого взгляда... въ немъ было что-то отталкивающее!) окидывалъ всю церковь: не нашлось ли какого «вольнодумца», дерзнувшаго нарушить «порядокъ». Для гимназистовъ старшихъ классовъ было ясно, что здѣсь объ искреннемъ религіозномъ чувствѣ у директора не могло быть и рѣчи: если и въ моментъ, казалось бы, высшаго религіознаго настроенія не забываются приемы «полицейскаго надзора», то кромѣ псевдо-религіозности или даже профанациі тутъ ничего другого нѣтъ. Очевидно, рѣшали мы, что для начальства вовсе не религія важна, а наша покорность ему,— покорность ненужная, бессмысленная... Нельзя было, кажется, придумать болѣе дѣйствительныхъ средствъ, чтобы создать благоприятную почву для развитія религіознаго индифферентизма или даже анти-религіозныхъ чувствъ.

Иногда нѣкоторые гимназисты, стоя во время вечерни въ заднихъ или боковыхъ рядахъ, прислонившись къ стѣнкѣ, дремали. Другіе, идя въ церковь, задавали себѣ какую-нибудь умственную работу, наприм., обдумывали прочтенную книгу или какой-нибудь вопросъ. Я зналъ гимназистовъ изъ старшихъ классовъ, которые, будучи очень религіозными юношами, иногда передъ товарищами бравировали религіознымъ «вольномысліемъ»,— котораго у нихъ и слѣда не было. И дѣлали они это только для того, чтобы такимъ своимъ поведеніемъ въ кругу товарищей показать свое несочувствіе и даже пренебреженіе приказаніямъ начальства въ религіозной сферѣ. И ставъ директоръ требованія—обязательно посѣщать церковь, не требуя отъ учениковъ официальной набожности и религіозности, что приводило къ концѣ концовъ, какъ мы уже видѣли, къ проявленію всего, что угодно, но только не религіозныхъ чувствъ и настроеній, упомянутые гимназисты не попадали бы передъ своими товарищами въ такое фальшивое и безъ

словно нежелательное положеніе, которое способно было только коверкать их нравственную природу.

Минно-религиозныя чувства насаждались въ N-ской гимназій, что называлось, напроломъ: тутъ не щадились—ни дѣтское здоровье, ни дѣтскія силы... Хочется, бывало, побыть предпраздничный вечеръ въ *dolce far niente*—отдохнуть отъ разныхъ зубреній и др. гимназической сиверны. А нѣтъ: тебя шлютъ въ церковь. И какъ, бывало, не хочется идти въ церковь—снова подъ надзоръ «недреманнаго ока» Гарпіи! И вовсе не изъ антирелигознаго чувства, а просто хотѣлось, хоть на нѣсколько часовъ, быть подальше мыслью и тѣломъ отъ гимназій. Конечно, и капля вѣдь долбитъ камень, такъ и «система»: должна же она была рано или поздно оставить на религиозной сторонѣ психики N-скихъ гимназистовъ навѣстный слѣдъ.

И вотъ такимъ-то образомъ мы, можно сказать, не знали воскреснаго отдыха, ибо вечеръ субботы и почти весь полдень воскресенья уходили на обязательное посѣщеніе церкви. Оставалось, значить, немного болѣе обычнаго полдня, въ теченіе котораго должны были быть приготовлены уроки на слѣдующій день. Отдыхать такимъ образомъ въ сущности было никогда.

Отъ примѣненія этой стороны «системы» терпѣли и взрослые гимназисты, и малыши: если первые воспринимали «систему», такъ сказать, психически, то вторые страдали отъ нея прямо физически. Не разъ приходилось бывать свидѣтелями, какъ малыши падали въ церкви въ обморокъ отъ усталости. Однако же, и для нихъ пощады не было: они такъ же, какъ и большіе, обязаны были посѣщать церковь въ установленные дни.

Одно время у насъ былъ прекрасный священникъ о. Владѣмиръ Р—скій (нынѣ покойный). Это былъ хорошій человекъ, ничего общаго не имѣвшій съ меркантизмомъ и формальною набожностью. Онъ былъ противъ обязательнаго посѣщенія учениками церкви, но долженъ былъ подчиняться распоряженіямъ директора Гарпіи. Видя, что ученики утомляются длиннымъ церковнымъ служеніемъ, онъ старался служить обѣдню и вечерню возможно быстрѣе. Но нашему неугомонному церберу «системы» это не нравилось, и онъ не постѣснялся сдѣлать почтенному старику соответственное замѣчаніе: «Вы спрашиваете, — отвѣтилъ Р., — почему я служу скоро обѣдни и вечерни? Да развѣ вы не слышите, какъ мальчики въ первыхъ рядахъ ругаютъ меня за долгое служеніе? Развѣ вы не видите, что у малышей не хватаетъ силъ выстоять длинную службу?». Р—скій продолжалъ служить попрежнему. Смѣнявшій Р—скаго другой священникъ (Р. оставилъ службу по болѣзни) вполне отвѣчалъ требованіямъ «системы» — ея вдохновителя въ нашей гимназій—директора Гарпіи.

Вотъ отмѣченные выше и другіе подобныя приемы насажденія религіозности приводили на практикѣ къ совершенно противоположнымъ результатамъ: мнѣ извѣстно, что мальчики, поступившіе въ гимназійу релігіозно-воспитанными, выходили изъ нея, благодаря такимъ «педагогическимъ» приемамъ, съ совершенно исковерканнымъ религіознымъ чувствомъ.

О рационализмъ тутъ, конечно, нельзя было говорить; здѣсь былъ споръ религиозный индифферентизмъ, но индифферентизмъ *vis generis*—нездороваго свойства, какъ возможная переходная ступень для идейнаго и общественнаго индифферентизма. Вотъ съ этой-то стороны насажденіе псевдо-религиозности въ деляновской средней школѣ и заслуживаетъ,—въ ряду другихъ вопросовъ объ общей постановкѣ средняго образованія,—особеннаго вниманія. Поэтому-то и мы въ своихъ замѣткахъ удѣлили этому вопросу относительно много мѣста.

Изъ всѣхъ педагогическихъ мѣръ «воздѣйствія», практиковавшихся надъ нами, гимназистами, насажденіе официальной религиозности занимало одно изъ первыхъ мѣстъ. Сама по себѣ религія тутъ для нашего начальства была совершенно посторонняя вещь: она была только орудіемъ въ рукахъ «системы». Предполагалось почему-то, что именно путемъ насажденія «религиозности» возможно вышибить изъ «питомца» гимназіи «душу живу»,—и такъ вышибить, чтобы ни теперь, т.-е. во время прохожденія гимназическаго курса, ни послѣ ученикъ не сдѣлался «жертвой вредныхъ ученій». «Чтобы не было идей»,—вотъ какую задачу ставила себѣ «система» въ N—ской, да и въ другихъ гимназіяхъ того времени. А разъ поставлена была такая задача, всѣ средства для ея рѣшенія, съ точки зрѣнія «системы», были одинаково хороши. Любой средневѣковый іезуитъ могъ бы съ завистью посмотреть, какъ въ N—ской гимназіи неуклонно, *sans phrases*, проводился принципъ—«цѣль оправдываетъ средства».

Обратимся теперь къ другимъ сторонамъ N—ской гимназической жизни.

Я уже сказалъ выше, что нашъ директоръ былъ *осьмью*. Онъ былъ, такъ сказать, альфой и омегой всей нашей гимназической жизни. Своєю энергичною и вѣстѣ съ тѣмъ отвратительною фигурою онъ заслонялъ для насъ все наше начальство—отъ младшаго надзирателя до инспектора. Всѣ эти—и надзиратели, и учителя, и инспекторъ—были для него не болѣе, какъ пѣшки: что онъ хотѣлъ, то и дѣлалось въ гимназіи. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ въ жизни, всѣ учителя, за самыми малыми исключеніями, желая угодить своему начальнику, становились сплошь и рядомъ еще болѣе придирчивыми къ ученикамъ, чѣмъ самъ представитель «системы» въ N—ской гимназіи. Они были безукоризненными полицейскими своего шефа, притомъ вполне обезличенными, безъ собственной воли. *Suprema lex directoris* *Harriae voluntas*—вотъ какой принципъ руководилъ дѣятельностью всего педагогическаго персонала N—ской гимназіи и даже инспектора, который, впрочемъ, еще больше боялся своего «коллегий»-директора, чѣмъ любой надзиратель.

Если таково было положеніе учителей, то можете себѣ представитъ, какъ жилось намъ—ученикамъ. Мы прямо боялись встрѣчаться съ директоромъ и на улицѣ, и даже въ коридорѣ гимназіи. Бывало, идеши по улицѣ и, замѣтивъ издали директора, стараешься быстро повернуть гдѣ-либо въ боковую улицу. Этотъ страхъ имѣлъ свой *raison d'être*: межъ ше

встрѣтъ съ директоромъ, меньше и поводовъ для столкновений съ нимъ, а те вѣдь сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе гимназисту, а въ особенности непопулярному, директору ничего не стоило. Послѣдствія же этихъ замѣчаній—мы знали это по опыту—могли быть иногда очень чреваты для гимназиста.

И вотъ мы бѣжали отъ директора, какъ отъ чумы. Пойти къ нему по какому-либо дѣлу,—для этого нужно было имѣть особое мужество. Припомнивая теперь подобные моменты изъ своей тогдашней жизни, приходишь къ мысли, что гимназистъ смѣлѣе рѣшился бы идти въ кабинетъ министра, чѣмъ въ квартиру директора. Мы смотрѣли на свое начальство, какъ на людей, которые только способны намъ вредить, притѣснять насъ, дѣлать намъ неприятности, мучить насъ своимъ полицейскимъ дозоромъ и т. п.

Время директорства Гарпіи было временемъ какого-то ужаснаго педагогическаго деспотизма. Вся «система» гимназическаго образованія была построена на фундаментъ страха, строгости и на преслѣдованіи малѣйшихъ проблемъ сколько-нибудь живой мысли среди гимназистовъ. Запросы на умственное развитіе сурово преслѣдовались. Книга была не въ авантажѣ. Ученикамъ, которые имѣли смѣлость собираться по двое, по трое для чтенія (читались книги разрѣшенныя цензурой), грозило суровое преслѣдованіе, начиная отъ карцера и кончая исключеніемъ изъ гимназій. Стоило вамъ только попасть подъ подозрѣніе по этому пункту (это—своего рода alter ego знаменитаго «третьяго пункта»), и ваша жизнь превращалась въ какую-то каторгу и маягу. Васъ могли подвергнуть «исключительному закону», напр., сократить часы, въ продолженіе которыхъ вы могли отлучаться съ квартиры: глѣбомъ ученія могли быть внѣ квартиры до 9 час. вечера, попадавшій же подъ «исключительный законъ» долженъ былъ находиться на квартирѣ въ 5—6 часовъ и т. п. А въ это время специально на вашу квартиру могъ явиться кто-нибудь изъ начальства, начиная отъ надзира-теля до самого шефа—г. директора. Но этимъ погоня за вами не ограничивалась: разъ вы попали на замѣчаніе за «вольнодумство», все начальство начинало смотрѣть за каждымъ вашимъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ.

Одному моему товарищу С. изъ 7-го класса такъ-таки и не удалось избѣжать грозы. Однажды самъ директоръ нагрянулъ къ нему на квартиру, произвелъ тщательный обыскъ и нашелъ «запрещенныя» книги: одинъ томъ Писарева и одинъ томъ сочиненій Гончарова. Уже и раньше С. помы на замѣчаніе Гарпіи, между прочимъ, потому, что директору не нравилась упрямая наружность С., какъ будто скрывавшая въ себѣ—такъ думалъ съ нашему проницательному директору—какое-то недовольство. Послѣ же обыска, судьба С. была рѣшена. Съ нимъ Гарпія расправился до небывшей варварски: мало того, что онъ былъ исключенъ изъ гимназій, к тому же было еще дано официально знать кому слѣдуетъ, какъ о какомъ-то «опасномъ человѣкѣ». Неправда ли, читатель, прямо невѣроятная

вещь: за чтение Писарева и Гончарова попасть въ разрядъ «потрясателей основъ?» Однако, невѣроятное для простыхъ смертныхъ было болѣе, чѣмъ возможно для такихъ престоавителей «системы», какимъ былъ нашъ досто-почтенный директоръ. Здѣсь будетъ уместнымъ сказать два слова о томъ, дѣйствительно ли С. былъ «потрясателемъ основъ»: черезъ нѣкоторое время С. долженъ былъ отбывать воинскую повинность и впоследствии сдѣлался офицеромъ, причѣмъ отличался своимъ гуманнымъ обращеніемъ съ солдатами, старался улучшить ихъ положеніе, обращалъ вниманіе на обученіе солдатъ грамотѣ и т. п. Все это, конечно, не мѣшало ему быть на хорошахъ счету у своего начальства. И вотъ въ этомъ-то обыкновенномъ культурномъ человѣкѣ представитель «системы» въ N—ской гимназій видѣлъ чуть ли не революціонера!

Съ пишушимъ эти строки тоже чуть-чуть было не стряслась бѣда. Расскажу такой случай.

Былъ темный осенній вечеръ. На дворѣ, кажется, моросилъ дождь. Мы, гимназисты, жившіе на «общей квартирѣ», рассчитывали, что въ такой вечеръ никто къ намъ не заглянетъ. И вотъ я вздумалъ почитать, съ большимъ трудомъ добытый, извѣстный романъ Н. Г. Чернышевскаго «Что дѣлать». Часть романа была печатная—вырѣзки изъ *Современника*, конецъ же романа былъ переписанъ, причѣмъ листки были не слиты. Я сидѣлъ и съ увлеченіемъ читалъ Чернышевскаго, подложивши на всякій случай подъ романъ, помнится, латинскую грамматику Ходобая. Вдругъ—звонокъ. Мы всѣ отъ внезапнаго энергичнаго звука вздрогнули: такъ обыкновенно звонилъ только Гарпія. Я быстро спряталъ подъ пиджакъ печатную часть романа (она была переплетена), писанную же второпяхъ забылъ взять со стола. Входитъ директоръ. Рѣзко отчеканивши «здравствуйте», онъ сѣлъ какъ разъ на мое мѣсто. Мы всѣ смѣло стоимъ передъ нашей группой, будучи увѣрены, что посѣщеніе директора сойдеть благополучно. Я тоже смотрѣлъ героемъ, торжествуя, что успѣлъ спрятать «Что дѣлать». Директоръ сидитъ и, вытирая очки, о чемъ-то насъ спрашиваетъ. Въ этотъ самый моментъ я взглянулъ на столъ и... о, ужасъ!... передъ носомъ Гарпіи лежала писанная часть «Что дѣлать». Меня вдругъ охватилъ какой-то внутренній холодъ и по тѣлу пробѣжала дрожь... Какъ только мой взглядъ упалъ на «Что дѣлать», я, самъ не зная того, что дѣлаю, моментально протянулъ руку къ столу, быстро схватилъ листки «Что дѣлать» и, отойдя немного въ сторону, спряталъ туда же, подъ пиджакъ. Только близорукость директора, да осеннее время спасли меня отъ когтей Гарпіи: если бы онъ въ это время не вытиралъ запотѣвшія очки, моя судьба была бы рѣшена. Возможно, что директоръ думалъ, будто я, порядна ради, убираю со стола ненужныя книги. Когда я затѣмъ посмотрѣлъ на своего сотоварища, исполнявшаго обязанности «старшаго квартиры», то онъ стоялъ блѣдный, какъ полотно,—до того онъ испугался возможности «инцидента»: вѣдь, какъ «старшій квартиры», онъ долженъ былъ отвѣчать за «порядокъ» на квартирѣ. Какъ давно это было... но какъ живо

се помнится!... Вотъ двѣ небольшія комнаты, гдѣ мы всѣ помѣщались, въ ихъ несложной обстановкѣ. Вотъ по срединѣ одной изъ нихъ столъ, гдѣ я съ такимъ увлеченіемъ читалъ я въ тотъ моментъ фантастическія романы Вѣры Павловны и... вдругъ другой «сонъ»—нашествіе Гарпіи и послѣдующія тревоженія, къ моему счастью, благополучно разрешившіяся. Да именно, «къ счастью», потому что за Чернышевскаго Гарпія расправился бы еще почище, чѣмъ за Писарева и Гончарова. Если ты еще живъ, мой досточтимый «воспитатель» и если до тебя дойдутъ эти строки, то, быть можетъ, ты и теперь пожалѣешь о своемъ быломъ «промахѣ»!

Но пускай ужъ товарищъ С., я и намъ подобные гимназисты были «отпѣтый народъ»: любили «побаловаться» книжкой, не сочувствовали «системѣ» и т. п. Но дѣло-то въ томъ, что директоръ усматривалъ «вольный духъ» и тамъ, гдѣ даже его и признака не было. Поводы для этого «усматриванія» требовались не сложные: гордая походка или такая же внѣшняя осанка, приподнятое держаніе головы, нѣсколько болѣе длинные волосы, чѣмъ то полагалось («система» требовала стрижки «подъ барабанъ»), не достаточно-низкіе поклоны при встрѣчѣ съ директоромъ—всѣ эти и другіе подобныя «признаки» были въ глазахъ нашего начальника символомъ «непокорности духа», «вольнодумства» и т. п. «опасныхъ» свойствъ (это опять невѣроятно, читатель, но это опять-таки—фактъ).

И вотъ носителямъ и такимъ признакамъ тоже со мною приходилось отъ Гарпіи, и нужно было пройти нѣкоторому времени (иногда долгому, иногда же до самаго окончанія гимназіи или до ухода изъ нея—вольнаго или невольнаго), чтобы директоръ убѣдился, что данный ученикъ—вполнѣ «вѣрнопопдаанный» своему гимназическому начальству. Но тѣмъ не менѣе и это послѣднее «убѣжденіе» не препятствовало тому, чтобы директоръ и отъ «вѣрнопопданнаго» требовалъ «приличной» внѣшности: и съ внѣшней стороны не должно было быть ничего такого, что дисгармонировало бы съ «духомъ» системы.

Неудивительно, если начальство наше—преимущественно же директоръ Гарпія—пользовалось всеобщей ненавистью старшихъ классовъ. Младшіе гимназисты, также терпѣвшіе гнѣтъ «системы», не могли такъ живо воспринимать этотъ гнѣтъ: у нихъ не было еще тѣхъ сложившихся запросовъ на умственное развитіе, которыхъ такъ не любила «система»,—у нихъ не успѣло еще сколько-нибудь прочно развиться то чувство собственнаго достоинства, та потребность въ извѣстной свободѣ и самостоятельности, которыя такъ присущи молодежи и которыхъ органически не могла терпѣть у себя все та же достославная «система». Поэтому-то мы, ученики старшихъ классовъ, особенно остро чувствовали всю жестокость, все безсердечіе, весь бездушный формализмъ этой, такъ называемой, «системы». Не даромъ же директоръ считалъ нужнымъ особенно зорко смотрѣть именно за «нигтомцами» старшихъ, а не младшихъ классовъ.

Однажды со мной, когда я былъ, кажется, въ шестомъ классѣ, вышло въ какой-то инцидентъ съ директоромъ. Пришлось телеграммой вызвать

за сто слишкомъ верстъ (по грунтовой дорогѣ) старика-отца, что объяснился съ директоромъ. Нашему брату гимназисту опасно было снаться въ объясненія съ Гарпіей, ибо эти «объясненія» легко быть сочтены начальникомъ «за дерзость», и, такимъ образомъ могло кончиться очень плачевно. Зная это, я и телеграфировалъ. Въ счастію, отцу удалось кое-какъ убѣдить директора, что я никакого умысла противъ гимназическаго начальства не питаю. При этомъ мой отцомъ и директоромъ произошелъ разговоръ, характерный «системы»:

— Отчего вы такъ рѣдко навѣщаете своего сына? — спрашиваетъ Гарпія.

— Когда сынъ мой былъ въ младшихъ классахъ, — отвѣчалъ отецъ, — я чаще навѣщалъ его, но теперь, слава Богу, онъ сталъ уже взрослымъ и самъ уже можетъ смотрѣть за собой...

— Вотъ вы и ошибаетесь, милостивый государь: когда дѣти становятся взрослыми, тогда именно и нужно смотрѣть за ними гораздо больше. Взрослые, напр., гимназисты, могутъ увлечься различными неподобающими вещами, книгами, товарищами, знакомыми... Вотъ поэтому за ними нужно присматривать и присматривать...

Приведенные факты, надѣмся, дали возможность читателю болѣе менѣе ясно представить себѣ, какова была жизнь гимназистовъ въ гимназіи во время директорства Гарпіи—этого безусловно виднаго представителя и проводника въ жизнь «системы» гимназическаго образования. Вчера, можно сказать, признававшейся непогрѣшимой святыней, которой не смѣло дотрогиваться никакое орудіе критики. Приведенные факты показали также, насколько «система» преслѣдовала «постороннія» и насколько она состояла, такъ сказать, «на посторонней службѣ».

Чтобы хоть сколько-нибудь исчерпать затронутую тему, я хочу сказать еще одной стороны нашей тогдашней гимназической жизни.

Гимназистамъ, запуганнымъ, искусственно лишеннымъ умственныхъ интересовъ, вѣчно терзаемымъ требованіями «системы», нисколько не связанной съ молодостью, съ ея запросами на теплоту и гуманность воспитанія—что оставалось дѣлать имъ, N—скимъ гимназистамъ, въ существо которыхъ притомъ были приѣзжими, т. е. лишенными общины родной семьей? Чтеніе книгъ считалось «опаснымъ» занятіемъ, творчество не поощрялось, удовольствій также не было никакихъ — притомъ въ N—скѣ совершенно случайный (въ городѣ не было драматическаго театра), былъ почти запретнымъ плодомъ: на драмы, въ насъ вовсе не пускали; признавалось, что «питомцы» не должны «драмъ жизни», ибо это можетъ создать почву для разныхъ «опишечныхъ» недовольствъ... Но и не всякую комедію намъ разрѣшалось смѣяться комедіи съ болѣе или менѣе серьезнымъ и глубокимъ содержаниемъ были неподходящими для гимназистовъ. Что же въ такомъ случаѣ оставалось дѣлать N—скимъ гимназистамъ? Куда дѣть свою молодость

найти выходъ молодымъ силамъ, искавшимъ простора и свободы? И вотъ гимназисты старшихъ классовъ, особенно болѣзненно ощущавшіе, — какъ было объяснено выше, тяготу «системы», бросились въ пьянство, картежную игру и др. грязныя удовольствія. Конечно, не всѣ поголовно пьянствовали и безобразничали: были такіе (единицы, впрочемъ), которые такъ или иначе удовлетворяли своимъ идейнымъ запросамъ; были и такіе, которые являлись натурами инертными и индифферентными, которымъ, говоря по просту, были совсѣмъ безразличны всякіе идейные запросы и удовольствія; общій же тонъ N—ской гимназической жизни составляло именно пьянство и т. п. вещи. Пьянство, напр., до того укоренилось среди гимназистовъ, что сдѣлалось своего рода гимназической традиціей, которая, вмѣстѣ съ ея носителями, переходила даже въ стѣны университета: и тамъ N—скіе гимназисты славились среди другихъ студентовъ своимъ пьянствомъ.

Гимназисты собирались компаніями и, запасшись явствами и питіями (водка, коньякъ, вино и т. п.), отправлялись на лодкѣ куда-нибудь въ лѣсъ или на лугъ, и тамъ, на лонѣ природы, изобильно предавались возмнѣніямъ Бахусу. Посѣщались затѣмъ пивные, бильярдные и др. притоны, гдѣ за игрой въ бильярдъ или въ карты выпивалось несмѣтное число пива и др. напитковъ. Однажды четверо гимназистовъ 8 класса выпили за одинъ присѣсть 24 бутылки пива и потомъ хвалились своимъ «геройствомъ», которое съ интересомъ дебатировалось гимназической публикой.

Директоръ Гарція и его «подручные», конечно, отлично знали, чѣмъ «занимаются N—скіе гимназисты... Конечно, официально пьянство и т. п. не терпѣлось начальствомъ... Но въ то время, какъ принципъ «системы» — «чтобы не было идей» — проводился безжалостно и неуклонно, «непокорные», какъ мы видѣли, подвергались преслѣдованіямъ и, въ концѣ концовъ, даже изгонялись, — въ это время пьянство наказывалось слегка, по отечески, и, кажется, не было ни одного случая, чтобы въ періодъ директорства Гарція въ N—ской гимназій былъ уволенъ кто-нибудь за пьянство*). Вообще же самыя вышуклыя случаи пьянства не наказывались такъ сурово, какъ легкій проступокъ нарушенія «системы», носившій отгѣнокъ «вольномудства» и т. п.

Вмѣсто того, чтобы, развивая и поощряя въ «питомцахъ» гимназій присущія молодежи склонности ко всему хорошему и идейному, тѣмъ самымъ косвенно отвлекать молодежь отъ разныхъ грязныхъ удовольствій, «система» поступала какъ разъ наоборотъ: она усматривала въ идейныхъ влеченіяхъ гимназистовъ опасность для «основъ» и сурово ихъ подавляла. Пьянство же, какъ бы оно ни было нежелательно само по себѣ, даже для «системы», было въ этомъ отношеніи для послѣдней безо-

Въ началѣ 1885—86 академическаго года директоръ Гарція былъ переведенъ на другую же должность изъ N—ской гимназій въ другой городъ, что означало по-
шли на него службы.

паснымъ. И вотъ ради какихъ-то, совершенно постороннихъ школъ, началъ «порядка» насъ калѣчили безобразными «педагогическими» приемами воспитанія и въ то же время смотрѣли сквозь пальцы, какъ гимназисты, подавленные этими «приемами», искали утѣшенія въ пьянствѣ и друг. безобразіяхъ.

Впрочемъ, лично для начальства эти «занятія» гимназистовъ не всегда были безопасны: «вода жизни» придавала рѣшимость и смѣлость... И, дѣйствительно, лѣтописи N—сва хранятъ на своихъ страницахъ случаи избіенія гимназистами особенно ненавидимыхъ учителей, случаи битія стенокъ въ квартирахъ педагогическаго персонала и т. п.

Расскажу здѣсь одинъ случай изъ этой сферы «подвиговъ» N—скихъ гимназистовъ.

Какъ мы уже знаемъ, директоръ Гарпія пользовался особенной ненавистью со стороны гимназистовъ. И вотъ двое изъ «самыхъ отчаянныхъ головъ» рѣшили—ни больше ни меньше—какъ «покончить» съ директоромъ. Планъ былъ задуманъ такой. Директоръ ходилъ въ гости къ одному богатому помѣщику, жившему на самой окраинѣ города,—приблизительно въ верстѣ разстоянія отъ своей квартиры. На этомъ пути находились ровъ, въ одномъ мѣстѣ котораго, возлѣ самой дороги (дорога лежала параллельно рву), былъ устроенъ широкій каменный лотокъ, длиною 15—20 саж., съ почти отвѣснымъ уклономъ, для спуска воды изъ города. Вотъ упомянутые два гимназиста и рѣшили: подвараулить позднею вечеромъ директора, когда онъ будетъ возвращаться домой, и столкнуть его внизъ по этому каменному лотку. Затѣя была очень серьезная и, при удачѣ, неизвѣстно, чѣмъ бы она кончилась для Гарпія: если и не смертью (что, впрочемъ, было возможно), то навѣрное серьезнымъ увѣчьемъ, которое помѣшало бы ему продолжать свою «педагогическую» дѣятельность. Судьба, къ счастью, рѣшила дѣло въ пользу Гарпія: какъ только «система гимназическіе» замѣтили свою «жертву» и хотѣли было схватить ее, въ этотъ самый моментъ Гарпія вдругъ стремительно бросился бѣжать; они—за нимъ въ догонку, но догнать не могли. Передавали, что очень темная ночь спасла Гарпію.

Вотъ до чего доводила «система» своихъ «питомцевъ»!... До уголовщины!... Скажутъ, быть можетъ, что, вѣроятно, эти два гимназиста, независимо отъ «системы», были кандидатами на эту уголовщину. Ничуть не бывало. Правда, они оба не кончили гимназій, но, въ противность только что указанной «вѣроятности», не состоятъ въ рядахъ «пропащихъ людей». Одинъ изъ этихъ «героевъ» въ настоящее время народный учитель въ земской школѣ и, представьте себѣ, «геройскаго» въ гимназическомъ смыслѣ у него теперь не осталось и слѣда: онъ съ глѣбокою любовью преданъ дѣлу народнаго образованія и считается въ т. мѣ земствѣ, гдѣ служитъ, самымъ образцовымъ земскимъ учителемъ. Я скажу больше: пожелать, чтобы всѣ народные учителя были теперь такими учителями, какъ онъ, это значитъ поставить, при настоящихъ у ко-

ныхъ, недостижимый идеаль. Другой «герой» также «остепенился»: онъ въ настоящее время служить техникомъ въ одномъ губернскомъ земствѣ. Какими «измами» онъ не зараженъ, свои обязанности исполняетъ честно и добросовѣстно.

Буда же дѣвались у этихъ обоихъ N—скихъ гимназистовъ были «геройскія» сноровки? Невольно является вопросъ: ужъ не «система» ли виновата въ томъ, что въ гимназическіе годы они «прожигали жизнь», предаваясь пьянству, кутежамъ и др. безобразіямъ? Разъ въ зрѣлые годы они стали въ той или другой степени позезными въ обществѣ людьми, то тѣмъ паче въ юности, — когда всякій человѣкъ настроенъ, такъ сказать, на возвышенный ладъ, — они не оказались бы «прожигателями жизни», если бы только «система» образованія, при которой намъ пришлось жить въ N—ской гимназій, не давила въ своихъ «питомцахъ» всего добраго, возвышеннаго, гуманнаго и не развивала бы, вмѣсто этого, умственнаго индифферентизма, лицемерія и др. подобныхъ «качествъ», — если бы она не практиковала у себя своего рода полицейскаго сыска, который развращалъ и воспитанниковъ, и самихъ воспитателей...

Итакъ, «система» съ *одной* стороны преслѣдовала все, сколько-нибудь напоминавшее идейные запросы, не останавливаясь при этомъ ни передъ какими приемами, съ *другой* — давала возможность развиваться пьянству и др. подобнымъ явленіямъ; съ *одной* стороны, насаждала внѣшнюю набожность и религіозность, низкопоклонство, лицемеріе, безотчетный страхъ и т. п., съ *другой* — подавляла всякую искренность, правдивость, сознание собственнаго достоинства и т. п. Слѣдовательно, вообще говоря, «система» съ *одной* стороны не только потакала дурнымъ инстинктамъ, но и развивала ихъ у своихъ питомцевъ, съ *другой* стороны, подавляла проявленіе у гимназистовъ разныхъ идейныхъ запросовъ, проявленіе потребности въ умственномъ развитіи и т. п.

Въ этой разнитъ отношеній гимназическаго начальства къ тѣмъ и другимъ явленіямъ гимназической жизни — весь смыслъ «системы» и, слѣдовательно, все ея полное банкротство, весь ея общественный минусъ.

Пожелаемъ въ заключеніе этихъ краткихъ замѣтокъ объ N—ской гимназической жизни середины 80-хъ годовъ, чтобы реформированная средняя школа, отбросивъ девизъ — «чтобы не было идей», выставила на знамени своемъ, какъ *conditio sine qua non*, противоположный принципъ: «побольше идей, ни шагу безъ идей». Пожелаемъ, чтобы школа именно способствовала выработкѣ у ея питомцевъ здоровыхъ идей, такъ какъ только идейный человѣкъ можетъ быть серьезнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Пожелаемъ, наконецъ, чтобы педагоги, подобные нашему директору Гарту, были сданы въ архивъ, такъ какъ имъ не можетъ быть мѣста въ (кальво-нибудь) благоустроенной школѣ, ибо они внесутъ и въ новую школу прежній духъ нравственнаго и общественнаго растлѣнія...

І. Дроздовъ.

Сіонизмъ и христіане.

Слишкомъ два тысячелѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ народъ еврейскій лишился своей родины. Много перенесъ онъ горя и страданій въ теченіе этого долгаго періода, но никогда, даже въ минуты величайшихъ бѣдствій и гоненій, его не покидала надежда, что со временемъ онъ вернется на свою прежнюю родину и тамъ возродится для новой, болѣе счастливой жизни. Эти постоянныя мечтанія о Палестинѣ и Сіонѣ, зарождавшіяся вначалѣ исключительно подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній, выражались въ первое время рядомъ смѣлыхъ попытокъ вернуть утраченную родину вооруженной рукой. Прошло много десятковъ и сотенъ лѣтъ. Евреи, разрозненные и разсѣянные по лицу всей земли, живя среди другихъ народовъ, утратили постепенно свой языкъ, обычаи и національный характеръ. Изъ гордой и свободной націи, какими они были нѣкогда, они превратились въ безправныхъ, поработченныхъ людей. Гонимые и преслѣдуемые на каждомъ шагу, лишены почти вездѣ не только политическихъ, но и многихъ гражданскихъ правъ, они дошли въ концѣ-концовъ до такой степени нравственнаго паденія, которая еще болѣе ухудшила и безъ того тяжелое положеніе ихъ. Тогда, наконецъ, оставивъ навсегда мысль о возвращеніи родины силой оружія, народъ еврейскій понялъ, что ему удастся осуществить свою завѣтную мечту только путемъ духовнаго и нравственнаго перерожденія. Такимъ образомъ, его прежніе религіозно-воинственные завѣты смѣнились духовными идеалами, созданными культурной дѣятельностью, которая направлена къ тому, чтобы просвѣтить и перевоспитать одичавшія массы своего народа, поднять ихъ нравственность и пробудить въ нихъ національное самосознаніе и жажду свободы. Дѣятельность эта, то ослабѣвая, то усиливаясь, получила въ послѣднее время названіе *сіонизма*, могучій толчокъ которому данъ былъ въ концѣ 90-хъ гг. на Западѣ д-ромъ Теодоромъ Герцлемъ. Онъ выпустилъ въ это время свою книгу *Der Judenstaat*, въ которой, призывая разрозненное еврейство къ единенію и совмѣстной работѣ для достиженія завѣтной цѣли, рисуетъ въ яркихъ и заманчивыхъ краскахъ восстановленіе свободнаго государства тамъ, гдѣ нѣкогда протекала историческая жизнь евреевъ. Призывъ Герцля

нашею живой отливъ въ сердцахъ многихъ сыновъ изстрадавшагося народа, тотчасъ же примкнувшихъ къ нему и образовавшихъ такимъ образомъ центръ, вокругъ котораго начали группироваться сіонистскіе дѣятели. Впустя какой-нибудь годъ послѣ появленія книги Герцля, весь міръ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго дотогѣ невиданнаго зрѣлища: представители еврейскаго народа изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ странъ земного шара съѣхались въ Базель на первый всемірный конгрессъ, чтобы заявить всему свѣту объ объединенной еврейской націи и о ея стремленіи къ свободѣ и національному возрожденію. На этомъ конгрессѣ была выработана и политическая программа сіонизма, которая легла въ основу дальнѣйшаго развитія его и которая сводится къ приобрѣтенію евреями правовой обезпеченной территоріи (Палестины), гдѣ возможно было бы ихъ дальнѣйшее самостоятельное и національное развитіе. Со времени перваго базельскаго конгресса прошло всего какихъ-нибудь 5 лѣтъ, и въ теченіе этого ничтожнаго промежутка времени сіонизмомъ достигнуто поразительно многое: значительныя массы еврейства различныхъ странъ объединены въ одно цѣлое прочной сіонистской организаціей, во многихъ мѣстахъ открыты реформированныя училища для обученія дѣтей и юношества, учреждены артели для поддержанія сѣдныхъ ремесленниковъ въ городахъ и мѣстечкахъ, основанъ народный банкъ въ Лондонѣ и рѣшено создать національный фондъ, — при помощи всего этого возможно будетъ практически осуществить задачи, теоретически намѣченныя сіонизмомъ. Такимъ образомъ, ни тысячелѣтнія гоненія и преслѣдованія, ни римскій мечъ и пытки инквизиціи, ни накопецъ, поголовныя изгнанія и народные погромы не подорвали жизненной энергіи еврейскаго народа. Какой разительный примѣръ живучести и вѣры въ свое будущее!

Два года тому назадъ нѣкто Emil Kroppenberger издалъ въ Берлинѣ книгу *Zionisten und Christen*, въ которой собралъ мнѣнія о сіонизмѣ наиболѣе выдающихся христіанъ Запада: государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей и т. п. Вопросъ о томъ, какъ относятся къ этому движенію среди еврейства передовые люди Европы, не можетъ не интересовать всякаго образованнаго человѣка, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. Поэтому книга Kroppenberger'a имѣла огромный успѣхъ не только у евреевъ, но и у христіанъ, и разошлась на Западѣ во многихъ тысячахъ экземпляровъ. У насъ въ Россіи она осталась, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстной, и я поэтому задумалъ перевести ее на русскій языкъ, чтобы сдѣлать ее доступной и русской публикѣ. Въ сожалѣнію, осуществить свое намѣреніе мнѣ не удалось, но зато эта книга навела меня на мысль сдѣлать такое же изслѣдованіе относительно сіонизма у насъ въ Россіи. Съ этой цѣлью я разослалъ письма, съ просьбой высказаться о сіонизмѣ, наиболѣе извѣстнымъ нашимъ писателямъ и публицистамъ и почти отъ всѣхъ нихъ получалъ отвѣты, которые теперь намѣренъ сообщить читателямъ. Но раньше я позволю себѣ привести въ

извлеченіи нѣсколько наиболѣе интересныхъ писемъ изъ книги Е. Кнопенбергеръа.

Лордъ Сольсбери, англійскій премьеръ, написалъ по поводу сіонизма слѣдующее:

«У меня не было еще достаточно времени ознакомиться теоретически и практически съ сіонистскимъ движеніемъ. Но ни одинъ разумный человекъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что народъ, перенесшій столько страданій и преслѣдованій, способенъ совершить многое. Сіонизму слѣдуетъ предсказать успѣхъ, несмотря даже на то, что онъ имѣетъ не мало противниковъ. Евреи могли бы создать въ Палестинѣ образцовое государство и поднять торговлю въ центрѣ Малой Азіи на небывалую высоту. Конечно, отъ нихъ самихъ во многомъ зависитъ осуществленіе этой идеи. Успѣхъ сіонизма былъ бы обезпеченъ, если бы къ нему примкнуло хотя бы только 40% евреевъ. Султанъ врядъ ли найдетъ какое-либо основаніе запретить евреямъ образовывать въ Палестинѣ автономное государство. Еврейская нація, съ успѣхомъ сопротивляющаяся 2½ тысячелѣтнему гнету, обладаетъ въ достаточной мѣрѣ терпѣніемъ и выдержкой, чтобы довести до успѣшнаго конца задачи, которая преслѣдуетъ сіонизмъ».

Въ этомъ письмѣ, въ которомъ опытный англійскій государственный дѣятель отзывался такъ тепло и сочувственно о сіонизмѣ, особенно интересно его мнѣніе, что успѣхъ послѣдняго былъ бы обезпеченъ, если бы къ нему примкнуло только 40% евреевъ. Почему Сольсбери устанавливаетъ именно такую цифру, а не меньшую или болѣе большую? Но какъ бы ни было, цифра эта наводитъ на другой чрезвычайно важный вопросъ: каковъ же % евреевъ, уже применившихъ къ нашему движенію? Отвѣтить на него, конечно, очень трудно, хотя это попытались сдѣлать на послѣднемъ базельскомъ конгрессѣ въ декабрѣ минувшаго года делегаты де-Гаазъ (Англія), Коганъ-Бернштейнъ (Россія), Гербертъ (Болгарія), Кесслеръ (Трансвааль) и друг. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности констатировалъ фактъ, что сіонизмъ сдѣлалъ въ его отечествѣ огромные успѣхи, хотя болѣе или менѣе точныхъ цифръ никто изъ нихъ, конечно, представить не могъ. Въ концѣ письма Сольсбери говоритъ, что мы обладаемъ достаточно терпѣніемъ и выдержкой для того, чтобы довести наше дѣло до конца. Мнѣ кажется, что мнѣніе это справедливо только наполовину: терпѣнія у насъ дѣйствительно много; что же касается выдержки, то врядъ ли мы можемъ похвалиться этимъ качествомъ. На такое сомнѣніе наводятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ насъ, которые не успѣютъ сегодня стать сіонистами, какъ завтра уже требуютъ, чтобы имъ дали Палестину...

Другой политическій дѣятель, *Леонъ Буржуа*, слѣдующимъ образомъ отозвался о сіонизмѣ:

«Ассимиляція народовъ—вопросъ еще очень отдаленнаго будущаго. Въ ожиданіи того счастливаго момента, когда она наступитъ, мы видимъ страдающими сотни и тысячи людей. Вѣдь, что тамъ имъ говори—вездѣ и во всемъ на первомъ планѣ стоитъ личное, индивидуальное, общее же, фаз-

лично—это только отвлеченное понятіе. Еврейская нація слишкомъ отличается отъ прочихъ, чтобы слиться съ ними: она имѣетъ свои собственные, ей только одной свойственные достоинства и недостатки. По моему мнѣнію, быть сіонистомъ—значитъ бороться съ антисемитизмомъ, который причиняетъ всѣмъ народамъ еще больше вреда, нежели евреямъ: онъ дѣйствуетъ на нихъ развращающимъ образомъ, подрывая ихъ нравственность и задерживая прогрессъ. Мы видимъ теперь еврейскую націю какъ бы вновь народившейся и громко заявляющей о своемъ существованіи. Она считаетъ въ своей средѣ столько интеллигентныхъ силъ, что отъ нея можно ожидать только обогащенія всеобщей культуры. Благодаря сіонизму, у антисемитовъ будетъ отнятъ объектъ ихъ дѣятельности,—именно, разсѣянный, угнетенный народъ. На основаніи всего этого я привѣтствую сіонизмъ, который заслуживаетъ самаго теплаго участія и вниманія. Отъ евреевъ постоянно требуютъ, чтобы они были космополитами, но при этомъ забываютъ, что для того, чтобы быть космополитомъ, то-есть, для того, чтобы ставить интересы человѣчества выше интересовъ своего отечества, нужно прежде всего имѣть это отечество».

Вотъ прекрасная и вѣрная характеристика антисемитизма, сдѣланная государственнымъ мужемъ, не разъ стоявшимъ у кормила правленія. Дѣйствительно, еще вопросъ, приноситъ ли антисемитизмъ вредъ однимъ только евреямъ. По крайней мѣрѣ всѣмъ извѣстныя событія послѣднихъ лѣтъ во Франціи доказали совершенно противное. По мнѣнію Л. Буржуа, сіонизмъ сводится исключительно къ борьбѣ съ антисемитизмомъ, но авторъ не говоритъ, въ чемъ должна заключаться подобная борьба. Мы, сіонисты, пока понимаемъ ее въ смыслѣ просвѣщенія и нравственнаго развитія нашихъ народныхъ массъ.

Болеславъ Прусъ, извѣстный польскій писатель, откликнулся слѣдующимъ письмомъ:

«Когда сіонисты достигнутъ своей цѣли и извѣстная часть евреевъ уйдетъ въ Палестину, для насъ, христіанъ, наступитъ облегченіе потому, что мы немедленно займемъ тѣ мѣста, которые освободятся послѣ ихъ ухода. Противники сіонизма утверждаютъ, будто Палестина слишкомъ мала для того, чтобы вмѣстить нѣсколько милліоновъ эмигрантовъ. Но да будетъ имъ извѣстно, что въ ней могутъ помѣститься всѣ 7 милліоновъ евреевъ, обитающихъ на всемъ земномъ шарѣ. Съ 1862 г., т.-е. въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ, я вѣрилъ въ возможность ассимиляціи евреевъ, пока я, наконецъ, не убѣдился, что подъ понятіемъ «ассимиляція» кроется нѣчто скроное съ «эликсиромъ вѣчной юности». Но допустимъ, что ассимиляція не есть пустой звукъ, что широкая религіозная терпимость и исчезновеніе расовой борьбы могли бы нѣкогда создать единеніе, даже братство народовъ, живущихъ въ теченіе многихъ столѣтій подлѣ другъ друга. Справедливо ли, что сіонизмъ можетъ помѣшать осуществленію подобнаго идеала? Напротивъ, онъ будетъ только способствовать ему, ибо онъ стремится къ искорененію въ евреяхъ именно тѣхъ недостатковъ, которые

такъ вредить имъ въ глазахъ другихъ народовъ. Евреи въ будущемъ государствѣ своемъ должны устроиться такимъ образомъ, чтобы главная масса ихъ занималась хлѣбопашествомъ, ремеслами и фабричною промышленностью, а торговлей—только незначительная часть: безъ этого не будетъ обеспечено не только ихъ социальное, но и биологическое существованіе, даже въ такой странѣ, какъ Палестина. Сіонизмъ можетъ имѣть на евреевъ, по моему мнѣнію, только самое прекрасное и возвышенное вліяніе».

Пражскій профессоръ А. Масарикъ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Versuch einer konkreten Logik», отвѣтилъ на запросъ о сіонизмѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Мнѣ безусловно симпатично сіонистское движеніе. Я объясняю происхожденіе его требованіями современной жизни и выше всего цѣню въ немъ націонализмъ, въ силу котораго угнетенный еврей не стыдится своей національности. На колонизацію Палестины я смотрю, какъ на частный случай общаго эмиграціоннаго движенія XIX столѣтія. Для еврея, конечно, очень дорога мысль о его древней родинѣ,—и если нѣкоторые изслѣдователи правы, указывая на неудачу колонизаціи Палестины, то это еще нисколько не говоритъ противъ самой идеи ея. Сіонизмъ я понимаю, какъ плодъ умственныхъ воззрѣній евреевъ и какъ слѣдствіе сознанія ими своихъ недостатковъ—словомъ, я вижу въ немъ, такъ сказать, частицу души пророковъ. Мыслящій еврей задумывается надъ несовершенствомъ современной культуры: онъ хочетъ возродиться и долженъ поэтому далеко уйти отъ недостатковъ нашей цивилизаціи. Для этого недостаточно одной только перемѣны среды, въ которой живешь: для этого требуется еще внутреннее перерожденіе, которому должны способствовать и мы, христіане. Клерикальный антисемитизмъ и шовинистскій націонализмъ социологически и политически слѣпы, ибо они не понимаютъ, что все возрастающая осложненность общественной организаціи не только исключаетъ, но, наоборотъ, требуетъ присутствія самостоятельнаго, сознающаго себя еврейства».

Другой ученый, профессоръ богословія Базельскаго университета, Ф. Геманъ, очень подробно отвѣтилъ на предложенный ему вопросъ о сіонизмѣ.

«Сіонизмъ,—писалъ онъ,—открыто заявляетъ о своемъ существованіи и о своихъ чисто націоналистическихъ стремленіяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы возстановить еврейское государство и обновить еврейскій народъ. При этомъ является вопросъ—не вызовутъ ли подобныя стремленія сіонизма неодобренія и даже противодѣйствія со стороны другихъ народовъ? Но мнѣ кажется, что евреи не должны опасаться этого, такъ какъ до сихъ поръ сіонизмъ ни словомъ, ни дѣломъ не утратилъ еще симпатій благородно мыслящихъ христіанъ и ему мы теперь обязаны тѣмъ, что начинаемъ дѣлать разницу между евреями и евреями. Станемъ на общечеловѣческую точку зрѣнія и взглянемъ на сіонизмъ, какъ на обыкновенное историческое явленіе въ жизни одного изъ европейскихъ народовъ. Каково будетъ

аше сужденіе о немъ? Евреи—одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ, существующихъ на земномъ шарѣ. Они отличались высокою степенью культуры еще въ то время, когда другіе народы, стоящіе теперь во главѣ цивилизаціи, находились еще въ примитивномъ, полудиавомъ состояніи. Евреи вывели изъ своей среды христіанское ученіе, повліявшее столь благотворно на развитіе народовъ, и въ исторіи культуры они по праву занимаютъ первое мѣсто наряду съ греками и римлянами. Поэтому, если народъ съ какимъ историческимъ прошлымъ добровольно отказался бы отъ своей національности, то это было бы равносильно національному самоубійству. Такой народъ, какъ еврей, сохранившій, несмотря на всевозможныя неблагоприятныя условія, столько нравственныхъ и умственныхъ силъ и такую жизнеспособность, имѣетъ не только право, но и нравственную обязанность стоять за свои традиціи, бороться за свою національность и быть тѣмъ, кто онъ есть по своей природѣ. Было бы болѣе, чѣмъ недостойно, и даже безнравственно со стороны евреевъ добровольно отказаться отъ подобной борьбы и дать себя поглотить другимъ народамъ. Это было бы тѣмъ болѣе позорно, что народы эти не только не обнаруживаютъ никакого желанія сдѣлаться съ евреями, но даже всячески отрещиваются отъ подобнаго слиянія. Вотъ съ этимъ-то трусливымъ національнымъ самоубійствомъ сіонизмъ и имѣетъ въ виду мужественно и энергично бороться.

«Исторія евреевъ—это почти непрерывная исторія ихъ мученій и страданій. И неужели они перенесли ихъ для того, чтобы въ концѣ-концовъ отказаться отъ своего прошлаго и пожертвовать своею національностью? Въ такомъ случаѣ жаль, что этого не сдѣлали ихъ предки уже двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Но предки эти были благороднѣе и мужественнѣе современныхъ пологнѣй, среди которыхъ далеко не рѣдки субъекты, считающіе для себя величайшимъ несчастіемъ то, что они родились евреями. Если сіонисты, слѣдуя идеализму своихъ предковъ, захотятъ стремиться къ спасенію еврейскаго народа, то они должны сдѣлать это стремленіе цѣлью своей жизни и отдать ему всѣ свои силы. Заслуга ихъ будетъ неизмѣримо велика даже въ томъ случаѣ, если имъ и не удастся возстановить еврейскаго царства въ Палестинѣ, ибо они пробудятъ въ народѣ національное сознаніе и заставятъ его заявить объ этомъ другимъ народамъ. Мнѣ кажется, что сіонизмъ стоитъ именно на томъ пути, который ведетъ къ разрѣшенію этой задачи. Помимо этого, онъ является могучей критической силой среди еврейскаго народа, которому онъ поставилъ ребромъ вопросъ: или сдѣлаться настоящими евреями по духу и образу мысленія, или же отбросить отъ себя еврейство и совершенно отказаться отъ него. Такъ называемые полувреки, то-есть люди, относящіеся индифферентно не только къ религіи, но и къ своей національности и къ самому еврейству, сейчасъ же поняли, что для нихъ наступилъ рѣшительный моментъ опредѣленно высказаться и перейти на одну или другую сторону...

Какова же будущность сіонизма? Удастся ли ему достигнуть своей цѣли? Создастъ ли онъ для несчастнаго, поработеннаго народа

обезпеченное государство въ Палестинѣ? Подобная задача, конечно трудна, но не неосуществима. Изъ исторіи мы знаемъ неоднократно мѣры, когда народы, нѣкогда находившіеся въ рабствѣ и зависимости бивались современемъ свободны и самостоятельны. Спрашивается, же это невозможно для еврейской націи, коль скоро у нея есть достаточно духовныхъ и матеріальныхъ средствъ? Задача сіонизма бы неосуществима, если бы евреи пытались достигнуть своей цѣли оружіемъ и революціей; но они избрали для этого мирный путь, прежде всего на свои собственные силы, а потомъ на сочувствіе и народовъ и державъ. Имъ нужно только соединиться и дружно работать для общаго дѣла, жертвуя для него всею, и тогда ихъ трудъ вѣрное увѣнчается успѣхомъ».

Все это письмо—сплошная проповѣдь въ пользу сіонизма, котораго бы сдѣлать честь любому еврею-сіонисту. Проф. Геманъ совершенно говоря, что сіонизмъ долженъ сыграть роль критической силы, отдѣлать евреевъ, относящихся индифферентно къ своему народу тяготящихся своимъ происхожденіемъ, отъ истинныхъ патриотовъ, готовыхъ дальше дѣлать съ народомъ горе и страданія. Позорно погнать въ своего ближняго, но во сто кратъ позорнѣе оставить, отступить своихъ угнетенныхъ и страдающихъ братьевъ и ничего не сдѣлать для облегченія ихъ тяжелой участи. Задумываются ли надъ этимъ тѣ, такъ легко расстаются со своимъ еврействомъ, иной разъ изъ-за ной чечевичной похлебки?

Перехожу къ письмамъ, полученнымъ мной отъ русскихъ писателей и публицистовъ *).

Первымъ откликнулся на мое предложеніе высказаться о сіонизмѣ *Мордовцевъ*, который прислалъ мнѣ свою статью, раньше напечатанную по этому вопросу въ *Новостяхъ*.

«Если, — писалъ онъ въ этой статьѣ, — вся Европа, какъ бы благодарна за то, что античный эллинскій міръ далъ этой Европѣ свое искусство и плоды твореній великихъ свѣтилъ этого міра, повторяю, Европа пришла на помощь потомкамъ этихъ великихъ людей въ началѣ истекающаго столѣтія и освободила Грецію отъ рабства, то греческій народъ долженъ бы заслуживать большаго къ себѣ сочувствія цивилизованнаго міра. Греки, положимъ, дали намъ дивныя статуи Персея, Аполлоновъ и творенія Платона, Аристотеля, Эврипида, Эсхила, евреи дали намъ нѣчто большее, именно: величайшую изъ книгъ—священную книгу. Евреи же выдѣлили изъ своего богатаго запаса дарами двѣ религіи: мусульманскую и христіанскую. За эти великіе дары, которыми еврейскій народъ обогатилъ весь цивилизованный этотъ міръ обязанъ, рано или поздно, заплатить свой неоплаченный долгъ народу, духовная мощь котораго не изсякла въ теченіе тысячелѣтій».

*) Я излагаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ получилъ ихъ.

вратить ему утраченную имъ родину, безбожно ограбленную насиліемъ. И я глубоко убѣжденъ, что, получивъ обратно въ свое владѣніе всю Палестину, еврейскій народъ, при его необычайной даровитости и поразительной энергіи духа, создастъ могущественное и богатое государство тамъ, гдѣ когда-то кипѣла дѣловая жизнь финиціанъ. И это сбудется, я этому глубоко вѣрю, не погибнетъ тотъ народъ «въ духотѣ», который подъ страшнымъ гнетомъ пронесъ свои идеалы черезъ тысячелѣтія и черезъ рѣки крови».

К. С. Баранцевичъ придерживается совершенно иного взгляда на сіонизмъ.

«Если подъ сіонизмомъ, — пишетъ онъ, — нужно подразумѣвать стремленіе еврейской національности къ объединенію, такъ сказать, къ самозамкнутію въ рамкахъ своей обособленной бытовой жизни, то я лично симпатизировать такому стремленію не могу. Я не говорю исключительно о евреяхъ, но мнѣ кажется, что всякая національность, какова бы она ни была, дѣлаетъ большую ошибку, преслѣдуя такую узкую цѣль. Не обособляться должно человѣчество, а наоборотъ, всѣми способами ассимилироваться, сливаться во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ народностяхъ и вырабатывать тотъ типъ homo sapiens, который не долженъ принадлежать ни къ какой народности, но ко всѣмъ существующимъ вмѣстѣ, не придерживаться какой-нибудь одной религіи, одного какого-нибудь культа, а понимать всё и выработать такую религію, которая скорѣе всего приблизитъ человѣка къ божеству... Народы, какъ и человѣкъ въ отдѣльности, не должны самозамкаться, уходить в сторону общества имъ подобныхъ; наоборотъ, они должны сливаться какъ можно вѣрче и сильнѣе съ другими народностями (въ этомъ и есть ихъ настоящее возрожденіе), бороться съ народными предрасудками, остатками дикой старины, бороться съ природою, со всевозможнымъ насиліемъ и зломъ, откуда бы оно ни шло, совершенствоваться духомъ и тѣломъ, стараться постичь божество и приблизиться къ нему — стать ему равнымъ».

Итакъ, *К. С. Баранцевичъ* заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ ассимиляціи. Начиная съ древнѣйшихъ временъ и до настоящихъ дней, лучшіе и благороднѣйшіе умы человѣческіе не переставали, какъ извѣстно, мечтать о полномъ сліянніи народовъ во едино. Будемъ надѣяться, что когда-нибудь дѣйствительно наступятъ подобныя счастливыя времена, когда «волкъ будетъ мирно пасти съ ягненкомъ» и когда «не будетъ ни эллина, ни іудея». Но пока что, жизнь идетъ неизмѣнно по своимъ законамъ, а г. силу ихъ каждый народъ долженъ пройти опредѣленный путь своего развитія, согласно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ и наклонностямъ. Со сложностью народовъ, обитающихъ на земномъ шарѣ, до извѣстной степени напоминаетъ собою совокупность клѣтокъ, изъ которыхъ состоитъ всякій организмъ. Чѣмъ совершеннѣе послѣдній, тѣмъ большего разнообразія, тѣмъ большей дифференціаціи достигаютъ обыкновенно составныя оція его клѣтки. Но это нисколько, однако, не мѣшаетъ каждой изъ

нихъ быть неотъемлемой частью своего организма и поддерживать моничное существованіе. Нѣчто подобное должно, мнѣ кажется, шаться и въ эволюціи человѣческаго общества. Настануть времени всѣ народы, слившись вмѣстѣ, образуютъ одну семью; но въ это каждый членъ будетъ индивидуализированъ, потому что на всеобщемъ развитіи будетъ отпечатокъ его національности. Если жуть, что ассимиляція есть конечная цѣль, къ которой должно стрѣмиться человѣческое общество, то я отвѣчу, что націонализмъ есть переступень, черезъ которую долженъ перешагнуть каждый изъ народовъ того, чтобы достигнуть этой цѣли. Сознать себя отдѣльной націей для себя своимъ прошлымъ и требующей для себя одинаковыхъ правъ на существованіе и національное развитіе, еще нисколько не значитъ сторониться отъ другихъ народовъ и «самозаклучаться въ своей обособленной жизни». Единеніе народовъ должно выражаться въ стремленіи къ осуществленію общечеловѣческихъ идеаловъ, а этому нисколько не препятствуетъ національное самосознаніе и развитіе, подобно тому, какъ высокое развитіе личности въ общественной и гражданственномъ отношеніи нисколько не мѣшаетъ каждому индивидууму современнаго культурнаго общества быть полезнымъ и дѣятельнымъ членомъ его.

Н. К. Михайловскій отвѣтилъ мнѣ очень коротенькимъ письмомъ.

«Я не имѣю времени,—писалъ онъ,—высказать вамъ свой взглядъ на сіонизмъ въ подробности и могу сказать лишь слѣдующее: мнѣ кажется, что осуществленіе сіонистской задачи потребовало бы такихъ огромныхъ матеріальныхъ средствъ, какихъ никогда не окажется въ наличности. Кажется далѣе, что было бы очень прискорбно, если бы Европа лишила еврейство такого энергическаго и способнаго элемента, каково еврейство».

Такимъ образомъ, *Н. К. Михайловскій* не высказался о сущности сіонистской идеи, а коснулся только осуществимости ея. Мнѣ это кажется потому что именно отъ него я ожидалъ самаго полнаго критическаго сужденія даннаго вопроса, какъ значительнаго явленія въ духовной жизни современнаго общества. *Г. Михайловскій* не вѣритъ въ успѣхъ сіонизма, но неосуществимость задачи ея ставитъ въ зависимость отъ матеріальныхъ средствъ. Но вѣдь возстановленіе еврейскаго государства въ Палестинѣ является не частной инициативой, а общимъ дѣломъ, отъ котораго зависитъ вся дальнѣйшая судьба еврейскаго народа. Не отъ денегъ только, но и отъ сочувствія массъ, сплоченности ихъ и энергіи работы зависитъ осуществленіе подобныхъ замысловъ. «За деньги»,—сказалъ Герцль въ своей рѣчи на 5-мъ сіонистскомъ конгрессѣ въ Базелѣ,—можно найти наемниковъ, народъ же одними матеріальными средствами не можетъ быть поднятъ и воодушевленъ; сдѣлать нѣчто подобное можетъ лишь идея...»

Очень подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла освѣтилъ вопросъ сіонизма *П. Н. Мимоковъ*.

«Принципіально,—пишетъ онъ,—я вполне сочувствую смѣлой идеѣ сіонизма и могу лишь пожелать ему выйти побѣдителемъ изъ тѣхъ серьезныхъ затрудненій и противорѣчій, которыя возникаютъ на его пути при всякой попыткѣ идти впередъ, а не возвращаться назадъ. Самыя эти внутреннія противорѣчія между національно-политическимъ и національно-религіознымъ, культурнымъ и традиціоннымъ элементами вопроса только доказываютъ мнѣ, что сіонизмъ глубоко захватилъ народное сознание и что, даже независимо отъ своей практической задачи, онъ можетъ имѣть сильное и плодотворное вліяніе на подъемъ культурнаго уровня еврейской массы. Если, несмотря на все это, я готовъ прибавить къ сказанному нѣкоторое «но», то лишь потому, что не вижу въ сіонизмѣ *полнаго* и окончательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса. Я боюсь прежде всего, что къ такому разрѣшенію слишкомъ поспѣшно и лицемерно присоединятся всѣ тѣ, для кого «эмансипація евреевъ сводится къ эмансипаціи *отъ* евреевъ», выражаясь знаменитой фразой Маркса. Я боюсь далѣе, что и само еврейство, работая для идеи національной независимости и для своего политическаго будущаго, отвлечется отъ борьбы за свое социальное положеніе въ настоящемъ. Дѣйствуя на почвѣ интернаціональной, принимая за основной принципъ «лояльное» отношеніе къ законодательствамъ отдѣльныхъ странъ, сіонизмъ слишкомъ мало можетъ дать той самой массѣ, нравственное самосознаніе которой онъ хочетъ поднять и для которой измѣненіе законодательства есть насущный вопросъ текущей минуты. Для этой массы и съ этой точки зрѣнія сіонизмъ не столько рѣшаетъ, сколько упраздняетъ вопросъ. Высказавши эти соображенія, не могу не прибавить, впрочемъ, что для очень значительной части массы путь къ національному самосознанію и къ гражданскому правосознанію идетъ до извѣстнаго пункта въ одномъ и томъ же направленіи. Это обстоятельство даетъ возможность и даже налагаетъ обязанность горячо привѣтствовать сіонизмъ даже и со стороны тѣхъ, которые разойдутся съ нимъ въ своихъ конечныхъ цѣляхъ и средствахъ».

П. Н. Милюковъ, конечно, правъ, высказывая опасеніе, какъ бы увлеченіе еврейства политическимъ идеаломъ будущаго не отвлекло его силъ отъ борьбы за социальное положеніе въ настоящемъ. Было бы очень грустно, если бы изъ-за отдаленныхъ задачъ сіонизма были забыты ближайшія насущныя заботы объ улучшеніи матеріальныхъ и экономическихъ условій, среди которыхъ живеть въ настоящее время значительное большинство еврейскихъ массъ. Но къ счастью, можно сказать, что въ дѣйствительности этого нѣтъ. Сіонизмъ заботится не только о поддержкѣ уже существующихъ земледѣльческихъ колоній, но всячески старается организовать и широкую экономическую самопомощь среди народа путемъ устройства артелей, ссудо-сберегательныхъ массъ и т. п. кооперативныхъ обществъ. Но какъ бы важна и существенна ни была подобная дѣятельность сіонизма, она только палліативъ въ рѣшеніи еврейскаго вопроса; и мнѣ же его кроется въ подъемѣ умственнаго и нравственнаго уровня

еврейскихъ массъ, въ приобщеніи ихъ къ общечеловѣческой культурѣ одной стороны, и въ національномъ развитіи ихъ силъ—съ другой именно съ этой точки зрѣнія значеніе сіонизма очень велико и его никто не станетъ. Что же касается политическаго устройства являющагося конечной цѣлью, къ которой стремится сіонизмъ—шественіе его наступитъ тѣмъ раньше, чѣмъ скорѣе и полнѣе шитя ея духовное перерожденіе. Такимъ образомъ, тотъ фундаментъ которомъ сіонизмъ хочетъ воздвигнуть зданіе будущей самостоятельной жизни еврейскаго народа, есть культура, и именно изъ-за нея и борьба между передовымъ и традиціоннымъ элементами сіонистской культуры, которая не ускользнула отъ наблюдательнаго взора политическаго историка. Если задуматься надъ этимъ, то врядъ ли можно будетъ считать его опасеніе и согласиться съ его словами, будто «сіонизмъ слишкомъ мало далъ еврейской массѣ». Напротивъ, именно онъ—онъ, можетъ дать ей все, если только она въ состояніи будетъ захватить и проникнуться его идеей, постигнуть его суть.

К. К. Арсеневъ прислалъ мнѣ нѣсколько строкъ:

«Сіонистское движеніе,—пишетъ онъ,—кажется мнѣ заслуживаетъ сочувствія. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы оно нигдѣ не перешло въ чашу искусственнаго противодѣйствія и задержки».

Это доброе пожеланіе оцѣнить всякій сіонистъ. Но кого собою имѣетъ въ виду г. Арсеневъ, говоря о противодѣйствіи сіонизму: или часть самого еврейства, враждебно настроенную противъ насъ, или же европейскія правительства? Что касается нашихъ противниковъ—евреевъ, принадлежащихъ преимущественно къ ортодоксальному теченію, относительно нихъ мы, сіонисты, можемъ быть спокойны: ихъ враждебное и даже враждебное отношеніе къ намъ обуславливается ихъ взглядомъ, будто сіонизмъ посягаетъ на религіозныя основы еврейства. Настанетъ день—и быть можетъ уже недалекъ онъ, когда они, наши противники, прозрѣютъ и поймутъ то, чего они такъ упорно не хотятъ понять теперь. По крайней мѣрѣ, тѣ успѣхи, которые дѣлаются въ глухихъ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ, даютъ правдивую надежду. Что же касается правительствъ различныхъ державъ—они до сихъ поръ не только не противодѣйствовали намъ, а относились къ нашему движенію дружелюбно и даже покровительственно. Мы полагаемъ поэтому, что такъ же они будутъ относиться къ намъ и в будущемъ, и мало того, мы надѣемся даже, что они придутъ къ намъ на помощь въ нашемъ трудномъ правомъ дѣлѣ.

Съ совершенно своеобразной точки зрѣнія взглянули на сіонизмъ *Короленко* и *М. И. Туганъ-Барановскій*. Письма ихъ въ существенныхъ частяхъ очень сходны между собою, и я поэтому привожу ихъ здѣсь въ одномъ мѣстѣ.

В. Г. Короленко пишетъ:

«Сіонизмъ—мечта несомнѣнно заманчивая, и нельзя, конечно, чувствовать стремленію гоцимаго народа устроить собственное государство».

въ той странѣ, куда и теперь безпрестанно направляются его чувства и воспоминанія. Весь вопросъ, однако, въ практическомъ осуществленіи, а объ этой сторонѣ дѣла, признаюсь, я опредѣленнаго мнѣнія не составилъ. Сколько мнѣ извѣстно, созданію *государства* всегда предшествовало предварительное созданіе *общества* въ данной странѣ. Въ Америку сначала переселились сотни тысячъ народа, а затѣмъ естественно сложились государственныя формы. Въ Африкѣ бурскія республики тоже были сначала обществами колонистовъ. Здѣсь же, сколько мнѣ извѣстно, пришлось бы идти путемъ обратнымъ: сначала выкупить территорію, придумать чисто-раціональнымъ путемъ государственную форму, а затѣмъ уже наполнять ее, такъ сказать, социальнымъ содержаніемъ, призывать колонистовъ, расселять ихъ, подчиняя готовымъ правиламъ. При этомъ придется еще считаться съ нѣкоторой односторонностью социальнаго состава еврейства, въ которомъ теперь всецѣлѣ дѣятельность, такъ сказать, финансовая преобладаетъ надъ другими родами дѣятельности. Все это—затрудненія очень важныя, съ которыми пришлось бы встрѣтиться тотчасъ послѣ того, какъ были бы улажены препятствія международно-политическія. Представляются ли они совершенно неодолимыми—мнѣ, повторяю, неясно, такъ какъ съ этимъ вопросомъ я знакомъ недостаточно».

М. И. Туганъ-Барановскій пишетъ:

«Я отъ всей души сочувствую сіонистскому движенію, какъ протесту противъ того глубоко-возмутительнаго отношенія къ евреямъ, которое господствуетъ въ современномъ обществѣ. Сіонистское движеніе вызываетъ симпатію съ моей стороны также и потому, что я вижу въ немъ проявленіе высокаго идеализма. Правда, ни одно историческое государство не возникало такимъ образомъ, какъ хотѣтъ возстановить древнее еврейское царство сіонисты. Но прошлое не указъ для будущаго; образованіе еврейскаго государства было бы одной изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго духа, какія только извѣстны исторіи. Ибо до настоящаго времени область общественныхъ отношеній была той сферой, передъ которой человѣческая воля почти оставалась бессильна. Общественный строй слагался стихійно, безъ планомѣрнаго воздѣйствія разумной воли большинства. Еврейское государство было бы первымъ государственнымъ организмомъ, созданнымъ волей человѣка—и потому успѣхъ этого дѣла знаменовалъ бы собой наступленіе новой эры всемірной исторіи. Я не вижу причинъ, почему бы дѣло сіонистовъ было абсолютно неосуществимо; но для осуществленія его нужно, конечно, преодолѣть огромныя препятствія. Въ сожалѣнію, я слишкомъ мало знакомъ съ сіонистскимъ движеніемъ, чтобы имѣть какое-либо опредѣленное мнѣніе о томъ, достигнетъ ли движеніе успѣха или нѣтъ. Могу только сказать одно—желаю вамъ этого успѣха отъ всего сердца».

Главнымъ образомъ, оба писателя совершенно независимо другъ отъ друга приходятъ въ томъ, что возстановленіе еврейскаго государства противорѣчитъ бы обычному ходу исторіи. Конечно, созданію государства должно предшествовать созданіе общества: сперва долженъ явиться народъ, какъ

однѣмъ цѣлымъ организмѣмъ, объединенный во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ территоріей, религіей, языкомъ и обычаями, а потомъ уже—та или другая государственная форма, подъ которой онъ устроится въ политическомъ отношеніи. Англійскіе эмигранты въ Сѣверной Америкѣ, равно какъ и голландскіе выходцы въ Южной Африкѣ, должны были сперва организоваться въ отдѣльные народы, и только послѣ этого они устроились политически. Но мы, евреи, хотя и лишились своей родины и утратили свой языкъ и много чертъ національнаго характера, не перестали тѣмъ не менѣе быть отдѣльнымъ народомъ, сохранившимъ свою религію и историческія традиціи, которыя такъ отличаютъ его отъ прочихъ народовъ. Мы не должны, слѣдовательно, предварительно организоваться, прежде чѣмъ принять ту или другую политическую форму. Можетъ явиться вопросъ, способны ли мы вообще къ самостоятельной политической жизни. Но если мы въ теченіе многихъ вѣковъ не затерялись среди другихъ народовъ, не растворились въ нихъ, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія нашего существованія, то развѣ это не доказываетъ, что въ насъ, какъ въ народѣ, настолько сохранилась еще наша индивидуальность и жизненная энергія, что мы можемъ начать новую, вполне самостоятельную жизнь? «Я не вижу причинъ,—говоритъ г. Туганъ-Барановскій,—почему бы дѣло сіонистовъ было абсолютно неосуществимо». Если это говоритъ христіанинъ, человекъ, хоть и сочувствующій намъ, но чуждый Сіону, то какъ же иначе можемъ говорить мы, все прошлое и будущее которыхъ связано съ этимъ Сіономъ?

М. О. Меньшиковъ, бывший годъ тому назадъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ *Недѣли*, высказался о сіонизмѣ такъ:

«Вначалѣ я былъ восхищенъ этой мыслью, то-есть, движеніемъ евреевъ въ Палестину, но теперь склоненъ считать все это утопіей. Евреевъ слишкомъ много—современной опустошенной Палестины ихъ не вмѣститъ, и между ними слишкомъ мало идеалистовъ, чтобы переселиться туда добровольно и составить независимое, могущее отстаивать себя, государство. Палестина, какъ святыня, принадлежитъ къ несчастію для евреевъ, не только имъ, но и христіанамъ, и христіанскій идеализмъ не допуститъ возвращенія Іерусалима народу, распятому Христу. Это возможно будетъ не раньше окончательнаго крушенія христіанства, но къ тому времени, вѣроятно, и Моисеевъ законъ будетъ мертвымъ звукомъ. Евреи, разбѣянные по землѣ не своею, а Божьей волей, имѣютъ новое историческое призваніе, новую судьбу, новое, наконецъ, мировоззрѣніе, новый культъ—и корни ихъ въ новой почвѣ слишкомъ глубоки. Я думаю, и самая раса еврейская настолько переродилась, что древнія условія для нея явились бы не только чуждыми, но можетъ быть и гибельными».

Г. Меньшиковъ, повидимому, не совсѣмъ знакомъ съ даннымъ вопросомъ, если онъ думаетъ, что сіонизмъ имѣетъ въ виду переселить въ Палестину всѣхъ безъ исключенія евреевъ, а не только нѣкоторую часть ихъ, которая не захочетъ или не сумѣетъ жить и дальше такъ, какъ жила до сего поръ. Это развѣ. Во-вторыхъ, совсѣмъ не нужно быть идеалистомъ, и къ

онъ полагаетъ, для того чтобы переселиться въ Палестину, то-есть уйти отъ вѣчныхъ гоненій и преслѣдованій туда, гдѣ можно будетъ жить тихо и спокойно, не завися отъ случайностей и произвола. Наконецъ, говоря, что намъ, евреямъ, предстоитъ новое историческое призваніе, новая судьба, г. Меншиковъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду распространенное мнѣніе, будто еврейство должно сыграть еще свою духовно-просвѣтительную роль по отношенію къ нѣкоторымъ народамъ земного шара. Если бы даже это и было дѣйствительно такъ, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что они должны быть для этого разсыяны по лицу всей земли. Вѣдь греки вліяли нѣкогда духовно и нравственно на весь міръ, совсѣмъ не будучи разсыяны по всему свѣту. Въ заключеніе я долженъ сознаться, что не совсѣмъ понимаю выраженіе г. Меншикова, будто мы «разсыяны не своей, а Божьей волей». Что означаютъ эти слова? Вѣдь становясь на такую точку зрѣнія, можно сказать, что и русскій народъ по волѣ Божьей попалъ много лѣтъ тому назадъ подъ власть татаръ. Неужели же онъ долженъ былъ навсегда подчиниться этому предопредѣленію свыше и нести это иго до настоящихъ дней, совершенно не дѣлая никакихъ попытокъ освободиться отъ него? Вѣдь Божья воля и фатализмъ не одно и то же.

М. М. Филитовъ также скептически относится къ сіонизму.

«Я не вѣрю,—пишетъ онъ,—въ національное возрожденіе евреевъ путемъ сіонизма именно потому, что это движеніе имѣетъ національно-религіозный характеръ. Огромная и наиболѣе культурная масса еврейства живетъ въ Европѣ среди экономическихъ и социальныхъ условій буржуазно-капиталистическаго и пауперистически-пролетарскаго строя. Безспорно, весьма значительный процентъ этой массы состоитъ еще, особенно въ Россіи, изъ ортодоксальнаго еврейства съ его старо-завѣтными воззрѣніями и обрядностью. Но эта косная масса, воспитанная въ духѣ талмудизма, съ каждымъ десятилѣтіемъ, съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ, выдѣляя изъ своихъ ветхо-завѣтныхъ семей молодыя поколѣнія, вполне уже пропитанныя либо буржуазными, либо интеллигентными стремленіями, а чаще всего и тѣми и другими вмѣстѣ. Входя въ русло общественной мысли и морали, эти новыя поколѣнія могутъ порою *идеально* сочувствовать сіонизму, но всѣ ихъ *реальные* интересы, стремленія и идеалы всецѣло привязываютъ ихъ въ томъ или иномъ смыслѣ, положительномъ или отрицательномъ, къ буржуазному, капиталистическому строю, который не только не благопріятенъ національно-религіознымъ движеніямъ, но прямо враждебенъ имъ. Ожидать отъ этой еврейской интеллигенціи за весьма рѣдкими исключеніями чего-либо кромѣ чисто-платоническихъ *разговоровъ* о сіонизмѣ, значитъ, раздѣлять утопизмъ Донъ-Кихота, который мечталъ о восстановленіи имперіи въ окружавшей его мѣщанской средѣ. Но не однѣ отрицательныя стороны буржуазнаго общества, не одна мѣщанская пошлость дѣлаетъ крайне невѣроятнымъ успѣхъ сіонизма: вѣроятности этой противорѣчатъ и всѣ положительныя стороны современности, всѣ лучшія упованія вождя обще-европейской мысли. Не націонализмъ, а интернаціонализмъ, не

мессіанистскія идеи и не мистика, а земные идеалы социальныхъ реформаторовъ—таково наслѣдіе, завѣщанное 19 вѣка начинающемуся 20 столѣтію. Поэтому всякій идеалъ, построенный на религиозно-национальной почвѣ, какъ бы ни были привлекательны его частности, въ общемъ всегда останется реакціоннымъ. Повторяю, всѣ эти доводы ни мало не направлены противъ еврейской колонизаціи, построенной на общихъ началахъ, управляющихъ эмиграціей изъ Европы въ другія части свѣта».

Прежде всего М. М. Филипповъ глубоко ошибается, полагая, будто сіонистское движеніе имѣетъ религиозный характеръ. Уже на первомъ базельскомъ конгрессѣ изъ сіонистской программы были, какъ извѣстно, совершенно исключены всякіе религиозные вопросы, и постановленіе это не было ни разу нарушено во всѣ послѣдующіе годы. Такимъ образомъ, сіонизмъ именно тѣмъ и характеренъ, что затрогивая самыя разнообразныя стороны еврейской жизни, онъ совершенно не касается ни религиозной стороны, ни всего того, что такъ или иначе съ ней связано. Далѣе, почтенный авторъ приходитъ къ неправильному и, какъ мнѣ кажется, общему для нашей молодежи заключенію, сомнѣваясь въ возможности ея активнаго участія въ дѣлѣ сіонизма. По мнѣнію г. Филиппова «реальные интересы, стремленія и идеалы» нашей молодежи всецѣло привязаны къ буржуазно-капиталистическому строю и отъ нея можно ожидать только платоническихъ разговоровъ о сіонизмѣ. Я не имѣю въ виду защищать здѣсь нашу молодежь, которая въ этомъ и не нуждается, но мнѣ хотѣлось бы только спросить М. М. Филиппова, извѣстно ли ему, что ежегодно сотни еврейскихъ молодыхъ людей изъ разныхъ странъ охотно, при первой только возможности, отправляются въ Палестину и тамъ становятся въ ряды колонистовъ-пионеровъ, помогая имъ въ ихъ трудномъ дѣлѣ, обучая и воспитывая ихъ дѣтей и т. д.? Неужели это также платоническіе разговоры о сіонизмѣ и ничего больше? А тѣ молодые люди, которые жертвуютъ здѣсь своимъ временемъ и трудами исключительно изъ желанія способствовать, насколько возможно, духовному просвѣтленію нашихъ массъ и распространенію среди нихъ идеи сіонизма,—развѣ они тоже пропитаны буржуазными стремленіями?

В. А. Голышевъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Мнѣ приходилось много разъ бесѣдовать о еврейскомъ «вопросѣ», т.-е. *народѣ*, съ дорогимъ для меня человекомъ, В. С. Соловьевымъ. Тутъ мы вполне сходились. Меня, какъ русскаго, глубоко возмущаетъ травля евреевъ въ нашей печати (имена извѣстны). Сіонизмъ, по моему мнѣнію, глубоко-симпатичное движеніе, но я не увѣренъ въ его практическомъ осуществленіи. Возвратить націю ея территорію—благородная и справедливая мысль. Возможно ли это въ данномъ случаѣ при турецкомъ режимѣ? Если бы не всѣ евреи, а нѣсколько милліоновъ ихъ прочно устроились въ Палестинѣ,—это было бы, кажется мнѣ, большимъ утѣшеніемъ и серьезной поддержкой евреямъ вообще. Во всякомъ случаѣ я, глубоко сочувствую этому движенію, если интересы *массы*—трудолюбиваго и беднаго еврейскаго народа—получатъ справедливое удовлетвореніе».

В. А. Гольцевъ задается существенно важнымъ вопросомъ, возможно ли осуществленіе сіонистской задачи при современномъ турецкомъ режимѣ? Отъ этого вопроса зависитъ дѣйствительно многое, если не все. Годъ тому назадъ было бы трудно отвѣтить на него, но теперь, послѣ того какъ въ мѣсь минушаго года Герцль побывалъ въ Константинополѣ и дважды былъ принятъ въ аудіенціи султаномъ, на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить болѣе или менѣе опредѣленно. На V базельскомъ конгрессѣ въ декабрѣ минушаго года Герцль заявилъ слѣдующее: «Доброта и сердечность приема, оказаннаго мнѣ султаномъ, преисполнили меня наилучшихъ надеждъ. Изъ всего отношенія ко мнѣ Его Величества я вынесъ убѣжденіе, что въ лицѣ современнаго халифа, еврейскій народъ имѣетъ друга и покровителя. И султанъ разрѣшилъ мнѣ сообщить объ этомъ публично». Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе думать, что со стороны правительственныхъ сферъ Турціи наше движеніе никакого препятствія не встрѣтитъ. В. А. Гольцевъ совершенно правъ, говоря, что устройство хотя бы известной части нашихъ братьевъ въ Палестинѣ было бы большимъ утѣшеніемъ и серьезной поддержкой для евреевъ вообще. Вѣдь этимъ былъ бы сдѣланъ первый шагъ въ этомъ трудномъ и чрезвычайно сложномъ дѣлѣ—дальше оно пошло бы скорѣе и легче.

II. II. Гнѣдичъ принадлежитъ къ лагерю ассимилянтовъ.

«Я неисправимый идеалистъ,—пишетъ онъ,—въ вопросахъ, подобныхъ сіонизму. Я глубоко вѣрю, что рано ли, поздно ли, но наступитъ день, когда придетъ царство Божіе, что не будетъ ни эллина, ни іудея, что будетъ новый Иерусалимъ, въ которомъ храма не будетъ, а всѣ будутъ поклоняться въ духѣ и истинѣ». Сіонизмъ рисуется для меня постольку возможнымъ, постольку возможно созданіе новаго Иерусалима. Герцль и Нордау стоятъ на почвѣ политическаго идеала. Но политическій идеалъ долженъ быть поглощенъ свѣтомъ «духа и истины». Если нѣтъ послѣдняго, то никакіе политическіе и государственные идеалы недостижимы».

Такъ говорить, какъ II. II. Гнѣдичъ, можетъ дѣйствительно только идеалистъ и теоретикъ. Но мы, измученные многолѣтними страданіями, невозможными травлей и преслѣдованіями, не можемъ удовлетвориться подобнымъ идеализмомъ и спокойно ждать, когда наступятъ для насъ счастливыя времена. Мы—живые, чувствующие и мыслящіе люди, мы страдаемъ физически и нравственно, задыхаемся въ томъ тѣсномъ кругу, въ который насильно заключены, намъ хочется перестать, наконецъ, быть отверженными человѣческой семьей, хочется стать полноправными членами ея.

В. Тотоміанъ провелъ очень оригинальную параллель между евреями и армянами:

Судьбы злуполучнаго еврейскаго народа,—пишетъ онъ,—напоминаютъ мнѣ армянскій народъ, который также терпитъ всевозможныя притѣсненія. Но въ то время, какъ армяне оставляютъ въ Турціи свои родныя поля, среди евреевъ возникаетъ сильное движеніе обратно, въ родную Палестину, чтобы упорнымъ и честнымъ трудомъ добиться ея процвѣтанія. Га-

рантій за успѣхъ можетъ служить кооперативный принципъ, положенный въ основу этого труда. Сіонисты поняли большое значеніе коопераціи, въ частности земледѣльческой, и ухватились за нее, какъ за могучее орудіе борьбы съ природой и неблагоприятными общественными условіями. Я, какъ армянинъ, могу пожалѣть о центробѣжномъ движеніи армянъ, а какъ кооператоръ—порадоваться за кооперацію, къ которой уже прибѣгла умнѣйшая нація въ мірѣ».

Это задушевное письмо полно не только сочувствія намъ, но и скорби патриота по поводу тѣхъ притѣсненій, которыя приходится переживать его родному народу. Но какъ ни тяжело живется армянамъ, ихъ должна утѣшать мысль, что имъ сочувствуетъ весь христіанскій міръ, который рано или поздно рѣшитъ такъ называемый «армянскій» вопросъ, такъ же, какъ онъ рѣшилъ уже греческій и другіе вопросы. Всякое гоненіе на армянъ въ Турціи тотчасъ же вызываетъ сильнѣйшее негодованіе почти во всемъ европейскомъ обществѣ противъ ихъ притѣснителей, и послѣдніе должны съ нимъ считаться... Между тѣмъ, когда притѣсняютъ и бьютъ насъ, евреевъ, за насъ заступиться некому, ибо мы для всѣхъ чужіе!...

Д. Ф. Мельшицъ высказался о сіонизмѣ такъ:

«Въ практическую возможность основанія въ Палестинѣ небольшого ново-еврейскаго царства я готовъ вѣрить. Думаю, что сами европейскія правительства, несмотря на весь свой антисемитизмъ (или вѣрнѣе—благодаря ему), окажутъ евреямъ дѣятельную помощь въ осуществленіи ихъ плана, въ надеждѣ отвязаться такимъ образомъ отъ ненавистной части населенія. Боятся еврейскаго царства имъ нечего, какъ слишкомъ ничтожной величины; къ тому же, если царство такое и устроится, то, конечно, подъ суверенитетомъ державъ, и самая конституція его будетъ ими же выработана и одобрена. Мнѣ даже кажется, что державамъ было бы выгодно создать нейтральное (вродѣ Бельгіи или Швейцаріи) государство на восточномъ побережьи Средиземнаго моря, имѣющемъ, повидимому, огромную промышленную будущность. Но въ этомъ-то именно обстоятельствѣ, что Европа *не можетъ* евреямъ основываться въ Палестинѣ, я и вижу главное зло. Евреи *всю* міра, конечно, не въ состояніи туда переселиться (лѣтъ черезъ 30—50, когда можетъ осуществиться мечта сіонизма, въ одной вѣдь Россіи евреевъ будетъ, навѣрное, около 20 милліоновъ!),—*большинство* ихъ, конечно, останется жить на прежнихъ мѣстахъ. Что же они выиграютъ? Правительства, допустившія основаніе въ Палестинѣ іудейскаго государства, станутъ, разумѣется, гнать туда евреевъ, тѣснить ихъ у себя дома въ десять разъ сильнѣе, чѣмъ теперь: уходите, молъ, съ Богомъ! У васъ теперь собственная страна есть! Да и сами евреи, даже тѣ, что никогда серьезно не подумаютъ о выселеніи, привыкнутъ глядѣть на себя, какъ на временныхъ только гостей чужого народа. Я боюсь, что это будетъ источникомъ такого расцвѣта племенной вражды, какого еще не зналъ міръ! Вотъ все, что я могу сказать о сіонизмѣ. Еврейскаго вопроса онъ, мнѣ кажется, не

срѣшнить, а скорѣе лишь запутаетъ его. Сіонизмъ есть продуктъ чувства, законно возмущеннаго современными гоненіями; но со стороны логики, я боюсь, онъ не выдерживаетъ критики».

Расчеты Л. Ф. Мельшина мнѣ кажутся совершенно произвольными: почему онъ думаетъ, что мечта сіонистовъ можетъ осуществиться только черезъ 30—50 лѣтъ, а не гораздо раньше? Далѣе, къ тому времени, когда действительно будетъ существовать самостоятельное еврейское государство, число евреевъ въ Европѣ и въ другихъ странахъ земного шара не только не увеличится противъ теперешняго, а, наоборотъ, сильно уменьшится. Въ Палестину переѣдутъ, во-первыхъ, всѣ истые патріоты, для которыхъ страна эта явится, какъ нѣкогда для ихъ предковъ, обѣтованной землей, гдѣ они устроятся, какъ свободные сообразно своимъ вкусамъ и желаніямъ; далѣе, туда потянутся, при широкой постановкѣ колонизаціоннаго дѣла, всѣ тѣ, которые задыхаются въ душныхъ кварталахъ городовъ и мѣстечекъ, чуть не съѣдая другъ друга въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба; наконецъ, туда устремятся и многіе интеллигенты и финансовыя дѣятели въ надеждѣ принять участіе въ осуществленіи разнаго рода дѣлъ и предпріятій, въ которыхъ въ новомъ будущемъ государствѣ недостатка, по всей вѣроятности, не будетъ. Благодаря такому разрѣшенію еврейскихъ массъ, должна ослабѣть повсюду экономическая борьба, а это поспособствуетъ за собою ослабленію антисемитизма, который создается и поддерживается преимущественно этой борьбой. Но если даже допустить, что этого не будетъ и что «племенная вражда можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, какихъ еще не зналъ міръ», то тѣмъ болѣе слѣдуетъ стараться обезопасить свою родину. Въ минуты бѣдствій и гоненій еврей не будетъ считать себя въ такомъ безысходномъ положеніи, какъ теперь, разъ у него будетъ свой уголокъ, гдѣ преклонить голову. Какъ бы хорошо ни жилось ему въ какой-нибудь странѣ, его не можетъ не тревожить мысль, что коренное населеніе ея иногда не перестанетъ смотрѣть на него, какъ на гостя, чужеземца, что можетъ наступить день, когда оно ему скажетъ: «убирайся вонъ, мнѣ и безъ тебя тѣсно!» Вотъ въ такую-то тяжелую минуту еврей и направитъ свои стопы въ Палестину, гдѣ онъ найдетъ своихъ братьевъ, для которыхъ явится не чужимъ, а близкимъ и роднымъ.

Максимъ Горькій отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Мнѣ глубоко симпатиченъ великій въ своихъ страданіяхъ еврейскій народъ; я преклоняюсь передъ силой его измученной вѣками тяжкихъ несправедливостей души, измученной, но горячо и смѣло мечтающей о свободѣ. Хорошая, огненная кровь течетъ въ жилахъ вашего народа! Мнѣ говорятъ, что сіонизмъ—утопія: не знаю, можетъ быть. Но поскольку въ этой утопіи я вижу непобѣдимую, страстную жажду свободы, для меня—это реальность, для меня—это великое дѣло жизни. Всей душой моею я желаю еврейскому народу, какъ и другимъ людямъ, вложить всѣ силы духа въ эту мечту, облечь ее въ плоть и, напитавъ горячей кровью, неустанно бороться за нее, чтобы побѣдить все несправедливое, грубое, пошлое».

Да, если Горькій проникся братской любовью къ несчастному отверженцу общества, босяку, въ которомъ онъ подъ грубыми и жалкими лохмотьями умѣетъ часто находить и возвышенный умъ, и благородное сердце, то ему ли не понять несчастнаго, угнетеннаго, «великаго въ своихъ страданіяхъ» еврейскаго народа?

Такъ смотреть на сіонизмъ у насъ и на Западѣ передовые люди христіанскаго общества. Большинство изъ нихъ, какъ мы видимъ, сочувствуетъ ему, какъ законному протесту противъ несправедливаго отношенія къ евреямъ, и видитъ въ немъ, подобно намъ, единственный выходъ изъ того жалкаго и печальнаго положенія, въ которомъ евреи почти вездѣ находятся. Но не всѣ сочувствующіе намъ раздѣляютъ наши взгляды на осуществимость задачи сіонизма: нѣкоторые сомнѣваются въ этомъ, указывая и на зависящія отъ насъ причины, и на такія, которыя отъ насъ не зависятъ. Но на свѣтъ ничего постояннаго, вѣчнаго нѣтъ: какъ бы важны и существенны эти причины ни были, онѣ только временны, преходящи. Какъ часто мы въ жизни убѣждаемся, что сегодня легко и просто исполнимо то, что вчера еще казалось совершенно невозможнымъ! Пройдутъ года. Сіонистская идея, какъ вѣрная и справедливая въ своемъ существѣ, станетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе сторонниковъ,—и наступитъ время, когда не только отдѣльные люди, но и цѣлыя общества и народы поймутъ ненормальность нашего положенія и признаютъ причиненную намъ нѣкогда несправедливость. Они захотятъ вернуть намъ родину. Это время будетъ не только нашимъ триумфомъ, но и торжествомъ идеи добра и справедливости. А пока, въ ожиданіи этого свѣтлаго будущаго, которое должно наконецъ наступить для насъ, будемъ продолжать работать надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ и твердо и увѣренно идти къ той цѣли, которую мы себѣ намѣтили.

Д-ръ Г. И. Гордонъ.

Современные французскіе дѣятели *).

II. Вальдекъ-Руссо.

XII.

Кабинетъ Вальдека-Руссо оказался самымъ продолжительнымъ за все время существованія третьей республики. До него эта честь принадлежала министерству Меліна, просуществовавшему два года, — а кабинетъ Вальдека-Руссо находился у власти почти три года. При этомъ его задача была несравненно тяжелѣе задачи министерства Меліна, и послѣдствіемъ его правленія было упроченіе демократическихъ устоевъ республики, которые Мелінь своимъ союзомъ съ монархистами могъ только разрушать.

Первой обязанностью новаго министерства было усмиреніе націоналистскаго мятежа.

Какъ мы уже упомянули, Деруледъ и его товарищи были преданы верховному суду сената. Дѣло разсматривалось нѣсколько мѣсяцевъ и кончилось приговоромъ 4 января 1900 г., осудившимъ Деруледа и монархиста Буффе на изгнаніе, а антисемита Герена, устроившаго известное вооруженное сопротивленіе на улицѣ Шаброль, на десять лѣтъ тюремнаго заключенія.

Нѣсколько дней спустя начался процессъ ордена ассомпционистовъ, «монаховъ-аферистовъ и монаховъ-лигеровъ», какъ ихъ называлъ Вальдекъ-Руссо. Кара, постигшая ихъ за образованіе тайнаго сообщества, была невелика — всего 20 франковъ штрафа — что не помѣшало реакціонной прессѣ причислить ихъ къ «мученикамъ церкви»; но характерны были разоблаченія, сдѣланныя на судѣ. При обыскѣ у нихъ были найдены цѣлыя груды золота; въ одномъ только ящикѣ около 800,000 фр. Хотя ассомпционисты существовали нелегально, они успѣли покрыть французскую территорію сѣтью централизованныхъ и политическихъ организацій. Свою пропаганду они вели посредствомъ газеты *La Croix*, которая, благодаря провинціальнымъ изданіямъ и всякаго рода приложеніямъ, проникаетъ въ послѣднюю деревню Франціи. Другимъ средствомъ мерикальной пропаганды ассомп-

* *Русская Мысль*, кн. VI, 1902 г.

ціонистовъ являлись избирательные комитеты, носившіе названіе Справедливость-Равенство (*Justice-Egalité*) и имѣвшие своихъ агентовъ среди всего французскаго духовенства. Изъ найденныхъ у ассомпціонистовъ бумагъ было видно, что многіе изъ друзей Мелина пользовались ихъ поддержкой во время законодательныхъ выборовъ 1898 г.

Чтобы окончательно ликвидировать дѣло Дрейфуса, правительство внесло въ концѣ 1900 г., предложеніе объ амнистіи. Правда, оно обезпечивало безпачазанность нѣкоторымъ виновнымъ офицерамъ, что вызывало неудовольствіе среди части радикаловъ; но въ силу амнистіи прекращались также и процессы, возбужденные противъ полковника Пикара, Золя, Лаблуа, Рейнака, Юрбена Гоіе и другихъ защитниковъ Дрейфуса. Амнистія простиралась еще и на преступленія по дѣламъ печати, сходовъ и стачекъ. Изъ нея были исключены только Дрейфусъ, выразившій желаніе добиться своей реабилитаціи судебнымъ порядкомъ, и приговоренные верховнымъ сенатскимъ судомъ націоналисты. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, Геренъ, былъ помилованъ президентомъ республики. Главною цѣлью правительства было посредствомъ амнистіи положить конецъ агитаціи, которую націоналисты продолжали возбуждать дѣломъ Дрейфуса.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій явилось значительное успокоеніе страны, и Вальдекъ-Руссо съ правомъ могъ сказать въ засѣданіи 2 марта 1900 г.: «не было прежде недѣли безъ митинговъ, гдѣ готовились манифестаціи къ слѣдующему дню. Мѣсяца не проходило, чтобы на площадяхъ не собирались тысячи людей, ищущихъ повода или создающихъ его къ тому, что называли «актомъ гражданства» *). Дни правительства были сочтены и былъ составленъ даже листъ чиновниковъ будущаго режима **). Теперь же улица принадлежитъ тѣмъ, которые идутъ на свои занятія и на свою работу» ***).

По отношенію къ офицерамъ-націоналистамъ правительство проявило ту же энергію. Характернымъ фактомъ нужно прежде всего считать свободу, съ которой депутаты стали обсуждать теперь дѣйствія военнаго вѣдомства. Особенно важною въ этомъ отношеніи является рѣчь Камилля Пельтана, довлдчика военнаго бюджета, раскрывшаго съ незнамой до тѣхъ поръ смѣлостью всѣ недостатки и злоупотребленія въ арміи. Когда съ мѣстъ націоналистовъ, считавшихъ себя патентованными защитниками чести офицерства, поднялся ропотъ, смутившій даже генерала Галифе, высказавшаго опасеніе, чтобы рѣчь Пельтана не была плохо истолкована, Вальдекъ-Руссо въ отвѣтъ сдѣлалъ слѣдующее знаменательное заявленіе:

«Не критика и истина могутъ ослабить какое-нибудь вѣдомство, а недовѣріе и подозрѣніе, которыя, распространяясь отъ одного къ другому, заражаютъ все общественное мнѣніе и обезсиливаютъ весь общественный

*) Этимъ словомъ Деруледъ означалъ свой заговоръ.

***) *Annales de la Chambre. Session Ordinaire de 1900, т. II, стр. 350.*

***) Въ бумагахъ монархиста де-Рамеля былъ найденъ списокъ префектовъ, которыхъ должно было назначить новое правительство.

организмъ. Одно только средство есть для рѣшительнаго предупрежденія подобнаго зла: это ничего не скрывать, ни о чемъ не умалчивать. Къ нему и прибѣгло правительство» *).

Послѣ выхода въ отставку Галифе, при обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, военнымъ министромъ сдѣлался генералъ Андре. Онъ еще съ большимъ постоянствомъ продолжалъ политику своего предшественника.

Арестъ и увольненіе майора Бине, опубликовавшаго конфиденціальныя бумаги, смѣщеніе нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, смѣщеніе 20 офицеровъ 18 драгунскаго полка въ Меленѣ за то, что они хотѣли исключить изъ своей среды офицера, рѣшившагося вступить въ гражданскій бракъ съ разведенной женщиной, встрѣтили полное одобреніе лѣвой. Она встрѣтила аплодисментами слова генерала Андре, когда онъ говорилъ по поводу послѣдней исторіи, что «офицерамъ не позволено возставать противъ одного изъ основныхъ положеній нашего гражданского законодательства» **).

Особое вниманіе обратилъ генералъ Андре на положеніе нижнихъ чиновъ. Вслѣдствіе раскрытія журнала *Revue Blanche*, что въ олеронской военной тюрьмѣ заключенные подвергаются пыткамъ, генералъ Андре самъ сдѣлалъ неожиданную ревизію, послѣ которой разослалъ приказъ, воспрецававшій тѣлесныя наказанія. Тѣми же гуманными соображеніями было проніянуто предписаніе участвовавшимъ въ китайской экспедиціи французскимъ войскамъ, воспрецававшее насиліе и грабежъ. А когда изъ Пекина были присланы французскимъ генераломъ Фреемъ ящики съ подарками президенту республики и министрамъ, они были отправлены обратно съ приказаніемъ возвратитъ отобранныя вещи владѣльцамъ. Какъ важное рѣшеніе, касающееся преобразованія военной системы Франціи, отмѣтимъ еще принятое въ принципѣ уменьшеніе срока военной службы съ трехъ лѣтъ на два года.

Изъ проведенныхъ министерствомъ законовъ, имѣющихъ экономическій и социальный характеръ, слѣдуетъ указать на законъ о прогрессивныхъ пошлинахъ на наслѣдство, на упраздненіе акциза на такъ называемые гигиеническіе напитки (вино, сидръ, пиво), на постепенное сокращеніе рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ съ 12 ч. до 10 ч. ***). Послѣдній законъ былъ проведенъ по инициативѣ министра торговли Мильерана. Онъ же путемъ министерскихъ декретовъ ввелъ восьмичасовой рабочій день въ мастерскихъ почтъ и телеграфовъ и создалъ институтъ провинціальныхъ совѣтовъ труда (*conseils du travail*), долженствующихъ играть роль посредни 1 между трудомъ и капиталомъ.

*) Рѣчь 16 февраля 1900 г., (*ibidem*, т. I, стр. 596—597).

*) Рѣчь генерала Андре 7 декабря 1900 г. (*Annales de la chambre. Session extraordinaire t. unique* p. 766.

*) Эта мѣра распространяется только на фабрики и заводы, гдѣ вмѣстѣ съ му. कामи работаютъ женщины и дѣти.

Но то, чѣмъ министерство Вальдека-Руссо создало эпоху не только во французской, но и въ европейской исторіи, является широкій и смѣлый духъ, проникавшій всё его дѣйствіе. Оно рѣшительно перенесло ось политики изъ партій правой и центра къ партіи лѣвой, включительно до социалістовъ. Оно первое уничтожило ледяную стѣну подозрѣнія и недоверія, раздѣлявшую республиканскую партію отъ крайней демократіи. Читатель помнитъ изъ письма Жоннара, что эту границу до сихъ поръ не рѣшались перешагнуть даже несомнѣнные радикалы, вродѣ Леона Буржуа. Какъ извѣстно, послѣдній былъ министромъ-предсѣдателемъ однороднаго радикальнаго кабинета 1896 года. Онъ тоже пользовался поддержкой социалістовъ, но эта была поддержка случайная, временная, не обязывавшая ни ихъ, ни его. Поэтому и Буржуа не терялъ случая заявлять, что для него социалісты стоятъ внѣ республиканской партіи. Теперь за ними признають не только право существованія среди республиканской партіи, но и право участія въ непосредственномъ управленіи страной. Безстрашнымъ шагомъ, который Вальдекъ-Руссо сдѣлалъ къ грядущему, онъ доказалъ, что крайняя демократія угрожаетъ общественному порядку, свободѣ и праву личности, когда она систематически отстраняется отъ управленія страной; наоборотъ, сознаніе, что она тоже участвуетъ въ этомъ управленіи, развиваетъ у нея чувство отвѣтственности и съ этимъ вмѣстѣ чувство благородія и мѣры.

Доказательствомъ близкихъ отношеній между теперешнимъ французскимъ правительствомъ и французской демократіей могутъ послужить радушныя встрѣчи, которыя оказывались населеніемъ какъ президенту республики, такъ и самому Вальдеку-Руссо.

ХІІ.

При существующемъ раздробленіи политическихъ партій въ палатѣ и при отсутствіи согласія и единенія среди каждой фракціи, а съ этимъ вмѣстѣ—постоянства во взглядахъ и отношеніяхъ, существованіе всякаго министерства зависитъ отъ многихъ случайностей.

Ему приходится удовлетворять требованія всѣхъ фракцій, составляющихъ его большинство,—требованія, которыя часто могутъ взаимно противорѣчить. Постоянное большинство министерства Вальдека-Руссо состояло изъ депутатовъ слѣдующихъ четырехъ группъ: прогрессивная лѣвая съ покойнымъ Изамберомъ во главѣ, потомъ самая многочисленная группа, радикальная лѣвая съ Сарреномъ и Бриссономъ, радикалы-социалісты съ Пельтаномъ и, наконецъ, социалісты, съ Вивіани, Вальяномъ, Зеваесомъ и др.

За Вальдека-Руссо подавали голоса и отдѣльные депутаты умѣреннаго центра, какъ Жоннаръ, Рувье, Пуанкаре, Энаръ и другіе. Однако, въ общемъ, большинство умѣренныхъ республиканцевъ, идущихъ за Мелино, Рибо и Бранцомъ, еще съ перваго дня отнеслось враждебно къ правительству. Этимъ и объясняется слѣдующій маленькій, но характерный для теперешнихъ партійныхъ отношеній во Франціи инцидентъ.

Когда въ началѣ осенней сессіи 1900 года Вальдекъ-Руссо внесъ законопроектъ объ ассоціаціяхъ, вышеупомянутыя четыре группы, въ виду необыкновенной важности законопроекта, выбрали изъ своей среды общій комитетъ, который долженъ былъ, помимо комиссіи, избранной палатой, заняться его подробнымъ изученіемъ. На первое засѣданіе комитета 9 декабря 1900 года явилось нѣсколько делегатовъ группы Мелина, выразившихъ желаніе принять участіе въ его работахъ. Но комитетъ четырехъ группъ имъ отказалъ, заявивъ, что «онъ хочетъ имѣть дѣло только съ республиканскимъ большинствомъ».

Такимъ образомъ, умѣренные республиканцы, которые на всѣхъ перекресткахъ отлучали изъ республиканской партіи ея крайнія фракціи, теперь въ свою очередь оказались отлученными.

Большую поддержку правительство находило въ сенатѣ, гдѣ Вальдекъ-Руссо, въ качествѣ сенатора, имѣлъ прочныя личныя связи. Кроме того, сенатъ во всѣхъ событіяхъ интересующей насъ эпохи проявлялъ, какъ и во время буланжистскаго движенія, больше самообладанія и проницательности, чѣмъ палата, легче поддающаяся давленію націоналистской агитаціи.

Оппозиція правительства въ палатѣ состояла изъ вышеупомянутой части умѣренныхъ республиканцевъ, поддерживаемыхъ монархистами и націоналистами. Группа послѣднихъ, въ которую входили старые буланжисты и нѣкоторые отступники радикализма, какъ Эмберъ, была самою шумною. Она прибѣгала къ скандаламъ и обструкціи, чтобы низвергнуть «дрейфуссарское правительство» *). Всѣмъ министрамъ доставалось отъ этого союза «сабли и крошила», но больше всего, конечно, «салонному явобинцу», Вальдеку-Руссо **). Послѣ него націоналисты нападали на Мильерана и генерала Андре. Чтобы смѣстить послѣдняго, націоналисты не постѣснились даже прибѣгнуть къ международнымъ интригамъ, стараясь втянуть во внутреннія дѣла Франціи и другія дружественныя ей державы.

Два главныхъ конька націоналистовъ были защита офицерства и запугиваніе краснымъ призваномъ. Нужно было показать, что правительство дезорганизуеъ армію, что оно—врагъ обороны страны, измѣнникъ національныхъ интересовъ отечества; съ другой стороны, нужно было его представить другомъ анархіи, возбуждателемъ и покровителемъ стачекъ и разорителемъ матеріальнаго благосостоянія Франціи. Конечно, націоналисты старались пользоваться каждой ошибкой правительства и эксплуатировать какъ неудовольствіе крайнихъ, такъ и страхъ умѣренныхъ членовъ правительственного большинства. Нужно было все искусство и самообладаніе Вальдека-Руссо, весь тактъ и благоразуміе различныхъ фракціи правительственного большинства, чтобы не впасть въ частыя ловушки реакціонеровъ.

*) Un an de gouvernement dreufusard par Descooutay (Correspondant 25 juin 1900).

**) Такъ называлъ премьера націоналистъ Лави („Annales, session ordinaire“

Бурными инцидентами особенно богатъ былъ 1900 годъ. Самыми остаются засѣданія 28 мая и 6 ноября, касавшіяся политики правительства, и засѣданія 26 марта и 15 іюля, когда описъ интерпелляціи въ связи съ печальными событіями на островѣ нигѣ и въ Шалонѣ.

28 мая извѣстный націоналистъ де Кастеланъ, одинъ изъ тѣхъ пейскихъ аристократовъ, которые обмѣниваютъ свой дворянскій титулъ на американское золото (Кастеланъ поѣхалъ въ Америку, чтобы женихъ богатой наслѣдницѣ Гульда), спросилъ, какого мнѣнія правительство рѣчи Жозефа Рейнака, произнесенной недавно въ Динѣ. Нужно было сказать, что въ этой рѣчи извѣстный защитникъ Дрейфуса призналъ дѣло о немъ незаконченнымъ, пока Дрейфусъ не получитъ полной реабилитации. Вальдекъ-Руссо отвѣтилъ, что Рейнакъ не выражаетъ мнѣнія правительства и что процессъ Дрейфуса—дѣло частное, въ которое правительство уже нечего вмѣшиваться. Тогда поднялись націоналисты Ле-Эриссе и Беръ, объявивъ, что въ военномъ министерствѣ имѣются подлинныя документы, уличающіе агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ подкупѣ собраны новыя свѣдѣнія, которыя доказали бы, что показанія свѣдѣтелей генеральнаго штаба въ Реннскомъ судѣ ложны.

На заявленія двухъ націоналистовъ отвѣтилъ генераль Галлифе, отрицавъ существованіе подобныхъ документовъ, но на всякій случай онъ, такъ и Вальдекъ-Руссо, обѣщали навести нужныя справки. На послѣдующемъ засѣданіи дѣло выяснилось.

Возвратившись въ военное министерство, генераль Галлифе сообщилъ о томъ начальнику генеральнаго штаба, существуютъ ли такіе документы. Онъ отвѣтилъ утвердительно, прибавивъ, что о нихъ онъ ничего не сообщалъ министру, потому что не придавалъ этимъ документамъ никакого важнаго значенія. Они стали извѣстны націоналистскому депутату Ле-Благодаря сообщенію капитана Фрича, офицера генеральнаго штаба, который со слезами на глазахъ, сознался въ своемъ проступкѣ. За нарушение военной тайны онъ былъ уволенъ отъ дѣйствительной службы.

Такъ объяснилъ генераль Галлифе; но, желая охранить честь своихъ офицеровъ, онъ сказалъ только часть истины. Последнюю часть сообщилъ Вальдекъ-Руссо. Оказалось, что нѣкій П., вертѣвшійся въ кругъ военныхъ сыщиковъ, хотѣлъ подвести агента министерства внутреннихъ дѣлъ Томса. П. дѣйствовалъ по наущенію нѣкоторыхъ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, желавшихъ скомпрометтировать французскую полицію, къ которой послѣ дѣла Дрейфуса перешло и сыскное дѣленіе военнаго министерства, завѣдуемое прежде офицерами.

«Нѣкій П.,—говорилъ Вальдекъ-Руссо,—агентъ-провокаторъ, единственное званіе, которое можно приписать этому господину, обращающемуся въ сыскное отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Путемъ переговоровъ къ которымъ я еще возвращусь, ему удастся получить нѣкоторые документы сыскаго отдѣленія, и въ опредѣленный день, въ опредѣленный часъ»

осуществленія приготовленнаго скандала, благодаря вѣроломству офицера, которому эти документы были вручены на храненіе, они оказались у извѣстныхъ господъ...» *).

Слово «вѣроломство» вызвало бурную сцену среди націоналистовъ.

— Это поруганіе арміи,—кричали одни.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не дадимъ ему говорить,—прибавлялъ депутатъ и запасной офицеръ Оланъ.

— Не можетъ быть такой палаты, которая позволяла бы ругать офицеровъ,—говорилъ третій.

Предсѣдатель палаты, Дешанель, послѣ тщетныхъ попытокъ водворить тишину, встаетъ съ своего мѣста и уходитъ.

Вальдекъ-Руссо, оставшійся до этой минуты спокойно на трибунѣ, возвращается на свою скамью, среди аплодисментовъ лѣвой.

При открытіи засѣданія онъ объясняетъ, что его слово ничуть не хуже слова военнаго министра, называвшаго нѣсколько разъ дѣйствія Фрича «преступленіемъ». Послѣ этого онъ опять садится и погружается въ свое холодное молчаніе.

Бывшій военный министръ Бранцъ, другъ Мелина, возмущается «инсинуаціей премьера, направленной противъ группы офицеровъ».

Моментъ былъ рѣшительный. Палата находилась въ одномъ изъ тѣхъ возбужденныхъ состояній, когда она меньше всего владѣетъ своимъ голосованіемъ; поэтому оппозиція могла надѣяться низвергнуть министерство. Встаетъ Мелинъ. Но одно его появленіе на трибуну вызываетъ взрывъ негодованія. Нескончаемые крики: «Долой реакція! Долой Мелинъ!» оглашаютъ всю залу засѣданія.

Вмѣшательство Леона Буржуа рѣшило въ благопріятномъ смыслѣ участь правительства.

— Я взываю къ союзу всѣхъ республиканцевъ. Когда нападаютъ на вѣрность, нашъ долгъ ее защитить.

Большинствомъ 288 голосами противъ 247 палата выразила правительству довѣріе.

Послѣ этого засѣданія генераль Галифе вышелъ въ отставку и былъ замѣщенъ генераломъ Андре.

XIV.

Экономическая исторія Франціи за 1899 и 1900 г. останется памятна своими многочисленными стачками. Въ сентябрѣ 1899 г. началась колоссальная стачка на громадныхъ металлургическихъ заводахъ Крезю. За рабочими Крезю всколыхнулись черныя массы углекоповъ въ Сентъ-Этьеннѣ, Мисо-Леминъ и другихъ каменноугольныхъ бассейнахъ. Потомъ поднялись французскими марсельскаго порта, плотники и каменщики парижской выстав-

*) *Annales, Session ordinaire de 1900, t. II, p. 43.*

ки. Количество рабочихъ, участвовавшихъ въ этихъ стачкахъ, доходило до десятковъ тысячъ. Въ одномъ лишь февралѣ 1900 г., когда окончились громадныя стачки въ Брезе и въ Сентъ-Этьеннѣ, въ разныхъ концахъ Франціи продолжалась еще 81 стачка съ 16,918 участвующими *).

Враги правительства приписывали эти стачки вліянію Мильерана; но безпристрастному наблюдателю онѣ кажутся вполне естественными притомъ промышленномъ и торговомъ подъемѣ, въ которомъ находилась Франція наканунѣ выставки.

Мирному исходу большинства этихъ стачекъ не мало способствовалъ Вальдекъ-Руссо своимъ посредничествомъ между рабочими и хозяевами. Однако двѣ стачки, очень незначительныя по числу участвующихъ, окончились кровавой развязкой. Первая изъ нихъ происходила далеко отъ Франціи—въ Антильскомъ архипелагѣ, на островѣ Мартиникѣ, а вторая—въ одномъ изъ богатыхъ департаментовъ—Сезы и Луары.

Черное туземное населеніе острова Мартиники живетъ на тростниковыхъ плантаціяхъ и сахарныхъ заводахъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ заработная плата достигала 1¹/₂ и 2 франковъ, но послѣ сахарнаго кризиса она упала до 1,25, 1 франка и даже 0,75 сантимовъ **).

Хотя потомъ цѣны на сахаръ и поднялись, а вмѣстѣ съ ними и прибыль сахарозаводчиковъ, но заработная плата осталась на прежнемъ низкомъ уровнѣ. Отсюда и стачка черныхъ. Нужно при этомъ замѣтить, что рабочее движеніе тамъ настолько окрепло, что оно успѣло провести на островѣ Гваделуппѣ одного социалистическаго депутата, негра Лежитимуса ***). Во время одной изъ стачекъ на островѣ Мартиникѣ, когда толпа изъ четырехсотъ рабочихъ приблизилась къ заводу Франса, ихъ встрѣтилъ выстрѣлами взводъ солдатъ подъ командой офицера Бона. Въ результатѣ 25 раненыхъ, изъ которыхъ 12—смертельно. Кто былъ виноватъ? «Гражданскія власти взваливаютъ всю отвѣтственность на молодого офицера, а военныя его оправдываютъ»****). Такъ отвѣтилъ министръ Декре 26 марта 1900 г. на запросъ социалистическаго депутата Фурньера. Хотя министръ заявилъ, что имъ приказано произвести строжайшее судебное слѣдствіе, окончившееся позже разжалованіемъ поручика Бона, социалисты не остались довольны министромъ и собирались голосовать противъ. Но когда они увидѣли, что умѣренные республиканцы Лассеръ и Рибо желаютъ воспользоваться этимъ фактомъ для низверженія министерства и созданія умѣреннаго кабинета, социалисты перемѣнили тактику: «нѣтъ, мы вамъ не позволимъ,—говорилъ марсельскій рабочій, де-

*) „Revue politique et parlementaire“, Avril, 1900 (Chronique politique et sociale).

**) Эти цифры взяты изъ рѣчи Декре, министра колоній (Annales, Session ordinaire de 1900, t. I, p. 1237.

***) На послѣднихъ выборахъ вмѣсто Лежитимуса былъ избранъ другой социалистъ—Жеро-Ришаръ, редакторъ парижской *Petite République*.

****) Annales etc., p. 1237.

нута въ Барно, обращаясь къ Рибо,—воспользоваться кровью рабочихъ Мартиники для полученія портфеля» *).

Подобное же происшествіе случилось и въ Шалонѣ. Убитыхъ тамъ оказалось трое. Очевидцы возлагали всю отвѣтственность на жандармовъ и, наоборотъ, хвалили солдатъ за ихъ хладнокровіе. Правительство приказало произвести судебное слѣдствіе. Кроме того, Вальдекъ-Руссо телеграммой распорядился, чтобы префектъ Соны и Луары пришелъ на помощь семействамъ убитыхъ и раненыхъ. Палата приняла резолюцію довѣрія, предложенную шалонскимъ депутатомъ Симіаномъ: «разсчитывая, что правительство вынудитъ, на кого падаетъ отвѣтственность, палата переходить къ очереднымъ дѣламъ».

Тогда націоналистъ Массабюо предлагаетъ поправку: «камера, разсчитывая на правительство и отвергая коллективистскія доктрины»... и т. д.

Цѣль этой поправки была поставить передъ социалистами дилемму: голосовать противъ правительства или противъ своихъ же доктринъ. Они потребовали раздѣленія резолюціи и, голосовавъ за первую часть, отвергли вторую. Однако и вторая часть была принята большинствомъ депутатовъ. Тогда, по регламенту палаты, нужно было снова голосовать и на этотъ разъ за или противъ *сей* резолюціи. «Наши убѣжденія извѣстны,—сказалъ отъ имени социалистовъ Руане.—Всѣ до одного мы голосовали противъ поправки Массабюа, когда она была представлена отдѣльно. Но мы не желаемъ попасть въ ловушку націоналистамъ и поэтому будемъ голосовать за всю резолюцію» **).

Ту же самую комедію попробовали разыграть нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Риспаль и Гжюонъ предложили къ резолюціи довѣрія, выказаннаго правительству послѣ интерpellаціи Вазейля 6 ноября 1900 г., поправку, аналогичную съ поправкою Массабюо. Но вліятельный голосъ Бриссона: «не поддаваться кознямъ враговъ республиканской партіи», заставилъ палату голосовать противъ поправки и принять большинствомъ 301 противъ 223 голосовъ слѣдующую, предложенную депутатомъ Оже, резолюцію: «Палата, разсчитывая на правительство для продолженія энергичной республиканской политики и отвергая всякаго рода поправки, которыя бы уменьшили силу этого заявленія, переходить къ очереднымъ дѣламъ» ***).

XV.

Еще годъ тому назадъ во Франціи продолжалъ имѣть силу законъ второй имперіи, воспрещавшій сообщества. По статьямъ этого закона, не можетъ существовать безъ особаго правительственнаго разрѣшенія никакое общество, преслѣдующее политическія, религіозныя или литературныя цѣли и имѣющее больше двадцати членовъ. Несмотря на существованіе

) Ibidem, p. 1241.

) Ibidem, t. II, p. 276.

* Annales de 1900. Session extraord., t. unique, p. 60.

этого закона, сообщества умножались, и республиканское правительство их терпѣло, не желая прибѣгать къ одному изъ реакціонныхъ законовъ второй имперіи. Но выходило, что для пользованія однимъ изъ своихъ естественныхъ правъ французскіе граждане должны были прибѣгать къ нелегальнымъ средствамъ. Это странное положеніе обращало вниманіе республиканцевъ уже давно, и за время существованія третьей республики, по правительственной или частной парламентской инициативѣ, было предложено около тридцати законопроектовъ объ ассоціаціяхъ. Но ни одному изъ нихъ, до послѣдняго законопроекта Вальдека-Руссо, не суждено было сдѣлаться закономъ, и камнемъ преткновенія для всѣхъ ихъ являлся вопросъ о конгрегаціяхъ и монашескихъ орденахъ.

Хотя въ общемъ религіозный индифферентизмъ охватываетъ французское населеніе все шире и шире, католическая церковь дѣлаетъ успѣхи. Въ 1789 году во всей Франціи было 60,000 монаховъ, а въ 1900 году число ихъ доходитъ до 190,000, кромѣ 42,000 священниковъ «бѣлаго духовенства», на содержаніе котораго государство расходуетъ въ годъ около 50 милліоновъ франковъ *). Но сила «черной милиціи» заключается не только въ ея численности, но и еще въ тахъ называемыхъ имуществвахъ «мертвой руки» (biens de main morte). Стоимость однихъ только недвижимыхъ богатствъ духовныхъ орденовъ возросла съ 43 милліоновъ франковъ въ 1851 году на 1,070 милліоновъ въ 1900 году. Изъ этой «военной казны» черпаетъ армія «монаховъ-аферистовъ и монаховъ-лигеровъ» средства для борьбы съ гражданскимъ обществомъ и современной цивилизаціей. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ республиканскаго государства создалось мало-по-малу государство теократическое, строго централизованное, имѣющее свою собственную милицію, покрывшее всю Францію сѣтью своихъ фермъ, фабрикъ, заводовъ, приютовъ, больницъ, интернатовъ. Громадное влияніе, которое приобрѣло католическое духовенство, лучше всего доказывается количествомъ его школъ и числомъ посѣщающихъ ихъ учениковъ. Духовенство располагаетъ четырьмя университетами, въ его среднихъ школахъ учится 68,000 дѣвочекъ и мальчиковъ и въ его семинаріяхъ 24,000. Эти два числа превышаютъ число учащихся въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, въ первоначальныхъ школахъ конгрегацій воспитывается 1.617,000 дѣтей: 1.177,000 дѣвочекъ и 440,000 мальчиковъ **). Вальдекъ-Руссо былъ правъ, когда на банкетѣ тулузскихъ республиканцевъ заявилъ: «Въ этой странѣ, для которой въ продолженіе вѣковъ моральное единство составляло ея силу и величіе, двѣ половины юношества, менѣе различающіяся своимъ общественнымъ положеніемъ, чѣмъ воспитаніемъ, растутъ, незнакомыя одна зъ другой, вслѣдствіе чего становятся столь непохожими, что когда потою зъ

*) Рѣчь Вальдека-Руссо въ палатѣ депутатовъ 21 января 1901 г. (*Wald et Roussier: „Associations et congrégations. Edition complète en un volume“, 1901, p. 10.*).

**) Рѣчь Труильо, докладчика законопроекта объ ассоціаціяхъ (васѣданіе зъ палатѣ 17 января 1901 г.).

встрѣтятся въ жизни, онѣ больше другъ друга не понимаютъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу создаются два общества, обреченныя когда-нибудь столкнуться: одно—демократическое, больше и больше уносимое бурнымъ потокомъ революціи, а другое—все сильнѣе и сильнѣе проникнутое доктринами, которыя можно было считать отжившими послѣ великаго переворота XVIII столѣтія» *).

Конгрегаціи и были камнемъ преткновенія, о который разбивались всѣ прежніе законопроекты объ ассоціаціяхъ. Нѣкоторые изъ проектовъ давали полную свободу ассоціаціямъ; но это значило узаконить положеніе неутвержденныхъ конгрегацій и открыть вообще широкое поле дѣятельности клерикальной пропагандѣ. Нужно замѣтить, что самый большой контингентъ монаховъ принадлежитъ къ недозволеннымъ конгрегаціямъ и что число послѣднихъ увеличивается, тогда какъ число дозволенныхъ уменьшается. Такъ, въ 1877 г. къ дозволеннымъ конгрегаціямъ принадлежали 113,750 монашекъ, а къ недозволеннымъ 14,000; въ 1900 году число послѣднихъ возросло до 75,000, тогда какъ первое уменьшилось до 54,409. То же самое и относительно монаховъ **). Полная свобода ассоціацій легализовала бы именно положеніе тѣхъ конгрегацій, опасность которыхъ для общества была такъ очевидна, что ихъ не рѣшалась утвердить не только республика, но даже имперія и монархія. Первое мѣсто среди духовныхъ орденовъ этого рода занималъ, конечно, орденъ іезуитовъ. Другіе проекты допускали полную свободу для всѣхъ ассоціацій, исключая духовные ордена. Но радикальное уничтоженіе послѣднихъ, дозволенныхъ и недозволенныхъ, не могло встрѣтить поддержки умѣренныхъ республиканцевъ. Послѣдніе остановились на рѣшеніяхъ электическихъ. Не желая показаться явными гонителями духовныхъ орденовъ, они предлагали строгій полицейскій надзоръ за всѣми ассоціаціями, въ которыя входятъ иностранцы или имѣютъ развѣтвленія и за границей. «Такимъ образомъ,—какъ справедливо замѣтилъ Вальдекъ-Руссо еще въ 1883 г.,—чтобы дать максимумъ свободы конгрегаціямъ, эти законопроекты давали только минимумъ свободы всѣмъ остальнымъ ассоціаціямъ» ***). Въ нѣкоторыхъ проектахъ, какъ, напримѣръ, Жюля Симона (1883 г.), были приняты спеціальныя мѣры противъ возстановленія международнаго общества рабочихъ, строго запрещеннаго во Франціи уже спеціальнымъ закономъ 1872 года. Такой остракизмъ по отношенію къ французскому рабочему классу не могъ, конечно, встрѣтить сочувствія радикаловъ. Вслѣдствіе этого провалились всѣ проекты одинъ за другимъ: умѣренные голосовали противъ проектовъ радикаловъ, радикалы—противъ проектовъ умѣренныхъ.

Читатель помнитъ слова Жоннара, въ его письмѣ къ Корнели, «что радъ съ консерваторовъ, вслѣдствіе втораго приговора надъ Дрейфусомъ въ

*) Рѣчь въ Тулузѣ 28 октября 1900 г. („Associations et congrégations“, p. 41).

*) Рѣчь Вальдека-Руссо въ палатѣ 21 января 1901 года („Assoc. et congr.“, pp. 104—105).

*) „Discours parlementaires“ etc., p. 59.

Реннѣ, не будетъ продолжительна». Онъ былъ правъ, такъ какъ однимъ изъ косвенныхъ результатовъ этого процесса было голосованіе новаго закона объ ассоціаціяхъ, нанесшаго тяжелый ударъ католической церкви. Понадобилось дѣло Дрейфуса, чтобы заставить умѣренныхъ республиканцевъ и радикаловъ сойтись на одномъ общемъ законопроектѣ. Нужны были еще глубокія юридическія познанія, краснорѣчіе и постоянство Вальдека-Руссо, чтобы провести законъ, долженствующій разрѣшить такую сложную проблему. Однако клерикалы и націоналисты не вѣрили до послѣдней минуты, что Вальдекъ-Руссо рѣшится на эту мѣру. Хотя законопроектъ внесенъ былъ въ палату еще въ ноябрьской сессіи 1899 г., они распространили слухъ, что со стороны премьера этотъ проектъ составленъ только, чтобы сохранить за собою республиканское большинство и что въ сущности онъ не намѣренъ его провести. «Успокойтесь, это еще не выполнено», говорилъ иронически Лази въ засѣданіи 16 ноября 1900 г., когда депутатъ центра Гэ сталъ протестовать противъ предлагаемой законопроектомъ конфискаціи имущества недозволенныхъ орденовъ. «И не такъ скоро будетъ выполнено», прибавилъ другой клерикалъ Сюноэ *). Эти слухи упорно распространялись съ различными подробностями, такъ что самъ Вальдекъ-Руссо долженъ былъ предупредить республиканское большинство «противъ коварныхъ разсказовъ и нелѣпыхъ басенъ, одна злонамѣренность которыхъ достаточно указываетъ, откуда они берутъ свое начало **).

Дебаты длились въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Съ января до конца іюня 1901 года Вальдекъ-Руссо произнесъ больше сорока рѣчей, и бывали дни, когда онъ выступалъ на трибуну четыре раза. Это показываетъ, какъ горяча была борьба. Въ виду чрезвычайной важности, какъ теоретической, такъ и практической части этого закона, мы постараемся кратко изложить всю его суть и различныя перипетіи его голосованія.

Чтобы ориентироваться въ самомъ законѣ и въ дебатахъ, вызванныхъ имъ, не нужно забывать три главные цѣли, преслѣдуемыя этимъ закономъ. Во-первыхъ, — обезпечить максимумъ свободы всѣмъ сообществамъ, составленнымъ обыкновенными гражданами, съ религіозной, политической, литературной или какою бы то ни было цѣлью. Во-вторыхъ, уменьшить число монашескихъ орденовъ, подчинивъ дозволенные ордена непосредственному надзору властей и опредѣливъ процедуру уничтоженія недозволенныхъ и ликвидацію ихъ имущества. Наконецъ, третья цѣль — предупредить возстановленіе тѣхъ же самыхъ орденовъ, подъ видомъ чисто гражданскихъ сообществъ, у которыхъ накопились бы снова громадныя имущества, составляющія самое важное средство клерикальной агитаціи.

Теоретическіе доводы Вальдека-Руссо были двоякаго рода: юридическаго и историческаго.

*) „Associat. et Congr.“, p. 46.

**) Ibid., p. 66. Вальдекъ-Руссо намекаетъ въ послѣднихъ своихъ словахъ на іезуитовъ.

Юридическіе доводы Вальдека-Руссо являлись повтореніемъ аргументаціи, которую онъ уже пользовался въ 1882 г., когда по личной инициативѣ внёсъ аналогичный проектъ въ палату депутатовъ. Главная ихъ сила заключается въ принципиальномъ различіи, существующемъ между обыкновеннымъ сообществомъ и духовными орденами.

XVI.

Прежде всего нужно опредѣлить, что такое сообщество. По первой статьѣ новаго закона сообществомъ называется всякое соглашеніе двухъ или больше лицъ, соединяющихъ вмѣстѣ свои познанія и дѣятельность съ цѣлью другой, «*цѣль полученіе и раздѣлъ доходовъ*» *).

Важное значеніе этой формулировки заключается въ томъ, что она предупреждаетъ образованіе капиталовъ мертвой руки. И дѣйствительно, если у сообщества являются капиталы, если оно дѣлаетъ какія-либо торговныя или финансовыя операціи, оно теряетъ свой опредѣленный характеръ, превращается въ обыкновенное товарищество и подпадаетъ подъ тѣ статьи гражданскаго кодекса, которыя регулируютъ обыкновенныя товарищества. Основнымъ принципомъ послѣднихъ является дѣлимость имущества, другими словами: капиталъ товарищества принадлежит не послѣднему, а всѣмъ его членамъ.

Когда какой-нибудь членъ товарищества уходитъ изъ него, онъ имѣетъ право потребовать свою часть; послѣ его смерти то же самое могутъ сдѣлать и его наследники. Въ этомъ и будетъ заключаться препятствіе для образованія капиталовъ мертвой руки, ибо послѣдніе принадлежатъ не членамъ, а самому сообществу, какъ абстрактной личности. Известно, что если монахъ уходитъ изъ какого-нибудь ордена, онъ не имѣетъ права на имущество, которое принадлежитъ самому ордену.

Теперь ясна цѣль отождествленія сообществъ, располагающихъ капиталами или получающихъ доходы, съ обыкновенными товариществами. Настоящее сообщество не можетъ накапливать въ своихъ рукахъ капиталы, оно не пользуется правами гражданской личности. Но такъ какъ, съ другой стороны, для существованія каждаго сообщества необходимы известныя и ему принадлежащія средства, то законъ Вальдека-Руссо создаетъ взаимнѣйшую гражданскую личность, которую сообщества не могутъ имѣть, малую гражданскую личность (*petite personnalité civile*). Другими словами: и сообщество можетъ владѣть имуществомъ, составляющимъ его неотъемлемую собственность и не подлежащимъ раздѣлу между его членами, но только въ ограниченныхъ размѣрахъ. Такую неприкосновенную собственность для него составляютъ: членскіе взносы—мѣсячныя или одновременныя но въ послѣднемъ случаѣ они не могутъ превышать пятьсотъ франковъ, нужныя для его цѣли помѣщенія (мѣсто для собраній, читальня, библіотека и проч.).

См. текстъ новаго закона, приложеннаго къ „Assoc. et congr.“.

Исключенія изъ этого правила составляютъ сообщества, признанныя общественно-полезными особымъ закономъ. Такия сообщества могутъ располагать безграничнымъ капиталомъ, составляющимъ неприкосновенную и недѣлимую собственность сообщества.

Изъ вышеприведеннаго опредѣленія сообщества слѣдуетъ еще другое заключеніе. Сообщество—соглашеніе между двумя или болѣе лицами—является въ то же самое время договоромъ и подпадаетъ подъ тѣ статьи кодекса, которыя опредѣляютъ дѣйствительность договоровъ. Договоръ законенъ, когда цѣль, преслѣдуемая имъ, тоже законна. Поэтому по третьей статьѣ закона объ ассоціаціяхъ будетъ считаться незаконнымъ «всякое сообщество, преслѣдующее цѣли, противныя законамъ страны, добрымъ правамъ или имѣющее цѣлью нарушение цѣлости національной территоріи или республиканской формы правленія».

При этомъ Вальдекъ-Руссо объяснилъ, что понятіе «незаконная цѣль» имѣетъ одинъ, точно опредѣляемый 1133 ст. уголовного кодекса, смыслъ. Въ этой статьѣ объяснено, что подъ нарушеніемъ закона нужно понимать не выраженіе какой бы то ни было идеи, а *материальныя дѣйствія*. Въ первой редакціи незаконными сообществами считались и тѣ, которыя направлены противъ *общественнаго порядка*. По настоянію лѣвой эти слова были выкинуты, какъ могущія дать мѣсто двусмысленнымъ толкованіямъ *).

Внѣ этихъ ограниченій образованіе сообществъ допускается вполнѣ свободно. Сначала Вальдекъ-Руссо требовалъ, чтобы каждое вновь образованное общество было зарегистрировано. Это должно было быть простой формальностью, полученіемъ своего рода метрическаго свидѣтельства. «Полная свобода требуетъ полного свѣта»,—говорилъ Вальдекъ-Руссо словами Флоке. По настоянію лѣвой этотъ параграфъ тоже былъ вычеркнутъ.

Однако общества незарегистрованные не могутъ пользоваться правами юридической личности, т. е. не могутъ быть сторонами судебного процесса; кромѣ того они не имѣютъ и правъ малой гражданской личности, дающей извѣстныя уже читателямъ преимущества **). Наконецъ, приведенное опредѣленіе сообщества даетъ мѣсто и третьему важному выводу, и здѣсь мы подходимъ къ юридическому различію между обыкновеннымъ сообществомъ и конгрегаціей. Тогда какъ при вступленіи въ первое личность сохраняетъ свои индивидуальныя права,—наоборотъ, она ихъ теряетъ, вступая въ духовный орденъ. Но въ гражданскомъ кодексѣ предвидѣны цѣлый рядъ случаевъ, когда договоръ между двумя лицами недѣйствителенъ, даже если онъ является результатомъ добровольнаго согласія,—именно, когда онъ нарушаетъ неотъемлемыя права личности.

«Наше публичное право воспрещаетъ личности все,—говоритъ Вальдекъ-Руссо,—что носитъ характеръ лишенія ея индивидуальныхъ правъ, отреченія отъ естественныхъ преимуществъ, являющихся неотъемлемымъ

*) Ibidem, p. 154—155.

***) Ibidem, p. 440—441.

достояніемъ всѣхъ гражданъ: отъ права на бракъ, на покупки и продажи, права торговать, заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, или права владѣть, однимъ словомъ, публичное право воспрещаетъ все то, что имѣетъ характеръ личнаго порабощенія. Отсюда и слѣдуетъ, что всякое личное обязательство можетъ быть только временнымъ и что даже въ предѣлахъ этого времени оно не можетъ быть абсолютнымъ, т.-е. оно не можетъ распространяться на всѣ права и преимущества личности. Въ противномъ случаѣ оно вмѣсто пользы приноситъ вредъ, ибо умаляетъ или уничтожаетъ личность. Но въ этомъ именно и заключается органическій недостатокъ конгрегаціи.

«Она не сообщество, созданное съ цѣлью развитія личности, ибо она ее упраздняетъ и поглощаетъ.

«И въ самомъ дѣлѣ, я не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ отрицать, что всякій духовный орденъ, заслуживающій этого имени, основанъ на тройномъ обѣтѣ: обѣтѣ послушанія, обѣтѣ бѣдности и обѣтѣ цѣломудрія.

«Первымъ изъ этихъ обѣтовъ личность вполне отрѣшается отъ своихъ матеріальныхъ интересовъ, которые заключаются въ обязанности быть собственникомъ, другими словами: работать для матеріальнаго преуспѣванія своей страны.

«Слѣдующимъ обѣтомъ личность освобождается отъ того, что теологи называютъ «второй заботой». Эта вторая забота: имѣть семью, принадлежать ей и, главное, жить для нея.

«Обѣтомъ послушанія дѣлается то, что вамъ можетъ казаться вполне естественнымъ, а для меня, наоборотъ, является отрицаніемъ человѣческой личности,—дѣлается, повторяю, по выраженію уже не юристовъ, а самихъ теологовъ,—«приношеніе самого себя Богу».

«Но если вы отнимаете отъ человѣческой личности ея право владѣть, право разсуждать и ея право продолжаться въ своемъ потомствѣ, то спрашиваю я: что остается отъ этой личности?»*)

Въ этой самой рѣчи 21 января 1901 года, которую, по предложенію Бриссона, палата рѣшила расклатъ по всей странѣ, Вальдекъ-Руссо привелъ цѣлый рядъ историческихъ доводовъ, доказывающихъ то же самое положеніе. Начиная съ Карла Великаго и кончая Наполеономъ III, всѣ правительства принимали мѣры противъ развитія духовныхъ орденовъ, которые, по опредѣленію одного изъ законодателей монархіи, «подъ ложнымъ предлогомъ религіозныхъ учрежденій стремятся къ полной самостоятельности и къ постепенному захвату всей власти».

Но если католическія монархіи и имперіи находили такого рода мѣры пріятными, то тѣмъ болѣе они естественны при республикѣ, не признающей никакой государственной религіи. Это значитъ, конечно, не воспрещать существованіе всѣхъ духовныхъ орденовъ, а только дозволить

*) Рѣчь въ сенатѣ 6 марта 1883 года, Discours, pp. 60—61. Рѣчь въ камерѣ 21 января 1901 г., Assoc et Congr., pp. 77—79.

такіе, которые преслѣдуютъ цѣли, совмѣстимыя съ государственными интересами.

Третій отдѣлъ закона посвященъ этимъ орденамъ. Всѣ утвержденные ордена — а мы видѣли, что они составляютъ меньшинство — сохраняютъ свои права, но и они не могутъ открывать новыхъ учреждений безъ спеціального декрета государственнаго совѣта. Никакой новый орденъ не можетъ быть основанъ безъ спеціального закона парламента. Совѣтъ министровъ сохраняетъ при этомъ право закрыть орденъ, не выполняющій условий (ст. 13).

При этомъ всѣ дозволенные ордена должны подчиняться юрисдикціи мѣстнаго епископа.

Этотъ параграфъ направленъ спеціально противъ той категоріи орденовъ — а къ ней принадлежатъ самыя главныя — которые не признаютъ другого начальства, кромѣ своихъ такъ называемыхъ генераловъ, находящихся по большей части въ Римѣ.

Ст. 18 опредѣляетъ способъ ликвидаціи дѣлъ всѣхъ недозволенныхъ орденовъ. Государство продаетъ ихъ имущества и распределяетъ полученные суммы между жертвователями, если они потребуютъ обратно свои приношенія, между монахами, если они докажутъ, что эти деньги принадлежатъ лично имъ и что они не являются подставными лицами, на имя которыхъ записаны имущества, принадлежащія самой конгрегаціи. Наконецъ, всѣ тѣ суммы, которыя были подарены орденамъ съ опредѣленною цѣлью, наприм., прикарѣнія бѣдныхъ, переходятъ къ государству вмѣстѣ съ протекующими изъ нихъ обязательствами (ст. 18).

Въ этой окончательной формѣ законопроектъ былъ принятъ палатой среди криковъ «да здравствуетъ республика!» большинствомъ 313 голосовъ противъ 219.

Оппозиція правой и центра оказывала большое сопротивление и пришлось отвоевывать проектъ строку за строкой. Главная тяжесть въ этомъ отшеніи пала на Вальдека-Руссо и на Трульо, докладчика законопроекта.

Раньше, чѣмъ закончить, мы отмѣтимъ самыя характерныя замѣненія, которыя хотѣла внести въ законопроектъ оппозиція.

Депутатъ Перро въ засѣданіи 2 марта предлагаетъ считать «незаконными тѣ сообщества, которыя вызываютъ къ нарушенію права собственности».

Вальдекъ-Руссо отвѣтилъ, что матеріальное покушеніе на собственность наказывается уголовнымъ кодексомъ; но законъ не воспрещаетъ и не можетъ воспретить критику собственности или стремленіе законнымъ путемъ замѣнить одну форму собственности другой; наоборотъ, ст. 6 гражданскаго кодекса признаетъ и обезпечиваетъ такое право за всѣми гражданами.

«Я прибавляю, — кончилъ Вальдекъ-Руссо, — что г. Перро требуетъ того, чего не допускали даже правительства нереспубликанскія. Начиная съ Гомаса Моруса до нашихъ дней всѣ социалисты могли излагать свои убѣжденія и въ томъ числѣ Фурье, Сень-Симонъ; и, навѣрное, г. Перро навѣрно на

та подробность—ибо онъ человекъ образованный—что Прудонъ внесъ въ академію моральныхъ и политическихъ наукъ мемуаръ о собственности съ синграфомъ: Собственность—это кража. Мы не можемъ быть болѣе строгами, тѣмъ люди той эпохи, и поэтому я предлагаю палатѣ отклонить предложенную поправку» *).

Палата отклонила и поправку Рибо, предлагавшаго считать незаконными сообщества, возбуждающія къ гражданской войнѣ. «Какое политическое сообщество,—спрашиваетъ Вальдекъ-Руссо,—не могло бы быть обвинено, при болѣе эластичномъ толкованіи слова, въ возбужденіи къ гражданской войнѣ» **)?

Парижскій депутатъ Шарль Гра предложилъ, чтобы сообщества, въ составъ которыхъ входятъ иностранцы, не могли быть основаны безъ спеціального разрѣшенія совѣта министровъ. Палата, по предложенію Вальдека-Руссо, отклонила и эту поправку. «Всѣ согласны теперь съ тѣмъ,—говорилъ Вальдекъ-Руссо,—что существуетъ, если можно такъ выразиться, неизбежный и полезный интернационализмъ въ идеяхъ. Но если мы это признаемъ, если мы согласны съ тѣмъ, что требованія современной жизни, удобные пути сообщенія уничтожили границы; если мы признаемъ, что нѣкоторыя экономическія реформы, въ особенности въ области труда, не могутъ осуществиться безъ международнаго согласія, то это, конечно, не значитъ, что мы упустили изъ виду предохранительныя мѣры противъ послѣдствій, которыя можетъ вызвать примѣненіе общаго правила къ обществамъ, составленнымъ изъ иностранцевъ или изъ французовъ и иностранцевъ» ***).

Эти предохранительныя мѣры предусмотрены въ 12 ст. закона, дающей президенту республики право распускать по предложенію совѣта министровъ всѣ сѣмьянныя или чисто-иностранныя общества, дѣйствія которыхъ были бы направлены противъ внѣшней безопасности государства или стремились бы къ извращенію нормальныхъ условій размѣна товаровъ и цѣнныхъ бумагъ. Противъ иностранцевъ поднялся въ сенатѣ и бывшій министръ Рамбо, указывая, между прочимъ, что въ большихъ стачкахъ Марсеа итальянскіе рабочіе принимали дѣятельное участіе. «Съ того момента,—отвѣтилъ Вальдекъ-Руссо,—когда вы признаете за иностраннымъ рабочимъ право приѣзжать во Францію работать, вы обязаны признать за нимъ и право стачекъ въ одинаковой степени съ французскими рабочими... Можетъ быть, заподозрить искренность моихъ патріотическихъ чувствъ, но я не могу согласиться, чтобы въ ХХ столѣтіи мы относились враждебно къ иностранцамъ, проживающимъ во Франціи. Это идеи другого вѣка, не совмѣстимыя не только со свободнымъ обмѣномъ товаровъ—доктриной, еще очень оспариваемой и имѣющей множество противниковъ, но и со свободнымъ обмѣномъ взглядовъ, не признающихъ ни предѣловъ, ни границъ» ****).

Ibidem, p. 165.

Ibidem, p. 211.

Ibidem, p. 197.

* Ibidem, p. 343.

XVII.

Намъ остается изложить еще взглядъ Вальдека-Руссо на социальную проблему, чтобы закончить его характеристику. Вальдекъ-Руссо—индивидуалистъ. «Я всегда былъ и теперь остаюсь убѣжденнымъ индивидуалистомъ. Я сохраняю этотъ взглядъ не по традиціи, а потому, что я къ нему дошелъ своимъ разумомъ и опытомъ» *).

Мы видѣли, что подобныя индивидуалистическія заявленія Вальдекъ-Руссо дѣлалъ и въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время дебатовъ объ общей политикѣ его кабинета въ ноябрѣ 1899 года. Онъ и теперь такой же принципиальный врагъ коллективизма, каковымъ былъ и восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда говорилъ: «Мы считаемъ нужнымъ заявить, что мы далеко не вѣримъ въ возможность преобразованія нашего общественнаго строя магическимъ дѣйствіемъ какого-нибудь слова или какой-нибудь формулы. Общество не можетъ измѣниться внезапно, оно преобразуется медленно и постепенно. Съ людьми нельзя обращаться, какъ со старыми монетами, которыя бросаютъ въ тигель, чтобы ихъ перечекали. Однимъ словомъ, я не вѣрю въ то, что назвалъ бы социальной алхиміей» **).

Приверженцы «соціальной алхиміи» могли бы отвѣтить, что Вальдекъ-Руссо понимаетъ ошибочно ихъ взгляды; но здѣсь для насъ важно опредѣлять не то, какая доктрина правильна, а только то, какой доктрины придерживается Вальдекъ-Руссо.

Итакъ, онъ индивидуалистъ. Однако къ своему индивидуализму Вальдекъ-Руссо вноситъ коррективы, очень ярко отличающіе его отъ другихъ экономистовъ-индивидуалистовъ. Во-первыхъ, онъ не раздѣляетъ взгляда индивидуалистовъ относительно государственнаго невмѣшательства въ отношенія труда и капитала. Наоборотъ, по мнѣнію Вальдека-Руссо, «государство измѣнило бы своему назначенію, если бы оно не постаралось открыть труду новую болѣе плодотворную дорогу, чѣмъ та, въ которой онъ искалъ до сихъ поръ удовлетворенія своимъ запросамъ».

«Всякій прогрессъ,—говоритъ Вальдекъ-Руссо,—есть дѣло воспитанія, приспособленія къ требованіямъ жизни, къ новымъ условіямъ, и правительству въ этихъ случаяхъ надлежитъ играть важную роль. Это, конечно, не значитъ, что оно должно навязывать свои рѣшенія, или упразднить частную инициативу; однако, управлять страной, какъ я понимаю смыслъ этого слова, значитъ не только обезпечивать безопасность всѣмъ гражданамъ, но и просвѣщать ихъ, воспитывать, вызывать къ жизни всѣ хорошія начинанія и своими неустанными усиліями заставлять гражданъ способствовать постепенному и постоянному прогрессу» ***).

*) Рѣчь 16 февраля 1901 г. (ibidem, p. 160.).

**) Рѣчь 16 апрѣля 1883 г. передъ вѣнпарламентской комиссіей о рабочихъ ассоціаціяхъ (Discours parl., p. 447).

***) Изъ той же самой рѣчи.

Цѣль, которую должно по Вальдеку-Руссо преслѣдовать государство, является рабочая ассоціація во всѣхъ ея видахъ, и главнымъ образомъ производительная ассоціація.

Эмансипація рабочаго класса возможна только при одномъ предварительномъ условіи—его сильной и сплоченной экономической организаціи. Но какъ примирить этотъ экономическій централизмъ Вальдека-Руссо съ его индивидуалистическими взглядами? Рабочая организація не угрожаетъ ли индивидуальной свободѣ личности? Нѣтъ, отвѣчаетъ Вальдекъ-Руссо.

«Я присоединяю себя къ числу тѣхъ,—говорилъ Вальдекъ-Руссо въ 1884 г.,—которые считаютъ, что всеобщему голосованію слѣдуетъ покоряться, не потому, что оно сила, а потому, что оно разумъ. И я вполне увѣренъ, что если сбудутся дѣлаемые другими ораторами предсказанія, если рабочіе союзы, дѣйствительно, станутъ такими могучими, какъ они говорятъ, то ихъ вліяніе будетъ благотворно и полезно, потому что насиліе свойственно только бессмысленнымъ и угнетеннымъ» *).

Еще опредѣленнѣе Вальдекъ-Руссо высказываетъ свой взглядъ теверъ, восемнадцать лѣтъ спустя, въ предисловіи къ недавно вышедшей книгѣ Поля-Бонкура: *Le Fédéralisme économiqne*. «Теперешняя дѣятельность рабочихъ синдикатовъ,—пишетъ Вальдекъ-Руссо,—власть, которую они приобрѣли какъ надъ своими членами, такъ и надъ хозяевами при установленіи условій труда, привели къ подробному изученію проблемы объ отношеніи личности къ коллективнымъ группамъ».

Послѣднія все больше и больше налагаютъ на жизнь свои законы; ихъ преобладающее значеніе въ промышленности возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа ихъ участниковъ; въ этой области онѣ пользуются настоящимъ экономическимъ суверенитетомъ; онѣ стремятся создать во всякой отдѣльной отрасли промышленности своего рода *правительство труда*, предписывающее обязательные законы.

«Эти конечныя послѣдствія принципа ассоціаціи составляютъ то, что авторъ (Поль-Бонкуръ) называетъ «возможностями будущаго». Возможность всего этого,—возможность, которой авторъ вполне основательно не пугается,—должна немного смутить тѣхъ, которые судятъ о послѣдствіяхъ приложенія принципа ассоціаціи, принимая въ соображеніе только его тенденціи, и забываютъ всѣ различныя и противодействующія силы и въ частности инстинктъ личнаго самосохраненія и развитія. Наоборотъ, совсѣмъ не будутъ смущены всѣ тѣ, которые, наученные самой исторіей труда, достаточно убѣдились, что главное условіе *существованія и развитія коллективныхъ организацій—то, чтобы онѣ не умаляли личности и, а способствовали ея процветанію* **).

роникнувшись этими началами и глубоко вѣруя въ ихъ справедли-

Ibidem, p. 371.

* Курсивъ нашъ. Это предисловіе, написанное когда Вальдекъ-Руссо былъ уже членомъ французской республики, перепечатано въ журналѣ *Union pour l'Action* мор , 1901, н° 20, pp. 464—465.

вость, Вальдекъ-Руссо старался съ твердостью и постоянствомъ проводить ихъ въ жизнь. Съ его именемъ останется связанъ демократическій законъ 1884 г. о рабочихъ союзахъ. Еще имперія закономъ 1864 г. признала за французскимъ рабочимъ классомъ право коалиціи, т.-е. стачекъ, но, оставаясь вѣрной своей двуличной политикѣ, имперія отнимала одной рукой то, что давала другой. Она превозглашала право на стачки, но воспрещала рабочимъ соединяться въ союзы, другими словами: отнимала у нихъ то предварительное условіе, безъ котораго стачка является правомъ фактивнымъ. Республиканская партія хотѣла заполнить этотъ крупный пробѣлъ. Еще въ 1881 г. депутатъ Бовье-Лапьерръ внесъ въ палату законопроектъ о свободѣ рабочихъ союзовъ. Палата его приняла, но сенатъ его отвергалъ до 1884 г., когда благодаря энергичному настоянію Вальдека-Руссо, бывшаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, законопроектъ былъ, наконецъ, принятъ и сенатомъ.

Оппозиція сената возстала какъ противъ самаго принципа закона, такъ и противъ отдѣльныхъ его статей. Недовѣріе, которое проявляли правящіе классы Франціи къ рабочимъ, еще больше усилилось послѣ событій коммуны. Проникнутые этими чувствами, сенаторы правой и центра сопротивлялись свободѣ рабочихъ союзовъ—«будущихъ разсадниковъ социальной революціи». Въ чисто-политической сферѣ Вальдекъ-Руссо какъ мы видѣли еще въ началѣ нашего очерка, тоже раздѣлялъ тогда всеобщее недовѣріе къ рабочимъ; но въ сферѣ экономическихъ интересовъ онъ твердо стоялъ за демократію. Доказательствомъ этому служатъ пять блестящихъ рѣчей, которыя онъ произнесъ въ сенатѣ въ защиту законопроекта. Указывая на настоятельныя требованія рабочими свободы союзовъ, Вальдекъ-Руссо говорилъ такъ: «Когда передъ нами являются съ такимъ требованіемъ, мы должны посмотреть на него прямо: если оно не совпадаетъ съ естественными и законными правами, нужно это высказать громко и отвергнуть смѣло подобное требованіе. Но если, наоборотъ, оно отвѣчаетъ правамъ, присущимъ гражданамъ, нужно умѣть его признать, осуществить и прежде всего не нужно бояться того, что за этими требованіями стоятъ большое количество людей, а не только кучка гражданъ; не нужно бояться, что профессиональные синдикаты будутъ охватывать не тысячи, а миллионы рабочихъ. Проявлять боязнь передъ фактомъ, что здѣсь заинтересовано множество людей, значило бы не признавать всеобщаго голосованія. Что касается меня, то я думаю, что при свободномъ режимѣ, какъ нашъ, нужно проникнуться довѣріемъ въ демократію» *).

Когда законопроектъ былъ принятъ въ принципѣ, оппозиція набросилась на отдѣльныя его статьи и въ частности на ст. 5, допускающую федерацію рабочихъ союзовъ: «Мы согласны дать право рабочимъ устраивать синдикаты,—говорили сенаторы,—но мы не хотимъ, чтобы синдикаты отой

*) Discours parl., pp. 234—235.

отрасли промышленности могли заключать между собою союзы; еще меньше хотимъ мы допустить, чтобы различные ремесленные союзы устроили между собою національную федерацію». — «Я хочу отвѣтить на ту теорію, — говорилъ Вальдекъ-Руссо въ своей послѣдней рѣчи, «которая утверждаетъ, что нужно принять особыя мѣры предосторожности по отношенію къ трудящимся массамъ, что имъ не нужно давать свободы, которой пользуются хозяева, что свобода, обезпеченная закономъ, должна составлять область, недоступную простому народу, котораго нужно держать подъ особымъ надзоромъ...

«Въ основѣ этой теоріи лежитъ предрасудокъ, что существуютъ люди болѣе просвѣщенные, общественные классы, выше стоящіе, болѣе предусмотрительные, болѣе благоразумные, и что они играютъ по отношенію къ другимъ не роль воспитательную, но роль попечительскую, — я бы сказалъ, роль благотворительную. Вотъ почему я не могъ воздержаться отъ того, чтобы не прервать васъ въ томъ мѣстѣ вашей рѣчи, гдѣ вы представляете право, данное рабочимъ, какъ уступку, и не сказать вамъ: «то, что вы даете есть милостыня, а не законное право...»

«Господа, это не настоящая свобода, а только свобода, обращенная въ привилегію, находящаяся въ рукахъ нѣсколькихъ людей, на великодушіе которыхъ нужно положиться для ея справедливой раздачи.

«Свобода, которую мы требуемъ отъ васъ, это свобода въ видѣ права; это свобода, признанная за гражданами не въ знакъ благодарности, а какъ средство развитія, какъ ихъ естественное преимущество» *).

13 іюля 1884 г. въ союзѣ синдикальныхъ камеръ Парижа Вальдекъ-Руссо праздновалъ вмѣстѣ съ рабочими окончательное голосованіе закона о синдикатахъ, справедливо считающаеся однимъ изъ основныхъ законовъ третьей республики.

Профессиональные синдикаты, кромѣ заботы о сокращеніи рабочаго дня и увеличенія заработной платы, должны были взять на себя инициативу для выработки «болѣе полной и болѣе совершенной формы ассоціаціи, единственнаго средства для кореннаго улучшенія положенія рабочихъ» **).

Какъ мы уже упомянули, этой болѣе совершенной формой является производительная ассоціація.

Въ 1883 г. по инициативѣ Вальдека-Руссо, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была составлена особая коммиссія, на обязанности которой было рѣшить, какія измѣненія нужно внести въ законъ 1867 г. объ акціонерныхъ командитныхъ обществахъ, чтобы облегчить образованіе производительныхъ ассоціацій. Уже на первомъ засѣданіи коммиссіи 16 апрѣля 1883 г. Вальдекъ-Руссо намѣтилъ нѣкоторыя безотлагательныя реформы, но существовать ихъ было суждено министерствамъ Флоке въ 1888 г. и Дюма въ 1893 г. Реформы, осуществленныя этими двумя министрами, пер-

^{*} Ibidem, p. 276.

^{**} Изъ рѣчи въ сенатѣ 28 января 1884 г. (Ibidem, p. 233).

вымъ—путемъ декрета, а вторымъ—путемъ закона, заключались въ слѣдующемъ: по закону 1867 г. самыя малыя акціи были не ниже 100 франк., въ новомъ же законѣ онѣ были доведены до 25 фр. съ цѣлью облегчить образованіе подобныхъ обществъ среди рабочихъ. Вторая реформа заключалась въ томъ, что государство, департаменты и коммуны обязывались отдавать рабочимъ ассоціаціямъ производство нѣкоторыхъ общественныхъ работъ, не требуя отъ нихъ принятыхъ въ такихъ случаяхъ поручительствъ. Наконецъ, оплата сдѣланныхъ работъ будетъ производиться каждыя двѣ недѣли *).

Такия же преимущества хотѣлъ дать Вальдекъ-Руссо и рабочимъ синдикатамъ своимъ законопроектъ 1899 г. Онъ расширяетъ юридическую правоспособность синдикатовъ, признавая за ними гражданскую личность, что не входило въ законъ 1884 г. Новый законопроектъ выводитъ синдикаты изъ сферы чисто ремесленныхъ интересовъ и, открывая передъ ними широкую экономическую перспективу, помогаетъ пролетариату «мирно овладѣть промышленною и торговою собственностью». «Трудъ долженъ владѣть, а капиталъ—работать»—вотъ формула, въ которой Вальдекъ-Руссо выразилъ свои взгляды на экономическое будущее **).

Голосованіе новаго законопроекта, расширяющаго правоспособность синдикатовъ, отложено было до будущей палаты. Но синдикаты, даже какъ чисто-профессіональныя организаціи, уже оказали свое благотворное вліяніе. Подъ ихъ защитой находится теперь больше полмилліона рабочихъ. Кроме воспитательнаго вліянія на рабочихъ, синдикаты все больше и больше дѣлаются регуляторами національнаго производства. «Мы несомнѣнно прогрессируемъ въ области отношеній труда и капитала,—говорилъ Вальдекъ-Руссо 18 января 1900 г. передъ палатой.—Богда теперь объявляется гдѣ-нибудь стачка, то часто обвиняютъ въ этомъ синдикаты. Но я спрашиваю, развѣ не бывало стачекъ и до возникновенія синдикатовъ? Новое же явленіе, господа,—явленіе, которое нужно отмѣтить съ большимъ чувствомъ удовольствія,—это то, что синдикатъ не только вызываетъ стачки, но регулируетъ ихъ и дисциплинируетъ. Эго общественный прогрессъ и является послѣдствіемъ закона 1884 г.» ***).

Мы прослѣдили замѣчательную и разнообразную дѣятельность французскаго премьера въ ея прошломъ, когда на-ряду со смѣлыми проектами онъ проявлялъ надовѣріе къ извѣстной части французской демократіи, и въ ея настоящемъ, когда онъ рѣшительно пошелъ навстрѣчу послѣдней.

Вальдекъ-Руссо былъ правъ, когда въ отвѣтъ на привѣтствія председателя рабочей совѣщательной камеры высказалъ надежду, «что его про-

*) Recueil des lois ouvrières 1900, pp. 221—227.

***) Рѣчь 4-го февраля 1900 г. на банкетѣ производительныхъ ассоціацій Парижа (Waldeck-Rousseau, Question de société etc., p. 365).

***) Въ отвѣтъ на запросъ по поводу сентъ-вѣнскихъ стачекъ, въ которой участвовало больше 30,000 рабочихъ (Ibidem, p. 128).

шное не подымется и не обвинить его въ томъ, что онъ былъ эгоистомъ и человекомъ бесполезнымъ *)).

Если настоящимъ государственнымъ дѣятелемъ можетъ назваться только тотъ, кто стремится проводить въ жизнь возвышенныя цѣли, примирить практику съ велѣніями нравственнаго закона; кто не боится и самыхъ крайнихъ идей, когда онѣ справедливы и осуществимы, не боится свободы, прогресса и будущаго, — то несомнѣнно Вальдекъ-Руссо вполне заслуживаетъ этого названія.

Х. Г. Инсаровъ.

Поправка. Въ статьѣ Х. Г. Инсарова, напечатанной въ VI кн. *Русской Мысли*, на 156 стр., 18 строка сверху должна читаться такъ: „для французскаго премьера теперь ясно“ и т. д. Строки 20 и 21 должны читаться такъ: „республика будетъ консервативной или ея совсѣмъ не будетъ“.

Замѣтки читателя.

Въ июньской книгѣ *Мира Божія* окончена повѣсть г-жи Ольги Шапирь: *Друзь дѣтства*. Старая помѣщицья усадьба съ ея обитателями противопоставляется новымъ людямъ, отчасти отщепенцамъ изъ барской среды, отчасти выходящимъ прямо изъ народа, подъ вліяніемъ этихъ отщепенцевъ. Не могу сказать, чтобы повѣсть г-жи Шапирь отличалась глубокимъ знаніемъ деревенской жизни: «господа» обрисованы гораздо лучше «мужиновъ». Можно было бы сказать, что *Друзь дѣтства* написанъ въ народническомъ духѣ, еслибы авторъ въ лицѣ своей героини, Дины, не высказывалъ желанія внести въ деревенскую среду частицу *гордости*, характеризовавшей дворянскую культуру, лучшую ея частицу: самоуваженіе и уваженіе къ личности всѣхъ и каждого. Другая героиня, фельдшерница Варвара Тихоновна Прибыткина, «такъ сжилась съ деревней, что научилась подчасъ глядѣть ея глазами». Ученикъ Дины, Савелій, стремился поступить въ учительскую семинарію, въ свою очередь просвѣщать деревню. Отецъ побилъ его за это стремленіе. Для Варвары Тихоновны тутъ нѣтъ ничего унижительнаго; но въ самомъ Савеліи указанная *гордость* уже залегла. Дина этому вполне сочувствуетъ. Фельдшерница съ неудовольствіемъ говоритъ ей: «Только не вздумай, чего добраго, внушать, что это кровная обида (побой отца): охъ, не прививайте вы своимъ болячкамъ здоровымъ! Конечно, небось, и привилось уже...»

«Надѣюсь!» — подумала Дина.

Привѣтствуемъ это бодрое *надѣюсь*. Наше народничество много погрѣшило тѣмъ, что отвергало подобнаго рода воздѣйствіе на народъ со стороны такъ называемой интеллигенціи. Оно приглашало всему учиться у народа, а народъ такъ страстно самъ жаждетъ учиться! Въ народникамъ гнѣхъ числяли и Глѣба Успенскаго, но онъ рѣшительно возставалъ противъ это. Когда Н. Б. Михайловскій отмѣтилъ, что въ произведеніяхъ высокоодареннаго писателя дѣло идетъ о *сообщности* и игнорируется *честь* (т.-е. гордость, въ указанномъ смыслѣ), Успенскій въ письмѣ ко мнѣ (*Русскія Мысли*, апрѣль 1902 г.) говоритъ, что очень доволенъ статью Михайловскаго, которая даетъ ему поводъ высказаться, почему онъ такъ много пис...

е совѣсти и не писалъ о чести. Онъ ссылается на статью свою *Честь и деньги*, которую я не могъ найти, и обѣщалъ написать другую. Въ большому сожалѣнію, Глѣбу Ивановичу не удалось этого исполнить, и это грустная утрата для исторіи нашего общественнаго самосознанія.

Другимъ оригинальнымъ беллетристическимъ произведеніемъ іюньской книги *Міра Божія* является продолженіе повѣсти Семена Юшкевича: *Ита Гайме*. Это—скорбная исторія несчастной кормилицы, отдавшей по велѣнію своего ребенка на воспитаніе. Тема далеко не новая. Написана повѣсть довольно грубо.

Остановлюсь на *Критическихъ замѣткахъ* журнала, посвященныхъ сборнику *Литературное Дѣло* (о немъ упоминалось въ іюньской книжкѣ нашего журнала, по поводу статьи г. Булгакова, въ Письмахъ изъ деревни г. Веталиса).

«По причинамъ, большей частью отъ нея не зависящимъ,—говоритъ г. А. В.,—журналистикѣ приходится сокращать свои предѣлы, и вотъ тогда-то сборники выступаютъ на сцену, какъ ея вполне естественное дополненіе». Такимъ дополненіемъ является и *Литературное Дѣло*. «Въ смутныя времена,—продолжаетъ критикъ *Міра Божія*,—больше, чѣмъ когда-либо, должно намъ, писателямъ, дорожить литературной честью и порядочностью, тщательно сторонясь отъ всего, что возбуждаетъ естественное чувство общественной брезгливости. И если бы, что невѣроятно, но возможно, наступилъ моментъ, когда намъ не нашлось бы никакого родного пріюта,—лучше сломать свое перо, чѣмъ работать въ органѣ, къ которому не можешь относиться съ уваженіемъ...» Увы, эту элементарную истину небезполезно повторять. Съ удовольствіемъ отмѣчаю, что г. А. В. говоритъ о г. Булгаковѣ: «Не говоря уже объ искусственности его сопоставленій, о чрезмѣрности оцѣнки, наприм., Васнецова, весьма и весьма манернаго и неискренняго художника *),—г. Булгаковъ хватается черезъ край, доходя чуть не до отрицанія западно-европейской науки».

«Вообще,—продолжаетъ г. А. В.,—*зарвался*, что называется. Мѣстами текъ его статьи до того небрежно-вызывающій, что за автора становится вѣловко. Философская мысль Германін служила, по увѣренію его, на *полюбливаніи у остроумія, дешевой естественно-научной позитивизма*,—что это за языкъ?! Профессору не къ лицу и не пристало выражаться языкомъ дешевой уличной прессы о предметахъ первостепенной научной важности».

Это правильно, но г. А. В. всетаки относится къ г. Булгакову довольно снисходительно. Быть можетъ потому, что и *Міръ Божій* стоитъ за «физическій идеализмъ», какъ это отмѣчено по поводу статьи г. Маркса въ напечатанномъ у насъ (въ іюнь) письмѣ *Со стороны*.

іюньской книжкѣ *Вѣстника Европы* кончилась повѣсть г. Покровска *Культурное болото*. Авторъ—большой моралистъ. Рассказавъ, какъ

* съ этимъ отзывомъ о Васнецовѣ я рѣшительно не согласенъ.

одинъ посѣтитель, трезвый, приказалъ вывести изъ ресторана Бонтана другого посѣтителя, пьяненькаго, но тихаго, танцовавшаго съ половиною цѣткой въ пустомъ залѣ, г. Покровский глубокомысленно замѣчаетъ: «Въ русскомъ человѣкѣ есть черта: боязнь свободныхъ дѣйствій у другого; въ этомъ случаѣ Бородавкинъ обнаружилъ у себя эту черту; ему вызывается много недоразумѣній, напримѣръ, на окраинахъ» (?!). Или: «Ни въ чемъ русскій такъ не консервативенъ, какъ въ развлеченіяхъ; вотъ почему вода такъ мила *простолюдину*, а винтъ—интеллигенту». Немножко... совѣстно читать такіа изреченія и интеллигенту, и простолюдину.

Строго морализующимъ тономъ описываетъ г. Покровский публичку лѣтнихъ театровъ, и сильною скукою вѣетъ отъ этихъ никому ненужныхъ описаній. Правильно, но тоже понапрасну, изображаетъ авторъ, что въ центрѣ Петербурга—большіе дома, а на окраинахъ—маленькіе, есть и пустыри...

Рассказывается длинная исторія о томъ, какъ шальному милліонеру Бородавкину пришла *идея* свой отлично шедшій заводъ передать акціонерному обществу. Мало правдоподобно непониманіе Бородавкинскихъ, въ особенности послѣ предостереженій со стороны директора завода, всѣхъ послѣдствій отказа отъ единоличнаго распоряженія предпріятіемъ.

Директоръ завода говоритъ много дѣльнаго, сокращаетъ рабочее время, желаетъ привлечь рабочихъ къ прибыли предпріятія, но почему все сіе называется *пошлостью*?

Странное и тягостное впечатлѣніе производитъ на меня *Мой романъ* г-жи Софьи Витте, начатый въ шестой книгѣ *Вспоминанія Еероны*. Онъ написанъ отъ перваго лица, въ формѣ дневника. Дѣвица—вѣрнѣе полу-дѣвица—Марья Сергѣевна Нарская проживаетъ въ Карлсбадѣ съ сестрою, мужъ которой тамъ лѣчился. Барышня ни о чемъ не думаетъ, ничего серьезнаго не читаетъ, Вагнеръ ее оглушаетъ, Бетхованъ усыпляетъ, живописи она не любитъ, выписываетъ изъ Парижа ботинки отъ Ферр, покупаетъ прельщающія ее красныя шапочки и, само собою разумѣется, скучаетъ. Наконецъ, какъ и слѣдовало ожидать, появляется *онъ*,—красивый русскій. Нарская стремится съ нимъ познакомиться: рокошетъ у его ногъ цвѣты, зонтикъ, книгу. Тотъ вѣжливо подымаетъ, но не заговариваетъ, къ негодованію нашей карикатуры на Башкирцеву. Ясное дѣло, что *герои* всетаки познакомятся. *Онъ* оказывается знаменитымъ живописцемъ Юріемъ Васильевичемъ Леоновымъ. Начинается флиртъ, полный и, хотѣлось бы вѣрить, неправдоподобный. Господинъ Леоновъ спрашиваетъ, напримѣръ, госпожу Нарскую:

— Вы, кажется, боитесь оставаться со мною вдвоемъ?

— Бого же я могу бояться съ вами?—неувѣренно спросила я, и онъ отвѣтилъ не задумываясь:

— Со мною—только меня.

Художникъ Леоновъ царапаетъ (впрочемъ, нечаянно) руку Марьи Сергѣевны, что потомъ служитъ для него основаніемъ дѣловатъ пораненъ ую

ладонь. Иѣняются *серои* и вызывающими намеками, и грубостями. Недурна и такая сценка. На прогулкѣ барышня захотѣлось купить у дѣвочки вазильковъ. Она проситъ у Леонова 20 крейцеровъ. Тотъ отвѣчаетъ, что нѣтъ мелочи (только что получилъ отъ Марьи Сергѣевны эти двадцать крейцеровъ). Барышня проситъ нѣсколько разъ,—все отказы. Это «безжалостное равнодушіе» ее возмутило:

— Неужели, Юрій Васильевичъ, вы захотите изъ капризнаго упрямства лишить меня любимыхъ цвѣтовъ, а эту бѣдную дѣвочку—куска хлѣба на завтрашній день?

«Не успѣла я этого проговорить, какъ Леоновъ очутился между мною и дѣвочкой. Раздался испуганный возгласъ. Васильки посыпались ко мнѣ на колѣни, а пустая корзинка полетѣла въ обрывъ. Раздался второй возгласъ—радостный. Въ воздухѣ блеснулъ одинъ блестящій кружокъ, другой, третій, и по бревенчатымъ ступенькамъ лѣстницы покатались гуллены, кружась и сверкая на солнцѣ, *точно крупныя капли дождя*».

Ахъ, какой очаровательный поступокъ!

Дальше—больше: флиртъ превращается въ романъ. Въ Вѣнѣ Марья Сергѣевна признается сама Леонову въ любви, происходятъ объятія, но въ самомъ началѣ ихъ художникъ сообщаетъ, что онъ женатъ. Барышня отталкиваетъ Леонова, тотъ уходитъ. Романъ приостанавливается, потомъ возобновляется, затѣмъ задерживается вновь: авторъ спѣшно посылаетъ Леонова къ опасно заболѣвшей, сильно любимой сестрѣ. Часть первая кончается. Что-то сулитъ намъ вторая?

Неужели, повторяю, дѣвушка, подобная Нарской, не уродливое и рѣдкое исключеніе? Неужели пріятно слушать безъ смущенія такіе, напримѣръ, рассказы, какими угощаетъ ее богатый молодой человекъ Чебаревъ, про исполнительницу Прекрасной Елены? «Какъ она выскочила на сцену,—говоритъ Чебаревъ,—въ своемъ античномъ *безобразіи*, такъ у меня ажъ мурашки по кожѣ пріятно забѣгали... я такъ и впился глазами въ ея этотъ разрѣзъ, знаете, на туникѣ, изъ какой-то сквозной ткани, такой, знаете, что дразнить око—какъ это у Толстого сказано». Повѣствованіе въ такомъ духѣ ведется и дальше и кончается слѣдующими словами: «А какъ она носитъ это свое, знаете ли: о, неужели, боги, васъ веселитъ, коль моя честь кувыркою, кувыркою полетитъ,—и при этомъ растерянно хватается обѣими руками за свою прорѣху, точно и взаправду боится, какъ бы въ нея ея честь кувыркою не вылетѣла».

Очень хорошо, хоть на сцену къ Омону.

Очень просто, тепло и умно написанъ въ той же книжкѣ *Вѣстника* Ея *ты* небольшой рассказъ г. Сѣверова: *Старый капитанъ*. Капитанъ учивалъ въ коммунѣ, и то, что онъ передаетъ, бросаетъ новый свѣтъ на эти мрачныя событія.

Лончена въ *Вѣстникѣ Европы* и повѣсть г-жи Анненовой-Бернаръ: *Бискупъ и стучка*. Она преисполнена такими «человѣческими документами», что я предпочитаю ничего не говорить о ней. Черезчуръ *натуралистически*

стали писать наши романистки. Конечно, *que le mot soit vilain, quand vilaine est la chose*, но необходима для этого психологическая или нравственно-общественная потребность. Этого нѣтъ въ *Бабушки и внучки*, — вѣдь не вліяніе же наслѣдственности думалъ изобразить авторъ, да и его нельзя такъ изображать въ литературномъ произведеніи. Это вовсе не пурризмъ, а естественное требованіе, чтобы искусство оставалось искусствомъ, чтобы оно служило высокимъ потребностямъ нашего духа, чтобы форма не оскорбляла насъ эстетически. Въ статьѣ *Новости иностранной литературы* авторъ, Э. В., говоритъ, что «тяготѣніе къ политической пропагандѣ въ области искусства очень опасно; оно удаляетъ литературу отъ ея самыхъ священныхъ задачъ — отъ *воздѣйствія на идейное развитіе общества проповѣдью нравственныхъ идеаловъ*, а не практическихъ осуществленій уже установившихся понятій». Конечно, законопроектъ не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, но *Послѣдній день осужденнаго* Виктора Гюго несомнѣнно художественное произведеніе, и, однако, оно имѣло прямую практическую цѣль — отиѣну смертной казни. Затѣмъ слѣдуетъ помнить, что политическіе идеалы входятъ въ область нравственныхъ. Естественно поэтому, что въ исключительныхъ описаніяхъ флирта и любовныхъ похожденій и въ равнодушій къ вопросамъ современной общественной жизни мы видимъ печальный признакъ для текущей литературы.

Одному изъ важныхъ общественныхъ вопросовъ посвящена въ июньской книжкѣ *Вѣстника Европы* интересная статья г. Сулиговскаго: *Городское управление въ губерніяхъ Царства Польскаго*.

Городовое положеніе, измѣненное въ прошлое царствованіе, дѣйствительно отличается многими недостатками. Давно уже печатью указывается на необходимость, наприимѣръ, квартирнаго налога, который увеличилъ и улучшилъ бы составъ избирателей и т. д. Съ другой стороны, враги земскаго и городского самоуправления, подчеркивая ошибки въ ихъ дѣятельности, требуютъ замѣны самоуправления бюрократіей. *Московскія Вѣдомости* превозносили порядки городовъ Царства Польскаго, гдѣ магистраты назначаются администраціей. Очеркъ г. Сулиговскаго является обстоятельнымъ и документальнымъ опроверженіемъ этого взгляда. Даже Варшава, много обязанная такой исключительной личности, какъ бывший президентъ ея магистрата, г. Старынкевичъ, далеко не достигла того, чего могла бы достигнуть при выборной думѣ и управѣ. Другіе города Царства Польскаго представляютъ по большей части незавидную картину. Недавно скончавшійся генералъ-губернаторъ князь Имеретинскій «былъ убѣжденнымъ сторонникомъ введенія общественнаго городского управления и со времени вступленія въ должность постоянно обращалъ вниманіе на экономическое положеніе края и собиралъ данныя для всесторонняго разъясненія вопроса».

Очень интересное письмо Г. И. Успенскаго напечатано въ двойной май—июнь, книжкѣ *Образованія*. Оно относится къ концу восьмидесятихъ годовъ и адресовано г. Ал. С.—кому, который прислалъ Успенскому на просмотръ свою рукопись. Похваливъ статью, Глѣбъ Ивановичъ пишеть:

«Но вы не ограничились указаніемъ интеллигентному обществу его обязанностей, многосложности и разнообразія обязательной для него дѣятельности, — словомъ, не ограничились напоминаніемъ ему того, что оно забыло и въ размышленіяхъ о томъ запуталось и сбилось съ толку. Вы, мнѣ кажется, еще болѣе сбиваете его съ толку постояннымъ указаніемъ на *«существующее положеніе»*, на *«существующія обстоятельства»* и какъ бы рекомендуете дѣйствовать такъ, чтобы дѣятельность интеллигентнаго человѣка не касалась, не трогала этихъ обстоятельствъ. Вы опредѣляете вашъ минимумъ такими чертами:

«Намъ кажется, что въ этическомъ отношеніи *удобство* (1) этого идеала заключается именно въ томъ, что, *будучи меньше по размѣрамъ* (ибо онъ есть минимумъ) и не устраняя идеала болѣе высокаго, онъ имѣетъ предъ послѣднимъ *практическое преимущество* (1) своею очевидностью, обязательностью, такъ сказать, ариметическою ясностью» (№ 1).

«Затѣмъ, ниже, вы прибавляете къ удобствамъ идеала еще такую черту:

«Этотъ опредѣленный и точный характеръ идеала, *снятая мнѣнія нравственныя пути съ личности...*» (№ 2).

«И, наконецъ, совершенно неожиданно возносите этотъ минимумъ до небесъ:

«Замѣтимъ лишь, что наряду съ текущими, такъ сказать, обязанностями у личности есть еще великая обязанность — искупленіе прошлаго» (№ 3).

«Какимъ образомъ можно понять это постоянное соединеніе несоединимаго.

«(1) Идеалъ удобенъ потому, что (2) *малъ по размѣрамъ*, потому что (3) снимаетъ мнѣнія пути нравственности (пути! даже не обязанности...) и, въ 4-хъ, онъ не просто минимумъ. И въ то же время этотъ же самый минимумъ 1) не устраняетъ идеала болѣе высокаго, 2) въ немъ таится великая обязанность — искупленіе прошлаго!

«А затѣмъ опять:

«Минимумъ, малый по размѣрамъ, имѣетъ уже прямо *преимущество* предъ *высокимъ идеаломъ* («имѣетъ предъ послѣднимъ практическое преимущество»).

«Все это можно понять какъ *успокоеніе* для *интеллигентнаго* (1) *человѣка* (1), которому, вѣроятно, вы и сами хорошо понимаете, не сладко съживаться до вашего минимума. Вы соблазняете и *удобствами* (1) *идеала* (1), и *малыми размѣрами*, и тѣмъ, что *мнѣнія нравственныя* пути будутъ сняты съ его личности, — но зная, что интеллигентный человѣкъ не можетъ слушать этихъ увѣщаній безъ нѣкотораго неприятыяшаго нравственнаго ощущенія, вы его увѣряете, что минимумъ *не устраняетъ и не снимаетъ болѣе высокаго* и что въ немъ таится *великая обязанность* — *искупленіе прошлаго*.

Между тѣмъ на каждомъ шагу вы всѣ эти *великіе идеалы* искупленія

изображаете, как задачи совершенно непрактическія, и на каждом шагѣ твердите *интеллигентному человеку*, чтобы онъ принялъ во вниманіе *существующія обстоятельства, существующее положеніе*, да не касаясь ихъ, и дѣйствовалъ бы на общее благо.

«Принимать во вниманіе, пишете вы, *существующее положеніе и изъ него исходить въ реализаціи своихъ стремленій и цѣлей*,—это не только не фантастическій, но, кажется (?), наиболѣе основательный путь для всякаго практическаго дѣла. Не фантазіей ли будетъ противоположный путь,—*игнорировать данныя обстоятельства и требовать отъ интеллигенціи перемѣны своей дѣятельности безъ всякой помощи* (№ 4).

«Я здѣсь не понимаю ужъ, что такое и *интеллигенція*. Оказывается, что и надъ нею есть кто-то, кто *требуетъ* отъ нея чего-то и не помогаетъ. Я всегда понималъ *интеллигентнаго человека* (такого *сословія нѣтъ*) именно какъ такого, который *самъ обязанъ требовать* перемѣны въ окружающемъ положеніи, такъ какъ онъ потому и *интеллигентный*, что окружающее положеніе составляетъ его личную печаль. Мужикъ Сутаевъ не запираетъ амбара и тѣмъ не вводитъ бѣдныхъ людей въ грѣхъ воровства: «бери, когда нужно»; это его принципъ, котораго отъ него никто *не требуетъ*, тѣмъ болѣе въ практическомъ примѣненіи; всѣ сятаевскіе сосѣди запираютъ амбары и если чего требуютъ отъ Сутаева, то именно того, чтобы и онъ запиралъ. А онъ, какъ интеллигентный человекъ (этотъ типъ *человѣка* не составляетъ *сословія*), убѣжденный въ неправдѣ такихъ отношеній къ ближнему, переводя это убѣжденіе въ реальное дѣло, не запираетъ, поступаетъ вопреки *требованіямъ* среды, поступаетъ въ смыслѣ несогласія съ *окружающими обстоятельствами и положеніемъ дѣла*.

«Въ 3-й главѣ вашего труда вы указываете на земство, городское управленіе, сельскій сходъ, какъ на органы для практической дѣятельности на пользу народа. Представьте себѣ, что вы вступаете въ земство, или въ городское управленіе, или на сходъ съ вашимъ *удобнымъ идеаломъ*, съ этимъ минимумомъ и прежде всего изъ *практическихъ цѣлей*, т.-е. во имя яко бы реальнаго дѣла,—прежде всего оглядываетесь и принимаете во вниманіе *существующія обстоятельства и существующее положеніе*. Но, къ вашему изумленію, окажется, что заседающіе въ земскомъ собраніи земцы уже давно *подобранны* изъ тѣхъ самыхъ минимумовъ, которые и думать уже не смѣютъ о какомъ-нибудь самоуправленіи, отлично знаютъ, что значить идти противъ «*окружающихъ обстоятельствъ*», и уже не хотятъ идти противъ нихъ, исполняютъ, что прикажутъ, и довольны, что за это даютъ деньги.

«Опытъ жизни лучше всякихъ *теорій* научаетъ наше общество нѣ чего не дѣлать и всего бояться. Писать для этого трактаты, уговаривать его, чтобы оно не фордыбачило, нѣтъ ни малѣйшей надобности. Даже волостной писарь въ деревнѣ такъ утихомирить «интеллигента», какъ нельзя лучше, безъ всякихъ программъ и доктринъ. По части приведенія въ «*минимумъ*» человекъ дѣятелей у насъ (да и вездѣ) видимо-невидимо, и вы-

работывать ихъ еще теоретически, да къ тому-жъ яко бы «на пользу народа»—это дѣло прямо противоположное.

«Такимъ образомъ, широкая картина обязанностей интеллигентнаго чело­вѣка предъ народомъ и указаніе средствъ ихъ реализаціи (точные и цѣльныя), составляющія содержаніе главы второй и третьей, могли бы сдѣлать большую пользу обществу, освѣживъ, расширивъ и, главное, точно и просто опредѣливъ предстоящія ему общественныя задачи. Это у васъ сдѣлано прекрасно. Но въ то же время, быть можетъ, просто гуманное желаніе *опрадать интеллигентнаго чело­вѣка отъ неудачъ и страданій*— чему были примѣры — заставляеть васъ на каждомъ шагѣ дѣлать ему предостереженія, окорачивать его мысль, убавлять нравственныя обязан­ности (*мыслия* нрав. путы), — словомъ, всячески стращать его свободу мысли и дѣйствій *окружающею дѣйствительностью*. Это совершенно не­достижимое явленіе въ произведеніи, трактующемъ о благѣ народа».

Приведенное нами письмо ясно подчеркиваетъ тѣ особенности въ об­щественныхъ взглядахъ Успенскаго, которыя отличаютъ его отъ предста­вителей народничества и малыхъ дѣлъ.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшій рескриптъ на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и вопросъ о реформѣ средней школы.—Прекращеніе земскихъ оцѣночныхъ работъ въ 12 губерніяхъ.—Занятія особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Изъ жизни провинціи.—Кончина М. М. Антокольскаго.— Положеніе о преміи имени Л. П. Куанейова.

Вопросъ о реформѣ средней школы вступаетъ въ новый фазисъ. 10 іюня данъ былъ на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

«Григорій Эдуардовичъ! Назначивъ васъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я возложилъ на васъ въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей задачу разработать и представить на Мое утвержденіе черезъ государственннй совѣтъ проекты преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній. Дабы при выполненіи этой работы воспользоваться тѣмъ, что Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы. Независимо отъ сего признаю нужнымъ преподать нѣкоторыя руководительныя указанія. Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также заботы о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненннй религиозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самолюбіе. Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательныя пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, неподготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ. Вѣстѣ

съ тѣмъ Я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ материальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу. Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ, и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа. Что касается университетовъ, то послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру вѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣній, борьбы и увлеченій молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей— опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія. Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулись къ учебнымъ занятіямъ и порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтнаго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внимаетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣроподданными подъ сѣнь труда и законности. Безпорядкамъ, поворящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо вѣренняго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ».

Хотя въ рескриптѣ нѣтъ указаній на подробности устройства новой школы, тѣмъ не менѣе онъ содержитъ опредѣленную программу, которая и ляжетъ въ основу преобразованной средней школы. Основной принципъ этой программы— образованіе юношества, соединенное съ воспитаніемъ его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, и приученіемъ его съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Такъ какъ и до сихъ поръ образованіе въ средней школѣ соединялось съ развитіемъ юношества въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и съ приученіемъ его къ порядку и дисциплинѣ, то, очевидно, слова Высочайшаго рескрипта слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что отнынѣ на эту сторону дѣла должно быть обращено главное вниманіе. Это подтверждается и тѣмъ, что для наилучшаго достиженія указанной цѣли предпринимается и особая мѣра, а именно устройство воспитательныхъ пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ предполагается и строгій подборъ подходящихъ людей для дѣла воспитанія.

Рескриптъ устанавливаетъ и основные типы будущей школы, которая предполагается трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя разныхъ типовъ также съ законченнымъ курсомъ и средняя съ подготовительнымъ курсомъ для университета. Такимъ образомъ, обнаружившаяся за послѣднее время тенденція къ уравниенію въ правѣтъ среднихъ школъ разныхъ типовъ признается нецѣлесообразной и

изъ разныхъ другихъ школъ выдѣляется одна привилегированная, дающая доступъ въ университетъ, тогда какъ для всѣхъ другихъ этотъ доступъ предполагается закрыть.

За нѣсколько дней до Высочайшаго рескрипта опубликованы были въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* результаты работъ комиссiи, учрежденной для разработки вопроса объ устройствѣ учебной части въ средней школѣ на 1902—1903 г., въ виду того, что 11 iюня этого года истекаетъ срокъ состоявшагося Высочайшаго повелѣнiя о временномъ устройствѣ школъ. Въ составъ этой комиссiи подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенiя вошли въ качествѣ представителей отъ каждаго округа по одному директору гимназiи и реальнаго училища. Въ своихъ работахъ комиссiя исходила изъ того положенiя, что прекращенiе дѣйствiя Высочайшаго повелѣнiя 11 iюня 1901 г. само по себѣ предполагаетъ возстановленiе того порядка, который дѣйствовалъ въ средне-учебныхъ заведенiяхъ до 1901 г.; но съ другой стороны комиссiя полагала, что такое возстановленiе закона возможно лишь въ томъ случаѣ, если дѣйствiе его будетъ согласовано съ совокупностью тѣхъ условiй, въ которыхъ въ настоящее время находятся средне-учебныя заведенiя, и если временное возвращенiе къ старому порядку совершится при полномъ вниманiи къ интересамъ учащихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссiя имѣла въ виду, что на нее возложено устройство учебной части въ гимназiяхъ и реальныхъ училищахъ только временно, всего лишь на одинъ годъ. Поэтому, высказывая свои предположенiя о томъ характерѣ, который могъ бы быть приданъ постановкѣ учебнаго дѣла въ 1902—1903 учебн. году, комиссiя воздерживалась отъ теоретическихъ разсужденiй объ остальныхъ преимуществахъ той или другой школьной системы, а стояла исключительно на точкахъ зрѣнiя педагогической и практической. Комиссiи казалось, что она тѣмъ лучше исполнитъ свою задачу, чѣмъ меньше намѣчаемыми ею мѣрами, съ одной стороны, стѣснится введенiе предстоящей школьной реформы, а съ другой—нарушится правильность теченiя учебнаго дѣла въ средне-учебныхъ заведенiяхъ. По предварительномъ обсужденiи вопросовъ, относящихся къ учебной части на 1902—1903 г., въ двухъ подкомиссiяхъ: одной—изъ директоровъ гимназiй, а другой—изъ директоровъ реальныхъ училищъ, комиссiя остановилась на слѣдующихъ предположенiяхъ: I. Для гимназiй: 1) по отношенiю къ I и II классамъ комиссiя высказалась за сохраненiе въ нихъ учебнаго строя и программъ прошлаго 1901—1902 г., опасаясь какъ бы измѣненiе его не отразилось неблагоприятно на учебно-воспитательной сторонѣ дѣла. 2) Число уроковъ и изучаемыхъ въ I и II классахъ предметовъ, въ наступающемъ учебномъ году комиссiя полагала бы возможнымъ оставить безъ измѣненiя по сравненiю съ прошлымъ годомъ въ видахъ объединенiя двухъ низшихъ классовъ гимназiи въ учебномъ отношенiи и установленiя преемственности въ прохожденiи курсовъ; для устраненiя же тѣхъ практическихъ затрудненiй, съ которыми сопряжено было въ I классѣ преподаванiе двухъ новыхъ языковъ, комиссiя думала, что

В I классѣ можетъ преподаваться одинъ новый языкъ (нѣмецкій). 3) Изученіе латинскаго языка предположено начинать съ III класса, а также продолжить въ этомъ классѣ начатый уже во второмъ классѣ курсъ преподаванія, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы ученики будущаго III класса имѣли возможность закончить курсъ этого предмета; въ этомъ же классѣ, по мнѣнію комиссіи, могло бы начаться необязательное изученіе второго новаго языка. 4) Для учебнаго строя IV класса подкомиссіи казалось полезнымъ выработать на будущій 1902—1903 учебный годъ двѣ таблицы недѣльных уроковъ, на случай сохраненія гимназій двухъ разрядовъ, согласно установленному въ истекшемъ учебномъ году порядку,—одну (для большинства гимназій) съ однимъ латинскимъ языкомъ, но съ обязательнымъ изученіемъ обоихъ новыхъ языковъ, другую (для нѣкоторыхъ гимназій)—съ латинскимъ и греческимъ языками, но съ обязательнымъ изученіемъ лишь одного новаго языка. 5) Въ старшихъ классахъ гимназій, начиная съ V класса, предположено оставить безъ измѣненія число недѣльных уроковъ, согласно съ таблицею 1890 г. Въ связи съ этими предположеніями, выработанными подкомиссіей директоровъ гимназій, намѣчены соответствующія измѣненія въ таблицахъ недѣльных уроковъ III и IV классовъ. Учебный же планъ и программы 1890 и 1900 гг. могутъ остаться, по мнѣнію комиссіи, въ силѣ во всѣхъ классахъ, начиная съ III по VIII, кромѣ, конечно, отступленій, вызываемыхъ тѣми условіями, въ которыхъ гимназій въ настоящее время находятся. II. По реальнымъ училищамъ: комиссія высказалась за сохраненіе въ дѣйствиі для I и II классовъ Положенія 1901 г., а для остальныхъ классовъ, начиная съ III—учебныхъ плановъ 1895 г. Подкомиссіи казалось также, что измѣненію подлежитъ постановка преподаванія новыхъ языковъ. Принимая во вниманіе невозможность на практикѣ вести параллельное преподаваніе двухъ иностранныхъ языковъ (вслѣдствіе неимѣнія средствъ, помѣщеній и преподавателей), подкомиссія подала голосъ за то, чтобы 1) въ первомъ классѣ преподавался одинъ нѣмецкій языкъ; 2) во второмъ классѣ преподавались оба языка—нѣмецкій и французскій, но число уроковъ по этимъ языкамъ подкомиссія намѣтила разное съ тою цѣлью, чтобы безъ ущерба для дальнѣйшаго обученія можно было соединить учениковъ II класса по переходѣ ихъ въ III въ одну группу, и такимъ образомъ избѣжать дѣленія на группы при обученіи языкамъ въ слѣдующихъ классахъ; 3) въ III классѣ, по мнѣнію подкомиссіи, должно начинаться обязательное обученіе французскому языку, и для учениковъ этой группы, приступающихъ къ изученію языка на годъ позже вполнѣдствіи въ старшихъ классахъ, подкомиссія предположила увеличить число уроковъ этого языка. Что касается программъ, то предположено лишь нѣсколько измѣнить временныя программы 1901—1902 гг. въ трехъ низшихъ классахъ, а въ остальныхъ классахъ слѣдовать программамъ 1895 г. Занятія комиссіи директоровъ гимназій и реальныхъ училищъ въ настоящее время закончены и мнѣніе ея объ устройствѣ учебной части въ среднихъ общеобразовательныхъ

учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія на 1902—1903 учебный годъ передано на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства.

Хотя комиссія имѣла въ виду задачу чисто-практическую—устройство школы на ближайшій учебный годъ, и не должна была касаться общихъ основъ предполагаемаго преобразованія, тѣмъ не менѣе изъ нея заключеній можно сдѣлать нѣсколько выводовъ относительно этихъ общихъ основъ. Какъ извѣстно, по плану, намѣченному въ предыдущее министерство, латинскій языкъ долженъ былъ начинаться лишь съ четвертаго класса, комиссія же вводитъ его съ третьяго класса. Этотъ разрушается имѣвшаяся прежде въ виду идея низшаго центра, по которой три низшихъ класса гимназій должны были давать законченное образованіе, одинаковое какъ въ классической, такъ и въ общей и нашей школѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія расстается и съ идеей единой школы, оставляя существующія реальныя училища съ ихъ особымъ отъ классической школы курсомъ. Кромѣ того, комиссія дѣлитъ гимназію на два разряда: большинство съ однимъ латинскимъ языкомъ и меньшинство съ латинскимъ и греческимъ; гимназій безъ древнихъ языковъ комиссія, повидному, не признаетъ. Другихъ отклоненій, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе важныхъ отъ первоначально намѣченныхъ предположеній, мы въ заключеніяхъ комиссія не находимъ.

Вообще, насколько можно судить по работамъ комиссія, прежній планъ, составленный при П. С. Ванновскомъ, нынѣ признается неудобнымъ.

Въ ближайшемъ будущемъ новый проектъ выяснится во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и намъ еще придется о немъ говорить. Пока же замѣтимъ то, что мы настойчиво твердили раньше всякій разъ, какъ заходила рѣчь о школьной реформѣ. Прекрасная вещь—цѣлесообразно и хорошо составленная программа преподаванія, но важнѣе всякихъ программъ—режимъ, господствующій въ школахъ. Исходной точкой похода противъ старой школы былъ протестъ противъ глетворнаго, губящаго, мертваго формализма. Въ этомъ жестокомъ формализмѣ, уродовавшемъ живую человѣческую душу, и было главное зло системы. И если мы, дѣйствительно, хотимъ реформировать школу, а не одно только преподаваніе въ ней, то раньше всего нужно рѣшительно и безповоротно покончить съ *духомъ* старой школы. Если же въ преобразованной школѣ съ новыми программами останется тотъ же внутренній режимъ, который регулировалъ ее жизнь до сихъ поръ, то это будетъ не новая, а старая школа, и результаты она будетъ давать такіе же, какіе давала до сихъ поръ.

30 мая состоялось важное Высочайшее повелѣніе о прекращеніи съ 1902 году собранія свѣдѣній о земельныхъ имуществвахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земледѣльской полосы Россіи:

«Собраніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществвахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Баганскаѣ,

Бурской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ сельскихъ мѣстностяхъ остальныхъ 22 губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній».

Мотивы, вызвавшіе эту мѣру, усматриваются изъ всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ, который мы, въ виду важности предмета, и приводимъ здѣсь.

«Въ видахъ усовершенствованія земскаго обложенія, закономъ 8 іюня 1893 года возложено на земскія учрежденія производство переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ по правиламъ, удостоившимся тогда же Высочайшаго утвержденія.

Придавая этому дѣлу весьма существенное значеніе, министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ постоянно слѣдили за ходомъ оцѣночныхъ работъ. Какъ видно изъ имѣющихся по сему предмету данныхъ, эти работы, несмотря на затраченныя на нихъ значительныя средства, достигавшія шести милліоновъ рублей, идутъ не вполне успѣшно и рассчитывать на скорое завершеніе ихъ не представляется возможнымъ.

Въ главныхъ чертахъ своею дѣло переоцѣнки слагается изъ трехъ послѣдовательныхъ работъ: 1) собранія и разработки оцѣночно-статистическаго матеріала; 2) установленія общихъ основаній оцѣнки, и 3) приложенія оцѣночныхъ нормъ къ отдѣльнымъ имуществамъ, которыя въ свою очередь распадаются на: а) имущества земельныя; б) городскія, и в) фабрики, заводы и торгово-промышленныя заведенія.

Третьей стадіи, т.-е. приложенія оцѣнокъ къ отдѣльнымъ имуществамъ, оцѣночныя работы достигли только въ Саратовской и Нижегородской губерніяхъ и не въ отношеніи всѣхъ подлежащихъ обложенію недвижимыхъ имуществъ, а только одного изъ разрядовъ послѣднихъ, именно городскихъ имуществъ въ Саратовской губерніи и земельныхъ—въ Нижегородской. Въ періодъ установленія общихъ основаній оцѣнки по всѣмъ видамъ недвижимыхъ имуществъ работы находятся въ губерніяхъ: Уфимской, Московской и части Бостромской и Рязанской, въ большинствѣ же губерній работы не вышли изъ періода собранія и разработки оцѣночно-статистическихъ матеріаловъ.

Недостаточно успѣшная дѣятельность земскихъ учрежденій по оцѣночнымъ работамъ объясняется главнѣйше тѣмъ, что они слишкомъ расширили поставленную имъ задачу. Многія земства, не ограничиваясь собраніемъ свѣдѣній, указанныхъ въ законѣ и въ инструкціи министерства финансовъ, задалась цѣлью произвести черезъ специальныхъ оцѣнщиковъ слѣдующее оцѣночно-экономическое обследованіе всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Другая причина, препятствующая успѣшному ходу дѣла, кроется въ неудовлетворительномъ составѣ лицъ, привлекаемыхъ къ работѣ. Лица эти болѣею частью недостаточно подготовлены къ предстоящимъ имъ обязанностямъ и, въ лучшихъ случаяхъ, имѣютъ только теоретическую подготовку, но незнакомы съ практическими требованіями оцѣночнаго дѣла.

Вслѣдствіе сего работа этихъ лицъ оказывалась нерѣдко не вполне удовлетворительною, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, наприм., въ Казанской, Черниговской и Тамбовской, губернскія оцѣночныя комиссіи и земскія учрежденія вынуждены были даже вовсе отказаться отъ пользованія свѣдѣніями, доставленными статистиками, и признали необходимымъ произвести всѣ работы вновь. Кроме того, въ виду большого спроса въ настоящее время на статистиковъ, послѣдніе стремятся занять въ земскомъ хозяйствѣ вполне самостоятельное положеніе и весьма часто вступаютъ въ совершенно неумѣстныя столкновенія съ земскими управами. Подобныя столкновенія, принимавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ характеръ стачекъ и распространявшіяся одновременно на нѣсколько губерній, очевидно, не могли не отразиться неблагоприятно на успѣхѣ работъ.

При такихъ условіяхъ естественно возникли опасенія за производительное употребленіе ассигнованныхъ земствами на оцѣночныя работы средствъ, а равно и отпускаемаго на этотъ предметъ по закону 18 января 1899 г. казеннаго пособія, выданнаго въ размѣрѣ болѣе трехъ милліоновъ рублей; съ тѣмъ вмѣстѣ выяснилась также и невозможность скорого завершения переоцѣнокъ, съ которыми, согласно закону 12 іюня 1900 года, связано установленіе предѣльной нормы обложенія земскими сборами недвижимыхъ имуществъ. Въ виду сего предмѣстникъ мой, остановившись на мысли изъять оцѣночное дѣло изъ вѣдѣнія земства, приступилъ, совместно съ министромъ финансовъ, къ обсужденію вопроса о возложеніи этого дѣла всецѣло на административныя учрежденія. По сложности своей мѣра эта требуетъ еще обширныхъ соображеній, и потому осуществленіе ея можетъ и не последовать въ ближайшемъ времени.

Между тѣмъ за послѣдніе годы обнаружилась и другая отрицательная сторона земскихъ оцѣночныхъ работъ. Для собранія необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній земскія учрежденія должны были подобрать постоянный личный составъ, пополняемый въ лѣтніе мѣсяцы временными сотрудниками, нерѣдко далеко не безупречными въ политическомъ отношеніи. Число такихъ сотрудниковъ, какъ усматривается изъ нижеслѣдующей таблицы, достигало въ 1900 и 1901 годахъ во многихъ губерніяхъ значительныхъ размѣровъ.

	Постоян- ныхъ ста- тистиковъ.	Времен- ныхъ сотру- дниковъ.	Всего.
Вологодская губ.	14	64	78
Вятская губ.	23	71	94
Олонецкая губ.	25	44	69
Орловская губ.	24	22	46
Пензенская губ.	—	—	49
Полтавская губ.	37	594	631
Псковская губ.	22	16	38
Рязанская губ.	23	67	90
С.-Петербургская губ. . . .	25	32	57
Тульская губ.	—	—	49

Между тѣмъ преградить неблагонадежнымъ лицамъ доступъ къ занятію статистическими работами не всегда представляется возможнымъ, ибо нѣкоторые земства, по снѣжности дѣла, допускали статистиковъ къ работамъ до полученія разрѣшенія губернатора. Такъ, въ Орловской губерніи изъ числа 46 лицъ, приглашенныхъ къ оцѣночно-статистическимъ изслѣдованіямъ, 30 человекъ приступили къ работамъ безъ согласія губернскаго начальства. Такая обстановка оцѣночнаго дѣла давно уже обращала на себя вниманіе министерства, но ни указанія губернаторамъ, ни надзоръ полиціи, ни разнообразныя справки объ отдѣльныхъ лицахъ не въ состояніи были, однако, въ достаточной степени оградить населеніе отъ вреднаго въ политическомъ отношеніи вліянія нѣкоторыхъ изъ числа подобныхъ лицъ. Постоянное, особенно при обслѣдованіи земельныхъ имуществъ, общеніе съ крестьянами даетъ неблагонадежнымъ людямъ широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться съ которой при слабости полицейскаго надзора въ селеніяхъ представляется крайне затруднительнымъ.

Послѣднія событія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ съ очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на сельское населеніе нѣкоторые изъ земскихъ статистиковъ. При этомъ не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что предстоящія въ указанномъ направленіи мѣры, какъ преслѣдующія интересы государственнаго порядка, должны быть осуществлены во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ сего еще болѣе замедлились оцѣночныя работы.

Сдѣлавъ поэтому распоряженіе о временномъ до 1 числа наступающаго іюня приостановленіи разъѣздовъ статистиковъ по уѣздамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ заключенію о неотложной необходимости принятія, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о переустройствѣ оцѣночнаго дѣла, такой мѣры, которая устранила бы нежелательныя явленія существующаго порядка земскихъ статистическихъ обслѣдованій. Подобною мѣрою, по моему мнѣнію, должно быть воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ для собранія свѣдѣній въ теченіе нынѣшняго года.

Мѣру эту я полагалъ бы, при ея примѣненіи, поставить въ предѣлы самой крайней необходимости и съ этою цѣлью указать прежде всего, что воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ касается лишь собранія свѣдѣній о земельныхъ имуществвахъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, не распространяясь ни на городскія имуществва, ни на фабричныя и торгово-промышленныя заведенія. При такомъ ограниченіи означенная мѣра не можетъ воспрепятствовать безостановочному ходу оцѣночнаго дѣла, ибо и въ настоящее время многія земства допускаютъ обращеніе всего состава статистиковъ съ села на городскія, а затѣмъ уже на земельныя имуществва.

Затѣмъ я нахожу, что нѣтъ безусловной надобности примѣнять проектъ умую мѣру во всѣхъ 34-хъ губерніяхъ, въ коихъ дѣйствуетъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а достаточно распространить ее на тѣ мѣстности, гдѣ она вызывается настоятельными требованіями общественнаго порядка. Въ числу этихъ мѣстностей надлежитъ отнести ту полосу

Россіи, населеніе коей живетъ исключительно земледѣльческимъ трудомъ, будучи лишено постороннихъ заработковъ, особенно страдаетъ отъ жажды. Какъ показали опыты въ этихъ мѣстностяхъ разспросы статистиковъ особенно легко могутъ служить поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ, а когда эти разспросы ведутся въ противоположительственномъ направленіи, то и къ возникновенію серьезныхъ осложнений, подобныхъ которымъ имѣли недавно мѣсто въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Но такъ какъ въ части губерній, входящихъ въ упомянутый районъ, собраны материалы, касающіеся земельныхъ имуществъ, уже собранныхъ, то воспрещеніе разѣздовъ статистиковъ должно коснуться только 12-ти губерній: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Орловской, Пензенской, Самарской, Симбирской, Тульской, Уфимской и Черниговской.

Что касается остальныхъ губерній, то къ распространенію и безусловнаго воспрещенія основаній не имѣется, и по отношенію къ нимъ казалось бы достаточноымъ предоставить губернаторамъ право приостановить въ текущемъ году собраніе статистическихъ свѣдѣній въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ подобную работу они признаютъ въ интересахъ общественнаго порядка нежелательною.

Московскія Выдомости по поводу состоявшагося мѣропріятія пишутъ: Tu Vas voulu, Georges Dandin! и утверждаютъ, что земство жило полную несостоятельность въ веденіи статистическихъ работъ, поручивъ ихъ людямъ неопытнымъ и неподготовленнымъ. Но это утвержденіе газеты совершенно голословно и не основывается на докладѣ и внутреннихъ дѣлахъ: тамъ приведены данныя относительно количествъ постоянныхъ и временныхъ статистиковъ, но нѣтъ данныхъ относительно образовательнаго ценза, и мы думаемъ, что если бы эти данныя были неблагоприятны для земства, то они были бы приведены. У насъ въ распоряженіи нѣтъ такихъ данныхъ подъ рукою нѣтъ; но что статистическимъ работамъ завѣдуютъ преимущественно лица съ высшимъ образованіемъ въ составѣ статистиковъ всюду большой процентъ лицъ съ высшимъ образованіемъ—это настолько общезвѣстно, что, вѣроятно, и *Московскія Выдомости* это знаютъ. Кроме того, извѣстно, что статистическимъ работамъ очень серьезно и принижаютъ мѣры къ тому, чтобы призванные для работъ статистики вполнѣ исполняли своему назначенію. Вотъ, напр., приведенная въ *Русскихъ Выдомостяхъ* замѣтка о ходѣ одѣночныхъ работъ Полтавской губ. въ 1900 г.

«Прежде чѣмъ приступить къ работамъ, штатные служащіе въ 37-ми человекъ слушали лекціи профессоровъ В. В. Докучаева, А. Ф. Фортунатова и Ф. К. Ромашкевича, приглашенныхъ управой. Докучаевъ читалъ шесть лекцій объ основахъ почвовѣдѣнія и демонстрировалъ плодородіе почвы при помощи экспедицій; проф. Фортунатовъ въ своихъ лекціяхъ изложилъ главнѣйшія правила практической статистики въ отношеніи къ собранію и обработкѣ свѣдѣній; проф. Горбъ-Ромашкевичъ въ 16-ти лекціяхъ

прочелъ курсъ, въ которомъ изложилъ теорію и практику налоговъ и разсматривалъ теорію и практику податной оцѣнки земель въ разныхъ странахъ Европы, причемъ «съ особой подробностью останавливался на результатахъ, достигнутыхъ оцѣнкой въ каждой странѣ и вызвавшихъ такую или иную критику со стороны представителей теоріи и политическихъ дѣятелей». По прослушаніи лекцій начались работы по описанію городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Временныхъ служащихъ на эту работу было приглашено 366 человекъ. Около 38% всего состава ихъ (138) были студенты и курсистки, 38% (139 душъ) были учителя и учительницы начальныхъ школъ».

Такимъ образомъ, даже изъ состава временныхъ служащихъ 76 процентовъ составляли лица съ высшимъ образованіемъ и принадлежащія къ сельской интеллигенціи. Многія ли административныя учрежденія могутъ похвалиться такимъ интеллигентнымъ составомъ служащихъ? И можно ли быть увѣреннымъ, что съ переходомъ оцѣночнаго дѣла въ руки администраціи образовательный уровень новыхъ статистиковъ останется на той же высотѣ? Мы думаемъ, что вѣроятнѣе противоположное, т.-е. что образовательный цензъ статистиковъ понизится. Какъ по разбѣрамъ содержанія, такъ и по положенію въ средѣ административной іерархіи должность статистика не въ состояніи будетъ привлекать интеллигентныхъ работниковъ. Если мы замѣчаемъ обратное явленіе въ земствѣ, если здѣсь, также при скромномъ содержаніи и положеніи, мы находимъ въ средѣ статистиковъ достаточно интеллигентныхъ силъ, то это объясняется тѣмъ, что земская служба привлекаетъ людей идейной стороной дѣла. Для земской работы всегда находилось достаточно безкорыстныхъ и самоотверженныхъ людей, которые шли за гроши работать въ глушь, въ то время какъ могли получать большіе оклады на государственной или частной службѣ. Министерство финансовъ хорошо понимаетъ это и назначаетъ для своихъ служащихъ сравнительно большіе оклады, откровенно признаваясь, что только за хорошій окладъ можно имѣть порядочнаго чиновника.

Мы не знаемъ, какой процентъ среди статистиковъ и въ какой мѣрѣ оказался неблагонадежнымъ, но думаемъ, что если министерство нашло положеніе вещей серьезнымъ, то можно было устранить неблагонадежныхъ статистиковъ, не устраняя статистику. Министерство могло настоять, чтобы къ оцѣночнымъ работамъ никто не допускался до утвержденія подлежащей властью, и тогда не было бы и рѣчи о неблагонадежныхъ статистикахъ. Въдѣ на земской службѣ состоятъ учителя, врачи, агрономы, землемѣры — др., а не одни только статистики. И если можно было принять мѣры тому, чтобы въ среду этихъ служащихъ не проникали лица политически неблагонадежныя, то, конечно, такія же мѣры можно было принять и по отношенію къ статистикамъ. Въ частности, допущеніе многими земствами къ отамъ нѣкоторыхъ лицъ предварительно ихъ утвержденія вызывалось тѣмъ, что процедура утвержденія нерѣдко слишкомъ затягивалась. Министерство могло устранить такой порядокъ вещей, категорически запретивъ

допускать къ работамъ статистиковъ впредь до ихъ утверждёнїа и одновременно упростивши самую процедуру утверждёнїа.

Въ ряду причинъ, вызвавшихъ прекращеніе оцѣночныхъ работъ, указывается и на земско-статистическія столкновенїа, имѣвшія мѣсто въ послѣднее время. Но столкновенїа были явленіемъ временнымъ и притомъ не повсемѣстнымъ. Вызывались они, съ одной стороны, усиленіемъ «новыхъ теченій» въ средѣ земства, а съ другой стороны, особенностями службы статистиковъ. Столкновенїа подобнаго рода земство имѣло раньше и съ врачами, но съ теченіемъ времени взаимныя отношенїа сторонъ были урегулированы; точно также были бы урегулированы и отношенїа между земствомъ и статистиками. Впрочемъ, земско-статистическія столкновенїа едва ли сыграли важную роль въ ряду причинъ, вызвавшихъ новую мѣру.

Московскія Вѣдомости, чтобы доказать, какъ полезна будетъ переработка оцѣночныхъ работъ административнымъ учрежденїямъ, указываютъ на результаты изытанїа продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнїа земства. Мы думаемъ однако, что этотъ примѣръ доказываетъ какъ разъ противоположное.

Мы не думаемъ утверждать, что оцѣночныя работы, производившіяся земствомъ, веркъ совершенства, хотя не раздѣляемъ и того взгляда, что онѣ нигуда не годились. Во многихъ мѣстахъ работы эти шли успѣшно и дали солидные результаты. Если же о другихъ земствахъ этого сказать нельзя, то вина ли это земства? Не будемъ говорить банальныхъ фразъ о томъ, что недостатки и несовершенства возможны въ каждомъ дѣлѣ, что не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ и т. д. Но развѣ земство, современное земство, поставлено въ такіа условїа дѣятельности, чтобы, дѣйствительно, нести полную отвѣтственность за все ошибки и неурюстройства въ земскомъ дѣлѣ?

Министерство земледѣлїа внесло въ особое совѣщанїе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности подробную записку о мѣрахъ къ улучшенїю организаціи крестьянскаго хозяйства.

«Ничѣмъ вознаградимыя потери, которыя въ настоящее время несетъ крестьянское хозяйство, — говорится въ запискѣ, — потери на постоянныхъ крупныхъ недоборахъ въ неурожаяхъ, на жалкомъ состоянїи своего скотоводства и на отработкахъ за наемъ для него скудныхъ пастбищъ и луговъ, являясь слѣдствїемъ существующей его организаціи, настоятельно требуютъ отъ крестьянъ перехода къ другимъ системамъ хозяйства, болѣе отвѣчающимъ современнымъ условїямъ, и улучшенїа его техники. Эта горенная и насущная нужда крестьянскаго хозяйства требуетъ преимущественнаго въ себѣ вниманїа и придаетъ особенно важное экономическое значенїе мѣрамъ содѣйствїа крестьянамъ въ улучшенїи теперешней организаціи ихъ хозяйства.

«Въ районъ непосредственнаго воздѣйствїа этихъ мѣръ, по мнѣнїю министерства, не могутъ войти безусловно малоземельныя крестьянскїа обш-

ства, равно какъ и общества, пахатныя угодья которыхъ находятся на слишкомъ большихъ разстояніяхъ отъ селеній, или разбросаны на слишкомъ большомъ разстояніи другъ отъ друга, такъ какъ для крестьянскихъ хозяйствъ этой группы нельзя допустить возможности введенія не только улучшенныхъ системъ полеводства, но и вообще сколько-нибудь правильной полевой культуры. Здѣсь на первую очередь должны быть поставлены иныя мѣры, болѣе общаго значенія, требующія специальной разработки. Въ числѣ этихъ мѣръ особенно важное значеніе должно принадлежать, для мало-земельныхъ обществъ, содѣйствію къ переселенію избыточнаго населенія и развитію дѣятельности крестьянскаго государственнаго банка, для далеко-земельныхъ обществъ—содѣйствію къ расселенію крестьянскихъ поселковъ на полевой землѣ и заботѣ о снабженіи вновь организуемыхъ хуторовъ водою, и, наконецъ, для черезполосныхъ обществъ—скорѣйшему пересмотру дѣйствующихъ временныхъ правилъ судебно-межевого производства для устраненія существенныхъ недостатковъ процесса судебного размежеванія—его сложности, медленности и дороговизны; кромѣ того, необходимы и нѣкоторыя практическія мѣры для содѣйствія крестьянамъ въ полюбовномъ обмѣнѣ землемъ. Подходящія условія для немедленнаго перехода отъ существующаго у крестьянъ зерноваго хозяйства къ инымъ высшимъ системамъ полеводства могутъ найтись лишь въ крестьянскихъ хозяйствахъ, относительно обезпеченныхъ землемъ и имѣющихъ удобно расположенные надѣлы. По имѣющимся въ министерствѣ статистическимъ даннымъ есть основаніе предполагать, что эта послѣдняя группа крестьянскихъ хозяйствъ является у насъ преобладающею, а потому упомянутые важные недостатки крестьянскаго землевладѣнія не умаляютъ, въ общемъ, значенія неотложной потребности агрономическихъ улучшеній.

По мнѣнію министерства земледѣлія, организація мѣръ по улучшенію системъ крестьянскаго хозяйства должна быть направлена, главнымъ образомъ, на введеніе въ крестьянское полеводство культуры кормовыхъ растений, причемъ однако она не допускаетъ общаго для всѣхъ мѣстностей плана дѣйствій, который долженъ приспособляться къ разнымъ экономическимъ и естественнымъ мѣстнымъ условіямъ. Потому, требуя напряженной работы на мѣстахъ, мѣры эти нуждаются со стороны центральныхъ органовъ правительства, главнымъ образомъ, въ дѣлѣ устраненія возможныхъ на ихъ пути тормазовъ и препятствій болѣе общаго значенія, въ предоставленіи нужныхъ для осуществленія ихъ матеріальныхъ средствъ и въ развитіи мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ организацій, необходимыхъ для проведенія въ жизнь этихъ мѣръ. Наряду съ введеніемъ въ крестьянское хозяйство культуры кормовыхъ растений необходимы мѣры по распространенію усовершенствованныхъ орудій, искусственныхъ удобреній и улучшенныхъ силъ.

Организація мѣръ по улучшенію системъ крестьянскаго хозяйства должна существовать тамъ, гдѣ это нужно, всесторонняя опытная и теоретическая разработка этого вопроса. Затѣмъ, въ составъ этихъ мѣръ должны

войти мѣры по распространенію среди крестьянъ необходимыхъ специальныхъ знаній и по оказанію имъ матеріальной поддержки въ переходный періодъ устройства ихъ хозяйства на новыхъ основаніяхъ. Въ частности, мѣры эти, по намѣченнымъ категоріямъ, должны, въ общихъ чертахъ, заключаться въ слѣдующемъ: а) предварительная разработка вопроса объ улучшеніи системъ крестьянскаго хозяйства въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи; б) распространеніе среди населенія сельско-хозяйственныхъ знаній, необходимыхъ для перехода къ новымъ формамъ хозяйства; в) мѣры матеріальной помощи крестьянамъ въ переходный періодъ къ улучшеннымъ системамъ хозяйства и, наконецъ, г) улучшеніе естественныхъ луговъ и выгоновъ, такъ какъ увеличеніе производительности этихъ угодій имѣетъ крайне важное, а мѣстами первенствующее значеніе въ общей экономіи крестьянскаго хозяйства. Каждую изъ предлагаемыхъ мѣръ министерство разбираетъ детально».

Подробному обсужденію подвергся въ засѣданіяхъ совѣщанія вопросъ объ организаціи мелкаго народнаго кредита. По этому предмету представлена была записка министерствомъ финансовъ. Совѣщаніе рѣшило образовать для разработки вопроса о мелкомъ кредитѣ особую комиссію подъ предѣлательствомъ д. т. с. Тернера.

Мы уже указывали на интересъ, обнаруживаемый къ работамъ совѣщанія земствами. Вопросъ объ участіи земства въ совѣщаніи обсуждался, между прочимъ, недавно въ чрезвычайномъ собраніи саратовскаго губернскаго земства. Управа представила по этому поводу обширный докладъ, въ которомъ доказывала необходимость непосредственнаго участія земствъ, и въ особенности саратовскаго, въ занятіяхъ особаго совѣщанія. Дѣло въ томъ, что когда въ 1897 г. земства были опрошены министерствомъ земледѣлія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, саратовское земство (по причинамъ въ собраніи невыясненнымъ) не представило въ министерство никакихъ матеріаловъ по этому вопросу. Вотъ почему управа и полагаетъ, что помимо участія саратовскаго земства въ проектируемыхъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ, ему слѣдовало бы принять непосредственное участіе въ работахъ совѣщанія. Въ виду этого управа предложила собранію отвѣтить на два вопроса: 1) угодно ли ему представить свое мнѣніе о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ губерніи въ общемъ совѣщаніи и 2) ходатайствовать ли предъ правительствомъ о приглашеніи въ общее совѣщаніе представителя саратовскаго губернскаго земства.

На первый вопросъ собраніе единогласно отвѣтило согласіемъ. Второй же вопросъ вызвалъ любопытныя пренія.

Новый предѣлатель губернской управы гр. Олсуфьевъ полагая отъ ничья участіе представителя земства тѣмъ, что онъ явится въ совѣщаніи, съ особой запиской о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ губерніи и дастъ совѣщанію нужныя разъясненія о тѣхъ или иныхъ пунктахъ записки. | росить же о допущеніи земскаго представителя въ качествѣ постоянного ч | на

совѣщанія г. Олсуфьевъ находилъ излишнимъ, потому что такое ходатайство врядь ли будетъ удовлетворено.

Наоборотъ, гласный Масленниковъ предлагалъ ходатайствовать о допущеніи земскаго представителя въ совѣщаніе на равныхъ правахъ съ остальными членами. Наше дѣло ходатайствовать,—говорилъ гласный,—а уважать или нѣтъ нашу просьбу—это уже не наша вина.

Хотя это мнѣніе и встрѣчаетъ многочисленныя возраженія, но г. Масленниковъ энергично его защищаетъ, и въ концѣ-концовъ оно единогласно принимается собраніемъ.

Въроятно, въ ближайшія очередныя сессіи земскихъ собраній намъ придется встрѣтиться не съ однимъ подобнымъ ходатайствомъ. Будемъ надѣяться, что совѣщаніе пойдетъ навстрѣчу этимъ ходатайствамъ и вопреки первоначально намѣченному плану привлечетъ земства къ участию въ своихъ засѣданіяхъ. Ничего кромѣ безспорной пользы дѣлу такая мѣра не принесла бы.

Въ концѣ мая въ г. Сорокахъ выѣздной сессіей кипеневскаго окружного суда разсматривалось интересное дѣло, отчасти характеризующее условія, при которыхъ крестьяне наши отправляются на поиски новыхъ мѣстъ. 18 жителей Сорокскаго уѣзда обвинялись въ неисполненіи требованій властей и въ приготовленіи къ незаконному переселенію. Какъ передаетъ *Донская Рѣчь*, въ 1900 г. среди царанъ Надушитской волости, Сорокскаго уѣзда, возникло стремленіе къ переселенію на свободныя земли въ азіатскія владѣнія Россіи, Оренбургскую и Кубанскую области. Въ этомъ же году циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ переселеніе изъ Бессарабской губерніи временно было воспрещено, въ предѣлахъ Надушитской волости, какъ удостовѣряетъ участковый земскій начальникъ, и было объявлено по всѣмъ селамъ. Но послѣдовавшее запрещеніе не остановило переселенческаго движенія: по селамъ составлялись списки желающихъ переселиться и дѣлались приготовленія къ самовольному, безъ разрѣшенія властей переселенію. Подстрекателемъ къ недозволенному переселенію въ Надушитской волости былъ царанинъ Сербушка, который въ 13 селамъ волости былъ избранъ 163 домохозяевами уполномоченнымъ съ цѣлью присканія имъ мѣстъ для переселенія и ходатайства о разрѣшеніи переселиться въ тѣ мѣста. Весною 1900 г. Сербушка, назвавшійся ходкомъ, выѣхалъ на средства избравшихъ его въ Сибирь для присканія земель, но доѣхавъ, по его показанію, до Челябинска, возвратился назадъ до 1. Осенью 1900 г. земскимъ начальникомъ 2-го участка Сорокскаго уѣзда было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ возвратившагося Сербушки, прѣдлагающаго волновать царанъ вопросомъ о переселеніи; но собравшаяся около его дома толпа людей изъ разныхъ селъ не допустила должностныхъ лицъ исполнять распоряженіе земскаго начальника, мотивируя свои дѣйствія тѣмъ, что Сербушка—защитникъ ихъ интересовъ и благодаря ему они получаютъ въ Сибири земли. Спустя нѣсколько дней послѣ этого Сер-

бушка вновь вы́ехалъ въ Сибирь вмѣстѣ съ царинномъ Бѣлецкаго уѣзда Галюкомъ, явившимся такимъ же ходокомъ, какъ и онъ отъ поселеннѣ с. Малыхъ Аспашанъ. Изъ Оренбургской губерніи Сербушка посылалъ на родину письма, въ одно изъ коихъ, отъ 17 февраля 1901 г. излагается, что тамъ десятина земли близъ города—рубль, а подальше—50 коп., что разрѣшенія, повидному, на переселеніе пока еще до 1 марта нѣтъ, что если кто желаетъ пріѣхать, то пусть беретъ билетъ со станціи Бѣльцы до Челябинска, а оттуда на лошадахъ до г. Троицка. Почти одновременно съ полученіемъ письма отъ Сербушки возвратился домой и Галюкъ, рассказавшій о неслыханной дешевизнѣ жизни въ Оренбургской губерніи явившимся къ нему изъ разныхъ селъ царанамъ. По показанію большинства обвиняемыхъ, Галюкъ по возвращеніи изъ Оренбургской губерніи собирался вновь уѣхать туда навсегда и говорилъ, что въ Сибири жить хорошо, что тамъ даютъ много земли, совѣтовалъ потому туда переселиться и идти немедленно къ земскому начальнику за полученіемъ проходныхъ свидѣтельствъ на переселеніе.

7 марта 1901 г. къ земскому начальнику Пгѣшкову въ его отсутствіе пришла толпа человекъ въ 50 за полученіемъ проходныхъ свидѣтельствъ. 9 марта явились за тѣмъ же уже человекъ 150, но, узнавъ, что земскій начальникъ возвратится домой лишь 11 марта, пришедшіе объявили управляющему его, что 11 марта ихъ придетъ за полученіемъ проходныхъ свидѣтельствъ человекъ 300. Подъѣхавъ 11 марта къ своей усадьбѣ съ сорокскимъ уѣзднымъ исправникомъ Лазо, земскій начальникъ Пгѣшковъ увидѣлъ ожидавшую толпу человекъ въ 400—500. Какъ только они вышли изъ экипажа, ихъ окружили участники толпы и стали требовать выдачи проходныхъ свидѣтельствъ. Исправникъ на молдавскомъ языкѣ разъяснилъ толпѣ существующій порядокъ для переселенія, указывалъ на незаконность требованій о выдачѣ проходныхъ свидѣтельствъ безъ соблюденія этого порядка, приводилъ доводы о невыгодности переселенія изъ Бессарабіи, и, наконецъ, предложилъ толпѣ избрать изъ своей среды трехъ человекъ уполномоченныхъ для ходатайства о переселеніи передъ бессарабскимъ губернаторомъ. Толпа, повидному, согласилась съ этимъ и вышла на улицу, но когда земскій начальникъ и исправникъ вошли въ домъ, то среди толпы явились подстрекатели, и начинавшіе было расходиться вновь сошлись и, направившись къ подъѣзду дома земскаго начальника съ крикомъ и жестикულიруя, требовали, чтобы начальникъ вышелъ къ нимъ для объясненія. Когда земскій начальникъ вышелъ, то явившіеся представителями толпы, поддерживаемые общимъ гуломъ, заявили ему непочтительнымъ тономъ, чтобы проходныя свидѣтельства были выданы немедленно, такъ какъ собравшимся просителямъ надо въ апрѣлѣ уже быть на мѣстѣ въ Сибири. Никакія убѣжденія на этотъ разъ земскаго начальника и исправника не подѣйствовали; ихъ голоса старались заглушить общимъ крикомъ, среди котораго слышались заявленія, что приведутъ ко двору земскаго начальника своихъ женъ и дѣтей и не уйдутъ, пока не полу-

данныхъ свидѣтельствъ, такъ какъ имъ дома нечего ѣсть. Въ этотъ земскій начальникъ получилъ циркулярное предписаніе отъ бессарабскаго губернатора о разрѣшеніи переселенія въ Енисейскую и Иркутскую губерніи, о чемъ и объявилъ толпѣ, но отъ него потребовали подлинную копію и громкогласно прочли въ толпѣ, причемъ, не уяснивъ себѣ ея сущности, стали кричать, что въ циркулярѣ переселеніе разрѣшено, что земскій начальникъ ихъ обманываетъ, такъ какъ ему и помѣщикамъ выдано не отпускать народъ, чтобы имѣть на мѣстѣ дешевыя рабочія руки. Все уваженіе къ представителямъ власти въ толпѣ исчезло, а ожесточеніе увеличивалось; первые ряды толпы все ближе подступали къ исправнику и земскому начальнику и взошли уже на ступеньки крыльца. Видя неустойчивость толпы и ожидая насмѣшественныхъ съ ея стороны дѣйствій, земскій начальникъ и исправникъ предложили послать телеграмму губернатору о разрѣшеніи выдачи проходныхъ свидѣтельствъ и выждать отвѣта. Предложеніе это было принято, но телеграмма была составлена въ двухъ экземплярахъ: одинъ экземпляръ—о разрѣшеніи выдать проходныхъ свидѣтельствъ, другой—съ извѣщеніемъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла и ходатайствомъ объ оказаніи содѣйствія для разсѣянія толпы. Когда урядникъ направился на телеграфную станцію, держа въ рукахъ первый экземпляръ телеграммы и спрятавъ въ карманъ другой, то бывший въ толпѣ Чумаковъ отобралъ отъ урядника телеграмму, которую тотъ несъ въ рукѣ; затѣмъ телеграмма была прочита громкогласно въ толпѣ и возвращена уряднику. Послѣ этого толпа ждалась въ ожиданіи отвѣта отъ губернатора.

На утро слѣдующаго дня толпа вновь собралась во дворѣ усадьбы земскаго начальника, продолжая требовать выдачи проходныхъ свидѣтельствъ и възвывая на убѣжденія и увѣщанія вышедшаго къ нимъ почетнаго мирового судьи Эліата подчиниться распоряженію законныхъ властей—тѣми же словами, что и наканунѣ. Въ этотъ же день въ Трифанешты по распоряженію губернатора было прислано два эскадрона драгунскаго полка. Въ моментъ приближенія войскъ, участники толпы стали разбѣгаться въ разные стороны, причемъ нѣкоторые изъ нихъ не съ цѣлью сопротивленія, а изъ боя самосохраненія отмахивались палками отъ надвигавшихся на нихъ солдатъ. Значительная часть толпы была окружена войсками, и тогда по указанію становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ арестовали нѣкоторыхъ въ толпѣ лицъ, явившихся или подстрекателями ея, или представителями въ переговорахъ съ земскимъ начальникомъ и исправникомъ, или обратившихъ на себя вниманіе своими дѣйствіями, направленными къ неисполненію законнаго требованія властей разойтись.

Задержано было всего 13 человекъ. При задержаніи одного изъ нихъ полицейскимъ урядникомъ въ толпѣ послѣдняго окружили, хватали его за шею, за руки и оттиснули отъ него арестованнаго, но явившійся на помощь другой полицейскій урядникъ и становой приставъ растолкали бывшаго въ толпѣ безъ сопротивленія и вывели задержаннаго. Остальные 12

человѣкъ были арестованы при содѣйствіи солдатъ, причеъъ никакого сопротивленія не было.

Сербушка въ маѣ 1901 г. былъ задержанъ въ Тургайской области; при немъ оказался списокъ лицъ, поручившихъ ему ходатайство о переселеніи, представленный имъ кустанайскому уѣздному начальнику.

По дѣлу вызывалось 198 свидѣтелей.

Судъ приговорилъ Сербушку къ лишенію правъ и отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на два года; 17 обвиняемыхъ приговорены къ тюремному заключенію на сроки отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ. Двое оправданы.

Любопытный случай имѣлъ недавно мѣсто въ Рязани. 4 мая въ зрѣшнемъ сѣздѣ назначены были къ слушанію 35 дѣлъ. На судъ было вызвано заинтересованныхъ лицъ и свидѣтелей до 100 человѣкъ, преимущественно крестьянъ, причеъъ нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали или пришли за 50 верстъ.

Въ назначенный день, передаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, къ 10 час. утра въ помѣщеніе сѣзда прибылъ предсѣдательствующій—членъ окружнаго суда г. Масловъ, изъ очередныхъ же судей не явился никто, несмотря на то, что они были извѣщены недѣли за двѣ. Прождавъ болѣе часа, г. предсѣдательствующій послалъ за земскимъ начальникомъ 5-го участка Рязанскаго уѣзда, г. Соколовымъ, который долженъ былъ присутствовать въ этомъ засѣданіи, но, какъ оказалось, онъ уѣхалъ въ уѣздъ. Отъ другого очереднаго судьи—почетнаго мирового судьи г. Денисова получена была записка объ его болѣзни. Послѣ этого г. Масловъ послалъ приглашеніе къ другимъ земскимъ начальникамъ и почетнымъ мировымъ судьямъ, но всѣ они по тѣмъ или инымъ причинамъ явиться не могли. Городскіе же судьи въ это время участвовали въ засѣданіи окружнаго суда. Такимъ образомъ засѣданіе сѣзда не могло состояться, и всѣ дѣла были отложены до слѣдующаго мѣсяца. Теперь губернское присутствіе затребовало отъ уѣзднаго сѣзда по этому поводу объясненіе.

Слѣдуетъ замѣтить, что случаи подобнаго рода въ практикѣ новыхъ судебно-административныхъ учреждений не такъ уже рѣдки. Какъ они отражаются на интересахъ мѣстнаго населенія—объ этомъ едва ли нужно распространяться.

Читатели помнятъ извѣстное дѣло чернскаго предводителя дворянства г. Сухотина, которому сенатъ поставилъ на видъ неумѣстныя и неприличныя дѣйствія его по отношенію къ земскому начальнику Барзову *Московскія Вѣдомости* остались рѣшеніемъ сената недовольны и... нѣ, хотя нѣсколько и поздно, стараются реабилитировать репутацію г. Сухотина. Вопреки мнѣнію сената, газета находитъ образъ дѣйствій чернаго предводителя дворянства умѣстнымъ и приличнымъ. Что-жь, это... вкуса, ума и воспитанія. Спорить объ этомъ было бы бесполезно. Но вотъ что любопытно. *Московскія Вѣдомости* преклоняются предъ ри-

дическимъ авторитетомъ сената, но такъ какъ дѣйствія г. Сухотина не признаны незаконными, а лишь неумѣстными и неприличными, то газета считаетъ себя въ правѣ отнести къ приговору критически. Однако, увлекшись защитой г. Сухотина, *Московскія Вѣдомости* оставляютъ избранную позицію и вступаютъ съ сенатомъ уже въ юридическій споръ, разъясняя ему, что онъ неправильно толкуетъ законы. И въ какихъ инсинуирующихъ выраженіяхъ разъясняютъ! По поводу, наприм., замѣчанія сената, что г. Сухотинъ поступаетъ неумѣстно, обращаясь къ волостнымъ старшинамъ съ разъясненіями и наставленіями, касающимися ученія православной церкви, тогда какъ такіа поученія относятся къ обязанностямъ представителей духовнаго вѣдомства, газета замѣчаетъ: «Если даже признать, что для предводителя дворянства не обязательно быть православнымъ (вотъ что *Московскія Вѣдомости* прочли въ указѣ сената!) то ужъ во малой мѣрѣ законъ доселѣ не лишалъ предводителей дворянства права быть православными, а стало быть дѣйствовать согласно своимъ христіанскимъ служебнымъ обязанностямъ».

Умѣстна ли и прилична такого рода критика на столбцахъ даже *Московскихъ Вѣдомостей*? Вѣдь рѣчь идетъ о правительствующемъ сенатѣ, который въ той же статьѣ признается «высокимъ учрежденіемъ, созданнымъ нашими государями для охраны справедливости». Гдѣ же уваженіе къ властямъ и законнымъ установленіямъ?

А. С.

26 іюня скончался въ Гомбургѣ, далеко отъ родины, Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. Сынъ бѣднаго виленскаго еврея, онъ вынесъ на себѣ всю тягость своего національнаго горя, и даже, когда онъ достигъ европейской славы, ему пришлось испытать много обиды. Но чѣмъ безотраднѣе были для него внѣшнія впечатлѣнія, тѣмъ глубже входилъ онъ въ свой богатый внутренній міръ и выносилъ изъ него свои удивительныя созданія. Какъ скульпторъ, онъ не отдался всецѣло той традиціи, которую завѣщала великая эпоха эллинскаго ваянія, и не однѣ прекрасныя формы цвѣтущаго тѣла воплощалъ онъ своимъ вдохновеннымъ рѣзцомъ. Онъ хотѣлъ въ мраморѣ изобразить *духъ*, запечатлѣть высшія проявленія тревожной человѣческой мысли и чувства,—и мраморъ покорился ему. Образы, въ которыхъ физическая жизнь мерцала тихимъ огонькомъ, блѣдные люди, для которыхъ шло только прозрачной темницей души, страстотерпы и мученики идеи—всѣ эти изнуренныя лица, которыя не находили себѣ гостепріимства въ жизнерадостномъ пантеонѣ греческой скульптуры, бессмертными чертами отпечатались въ статуяхъ Антокольскаго. И угасаніе Сократа, и бореніе Спартанки, и мука христіанской дѣвушки, и истина самого Христа, и нѣжное безміе Офеліи—все это безтѣлесное и духовное, благодаря ему, сдѣлалось законнымъ предметомъ ваянія. Нужна была отвага великаго таланта, чтобы формами неврычаго искусства облечь трагедію Мефистофеля, чтобы со своей скалы безотрадно смотреть на міръ и видѣть въ немъ

только отраженіе своей собственной опустошенной души; нужно было глубокое пониманіе исторических характеровъ и гениальная смѣлость рѣзца, чтобы мраморный Іоаннъ Грозный возсѣлъ на своемъ престолѣ такой же страшный, какииъ былъ живой,—страшный муками, которыя онъ расточалъ вокругъ себя и которыя онъ испытывалъ самъ. И потому въ исторіи европейскаго искусства Антокольскій займетъ яркую страницу, съ которой будетъ свѣтить и грѣть не только блестящая техника виртуоза, но и чуткое сердце и пытливый умъ. Русская же литература не забудетъ и его задушевной автобіографіи (*Вѣстникъ Европы*, 1887 г., №№ 8 и 9), въ которой онъ выказалъ себя мастеромъ изящнаго лирическаго слова и въ которой такъ интересно и поэтично разсказалъ о своей молодости и о свѣтлой молодости русскаго общества—60-хъ годахъ.

Положеніе о преміи имени потомственнаго почетнаго гражданина Льва Петровича Кузнецова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

1. При Императорскомъ Томскомъ университетѣ учреждается премія изъ процентовъ денегъ съ капитала 24,441 р. 25 к., завѣщанныхъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Л. П. Кузнецовымъ и хранящихся въ числѣ специальныхъ средствъ Императорскаго Томскаго университета.

2. Согласно волѣ завѣщателя, премія выдается за лучшія печатныя на русскомъ языкѣ сочиненія по исторіи, антропологіи и социологіи Сибири.

Примѣчаніе. Къ сочиненіямъ по социологіи Сибири относятся всѣ сочиненія, посвященныя изслѣдованію общественныхъ явленій въ жизни сибирскаго населенія.

Если сочиненіе историческаго содержания написано на основаніи необнародованнаго сырого матеріала, то желательно, чтобы, по возможности, важнѣйшіе изъ этихъ матеріаловъ въ рукописи или въ печатномъ видѣ были приложены къ сочиненію.

3. Къ конкурсу допускаются сочиненія, вышедшія въ свѣтъ, не ранѣе какъ за пять лѣтъ до присужденія преміи.

4. Размѣръ преміи опредѣляется—полный въ 1,500 р. и половинный—въ 700 р.

5. Если въ назначенный срокъ премія не будетъ присуждена, то накопившіеся проценты присоединяются къ капиталу.

6. Премія присуждается чрезъ каждые два года. При присужденіи преміи соблюдается слѣдующая очередь: одинъ разъ присуждается премія за сочиненіе по исторіи Сибири, другой разъ за сочиненіе по антропологіи или социологіи Сибири; первое присужденіе преміи состоится 22 октября 1902 г. за сочиненіе по исторіи Сибири, въ слѣдующій срокъ, т. е. 22 октября 1904 г., премія будетъ присуждена за сочиненіе по антропологіи или социологіи Сибири и т. д.

7. Лица, желающія конкурировать на соисканіе преміи, должны представить свои сочиненія въ количествѣ не менѣе 10 экземпляровъ въ совѣтъ Императорскаго Томскаго университета не позже какъ за годъ до присужденія преміи.

8. Каждый разъ за два года до присужденія преміи совѣтомъ Императорскаго Томскаго университета избирается коммиссія по присужденію преміи изъ 5 членовъ.

Примѣчаніе. Предсѣдателя коммиссія избираетъ изъ своей среды членъ.

9. Коммиссія, ознакомившись съ содержаніемъ конкурирующихъ на премію сочиненій, распределяетъ ихъ между своими членами для написанія подробныхъ рецензій; написаніе такихъ рецензій можетъ быть поручено и ученымъ, не при-

нашимъ къ составу комиссіи. Рецензіи печатаются въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета“.

10. Рецензіи должны быть представлены къ 1 сентября.

11. По полученіи рецензій комиссія постановляетъ свое рѣшеніе о присужденіи преміи.

12. Постановленіе комиссіи, въ формѣ подробнаго отчета, утверждается совѣтомъ Императорскаго Томскаго университета. Этотъ отчетъ читается на публичномъ актѣ университета 22 октября и печатается въ „Извѣстіяхъ Университета“.

13. Рецензенты могутъ быть награждаемы медалями, по постановленію совѣта Императорскаго Томскаго университета.

14. Краткій отчетъ о присужденіи преміи, а равно извѣщеніе о слѣдующемъ срокѣ ея присужденія публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ столичныхъ и сибирскихъ газетахъ; кромѣ того объявленія эти размѣщаются въ ученыхъ учрежденія и высшія учебныя заведенія.

15. Расходы по изготовленію медалей для рецензентовъ, по напечатанію рецензій и отчета о присужденіи преміи, а также по публикаціи объявленій о преміи—относятся на счетъ остатковъ процентныхъ денегъ съ завѣщаннаго Л. П. Кузнецовымъ капитала, за вычетомъ стоимости преміи. Могущій и послѣ этого оказаться излишекъ присоединяется къ капиталу.

16. Въ случаѣ значительнаго увеличенія капитала отъ присоединенія накопившихся, согласно §§ 15 и 5, процентовъ совѣту Императорскаго Томскаго университета предоставляется право увеличить число премій или сократить промежутки между присужденіями премій.

Директоръ департамента народнаго просвѣщенія (подписалъ) *Размановъ*. Дѣлопроизводитель *А. Камчатновъ*.

За министра народнаго просвѣщенія, г. товарищъ министра въ предложеніи отъ 8 апрѣля 1902 года за № 9987 разрѣшилъ перенести первое присужденіе преміи за сочиненіе по исторіи Сибири съ 22 октября 1902 г. на 22 октября 1904 г. Слѣдующіе сроки, указанные въ § 6, остаются безъ перемѣны, т.-е. 22 октября 1904 г. премія будетъ присуждена за сочиненіе по антропологии или социологии Сибири, 22 октября 1906 г.—за сочиненіе по исторіи Сибири и т. д.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кабинетъ Вальдека-Руссо, одержавши рѣшительную побѣду рахъ, вышелъ, къ немалому изумленію французскаго общества, въ до открытія засѣданій новой палаты. Вальдекъ-Руссо однако твердо дѣленно говорилъ о своей отставкѣ заранѣе. Въ письмѣ къ президенту республики онъ напомнилъ, что голосованіемъ 12 іюня 1899 депутатовъ одобрила программу министерства, во главѣ котораго поръ въ теченіе трехъ лѣтъ стоялъ Вальдекъ-Руссо. Эта программа исполнена. Агитаціи враговъ республики положенъ конецъ. За выборами, стоитъ болѣе значительное и сплоченное большинство это было раньше. Личныя силы Вальдека-Руссо побуждаютъ его къ отставкѣ, послѣ исполненной имъ задачи. Онъ и его товарищи дѣлаютъ въ сознаніи исполненнаго долга.

Не подлежитъ сомнѣнію, что долгъ этотъ исполненъ былъ талантливымъ талантомъ, энергіей и добросовѣстностью, что кабинетъ Вальдека-Руссо, совершивши много хорошаго и разумнаго, не сдѣлалъ никакого насилія, ни въ чемъ не оскорбилъ общественной справедливости.

Палата депутатовъ значительно подвинулась влѣво. Она избрала въ президентомъ, вмѣсто Дешанеля, Леона Буржуа. Новое министерство составили Делькассе и Андре въ качествѣ министровъ иностранныхъ дѣлъ (послѣдняго къ негодованію реакціоннаго петербургскаго *журнала*), имѣетъ во главѣ сенатора Комба. Въ составъ кабинета такой радикаль, какъ Пельтанъ, и большой финансовый искусникъ (въ качествѣ министра финансовъ). Эта послѣдняя комбинація, обремененная отчасти финансовыми затрудненіями правительства, вызывая умѣнія и осужденіе со стороны многихъ республиканцевъ, тѣмъ не менѣе, между прочимъ, является врагомъ прогрессивнаго подохода.

Министерство Комба сразу принялось за энергическое осуществленіе закона Вальдекомъ-Руссо о религіозныхъ ассоціаціяхъ за борьбу съ клерикализмомъ. Франція не можетъ еще ввести знаменитую формулу Кавура: свободная церковь въ свободномъ

ствѣ. А въ апрѣлѣ нынѣшняго года минуло сто лѣтъ со дня заключенія Наполеономъ конкордата съ римско-католическою церковью.

Заключивши конкордаты, Наполеонъ первый въ послѣдствіи, на островѣ св. Елены, призналъ его самой большою ошибкою въ своей жизни. Но прошло столѣтіе, конкордаты остаются въ силѣ, и правительство третьей республики не рѣшается отмѣнить его. Франція рѣзко раздѣлилась на католическую и антикатолическую, и многіе думаютъ, что отмѣна договора государства съ папскимъ престоломъ повела бы къ опаснымъ послѣдствіямъ; нѣкоторые предполагаютъ даже, что къ междоусобной войнѣ.

Революція, въ 1795 г., провозгласила отдѣленіе церкви отъ государства; но уже директорія вступила, въ слѣдующемъ же году, въ переговоры съ главой римско-католической церкви. Клерикализмъ остается до сихъ поръ могущественнымъ врагомъ государства.

Интересная статья напечатана въ майской и іюньской книжкахъ журнала *Revue Politique et Parlementaire*: «Преступность во Франціи въ XIX столѣтіи». Авторъ, Жанъ Синьорель, основывается на ежегодныхъ отчетахъ, представленныхъ главѣ государства министромъ юстиціи. Эти официальные данныя начинаются съ 1826 г. До 1850 г. вѣлочно суду присяжныхъ подлежало 134,003 уголовныхъ обвиненій, въ среднемъ по 5,350 въ годъ (въ 1826—5,301 дѣло, въ 1850—5,320). Во второй половинѣ вѣка средняя уменьшилась, такъ что отъ 1896 г. до 1899 г. она упала до 2,490. Однако это оказывается не уменьшеніемъ преступности: прокуратура стала систематически направлять многія дѣла, подлежавшія суду присяжныхъ, такъ называемому суду исправительной полиціи, главнымъ образомъ изъ опасенія оправдательныхъ приговоровъ. Конечно, это стремленіе противорѣчитъ духу закона и заслуживаетъ полного осужденія. Преступленіе, подлежащее суду присяжныхъ при указанныхъ въ законѣ отягчающихъ обстоятельствахъ, въ обвинительномъ актѣ лишалось этихъ обстоятельствъ и поэтому направлялось въ судъ исправительной полиціи*). Если принять это въ соображеніе, то число означенныхъ преступленій не уменьшилось и быть можетъ увеличилось,—говоритъ Синьорель (но надо прибавить, что увеличилось населеніе). Количество осужденныхъ съ 1856 г. постоянно понижалось: на сто тысячъ жителей приходилось ежегодно съ 1826—1830 годъ по двадцать два человѣка, съ 1856—1860 годъ—пятнадцать, съ 1896—1899 годъ—девять.

Количество преступленій противъ нравственности увеличивалось до 1893 года; съ этого года оно понижается. Цифра преступленій, жертвами которыхъ являются дѣти, колеблется, но въ общемъ не уменьшается. Въ то число дѣтоубійствъ и истребленія плода. При этомъ необходимо

*) Необходимо принять во вниманіе, что съ 1860 года были внесены въ списки уголовныхъ департаментовъ Приморскихъ Альпъ, Верхней и Нижней Савои (отъ Италіи) а послѣ войны съ Германіей къ ней отошли департаменты Верхняго и Нижняго Рейна и Мозеля.

взять въ расчетъ, что преступленія второго рода часто ускользають отъ преслѣдованія. Убійства удерживаются въ своемъ прискорбномъ числѣ, — съ колебаніями, конечно. Первое мѣсто занимають преступленія, носящія корыстный характеръ. Алкоголизмъ продолжаетъ свою разрушительную работу, вызывая много кровавыхъ и жестокихъ дѣяній. Количество удавленныхъ отравленій, благодаря успѣхамъ химіи и судебной медицины, становится меньшимъ.

Общее количество преднамѣренныхъ убійствъ въ 1845 году равнялось 1,50%, на сто тысячъ жителей, въ 1895 г.—1,30%.

Процентъ ниже въ Германіи (0,85) и въ Англіи (0,48), выше въ Бельгіи (2,41), въ Испаніи (4,17) и въ Италіи (6,45).

Грабежи на публичныхъ путяхъ сообщенія уменьшаются постоянно. Уменьшаются вообще преступленія, совершаемыя женщинами. Это замѣчается и во многихъ другихъ странахъ. Въ послѣднее время женщины совершаютъ относительно больше преступленій противъ лицъ, чѣмъ противъ собственности (у мужчинъ наоборотъ). «Когда женщина совершаетъ убійство или присоединяется къ убійцѣ, она почти всегда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти; но тогда она является болѣе жестокою, болѣе вѣроломною, болѣе циничною, чѣмъ мужчина».

Отмѣчено увеличеніе числа убійствъ несовершеннолѣтними. Характерно, что одно преступленіе падаетъ на десять тысячъ жителей, а среди нотаріусовъ преступленій совершается на десять тысячъ сорокъ три. Наоборотъ, число преступленій среди учащихся значительно понижается.

Укажемъ на утѣшительный фактъ: смертная казнь выходитъ изъ безчеловѣчнаго употребленія; но къ стыду французской цивилизаціи, въ среднемъ съ 1896 по 1899 г. она была совершена все еще по двадцати разъ въ годъ (въ 1826—1830 г.—711 разъ, въ годъ же *)).

Уменьшаются преступленія скопомъ, соучастіе, но зато увеличиваются повторныя преступленія, рецидивы: съ 10%, въ 1821—1835 гг., они поднялись до 21, съ 1851—1855 гг., 41 въ 1876—1880 гг., 49%, въ 1891—1895 гг.

Въ общемъ репрессія не оказываетъ на совершеніе преступленій значительнаго вліянія. Глубокихъ и прочныхъ улучшеній можно ожидать только отъ общаго культурнаго подъема страны, отъ широкаго распространенія учреждений, имѣющихъ своею задачею предупрежденіе преступленій, воспитаніе характера, устраненіе соблазновъ и опасностей борьбы за существованіе. Синьорель рекомендуетъ побольше жалости къ страдающимъ,

*) 25 іюня въ Парижѣ происходилъ митингъ противъ смертной казни. Во главѣ его была женщина, Анриетъ Мейеръ. Была подписана петиція объ отмініи ея казни. Знаменитый писатель Анатоль Франсъ не могъ быть на собраніи по болѣзи. Онъ прислалъ письмо, въ которомъ горячо возстаетъ противъ смертной казни и сожалѣетъ, что президенты французской республики не послѣдовали примѣру Жюль Гриви, всегда пользовавшагося правомъ помилованія.

къ тѣмъ, которые совершаютъ преступленія подѣ гнетомъ нужды, и по больше строгости къ дѣйствительно порочнымъ людямъ.

Вопросу, который снова выступаетъ во Франціи на первый планъ, — выборамъ въ парламентъ по спискамъ, — посвящаетъ статью въ *Revue Politique et Parlementaire* престарѣлый государственный человѣкъ, Рене Гобле.

За выборы по спискамъ стоялъ Гамбетта. Въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ Вальдека-Руссо. Въ 1885 г., они были введены, но выбранная по этому способу палата возстановила избраніе по округамъ. Гобле говоритъ, что выборы по спискамъ — истинно республиканскій принципъ. Не повторяя извѣстныхъ доказательствъ превосходства этой избирательной системы, Гобле анализируетъ послѣдніе выборы въ палату депутатовъ. Никогда, — говоритъ онъ, — не было такъ много истрачено денегъ и такъ мало выставлено программъ. Только выборы по спискамъ устраняютъ это зло: подкупъ избирателей округа, въ той или другой формѣ, возможенъ, всѣхъ избирателей даже одного департамента подкупить нѣтъ возможности; населеніе небольшого относительно участка склонно придавать преувеличенное значеніе мѣстнымъ интересамъ и выбирать лично знакомаго кандидата; населеніе департамента потребуетъ отъ него политической программы. Гамбетта давно предостерегалъ отъ неизбѣжныхъ опасностей окружныхъ выборовъ. Эти выборы, — напоминаетъ Гобле, — являются выборами людей, выборы по спискамъ — выборами идей. Гобле настойчиво совѣтуетъ палатѣ произвести эту первостепенной важности реформу.

Национальная борьба нѣмцевъ съ славянами, сильно подогрѣтая маріенбургскою рѣчью императора Вильгельма, продолжаетъ пагубно вліять на благосостояніе и политическое значеніе Австро-Венгріи. Обширную рѣчь оцѣнкѣ всегерманской пропаганды посвятилъ въ засѣданіи австрійской делегаціи извѣстный чешскій депутатъ Брамаржъ. Онъ прекрасно ознакомился съ движеніемъ, которое написало на своемъ знамени между прочимъ *Прочь отъ Рима*, и считаетъ его чрезвычайно опаснымъ для Габсбургской монархіи, для самосохраненія чешскаго народа. Брамаржъ цитируетъ сильно распространяемую брошюру. Въ ней говорится, что *протестантизмъ есть религія націй господъ* («Der Protestantismus ist die Religion der Herrgattung»). Написана брошюра германскимъ пасторомъ, какъ привѣтствіе восточно-нѣмецкой маркѣ. Вожди движенія въ тайныхъ циркулярахъ просить поддержки масонскихъ ложъ, — явное доказательство, что всегерманское движеніе, что *Los von Rom* носитъ не религіозный, а национально-политическій характеръ. Брамаржъ приводитъ множество цитатъ въ доказательство этого утвержденія. Его нѣсколько разъ прерываетъ делегатъ еицъ, признающій однако стремленіе включить Австрію въ составъ ганской имперіи, — на правахъ Баваріи или Вюртемберга, — замѣчаетъ маржъ.

Въ тайномъ циркулярѣ № 4, въ 1900 г., сообщается, что для всегерманской пропаганды напечатано брошюръ два съ половиной милліона экземпляровъ; по другому циркуляру въ Австрію ввезено въ 1900 году, 18,108 книгъ и 600,000 листовъ, ускользнувшихъ отъ цензуры. Въ Мюнхенѣ издается пангерманская газета *Wartburg* подъ редакціей протестантскаго суперъинтендента Майера и депутата австрійскаго парламента Эйзенкольба.

Брамаржъ говоритъ, что эта систематическая пропаганда противъ самостоятельности Австріи, какъ государства, на которую собираются въ Германіи сотни тысячъ марокъ, — дѣло неслыханное. Ничего подобнаго не потерпѣла бы Пруссія, которая такъ жестоко преслѣдуетъ своихъ поданныхъ — поляковъ, желающихъ сохранить свой языкъ, свою національную самостоятельность.

Брамаржъ горячо говоритъ, что онъ сторонникъ религіозной свободы, что онъ противъ какихъ-либо стѣсненій протестантизма, какъ и католичества; но только религію не слѣдуетъ обращать въ орудіе политическихъ цѣлей, нельзя допускать, что она служила національно-политической агитациі изъ другого государства. Брамаржъ говоритъ, что Австрія имѣетъ право требовать, чтобы официальная Германія не допускала и не поощряла всегерманской политической пропаганды въ дружественномъ сосѣднемъ государствѣ.

Объ отношеніяхъ нѣмцевъ, — въ особенности пруссаковъ, — къ полякамъ намъ приходилось уже много разъ говорить. Какъ на исключеніе или добрый признакъ въ этой національной борьбѣ можно указать на письмо нѣмецкихъ колонистовъ Волынской губерніи, напечатанное въ варшавскомъ *Курьерѣ Польскомъ*. Въ письмѣ говорится: «Если ненависть, проявляемая поляками по отношенію къ намъ, основывается исключительно на преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются поляки въ Пруссіи, то это ошибочный взглядъ на вещи. Мы, нѣмцы, не можемъ нести ответственности за пруссаковъ и протестуемъ публично противъ всѣхъ насилій, дѣлаемыхъ прусскимъ правительствомъ надъ польскимъ населеніемъ. Всѣ нѣмцы должны горячо протестовать публично противъ вытѣсненія поляковъ съ ихъ родной земли, — особенно нѣмцы, здѣсь поселившіеся. Нѣмцы въ Ганноверѣ уже дали доказательства своей любви къ ближнему; нѣмцы въ приройнскихъ провинціяхъ равнымъ образомъ протестуютъ публично въ газетахъ противъ образа дѣйствій пруссаковъ, а потому не должны отстаивать и нѣмцы здѣшніе, ставшіе обывателями края, или живущіе здѣсь и приобретающіе благосостояніе. И мы надѣемся, что они не отстанутъ, такъ какъ каждый честный нѣмецъ знаетъ хорошо, что пруссаки не должны компрометировать нѣмцевъ. Прусское правительство состоитъ изъ однихъ пруссаковъ, а исторіи извѣстно, что вся прусская идея составляетъ симошное насиліе. Наоборотъ, нѣмцы жили всегда и вездѣ дружно. И они не хотятъ нынѣ позора изъ-за пруссаковъ».

Письмомъ этимъ, — прибавляютъ волынскіе колонисты, — мы хотѣли явить, что и мы чувствуемъ ту боль, которая сжимаетъ польскія сер-

Интересно сопоставить съ этимъ, что недавно императоръ Вильгельмъ II обмѣнялся любезными рѣчами съ представителемъ въ Германіи папскаго престола генераломъ фонъ-Лоё. Императоръ указывалъ на то, что католицизмъ въ Германіи пользуется большою свободою, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Лоё подчеркнул это въ своей рѣчи и назвалъ Францію, какъ страну, гдѣ преслѣдуется католицизмъ, и рѣзко отозвался о политикѣ французскихъ военныхъ властей. Германскія газеты,—и либеральныя, и консервативныя, за исключеніемъ органовъ центра,—неодобрительно отзываются объ этой выходкѣ, могущей испортить отношенія между французскимъ и германскимъ правительствами. *National-Zeitung* отмѣчаетъ, что генераль Лоё, осуждая борьбу французскихъ республиканцевъ съ клерикализмомъ, играетъ въ руку націоналистамъ, заклятымъ врагамъ Германіи.

Аахенская рѣчь Вильгельма II и бонская—генерала Лоё, какъ и сочувственная телеграмма, присланная императоромъ въ отвѣтъ на привѣтствіе съ собранія, гдѣ Лоё предсѣдательствовалъ, составляютъ явную безтактность. Быть можетъ, впрочемъ, Вильгельму II еще не былъ извѣстенъ полный текстъ рѣчи католическаго генерала. Нынѣшній германскій императоръ постоянно стремился къ возможному сближенію съ Франціею. Надякъ, въ норвежскихъ водахъ, онъ велъ продолжительныя бесѣды съ Вальдекомъ-Руссо. Националистическая печать рѣзко и грубо напала за эти свиданія на бывшаго министра-президента. По ея мнѣнію, Вальдекъ-Руссо подготавливаетъ пріѣздъ во Францію германскаго императора, идетъ за Жоресомъ, который въ парламентѣ высказался за то, чтобы отречься окончательно отъ возмездія, то-есть отъ мысли возвратить Франціи Эльзасъ и Лотарингію. Безтактныя заявленія Лоё послужатъ новымъ поводомъ для яростныхъ националистическихъ нападокъ на нынѣшнее правительство, хотя и должны порадовать французскихъ клерикаловъ.

Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ солунскій корреспондентъ *Петербургскаго Вѣдомостей* о Македоніи, ставшей теперь главнымъ «вопросомъ» на Балканскомъ полуостровѣ. Македонскіе болгары замѣчательно даровитый и энергическій народъ. Страна очень богата отъ природы. Естественная гавань Солуни превосходна и можетъ вмѣстить болѣе трехсотъ паровыхъ судовъ. Солунь (Фессалоники) — второй по населенію и значенію морской портъ европейской Турціи. Его *ежедневно* (ежегодно?) посѣщаютъ до 10,000 судовъ, изъ которыхъ около 30% паровыхъ, а остальные парусныя, принадлежащія исключительно турецкому, греческому и австрійскому (и итальянцы) флагамъ. Грузовая вмѣстимость всѣхъ этихъ судовъ равняется приблизительно 1.800,000 тоннъ. Изъ всего количества паровыхъ судовъ, посѣщающихъ Солунь, на долю австро-венгерскаго флага приходится около 26%, англійскаго—19%, французскаго—12%, германскаго— и русскаго—около 6%.

Изъ суши къ Солуню сходятся всѣ желѣзныя дороги Македоніи: Мища (изъ-подъ Босны)—Приштина—Скопье—Велесъ—Солунь, протяже-

ниемъ въ 360 килом., съ вѣтвью: Вроня (сербская граница)—Скопье—въ 188 км.; затѣмъ Дедеагачь—Солунь, въ 461 км., и Битолия—Острово—Воденъ—Солунь, въ 220 км. Первая линія, чрезъ Вроню, соединяетъ Солунь съ европейской сѣтью жел. дор., вторая—съ Андрианополемъ и Царьградомъ, а третья—съ обширной битойской плоской возвышенностью, около 1,500 кв. килом., самой плодородной мѣстностью въ Македоніи, и, кстати сказать, чрезъ южную часть наковой возвышенности проходитъ единственно-удобный путь изъ арнаутскихъ поселеній (Албанія) въ Эгейскому морю.

Общее протяженіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ равняется 1,229 км., при общей площади Македоніи въ 64,000 кв. км.: на каждыя 100 километровъ приходится 1,9 км. желѣзныхъ дорогъ. На 100 кв. км. приходится: въ Болгаріи—1,6, въ Греціи—1,5 и въ Сербіи—1,2 км. желѣзн. дорогъ.

Говоря о желѣзныхъ путяхъ Македоніи, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее характерное обстоятельство.

Съ проведеніемъ линіи Солунь—Вроня въ 1888 г., сербскій транзитъ направился чрезъ солунскій портъ, увеличиваясь съ года въ годъ, несмотря на боевые тарифы; такъ, въ 1889 г. оборотъ сербскаго транзита чрезъ Солунь составлялъ около 1.800,000 килогр. товара; въ 1876 г. дошелъ до 10.000,000 килогр., а въ 1897 г.—до 12.000,000 килогр., причемъ сербскій ввозъ превышалъ вывозъ. Такое же транзитное значеніе и даже въ гораздо болѣе мѣрѣ Солунь долженъ бы былъ получить и для болгарскаго княжества, если бы болгарская желѣзная дорога Софья—Радомиръ—Кюстендиль (турская граница) была доведена до конца. Однако въ ущербъ для интересовъ Болгаріи эта линія не окончена на участкѣ Радомиръ—Кюстендиль, около 60 килом. Въ свое время (1897—1898 гг.) австрійская политика, руководившая судьбами Сербіи, не имѣла для себя выгоднымъ продолженіе этой линіи до турецкой границы, и несмотря на то, что султанъ далъ согласіе на соединеніе Кюстендила чрезъ Эгри-Паланку съ Куманово и Скопье, болгарское правительство того времени, въ угоду австро-сербскимъ интересамъ, приостановило дальнѣйшее сооруженіе этой линіи, которую, слѣдуетъ сказать, строила частная компанія, во главѣ съ извѣстнымъ генераломъ Рачо Петровымъ. Насколько великъ ущербъ для интересовъ болгаръ отъ приостановленія постройки этой дороги, косвенно указываютъ слѣдующія данныя: отъ Софіи желѣзнаго пути до морскихъ портовъ: Бургаса (на Черномъ морѣ)—496 килом., до Дедеагача (на Эгейскомъ морѣ), чрезъ Адрианополь,—513 килом., до Солуни, чрезъ Нишъ и Вроню,—635 килом.; а до того же Солуни, чрезъ Кюстендиль—Куманово—Скопье, было бы всего 420 килом. Кроме того, для болгарскаго транзита послѣдній путь сталъ бы короче до европейскихъ портовъ такъ какъ Солунь ближе къ нимъ на день-два пути, чѣмъ порты Бургасъ и Дедеагачь.

Но, кроме коммерческихъ выгодъ, болгары потеряли много и въ интересахъ политико-національныхъ, потому что линія Кюстендиль—Куманово—

Скопье прошла бы чрезъ плотно населенныя болгарами мѣстности Македоніи, а также дала бы возможность прямого сообщенія съ княжествомъ всему болгарскому населенію юго-западной части Македоніи. Наконецъ, эта линія, Бюстендиль—Скопье, одна изъ имѣющихъ важное стратегическое значеніе, такъ какъ облегчаетъ возможность Болгаріи, въ случаѣ нужды, занять площадь между рр. Вардаромъ и Струмой, имѣющей центромъ гор. Штипъ, и, такимъ образомъ, опереть свои фланги на берегахъ двухъ главнѣйшихъ рѣкъ Македоніи и овладѣть путями, ведущими въ ихъ долины.

Вывозится изъ Солуни главнымъ образомъ кукуруза, пшеница, ячмень, рожь, табакъ, морфій, маковое сѣмя, шелковый коконъ, хлопокъ, миндаль, орѣхъ, немного вина, кожа мелкаго скота, древесный уголь и т. д., всего на 48 милліоновъ слишкомъ франковъ въ годъ. Ввозятся произведенія обрабатывающей промышленности. На первомъ мѣстѣ стоитъ Австро-Венгрія (38%), потомъ Англія (25%), Франція (16%), столько же Германія, Бельгія (8%), Италія (7%) и, наконецъ, Россія,—только 6%, почти исключительно керосинъ и спиртъ. Общая сумма ввоза—до тридцати милліоновъ.

Естественно, что и Австрія, и Сербія, и Болгарія, и Италія, и Греція стремятся стать твердою ногою въ Солуни и Македоніи. Корреспондентъ кончаетъ иррачнымъ для насъ предсказаніемъ: Македонія,—говоритъ онъ,—сама добьется цѣли, т. е. самостоятельности, освобожденія отъ гнета турецкаго правительства, «но, несомнѣнно, въ ущербъ какъ *княжескимъ болгарскимъ*, такъ и *дипломатическимъ русскимъ* интересамъ... Въ Македоніи мы—наканунѣ перехода болгаръ въ унию, а въ княжествѣ мы—едва ли не наканунѣ перехода опять къ принципамъ покойнаго Стамбулова».

Послѣднее предположеніе намъ кажется мало вѣроятнымъ. Посѣщеніе Россіи княземъ болгарскимъ и близкія шипкинскія торжества сблизятъ насъ, до извѣстной степени, съ болгарами. Но отношеніе нашей дипломатіи къ македонскому вопросу, ея настоянія въ пользу созданія въ Македоніи поста сербскаго митрополита несомнѣнно лишаютъ насъ сочувствія македонскихъ болгаръ и вызываютъ неудовольствіе среди населенія Болгаріи.

Турція упорно не исполняетъ требованій берлинскаго трактата о введеніи въ Македонію (какъ и въ Арменіи) самоуправленія, и ни одна держава ее къ этому не попускаетъ. Не обращаетъ вниманія на обязательства берлинскаго договора и Румынія. Недавно въ британскомъ парламентѣ притязанію было сдѣланъ запросъ: дѣлаетъ ли оно какіе-либо шаги, чтобы побудить румынское правительство привести въ исполненіе сорокъ третью статью договора, т. е. положить конецъ безправному состоянію румынскихъ евреевъ. Представитель правительства отвѣтилъ утвердительно. Будемъ ждать практическихъ послѣдствій.

В. Г.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Изданія журнала „Русская Мысль“.

ДЬЯВОЛЪ ВЪ ПОЭЗИИ.

Игнація Матушевскаго.

Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы.

Переводъ со 2-го изданія **В. М. Лаврова.**

Цѣна 1 рубль.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи.

Профессора **М. С. Корелина.**

Выпускъ I.

ЕГИПЕТСКІЕ БОГИ,

ИХЪ ХРАМЫ И ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Съ 28 рисунками въ текстѣ.

2-е изданіе.

Печатано безъ перемѣнъ съ изданія, одобреннаго для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

Цѣна 80 коп.

Контора журнала «Русская Мысль» (*Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Анлаксиной*) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 р. б., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдующей за это платѣ.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль

1902 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія, педагогика.—Бритика, публицистика.—Исторія, исторія литературы.—Естествознаніе.—Книги для дѣтей. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюля по 1-е іюля 1902 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. Край Маріи Пречистой.—*Скиталецъ.* Рассказы и пѣсни.—*Андрей Белый.* Симфонія.—*З. Гиттиусъ.* Третья книга рассказовъ.—*П. П. Гиттичъ.* Антиподъ.—*Д. С. Мережковский.* Переводы Эсхила, Софокла, Эврипида.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. Край Маріи Пречистой. (Очеркъ Андалузіи.) Изд. А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Этотъ обширный (болѣе 900 страницъ большого формата) отлично изданный томъ заключаетъ въ себѣ интереснѣйшіе очерки Толедо, Кордовы, Андалузіи, Гибралтара, Сеуты, Малаги. Въ книгѣ шестьсотъ рисунковъ выдающихся художниковъ. Въ виду этого цѣна ея не высока: восемь рублей въ переплетѣ, прочномъ и красивомъ.

Вас. И. Немировичъ-Данченко большой знатокъ Испаніи. Благодаря его художественному таланту, оживаютъ старыя легенды, становятся яркими современныя картины испанской жизни. Въ предисловіи авторъ даетъ сжатую, но превосходную характеристику состоянія Испаніи въ наши дни. „Въ ноябрѣ 1901 году,—говоритъ Немировичъ-Данченко,—я увѣзжалъ изъ Барселоны. Солнце свѣтило ярко, небеса безоблачныя, глубокія, синія, нѣжно обнимали голубое, ласкавшееся въ теплымъ берегамъ море. На Рамбла—стрѣляли. Утомленный поборами и измѣнами Мадрида, продающаго отечество оптомъ и врозницу, народъ волновался и негодовалъ. Войска и полиція ходили въ атаку, оставляя за собою трупы и раненыхъ. Солдаты дрались неохотно. Здѣсь они тоже граждане, знаютъ, сколько было получено американскихъ милліоновъ за постыдный миръ и канъ въ одинъ прошлый годъ расхищена треть національной кассы людьми, которыхъ ни одинъ прокуроръ не осмѣлится обвинить“. Шлеюль почти нѣтъ, правильные суды замѣняются военными. „Ублюдканная моремъ, заласканная солнцемъ, опьяненная цвѣтами—спитъ на равнинная страна подъ волшебными миражами, и только Каталонія, что оазисъ въ спаленной небомъ пустынѣ, давно уже бодро и смѣло идетъ къ свѣту, богатству, свободѣ и правдѣ, но она не въ счетъ. Ни оі не любитъ кастильцевъ, ни кастильцы ее“ *).

Чень интересно описаніе того, какъ г. Немировичъ-Данченко былъ въ

) Каталонія г. Немировичъ-Данченко думаетъ посвятить особую книгу. Раньше въ „шіе Очерки Испаніи“ говорятъ объ ея сѣверѣ.

гостяхъ на родинѣ Донъ-Кихота. Силенъ контрастъ Толедо и садовъ Аранхуэса, гдѣ передъ тѣмъ былъ авторъ, и спальной солнцемъ, каменистой, одичавшей отъ бѣдности Ламанчи. „По неволѣ, какъ у бедуина въ Аравіи, воображеніе начинаетъ работать. Дѣйствительность отступаетъ куда-то, точно проваливается, и осуществленные яркими образами грѣзы обступаютъ тебя отовсюду. Призраки заслоняютъ настоящихъ людей... Неудивительно, что начитавшійся рыцарскихъ книгъ послѣдній изъ идеалистовъ вступилъ здѣсь въ бой съ драконами и баснословными чудо-вищами, съ враждебными ему паладинами... Это солнце преувеличиваетъ все кругомъ“.

Въ книгѣ В. И. Немировича-Данченко разсѣяно много важныхъ бытовыхъ и экономическихъ данныхъ. Не характерно ли, напримѣръ, что въ Испаніи на каждый миллионъ населенія приходится 36 военныхъ генераловъ, на семидесятитысячную армію—всего шестьсотъ? Въ Германіи ихъ вдвое меньше. Иезуитамъ, инквизиціи и политикѣ, положенной въ основу правленія Филиппомъ II, справедливо приписываетъ русскій наблюдатель разореніе, угнетеніе и невѣжество богатой отъ природы страны и высокодаровитаго народа. „Теряя автономію, всякая провинція дѣлалась немедленно законною добычею хищническаго чиновничества Мадрида, этого полипа, ни въ селу, ни въ городу созданнаго на пустомъ и северномъ мѣстѣ королевскимъ повелѣніемъ Филиппа II“.

Извѣстно, что г. Немировичъ-Данченко мастеръ въ описаніяхъ природы и художественныхъ сокровищъ. Его книга послужитъ украшеніемъ любой библіотеки.

Скиталець. Разсказы и пѣсни. Томъ первый. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. Красивые разсказы и красивые пѣсни собраны въ этой книжкѣ. Но не во всѣхъ отношеніяхъ проза и поэзія автора совпадаютъ между собою, и Wahrheit и Dichtung не вполне сливаются у него въ одно органическое цѣлое. Онъ на первой же страницѣ говоритъ о себѣ:

Я—гудякій мѣдный ревъ, рожденный жизни бездной,
Злой крикъ набата я!
Грубъ твердый голосъ мой, тяжелъ языкъ жегляный,
Изъ мѣди—грудь моя!
И съ вашимъ пѣніемъ не можетъ слиться вмѣстѣ
Мой голосъ: онъ поетъ
Обиду кровную, а сердце—тѣсно мести
Въ груди моей куется!
.....
О, да! Судьба меня всю жизнь нещадно била,
Душа моя—въ крови...
И въ сердцѣ, гдѣ теперь еще осталась сила,
Нѣтъ больше словъ любви!
Я лишь суровыя слова и мысли знаю,
Я весь всегда—въ огнѣ...
И пѣснь моя—дѣка, и въ слово „проклинаю!“
Слилося все во мнѣ!

На самомъ дѣлѣ пѣсни Скитальца не кованыя, а звучныя, сильныя, оригинальныя по размѣру и настроенію, и если въ нихъ слышатъ, правда, много возмущенія и гнѣва, то его разсказы не дышатъ местю и проклятіемъ, не дикіе они и суровые, и не грубъ его голосъ, не чуждъ онъ словамъ любви: напротивъ, въ его очеркахъ разлита нѣжность, печаль и благоволеніе. Только одинъ стихъ изъ приведенныхъ нами вѣрно характеризуетъ литературную особенность автора: я весь всегда—въ огнѣ... Дѣйствительно, прежде всего вы замѣчаете въ

изведеніяхъ Скитальца глубокую, хотя и сдерживаемую *страстность* и лиризмъ; онъ постоянно волнуется и куда бы ни увлекло его теченіе собственнаго разсказа, онъ отдается тому, что встрѣчаетъ, всей душой; и что бы ни прикоснулось къ этой душѣ, она сейчасъ же вздрагиваетъ и даетъ мелодичный и трепетный отзвукъ. Вы чувствуете, что автору необходимо прозвезти надъ собою усиліе, для того чтобы оторваться отъ какой-нибудь эпизодической детали повѣствованія и не расточить на нее, въ ущербъ цѣлому, слишкомъ много пафоса и словъ. Все пробуждаетъ въ немъ цѣлую гамму ощущеній, и только чувство мѣры—впрочемъ, далеко не торжествующее у него,—иногда заставляетъ нашего лирика подавлять свой готовый вспыхнуть огонекъ. Вотъ, напримеръ, онъ говоритъ, что надъ острогомъ взошла луна и „облила его бѣлыми стѣны трепетнымъ серебристымъ сіяніемъ“. По этой черточкѣ, второму другой писатель можетъ быть и удовольствоваться бы для данной картины, Скитальцу мало: луна уже взволновала его, и онъ продолжаетъ: „Она какъ чародѣйка, околдовала своими волшебными лучами эту нѣжную весеннюю ночь: чары ея обнимаютъ дремотную землю и тихій, серебристый воздухъ. Всюду таинственно лежать и расползаются мглистыя тѣни, и шепчутся тихіе, страстные звуки. Раздражающая ароматная теплота вѣетъ въ густомъ воздухѣ и навѣваетъ нѣжныя желанія и нѣжную весеннюю тоску“ (стр. 268). Въ связи съ этой чертою въ дарованіи автора мы отмѣтили бы и другую—*тщечность*. Она выражается не только въ звучномъ каскадѣ словъ, которыя точно борются съ могучимъ искушеніемъ перелиться въ стихи (недаромъ въ книжкѣ Скитальца разсказы идутъ попережку съ стихотвореніями),—она сообщаетъ его произведеніямъ какою-то внутренней музыкальностью, и всѣ они представляютъ собою одну пѣснь. Очень характерно, что въ большинствѣ разсказовъ автора (*Композиторъ, Спяка, Ранняя обidia, Октава*—обратите вниманіе на музыкальный характеръ самыхъ заглавій),—въ большинствѣ разсказовъ фигурируютъ пѣвцы и, можно сказать, слышится пѣніе, въ особенности духовное. Даже слишкомъ пестрятъ у него многія страницы короткими строчками церковныхъ и другихъ пѣснопѣній. И ничто не описываетъ Скиталець такъ любовно и красиво, какъ именно пѣніе во всѣхъ его деталяхъ; въ этой сферѣ онъ чувствуетъ себя наиболее свободно, и здѣсь приходятъ ему на уста самыя счастливыя и роскошныя сочетанія словъ. „Миловидные дисканты пѣли нѣжно и умильно, тенора мягко сливались съ ними... молодой октавистъ угѣлъ пускать свой львиный ревъ такъ благородно и мягко, что хотѣлось подойти и расцѣловать его за то, что у него такой бархатный, маслянистый и влажный голосъ... Они (пѣвцы) стояли рядомъ и, косясь другъ на друга, рылись въ низкихъ рожочущихъ звукахъ... Волна (авуковъ), какъ порывъ бури, всколыхнула весь воздухъ, поглотила въ себя хоръ и раздавила хрустальную октаву молодого человѣка... Волнообразный голосъ его, тяжелый и темный какъ смола, лился черной и густой маской... Этотъ чугунный, грохочущій голосъ, печальный и мрачный, былъ твердъ и тяжелъ; казалось, что его можно было ощупать рукой въ воздухѣ и что, дойдя до человѣка, онъ прижметъ его къ стѣнѣ и раздавить... Внизу всего хора, какъ бы изъ земли, плыла густая, сочная и вкусная октава. Что-то плодородное, ароматное и дѣвственное чувствовалось въ этихъ яркихъ и цѣльныхъ звукахъ, могучее и устойчивое. Казалось, что этотъ голосъ внесъ сюда всю природу, яркіе солнечные лучи, ихъ теплоту, ароматное дыханіе зеленыхъ степей, ихъ тайный и теплый запахъ согрѣтой солнцемъ земли“ (стр. 181, 182, 183,

204, 226). Лиризмом проникнуты у автора и описанія природы, которую онъ умѣетъ чувствовать и любить. „Величавыя горы, Жигулевскія съ одного берега и Сокольничьи—съ другого, поросшія кудравымъ разноцвѣтнымъ лѣсомъ, тянулись чудной, сказочной панорамой по обѣимъ сторонамъ рѣки. Листва желтѣющихъ деревьевъ поражала и восхищала богатствомъ и разнообразіемъ красокъ: были деревья съ ярко-красными листьями, оранжевыми и блѣдно-розовыми, березы стояли, словно украшенные золотомъ, а оголенные вѣтви издали сливались въ нѣжно-голубую дымку. Казалось, что горы усыпаны сорванными разноцвѣтными розами. Волга лежала между этими грудями розъ, словно спящая красавица... Чувствовалось ничтожество человѣка, его дрягъ, тревожной и ухищренной по сравненію съ вѣчно-спокойной, чудесной въ красотѣ своей природой. Горы съ удивленіемъ и презрительно смотрѣли на хлопотливый пароходикъ, допотавшій что-то своими колесами, и точно спрашивали другъ друга: „Кто это ползеть?“ (стр. 236). Но диапазонъ этого гнѣвчато таланта весьма не обширенъ, и рассказы Святальца однообразны. Типъ человѣка съ глубокой душой, спившагося и обездоленного, способнаго въ возрожденію и новымъ паденіямъ, проходить черезъ нихъ яркою, но одноцвѣтною нитью. Не достаетъ автору и художественной объективности, нерѣдко подчеркиваетъ онъ мораль своего произведенія, и когда изобразительность у него исчерпывается, тогда онъ самъ, уже не въ качествѣ художника, приходитъ на помощь читателю и наводитъ его на мысль своего рассказа. Напримѣръ, въ *Любови декоратора* онъ подсказываетъ, что Юлія смотрѣла на Костовскаго съ „любовознательностью естествоиспытателя“ (стр. 135); въ *Октавѣ* онъ почти столько же объясняетъ Захарыча, сколько описываетъ его, и устами Петра Ивановича слишкомъ обнаженно и тенденціозно выражаетъ свой собственный взглядъ на героя (стр. 218); то же стремленіе къ излишней опредѣлительности испортило красивое стихотвореніе „Сонъ“, гдѣ вторая половина, вторая сторона антитезы должна была и могла возникнуть въ умѣ читателя сама собою (стр. 141). Во всякомъ случаѣ, книжка Святальца представляетъ собою замѣтное явленіе, и тѣ мысли и чувства, которыя въ ней „блещутъ горделиво“, понятны и близки душѣ многихъ.

Андрей Бѣлый. Симфонія (вторая, драматическая). Книгоиздательство „Скорпионъ“. Ц. 1 р. Это—книга странная, и странность ея сознаетъ самъ авторъ и „вмѣсто предисловія“ говоритъ слѣдующее: „Исключительность формы настоящаго произведенія обязываетъ меня сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ. Произведеніе это имѣетъ три смысла: музыкальный, сатирический и, кромѣ того, идейно-символическій“. Читатель сразу впадаетъ въ большое недоумѣніе, и невольно думаетъ онъ: не рискуетъ ли сочиненіе, притязающее на три смысла, оказаться безъ единого,—сдѣлаться бессмысленнымъ? Вѣдь „смыслы“—это не слагаемая, которыя можно соединять въ одну механическую сумму; вѣдь каждое произведеніе должно имѣть только одинъ, цѣльный смыслъ, который является внутреннимъ, общимъ и органическимъ результатомъ *мысли*. Исключительность формы „Симфонія“ состоитъ въ томъ, что книга выражаетъ „рядъ настроеній, связанныхъ другъ съ другомъ и новымъ настроеніемъ (настроенностью, ладомъ)“; отсюда вытекаетъ необходимость раздѣленія ея на части, частей на отрывки и отрывки на стихи (музыкальныя фразы); неоднократное повтореніе нѣкоторыхъ музыкальных фразъ подчеркиваетъ это раздѣленіе“. И фразы г. Бѣлаго, дѣйствительно, музыкальны; слова сочетаются у него въ оригинальныхъ комбинаціяхъ, и нѣкоторыя выраженія, нѣкоторыя отрывки

звучать поэтично и красиво. На 27 стр. мы читаемъ, напримѣръ: „3. У нея умеръ сынъ. Сегодня она скоронила его. Теперь она осталась одна во всемъ мѣрѣ. 4. Нивого у нея не было. Нивому она не была нужна. 5. Получала она пенсію. Уже десять лѣтъ ходила въ черномъ. 6. Такъ она говорила. Слезы не капали изъ глазъ. 7. И голосъ ея былъ такой же, какъ всегда. Постороннему казалось бы, что на губахъ ея мелькала улыбка. 8. Но это было горе. 9. Она рассказывала о смерти сына такимъ же тономъ, какимъ вчера заказывала обѣдъ, а два дня тому назадъ она такъ же жаловалась на дороговизну сѣстныхъ припасовъ. 10. Уже она привыкла къ печали; мелочи и важныя событія вызывали въ ней одинаковое чувство. 11. Она была тиха въ своей скорби. 12. Уже она кончила и сидѣла, опустивъ голову, перебирая пальцами въ перчаткахъ свой ридикюль. 13. А онъ стоялъ передъ ней въ дѣланной позѣ, чистилъ ногти и говорилъ: „Нужно смотрѣть на мѣръ съ философской точки зрѣнія“. Или на стр. 63: „1. Звуки бѣжали вмѣстѣ съ минутами. Рядъ минутъ составлялъ время. Время текло безъ остановки. Въ теченіи времени отражалась туманная вѣчность. 2. Это была какъ бы строгая женщина въ черномъ, спокойная... усвоенная. 3. Она стояла среди присутствующихъ. Каждый ощущалъ за спиной ея ледяное дыханіе. 4. Она обнимала каждого своими темными очертаніями, она клала на сердце каждому свое блѣдное, безмѣрное лицо. 1. Это была какъ бы большая птица... въ печали. И печаль не имѣла конца. 2. Эта печаль прокатилась тысячелѣтія. Тысячелѣтія лежали впереди. 3. Она облетѣла планетныя системы. И планетныя системы мѣняли свое направленіе. 4. А она была все та же и та же, спокойная, величавая, безжалостно-мечтательная. 5. Это была какъ бы большая птица. И имя ей было *птица печали*. Это была сама печаль“. Или многозначительный рефрэнъ нѣкоторыхъ страницъ: „4. Одинокій крестьянинъ, босой и чумазый, затерялся гдѣ-то среди нивъ. 5. И только тоскующій голосъ его разносился надъ полями“ (стр. 132). Но да не подумаетъ читатель, что серьезный и элегическій тонъ этихъ отрывковъ и нѣкоторыхъ другихъ (о женщинѣ-сважкѣ, погребеніе Европы) характеренъ для всей книги: напротивъ, ея главное содержаніе—шутки, неожиданныя сопоставленія, болѣе или менѣе остроумные намеки на злобы московскаго дня, прозрачныя каррикатуры и явные силуэты извѣстныхъ литераторовъ. Приведемъ нѣсколько образцовъ: „4. На крышахъ можно было замѣтить пророка. 5. Онъ совершалъ ночной обходъ надъ спящимъ городомъ, усмиряя страхи, изгоняя ужасы. 6. Сѣрые глаза метали искры изъ-подъ черныхъ, точно углемъ обведенныхъ, рѣсницъ. Сѣдьющая борода развѣвалась по вѣтру. 7. Это былъ покойный Владимиръ Соловьевъ. 8. На немъ была надѣта сѣрая крылатка и большая, широкополая шляпа. 9. Иногда онъ вынималъ изъ кармана крылатки рожекъ и трубилъ надъ спящимъ городомъ. 10. Многие слышали звукъ рога, но не знали, что это означало. 11. Храбро шагалъ Соловьевъ по крышамъ. Надъ нимъ высыпали брилліанты звѣздъ. 12. Млечный путь гасъ ближе, чѣмъ слѣдуетъ. Мистикъ Сиріусъ споралъ отъ любви. 1 Соловьевъ то взывалъ въ спящей Москвѣ зычнымъ рогомъ, то выи бивалъ свое стихотвореніе:

„Зло позабытое
Тонетъ въ крови!...
Всходить омытое
Солнце любви!“

14. Хохотала красавица зорьба, красная и безумная, прожигая ашмовую тучку“ (стр. 97, 98). И о Шиповниковъ говорить г. Бѣлый, — „этомъ циничномъ мистикѣ изъ города С.-Петербурга“ (стр. 77); и о Барсъ Ивановичѣ, котораго узнаютъ многіе москвичи; и о Мережковичѣ, который написалъ статью „О соединеніи язычества съ христіанствомъ“; и о Максѣ, „чурчавомъ пуделѣ, твякающемъ на возрожденіе“ (стр. 129); и не постыдился онъ на той же страницѣ грубо острить и надъ нашимъ великимъ современникомъ. Да, пестры прозаическіе стихи г. Бѣлаго. „Въ тѣ дни и часы въ присутственныхъ мѣстахъ составлялись бумаги и отношенія, а пѣтухъ водилъ куръ по мощеному дворику“ (стр. 5). „1. Въ модномъ магазинѣ работала лифтъ. Человѣкъ, управлявшій занятой машиной, съ остервенѣніемъ леталъ вверхъ и внизъ вдоль четырехъ этажей. 2. Вездѣ стояли толпы дамъ и мужчинъ, врывающіяся въ вагончикъ, давя и ругая другъ друга. 3. Хотя тутъ же были устроены лѣстницы. 4. И надъ этой толкотней величаво и таинственно отъ времени до времени возглашалось деревяннымъ голосомъ: „Счетъ“ (стр. 8). „1. Была полночь. Улицы опустѣли. 2. Была одна улица вдоль сонной рѣки. Къ рѣкѣ сбѣгали четыре переулка. 3. Это былъ первый Зачатьевскій, второй Зачатьевскій, третій Зачатьевскій и, наконецъ, четвертый Зачатьевскій. 4. Въ небѣ словно играли вѣчныя упражненія. Кло-то бралъ пальцемъ ту и другую ноту. 5. Сначала ту, а потомъ другую“ (стр. 12, 13). „1. Въ тотъ часъ молодой человѣкъ вознилъ сапожное шило въ спину старушки-богадѣлки, ускользнувъ въ сосѣдній переулокъ. 2. Это былъ сумасшедшій и его тщетно отыскивала полиція. 3. Въ тотъ часъ храмъ Спасителя высился надъ пыльной Москвою святымъ великаномъ. 4. Подъ его златоглавымъ силуэтомъ текли воды Москвы-рѣки въ Каспійское море“ (стр. 23). Мы нарочно не поспешили на выписки изъ „Симфоніи“ г. Бѣлаго, для того чтобы дать о ней читателямъ нѣкоторое представленіе; да только подлинныя цитаты и могутъ достигнуть этой цѣли, ибо книга автора не изъ тѣхъ, содержаніе которыхъ можно передать. 220 страницъ его сочиненія наполнены нумерованными строчками, и много разныхъ словъ собрано здѣсь; но въ цѣломъ они не даютъ содержанія и опредѣленной мысли. Г. Бѣлый, повидимому, далеко не лишень литературнаго дарованія, — но именно поэтому и не слѣдовало бы ему играть литературой. Онъ долженъ былъ бы знать, что произведеніе слова, къ тому же прозаическое, не можетъ имѣть особаго „музыкальнаго смысла“: для музыки есть ноты, литература употребляетъ иногда „симфонию“, — но такая музыка настроеній, по манію творца-художника, внутренними голосами звучитъ въ душѣ читателя, а не вызывается внѣшними средствами и не зависитъ отъ своеобразія типографскихъ пріемовъ. Счастливые образы и картины не рѣдки у г. Бѣлаго, и хорошо, на примѣръ, говорить онъ: „и стало шанино выставлять свою нижнюю челюсть, чтобы сидящій на табуретѣ билъ его по зубамъ“ (стр. 25), „фразы изъ слоновой кости“ (стр. 90); мѣткія его сравненія окрашеннаго горизонта съ „леопардовой шеурой“ (стр. 142) и „бускомъ желтаго китайскаго шелку“ (стр. 163), — но все это производило бы лѣшее впечатлѣніе, если бы являлось осколками гармоническаго цѣла о. Второй смыслъ *Симфоніи* — сатирическій: „здѣсь осмѣиваются нѣктою и крайности мистицизма“ (*Вмѣсто предисловія*). Безспорно, эти крайности (къ слову сказать, делѣмыя той самой фирмой, которая выпустила и произведеніе г. Бѣлаго) вполне заслуживаютъ осмѣянія; но авторъ производитъ его слишкомъ долго, на слишкомъ длинномъ протяжеіи

своихъ однообразныхъ строгахъ. „Наконецъ,—говорить авторъ,—за музыкальнымъ и сатирическимъ смысломъ для внимательнаго читателя, можетъ быть, станетъ яснѣе и идейный смыслъ, который, являясь преобладающимъ, не уничтожаетъ ни музыкальнаго, ни сатирическаго смысла. Сомыщеніе въ одномъ отрывкѣ или стихѣ всѣхъ трехъ сторонъ ведетъ къ символизму“... Для уразумѣнія этого третьяго по счету смысла нуженъ читатель не только внимательный, но и въ особенности терпѣливый. Уже очень г. Бѣлый искушаетъ терпѣніе и злоупотребляетъ имъ, и большинство читателей предпочтетъ лучше повѣрить автору на слово, что его книга имѣетъ смыслъ, чѣмъ доискиваться послѣдняго въ туманѣ символовъ и намековъ.

3. Гипсіусъ. Третья книга разсказовъ. Изданіе А. Е. Колпинскаго. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. Третья книга г-жи Гипсіусъ написана въ такомъ же духѣ, какъ и первыя двѣ. Тѣ же герои и героини, которые по волѣ автора всячески ломаются, обнаруживаютъ необыкновенную утонченность ощущеній и чувствъ, все дѣлаютъ не такъ, какъ простые смертные,—и терпятъ кару за это: они оказываются безъ кровинки жизни и проходятъ передъ глазами читателя вереницей блѣдныхъ, надуманныхъ и неестественныхъ фигуръ. Когда персонажи г-жи Гипсіусъ любятъ, то это непременно обволакивается у нихъ мистической дымкой; и вмѣсто словъ жизни и страсти любовники говорятъ другъ другу странныя и сочиненныя философскія рѣчи, вродѣ, напримѣръ, слѣдующей: „Любовь только тогда любовь, когда въ ней есть все. Какъ же взять изъ любви жестокость? Вѣдь будетъ не все. Жестокость—тоже безконечность“ и т. д., и т. д. (стр. 214). Или: „Люблю я не для себя и не для тебя. Совершенной любовью нельзя любить несовершенное, нельзя любить ни себя и никакого человѣка. Я въ тебѣ... люблю Третьяго. Ты меня понимаешь? Прямо—мнѣ любить Его не дано, а дано любить лишь чрезъ мнѣ подобнаго. Ты—мое окно къ этому Третьему“ (стр. 198). Послѣднія разсужденія очень умѣстны были бы въ трактатѣ Соловьева „Смыслъ любви“; но въ устахъ влюбленнаго онѣ производятъ комическое впечатлѣніе. Когда персонажи г-жи Гипсіусъ переживаютъ еще дѣтскіе годы и не выходятъ изъ младенческихъ одеждъ, они уже исполнены мистическими думъ, говорятъ языкомъ современнаго символизма и являются критиками точной науки и положительнаго мировоззрѣнія. Напримѣръ, маленькому, очень маленькому герою „Кабана“, стороннику поэтическаго взгляда на природу и врагу позитивизма, удивительно правдоподобно снятся таковой вѣщій сонъ: „Я видѣлъ большую черную яму, провалъ безъ концовъ и безъ дна, довольно широкій. На одномъ берегу лежали груды толстыя книги въ переплетахъ моей нѣмецкой грамматики, на нихъ сидѣлъ братъ (студентъ-позитивистъ) и сильно ихъ изучалъ. На другой сторонѣ бѣгали домовые, лѣшіе, русалки и карлики. Имъ было очень весело и пріятно, и я радовался, что я съ ними. Они играли со мной и шекотали меня. Но братъ на той сторонѣ все послѣднѣе и послѣднѣе изучалъ свои книги и порою, оторвавшись отъ нихъ, грозилъ русалкамъ кулакомъ, шелкалъ зубами и кричалъ:—Постойте! доберусь я до васъ! Я васъ научу! Изучу! Но русалки хохотали, вертѣлись кругами и отбѣгали:—Мы не перепрыгнешь! Я взглянулъ въ провалъ, увидѣлъ, что тамъ никакого дна нѣтъ, а звѣзды мерцаютъ какъ на небѣ, обрадовался и то в закричалъ изо всѣхъ силъ:—Не перепрыгнешь!“ (стр. 278—279). Не правда ли, какой талантливый сонъ? Хотѣ бы и не семилѣтнему мальчишѣ в пору! Простое, обыденное, реальное не нравится г-жѣ Гипсіусъ, и онъ его украшаетъ, углубляетъ, расцвѣчиваетъ... Своѣ умѣніе изображать

дѣтей она портитъ вѣчнымъ тяготѣніемъ въ необычному. Тамъ, гдѣ для силы впечатлѣнія достаточно было бы одной фабулы и ея разработки, авторъ въ своемъ отвращеніи къ жизни придумываетъ новые эффекты и, напримѣръ, судьбу обманутой дѣвушки, „обыкновенную исторію“, озаряетъ ненужнымъ мистическимъ свѣтомъ *Кометы* (см. рассказъ подъ этимъ заглавіемъ). И потому, когда вы пробѣгаете страницы ея книги—страницы, нерѣдко красивыя,—когда вы на каждомъ шагѣ встрѣчаете „безмірныя“ лица изысканныхъ героевъ и героинь, васъ охватываетъ страстное желаніе уйти изъ этого музея восковыхъ фигуръ, изъ этой неживой утонченности, и какъ степь въ рассказѣ Чехова безнадежно звала „пѣвца! пѣвца!“, такъ истомленный на мертвыхъ страницахъ читатель винивая проситъ „жизни! жизни!“ И грустно дѣлается ему, что изломанныя линіи въ талантѣ г-жи Гиппіусъ,—талантъ несомнѣнномъ,—увлекли ее такъ далеко отъ вѣчнаго источника непосредственныхъ вдохновеній. Каждый заурадный человекъ отерываетъ глазамъ художника цѣлый міръ значительнаго и прекраснаго, и въ поискахъ за глубокимъ не надо идти непременно въ область психологической выдумки и сверхъ-человѣческихъ фантомовъ. Повседневная жизнь идеальнѣе, чѣмъ писатель-идеалистъ, она болѣе таинственна, чѣмъ писатель-мистикъ, она мудрѣе и тоньше, чѣмъ пресыщенные реальностью авторы. Мы позволимъ себѣ привести изъ напечатаннаго выше интереснаго *Очерка развитія тѣмной художественной литературы* слѣдующія слова Георга Вюхнера: „Господь Богъ сотворилъ міръ такъ, какъ ему слѣдуетъ быть, и лучшимъ мы не придумаемъ; намъ остается только по мѣрѣ силъ подражать ему. Я требую во всемъ жизни, правдоподобія,—больше ничего... Господа, не умѣющіе нарисовать собачьей конуры, берутся за изображеніе идеальныхъ образовъ; естественно, что получаютъ одиѣ деревянные куклы. Въ этомъ идеализмѣ скрывается самое оскорбительное презрѣніе къ человѣческой натурѣ... Ни одинъ человекъ не долженъ казаться слишкомъ ничтожнымъ, слишкомъ уродливымъ: только при этомъ условіи можно понять людей. Самое незначительное лицо производить болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ отвлеченное чувство красоты“. Но замѣчательно то, что г-жа Гиппіусъ вовсе не лишена способности понимать и рисовать обыденную жизнь и простыхъ людей,—она только уклоняется отъ нихъ въ своемъ незаконномъ аристократизмѣ опушеній и мыслей. Въ ея книгѣ есть одинъ (и увы! единственный) прекрасный рассказъ *Святая плоть*: въ немъ выведены самыя обыкновенныя лица, передана будничная трагедія, и если бы не притязательное и громкое заглавіе, его охотно включилъ бы въ свою книгу художникъ-реалистъ. Этотъ рассказъ очень трогателенъ; на его послѣднихъ страницахъ (411—416) красота любви и самоотверженія сіяетъ въ чарующемъ и тепломъ блескѣ, и весь онъ исполненъ жизни и ея смысла. Но жизнью не довольствуется г-жа Гиппіусъ, и рядомъ со *Святой плотью* она предлагаетъ намъ *Святую кровь*—вычурную, выдуманную, нелѣпую и неискреннюю вещь... Простое не удовлетворяетъ г-жи Гиппіусъ, и почти на каждомъ шагѣ она дѣлаетъ много шуму изъ пустяковъ и о предметахъ обыкновенныхъ говорить съ таинственнымъ видомъ, какъ о нѣкоторой электической мистеріи: въ большомъ количествѣ такая манера—вещь нестерпимая, и вамъ становится скучно... Вотъ, напримѣръ, садъ,—садъ къ садъ; ночью въ немъ, понятное дѣло, темно,—но г-жа Гиппіусъ мистически такъ объ этомъ повѣствуетъ: „широкое окно было открыто а-стежь въ темный садъ, такой темный, такой черный, что, казался, тамъ не садъ, а пустота, даже безъ воздуха—зонецъ міра“ (стр. 5).

Непосредственно затѣмъ описываетъ она зеркало, тоже самое обыкновенное зеркало, которое виситъ противъ окна, — и говоритъ: „и, повторяя въ себѣ окно, зеркало было такое же *пустое* и черное, и у міра, казалось, было два конца, два края съ двухъ противоположныхъ сторонъ“. Можетъ быть, это и красиво, но красотою столь же пустой, какъ изображаемое авторомъ зеркало... Въ такомъ же родѣ, — вѣроятно, для „настроенія“, — описываются уголья въ каминѣ (стр. 132), лампа на столѣ (стр. 135) и многое другое. Да, въ пустомъ г-жа Гипшусъ видитъ значительное, а мимо значительнаго и человѣческаго она проходитъ равнодушно и не замѣчаетъ его, если только оно не одѣто въ изысканные и вычурные наряды головного мистицизма.

П. П. Гидичъ. *Антиподъ и другіе рассказы*. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. Если г-жа Гипшусъ погрѣшаетъ противъ жизни и правдоподобія всей своей литературной манерой, то г. Гидичъ впадаетъ въ тотъ же самый грѣхъ, оставаясь на почвѣ реализма. Онъ все время сочиняетъ, выдумываетъ, ради краснаго и относительно-остроумнаго словца не падаетъ правды, и очень рѣдко при чтеніи его книги овладѣваетъ вами иллюзія жизненности. Рассказъ у него течетъ плавно и бойко, но души, т.-е. правды, въ немъ не чувствуется. *Антиподъ*, напримѣръ, — сплошная выдумка, фигура, взятая не изъ дѣйствительности, а созданная авторскимъ произволомъ. Хорошо задуманъ *Рабъ* со своей драматической и благодарной для художника интригой; но осуществленіе его, кромѣ отдѣльныхъ сценъ и эпизодическихъ личностей (Палеевъ, Липинъ), гораздо ниже замысла. Особенно неудовлетворительна вторая часть рассказа, послѣ убійства старухи, и не видно тѣхъ психологическихъ нитей, которые связывали бы въ одну цѣльную и яркую личность Сергѣя-шарманщика и Сергѣя-коммерсанта. *На вершинѣ библейской горы* — скучный и длинный фарсъ, и когда вы читаете его, вамъ дѣлается совѣстно за автора, что онъ занимается такими неостроумными пустяками.

Эсхиль. Скванный Прометей. Софокль. Эдипъ въ Колоннѣ. Его же. Эдипъ-царь. Его же. Антигона. Эврипидъ. Медея. Его же. Ипполитъ. Переводы въ стихахъ съ греческаго Д. С. Мережковского. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб., 1902 г. Цѣна первой книжки 30 к., остальныхъ по 40 к. Одно изъ самыхъ печальныхъ слѣдствій школьнаго классицизма заключается въ томъ, что онъ помѣшалъ знакомству съ классической литературой. Принудительное и схоластическое изученіе отрывковъ древняго слова заслонило передъ глазами юношей вѣковѣчная красоты античнаго міра. Раскрыть ихъ и проложить къ нимъ дорогу могутъ только хорошіе переводы твореній Греціи и Рима, — только они могутъ пробудить въ избранныхъ умахъ интересъ и охоту къ самостоятельному знакомству съ бессмертнымъ подлинникомъ этихъ твореній. Къ числу такихъ переводовъ, несомнѣнно, принадлежатъ сдѣланные г. Мережковскимъ. Специалисты найдутъ въ нихъ неточности и отступленія; въ угоду звучному стиху талантливый переводчикъ много жертвовалъ особенностями греческаго языка и даюнаго автора и вообще наложилъ на древнія трагедіи нѣкоторый отпечатокъ своей собственной поэтической физиономіи. Но для читателя, который ищетъ въ нихъ не зводъ не столько букввальнаго соответствія оригиналу, сколько свободаго теченія красивой и образной рѣчи, г. Мережковский сослужилъ цѣнную службу, и вообще своимъ трудомъ онъ принесъ классицизму гораздо большую пользу, чѣмъ официальные ревнители послѣдняго. Его же стихъ, который побѣждаетъ даже прихотливыя и разнообразныя формы древняго хора, читается съ истиннымъ наслажденіемъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

Вопросы Философіи и Психологіи, 1902 г., кн. III.—*Др. Шопенгауэр*. Полное собраніе сочиненій.—*М. М. Стасюлевичъ*. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея сферахъ.—*Вестникъ Воспитанія* (авг.—дек. 1901 г., январь—декабрь 1902 г.).

Вопросы философіи и психологіи. Май—Іюнь. Книга 63 (III). Изданіе Московскаго психологическаго общества при содѣйствіи С.-Петербургскаго философскаго общества. М. 1902 г. Въ послѣднемъ выпускѣ нашего философскаго журнала обращаютъ на себя вниманіе статьи Г. Челпанова „Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія“, А. Луначарскаго „Русскій Фаустъ“, кн. С. Н. Трубецкаго „Вѣра въ безсмертіе“. Очеркъ Я. Каптана „Плюшкинъ—психологическій разборъ его“ оспариваетъ взгляды проф. Чижа на знаменитый голевскій типъ; гг. И. Цвѣтаевъ, П. Соколовъ, Н. Лосскій продолжаютъ свои статьи, начатыя въ прежнихъ выпускахъ *Вопросовъ*. Проф. Челпановъ въ очень доступной и ясной формѣ знакомитъ съ воззрѣніями Гельмгольца и Бенно Эрмманна на происхожденіе геометріи, въ основѣ которой они, въ противоположность Канту съ его априоризмомъ, видятъ общія индукціи изъ опыта. Г. Луначарскій въ живо написанномъ очеркѣ полемизируетъ съ г. Булгаковымъ по поводу его лекціи о Достоевскомъ. Далеко не со всѣми взглядами г. Луначарскаго можно согласиться; но онъ безусловно правъ, отвергая неглубокое сравненіе Ивана Карамазова съ Фаустомъ и поверхностную оцѣнку послѣдняго. Г. Булгаковъ считаетъ великое произведеніе Гете „гносеологической трагедіей“—и только (какъ извѣстно, нѣкоторой фракціи марксистовъ часто мерещится гносеологія); поэтому онъ и ставитъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ выше знаменитаго творенія. Въ его глазахъ, напримѣръ, „интрижка Фауста съ Маргаритой излишня для трагедіи и могла бы быть уступлена любому изъ второстепенныхъ персонажей“. Г. Луначарскій остроумно замѣчаетъ, что съ такой точки зрѣнія, „Гамлетъ“—тоже гносеологическая трагедія: припомните: „Есть много вещей, другъ Горацио“... ну, а остальное несущественно. Не относиться же въ самомъ дѣлѣ серьезно къ „интрижкѣ“ Гамлета съ Офеліей?“ (стр. 793). Статья кн. С. Н. Трубецкаго, посвященная памяти Н. Я. Грота, представляетъ собою начало цѣлаго ряда очерковъ, въ которыхъ будутъ рассмотрѣны главнѣйшія основанія вѣры въ безсмертіе, какія принимались человечествомъ въ различныхъ эпохи. Въ настоящей главѣ своего изслѣдованія авторъ излагаетъ первоначальныя представленія о загробномъ существованіи. Въ началѣ статьи онъ говоритъ о томъ, что въ наши дни сторонники и противники безсмертія не могутъ вести философскаго спора при равныхъ условіяхъ, и обращаясь къ тѣни Н. Я. Грота, кн. Трубецкой восклицаетъ: „Дорогой Николай Яковлевичъ! Съ тѣхъ поръ, какъ тебя нѣтъ, безсмертіе въ числѣ многихъ другихъ высшихъ и чистыхъ идеаловъ все еще продолжаетъ пользоваться обидной, непрошенной привилегіей „еустодія“ фарисейской! Съ тѣхъ поръ, какъ тебя нѣтъ, русская философская мысль все еще подвергается санитарно-полицейскому надзору, который производитъ на умы все то же ассенизирующее дѣйствіе, что и прежде, и съ прежнимъ успѣхомъ борется со всякаго рода тлетворнѣйшійми. Мы все еще пытаемся дѣлать консервы изъ идеаловъ и за упорить истину въ квасной бутылкѣ. Мы все еще не понимаемъ, какъ это кощунство и безуміе, какъ это бесполезно и вредно, какъ это стыдно и грустно. Помнишь, какъ ты горевалъ обо всемъ этомъ?“

(стр. 1196). Далѣе авторъ говоритъ о тѣхъ субъективныхъ ощущеніяхъ, которыя утрата близкаго существа рождаетъ во всякомъ членовѣ и которыя ставятъ предъ сознаниемъ вопросъ о смыслѣ жизни, о безсмысленности смерти.

Полное собраніе сочиненій Артура Шопенгауэра. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Вып. VI. М., 1902 г. Искренне привѣтствуемъ новый выпускъ превосходнаго перевода сочиненій Шопенгауэра. Увлеченіе имъ, по неудовлетворительнымъ изложеніямъ и плохимъ переводамъ, прошло въ русскомъ обществѣ, замѣнивъписъ увлеченіями другими философами, въ такихъ же примѣрно изложеніяхъ и переводахъ. Но Шопенгауэръ, послѣдній (покуда?) великій метафизикъ, заслуживаетъ *подлиннаго* съ нимъ знакомства. Это и даетъ переводъ г. Айхенвальда. Всѣхъ выпусковъ предполагается шестнадцать.

М. М. Стасюлевичъ. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. Второе изданіе. Спб., 1902 г. Первое изданіе этой умной, ученой и интересной книги вышло въ 1865 г. Съ тѣхъ поръ прошло... тридцать семь лѣтъ. Новое изданіе вышло безъ всякихъ перемѣнъ. Наука остановилась? Или г. Стасюлевичъ не пожелалъ пересмотрѣть своей хорошей и теперь не утратившей своего значенія работы?

Естественно, что новыя исторіе-философскія ученія не вошли во второе изданіе очерка г. Стасюлевича, который мы всетаки рекомендуемъ занимающимся философіей исторіи.

Вѣстникъ Воспитанія (*августъ—декабрь 1901 г. и январь—апрѣль 1902 г.*). Книжки *Вѣстника Воспитанія* почти за весь послѣдній учебный годъ, т.-е. съ августа 1901 г. по май 1902 г., содержатъ въ себѣ весьма много самаго разнообразнаго матеріала. Разнообразіе это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что съ начала 1901 г. въ журналѣ, помимо педагогическихъ статей, помѣщаются и статьи по наукѣ, литературѣ и искусству.

Большинство статей общаго отдѣла излагаютъ въ популярной и живой формѣ очень цѣнныя и интересныя данныя. Такова, наприм., статья проф. Мечникова *Флора нашей тѣла* (августъ 1901 года), которая показываетъ, что поверхность кожи и слизистыхъ оболочекъ у человека отъ самаго его рожденія населена многочисленными и разнообразными бактеріями, и эти бактеріи, составляя флору человѣческаго тѣла, являются „главной причиной кратковременности нашей жизни, пресѣкающейся слишкомъ рано“. Рядомъ со статьей профессора Мечникова слѣдуетъ поставить статью г. Крылова *Миръ невидимой борьбы* (апрѣль 1902 г.), въ которой авторъ даетъ картину скрытой борьбы за существованіе между животнымъ организмомъ и многочисленными паразитами, служащими источникомъ заразныхъ болѣзней и преждевременной смерти, и кромѣ того характеризуетъ научныя открытія XIX столѣтія для устраниенія этой борьбы. Заслуживаетъ вниманія и статья г. А. Грузинскаго *Михаилъ Ивановичъ Глинка* (мартъ 1902 г.). Въ ней автору удалось не только хорошо обрисовать образъ знаменитаго композитора, но и указать отношеніе его къ предшественникамъ, а также дать нѣсколько любопытныхъ страницъ изъ исторіи русской музыки. Въ статьѣ г. Зеленина *Поэты тѣмля въ народной поэзіи* (ноябрь 1901 г.), необходимо отнестись новую и отнюдь не шаблонную точку зрѣнія. Г. Зеленинъ справедливо считая предвзятымъ мнѣніе о новѣйшей народной поэзіи, какъ о „борѣ словъ, часто даже неприличныхъ“, признаетъ „самыми модными

и любимыми въ нашемъ народѣ поэтическими произведеніями въ настоящее время романсы и частушки", такъ какъ, по его словамъ, въ самой захолудстой деревнѣ „вы непременно услышите молодыхъ пѣвцовъ, ухарски „наяривающихъ“ на гармонию, съ беззаконными „переборами“, „частую“ о „мильѣ и милебочѣ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что если „частушка носить на себѣ нѣкоторый и даже сильный отпечатокъ упадка“, то этотъ упадокъ является простою накипью, временнымъ и весьма естественнымъ продутомъ тѣхъ оригинальныхъ условий, среди коихъ зародилась „частушка“. Эта накипь, какъ думаетъ г. Зеленинъ, исчезнетъ съ теченіемъ времени, и частушка дастъ начало „животворному потоку народной поэзіи“, потому что ей нельзя отказать въ известномъ *идейномъ содержаніи*. Тотъ же г. Зеленинъ въ другой статьѣ *Международный языкъ науки и всемірныхъ отношеній* (августъ 1901 г.) называетъ самую идею о такомъ языкѣ грандіозной, оцѣниваетъ всевозможные международные языки вплоть до „Воляпова“ и „Эсперанто“ и приходитъ въ слѣдующимъ заключеніямъ: „Созданіе и распространеніе искусственнаго языка—только одно изъ возможныхъ рѣшеній назрѣвшаго для всего культурнаго человечества вопроса о международномъ языкѣ. Возможно иное, даже болѣе простое, разрѣшеніе—признать такимъ языкомъ одинъ изъ существующихъ живыхъ языковъ“. Любопытна далѣе статья о Гоголѣ г. Овсяннико-Куликовскаго (февраль и апрѣль 1902 г.), пока еще не оконченная, но очень интересно освѣщающая создателя реализма въ нашей литературѣ, какъ писателя-экспериментатора, въ противоположность Пушкину, писателю-наблюдателю. Что касается статьи г. Мировичъ *Трагедія обиденной жизни въ современной драмѣ (драмы Пушкина и Чехова)* (мартъ 1902 г.), то, въ сожалѣнію, она написана слишкомъ сжато, коротко и не вездѣ выразительно. Мы хотимъ сказать, что для читателя необходимо болѣе подробный и обстоятельный анализъ мировоззрѣнія Гауптмана и Чехова: какъ ни правиленъ взглядъ г. Мировичъ на означенныхъ художниковъ, для читателя не вездѣ легко разобраться въ немъ. Такъ, о томъ, что и Чеховъ, и Гауптманъ „глубоко сознаютъ пустоту современнаго *сredo*—неудовлетворительность рационалистическаго міросозерцанія“, недостаточно бросить два-три бѣглыхъ замѣчанія,—необходимо эту мысль развить. Еще менѣе удаченъ очеркъ жизни и литературной дѣятельности *Генриха Ибсена*, написанный г-жею Радаковой (январь и февраль 1902 г.). Отдѣльныя черты освѣщены здѣсь довольно тускло, а главное—очеркъ страдает отрывочностью и недостаточною послѣдовательностью изложенія, почему читается съ большимъ трудомъ. Какъ весьма интересныя, могутъ быть, наконецъ, отмѣчены статьи: проф. Макс. Ковалевскаго *Соціологія и сравнительная исторія права* (февр. 1902 г.), г. Л. С.—*Юность въ тѣсахъ Шекспира*, г. Л. Сѣдова—*Личность и общество* (ноябрь 1901 г.) и нѣсколько сжатый, но содержательный очеркъ научной и общественной дѣятельности *Рудольфа Вирхова* (ноябрь 1901 г.), написанный приватъ-доцент. А. Ивановскимъ по поводу 80-лѣтія со дня рожденія знаменитаго ученаго.

Что касается чисто-педагогическаго отдѣла *Вѣстника Воспитанія*, то въ немъ разбираются почти всѣ вопросы, которые привлекаютъ къ настоящему времени вниманіе. Общія темы находятъ себѣ разработку аривнѣ съ частными; исторія педагогики идетъ рядомъ съ обзоромъ современнаго ея состоянія; кромѣ воспитанія на родинѣ, журналъ обзрѣваетъ и воспитаніе другихъ странъ и національностей.

Безспорно, наиболѣе замѣтной и по объему, и по достоинствамъ является въ этомъ отдѣлѣ статья г. С. Смирнова *Ученіческіе журналы* и

сборники (сент., окт., ноябрь и дек. 1901 г.). Только повидимому статья эта затрогивает частный педагогическій вопрос, на самомъ же дѣлѣ она полна весьма любопытныхъ соображеній общаго свойства, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія слѣдующее, напримѣръ, мѣсто: „Старая школа хотѣла насильственно эксплуатировать въ свою пользу все время ученика. Въ наше время уже всѣми признано, что кромѣ учебныхъ занятій у ученика должны быть и другія, которыя являлись бы выраженіемъ его индивидуальныхъ наклонностей. У него должно быть время для свободнаго чтенія, для занятія тѣмъ или другимъ искусствомъ и т. п. Поэтому въ новой школѣ должно найтись у него, если къ этому влечуть его личные склонности, время и для литературныхъ упражненій, и для занятій, связанныхъ съ самообразованиемъ. Если эти занятія группируются у него около школьнаго журнала, то школа должна съ сочувствіемъ отнестись и къ журналу, налагая на него свой отпечатокъ, свое вліяніе“. Нельзя пройти молчаніемъ и статью г. Ю. Айхенвальда *О воспитаніи Д. С. Милля* (февр. 1902 г.). Авторъ не только интересно рассказываетъ о воспитаніи Милля, но и интересно разсуждаетъ по поводу важныхъ сторонъ воспитанія вообще. Въ послѣднихъ строчкахъ своей статьи онъ говоритъ: „Не въ томъ главная ошибка Джемса Милля, что онъ сталъ рано учить своего замѣчательнаго сына,—а въ томъ, что онъ только училъ его, говорилъ только его уму и, самъ нѣмой душою, не былъ чутокъ и ласковъ къ нѣжной душѣ своего кроткаго ребенка“. Далѣе отмѣтимъ хорошую статью г. Кл. Тихомирова—*Экспериментальныя наблюденія надъ памятью правописанія* (мартъ и апрѣль 1902 г.): въ ней собраны данныя, съ которыми не мѣшало бы познакомиться каждому, кто учитъ правописанію.

Отъ педагогическихъ вопросовъ общихъ и частныхъ переходимъ къ исторіи педагогики. Прежде всего въ этой области обращаетъ на себя вниманіе статья г. Л. Съдова *Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи* (сент. и окт. 1901 г.), написанная по поводу книги Е. Лихачевой—*Материалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи*. Авторъ даетъ въ ней рядъ живыхъ картинъ, освѣщающихъ существенно важный вопросъ и обстоятельно слѣдитъ за всѣми подробностями книги г-жи Лихачевой. Рядомъ съ этой статьёй долженъ быть упомянутъ очеркъ г. В. Якушкина *Изъ исторіи русскихъ университетовъ* (окт. 1901 г.). Оцѣнимъ важнѣйшіе моменты въ жизни нашихъ университетовъ, г. Якушкинъ приходитъ къ слѣдующему глубоко вѣрному и краснорѣчивому заключенію: „Благотворное вліяніе университетовъ сказалось... и во время общественнаго, эмансипаціоннаго движенія второй половины пятидесятихъ годовъ. При дальнѣйшемъ развитіи реформъ, при освобожденіи и преобразованіи разныхъ сторонъ жизни, при расширеніи общественной дѣятельности наши университеты не могли уже являться такими безусловными центрами, какъ прежде, ибо и самая жизнь раскинулась слишкомъ широко, не представляла прежней концентраціи. Но несомнѣнно, русскіе университеты продолжали и продолжаютъ сохранять свое первенствующее значеніе въ наукѣ, въ литературѣ, въ общемъ образованіи, въ извѣстномъ отношеніи къ возникающимъ общественнымъ вопросамъ. Университеты и непосредственно, какъ учрежденія науки, и посредственно, черезъ внѣ академическую дѣятельность своихъ профессоровъ и черезъ работу своихъ бывшихъ питомцевъ, принимаютъ постоянное и близкое участіе въ общественной жизни. Въ концѣ концовъ, каковы бы ни бывали ошибки, встрѣчающіяся въ дѣятельности нашихъ университетовъ, какъ учреждений, какія бы возраженія ни

вызывала иногда научная или общественная деятельность от членов университета, какъ бы слабы ни оказывались иные воспитатели, все это нисколько не мѣшаетъ общему важному значенію для русской жизни и университетовъ, и русскихъ дѣятелей, и учениковъ. Русскіе университеты въ теченіе ея исторіи являются руководящими органами въ дѣлѣ народнаго образованія, главнымъ палладіумомъ, хранителями нашей умственной культуры, важнѣйшими слугами русскаго просвѣщенія и прогресса". Касаясь исторіи народнаго образованія, то и ей посвящено много статей въ разсматриваемыхъ книгахъ *Вѣстника Воспитанія*. г. И. Красноперову принадлежитъ статья *Дѣятельность тверского земства въ области народнаго образованія* (окт. 1901 г.), которой ясно, что „тверское губернское земство съ самаго начала обращало особенное вниманіе на развитіе народнаго образованія". Исторіи же народнаго образованія касается статья г. Н. Сперанскаго *Очерки по исторіи народной школы* (мартъ 1902 г.), которая составляетъ непосредственное продолженіе той же статьи г. И. Красноперова *Очерки по исторіи народной школы въ Европѣ* (Москва, 1896 г.).

Рядъ статей, наконецъ, рисуютъ намъ въ *Вѣстникѣ Воспитанія* педагогическое дѣло за предѣлами Россіи. Г. Красноперовъ, напримеръ, занимательно и выразительно рассказываетъ о народномъ образованіи въ *Италіи* (августъ 1901 г.), а г. Сатуринъ, съ остротой, обрисовываетъ въ живой и яркой картинѣ *Первоначальное образованіе въ Англіи* (сент. 1901 г.),—съ другой, въ статьѣ *Ученіе въ Китаѣ* (дек. 1901 г.), прекрасно освѣщаетъ китайскую систему просвѣщенія съ ея крайней догматичностью и формализмомъ,—сводящую преимущественно къ наставленію въ правилахъ и хорошаго поведенія.

Статья г. Сосновскаго *Дѣтская правдивость и лживость* (1902 г.) заключаетъ въ себѣ много разсужденій слишкомъ односторонне догматическаго характера. „Воспитатель,—говоритъ между прочимъ г. Сосновскій,—долженъ обратить серьезное вниманіе на фактъ беззастѣливой дѣтской лжи. Онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ бранить ребенка за невинное заблужденіе и обвинять его во лжи, такъ какъ воля ребенка тутъ не участвовала, и онъ не имѣлъ намѣренія говорить неправду". Обвиняя же его въ такихъ случаяхъ во лжи, мы тѣмъ самымъ легко ввести ребенка въ первую ложь, тогда какъ ему, быть можетъ, никогда и въ голову не приходило сказать намѣренную неправду. Въ случаяхъ невинной лжи нужно совершенно спокойно показывать ребенку насколько позволительно ихъ возрастъ и развитіе, и даже постараться указать имъ, что они говорятъ неправду“.

Въ статьѣ *Драма учительской жизни* (сент. 1901 г.) г. Красноперовъ подвергаетъ оцѣнкѣ появившіяся въ Германіи комедію Отто Флашманна *als Erzieher* и драму Макса Дрейера *Der Probierstein*, причемъ оба произведенія даютъ ему возможность обрисовать дѣятельность учительской жизни на почвѣ „стремленія человѣка оставаться вернымъ своимъ убѣжденіямъ и работать для осуществленія своихъ идеалов". Въ концѣ концовъ г. Красноперовъ высказываетъ слѣдующія соображенія: „Пройдетъ время, и школьная политика Фляксманова, Эбергарда и Корфова (дѣйствующихъ въ упомянутыхъ произведеніяхъ лицъ) окажется достойнымъ прошлаго. Въ Западной Европѣ для высшихъ школъ

признанъ принципъ свободы преподаванія: здѣсь преподаватель уже властенъ, или почти властенъ, учить такъ, какъ велеть ему учить его совѣсть и научныя убѣжденія. Будетъ признанъ этотъ принципъ и для другихъ школъ, — среднихъ и начальныхъ. Станетъ ясно, что данный принципъ — условіе жизнненности и процвѣтанія всякой школы. Ибо не можетъ распространять познанія правды та школа, въ которой нельзя учить по-совѣсти и по научнымъ убѣжденіямъ. И не можетъ быть истинныхъ учителей тамъ, гдѣ учительскую жизнь превращаютъ въ драму, въ борьбу, безъ надежды на побѣду, за право имѣть совѣсть, убѣжденія и вѣру“.

Что касается хроники *Вѣстника Воспитанія*, то основная точка зрѣнія, на которой стоитъ журналъ, заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія. Она выясняется уже и изъ приведеннаго заключенія статьи г. Ловича, но еще опредѣленнѣе ее можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ крайне интересной статьи, озаглавленной: *Съездъ директоровъ и представителей попечительныхъ совѣтовъ училищъ въ юннѣ мѣсяцѣ 1901 г. в. С.-Петербургѣ* (ноябрь 1901 г.): „Несмотря на то, что большинство высказанныхъ съездомъ мнѣній было принято единогласно, тѣмъ не менѣе собравшіеся на съездѣ не сдѣлали ни одного постановленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, — въ смыслѣ обязательнаго узаконенія. Они указали только, что, по ихъ мнѣнію, было бы желательнo, предоставивъ окончательное рѣшеніе попечительнымъ совѣтамъ и педагогическимъ комитетамъ каждаго отдѣльнаго училища. Ни одно постановленіе не воснулось той самостоятельности, которая, согласно Положенію о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, имъ предоставлена. Не является ли этотъ фактъ яснымъ свидѣтельствомъ, что предоставленіе извѣстной свободы и собственной инициативы въ учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ есть самый вѣрный путь къ развитію чувства законности и уваженія чужого права какъ въ руководителяхъ учебно-воспитательнаго дѣла, такъ и въ тѣхъ, кто будетъ подѣ ихъ руководствомъ воспитываться?“

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Ѡ. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ.—А. Д. Градовскій. Собраніе сочиненій.—*Отчеты* обществъ взаимн. вспомошествованія учителямъ и учительницамъ народа. училищъ.—М. Ареништейнъ. Винокуреніе въ Полтавской губ.—*Отчеты* постоянной комиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ.—*Инструкціи* для дѣятельности органовъ потребительныхъ обществъ.—Д-ръ Риттеръ. Женщины и врачи.

П. Ѡ. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. М., 1902 г. Ц. 2 р. Въ этой книгѣ авторъ собралъ свои критическія замѣтки, печатавшіяся въ нашемъ журналѣ въ 1893—1898 гг. Въ послѣсловіи онъ такъ объясняетъ появленіе своего сборника: „Авторъ—простой и скромный рядовой той фаланги *стариковъ*, —увы, теперь уже небольшой,—которые пережили и дѣйствительно, обливаясь кровью, перестрадали краткую, но тяжелую эпоху *смуты* умовъ, пережитую нашей интеллигенціей и печатью въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и переживаемую ими отчасти еще и теперь. Въ этой фалангѣ не было недостатка въ блестящихъ бойцахъ, вспомнимъ тутъ хотя бы о г. Михайловскомъ и о Шелгуновѣ. Но въ ней были и скромные рядовые, люди безъ имени, но имѣюще никакихъ притязаній ни на литературную, ни на общественную извѣстность. Къ числу такихъ рядовыхъ принадлежалъ и авторъ *журнала* *назв. замѣтокъ*. И однако вождей и рядовыхъ связывало одно на-

строение, одна надежда и одна идея"... Вся эта группа писателей была убѣждена, что „и интеллигенція, и ея дѣтище, литература, вернутся къ тому идейному багажу, который мы, старики, всю жизнь и словомъ, и дѣломъ несли на своихъ плечахъ. Авторъ, не претендуя на какую-либо иную роль, кромѣ роли простого рядового этой маленькой фаланги, ни на одну минуту—буквально ни на одну—не утрачивалъ ни такой надежды, ни такого настроенія“.

По мнѣнію г. Николаева, *смута* оканчивается, фаланга имѣетъ основаніе надѣяться на побѣду своей *идеи*, которую авторъ формулируетъ въ такихъ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ чертахъ: всестороннее развитіе личности, гарантіи ея неотъемлемыхъ и неотчуждаемыхъ правъ, активность общества для достиженія этой цѣли. Теперь, думаетъ г. Николаевъ, его замѣтки будутъ не совсѣмъ лишними, для нихъ найдется „благо-склонный и внимательный читатель, который будетъ не прочь пережить съ авторомъ его прошлыя боли“... А въ особенноти, прибавимъ мы,—заразится его общественными надеждами.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ пятый. Спб., 1902 г. Ц. 3 р. Въ пятomъ томѣ сочиненій покойнаго профессора петербургскаго университета напечатанъ курсъ, читанный имъ въ 1884—1885 академическомъ году. Онъ посвященъ изложенію общихъ началъ конституціоннаго устройства. Конечно, курсъ этотъ, носящій названіе *Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ*, устарѣлъ въ нѣкоторыхъ частяхъ за семнадцать лѣтъ; но, при бѣдности нашей литературы по этимъ вопросамъ, онъ и теперь является очень полезною книгою, не для юристовъ только, но и для всѣхъ образованныхъ людей. По опредѣленію Градовскаго, „основнымъ и общимъ признакомъ конституціонныхъ формъ является то, что можно назвать *самоограниченіемъ* государственной власти, въ силу чего эта власть не является *абсолютною*, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, въ рукахъ народа или монарха съ народнымъ представительствомъ“. Хорошо написана глава о необходимости раздѣленія властей: законодательной, судебной и административной. Интересенъ обзоръ видовъ конституціонныхъ государствъ.

Отчеты обществъ взаимнаго вспомошествованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ: 1) въ Вятской губерніи 1899—1900 г., 2) въ Калужской губ. за 1899 г., 3) въ Сибирской губ. 1899—1900 г., 4) въ Витебской губ. 1898, 1899 и 1900 гг. „Успѣшное развитіе народнаго просвѣщенія невозможно безъ хорошихъ учителей, а удержать хорошихъ учителей возможно лишь при условіяхъ улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, въ настоящее время крайне затруднительнаго по недостаточности средствъ на ихъ содержаніе. Чтобы лучшія учительскія силы не оставляли народной школы, должно прийти на помощь народному учителю и дать ему необходимыя средства существованія“. Эту глубокую истину высказалъ на своихъ страницахъ отчетъ общества взаимн. вспомошеств. учителямъ и учительницамъ Витебской губ., характеризуя задачи своей дѣятельности. Другіе отчеты не распространяются на этотъ счетъ, и, хотя истина, цитируемая нами изъ названнаго отчета, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, не подлежитъ также сомнѣнію и то обстоятельство, что отчеты, умолчавъ о ней, имѣютъ для такого молчанія вполне достаточныя основанія. Стоитъ только заглянуть въ ихъ кассовыя таблицы, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ кассѣ того же витебскаго общества въ 1899 г., помимо непривлеченнаго капитала въ 5,686 руб. съ коп., имѣлось расходнаго капита-

всего 1,700 руб. Симбирское общество, помимо расходовъ на содержаніе интерната для учениковъ (платнаго и на половину окупающаго себя), изстратило въ томъ же году на всѣ свои нужды всего около 850 руб.; калужское общество въ теченіе цѣлаго года существованія могло набрать всего 1,097 руб. съ коп. Сравнивая средства обществъ къ количеству ихъ членовъ, можно убѣдиться въ крайней скудости первыхъ. Въ самомъ молодомъ калужскомъ обществѣ въ концѣ 1-го года существованія было, кромѣ почетныхъ, 163 дѣйствительныхъ члена, въ симбирскомъ обществѣ къ концу 5-го года 369 членовъ; въ витебскомъ черезъ 2 года существованія насчитывалось 190 членовъ; въ вятскомъ обществѣ въ отчетномъ году при годовомъ поступленіи въ 4,072 руб. 28 коп. состояло 810 дѣйствительныхъ членовъ. Между тѣмъ положеніе этихъ самыхъ дѣйствительныхъ членовъ, т.-е. народныхъ учителей и учительницъ, таково, что если принять въ серъезъ выписанную нами цитату изъ отчета витебскаго общества, то оказалось бы, что большую половину изъ ихъ числа названнымъ обществомъ взаимнаго вспоможенія придется принять въ буквальномъ смыслѣ на свое иждивеніе. Годовое содержаніе народнаго учителя или учительницы въ большинствѣ училищъ Вятской губерніи по свидѣтельству отчета ровно 150 руб., въ меньшинствѣ—200 руб., и лишь въ немногихъ случаяхъ оно достигаетъ 300 руб. Таково же оно и во многихъ другихъ губерніяхъ. Лакей и кучеръ, даже въ провинціи (не говоря уже разумеется о столицахъ), получаетъ зачастую гораздо больше, имѣя при этомъ полное даровое содержаніе. Прожить учителю на 150 руб. въ годъ задача настолько трудная, что если въ Витебской губерніи пропорція учителей съ 150-рублевымъ окладомъ такова же, какъ въ Вятской губерніи, то по крайней мѣрѣ этому большинству, получающему 150 руб., витебское общество должно дать „необходимыя средства существованія для того, чтобы лучшія учительскія силы не оставляли народной школы“. Другими словами, витебское общество со своими 1,700 руб. расходнаго капитала должно было бы „дать средства существованія“ изъ своихъ 190 членовъ по крайней мѣрѣ сотнѣ, что составило бы 67 руб. на брата въ годъ или, —говоря метафорически,—одну каплю изъ цѣлаго стакана. Да не подумаетъ однако витебское общество, что мы имѣемъ что-либо противъ его дѣятельности, —совершенно наоборотъ: дѣятельность этого общества столь же почтенна и столь же достойна уваженія, сколько и дѣятельность прочихъ обществъ. Если же мы воспользовались неудачной фразой изъ отчета, нѣсколько невѣрно характеризующей задачи общества, то только съ цѣлью рѣзче отгнать громадное несоотвѣтствіе между крайнею необезпеченностью народнаго учителя и средствами для борьбы съ нею. Разумеется, не обществамъ взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ народ. училищъ поднять благосостояніе ихъ членовъ; между тѣмъ покаместъ дѣло обстоитъ такъ, что только въ нихъ зачастую учитель найдетъ помощь и поддержку въ минуту постигшаго его бѣдствія. Нечего и говорить о тѣхъ минимумахъ жизненныхъ потребностей, на которые имѣетъ право народный учитель даже при своемъ жалованьи; но зато всякаго рода „несчастныя случайности“, эти неизбѣжные спутники челоѣчества отражаются на немъ крайне тяжело. Народный учитель не полагается болѣть, не полагается, быть можетъ, жениться безъ приданаго, не полагается имѣть дѣтей. Но такъ какъ учитель этотъ, не заирая ни на какія обстоятельства и наперекоръ всему, долженъ упорно оставаться челоѣкомъ, то онъ и болѣетъ, и женится безъ приданаго, и—что хуже всего—часто имѣетъ дѣтей. Все это

въ его жизни составляет настоящія „несчастныя случайности“ то обществамъ взаимнаго вспомошествованія открывається въ поле дѣятельности, и тутъ-то имъ, если и не открывається возможность поднять благосостояніе учителя, зато представляется случай с иногда, быть можетъ, отъ голодной смерти. И общества взаимнаго вспомошествованія учителямъ и учительницамъ работаютъ по мѣрѣ средствъ въ этомъ направленіи. Они выдаютъ пособія своимъ въ случайныхъ острой нужды, платятъ иногда за обученіе дѣтѣ послѣднихъ, организуютъ врачебную помощь и т. п. Ограниченности не позволяютъ обществамъ выполнять въ широкихъ размѣрахъ каждую изъ такихъ функций; но все-таки въ обществахъ замѣтно мѣняется выработана болѣе или менѣе опредѣленные формы дѣятельности. Симбирское общество имѣетъ свой интернатъ дѣтѣ жонъ—дѣтей членовъ, учащихся въ различныхъ учебныхъ заведенияхъ города, и хотя содержаніе этого интерната унесло въ отчетномъ году болѣе половины доходовъ общества, благодаря чему оно имѣло возможность выдать всего 134 р. безвозвратныхъ пособій, но въ ближайшемъ будущемъ то же общество намѣчаетъ еще два весьма цѣлесообразныя пріятія, а именно устройство похоронной кассы, цѣль которой—выдавать единовременныя пособія семьѣ умершаго члена, и устройство пансіона для больныхъ и переутомленныхъ учителей. Вятское общество дѣятельность котораго въ отчетномъ году выражалась главнымъ образомъ въ выдачѣ единовременныхъ пособій, причѣмъ была оказана помощь 44 членамъ на сумму 1,868 руб., и въ выдачѣ пособій дѣтямъ членовъ, учащихся въ среднее учебное заведеніе, въ этомъ году организовало также помощь больнымъ—бумысликамъ, а мѣрено приступить къ устройству общежитія для дѣтей дѣятельныхъ членовъ, обучающихся въ гор. Вяткѣ. Названнымъ обществомъ намѣчено, кромѣ того, открыть бібліотеку для народныхъ учителей и учительницъ, на организацію которой установленъ кредитъ въ 500 руб. и т. д. Остается еще симбирское общество. Правда, это общество, организуя свою похоронную кассу, принуждено было для того установить новые выборы въ размѣрѣ отъ 30 до 50 в., съ дѣйствительныхъ членовъ, безъ коихъ касса не въ состояніи вести свою дѣятельность; правда, предполагаемый санаторій названнаго общества для больныхъ и переутомленныхъ учителей, на устройство котораго ассигновано всего 300 руб., будетъ весьма далеко отъ самаго идеала, такъ какъ при скудости средствъ онъ можетъ быть устроенъ лишь въ формѣ барака съ 2 желѣзными печами „на случай жаркихъ дней“,—но все же если эти мѣры симбирскаго общества хоть немного поддержать въ бѣдѣ нѣсколькихъ народныхъ учителей или учителей этихъ пролетаріевъ интеллигентныхъ профессій, то общество почувствуетъ себя до нѣкоторой степени удовлетвореннымъ. Оно должно помнить, что безъ его помощи эти нѣсколько его членовъ, жонъ, обречены были бы на погибель.

М. Арешштейнъ. Винокуреніе въ Полтавской губ. при осуществленіи казенной винной монополіи. Полтава, 1902 г. г. Арешштейна—докладъ, читанный имъ въ засѣданіи полтавскаго общества сельскаго хозяйства; она любопытна для насъ какъ образецъ возжелѣній, съ которыми представители сельско-хозяйственнаго общества обращаются къ винной монополіи. Авторъ говоритъ, что монополію всѣ заводчики встрѣтили съ особенной радостью, во всемъ видя лучшія надежды и упованія; но онъ очень недоволенъ

нами, которыя министерство финансовъ устанавливаетъ на спиртъ, принимаемый имъ. Еще авторъ рекомендуетъ заводчикамъ ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы оно не разрѣшало вновь строить винокуренные заводы, а также не разрѣшало увеличивать норму выкурки старыхъ заводовъ (стр. 25). А затѣмъ, авторъ не прочь, чтобы министерство финансовъ назначало бы каждому заводу особую цѣну на разверсточный спиртъ, причемъ министерство финансовъ должно руководствоваться данными отчетовъ производства, представляемыми каждымъ заводчикомъ въ отдѣльности, и авторъ рекомендуетъ заводчикамъ Полтавской губ. ежегодно посылать подробные отчеты въ министерство финансовъ о стоимости производства. Г. Арештейнъ, конечно, и самъ не думаетъ, чтобы министерство финансовъ отнеслось вполне добѣрчиво къ даннымъ отчетовъ, но тѣмъ не менѣе и вода точить камень, и вѣроятно министерство финансовъ, по мысли автора, нѣтъ, нѣтъ—да и накинеть кое-что; впрочемъ авторъ и самъ видитъ, что установленіе цѣны для каждаго завода въ отдѣльности,—а такихъ заводовъ въ Россіи свыше 2,000,—сопряжено съ большими затрудненіями для министерства финансовъ, и пожалуй такой порядокъ, говоритъ онъ, можетъ вызвать даже рядъ неудовольствій со стороны многихъ заводчиковъ, коиъ будетъ казаться, что другіе поставлены безъ основанія въ болѣе привилегированное положеніе. Поэтому г. Арештейнъ идетъ на компромиссъ. Онъ надѣется, что если министерство финансовъ будетъ назначать цѣны въ соответствии съ условіями мѣстнаго винокурения и если заводчики будутъ гарантированы отъ постройки новыхъ заводовъ, то винокуренные заводчики такъ же радостно будутъ привѣтствовать питейную реформу, какъ привѣтствуетъ ее все остальное населеніе Россіи.

Отчетъ постоянной комиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ за 1901 г.—Сводъ статистическихъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи въ 1900 году. Составилъ И. Ф. Жеребятевъ. Приложение къ XXVI отчету комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб., 1902 г. Ц. 75 к. Для русскихъ потребительныхъ обществъ, или лучше сказать, для ихъ членовъ и руководителей, „отчеты“ постоянной комиссіи имѣютъ немаловажный интересъ, такъ какъ содержатъ въ себѣ обыкновенно не только рядъ весьма любопытныхъ данныхъ о текущей дѣятельности обществъ и движеніи ихъ числа („отчеты“ являются единственнымъ у насъ источникомъ для ознакомленія, такъ сказать, съ инвентаремъ этого рода обществъ), но и служатъ въ известной степени лучшими руководствами для правильной и разумной постановки и веденія потребительскаго дѣла. При известной же бѣдности въ нашей странѣ соотвѣствующей литературы по этому вопросу и при наблюдающемся за послѣдніе годы усиленномъ развитіи кооперативно-потребительныхъ обществъ, это—весьма цѣнная сторона названныхъ изданій. Причиной малой распространенности „отчетовъ“ комиссіи служить, можетъ быть, и самое ихъ названіе, подъ которымъ принято подразумѣвать нѣчто сухое и специальное. Поневоля приходится еще разъ выразить искреннее сожалѣніе, что комиссіи до сего времени не удалось осуществить первый (и самый важный) параграфъ программы своей дѣятельности—изданіе периодическаго органа, на страницахъ котораго могла бы находить себя вѣст. вся руководящая часть „отчетовъ“.

И реходя въ содержанію отчета за прошлый годъ, отмѣтимъ прежде всего, что сношенія комиссіи съ обществами продолжаютъ быстро расширяться, что видно, наприм., изъ того, что число входящихъ и исхо-

дѣящихъ бумагъ съ 303 и 783-хъ въ 1897 г. (первый годъ существованія комиссiи) въ 1901 году возросло уже до 703-хъ входящихъ и 2,873—исходящихъ бумагъ. При малой подвижности и инертности нашихъ дѣятелей, эти цифры, указывающія на большую оживленность сношеній обществъ съ комиссiей, какъ нельзя болѣе утѣшительны. Къ сожалѣнiю, отчетъ, приводя эти цифры, хотя и знаменательныя сами по себѣ, ни слава не говорятъ о *содержанiи* поступающихъ въ комиссiю „входящихъ“. Каково бы ни было это содержанiе, оно представляетъ крайне интересный материалъ для характеристики запросовъ, обращаемыхъ въ комиссiю. Упомянемъ далѣе о двухъ капитальныхъ работахъ послѣдней, несомнѣнно отвѣчающихъ насущнымъ потребностямъ дѣла потребительныхъ обществъ и исполненныхъ въ отчетномъ году. Сюда относятся: „Инструкци для дѣятельности органовъ потребительныхъ обществъ“, вышедшiя отдѣльнымъ изданiемъ и еще разъ напечатанныя въ „отчетѣ“, и „Проектъ системы отчетности для потребительнаго общества“, составленный особой подкомиссiей изъ специалистовъ и имѣющей въ скоромъ времени появиться въ свѣтъ. При маломъ знакомствѣ большинства потребителей съ этой важной и необходимой частью всякой торговли, послѣднее изданiе принесетъ огромную пользу обществамъ, конечно, если оно своимъ содержанiемъ сумѣетъ охватить все разнообразiе мѣстныхъ условiй торговой дѣятельности обществъ. Весьма благоприятное впечатлѣнiе производитъ затѣмъ фактъ непосредственнаго участiя членовъ комиссiи въ мѣстныхъ сѣздахъ и собранiяхъ представителей потребительныхъ обществъ. Это наилучшiй путь къ тому, чтобы дѣятельность комиссiи не носила характера исключительно теоретическо-кабинетнаго; соприсоединенiе съ дѣйствительною жизнью невольно внесетъ въ дѣятельность комиссiи ту практическую, которая необходима для пользы самаго дѣла. Такъ, изъ отчетовъ предсѣдателя комиссiи П. Н. Шалова (бывшаго въ 1896 г. представителемъ перваго въ Россiи сѣзда потребителей въ Нижнемъ-Новгородѣ) о пермскомъ сѣздѣ и секретаря И. Ф. Жеребятъева о IV-мъ собранiи уполномоченныхъ московскаго сѣзда потребительныхъ обществъ и о сѣздѣ представителей таковыхъ же обществъ Прибалтiйскаго края въ г. Ригѣ, видно, что оба эти члена комиссiи являлись делегатами ея на названныхъ собранiяхъ и принимали въ ихъ работахъ дѣятельное участiе. Въ томъ же отчетѣ встрѣчаемъ интересныя свѣдѣнiя о возникшемъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго года широко задуманномъ „Кооперативномъ обществѣ оптовыхъ операций“ (Адмиралтейская наб. 16). Главною цѣлью общества является доставленiе своимъ членамъ (каковыми могутъ быть лишь *общества* потребителей) разнаго рода товаровъ и собственныхъ издѣлiй по оптовымъ рыночнымъ цѣнамъ, причемъ на первое время вновь избранное правленiе (въ „отчетѣ“ почему-то не приведены имена лицъ, попавшихъ въ члены правленiя) предполагаетъ продавать лишь чай, кофе, сахаръ, рисъ, мыло, свѣчи, масло, табакъ, папиросы, гильзы, бумагу и канцелярскiя принадлежности. Въ Петербургѣ имѣются нѣсколько сильныхъ и богатыхъ обществъ, которыми, можетъ быть, будетъ подѣ силу вступить въ члены этой симпатичной и новой у насъ организацiи, но для большинства другихъ обществъ условiя участiя въ ней окажутся слишкомъ тяжелы: уставъ требуетъ отъ каждаго общества, желающаго вступить въ члены „Кооперативнаго общества“, уплаты стоимости одного пая въ 100 руб. на каждаго *члѣнъ* своихъ членовъ, иначе сказать, *цѣлой половиной новаго пая*. (Извѣстно, что большинство обществъ оцѣниваетъ членскiй пай въ 1 р., а есть и такiя, въ которыхъ пай равняется только 5-ти рублямъ.). Это

условіе почти невыполнимое для обществъ, отчисляющихъ часто сверхъ того часть паевого взноса на отпускъ товара въ кредитъ членамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ первый опытъ на нашей родинѣ, организація общества оптовыхъ операцій заслуживаетъ вниманія и сочувствія. Интересно, что въ г. Золотоношѣ, Полтавской губ., возникла также мысль объ образованіи „Союза южно-русскихъ обществъ потребителей“, и мѣстные инициаторы его уже обратились въ постоянную комиссію за содѣйствіемъ. Къ первой части цитируемаго изданія приложены, между прочимъ, „Краткое извлеченіе изъ Положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, относящееся до потребительныхъ обществъ“, что указываетъ на желаніе комиссіи идти навстрѣчу практическимъ нуждамъ общества.

Второй отдѣлъ того же изданія занятъ „Сводомъ статистическихъ данныхъ о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи въ 1900 г.“. Не входя здѣсь въ весьма интересныя подробности о размѣрахъ и характерѣ дѣятельности 204-хъ экономическихъ и потребительныхъ обществъ, приславшихъ отвѣты на вопросные листы комиссіи, мы приведемъ лишь немногія данныя о движеніи ихъ общаго числа. Послѣднее за пять лѣтъ (1897—1901 г.) съ 307 розросло до 654, т.-е. болѣе, чѣмъ вдвое, не считая того, что за тотъ же періодъ времени закрылось 64 общества. Что касается до вышеупомянутыхъ 204 обществъ, то въ 1900 г. ими было куплено товаровъ въ общей сложности на огромную сумму въ 24.691,652 р., а продано—на 26.525,509 р., причемъ чистой прибыли получено 1.271,225 р. Эти размѣры хотя и во многомъ уступаютъ приведеннымъ въ той же книгѣ даннымъ о результатѣ дѣятельности великобританскихъ обществъ, но всетаки представляетъ собою серьезныя величины, которыя несомнѣнно могли бы имѣть огромное вліяніе на рынокъ и на увеличеніе стоимости товаровъ, если бы не сложились изъ отдѣльныхъ результатовъ разрозненныхъ операцій обществъ, а будучи собраны во едино, исходили изъ объединеннаго учрежденія, на примѣръ, союза обществъ. Вообще отъ разрозненности въ своихъ дѣйствіяхъ, отъ отсутствія дружнаго и сознательнаго единенія русскій обыватель и потребитель несутъ огромныя потери. Примѣръ Великобританіи въ этомъ отношеніи для насъ весьма поучителенъ.

Инструкція для дѣятельности органовъ потребительныхъ обществъ. Спб., 1902 г. Цѣна 15 к. Лежащій передъ нами первый опытъ выработки инструкцій для дѣятельности разныхъ органовъ потребительныхъ обществъ, опытъ, предпринятый петербургской „Постоянной комиссіей по дѣламъ потребительныхъ обществъ“, имѣетъ важное значеніе и можетъ принести значительную услугу названнымъ обществамъ, какъ молодымъ, такъ и старымъ, несмотря на то, что этотъ трудъ почтенной комиссіи носитъ до извѣстной степени отпечатокъ кабинетной работы. Такъ, въ главѣ „Порядокъ и правила для занятій въ общихъ собраніяхъ“, на-ряду съ элементарными и мелочными указаніями вродѣ того, на примѣръ, что предсѣдатель собранія, „записавъ фамилія желающихъ сдѣлать свои замѣчанія“ (по вопросу, поставленному на обсужденіе), „предоставляетъ имъ говорить по-очереди, приглашая это дѣлать съ своего мѣста или съ каеэдры, и не позволяетъ никому перебивать говорящаго“ и т. д.,—ничего не сказано о болѣе существенномъ: именно, какіе же собственно вопросы надлежитъ ставить на *первыхъ* общихъ собраніяхъ и кто собственно имѣетъ на нихъ право голоса, — всѣ ли членъ и безъ исключенія, или только тѣ, которые внесли уже полную сумму пая. Отсутствуютъ и указанія (весьма необходимыя для учрежденій обществъ) о первоначальномъ процессѣ *возникновенія* обществъ,

не выяснено понятіе о тахъ называемыхъ „текущихъ дѣлахъ“; нѣтъ, наконецъ, никакихъ указаній относительно качествъ, которыхъ должны искать члены въ лицахъ, выбираемыхъ ими на должности членовъ правленія и проч. Въ дальнѣйшихъ инструкціяхъ, параграфы которыхъ нерѣдко являются лишь простымъ пересказомъ обычныхъ положеній устава, мы не находимъ разработки столь важныхъ въ жизни каждаго общества вопросовъ, какъ вопросъ о кредитѣ членамъ, о доступности для членовъ засѣданій правленія, о выборахъ въ члены правленія лицъ, не пробывшихъ членами общества известнѣйшій періодъ времени. Есть затѣмъ случаи неяснаго толкованія отдѣльныхъ правъ членовъ, напримѣръ, хотя бы того, кто долженъ вскрывать корреспонденцію, поступающую на имя общества? По одной инструкціи выходитъ, что председатель, а по другой—секретарь. Минуя разные другіе недочеты изданныхъ „Инструкцій“, замѣтимъ, что главнымъ достоинствомъ этой работы является уже самый фактъ ея выхода въ свѣтъ, причемъ никому, конечно, не возбраняется взять изъ нея то, что по мѣстнымъ условіямъ окажется примѣнимымъ въ дѣлу, и дополнить пробѣлы сообразно имѣющимся потребностямъ. Во всякомъ случаѣ изданіемъ инструкцій „Постоянная коммиссія“ пошла навстрѣчу давно назрѣвшей потребности и сдѣлала это вполне своевременно, такъ какъ число потребителей общества у насъ теперь растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Докторъ Риттеръ. Женщины и врачи. Переводъ съ сокращеннаго нѣмецкаго оригинала. (Чистая прибыль поступаетъ въ пользу Спб. женск. медицин. инстит). М., II над. Ц. 35 коп. Эта книга хотя и написана на основаніи строго-научныхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе вполне доступна широкой публикѣ. Она преслѣдуетъ двоякую цѣль: съ одной стороны, авторъ ея стремится содѣйствовать сохраненію и защитѣ женской чести; съ другой стороны, онъ надѣется спасти своими совѣтами многихъ несчастныхъ женщинъ отъ опасности, грозящей имъ вслѣдствіе недостатка въ женскихъ врачахъ. Авторъ доказываетъ вѣскими фактами, что многія больныя женщины не находятъ исцѣленія отъ тяжелыхъ болѣзней, даже нерѣдко погибаютъ отъ нихъ, такъ какъ онѣ не рѣшаются посоветоваться съ врачомъ-мужчиной, т. е. не хотятъ подвергнуться изслѣдованію и лѣченію, если оно необходимо связано съ подавленіемъ чувства женской стыдливости. Вообще, эта брошюра очень основательно обсуждаетъ вопросъ о женскихъ врачахъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніи.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Б. Кингъ. Исторія объединенія Италіи.—Ив. Щеломъ. Новое о Пушкинѣ.—А. О. Корниловъ. Нравы русскихъ при Петрѣ Великомъ.—М. Корчинскій. Сигизмундъ Красинскій.—А. В. Менгеръ. Русская словесность.—В. Шенрокъ. П. А. Кузинъ.

Больтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англійскаго Кончевской. Изд. Скирмунта. М., 1901 г. Обще-историческія замѣчанія автора вызываютъ нѣкоторые недоумѣнія своимъ рѣзкимъ дидактизмомъ. Истинную цѣль исторіи онъ находитъ въ выраженіи сжато и точно въ словахъ ап. Павла: „Все это случилось, чтобы служить примѣромъ, а описано—въ наставленіе намъ“; тутъ же, прочемъ, онъ замѣчаетъ, что мы можемъ написать каждому изъ историческихъ факторовъ соответствующую ему роль и обвинить по досюеству разнообразныя социальныя дѣйствія только путемъ наблюденія въ

исторіи причинъ и слѣдствій. Далѣе онъ настаиваетъ на необходимости великихъ примѣровъ для выведенія насъ изъ нашей инерціи и обрушивается на „критическую школу, требующую, чтобы исторію былъ только хроникеромъ и безжизненнымъ наблюдателемъ, и желающую устранить изъ исторіи всякій дидактический элементъ“. Къ счастью, эти взгляды не оказали особеннаго вліянія на его работу. Въ цѣломъ она „представляетъ собою только политическую исторію и затрогиваетъ общественную и религіозную жизнь, литературу, искусства и науки лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они соприкасаются съ областью политики“. По его словамъ, авторъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы отдать справедливость всѣмъ сторонамъ, хотя и не пытался скрывать своихъ симпатій. Матеріаломъ для книги послужило почти все, что напечатано по данному вопросу и что представляетъ хоть какую-нибудь важность, за исключеніемъ лишь газетъ того времени, а также нѣкоторыхъ сочиненій, ставшихъ рѣдкостью. Авторъ, впрочемъ, надѣется, что отъ этихъ двухъ пробѣловъ его книга не пострадала серьезно. Въ первой главѣ выпедшаго пока тома описываются революціи 20-хъ гг.; затѣмъ въ трехъ главахъ изображается „соціальное положеніе“ разныхъ частей Италіи; далѣе слѣдуютъ перевороты 30-хъ годовъ, „молодая Италія“ и умѣренные. Вторая половина книги посвящена революціоннымъ движеніямъ отъ вступленія на папскій престолъ Пія IX до торжества реакціи въ 1849 г. и оканчивается общей характеристикой революціи съ указаніемъ причинъ ея неудачи. Во всемъ изложеніи ясно замѣтно сочувствіе автора освободительнымъ стремленіямъ итальянскихъ патріотовъ, но въ то же время онъ не скрываетъ и слабыхъ сторонъ ихъ дѣятельности. Въ изображеніи его очень ясно выступаютъ различія въ социальномъ строѣ отдѣльных областей и въ характерѣ ихъ управления. Последнее для насъ, русскихъ, представляетъ тѣмъ большій интересъ, что многія его стороны очень напоминаютъ иные наши дореформенные порядки. По всѣмъ этимъ основаніямъ мы не можемъ не рекомендовать разбираемую книгу вниманію читателей, интересующихся исторіей XIX вѣка, и не пожелать скорѣйшаго выхода второго ея тома. Что касается русскаго перевода, то въ немъ, по словамъ издателя, допущены въ видахъ уменьшенія объема нѣкоторыя, несущественныя, впрочемъ, сокращенія, мало уменьшающія главныхъ достоинствъ оригинала; съ тою же цѣлью выпущены и подстрочныя ссылки автора на тѣ сочиненія, которыми онъ пользовался. Приложенныя въ концѣ книги карты исполнены нѣсколько грубовато и недостаточно подробны, но въ общемъ книга издана очень недурно и стоить не дорого.

Ив. Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Спб., 1902 г. „Новое о Пушкинѣ!“ Цѣнная книга „новаго“ въ двѣсти слишкомъ страницъ, послѣ тысячи большихъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ! Скромное заглавіе... Дано оно, видите ли, для того, „дабы нѣсколько отдѣлать попытку живого изслѣдованія отъ легіона общихъ книжныхъ разсужденій, выпущенныхъ въ свое время подъ тѣмъ же юбилейнымъ флагомъ“. Въ этомъ странный сборникъ съ вызывающимъ заглавіемъ и развязнымъ предисловіемъ вошли „дорожныя впечатлѣнія и кабинетныя замѣтки“. Съ характеромъ тѣхъ и другихъ достаточно познакомить слѣдующія вырзки.

„Пушкинскіе дни въ провинціи (путевыя замѣтки)“ начинаются со всѣхъ гоголевскимъ вопросомъ: „знаете ли, почему я очнулся накануне Пушкинскаго юбилея въ городѣ Кинешмѣ?“ Г. Щеглову, оказывается, хотѣлось посмотреть, какъ будутъ праздновать Пушкинскій юбилей „въ

глубинъ Россіи“. Пріѣхавши въ Кинешму, нашъ „живой изслѣдователь“, „не найдя никакихъ свѣдѣній по части Пушкинскаго юбилея у интеллигентныхъ сыновъ (?), естественнымъ образомъ (?) сталъ ихъ искать у фонарныхъ столбовъ — этихъ двойныхъ и, до сихъ поръ, чуть ли не единственныхъ просвѣтителей большинства провинціальнаго городовъ“ (стр. 4). Достаточно „просвѣтившись“, онъ „ожилъ духомъ и не безъ аппетита поужиналъ въ сосѣдней съ бульваромъ гостиницѣ „Россія“, — единственная въ городѣ, гдѣ кормятъ довольно сносно“ (стр. 5). Зато самыя празднества ужасно не понравились г. Щеглову, и онъ ихъ жестоко разнесъ. Затѣмъ онъ „распустилъ зонтикъ и послѣдовалъ къ ближайшему трактиру, чтобы перекусить“ (стр. 13). Мы узнали дальше о томъ, что ему приснилось и какъ онъ „смѣшалъ сонъ съ дѣйствительностью“ (стр. 14—15), какъ онъ „видѣлъ на одной любительской сценѣ „Чацкаго“ съ рыжей бородой вѣеромъ, въ синихъ очкахъ и зеленыхъ перчаткахъ“ (стр. 20). Эта статья была напечатана въ одной газетѣ и вызвала открытое письмо устроителей Пушкинскихъ празднествъ въ Кинешмѣ, которое г. Щегловъ имѣлъ наивность напечатать въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ „во всей пружестовой неприкосновенности“, — „какъ характерный образецъ того отиѣннаго вниманія и уваженія, съ какимъ относится въ провинціи ея такъ назыв. интеллигентная часть къ званію литератора, въдобавокъ, литератора, имѣющаго имя и не мало послужившаго дѣлу народнаго театра“ (стр. 169). Но при чемъ тутъ литературное имя и услуги дѣлу народнаго театра? Кинешемскіе интеллигенты сдѣлали, что могли, для чествованія великаго поэта, получили за свой безкорыстный и самоотверженный трудъ одни издѣвательства со стороны г. Щеглова и, вполне естественно, вознегодовали, что и выразилось въ ихъ „открытомъ письмѣ“. А что они были вполне правы, можно видѣть хотя бы изъ такихъ словъ ихъ письма: „для насъ совершенно непонятно, для чего вы пріѣзжали въ Кинешму и съ какою цѣлью писали свои путевыя замѣтки. Если вамъ хотѣлось проявить надъ чѣмъ-нибудь свое остроуміе (?) и излить накопившуюся желчь, то для этого не было надобности ѣхать за 1000 верстъ: матеріала для вашихъ остротъ и желчныхъ изліяній, вѣроятно, нашлось бы достаточно и въ столицѣ; убѣдитесь въ томъ, что мелкіе торговши и промышленники интересуются больше своими денежными расчѣтами, чѣмъ Пушкинымъ, вы также могли бы съ успѣхомъ въ любомъ петербургскомъ трактирѣ, „гдѣ кормятъ довольно сносно“, и городскіе головы не объясняютъ на улицахъ „сиволапымъ мужикомъ“ значеніе Пушкинскаго юбилея, — до этого можно было бы додуматься, даже сидя у себя въ кабинетѣ“ (стр. 189—190).

Во второй статьѣ „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества (изъ записной книжки)“ г. Щегловъ „тщательно вычеркнулъ все, что сколько-нибудь носило характеръ избытки и повторенія“ (стр. 25). Узнаемъ мы отъ г. Щеглова, что „какая-то Устинья Тимофеевна умерла одна (1) въ 1884 г.“ (стр. 29), что Пушкинъ, очутившись однажды въ тѣсномъ дамскомъ кругу и замѣтивъ чью-то (?) маленькую хорошую ножку, бросился на колѣни и принялся ее цѣловать“ (стр. 31). Его „сердце бѣгшаго артиллериста гордо бьется, что первымъ громкимъ чествователемъ Пушкина былъ артиллерійскій офицеръ“ (стр. 37). „При этой оцѣнѣ“ ему вспоминается „забавный анекдотъ“, случившійся на одной провінціальной вечеринкѣ (стр. 47—48). Дочь попа „явилась предметомъ скоростной поѣздки“ (стр. 54). Увидавши старуху Авулину Лаврову и услышавши отъ нея про то, что она собирала съ Пушкина грибы, г. Щегловъ патетически восклицаетъ (стр. 51—52): „Алу- а

Ларионовна... Акулина! Ахъ, чортъ возьми, да ужъ не она ли сама передо мною, знаменитая „красавица Акулина“ — „Барышня-Крестьянка“, вбившая „Тугиловскаго барина“?... Черты бывшей красоты и двойственное положение (?) полубарышни — полукрестьянки, отражавшіяся въ ея манерѣ даже теперь, въ глубокой старости, — давало законный поводъ сдѣлать такое предположеніе. Наконецъ, самое имя „Акулина“ и предательское (!) „по грибы“ — все поддѣрживало мое *случайное озареніе*, что Акулина Ларионовна въ значительной степени послужила оригиналомъ героини известной повѣсти... „Барышня-Крестьянка“, какъ известно, написана въ Болдинѣ, но кто внимательно прочтетъ повѣсть, легко (!) убѣдится, что сюжетъ ея „пережитъ“ въ предѣлахъ Тригорскаго и Воронича... (Тамъ, гувернантка „Барышни-Крестьянки“ миссъ Жаксонъ — несомнѣнный (!) косвенный списокъ съ гувернантки Осиповыхъ m-lle Bénoit, о которой упоминается въ мемуарахъ А. П. Кернъ) „Находка“ Акулины Ларионовны, „смѣетъ полагать“ г. Щегловъ, „повыше чиномъ“ находки Пушкинымъ старухи-казачки, помнившей Пугачева (стр. 55)... Вообще книга „Новаго о Пушкинѣ“ даетъ много біографическихъ фактовъ относительно г. Щеглова и характеризуетъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ „вернулся въ номеръ съ умысломъ плотно пообѣдать“ (стр. 78). Ямщики „угостили“ его „забавнымъ и не особенно скромнымъ анекдотомъ“ (стр. 83). Онъ „распоряжается нѣсколько по-военному“ (стр. 47). Необходимость прибить доску на домъ, гдѣ, предположительно, умерла няня Пушкина и гдѣ теперь находится городская школа, доказывается такимъ соображеніемъ (стр. 95): „какой-нибудь черезчуръ любознательный мальшъ огорочитъ учительницу вопросомъ: „а гдѣ померла нянюра (?) Пушкина?“ Учительницѣ больше ничего не остается, какъ отвѣтить: „а нянюра, душенька, померла въ Казачьемъ переулкѣ, въ домѣ Дмитріева“. Г. Щегловъ при этомъ прибавляетъ: „вы, конечно, поймете недоумѣніе дѣтей, воспитывающихся въ томъ же домѣ и притомъ въ такихъ исключительныхъ понятіяхъ объ общественной признательности. А между тѣмъ въ образчикахъ прописей для городскихъ школъ, навѣрное, существуетъ известное классическое изреченіе поэта: „неуваженіе въ предкамъ — есть первый признакъ безнравственности“... Если уже нами не предопредѣлено (?) отмѣтить достойнымъ памятникомъ мѣсто вѣчнаго упокоенія знаменитой няни Пушкина, то отмѣтить, по крайней мѣрѣ, почтительной надписью мѣсто ея кончины“. Затѣмъ идетъ рядъ „случайныхъ озареній“ и „нескромныхъ догадокъ“. Г. Щегловъ „догадывается“, что въ „Каменномъ Гостѣ“ Пушкинъ „пророчески перестрадалъ, пережилъ и изобразилъ роковую судьбу свою“ (стр. 131), что „трагическая сцена барона съ сыномъ, разыгрывающаяся въ присутствіи герцога, весьма недвусмысленно (!) намекаетъ на известную тяжелую сцену, происшедшую въ с. Михайловскомъ между Пушкинымъ-сыномъ и Пушкинымъ-отцомъ“ (стр. 135), хотя между ними нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Лаура — Кернъ, Лепорелло — лакей Пушкина, Иполитъ, Донъ-Карлосъ — Баратынскій „и въ то же время двойникъ самого Пушкина“ (стр. 141). Баратынскій — „ближайшій другъ Пушкина“, съ „чувствомъ уваженія къ великому поэту“, но онъ же и Сальери, въ то время какъ Моцартъ — Пушкинъ. „Хотя Пушкинъ и увлекался маленькими ножками, у него бы слишкомъ умная голова“ (стр. 141—142). Каково изреченіе!

Въ періодической печати эта странная книга встрѣтила рядъ сочувствъ „лихъ отзывовъ“ (гг. Розанова, Амфитеатрова и др.); нѣкоторые изъ ея „идей“ популяризовались газетами; въ ней вообще много характернаго для переживаемаго нами литературнаго момента — презрительное ки-

ваніе въ сторону специалистовъ, самоувѣренное и самодовольное невѣжество, выставленіе своего „я“ подъ флагомъ великихъ именъ, стремленіе загнушотизировать мало подготовленную публику авторитетностью тона. Вотъ почему мы и остановились нѣсколько подробно на этомъ продуктѣ литературнаго безвременья.

А. О. Корниловичъ. Нравы русскихъ при Петрѣ Великомъ. Спб., 1902 г. Корниловичъ—писатель-декабристъ, издатель альманаха „Русская Старина“. Его произведенія давно уже сдѣлались библиографическою рѣдкостью, и перепечатка г. Суворина является очень своевременной. За послѣднее время литературная дѣятельность декабристовъ вызвала рядъ изслѣдованій и характеристикъ (статьи г. Котляревскаго въ *Русскомъ Бюлетенѣ* о Кюхельбеверѣ, статья о Корниловичѣ въ сборникѣ „Литературное дѣло“ и пр.). Въ исторіи общественныхъ и литературныхъ теченій Александровскаго времени они сыграли слишкомъ крупную роль, и давно уже пора приняться за детальное изученіе ихъ дѣятельности.

Работа Корниловича не имѣетъ научнаго значенія, но очень характерна въ историко-литературномъ отношеніи. Она вся проникнута преклоненіемъ передъ великимъ Преобразователемъ. Для Корниловича „Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частнымъ, которымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ является что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какаго-то непонятнаго величія, безпощадной, никогда не устающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія“.

Собранныя авторомъ данныя повліяли на поэтическія изображенія Петра того времени. Такое вліяніе чувствуется даже на „Арапъ Петра Великаго“ Пушкина.

М. Корчинскій. Сигизмундъ Красинскій. Къ 90-лѣтней годовщинѣ рожденія польскаго поэта. Житомиръ, 1902 г. Авторъ „Небожественной комедіи“ почти совершенно неизвѣстенъ у насъ. Переводъ его главнаго, наиболѣе характернаго произведенія, какъ извѣстно, еще недавно постигла очень печальная участь. Кой-что дають о немъ книги Сырокомли (Кондратовича) и г. Спасовича. Въ виду этого брошюра г. Корчинскаго, при всей ея бѣглости и краткости, является очень полезной. Она даетъ краткія и сжатые біографическія свѣдѣнія, изложеніе содержанія главнѣйшихъ сочиненій и нѣсколько библиографическихъ указаній. По ней во всякомъ случаѣ, хотя бы и въ общихъ чертахъ, можно ознакомиться съ творчествомъ, личностью и мировоззрѣніемъ великаго польскаго поэта.

А. В. Мезіеръ. Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Часть II. Спб., 1902 г. Вторая часть „библиографическаго указателя произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой“ г-жи Мезіеръ посвящена словесности XVIII и XIX вв. Въ нее вошли перечни книгъ и журнальныхъ статей, 24,364 указанія, если не считать дополненій и поправокъ въ концѣ. Громадный трудъ этотъ сдѣланъ въ общемъ очень внимательно и добросовѣст. Мы замѣтили въ немъ мало пропусковъ и ошибокъ (г. Венкстернъ фигурируетъ, напр., въ текстѣ и въ указателѣ въ качествѣ Сенкстернъ, проф. Халанскій—Халонскаго (стр. 505); есть пропуски и въ перечнѣ и въ указателѣ), хотя такихъ недостатковъ можно было ожидать оченъ много при необъятности и неразработанности матеріала и одиночномъ и трудѣ.

Для всѣхъ занимающихся исторіей русской литературы книга г-жи Ме-
зьеръ, несомнѣнно, сдѣлается настольной и вытѣснитъ указатель Межова
и очень неполный „Обзоръ“, изданный петербургскими педагогами. Она
издана недурно, но даже за 650 страницъ можно было бы назначить
цѣну меньше теперешней—4 р. Первая часть („Русская словесность съ
XI по XVIII столѣтія“) была напечатана въ 1900 г. и стоитъ 2 р.

В. Шенрокъ. П. А. Кулишъ. Биографическій очеркъ. Кіевъ, 1902 г.
Книга г. Шенрока, насколько мы знаемъ, является первой попыткой
биографіи талантиваго малорусскаго писателя и одного изъ главныхъ
столповъ украинофильскаго движенія 40—50-хъ годовъ, если не счита-
ть некрологическихъ статей и характеристикъ въ общихъ трудахъ по
исторіи малорусской литературы. Кулишъ сыгралъ такую крупную роль
въ исторіи малорусской общественности и самъ настолько былъ харак-
теренъ и своеобразенъ, что давно уже заслуживалъ особаго изученія.
Г. Шенрокъ собралъ большой биографическій матеріалъ. Онъ воспользо-
вался для своего труда многочисленными печатными и рукописными
источниками, а также указаніями жены Кулиша и его друга Бѣлозер-
скаго. Личность Кулиша и исторія его внутренняго развитія выступа-
ютъ довольно рельефно. Слабѣ всего выяснено настроеніе послѣднихъ
годовъ, рѣзкій скачокъ отъ украинофильства къ полонофильству и раз-
вѣчиваніе прежняго идола—казачества. Но для выясненія этого потре-
бовалось бы специальное изученіе новѣйшей малорусской литературы,
котораго мы не имѣемъ права требовать отъ г. Шенрока: Кулишъ за-
интересовалъ его главнымъ образомъ, какъ первый биографъ Гоголя. Въ
отрывкахъ изъ писемъ и литературныхъ произведеній Кулиша найдется
много интереснаго для характеристики нашей общественной жизни
0—80 гг.

Книга написана легко, не безъ увлеченія и съ удовольствіемъ про-
чтется всѣми, кто интересуется прошлымъ украинской литературы.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Л. Жерарденъ. Общая ботаника.—Ф. Піотровскій. Наука о погодѣ.—Проф. К. Ф.
Петерсъ. Популярная минералогія.—В. Натансонъ. Популярная физика.—Грантъ-
Алленъ. Въ тайникахъ природы.—К. Семеновъ. Что есть на небѣ.—Н. А. Рубакинъ.
Подземный огонь.—Н. А. Рубакинъ. Рассказы о подвигахъ человѣческаго ума.—
Проф. Н. М. Сибирцевъ. Почвовѣдѣніе.—Проф. Н. М. Сибирцевъ, Г. И. Танфиль-
евъ, А. Р. Ферамитъ.—Почвенная карта Европейской Россіи.

Л. Жерарденъ. Дополненная О. Томэ. Общая ботаника. Научно-
популярная бібліотека А. Ю. Маноцковой. № 5. М., 1901 г. Ц. 1 р.
Г-жа Маноцкова, повидимому, задалась очень хорошею цѣлью выпустить
цѣлую серію популярныхъ книгъ небольшого размѣра, предназначенныхъ,
какъ заявляетъ издательница, „для юношества и самоучекъ“. Выборъ
авторовъ, размѣры книжекъ, внѣшность изданія все говоритъ въ пользу
изданія; однако при ближайшемъ разсмотрѣніи впечатлѣніе быстро мѣ-
няется.

Переводъ „Общей ботаники“ Жерардена сдѣланъ не вполне умѣло,
гдѣстами встрѣчаются грубыя ошибки; напримѣръ, жидкость Raulin'a
(значена состоящею между прочимъ изъ сѣрнистыхъ аммонія, цинка,
гѣза, изъ углеродистаго калия и углеродистаго магнія (?) и т. д. Ра-
нія своеобразно дѣлятся на *пльсени*, *мхи*, *папоротники* и *яенобрачныя*.
Къ недостаткамъ самой книги надо отнести часто излишне под-
нятыя для популярнаго изданія подраздѣленія и классификаціи орга-

новъ, тканей, отправленій. Для довершенія непригодности этой для намѣченной издательницей цѣли имѣется ужасный словарь ныхъ словъ. Авторъ словаря очень ужъ обижаютъ своихъ читателѣвъ помѣстивши въ непонятныя слова: *аналогія*, *причинная связь*, и пр. Впрочемъ, авторъ самъ не силенъ въ пониманіи этихъ вѣрныхъ словъ; такъ, напр., слово *иллюзія* поясняется слѣдующимъ образомъ: „...выраженіе „походить до иллюзіи“ на что-нибудь, и напоминать это „что-нибудь“ до такой степени, что становится нымъ обманъ зрѣнія. Это „что-нибудь“ въ сущности, быть можетъ всѣмъ не похоже на то, чѣмъ оно кажется (?), но наружнымъ видомъ очень его напоминаетъ и вводитъ въ заблужденіе“ (!). Д. объясненіи слова *центробѣжная сила* говорится, что „камень вается отъ шнурка. Это зависитъ оттого, что вмѣстѣ съ центромъ развивается и такъ назыв. *центростремительная сила*, заставляющая тѣло стремиться къ центру“ (?) и т. д. Весь словарь состоитъ изъ такихъ несообразностей. Всѣ указанные промахи книжку совершенно негодной. Маленькой защитой книги отъ телей можетъ служить ея высокая по сравненію съ величиной

Ф. Піотровскій. Наука о погодѣ или основы метеорологіи. Переводъ съ польскаго Р—аго. Цѣна 70 коп.—Проф. К. Терсъ. Популярная минералогія. Переводъ съ нѣмецкаго Р—аго. Цѣна 80 коп.—Проф. В. Натансонъ. Популярная физика. Переводъ съ польскаго Р—аго. Цѣна 85 коп. Научно-популярная физика А. Ю. Маноцковой, № 6, 7, 8. М., 1901 г. Эти книжки изданія хорошей болѣе пригодны „для юношества и самоучекъ“, чѣмъ „Основа физики“ Жерардена. Переводъ сдѣланъ глаже, ошибки рѣже, хотя таки есть (напр., *окисленная вода* вмѣсто *подкисленная*, смѣшаніи простого тѣла и элемента и пр.). Къ минералогіи опять при малолучае „словарь непонятныхъ словъ“. Напрасно авторъ и издатель въ предисловіи нападаютъ на всѣ популярныя книги по метеорологіи; среди нихъ есть во всякомъ достойныя вниманія и могущія пожалуй съ большимъ успѣхомъ той же цѣли, которую намѣтила себѣ издательница.

Грантъ-Алленъ. Въ тайникахъ природы. Борьба, защита и сонъ въ мірѣ животныхъ и растений (257 рис.). И. Поповой. Спб., 1902 г. Цѣна 2 руб. Изданіе сочиненія Аллена въ русскомъ переводѣ несомнѣнно обогатило русскую популярную научную литературу новой въ высшей степени интересной и красивой книгой. Интереснѣйшій матеріалъ, превосходное талантливое изложеніе, отсутствіе излишней сантиментальности, которой такъ грѣшатъ рые наши популяризаторы (напр., Кайгородовъ въ книжкѣ „Исторія царства“) — вотъ достоинства книги. Автору можно пожалуй упрекъ за нѣкоторое очеловѣчиваніе природы: цвѣты у него „сладко спятъ“ и пр. Но это подчасъ служитъ лишь къ болѣе ясному изложенію всего изложенія. Интереснѣйшіе факты изъ жизни животныхъ и ихъ взаимныя отношенія неослабно привлекаютъ вниманіе читателя на протяженіи всей книги. Изданіе выполнено хорошо съ вѣшной стороны и переводъ вполне порядочный, досаднѣе нѣкоторыя мелкія ошибки (напримѣръ, упорная на пр. всей книги *сѣмяночка*, вмѣсто *сѣмяпочка* и немногія другія).

К. Семеновъ. Что есть на небѣ. Подъ редакц. и съ Н. А. Рубакина. Съ многочисл. рисунками и съ раскрашенными изображеніями взрывовъ на солнцѣ. Изд. Д. Г. Алексѣева.

1901 г. Цѣна 35 коп. Книжка представляетъ очень популярно изложенную общедоступную астрономію и предназначается, повидимому, для народа. Весьма порядочное изложение, хорошіе рисунки и опрятная выѣшность дѣлають книжку пригодной для намѣченной цѣли.

Н. А. Рубакинъ. Подземный огонь. Откуда, когда и какъ онъ появился подъ землей. Съ многочисл. рисунками. Изд. Д. Г. Алексѣева. Спб., 1901 г. Цѣна 35 коп. Почтенная популяризаторская дѣятельность г. Рубакина достаточно извѣстна. Лежащая передъ нами книжка обладаетъ обычными достоинствами, характеризующими популяризаціи автора. Большая доступность изложенія, безъ довольно обычной въ популярныхъ книжкахъ для народа слащавости, возможная научность и литературность языка. Предметъ бесѣды—описание вулканической дѣятельности на землѣ и горообразующіе процессы.

Н. А. Рубакинъ. Разказы о подвигахъ человѣческаго ума и о чудесахъ науки. Съ рисун. Изд. Д. Г. Алексѣева. Спб., 1901 г. Цѣна 30 коп. Горячій проповѣдникъ и популяризаторъ научныхъ знаній, по преимуществу въ народѣ, г. Рубакинъ въ этой книжкѣ увлекательно и общедоступно излагаетъ послѣднія завоеванія научной мысли: научныя предсказанія, примѣненіе пара, электричества и пр. Заключительная глава: Какъ наука ведетъ къ добру. Вся книжка проникнута культурными взглядами автора.

Проф. Н. М. Сибирцевъ. Почвовѣдніе. Вып. II. Ц. 1 р. 60 к. Вып. III. Ц. 1 р. 80 к. Спб., 1901 г. Мы упоминали уже на столбцахъ *Русской Мысли* о выходѣ въ свѣтъ перваго выпуска „Почвовѣднія“, сданнаго въ печать еще самимъ покойнымъ авторомъ. Оригиналъ второго выпуска былъ тоже приготовленъ для печати Н. М. Сибирцевымъ, который отослалъ его П. Θ. Баракову 17 июля (1890 г.), а 20 июля Николай Михайловичъ скончался: это констатиръ смерть „на посту“. Третій выпускъ проредактированъ проф. Бариковымъ, вѣроятно, по послѣднему студенческому изданію. Второй выпускъ излагаетъ ученіе о почвѣ, какъ о массѣ и какъ о геофизическомъ образованіи; въ третьемъ и послѣднемъ выпускѣ изложены описательное почвовѣдніе, географія и картографія почвъ и бонитировка почвъ. Ко второму выпуску приложены портретъ автора и краткая біографія, написанная П. Θ. Бариковымъ. Для тѣхъ почвенныхъ изслѣдованій, которыя въ настоящее время предпринимаются въ разныхъ углахъ Россіи, особое значеніе имѣють послѣдняя глава второго выпуска („Методъ изслѣдованія почвъ въ полѣ“) заключительный параграфъ отдѣла картографіи и весь послѣдній отдѣлъ, посвященный бонитировкѣ почвы; въ составъ этого отдѣла, между прочимъ, включенъ и выработанный Н. М. Сибирцевымъ бланкъ для полученія свѣдѣній о почвахъ путемъ опроса. Особое приложеніе къ третьему выпуску составляютъ раскрышенная схематическая почвенная карта Россіи и снабженная схематическими рисунками почвенныхъ разрывовъ классификационная таблица для русскихъ почвъ.

Почвенная карта Европейской Россіи. Составлена проф. Н. М. Сибирцевымъ, Г. И. Танфильевымъ и А. Р. Ферхминимъ. Съ обильнымъ текстомъ. Спб., 1902 г. Ц. 8 р. До нынѣшняго года главнымъ общерусскою почвенною картою являлась карта Чаславскаго, вышедшая въ свѣтъ въ 1879 году и давно уже не существующая въ Россіи. Карта эта, конечно, очень устарѣла, и еще въ 1895 г. министерство земледѣлія поручило В. В. Докучаеву составить новую почвенную карту Европейской Россіи. За болѣзнь В. В. Докучаева главное дѣло въ работѣ взялъ на себя Н. М. Сибирцевъ, но ему не пришлось

дождаться полного окончанія карты; краткая объяснительная написана на двухъ языкахъ (русскомъ и французскомъ) Р. И. Тавымъ и А. Р. Ферхминимъ, которымъ пришлось и составить часть карты.

Почвенныхъ знаковъ очень много—всего сорокъ, чѣмъ, конечно, затрудняется общая удобообозрѣваемость карты. Жаль, что редакторъ не нашелъ возможнымъ осуществить первоначальное намѣреніе и карты (В. В. Докучаева), предполагавшаго приложить къ большому числу многочисленныхъ мелкихъ картограммы для иллюстраціи разнообразныхъ явленій, стоящихъ въ связи съ географіею почвъ.

Во всякомъ случаѣ вновь изданная министерствомъ земледѣлія является драгоцѣннѣйшимъ учебнымъ пособіемъ въ дѣлѣ общаго и спеціально сельско-хозяйственнаго образованія. Желательно, чтобы эти карты, даваемые этою картою, возможно скорѣе вошли въ обиходъ нашей школы.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

П. В. Засодимскій. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. — Сказки бр. Гриммъ. — Н. В. Родныя сказки.

П. В. Засодимскій. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Воспоминанія о сказкахъ. Изд. И. Д. Сытина. Москва, 1901 г. Цѣна въ 60 коп., въ папкѣ 75 к. „Воспоминанія“ П. В. Засодимскаго дѣлаютъ блѣдное впечатлѣніе какъ по содержанію, такъ и по вышнему уровню. Какъ и всѣ воспоминанія, заключающія въ себѣ много лиризма, могли бы дѣйствовать на душу читателя силою чувства, но характереніе автора въ томъ, что онъ очень любитъ свою мать, оставивъ читателя холоднымъ и кажутся только сантиментальными изреченіями, вольно, по ассоціаціи противоположности, возстаютъ въ памяти отдельные страницы изъ „Дѣтства и отрочества“ Л. Н. Толстого, стога и сила чувства слиты въ яркое цѣлое. Въ разбираемомъ изданіи П. В. Засодимскаго встрѣчается нѣсколько мѣстъ, которые въ дѣтской книгѣ безъ всякаго ущерба для общей нити разсказа могли бы быть выпущены. Такимъ, напримѣръ, является повѣствованіе о матери, на которомъ мать автора, благодаря своей красотѣ, имѣла большіе успѣхъ и обратила на себя вниманіе даже высокыхъ особъ. Страшное впечатлѣніе производитъ слѣдующая замѣтка на стр. 32: „Эти стихи Пушкина, несчастнаго Васильева, право, были ничуть не хуже, какіе пишутся нынѣшними поэтами въ трезвомъ видѣ и печатаются въ нашихъ журналахъ и газетахъ“. Подобная тирада, даже если бы она была отвѣчала дѣйствительности, кажется скорѣе выхваченной изъ какой-нибудь полемической статьи, чѣмъ изъ дѣтскаго сборника. Разумно, насколько прочитанныя въ дѣтствѣ книги способствовали „умственному и нравственному развитію“, авторъ впадаетъ въ рядъ ошибокъ; не возражая противъ нихъ по существу, мы приведемъ слова самого автора: „ахъ какъ трудно, оглядываясь на прошлое, вести черту между тѣмъ, что было вредно и полезно“. Помимо подобныхъ разсужденій интересны для педагога, но не для ребенка разсказы, помѣщенные въ томъ же сборникѣ, разсказъ: „Милостыня“ слишкомъ тенденціозенъ; тенденція же, его пронизывающая, слишкомъ элементарна, чтобы нужно было ее пропагандировать. Разсказъ: „Разбита чашка“ страдаетъ искусственностью концовки.

слишкомъ растянуть. Что же касается языка произведеній П. В. Засодимскаго, то онъ отличается двойственностью, которая объясняется тѣмъ, что этотъ писатель пишетъ не только для дѣтей: только большіе таланты умѣютъ всюду оставаться самими собою; у остальныхъ же писателей въ дѣтскихъ разсказахъ происходитъ колебаніе между обычной манерой письма и желаніемъ поддѣлаться подъ дѣтское пониманіе. Мѣстами слогъ П. В. Засодимскаго слишкомъ фразистъ. Внѣшность изданія была бы совершенно безупречна, если бы не аляповатая обложка.

Сказки бр. Гриммъ. Изданіе отдѣльными выпусками подъ редакціей Н. В. Тулупова. 1) Спящая царевна и др. 2) Мятелица и др. 3) Золушка и др. 4) Стукъ-брякъ и др. 5) Гусятница и др. 6) Снѣгурочка и др. 7) Юронидъ и Юрингель и др. 8) Сказка о безстрашномъ добромъ молодцѣ и др. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Для средняго возраста. Москва, 1902 года. Изданію сказокъ бр. Гриммъ отдѣльными выпусками можно отъ души порадоваться. Существующее полное собраніе этихъ сказокъ въ одной книгѣ доступно по своей цѣнѣ далеко немногимъ, а между тѣмъ, какъ намъ не разъ приходилось наблюдать, эти сказки являются любимѣйшимъ чтеніемъ дѣтей. Какъ вполне справедливо отмѣчено въ заголовкахъ изданія, они хороши именно для средняго возраста: 10—12-лѣтніи дѣти уже умѣютъ разграничивать область дѣйствительности отъ міра чистой фантазіи. Съ другой стороны, граціозные образы то спящей царевны, то золотокудрой гусятницы и скромной золушки, или причудливыя сказанія о великанахъ и карликахъ, о всевозможныхъ превращеніяхъ, о добрыхъ и злыхъ феяхъ,—все это полно чарующей прелести для дѣтскаго воображенія, которое настоятельно проситъ пищи. Въ изданіи И. Д. Сытина нѣкоторыя сказки, имѣющія всевозможныя варіаціи (наприм., „Золушка“, „Спящая царевна“, „Снѣгурочка“ и др.) изложены въ наиболѣе простомъ видѣ; при этомъ нѣсколько пострадала тонкость литературной обработки,—зато сказки въ такой формѣ выигрываютъ со стороны понятности и доступности для дѣтей. Въ этихъ небольшихъ выпускахъ, заключающихъ въ себѣ по 3—4 сказки, сохранены тѣ же прекрасныя иллюстраціи, которыя имѣются и въ полномъ собраніи. Нѣсколько грубыя внѣшній видъ съ ярко-раскрашенной картинкой, по всей вѣроятности, рассчитанъ на примитивный вкусъ дѣтей, которыя съ перваго взгляда не оцѣнятъ изящества отдѣлки.

Н. В. Тулуповъ. Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для маленькихъ дѣтей. (По Аванасьеву, Ушинскому и другимъ). Со многими рисунками. Четыре выпуска: I, II, III и IV. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1902 г. Цѣна каждаго выпуска 15 к., въ папкѣ 25 коп. Четыре выпуска „Родныхъ сказокъ“ представляютъ собою сборники многочисленныхъ извѣстныхъ сказокъ, разбросанныхъ въ различныхъ дѣтскихъ хрестоматіяхъ (наприм., „Рѣпка“, „Лошадина голова“, „Журавль и цыганъ“, „Змѣй и цыганъ“, „Гуси-лебеди“, „У страха глаза велики“ и многія другія). Собрать ихъ въ одно цѣлое и иллюстрировать прекрасными картинками—очень удачная мысль. Библиотека малютокъ небогата хорошими книгами: „Родныя сказки“ являютъ я новымъ симпатичнымъ вкладомъ въ нее. Почти всѣ „Родныя сказки“ знакомятъ ребенка съ русскою жизнью, преимущественно народной; мѣля изъ нихъ представляютъ картинки изъ міра животныхъ; кромѣ того, большинство изъ нихъ заброситъ въ душу ребенка первыя сѣмена націонализма. Цѣна выпусковъ невысока, тѣмъ болѣе, что съ внѣшней стороны изданіе безупречно.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 июня по 1 июля 1902 г.

- Алексѣевъ, С. Г.** Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Байб, К.** Исторія искусствъ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ. Ц. 4 р.
- Вакунинъ, М. М.** Тропическая Голландія. Пять лѣтъ на островѣ Явѣ. Съ 6 картинами. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Веннигсенъ, гр., Э. П.** Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.
- Вилмовичъ, Ал. Д.** Товарное движеніе на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Кіевъ, 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вогдановъ, М. Н.** Голуби, галки, аясты и другія птицы. М., 1902 г. Ц. 10 к.
- Вронгаузъ и Ефронъ.** Энциклопедическій словарь. Т. XXXV (69). Спб., 1902 г.
- Брюнгесъ, Г. I.** Рёскингъ и Библия. Къ исторіи одной мысли. Пер. съ франц. Л. П. Никифорова. Изд. „Посредника“. М., 1902 г. Ц. 90 к.
- Бунинъ, Иванъ.** Новыя стихотворенія. М., 1902 г. Ц. 1 р.
- Бычковъ, А.** Очерки Якутской области. Скопцы въ ссылкѣ. Иркутскъ, 1902 г.
- Волжинъ, В. А.** Наши тулуповцы. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Введеніе въ философію. Полный перев. со вторго нѣмецк. изд. Г. А. Котляра подъ редакц. проф. московск. университета князя С. Н. Трубецкого. М., 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Гансенъ, Ц. Г.** Опытъ оздоровленія деревни. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1902 г. Ц. 75 к.
- Гофштеттеръ, И.** Пожарно-страховое дѣло въ земскихъ губерніяхъ, исторія его развитія и современная постановка. Спб., 1902 г. Ц. 2 р.
- Гурко, В.** Устои народнаго хозяйства Россіи. Спб., 1902 г.
- Ди-Синьи, Н.** Курсъ прямойлинейной тригонометріи. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Заболотскій, П. А.** Гоголь въ эпоху творчества I тома „Мертвыхъ Духовъ“. Варшава, 1902 г. Ц. 35 к.
- Золотовичъ, Н. А.** Очеркъ современной постановки кумысолѣченія въ виду борьбы съ туберкулезомъ и указатель кумысолѣчебныхъ заведеній, кумысныхъ селеній, хуторовъ и кочевковъ Россійской имперіи. Изд. К. I. Риллера. Спб., 1902 г. Ц. 70 к.
- Зотовъ, А.** Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Канадзевъ, И.** Очерки закавказской жизни. Т. 1-й. Спб., 1902 г. Ц. 2 р.
- Конъ, Ф. Я.** Историческій очеркъ Минусинскаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902 гг.). Казань, 1902 г.
- Красильниковъ, М. П.** Пшеница, недомки и продовольственная заботливость населенія Уфимской губерніи. Изд. уфимскаго губерн. земства. Уфа, 1902 г. Ц. 1 р.
- Кривенко, В. С.** На окраинахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Крюковскій, Я. (Я. Я. Гуревичъ).** Повѣсти и рассказы. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.
- Кустарные промыслы Ярославскаго губ. № 1—25.** Ярославль, 1902 г.
- Луговой, А.** Умеръ талант?... 1-я т-ва „Общественная польза“. Спб., 1902 г. Ц. 60 к.
- Марценсъ, Ф.** Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Т. XIII. Спб., 1902 г.

- Материалы для оцѣнки фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній Нижегородской губерніи. Изданіе нижегородскаго губ. земства. Н.-Новгородъ, 1902 г. Ц. 2 р.
- Мережковский, Д. С. И.** Толстой и Достоевскій. Т. II. Изданіе журнала „Міръ Искусства“. Спб., 1902 годъ. Ц. 3 р. 75 к.
- Народная бібліотека при Раменской мануфактурѣ. Бронницы, 1902 г. Ц. 20 к.
- Нордау, Максъ.** Собраніе сочиненій. Т. V. Кіевъ, 1902 г. Подп. цѣна за 12 т. 5 р.
- Неврововъ, А. С.** Изъ быта села Птичьаго, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Юрьевъ, 1902 г.
- Никольскій, А.** Земля, община и трудъ. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.
- Новиновъ, Александръ.** Второй сборникъ статей. 1901—1902 гг. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.
- Общедоступная бібліотека подъ редакц. Л. Е. Оболенскаго. 1) Гертвигъ, О. Успѣхи біологіи. Ц. 25 к. 2) Брайсъ, Д. Вильямъ Гладстонъ. Ц. 25 к. 3) Гауптманъ, Г. Бобровая шуба. Красный пѣтухъ. Ц. 50 к. 4) Оболенскій, Л. Е. Научныя основы красоты и искусства. Ц. 75 к. 5) Бьернстерне - Бенрисонъ. Пауль Лянге и Тора Парсербергъ. Ц. 35 к. 6) Зудерманъ, Г. Родина. Да здравствуетъ жизнь. Ц. 75 к. 7) Аренсъ, проф. Успѣхи химіи въ XIX в. Ц. 25 к. Спб., 1902 г.
- Ожешко, Элиза.** Собраніе сочиненій. Т. V. Изд. Фулса. Кіевъ, 1902 г.
- Орловъ, Е. И.** Техническій анализъ. Вып. X. Изд. К. И. Тихомврова. М., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскольскій, В.** Стихотворенія. Харьковъ, 1902 г. Ц. 25 к.
- Отчетъ об-ва для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1901 годъ. Спб., 1902 г.
- Отчетъ Иланово-вознесенской общественной публичной бібліотеки за 1901 годъ. Владиміръ губ., 1902 г.
- Отчетъ Нижегородской городской общественной бібліотеки за 1901 г. Н.-Новгородъ, 1902 г.
- Отчетъ общества для устройства дешевыхъ народныхъ столовыхъ и чайныхъ въ г. Ригѣ за 1901 г. Рига, 1902 г.
- Прокофьевъ, М. А.** О современномъ состояніи Маринской системы. Новгородъ, 1902 г. Ц. 25 к.
- Радцигъ, А. А.** Производство и потребление овса на всемъ свѣтѣ. Спб., 1902 г.
- Ренанъ, Эрнестъ.** Собраніе сочиненій. Т. III. Подъ ред. В. Н. Михайлова. Кіевъ, 1902 г. Подп. цѣна за 12 т. 5 р.
- Росслевъ, П.** Сѣверная Русь. Очерки и картинки. Съ 16 рис. М., 1902 г. Ц. 20 к.
- Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1900 г. Н.-Новгородъ, 1902 г. Ц. 50 к.
- Текущая сельско-хозяйственная статистика Олонекской губерніи. Вып. IV. Петроваводскъ, 1902 г. Ц. 75 к.
- Толмачевъ, М.** Лѣчебныя заведенія Московской губ. въ 1901 г. Изд. моск. губ. земства. М., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Томпсонъ, Ф.** По слѣдамъ оленя. Пер. съ англійск. М., 1902 г. Ц. 30 к.
- Тумановъ, Г. М.** Замѣтки о городскомъ самоуправленіи на Кавказѣ. Тифлисъ, 1902 г. Ц. 60 к.
- Федорченко, Ив.** Въ чаду мрай. Вирши и лирич. Кіевъ, 1902 г. Ц. 10 к.
- Физико-математическій ежегодникъ,** посвященный вопросамъ математики, физики, химіи и астрономіи въ элементарномъ изложеніи. Съ 142 рис. въ текстѣ. Годъ 2-й. М., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Хрѣновъ, К. А.** Поэты изъ народа. М., 1901 г. Ц. 60 к.
- Чайковский, М.** Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III, вып. XVІІІ.
- Шперль, Августъ.** Сынновъ Будивоя. Пер. съ нѣм. Изд. картограф. заведенія Ильина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Эргинъ, А.** Значеніе Пермь - Котласской желѣзной дороги для Вятскаго края. Вятка, 1902 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„Библиографическаго отдѣла“

I. Книги.

Беллетристика: *Вас. И. Непировичъ-Данченко.* Край Марія I стой.—*Скиталецъ.* Рассказы и пѣсни.—*Андрей Бѣлый.* Симфонія.—*З. Гмб.* Третья книга разсказовъ.—*П. П. Гмбичъ.* Антиподъ.—*Д. С. Мерзляковъ.* Переводы Эсхила, Софокла, Эврипида.

Философія, педагогика: *Вопросы Философіи и Психологіи,* 1902 г. т. III.—*Ар. Шопенгауеръ.* Полное собраніе сочиненій.—*М. М. Стасюлевичъ.* Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ.—*Вѣстникъ Воспитанія,* декабрь 1901 г., январь—апрѣль 1902 г.

Критика, публицистика: *П. Ф. Николаевъ.* Вопросы жизни временной литературѣ.—*А. Д. Градовскій.* Собраніе сочиненій.— *Общество взаимн. вспомошествованія учителямъ и учительницамъ народн. училищъ.*—*М. Ареништейнъ.* Винокуреніе въ Полтавской губ.— *Отчетъ* постоянной комиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ.—*Инструкціи* для дѣятелей органовъ потребительныхъ обществъ.—*Д-ръ Риттеръ.* Женщины и врачи

Исторія, исторія литературы: *Б. Книжъ.* Исторія областей Италии.—*И. В. Щеломъ.* Новое о Пушкинѣ.—*А. О. Корниловичъ.* Нравы русск. при Петрѣ Великомъ.—*М. Корчинскій.* Сигизмундъ Красинскій.—*А. В. Мухоморовъ.* Русская словесность.—*В. Шенрокъ.* П. А. Булинь.

Естествознаніе: *Л. Жерарденъ.* Общая ботаника.—*Ф. Писторетти.* Наука о погодѣ.—*Проф. К. Ф. Петерсъ.* Популярная минералогія.—*В. Е. Сомъ.* Популярная физика.—*Грантъ-Алленъ.* Въ тайникахъ природы.—*К. К. Коуль.* Что есть на небѣ.—*Н. А. Рубакинъ.* Подземный огонь.—*Н. А. Рубакинъ.* Рассказы о подвигахъ человѣческаго ума.—*Проф. Н. М. Сибирцевъ.* Подземныя дѣлія.—*Проф. Н. М. Сибирцевъ, Г. И. Танфильевъ, А. Р. Фердинандъ.* Новая карта Европейской Россіи.

Книги для дѣтей: *П. В. Засодимскій.* Изъ дѣтскихъ лѣтъ.—*Бр. Гриммъ.*—*Н. В. Туматовъ.* Родныя сказки.

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1902 г.

ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ журнала „Русская Мысль“,

находящихся при конторѣ журнала
(Москва, Воздвиженка, Ваваньковскій пер., домъ Анлаксиной).

Библиотека „Русской Мысли“.

I. Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 коп. II. Ремезовъ, М. Н. Клеопатра. Картины античнаго міра. Ц. 40 к. III. Альбовъ, М. Н. Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 руб. IV. Баранцевичъ, К. С. Победа. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р. V. Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Допущена въ народные библиотеки и читальни. VI. Ремезовъ, М. Н. Иудея и Римъ. Картины античнаго міра. Ц. 50 к. VII. Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р. VIII. Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія.	Ц. 1 р. Допущена въ безплатныя народные библиотеки и читальни. IX. Маминъ - Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охотники брови. Ц. 1 р. X. Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к. XI. Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к. XII. Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. XIII. Ремезовъ, М. Н. По Шломберге. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к. XIV. Ремезовъ, М. Н. Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к. XV. Ремезовъ, М. Н. Эпипоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библиотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Голыцева).

I. Нассе и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библиотеки и читальни. II. Пере. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к. III. Дюкло. Пастёръ. Исслѣдованіе о броженіи и самоворожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. IV. Вартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 р. V. Гауптъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к. VI. Погожева. Шериданъ. Школа злословія. Биографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена въ ученически, старшаго возраста, библиотекы среднихъ учебныхъ заведеній Мюн. Нар. Просв.	VII. Гиро, П., проф. Фисталь де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библиотеки и читальни, въ учительскія библи. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ. VIII. Дюкло. Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библи., гимназій и реальн. уч., для библи. учител. инстит., семинар., учительск. библи. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библи. и читальн. IX. Галле, Андре. Вомарте. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к. X. Вертло. Наука и нравственность. Ц. 60 к. XI. Геккель. Натурализмъ подъ тропиками. Ц. 60 к. XII. Деллажъ. Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анненкова-Бернардъ, Н. (Н. П. Кинья). Рассказы и очерки. Ц. 50 к. Воронцовъ - Пушкинъ, А. М. Юридическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 1 р. Вульфъ, Поль. Трагическая идиллія М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.	Данилинъ, И. А. Очерки и рассказы. Ц. 1 р. Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, ш-ше Альфонсъ Доде, Парло Вазанъ, Лавуры Маргольмъ, Карменъ Сильва, Д. Менапъ. Ц. 40 к. Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пров. для учебныхъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведений мужск. и женск. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Одобрено для учебныхъ, средн. и старш. возраста, библ. средн. учебн. зав. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнаціи. Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ нашей словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заключенный казакъ. Жидъ. Бѣлая Паниа. Хамелеонъ. Песимистка. Хохера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рассказы. Томъ I: Сбренъкая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Бя же. Томъ II. Ни влочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юлянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Бя же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Бя же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Бя же. Меланхолика. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Сенкевичъ, Генригъ. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поведа въ Аеннм. Яко музыкантъ. Старый слуга. Галя. У котичника. Идллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, и учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путешественныя очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобрена для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальнъ.

— Семья Полавецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ времени Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестноосцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 руб.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Эске-Хюинскій, Теодоръ. Последніе римляне. Историческій романъ изъ времени Феодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картина деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. Допущено въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Пров. одобрено для бесплатныхъ народ. читальнъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1¹/₂ к. Допущено въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Яко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юлянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пров. допущено для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальнъ.

Списокъ книгъ для народныхъ бібліотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая бібліотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кокхинѣ; Аннамъ, Сямъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Кита и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученн.

библ. низш. учл. и для чтеній въ родныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. портретомъ Эдисона. Составилъ Уманецъ. 112 стр. Ц. 20 коп. пущено въ бесплатныя народныя

библиотеки и читальни, въ учительскія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человека съ животными. *Проф. Эхштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра. Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безпл. народн. библиот. и читальни.

Японія и японцы. Страна: Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвигъ Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лива-густанина. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофа. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. А. Н. Максимова. 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библиотек. и читальни.

Веселыя по школьной гигиенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. диаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библи. и читальни, въ учител. библи. нивш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ П. Ганзена) 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библиотеки и читальни, въ учительскія библиотеки нившыхъ училищъ Мин. Нар. Пр.

Исполненъ нѣмецкой промы-

шленности. (Заводъ Крушна). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библиотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Дамилла.*—Преступники, *П. В. Хотимскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розенберг.* (Изъ жизни штирйскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Приятеля. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библиотеки и читальни.

Вашка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицера.—Подъ шумъ въ юги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

1902 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСЬ НА ЖУРНАЛЪ Годъ XIII.

„Вопросы Философіи и Психологіи“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Вышла III-я книга (май—июнь) 1902 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи. М. Цѣтсава.— Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія. Г. Челламова.— Вѣра. Психологическій взглядъ. П. Соколова.— Вѣра въ безсмертіе. М. С. Н. Трубецкой.— Волюнтаристическое ученіе о волѣ. Н. Десснаге.— Русскій Фаустъ. А. Луначарскаго.— Плюшкинъ—психологическій разборъ его. Я. Каллама.— Критика и библиографія.— Извѣстія и замѣтки.— Психологическое общество.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1 января 1902 г. по 1 января 1903 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала, не иначе и исключительно или письменно.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер. д. Соловьевой, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Карбасовъ за, Вольфа, Оглоблина и другихъ.

Редакторы: Кн. С. Н. Трубецкой и Л. М. Лопатинъ.

II-й годъ изданія.

Принимается подписка на 1902 годъ
НА ГАЗЕТУ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОКЪ.

Въ газетѣ „Дальній Востокъ“ издуются слѣдующіе отдѣлы:

1) Общія распоряженія правительства, касающіяся Сибири, мѣропріятія областной (Примурской) администраціи, 2) телеграммы, 3) статьи по мѣстнымъ вопросамъ; 4) хроника областной жизни; 5) судебная хроника; 6) театръ и музыка; 7) корреспонденціи; 8) внутренняя и заграничная хроника, 9) литература азиатскаго востока (Китай, Korea и Японія); 10) фельетонъ; 11) смѣсь; 12) справочный отдѣлъ; 13) объявленія.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На годъ.	На 1/2 года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Во Владивостокѣ	9 р.	5 р.	3 р. — к.	1 р. 25 к.
Для иногороднихъ	10 „	6 „	3 „ 50 „	1 „ 50 „

Форматъ газеты отъ 1/2 до 1 печатнаго листа.

При газетѣ собственная типографія.

Редакторъ-издательница **Е. А. Панова.**

Редакторъ **В. А. Пановъ.**

Гор. Владивостокъ, Приморской области.

Открыта подписка на общественную и литературную газету

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

1902 г. (ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

„Восточный Вѣстникъ“ выходитъ въ г. Владивостокѣ въ форматѣ большаго газетъ по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы.—2) Правительственныя распоряженія.—3) Передовыя статьи.—4) Хроника.—5) Письма и корреспонденціи.—6) Статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся интересовъ русской восточной окраины и жизни соседнихъ странъ: Китая, Японіи и Korea.—7) Обзоръ заграничной жизни: Китай, Японія и Korea.—8) Обзоръ внутренней жизни. Сибирская хроника. Русская жизнь.—9) Литературное и научное обозрѣніе.—10) Критика и библиографія.—11) Фельетонъ.—12) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній.—13) Промышленность и торговля.—14) Справочный отдѣлъ.—15) Объявленія.

Газета выходитъ четыре раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ—№№; по вторникамъ и пятницамъ—отдѣльныя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для городскихъ подписчиковъ, съ доставкой: за годъ 8 р., за полгода 4 р., за 3 мѣсяца 3 р., за 1 мѣсяць 1 р. Для иногороднихъ, съ пересылкою: за годъ 9 р., за полгода 4 р. 50 к., за 3 мѣсяца 3 р. 50 к., за 1 мѣсяць 1 р. 50 к.

За перемѣну адреса 30 коп. || Розничная продажа—10 к. №.

Адресъ: г. Владивостокъ, редакция газетъ „Восточный Вѣстникъ“.

Редакторъ-Издатель **В. Сумиинскій.**

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., с. д.

XVIII. ДРУЗЬЯ РУССКИХЪ САМОРОДКОВЪ. (Я. П. Полонскій, Н. С. Лѣсковъ, гр. Л. Н. Толстой, А. Н. Островскій и друг.).— А. И. Яцмирснаго	147
XIX. БАБЪ НАСЪ «УЧИЛИ» ВЪ ГИМНАЗИИ. (Отрывокъ изъ школьныхъ воспоминаній).—И. Дроздова	164
XX. СИОНИЗМЪ И ХРИСТИАНЕ.—Г. И. Гордона	178
XXI. СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДЪЯТЕЛИ. II. Вальдекъ Руссо.—Х. Г. Инсарова. <i>Продолженіе</i>	197
XXII. ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.—В. Г.	220
XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Высочайшій рескриптъ на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и во- просъ о реформѣ средней школы.—Превращеніе земскихъ оцѣночныхъ работъ въ 12 губерніяхъ.—Занятія особаго со- вѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.— Изъ жизни провинціи.—Копчина М. М. Антокольскаго.— Положеніе о преміи имени Л. П. Кузнецова	228
XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	248
XXV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІИ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.— Философія, педагогика.—Критика, публицистика.—Исторія, исторія литературы.—Естествознаніе—Книжки для дѣтей.— II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Рус- ская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1902 г.	213
XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Рус-
ской Мысли» открыта въ теченіе лѣта только по средамъ отъ 1—3
час. дня.

Непріятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня
отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непріятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе
3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихо-
твореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непріятыхъ стихотвореній
редакція не входитъ въ переписку.

Редакція журналу „Русская Мысль“ предприняла изданіе

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

СОЧИНЕНІЙ

Техрика Сехкевича

въ переводѣ В. М. Лаврова.

Въ настоящее время открыта подписка на первую серію,
закрывающуюся въ 6 томахъ романовъ:

I) Камо грядеши?
(Quo vadis?)	III) Огнемъ и мечомъ.
II) Безъ Догмата.	IV и V) Потопъ.
	VI) Панъ Володіевскій.

Цѣна за всѣ 6 томовъ (около 180 печатныхъ листовъ) 5 руб.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Вагальковскій пер.,
д. Аплаксиной, кв. № 9.

Можно подписываться и на отдѣльные тома.

Цѣна I, II и VI тома по 1 р., III-го — 1 р. 25 к., IV и V-го —
1 руб. 75 коп.

I и II томъ вышли; III выйдетъ — въ августъ, IV и V — въ сентябрь и VI въ октябрь. Послѣ выхода послѣдняго тома цѣна будетъ повышена.

Пересылка по разстоянію.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1902.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ВЪ ВОЕННОМЪ ГОСПИТАЛѢ.—П. В. Оболенскаго	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Н. Ладыженскаго	54
III. ДОКТОРЪ ЦУМАГИНЪ. (Очеркъ).—Е. Емельянова	55
IV. СПРУТЬ. Калифорнскій романъ. Франка Норриса. Перев. съ англ.—А. Г. <i>Продолженіе</i>	107
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ив. Бунина	151
VI. НУЖДА. Этюдъ.—А. А. Луговаго	152
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Мирвичъ	188
VIII. ПРАВСТВЕННАЯ ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ВЛАСТЕЙ.—В. В. Ивановскаго	1
IX. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ И МЕТОДЪ ЕЯ ИЗУЧЕ- НІЯ.—Владимира Вагнера	19
X. ДОБРЫЕ ОБЫЧАИ И ПРАВЫ. (Изъ воспоминаній изслѣдо- вателя).—Ф. Щербины	36
XI. «ВОРЪ ОНЪ, А ВСЕ СПАСИБО ЕМУ,—ОТЪ НЕГО КОРМИМ- СЯ». (Набросокъ земскаго статистика).—С. Волкова	59
XII. О СУДЕБНЫХЪ ПОРЯДКАХЪ И АДВОКАТУРѢ ВЪ СОЕДИ- НЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. (Изъ личныхъ впечатлѣній).—А. С. Гольденвейзера	72
XIII. БОРЬБА СЪ УНИВЕРСАЛЬНЫМИ МАГАЗИНАМИ ВЪ ГЕР- МАНИИ.—М. Авсарнисова	84
XIV. КУРСКАЯ ВЫСТАВКА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.— Н. В. Тулупова	108
XV. ИЗЪ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ФИНСКАГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРА- ТУРЫ ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.—Проф. Э. Н. Сетеле. Перев. Р. С—на	127

Продолжается подписка на 1902 годъ

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ)

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Русская Мысль.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 июля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получить „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 25 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка не менѣе 2 р. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ влож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 к. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной, кв. № 9.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина, Крещатикъ,

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

„НОВАЯ БИБЛИОТЕКА“.

Издание редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой *Индю-Китая* и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безпл. народн. библ. и читальни, въ ученическія библіотеки низшихъ учебн. заведен. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна*. Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра*. Съ рисунками въ текстѣ. 170 стр. Ц. 30 к.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. *Съ картой*. 178 стр. Ц. 35 к. Допущ. въ безпл. нар. библ. и читальни.

Разказы Людвигъ Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сова мооргофда. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова*. 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бесѣды по школьной гигиенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго*. Съ рис. и таблицей диаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учит. сельскія библ. низш. учеб. зав.

Работство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Мин. Народ. Просв.

Исполнѣнъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ *Крутта*). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки.—Въ мастерской. *И. А. Данилина*.—Преступники. *П. Б. Хотымскаго*. 216 стр. Ц. 40 к.

Разказы. *Петра Розенера*. (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. *Съ картой*. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Башка. (Изъ разказовъ о погибшихъ гѣтахъ). 56 стр. Ц. 10 к.

А. И. Эртель. Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. 77 стр. Ц. 11 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячкова*. 91+IV стр. Ц. 16 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Съ рисунками. 200 стр. Ц. 50 к.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1902.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №, Пимен. ул., собств. д. гь.

1902.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВЪ ВОЕННОМЪ ГОСПИТАЛѢ.—П. В. Оболенскаго	1
II. СТИХОТВОРЕНИЕ.—В. Н. Ладыженскаго	54
III. ДОКТОРЪ ЦУМАБИНЪ. (Очеркъ).—Е. Емельянова	55
IV. СПРУТЬ. Калифорнскій романъ. Фрэнка Норриса. Перев. съ англ.—А. Г. <i>Продолженіе</i>	107
V. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Ив. Бунина	151
VI. НУЖДА. Этюдъ.—А. А. Луговаго	152
VII. СТИХОТВОРЕНИЕ.—В. Мировичъ	188
VIII. ПРАВСТВЕННАЯ ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ВЛАСТЕЙ.—В. В. Ивановскаго	1
IX. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ И МЕТОДЪ ЕЯ ИЗУЧЕ- НІЯ.—Владимира Вагнера	19
X. ДОБРЫЕ ОБЫЧАИ И ПРАВЫ. (Изъ воспоминаній изслѣдо- вателя).—Ф. Щербини	36
XI. «ВОРЪ ОНЪ, А ВСЕ СПАСИБО ЕМУ,—ОТЪ НЕГО БОРМИМ- СЯ». (Набросокъ земскаго статистика).—С. Волнова	59
XII. О СУДЕБНЫХЪ ПОРЯДКАХЪ И АДВОКАТУРѢ ВЪ СОЕДИ- НЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. (Изъ личныхъ впечатлѣній).—А. С. Гольдшейфера	72
XIII. БОРЬБА СЪ УНИВЕРСАЛЬНЫМИ МАГАЗИНАМИ ВЪ ГЕР- МАНИИ.—М. Авсаркисова	84
XIV. КУРСКАЯ ВЫСТАВКА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.— Н. В. Тулунова	108
XV. ИЗЪ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ФИНСКАГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРА- ТУРЫ ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.—Проф. Э. Н. Сетеле. Перев. Р. С—на	127

	Стр.
XVI. ТОТАЛИЗАТОРЪ И МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА. — А. Б.	142
XVII. ТЕМНОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ ГРУЗИИ. (Первый реалистическій романъ Чонкадзе «Сурамская крѣпость»).—А. С. Хаханова .	156
XVIII. ЗЕМСТВО И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕН- НОСТЬ.—В. Лица.	163
XIX. ЭТЮДЫ О ПОЗИТИВИЗМЪ.—В. А. Гольцева.	177
XX. ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.—В. Г.	196
XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Новый законъ о незаконнорож- денныхъ.—Объ устройствѣ средней школы на 1902—1903 учебный годъ.—Занятія комитетовъ о нуждахъ сельско-хо- зяйственной промышленности.—Проектируемая реорганизація санитарнаго и врачебнаго дѣла.—Изъ жизни провинціи. . .	200
XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	216
XXIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.— Философія.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы.— Искусство.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяй- ство.—Учебники.—Справочныя книги.—Изданія для наро- да.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1902 г.	247
XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

ВЪ ВОЕННОМЪ ГОСПИТАЛѢ.

Все пепель, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный...

А. Толстой. Иоаннъ Дамаскинъ.

I.

Госпитальная палата только что просыпалась.

Правда, лысый капитанъ давно уже сидѣлъ въ своей постели и курилъ десятую папиросу, такъ что совершенно исчезалъ въ облакѣ дыма; старикъ-чиновникъ тоже стоялъ уже съ часъ на молитвѣ и, держа въ лѣвой рукѣ образокъ, беззвучно шепталъ побѣлѣвшими губами слова молитвъ, совершая обычное утреннее стояніе. Но это были раннія птички: капитанъ плохо спалъ отъ кашля, старика рано поднимали мучительныя боли пузыря.

Безрукій докторъ только что проснулся и потянулся единственной лѣвой рукой въ ящикъ за папиросой. Однако набитыхъ не оказалось и приходилось дѣлать ихъ, а это была трудная для него операція. Онъ сѣлъ на койкѣ, защемилъ гильзу между двумя табачными коробками и сталъ насыпать ее мелкимъ табакомъ. Дѣло не ладилось: гильза то морщилась, то выпадала. Въ тому же докторъ, кажется, и плохо видѣлъ. Онъ таранилъ на гильзу бѣлки сильно выпуклыхъ и косыхъ глазъ и, чтобы уловить ее въ поле зрѣнія, то откидывался назадъ, то подавался впередъ, какъ это дѣлаютъ при чтеніи дальнозоркіе. Лысый капитанъ, сосѣдь по койкѣ, замѣтилъ его затрудненіе.

— Возьмите у меня, докторъ, кхе, кхе, готовую!

— Нѣтъ, благодарю! Я шамъ!

Безрукій докторъ—еврей и говорить по-русски неправильно и съ симъ нымъ акцентомъ.

— Вы дали бы, кхе, кхе, служителю набить! Вамъ самимъ трудно! —вновь говорить капитанъ.

Докторъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ, вообще, держится замкнуто

и угрюмо: самъ заговариваетъ рѣдко, на вопросы отвѣчаетъ односложно и неохотно; по цѣлымъ днямъ неподвижно лежитъ и курить. Сдѣлавъ кое-какъ папиросу, онъ закурилъ, повалился опять на койку и уперся разсѣяннымъ взглядомъ въ потолокъ, слѣдя за поднимавшимися вверхъ клубами дыма.

Молодой поручикъ-ревматикъ тоже проснулся. Раскрывъ глаза, онъ осторожно подвигалъ больной ногой, тихонько потянулся, зѣвнулъ, взглянулъ на часы и закурилъ, уставясь глазами въ одну точку. У него такая привычка: уставится куда-нибудь и пристально смотреть, не отводя глазъ и чуть мигая. Глаза у него круглые и необыкновенно свѣтлаго цвѣта, какъ у галки. Вчера онъ игралъ въ сосѣдней палатѣ, у кавалеровъ, въ карты, проигралъ рубль и теперь восстанавливалъ въ памяти обстоятельства игры и разбирался, кто въ этомъ виноватъ: партнеры ли, онъ ли самъ, или просто ему не везло.

Только отставной капитанъ-паралитикъ не подавалъ еще признаковъ жизни и спалъ крѣпкимъ сномъ. Онъ, вообще, большой соня, засыпаетъ скоро, просыпается неохотно и тяжело и спитъ крѣпко и долго.

Окончивъ свою молитву, старикъ-чиновникъ приложился къ образу, повѣсилъ его надъ изголовіемъ койки и пошелъ поздороваться съ проснувшимися обитателями палаты. Онъ дѣлалъ это неизмѣнно каждое утро и всегда одинаково внимательно и вѣжливо, какъ будто только что познакомился съ ними. Это былъ послѣдній актъ въ обрядѣ его вставанія, все прочее онъ уже сдѣлалъ: умылся, причесался и помолился Богу. Онъ одинъ въ палатѣ держался этого порядка; прочіе вели себя безалаберно: подолгу валялись въ постели, съ заспанными лицами пили чай и часто шли умываться только послѣ утренней визитаци.

— Съ добрымъ утромъ! Какъ почивали?—сказалъ старикъ-чиновникъ, подходя къ лысому капитану, который продолжалъ ожесточенно курить.

— Доброе утро, кхе, кхе! Благодарю, все кашель беспокоитъ!

Голосъ у капитана и хриплый, и сильный, и страннаго тембра: словно фэготь. И говорить онъ, постоянно покашливая: скажетъ два слова и кашлянетъ. Черепъ у него совершенно голый, длинное сморщенное лицо безъ всякихъ признаковъ растительности. Онъ давнѣе уже проснулся, но и не думаетъ одѣваться: сидитъ и курить.

— Какъ вы поспали? кхе, кхе!—спрашиваетъ онъ въ свою очередь старика.

— Гдѣ ужъ! И не помню какъ спать! Всю ночь промаялся, ч...

су не заснулъ подъ рядъ. Видно, самъ Богъ внушаетъ!...—отвѣтилъ старикъ, пристально смотря передъ собою, и пожевалъ въ раздумьи блѣдными губами. Лицо у него прозрачное, бѣлаго, молочнаго цвѣта, и сѣдые волосы головы и бороды придаютъ ему неприятный видъ безжизненной, мѣловой маски. Только сѣрые глаза подъ сѣдыми бровями свѣтятся мягкимъ свѣтомъ и немного оживляютъ его.—Что-жь?—продолжалъ онъ, начиная опять жевать.—Доктора худого не посоветуютъ! Теперь, говорятъ, эта операція пустая, не то, что прежде! Одно вотъ... дѣта мои! Вотъ, посоветуюсь съ семьей!...

— Ну, дай Богъ, дай Богъ!—сказалъ капитанъ и началъ натягивать халатъ.

— Вотъ, счастличикъ-то! — указалъ ему старикъ на сладко спавшаго паралитика. — Ишь, похрапываетъ! Только я не завидую. Тоже—такая жизнь!... Не дай Богъ никому!

И онъ направился къ безрукому доктору.

— Доброе утро, докторъ! Какъ почивали?

— Ждрантъуйте!—односложно отвѣтилъ докторъ и протянулъ старику свою единственную руку, маленькую и костлявую, какъ куринная нога.

— Позвольте присѣсть у васъ?—продолжалъ старикъ.

Докторъ неохотно подвинулся, и чиновникъ осторожно присѣлъ на край койки, запахивая свой бѣлый халатъ. Онъ хочетъ поговорить съ нимъ. Въ палатѣ нѣтъ на доктора одного взгляда. Одни говорятъ, что онъ—сумасшедшій, другіе—что таковымъ прикидывается. Точно также не могутъ придти къ соглашенію и относительно того, упалъ онъ съ поѣзда или бросился подъ него. Пять мѣсяцевъ тому назадъ его привезли сюда всего въ крови съ отрѣзанной поѣздомъ правой рукою. Онъ перевелся и ѣхалъ въ восточную Сибирь, когда случилось съ нимъ это несчастіе. Ему сдѣлали операцію, рана давно зажила, ничѣмъ другимъ боленъ онъ не былъ, но онъ упрямо сидитъ въ госпиталѣ и не думаетъ выписываться. По цѣлымъ днямъ лежитъ онъ на койкѣ, уставившись глазами куда-нибудь въ уголъ, а въ послѣднее время совсѣмъ пересталъ ѣсть и отвѣчаетъ странностями, когда его вызываютъ на разговоръ. Недавно старикъ-чиновникъ спросилъ его, какъ можетъ онъ такъ долго ничего не ѣсть.

— И какъ могу я кушать, —сказалъ докторъ, —когда въ желудкѣ у меня камень! Понимаете? Камень! Ни взадъ, ни впередъ. До сихъ поръ!—И докторъ указалъ на свой сильно выпертый кадыкъ.—Если я въ кому глотокъ чаю, онъ дальше горла не пойдетъ: выльется назадъ! Буда-жь я могу кушать? Понимаете?

«Понимаете» докторъ всегда выкрикиваетъ съ азартомъ и на рас-

гбѣвъ. Лицо у него птичье: маленькое, худое, съ небольшимъ горбатымъ носомъ и съ лохматыми, свисающими въ видѣ прядей, волосами. И когда онъ выкрикиваетъ свое «понимаете», то очень напоминаетъ искалѣченную хищную пичужку, встревоженную приближеніемъ врага и яростно кидющуюся ему навстрѣчу. Видя его необщительный и непривѣтливый нравъ, старикъ вмѣстѣ съ прочими больными оставилъ было его въ покоѣ и пересталъ заговаривать съ нимъ, ограничиваясь пожеланіями «добраго утра» и «покойной ночи»; но теперь онъ хотѣлъ поговорить о дѣлѣ, близко касавшемся доктора. Госпитальное начальство второй уже мѣсяцъ выживаетъ доктора изъ госпиталя, медицинское—требуется, чтобы онъ подавалъ въ отставку; но онъ не слушаетъ ни того, ни другого и упрямо сидитъ въ госпиталѣ, не посвящая никого въ свои намѣренія. Старикъ не одобряетъ такого поведенія и боится, что оно можетъ для доктора кончиться дурно. И онъ хочетъ сдѣлать попытку убѣдить его покориться начальству. Онъ пробовалъ заговаривать объ этомъ и ранѣе, но докторъ все отмалчивался.

— Ну, что-жъ, докторъ, надумали?—вполголоса началъ старикъ.

— Что? о чемъ?—нетерпѣливо отозвался безрукій, тараща бѣлки глазъ.

— Насчетъ отставки-то! Смотрите, не вышло бы худо! Вѣдь, начальство, оно доброе, дурного вамъ не пожелаетъ. Требуется, значить надо покориться!

Докторъ нетерпѣливо заерзалъ на койкѣ. Онъ не проситъ совѣтовъ и самъ знаетъ свое положеніе. Куда-жъ онъ пойдетъ изъ госпиталя и чѣмъ будетъ существовать въ отставку? Пенсія онъ не выслужилъ, практиковать безъ руки не можетъ, своихъ средствъ къ жизни не имѣетъ. Полученное имъ увѣчье не даетъ ему права на пенсію по сокращенному сроку. Вотъ, еслибъ онъ ослѣпъ или сошелъ съ ума!

— Вотъ и начальникъ госпиталя какой уже разъ говорить, что надо выписываться!—продолжалъ убѣждать старикъ.—Вѣдь, онъ—генераль, власть имѣетъ, а просить; значить, деликатный человекъ. Какъ же не уважить такого начальника?

— Ну, и куда-жъ я пойду изъ госпиталя, когда у меня к' ть наружу? Вы понимаете?—сердито выкрикнулъ докторъ.

Когда докторъ сердится, худое лицо его дергается, и въ интонаціи слышится азартъ торговца, выкрикивающего на рынкѣ свой чюварь.

— Какая кость?—въ недоумѣніи спросилъ старикъ.

II.

Утренний чай пился въ восемь часовъ и подавался палатнымъ служителемъ - солдатомъ, по фамиліи Поповъ. Солдатъ былъ собственно чистокровный татаринъ, и совершенно неизвѣстно, кто и почему далъ ему русскую фамилію и произвелъ такимъ образомъ въ русскіе: по-русски онъ даже съ трудомъ говорилъ, хоть и все понималъ. Это былъ худой малый съ блѣднымъ и озабоченнымъ, но постоянно улыбающимся лицомъ, и такой шустрый, что въ самое короткое время ухитрялся удовлетворить всѣхъ обитателей палаты. Дѣлъ у него всегда было по горло, и сбывая съ рукъ одно, онъ зналъ, что его ожидаетъ еще десять, а потому вѣчно спѣшилъ и не ходилъ, а бѣгалъ. Онъ неизмѣнно являлся на всѣ звонки, подаваемые изъ палаты, приносилъ чай, разносилъ обѣдъ и ужинъ и разъ пять въ теченіе дня набѣгалъ въ палату съ половой щеткой и тряпкой и принимался мести ее, натирать и вытирать полъ, сдуть пыль и, вообще, наводить чистоту. Дѣлалъ онъ все быстро. Являясь въ палату на зовъ больныхъ, онъ переносился отъ одной койки къ другой, съ неизмѣнной улыбкой выслушивалъ приказанія, всѣмъ говорилъ: «чичасъ!» и дѣйствительно дѣлалъ сейчасъ все, что было въ его силахъ. Такъ и теперь. Въ какія-нибудь пять минутъ онъ разнесъ всѣмъ больнымъ чайную посуду, подалъ по чайнику съ кивкомъ и подошелъ затѣмъ къ чиновнику.

— Капитана будить надо, ваше высокогородіе! Докторъ скоро пришла!—сказалъ онъ и указалъ на паралитика, продолжавшаго сладко спать.

Въ затруднительныхъ случаяхъ Поповъ всегда обращался къ старику: его года, болѣзнь и обращеніе внушали ему большое уваженіе.

— Буди, буди! Довольно ему спать, чай проспится!—сказалъ старикъ.

Поповъ подошелъ къ сонливцу и осторожно сталъ его будить.

— Ставать пора, ваше высокогородіе! Ставай!

Поповъ всѣмъ говорилъ «ты».

Капитанъ открылъ глаза и сдѣлалъ рѣзкое движеніе, чтобы помяться. Быть можетъ, въ грезахъ сладкаго сна онъ только что видѣлъ себя молодымъ и здоровымъ; но парализованное тѣло напомнило ему горькую дѣйствительность, и онъ сморщилъ свое старое лицо и началъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, чтобъ разломаться и выйти изъ оцѣпенѣлаго состоянія, въ которое всегда погружалъ его сонъ. Это былъ всегдашній его приемъ пробужденія, и стоилъ онъ ему, вѣроятно, не мало страданій, потому что капитанъ вряхтѣлъ,

морщился, таращилъ глаза и даже стоналъ. Но вотъ онъ собрался съ силами, сѣлъ на постели, обвелъ палату тусклыми, сонными еще глазами и, понавъ ногами въ туфли, всталъ и пошелъ въ коридоръ умываться. Ходилъ онъ правымъ бокомъ впередъ, тяжело выдвигая парализованную ногу и шумно шмыгая туфлями. Скоро онъ сдѣлалъ свой несложный туалетъ и вернулся въ палату, расчесывая на ходу густые, сѣдые волосы и небольшую сѣдую же бородку.

— Доброе утро, капитанъ!

— Здравствуйте, капитанъ!

— Мое почтеніе, капитанъ!—послышалось со всѣхъ коекъ по мѣрѣ того, какъ паралитикъ подвигался впередъ.

— У-ту-ту! У-ту-ту!—отвѣчалъ онъ, раскланиваясь поочередно по направленію привѣтствій.

Это были единственные членораздѣльные звуки, которые капитанъ могъ выговаривать, и бѣдность своего словаря онъ восполнялъ богатой мимикой и жестикуляціей, которыя и давали ему возможность поддерживать общеніе съ людьми и заявлять свои несложныя желанія. Впрочемъ, онъ былъ мало общителенъ и держался замкнуто: долгое калѣчество сдѣлало его мизантропомъ, а сильныя головныя боли заставляли тяготиться жизнью. И терпѣливо дожидаясь смерти, какъ избавленія, онъ большую часть сутокъ отдавалъ сну, поднимаясь съ койки крайне неохотно и только тогда, когда это требовалось порядками госпитальнаго дня.

Утренній чай пился медленно и тянулся вплоть до утренней визитаціи. Спѣшить было некуда: въ пору только скоротать и чѣмъ-нибудь наполнить томительные, однообразные часы длиннаго госпитальнаго дня. И стаканы наливались, и стлыи, а больные сидѣли, помѣшпивали въ нихъ ложечками и лѣниво курили, изрѣдка обмѣниваясь короткими, незначущими фразами. По утрамъ какъ-то не хотѣлось ни пить, ни говорить.

Бъ концу чаепитія вошелъ въ палату фельдшеръ. Это былъ молодой, щеголевато одѣтый кандидатъ съ красивымъ лицомъ и такимъ меланхолическимъ взглядомъ, какъ будто душу его тяготила кака-нибудь страшная тайна или на совѣсти лежало тяжкое преступленіе. Съ поочередно обошелъ всѣхъ больныхъ, осматривая и приводя въ порядокъ ихъ лѣкарства и листики болѣзней.

— А сегодня у насъ опять новый ординаторъ! — сказалъ онъ въ нимъ-то расслабленнымъ голосомъ, обращаясь къ Ильѣ Васильеву.

— Что вы?—сказалъ старикъ.—Вотъ не везетъ намъ на докто-

ровъ! Только начнемъ привыкать къ одному, глядь, ужъ его нѣтъ, уже другой. Кто такой?

— Моисеевъ! — отвѣтилъ фельдшеръ. — Сердитый, крикунъ! А ужъ голосъ какой! У насъ въ школѣ звали его «ерихонской трубой».

— Моисеевъ? Не знаю, не слыхалъ! — въ раздумьи сказалъ старикъ. — Изъ молодыхъ?

— Да, молодой. Былъ сперва въ третьей палатѣ.

Вошелъ Поповъ съ дорожной корзиной въ рукахъ.

— Нова больной! — сказалъ онъ съ улыбкой и поставилъ свою ношу у койки.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ въ палату молодой пѣхотный офицеръ, высокій и худой, съ измученнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ синими кругами подъ глазами. На поношенномъ сюртукѣ, въ который онъ былъ одѣтъ, рѣзко бросался въ глаза новый академическій значокъ, въ правой рукѣ была палка, на которую онъ слегка опирался. Онъ остановился у первой койки отъ входа и съ усталымъ видомъ присѣлъ на нее. Поповъ поднесъ къ нему его корзину.

— Здѣсь, ваше благородіе, будешь? — спросилъ онъ.

— Хоть здѣсь!

— Можетъ, чаю угодно?

— Дай, если можно!

— Чичасъ!

Новоприбывшій разстегнулъ было двѣ пуговицы сюртука и съ поудобнѣе, намѣреваясь отдохнуть, но вдругъ спохватился, всталъ и пошелъ представиться больнымъ. Онъ подходилъ къ каждому, кланялся, называлъ свою фамилію и послѣ рукопожатія шелъ далѣе. Поручикъ обошелся съ нимъ сухо. «Эти академики такъ задираютъ носъ! Подумаешь еще, что честь дѣлаетъ своимъ знакомствомъ!» — подумалъ онъ. И сунулъ ему руку, не взглянувъ на него, желая тѣмъ показать, что академическій знакъ для него не новость и не будетъ имѣть никакого значенія въ ихъ будущемъ знакомствѣ. Зато старикъ чиновникъ встрѣтилъ его особенно ласково и даже задержалъ немного.

— Вы изъ Курска? — спросилъ онъ, удерживая его руку въ своей.

— Да.

— То-то, я вижу, билетъ на корзинѣ. Родина моя! Очень гѣтно познакомиться и поговорить.

— Къ вашимъ услугамъ! — просто сказалъ академикъ. — Позвольте только немного отдохнуть: ночь не спалъ въ вагонѣ!

И онъ присѣлъ къ своему столу, вынулъ изъ кармана папье газету и погрузился въ чтеніе, прихлебывая въ то же время чаю.

III.

Въ половинѣ десятаго явился ординаторъ, новый ординаторъ, котораго ни одинъ больной не зналъ и который самъ никого изъ нихъ не зналъ. Это былъ высокій, пышущій здоровьемъ мужчина лѣтъ тридцати, съ широкими плечами, съ могучей грудью, съ полнымъ, краснымъ лицомъ.

— Здравствуйте, господа! Я къ вамъ на время. Позвольте познакомиться: Мойсеевъ!

Голосъ у него, дѣйствительно, былъ феноменальный, и докторъ не умѣлъ имъ владѣть, да и, видимо, слегка кокетничалъ. Онъ старался говорить вполголоса; но его «здравствуйте, господа!» могучей волной пронеслось изъ одного конца высокой палаты въ другой и, какъ бы не помѣстившись въ ней, вылетѣло въ широкій коридоръ и отдалось гулкимъ эхо въ дальнемъ концѣ его. Мойсеевъ прежде всего подошелъ къ академику.

— Ну, что у васъ, батюшка? Вы, кажется, только что прибыли?—спросилъ онъ, оглядывая его корзину и сюртукъ.

— Только сейчасъ прибылъ, докторъ.

— Что-жъ у васъ такое? Что вы такой блѣдный! Плохо спали?

— У меня находятъ *tabes dorsalis*, докторъ!—слегка дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ академикъ.

— Что такое?—крикнулъ докторъ такъ, что стоявшій невдалекѣ меланхоликъ-фельдшеръ сильно вздрогнулъ отъ неожиданности.—*Tabes dorsalis*? Да сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать восемь!

— Не бываетъ!—рѣшительно сказалъ докторъ такъ же громко.

Онъ всегда забывалъ сдерживаться, когда немного горячился.

— То-есть бываетъ, видите, только при исключительномъ счастьѣ, какое нужно, наприимѣръ, для того, чтобы сломать на ровномъ мѣстѣ ногу. Я не вѣрю. Да! Ну, а тамъ посмотримъ. Отдохните пока съ дороги, сегодня я не буду васъ мучить. До завтра!

И онъ подошелъ къ лысому капитану.

— Ну, что же у васъ такое съ горломъ?—спросилъ онъ, читая дощечку надъ его койкой.—Покажите!

— Голосъ пропалъ, докторъ!—сказалъ капитанъ, отрывая беззвучно ротъ.

— Не хотите ли у меня половину взять? А то на меня всѣ въ п. госпиталѣ, знаете: дѣти пугаются и визжать, барышни и дамы ахаютъ, даже фельдшера боятся, на что ужъ племя безпардонное!—добродушно шутилъ докторъ, изслѣдуя капитанскую гортань.—Ну,

что-жь, мажете и полоскаете?—продолжалъ онъ, осматривая его лѣкарства.—Помогаетъ немного? Ну, и продолжайте! Что вы такъ рано облысьли? Тифъ былъ?

— Нѣтъ, не тифъ, кхе, кхе!

— Можеть, рожа головы?

— Нѣтъ, кхе, кхе, и не рожа! — и лысый капитанъ слегка замялся.

Докторъ, кажется, догадался, въ чемъ дѣло, и пошелъ далѣе.

— Ну, что, коллега, какъ дѣла?—обратился онъ къ безрукому. Онъ зналъ его исторію и чувствовалъ себя теперь въ роли ординатора неловко: помочь ему онъ ничѣмъ не можеть, дѣйствовать въ духъ начальства, то-есть гнать изъ госпиталя, не хочеть, а отнестись формально не позволяетъ совѣсть. Впрочемъ, вѣдь, онъ—на время; какъ-нибудь обойдется.

— Я прошу опвидѣтельствовать меня!—сказалъ безрукій.—Я ничего не вижу. Посмотрите мои глаза!...

— Да вы просили свое начальство-то?—спросилъ Моисеевъ

— У меня нѣтъ начальства!

— Какъ такъ?

— Такъ!—И онъ объяснилъ. Старое начальство, отправивъ его въ Сибирь, не хочеть его болѣе знать, а новое, въ восточной Сибири, полагаетъ его въ ожиданіи и не имѣеть о немъ никакого понятія. Бъ кому-жь ему обратиться? Не въ Сибирь же посылать просьбу объ освидѣтельствваніи?

— Госпитальное начальство попросите, главнаго врача!—сказалъ Моисеевъ.

— Я просилъ. Отказываетъ.

— Тогда обратитесь къ начальнику госпиталя!—и не дожидаясь отвѣта, онъ пошелъ далѣе.

— Ну, у васъ что, батенька? Сочленовный ревматизмъ?—обратился онъ къ поручику-ревматику. — Массируютъ? Покрикиваете? Ничего не подѣлаешь: болѣзнь мучаетъ, а лѣченіе—вдвое. Поѣзжайте на грязи, вотъ это будетъ настоящее лѣченіе! Спать-то даетъ?

— Сплю съ грѣхомъ пополамъ.

— Ну, и на томъ спасибо!

— Что это вы такой бѣлый? Что съ вами?—обратился онъ къ старику-чиновнику, который всталъ ему навстрѣчу и вѣжливо вѣнялся. Старикъ былъ, вообще, до крайности учтивъ со всѣми и очень страдалъ, когда въ палатѣ выходила какая-нибудь непріятность. Это былъ самый убѣжденный приверженецъ порядка, долга и чиновничанія. И это сквозило въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи,

и при его преклонныхъ лѣтахъ и мучительной болѣзни непобѣдимо располагало къ нему всѣхъ. Онъ сталъ объяснять врачу свое положеніе. Отслужилъ тридцать пять лѣтъ, хотѣлъ подавать въ отставку, чтобы послѣдніе годы скоротать съ семьей у себя на хуторѣ въ Малороссіи, а тутъ вотъ замѣшалась эта болѣзнь. Хирургъ не можетъ опредѣлить точно, что у него такое, но совѣтуетъ операцію. Онъ рѣшилъ уже согласиться. Вотъ, посовѣтуется съ семьей... Докторъ внимательно выслушалъ.

— Голубчикъ мой!—загремѣлъ онъ во все горло, такъ что старикъ вздрогнулъ и усиленно зажевалъ губами.—Вамъ сколько лѣтъ? Шестьдесятъ? Хотите послушать добраго совѣта? Забудьте вы объ операціи, бѣгите изъ госпиталя, бросайте поскорѣ службу и поѣзжайте въ свой хуторъ. Лучше этого лѣченія для васъ не можетъ быть. Тамъ, на свѣжемъ воздухѣ родины, Богъ дастъ, такъ отгуляетесь, что черезъ два мѣсяца сами себя не узнаете. А операція, хотя бы и самая пустая, всегда связана съ рискомъ. Зачѣмъ же вы будете подвергать себя ему, когда еще и неизвѣстно толкомъ, что у васъ такое? Право, такъ! Послушайте меня. Отъ сердца говорю!— и онъ пожалъ старику руку и ушелъ изъ палаты, оставивъ у всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе.

IV.

Между утренней визитаціей и обѣдомъ, подававшимся въ двѣнадцать съ половиною часовъ, происходило одно событіе, котораго всѣ больные ожидали съ одинаковымъ нетерпѣніемъ: разноска газеты. Въ монотонной, размѣренной и однообразной жизни госпиталя газета представляла развлеченіе, котораго хватало на цѣлые часы, такъ какъ читалась она изъ доски въ доску, не исключая и объявленій. Къ тому же газеты нарочно брались разныя, что давало возможность мѣняться и тѣмъ искусственно увеличивать матеріалъ для чтенія. Газеты приносила баба Федосья. Почему баба и почему именно такая баба, какъ Федосья, никто не могъ бы сказать. Федосья была настоящая деревенская баба, одѣтая по-деревенски, ходившая по-деревенски, тяжело стуча неуклюжими ботами, вланыяшаяся и разговаривавшая по-деревенски. Она разносила газеты уже много лѣтъ, никто не перебывалъ у нея этой коммерціи, и однако она входила каждый разъ въ госпиталь съ такимъ видомъ, какъ будто опасалась, что, вотъ, сейчасъ газеты у нея отберутъ, деньги отнимутъ, а ее шлебнутъ или куда-нибудь посадятъ. И она выжидала, когда можно было юркнуть въ госпиталь незамѣтно, тихонько кралась по длин-

нымъ коридорамъ его, робко пряталась въ его углахъ при малѣйшей тревогѣ, а пишу газетъ, какъ контрабанду, прикрывала фартугомъ и при этомъ постоянно озиралась во все стороны. Особенно боялась она главнаго врача, хоть онъ не сказалъ съ нею ни слова, да и не видѣлъ ея, кажется, ни разу. Но что всего удивительнѣе, Федосья, хотя была неграмотна, безошибочно различала все газеты и отлично помнила, кто что заказываетъ.

— Какъ это ты, Федосья, узнаешь газеты?—спросить ее какой-нибудь больной.—Ишь, сколько ихъ у тебя!

А Федосья станетъ бокомъ и, не глядя на спрашивающаго, отвѣчаетъ:

— Да развѣ мнѣ впервой! Ишь на ней какъ намазано-то! А на другой—по другому!—указываетъ она на заголовки газетъ и, не задерживаясь, идетъ далѣе.

Газеты она всегда разносила молча; подойдетъ, вынетъ изъ-подъ фартука и подастъ; а нѣтъ больного, — положить на койку и идти далѣе. Пустыя койки она даже предпочитала: иной больной о чемъ-нибудь заговорить, надо отвѣчать, а она боится госпиталя и норовитъ поскорѣе выбраться изъ него.

Другой чертой Федосьи была крайняя довѣрчивость и покладливость при расчетахъ. Заплатить ей больной сейчасъ или черезъ мѣсяцъ, ей все равно. Она отлично помнила сколько за кѣмъ денегъ, но когда съ ней хотѣли разсчитаться и спрашивали, сколько ей слѣдуетъ, всегда отвѣчала:

— Сами, небось, знаете, сколько!

— Я-то знаю, да по твоему-то сколько?

— А что по вашему, что по моему, все одно. Что нужно, то и давайте!

— А если я забылъ, сколько, да заплачу тебѣ меньше?

— Одинъ баринъ дастъ меньше, другой—передастъ, вотъ я и права!—отвѣчаетъ Федосья.

Обыкновенно, Федосья появлялась около одиннадцати. Съ особеннымъ нетерпѣнiемъ ожидалъ этого часа старикъ-чиновникъ. Въ газетѣ, которую онъ читалъ, печатался длинный историческiй романъ, главнымъ героемъ котораго являлся гетманъ Мазепа. Романъ былъ сильно насыщенъ малороссiйской рѣчью, и Илья Васильевичъ, какъ ярый хохоль, отъ души восхищался имъ.

— Что-то Федосья сегодня запоздала!—озабоченно говорилъ съ лысому капитану, поглядывая на часы.

— Да! — звучитъ въ отвѣтъ фаготъ капитана. — Двѣнадцать часовъ, кхе, кхе! Пора бы!

Капитанъ тоже интересуется газетами, но въ другомъ отношеніи. Онъ внимательно просматриваетъ объявленія и вырѣзаетъ или выписываетъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ трактуется о средствахъ для рощенія волосъ. Онъ не теряетъ еще надежды вернуть свои волосы. Впрочемъ, это его маленькая тайна, которую онъ тщательно оберегаетъ.

— Лавный врачъ!—торопливо и нѣсколько сдавленнымъ голосомъ возвѣщаетъ Поповъ, вбѣгая въ палату. Видъ у него тревожный, улыбка—неувѣренная. Онъ быстро оглядывается, все ли въ порядкѣ, и исчезаетъ.

Извѣстіе произвело впечатлѣніе. Чиновникъ старательно запахнулъ халатъ и причесалъ щеткой волосы и бороду, лысый капитанъ откашлялся, какъ будто готовился сказать врачу привѣтственную рѣчь, паралитикъ, страдавшій насморкомъ, сталъ громко сморкаться, а безрукій докторъ измѣнилъ лежачее положеніе на сидячее. Только академикъ не повелъ бровью и продолжалъ читать газету, да поручикъ продолжалъ набивать папиросы, поглядывая кругомъ съ вызывающимъ видомъ, который долженъ былъ показать, что ему не страшна и сотня главныхъ врачей. Но, вотъ, въ коридорѣ послышались шумъ сдержаннаго говора и топтанье ногъ, и главный врачъ въ сопровожденіи фельдшера и «іерихонской трубы» появился. Онъ, именно, не вошелъ, а появился. «Чисто статуя командора!»—подумалъ академикъ, быстро взглянувъ на него изъ-за газеты. Ему не понравился переполохъ, произведенный появленіемъ врача. Что-жъ такое, что главный врачъ! Если это и начальство, то развѣ для докторовъ и, ужъ во всякомъ случаѣ, не для больныхъ! Однако онъ долженъ былъ сознаться, что внѣшность главнаго врача, дѣйствительно, была очень внушительна, внушительна даже сама по себѣ, независимо отъ намѣренія «внушить», которымъ вѣяло отъ всей его фигуры и обращенія. Это былъ настоящій генералъ,—неприступный, суровый и грозный. Высокій, сутуловатый и сухой, съ болтающимся на шеѣ анненскимъ крестомъ, съ кривымъ костылемъ въ рукѣ, онъ величественно выступалъ, слегка шмыгая ногами. На видъ ему было лѣтъ шестьдесятъ. Длинное, землистаго цвѣта лицо съ дѣтскими носомъ и мефистофельской сѣдой бородкой носили рѣзкій отпечатокъ строгости и непреклонности. Особенно сурово смотрѣли поверхъ очковъ большіе, сѣрые глаза. Казалось, онъ зналъ ихъ силу и все время упрямо сверкалъ ими исподлобья.

Бойка академика находилась около самой двери, и онъ всталъ при появленіи врача, думая, что онъ подойдетъ къ нему первому, и поклонился. Но врачъ сурово и неприязненно скользнулъ по нему

взглядомъ, грубо отвернулся и прошелъ мимо, направляясь сому капитану.

Что-то пробѣжало по утомленному лицу академика, и часъ сѣлъ на койку и взялся за газету, показывая видъ, что тельно читаетъ. «Такъ ихъ и надо, академиковъ!»—подум чинъ, наблюдая эту сцену. Но когда академикъ сѣлъ, онъ же подумалъ: «Однако, этотъ тоже спуску не дастъ!»

А главный врачъ съ ординаторомъ справа и фельдшеромъ холникомъ сзади уже остановился у койки капитана, который и кланялся.

— Не растутъ?—кивнулъ онъ на совершенно лысу капитана. Это была шутка, рѣдная въ устахъ суроваго врача тому ее слѣдовало цѣнить.

— Не растутъ, ваше превосходительство!—отвѣтилъ улыбаясь и показывая беззубый ротъ.

— И не вырастутъ!—авторитетно сказалъ врачъ.

— Мажете?—обратился онъ къ ординатору.

— Мажемъ!—сдерживая голосъ, отвѣтилъ тотъ.

Рѣчь шла на этотъ разъ о горлѣ капитана, а не о лыс

Подшли къ безрукому, который стоялъ у койки съ правымъ рукавомъ и лѣвой рукой за поясомъ халата.

— Ну?—спросилъ рѣзко главный врачъ.

— Прошу назначить комиссію...

— Выписать! Сегодня же! Слышали?—обратился онъ ординатору.

— Слушаю!—вполголоса отвѣтилъ тотъ и поникъ головой. Приказаніе, впрочемъ, отдавалось уже какую недѣлю, но тотъ никакихъ не имѣло: безрукій докторъ не выписывался.

Старикъ-чиновникъ особенно почтительно и низко раскланялся, когда къ нему подошелъ грозный врачъ.

— Ну, что? Видѣли хирурга, говорили?

— Видѣлъ, ваше превосходительство, говорилъ.

— Ну?

— Совѣтуетъ операцию, ваше превосходительство!

— Совѣтуетъ!—протянулъ врачъ, значительно раскрывъ ротъ, словно озадаченный тѣмъ, что слышитъ.

— Думаю согласиться, ваше превосходительство!—сказалъ старикъ, добавивъ съ торжественностью судьбѣ прибавилъ старикъ.

Что-то мелькнуло на суровомъ лицѣ доктора, быстрое и живое,—какъ движеніе неожиданной мысли или желанія. Ему хотѣлось что-то сказать старику, сообщить свой взглядъ

положеніе, подать совѣтъ или предостеречь противъ совѣта хирурга. Но словно досадуя на неумѣстный порывъ, онъ рѣзко повернулся, сунулъ больному руку и пошелъ прочь, не сказавъ ни слова.

Остановились у поручика-ревматика. У него съ докторомъ были особыя отношенія. Поручикъ находилъ, что докторъ очень разыгрываетъ генерала и объявилъ ему негласную войну. На-дняхъ еще онъ торжественно далъ слово передъ всей палатой никогда не говорить врачу «ваше превосходительство». Чиновникъ пробовалъ его уговаривать и усовѣщевать. — «Ну, чего вы обижаете старика! Любитъ онъ свой титулъ, и побалуйте его! Что вамъ стоитъ! И разговоръ выходитъ красивѣе, когда къ слову прибавляется «ваше превосходительство». — «Не могу, Илья Васильевичъ, ей-Богу не могу! — отвѣчалъ упрямый поручикъ. — Вамъ бы съ удовольствіемъ говорилъ, а ему не могу: очень важничаетъ! И вставать передъ нимъ не буду, хоть бы и могъ. Пусть видитъ, что онъ мнѣ не начальство».

А главный врачъ, словно угадавъ его злостный умыселъ, почувствовалъ къ нему особенное нерасположеніе и обращался съ нимъ особенно сурово. Объясненія ихъ выходили всегда односложны и рѣзки и носили явно-непріязненный характеръ. Старикъ-чиновникъ во время этихъ бесѣдъ жестоко страдалъ. Онъ становился навывтяжку у своей койки и время отъ времени шепталъ что-то своими блѣдными губами. Если прислушаться, то можно было бы разобратъ, что онъ шепчетъ за поручика титулъ «ваше превосходительство» въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его расчету, необходимо было вставлять его. Но упрямый поручикъ не слушалъ услужливаго суфлера и велъ свою линію.

Согласно обѣту поручикъ не всталъ при приближеніи врача и продолжалъ лежать, какъ будто невѣсть какъ былъ боленъ. Присутствіе академика, котораго только что обрѣзалъ врачъ, не обративъ вниманія на его поклонъ, подзадоривало его, и онъ особенно хотѣлъ щегольнуть своей независимостью. Однако, мужество слегка измѣнилось ему въ послѣдній моментъ, и онъ позорно спряталъ въ ящикъ папирсы, которыя набивалъ, — платя этимъ дань невольному страху передъ докторомъ.

— Ну, что? — спросилъ врачъ.

— Ничего! — отвѣтилъ поручикъ и упёрся неподвижнымъ взглядомъ въ его носъ.

— Болитъ? — спросилъ докторъ.

— Болитъ! — отвѣтилъ поручикъ.

— «Ваше превосходительство!» — шепталъ старикъ.

— Массируютъ? — спросилъ докторъ.

— Массируютъ!—отвѣтилъ поручикъ.

— «Ваше превосходительство!»—подавалъ опять старикъ.

— Покажите!

Поручикъ обнажилъ опухшій колѣнный суставъ, и главный врачъ, взглянувъ на него, направился къ паралитику.

Тотъ стоялъ у койки.

— У-ту-ту?—спросилъ врачъ, и что-то вродѣ улыбки пробѣжало по его суровому лицу.

— У-ту-ту!—отвѣтилъ старикъ. Это былъ какъ бы лозунгъ, которымъ они обмѣнялись, чтобы показать, что знаютъ другъ друга.

— Когда же говорить начнемъ?

— Э!—отвѣтилъ старикъ и сморщился и затрясъ головой.

— Учиться надо!—продолжалъ шутить врачъ.

— Э!—трясъ головою старикъ.

— Слѣдующій разъ займусь съ вами! И, пожавъ паралитику руку, врачъ направился къ выходу. Поручикъ впился глазами въ него и академика, замирая отъ ожиданія предстоящей между ними сцены. Академика съ перваго взгляда онъ встрѣтилъ враждебно, предполагая въ немъ гордеца; но его поведеніе въ этотъ моментъ должно было окончательно рѣшить, будетъ его уважать поручикъ или нѣтъ.

Врачъ поравнялся уже съ койкой академика, а тотъ сидѣлъ и читалъ газету, не обращая на него никакого вниманія.

— Откуда?—сурово спросилъ врачъ, останавливаясь передъ нимъ.

Академикъ продолжалъ читать.

— Откуда прибыли?—опять спросилъ врачъ.

Тотъ не спѣша отложилъ газету.

— Вы говорите со мной?—спросилъ онъ, какъ бы выходя изъ глубокой задумчивости и продолжая съ независимымъ видомъ сидѣть.

— Ну, да! съ вами!—отрывисто сказалъ врачъ.

— Изъ Курска, — отвѣтилъ академикъ, закидывая не спѣша нога на ногу.

— Молодчина!—одобрилъ про себя поручикъ.

— Какая болѣзнь?—спросилъ врачъ сердито.

— У кого?—спросилъ опять академикъ, продолжая вытягивать его на личное мѣстоимѣніе.

— Ну, у васъ!—вскричалъ уже докторъ.

— Ноги болятъ, а какая болѣзнь — не знаю: это дѣло врачъ — слышался отвѣтъ.

— Вотъ это я понимаю!—подумалъ поручикъ.

Зато старикъ-чиновникъ жестоко страдалъ. Продолжая стоя на

вытяжку у своей койки, онъ началъ было по привычкѣ суфлировать академику: «ваше превосходительство», но сейчасъ же спохватился. Такихъ отвѣтовъ не можетъ скрасить и титулъ. «И что это за молодежь? Этотъ будетъ еще почище поручика!» Главный врачъ въ свою очередь былъ сбить съ толку. Онъ покосился на обѣ стороны, какъ бы желая узнать, какое впечатлѣніе производитъ на его свиту полученный имъ отпоръ, но фельдшеръ стоялъ съ неподвижнымъ каменнымъ лицомъ и скромно опущенными глазами, а «іерихонская труба» сосредоточенно смотрѣлъ въ сторону.

— Видѣли его?—спросилъ его врачъ.

— Видѣлъ.—сдерживая голосъ, отвѣтилъ ординаторъ.

— Ну?

— Предполагается атаксія.

— Атаксія?—переспросилъ врачъ.—Пройдитесь!—обратился онъ къ академику.

Тотъ не торопясь всталъ, взялъ въ руку палку и пошелъ по шалатѣ.

Ничего не замѣтилъ бы неопытный взглядъ въ его походкѣ. Зато всѣмъ бросилось въ глаза, что самообладаніе стоило ему страшнаго труда: лицо его еще болѣе поблѣднѣло, лицевые мускулы прыгали и дергались. Вонъ онъ вернулся къ койкѣ и снова сѣлъ.

— Сколько лѣтъ?—отрывисто спросилъ главный врачъ.

— Двадцать восемь.

— Сколько лѣтъ, я спрашиваю?—переспросилъ сердито врачъ, возвышая голосъ.

— Двадцать восемь, я отвѣчаю! Двадцать восемь!—соотвѣтственно возвышая голосъ, отвѣтилъ академикъ.

— Сколько лѣтъ такъ ходите?—разразился уже врачъ.

Академикъ спокойно взглянулъ на него.

— Не лѣтъ, а всего два мѣсяца.

— Когда кончили академію?

— Нынѣшній годъ.

— По какому разряду?

«Какой нахаль!»—подумалъ академикъ и громко отвѣтилъ:

— По пятому.

Главный врачъ хотѣлъ что-то сказать, но раздумалъ и, зажевавъ губами, направился къ выходу. Поручикъ не выдержалъ и подошелъ къ академику.

— Славно вы его отдѣляли! Будетъ помнить!—сочувственно сказалъ онъ.

Академикъ молчалъ. Онъ крайне усталъ и чувствовалъ страшную

слабость. Все происшедшее сейчасъ было ему до крайности неприятно. Но развѣ могъ онъ поступить иначе? Онъ только учелъ свой поклонъ, намѣренно не замѣченный, и отвѣтилъ грубостью на грубость. Больше ничего.

— И бѣ посрамленъ и отыде!—сказалъ поручикъ и направился въ сосѣднюю палату, къ кавалерамъ, чтобъ возвѣстить о происшествіи.

Зато старикъ-чиновникъ былъ близокъ къ обмороку.

V.

Посѣщеніе главнаго врача ускорило и незамѣтно приблизило послѣдующія явленія госпитальнаго дня. Откуда-то вдругъ вынырнула бедосья и разнесла газеты. Замѣтивъ новоприбывшаго офицера, она остановилась у его койки и бокомъ, не глядя на него, сказала:

— Вамъ носить что ли, али даромъ?

— Носи, носи, матушка. Какія же ты газеты носишь?—спросилъ академикъ.

— Всякія! кабую скажете, такую и буду носить.

Илья Васильевичъ, получивъ свой номеръ, проворно развернулъ его, чтобы посмотреть, есть ли продолженіе романа. Блѣдное лицо его просіяло, когда на обычномъ мѣстѣ онъ прочиталъ знакомое заглавіе.

— Есть, есть!—обратился онъ къ лысому капитану, который уже просматривалъ свои объявленія.—Ну, почитаемъ!

Однако, читать было некогда. Поповъ разносилъ обѣдъ. Онъ появился съ большимъ деревяннымъ лоткомъ въ рукахъ, подвѣшеннымъ для пущей безопасности ремнемъ на шеѣ; на лоткѣ стояли пять тяжелыхъ оловянныхъ мисокъ съ горячимъ, накрытыхъ опрокинутыми другъ на друга оловянными же тарелками, въ которыхъ заключалось второе блюдо. Тутъ же на лоткѣ лежали ножи съ вытками и оловянные ложки. Поповъ подходилъ съ своей ношей къ каждому поочередно и, выгрузивъ, что нужно, на столъ, шелъ далѣе. Въ двѣ минуты обѣдъ былъ разнесенъ. Съ безрукимъ докторомъ у Попова вышелъ разговоръ, повторявшійся неизмѣнно уже третью недѣлю.

— Не надо! Я тебѣ сказалъ—миѣ не носить! Я не кушаю!—говорилъ докторъ, когда Поповъ разгружался на его столѣ.

— Тыбѣ полагается, ваше благородіе, кушай! Какъ же я не подамъ?—возражалъ Поповъ, продолжая разгрузку.

— Бери назадъ!—настаивалъ докторъ.

— Не могу! Покушаешь, тогда уберемъ!— стоялъ на своемъ Поповъ.

Опорожнивъ лотогъ, онъ остановился у академика.

— Тыбъ, ваше благородіе, обѣдъ сегодня не полагается. Завтра получишь!—сказалъ онъ со своей обычной улыбкой.

— Хорошо!—равнодушно отозвался академикъ.

— И ужинъ не будетъ!—продолжалъ Поповъ.—Завтра!

— Хорошо!—повторилъ академикъ.

— Позвольте вамъ предложить!—любезно обратился къ нему старикъ-чиновникъ. — Или милости прошу ко мнѣ, отобѣдаемъ вмѣстѣ!

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Пожалуйста, не церемоньтесь! Обѣдъ большой, а аппетитъ у меня маленький!—настаивалъ старикъ.

— А у меня и совсѣмъ его нѣтъ... Да и есть кое-что съ собой, если захочу ѣсть. Благодарю васъ!—сказалъ академикъ.

Обѣдъ прошелъ въ совершенномъ молчаніи и быстро: чрезъ четверть часа явился Поповъ съ тѣмъ же лоткомъ на шеѣ, убралъ посуду, вытеръ столы и исчезъ.

Послѣ обѣда палата отдавалась сну или лѣнивому лежанью. Старикъ-чиновникъ, лысый капитанъ и паралитикъ одинъ за другимъ вытянулись на койкахъ и быстро заснули, сраженные долголѣтней привычкой. Безрукій докторъ продолжалъ лежать съ открытыми глазами и курилъ, а поручикъ просматривалъ газету и искоса наблюдалъ изъ-за нея академика. Поведеніе послѣдняго съ главнымъ врачомъ совершенно уничтожило въ немъ первоначальное предубѣжденіе, и онъ не прочь бы былъ познакомиться теперь съ нимъ и поговорить.

А академикъ не зналъ, что ему съ собою дѣлать. Онъ было прилежъ, думая, что заснетъ; но сонъ бѣжалъ отъ него, несмотря на усталость и бессонную ночь. Утренняя сцена съ врачомъ и возмутила, и разстроила его. «Чѣмъ же, однако, заняться? Газета прочитана... Развѣ погулять?»

Но вотъ, на цыпочкахъ, чтобы не потревожить покоя больныхъ, в пель въ палату солдатъ съ грудой чего-то бѣлаго на рукахъ и о тановился у его койки.

— Пожалуйста одѣться, ваше благородіе, въ казенную одежду, а в ту собственную отберемъ и спрячемъ!—сказалъ онъ почтительно иложилъ свою ношу на койку.

Академикъ безглаголиво посмотрѣлъ на принесенное.

— Ну, голубчикъ,—сказалъ онъ, послѣ минутнаго раздумья,—

халата нельзя не взять, а отъ всего остального я отказываюсь у меня своего достаточно. Туфли тоже не надо, возьми наизусть.

— Слушаю!

— А халатъ-то ты мнѣ чистый даешь?—спросилъ я осторожно распластывая на рукахъ бѣлое, не первой одѣяніе.

— Такъ точно, ваше благородіе, послѣ каждаго больно

Черезъ пять минутъ академикъ сдалъ свое платье, переменилъ халатъ и, взявъ палку, вышелъ погулять.

Въ палатѣ было двое дверей, и обѣ выходили въ одинъ же коридоръ. Но какъ разъ въ промежуткѣ между ними онъ случаемъ ремонта перегородженъ, такъ что палата оказывалась изолирою. Справа къ ней примыкали три отдѣльныя комнаты для больныхъ, слѣва—обширная палата кавалеровъ. Академикъ вышелъ въ лѣвыя двери. Коридоръ былъ длинный и широкій и соде-лавался безукоризненной чистотѣ. Брашенный и наводненный полъ блестелъ, и самый зоркій глазъ не нашелъ бы на немъ ни одного пятнышка. Служители вытирали и мели его разъ пять на день. Двери въ палату были открыты, и оттуда доносился шумъ разговора, смѣха и обрывающагося пѣнія. Бѣлыя фигуры больныхъ показывались въ дверяхъ и опять скрывались. Тутъ была и молодая, не привыкшій спать послѣ обѣда. Академикъ сидѣлъ въ коридору нѣсколько концовъ, но гулять въ немъ было нечего. На дворѣ стоялъ июль, и жаркое солнце безпрепятственно проливало высочія огня и дѣлало атмосферу удушливой и тяжелой. Онъ уже вернулся въ палату, когда показался Поповъ.

— Послушай, Поповъ, есть у васъ тутъ, гдѣ погулять?

— Такъ точно, садъ есть. Хочешь, такъ покажу?

— Ну, покажи.

Поповъ своей бѣгающей походкой помчался по коридору и привелъ академика въ садъ. Садъ былъ довольно большой и содержимый. Въ немъ было нѣсколько аллей, усыпанныхъ цвѣтами, нѣсколько клумбъ съ цвѣтами, много лавочекъ. Правда, лавочекъ мало, но все же тутъ былъ свѣжій воздухъ, а не спертая атмосфера палаты. Нѣсколько офицеровъ уже гуляли здѣсь. Поповъ живая по аллеямъ и сверкая сѣвось зеленую листву своими халатами; другіе сидѣли тамъ и самъ на лавочкахъ, разговаривали, курили, смѣялись. Академикъ присѣлъ на первую свободную лавочку и сталъ разсѣянно смотрѣть по сторонамъ. Скоро въ садъ привлекли два офицера, расположившіеся на лавочкѣ всего шагахъ отъ него. Офицеры разговаривали, и онъ невольно

слушиваться. Бъ его удивленію, темой ихъ разговора служило его утреннее столкновеніе съ врачомъ. Онъ былъ непріятно пораженъ. Какъ они могли узнать объ этомъ?

Солнце безпощадно жгло. Небо было чисто и прозрачно, и ни малѣйшій вѣтерокъ не нарушалъ тяжелой неподвижности раскаленного воздуха. Листья деревьевъ безжизненно повисли въ дремотной истомѣ, песокъ нагрѣлся и жегъ ноги, дышать было нечѣмъ... Академикъ всталъ и направился въ палату: усталость вдругъ дала ему себя знать, и его властно потянуло въ постель.

Онъ пробирался къ себѣ длиннымъ госпитальнымъ коридоромъ, казавшимся темнымъ послѣ яркаго солнца, какъ вдругъ откуда-то вынырнула передъ нимъ высокая, бѣлая фигура, заставившая его задрожать и прижаться къ стѣнѣ отъ неожиданности и ужаса. Онъ, можетъ быть, и крикнулъ бы, если бы дѣло не происходило днемъ и если бы сознание не говорило ему, что онъ встрѣтился съ обыкновеннымъ больнымъ, прогуливавшимся по коридору. Съ бьющимся сердцемъ смотрѣлъ онъ вслѣдъ страшной фигурѣ и не могъ оторвать отъ нея глазъ. А она тихо удалялась отъ него, тяжело опираясь на толстую палку и повачиваясь на ходу. Чтобы палка не скользила, на концѣ ея была насажена пробка, и подъ тяжестью грузнаго, слабаго тѣла она скрипѣла и визжала по гулкому коридору. Что же такъ испугало академика? Голова больного представляла огромный бѣлый комъ, производившій впечатлѣніе колоссальнаго, уродливаго шлема. Вся она была увязана ватой, марлей и бинтами, и даже отъ лица видѣлся только носъ и одинъ глазъ. Академикъ мелькомъ взглянулъ въ это лицо, и оно показалось ему какимъ-то пятномъ зеленоватаго цвѣта, особенно рѣзко выдѣлявшимся на бѣломъ фонѣ повязокъ. Носъ былъ заострившійся, единственный глазъ смотрѣлъ тяжело и непріязненно. Но вотъ фигура скрылась, впечатлѣніе понемногу улеглось, и академикъ пришелъ въ себя. Онъ пристыдилъ себя за излишнюю нервность, но все еще съ бьющимся сердцемъ вошелъ въ палату. Поручикъ продолжалъ лежать и читать.

— Что, жарко сегодня, капитанъ?—спросилъ онъ академика, какъ бы мимоходомъ, но на самомъ дѣлѣ страстно желая завязать разговоръ.

— Не особенно. Я вернулся оттого, что усталъ, и вдругъ захотѣлъ спать. Скажите, пожалуйста... что это за фигуру я встрѣтилъ, вотъ съ такой головой?

— Высокій, съ палкой? Это рядомъ съ нами, въ отдѣльной комнатѣ, одинъ больной. Коллежскій совѣтникъ. У него полголовы ракъ съѣлъ.

— Полголовы рагъ съѣлъ?—машинально переспросилъ академикъ, вновь переживая страшное впечатлѣніе, произведенное бѣлой фигурой.

— Да! Онъ сперва помѣстился было въ нашей палатѣ,—продолжалъ поручикъ, слегка рисуясь развязностью, съ которой говорилъ о такихъ вещахъ,—но мы его выперли. Прибылъ вечеромъ, съ завязанной головой... Мы думали, что ушибъ или простая рана, а какъ на утро фельдшеръ развязалъ его, да сталъ дѣлать перевязку, вся палата разбѣжалась. Цѣлый день никто ѣсть не могъ. Мы и попросили доктора убрать его отъ насъ.

— Что-жъ онъ въ госпиталѣ дѣлаетъ? Вѣдь это неизлѣчимо!

— Онъ проситъ сдѣлать ему операцію, но все торгуется съ хирургомъ изъ-за уха. Хирургъ говоритъ, что придется ухо убрать, а онъ говоритъ—оставить. А какое тамъ ухо, когда половины лица нѣтъ. Такъ и идетъ время, а пока мажутъ да перевязываютъ.

Академикъ, словно вспомнивъ что-то, наклонился надъ своей корзиной и досталъ изъ нея серебряную столовую ложку.

— Слушайте,—сказалъ онъ,—а увѣрены вы, что сегодня вы не ѣли обѣдъ той ложкой и изъ той посуды, которыя вчера были у этого больного?

— Можетъ и ѣлъ, и даже не одинъ разъ!—сказалъ съ дѣланымъ равнодушіемъ поручикъ.—Тутъ разборчивымъ и брезгливымъ быть не приходится и лучше не думать объ этомъ. Бъ намъ было положили одного чахоточнаго подполковника. Тоже выперли: спать не давалъ. Да вѣдь чахотка, кажется, и заразительна, а?

— Да!—разсѣянно отвѣтилъ академикъ.

Бѣлый комъ ваты и бинтовъ вмѣсто головы и зеленое пятно вмѣсто лица страшно тревожили и возбуждали его. Что скрывается тамъ, подъ этими бинтами? Отчего такъ тяжелъ былъ взглядъ единственнаго глаза? И что долженъ чувствовать человѣкъ, у котораго полголовы съѣлъ рагъ? Гнить заживо, понемногу, изо дня въ день, постепенно приближаясь къ смерти... Какая ужасная вещь—жизнь, какая это сплошная мука, какая безжалостная пытка! Въ какую тѣсную и желкую кѣлетку заключенъ человѣческій духъ, какъ онъ сросся съ нею, какъ страдаетъ отъ нея! И что значать всѣ его высокіе помыслы и порывы, когда стоитъ заболѣть какому-нибудь ногтю, чтобы отъ него уже не осталось и слѣда и чтобы человѣкъ превратился въ жалкое, беспомощное животное, жалобно вопящее и мятущееся отъ боли! И что же назначена человѣку эта тѣсная, душная тюрьма, въ которой онъ томится пожизненно, за какіе грѣхи, гдѣ и когда содѣянные? Какая злая насмѣшка: онъ привыкаетъ къ этой тюрьмѣ, онъ начин

еть любить свое жалкое существованіе, любить кѣтку, въ которой томится, любить палача, который его мучаетъ! И какъ любить! Онъ прислушивается ко всѣмъ его желаніямъ, исполняетъ всё его прихоти, ходитъ и лѣзетъ его, а когда является освобождающая смерть, онъ тоскуетъ и плачетъ, проситъ пощады и молить объ отсрочкѣ!...

И только послѣ тяжелой борьбы забылся академикъ короткимъ, тревожнымъ сномъ, полнымъ мрачныхъ грѣзъ и дикихъ видѣній.

Въ три часа всё, кромѣ капитана Утуту, проснулись, а въ четыре—пили вечерній чай. Бѣ Ильѣ Васильевичу пришелъ изъ другой палаты чахоточный подполковникъ, чтобы помѣняться газетами. Онъ тоже былъ малороссъ и охотно читалъ знаменитый романъ о Мазепѣ. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, средняго роста, съ вѣрообразной рыжей бородой, съ тонкими чертами румянаго лица. Борода была настолько пышна, что скрывала страшную худобу лица, а яркій румянецъ производилъ издали такое впечатлѣніе, какъ будто это былъ совершенно здоровый человѣкъ. Однако, стоило присмотрѣться, чтобы понять, что это только жалкая тѣнь человѣка. Голоса у него не было, и онъ не говорилъ, а какъ-то громко шепталъ и шипѣлъ, съ видимымъ трудомъ выговаривая слова.

— Здравствуйте!—зашепталъ онъ.—Прочитали?

— Нѣтъ еще! Да возьмите, полковникъ, я успѣю. Какъ вы сегодня почивали? Какъ себя чувствуете?

— Сѣверно! Не дочитаю романа, скоро конецъ!—съ усиленіемъ прошипѣлъ чахоточный.

— Богъ съ вами, полковникъ! Да вы посмотрите, какъ вы выглядите! Зачѣмъ же говорить такъ! Присаживайтесь. Не угодно ли чаю?

— Нѣтъ, благодарю, самъ пью!—и онъ взялъ газету и вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ въ палату вошла тоненькая дѣвочка лѣтъ десяти съ бѣлымъ узелкомъ въ рукахъ, а за нею тяжелой походкой тучной, сырой женщины выступала пожилая полная дама. Это были члены семьи Ильи Васильевича—младшая дочь и жена. Дѣвочка подошла къ отцу, приложилась къ его рукъ, поцѣловала въ щеку и присѣла съ своимъ узелкомъ на край кровати, сверкая на больныхъ живыми глазками и болтая тонкими ножками въ черныхъ чулкахъ. Жена поцѣловалась съ мужемъ и въ изнеможеніи опустилась на стулъ, тяжело отдуваясь и отирая потное лицо платкомъ. И между ними начался вполголоса разговоръ, разговоръ односложный и вялый, какой бываетъ между членами семьи, давно переговорившими другъ съ другомъ обо всемъ. Илья Васильевичъ служилъ въ интендантствѣ, и сѣтя его жила недалеко отъ госпиталя. У него было всего четверо дѣтей. Старшіе—сынъ и дочь—были уже на своихъ ногахъ: сынъ—

фельдшеромъ, дочь—учительницей; но младшіе очень заботили его: пятнадцатилѣтній сынъ нигдѣ не учился, потому что въ дѣтствѣ еще ему отрѣзали кисть правой руки, а любимица-дочка, которая сидѣла сейчасъ на его койкѣ, только что поступила въ гимназію. Дѣти каждый день навѣщали больного отца, вмѣстѣ и порознь, и каждый разъ непременно приносили что-нибудь въ узелкахъ: молоко, домашній борщъ, жареную курицу, варенье и т. п. Здороваясь и прощаясь, все неизменно сперва прикладывались къ его рукѣ, а потомъ цѣловали его щеку. А старикъ любовно и ласково обходился со всеми, сохраняя степенный видъ патріарха. Семья, видимо, была дружная, старинного завѣта. При посѣщеніи Ильи Васильевича домашними все больные изъ деликатности старались не смотрѣть въ ихъ сторону и не мѣшать имъ разговаривать. Съ этой цѣлью они брались за газеты, нарочно шуршали газетными листами, показывая видъ, что читаютъ, или громче обыкновеннаго разговаривали. Поручикъ, допив третій стаканъ чаю, набилъ портсигаръ папиросами и, не торопясь, слегка прихрамывая, подошелъ къ академику.

— Не хотите ли партію винта?—спросилъ онъ.

— Винта? Гдѣ же это?—съ удивленіемъ сказалъ академикъ.

— Рядомъ, у кавалеровъ!—понижая голосъ на послѣднемъ словѣ, отвѣтилъ поручикъ.

— Контрабанда?—спросилъ академикъ.

— Да вы не бойтесь! У насъ приняты мѣры: не поймаютъ!—увѣренно сказалъ поручикъ.

— Нѣтъ, я усталъ, благодарю васъ. Какъ-нибудь въ другой разъ.

И онъ остался, и до его слуха противъ его желанія доносились обрывки того, что говорилъ женѣ старикъ чиновникъ.

— ...Спрашивалъ главный врачъ... ординаторъ не совѣтуетъ, на хуторѣ, говорить, лучше поправлюсь... Думаю рѣшиться... Видно, не избѣжать... Чего-жъ ждать? Приготовиться надо... Выплатить деньга на два и сообщить у отца Николая... Богъ знаетъ, что будетъ!

А жена молча слушала, вставляя временами односложныя фразы, тяжело вздыхала и вытирала платкомъ свое потное лицо. Черезъ полчаса она поднялась; глядя на нее, вскочила съ постели и дѣвочка, и старикъ всталъ и вышелъ проводить ихъ по коридору. Идя рука объ руку, мужъ и жена представляли по внѣшности рѣзкій контрастъ. Онъ—блѣдный, худой и изболѣвшій, шелъ, казалось, легко и свободно, несмотря на свою слабость; она—краснолицая, тучная и массивная, тяжело колыхалась рядомъ, неуловимо ступая частыми, груз-

ными шагами. Но оба въ сущности представляли разныя формы одного и того же явленія: оба совершили въ жизни все земное и оба теперь готовы были исчезнуть изъ нея, какъ все исчезаетъ на этомъ свѣтѣ, какъ усохшій, пожелтѣвшій осенью листъ, какъ забытый на деревѣ перезрѣлый, обрюзгшій плодъ. И только юный отпрыскъ ихъ,—дочка, полная молодой жизни и веселья, беззаботно, въ припрыжку слѣдовала за ними, живо сверкая по сторонамъ любопытными глазками.

Въ шесть часовъ Поповъ разнесъ ужинъ, а въ девять больные начали приготовляться ко сну. Старикъ опять долго молился передъ своимъ образомъ, громко шепча молитвы; лысый капитанъ, раздѣвшись, долго и сосредоточенно курилъ, сидя на койкѣ. Въ десять часовъ все уже было тихо въ палатѣ, и полный мѣсяцъ бросалъ свой серебристый свѣтъ въ нее и освѣщалъ тамъ и сямъ темныя фигуры спавшихъ больныхъ. Только въ сосѣдней палатѣ кавалеровъ жизнь замерла въ полночь: тамъ долго еще спорили, шумѣли и козыряли въ винтъ. Поручикъ вернулся въ первомъ часу, сыгравъ тридцать шесть роберовъ и выигравъ шесть копеекъ.

VI.

На другой день Моисеевъ привелъ съ собою на утреннюю визитацию небольшого коренастаго старичка, съ большой лысиной, съ широкой, сѣдой бородой, въ очкахъ. Это былъ консультантъ по нервнымъ болѣзнямъ. Оба остановились около академика.

— Ну, батенька, вотъ мы васъ вдвоемъ посмотримъ!—загрезѣла іерихонская труба.—Раздѣньтесь-ка, какъ мать родила: видѣе будетъ.

Академикъ раздѣлся. При иныхъ обстоятельствахъ ему было бы совѣстно больныхъ, но теперь мысли его были всецѣло заняты другимъ: дѣло шло о томъ, подтвердится ли сейчасъ первоначальный, страшный діагнозъ его болѣзни или нѣтъ. Онъ, видимо, сильно волновался: лицо поблѣднѣло, руки тряслись, всѣ движенія были порывисты и неровны.

— Ну, пройдите медленно, а мы посмотримъ!—пригласилъ его старикъ, когда раздѣванье было окончено.

Академикъ пошелъ по палатѣ. Онъ старался идти спокойно и не торопясь, но ноги не слушались его, и онъ заплеталъ ими и слегка брѣтался, при поворотѣ же запнулся и едва не упалъ.

— Кхм... кхм!—значительно произнесъ старикъ-консультантъ, а «груба» свлонилъ голову на бокъ.

Затѣмъ его заставили стоять съ зажмуренными глазами, били по

колѣну, кололи булавками. И послѣ каждаго испытанія старикъ еще значительнѣе произносилъ свое: «ихи!..», а «труба» широко разводилъ руками. Академикъ понялъ, что дѣло его проиграно.

— *Tabes?*—беззвучно спросилъ онъ поблѣвшими губами.

— Всѣ признаки, батенька, налицо!—отвѣтилъ старикъ.

— Вѣдь только двадцать восемь лѣтъ!—съ укоризной въ голосъ сказалъ Моисеевъ.

— Въ наше время все раньше времени приходитъ!—философски замѣтилъ старикъ.—Что-жь, батенька, унывать нечего! Съ этимъ до ста лѣтъ живутъ!—обратился онъ къ академику.

— Но не служать,—попрежнему беззвучно, одними губами отозвался тотъ.

Старикъ развелъ руками.

— Маршировать нельзя, ну, а въ канцеляріи сидѣть, отчего же? Можно!

— Въ наши времена этакія болѣзни получали только къ полному пенсіону,—прибавилъ онъ.—Въ карты-то она не мѣшаетъ играть. Ну, а теперь всѣ торопятся жить: давай намъ, говорятъ, немного, да поострѣй. Ну, до свиданія, коллега! До свиданія, батенька!—обратился онъ къ академику.—Лѣчиться надо!—и старикъ ушелъ.

«Иерихонская труба» быстро обошелъ остальныхъ больныхъ.

— Сегодня у васъ будетъ хирургъ!—обратился онъ на ходу къ Ильѣ Васильевичу и вышелъ.

Черезъ полчаса хирургъ, дѣйствительно, явился. Это былъ высокій, плечистый мужчина, съ краснымъ лицомъ, съ небольшою русой бородкой, съ разсѣяннымъ выраженіемъ большихъ, голубыхъ глазъ. Онъ остановился посреди палаты и началъ оглядывать койки, отыскивая своего пациента: въ госпиталѣ у него ихъ было вдоволь, и не мудрено было забыть, гдѣ кто лежитъ и какъ выглядитъ. А Ильѣ Васильевичъ всталъ уже и кланялся.

— Здравствуйте! Ну, какъ дѣла?—началъ хирургъ, подавая ему руку и продолжая стоять. Голосъ у него громкій, и говорилъ онъ сильно въ носъ.

Ильѣ Васильевичъ сталъ объяснять, какъ его дѣла. Хирургъ слушалъ.

— Ну, что-жь тянуть, батенька, надо рѣшиться! Вскрытіе покажетъ, что у васъ тамъ такое: язва или нарость. Одно можно сказать, что почки здѣсь ни при чемъ.

— Думаю денька на два выписаться... приготовиться. Богъ знаетъ, какъ оно выйдетъ!—сказалъ нерѣшительно старикъ.

— Ну, что-жь, ваше дѣло. Да вы не трусьте, страшнаго ниче о

нѣтъ!—и хирургъ вышелъ въ правую дверь, направляясь къ отдѣльнымъ комнатамъ.

Черезъ полчаса онъ вернулся, остановился посреди палаты и, какъ актеръ на сценѣ, въ раздумьи заговорилъ:

«Ну, что я буду съ нимъ дѣлать? Или, говорить, не трогай уха, или сдѣлай. Изъ чего же я сдѣлаю ему ухо? А самъ собороваться затѣваетъ!»—и пожавъ широкими плечами, направился къ выходу.

— Такъ вы извѣстите, когда надумаете. Мы вамъ назначимъ денегъ!—обратился онъ на ходу къ Ильѣ Васильевичу.

Тотъ стоялъ и кланялся.

— Молодчина этотъ хирургъ!—сказалъ поручикъ, не объясняя, что въ немъ собственно молодецкаго.

— Знающій и душевный человѣкъ! Всѣ одобряютъ!—убѣжденно сказалъ старикъ, пожевывая бѣлыми губами, и прилежъ на койку и взялся за «Духовное трезвеніе»,—единственную книгу, которую онъ медленно и вдумчиво читалъ.

Послѣ обѣда, когда больные располагались отдохнуть, въ палату вошелъ Поповъ и остановился у Ильи Васильича.

— Опять тотъ больной пришла, ваше высококордіе!—обратился онъ къ старику.—Твой знакомый!

— Какой знакомый? Что ты говоришь?—спросилъ старикъ.

— Что на кумысъ ѣхалъ; опять больна, чичась придетъ.

— Вознесенскій?

— Такъ точно!

Черезъ минуту, дѣйствительно, вошелъ въ палату, громко стоная, больной. Одной рукой онъ опирался на служителя-солдата, съ другой стороны поддерживала его молодая, просто одѣтая и некрасивая дама, съ остриженными, рыжими волосами, съ веснушчатымъ, вспухшимъ отъ слезъ лицомъ,—его жена. Больной былъ одѣтъ въ потертый мундиръ чиновника военнаго вѣдомства. Онъ былъ высокъ, сутуловатъ и страшно худъ. Рыжая борода и баки покрывали совершенно желтое лицо съ большимъ носомъ и черными кольцами подъ глазами. Подойдя къ свободной койкѣ, онъ сѣлъ на нее съ ногами, согнулся крючкомъ и сильно застоналъ.

— Охъ, Господи! Пошлите же, пожалуйста, за дежурнымъ ординаторомъ! Или ужъ за попомъ, что ли!—и онъ хотѣлъ улыбнуться, но по лицу скользнула только жалкая гримаса.

Жена остановилась было около его койки, но услышавъ возгласъ, закрыла носовымъ платкомъ лицо и быстро вышла изъ палаты.

— Здравствуйте, Илья Васильичъ!—заговорилъ больной, продавая корчиться.—Поправился. Опять къ вамъ въ гости!

Старикъ уже стоялъ около его койки.

— Да что это съ вами такое? А я слышалъ, вы на бумысъ поправились и уже на службу ходите.

— Поправился. Пять фунтовъ въ вѣсѣ прибывло! Охъ, самъ думалъ, дѣло на лады пошло, недѣлю на службу ходилъ... Охъ, а сегодня съ утра вдругъ схватило, не знаю, что такое. Вы какъ поживаете? Ой, батюшки...—и онъ согнулся еще сильнѣе и, стиснувъ зубы, глухо завылъ.

Старикъ забеспокоился.

— Послали за докторомъ-то?—озабоченно спросилъ онъ Попова.

— Такъ точно, побѣгли.

Скоро пришелъ дежурный врачъ, совсѣмъ еще юноша, безъ признаковъ растительности на верхней губѣ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ.

— Что съ вами?—неувѣреннымъ тономъ спросилъ онъ больного.

— Не знаю, докторъ! Охъ, тутъ болить!—и онъ указалъ на бокъ.

— Раздѣньтесь, пожалуйста. Можете сами?

— Могу.

Снятая сорочка обнаружила страшную худобу тѣла. Ключицы рѣзко выдѣлялись, ребра можно было пересчитать, грудь впала. Подъ мышками, кругомъ тѣла, шелъ широкій бинтъ.

— Это что у васъ такое?—спросилъ врачъ.

— Послѣ операціи рана не заживаетъ, бинтую.

Врачъ осторожно развязалъ холщевую ленту. На правомъ боку виднѣлось отверстіе, къ которое свободно могъ пройти палецъ взрослого человѣка, около него—уродливые рубцы отъ недавно зажившихъ ранъ.

— Сквозной турка сталъ: насквозь смотрѣть можно! — сквозные новые стоны пошутить больной.

— Давно операцію дѣлали?—спросилъ юный докторъ.

— Три мѣсяца назадъ, здѣсь же въ госпиталѣ. На бумысъ шесть недѣль былъ. Сказали, что рана тамъ скорѣе заживетъ, а она и не думаетъ. Много гною отдѣляется!—и онъ сильно наклонился на правый бокъ, и изъ отверстія что-то закапало.

— Довольно, довольно, не нужно!—покраснѣвъ, сказалъ врачъ и сталъ изслѣдовать больное мѣсто.

Черезъ полчаса оно было чѣмъ-то растерто, грудь забинтована, и сквозной турка успокоился и пересталъ стонать. Съ блаженной улыбкой человѣка, только что избавившагося отъ тяжкихъ страданій,

жалъ онъ теперь на бойкѣ и оглядывалъ впалыми глазами палату, ища въ ней знакомыхъ.

Безрукій докторъ, лысый капитанъ и паралитикъ, — все это были ему свои люди, и онъ началъ съ ними разговаривать, когда въ палату опять вошла его жена. Лицо у нея еще болѣе вспухло и походило теперь на сильно-напитанную водой губку. Но увидѣвъ мужа спокойнымъ и улыбающимся, она сейчасъ же повеселѣла и стала громко смѣяться сама. Смѣяться было совершенно нечему, и она отлично это сознавала, но справиться съ собой никакъ не могла. Присѣвъ на койку мужа, она спрятала лицо въ платокъ и нѣкоторое время сидѣла такъ, пытаясь овладѣть собой. Мужъ пришелъ ей на помощь.

— Ну, что же, Маша, иди себѣ домой, отдохни пока. Теперь все, слава Богу, прошло!

Она справилась, наконецъ, съ собой, посидѣла еще минуту и вышла. Илья Васильевичъ вышелъ въ коридоръ проводить ее: они были старые знакомые. Понемногу привычные сонливцы улеглись, и жизнь въ палатѣ затихла до четырехъ часовъ.

Во время вечерняго чая къ старику-чиновнику пришелъ чахоточный подполковникъ. Въ одной рукѣ у него была газета, въ другой — небольшая банка въ вареньемъ.

— Пришелъ къ вамъ чай пить, съ своимъ вареньемъ, — замѣтилъ онъ. — Не угодно ли? Домашнее. Тоска одному.

— Милости просимъ, очень радъ! И мнѣ веселѣе! — любезно встрѣтилъ его старикъ. — Ну, какъ вашъ кашель, полегче?

— Что кашель, кашель — пустяки! Мнѣ, вотъ, только бы голосъ! Сейчасъ бы ушелъ отсюда. Сила есть, чего тутъ сидѣть? Да какъ уѣдешь? У меня баталіонъ, теперь идутъ ученья, командовать надо, а голосу нѣтъ. Утромъ послѣ пульверизаціи немного очищается, а тамъ опять то же.

— Да вы не торопитесь, полковникъ, полѣчитесь хорошенько! За васъ тамъ покомандуютъ, — сказалъ старикъ.

— Совѣстно. Ужъ третій годъ все боленъ да нездоровъ, пора и честь знать.

— Да, вѣдь, вы не по своей винѣ...

— Жена все совѣтуетъ — въ отставку. И вышелъ бы, да вѣдь шепеть человѣкъ дѣтей, трое еще учатся, развѣ на шестьдесятъ рублей проживешь!

— А что же на казну, полковникъ, въ корпусъ тамъ или въ институтъ? Вѣдь вы имѣете право.

Лицо полковника зардѣлось.

— Трое и такъ на казнѣ, а трое не учатся, шельмецы! Были въ корпусѣ—выгнали! Не знаю, какъ и быть.

— Подождите, полковникъ, подрастутъ, Богъ дастъ, возьмутся за умъ.

Подполковникъ махнулъ рукой.

— Ждите ихъ,—зашипѣлъ онъ.—Изъ корпуса выгнали, изъ гимназіи выгнали, теперь—въ реальномъ, и тамъ не учатся: одинъ остался, двумъ переэкзаменовки, опять все лѣто—репетиторы... Горько! И добро-бъ способностей не было! Не хотятъ, шельмецы!

— Вы, полковникъ, очень къ сердцу принимаете. Всѣ дѣти шалить да лѣнятся,—утѣшалъ старикъ.

— Какъ не принимать? Забота грызетъ. Теперь меня нѣтъ,—навѣрно, шалопайничаютъ! Матери не слушаютъ, мерзавцы! Повѣрите, легче баталіономъ командовать, чѣмъ съ своими шалопаями справляться, не такъ сердце болитъ.

— Что и говорить, тяжело, свои вѣдь!—сочувственно замѣтилъ старикъ.

— Вотъ, жена хотѣла пріѣхать, а нѣтъ! Боюсь, не случилось ли чего... Каждый день жду.

Въ дверяхъ палаты вдругъ показалась какая-то дама. Подполковникъ сильно вздрогнулъ, окинулъ ее загорѣвшимся взглядомъ, но, понявъ свою ошибку, всталъ и началъ прощаться.

— Думалъ, ко мнѣ... жена,—сказалъ онъ.—До свиданія! Заходите ко мнѣ!—и вышелъ.

Вошедшая была жена безрукаго доктора. Это была молодая, невзрачная дама, небольшого роста, очень скромно одѣтая. Только большая, широкополая шляпа бросалась рѣзко въ глаза, поражая своимъ безвкусіемъ и пестротой. Шляпа представляла цѣлое сооруженіе изъ стекляруса, перьевъ, большихъ пестрыхъ цвѣтовъ и колосьевъ, и когда дама спѣшно шла по палатѣ къ койкѣ мужа, все это мельгало и дрожало, какъ бы выдавая внутреннее волненіе посѣтительницы. А изъ-подъ шляпы смотрѣло широкое, смуглое лицо, съ небольшимъ курносымъ носомъ, съ маленькими непривѣтливими глазами, съ увядшими, желтыми щеками. Общее выраженіе было хмурое, недовольное и озабоченное. Со времени катастрофы съ мужемъ докторша жила въ уѣздномъ городѣ у матери и теперь уже третій разъ пріѣзжала въ госпиталь. Мужъ принималъ ее всегда очень холодно и сухо, упрямо молчалъ и ни слова не хотѣлъ сказать о своихъ намѣреніяхъ. Такіе пріемы очень оскорбляли ее и заставляли, какъ видно, сильно страдать. Свиданія по капризу мужа происходили всегда въ палатѣ, и всѣ больные могли видѣть, какъ черство и пренебрежительно обра-

щался онъ съ ней. Онъ не поднимался ей навстрѣчу, не подавалъ руки, не оставлялъ даже своего лежачаго положенія. Такъ было и теперь. Что-то скользнуло по его худому лицу, когда она появилась въ палатѣ,—grimаса или судорога отвращенія, какую вызываетъ въ насъ видъ гада или паука,—однако, онъ не пошевелился и продолжалъ лежать. А она придвинула стулъ къ его койкѣ, сѣла, вынула носовой платокъ и, то вытирая имъ лицо, то судорожно комкая въ рукахъ, что-то тихо заговорила. Казалось, она въ чемъ-то его убѣждала, о чемъ-то просила, наконецъ, молила... Носовой платокъ то развертывался, то свертывался въ комокъ, то обмахивалъ возбужденное лицо, то нервно мялся въ рукахъ. Лицо у нея уже горѣло, руки сильно дрожали, волосы и пестрые цвѣты на шляпѣ трепетали отъ порывистыхъ движеній, какъ будто колеблемые вѣтромъ... А онъ продолжалъ неподвижно лежать и, смотря мимо нея, упорно отмалчивался, односложно отвѣчая временами что-то рѣзкое, сухое и безжалостное. Черезъ четверть часа послышался сухой трескъ разрываемой ткани, и посѣтительница бурно сорвалась съ мѣста и направилась вонъ, комкая половинки разорваннаго платка. Вслѣдъ за нею, оправляя халатъ, вышелъ Илья Васильевичъ, и изъ коридора донесся въ палату звукъ бурнаго, истерическаго плача. Безрукій сдѣлалъ было рѣзкое движеніе на койкѣ, какъ будто собирался встать, но сейчасъ же раздумалъ и успокоился: только мускулы слегка прыгали у него на лицѣ, да часто хлопали глаза.

— Успокойтесь, пожалуйста, на него нельзя сердиться! Онъ человекъ больной!—осторожно убѣждалъ въ это время его жену Илья Васильевичъ.

Онъ сильно страдалъ за нее все время свиданія и чувствовалъ непреодолимую потребность ее утѣшить. Онъ видалъ уже ее раньше и былъ знакомъ съ нею.

— Присядьте тутъ... Мы потолкуемъ.

— Ахъ, еслибъ вы знали, еслибъ вы знали! Онъ и говорить со мною не хочетъ!—всхлипывая заговорила докторша.—Я была сегодня у главнаго врача, онъ требуетъ, чтобы мужъ выписался, а онъ и слушать не хочетъ.

— Я тоже совѣтовалъ покориться. Начальство дурного не сдѣлае ть... Да погодите, мы его осилимъ!

— И чего онъ тутъ дожидается!—продолжала плакать докторша.

— Главное, не кушаетъ ничего!—сказалъ старикъ.

— Не ѣсть? Это новость для меня...

— Повѣрите, сколько дней ничего не кушаетъ. И чѣмъ живъ,

Господь его знает! Только чай, даже булки не трогает! Лежит целый день и курить. Я боюсь, не бросилось ли ему въ голову...

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то. Я знаю... И что мнѣ дѣлать, что дѣлать?

— Давайте вмѣстѣ ладить!—успокоительно сказалъ старикъ.— Вотъ я сегодня еще съ нимъ поговорю... Вы побудете еще?

— Не знаю! Лучше все бросить и уѣхать. Пусть, какъ хочетъ!

— Что вы, Богъ съ вами! Подумайте, вѣдь какое несчастье: правую руку потерялъ! Доведись всякому... Поддержать надо. Придешь въ себя, просить прощенья будешь!

— Пора-бъ придти въ себя! Вѣдь, повѣрите, мнѣ передъ больными совѣстно въ палату войти: и смотрѣть на меня не хочетъ! Вы сами видѣли...

— Тяжело, тяжело, что и говорить! Только простить надо: повѣрьте, одумается!...

Докторша вновь начала было хныкать, но коридоръ скоро наполнился кавалерами, отправлявшимися на прогулку, и она пожала руку старику и ушла.

VII.

На слѣдующее утро палата поднялась раньше времени, пробужденная звуками богослуженія, явственно доносившимися чрезъ правыя двери изъ коридора. Въ сосѣдней комнатѣ шло соборованіе коллежскаго совѣтника. Первый заслышалъ службу Ильи Васильича. Его по обыкновенію мучили всю ночь боли, и онъ всталъ рано и стоялъ на молитвѣ, когда вошедшій мести полъ Поповъ доложилъ ему, что «бачка рядомъ пришла и чичасъ служба будетъ». Когда вслѣдъ затѣмъ дѣйствительно раздались звуки богослуженія, старикъ прервалъ свою молитву, приложился къ образу, оправился и вышелъ въ коридоръ. Тамъ гулялъ уже чахоточный подполковникъ. Онъ тоже рано вставалъ и до чаю имѣлъ привычку прогуливаться по коридору.

— Здравствуйте, полковникъ! какъ почивали, какъ чувствуете себя?—привѣтствовалъ его старикъ.

— Получше! Голосъ сталъ появляться... И такъ бодрѣе себя чувствую, — зашипѣлъ подполковникъ. Лицо у него горѣло, носъ еще болѣе заострился.

— Ну, слава Богу! А я вотъ иду къ сосѣду вашему помолиться. Не хотите ли со мною?

— Нѣтъ, душно тамъ: ладанъ, свѣчи, масло... Да и не люблю! Тяжелый обрядъ!

— Молитвы люблю я, трогательныя молитвы! — умиленно сказалъ старикъ и пошелъ въ комнату больного.

«Сквозной турка», прислушавшись къ пѣнію и узнавъ въ чемъ дѣло, началъ спѣшно одѣваться.

— Что-жь, капитанъ, идемъ, что ли, къ коллежскому совѣтнику! Умирать, должно быть, собрался! — обратился онъ къ лысому капитану, который давно уже сидѣлъ на койкѣ и по обыкновенію сосредоточенно курилъ.

— Пожалуй, кхе, кхе! Вотъ докурю!

А въ палату сквозъ ничѣмъ ненарушимую утреннюю тишину явственно доносилось внятное чтеніе священника: «Ей, Господи, врачевную твою силу съ небесе низпосли, прикоснися тѣлеси, угаси огнѣвицу, укроти страсть и всякую немощь таящуюся. Буди врачъ раба твоего Іліи»...

«Сквозной турка» въ ожиданіи капитана подошелъ къ академику.

— Позвольте познакомиться: Вознесенскій. Вчера не до того было.

Они пожали другъ другу руки.

— Старинный мой знакомый! — продолжалъ Вознесенскій, показывая въ сторону дверей, изъ которыхъ доносилась служба. — Цѣлый мѣсяцъ въ одной комнатѣ вылежали. Веселый малый! Видно, болѣзнь очень доѣхала, что вздумалъ заживо отпѣваться...

И вмѣстѣ съ лысымъ капитаномъ онъ отправился къ «веселому малому».

Академика неудержимо потянуло туда же. Страшное впечатлѣніе, которое произвела на него бѣлая фигура съ громаднымъ бѣлымъ комомъ вмѣсто головы было еще живо въ немъ, но представлялось теперь чѣмъ-то болѣзненнымъ и преувеличеннымъ. Что особеннаго въ томъ, что у человѣка забинтована голова и половина лица? Что тутъ страшнаго? И ему захотѣлось провѣрить вчерашнее впечатлѣніе и узнать, что онъ почувствуетъ при видѣ больного теперь, когда онъ знаетъ его болѣзнь и когда совершается надъ нимъ величественный и мрачный обрядъ соборованія. Онъ вышелъ въ коридоръ. Подполковникъ еще гулялъ, шлепая туфлями и старательно отвертываясь отъ отворенной комнаты «веселаго малаго», изъ которой несся сильный запахъ ладана. Онъ ушелъ было къ себѣ, но его комната была рядомъ, и сквозъ стѣну служба доносилась до послѣдняго слова и произвела на него удручающее впечатлѣніе. И онъ поневолѣ расхаживалъ взадъ и впередъ, держась дальняго конца коридора. Академикъ прешелъ мимо отворенной двери больного разъ и другой, замедляя шагъ противъ нея и нерѣшительно заглядывая внутрь, но, наконецъ,

остановился и сталъ смотрѣть. Большая комната была убрана съ обычной больничной строгостью и простотой: желѣзная койка, столикъ, стулъ и кресло составляли всю ея меблировку. Единственное окно выходило въ госпитальный садъ, и вѣтви зеленого елена касались его и плавно скользили вверхъ и внизъ по стекламъ, колеблемыя легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Это былъ единственный отголосокъ молодой, здоровой жизни, доносившійся извнѣ. Все остальное было здѣсь мрачно и уныло и производило тяжелое впечатлѣнiе. Комната тонула уже въ густомъ облакѣ ладана, и сквозь него рѣзкими пятнами выдѣлялись черныя ризы священника и диакона. Столъ съ принадлежностями для соборованiя стоялъ передъ койкой, и нѣсколько восковыхъ свѣчекъ слабо мерцали на немъ, борясь съ ладаномъ и дневнымъ свѣтомъ. Больной лежалъ неподвижно на высоко взбитыхъ подушкахъ, и его бѣлый халатъ, страшный бѣлый шлемъ на головѣ и землистое лицо съ сверкающимъ единственнымъ глазомъ, окутанныя движущимися, тяжелыми волнами ладана, сливались въ одну неопредѣленную, расплывающуюся и странно колышущуюся массу. Худая, темная рука поднималась изрѣдка, чтобы перекреститься, и сейчасъ же тяжело падала на постель. И это былъ единственный знакъ, что жизнь теплится еще въ этомъ изболѣвшемъ тѣлѣ, принявшемъ уже цвѣтъ земли и готовомъ обратиться въ нее. Какая-то женщина, старая и сухая, вся въ черномъ, безшумно двигалась по комнатѣ, то подходя къ койкѣ и оправляя что-то на больномъ, то приближаясь къ столу и поправляя свѣчи, то становясь въ рядъ съ пожилой сестрой милосердiя, стоявшей сзади священника, и шепча ей что-то на ухо. Дьячокъ-солдатъ скромно прижался, съ кадиломъ въ рукахъ, въ заднемъ углу, а въ самыхъ дверяхъ, въ своихъ бѣлыхъ халатахъ, стояли Илья Васильевичъ, лысый капитанъ и Вознесенскiй. Илья Васильевичъ повторялъ за священникомъ молитвы, усердно молился и часто кланялся, по-стариковски доставая рукою полъ. Лысый капитанъ стоялъ неподвижно, заложивъ лѣвую руку за поясъ и часто покашливалъ. Своей голой головой, длинной тонкой шеей и бѣлымъ халатомъ онъ очень напоминалъ спеленутаго новорожденного младенца. Вознесенскiй вынулъ платокъ, обмахивалъ имъ лицо и часто обертывался назадъ, чтобы вдохнуть свѣжаго воздуха—у него была одышка, и ладанъ душилъ его... А служба идетъ: дьячокъ монотонно : о-еть, новыя волны ладану наполняютъ комнату и на минуту бѣлыя саваномъ заволакиваютъ все окружающее, а въ коридоръ доносятся молитвы, отчетливо вычитываемыя священникомъ: «посѣти его : и-лостiю и щедротами твоими и отжени отъ него всякую болѣзнь и е-мощь, яко да возставъ рукою Твоею крѣпкою, поработалъ Тебѣ».

Академикъ почувствовалъ, что слишкомъ понадѣялся на свои силы. Больные нервы его не выдержали впечатлѣнія, и онъ поспѣшилъ вернуться въ свою палату. Сверхъ ожиданія онъ увидѣлъ, что безрукій докторъ быстро разгуливалъ по ней взадъ и впередъ. Его тонкая, сухая фигура, маленькая, косматая голова на длинной шеѣ, типичный горбатый носъ и болтающійся пустой рукавъ дѣлали его очень похожимъ на искалѣченную хищную птицу, мечущуюся по тѣсной клеткѣ. Вотъ онъ задержался на минуту у койки академика, стараясь прочесть его дощечку. Академикъ засталъ его за этимъ занятіемъ.

— Ждраштвуйте! — сказалъ докторъ, слегка конфузясь. — Что они вамъ написали? Я не могу разобрать! — спросилъ онъ, тараща на дощечку глаза.

— *Tabes dorsalis!* — отвѣтилъ академикъ.

— Табешъ доршалишъ? — переспросилъ докторъ.

— Да!

— Ну, и что же вы думаете?

— Какъ что? — спросилъ академикъ. — Лѣчиться!

— Здѣсь?

— А гдѣ же?

— Ну, я не знаю! — уклончиво сказалъ докторъ. — А сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать восемь!

Докторъ сильно заморгалъ и качнулъ головой.

— Быть можетъ, вы дадите мнѣ какой-нибудь совѣтъ? — спросилъ академикъ, догадываясь, что докторъ думаетъ что-то про себя, но не хочетъ или стѣсняется сказать.

— Ну, и что же я могу? Можетъ, поправитесь! — и онъ зашагалъ опять по палатѣ, тараща свои бѣлки и нервно дергая носомъ.

У академика похолодѣла спина отъ этого безнадѣжнаго «можетъ быть». Онъ смутно чувствовалъ, что его болѣзнь серьезна, но не зналъ еще сущности ея, того, чѣмъ она ему грозитъ, и что можетъ сдѣлать для него медицина. Онъ даже боялся возбуждать эти вопросы изъ малодушнаго страха взглянуть истиннѣ прямо въ глаза и лишиться, быть можетъ, послѣдней надежды. И вотъ теперь этотъ докторъ осторожно приподнимаетъ предъ нимъ край страшной завѣсы и, щадя въ немъ больного, смягчая, конечно, истинное положеніе дѣлъ, уклончиво говоритъ: «можетъ быть, поправитесь!» Неужели же все для него кончено? Въ двадцать восемь лѣтъ?...

— Что задумались, капитанъ? Давайте лучше чай пить! — раздалъ я надъ нимъ голосъ турки.

Соборованіе кончилось, и богомольцы, присутствовавшіе на немъ, вернулись въ палату.

— Господи помилуй, кхе, кхе, Господи помилуй... — напѣвальноый капитанъ, пробуя голосъ.

— Доброе утро, капитанъ! Что-жъ соборованіе проспали?—спросилъ Вознесенскій Утуту, который только что всталъ и натягивалъ халатъ.

— Э!—энергично отозвался тотъ, хмурия сѣдыя брови.

— Не любите?

Тотъ отмахнулся рукой.

Во время утренней визитаціи Моисеевъ, предупрежденный фельдшеромъ, первымъ подошелъ къ Вознесенскому. Онъ зналъ и его, и его болѣзнь, и ея лѣченіе. Болѣзнь была обыкновенная, но примѣненное къ ней хирургическое лѣченіе представляло «интересную новостъ», и на операціи Вознесенскаго, какъ рѣдкой, присутствовали почти всѣ госпитальные врачи, въ томъ числѣ и онъ.

— Здравствуйте! Знаю васъ — сказалъ Моисеевъ. — Опять къ намъ?

— Опять, докторъ!—съ улыбкой отвѣтилъ Вознесенскій.

— Что же случилось, старое или что новенькое?

— Должно быть, старое. Рана вотъ все не закрывается.

— Не закрывается? Послѣ трехъ мѣсяцевъ? Какъ такъ?

Началось изслѣдованіе.

— Ну, батюшка... (долгая пауза). Что-жъ я тутъ подѣлаю!—развелъ, наконецъ, Моисеевъ руками.—Это ужъ по части хирурга.

— Опять на столъ? — срывающимся голосомъ спросилъ Вознесенскій.

— Ну, зачѣмъ же! Можетъ, дѣло и такъ обойдется!—успокоительно сказалъ докторъ.—Вотъ повидаете хирурга... Ему и книги въ руки!—и онъ пошелъ далѣе, уклоняясь отъ этой щекотливой темы.

Старикъ-чиновникъ заявилъ желаніе выписаться.

— Что-жъ уѣзжаете къ себѣ на родину?—спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, я на два дня... опять вернусь... хочу приготовиться!—конфузливо проговорилъ старикъ. Онъ искренне былъ огорченъ, что не могъ послѣдовать данному Моисеевымыъ совѣту.

— Значить, на операцію рѣшились?

— Да, думаю... Можетъ, Господь поможетъ!

— Ну, что-жъ, желаю успѣха! Дай Богъ!—сдерживая могъ раскатъ, сказалъ докторъ и вышелъ.

— Не одобряетъ!—обратился старикъ къ академику.—Говоры

лучше на родину ѣхать, тамъ скорѣе поправлюсь! Да вѣдь, что-жъ, забиться въ глушь не мудрено, а тамъ въ случаѣ чего и фельдшера не достанешь!—и онъ задумчиво пожевалъ губами, прилежъ и погрузился въ «Духовное Трезвеніе».

VIII.

День былъ не особенно жаркій, и академикъ вздумалъ до обѣда погулять. Онъ взялъ палку, надѣлъ фуражку и направился къ дверямъ.

— Гулять, капитанъ?—окликнулъ его Вознесенскій. — Подождите минутку, и я съ вами пойду. Вдвоемъ все веселѣе. Я сейчасъ.

Они вышли.

— Я давнишній старожилъ здѣсь, — началъ Вознесенскій, — и знаю въ саду всѣ тропинки. Я вамъ покажу отличное мѣстечко.

— Вы долго были въ госпиталѣ?—спросилъ академикъ.

— Одиннадцать мѣсяцевъ отдежурилъ! Всѣмъ глаза намозолилъ, а ужъ самому-то эти стѣны такъ надоѣли, что безъ нужды и мимо не проѣхалъ бы. А вотъ опять судьба загнала. Сколько-то Богъ приведетъ еще побыть! А, можетъ, и впередъ ногами выволокутъ отсюда... Вонъ безрукій говоритъ, что опять операцію придется дѣлать. А онъ даромъ не скажетъ: хорошій былъ, говорятъ, докторъ, знающій!

— Скажите, пожалуйста, что это за исторія съ нимъ? Какъ онъ потерялъ руку?

— Толкомъ никто ничего не знаетъ: тутъ какая-то темная исторія. Онъ, видите, еврей, а женился на русской и, значить, принялъ православіе. Вотъ его будто и стали преслѣдовать свои, да такъ насѣли, что онъ перевелся въ восточную Сибирь, чтобы куда-нибудь спрятаться. Только не доѣхалъ: съ первой же станціи привезли безъ руки. Одни говорятъ, что упалъ по неосторожности, другіе — самъ бросился, третьи—что столкнули. Можно вѣрить, чему хочешь!

— Ну, знаете, чтобъ столкнули, это, пожалуй, неправдоподобно. Ужъ слишкомъ это фанатизмомъ и библейскимъ изувѣрствомъ пахнетъ. Не въ Азіи же мы живемъ, гдѣ все можно! — возразилъ академикъ.

— Кто знаетъ, батенька? Всякое бываетъ! Я самъ на еврейскъ знатъ и полкъ бросилъ, изъ офицеровъ въ чиновники попалъ, чтобы лько убѣжать изъ Польши. Вы видѣли жену? Она—еврейка.

— Что-жъ, и васъ преслѣдовали или жену?

— Жена и не показывалась даже на улицу со мной и сидѣла ча подъ карауломъ двухъ, а то и трехъ солдатъ. Ну, а я хоть и

не боялся и свободно разгуливалъ, но и на меня въ концѣ концовъ навели панику. Полкъ стоялъ въ самомъ царствѣ жидовъ, — ну, конечно, они и чувствовали свою силу. Какъ, бывало, выйдешь одинъ, да еще вечеромъ, вокругъ такъ и начинаютъ снова какія-то мрачныя еврейскія фигуры. Не обращаешь вниманія, онѣ становятся смѣлѣе и подходятъ ближе и говорятъ что-то угрожающимъ тономъ, возвышая все голосъ и чисто подзадоривая другъ друга. Обернешься къ нимъ, онѣ вдругъ разсыпятся, какъ горохъ, или молча разступятся и стоятъ съ нѣмыми лицами и сверкающими глазами. И все такія, знаете, зловѣщія фигуры: съ блѣдными, злыми лицами, съ черными длинными пейсами, въ какихъ-то длиннополыхъ черныхъ хламидахъ! А глаза прямо сожрать готовы! Такъ и горять! А за жену такъ просто ни одной минуты не былъ покоенъ. Буда ее ни пряталъ, вездѣ находили. Какъ вечеръ, ночь, да меня еще нѣтъ, кругомъ квартиры такъ и снуютъ цѣлыя толпы и такой гвалтъ поднимаютъ, что на солдатъ даже наводили страхъ. Я постоянно держалъ двухъ-трехъ съ ружьями и патронами. Ну, что-жъ это за жизнь! Терпѣлъ, терпѣлъ, да и сбѣжалъ!

Они сѣли на лавочку. Противъ была большая клумба цвѣтовъ, съ которой доносился слабый запахъ резеды. Яркое солнце начинало припекать, и лучи его, пробиваясь сквозь вѣтви стараго клена, подъ которымъ они сидѣли, образовали подвижную сѣтку у ихъ ногъ. Никого, кромѣ нихъ, въ саду еще не было.

— Ну, а теперь васъ не преслѣдуютъ?—спросилъ академикъ.

— Тутъ некому: и меньше ихъ, и не такъ они смѣлы, а главное, я не мозолю имъ глазъ, какъ тамъ, въ Польшѣ. Тамъ всѣ знали, что я отбилъ и перекрестилъ еврейку, ну, всѣ и возмущались и хотѣли отомстить: а тутъ ничего этого нѣтъ, и никто насъ не знаетъ.

— А какъ же докторъ?

— Докторъ—дѣлое другое, онъ тутъ родился и выросъ между своими. Конечно, всѣ его знали и уважали, пока онъ былъ еврей; а какъ отрекся, чего добраго, могли и травлю открыть. За мужиковъ-то они больше стоятъ еще, чѣмъ за бабъ.

— Онъ странно какъ-то держится. За два дня, что я здѣсь, онъ не притронулся ни къ обѣду, ни къ ужину, сказалъ академикъ.

— Не мудрено, что и спятить: положеніе-то его аховое.—И Вознесенскій выставилъ костлявую кисть руки и салъ загибать узловатые, желтые пальцы:—Восемь лѣтъ на службѣ, значить, пенсія никакой не полагается,—разъ! Правой руки нѣтъ, значить, ни службы, ни практики,—два! А средствъ ни у него, ни у жены никакихъ,—три! Да возьмите еще, если его, и правда, преслѣдовали, если онъ

гается, что женился, и жену считаетъ виновницей своихъ бѣдъ! Эхъ, жизнь, жизнь! — продолжалъ онъ укоризненно. — Меня, вотъ, одиннадцатъ мѣсяцевъ болѣзнь преслѣдуетъ! Извела проглятая, и конца не вижу. Придется, должно быть тутъ остаться... — и онъ показавъ рукой на госпиталь, бѣлая гренада котораго высилась и блестяла передъ ними въ ослѣпительномъ свѣтѣ солнца. — Покурить, что ли, съ горя!

— У васъ что же собственно? — спросилъ академикъ.

— Я прибылъ сюда съ пустяками, съ плевритомъ. На новосельѣ простудился. Только что съ женой устроились, ну, и затѣяли вечеринку. Народу собралось много, просидѣли долго, накурили, надышали... Я и вышелъ, какъ всѣ разошлись, въ одномъ сюртукѣ на дворъ, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. А дѣло было осеннее, ночь холодная. Ну, на утро и готовъ! Первое время крѣпился да перемогался, на службу ходилъ, все думалъ домашними средствами отбѣхать; ну, вѣроятно, и занустилъ: хуже да хуже. Вижу, дѣло плохо, — въ госпиталь. А тутъ на бѣду былъ въ то время ординаторъ, дай ему Богъ здоровья: и дѣла, надо полагать, не зналъ, и постоянно пьянъ былъ. Станетъ, бывало, выслушивать, такъ отъ него, какъ изъ винной посуды. Ну, сперва чѣмъ-то мазалъ, что-то давалъ, а потомъ, смотрю, все отмѣнилъ и совсѣмъ пересталъ заниматься мною. Придетъ, поздоровается, посмѣется и уйдетъ. Въмѣсто лѣкарствъ фельдшеръ приноситъ каждый день нузырекъ молока и пузырекъ вина. Думаю, дѣло плохо, въ безнадежные, должно быть, попалъ. Спрашиваю фельдшера, отчего мнѣ лѣкарствъ никакихъ не даютъ? А онъ говоритъ: какія же вамъ лѣкарства? Понимаете? То-есть, что-жъ, молъ, мертваго лѣчить? Я къ доктору, а онъ замололъ мнѣ такую околесную, что тошно вспомнить. А въ груди у меня, — я самъ слышу, — переливается какая-то гадость. Ворочаешься, бывало, съ боку на бокъ, она и булькаетъ. Терпѣлъ я, терпѣлъ — да чуть живой выписался и отправился къ частному доктору. Онъ посмотрѣлъ меня и говоритъ: «никогда не повѣрю, чтобы вы три мѣсяца были подъ наблюдениемъ врача. Такъ запустить болѣзнь не могъ бы и фельдшеръ! Ложитесь, говорить, въ лѣчебницу, мы вамъ сдѣлаемъ операцію, выкачаемъ гадость, которая у васъ въ груди». Ну, и легъ. Сдѣлали мнѣ проколъ и, правда, нѣсколько фунтовъ чего-то выпустили, да не сразу, а въ нѣсколько приемовъ. А черезъ мѣсяць говорятъ: «теперь вамъ надо новую операцію сдѣлать!» Какую? Зачѣмъ? Объяснили: тутъ давленія гноя, видите ли, легкія уплотнились и сжались, а когда его выкачали, въ груди осталось пустое пространство, которое ну... было теперь заполнить. Вотъ, и потребовалась новая опера-

ція: выпилить куски нѣсколькихъ реберъ, чтобъ грудная влѣтка зажи-
лась. Какъ тутъ быть? Думаю, если нужно, такъ и торговаться нече-
го,—все равно, не убѣжишь. Согласился. А докторъ говорить: «толь-
ко у насъ этой операціи дѣлать не будутъ. Обратитесь къ хирургу!»
Я къ хирургу. Ну, тутъ дѣло не подошло: за операцію надо столько-
то, за содержаніе въ день—столько-то, а всего выходило такъ много,
что и думать было нечего. А въ лѣчебницѣ мнѣ и говорятъ: «чего-жъ
лучше вамъ сдѣлать операцію въ госпиталѣ! У васъ тамъ хирургъ
лучше всякаго городского!» Я опять сюда. Вотъ и рѣзали меня тутъ
два раза. Сперва сдѣлали одну операцію; черезъ два мѣсяца, еще
старая рана не закрылась,—другую: оказалось, въ первый разъ мало
выпилили. Въ два мѣсяца двѣ операціи перенесъ, какъ живъ остался!
Черезъ два мѣсяца послѣ второй операціи, еще рана не зажила, по-
ѣхалъ на кумысъ. Самъ хирургъ послалъ. «Вы, говорить, очень за-
лежались въ госпиталѣ! На степномъ воздухѣ, говорить, отлично
отгуляетесь, и рана живо заживетъ!» Ну, и поѣхалъ. Шесть недѣль
пробылъ, пять фунтовъ въ вѣсѣ прибыло! Думалъ, все кончено.
Нѣтъ, не тутъ-то было. Главное, рана не заживаетъ, проклятая!
Видно, попасть мнѣ въ третій разъ подъ ножъ! Жену жалко. Вѣдь
она одна, и никого у нея нѣтъ. Куда-жъ она безъ меня дѣнется? А
ужъ что она вынесла за мою болѣзнь! При мнѣ въ госпиталѣ жила,
ни день, ни ночь отъ койки не отходила.

Невдалекѣ слышался скрипъ сухого песку подъ тяжелыми ша-
гами, и на дорожкѣ показались два солдата съ носилками на пле-
чахъ. Они медленно и грузно переступали, стараясь идти въ ногу, и
тащили, видимо, что-то тяжелое.

— Это что еще? Не покойникъ ли?—съ неприятнымъ чувствомъ
спросилъ академикъ.

— Нѣтъ, покойниковъ тутъ не таскаютъ!—спокойно отозвался
его собесѣдникъ, всматриваясь въ носилки.—Ба! да это Илья Степа-
нычъ! Я говорилъ, что онъ еще гулять будетъ! Только ослабѣлъ бѣд-
няга, раньше на ногахъ ходилъ!—и онъ всталъ и пошелъ навстрѣчу
носилкамъ. Солдаты остановились подъ высокимъ, старымъ дубомъ и
осторожно опустили наземь свою ношу. Академикъ рассмотрѣлъ зна-
комую, бѣлую фигуру съ громаднымъ бѣлымъ комомъ вмѣсто головы
и частью землястаго лица. Больной лежалъ на боку совершенно не
движно, и только глазъ блестѣлъ и двигался, свидѣтельствуя о жи-
вности.

— Здравствуйте, Илья Степанычъ, узнаете, что ли, меня—
спросилъ, наклоняясь къ нему и громко крича, Вознесенскій.

Одно ухо Ильи Степаныча тронута было болѣзью, другое—за-
вано, и онъ плохо слышалъ.

— Здравствуйте! Тамъ еще васъ узналъ — занялъ онъ. Голось былъ глухой и тонъ плаксивый, какимъ привыкають говорить измученные долгими страданіями больные.— Душно тамъ! Ладану напустили, не люблю!—прибавилъ онъ.

— Что-жъ на носилкахъ-то? Я думалъ, встрѣчу васъ молодцомъ, гулять вмѣстѣ будемъ!

— Ослабъ что-то! Все голова кружится, и забываться сталъ.

Носилки стояли въ десяти шагахъ отъ академика, и онъ неотступно смотрѣлъ на больного. При яркомъ свѣтѣ солнца землистое лицо его казалось еще темнѣе, чѣмъ тамъ, въ госпиталѣ. Бакое-то чувство страха и неотразимой безгливости продолжалъ возбуждать въ немъ видъ этого больного. Ему казалось, что онъ не могъ бы, вотъ какъ Вознесенскій, близко подойти къ нему, наклониться и разговаривать. Какъ будто это уже не былъ живой человекъ, а трущъ, гниющій и заражающій кругомъ воздухъ!

Откуда-то вдругъ вынырнула и наклонилась надъ носилками та женщина въ черномъ, что суетилась во время соборованія.

— Вотъ вамъ вѣтку отъ мухъ!—закричала она громко, протягивая больному вѣтку.

Темная рука поднялась и взяла вѣтку.

— А вино вотъ тутъ вамъ поставлю! — продолжала кричать женщина.—Вотъ и колокольчикъ! Вы позвоните, какъ что понадобится, тутъ солдатъ недалеко будетъ. Слышите, Илья Степанычъ?—закричала она.

— Слышу!—тѣмъ же плаксивымъ голосомъ отозвался больной и ощупалъ рукою колокольчикъ и вино, а вѣтку зажалъ въ рукѣ.

— Ну, бывайте здоровы!—крикнулъ Вознесенскій.—Зайду къ вамъ.

— Заходите, покалякаемъ!—сказалъ больной и, нащупавъ аптекарскій пузырекъ съ виномъ, открылъ его, сдѣлалъ глотокъ и закрылъ единственный глазъ, изрѣдка помахивая вѣткой надъ лицомъ.

Вознесенскій вернулся къ академику.

— Плохъ сталъ! Должно быть, скоро конецъ... Вино пить! Ужъ какъ виномъ начать пить, значить швахъ: по себѣ знаю.

— Не пойдемъ ли мы домой? — спросилъ академикъ, котораго на ало тяготить происходившее передъ нимъ.

— Надоѣло? Пойдемте—согласился Вознесенскій.

Послѣ обѣда въ палату пришелъ хирургъ. Онъ остановился въ двѣ ряхъ, нѣкоторое время высматривалъ и, увидѣвъ, наконецъ, Вознесенскаго, развалистой походкой двинулся къ нему.

— Ну, здравствуйте, старый знакомый! Какъ дѣла?—сильно въ носъ сказалъ онъ и подалъ ему руку.

— Плохо! Опять къ вамъ въ гости прибылъ! — отвѣтилъ съ улыбкою Вознесенскій.

— Что такъ?

— Вчера вдругъ схватило. Думалъ, помру! А сейчасъ отлегло.

— Ну, а рана-то закрылась?

— Нѣтъ, и не хочетъ...

— Не хочетъ?—съ любопытствомъ и интересомъ протянулъ хирургъ.—Ну, давайте ее посмотримъ. Что такое!

Осмотръ продолжался съ четверть часа. Хирургъ морщилъ лобъ, громко откашливался, какъ будто чѣмъ поперхнулся, часто говорилъ «гмъ!» и, еще чаще, многозначительное: «такъ!» Наконецъ, рѣшеніе было принято.

— Ну, батенька, человѣкъ вы бывалый, и съ вами можно говорить на чистоту, да! Придется рѣшиться на третью операцію! Если матерія идетъ, значитъ есть еще полость, которую надо закрыть. Понимаете? Рана оттого не заживаетъ, что идетъ матерія, а матерія идетъ оттого, что есть еще полость, пустое мѣсто. Вотъ, и нужно его уничтожить! Возьмемъ у васъ еще кусокъ ребра, выгадаемъ, значитъ, лоскутъ кожи и рану закроемъ! Оно, конечно, можно и обойтись, только рана будетъ васъ очень ослаблять. Операція—лучше, да! Подумайте!

И онъ подалъ ему руку и пошелъ прочь.

— Вотъ многострадальный человѣкъ! — сказалъ онъ, останавливаясь посреди палаты и ни къ кому не обращаясь. — Что онъ перенесъ! И еще предстонтъ... Еслибъ отъ меня зависѣло, я-бъ ему сейчасъ Георгія далъ, да! Ну, прощайте, батенька! Подумайте!

У дверей остановилъ его Илья Васильевичъ.

— Я выпишываюсь на два денька, чтобы приготовиться... а потомъ ужъ къ вамъ!

— Надумали? Ну, что-жъ, мы не задержимъ, назначимъ вамъ денегъ... Вотъ, спросите его, страшно ли!—показалъ онъ глазами на Вознесенскаго.—До свиданья!

— Эхъ, думалъ, ушелъ изъ-подъ ножа, — сказалъ вслѣдъ ему турка, — а тутъ опять тянуть! Напророчили вы, докторъ!—обратился онъ къ безрукому.

Тотъ только повелъ глазами и ничего не сказалъ.

IX.

Илья Васильевичъ только что всталъ и собирался идти умываться, когда Поповъ, старательно подметавшій полъ, мягко подошелъ къ нему босыми ногами и вполголоса, чтобы не потревожить больныхъ, доложилъ:

— Полковникъ кончился!

— Померъ?—съ удивленіемъ переспросилъ Илья Васильевичъ.

— Такъ точно, померъ!

— Ночью?

— Не могу знать, надо быть, ночью. Служитель чичасъ пришла, а онъ кончился!

— Ну, царство ему небесное!—и старикъ истово перекрестился и въ раздумьи зажевалъ губами.

— Чирась еще гулялъ!—сказалъ Поповъ.—На выписку хотѣлъ!

— Поди ты! Вотъ, не думалъ!

Палата уже проснулась и собиралась пить чай, когда два служителя быстро пронесли черезъ нее на носилкахъ мертвеца.

Видъ этихъ носилокъ съ ихъ страшнымъ содержимымъ, прикрытымъ пеленою грубаго холста, вызвалъ различныя чувства у обитателей палаты. Старикъ-чиновникъ и лысый капитанъ перекрестились и пожелали мертвецу царства небеснаго; поручикъ попенялъ насчетъ неудобствъ проходныхъ комнатъ; Утуту внимательно проводилъ глазами носилки, словно завидовалъ безмятежному покою скрытаго въ нихъ таинственнаго путешественника; а Вознесенскій съ грубой ироніей проговорилъ:

— Испекся! Такъ вотъ и нашего брата выволокутъ!

— Да! Отработалъ свою барщину!—философски замѣтилъ лысый капитанъ.

— Одинъ, бѣдный, померъ!—съ искреннимъ соболѣзнованіемъ сказалъ Илья Васильевичъ и уставился усталыми глазами передъ собою, какъ будто пытаясь рассмотреть что-то, видимое ему одному.

Послѣ визитаціи пришелъ главный врачъ. Съ тѣмъ же суровымъ видомъ, съ той же палкой въ рукѣ, шмыгающей походкой подошелъ онъ къ койкѣ академика и уперся строгимъ взглядомъ въ его дощечку. Академикъ демонстративно сидѣлъ, но суровый врачъ и не помянулъ на него, какъ будто передъ нимъ было пустое мѣсто.

— *Tabes dorsalis*?—выговорилъ онъ и повелъ слегка головой направо, гдѣ въ позѣ нѣмой почтительности стоялъ меланхоликъ-фельдшеръ.— Скажи Букарекову, чтобъ посмотрѣлъ! — буркнулъ въ его сторону врачъ.

— Слушаю!—отвѣтилъ меланхоликъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто только что получилъ неожиданный и дѣнный подарокъ.

Врачъ двинулся далѣе. Завидѣвъ Вознесенскаго, онъ подошелъ къ нему и долго и внимательно посмотрѣлъ ему въ лицо, какъ будто не довѣряя собственнымъ глазамъ.

— Опять?—выговорилъ онъ, наконецъ.

— Опять, ваше превосходительство! — отвѣтилъ въ тонъ ему чиновникъ, и въ голосѣ его послышалась привычная нотка ироніи.

— Въ отставку подали?

— Послужу еще, ваше превосходительство! — съ легкой улыбкой отвѣтилъ Вознесенскій.

Главный врачъ выразительно пожевалъ сухими губами и сильно вытаращилъ глаза.

— Опять рѣзать?

— Предлагають, ваше превосходительство!

— Въ третій разъ?

— Въ третій разъ!

— Зарѣжутъ!—рѣшительно сказалъ главный врачъ и, выставивъ на минуту указательный палецъ передъ своимъ носомъ, скосилъ на больного строгіе глаза.

Тотъ улыбнулся, какъ будто услышалъ веселую шутку.

Безрукій докторъ всталъ было при приближеніи врача съ намѣреніемъ что-то сказать, но тотъ строго вскинулъ на него глазами и прошелъ мимо, не выговоривъ ни слова. Что-то дрогнуло на лицѣ калѣки, тонкія ноздри расширились, вѣки судорожно и часто захлопали, и онъ сѣлъ на койку и началъ барабанить худыми пальцами по колѣну. А главный врачъ, миновавъ его, подошелъ къ капитану Утуту и присѣлъ на его койку.

— Ну, будемъ говорить учиться!—строго выговорилъ онъ.

Утуту запротестовалъ, энергично махая руками и мыча что-то непонятное.

— Папа!—внушительно и раздѣльно сказалъ врачъ, пристально смотря въ глаза паралитику.

— Па-па! — къ удивленію всѣхъ ясно и отчетливо повторилъ тотъ.

— Мама!—опять сказалъ врачъ.

— Ма-ма!—повторилъ капитанъ.

— Митя!—подалъ врачъ.

Но вмѣсто Мити у капитана вышла такая галиматья, что къ еще энергичнѣе замахалъ руками, вытеръ обильный потъ со лба и нахмурился, сердито смотря изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровъ А

главный врачъ уже поднялся, выставилъ передъ своимъ носомъ палець, проговорилъ многозначительное «о!» и пошелъ прочь, довольный даннымъ урокомъ.

— Эхъ, и чудака-человѣкъ!—сказалъ ему вслѣдъ Вознесенскій.

Вошла газетчица Федосья и разнесла газеты. Она сунулась было по привычкѣ къ подполковнику, но застала одну пустую комнату, въ которой два солдата подъ руководствомъ фельдшера производили дезинфекцію.

— А гдѣ же баринъ-то?—робко спросила Федосья. — Газету принесла.

— Неси въ трупѣрню! Не видишь, что дѣлаютъ!—раздраженно крикнулъ фельдшеръ. — Померъ полковникъ!

Федосья перекрестилась и вернулась въ палату. Остановившись у койки Ильи Васильича, она заговорила, глядя мимо него:

— Померъ полковникъ-то, царство ему небесное! Знать, почувала его душенька кончину. Вчера еще говорить: «бери, Федосья, съ меня деньги впередъ. Не то помру, долженъ останусь!» А я ему: что вы, баринъ! Развѣ такіе помираютъ?—А онъ и вправду, взялъ да померъ!

— Остался долженъ?—заботливо спросилъ старикъ и погѣвъ въ карманъ.

— Да развѣ я къ тому?—съ укоромъ въ голосъ сказала Федосья. — Я говорю, хорошій баринъ былъ, царство ему небесное!

Но Илья Васильичъ всунулъ ей въ руку какую-то монету. То же сдѣлалъ и лысый капитанъ. Федосья широко крестилась, принимая деньги, какъ бы заранѣе опредѣля тѣмъ назначеніе ихъ, и въ заключеніе съ улыбкой сказала:

— Вотъ, и собрала на панифиду! Ужо отслужу за его душеньку! И стуча тяжелыми котами, вышла.

Послѣ обѣда Ильѣ Васильичу принесли его платье. Когда онъ переодѣлся въ свой интендантскій сюртукъ, никто бы не узналъ въ немъ тихаго и скромнаго старичка, какимъ онъ былъ только сейчасъ въ халатѣ. Лицо его вдругъ преобразилось, принявъ какую-то непривычную осанку, и даже ласковые сѣрые глаза смотрѣли, казалось, съ ово изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Теперь это былъ типичный, заядлый чиновникъ съ строгой и непривѣтливой внѣшностью с ого формалиста. Всѣ замѣтили эту странную метаморфозу.

— Васъ и не узнать послѣ халата!—прохрипѣлъ лысый капитанъ.

— Похудѣлъ я, очень похудѣлъ!—отвѣтилъ старикъ, не пони-

мая смысла его словъ и показывая на свой сюртукъ. Сюртукъ, дѣйствительно, былъ шить въ лучшія времена и плясалъ на его тѣлѣ, особенно на животѣ. — Что-то мои не идутъ! — сказалъ онъ, выбирая изъ ящика свои пожитки.

И тотчасъ въ дверяхъ показалась тоненькая фигурка его младшей дочери, а за нею тяжело шла старшая дочь, — полная, рослая дѣвица, съ круглымъ энергическимъ лицомъ и сѣрыми глазами. Обѣ подошли поочередно къ отцу и приложились сперва къ рукѣ, а потомъ къ щекѣ старика. На этотъ разъ онѣ не принесли ничего съѣстного, а только корзину и нѣсколько платковъ, въ которые и начали укладывать вещи отца. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово, и Илья Васильичъ пошелъ проститься съ обитателями палаты. Каждому онъ любовно и долго жалъ руку, желалъ здоровья и выражалъ надежду черезъ два дня увидѣться. У безрукаго доктора онъ задержался и долго говорилъ ему что-то вполголоса. Это было, вѣроятно, исполненіе вчерашняго обѣщанія его женѣ — уговорить его выписаться. Докторъ сидѣлъ на койкѣ и слушалъ его молча, и только по худому лицу его бѣгали какія-то судороги, да тонкія ноздри нервно дрожали. Наконецъ, старикъ всталъ и началъ обѣими руками энергически жать единственную руку доктора.

— Ну, прощайте, простите, если обезпокоилъ. Отъ сердца говорю, добра желаю!

У академика онъ тоже задержался.

— Мы съ вами еще увидимся! Я только на два дня, хочу передъ операцией приготовиться: Богъ знаетъ, какъ оно будетъ... Конечно, и тутъ священникъ о. Иванъ — достойный человекъ, а только хочу въ такой часъ къ своему духовнику о. Николаю. Тридцать лѣтъ его знаю. Ну, и съ семьей тоже — проститься, дѣтей благословить. А тамъ, что Господь дастъ, Его воля!

Академикъ слушалъ, чувствовалъ потребность что-нибудь сказать и досадовалъ, что ничего не приходится на мысль.

— Я къ вамъ съ просьбой! — продолжалъ старикъ. — Федосья будетъ ходить, берите у нея мою газетку. Дома мнѣ не до того будетъ. Очень интересный романъ, хочется дочитать. Бѣдный полковникъ такъ и не дождался конца, а тоже какъ интересовался! Полтавскій уроженецъ былъ!

Академикъ удивился силѣ духа этого изболѣвшаго старика, и канунъ тяжелой операции продолжавшаго интересоваться произвѣніемъ какого-то бульварнаго романиста, описывавшаго Малоросію по заказу, никогда, вѣроятно, и не бывъ въ ней.

— Бстати, я вамъ оставляю свою книгу, — продолжалъ старикъ. —

можеть, почитаете на досугѣ. Въ чему ее таскать на два дня! А высокая книга, такъ настраиваетъ мысли! Машенька, дай-ка книгу мою!—обратился онъ къ старшей дочери.

Та, слегка конфузясь, неуклюже подошла и отдала «Духовное Трезвеніе» отцу, а тотъ вручилъ его академику.

— Ну, будьте здоровы! Извините, что затрудняю васъ. Прощайте.

И онъ вышелъ изъ палаты, сопутствуемый дочерьми.

Въ коридорѣ его ждалъ Поповъ.

— Помогать надо, ваше высокородіе?—спросилъ онъ старика, горя желаніемъ услужить.

— Нѣтъ, все забрали, сами донесемъ! Черезъ два дня опять жди, вернусь. Прощай, Поповъ!

И онъ сунулъ ему что-то въ руку.

— Часливо оставаться, ваше благородіе!

Никому изъ больныхъ не былъ старикъ родственникомъ или близкимъ знакомымъ, а академикъ зналъ его всего нѣсколько дней; и тѣмъ не менѣе уходъ его вызвалъ во всѣхъ странное ощущение какой-то пустоты. Его покинутая койка, на которой глазъ привыкъ видѣть знакомую бѣлую фигуру, теперь рѣзала всѣмъ глаза и производила тоскливое впечатлѣніе чего-то недостающаго или утраченнаго. Всѣмъ странно казалось это впечатлѣніе, всѣ силились освободиться отъ него, но тщетно: нарушенная привычка давала себя знать.

Послѣ вечерняго чая академикъ собрался въ садъ. Въ дверяхъ палаты онъ столкнулся съ женой безрукаго доктора. Она быстро прошла мимо, слегка отворачиваясь и упрямо глядя въ полъ, но онъ замѣтилъ ея широкое, сумрачное лицо и недовольный видъ. Прибытіе ея выгнало изъ палаты всѣхъ больныхъ, кромѣ Утуту. Припоминая недавнее ея свиданіе съ мужемъ и не желая ихъ стѣснять, они одинъ за другимъ выбрались изъ палаты: поручикъ—къ кавалерамъ, лысый капитанъ—въ коридоръ, а Вознесенскій догналъ академика.

— И я съ вами!—сказалъ онъ.—Пусть на досугѣ поговорять.

Они вмѣстѣ подошли къ выходнымъ дверямъ, когда онъ вдругъ широко распахнулись, и въ нихъ показался молодой, красивый офицеръ въ кителѣ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ двумя солдатами. Это былъ, очевидно, вновь прибывшій больной. Академикъ и Вознесенскій посторонились было, чтобъ дать ему пройти, но какъ разъ порогъ шествіе остановилось, и они принуждены были подождать.

— Дайте вздохнуть!—сказалъ офицеръ солдатамъ, снимая фульку и вытирая потный лобъ.

Через минуту онъ вновь двинулся впередъ. Обнявъ обоихъ солдатъ за шею, онъ скакалъ на одной, обутой въ сапогъ, ногѣ, а другую, — въ туфлѣ и толстую, какъ бревно, — волочилъ за собой, держа ее на вѣсу.

— Нашего полку прибыло: хирургу практика! — сказалъ Вознесенскій.

И они спустились въ садъ.

Когда черезъ два часа они возвращались назадъ, навстрѣчу имъ донеслись по гулкому коридору звуки умѣло и съ одушевленіемъ исполняемаго дуэта. Это кавалеры развлекались и распѣвали у себя въ палатѣ, коротая долгіе часы подневольнаго заключенія. Сильные, звучные голоса сходились, расходились и причудливо переплетались между собой, нестерпимо хватая за душу. Академикъ и досадовалъ, и жадно слушалъ. Какимъ диссонансомъ звучитъ это пѣніе въ мрачныхъ госпитальныхъ стѣнахъ, какъ бередитъ оно и тревожитъ душу, какое море нѣмой тоски поднимаетъ со дна ея, пробуждая давно забытое и похороненное, маня несбыточнымъ...

— Хорошо поютъ, шельмецы! — сказалъ Вознесенскій, съ удовольствіемъ прислушиваясь.

Академикъ ничего не отвѣтилъ. На сердцѣ у него была тяжелая тоска. Онъ съ трудомъ дотоптался до палаты и повалился на свою койку. Безрукій былъ уже одинъ, а лысый капитанъ сидѣлъ на койкѣ въ облакѣ дыма и, пробуя голосъ, бурчалъ:

«Не искушай меня безъ нужды!» ххе, ххе!

Х.

Вознесенскій сидѣлъ на койкѣ у академика и спрашивалъ:

— Ну, какъ же вы скажете, соглашаться или нѣтъ?

Дѣло шло объ операци. Рана у него и не думала заживать, ординаторъ ограничивался только ежедневными перевязками, а хирургъ уже навѣдывался въ другой разъ и опять толговалъ о необходимости рѣшиться. Но Вознесенскій не находилъ въ себѣ рѣшимости и съ утра присаживался поочередно къ больнымъ и совѣтовался. Особенно приставалъ онъ почему-то къ академику.

— Главное, еслибъ я зналъ, что они закроютъ мнѣ рану! — говорилъ онъ. — А какъ она опять не будетъ заживать? Какъ опять лоскута не хватить, что тогда? «И опять, говорить, кусокъ ребра возьмемъ». Ужъ довольно бы, сколько вынули! Ну, какъ же вы совѣтуете?

Академикъ былъ въ большемъ затрудненіи.

— Что же я могу вамъ сказать, когда въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаю? Вы бы лучше съ однимъ, другимъ врачомъ посоветовались, — отбояривался онъ.

— Да что же съ ними совѣтоваться? Все равно, къ хирургу пошлютъ, скажутъ—не по нашей части! Эхъ, жизнь, жизнь!—заключалъ онъ въ тяжеломъ раздумьи, и растопыривъ руки, сложилъ ихъ крѣпко ладонями и началъ хрустѣть пальцами.

За нѣсколько дней пребыванія въ госпиталѣ лицо его еще болѣе пожелтѣло, а круги подъ глазами увеличились. Дышалъ онъ тяжело, съ сильной одышкой и, несмотря на это, много и часто курилъ. Академикъ съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣлъ на этого искалѣченного болѣзнью и операциями человѣка и удивлялся, какъ еще тлѣетъ въ этомъ хиломъ тѣлѣ жизнь. Какая тутъ еще операція, когда онъ и безъ того чуть живъ?

— Главное, крови опять много потеряешь, а ея у меня и безъ того мало.

— А съ женой вы говорили?—спросилъ академикъ.

— Сегодня придетъ, скажу. Да что-жъ жена, развѣ она совѣтчикъ? Заплачетъ, и больше ничего!

Жена приходила къ нему каждый день. Держалась она такъ просто и непринужденно, что больные не стѣснялись ея присутствіемъ и чувствовали себя свободно и легко. Впрочемъ, это зависѣло болѣе отъ того, что, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ и молодое лицо, она выглядѣла настоящей старухой. Тяжелая жизнь наложила на нее, какъ видно, свою руку и лишила той женственности и обаянія, которыя и притягиваютъ, и стѣсняютъ, и заставляютъ мужчину невольно охорашиваться. Базалось, она и сама давно забыла въ себѣ женщину и жену, и видѣла только сестру милосердія, призванную ухаживать за больнымъ мужемъ. Къ тому же она скромно одѣвалась и была крайне некрасива, и больные мало обращали на нее вниманія. Она являлась обыкновенно къ вечернему чаю, присаживалась къ столу, на которомъ уже стояли кипятокъ и посуда, наливала мужу и себѣ чай, а затѣмъ вынимала какое-то вязанье и молча работала, односложно отвѣчая мужу и смѣясь его шуткамъ. Иногда къ нимъ подсаживался и пилъ за компанію чай и лысый капитанъ. Старикъ Утѣе въ тѣ дни вызывало и его на уступку, и, сидя на своей постели, онъ поворачивался со своимъ стаканомъ къ супругамъ лицомъ и такъ образомъ тоже какъ бы присоединялся къ ихъ обществу, молча слушиваясь къ разговорамъ. Выходило настоящее чаепитіе по семейному.

— А что бы вамъ жениться, капитанъ!—сказалъ какъ-то Вознесенскій Утуту, подмигивая женѣ.

— Э!—отвѣтилъ старикъ, сердито хмурия брови.

— Отчего же?—продолжалъ Вознесенскій.—Ваше время еще не ушло. Пенсію вы получаете хорошую, за васъ всякая поидеть. Зацѣпили бы старушку, этакъ лѣтъ восемнадцати, и зажили бы по семейному. Что-жь, что вы плохо говорите? По крайней мѣрѣ, браниться съ женой не будете!

Жена его фыркаетъ и наклоняется надъ вязаньемъ, лысый капитанъ открываетъ беззубый ротъ и смѣется.

— Э!—еще суровѣе отвѣчаетъ старикъ и вдругъ валится навзничь на койку, складываетъ руки на груди, закрываетъ глаза и вытягивается и замираетъ на мигъ въ мертвой неподвижности.

— У-ту-ту!—выригиваетъ онъ затѣмъ, вскакивая, и тарашить свои выпвѣтшіе, слезящіеся глаза.

— Умереть хотите?—переводитъ эту пантомиму Вознесенскій.

— У-ту-ту!—утвердительно говоритъ старикъ.

— Грѣхъ!—убѣждаетъ турга.

— Э!—кричитъ капитанъ и сильно трясетъ головой, выражая тѣмъ, что грѣха въ своемъ желаніи не видитъ.

Среди подобныхъ шутокъ Вознесенскій какъ бы мимоходомъ сказалъ вдругъ женѣ:

— Ну, Маша, тебѣ, видно, опять придется въ госпиталь переселяться.

Жена подняла на него недоумѣвающіе глаза.

— Опять рѣзать будутъ!—коротко пояснилъ Вознесенскій.

Вѣроятно, когда человѣку приходится много и часто плакать, слезный аппаратъ у него становится очень чувствителенъ. Не успѣлъ Вознесенскій докончить своихъ послѣднихъ словъ, какъ некрасивое лицо его жены сморщилось и сдѣлалось еще некрасивѣе, а изъ глазъ вдругъ полились обильныя слезы.

— Господи! Въ третій разъ! Когда же конецъ!—выговорила она сквозь всхлипыванія.

— Ну, что-жь, вѣдь мы съ тобой привычны... Зато въ послѣдній разъ!—пробовалъ утѣшить ее Вознесенскій.

Она хотѣла было справиться съ собою, о чемъ-то спросить его, но рыданія захватили ей горло, и она встала и вышла изъ палаты, закрывъ лицо платкомъ. Мужъ вышелъ вслѣдъ за нею. Онъ вернулся одинъ черезъ полчаса.

— Теперь сама совѣтуешь!—обратился онъ къ лысому капитану.—Я такъ и зналъ. Сперва слышать не хотѣла, говорила: «Зарѣ-

жуть, лучше выписаться!» А потомъ: «Что-жь, говорить, если нужно, такъ и думать нечего!» А всетаки боится, все плачетъ. Главное, лоскутъ! Гдѣ они возьмутъ лоскутъ?—разсуждалъ онъ вслухъ.

— Вы посовѣтуйтесь, вотъ, съ докторомъ,—указаль ему академикъ на безрукаго.—На что-жь лучше? Онъ—настоящій судья!

— И то!—говорилъ Вознесенскій и шелъ къ безрукому, а отъ него опять къ лысому капитану или поручику.

На другой день послѣ Ильи Васильевича выписался сверхъ ожиданія и безрукій докторъ. Уговорила ли его жена, которая еще разъ посѣтила его, подѣйствовали ли на него внушенія старика-чиновника и послѣднее обращеніе главнаго врача, или онъ самъ пришелъ къ рѣшенію о необходимости покориться,—трудно сказать. Послѣ обѣда, къ которому онъ по обыкновенію не прикоснулся, въ палату вдругъ вошла его жена, а слѣдомъ за нею служитель-солдатъ внесъ цѣлую охапку докторскихъ военныхъ одѣяній. Они имѣли очень жалкій видъ, эти одѣянія, особенно зимнее пальто, въ которомъ привезли доктора въ госпиталь пять мѣсяцевъ тому назадъ. Все это было измято, испачкано землею и пескомъ, и залито кровью, которая теперь отъ долгаго лежанья приняла цвѣтъ какой-то густой ржавчины, особенно рѣзко выдѣлявшейся на сѣромъ пальто. Когда докторъ напялилъ на себя сморщенную и грязную пару, нельзя было безъ смѣшаннаго чувства жалости и смѣха смотрѣть на его тощую, жалкую фигуру. Конечно, никогда ни на одномъ огородѣ не стояло болѣе безобразнаго пугала; конечно, никогда самая изобрѣтательная фантазія не создавала болѣе трогательнаго образа несчастья. Тяжелое впечатлѣніе всей фигуры увеличивалось еще лицомъ доктора. Маленькое, сильно исхудалое, но тѣмъ не менѣе воспаленное и испещренное цѣлою сѣткою синихъ жилокъ, оно безпорядочно заросло влочьями волосъ и было особенно безобразно выпуклыми, косыми глазами, свергавшими одними бѣлками. И при этомъ болтающійся, пустой рукавъ, измятый, скомканный, хранившій еще кровавый слѣдъ тяжелыхъ колесъ поѣзда... Докторъ, кажется, и самъ сознавалъ, какое жалкое впечатлѣніе онъ производитъ, и поспѣшилъ накинуть на плечи пальто, которое хоть маскировало его калѣчество, его пустой рукавъ. Однако, онъ сейчасъ же опомнился и сбросилъ его назадъ. Пальто бы о теплое, съ мѣховымъ воротникомъ, а на дворѣ стоялъ июль мѣсяцъ, и нужно было ѣхать въ немъ по люднымъ улицамъ города.

— Надо обождать до вечера! Какъ же я въ этомъ поѣду?—запрестовалъ онъ.

Но жена не хотѣла ждать до вечера, онъ могъ раздумать. И она сказала:

— Мы поднимаемъ у извозчика верхъ, и никто ничего не увидитъ.

Это рѣшеніе удовлетворило доктора, и онъ снова накиннулъ пальто и пошелъ проститься съ обитателями палаты. Это не заняло много времени. Онъ молча сунулъ каждому руку и направился вонъ. Отъ продолжительнаго лежанья, отъ долгаго поста и тяжелаго платья онъ шатался изъ стороны въ сторону и подвигался медленно, какъ тяжкій больной. А за нимъ нетерпѣливой, подпрыгивающей походкой шла его жена, и перья, и колосья и цвѣты на ея фундаментальной шляпѣ вздрагивали и трепетали, а стеклярусъ мелькалъ и блестялъ при каждомъ шагѣ впередъ. Видно, она очень волновалась и боялась, что мужъ вдругъ одумается и вернется назадъ.

— Вотъ и еще одинъ ушелъ! Скучно будетъ!—прохрипѣлъ лысый капитанъ, который терялъ въ докторѣ сосѣда.

— Погодите, еще Богъ дастъ!—утѣшилъ его Вознесенскій.

Однако, новая пустая койка стала опять всѣмъ рѣзать глаза и еще болѣе усилила тоскливое чувство одиночества и скуки, вызванное вчерашнимъ уходомъ старика-чиновника. Непривѣтливо и пусто вдругъ стало въ палатѣ, и всѣ одинаково начали испытывать гнетущее чувство тоски и какого-то сиротства.

Послѣ чаю къ поручику пришелъ массажистъ. Это былъ молодой малый, съ энергическимъ, тупымъ лицомъ, въ бѣломъ балахонѣ, съ засученными уже по локоть руками. Съ лица у него обильно катилась потъ отъ работы и жары. Уже съ двѣнадцати часовъ ходитъ онъ по палатамъ, а массажъ—работа утомительная и трудная. Онъ остановился у койки поручика и сталъ натирать руки вазелиномъ.

— А я было обрадовался, думалъ, вы не придете!—сказалъ поручику, неохотно обнажая больное колѣно.

— Работы много, запоздалъ!—равнодушно отвѣтилъ массажистъ и, мягко скользнувъ рукою по опухоли, легло и ловко началъ свое привычное дѣло.

— Ой!—вскрикнулъ вдругъ поручику.—Слушайте, вы, пожалуйста, не сразу, дайте обтерпѣться!—взмолился онъ, дѣлая выразительныя гримасы.

— Хорошо!—тупо сказалъ массажистъ. Онъ постоянно слышитъ такія просьбы отъ ревматиковъ, привыкъ къ нимъ и не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Какъ еще массировать? И съ попрежнему продолжалъ свою работу, а поручику продолжалъ повивать, морщиться, таращить глаза, охать, стонать, а затѣмъ, бывъ уже всякую сдержанность, началъ выть, кричать и бранить.

— Слушайте же... И какой это идиотъ выдумалъ массажъ? е главный врачъ? Ой, пожалуйста, полегче... Да легче же, чортъ в

ми,—ей-Богу, выпишусь! И можете болѣе ко мнѣ не приходите...
 Бѣ чорту массажъ... Лучше буду стонать отъ ревматизма... О-ой!
 Слушайте... Дайте отдохнуть... Не могу болѣе!

— Сейчасъ кончу!

И сдѣлавъ еще нѣсколько «легкихъ» разминаній, отъ которыхъ
 у поручика посыпались изъ глазъ искры, а изъ устъ страшныя про-
 злятія и цѣлый рядъ увѣреній, что онъ скорѣе издохнетъ, чѣмъ со-
 гласится еще на массажъ, и что завтра же выпишется, массажистъ
 сказалъ «готово» и вышелъ.

Ревматикъ съ четверть часа сидѣлъ на койкѣ неподвижно, какъ
 статуя, упершимъ взглядомъ буда-то въ уголъ и отдаваясь наслажде-
 нію внезапнаго покоя послѣ только что испытанныхъ острыхъ муче-
 ній; наконецъ, онъ тихонько спустилъ съ койки ноги и сказалъ:

— Ну, теперь можно и въ картишки пойти сыграть... Идемте,
 капитанъ!—обратился онъ къ академику.

— Я пошелъ бы,—отозвался тотъ,—но что-жъ за удовольствіе
 играть, когда каждую минуту можетъ явиться начальство и накрыть
 на мѣстѣ преступленія?

— Ну, этого вы можете не опасаться,—увѣренно отвѣтилъ по-
 ручикъ.—У насъ отлично устроено сторожевое охраненіе. Никто и
 никогда не заставалъ и не застанетъ.

— Какимъ же образомъ?

— Очень просто! Мы играемъ всегда впятеромъ, и пятый са-
 дится у дверей палаты часовымъ. Это ближнее охраненіе. А дальнее
 несутъ служители, которымъ мы отписываемъ за это съ каждаго
 плюса по копейкѣ.

— Да, этакъ подъ васъ не подкапаешься!—сказалъ Вознесен-
 скій, которому охраненіе показалось вполне надежнымъ.

— Такъ идемъ, капитанъ?—настаивалъ поручикъ.

— Пойдемте!

П. В. Оболенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Прошла гроза, и снова тишь нѣмая,
Умолкли звучные ручьи,
И капли падаютъ, сверкая,
И свищутъ въ чащѣ соловьи.

Прошла гроза. Въ душѣ печаль нѣмая
И память невозвратныхъ грозъ,
И гаснетъ въ ней любовь, безмолвно умирая,
Безъ сожалѣнія, безъ слезъ.

В. Ладмыженскій.

ДОКТОРЪ ЦУМАКИНЪ.

(Очеркъ.)

I.

Звали его Петромъ Семенычемъ, и по профессіи онъ былъ врачъ. Цумакинъ вѣчно куда-нибудь торопился, спѣшилъ, и нерѣдко въ серединѣ обѣда миловидная горничная его, Евфимія, шлепая босыми ногами по полу столовой, вдругъ многозначительно заявляла:

— А васъ, баринъ, кто-то спрашиваетъ тамъ!

Петръ Семенычъ торопливо отрывался отъ тарелки и, глядя на Евфимію, спрашивалъ:

— Что ты сказала? Меня спрашиваютъ? Больной, что ли? А?

Евфимія только раскроетъ ротъ, чтобы пояснить, кто и зачѣмъ спрашиваетъ барина, какъ Надежда Осиповна, супруга Петра Семеныча, рѣзко обрываетъ ее:

— Сколько разъ я вамъ говорила, чтобы вы не смѣли доглядывать барину ни о какихъ больныхъ во время обѣда? На все время есть!

Евфимія дико озирается по сторонамъ, какой-то сокрушенный вздохъ вылетаетъ у нея изъ груди и видно даже, какъ ея вышитая малороссійская сорочка слегка шевелится.

— Нельзя, нельзя, мать моя,—говорить скороговоркою Петръ Семенычъ, обращаясь къ женѣ,—нельзя такъ по казенному относиться къ дѣлу... А можетъ быть, тамъ умираетъ человѣкъ? Вѣдь пойми, промъ безпокоить не стануть, потому ужъ разъ человѣкъ пришелъ, стало...

— Ничего «стало» нѣту... А просто всякая дрянь лѣзетъ, когда вздумается... Потому что Евфимія—дура...

— Ахъ, какая ты, Надя, нервная стала... Хочешь, я тебѣ дамъ что-нибудь?

— Отстань ты, пожалуйста, со своимъ глупымъ бромомъ!... Чортъ знаетъ что такое!—чуть не кричитъ Надежда Осиповна. Тарелка съ остатками супа порывистымъ движеніемъ руки отодвигается въ сторону, и громадное мокрое пятно появляется вслѣдъ за этимъ на бѣлоснѣжной скатерти.

— Не успѣть поднести ложку ко рту, какъ уже какая-нибудь скотина рветъ его къ себѣ и онъ готовъ бѣжать... Некогда и пообѣдать, какъ слѣдуетъ... Гдѣ же дѣтямъ примѣру и порядку учиться, когда въ домѣ кавардакъ...

Евфимія въ это время потихоньку отступаетъ къ дверямъ и незамѣтно скрывается въ нихъ.

Петръ Семенычъ встаетъ и, убѣждая супругу не волноваться, увѣряетъ ее, что скоро вернется; самъ же поглядываетъ по сторонамъ, отыскивая глазами свою форменную фуражку.

— Пойми же ты, Наденька, что обѣдъ не пропадетъ... Да, наконецъ, я, сама знаешь, больше холоднымъ люблю жареное, нежели горячимъ... Ты мнѣ, если хочешь, оставь кусочекъ... Ахъ, да! И стаканчикъ чайку налей: пусть остынетъ...

Фуражка найдена и уже въ рукахъ Петра Семеныча.

— А вѣдь ты пойми, что отказать одному, другому, такъ больные и ходить не стануть... А тутъ, можетъ быть, на твое счастье богатый человекъ боленъ! Понимаешь? А?

Онъ многозначительно глядитъ въ глаза Надеждѣ Осиповнѣ, и какая-то свѣтлая, почти дѣтская улыбка озаряетъ его лицо.

Надежда Осиповна при упоминаніи о «богатомъ человекѣ» дѣлается уступчивѣе, мягче и даже встаетъ со стула.

Она старается казаться серьезною и, чтобы не выдать перемены въ своемъ душевномъ состояніи, избѣгаетъ глядѣть въ глаза мужу.

— Погоди, погоди, Петруха, ты папирозъ возьмь?

— Возьмь, возьмь!

— Такъ ты скоро?

— Сейчасъ, говорю, сейчасъ и вернусь!... А вы мнѣ, влопы, сидите и обѣдайте!—грозится онъ пальцемъ по направленію дѣтей.

Старшенькій Ваня, мальчонка лѣтъ пяти, слѣдитъ своими умными, голубыми глазенками за отцомъ, а младшая, Лидочка, лѣтъ трехъ не обращая вниманія на отцовскую угрозу, дѣловито спрашиваетъ:

— Папочка, ты къ больному?

— Къ больному, къ больному... Смотри, Лидочка, весь передникъ залила супомъ!—И Петръ Семенычъ въ фуражкѣ на головѣ быстро подскакиваетъ къ дочкѣ и поправляетъ ей ложку, которую та

наклонила совсѣмъ на-бокъ.—Ну, кто-жъ держитъ такъ ложку? Вотъ такъ надо—прямо! Поняла?

Дѣвочка удивленно поглядываетъ то на залитый передникъ, то на свою пухленькую ручку, гдѣ съ трудомъ вмѣщается обыкновенныхъ размѣровъ фражетовская столовая ложка.

— Надо бы, мать, купить имъ ложки поменьше, а то вѣдь трудно держать въ рукахъ эти...

— Да, да!... У меня, Петруха, записано это, да все забываю!...

Петръ Семенычъ въ передней поспѣшно надѣваетъ не то плащъ, не то крылатку и, схвативъ на ходу свою палку, выходитъ.

По дорогѣ ведутся съ посланнымъ торопливыя объясненія: кто боленъ? чѣмъ боленъ? и какъ далеко живетъ больной?

Проходя по улицѣ мимо палисадника занимаемаго имъ дома-особнячка, онъ слышитъ голосъ Надежды Осиповны:

— Петруха, Петруха, поправь воротникъ крылатки: смотри, онъ у тебя отогнулся вверхъ.

Петръ Семенычъ поворачиваетъ голову и видитъ высунувшееся изъ раскрытой форточкы озабоченное лицо своей супруги.

— А чортъ съ нимъ!... Что мнѣ за барышнями ухаживать, что ли?

Надежда Осиповна любовно глядитъ на него нѣкоторое время и потомъ скрывается обратно въ форточкѣ.

Ему было лѣтъ 35—36 не больше, но онъ какъ-то гнулся, горбился, въ особенности на улицѣ. Форменная, съ огромнымъ, почти прямымъ, такъ называемымъ «царскимъ» козырькомъ, фуражка придавала ему почти стариковскій видъ, а развѣвающаяся крылатка напоминала какихъ-то средневѣковыхъ ученыхъ.

Онъ всегда спѣшилъ, торопился: такая ужъ была походка у него.

Показываясь въ рѣдкіе часы досуга на гуляньи съ женой и дѣтьми, онъ имѣлъ видъ мученика, и Надеждѣ Осиповнѣ чуть не черезъ каждые десять шаговъ приходилось напоминать ему:

— Буда ты бѣжишь? Вѣдь не могу ни я, ни дѣти такъ скоро ходить за тобой?

Петръ Семенычъ удивленно оглядывался на зовъ и видѣлъ себя ушедшимъ впередъ отъ семейства шаговъ на двадцать или тридцать.

Онъ останавливался, опирался на палку и поджидалъ ихъ.

— Ходила бы ты себѣ, Надя, одна гулять съ дѣтьми? Ну, какое жъ это гулянье, вѣдь это—мѣла!

Въ голосѣ его слышалось столько искренности и неподдѣльнаго го и, что просто жаль дѣлалось человѣка.

Иногда, гуляя съ семьей, онъ вдругъ, словно озаренный свыше, всминалъ о чемъ-то и сообщалъ женѣ:

— Ахъ, да! Ты, Надя, иди съ дѣтьми потихоньку, а я забѣгу, провѣдаю тутъ одного больного!

— Выбралъ время, право, какое!... Потому бы зашелъ...

— Чудная ты!... Такъ тогда вечеромъ нужно будетъ зайти, а я бы ужъ теперь заодно, и у насъ бы вечеръ свободенъ былъ!

Перспектива видѣть супруга свободнымъ въ теченіе вечера благотворно дѣйствовала на Надежду Осиповну, и она отпускала его:

— Ну, иди, только поскорѣ назадъ: не копайся тамъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ на ходу и, широко размахивая палкой, поспѣшно уносился впередъ.

Надежда Осиповна и дѣти долго видѣли несущуюся по улицѣ крылатку, пока она не исчезала въ какой-нибудь грязной, ободранной еврейской или мужичьей лачугѣ.

Если по дорогѣ кто попадался изъ знакомыхъ и задерживалъ его, то Петръ Семенычъ старался возможно поскорѣ отдѣлаться и, извинившись, что торопится къ больному, продолжалъ нестись дальше и какъ будто прибавлялъ даже ходу, какъ бы желая наверстать потерянное въ бесполезной остановкѣ время.

Входитъ Петръ Семенычъ въ обиталище какого-нибудь маленькаго мастерового или жалкаго еврея-торговца, гдѣ полунагихъ дѣтишекъ ничуть не меньше числа паразитовъ, копощащихся въ ихъ грязномъ платьѣ.

Хозяинъ или хозяйка быстро смахиваютъ рукою со стола остатки ѣды и стараются въ то же время освободить отъ вещей треногій стулъ или кривой табуретъ.

Воздухъ душень, спертъ.

Игравшія на полу или на скамьяхъ до прихода доктора дѣти замерли съ нѣмымъ испугомъ на лицахъ и, словно врасплохъ застигнутая коршуномъ стая молодыхъ воробьевъ, притаились, прижались и слѣдятъ своими любопытными глазенками за движеніями барина.

— Ну, какъ нашъ больной?—спрашиваетъ Петръ Семенычъ убитую горемъ хозяйку и, наскоро оглядываясь по сторонамъ, поспѣшно направляется въ какой-нибудь изъ темныхъ угловъ, откуда изъ-за вороха лохмотьевъ доносятся до слуха его или сухое покашливаніе, или болѣзненные, но сдержанные стоны.

— Плохъ онъ, плохъ у меня... И ума не приложу, что дѣлать съ нимъ... Сегодня присылалъ одинъ баринъ за нимъ, хотѣлъ бы штилеты заказать, но гдѣ ужъ ему...—сокрушенно поясняетъ хозяйка, сопровождая Петра Семеныча въ уголъ.

Замѣтивъ готоваго раскричаться одного изъ дѣтвора своей, ма

погрозила ему пальцемъ, а самого меньшого взяла на всякій случай съ полу къ себѣ на руки.

Ввалившіяся щеки, да какой-то лихорадочный сухой блескъ въ глазахъ больного вмѣстѣ съ этимъ сухимъ, удушливымъ покашливаніемъ лучше всякихъ учебниковъ говорятъ Петру Семенычу о характерѣ болѣзни.

Онъ пытливымъ окомъ окинулъ больного. Его высокій, прямой лобъ на минуту нахмурился, брови сурово сдвинулись; но онъ торопится отогнать отъ себя невеселыя думы, зная, что именно здѣсь каждый его жестъ, каждое его слово могутъ дѣйствовать или удручающимъ, или ободряющимъ образомъ, и весело произносить:

— Эге, ге! Братъ! Много-много лучше сегодня! Просто молодцомъ выглядишь... Денька три-четыре, а много, если недѣльку поваляешься, отдохнешь, а тамъ и я тебѣ, пожалуй, ботинки закажу...

Цумакинъ садится въ своей крылаткѣ на край постели возлѣ больного, вынимаетъ какіе-то старомодные серебряные часы и выслушиваетъ пульсъ.

Потомъ бережно, любовно, съ веселыми шуточками простукиваетъ легкія, подробно спрашиваетъ и самого пациента и жену его: какъ проведена ночь? хорошо ли спалъ? сильно ли кашлялъ? не было ли поту во время сна? и прочее.

— Давала ты ему лѣкарство?

— Давала она мнѣ, давала! — слышится словно замогильный голосъ изъ угла, но сильный кашель мѣшаетъ больному договорить.

— Ну, ничего, ничего! Поправисься!... Я вотъ тебѣ еще немножко другого лѣкарства пропишу!

И Петръ Семенычъ переходитъ къ столу, чтобы написать рецептъ, и тутъ же попутно объясняетъ и больному, и женѣ его, какъ слѣдуетъ принимать лѣкарство.

— Ты зайди ко мнѣ завтра утречкомъ въ больницу, тамъ фельдшеръ и выдастъ тебѣ его... Даромъ выдастъ! — послѣднюю фразу онъ произноситъ скороговоркой, старается не глядѣть на бабу и треплетъ по пухлой щекѣ одного изъ подвернувшихся ему подъ руку ребятъ.

— Ну, что, бутузъ? Молодчина, молодчина!... Вотъ въ слѣдующій разъ я конфетъ тебѣ принесу!

— Ужъ такое вамъ спасибо, ужъ такое спасибо, что лѣкарство да мѣ даете! — начинается разсыпаться въ благодарностяхъ баба.

Петръ Семенычъ жметъ, лицо его принимаетъ какое-то недовольное выраженіе, и онъ, не глядя на бабу, торопливо машетъ рукою, какъ бы отгоняя отъ себя нѣчто непріятное, назойливое.

— Пустяки, мать моя, пустяки, что тамъ о глупостяхъ толко-

вать; а вотъ что...—онъ оставилъ щечку ребенка и, выпрямившись во весь ростъ передъ бабой, понизивъ голосъ, спрашиваетъ ее:—а не могла бы ты, мать моя, переѣхать, ну хоть на мѣсяць-другой, въ какую-нибудь этапъ деревню... Къ роднымъ, что ли, къ знакомымъ погостить?

Баба хлопаетъ изумленными глазами и старается понять, о чемъ ее собственно спрашиваетъ докторъ.

— Взяла бы туда мужа, дѣтей, пожила бы себѣ на вольномъ воздухѣ... Мужъ бы окрѣпнулъ... То-есть окончательно окрѣпнулъ...

— Куда же мы, господинъ докторъ, переѣдемъ, коли мы урожденные городскіе?... Да и достатки наши... сами знаете... какая и была копейка, и ту прожили... Бѣдность у насъ... Давеча теплую шаль снесла въ замогъ, потому кормиться надо...

Петръ Семенычъ понуро выслушиваетъ бабу и, подъ впечатлѣніемъ чего-то тяжелаго, неотразимаго, медленно протягиваетъ руку къ столу за своей фуражкой.

Глубокій вздохъ вырывается у него изъ груди, и онъ, словно отгоняя отъ себя назойливыя невеселыя думы, встряхиваетъ головою:

— Ну, ничего, ничего!... Только почаще окна открывай... Теперь лѣто, въ духотѣ жить нельзя... А мужа, если можно, проваживай хоть по двору, только не рано утромъ и не поздно вечеромъ... Я... я забѣгу завтра...

Онъ сгибается, чтобы не стукнуться головою о дверной косякъ, но баба въ это время ловить его руку и старается всунуть ему какую-то мелочь.

— Не надо, не надо!... Что ты? Что ты? — шепчетъ ей Петръ Семенычъ и, словно испуганный, выскакиваетъ на улицу.

Надежда Осиновна приближается въ это время съ дѣтьми своею медленной, нѣсколько съ развальцемъ, походкою.

— Ну, что, много дали за визитъ?—ласково заглядывая въ глаза, спрашиваетъ она супруга.

Петру Семенычу, очевидно, неприятенъ разговоръ объ этомъ, а потому онъ старается достать портсигаръ и закурить папиросу.

Нѣкоторое время супруги идутъ молча. Дѣти рѣзвятся впереди ихъ.

Петръ Семенычъ сильно затягивается табачнымъ дымомъ и, не порываясь даже уйти отъ супруги, пускаетъ передъ собою большіе клубы.

— Ну, что, полтинникъ дали, да?

Онъ молчитъ, глядитъ въ сторону и почему-то съ силою удаляетъ свою суковатую палкой о тротуаръ.

— Да, полтинникъ!

— Что-жь бѣдные, что ли, больно?

— Да, бѣдные... Сапожникъ какой-то... Чахотка... куча дѣтей...

— Ну, слава Богу, что хоть не даромъ... А то бѣгаешь, бѣгаешь и даромъ... Дай-ка, Петруха, деньги сюда!

— Фи, какая ты... Дома отдамъ... На улицѣ давай ей полтинникъ...

Произносить онъ это съ замѣтнымъ усиленіемъ, почему-то отдувается и еще ожесточеніе начинается на ходу колотить палкою ни въ чемъ неповинный булыжникъ.

Вскорѣ Надежда Осиповна заговариваетъ о чемъ-то, къ послѣднему визиту не относящемся, и Петръ Семенычъ замѣтно веселѣетъ.

Шутить, балагурить, радуясь, словно школьникъ, надувшій строгаго учителя.

Но надуть Надежду Осиповку не такъ-то легко.

Вскорѣ ей оказывается нужнымъ купить какую-то мелочь въ лавкѣ. Все семейство заходитъ туда, Надежда Осиповна выбираетъ себѣ что-то, но при расплатѣ видитъ, что она забыла деньги дома.

— Петруха, дай-ка мнѣ сорокъ пять копеекъ.

Петра Семеныча послѣдняя фраза огорашиваетъ, онъ нѣкоторое время нерѣшительно посматриваетъ на жену и вслѣдъ за тѣмъ разражается добродушнымъ смѣхомъ.

— Ну, пусть, Нада, домой принесутъ, — говоритъ онъ, пожимая плечами, причемъ продѣлываетъ это съ такою комично-виноватою гримасою и такъ трагически-безнадежно разводитъ руками, что готовая метать громы и молніи Надежда Осиповна, и та не выдерживаетъ, улыбается.

Дѣти, видя веселое настроеніе духа родителей своихъ, дергають отца за полы крылатки.

— Папа, папочка!... Какой смѣшной, Лида, папочка!

Еврей-лавочникъ съ удовольствіемъ соглашается доставить покупку на домъ господину доктору, а Надежда Осиповна, выйдя изъ лавки, начинаетъ распространяться на тему, что вратъ не хорошо, что это дурной примѣръ дѣтямъ и если ему ничего не дали за визитъ, потому что бѣдные люди, такъ слѣдовало сразу признаться.

Кому, кому, а Петру Семенычу характеръ его супруга отлично звѣстенъ, а потому онъ вначалѣ еще старается робко, неувѣренно защищаться, защищаться скорѣе для того, чтобы не идти молча по лицѣ, но вскорѣ совсѣмъ умолкаетъ.

Тутъ же кстати онъ вспоминаетъ, что ему еще необходимо зайти овѣдать одну роженицу-еврейку, да заодно ужъ забѣжать по дорогѣ посмотрѣть трудно больного въ больницѣ.

Все это мотивируется тѣмъ, конечно, чтобы имѣть свободнымъ вечеръ и никуда ужъ больше не отрываться.

Надежда Осиповна степенно направляется съ дѣтьми до дому, а Петръ Семенычъ своей торопливой походкою съ широко развѣвающейся по вѣтру крылаткою мчится куда-то вдаль по пыльной улицѣ города.

Бывали, бесспорно бывали случаи, когда Петръ Семенычъ возвращался домой и, не дожидаясь вопросовъ со стороны Надежды Осиповны, торжественно вынималъ изъ кармана докторскій заработокъ свой и бросалъ его на столъ.

Въ такія минуты онъ какъ-то подтягивался, подбадривался, молодѣлъ, можно сказать, и овидывалъ супругу вызывающимъ взоромъ.

Та радостно считала деньги и по окончаніи подсчета хвалила Петра Семеныча:

— Молодецъ, молодецъ, Петруха, четыре рубля сегодня заработалъ... Молодчина!... Теперь заплачу долгъ за матерію, а то подлая еврейка надоѣла просто... Чаю хочешь? Садись, я налью тебѣ сейчасъ... Вотъ если бы каждый день такъ...

— Странная ты, право, Надя!... Нельзя же, милая! Сообразоваться надо со средствами... Вѣдь никто не хочетъ лѣчиться даромъ... Богатый человекъ, конечно, много платитъ за визитъ... Ну, а другой бѣднякъ тычетъ тебѣ въ руку трудовые, послѣдніе мѣдяки... Ну, какъ взять ихъ?... Кругомъ нищета, убожество, ѣсть нечего, а за минутную работу буду я послѣдніе гроши отбирать, да?... Повернулась бы у тебя рука вырвать у голоднаго изо рта послѣдній кусокъ хлѣба?...

— Не о томъ, не о томъ я толкую, Петруха!... Конечно, если— бѣдный и заплатить нечѣмъ, то кто же говоритъ, чтобы ты требовалъ платы?... Вовсе нѣтъ... Садись, садись!... Вотъ тебѣ чай! Усталъ сильно?

Крылатка его оказывалась въ рукахъ Евфиміи, а Ваня, надѣвъ на свою бѣлокурую головку отцовскую фуражку, вызывалъ у Лидочки такой искренній и заразительный смѣхъ, что Надежда Осиповна принималась нѣсколько разъ останавливать распалившихся передъ сномъ дѣтей.

— Пусть пошालятъ, Надя, никому не мѣшаютъ, маленькіе вѣдь! — ласково замѣчалъ супругъ Петръ Семенычъ и такъ какъ дѣтская возня происходила вокругъ отцовскаго стула, то ему, т.-е. Петру Семенычу, нѣсколько разъ грозила опасность уронить на полъ стаканъ чаю.

— Противъ того, чтобы не брать, т.-е. не требовать съ бѣдн

ковъ, я ничего не имѣю, — продолжала прерванный на время разговоръ Надежда Осиповна, поближе усаживаясь къ мужу. — Но твои отказы отъ платы, право, странны для меня... Вѣдь мы же сами не Богъ вѣсть какіе кресы, еле-еле концы съ концами сводимъ и нищенски живемъ... Пойми ты, дѣти вѣдь у насъ... Растутъ они, и наша нравственная задача воспитать ихъ, дать имъ образованіе, а на какія средства сдѣлаемъ мы это, если теперь ни гроша не отложимъ про черный день?... А ты коришь меня, — скупая, скупая... Поневождь другой разъ возьметъ меня зло передъ твоимъ бравурнымъ великодушіемъ.

— Кто же бравуруетъ, Надя? Что ты? — испуганно говорилъ Петръ Семенычъ и даже ставилъ стаканъ съ чаемъ на столъ. — Я? Такъ я стараюсь и не говорю объ этомъ!... Мнѣ, сама знаешь, и неприятны даже эти проклятые денежные разговоры...

— Ну, объясни мнѣ, почему ты отказываешься отъ платы, когда люди сами предлагаютъ тебѣ ее, а?

Петръ Семенычъ молчалъ и, казалось, не слышалъ даже обращеннаго къ нему вопроса.

Вся фигура его выражала собою скорбь, тоску, а брови, очевидно, подъ напыломъ бродившихъ въ головѣ невеселыхъ мыслей, то сдвигались въ глубокую складку, то постепенно расправлялись, принимая естественное положеніе, и складка промежъ нихъ сама собою разглаживалась, пропадала.

Надеждѣ Осиповнѣ дѣлалось жаль въ такія минуты мужа, она ласково вжала ему руки на плечи и, тихо прижимаясь, произносила:

— Петруха, не горюй!... Оставь, пей чай... хорошо, да?

Петръ Семенычъ вздыхалъ, тихо гладилъ по головкамъ шалившихъ дѣтей и, ни къ кому собственно не обращаясь, говорилъ:

— Да... да...

Но не всегда семейныя пререканія оканчивались миромъ.

Порою миролюбивый и уступчивый Петръ Семенычъ не выдерживалъ и, доведенный до крайности нападками со стороны супруги, рѣзко произносилъ:

— Я не понимаю, что ты хочешь отъ меня? Чтобы я разбоемъ занимался, что ли? Вѣдь живемъ, слава Богу, сыты, одѣты, обуты! Что же больше надо?

— Это не жизнь, это нищенство!... Я не привыкла къ такой жизни!...

— Понимаю, понимаю!... Конечно, не привыкла!... Еще бы, дочь отъ твоего совѣтника, чуть не превосходительства, и вдругъ ютится въ какихъ-то четырехъ комнаткахъ, да еще гдѣ?... Въ провинціаль-

номъ, грязномъ городишкѣ!... Трудно, конечно, трудно, что и говорить... Но для меня, скажу тебѣ, жизнь такая—это верхъ комфорта и роскоши потому... да потому, что я—сынъ мужика, того самого мужика, съ котораго вы совѣтуете драть послѣднюю шкуру!...

Петръ Семенычъ быстро вскакивалъ съ мѣста и принималъ нервно ходить по комнатамъ.

— Дочь ли статскаго совѣтника или кого другого—это безразлично, но главное, вѣдь ты самъ знаешь, что человѣку немудрено отрѣшиться отъ условій жизни въ дѣтскіе годы, а потому, мнѣ кажется, упрекать меня чуть не генеральскимъ происхожденіемъ—глупо!... Согласись, что глупо!... А равно и смѣшны твои бахвальства «я—сынъ мужика»!

— Далекъ отъ мысли даже рисоваться передъ вами... Я подчёркиваю самый фактъ, что это мнимое нищенство наше съ моей точки зрѣнія верхъ роскоши... Дай Боже, чтобы всегда такъ было!... Чего же намъ дворца, что ли, желать надо?... Бопить про черныя деньги. Хотя бы кругомъ народъ околѣвалъ съ голоду?... Собирать... да не собирать, выхватывать у бѣдняковъ послѣднія крохи, да? Такъ что ли?

— Утрировать всякую вещь можно!—Надежда Осиповна, взглянувъ на мужа пристальнымъ, долгимъ взглядомъ, брезгливо отворачивалась въ сторону.—Я не о грабёжѣ говорю!... А почему же все ты да ты долженъ бѣгать по бѣднякамъ?... Почему же вотъ къ другому врачу, Превскому, они нейдутъ, не обращаются?... А вѣдь тотъ врачъ тоже университетъ окончилъ?... Онъ имѣетъ досугъ, а у тебя нѣтъ его?... Ты даже, словно чужой, въ кои вѣки удосужишься вечера провести въ семьѣ, среди дѣтей...

— И главное, у него деньги водятся!... Про черныя деньги припасено!... Не такъ ли?

— А это плохо развѣ?

— И дѣти его и супруга одѣваются по послѣдней модѣ? У него бывають люди, онъ задаетъ балы, банкеты, вѣдь такъ?

— Разъ есть достатокъ, такъ почему бы и не одѣваться чисто? Ужъ такой замарашкой кухаркой не ходить его жена, какъ твоя...

— А развѣ я запрещаю тебѣ заказывать платья?... Только ты носить ихъ не умѣешь: разъ надѣла и готово... Или залито масломъ, или порвалось гдѣ-либо... Такъ что-жъ ты хочешь, чтобы я еще училъ тебя, какъ нужно носить платья, такъ, что ли?... Ты видишь, я безъ штановъ хожу и молчу... Отказалъ ли я тебѣ хоть разъ въ чемъ-либо? Или намекнулъ хотя бы, что не стоило бы шить платья или что-либо другое?

— Такъ вотъ оно къ чему дѣло идетъ?... Тебѣ досадно, что жена дѣлаетъ себѣ платье, швыряетъ деньгами?... А ты хотѣлъ бы видѣть меня послушной рабой, кухаркою, цѣлый день въ вонючей атмосферѣ кухни? Да?...

Надежда Осиповна откидывалась на спинку стула и нервно хохотала.

Неестественный смѣхъ гулко раскатывался по комнатамъ и неприятно дѣйствовалъ на нервы взволнованнаго супруга.

Петръ Семенычъ стоялъ въ сторонѣ, и заложивъ правую руку за бортъ своего сюртука, сердито глядѣлъ на жену.

Добродушное, привѣтливое лицо его въ такія минуты перекашивалось, передергивалось и подъ впечатлѣніемъ семейныхъ передрагъ дѣлалось даже чернѣе.

— Да!... Остается мнѣ видно съ завтрашняго дня послѣ визитаци скинуть сюртукъ, засучить рукава и отправиться на кухню готовить обѣдъ, потому что супруга моя не раба и не кухарка!...

Но Надежда Осиповна старалась не слушать его и все громче и громче хохотала. Грудь ея порывисто подымалась, и Петръ Семенычъ, глядя на нее въ профиль, видѣлъ, какъ большой, прямой носъ ея быстро поначивался взадъ и впередъ, словно собирался отдѣлаться отъ лица своей обладательницы.

— Вы знали, сударыня, что не палаты ждутъ васъ впереди, когда выходили за меня замужъ.

И Петръ Семенычъ быстро схватывалъ свою валявшуюся гдѣ-нибудь въ углу фуражку и, выколачивая ее рукою, исчезалъ въ темную переднюю.

Захвативъ крылатку и суковатую палку, быстро шагаль онъ по безлюднымъ темнымъ улицамъ города, направляясь къ какому-нибудь больному.

Далеко послѣ полуночи онъ возвращался домой, осторожно стучался палкою въ окно кухни; полусонная Евфімія, громко позѣывая, открывала ему дверь въ переднюю, и онъ тихо-тихо проходилъ къ себѣ въ кабинетъ.

— А что, дѣти давно заснули?—шопотомъ спрашивалъ онъ расстроенную Евфімію, зажигая свѣчу на письменномъ столѣ.

— Спать, давно уже спать!... И барыня заснули... Сказывали, что какъ вы придете, такъ чтобы я разбудила ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!—пугливо говорилъ онъ.

— Петруха, это ты? — доносился сдержанный голосъ изъ спальни.

— Я, я!... Спи!...— отвѣчалъ Петръ Семенычъ и, осторожно раздѣвшись, заваливался спать у себя на клеенчатой кушеткѣ.

II.

Отличительной чертою дѣятельности Петра Семеныча была «война».

Враги его не стѣснялись въ средствахъ для достиженія намѣченной цѣли и въ то самое время, когда борьба достигала наивысшаго напряженія своего и побѣда должна была бы склониться на сторону принципиально праваго, т. е. Петра Семеныча, послѣдняго вдругъ ни съ того, ни съ сего «убирали», «сплавляли», переводили почему-то въ другое мѣсто или предлагали ему помириться.

Но онъ не понималъ такого мира и, собравъ свои нехитрые пожитки, изъ которыхъ самымъ крупнымъ и драгоценнымъ была довольно обширная библіотека, перекочевывалъ изъ одного конца Россіи въ другой.

Такъ, въ бытность свою уѣзднымъ врачомъ въ одномъ изъ заолустныхъ городковъ нашихъ онъ, прослужа мѣсяцевъ 5—6, нашель, что городская бойня не на мѣстѣ стоитъ.

Бойня была расположена вверхъ по той самой рѣчонкѣ, возлѣ которой приютился жалкій пригородъ уѣзднаго городка и бѣдное населеніе потому-то и часто болѣло, что должно было пить какую-то вонючую муть, вмѣсто воды. Здѣсь же купалась въ жаркую погоду не только дѣтвора, но и взрослые. А потому и нѣтъ ничего удивительнаго, что всякаго рода заразительныя болѣзни гуляли на свободѣ по пригороду и не только способствовали увеличенію числа жителей, но даже какъ будто и уменьшали таковое. Бойня была старая. Заарендовалъ ее богатый купецъ и уже много лѣтъ держалъ ее.

Петръ Семенычъ, какъ человѣкъ тогда еще свѣжій въ городѣ, направился прямо къ исправнику.

— А вы знаете, Кириллъ Матвѣичъ, вѣдь наша городская бойня — это форменнѣйшая клоака, это питомникъ всевозможнѣйшихъ бактерій, микробовъ и чего хотите!... А главное, все населеніе пьетъ эту зараженную воду... Вѣдь если, упаси Боже, прійдетъ губернаторъ...

Послѣднее слово очевидно повліяло на исправника сильнѣе всего цумакинскихъ медицинскихъ терминовъ, и заплывшая жиромъ испуничья фигура порывисто схватила со стола колокольчикъ и отчаянно зазвонила, словно сейчасъ долженъ былъ прійхать губернаторъ.

Явился какой-то прилизанный, молодой, но съ испитой физиономіею человѣкъ, которому приказано было подать «дѣло № такой-то».

Исправникъ долго перелистывалъ «дѣло», потомъ долго прочитывалъ что-то, а Петръ Семенычъ сидѣлъ возлѣ письменнаго стола «начальника уѣзда» и покуривалъ себѣ.

Послѣ чтенія исправникъ задумался, но потомъ, словно осѣненный напѣиємъ свыше, вспомнилъ о чемъ-то и, весело потирая руки, проговорилъ:

— И отлично, и отлично, дорогой Петръ Семенычъ!... Вы, стало быть, составьте актъ предварительнаго осмотра бойни этой, приведите всѣ эти ваши научные доводы, потомъ мы освидѣтельствуемъ съ вами и прижмемъ кушца!... О! запишите онъ у меня!... Знаете, негодня — народъ, тутъ просто работать нельзя!... Такъ и норовятъ, чтобы законъ обойти!...

— Но бойню, бойню, Бирилль Матвѣичъ, такъ оставлять нельзя... Ее запечатать нужно... Немедленно закрыть!... Помилуйте, вѣдь этакия жары стоятъ... У меня тифъ тамъ не переводится!

— Обязательно, обязательно завтра запечатаемъ ее!... У васъ лошадки нѣтъ—я заѣду утречкомъ за вами... Будьте здоровы!... Всего хорошаго!... А знаете ли, какъ помогли мнѣ капли ваши: со всѣмъ другимъ себя чувствую!... Словно переродился!...

— Еще какъ-нибудь забѣгу къ вамъ!... Выслушаемъ васъ и еще что-нибудь придумаемъ...—растерянно произнесъ Петръ Семенычъ, ныряя въ свою неизмѣнную крылатку.

«А какой однако превосходный человекъ Бирилль Матвѣичъ!—думалъ по дорогѣ Петръ Семенычъ.—И какъ близко принимаетъ къ сердцу интересы бѣдняковъ!... Вотъ съ такимъ служить, понимаю! Хоть и изъ канцелярскихъ писцовъ, а молодецъ, право молодецъ!

Вечеромъ онъ подѣлился своимъ впечатлѣнiемъ съ Надеждой Осиповной, и, слушая его, со стороны, могло показаться, что онъ не только восхищенъ, но просто влюбленъ въ исправника.

Жена немного расхолодила его.

Но Петръ Семенычъ съ этого дня всякій разъ, какъ только кто-либо изъ знакомыхъ заводилъ рѣчь объ исправникѣ, восторженно говорилъ: «О! Это милѣйшiй человекъ!... Честнѣйшая душа!» И принимался рассказывать о бойнѣ.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ подозрительно покашивались на него, въ глазахъ ихъ такъ и стояло: «скоро, скоро спѣлись!» Другiе же, бы же знавшiе Петра Семеныча, старались дать понять ему, чтобы во обще онъ не особенно-то надѣялся.

Но Петръ Семенычъ ласково улыбался и только отмахивался руками: «Что вы? Что вы? Полно каркать.... Видна птица по полету, то что не этоть, только не этоть!»

Говорилъ это Петръ Семенычъ такъ горячо и убѣжденно, словно пытался защитити отъ злыхъ языковъ самое близкое и дорогое ему существо.

Дѣло съ закрытіемъ бойни быстро подвигалось впередъ.

На другой день на исправничьихъ лошадяхъ неся Петръ Семенычъ съ начальникомъ уѣзда къ злополучной клоакѣ. Масса купцовъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ существованія бойни, толпилась вокругъ ветхаго зданія.

Бойня была запечатана, причемъ самъ начальникъ уѣзда игралъ какую-то второстепенную роль и со стороны казалось, что онъ собирается свою откормленную фигуру спрятать позади широкой крылатки Петра Семеныча.

Для вящей убѣдительности и наглядности, что вода негодна для питья, Петръ Семенычъ торжественно налилъ въ штофъ этой муты и привезъ съ собою домой.

Одну часть направилъ онъ для анализа въ «губернію», другую — въ одинъ изъ университетскихъ городовъ, прося знакомаго профессора поскорѣ сообщить ему результаты, а надъ третьей нѣсколько дней подъ рядъ возился у себя дома, желая провѣрить самого себя, сойдется ли его, домашнимъ способомъ сооруженный, анализъ съ профессорскимъ, и чтобы знать потомъ, насколько онъ, Петръ Семенычъ, и въ чемъ именно ошибся.

Купцы забѣгали, всполошились.

Исправникъ, до котораго дошли слухи о похвальныхъ отзывахъ о немъ, казалось, души не чаялъ въ Петрѣ Семенычѣ и съ готовностью предупреждалъ малѣйшее желаніе Цумакина.

Вслѣдъ за бойнею какъ-то самъ собою выдвинулся на сцену вопросъ о томъ, что торговцы мясомъ содержатъ свои помѣщенія въ невозможнѣйшемъ видѣ, не имѣютъ на себѣ и подобія бѣлыхъ передниковъ.

Петръ Семенычъ и тутъ совмѣстно съ полиціей привлечь къ отвѣственности мясниковъ.

Мирный полусонный городокъ закипѣлъ, заволновался, словно муравейникъ, разрытый чьей-то властною рукой.

Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ крупныхъ, богатыхъ купцъ зъ поймалъ мчавшагося въ больницу Петра Семеныча и остановилъ о.

— Господинъ докторъ... А господинъ докторъ!

— Что такое?

— Когда я могу видѣть васъ дома?

— А вы чѣмъ больны?

— Не... не то совѣмь!... Намъ бы по дѣлу одному видѣть васъ надо... Посовѣтоваться!...

Петръ Семенычъ моргалъ глазами и имѣлъ видъ человѣка, никакъ не могущаго сообразить, о чемъ собственно его спрашиваютъ.

Наконецъ, догадался и улыбаясь переспросилъ:

— То-есть вы нездоровы, говорите правду!... У васъ секретная болѣзнь? Да?

Солидный купецъ испуганно отшатнулся отъ него, испуганно замахалъ руками, словно собираясь отогнать витающую вокругъ него секретную болѣзнь.

— Что вы говорите, что вы говорите!...— съ ужасомъ на лицѣ бормоталъ онъ.— У меня уже сынъ женатый... А мы къ вамъ,—таинственно продолжалъ онъ,—по личному нашему, одному дѣлу... Когда я могу застать васъ одного дома?... Часовъ въ 7 вечера вы будете? Да... а?

— Пожалуй въ 7 часовъ буду!...—неувѣренно промзнесъ Петръ Семенычъ и всетаки недоумѣвалъ, зачѣмъ это купцу нужно видѣть его.

Въ означенному времени купецъ прибылъ на квартиру Цумакина и, предварительно освѣдомившись у Евфимии, не занятъ ли баринъ, не сердитъ ли онъ, просилъ ее доложить о немъ, ткнувъ ей въ руку, къ немалому удивленію горничной, серебряную монету. Когда его пригласили въ кабинетъ, то онъ вошелъ робко и почему-то поплотнѣе притворилъ за собою двери.

Петръ Семенычъ предложилъ ему сѣсть, а самъ приготовился слушать.

— И зачѣмъ это вы, господинъ докторъ, въ наше, можно сказать, дѣло полицію впутываете?... Не надо было! Совѣмъ не надо!

— То-есть о чемъ вы говорите, не понимаю я?

— Извѣстно о чемъ: о бойнѣ и о бѣдныхъ мясникахъ... Бѣдному человѣку долго ли разориться?... Мало ли мы имъ платимъ?... Сказали бы намъ, что вотъ такъ и такъ... Ну, по стольку-то съ бойни, по стольку-то съ мясника и дѣло миромъ... Вѣдь и до васъ платили...

— Какъ? Взятки давали?

Купецъ снисходительно улыбнулся и пожалъ плечами.

— Это развѣ взятка?... Это за труды ваши, за хлопоты... Мы развѣ не понимаемъ, какъ вы трудитесь, какъ вы работаете... Что мы — животныя безчувственные, что ли? Бросьте вы эту полицію и... сами себѣ, своей головой живите.

Онъ порылся въ боковомъ карманѣ и вынулъ оттуда туго наби-

тый конвертъ, изъ котораго выглядывали, словно просясь на свѣтъ Божій, кредитныя бумажки различныхъ размѣровъ, цвѣтовъ и достоинствъ.

— Вотъ вамъ пока двѣсти рублей... Въ Новому году еще столько будетъ.

Петръ Семенычъ, словно ужаленный, вскопчилъ съ мѣста и бросился со сжатыми кулаками на купца.

— Мнѣ? Взятку? Вонъ, скотина!—неестественнымъ голосомъ закричалъ онъ.

Руки у него тряслись, лицо побагровѣло; всегда добрые, ласковые глаза приняли какое-то дикое, звѣрское выраженіе.

Купецъ испуганно вскопчилъ съ мѣста и, пряча деньги обратно, попятился спиною назадъ, причемъ долго озирался по сторонамъ, какъ бы стараясь припомнить, въ какую же изъ двухъ дверей докторскаго кабинета онъ вошелъ.

Онъ задѣлъ ногою и рассыпалъ на полъ тазикъ съ пескомъ, что стоялъ въ углу.

Но въ это время изъ передней высунулась на крикъ удивленная фізіономія Надежды Осиповны. Купецъ быстро юркнулъ въ дверь и, словно ошпаренный, выскочилъ во дворъ, съ перепугу забывъ даже захватить съ собою зонтикъ, который потомъ уже вынесла ему на улицу Евфімія.

— Мнѣ скотина эта предложила взятку, а? Каково?—говорилъ онъ, волнуясь женѣ.

— Успокойся, успокойся, Петруха!... Въ чемъ дѣло?—Надежда Осиповна ласково положила ему руки на плечо.—Воды хочешь?

— Дай, пожалуйста! Мнѣ негодяи предлагаютъ взятку, чтобы не поднимать исторія съ ихъ бойней?... Чтобы позволить умирать народу, а?—онъ жадно припалъ къ стакану и пилъ воду.

— Сколько предлагали, а?

— Да двѣсти, что ли, рублей... Но не въ томъ дѣло... Не въ суммѣ...—брезгливо говорилъ онъ и морщился.

На лицѣ Надежды Осиповны скользнуло печальное облачко, и она чуть замѣтно вздохнула.

— Успокойся, успокойся, Петруха! — только и могла проговорить она.

Петръ Семенычъ не только былъ возмущенъ предложеніемъ взятки, но и чувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Когда вскорѣ послѣ этого при свиданіи съ исправникомъ онъ пѣною у рта передавалъ ему объ этомъ, то началъ ни въ уѣзда нечувствовалъ себя почему-то неловко и продѣлывалъ такія тѣлодвиженія ,

какъ будто у него зачесалась спина; потомъ глупо захопалъ глазами и стыдливо опустил ихъ внизъ.

Присутствовавшій при этомъ мировой судья громко, до невѣжливости громко засмѣялся, и, лунаво подмигивая Петру Семенычу, указывалъ головою на исправника.

— Да, да, скотина... — бормоталъ исправникъ.

Вскорѣ получился отвѣтъ изъ университетскаго города, причемъ профессоръ въ приложенномъ къ результатамъ анализа письмѣ поражался и негодовалъ, какъ мыслимо такую «бурду» пить не только людямъ, но и животнымъ.

Петръ Семенычъ торжествовалъ, такъ сказать, вдвойнѣ: во-первыхъ, потому, что результаты его домашняго анализа близки были къ профессорскимъ, а, во-вторыхъ, потому, что радовался за ту бѣдную массу пригороднаго люда, которая въ скоромъ времени будетъ имѣть возможность употреблять чистую воду и избавится отъ болѣзней; и онъ даже подалъ въ городскую управу заявленіе о томъ, гдѣ, по мнѣнію его, какъ врача, необходимо брать воду для питья, гдѣ купаться людямъ, гдѣ — животнымъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ онъ наскоро написалъ и послалъ въ одну изъ мѣстныхъ газетъ корреспонденцію, гдѣ рѣзкими, сильными штрихами были очерчены городскія безобразія. Было упомянуто и о бойнѣ, и о мясникахъ, и о водѣ съ результатами профессорскаго анализа.

Губернское врачебное начальство обратило вниманіе на корреспонденцію, и скорѣ пришло оттуда разъясненіе, что воду пить нельзя и что поэтому бойню слѣдовало бы перенести на другое мѣсто.

Косвенно оно благодарило даже Петра Семеныча за его дѣятельность.

Буйцы всполошились не на шутку, забѣгали, заволновались по городу и даже, какъ утверждали нѣкоторые, нѣсколько человекъ поѣхало въ губернскій городъ.

Зачѣмъ оправились они туда, неизвѣстно. Извѣстно только одно, что Петръ Семенычъ получилъ скорѣ другую бумагу, но на этотъ разъ болѣе сухую, официальную, гдѣ говорилось, что бойню можно не переносить, оставить на мѣстѣ, такъ какъ результаты перваго анализа ошибочны, и указывалось, между прочимъ, на то, что проточная вода имѣетъ свойство обеззараживать предметы (отбросы), а потому, слѣдуетъ быть...

Петръ Семенычъ не дочиталъ бумаги до конца и, швырнувъ ее на полъ, взволнованный побѣжалъ къ исправнику.

Тотъ принялъ его нѣсколько сухо и все время избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ глазами. Во время разсказа Петра Семеныча о глу-

пости и тупости губернскаго врачевнаго начальства, онъ испуганно косился на входную дверь и сосредоточенно разсматривалъ свои ногти.

— Да... оно, конечно... губернія... начальство... — несвязно бормоталъ Кирилль Матвѣичъ, но больше вздыхалъ, усиленно ерзалъ на стулѣ и дѣлалъ видъ, какъ будто онъ торопится куда-то.

Петръ Семенычъ вышелъ отъ исправника и на улицѣ громко выругалъ своего недавняго закадычнаго пріятеля.

Въ душѣ Цумакинъ рѣшилъ во что бы то ни стало довести начатое дѣло до конца.

Ему почему-то казалось, что во всемъ этомъ дѣлѣ съ «бойней» и «водою» кроется какое-то недоразумѣніе, а потому достаточно ему съѣздить въ губернской городъ, лично переговорить съ начальствомъ, показать результаты профессорскаго анализа, чтобы убѣдить въ справедливости и законности его, цумакинскихъ, требованій, — словомъ, освѣтить весь вопросъ такъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности.

Сколько ни уговаривала, ни убѣждала его Надежда Осиповна въ бесполезности поѣздки, ничего не помогло.

Напрасно толковала она ему о людской несправедливости, о какихъ-то подкупахъ, и разъ даже пожалѣла о томъ, что онъ не взялъ 200 рублей.

Петръ Семенычъ отъѣхалъ.

Широко раскрытыми глазами долго глядѣлъ онъ на нее, словно стараясь сообразить, гдѣ онъ находится и съ кѣмъ говорить.

— Я? Взять деньги?... Ты это говоришь?

Надежда Осиповна струхнула и замаялась.

— Да я не къ тому собственно, Петруха! — возможно ласковѣе проговорила она и близко, совсѣмъ близко прильнула къ мужу, старалась обнять его.

Но онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и отстранилъ ее.

— Вообще, Петруха, деньги пригодились бы. Въдь такъ?... Развѣ не права я?

Петръ Семенычъ глубоко вздохнулъ и задумался.

Вскорѣ онъ вспомнилъ о какомъ-то трудно-большомъ съ интереснымъ осложненіемъ болѣзни и, схвативъ фуражку съ крылаткой, вышелъ изъ дому.

Собравъ послѣдніе гроши, онъ тронулся въ губернію.

Поѣздка эта не привела ни къ чему.

Губернское начальство проводило ту мысль, что попеченіе о людяхъ безусловно вещь хорошая, но что вообще слѣдуетъ ладить съ людьми и не воевать.

— Мы—люди науки—должны достигать желаемыхъ резул- та-

товъ только миролюбивыми путями. Въ этомъ по моему и состоитъ задача врачей!—сентенціозно заключило начальство.

Петръ Семенычъ не соглашался, доказывалъ, спорилъ и, когда рѣчь коснулась анализа воды, то дѣйствительнаго статскаго совѣтника назвалъ «коллегою».

При этомъ словѣ начальство стало усиленно водить носомъ и даже закашлялось, словно какое-то постороннее тѣло застряло у него въ горлѣ.

Поѣздка кончилась ничѣмъ, а Петръ Семенычъ помимо желанія былъ переведенъ вскорѣ, для пользы службы, въ другой, лучший, правда, городъ...

Но такъ какъ бойня оставалась на прежнемъ мѣстѣ и мясники по-старому надѣвали по утрамъ вмѣсто бѣлыхъ фартуговъ грязные мѣшки, то на переводъ этотъ онъ не согласился и уѣхалъ на службу въ Сибирь.

Послѣднее мѣсто выхлопоталъ ему профессоръ и намекнулъ, что Петръ Семенычъ можетъ тамъ заняться какими-то антропологическими изслѣдованіями надъ инородцами.

Надобно упомянуть, что университетъ окончилъ Цумакинъ «cum laude», а потому старый холостякъ-профессоръ совѣтовалъ ему не порывать окончательно связи съ наукою и теперь, по случаю назначенія въ Сибирь, выражалъ надежду скоро увидѣться съ Петромъ Семенычемъ, какъ защищающимъ докторскую диссертацию.

Полный розовыхъ надеждъ и упованій, несся Петръ Семенычъ со своими чадами и супругой на новое поприще дѣятельности.

Онъ былъ назначенъ врачомъ въ одинъ изъ крупныхъ тюремныхъ центровъ.

Правда, содержаніе было не особенно большое; но зато онъ былъ единственнымъ врачомъ въ городѣ, и частная практика его и слава о внимательномъ и добросовѣстномъ лѣченіи день ото дня росла и росла.

Здѣсь онъ прежде всего «изловилъ» аптекаря. Дѣло въ томъ, что аптека сплошь да рядомъ замѣняла одни элементы, входившіе въ составъ прописываемыхъ Петромъ Семенычемъ лѣкарствъ, другими, болѣе или менѣе подходящими и, конечно, болѣе дешевыми.

Однажды, пользуя супругу начальника области, замѣчаетъ онъ, что дѣло не ладно.

Больная должна бы, казалось, по всему ходу болѣзни, давно всасть; но барыня лежитъ, и даже болѣзнь какъ будто осложняется на инасть.

Пробуетъ самъ лѣкарство, и что за чортъ! Вмѣсто горькаго, во рту чувствуется что-то сладкое.

Цумакинъ взялъ микстуру къ себѣ домой.

О, ужась! Аптекарь смошенничалъ! Въмѣсто одного закатамъ другое!

Вскипѣлъ генераль до невѣроятнаго. Генеральша въ слезы — отравить хотѣли.

И не одобровать бы бѣдному аптекарю, если бы не горячее заступничество того же самаго Петра Семеныча.

Насилу, насилу упросилъ старика, и дѣло окончилось домашнимъ образомъ.

Но зато аптекарь, тамошній старожилъ, съ этой минуты возненавидѣлъ Петра Семеныча и, расточая ему въ лицо ласковыя улыбки, не прочь бы придавить его гдѣ-нибудь въ темномъ углу или утопить въ ложкѣ воды.

За кандальниковъ и каторжанъ Цумакинъ стоялъ горой.

При малѣйшей къ тому возможности освобождалъ онъ ихъ не только отъ плетей, но и отъ работъ и отъ дальнѣйшаго слѣдованія пѣшкомъ по этапу, непременно требуя подѣ слабосильныхъ больныхъ подводы.

Тюремное начальство, правда, исполняло его требованія, но шутя много разъ намекало ему, что нельзя въ самомъ дѣлѣ всю партію посадить на подводы, что средства, молъ, ограничены и прочее.

Называли Петра Семеныча «арестантскимъ докторомъ», и онъ не обижался.

Правда, Надежда Осиповна трепетала каждый разъ за жизнь своего Петрухи, когда его экстренно требовали передъ сѣченіемъ или осмотромъ какого-нибудь «молодца», въ статейномъ спискѣ котораго значилось семь или восемь убійствъ.

— Что плачешь, глупая? — улыбался Петръ Семенычъ и гладилъ свою жену по головѣ. — Если бы весь городъ повырѣзали, то насъ съ тобою не тронуть... Потому я — Цумакинъ, докторъ!... Нужно, Надя, всегда къ людямъ по-человѣчески относиться... Перестань!

Иной разъ онъ, возвратившись домой, принималъ испуганный видъ.

— А знаешь что, Надя?

— Что? Что такое? — подлетала къ нему Надежда Осиповна и, затаивъ отъ волненія дыханіе, ждала, что скажетъ мужъ.

— Сегодня, представь себѣ, этотъ Вавилинъ, каторжникъ...

— Ну, ну? Ну, что такое?

Петръ Семенычъ тяжело дышалъ и вздыхалъ.

Надежда Осиповна стояла блѣднѣе полотна и тряслась.

— Чуть-чуть было не...

— Не убилъ тебя?

— Не попросилъ у меня папирсы!

И Петръ Семенычъ заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, схватывалъ свою жену, и напѣвая «тру-ля-ля», кружился съ нею по комнатѣ.

Та злилась, кипятилась и, вырвавшись изъ его объятій, убѣгала вонъ, называя его «сумасшедшимъ» и «осломъ».

Особою симпатіей его пользовались интеллигентные преступники, и странно было видѣть его гдѣ-нибудь на арестантскомъ огородѣ или возлѣ работъ горячо спорящимъ съ какой-нибудь сѣрой арестантской курткой. Слова: Милль, Спенсеръ, Марксъ, эволюція—и масса другихъ дѣлали роль бѣднаго зрителя или надзирателя и глухой, и смѣшной.

И такъ какъ эти споры происходили все чаще и чаще, а разъ даже двое изъ такихъ арестантовъ чуть было не попали въ гости къ Петру Семенычу, то и не мудрено, что начальство, благоволившее къ нему, какъ къ добросовѣстному врачу, потребовало его къ себѣ и попросило «не дѣлать этого».

Онъ хотѣлъ было доказать что-то, возражать, но его остановили: «До сихъ поръ говорилъ съ вами, докторъ, вашъ знакомый, а теперь говорить...»

Петръ Семенычъ прикусилъ языкъ, отеланялся и ушелъ.

Съ этихъ поръ его перестали приглашать для пользованія семейства начальника, а привозили другого врача изъ какихъ-то мѣстъ.

Увидя какого-нибудь типичнаго, косоглазаго инородца, Петръ Семенычъ тянулъ его на квартиру къ себѣ, измѣрялъ у него длину рукъ, ногъ, объемъ головы.

Иногда часа два-три возился онъ надъ субъектомъ, измѣрялъ его, опрашивалъ, а иногда и фотографировалъ.

Чуть-чуть поменьше станеть работы въ острогѣ, какъ ужъ Петръ Семенычъ такъ и норовить улизнуть изъ города въ инородческія деревни или становища.

Лѣчить ихъ тамъ, измѣряеть, записываетъ, и въ такой работѣ дни 6—7 пролетитъ у него совсѣмъ незамѣтно.

Порою привозилъ онъ съ собою человѣкъ трехъ-четырехъ и влалъ ихъ въ маленькую городскую больницу.

Все это продѣлывалъ онъ бесплатно и разъ только, спасши отъ смерти какого-то ужъ очень богатаго инородца, рѣшился взять въ даръ медвѣжьё невидѣланную шкуру.

Торжественно разостлалъ онъ ее у себя передъ письменнымъ столомъ, и дѣтвора его въ зимніе вечера рѣзвилась на ней.

Визиты Петра Семеныча здѣсь оплачивались много лучше. Потому—лучше, что въ городѣ было много зажиточныхъ, хотя и малограмотныхъ, кунцовъ; оттого Надежда Осиповна меньше корила мужа за бесплатное лѣченіе бѣдняковъ, за разорительныя поѣздки къ инородцамъ.

Она даже, тщательно скрывая отъ мужа, успѣла кое-что сберечь и про черный день, хотя это и не мѣшало ей при случаѣ плакаться передъ Петрухою, что они еле-еле сводятъ концы съ концами.

Послѣ такихъ заявленій Петръ Семенычъ дѣлался обыкновенно нѣсколько сумрачнымъ, печальнымъ и, съ грустью поглядывая на дѣтей, оставлялъ на нѣсколько дней свои антропологическія работы, не разъѣзжалъ по инородческимъ становищамъ на собственный счетъ и начиналъ болѣе усиленно посѣщать дома своихъ богатыхъ пациентовъ.

Усталый, голодный возвращался онъ поздно вечеромъ домой и бросалъ на столъ передъ супругою заработанныя деньги:

— На, старуха, спрячь! Сегодняшняя поденщина—наша.

Надежда Осиповна весело смѣялась, пересчитывала деньги и, пряча ихъ въ бездонный карманъ своей юбки, говорила:

— Петруха, ты усталъ, да? Ты сегодня и не обѣдалъ даже, бѣдный, бѣдный... Я сейчасъ подамъ тебѣ!... Оекла, а Оекла!—раздавалось по всей квартирѣ.

Появлялась сумрачная Оекла, ставился на столъ обѣдъ, и Петръ Семенычъ съ жадностью проголодавшагося волка набрасывался на ѣду.

— Папа, папочка прищель!—раздавались изъ спальни веселые дѣтскіе голоса.

Двери шумно распахивались, и дѣти съ оживленными личиками и блестящими глазками съ крикомъ атаковывали отца. Ваня шарилъ у него по карманамъ, Лидочка старалась взмоштиться къ обѣдавшему родителю на колъпи, а меньшей, Петя—двухгодовалый бутузъ, появившійся на свѣтъ Божій уже здѣсь, въ Сибири, видя, что мѣсто на колъняхъ отца занято, строилъ кислыя мины и былъ близокъ къ тому, чтобы расплакаться.

Надежда Осиповна въ такія минуты сердито пыталась разогнать дѣтвору, но Петръ Семенычъ останавливалъ ее:

— Не нужно! Зачѣмъ, мать, обижаешь ихъ: маленькія вѣдь! .. Ну, иди, иди ко мнѣ, тѣзка!—и онъ, отложивъ въ сторону суповую ложку, бережно втаскивалъ къ себѣ на колъни и меньшого.

Но когда передъ сномъ маленькій Петя капризничалъ и принимался кричать на весь домъ, то Петръ Семенычъ бросалъ свою работу, подсчетъ ли измѣреніямъ или наблюденіямъ надъ инородцами, или какую-нибудь статью въ специальный медицинскій журналъ, заботливо бралъ сынишку на руки и, баюкая его, старался или дописать статью, или докончить чтеніе какого-нибудь обзорѣнія изъ нашихъ серьезныхъ періодическихъ изданій.

— А... а... а!—распѣвалъ Петръ Семенычъ, укачивая начинавшаго засыпать мальчика.—Спи, ко-тигъ, спи, сы-ногъ!

А самъ въ то же время жадно скользилъ глазами по печатнымъ страницамъ.

Иногда вечерами онъ шалилъ, рѣзвился съ дѣтьми, валяясь съ ними по ковру, и смѣшно было видѣть его фигуру, безъ сюртука и жилета, его лицо, строившее дѣтямъ уморительно-страшныя рожи.

То онъ изображаетъ изъ себя медвѣдя, то лошадь, и дѣтвора съ веселыми, раскраснѣвшими личиками и блестящими, словно звѣздочки, глазками, шумливо старается взобраться на спину лошади-отца.

— Я, я... еще, папочка, не ѣздила... Стой, стой!—волнуясь и отталкивая другихъ, употребляетъ Лидочка неимоверныя усилія, чтобы сѣсть верхомъ.

Но лошадь не дается, фыркаетъ, кусается.

Лидочка падаетъ на коверъ, погатывается со смѣху, смѣются за ней и другія.

Надежда Осиповна возвращается съ прогулки, необходимой въ ея теперешнемъ положеніи...

— Ну, Петруха!... Ну, что ты надѣлалъ? Прислуга убирала, убирала, а ты все поразбросалъ... Словно маленькій!

Дѣти притихаютъ. Скопфуженно глядятъ они то на мать, то на отца и вздохи сожалѣнія о прерванной игрѣ, да еще таковой веселой игрѣ, нѣтъ-нѣтъ да и вырвутся у нихъ.

Вытираютъ они рученками свои потныя личики и первое время какъ бы чувствуютъ себя виноватыми.

Петръ Семенычъ поднимается съ ковра.

— Ну, бутузы, обчистить отца!—командуетъ онъ.

Всѣ бросаются къ нему и, поднимая влуды пыли, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются отряхнуть отцовское платье.

Петръ Семенычъ садится на стулъ.

Ваня причесываетъ ему голову, а Лидочка, не лишенная присутствія ея полу кокетливости, бережно расчесываетъ отцу усы, бороду. Не оставляетъ безъ вниманія и отцовскихъ бровей.

— Не надо, Лидочка, не надо! Брови въ надо!

— Нѣтъ, папочка, надо: мама всегда по утрамъ расправляетъ брови!—авторитетно заявляетъ она.

Петръ Семенычъ вскидываетъ глазами на супругу.

Надежда Осиповна виновато улыбается и зоветъ прислугу, чтобы та помогла ей раздѣться...

Пасха въ этомъ году была поздняя.

Въ домахъ мыли, чистили, сребрили полы, бѣлили стѣны.

Въ воздухѣ пахло жареными окороками, сдобными, пышными булочками.

Острогъ, и тотъ выглядѣлъ какъ будто наряднѣе, приличнѣе и, освѣщенный ясными весенними лучами, не производилъ на свѣжаго человѣка того удручающаго впечатлѣнія, какое оставлялъ въ обычное время...

Да и сами заключенные въ его высокихъ, крѣпкихъ стѣнахъ, спрятались, попритихли, словно стыдились передъ наступленіемъ такого великаго праздника оскорблять религиозное чувство крупной бранью, захватской пѣсню.

Глубокіе, тяжелые вздохи нѣтъ-нѣтъ да и вырывались помимо желанія изъ могучихъ, широкихъ грудей, прикрытыхъ сѣрымъ сукномъ.

Сумрачныя лица чаще и чаще подымались къ тому высокому небу, что голубымъ шатромъ раскинуло свою безпредѣльную гладь надъ печальнымъ зданіемъ—и, кто его знаетъ, наступленіе ли Пасхи, весенніе ли веселые лучи, пронизывавшіе напоенный, чарующій, куда-то зовущій воздухъ, но не одинъ заключенный, пристально посмотрѣвъ на небо, понуро опускалъ голову и, думая свою крѣпкую, ему одному понятную думу, отходилъ не то со вздохомъ, не то со стономъ прочь...

Природа звала, природа манила, словно нѣжно-любящая мать, на свою широкую грудь, въ необъятную, безпредѣльную тайгу свою, обѣщая отдыхъ, забвеніе прошлаго и суля человѣку ту обаятельную, незамѣнимую волю, цѣнить которую научаются только люди, сидѣвшіе не годъ, не два, а много лѣтъ, за прочными несокрушимыми замками, въ душныхъ, мрачныхъ влѣткахъ, имя которымъ—тюрьма.

Тяжело, мучительно отзывается въ плѣнной человѣческой душѣ именно это весеннее заключеніе, и какъ бы бдительно ни охраняли человѣка, но въ далекихъ тайникахъ души своей всякій лепѣтъ за вѣтную мысль такъ или иначе, рано или поздно, но вырвать и на вольную волюшку...

Петръ Семенычъ частенько съ женою и дѣтьми хаживалъ въ городъ подышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ, полюбоваться зѣло-

мыми видами, которые теперь, послѣ долгой утомительной зимы, пріобрѣтали особую прелесть и казались какими-то новыми, веселыми и обновленными.

Подложивъ руки подъ голову, онъ лежалъ на спинѣ и глядѣлъ на небо.

Вокругъ него, сливаясь съ щебетаньемъ прилетѣвшихъ птицъ, то и дѣло раздавались звонкіе дѣтскіе голоса, и онъ слушалъ ихъ и не слышалъ.

Надежда Осиповна сосредоточенно углубится въ чтеніе, и на назойливые вопросы любознательной дѣтвора то и дѣло слышится ея недовольное: «отстань, не мѣшай!»

А потому дѣти все чаще и чаще тормозать своего папочку и настоятельно требуютъ отъ него разъясненія и разрѣшенія той массы непонятныхъ явленій и вопросовъ, которой полнымъ-полны бываютъ пытливыя дѣтскія головки.

— Папочка, папочка, жукъ, жукъ!

Петръ Семенычъ лѣниво поворачиваетъ голову и немного даже отодвигается назадъ, такъ какъ принесенный Лидочкою жукъ приходится у него почти противъ носа.

— Да, жукъ... жукъ, Лидочка!

— А отчего его не было зимою? а?

— Холодно ему было, дѣвочка, онъ и спалъ зимою.

— Всю зиму, папочка? У него же богъ заболѣть можетъ? Помнишь, ты сказалъ мнѣ, когда я долго спала, что нехорошо много спать... Лѣнивый только долго спитъ... Если долго спать, можно заболѣть.

Петръ Семенычъ ласково улыбается, гладитъ дѣвочку по головкѣ и въ то же время старается припомнить, когда это онъ говорилъ Лидочкѣ, что отъ спанья можетъ заболѣть богъ... По какому это поводу было?...

Припоминаетъ онъ, напрягаетъ умъ свой, но ничего не выходитъ: окончательно не помнить этого.

— Не говорилъ я тебѣ этого, Лидочка! — нерѣшительно произносить онъ.

Лидочка удивленно смотритъ на него. Глазки ея широко раскрыты, личико раскраснѣлось отъ волненія.

— Какъ не говорилъ? Говорилъ ты мнѣ! говорилъ!

— Не можетъ быть этого!... Не можетъ быть! — лѣниво произноситъ Петръ Семенычъ, но улыбается: ему пріятно видѣть Лидочкино волненіе, ея чистенькое, нѣжное личико.

Лидочка заспорила, заволновалась и, не выпуская жука изъ пух-

леньких пальчиковъ, взмоглась на отцовскую грудь и приводитъ въ доказательство своей правоты цѣлую бездну мелкихъ, незначительныхъ фактовъ.

— Помнишь, тогда... у насъ вечеромъ гости были, а я не хотѣла ложиться... Мама еще тогда вечеромъ голову мыла и вода была такая горячая, что мама назвала Феклу «скотиной».

Наконецъ, Петръ Семенычъ дѣлаетъ видъ, какъ будто онъ вспомнилъ о случаѣ, по поводу котораго говорилъ, что долго спать вредно.

Нехотя удовлетворять онъ любопытству Лидочки, а самъ нѣтъ-нѣтъ, да окинетъ пристальнымъ взоромъ ту безконечную синѣющую и зеленѣющую даль, которая называется тайгою.

Неясныя очертанія далекихъ горъ какъ бы утопаютъ въ туманѣ, и только кое-гдѣ по глубокимъ «падамъ» виднѣются грязно-бѣлыя пятна нанесеннаго пургою снѣга. Онъ еще долго, долго будетъ лежать...

Но зато внизу, въ долинахъ, весна—въ полномъ разгарѣ, и природа, измученная долгою зимнею спячкою, словно торопится наверстать бесплодно потерянное время: нѣжно-зеленая листва чернолѣсья отполированную блеститъ на солнцѣ, а изумрудная зелень мягкой, сочной травы, словно живая, поспѣшно тянется къверху и какъ бы раздѣлая веселое настроеніе дѣтей, весело киваетъ-болышетъ имъ своими тонкими головками.

Воздухъ какой-то особенный: не то опьяняющій, не то захватывающій, и грудь человѣческая инстинктивно вбираетъ, вдыхаетъ его до пресыщенія.

Только одинъ, именно одинъ весенній воздухъ способенъ такъ дѣйствовать на человѣка, пробуждая въ немъ много разбитыхъ надеждъ, тщетно потраченныхъ силъ, вызывая сожалѣніе о безцѣльно прожитой жизни и въ то же время зовя и маня его въ ту далекую туманную даль, гдѣ что-то теплится, гдѣ что-то есть и радостное, и хорошее...

Вонъ тихо-тихо ползутъ-плывутъ по голубому небу небольшія кучевыя облака и, на время заслонивъ собою солнце, бросаютъ причудливыя тѣни на широкую грудь земли.

Петръ Семенычъ лежалъ на спинѣ, и какое-то тяжелое, щемящее чувство охватило все его существо. Онъ залюбовался картинами дѣйственной природы и не видѣлъ ихъ, онъ слушалъ дѣтскій лепетъ вокругъ себя и не слышалъ его...

III.

Пробуя однажды острожную пищу, Петръ Семенычъ чуть было не выпустилъ ложки изъ рукъ: падалю, настоящей падалю несло отъ миски.

— Чѣмъ это вы арестантовъ кормите? Вѣдь нельзя же ѣсть гадость такую?... Солонину эту выбросить надо!... Немыслимо!...

— Сами знаете, Петръ Семенычъ, наше дѣло маленькое, подначальное!—робко оправдывался смотритель.

Дѣло окончилось бы, можетъ быть, и миромъ и, кто знаетъ, можетъ статься, что вонючую солонину замѣнили бы лучшей; но на бѣду частный разговоръ Петра Семеныча со смотрителемъ сдѣлался извѣстнымъ всему острогу.

Арестанты взбунтовались, отказались отъ обѣда, ссылаясь главнымъ образомъ на докторскія слова.

Бунтъ, конечно, подавили...

Петра Семеныча немедленно потребовали къ начальству.

— Что это вы бунтовать арестантовъ учите? А? Чтобы не было у меня гадости этой!

Петръ Семенычъ стоялъ ошеломленный и видимо старался сообразить, о чемъ его собственно спрашиваютъ.

— Во-первыхъ, считаю унижительнымъ для себя оправдываться въ сметняхъ, а во-вторыхъ, просилъ бы не кричать: я не солдатъ.

— Что? Меня учить вѣжливости?! По телеграммѣ уберу!...

Но Петръ Семенычъ не дослушалъ и вышелъ вонъ.

Дома въ этотъ день онъ былъ веселѣе, чѣмъ когда-либо.

Но веселость эта была у него какая-то нервная, ненормальная. Смѣется, хохочетъ и вдругъ при какомъ-нибудь стукѣ въ дверь вздрогнетъ, насторожится, словно ждетъ чего-то страшнаго, неприятнаго.

Надежда Осиповна нѣсколько разъ спрашивала, что съ нимъ, но онъ отшучивался.

— Такъ, пустяки!... Развинтился я, мало спалъ, вотъ и разбалбасился!... Не придавай значенія, милая!

Ночью онъ долго не ложился и Надежда Осиповна, слыша шаги мужа въ кабинетъ, нѣсколько разъ спрашивала его спросонокъ, отчего онъ не ложится спать.

— Спи, спи, Надя!... Я сюжетикъ одинъ обдумываю!—успокаивалъ онъ жену.

— Ну, то-то!—произносила та, не открывая глазъ и повернувшись на другой бокъ, мирно засыпала.

На утро раненько, не пивши чаю, онъ ушелъ куда-то, сказавъ Оеклѣ, что врядъ ли вернется къ обѣду.

— Же-на!... Мы-ы-ы сво-бод-ны!... Кри-чи у-ра! — сильно заплетающимся пьянымъ языкомъ бормоталъ онъ, шумно вваливаясь въ свою квартиру чуть ли не около полуночи того же дня.

Надежда Осиповна испугалась. Она впервые видѣла своего мужа пьянымъ и удивленно глядѣла то на него, то на бѣлый влочокъ бумаги, который онъ держалъ въ рукѣ.

— Уво-ле-ны по те-ле-грам-мѣ!

Онъ сильно качнулся и прислонился къ стѣнѣ.

Засыпавшія уже было дѣтишки, услышавъ знакомый голосъ, повскакивали въ однѣхъ рубашонкахъ и бросились къ отцу.

— Папа! Папочка! Лида, Лида, смотри, какой смѣшной папа!... Сейчасъ будемъ въ медвѣдя играть... Будемъ, папа?

— О-бя-затель-но! о-бя-затель-но!... Дѣти мои, дѣти!

Петръ Семенычъ, поддерживаемый женою, прошелъ въ спальню, упалъ и зарыдалъ, какъ малое дитя.

— Дѣти! Оставьте папочку, онъ боленъ!... Петруха, что съ тобою? Что случилось?

Но когда Надежда Осиповна взяла изъ руки скомканный влочокъ бумаги и прочла, тогда ей стало ясно, почему мужъ и пьянъ, и плачетъ...

Оттуда Цумакинъ попалъ въ одно изъ большихъ селъ Западной Сибири и занялся вольною практикой.

Въ селѣ его любили, уважали, но практика скудно оплачивалась, и если бы не сбереженія прежнихъ лѣтъ, то навѣрное пришлось бы ему голодать.

Въ селѣ этомъ онъ, имѣя массу свободнаго времени, закончилъ свою работу и послалъ профессору.

Черезъ годъ времени въ Петербургѣ присудили ему малую золотую медаль и около трехсотъ рублей.

Деньгамъ онъ несказанно обрадовался, такъ какъ послѣдніе мѣсяцы Надежда Осиповна еле-еле сводила концы съ концами.

Старикъ-профессоръ поздравлялъ его съ успѣхомъ и настоятельно совѣтовалъ пріѣхать для защиты докторской диссертациі.

«Вы, милѣйшій мой, будущій коллега, напрасно зарываете таланты ваши по какимъ-то захоластнымъ селамъ и, живя вдали отъ людей и научныхъ центровъ, сами, навѣрное, не знаете того, что не только работа ваша, но даже и мелкія, носящія поспѣшный характеръ, замѣтки ваши въ специальномъ органѣ заставили обратн на васъ серьезное вниманіе въ научномъ мірѣ».

«А посему, заканчивалъ старикъ, вѣрьте мнѣ, что за успѣхъ докторской диссертациі я ручаюсь!»

Петръ Семенычъ съ недѣлю думалъ, взвѣшивалъ и, будь средства, поѣхалъ бы.

Но Ванюшу нужно было мѣсяца черезъ два везти въ учебное заведеніе, да и о судьбѣ Лидочки тоже пора было подумать.

Петя и Вѣрочка были слишкомъ малы еще для обученія.

Погоревали, погоревали супруги Цумагины, построили—въ особенности Петръ Семенычъ мастеръ былъ на это дѣло—не одинъ воздушный замокъ и вмѣсто университетскаго центра очутились на востокѣ Европейской Россіи на службѣ въ земствѣ, гдѣ, послѣ голода, въ одной изъ губерній свободно разгуливалъ тифъ.

Петръ Семенычъ по недѣлѣ, по двѣ пропадалъ изъ дому. Похудѣлъ, осунулся.

Безконечные разъѣзды вредно дѣйствовали на его печень.

И земская управа, и крестьяне не могли нахвалиться своимъ врачомъ, и не одна отощавшая сотня людей была обязана ему своею жизнью.

Ваня съ Лидочкой учились въ городѣ, и за нихъ нужно было платить чуть ли не половину получаемаго жалованья.

Эпидемія стихала, и поговаривали даже о переводѣ Петра Семеныча, за оказанныя имъ услуги, въ губернскій городъ въ большую земскую больницу.

— Вотъ отлично будетъ, Петруха,—восторгалась Надежда Осиповна, во-первыхъ, Ваня съ Лидочкой будутъ жить при насъ и платить будемъ только за право ученія.

— Да и Петю вотъ скоро надо будетъ за грамоту засадить,—перебивалъ жену Петръ Семенычъ.—Тамъ можно будетъ даже, чтобы ты не уставала, какого-нибудь репетитора нанять.

— Рублей за пять, за шесть всегда можно: я это дѣло знаю!—авторитетно заявляла Надежда Осиповна и брала карандашъ въ руки, чтобы сдѣлать подсчетъ будущимъ расходамъ при жизни въ губернскомъ городѣ.

Петръ Семенычъ вставалъ со стула, закуривалъ папиросу и, прохаживаясь по комнатѣ, говорилъ:

— Пиши жалованья въ мѣсяцъ...

— А практика тамъ есть? Вѣдь городъ большой, должно быть?

— Конечно, будетъ!... Чтобы я да не сумѣлъ имѣть частную практику? Что ты, мать моя?

Надежда Осиповна, почесывая концомъ карандаша брови, откидываясь на спинку стула и, вздыхая, говорила:

— А знаешь, Петруха, какъ мнѣ надоѣло это вѣчное переключиваніе съ мѣста на мѣсто! Словно цыгане какіе!

— Еще бы! А мнѣ, ты думаешь, не надоѣло... А главное, на дѣтяхъ вредно отражается... Ну, зато теперь, въ губерніи, надолго засядемъ... Пиши: жалованья...

Надежда Осиповна только что наклонилась было къ столу, какъ высунулось въ дверь лицо рябой Марья.

— А васъ, баринъ, мужичокъ одинъ ужъ больно просить... Зубы, бавтъ, сильно болятъ у него...

— Что? мужичокъ? зубы?

Петръ Семенычъ, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, порывисто вынулъ руки изъ кармановъ и несся къ больному.

— Петруха, Петруха!—кричала ему вдогонку Надежда Осиповна,—куда ты? А подсчетъ когда же?

— А чортъ съ нимъ, съ подсчетомъ: сама пиши, какъ знаешь,—доносился изъ сосѣдней комнаты его озабоченный голосъ.

Почти наканунѣ перевода Петра Семеныча въ губернской городъ была доставлена довольно значительная партія муки для раздачи не вполне оправившемуся отъ голода населенію.

Думакину, въ участкѣ котораго тоже предполагалась эта раздача, предписано было произвести совмѣстно съ другимъ врачомъ анализъ муки.

Врачи подошли, понюхали и ахнули: затхлая, горькая. Взяли на зубъ—хрустить.

Произвели изслѣдованіе, и оказался такой процентъ песку, отрубей и другихъ подмѣсей, что можно было удивляться, гдѣ найдена такая мука.

Забраковали ее безспорно, и Петръ Семенычъ, имѣя данныя въ рукахъ, даже тиснулъ въ газетахъ статейку о томъ, какъ клика Болупаевыхъ и Разуваевыхъ, забывъ Бога и людей, вздумала было приумножить капиталы свои, пользуясь безъисходнымъ положеніемъ голодающаго мужика.

Данныя анализа и мѣстность указывались полностью.

Муку поспѣшно куда-то убрали, а Петра Семеныча не только не перевели въ губернію, но стали давать чувствовать, что онъ и здѣсь «лишний человекъ».

Надежда Осиповна была убита горемъ отъ этой исторіи.

— И надо тебѣ было подымать войну? Ну, скажи, къ чему все? Только враговъ нажилъ!

— Какая ты, мать моя, странная!... Да на кой чортъ спрашивали меня? На кой чортъ въ такомъ случаѣ я учился?... Не могу же

и хвалить и говорить, что мука хорошая, когда она тухлая и съ пескомъ? Пусть бы обдѣлывали сами свои дѣлишки, а не спрашивали меня... Не зналъ бы хоть, по крайней мѣрѣ!... Да и, наконецъ, нельзя же въ самомъ дѣлѣ двумъ-тремъ негодяямъ наживать на счетъ темной массы и устраивать искусственный голодъ... Вѣдь не даромъ же раздаютъ они ее!

— Ахъ, Петруха, Петруха!... Когда это все кончится? Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!... Всѣ они такіе...

— Ошибаешься, далеко не всѣ!... Что-жъ дѣлать, мать моя!... Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ... Доживемъ, если и не мы съ тобою—гдѣ ужъ намъ, такъ вотъ они!—Петръ Семенычъ показаль рукою на дѣтой.

— Папочка, а мы скоро къ Ванѣ и Лидѣ поѣдемъ? А?

— Скоро, котикъ, скоро, сынокъ! Они къ намъ прїѣдутъ, а не мы къ нимъ! — произнесъ дрогнувшимъ голосомъ Петръ Семенычъ и отвернулся, чтобы избавиться отъ мучительныхъ дѣтскихъ вопросовъ.

— Ты всегда такъ одинъ идешь противъ всѣхъ!... Бъ чему это?—говорила Надежда Осиповна.

— Ахъ, Надя, какая ты ноющая стала!... И не одинъ вовсе, всякій поступилъ бы такъ на моемъ мѣстѣ... Вѣдь я же врачъ, а не чиновникъ врачебнаго вѣдомства, который обязанъ исполнять лишь то, что ему прикажутъ!

Надежда Осиповна повела плечами и недовольно отвернулась.

— Конечно, ты всегда правъ: каждый глупый шагъ свой оправдать стараешься!

— Во-первыхъ, и не думаю даже оправдываться, потому что не чувствую за собой никакой вины, а во-вторыхъ, по профессіи своей я имѣю дѣло съ живыми людьми, а не съ бездушными камнями... Да, наконецъ, оставимъ разговоръ этотъ: вѣдь ты знала за кого ты замужъ выходила? Я вѣдь ничуть не измѣнился!

— Это-то и плохо! Я не думала, что ты всю жизнь будешь дуракомъ!

— А я не ожидалъ, что ты такъ скоро поумнѣешь!

Петръ Семенычъ порывисто вскочилъ съ мѣста, захватилъ свою фуражку съ крылаткой и вышелъ изъ дому, хотя въ столовой накрыта была обѣденный столъ.

— Петруха, Петруха! Вернись! Обѣдь на столѣ!—послышался изъ окна голосъ Надежды Осиповны.

Но Петръ Семенычъ не обращалъ на зовъ вниманія и, широко

размахивая палкою, неся куда-то за деревенскую околицу, гдѣ живою стѣною поднималась спѣлая рожь.

Прошло года два.

До меня доходили слухи, что Цумакинъ былъ на строящейся Сибирской желѣзной дорогѣ, но не удержался тамъ: не поладили что-то со строителями изъ-за невозможныхъ, по его мнѣнію, санитарныхъ условій для рабочихъ и ушелъ, хотя служба тамъ и хорошо оплачивалась.

И вотъ уже въ этомъ году какъ-то случайно встрѣтился я съ нимъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Западнаго края.

Иду я по улицѣ и вижу: навстрѣчу мнѣ несетъ какая-то широкая развѣвающаяся крылатка, суковатая палка и форменная фуражка съ огромнымъ козырькомъ.

Присматриваюсь и глазамъ не вѣрю: Петръ Семенычъ, думаю, это или нѣтъ?

Вглядываюсь—да, онъ!

Постарѣлъ, осунулся. Тотъ же озабоченно-дѣловой видъ и то же теплое, пріятное выраженіе его вдумчивыхъ глазъ.

— Петръ Семенычъ! Здравствуйте! Какими судьбами?

Онъ остановился. Вопросительно взглянулъ на меня и очевидно, припоминая что-то, спросилъ:

— А... позвольте узнать, милостивый государь, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Да что вы, Петръ Семенычъ? Не узнали, что ли?

Я назвалъ себя.

Обнялись, поцѣловались и онъ засыпалъ меня массою вопросовъ: что? какъ? куда? откуда?

Я еле-еле успѣвалъ отвѣчать ему.

— Давно ли вы, Петръ Семенычъ, здѣсь? — полюбопытствовалъ я.

— Мѣсяца два, батенька, не больше!... Городовымъ врачомъ здѣсь состою... Отличные, милѣйшіе люди, я вамъ скажу...

И принялся расхваливать, да вѣдь какъ расхваливать мѣстное городское общество.

Я недовѣрчиво глядѣлъ на него, молча выслушивалъ его гордые, восторженные отзывы, и мнѣ стало жаль его, сердце болязненно забилось и какое-то непріятное, тяжелое предчувствіе охватило меня.

— Въ полицію, скажу вамъ, прекраснѣйшіе люди: что ни попросишь, моментально сдѣлаютъ, исполнять... Крупные центры далеко, далеко шагнули за это время... Народъ, батенька, другой стал...

Рутинеровъ мало стало... Что ни говорите, а мы всетаки движемся, быстро прогрессируемъ...

Я спросилъ о бойнѣ, о мясникахъ...

— Бойня прекрасная, каменная... Мясники, скажу вамъ, какъ институтки, въ бѣленькихъ передничкахъ... Жить можно.

— Какъ здоровье семейства вашего? Какъ работа ваша?

Онъ вздохнулъ, замаялся, и я ясно видѣлъ, какъ темное облачко набѣжало на лобъ его, но сейчасъ же и пропало.

— Семейство? Благодарю васъ, слава Богу: трое учатся въ здѣшнихъ заведеніяхъ, а двое дома—подростаютъ пока... Трудновато, знаете ли, трудновато...

Наступила небольшая пауза.

Я въ это время потихоньку разсматривалъ его костюмъ: та же старая знакомая крылатка, но только съ сильно порыжѣвшей отъ времени пелериной, фуражка, какъ будто, новая, но фасонъ прежній; зато ботинки были сильно стоптаны, давно, очевидно, не видали ваксы, и на одномъ изъ нихъ я даже замѣтилъ небольшую заплаточку.

— Здѣсь, батенька мой, я случайно наткнулся въ окрестностяхъ города на могильникъ...

Не помню, какой ужъ сказалъ онъ: не то литовскій, не то латышскій.

— Я отношу его,—оживившись продолжалъ онъ,—къ XII столѣтію, а вотъ другіе утверждаютъ, что могильникъ никакъ не раньше XVI вѣка... И вотъ теперь я стараюсь доказать имъ весь абсурдъ, все ихъ заблужденіе. Потому, видите ли,—и онъ засыпалъ меня такою массою специальныхъ терминовъ, что я слушалъ, слушалъ и не выдержалъ:

— Да вѣдь, Петръ Семенычъ, я—не археологъ!

— Ахъ, чтобъ васъ: я и забылъ, что это не ваша специальность!—и онъ добродушно захохоталъ.

— Ну, а всетаки, всетаки и вамъ должно быть извѣстно...—и опять съ серьезнымъ лицомъ началъ онъ посвящать меня въ тайну: почему могильникъ долженъ быть XII, а не XVI вѣка...

— А какъ диссертация ваша?

— Эхъ, и не спрашивайте!

Цумакинъ быстро отвернулся въ сторону и какъ-то безнадежно нулъ рукою.

— А впрочемъ,—послѣ глубокаго вздоха началъ онъ,—вотъ мнѣ бытъ осядусь здѣсь и если дѣло съ могильникомъ доведу до конца, пожалуй, и поѣду: вѣдь не поздно—профессоръ опять нисалъ

мнѣ, по поводу одной моей маленькой работы, чтобы я прїѣзжалъ... Ругается старикъ... Дѣти, батенька мой, дѣти вѣдь... учить надо, одѣвать..., всюду плати... а средства наши, сами знаете...

Тутъ онъ поспѣшно ткнулъ мнѣ руку и, прося зайти къ нему вечеромъ, бросился уходить.

— Куда вы, Петръ Семенычъ? Что такъ скоро?

— Некогда, батенька, некогда!... И такъ заболтался я... Тутъ у рабочаго одного интересное заболѣваніе глаза... Рѣдная форма болѣзни... Да и главное, многосемейный человѣкъ, ткачъ... Куда дѣваться ему безъ зрѣнія... Спѣшу!

Я обѣщалъ зайти къ нему. Мы горячо простились.

Я долго стоялъ на мѣстѣ, провожая его глазами. Видѣлъ я его развѣвающуюся по вѣтру крылатку, суковатую палку и порывистыя, торопливыя движенія, пока онъ не скрылся въ какомъ-то глухомъ переулкѣ, населенномъ бѣдными людьми.

И мнѣ стало до боли жалко его. Какой-то внутренній голосъ такъ и шепталъ мнѣ: на долго ли, на много ли еще лѣтъ хватить такой кипучей дѣятельности и не сломить ли окончательно пошлая жизнь богатую, дѣтски-отзывчивую натуру его?...

Е. Емельяновъ.

СПРУТЪ).

(Эпопея пшеницы).

Калифорнскій романъ Франка Норриса.

III.

Комната Презлея въ Лосъ-Муэртосѣ находилась во второмъ этажѣ. Убранство ея отличалось необыкновенной простотой. Въ одномъ углу стояла желѣзная кровать, выкрашенная бѣлой краской, съ бѣлымъ одѣяломъ; бѣлые обои съ букетами зеленыхъ листьевъ придавали комнатѣ веселый и свѣтлый видъ. На полу лежала циновка, на окнахъ висѣли бѣлыя кисейныя занавѣски, на подоконникахъ стояли длинные зеленые ящики съ какими-то розовыми цвѣтами, названіе которыхъ было неизвѣстно Презлею. На стѣнахъ висѣло всего двѣ картины, изъ которыхъ одна былъ рисунокъ углемъ миссисъ Сантъ-Жуана, сдѣланный самимъ Презлеемъ. Простой бѣлый, кухонный столъ, ничѣмъ непокрытый, служилъ письменнымъ столомъ, онъ всегда былъ заваленъ неоконченными рукописями, записными книжками, перьями. Рядомъ стояла полка съ книгами. Презлей ужасно любилъ эту комнату; ему пріятно было поддерживать ея строгую красоту и свѣжесть; онъ ненавидѣлъ хламъ старьевщиковъ и ничтожные *objets d'art*.

Его писанія потерпѣли полное измѣненіе. Замѣтки, касавшіяся «Пѣсни Запада», и неудавшіяся попытки эпической поэмы были отложены въ сторону. Онъ порвалъ также многіе начатые стихи и сохранилъ только полуоконченную поэму «Труженики». Она была внущена ему картиной, которую онъ видѣлъ въ галереѣ Сидерквиста.

Въ тотъ день, когда онъ случайно подслушалъ разговоръ Дайка и Берехера, Презлей вернулся въ Лосъ-Муэртосъ въ экзальтаци, какой онъ не испытывалъ еще никогда въ жизни. Его гнѣвъ былъ не

) *Русская Мысль*, 1902 г., кн. VII.

менѣе силенъ, чѣмъ гнѣвъ Берехера; у него тоже краснѣло въ глазахъ, и могучій духъ возмущенія клокоталъ въ груди. Казалось невозможнымъ, чтобы такая несправедливость осталась безнаказанной; она такъ ужасна, что простому, правдивому изложенію фактовъ никто изъ стѣннойго міра не повѣритъ.

Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату и долго ходилъ взадъ и впередъ, обуреваемый противорѣчивыми мыслями, наконецъ, кинулся къ столу и началъ писать. Перо бѣжало, слова приходили сами, сами сочетались въ фразы, въ длинные періоды, полные огня и страсти. Проза его становилась экзальтированной, переходила въ область поэзіи, правильный ритмъ бился въ каждомъ предложениіи, и Презлей, отложивъ въ сторону свой дневникъ, почувствовалъ снова потребность писать стихи. Онъ взялъ свою неоконченную поэму «Труженики», быстро перечиталъ ее, и внезапно мысль заключительныхъ строфъ—мысль, которой онъ долго и тщетно искалъ—сразу сложилась въ его мозгу. Онъ написалъ ее, прибавилъ еще нѣсколько строфъ, которые привели всю поэму къ единству, резюмировали всю концепцію и заканчивали ее величественной мыслью, простой, благородной, убѣдительной. Презлей положилъ перо и откинулся на спинку стула, убѣжденный, что на этотъ разъ онъ достигъ большой высоты. Его руки были холодны, голова горѣла, сердце билось усиленно.

Наконецъ, онъ совершилъ, создалъ. Теперь онъ понималъ, почему такъ долго искалъ вдохновенія для своей обширной, неопредѣленной, *безличной* «Пѣсни Запада». Въ то время какъ онъ искалъ ее, его убѣжденія не сложились, онъ не любилъ народа, его чувство ня было затронуто. Теперь онъ сталъ на сторону народа, онъ коснулся его глубинъ, онъ *втрлзъ*, и сразу все становилось возможнымъ для него. Но артистическое чувство взяло снова перевѣсъ, поэма заслонила собою причину, ее вызвавшую. Онъ началъ перечитывать ее, поправлять, замѣнять слова, улучшать стихъ. Онъ забылъ о народѣ, забылъ свою ярость, волненіе и помнилъ только, что онъ написалъ великое произведеніе. Тогда родилось сомнѣніе. Такъ ли оно велико, какъ кажется? Можетъ быть, его достоинства едва переходятъ за предѣлы смѣшного? Вѣрно ли онъ судить? Онъ снова перечиталъ поэму, и вдругъ она потеряла для него всякую силу. Презлей не могъ уже опредѣлить, насколько написанное имъ — настоящая поэзія, : не простое стихотворство; онъ не довѣрялъ своему сужденію, ему было необходимо чужое компетентное мнѣніе. Онъ не могъ ждать, онъ долженъ былъ получить увѣренность и немедленно. Онъ тщательно переписалъ свои стихи, одѣлся и пошелъ къ конюшнямъ, гдѣ нагелъ Фельбса.

— Вы знаете, гдѣ сегодня Веннеми?—спросилъ онъ.

— Спросите у меня что-нибудь полегче, тогда я отвѣчу,—сказалъ Фельбсъ.—Онъ можетъ быть въ Гвадалаярѣ, можетъ быть у Остермана, а можетъ быть и за сотни миль отсюда. Я знаю, гдѣ онъ долженъ быть, м-ръ Презлей, но совсѣмъ не знаю, куда этотъ полоумный попалъ. Онъ *долженъ* объѣзжать загороди на четвертомъ у холмовъ, въ сторонѣ источниковъ ручья миссиі.

— Я поищу его во всякомъ случаѣ,—отвѣчалъ Презлей.—Если вы увидите Херрана, скажите ему, что я не вернусь къ ужину.

Презлей осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ крупной рысью вдоль Нижней дороги.

Проезжая мимо домика Хувена, онъ поздоровался съ Минной, которая лежала въ гамакѣ подъ дубомъ, и потомъ поскакалъ дальше; онъ смутно размышлялъ о томъ, что можетъ случиться съ такой хорошенькой дѣвушкой какъ Минна, если она не выйдетъ замужъ за привазчика португальца, завѣдовавшаго партией рабочихъ, занятыхъ проведеніемъ оросительнаго рва. Ему почему-то хотѣлось, чтобы она вышла за него замужъ и поскорѣе. Объ Миннѣ Хуvenъ ходило много слуховъ по ранхамъ. Она была хорошая дѣвушка, но ее постоянно видѣли то въ Бонневиллѣ, то въ Гвадалаярѣ въ обществѣ португальцевъ, работавшихъ въ Квинъ-Себѣ и въ Лосъ-Муэртосѣ. Она сводила съ ума мужчинъ, и Презлей надѣялся, что ее никто не сведетъ съ ума и не одурачитъ.

Вскорѣ Презлей покинулъ Нижнюю дорогу и поѣхалъ вдоль тропинки на юго-востокъ, къ четвертому участку ранхо. Черезъ нѣсколько миль онъ въѣхалъ въ ворота проволочной загороди и сразу очутился въ цѣлой системѣ овражковъ и плоскихъ холмовъ, которые постепенно становились выше по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ. Эта возвышенность была авангардомъ подножіи Сьерры и служила выгономъ для скота Лосъ - Муэртоса. На большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга виднѣлись одинокіе дубы. Въ каньонахъ и оврагахъ густыми темно-оливковыми группами росли терновникъ и ежевика. Земля была всюду пробуравлена сусликами какъ медовый сотъ, и суслики виднѣлись всюду. Изрѣдка кроликъ пробѣгалъ по открытому пространству отъ одной чащи кустовъ къ другой, длинными прыжками, наостривъ уши. Высоко надъ головой неподвижно рѣяли совы, а разъ съ внезапнымъ шуршаніемъ крыльевъ изъ чащи у тропинки вспорхнула стая перепеловъ.

По бокамъ холмовъ пасся скотъ, медленно подвигаясь къ водоему для вечерняго питья. Презлей напелъ бывшаго пастуха въ отдаленномъ углу выгона у одного изъ источниковъ. Веннеми устро-

ился на ночевку. Подъ дубомъ было постлано старое солдатское одеяло, лошадь паслась недалеко. Самъ онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ небольшимъ костромъ изъ сухихъ корчей терновника, варил себѣ кофе, жарилъ сало. Никогда ничто не производило на Презлея такого сильнаго впечатлѣнія одиночества, какъ эта скорчившаяся человѣческая фигура. Голый пейзажъ ширился вокругъ до безконечности, Веннеми казался въ немъ маленькой черточкой, единственнымъ атомомъ человѣческой организаціи, безцѣльно носившимся въ объемахъ безпредѣльной природы.

Оба друга начали ужинъ. Веннеми оцципалъ нѣсколько переловъ и изжарилъ ихъ на острой палкѣ. Напившись изъ источника, Презлей закурилъ папирску, Веннеми—трубку; наконецъ, Презлей началъ разговоръ.

— Веннеми, я опять началъ писать.

Веннеми повернулъ къ нему свое аскетическое лицо и пристально посмотрѣлъ на него своими черными глазами.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—дневникъ.

— Нѣтъ, поэмѣ. Помните, я говорилъ вамъ о ней однажды. Я назвалъ ее «Труженики».

— А, стихи! Я очень радъ. Стихъ—ваше естественное орудіе.

— Вы помните эту поэмѣ?—спросилъ Презлей.— Она была неокончена.

— Помню. Она обѣщала болѣе всего, что вы писали раньше. Такъ вы ее кончили теперь?

Ничего не отвѣчая, Презлей вынулъ рукопись изъ бокового кармана своей охотничьей куртки. Моментъ для чтенія казался подходящимъ. Глубокая тишина царила надъ обширными, голыми холмами. Солнце садилось въ безоблачномъ пыланіи краснаго свѣта, золотая пыль застилала ландшафтъ. Презлей громко прочелъ свою поэмѣ. Когда онъ кончилъ, его другъ снова пристально посмотрѣлъ на него.

— Что вы дѣлали въ послѣднее время?—спросилъ онъ.

Удивленный Презлей рассказалъ ему о всѣхъ своихъ поѣздкахъ.

— Я не объ этомъ спрашиваю,—продолжалъ Веннеми.— Съ вами что-нибудь случилось, что-нибудь подняло васъ... Я правъ, не правда ли? Да... Я такъ и думалъ. Въ этой поэмѣ вы не старались написать видное литературное произведеніе. Вы писали ее въ нѣкую возбужденія. Ея недостатки указываютъ на это. Это не простая работа риемованнаго слова: это провозглашеніе, посланіе... это правда. Вы вернулись къ первобытному сердцу вещей и видѣли ясно... Да, это великая поэмѣ.

— Благодарю васъ,—горячо воскликнулъ Презлей.—Я не довѣрялъ себѣ.

— Теперь, я думаю,—продолжалъ Веннеми,—вы поспѣшите напечатать ее. Выразить большую мысль, создать—этого для васъ недостаточно?

— Я думаю, что я искрененъ,—возразилъ Презлей.—Если она хороша, она принесетъ добро другимъ. Вы сами сказали, что это посланіе. Если она имѣетъ достоинства, я думаю, что несправедливо было бы скрывать ее хотя бы отъ небольшой и равнодушной публики.

— Вдохновеніе пришло къ вамъ *отъ* народа,—отвѣчалъ Веннеми,—такъ пусть поэма ваша пойдетъ къ народу, а не къ богатымъ, которые будутъ лишь косвенно заинтересованы.

— Это, кажется, вѣрно,—согласился Презлей,—но я не могу отдѣлаться отъ мысли, что это значило бы зря выбросить мою поэмѣ. Большой журналъ дастъ мнѣ... дастъ мнѣ фондъ... дастъ мнѣ вѣсь...

— Даетъ вамъ вѣсь, даетъ вамъ фондъ! Вы, стало быть, имѣете въ виду самого себя? Вы, помощникъ беспомощныхъ! Такъ вотъ какова ваша искренность? Вы должны преклониться; должны забыть свою жажду славы, признаннаго успѣха. Ваша поэма, ваше посланіе должно стоять на первомъ планѣ, а не вы, написавшій ее.

Презлей не хотѣлъ болѣе слушать.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Я знаю, что я искрененъ, и въ доказательство этого напечатаю поэмѣ, какъ вы совѣтуете, и не возьму за нее денегъ.

Они еще поговорили съ полчаса, а вечеръ наступалъ. Презлей замѣтилъ, что Веннеми озабоченъ. Онъ всталъ и, повернувъ голову въ сторону миссиі, сказалъ Презлею:

— Мнѣ кажется, что я долженъ идти.

— Идти? Куда идти въ такое время?

— Туда!—сказалъ Веннеми, неопредѣленно указывая на сѣверъ.—Прощайте!

И онъ исчезъ въ сѣромъ полумракѣ.

Презлей остался одинъ. Онъ осѣдлалъ свою лошадь и поѣхалъ домой подъ яркимъ сіяніемъ звѣздъ, наклонивъ голову, въ глубокой задумчивости. Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, онъ въ тотъ же вечеръ послалъ «Тружениковъ» издателю одной газеты въ Санъ-Франциско.

Покинувъ Презлея, Веннеми быстро спустился съ холмовъ и прошелъ черезъ молчаливую Гвадалаяру. По обыкновенію онъ былъ безъ шляпы и шелъ такъ быстро, что вѣтеръ свистѣлъ въ его длинныхъ, черныхъ волосахъ. Онъ зналъ куда идетъ. Опять смертельная грусть

выползла изъ мрака и легла ему на плечи. И она влекла его на мѣсто его погибшаго счастья, въ садъ миссии, въ тѣнь грушевыхъ деревьевъ.

Но кромѣ того и другія вліянія тяготѣли на его сердце. Въ этомъ саду царилъ тайна, ночь не всегда была пуста, мракъ не всегда былъ гласенъ. Гдѣ-то далеко нѣчто прислушивалось къ его зову, иногда приближаясь къ нему. Сперва это присутствіе было источникомъ ужаса, но въ послѣднее время, когда онъ почувствовалъ его постепенное приближеніе, ужасъ уступилъ мѣсто неизъяснимому наслажденію. Однако не довѣряя своимъ чувствамъ, не желая поддаваться такому мучительному, невѣрному счастью, страшась смятенія ума которое слѣдовало за каждой ночью, проводимой въ саду, Веннеи старался держаться вдалекѣ отъ этого мѣста. Но были моменты, когда онъ не могъ противустоять; противъ своей воли онъ направлялся туда; его самого какъ будто звали.

Гвадалаяра была темна, пуста. Городъ спалъ, даже у Салотар не было огня. Веннеи вышелъ изъ города. Запахъ открытыхъ полей и отдаленный ароматъ цвѣтовъ доходили до него; пока онъ шелъ по дорогѣ къ миссии черезъ Бвинъ-Себъ. Съ обѣихъ сторонъ лежала бурная земля, тихо баюкая вложенное въ нее сѣмя. Два дня тому назадъ шелъ сильный дождь, и сырая еще почва издавала сильный запахъ. Веннеи прошелъ черезъ усадьбу Анникстера. Тамъ тоже все спало. Иногда вѣтряной двигатель артезианскаго колодца громко скрипѣлъ медленно поворачиваясь на сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Бошка, охотясь за полевыми мышами, выползла изъ огромной житницы и остановилась въ нерѣшительности на открытомъ воздухѣ, слегка шевеля кончикомъ хвоста. Изъ сарая доносился звукъ тренія тяжелаго тѣла стукъ копытъ, когда сонная корова ложилась съ глубокимъ вздохомъ. Веннеи вышелъ изъ усадьбы. Передъ нимъ съ правой стороны дороги уже виднѣлся холмъ миссии и ея сторожевая колокольня. Онъ все шелъ впередъ и вдругъ остановился. До его страннаго чувства, отзвучиваго, какъ лепестки мимозы, дошло впечатлѣніе близкаго присутствія человѣка. Онъ ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ, но остановился на минуту, — впечатлѣніе подтвердилось, и онъ пошелъ впередъ медленно и опасно. Наконецъ, его зоркіе глаза различили предметъ немного болѣе темный, чѣмъ буро-сѣрая земля, окутанная мракомъ ночи. Веннеи свернулъ съ дороги и, осторожно ступая на сырые комья земли, приблизился къ этому предмету.

Тамъ сидѣлъ Анникстеръ на бѣломъ кругломъ камнѣ. Онъ не двигался; молча, неподвижно глядѣлъ онъ на плоскую темную землю. То была ночь, когда хозяинъ Бвинъ-Себа боролся самъ съ собою — зари до зари. Когда Веннеи увидѣлъ его, сердце его еще не прос...

лось. Ночь едва началась, заря была далеко, и вокруг него лежали вспаханные поля, голыя и бурья, лишенные жизни, безъ зеленого пятнышка. На одно мгновение жизненные круги этихъ двухъ столь противоположныхъ людей пришли въ соприкосновеніе въ эту ночь при сіяніи звѣздъ. Веннеми молча удалился, удивляясь, что могло привести этого черстваго, дѣловаго человѣка, не смущаемаго мечтой, ночью въ открытое поле.

Но скоро онъ позабылъ обо всемъ. Матеріальный міръ отодвинулся; дѣйствительность сжалась въ одну точку и угасла, какъ гаснетъ звѣзда при восходѣ луны. Земныя заботы разошлись и исчезли въ то время, какъ особая, невѣдомая, новая атмосфера охватила все окружающее. Онъ вошелъ въ міръ грезы, легенды, чудесъ, гдѣ все было возможно,—онъ стоялъ у воротъ сада миссіи. Надъ нимъ высилась старая колокольня церкви; на ея верхушкѣ, черезъ пролеты арокъ, гдѣ висѣли колокола испанской королевы, онъ видѣлъ тихо мерцавшія звѣзды. Молчаливыя летучія мыши съ трепещущими крыльями бросали бѣгущую тѣнь на блѣдную поверхность стѣнъ. Ни одинъ музничекъ не нарушалъ тишины. Пчелы спали. Въ травѣ, на деревьяхъ, въ глубокихъ чашечкахъ магнолій мошки, жучки, червячки—вся микроскопическая дневная жизнь заснула и замерла. Ни одна ящерица не проползла по теплому полу колонады и не нарушила безконечный покой, глубокую тишину. Только въ саду слышалось журчаніе фонтана, непрерывно бѣгущаго, указывавшаго на бѣгъ секундъ, на движеніе часовъ, на цѣлыя лѣтъ, на неизбѣжный ходъ столѣтій... Веннеми открылъ рѣшетку, тихо притворилъ ее за собою и вошелъ въ садъ.

Звѣзды были густо разсѣяны по глубокой синевѣ небесъ; млечный путь сіялъ, какъ серебряное покрывало. На сѣверѣ катилась гигантская Большая Медвѣдица. Туманное пятно Оріона казалось коловращеніемъ звѣздной пыли. Низко надъ горизонтомъ Венера горѣла свѣтло-желтымъ пятномъ. Отъ края до края міра созвѣздія шли подобно процессіи императоровъ, и отъ неисчислимаго великолѣпія ихъ кортежа отдѣлялось таинственное сіяніе прозрачнаго свѣта, яснаго, безконечнаго, торжественнаго, который разливался по всей землѣ. Маленькій садъ чуть видѣлся при слабомъ свѣтѣ, выступая изъ мрака. Когда деревья колыхались отъ легкаго вѣтерка, блестящая поверхность листьевъ грушъ отбрасывала мерцающіе отраженнаго свѣта. По струйкамъ фонтана перебѣгали серебристые отблески. Подъ покровомъ однообразнаго синяго сумрака усыпанныя пескомъ дорожки смутно видѣлись среди травы; надгробныя камни у восточной стѣны выступали рядомъ сѣрыхъ монашескихъ кlobуковъ. Веннеми

преклонился передъ могилой Анжелъ, прошелъ подъ грушевыя деревья, легъ на землю и устремилъ взоръ на равнину.

Онъ снова звалъ видѣнїе, снова заклиналъ иллюзію, снова, мучимый сомнѣнїемъ, разбитый горемъ, требовалъ отвѣта у ночи. Снова онъ, мистикъ, посылалъ свой духъ въ очарованный океанъ сверхестественнаго. Въ немъ проснулася надежда, онъ самъ не зналъ на что. Закрывъ глаза, собравъ всю волю въ одно усиліе, погружившись въ прїятное притупленіе всѣхъ чувствъ, онъ звалъ Анжелъ, и его безгласный крикъ несся далеко въ слабый, прозрачный свѣтъ, который плылъ надъ маленькой долиной передъ нимъ. Потому онъ неподвижно ждалъ.

Мѣсяцы прошли послѣ первой ночи, когда «отвѣтъ», наконецъ, пришелъ къ Веннеми. Послѣ первыхъ колебаній и сомнѣній Веннеми началъ ходить въ садъ миссіи ночь за ночью. Онъ постепенно поддавался вліянію обстановки и убѣдился, что нѣчто дѣйствительно отвѣчаетъ на его призывъ. Его вѣра усилилася съ приближеніемъ весны. Когда ночи стали короче, его вѣра обратилась почти въ увѣренность. Будетъ ли она снова съ нимъ—его давно умершая любовь? Придетъ ли она опять къ нему изъ могилы, изъ мрака ночи? Этого онъ сказать не могъ; онъ могъ только надѣяться. Онъ ждалъ терпѣливо. Ночи стали теплѣе. Звѣзды сіяли ярче. Бывали ночи, когда ему совсѣмъ ничего не удавалось; иногда отвѣтъ былъ слабый, обманчивый. Наконецъ, наступили едва замѣтныя измѣненія. Его ищущая мысль, бродившая по долинѣ, снова натолкнулася на что-то, дотронулася до чего-то и притягивала что-то ближе къ нему. Его сердце билось, кровь стучала въ вискахъ, онъ слѣдилъ взоромъ фантазіи за этимъ постепеннымъ приближеніемъ. Что шло къ нему? Кто шелъ къ нему? Чье лицо, окутанное мракомъ, было обращено къ нему? Чьи шаги съ безконечной медленностью приближались? Онъ не смѣлъ сказать. Онъ ждалъ, надѣясь на все, вѣря во все, все вынося.

По мѣрѣ того, какъ приближалось лѣто, на сѣмennomъ ранхо начали оживать цвѣты. Сперва на протяженіи пятисотъ акровъ, засаженныхъ цвѣтами, кусты и побѣги расходились, какъ волны зеленаго моря, потомъ робко начали показываться цвѣты нѣжной окраски. Мало-по-малу ночи стали дѣлаться душистыми отъ аромата цвѣтовъ. И когда краски цвѣтовъ сгустились, аромат ихъ усилился, сіяніе звѣздъ стало ярче, ночной воздухъ—теплѣе, иллюзія сдѣлалась опредѣленнѣе. Въ неуловимой постепенности «отвѣтъ» приближался и то время, какъ Веннеми ждалъ его подъ грушами. Онъ не слышалъ ничего, кромѣ журчанія фонтана; ничто не двигалось вокругъ него.

промѣ медленно пронесившагося аромата цвѣтовъ, но онъ чувствовалъ приближеніе видѣнія.

Оно дошло сперва до середины сѣменного ранхо, гдѣ росли фіалки, скромныя цвѣты, низко наклонявшіеся къ землѣ. Потомъ оно перешло за фіалки и стало у резеды, болѣе смѣлаго цвѣтка, державшаго смотрѣть на небо изъ-за листьевъ. Черезъ нѣсколько ночей оно дошло до бѣлыхъ присовъ, смѣло поднимавшихъ надъ землею свои воздушныя лепестки, привлекая вниманіе. Оно перешло длинный путь до гордой красоты розъ и гвоздикъ, а еще черезъ много ночей оно, какъ бы дрожа, зашло въ надменную прелесть царственныхъ лилій, росшихъ на ближайшемъ къ Веннеми краю сѣменнаго ранхо. Тамъ оно оставалось долго. Наконецъ, въ одну темную ночь оно снова подвижилось. Веннеми едва могъ удержать крикъ. Оно стояло недалеко, у подножія холма, на которомъ онъ ждалъ, гдѣ тѣни лежали особенно густо.

Однажды, послѣ долгихъ часовъ ожиданія, Веннеми почувствовалъ на щекѣ продолжительное вѣяніе теплаго вѣтра, который донесся до сада миссіи изъ долины. Никогда вѣяніе аромата долины не было сильнѣе, слаще. Оно пронеслось, оставляя за собою глубокій покой. И вдругъ молчаніе ночи, къ которому Веннеми такъ привыкъ, было нарушено слабымъ звукомъ. Веннеми встрепенулся, привсталъ—теперь онъ слышалъ нѣчто. Звукъ повторился. Онъ шелъ изблизи, изъ глубокой тѣни подъ холмомъ. Что это было, онъ не могъ сказать, но то не былъ одинъ изъ слабыхъ шумовъ окружающей природы, которые были ему столь привычны. То было колебаніе слабое, ускользающее, невозможное для опредѣленія: крошечная зарубка на тонкомъ, остромъ краю тишины.

Наконецъ, въ одну изъ ночей новый свѣтъ разлился на небѣ. Узкій серпъ луны поднялся тусклый, окутанный испареніями земли. Свѣтъ усиливался, отдаленныя предметы стали видимы; посмотрѣвъ на долину, Веннеми увидѣлъ картину необычайной красоты. Всѣ бутоны сѣменнаго ранхо распустились. Блѣдныя краски цвѣтовъ сгустились, усилились, притягивали взоръ. Розовое стало царственно краснымъ; синее достигло пурпура, желтое пылало яркостью золота. Земля пропадала подъ широкими полосами яркой краски. При этомъ сіяніи золотистаго свѣта луны Веннеми всматривался въ густую тѣнь подножія холма, и вдругъ сердце его упало, остановилось. Въ это мгновеніе проходящаго свѣта нѣчто привлекло его взоръ, нѣчто двинулось наполовину освѣщенное, наполовину въ тѣни, у подножія холма. То было мгновеніе; облачко набѣжало на мѣсяцъ, тѣнь снова поглотила видѣніе. Что онъ видѣлъ? Онъ не зналъ. Движеніе было такъ мгновенно.

венно, что дремотный мозг не успѣлъ разобрать загадочное пониманіе глаза. Все исчезло, но онъ видѣлъ. Была ли то развивающаяся прядь волосъ, мановеніе бѣлой руки или колыханіе края одежды? Онъ не зналъ; но то было не одно изъ явленій, обычныхъ среди ночной природы, — ни взмахъ крыла ночной бабочки, ни колебаніе качаемаго кѣтромъ цвѣтка, ни безшумный пролетъ летучей мыши. То было мрщаніе слабое, ускользящее, невозможное для опредѣленія, неуловимое колыханіе въ тускломъ пятнѣ мрака.

Это было все. До того времени не случилось ничего реальнаго, ничего, что Веннеми могъ бы выразить словами. Видѣніе, когда оно не дѣйствовало на странное шестое чувство Веннеми, было доступно лишь тончайшей перцепціи слуха и зрѣнія.

Никогда трагедія прошлаго не стояла такъ ярко передъ глазами Веннеми, какъ въ ту ночь, когда, покинувъ Презлея, онъ пришелъ въ садъ миссіи черезъ усадьбу Анникстера. Въ эту же ночь Анникстеръ глядѣлъ на цвѣты, которые, наконецъ, снизошли до него. Часы шли, и эти два человѣка, каждый отдѣльно, ждали откровенія — Анникстеръ на ранхо, Веннеми въ саду.

Веннеми лежалъ неподвижно ничкомъ подъ грушами, спрятавъ лицо между руками. Онъ поднялъ голову, послалъ молчаливый призывъ въ маленькую долину, взывая къ чуду, требуя у мрака возврата Анжелъ, соглашаясь на галлюцинацію. Онъ снова положилъ голову на руки и ждалъ. Минуты шли. Фонтанъ немолчно журчалъ. Надъ холмами желтая дымка свѣта предвѣщала восходъ полной луны. Ничто не двигалось. Всюду глубокая тишина. Вдругъ Веннеми судорожно схватился за грудь. Вотъ, вотъ оно... Его призывъ услышанъ. Далеко на тихой черной поверхности ночи образовалась волна. Ни звукъ, ни явленіе, лишь вибрація, доступная какой-то еще неопредѣленной способности души. Окаченѣвшій отъ нервнаго напряженія, Веннеми ждалъ.

Видѣніе двигалось безконечно медленно, но безостановочно. Оно прошло цвѣтуція поля и достигло подножія холма. Пойдетъ ли оно дальше? Тамъ оно всегда останавливалось на одно мгновеніе и потомъ, несмотря на его усилія, исчезало снова во мракѣ ночи. Теперь онъ спрашивалъ себя — не сможетъ ли онъ, наконецъ, употребить всю свою силу? Развѣ его не останавливало до сихъ поръ чувство ужаса передъ встрѣчей съ этой тайной лицомъ къ лицу? Развѣ не самъ онъ допускалъ видѣніе испаряться и таять?

Никогда еще не было такой дивной ночи. Внизу маленькая долина сіяла красотой милліона цвѣтовъ подъ золотымъ свѣтомъ восходящей луны. Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ, который въ пол-

нигъ уста, сжималъ горло. Въ вышинѣ катился безпредѣльный рядъ созвѣздій. Внизу земля спала, цвѣты грезили. Торжественная дремотность спустилась на землю и благодать снизошла, божественная благодать обнаруживалась въ красотѣ, въ мирѣ, въ полномъ покоѣ. То была минута видѣній, часъ, когда сбывается мечта... И Веннеми, лежа въ травѣ, въ высшемъ подъемѣ мистицизма, въ порывѣ къ сверхъестественному, перешелъ въ состояніе, котораго не испытывалъ еще никогда. Онъ чувствовалъ, что его умъ какъ бы формируется заново, приготавлиаясь къ новому, никогда не испытанному впечатлѣнію. Его тѣло казалось ему легкимъ, потомъ оно онѣмѣло, исчезло. Онъ видѣлъ другими глазами, слышалъ новыми ушами, чувствовалъ новымъ сердцемъ.

— Приди ко мнѣ, — звалъ онъ.

Онъ чувствовалъ медленное приближеніе видѣнія. Теперь его уже можно видѣть. Оно покинуло тѣнь подножія холма, шло по холму, поднимаясь медленно, постоянно; прямо передъ собою Веннеми слышалъ слабое движеніе — трава шуршала подъ ногой, листья шелестѣли отъ прикосновенія руки, хрустнулъ маленькій сучокъ... Звуки близились; они достигли вершины холма.

Веннеми, дрожа отъ волненія, лежалъ, не поднимая головы. Звуки, наконецъ, затихли — дальше видѣніе идти не могло. Веннеми поднялъ голову и посмотрѣлъ...

Луна встала. Большой золотой дискъ стоялъ надъ восточнымъ горизонтомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Веннеми, освѣщенная луной, стояла фигура молодой дѣвушки. Она была одѣта въ красное шелковое одѣяніе, съ широкими рукавами, какъ платье японокъ, вышитое шелками и золотомъ. Съ обѣихъ сторонъ лица висѣли пряди золотистыхъ волосъ, образуя треугольникъ на бѣломъ лбу. Ея руки безсильно висѣли, но изъ полукрытыхъ губъ выходило ровное дыханіе, а глаза съ тяжелыми вѣками, съ приподнятыми къ вискамъ углами — странные, восточные — были закрыты. Она спала.

Изъ міра цвѣтовъ и краски, изъ атмосферы, пресыщенной ароматомъ, она пришла къ нему. Она стояла передъ нимъ живымъ призракомъ, осуществившейся мечтой. Онъ смотрѣлъ на эту фигуру золота и пурпура, неподвижную, застывшую, освѣщенную желтоватымъ свѣгомъ восходившей луны. Она — порожденіе сна — спала; она — явленіе грѣзы — грезила.

Вызванная изъ тьмы, вырванная изъ объятій могилы, она возстала къ жизни въ божественной чистотѣ. На бѣломъ лбу ни морщинокъ, ни слѣда земного позора. Онъ видѣлъ ту же красоту петропу: чистоты, которую зналъ въ своей молодости. Годы не измѣнили

ея, она осталась молодой. Она простояла передъ нимъ нѣсколькихъ секундъ, потомъ удалилась, продолжая спать, глаза оставались закрытыми. Она спустилась съ холма, исчезла.

Веннеми вскочилъ на ноги, приди, наконецъ, въ себя. Около него стоялъ отецъ Саррио.

— Я видѣлъ,—сказалъ священникъ.—Это Анжель, дочь ваша Анжель. Она страшно похожа на мать.

Но Веннеми едва слушалъ. Онъ ушелъ, какъ во снѣ, оттолкнувъ Саррио. Была ли то Анжель или дочь Анжель — ему все равно. Это она. Смерть и гробъ побѣждены — жизнь, вѣчно обновленная, она существуетъ. Времени нѣтъ; все бессмертно, кромѣ зла; все вѣчно кромѣ скорби.

Заря занялась, востокъ зарозовѣлъ у зенита. Веннеми шелъ, сам не зная куда. Свѣтлѣло. Наконецъ, онъ остановился на вершинѣ одного холма, возвышавшагося надъ ранхами и, поднявъ руки, вскрикнулъ:

— Вотъ она. Пшеница, пшеница. Она взошла ночью и теперь видѣлась всюду отъ горизонта до горизонта. Долго пустѣвшая земля покрылась зеленой жизнью. Снова маятникъ времени пробѣжалъ свою огромную дугу отъ смерти къ жизни. Жизнь изъ смерти, вѣчность поднимающаяся изъ разложенія — вотъ въ чемъ поученіе. Анжель — символъ, а доказательство безсмертія. Зерно, умирающее, гниющее въ землѣ, поднимается снова къ непобѣдимой жизни и незапятнанной чистотѣ; Анжель, умирая, даетъ жизнь дочери; жизнь выбилась изъ ея смерти, непобѣдимая чистота родилась отъ оскверненной.

Солнце встало. Ночь прошла. Иная слава небесныхъ, иная — земныхъ. И когда свѣтъ солнца изгналъ менѣе яркій свѣтъ луны и звѣздъ, Веннеми, глядя съ вершины холма на вѣчно зеленую жизнь проросшей пшеницы, почувствовалъ, что сердце его трепещетъ радостью отъ побѣды надъ смертью, и онъ громко воскликнулъ:

— Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда?

IV.

Стихотвореніе Презлея «Труженики» имѣло огромный успѣхъ. Редакторъ воскреснаго приложенія санъ-францисской газеты напечаталъ его готическимъ шрифтомъ, съ виднымъ заголовкомъ, настолько артистическимъ, что его почти невозможно было прочесть, и крошечного поручилъ одному изъ художниковъ, прикомандированныхъ къ редакціи, иллюстрировать его весьма сенсационно. Такъ представленная поэма обратила на себя вниманіе. Ее перепечатали въ нью-орк-

скихъ, бостонскихъ и чикагскихъ газетахъ. Ее хвалили съ полнѣйшимъ восторгомъ и порицали съ негодованіемъ; о ней писали передовыя статьи, обсуждали стиль и стихотвореніе; отдѣльныя фразы брали за исходныя точки революціонныхъ рѣчей и реакціонныхъ проповѣдей; на нее писали пародіи. Наконецъ, она была перепечатана ежемѣсячнымъ журналомъ съ біографіей и портретомъ Презлея.

Презлей былъ совершенно ошеломленъ. Онъ и не помышлялъ о славѣ, когда писалъ «Тружениковъ». Онъ просто былъ потрясенъ до глубины души, искренно и серьезно, и писалъ стихи въ счастливую минуту, когда слова шли къ нему сами и построеніе красивыхъ фразъ было легко. Такъ вотъ какъ достигается извѣстность! Была минута, когда ему захотѣлось поѣхать въ Нью-Йоркъ и насладиться извѣстностью, которая ждала его тамъ. Но онъ отказался отъ этой дешевой награды. Онъ хотѣлъ помочь народу, среди котораго жилъ, маленькому міру Санъ-Жоакина, боровшемуся съ желѣзной дорогой. Борьба нашла своего пѣвца и онъ говорилъ себѣ, что мѣсто его здѣсь. Его привлекала мысль обратиться къ цѣлой націи, рассказать всеимъ своимъ соотечественникамъ драму, разыгравшуюся на краю континента, на отдаленномъ и неизвѣстномъ берегу Тихаго океана, возбудить ихъ интересъ, заставить ихъ дѣйствовать. Это могло принести пользу. Посвятить себя «дѣлу», не принимая ни пени вознагражденія; отдать свою жизнь на борьбу съ чудовищемъ изъ пара и стали было бы несомнѣнно геройствомъ. Бромѣ Калифорніи въ другихъ штатахъ есть свои несчастія. По всей странѣ семейство циклоповъ размножалось. Онъ сдѣлается борцомъ народа противъ трѣста; онъ будетъ апостоломъ, пророкомъ, мученикомъ свободы.

Но Презлей былъ мечтатель, а не дѣятель. Онъ колебался, не началъ дѣйствовать въ надлежащій моментъ, не ковалъ желѣза, когда оно было горячо, и пока онъ колебался, другія дѣла начали поглощать его вниманіе.

Однажды ночью, черезъ часъ послѣ того, какъ онъ легъ въ постель, его разбудили какіе-то голоса у воротъ. Сойдя внизъ, онъ засталъ тамъ м-съ Дайкъ и Сидней. Мать отставного механика разговаривала съ Магнусомъ и Херраномъ и горько плакала. Оказалось, что Дайкъ пропалъ. Онъ уѣхалъ въ городъ рано утромъ, долженъ былъ вернуться къ ужину, но не вернулся. М-съ Дайкъ отправилась сначала къ Анникстеру, но онъ уѣхалъ въ Санъ-Франциско. Въ страшной тревогѣ она пошла къ Хувену и попросила Бисмарка отвезти ее въ Лосъ-Муэртосъ. Пока Херранъ телефонировалъ въ городъ, м-съ Дайкъ рассказывала Презлею и Магнусу объ ужасной перемѣнѣ, происшедшей въ Дайкѣ.

— Они разбили сердце моего сына, м-ръ Деррикъ, — сказала она. — Если бы вы видѣли, какъ онъ сидитъ чассами у крыльца праздно, не говоря ни слова. Онъ не смѣетъ глядѣть мнѣ въ лицо и совсѣмъ не спитъ. По цѣлымъ часамъ ходитъ взадъ и впередъ до утра. И такъ день за днемъ... Потомъ вдругъ, это ужасно м-ръ Деррикъ! Онъ вдругъ приходитъ въ бѣшенство, ругается страшно, припадаетъ, хватается за голову и кричитъ, что если Берманъ не отдастъ ему его денегъ, онъ задушитъ его своими руками... Но это еще не самое худшее. Онъ ходитъ въ питейный домъ м-ра Берехера, сидитъ тамъ по цѣлымъ часамъ и слушаетъ м-ра Берехера... У него что-то на умѣ, что-то, я знаю... Они задумали что-то съ Берехеромъ, но не могу понять, что именно. М-ръ Берехеръ дурной человѣкъ, а сынъ мой подпалъ подъ его вліяніе.

Она заплакала и обняла Сидней.

— Я... я никогда не падала духомъ прежде, м-ръ Деррикъ, — продолжала она, — но послѣ того, какъ мы были такъ счастливы въ нашемъ маленькомъ домикѣ втроемъ... И такъ много хорошаго ждали впереди... О, Богъ накажетъ господъ, которые владѣютъ желѣзной дорогой, за то, что они такъ жестоки и безсердечны!

Вошелъ Херранъ, она замолчала, тревожно глядя на него.

— Все благополучно, вается, — успокоительно сказалъ Херранъ. — Мы знаемъ, гдѣ онъ. Оставайтесь здѣсь съ дѣвочкой, а мы съ Хувеномъ поѣдемъ за нимъ.

Часа черезъ два Херранъ привезъ Дайка въ Лосъ-Муэртось. Онъ нашелъ его у Берехера совершенно пьянымъ; вода вызывала въ немъ озлобленіе, непримиримый духъ мстительности.

На другой день Презлей, провожая Магнуса въ Гладалаяру, откуда онъ уѣзжалъ въ Санъ Франциско, заѣхалъ на хмѣльники Дайка. Онъ вернулся въ Лосъ-Муэртось съ тяжелымъ чувствомъ. Хмѣльники, которые онъ видѣлъ въ полномъ порядкѣ, были заброшены. Очевидно, давно никто не работалъ на нихъ — тычины повалились, заборъ во многихъ мѣстахъ сломался, а самъ Дайкъ сидѣлъ праздно на стулѣ у крыльца.

Въ Бонневиллѣ къ Магнусу присоединился Остерманъ. Усаживаясь въ вагонъ противъ владѣльца Лосъ-Муэртоса, Остерманъ вдругъ замѣтилъ:

— Хозяинъ, вамъ какъ будто не по себѣ? Что-нибудь дурное случилось?

Магнусъ отвѣтилъ отрицательно, но Остерманъ все же былъ правъ. Деррикъ сразу постарѣлъ. Онъ уже не былъ такъ прямъ, его широкія плечи слегка согнулись, мощная линія тонкихъ губъ о-а-

была и рука его, сжимавшая костяной набалдашникъ трости, слегка незамѣтно дрожала. Но измѣненіе въ Магнусъ было не только физическое.

Онъ наконецъ достигъ значительной власти. Онъ былъ президентомъ лиги, о которой говорили во всѣхъ графствахъ штата, вождемъ въ великой борьбѣ, съ которыми совѣтовались, «выдающимся человекомъ», къ которому всѣ обращались; онъ наконецъ достигъ положенія, къ которому тщетно стремился всю жизнь, — но оно не доставляло ему удовольствія, несло въ себѣ отраву. Онъ достигъ успѣха косвенными, темными средствами. Онъ былъ лиходателемъ и забыть этого не могъ. Для достиженія цѣли, безкорыстной, общественной, даже человеколюбивой, онъ потворствовалъ мошенничеству; онъ — политикъ старой школы, отказавшійся отъ карьеры, чтобы не идти на компромиссы съ совѣстью. На закатѣ дней захваченный въ тонкую паутину новаго порядка вещей, ослѣпленный словоизверженіемъ Остермана, раздраженный до крайности заносчивостью трѣста, съ которыми боролся, онъ уступилъ, унизился, сдѣлалъ подкупъ. Ему казалось, что это не будетъ имѣть значенія для него; это было извѣстно только Остерману, Брэдersonу и Аннигстеру, которые не могли его осуждать, потому что сами были замѣшаны въ это дѣло, а съ теченіемъ времени все это потеряетъ значеніе.

Но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Онъ чувствовалъ, онъ зналъ, что въ его характерѣ произошла какая-то перемѣна. Твердость, дававшая ему устойчивость, силу и несокрушимый авторитетъ, покидала его день за днемъ. Въ рѣшеніяхъ, которыя онъ долженъ былъ теперь такъ часто принимать въ качествѣ предсѣдателя лиги, онъ колебался. Онъ не могъ болѣе быть надменнымъ, самоувѣреннымъ, независимымъ во мнѣніяхъ, дѣйствовать полагаясь исключительно на свое сужденіе. Онъ совѣтовался съ своими помощниками, не довѣряя себѣ. Онъ ошибался, путался и когда ему указывали на это, начиналъ хвастаться. Онъ зналъ; что хвастается, зналъ, что рано или поздно его подчиненные узнаютъ, что это только хвастовство. Сколько времени онъ удержитъ свое положеніе? Если бы ему удалось удержать власть въ своихъ рукахъ до конца борьбы, тогда все будетъ хорошо. Если это не удастся, онъ падетъ, и тогда, — онъ это зналъ, — ему не подняться никогда...

Теперь онъ ѣхалъ въ Санъ-Франциско, чтобы посоветоваться съ Ламаномъ относительно возможнаго исхода тяжбы между желѣзной дорогой и фермерами, на который ему недавно указали.

Когда исполнительный комитетъ лиги апелировалъ въ высшій судъ, были выбраны нѣкоторые процессы, которые должны были

служить «пробными». Ни Магнусъ, ни Анникстеръ не апелировали, предположивъ, что ихъ дѣла подойдутъ подъ рѣшеніе пробныхъ процессовъ, разбиравшихся въ Вашингтонѣ. Здѣсь Магнусъ опять сдѣлалъ глупость, и агенты лиги въ Санъ-Франциско написали ему, предупреждая, что желѣзная дорога можетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и подѣлать предложение, что ни Лосъ-Муэртось, ни Квинъ Себъ не апелировали, сдѣлать попытку ввести во владѣніе подставныхъ покупателей до рѣшенія высшаго суда. Девяносто дней, опредѣляемыхъ закономъ для апелляціи, почти истекли, а по ихъ истеченіи желѣзная дорога можетъ дѣйствовать. Остерманъ и Магнусъ рѣшили ѣхать немедленно въ Санъ-Франциско, найти тамъ Анникстера и вмѣстѣ съ Лайманомъ обсудить это дѣло. Лайманъ въ качествѣ комиссара желѣзной дороги могъ быть освѣдомленъ относительно намѣреній компании, а въ качествѣ юриста могъ дать хорошій совѣтъ, если слухъ этотъ подтвердится.

— Послушайте,—сказалъ Остерманъ, когда путешественники отъѣхали отъ Бонневилля,—послушайте, хозяинъ! Что такое случилось съ хватомъ Анникстеромъ? Его какая-то муха укусила, навѣрное.

— Я ничего не замѣтилъ,—отвѣчалъ Магнусъ.—М-ръ Анникстеръ былъ въ отъѣздѣ въ послѣднее время. Я не знаю, что могло удержать его такъ долго въ Санъ-Франциско.

— Вотъ то-то и оно!—воскликнулъ Остерманъ, подмигивая.—Бто догадается, тотъ получить сигару. Я догадался! Барышня, которая зовется Хильма Три. Она недавно уѣхала изъ Квинъ Себъ и отправилась въ Фриско. А Хватъ за ней... Получать сигару мнѣ? Теперь ваша очередь.

— Я замѣтилъ ее,—сказалъ Магнусъ.—Красивая дѣвушка и навѣрное будетъ хорошей женой.

— Хо! Женой! Хвату Анникстеру жениться! Ну, нѣтъ... Такъ старый хватъ началъ, наконецъ, покучивать! Вотъ такъ потѣха. Надо будетъ подразнить его при первой встрѣчѣ.

Но когда Остерманъ и Магнусъ встрѣтили Анникстера въ гостиницѣ, они не могли отъ него ничего добиться. Онъ былъ въ ужасномъ расположеніи духа. Когда Магнусъ заговорилъ съ нимъ о гѣлахахъ, онъ объявилъ, что пусть всѣ дѣла провалятся въ преисподнию, а когда Остерманъ позволилъ себѣ отдаленный намекъ на нѣкую б-вицу, Анникстеръ яростно навинулся на него.

— Хорошо,—не унимался Остерманъ,—чего ради вы такъ до го путаетесь въ Фриско?

— Бошачьяго мѣха ищю на штаны, — отвѣчалъ Анникстеръ загадочно.

Анникстеръ прїѣхалъ въ Санъ-Франциско двѣ недѣли тому назадъ и сразу отправился въ одну гостиницу, которую содержали родственники Три. Его предположеніе, что родители Хильмы поѣхали туда, оправдались. Онъ нашелъ ихъ имена въ отельной книгѣ, сразу отправился въ ихъ комнаты и не успѣлъ опомниться какъ находился уже въ присутствіи стараго Три, отъ котораго ему пришлось «съѣсть» многое. Хильмы не было дома. Она ушла съ матерью къ одной родственницѣ, жившей въ другой части города около городского парка. Анникстеръ помирился съ родителями Хильмы, убѣдилъ ихъ въ своемъ серьезномъ намѣреніи жениться на Хильмѣ, но Хильма отказалась видѣть его и, узнавъ, что онъ въ Санъ-Франциско, не вернулась назадъ въ отель, а осталась у своей родственницы на неопредѣленное время.

Она была очень несчастна все это время; не выходила изъ дому и горько плакала каждый вечеръ, ложась спать. Она ненавидѣла городъ и страшно тосковала по ранхо. Она вспоминала счастливые дни, которые проводила въ маленькой молочной, въ вѣчномъ движеніи на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, чувствуя себя счастливой уже тѣмъ, что солнце свѣтитъ. Вспоминала свои прогулки въ Миссію по вечерамъ, пѣніе пѣтуховъ, отдаленный свистъ поѣздовъ, тихій звонъ Angelus'a. Съ безконечной тоской вспоминала одинокій просторъ ранховъ, полуденный жаръ, безоблачные заматы и восходы солнца. Какъ она была счастлива! Теперь все это прошло. Суровый городъ, его нагроможденные дома изъ дерева и жести, съ его туманами, торговымъ шумомъ тревожили и печалили ее. Въ будущемъ у нея не было ничего.

Наконецъ, черезъ недѣлю послѣ переѣзда Анникстера, Хильма рѣшилась пойти погулять въ паркъ. Она пошла одна, нашла маленькую китайскую бесѣдку и сѣла тамъ, любуясь на золотыхъ рыбокъ. Она желала чего-то, но сама не знала чего.

Вдругъ совершенно неожиданно рядомъ съ ней сѣлъ Анникстеръ. Она такъ испугалась, что не рѣшалась двинуться, и глядѣла на него широко открытыми глазами, которые наполнились слезами.

— О! — сказала она, наконецъ, — я не знала...

— Ну, — воскликнулъ Анникстеръ, — наконецъ, я васъ поймалъ. Я бродилъ у этого проклятаго дома и думалъ ужъ, что меня полицейскіи прогонитъ. Господи! — вдругъ воскликнулъ онъ, — какая вы блѣдная! Вы... какъ вы себя чувствуете, Хильма?

— Да... я здорова, — бормотала Хильма.

— Нѣтъ, вы не здоровы, — объявилъ онъ. — Я лучше васъ знаю. Вы должны вернуться со мною въ Бвинъ-Себъ. Здѣсь вамъ нельзя жить. Хильма, что все это значитъ? Почему вы не хотѣли видѣть меня все это время? Вы знаете... знаете все, что касается меня? Ваша мать сказала вамъ? Знаете ли вы, какъ я огорченъ? Знаете ли вы, что тамъ, у Длинной Траншеи, я чуть не погубилъ свою жизнь? Я это понялъ въ ту ночь, когда вы уѣхали. Я цѣлую ночь просидѣлъ гдѣ-то на камнѣ... Я не зналъ хорошенько, что тогда со мною случилось, но съ тѣхъ поръ я сталъ инымъ человѣкомъ. Я смотрю на вещи другими глазами... Да... я только съ тѣхъ поръ началъ жить. Теперь я знаю, что значитъ любовь, и вмѣсто того, чтобы стыдиться, горжусь ею. Если бы мнѣ суждено было никогда не видѣть васъ вновь, я всетаки былъ бы радъ, что пережилъ ту ночь. Въ эту ночь я точно проснулся... Я думалъ только о себѣ до того момента, когда понялъ, что люблю васъ, а теперь позвольте вы мнѣ жениться на васъ или нѣтъ, я буду жить... не знаю какъ, но иначе... Я... ну... да... я не могу вамъ объяснить, но моя любовь къ вамъ перемѣнила мою жизнь совершенно. Мнѣ стало легче поступать прямо, хорошо. Я хочу такъ поступать, мнѣ весело, пріятно это дѣлать... Помните, я говорилъ, что горжусь тѣмъ, что я жесткій человѣкъ, горжусь тѣмъ, что люди ненавидятъ меня и боятся меня? Ну, такъ вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ я васъ люблю, мнѣ стыдно этого. Я не хочу быть жесткимъ, и никто не будетъ ненавидѣть меня по моей винѣ. Я счастливъ и хочу, чтобы всѣ были счастливы вокругъ меня. Я люблю васъ, — вдругъ воскликнулъ онъ, — и если вы простите меня, если вы снизойдете до такого животнаго, какъ я, я постараюсь, Хильма, сдѣлать васъ настолько счастливой, насколько мужчина можетъ сдѣлать женщину счастливой. Вы поняли меня, моя маленькая дѣвочка?

Хильма смотрѣла сквозь слезы на золотыхъ рыбокъ.

— Вы можете сказать мнѣ что-нибудь, Хильма? — спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Я не знаю, что вы хотите, чтобы я вамъ сказала?

— Вы знаете. Я слѣдовалъ за вами всюду, чтобы это услышать. Я бродилъ здѣсь по этимъ проглытымъ, подлизаннымъ пикничнымъ мѣстамъ цѣлую недѣлю, чтобы это услышать. Вы знаете, Хильма, что я хочу слышать.

— Ну... я васъ прощаю.

— Этого довольно для начала, — отвѣчалъ онъ. — Но это не...

— Тогда я не знаю.

— Хотите, я скажу за васъ?

Она колебалась, потомъ отвѣтила:

— Вы скажете не то...

— Я скажу то, что вы думаете. Сказать?

Они долго молчали. Золотая рыбка прыгнула на прудкѣ съ звонкимъ плескомъ. Туманъ плылъ надъ ихъ головами. Бругомъ не было ни души.

— Нѣтъ! — сказала Хильма наконецъ. — Я... я сама скажу. Я... — она сразу повернулась къ нему и обняла его шею руками. — О! любите ли вы меня? Правда ли все это? Правда ли, что вы огорчены, что вы будете добры со мною? Я буду вашей женой и вы будете мой дорогой, дорогой мужъ?

Слезы текли изъ глазъ Анникстера. Никогда во всю жизнь онъ не чувствовалъ себя такимъ негоднымъ, недостойнымъ этой чистой дѣвушки, которая прощала ему, довѣрялась ему снова. Она была такъ высока передъ нимъ, такъ благородна, что онъ долженъ былъ бы преклонить голову къ ея ногамъ, а она обнимаетъ его, вѣритъ ему, считаетъ его равнымъ себѣ. Онъ ничего не могъ выговорить, и слезы текли у него по щекамъ. Она отодвинулась отъ него немного и смотрѣла на него, и онъ увидѣлъ, что она тоже плачетъ.

— Я думаю, — сказалъ онъ, — что мы оба юни...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я хочу плавать и хочу, чтобы вы тоже плакали. Ахъ, Господи, у меня нѣтъ платка...

— Вотъ возьмите мой.

Они вытерли другъ другу глаза какъ дѣти и долго еще сидѣли въ маленькой бесѣдкѣ...

Въ слѣдующую субботу они обвинчались въ загородной пресвитеріанской церкви и провели недѣлю своего медоваго мѣсяца въ маленькой гостиницѣ на Соттеръ-стритѣ. Они, конечно, вмѣстѣ осматрѣли по обычаю все достопримѣчательности города. На шестой день Хильма объявила, что теперь довольно веселиться и что пора приниматься за серьезную работу.

Работа эта заключалась въ покупкѣ мебели и украшеній для обновленія усадебнаго дома въ Бвинъ-Себѣ. Анникстеръ раньше отдалъ приказаніе по телеграфу поправить, вычистить и выкрасить весь домъ и вынести изъ комнатъ все, кромѣ телефона и несгораемаго шкафа. Онъ приказалъ также выслать ему размѣры комнатъ и выслаива этихъ цифръ навела Хильму на мысль о необходимости дѣйствовать. И вотъ, снабженные длинными списками вещей, которые Анникстеръ составлялъ на конвертахъ гостиницы, они бѣгали по горскимъ магазинамъ. Они покупали направо и налево, немедленно о равляя покупки въ Бвинъ-Себѣ. Чуть не цѣлый вагонъ ковровъ, гдинъ, посуды, мебели, лампы былъ посланъ въ Бвинъ-Себѣ, такъ

какъ Анникстеръ хотѣлъ непремѣнно, чтобы весь ихъ новый дождь былъ меблированъ поставщиками Санъ-Франциско.

Наконецъ все было кончено, всѣ распоряженія были сдѣланы, Хильма уложила свои новыя платья, билеты въ Бонневиль были куплены.

— Мы поѣдемъ съ прямымъ поѣздомъ, — объявилъ Анникстеръ своей женѣ за столомъ гостиницы, — всѣ эти мѣстные поѣзда не про насъ, а?

— Но мы прїѣдемъ въ Бонневиль въ невозможный часъ, — возражала Хильма. — Въ пять часовъ утра!

— Что за важность! Мы поѣдемъ въ спальномъ вагонѣ, Хильма. Я не желаю, чтобы кто-нибудь изъ бонневильскихъ зѣвакъ говорилъ, что я дѣлаю вещи не по порядку... Ваква насъ встрѣтитъ... Нѣтъ, сэръ, — въ спальномъ, или никакъ. Когда дѣло идетъ о покупкѣ мебели, я не блестящъ, можетъ быть, но я знаю какъ должна путешествовать моя жена.

Въ вечеру они прїѣхали къ Трансконтинентальному поѣзду у Оклендской пристани. На вокзалѣ ихъ провожали только родители Хильмы. Анникстеръ зналъ, что Магнусъ и Остерманъ еще въ Санъ-Франциско, но онъ избѣгалъ ихъ. Онъ былъ увѣренъ, что Магнусъ будетъ держать себя съ достоинствомъ, но на козла Остермана никогда нельзя положиться. Въ вокзалѣ Анникстеръ сразу винулся бѣжать вдоль вагоновъ; онъ былъ нагруженъ корзиночками, мѣшками, чемоданами, держалъ билеты въ зубахъ, шапку надѣлъ накриво; Хильма и ея родители едва поспѣвали за нимъ. Анникстеръ безумно волновался, боясь, что что-нибудь случится, будетъ не такъ. Онъ всегда волновался, когда долженъ былъ попасть на поѣздъ. Онъ такъ быстро бѣжалъ, что когда нашелъ свой вагонъ, то потерялъ всѣхъ своихъ компаніоновъ. Онъ бросилъ багажъ, чтобы занять мѣста и ринулся снова на платформу, махая руками.

— Идите, идите, — кричалъ онъ, завидя своихъ. — У насъ нѣтъ времени.

Онъ торопилъ ихъ и гналъ, пока они не подошли къ вагону, гдѣ Анникстеръ сложилъ багажъ. Вдругъ онъ рѣшилъ, что одного чемодана не хватаетъ. Онъ сразу поднялъ крикъ.

— Ага! Отличные порядки на Тихоокеанской!

Онъ непремѣнно... но показался кондукторъ и объявилъ, что онъ началъ вносить багажъ въ ихъ отдѣленіе. Анникстеръ не позволялъ родителямъ Хильмы оставаться въ вагонѣ, увѣряя, что поѣздъ можетъ вдругъ тронуться, такъ что Хильма, войдя въ свое отдѣленіе, открыла окно и высунулась изъ него, чтобы проститься со стариками.

ми. Три не хотѣлъ вернуться въ Квинъ-Себъ, онъ нашель себѣ занятіе въ городѣ; но изъ Санъ-Франциска до Бонневилля не далеко и разлука съ дочерью не могла быть продолжительной.

Бондукторы начали убирать лѣсенки, стоявшія у вагоновъ.

— Ну, будь счастлива, Хильма, — сказалъ отецъ, — и пріѣзжай къ намъ, когда сможешь.

Подъ гулкой крышей вокзала раздались размѣренные удары колокола.

— Мы уѣзжаем! — закричалъ Анникстеръ. — Прощайте м-съ Три.

— Помни свое обѣщаніе, Хильма, писать каждое воскресенье.

Вдоль поѣзда раздались стуки металла, криканье дерева. Всѣ сразу начали выкрикивать слова прощанія. Поѣздъ двинулся, медленно покотился впередъ и выѣхалъ на солнечный свѣтъ.

Хильма высунулась изъ окна и махала платкомъ, пока не потеряла мать изъ виду, тогда она сѣла и, посмотрѣвъ на Анникстера, сказала:

— Ну, вотъ.

— Ну, вотъ, — повторилъ Анникстеръ. — Счастлива? — прибавилъ онъ, увидя у нея на глазахъ слезы.

Она энергично кивнула головой.

— Ты немного блѣдна, — объявилъ онъ. — Какъ ты себя чувствуешь?

— Не дурно.

Анникстеръ сразу обезпокоился.

— Но не *совсѣмъ* хорошо, да?

Хильма дѣйствительно чувствовала себя дурно во время переѣзда на пароходъ изъ города на Оклендскую пристань; можетъ быть, слѣды этого недомоганія остались. Но Анникстеръ не принималъ этого объясненія.

— Ты непременно заболѣешь, — говорилъ онъ со страхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ни чуточки.

— Но ты сказала, что чувствуешь себя больной. Что у тебя болитъ?

— Я не знаю. Я не больна. О, Господи, о чемъ ты беспокоишься?

Но онъ не унимался. Онъ осыпалъ ее вопросами, увѣрялъ, что у нея черно подъ глазами, что она похудѣла.

— Желалъ бы я знать, — говорилъ онъ, оглядывая вагонъ, — есть ли здѣсь докторъ? Покажи мнѣ языкъ. Я знаю... немного виски и... рн...

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — протестовала она. — Я здорова какъ никто на. Посмотри на меня и скажи самъ, развѣ я не образчикъ здоровья?

— Съ одной стороны это такъ,—началь онъ,—а съ другою... Но Хильма затоптала каблуками по полу, зажала уши, зажмурилась глаза и качала головой.

— Не буду слушать, не буду слушать!

— Но всетаки...

— Пустяки, пустяки, пустяки... Не буду, не буду, не буду слушать... Вонъ лакей пришелъ изъ буфета, ужинъ подаютъ, а я голодна.

Они пошли въ буфетный вагонъ, а длинный поѣздъ, вопреки теперь на главную линію, пошелъ полнымъ ходомъ, которымъ безостановочно пойдетъ около недѣли, вытягивая мили какъ паукъ паутину.

Темнѣло, когда они проѣхали Антиохъ. Вдругъ закатъ началъ какъ будто передвигаться на небѣ и очутился съ правой стороны поѣзда за горой Діабло, видной въ этомъ мѣстѣ до подножья. Поѣздъ повернулъ къ югу. Вдали, въ сгущающейся мглѣ, съ обѣихъ сторонъ поѣзда стали смотрѣться горы, загораживая горизонтъ. Поѣздъ съ грохотомъ летѣлъ впередъ. Между горами лежала плоская земля, раздѣленная на фермы, на ранхи. Мало-по-малу ранхи становились больше, показались поля пшеницы, которая колыхалась отъ вѣтра. Горы становились выше, земля плодороднѣй и къ тому времени, когда вошла луна, поѣздъ входилъ въ сѣверную часть Санъ-Жоакинской долины.

Анникстеры занимали цѣлое отдѣленіе вагона. Когда кондукторъ открылъ верхнюю койку, Хильма легла спать и немедленно заснула какъ засыпають дѣти. Анникстеръ никогда не могъ спать въ дорогѣ. Онъ дремалъ, вертѣлся, кашлялъ, смотрѣлъ на часы и на росписание станцій при каждой остановкѣ; два раза вставалъ и пилъ воду со льдомъ, садился, потягиваясь на узкой койкѣ, зѣвалъ и съ ибѣоторымъ облегченіемъ бормоталъ:

— О, Господи! О, Го-оспо-ди!

Время шло. Уже было за полночь. Анникстеръ отсчитывалъ станціи и какъ-то забывшись потерялъ счетъ. Онъ не зналъ, гдѣ они находятся теперь. Проѣхали они Фрезно или не проѣхали? Онъ поднялъ занавѣску окна, приложилъ обѣ руки къ лицу и смотрѣлъ. Ночь была темная, небо покрыто тучами. Шелъ мелкій дождикъ, оставивъ на стеклѣ прямыя полосы. Только чуть сѣроватый отблескъ указывалъ на небо, все остальное было покрыто непроницаемымъ мракомъ.

«Навѣрное мы проѣхали Фрезно!—думалъ Анникстеръ. Онъ посмотрѣлъ на часы, было половина третьяго.—Если мы проѣли

Фрезно, — сказала себѣ Анникстеръ, — скоро надо будить маленькую дѣвочку. Лучше узнать навѣрное. Она будетъ одѣваться цѣлый часъ».

Онъ поднялся и вышелъ въ коридоръ. На стулѣ для служащихъ сидѣлъ кондукторъ спального вагона; передъ нимъ стоялъ денежный ящикъ и билеты, онъ считалъ занятыя койки; за ухомъ у него торчалъ синій карандашъ.

— Какая слѣдующая станція, капитанъ? — спросилъ Анникстеръ подходя. — Мы доѣхали до Фрезно?

— Только что проѣхали, — отвѣчалъ кондукторъ, смотря на Анникстера черезъ очки.

— Какая слѣдующая станція?

— Гошенъ. Мы тамъ будемъ черезъ сорокъ пять минутъ.

— Какая темная ночь.

— Темно какъ въ карманѣ. Вы вѣжета занимаете нижнюю и верхнюю номеръ пятый?...

Аникстеръ схватился за спинку ближайшаго сидѣнья, чтобы не упасть, денежный ящикъ кондуктора хлопнулся объ полъ. Лампы задрожали. Страшный визгъ раздавался внизу отъ тормозовъ, Вестингауза и Анникстеръ понялъ, что колеса уже не вертятся и что поѣздъ скользить впередъ на неподвижныхъ ободьяхъ.

— Ай, ай! Что такое случилось! — воскликнулъ онъ.

— Затормозили, — сказалъ кондукторъ, поднимая свою кассу и выдая въ нее билеты. — Ничего особеннаго... вѣрно корова попала на полотно.

Онъ убѣжалъ и унесъ съ собою фонарь.

Другіе пассажиры проснулись, изъ-за занавѣсокъ высунулись головы, и къ Анникстеру, который спѣшилъ къ Хильмѣ, со всѣхъ сторонъ неслись вопросы:

— Что случилось?

— Что-нибудь сломалось?

— Что тамъ дѣлается?

Хильма только что проснулась, когда Анникстеръ отдернулъ ея занавѣску.

— Ахъ, какъ я испугалась! Что случилось, милый мой?

— Я не знаю, — отвѣчалъ онъ. — Поѣздъ затормозили. Кажется, корова попала на полотно. Не бойся. Это пустяки.

Съ новымъ визгомъ тормозовъ поѣздъ остановился.

Сразу наступила страшная тишина. Ухо, оглушенное продолжительнымъ грохотомъ колесъ и проводовъ, еще не улавливало болѣе сильныхъ звуковъ. Съ другого конца вагона доносились голоса, странные, неправильные, точно раздававшіеся гдѣ-то вдали. Снаружи было

такъ тихо, что паденіе капелекъ дождя съ крыши вагона на землю слышалось какъ тиканье часовъ.

— Мы кажется совсѣмъ остановились, — сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

— Что случилось? — переспросила Хильма. — Ты увѣренъ, что нѣтъ ничего страшнаго?

— Увѣренъ.

Снаружи подъ окнами слышны были поспѣшные шаги. Они прошли, и вдали кто-то крикнулъ:

— Да! Съ той стороны.

Потомъ дверь вагона отворилась, и кондукторъ съ рыжей бородой бѣгомъ пробѣжалъ по коридору и выбѣжалъ на платформу. Передняя дверь захлопнулась и опять все утихло, только снова раздался храпъ толстаго господина.

Прошло нѣсколько минутъ; все тихо, слышно было только, какъ дождь капалъ съ крышъ. Поѣздъ неподвижно стоялъ подъ покровомъ ночи. Одинъ изъ пассажировъ вышелъ на платформу, потомъ вернулся и сказалъ:

— Навѣрное это не станція. Нигдѣ ничего не видно. Пари держу, что случилось какое-нибудь несчастіе.

— Спросите кондуктора.

— Спрашивалъ. Онъ ничего не знаетъ.

— Они можетъ быть остановились, чтобы взять воды или топлива?

— Ну, вотъ еще! Развѣ они стали бы для этого тормозить поѣздъ? Онъ остановился на всемъ ходу... меня чуть не выкинуло изъ койки.

Издаലെка, впереди поѣзда у локомотива раздался выстрѣлъ... Потомъ еще два почти одновременно; потомъ, черезъ длинный промежутокъ, еще одинъ.

— Послушайте, *стрѣляютъ*... Ей-Богу, ребята, стрѣляютъ... Это нападеніе на поѣздъ...

Сразу всѣ въ вагонѣ всполошились. Необыкновенно злобщими, таинственными, грозными казались эти выстрѣлы, раздавшіеся среди ночной тишины, подъ шумъ дождя; страхъ и беспокойство смѣнили чувство безопасности. Пассажиры глядѣли другъ на друга испуганными глазами. Вотъ и съ ними приключилось то, о чемъ они такъ часто читали. Они сейчасъ увидятъ это въ дѣйствительности, встятъ лицомъ къ лицу съ опасностью темной дороги; они встрѣтятся съ замаскированными, вооруженными людьми, готовыми на убійство. Это — нападеніе.

Хильма ничего не сказала, только схватила Анникстера за руку и смотрѣла на него.

— Не бойся, маленькая дѣвочка, — они тебѣ ничего не сдѣлаютъ. Я буду съ тобой... Ей-Богу! — вдругъ воскликнулъ онъ. — Ей-Богу, это нападеніе.

Компанія учительницъ, бывшая въ вагонѣ, столпилась въ проходѣ, держась толпой, какъ овцы; онѣ глядѣли на мужчинъ, молча прося защиты; нѣкоторые плакали, блѣдныя, какъ полотно.

— О! это ужасно! что теперь будетъ!

Но дама съ дѣтьми выглянула изъ своей койки и сказала успокоительно:

— Я нисколько не боюсь. Они насъ не тронутъ, если мы будемъ держаться покойно. Я приготовила имъ часы и всѣ свои золотыя вещи вотъ въ этомъ мѣшочкѣ.

Она показала свой мѣшочекъ пассажирамъ. Ея дѣти тоже проснулись, они были покойны и смотрѣли на всѣхъ съ любопытствомъ. Толстый господинъ съ бакенбардами храпѣлъ въ своей койкѣ.

— Послушайте! я пойду туда, — внезапно заявилъ одинъ изъ пассажировъ, размахивая карманнымъ револьверомъ.

Его товарищъ схватилъ его за руку.

— Безъ глупостей, Максъ! — сказалъ онъ.

— Они сюда не придутъ, — объяснилъ хорошо одѣтый молодой человекъ; — они въ почтовомъ вагонѣ. Вы тамъ ничего хорошаго не сдѣлаете.

Но пассажиръ не сдавался. Нѣтъ, онъ пойдетъ, онъ не намѣренъ дать обокрасть себя безъ сопротивленія; онъ не трусъ.

— Никуда ты не пойдешь, вотъ и все, — сердито сказалъ его товарищъ. — Здѣсь женщины и дѣти... нельзя затѣвать стрѣльбу здѣсь.

— Это, пожалуй, вѣрно... — рѣшилъ тотъ утомиваясь, но все еще съ пистолетомъ въ рукахъ.

— Не давайте ему открывать окна, — кричалъ Анникстеръ, потому что безпокойный пассажиръ схватился за окно.

— Это вѣрно. Не открывайте окна! Не высовывайте головы... будьте осторожны, а то насъ всѣхъ перестрѣляютъ.

Тѣмъ не менѣе пассажиръ открылъ окно и высунулся наружу.

— Слушайте-ка! — кричалъ онъ снова, возвращаясь въ вагонъ. — Нашъ локомотивъ ушелъ! Мы стоимъ на поворотѣ и оба конца поѣзда видны. Ушелъ, ушелъ локомотивъ! Сами посмотрите.

Несмотря на предостереженія, всѣ одинъ за другимъ выглянули въ окошко. Локомотива не было.

— Они это сдѣлали, чтобы мы не могли уѣхать, — кричалъ пас-

сажиръ съ револьверомъ.—Теперь они обойдутъ всѣ вагоны... Сейчас сюда придутъ... Господи! что это такое?

Издали, съ полотна раздался сильный взрывъ. Она вагоны задрожали.

— Опять стрѣляютъ?

— Это не выстрѣлы,—воскликнулъ Анникстеръ.—Они отодвинули почтовый вагонъ впередъ и взрываютъ его динамитомъ.

— Да, это вѣрно... Навѣрное такъ.

Переднюю дверь вагона съ шумомъ распахнули и снова захлопнули. Воинственный пассажиръ поднялъ револьверъ. Но въ дверь вошелъ кондукторъ, безъ шляпы, съ фонаремъ въ рукахъ, весь мокрый отъ дождя.

— Есть здѣсь докторъ?—спросилъ онъ.

Пассажиры сразу окружили его, засыпали вопросами. Но онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа.

— Я знаю столько же, сколько и вы!—сердито закричалъ онъ.—На поѣздъ напали, вы это сами знаете, я думаю. Чего вамъ еще? Мнѣ некогда. Они отрѣзали нашъ почтовый вагонъ, взорвали его, выстрѣлили въ одного служащаго... вотъ и все... Мнѣ нуженъ докторъ.

— Стрѣляли? Убили? Сильно ранили?

— Ахъ, замолчите вы,—закричалъ кондукторъ.—Я почти знаю? Есть докторъ въ этомъ вагонѣ, вотъ что мнѣ надо знать.

— Я—докторъ,—сказалъ хорошо одѣтый молодой человекъ.

— Ну, идите со мною,—мрачно сказалъ кондукторъ;—а пассажировъ этого вагона,—прибавилъ онъ грозно, обращаясь ко всѣмъ,—прошу лечь спать и не выходить. Все кончено и смотрѣть не на что...

Онъ вышелъ въ сопровожденіи доктора.

Наступилъ безконечно длинный промежутокъ полной тишины. Базалось, что весь поѣздъ опустѣлъ. Онъ стоялъ безъ локомотива, точно огромное чудовище безъ головы, обливаемый дождемъ, покинутый. И теперь было еще страшнѣе, чѣмъ въ моментъ настоящей опасности, при мысли объ этомъ длинномъ рядѣ вагоновъ, наполненныхъ людьми, затерянныхъ, забытыхъ среди мрака и дождя. Что съ ними будетъ теперь? Кто имъ поможетъ? Локомотивъ ушелъ, они безпомощны. Что еще случится?

Въ вагону никто не подходитъ; всѣ кондуктора исчезли. Отдѣліе длилось безконечно, а храпъ господина съ бакенбардами раздражалъ нервы, какъ визгъ пилы.

— Сколько времени мы проторчимъ здѣсь?—началъ одинъ изъ пассажировъ.—Желалъ бы я знать, испортили они динамитомъ локомотивъ или не испортили?

— О! я увѣрена, что они придутъ грабить вагоны!—стонала одна изъ учительницъ.

Дама съ дѣтьми легла спать, и Анникстеръ, увѣрившись, что опасность миновала, легъ также. Но никто не спалъ. Всюду слышались голоса, обсуждающіе происшествіе. Нѣкоторыя предположенія казались неоспоримыми. Разбойниковъ было четверо, и они остановили поѣздъ, давши сигналъ остановки. Одинъ изъ рабочихъ и тормазовъ хотѣлъ помѣшати этому—его убили. Грабители были въ поѣздѣ отъ самаго Санъ-Франциско. Пассажиръ, котораго звали Максомъ, отлично помнилъ четыре «подозрительныя личности», которыхъ онъ замѣтилъ въ курительномъ вагонѣ въ Латропъ; онъ даже хотѣлъ обратиться на нихъ вниманіе кондуктора. Этотъ пассажиръ былъ уже однажды свидѣтелемъ ограбленія поѣзда и рассказывалъ всю исторію очень подробно.

Наконецъ, когда на востокъ заблѣгла заря, локомотивъ подошелъ снова къ поѣзду, толкнувъ его съ грохотомъ, передававшимся отъ вагона къ вагону. При толчкѣ всѣ учительницы вскрикнули хоромъ, господинъ съ бакенбардами пересталъ храпѣть и высунулъ голову изъ-за занавѣсокъ койки, щурясь отъ свѣта. Оказалось, что это англичанинъ.

— Не знаете ли вы, другъ мой,—сказалъ онъ, обращаясь къ пассажиру Максу,—какая это станція?

Всѣ насмѣшливо вскрикнули.

— На насъ *напали*, серъ, вотъ что съ нами случилось! На поѣздъ напали, а вы все это проспали!

Господинъ долго смотрѣлъ на пассажировъ; не говоря ни слова, онъ мало-по-малу убѣдился, что ему говорятъ правду. Онъ вдругъ рассердился, покраснѣлъ, спряталъ голову за занавѣску и началъ съ сердцемъ застегивать ее изнутри. Причина его гнѣва была необъяснима, но всѣ слышали какъ онъ рѣзкими движеніями укладывается поудобнѣе. Скоро его густой храпъ попрежнему началъ разноситься по всему вагону.

Наконецъ, поѣздъ двинулся съ обычными свистками. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже несся съ невѣроятной быстротой, наклоняясь на поворотахъ, грохоча на мостахъ, видимо нагоняя потерянное время.

Остальную часть этой необыкновенной ночи пассажиры просидѣли на неубранныхъ постеляхъ въ качавшемся вагонѣ при странномъ бланномъ свѣтѣ блѣдной утренней зари и электрическихъ лампъ. Имъ чудились страшныя фигуры разбойниковъ, которые остались позади и скачутъ теперь въ горы въ маскахъ, съ пистолетами въ рукахъ, съ добычею на сѣдлѣ, распространяя всюду страхъ и ужасъ.

Молодой докторъ вернулся. Онъ сѣлъ въ курительное отдѣленіе, зажегъ папироску. Анникстеръ и другіе пассажиры толпились вокругъ него, желая узнать подробности дѣла.

— Онъ умеръ, — объявилъ докторъ, — тормазной кондукторъ. Обѣ пули попали ему въ легкое. Говорятъ, что тотъ молодецъ унесъ около пяти тысячъ золотомъ.

— Молодецъ? Да вѣдь ихъ было четверо?

— Нѣтъ — только одинъ. И знаете, надо сказать, что это храбрецъ. Повидимому, онъ все время сидѣлъ на крышѣ почтового вагона. Потомъ на всемъ ходу поѣзда прыгнулъ съ крыши на уголь тендера, перелѣзъ черезъ уголь, пригрозилъ кочегарамъ, отнялъ у нихъ оружіе и приказалъ имъ остановить поѣздъ. Онъ велѣлъ имъ употребить тормазъ... онъ, повидимому, зналъ всѣ эти вещи. Потомъ онъ вернулся, отцѣпилъ почтовый вагонъ отъ остального поѣзда. Пока онъ это дѣлалъ, одинъ кондукторъ, тотъ, что прошелъ здѣсь, съ рыжими усами...

— Этотъ рыжий?

— Ну, да. Такъ вотъ, какъ только поѣздъ остановился, этотъ кондукторъ догадался, что что-то случилось; онъ побѣжалъ впередъ и увидѣвъ, что тотъ молодецъ отцѣпляетъ почтовый вагонъ, два раза выстрѣлилъ въ него. Говорятъ, что тотъ даже руки не снялъ съ крючковъ, повернулся и совершенно хладнокровно, двумя выстрѣлами свалилъ кондуктора.

— Ну, а что же дѣлалъ почталіонъ?

— Что могъ... Выскочилъ съ ружьемъ, но не успѣлъ оглянуться, какъ тотъ удалецъ кинулся на него и отнялъ ружье. Ну, знаете, я всетаки скажу, что это храбрость. Одинъ человекъ останавливаетъ такой поѣздъ. Отцѣпивъ почтовый вагонъ, онъ приказалъ механику отъѣхать впередъ съ полмили. Тамъ у него была привязана лошадь! Что вы объ этомъ думаете? Все у него было заранѣе обдуманно. Потомъ онъ взорвалъ динамитомъ несгораемый шкафъ, и взялъ оттуда пять тысячъ золотомъ. Почталіонъ говоритъ, что это были деньги желѣзной дороги, которыя посылались въ Бекерсфилдъ для уплаты. Онѣ были въ отдѣльномъ мѣшкѣ. Онъ не прикоснулся ни къ дежаннымъ пакетамъ, ни къ другимъ цѣнностямъ, которыя лежали въ шафу, просто взялъ мѣшокъ, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Механикъ говоритъ, что онъ поѣхалъ на востокъ.

— Онъ ускакалъ?

— Да, ускакалъ, но всѣ говорятъ, что его поймаютъ. На немъ была маска, но его узнали. Кондуктора говорятъ, что онъ имѣлъ ю-

пріятность съ дорогой. Это какой-то отставленный дорогой служащій, который живет около Бонневилля.

— Боже мой! Это Дайкъ!—воскликнулъ Анникстеръ.

— Да, да, да... они его именно такъ называли,—сказалъ докторъ.

Когда поѣздъ пріѣхалъ въ Бонневилль, съ опозданіемъ въ сорокъ минутъ, Анникстеръ и Хильма попали въ огромную толпу, чего они, главнымъ образомъ, хотѣли избѣгнуть. Новость о томъ, что транс-континентальный поѣздъ былъ задержанъ за тридцать миль къ югу отъ Фрезно, что почтовый вагонъ ограбленъ, кондукторъ убитъ и что все это сдѣлалъ Дайкъ, была сообщена по телеграфу изъ Фаулера. Поэтому, когда поѣздъ вошелъ въ Бонневильскій вокзалъ, огромная толпа народа толпилась на платформѣ. Анникстеръ и Хильма съ трудомъ выбрались изъ вагона. На вокзалѣ былъ Берманъ, Деланей, Роггльсъ и мѣстные власти. Гензлингеръ въ шляпѣ на затылокъ, съ записною книжкой въ рукахъ, переходилъ отъ вагона къ вагону, спрашивая, собирая матеріалъ для экстреннаго номера. Только что Анникстеръ спустился на платформу, редакторъ съ быстротою ищейки подскочилъ къ нему и схватилъ его за локоть.

— Могу я просить васъ, м-ръ Анникстеръ, сообщить мнѣ вашу версію происшествія?

Анникстеръ рѣзко повернулся къ нему.

— Можете!—воскликнулъ онъ злобно. — Вы и ваша шайка лишили Дайка работы, потому что онъ не хотѣлъ работать за грошъ. Потомъ вы подняли тарифъ и обокрали его до чиста. Вы разорили его, вы принудили его наливаться керехеровской водкой... Онъ взялъ назадъ только то, что вы украли у него, а теперь вы будете травить его по всему штату, травить его какъ дикаго звѣря, пока не загоните его въ каторгу. Вотъ моя версія этого дѣла, мистеръ Гензлингеръ, но ее стоитъ напечатать вашей газетѣ, купленной Тихоокеанской дорогой.

Въ толпѣ пронесся ропоть одобренія, а Гензлингеръ, сердито пожавъ плечами, поспѣшилъ удалиться.

Наконецъ, Анникстеръ пробрался съ Хильмой черезъ толпу и добрался до мѣста, гдѣ Вакка ждалъ ихъ съ экипажемъ. Но они не могли сразу уѣхать на ранчо, потому что Анникстеру пришлось справляться насчетъ посылокъ въ конторѣ товаровъ. Было около одиннадцати часовъ, когда они пустились въ путь. Имъ пришлось ѣхать по главной улицѣ Бонневилля.

Казалось, что весь городъ былъ на тротуарѣ. У всѣхъ на языкѣ шла исторія нападенія на поѣздъ. Какъ Дайкъ дошелъ до этого?

Бто бы этому повѣрилъ раньше? Подумать только о его бѣдной матери и дочери! Въ концѣ концовъ его нельзя винить, это желѣзная дорога довела его до этого. Но онъ убилъ человѣка, вотъ что ужасно. И это сдѣлалъ добрый, широкоплечій Дайкъ, котораго всѣ знали, съ которыми вчера говорили, пили. Гдѣ-то онъ теперь? Инстинктивно всѣ взоры обращались къ востоку, гдѣ смутно видѣлись очертанія холмовъ предгорья. Онъ гдѣ-нибудь тамъ, спрятанъ въ томъ рядѣ голубыхъ вершинъ и красныхъ каньоновъ. Убѣжить ли онъ? Не было почти ни одного человѣка въ городѣ, который не надѣялся бы на это.

Когда экипажъ Анникстера проѣзжалъ по центральной части города, Вакка указалъ ему на еще большую толпу у городской думы. Около двадцати осѣдланыхъ лошадей было привязано къ желѣзной рѣшоткѣ, и когда они проѣзжали, вооруженные люди сѣли на этихъ лошадей и ускакали галопомъ.

— Это милиція, — пояснилъ Вакка.

За городомъ Вакка указалъ Анникстеру еще на два отряда всадниковъ, скакавшихъ къ востоку.

— Это тоже милиція, — сказалъ онъ. — Это шерифова милиція. Шерифъ пріѣхалъ на специальномъ поѣздѣ изъ Визалин сегодня утромъ.

Когда Хильма подъѣхала къ усадьбѣ, она вскрикнула отъ удовольствія. Домъ былъ свѣже выкрашенъ въ бѣлую краску, въѣздная аллея усыпана гравіемъ, клумбы усажены цвѣтами. Навстрѣчу имъ вышла м-съ Вакка съ дочерью.

— Что это за ящикъ? — спросилъ Анникстеръ, увидавъ у крыльца большой деревянный ящикъ съ желѣзнодорожнымъ штемпелемъ.

— Онъ пришелъ вчера, сэръ, — объясняла м-съ Вакка. — Мы были увѣрены, что это не ваши домашнія вещи и потому не открыли его.

— О! это непременно свадебный подарокъ! — воскликнула Хильма.

— Можетъ быть, — отвѣтилъ Анникстеръ. — Ну-ка, любезный другъ, помогите мнѣ внести его.

Анникстеръ и Вакка внесли ящикъ въ домъ и Анникстеръ съ молоткомъ въ рукахъ началъ его раскупоривать. Вакка скромно ушелъ и молодые супруги остались вдвоемъ.

— Скорѣй, скорѣй! — кричала Хильма, подпрыгивая. — Мнѣ такъ хочется знать, что это такое. Бто это намъ посылаетъ?... какой тяжелый... Ты думаешь, кто это посылаетъ?

Анникстеръ всунулъ молотокъ подъ уголъ верхней доски и съ

Нилъ толчкомъ сразу поднялъ всю крышку, скрѣпленную поперечной деревянной полоской. Подъ крышкой былъ слой стружекъ и письмо, ардесованное Анникстеру съ штемпелемъ торговой фирмы въ Лосъ-Анжелосъ. Анникстеръ взглянулъ и быстро сунулъ письмо въ карманъ, пока Хильма не успѣла еще взглянуть на него.

— Ахъ, я знаю что это,—сказалъ онъ небрежно, стараясь отстранить ее отъ ящика.—Это пустяки... Машины... Оставь это.

Но она успѣла приподнять стружки. Подъ ними лежало двѣ дюжины Винчестерскихъ ружей.

— Что... что это...—растерянно говорила Хильма.

— Ну, я говорилъ тебѣ—не трогай! Это пустяки... Пойдемъ смотрѣть другія комнаты.

— Но ты сказалъ, что знаешь, что это... Зачѣмъ ты хотѣлъ увѣрить меня, что это машины? Ты что-нибудь скрываешь отъ меня? Скажи мнѣ, что все это значить... Зачѣмъ... зачѣмъ ты купилъ... ихъ?

Она схватила его руку и упорно смотрѣла ему въ лицо. Она уже наполовину все поняла, Анникстеръ видѣлъ это.

— Ну,—сказалъ онъ, запинаясь,—ты понимаешь... до этого можетъ быть не дойдетъ совсѣмъ... только понимаешь, наша лига... Ну, предположи, что желѣзная дорога захочетъ захватить Квинъ-Себъ, или Лосъ-Муэртосъ, или другой ранхо... такъ мы рѣшили,—члены рѣшили,—что мы этого не допустимъ. Вотъ и все.

— А я думала,—воскликнула Хильма, со страхомъ отодвигаясь отъ ящика,—что это свадебный подарокъ.

Такъ они вернулись домой послѣ свадебнаго путешествія. Послѣ страшной ночи, гдѣ слышались пушечные выстрѣлы, послѣ сценъ убійства и грабежа они попали въ атмосферу страха, видѣли какъ организуется охота на человѣка, нашли ящикъ съ оружіемъ вмѣсто свадебныхъ подарковъ. Такъ Анникстеръ привезъ молодую жену, новую хозяйку въ свой домъ, который онъ готовился защищать съ опасностью жизни.

Время шло. Магнусъ Дерригъ и Остерманъ вернулись изъ столицы, не узнавъ ничего положительнаго относительно плановъ корпоратіи. Лайманъ былъ уклончивъ. Онъ ничего не зналъ о положеніи земельныхъ процессовъ въ Вашингтонѣ. Исполнительный комитетъ уже собрался въ Лосъ-Муэртосъ и на немъ ничего не обсуждалось изъ текущихъ дѣлъ. Планъ Остермана устроить конференцію съ участвующими желѣзной дороги не удался, потому что компанія отказалась отъ всякихъ переговоровъ, въ основаніе которыхъ не ляжетъ принятіе фермерами новой переоцѣнки земель. Считаетъ ли ком-

панія Бвинъ-Себъ, Лось-Муертось и другіе ранхо около Бонневилля прикрытыми пробными процессами, находившимися въ апелляціонномъ судѣ, узнать было невозможно.

Волненіе, вызванное во всемъ графствѣ нападеніемъ Дайка на поѣздъ, не улеглось. Всюду только объ этомъ и говорили. Берманъ расклеилъ по всему городу объявленіе, что онъ дастъ пятьсотъ долларовъ награды тому, кто привезетъ Дайка живого или мертваго, а почтовая компанія увеличила эту сумму вдвое. По всему графству разъѣзжали верховые отряды съ ружьями и револьверами, набранные въ окрестностяхъ Визалии и Гошена и среди немногихъ сторонниковъ желѣзной дороги въ Бонневиллѣ и Гвадалаярѣ. Одинъ отрядъ за другимъ возвращался назадъ, покрытый пылью и грязью на измученныхъ лошадяхъ, не достигнувъ никакого результата. Шерифъ графства Санта-Блара прислалъ изъ Санта-Жозе, въ помощь погони, свору собакъ—маленькихъ, безвредныхъ съ виду звѣрей, съ страшными челюстями... Появились репортеры газетъ изъ Санъ-Франциско, которые разспрашивали всѣхъ, а иногда сопровождали отряды погони. Ночью по дорогамъ слышался безпрестанно топотъ копытъ; *Меркурий* выпускалъ прибавочные номера; своры собакъ лаяли на улицахъ Бонневилля; иногда раздавался выстрѣлъ револьвера и весь городъ выбѣгалъ на улицу; рабочіе фермъ перекликались на рангахъ у загородей, сообщая новости—словомъ, все графство волновалось.

Все было напрасно. Слѣды копытъ лошади Дайка прослѣдили на протяженіи четверти мили отъ полотна по направленію холма, потомъ все исчезло. Три дня послѣ происшествія какой-то пастухъ видѣлъ разбойника на одномъ краѣжѣ высокихъ горъ къ сѣверу отъ Таурузы. Больше никто ничего не зналъ. Наконецъ общественный интересъ къ этому дѣлу притупился; всѣ начали вѣрить, что Дайку удалось укрыться окончательно. Если онъ скрылся, то, добравшись до горъ, отправился къ югу съ намѣреніемъ покинуть горы въ южной части Санъ-Жоакина. Такъ рѣшили мѣстные власти, преслѣдовавшіе многихъ преступниковъ. Однако до того времени Дайкъ долженъ будетъ выйти на равнину, чтобы достать воды и провизіи. Но время проходило, а ни въ одномъ изъ занятыхъ отрядами наблюдательныхъ пунктовъ никто его не видѣлъ. Отряды начали расходиться и отъ розысковъ почти отказались.

Одинъ Берманъ стоялъ на своемъ,—онъ рѣшилъ во что бы то ни стало поймать Дайка. Ему удалось подбить на это дѣло Делане. —теперь вѣрнаго слугу желѣзной дороги,—и одного своего родст-ника земельного маклера Христіана, служившаго когда-то маршалъ въ Визалии и хорошо знавшаго горы. Эти два человѣка отпра- в-

въ Сьеры, взявъ съ собою на мѣсяцъ провизіи и двухъ собакъ шерифа Санта-Блары.

Въ одно изъ воскресеній, вскорѣ послѣ отъѣзда Христіана и Деланея, Анникстеръ, который лежалъ въ гамакѣ на крыльцѣ своего дома и читалъ Давида Копперфильда, вдругъ всталъ, закрылъ книгу и пошелъ искать Хильму. Онъ нашелъ ее въ столовой, она несла цѣлую стопу фарфоровыхъ тарелокъ, которыя употреблялись въ экстренныхъ случаяхъ и къ которымъ Луизѣ было запрещено прикасаться.

— Хильма!—сказалъ онъ, — въ послѣднее время я думалъ объ разныхъ разностяхъ... Мы оба такъ чертовски счастливы, что намъ не слѣдуетъ забывать другихъ, которымъ скверно, не правда ли? А то бѣду навлигаешь. Я всегда забываю о другихъ. Такая у меня природа.

Хильма посмотрѣла на него радостно. Передъ ней былъ новый Анникстеръ.

— Во всей этой перепалкѣ съ Дайкомъ, — продолжалъ Анникстеръ, — есть человекъ, о которомъ никто не думаетъ. Это м-съ Дайкъ... и дѣвочка тоже. Я боюсь, что онѣ совсѣмъ пропадаютъ тамъ... Что если бы мы сегодня поѣхали на хмѣльники узнать, не нужно ли имъ чего-нибудь?

Хильма поставила тарелки, обошла столъ и, ни слова не говоря, поцѣловала Анникстера.

Сейчасъ послѣ обѣда Анникстеръ велѣлъ заложить кабріолетъ и, не взявъ съ собою молодого Вакку, поѣхалъ съ Хильмой на хмѣльники...

Хильма не могла удержаться отъ слезъ при видѣ печальнаго разоренія высохшаго, почернѣвшаго хмѣля, символа разрушенныхъ надеждъ, покинутыхъ усилій, а Анникстеръ все время ругался. Хотя колеса кабріолета громко скрипѣли, подѣзжая къ дому, никто не вышелъ навстрѣчу и никто не выглянулъ изъ окна. Домъ казался необитаемымъ, одинокимъ, безконечно печальнымъ.

Аникстеръ привязалъ лошадь и вмѣстѣ съ Хильмой подошелъ къ широко-открытой двери, стуча и шурша ногами, чтобы привлечь вниманіе. Никто не показался. Снаружи высохшіе листы хмѣля шелестѣли отъ вѣтерка какъ бумага. Всюду была зловѣщая тишина. Они заглянули въ переднюю комнату и тамъ увидѣли м-съ Дайкъ. Она, опустивъ сѣдую голову на руки, сидѣла посрединѣ комнаты за столомъ, на которомъ стояла немытая посуда. Комната, когда-то образчикъ порядка и чистоты, очевидно, много дней не прибиралась; всюду валялись газеты, — прибавленіе Гензлингера, газеты Лось-Ан-

желоса и Санъ Франциско. На столѣ лежало множество желтыхъ листиковъ телеграммъ, которые колыхались отъ тяги воздуха, шедшей изъ двери. И среди этого безпорядка, окруженного печатными отчетами о преступленіи своего сына, телеграфными отвѣтами на свои горестные вопросы, мать разбойника, измученная, покинутая и забытая спала въ тиши воскреснаго дня. Она вдругъ проснулась и, увидѣвъ Аннистера, сразу воскликнула:

— Есть какія-нибудь извѣстія?

Послѣ этого долго отъ нея ничего нельзя было добиться. Она была глуха ко всему, что не касалось имени Дайка. Она не отвѣчала ни на вопросы, ни на предложенія помощи. Хильма и Аннистеръ совѣтовались вполголоса о томъ, что надо сдѣлать, а она растерянно смотрѣла на землю, потирая руки механическимъ движеніемъ.

— Гдѣ Сидней, м-съ Дайкъ?—спрашивала Хильма въ четвертый разъ.—Здорова ли она? Кто о ней заботится?

— Вотъ послѣдняя телеграмма,—сказала м-съ Дайкъ громкимъ монотоннымъ голосомъ.—Видите, тамъ сказано, что нѣтъ никакихъ извѣстій... Это не онъ сдѣлалъ, не онъ, не онъ!—стонала она раскачиваясь.—Это не онъ сдѣлалъ... Я не знаю, гдѣ онъ.

Наконецъ она пришла въ себя и начала рыдать. Хильма обняла ее, и она упала головой на столъ и плакала.

— О, мой сынъ, мой сынъ!—говорила она,—мой единственный сынъ. Если бы я могла умереть, чтобы предупредить то, что случилось. Я помню, какой онъ былъ маленькій, такой славный мальчикъ—ни дурного слова, ни безчестнаго поступка... И такъ всю свою жизнь! Никогда мы не разлучались, никогда черная кошка между нами не пробѣгала... Всегда онъ былъ хорошимъ сыномъ. Онъ былъ *хорошій* человекъ. И теперь, и теперь хорошій! Они его не понимаютъ. Онъ не хотѣлъ этого дѣлать... Онъ кошки не способенъ ударить. Всѣ его любили. Его до этого довели, дотравили... онъ былъ не въ своемъ умѣ. Они натравили его,—вдругъ закричала она:—Они!... А теперь они ловятъ его... съ собаками! Сколько я ночей простояла на крыльцѣ, слушала какъ собаки лаяли вдали. Они гоняются за моимъ сыномъ съ собаками какъ за дикимъ звѣремъ... Будь они прокляты!—закричала она, вскакивая на ноги.—Да накажетъ ихъ Богъ! Ежедневно буду молить объ этомъ на колѣняхъ, пусть ихъ деньги будутъ ихъ проглатіемъ, пусть ихъ сыновья, ихъ единственные сыновья будутъ отняты у нихъ во цвѣтъ лѣтъ!...

Но Хильма прервала ее, просила успокоиться, обнимала ее. М-съ Дайкъ опять начала плакать.

— О, мой мальчикъ, мой бѣдный мальчикъ!—продолжала она.—

Мой единственный сынъ дошелъ до этого! Онъ былъ не въ своемъ умѣ, а то бы онъ повялъ, что разбиваетъ мое сердце... Если бы я могла умереть за него.

Прибѣжала Сидней и тоже начала плакать, упрасивая бабушку не плакать, увѣряя, что они не поймаютъ отца, что онъ скоро вернется. Хильма обняла своими сильными руками обѣихъ, и дѣвочку, и разбитую горемъ старуху, и онѣ плакали всѣ трое.

Анникстеръ вышелъ на крыльцо и, плотно сжавъ губы, выдвинувъ впередъ нижнюю челюсть, мрачно смотрѣлъ на опустошеніе высохшаго хмѣльника.

— Надѣюсь, Берманъ доволенъ теперь!— бормоталъ онъ.— Теперь, надѣюсь, онъ доволенъ, проклятый!

Вдругъ ему въ голову пришла новая мысль. Онъ вернулся въ комнату.

— М-съ Дэйкъ!— началъ онъ.— Я хочу, чтобъ вы съ Сидней переѣхали ко мнѣ въ Квинъ-Себъ. Я знаю... вы не увѣрите меня, что всѣ эти репортеры, всѣ эти официальные дѣловыя хари, которыя являются, подъ предлогомъ помощи, только для удовлетворенія своего любопытства, не замучили васъ до смерти. Я хочу позаботиться объ васъ и объ дѣвочкѣ, пока все это несчастіе не кончится. У меня мѣста много. Вы можете поселиться въ домигѣ, гдѣ жили старики моей жены. Надо вамъ посмотретьъ на вещи прямо. Что вы будете дѣлать? Денегъ у васъ навѣрное уже немного, Берманъ будетъ выскивать—и все это заберетъ. Я хочу, чтобы вы позволили мнѣ заботиться о себѣ и чтобы мы съ Хильмой были вамъ добрыми друзьями.

М-съ Дэйкъ мужественно старалась поддержать свое достоинство, увѣряла, что она можетъ еще жить, но воля ея была надломлена. Все дѣло неожиданно кончилось тѣмъ, что Анникстеръ увезъ мать Дайка и его дочь въ Квинъ-Себъ въ своемъ кабриолетѣ.

М-съ Дэйкъ почти ничего не взяла съ собою кромѣ бѣлья и платья. Хильма помогла ей уложиться, Анникстеръ отнесъ сундукъ въ кабриолетъ. М-съ Дэйкъ заперла дверь дома, Анникстеръ помогъ ей сѣсть въ экипажъ и они поѣхали вдоль разрушеныхъ хмѣльниковъ. На поворотѣ м-съ Дэйкъ обернулась и еще разъ посмотрѣла на крышу дома, виднѣвшуюся за деревьями. Она видѣла этотъ домъ въ послѣдній разъ.

Когда Хильма и Анникстеръ сѣли за ужинъ, приготовленный къ ихъ прїѣзду въ усадьбѣ, въ столовую пришла Луиза Вака, чтобы сказать, что Херранъ Деррикъ звалъ Анникстера по телефону и проситъ его позвонить въ Лосъ-Муэртосъ сейчасъ по возвращеніи.

— Онъ говорилъ, что это очень важно,—прибавила Луиза Вака.

— Можетъ быть они получили извѣстіе изъ Вашингтона, — сказала Хильма.

Анникстеръ немедленно телефонировалъ въ Лосъ-Муэртось. У телефона былъ Магнусъ. Онъ сообщилъ, что на другой день назначено экстренное собраніе исполнительнаго комитета лиги. Надо разсмотрѣть новый тарифъ, выработанный желѣзнодорожными комиссарами. Лайманъ написалъ, что тарифъ этотъ только что вышелъ, что онъ не могъ составить его вполне согласно желанію фермеровъ, что онъ самъ пріѣдетъ въ Лосъ-Муэртось и объяснить его кажущіяся противорѣчія. Магнусъ прибавилъ, что Лайманъ будетъ на собраніи. Анникстеру очень хотѣлось знать подробности, но онъ воздержался отъ вопросовъ. Сообщение между двумя ранхами шло черезъ Бопневилль и въ это смутное время неизвѣстно, кто могъ подслушать разговоръ по телефону. Анникстеръ обѣщалъ пріѣхать.

Засѣданіе комитета назначили въ семь часовъ вечера для удобства Лаймана, который долженъ былъ пріѣхать съ вечернимъ поѣздомъ и уѣхать рано утромъ на другой день.

Въ назначенное время члены комитета собрались въ столовой Лосъ-Муэртоса. Это было почти повтореніемъ знаменитаго вечера, когда Остерманъ предложилъ свой планъ избранія желѣзнодорожныхъ комиссаровъ. Магнусъ Деррикъ въ плотно-замкнутомъ сюртукѣ, какъ тогда, сидѣлъ во главѣ стола. На столѣ такъ же стояли бутылки виски и сифоны сельтерской воды. Презлей, на котораго всѣ члены смотрѣли какъ на преданнаго друга, сидѣлъ на томъ же диванѣ и курилъ. Бромъ Дерриковъ и Анникстера на засѣданіи присутствовали Остерманъ, Бродерсонъ, Гарнетъ и Геттингсъ, бородастые, озабоченные люди, курившіе большія, черныя сигары и, наконецъ, Дебней, молчаливый старикъ, о которомъ никто ничего не зналъ и котораго неизвѣстно почему выбрали въ члены комитета.

— Мой сынъ Лайманъ будетъ здѣсь черезъ десять минутъ, господа. Я послалъ за нимъ экипажъ въ Бопневилль, — объяснилъ Магнусъ. — Секретарь, прочтите намъ протоколъ засѣданія.

Остерманъ прочелъ протоколъ. Кассиръ излагалъ положеніе фонда лиги, когда пріѣхалъ Лайманъ.

Магнусъ и Херранъ пошли ему навстрѣчу, а остальные члены комитета неловко встали и стояли все время, пока хозяева здоровались со вновь прибывшимъ. Нѣкоторые члены никогда не видѣли своего комиссара и теперь рассматривали его искоса.

Лайманъ былъ одѣтъ съ обычнымъ изяществомъ. Его галстукъ былъ новѣйшаго фасона, платье отличнаго покроя. Въ лакированныхъ сапогахъ отражался свѣтъ лампы, на рукѣ висѣло дорогое

пальто. Прежде, чѣмъ его представили комитету, онъ извинился и побѣждалъ поздороваться съ матерью, ждавшей его въ гостиной; онъ вернулся черезъ нѣсколько секундъ и извинился за промедленіе. Онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, выпуклые глаза, придававшіе его темному лицу особое, странное выраженіе, сияли простодушіемъ. Ему, очевидно, хотѣлось понравиться, произвести хорошее впечатлѣніе на этихъ суровыхъ, неуклюжихъ фермеровъ, передъ которыми онъ находился. вмѣстѣ съ тѣмъ Презлей, наблюдавшій за нимъ, видѣлъ, что онъ взволнованъ. Онъ былъ особенно вертлявъ въ своей привѣтливости, слишкомъ часто дергалъ свои манжеты и приглаживалъ большимъ пальцемъ вверхъ усы.

— М-ръ Бродерсонъ, мой сынъ, Лайманъ, мой старшій сынъ. М-ръ Анникстеръ, мой сынъ, Лайманъ!

Хозяинъ представлялъ его фермерамъ, гордясь наружностью Лаймана, его хорошимъ платьемъ, свободою его обращенія. Лайманъ кланялся, разговаривалъ, находя для каждаго члена комитета новую фразу; поздравлялъ Остермана, котораго уже зналъ, съ его талантомъ организатора; напомнилъ Бродерсону общихъ знакомыхъ. Наконецъ онъ сѣлъ за столъ противъ брата. Наступило молчаніе.

Магнусъ всталъ и изложилъ причины, по которымъ было созвано экстренное собраніе комитета. Железнодорожные комиссары, которыхъ они, фермеры, выбрали, составили наконецъ новую таблицу уменьшеннаго тарифа, и м-ръ Деррикъ любезно предложилъ пріѣхать лично въ Лосъ-Муэртонъ для ознакомленія землевладѣльцевъ Санъ-Жоакина съ новыми цѣнами на перевозку ихъ пшеницы.

Но Лайманъ вѣжливо протестовалъ. Обращаясь къ Магнусу, онъ говорилъ:

— Господинъ предсѣдатель!—называлъ фермеровъ не иначе, какъ «джентльмены исполнительнаго комитета лиги». Онъ не желаетъ нарушать обычнаго порядка засѣданія.—Не лучше ли отложить чтеніе его доклада до того момента, когда на очереди засѣданія станутъ «новые вопросы», а до того времени пусть комитетъ занимается текущими дѣлами. Онъ понимаетъ деликатный характеръ этихъ дѣлъ и съ удовольствіемъ уйдетъ, ожидая, когда его позовутъ.

— Очень много толченія воды передъ чтеніемъ простой колонны цифръ,—проворчалъ Анникстеръ своему сосѣду.

Лайманъ сѣлъ, «ожидая рѣшенія комитета».

— Вамъ ходить!—буркнулъ Анникстеръ.

Геттингсъ всталъ и заявилъ, что такъ какъ комитетъ собрался съ исключительной цѣлью послушать и рассмотреть новый тарифъ

то онъ считаетъ, что текущая дѣла можно отложить, а тарифъ прѣслушать немедленно. Такъ и было рѣшено.

Лайманъ всталъ и сказалъ длинную рѣчь. Болтливый, какъ Остерманъ, онъ обладалъ, кромѣ того, большимъ запасомъ готовыхъ фразъ, формулъ политическихъ ораторовъ, ходячей монеты адвокатовъ, которыя лились у него съ необыкновенно убѣдительною легкостью. Въ теченіе своей рѣчи онъ мало-по-малу началъ развивать ту мысль, что фермеры никогда не имѣли намѣренія разрѣшить свои затрудненія съ желѣзной дорогой при помощи одной комиссіи, что они рассчитывали вести много лѣтъ продолжительную борьбу при помощи ряда смѣнявшихся комиссій, пока, наконецъ, не будутъ установлены низкія перевозочныя цѣны. Настоящая комиссія только начало дѣла и отъ ея дѣятельности нельзя ожидать большихъ результатовъ. Обо всемъ этомъ онъ упоминалъ мимоходомъ, какъ бы о рѣше уже принятыхъ рѣшеніяхъ, о вещахъ, всѣми признанныхъ и всѣми извѣстныхъ.

По мѣрѣ того какъ рѣчь его текла, глаза фермеровъ съ возрастающимъ вниманіемъ устремлялись на этого хорошо одѣтаго, въ городѣ воспитаннаго молодого человѣка, который такъ развязно говорилъ объ ихъ намѣреніяхъ. Ихъ пачинало охватывать чувство недоумѣнія и въ ихъ душахъ зародились первые признаки недоувѣрія.

— Но хорошему дѣлу положено счастливое начало, — продолжалъ Лайманъ. — Основныя реформы, подобныя предполагаемой, не могутъ быть проведены въ одну ночь. Большія вещи растутъ медленно, прочныя выгоды увеличиваются постепенно. И, несмотря на это, нашими комиссарамъ удалось сдѣлать многое. Фаланга врага уже прорвана, его шлемъ помятъ. Мы, комиссары, обязались уменьшить въ среднемъ на десять процентовъ тарифъ на перевозку зерна Т. О. и Ю.-З. желѣзной дороги и строго держались этого обязательства передъ нашими довѣрителями; мы повиновались народу. Задача не могла быть выполнена окончательно — это дѣло будущаго, когда мы вполнѣ окрѣпнемъ и сможемъ напасть на врага въ его укрѣпленіи; но въ среднемъ уменьшеніе тарифа во всемъ Штатѣ проведено. Мы сдѣлали большой шагъ впередъ, и если работа будетъ продолжаться въ направленіи, указанномъ настоящими комиссарами и ихъ довѣрителями, черезъ нѣсколько лѣтъ справедливый и постоянный тарифъ на перевозку зерна изъ Санъ-Жоакинской долины къ морю будетъ окончательно установленъ.

— Ну, довольно! — воскликнулъ Аннистеръ внѣ очереди и смотря на замѣчаніе Магнуса. — Уменьшила ли ваша комиссія тарифъ въ Санъ-Жоакино?

— Мы уменьшили въ среднемъ на десять процентовъ перевозочный тарифъ во всемъ штатѣ, — повторилъ Лайманъ. — Вотъ копія новыхъ таблицъ.

Онъ вынулъ таблицы изъ портфеля и роздалъ ихъ присутствовавшимъ.

— Вы видите, — замѣтилъ онъ, — что цѣны между Мейфильдомъ и Оклендомъ уменьшены до двадцати пяти центовъ съ тонны.

— Да... но... но, — сказалъ Брадерсонъ, — это какъ-то совсѣмъ необычно; развѣ пшеница посылается изъ этой мѣстности въ Оклендъ?...

— Пойдите-ка! — воскликнулъ Анникстеръ, поднявъ голову съ таблицы. — Гдѣ же уменьшеніе цѣнъ въ Санъ-Жоакинъ?... Напримеръ, между Бонневилемъ и Гвадалаярой? Я не вижу никакого уменьшенія... Это вѣрно? Вы мнѣ дали настоящую таблицу?

— Разумѣется, сразу нельзя было охватить, — сказалъ Лайманъ. — Мы никогда не рассчитывали, знаете, что возможно уменьшить цѣны въ Санъ-Жоакинъ — это дѣло будущаго. Но вы видите, мы сдѣлали большія сокращенія на перевозку изъ долины Сокраменто, изъ Ионы въ Маризвилль...

— Чушь это все! — закричалъ Анникстеръ. — Никто никогда не перевозитъ пшеницы по этимъ дорогамъ.

— Тарифъ Салиноса, — продолжалъ Лайманъ, — пониженъ на семьдесятъ пять центовъ, и прошу обратить вниманіе на огромное пониженіе цѣнъ по Орегонской дорогѣ, соединявшейся съ линіей штата Орегонъ.

— Буда и вагона пшеницы не провезутъ въ цѣлый годъ, — замѣтилъ Геттингсъ.

— О, въ этомъ вы ошибаетесь, — вѣжливо возразилъ Лайманъ. — Бромъ того, низкій тарифъ усилитъ посѣвы пшеницы въ этомъ краю.

Порядокъ засѣданія былъ нарушенъ, забытъ. Магнусъ даже не пытался вести дебаты. Въ растущемъ волненіи, вызванномъ необъяснимой таблицей, всѣ правила были забыты, всякій говорилъ, когда хотѣлъ.

— Лайманъ! — сказалъ Магнусъ, глядя черезъ столъ на сына. — Развѣ эта таблица правильна? Вы совсѣмъ не уменьшили цѣнъ въ Санъ-Жоакино. Мы — эти господа и я — мы находимся въ томъ же положеніи, въ которомъ были до вашего избранія въ комиссары.

— Мы обязались уменьшить цѣны въ среднемъ на десять процентовъ, сэръ...

— Ну, да! — вскрикнулъ Остерманъ. — Въ среднемъ тарифъ уменьшенъ на десять процентовъ. Это совершенно ясно. Вы умень-

пили въ среднемъ тарифѣ на десять процентовъ на линіяхъ, по которымъ въ сущности пшеница не перевозится. *Мы*, пшеничники Санъ-Жоакина, гдѣ были, тамъ и остались! Желѣзная дорога не потеряетъ ни гроша. Клянусь Богомъ, ребята, я хотѣлъ бы знать, что все это значить?

— Если вамъ интересно это знать, — возразилъ Лайманъ, — желѣзная дорога подала протестъ противъ новаго тарифа.

Анникстеръ насмѣшливо крикнулъ:

— Протестъ! Что хорошо, то хорошо... Богда Тихоокеанская не хочетъ принять тарифа, милый мой, она не *протестуетъ*. Въ такихъ случаяхъ Шельгримъ прежде всего добивается отъ судовъ приказанія не примѣнять новаго тарифа... Ей-Богу! — сердито закричалъ онъ, вскакивая на ноги. — Я тоже хотѣлъ бы знать, что все это значить? Зачѣмъ мы васъ выбрали?

— Да, зачѣмъ мы васъ выбрали? — спрашивали Остерманъ и Геттингсъ, тоже вставая.

— Къ порядку, къ порядку, господа! — закричалъ Магнусъ, вспоминая о своихъ обязанностяхъ предсѣдателя.

— Вы выбрали насъ, — упрямо повторялъ Лайманъ, — для того, чтобы мы уменьшили перевозочный тарифъ на пшеницу въ среднемъ на десять процентовъ. Мы это сдѣлали. Но такъ какъ вы не получаете отъ этого никакихъ выгодъ сразу, вы недовольны. Повидимому, это не все равно, чьего быка рѣжутъ...

— Лайманъ!

Магнусъ заговорилъ. Онъ вытянулся во весь свой ростъ; онъ смотрѣлъ сыну прямо въ глаза, въ голосѣ слышалась строгость.

— Лайманъ! что все это значить?

Лайманъ развелъ руками.

— То, что вы видите, сэръ. Мы сдѣлали, что могли. Я васъ предупреждалъ, что многого ожидать нельзя. Я вамъ говорилъ, что вопросъ о перевозкѣ сложенъ... Вы не захотѣли бы назначить тарифъ, который равнялся бы конфискаціи собственности.

— Почему вы не уменьшили цѣнъ въ долину Санъ-Жоакина?

— Это не было *главной* задачей въ нашемъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Лайманъ, тщательно подчеркивая свои слова. — Я понимаю, конечно, что къ этому надо придти *современнѣе*. Главный пунктъ: *уменьшить тарифы въ среднемъ на десять процентовъ*. Цѣны *будутъ* понижены въ Санъ-Жоакино. Фермеры около Бонневилля будутъ въ состояніи перевозить пшеницу дешево къ морю, но такая радикальная реформа не можетъ быть проведена сразу. Мы должны изучить ...

— Вы *знаете*, что вся задача сводилась къ тарифу съ Санъ-Жо-

вино, — закричалъ Анникстеръ, грозя пальцемъ. — Какое дѣло намъ, людямъ, поддерживавшимъ васъ, до тарифа въ другихъ графствахъ? Мы недовольны тарифомъ въ Санъ - Жоакино и выбрали васъ для того, чтобы вы его уменьшили. Вы этого не сдѣлали и сдѣлать не намѣрены, и, чертъ возьми, я хочу знать — почему?

— Вы знаете, сэръ... — началъ Лайманъ.

— Ну, такъ я скажу почему, — заоралъ Остерманъ, — я скажу! Потому, что насъ продали! Потому, что Тихоокеанская сунула свою ложку въ это кушанье. Потому, что наши комиссары насъ надули! Потому, что мы дуралей-фермеры и что насъ обморочили!

Лайманъ поблѣднѣлъ отъ этого прямого нападенія. Онъ очевидно не ожидалъ его такъ быстро. Онъ потерялъ на минуту свою самоувѣренность, хотѣлъ заговорить, но слова не выходили.

— Что ты имѣешь сказать? — спросилъ Херранъ, все время молчавшій.

— Въ такомъ тонѣ дѣла не обсуждаются — вотъ что я имѣю сказать! — отвѣтилъ Лайманъ. — Комиссія выполнила свой долгъ... Она измѣнила тарифъ по мѣрѣ возможности, какъ могла. Мы работали два мѣсяца надъ составленіемъ этой таблицы...

— Это ложь! — закричалъ Анникстеръ, красный отъ гнѣва. — Ложь! Таблица составлена въ конторахъ Тихоокеанской, и вы это знаете. Это проектъ тарифа, составленный дорогой, въ пользу дороги, и вамъ заплатили за то, чтобы вы подписали его!

За этимъ послѣдовалъ общій крикъ, всѣ присутствующіе стояли, кричали, жестикулировали.

— Господа, господа! — говорилъ Магнусъ. — Развѣ мы школьники? Развѣ мы уличные бродяги?

— Мы дуралей-фермеры и насъ обморочили, — кричалъ Остерманъ.

— Что ты имѣешь сказать, что? — настаивалъ Херранъ. — Ради Бога, Лайманъ, скажи... вѣдь ты имѣешь какое-нибудь объясненіе.

— Вы все это не такъ поняли, — говорилъ Лайманъ блѣдный отъ волненія, — вы не поняли... Вы ждали слишкомъ многого... На будущій годъ... на будущій годъ... теперь скоро комиссія разсмотритъ... комиссія изучитъ тарифъ Санъ - Жоакина. Мы сдѣлали все, что могли.

— Сдѣлали ли вы все, что могли? — спросилъ Магнусъ.

У него кружилась голова, ему казалось, что онъ лишается чувствъ. Возможно ли? Возможно ли? На одну секунду онъ поймалъ взглядъ Лаймана. Несмотря на всѣ усилія, сынъ не выдержалъ взгляда отца, глаза его забѣгали. Онъ протестовалъ, снова началъ всѣ свои объ-

ясненія сначала. Но Магнусъ не слушалъ. Въ это короткое мгновеніе онъ убѣдился, что страшная вещь случилась. Между отцомъ и сыномъ, какимъ-то невѣдомымъ путемъ, истина обнаружилась. Но Магнусъ не хотѣлъ вѣрить. Лайманъ это сдѣлалъ! Его старшій сынъ такъ низко палъ! Еще разъ онъ обратился къ нему и въ его голосѣ звучало нѣчто, что заставило всѣхъ умолкнуть.

— Лайманъ!—сказалъ онъ,—я прошу тебя... я требую отъ тебя какъ отъ сына и честнаго человѣка, чтобы ты объяснился. Что скрывается за всѣмъ этимъ? Я говорю не какъ представитель комитета съ комиссаромъ желѣзной дороги. Я говорю какъ отецъ, обращающійся къ сыну. Понимаешь ли ты серьезность этого дѣла? Понимаешь ли ты свою отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ? Развѣ ты не видишь всей важности этого момента? Объяснись.

— Мнѣ нечего объяснять.

— Ты не уменьшилъ тарифа между Бонневиллемъ и моремъ?

— Я повторяю, что въ среднемъ десять процентовъ...

— Лайманъ, отвѣчай мнѣ: да или нѣтъ. Уменьшилъ ли ты бонневильскій тарифъ?

— Этого нельзя сдѣлать такъ скоро. Дайте намъ срокъ... Мы...

— Да или нѣтъ! Какъ вы смѣете, сэръ, вилать передо мной! Да или нѣтъ, уменьшили вы бонневильскій тарифъ?

— Нѣтъ.

— Отвѣчай *мнѣ*, — закричалъ Херранъ, наклоняясь къ нему черезъ столъ, — *мнѣ* отвѣчай! Заплатила ли тебѣ дорога за то, чтобы оставить тарифъ въ Санъ-Жоакино безъ измѣненія?

Лайманъ еще болѣе блѣдный, съ бѣшенствомъ обратился къ брату.

— Не смѣй задавать мнѣ такихъ вопросовъ!

— Не буду, — закричалъ Херранъ, — потому что могу прямо сказать тебѣ, въ твое подлое лицо, что ты былъ подкупленъ!

Въ эту минуту крикъ снова поднялся. Всѣ фермеры, кромѣ Магнуса, давно покинули свои мѣста и столпились около Лаймана, отискивая его къ стѣнѣ угрожающими жестами. Правда обнаружилась, всѣ ясно видѣли, что ихъ довѣріе обмануто, что обязательство нарушено.

— Блѣнусъ Богомъ, что за меньшее людей убивали какъ собакъ, — кричалъ Остерманъ. — Вы насъ продали, продали... и еще когда-нибудь ваше мерзкое лицо попадетъ мнѣ на глаза, я рожу его.

— Прочь руки! — быстро закричалъ Лайманъ, съ задорностію пойманной крысы. — Безъ насилій! Не заходите слишкомъ далеко.

— Сколько тебѣ заплатили? Сколько? — кричалъ Херранъ.

— Да, да! Какая вамъ цѣна?—кричали остальные, видя себя отъ бѣшенства.

— Комиссія дѣйствовала честно, — отвѣчалъ Лайманъ. — Вы знаете, что все дѣлалось правильно и открыто.

— Врешь!—заоралъ Анникстеръ, — лжець, лихоимецъ! Тебя купили, тебѣ заплатили, — и съ этими словами его рука какъ бы сама собою ударила въ лицо Лаймана. Ударъ былъ такъ силенъ, что Лайманъ пошатнулся, чуть не упалъ и прижался спиною къ закрытой двери. Магнусъ кинулся впередъ. Его сына ударили, отцовскій инстинктъ заговорилъ, поднялся на одно мгновеніе въ его сердцѣ и замеръ навсегда. Нѣтъ, у него только одинъ сынъ. Это несчастное существо, хорошо одѣтое, блѣдное, съ окровавленными губами—это не его сынъ. Ударъ не можетъ обезчестить его больше, чѣмъ онъ обезчестилъ самого себя.

Геттингсъ оттолкнулъ Анникстера и закричалъ.

— Стойте! Что вы дѣлаете? При его отцѣ!...

— Я болѣе не отецъ этого человѣка, господа, — сказалъ Магнусъ. — Отнынѣ у меня только одинъ сынъ. А вы, сэръ, оставьте мой домъ.

Лайманъ, приложивъ платокъ къ губамъ, схватилъ свою шляпу и пальто. Онъ дрожалъ отъ ярости, его глаза на выкатѣ налились кровью. Онъ распахнулъ двери настежь.

— Разбойники! — кричалъ онъ на порогѣ. — Разбойники, мошенники! Дѣлайте теперь свои грязныя дѣлишки сами. Довольно съ меня. Какъ это вы вдругъ заговорили о чести? Какъ это вы вдругъ стали такъ чисты и прямы? Вы не такъ были чистоплотны въ Сокраменто передъ назначеніями. Какъ комиссія была выбрана? А! Я лихоимецъ? Хуже взять взятку, чѣмъ дать? Спросите Магнуса Деррика, что онъ объ этомъ думаетъ... Спросите его, сколько онъ заплатилъ демократическимъ пишкамъ въ Сокраменто за выборы.

Онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Презлей ушелъ за нимъ. Все слышанное произвело на него ужасное впечатлѣніе, вызвало безконечное отвращеніе, безконечную усталость. Онъ ушелъ изъ столовой отъ возбужденныхъ, продолжавшихъ кричать людей и вышелъ на крыльцо. Лаймана нигдѣ не было видно; Презлей былъ одинъ. Было поздно. Послѣ душной столовой, нагрѣтой лампами, свѣжесть ночи казалась особенно пріятной, и глубокая тишина послѣ крика и злобности засѣданія спускалась отъ звѣздъ какъ благословеніе. Презлей остановился на террасѣ и смотрѣлъ.

Передъ нимъ на многія мили, покрывая землю отъ горизонта до горы зонта, лежала пшеница. Она лежала подобно обширному, молча-

ливому океану, зеленѣясь отъ свѣта луны и звѣздъ, могучая сила, жизнь всего міра. Подъ куполомъ ночного неба она росла непрестанно. И Презлею показалось, что вся видѣнная имъ сцена въ домѣ незначительна, ничтожна передъ этимъ зрѣлищемъ. О, да, пшеница стояла выше того, за что ссорились желѣзная дорога, фермеры, измѣнникъ своему слову. Какъ будто людскія дѣла могли вліять на эту колоссальную мощь! Что значили мелкія людскія дразги, лихорадочныя столбновенія, мелкое жушжаніе человѣка - наѣвкомаго передъ этимъ великимъ, царственнымъ, тихимъ океаномъ самой пшеницы! Безразличная, громадная, неудержимая она проходила свой предначертанный ростъ.

А. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лѣсная дорога.

Въ березовомъ лѣсу, гдѣ распѣвають птицы,
Гдѣ въ шелковой травѣ сквозь тѣнь лучи горять,
Темнѣютъ холмики, —могилъ забытыхъ рядъ,
А подь березами, какъ юныя черницы,
Смирненно елочки зеленныя стоятъ.

Быль здѣсь когда-то скитъ, какъ говорятъ преданья,
И десять дѣвственницъ, отрекшись отъ земли,
Въ немъ приняли обѣтъ святого созерцанья,
Держали строгій постъ и какъ цвѣты цвѣли
Подъ пѣнье Божьихъ птицъ и странниковъ сказанья.

Быль здѣсь дремучій боръ, въ народѣ говорятъ,
Быль долгій станъ татаръ, въ лѣсахъ кипѣли битвы;
Потомъ былъ этотъ край спокоенъ и богатъ,
И древній, скудный скитъ и подвиги молитвы
Забылись точно сонъ, ужъ много лѣтъ назадъ.

Не мало было сновъ, —зачѣмъ намъ помнить ихъ?
И вотъ опять весна. Въ лѣсу все зеленѣеть,
Лѣсъ сѣнокоса ждетъ, и жаркій день синѣеть
Межъ бѣлыхъ облаговъ, среди вершинъ лѣсныхъ,
И на глазахъ трава въ полдневномъ зноѣ млѣеть.

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходитъ,
Межъ тѣмъ какъ счастье жить во вѣки не умереть.
Покуда надъ землей заря зарю выводитъ
И молодая жизнь родится въ свой чередъ.

Въ березовомъ лѣсу покоютъ и свищутъ птицы,
По шелковой травѣ огни лучей горять...
А вотъ и озеро, песчаный, бѣлый скать...
Пошелъ! И бубенцы играютъ и гремятъ,
Въ колесахъ, какъ лучи, блестятъ на солнцѣ спицы
И кружева тѣней по лошадямъ скользятъ.

Ив. Бунинъ.

Н У Ж Д А.

Этюдъ.

I.

Всю прошлую зиму Столбовы прожили въ сырой и холодной квартирѣ и только къ веснѣ сообразили, какъ это было невыгодно: Анна Петровна и дѣти постоянно хворали. Оказалось необходимымъ провести лѣто на дачѣ, хотя и не дальше Парголова, — Николаю Сергѣевичу надо было каждый день ѣздить въ контору на службу.

Чтобъ съэкономить на дачу, старую квартиру съ весны бросили, мебель сложили въ склады, а теперь вотъ надо брать что-нибудь изъ осенняго выбора, любезно предлагаемаго домовладельцами по новѣйшимъ повышеннымъ цѣнамъ. И брать безъ проволочекъ, — одну за другой лучшія квартиры вырываютъ изъ-подъ носу.

Пребываніе на дачѣ укрѣпило Анну Петровну и дѣтей, но Николай Сергѣевичъ отъ ежедневныхъ поѣздокъ съ дачи на службу чувствовалъ себя только еще болѣе утомленнымъ. Предстоящую зиму надо во что бы то ни стало провести въ благопріятныхъ условіяхъ. Избави Богъ, не найти теперь теплаго и свѣтлаго угла.

И всѣ эти головоломныя соображенія при жалованьи въ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Квартиры, сколько-нибудь удовлетворяющія самымъ скромнымъ требованіямъ семьи, стоятъ, съ накладными расходами, рублей шестьдесятъ-семьдесятъ.

Столбовы присматривались уже къ «меблированнымъ комнатамъ». Но въ одной имъ не помѣстится, а двѣ, какъ все-то сосчитать, стоили ничуть не дешевле квартиры.

А неудобство жить съ дѣтьми въ чужой квартирѣ!

— Ужъ если стѣсняться, такъ лучше самимъ быть хозяевами и пустить бездѣтныхъ жильцовъ, — предложила Анна Петровна.

— Идея! — согласился Николай Сергѣевичъ. — Люди ухитря такъ даже доходъ отъ сдачи комнатъ имѣть. Попробуемъ.

При такихъ условіяхъ квартира нашлась скорѣе. Можно было рискнуть дать и 65 р. за четыре комнаты.

— На какихъ вы только богачей разсчитываете, назначая такія цѣны?— шутливо говорилъ Николай Сергѣевичъ, давая старшему дворнику задатокъ.— Вѣдь вашъ хозяинъ хоть то подумалъ бы: прежде всякій служащій гдѣ-нибудь человекъ былъ жилецъ вѣрный,—въ случаѣ чего на жалованье взысканье наложить можно. А теперь? Что вы и взыскивать-то будете, когда люди должны платить вамъ за одну квартиру дороже, чѣмъ сами получаютъ на все проживаніе?

Дворникъ неопредѣленно улынулся, подозрительно посмотрѣлъ на нанимателя и, вторя шутливому тону Николая Сергѣевича, лѣниво процѣдилъ сквозь зубы:

— Что-жъ, у нашего хозяина адвокатъ есть для взысканій, надо и имъ хлѣбъ зарабатывать. Не заплатитъ—взыщутъ и выселятъ.

— Взыщутъ!— уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ произнесъ Николай Сергѣевичъ.— Да ты спросилъ бы хозяина-то, гдѣ ему бѣдный человекъ такія деньги достать долженъ.

— Нашъ бѣдныхъ не любитъ,—продолжалъ лѣниво шутить дворникъ:—хочетъ подобрать побогаче. Поэтому и цѣну со всѣмъ своимъ удовольствіемъ прибавляетъ. Въ прошломъ году повысили, а нынче, которыя квартиры освободились,—опять.

— Да за что! за что?—нерничалъ Николай Сергѣевичъ.

— Какъ же-съ, помилуйте! Вездѣ улучшенія. Вотъ, новую дверь на парадной сдѣлали, на лѣстницѣ электричество провели, нынче даже ковры на зиму постелемъ.

— И все на нашъ счетъ!—съ усмѣшкой замѣтилъ Николай Сергѣевичъ.

— А то какъ же-съ?—шутилъ и дворникъ.— Неужели же хозяину для вашего удовольствія изъ своего кармана вынимать. Дорого кажется, платить не собираетесь, такъ лучше и не берите. Другихъ подберемъ-съ.

— Платить будемъ,—съ напускной увѣренностью отвѣтилъ Николай Сергѣевичъ, и помолчавъ немного, добавилъ:— только мы еще жильцовъ въ комнаты пустимъ.

Дворникъ помялся и небрежно-сочувственно замѣтилъ:

— Это какъ пожелаете. Хозяинъ не попрепятствуетъ. Только чѣмъ не было угольныхъ жильцовъ—мастеровыхъ или тамъ барышниковъ...этакихъ... потому на лѣстницѣ ковры будутъ, и все такое. А по латкѣмъ сдадите, такъ отчего же; и вамъ способнѣе платить будетъ, и хозяину вѣрнѣе. У насъ тутъ нонѣ во многихъ квартирахъ такъ-то живутъ.

Дворникъ далъ въ полученіи задатка росписку и общалъ притворить на завтра условіе.

Столбовы еще разъ обошли нанятую квартиру, распредѣляя мысленно какъ разставить мебель, чтобы можно было повыгоднѣе сдать двѣ лучшія комнаты, а въ двухъ худшихъ помѣститься самимъ: изъ узенькой сдѣлать спальню Анны Петровны и дѣтскую для Васи Маши, а въ другой поставить оттоманку—она же и кровать Николая Сергѣевича—поставить письменный столъ, обѣденный столъ, большой шкафъ, комодъ, диванъ, швейную машину и диванчикъ, на которомъ будетъ спать Федя,—словомъ, соединить тутъ гостиную, кабинетъ, столовую, мастерскую и спальню.

— Угольными-то жильцами въ своей квартирѣ будемъ мы сами, — посмѣялся женѣ Николай Сергѣевичъ.

Возвращаясь теперь въ послѣдній разъ на дачу, — переѣзжать рѣшено было завтра же, — Столбовы чувствовали душевное облегченіе: квартира найдена хорошая, по всей видимости здоровая.

Но едва сброшено бремя этой заботы, какъ ее смѣнила другая: когда-то еще будутъ комнатные жильцы? какъ-то будутъ они платить? А за квартиру надо отдавать впередъ сейчасъ же; надо расписаться и по счетамъ на дачѣ, потомъ за храненіе мебели въ складъ... перевозка, чай — расходы, расходы, расходы!... Николай Сергѣевичъ вспомнилъ, что не успѣлъ еще покрыть вычетами изъ жалованья той суммы, которую взялъ въ конторѣ впередъ при переѣздѣ весной въ Парголово, а теперь вотъ надо опять просить. Положимъ, дадутъ, — положимъ, что это нисколько не повредитъ ему: сами понимаютъ, какъ мало онъ получаетъ... авось, подумаютъ о прибавкѣ... Но унижаться, просить!...

Мысли Анны Петровны шли въ томъ же направленіи, и Николай Сергѣевичъ точно поддакнулъ ей, когда среди продолжавшагося и въ которое время молчанія вдругъ произнесъ:

— Да вѣдь умереть же, наконецъ, нынѣшней зимой Андрей Васильевичъ!

И Анна Петровна мысленно отвѣтила ему: «да». Надежда на смерть Андрея Васильевича точно лучомъ солнца озарила на мгновеніе ея усталую отъ заботъ и тревогъ душу.

Но сейчасъ же ей стало досадно, и она упрекнула себя въ безсердечіи.

А позорная мечта всетаки лѣзла въ голову: ну не все ли рѣшено ему — немного раньше, немного позже выплюнуть онъ послѣдніе пушечки своего послѣдняго легкаго? Давно обреченъ на скорую смерть, и самъ свыкся съ этой мыслью. И какая его жизнь: скрипнуть. И

и теперь Коля исполняетъ почти всю его работу, а онъ только просматриваетъ. А получаетъ втрое больше. Да!... полтора ста рублей!... совсѣмъ другая жизнь пойдетъ!...

Николай Сергѣевичъ, съ сосредоточеннымъ видомъ шагая рядомъ съ женой, думаетъ въ это время:

«Тогда ужъ можно будетъ отдавать въ наймы только одну маленькую комнату, а самимъ преудобно размѣститься въ остальныхъ трехъ...»

II.

Переѣздъ на новую квартиру былъ удачнымъ: уже черезъ два дня, не успѣвъ даже устроиться какъ слѣдуетъ, Анна Петровна сдала большую комнату-залу за сорокъ рублей.

Нанялъ ее отставной полковникъ, человѣкъ болѣзненный, но добродушный и говорливый. При немъ была жена, женщина скромная, тихая, и, какъ и мужъ ея, больная, слабосильная. Они выговорили держать свою старуху-прислугу на кухнѣ, вмѣстѣ съ хозяйской кухаркой, и разогрѣвать на хозяйской плитѣ обѣдъ, который имъ будутъ доставлять въ судахъ отъ жившихъ на той же улицѣ родственниковъ.

— Ну, а иногда и самимъ поготовить что-нибудь случится, — ласково уговаривала полковница Анну Петровну. — Но моя старуха покладливая, не помѣшаетъ вамъ. Она у насъ двадцать лѣтъ.

Анна Петровна побаивалась недоразумѣній, всегда возможныхъ при такихъ условіяхъ; однако, сейчасъ же подумала, что, пожалуй, никто другой и не дастъ ей такой цѣны за одну только комнату, — и согласилась.

Еще черезъ недѣлю сдали и другую — барышнѣ изъ частнаго ломбарда, за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, сами остались въ двухъ комнатахъ за тринадцать. Бажется, чего еще желать: дешевле всякой дешевой квартиры.

Но Анна Петровна не долго утѣшалась этой дешевизной. Вѣдь кромѣ квартиры, надо было платить восемь рублей жалованья кухаркѣ, исполнявшей въ свободное время и роль няньки. И когда Анна Петровна соображала, что изъ шестидесяти-рублевого жалованья Николая Сергѣевича на содержаніе ихъ семьи изъ шести душъ оставалось только 39 руб. въ мѣсяцъ, она иногда съ завистью думала, что е кухарка спокойно, неторопливо исполняя свою работу, можетъ и съ своего жалованья еще дѣлать сбереженія: Ольгѣ вѣдь не надо ничего, кромѣ скромной одежды и обуви. Да и то еще кое-что въ по-

дарки получаетъ. Не даромъ Ольга такая здоровая и всегда собой довольная! Счастливыи характеръ, счастливые люди!... А вотъ она хозяйка, ничего не можетъ сберечь. Она только дѣлаетъ долги и растрчиваетъ.

Да, приходится растрчивать свои силы, занимаясь съ утра до за полночь то спишной швейной работой, добытой за безцѣнокъ въ вторыхъ рукъ отъ портнихъ, то перепиской бумагъ, которую иногда тоже на спишъ доставляли ей знакомые мужа. Безъ этихъ случайныхъ заработковъ развѣ можно что-нибудь сдѣлать на 39 руб. въ мѣсяцъ! У Николая Сергѣевича тоже бывали случайныя чертежныя или счетоводныя работы, часто стоившія ему безсонныхъ ночей, но очень рѣдко хорошо оплаченныя. А все вмѣстѣ едва-едва позволяло семьѣ сводить концы съ концами и при этомъ никогда не знать отдыха отъ заботъ и тревогъ.

Такъ перебивались Столбовы въ прошломъ году, когда за скверную сырую квартиру изъ трехъ комнатъ, на окраинѣ, платили двадцать пять рублей; такая же сѣренькая, безрадостная жизнь престоляла имъ и теперь.

Съ утра, какъ только Николай Сергѣевичъ уходилъ въ свою контору, садилась за швейную машину или за переписку и Анна Петровна. Дѣла у нея всегда довольно,—нѣтъ чужого, такъ есть свое домашнее: вѣдь надо обшить ребятъ, да и себя, да и мужу она шьетъ все бѣлье. Одной починки да штопки не оберешься. А тутъ еще приходится заниматься съ Федей: надо приготовить его въ приготовительный классъ. Онъ племянникъ мужа, онъ круглый сирота, и она еще ревнивѣе относится къ его будущему, чѣмъ къ будущему своихъ дѣтей. Не въ работѣ, такъ въ заботѣ проходятъ у Анны Петровны и утро, и день.

А придетъ со службы Николай Сергѣевичъ, пообѣдаетъ, поболтаетъ съ дѣтьми, поговорятъ между собой о томъ, что успѣли прочесть въ газетѣ, Николай Сергѣевичъ иногда съ полчаса соснетъ, а потомъ чай и опять работа до ночи. Пойти погулять, пойти къ знакомымъ или въ театръ, это уже роскошь,—это можно позволить себѣ тогда, когда заработано столько, что нѣтъ надобности ломать голову, какъ извернуться отъ одной получки жалованья до другой.

III.

Анна Петровна довольна своей новой квартирой. Въ особенно, такъ довольна видомъ изъ окна, у котораго она работаетъ. Ея комната выходитъ во дворъ,—передъ ней низкія конюшни и каретникъ, да еще

пустой дворъ сосѣдняго двухэтажнаго дома, за дворомъ виденъ уголь слѣдующей улицы, дальше городской садикъ, потомъ еще одинъ невысокій домъ, а за нимъ уже и ряды высокихъ домовъ и нѣсколько фабричныхъ трубъ не мѣшаютъ глазу различать далекій горизонтъ, — тамъ окраины города граничатъ съ огородами, полями и болотами.

Иногда Анна Петровна подниметь глаза отъ работы, взглянетъ въ окно, въ эту даль, и въ груди точно что-то сожмется, непріятный холодокъ на мгновение охватитъ все тѣло, какая-то непонятная тоска, — тоска, какъ физическое чувство, — овладѣваетъ ею. Хочется воли, простора, хочется стряхнуть бремя постылой работы. Боторый годъ одно и то же!

Но чрезъ минуту она уже опять, со всей энергіей молодости, принимается за свое шитье или переписку.

Развѣ она лѣнива? Кто смѣетъ это сказать! Развѣ Коля не на рѣдкость работникъ и умница? Но вѣдь безъ отдыха, безъ просвѣта, годъ за годомъ, и ничего кромѣ жалкаго существованія! И всѣ надежды на лучшее будущее — въ смерти Андрея Васильевича...

Андрею Васильевичу Коля обязанъ своимъ теперешнимъ мѣстомъ; Андрей Васильевичъ совсѣмъ чужой человекъ, случайный знакомый, далъ имъ займы, когда они, уже два мѣсяца безъ дѣла, безъ мѣста, жили впроголодь; Андрей Васильевичъ всегда хлопочетъ за Колю, когда надо получить въ счетъ жалованья впередъ; и она и Коля оба такъ искренно расположены къ Андрею Васильевичу... А гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, есть какой-то темный уголокъ, гдѣ для Андрея Васильевича стоитъ открытый гробъ...

... Какой вздоръ, что нужно трудолюбіе! Просто, для всѣхъ не хватаетъ мѣста. Развѣ Коля не бѣгалъ по всѣмъ конторамъ и присутственнымъ мѣстамъ, ища работы? Развѣ они не бѣгали по всѣмъ газетнымъ объявленіямъ, гдѣ только можно было надѣяться на какой-нибудь заработокъ? Случайность — и одному дается все; случайность — и, хоть лобъ разбей, другіе уже раньше тебя схватятъ кусокъ, къ которому ты бѣжалъ, жадно протягивая руки!...

... Все бы ничего, если бы не дѣти! Но чувствовать каждый день присутствіе нужды около дѣтей, видѣть, какъ съ каждымъ днемъ растутъ самыя законныя требованія для нихъ, и не знать, когда же придетъ свѣтлый день!...

IV.

— Позвольте войти!...

У полуоткрытыхъ дверей въ переднюю стоялъ жилецъ, полчишь.

Анна Петровна, спѣшившая допить какой-то лифъ, который завтра надо было сдать, взглянула на нежданнаго гостя; въ душѣ шевельнулось чувство досады, но она, съ любезной улыбкой, маши-нально произнесла:

— Пожалуйста.

Полковникъ вошелъ, поздоровался, сѣлъ у стола, за которымъ работала Анна Петровна.

— Я вамъ не помѣшаю,—сказалъ онъ, не то спрашивая, не то давая понять, что при такой работѣ и разговаривать можно.

— Ничего,—съ улыбкой же отвѣтила Анна Петровна.

— А я пришелъ поближе познакомиться съ прелестной хозяйкой,—заговорилъ полковникъ, по старой привычкѣ молодецки покручивая давно посѣдѣвшій усъ.—Знаете, хочется иногда отдохнуть... душой отдохнуть — съ молодымъ человѣкомъ... Вы позволите?—прервалъ онъ себя, вынимая портсигаръ; и, не дожидаясь отвѣта, досталъ папироску и спички и закурилъ.

Анна Петровна терпѣть не могла табаку,—мужъ не курилъ,—но теперь, что же дѣлать, она только утвердительно кивнула полковнику головой.

Полковникъ продолжалъ:

— Усталъ, знаете. Съ утра сегодня битыхъ три часа диктовалъ. Вышелъ погулять—дождикъ, мразь... Вернулся—съ женой все уже сто разъ переговорено... Да и ломота у нея сегодня. Легла... Тоска, знаете. Въ такую-то погоду!

И полковникъ выпустилъ огромный клубъ дыму почти въ лицо Аннѣ Петровнѣ.

Она немного отодвинулась, но, скрывъ начинавшее закипать раздраженіе, спросила тономъ любезной хозяйки:

— Что это вы диктуете?

Полковникъ, принявъ серьезный видъ, съ напускнымъ равнодушьемъ, отчетливо произнесъ:

— Мемуары-съ. Мои воспоминанія о великой освободительной войнѣ. До самаго Санъ - Стефано доходилъ. Инкогнито и по Константинополю побродилъ... Такъ кое-что любопытненькое вотъ теперь и записываю. Пригодится историкамъ.

Анна Петровна посмотрѣла на него внимательно.

— Да, это должно быть любопытно—война!—неволью выг-а-лось у нея.—Хотя противно и страшно,—сейчасъ же добавила (а, опять углубляясь въ работу.

Полковникъ разсмѣялся самодовольнымъ старческимъ смѣхомъ .

— И не противно, и не страшно,—сказалъ онъ, выпуская новое облако дыма.—А что трудновато и не безопасно, это вѣрно. И то—кому какъ. У меня шесть человѣкъ товарищей убито, а я вотъ, къ сожалѣнію, ни разу и раненъ не былъ—хоть бы царапинка.

Анна Петровна покосилась на него и сухо сказала:

— Какъ это вы говорите: къ сожалѣнію! Кажется, каждый, самый храбрый даже человѣкъ этому радоваться долженъ.

— Вотъ и я этому тогда радовался,—опять разсмѣялся полковникъ:—а теперь горюю.

Анна Петровна, слегка сдвинувъ брови, вопросительно посмотрѣла на него.

— Да-съ,—шутилъ полковникъ:—совсѣмъ это ужъ не такая большая радость имѣть на старости лѣтъ и въ моемъ положеніи всѣ члены тѣла въ цѣлости. Вотъ кабы у меня, напримѣръ, ноги одной не было, получалъ бы я тогда немножко побольше моей теперешней пенсіи и жилось бы мнѣ посвободнѣе и повеселѣе. А то приходится и каждый грошикъ учитывать.

Лицо полковника слегка затуманилось печалью. Но, сейчасъ же опять повеселѣвъ, онъ продолжалъ въ шутливомъ тонѣ:

— А на что мнѣ теперь собственно одна лишняя нога? Отлично бы и съ костылемъ справлялся. Положилъ бы одну ногу за отечество, а мнѣ за это изъ комитета о раненыхъ такое нѣкоторое дополнительное украшеніе моей теперешней жизни... да-съ!

Анну Петровну отъ этой напускной развязности корбило.

— Полноте,—прервала она полковника:—ужъ лучше быть бѣднымъ, да здоровымъ.

— А развѣ я здоровъ?—уже серьезно возразилъ онъ.—Вотъ въ томъ-то и бѣда, что здоровье-то я въ походѣ уходилъ, да въ то время этого не замѣтилъ. А вотъ какъ потомъ преждевременно состарился, да пришлось въ мирное время въ отставку на малую пенсію выходить, такъ ужъ какъ мы съ женой потомъ горевали, что у меня руки и ноги цѣлы.

И полковникъ опять засмѣялся.

Слово за словомъ, полковникъ сталъ рассказывать Аннѣ Петровнѣ разные эпизоды изъ своей походной жизни; рассказалъ, какъ онъ жегся на своей теперешней женѣ: она была сестрой милосердія на во нѣ и ухаживала за нимъ, когда онъ былъ боленъ тифомъ послѣ перехода чрезъ Балканы; рассказалъ, какъ они живутъ мирно и счастливо; упомянулъ и о тѣхъ огорченіяхъ, которыя причиняетъ ему его сынъ, офицеръ въ одной изъ крѣпостей на западной границѣ: то и вло приходится выручать сына изъ долговъ! А какія у него день-

ги? Вот если только удастся дорого продать въ какой-нибудь историческій журналъ свои мемуары...

И полковникъ въ теченіе разговора нѣсколько разъ пообѣщалъ прочесть ихъ Аннѣ Петровнѣ.

Онъ болталъ уже больше часу, и Анна Петровна начинала чувствовать, что отъ дыму и отъ разговора, который ее не занималъ, у нея начинается головная боль. Немного раздраженная, она сдѣлала ошибку въ работѣ, пришлось распарывать и подшивать заново. Дѣти, игравшія въ это время въ своей комнатѣ, чтобы не мѣшать матери работать, услышавъ ея разговоръ, приближались къ ней; но замѣтивъ посторонняго, не рѣшились войти. Приближалось время обѣда, кухарка пришла накрывать на столъ, — полковникъ все сидѣлъ, рассказывалъ и курилъ.

Наконецъ, вернулся со службы Николай Сергѣевичъ, усталый, замоченный дождемъ, хмурый. Полковникъ, поздоровавшись, развязно заявилъ, что онъ въ его отсутствіе развлекалъ скучающую въ одиночествѣ Анну Петровну, выразилъ увѣренность, что Николай Сергѣевичъ не приревнуетъ ее къ его сѣдинамъ, извинился, что надымилъ и, пожелавъ пріятнаго аппетита, ушелъ къ себѣ. Тамъ сейчасъ же послышалось легкое ворчаніе полковницы.

Ворчала и Анна Петровна. Прежде чѣмъ сѣсть теперь съ дѣтьми за обѣдъ, надо было надолго открыть здѣсь форточку, чтобы выпустить весь напущенный полковникомъ дымъ. Пришлось на время уйти въ другую комнату. Тамъ дѣти бросились отцу на шею, смѣялись, кричали, и это развеселило Николая Сергѣевича.

Анна Петровна машинально спросила его:

— Что новенькаго?

— Ничего.

— Какъ здоровье Андрея Васильевича?

Николай Сергѣевичъ, точно отвѣчая на какой-то другой вопросъ, точно спохватившись, что забылъ сообщить важную новость, сказалъ:

— Да... сегодня плохо, очень плохо... Погода-то какая. Не досидѣлъ и до конца. Башлялъ, башлялъ—бросилъ все, и ушелъ.

Анна Петровна машинально же посмотрѣла на окно, на струившіяся по стекламъ капли дождя. Но ей этотъ осенній холодный дождь показался въ эту минуту совсѣмъ уже не такимъ удручающимъ: а нимъ какъ будто было даже что-то заманчивое...

V.

Осень подвигалась впередъ. Дни становились все короче. Николай Сергѣевичъ свою квартиру при дневномъ освѣщеніи видѣлъ тол о

по праздникамъ. Въ будни онъ уходилъ на службу, когда утренній мракъ едва начиналъ рѣдѣть, и возвращался, когда въ комнатѣ уже было сумеречно.

И онъ, и жена работали теперь и по вечерамъ: благо была работа, надо было пополнить не тѣмъ, такъ другимъ путемъ прорѣхи въ бюджетъ, который создало лѣто, проведенное на дачѣ. Прорѣхи какъ будто начинали закрываться, но зато каждое утро, вставая съ постели, Николай Сергѣевичъ боялся ступить на ноги: въ пяткахъ чувствовалась какая-то рѣжущая боль, которая потомъ черезъ часъ по-немногу проходила. Съ каждымъ днемъ блѣднѣла и худѣла опять и Анна Петровна.

Чтобы не совсѣмъ переутомиться, по воскресеньямъ не позволяли себѣ работать. Посвящали этотъ день дѣтямъ, гуляли, читали, навѣстили кое-кого изъ знакомыхъ.

Но иногда и воскресный день не давалъ Николаю Сергѣевичу отдыха отъ заботъ и думъ. Бездѣйствуя, онъ подходилъ къ окну, смотрѣлъ на открывавшійся за угломъ улицы горизонтъ, смотрѣлъ, черезъ крыши надворныхъ сараевъ и конюшенъ, на задній дворъ сосѣдняго дома... И каждый разъ то, что онъ видѣлъ изъ окна, приводило его въ состояніе раздраженія, хотя тутъ ничего раздражающаго, казалось, не было.

Когда они только-что переѣхали сюда, этотъ сосѣдній задній дворъ, довольно обширный, мало застроенный и сохранившій у забора пару захудалыхъ старыхъ липъ, принадлежалъ къ двухэтажному невзрачному, ветхому деревянному дому съ мезониномъ. Николай Сергѣевичъ не видалъ фасада этого дома, выходившаго на сосѣднюю улицу; но, по нѣкоторымъ признакамъ, онъ догадывался, что здѣсь ютилась столичная голь и было что-то вродѣ дешеваго трактира. Зато Николаю Сергѣевичу хорошо былъ виденъ на противоположной сторонѣ сосѣдней улицы,—какъ разъ противъ обветшалаго дома,—новый, тоже деревянный и двухэтажный домъ, только безъ мезонина и поменьше ростомъ. Такой изящный, чистенькій, точно лакированный, домикъ этотъ каждый разъ, когда лучъ солнца пробѣгалъ по нему, казалось, улыбался, и рядъ его красивыхъ, полужеркальныхъ оконъ, выступалъ въ этой улыбкѣ, какъ рядъ прелестныхъ зубовъ молоденькой дѣвушки.

И Николаю Сергѣевичу всегда казалось, что въ этомъ лакированномъ домикѣ должно быть живется очень хорошо и что тамъ живутъ востановленные хорошие люди. Онъ завидовалъ имъ, но завидовалъ не обидно,—онъ радовался за нихъ. Ему, жившему въ постоянной заботѣ о завтрашнемъ днѣ, чувствовавшему тѣсноту жизни при каж-

домъ своемъ движеніи, просто, было пріятно сознать, что есть тутъ можетъ быть кто-то, кому на этомъ свѣтѣ уютно. Озаренный солнцемъ фасадъ домика улыбался Николаю Сергѣевичу, и Николай Сергѣевичъ улыбался ему.

Однако, едва ли этому счастливому фасаду могло быть пріятнымъ вѣчно стоять лицомъ къ лицу со старымъ грязнымъ домомъ на противоположной сторонѣ улицы: своего рода *memento mori*. И Николая Сергѣевича такое сопоставленіе иногда тоже радовало: должны же богатые и счастливые помнить, что не всѣмъ одинаково свѣтитъ солнце.

Но чаще ему вчужѣ было досадно на этотъ обветшалый домъ съ мезониномъ, нищій снаружи, полный нищихъ внутри.

Николай Сергѣевичъ какъ-то смутно чувствовалъ, что ему вѣдь хотѣлось бы жить баринкомъ въ томъ красивомъ уютномъ домикѣ, и хотѣлось бы, чтобъ тогда не торчала у него передъ глазами картина нищеты тѣхъ, кому жизнь была мачехой. Развѣ онъ, добившись такого благосостоянія, виноватъ былъ бы въ томъ, что другимъ въ борьбѣ за земное счастье все еще приходится ходить въ опорахъ и питаться отбросами?

Онъ не любилъ бѣдность. Онъ не распускался передъ ней въ нѣжныхъ чувствахъ. Ни для себя, ни для другихъ онъ не признавалъ въ ней добродѣтели и боролся съ ней, какъ могъ. Онъ всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы отдѣлаться отъ нея, но онъ, какъ болѣзнь, страдалъ своеобразнымъ убѣжденіемъ, что его одиночныя усилія не приведутъ ни къ чему, что каждый его шагъ въ направленіи къ благосостоянію находится въ тѣсной зависимости отъ того, куда движется окружающая его толпа. Если въ рядахъ этой толпы онъ будетъ проталкиваться все впередъ, пролагая себѣ дорогу локтями и грудью, онъ всетаки можетъ оказаться вдругъ далеко отброшеннымъ назадъ какой-нибудь неожиданно нахлынувшей волной, отброшеннымъ вмѣстѣ со всѣми тѣми, кого онъ только что опередилъ. О, какой горькій опытъ въ этомъ отношеніи уже дало ему его прошлое!

Николай Сергѣевичъ переводитъ взглядъ съ улыбающагося ему лакированного домика въ отрывающуюся за угломъ улицы даль. И передъ нимъ, въ перспективѣ, опять ряды каменныхъ домовъ, сливающихся постепенно въ одну сплошную массу, — домовъ огромныхъ, миллионныхъ. За ними, ближе къ окраинѣ, знакомыя высокія фабричныя трубы выпускаютъ, сегодня, какъ вчера, въ голубое небо клубы сѣраго дыма. Николай Сергѣевичъ мысленно, бѣгло составляетъ инвентарь всему этому имуществу, и онъ понимаетъ, что нельзя даже и приблизительно подвести огромный итогъ всѣхъ этихъ отдѣльных цѣнностей. А въ ту же минуту ему уже чудится, что тамъ, за эти

трубами, на этихъ поляхъ, сливающихся съ горизонтомъ, лежитъ грозное слѣпое чудовище съ вѣчно пріоткрытой пастью—*Нужда!* Нѣтъ-нѣтъ да и раздвинетъ оно свои челюсти, высунетъ огромный, длинный языкъ и слизнетъ имъ въ свою ненасытную утробу съ лица земли первое, что попадется ему на пути. Слизнетъ многоэтажный домъ со всѣми новѣйшими приспособленіями культуры, слизнетъ жалкую лачугу, слизнетъ бѣдняка-пролетарія съ его чадами и домо-чадцами, и тутъ же прихватитъ цѣлый фабричный корпусъ съ гордо высящейся многоэтажною трубой... О, онъ хорошо знаетъ цѣну этому дыму! Онъ знаетъ, какія затраты нужны на то, чтобы вотъ такъ, изо дня въ день, съ утра до ночи, а то и ночь напролетъ, коптитъ этимъ дымомъ голубое небо...

...Да, это былъ горькій опытъ!... Развѣ онъ рѣшился бы жениться, если бы у него не было увѣренности, что его положеніе обезпечено? Развѣ его пылкая любовь къ Анѣ не была здоровой, чистой и благоразумной? Развѣ они не ждали полтора года?...

Онъ совсѣмъ не раскаивается, что бросилъ Лѣсной, не окончивъ курса... какъ будто не все равно бѣдствовать съ дипломомъ изъ безъ диплома! Развѣ его товарищи всѣ находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ онъ? Развѣ между ними нѣтъ такихъ, которые торчатъ теперь на грошевомъ жалованьи въ качествѣ лѣсничихъ въ далекихъ, глухихъ селахъ? Развѣ двое, трое изъ нихъ уже не спились, потерявъ всякую надежду вырваться на просторъ? Развѣ дипломъ обезпечиваетъ что-нибудь?

Трудъ, энергія и возможность примѣнять ихъ производительно, — вотъ источники благополучія.

...Возможность примѣнять!...

..Такъ могъ ли онъ упустить случай, который давалъ ему эту возможность, — и упустить ради чего? Ради достиженія весьма сомнительной выгоды имѣть въ карманѣ дипломъ лѣсничаго?... Развѣ ему не завидовали, развѣ его не одобряли тогда? Сразу двѣ тысячи жалованья, отличныя надежды впереди... возможность сейчасъ же жениться на любимой дѣвушкѣ... добрыя пожеланія жениныхъ родственниковъ... И въ такомъ дѣлѣ!... Развѣ могъ кто-нибудь тогда предвидѣть крахъ такой фирмы? Развѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ на службѣ на этой фабрикѣ, хоть кто-нибудь, хоть когда-нибудь догадывался, на какой она стоитъ зыбкой почвѣ? А лопнуло о, ю предпріятіе, лопнуло другое, — лопнуло и его собственное семейное счастье.

... Дѣти, рожденію которыхъ онъ такъ радовался, которыя какъ чась ему украшеніемъ его личной жизни, стали теперь его требо-

вательными властелинами: уже однимъ существованіемъ своимъ они каждую минуту призываютъ его къ отвѣту за каждый его шагъ, за каждое его дѣйствіе.

Да, это былъ горькій опытъ. Это былъ первый серьезный урокъ въ школѣ жизни. Теперь онъ съ недоувѣріемъ смотрѣлъ на всѣ эти призрачныя богатства, которыя такъ назойливо кричатъ о себѣ съ высоты многоэтажныхъ зданій и изъ сверкающихъ дорогими вещами оконъ магазиновъ. Онъ не вѣрилъ больше и въ иллюзію труда и знаній, какъ въ вѣрное средство быть если не богатымъ, то обеспеченнымъ. Когда ему, потомъ, цѣлый годъ пришлось искать какого-нибудь мѣста, пришлось браться за всякую работу, за всякія временныя занятія, онъ на себѣ испыталъ, какъ легко можетъ человѣкъ, мало-мальски ослабѣвающій въ этой борьбѣ, опуститься до самой преисподней. Стоитъ только ни разу не встрѣтиться со случайностями благоприятными и встрѣчаться со случайностями неблагоприятными. Въ концѣ-концовъ радъ будешь, какъ собака, залѣзть въ какую ни на есть конуру и вѣрнѣе вцѣпишься зубами за брошенную тебѣ жизнью обглоданную кость!...

Если же огромныя богатства чаще всего призрачны, тѣмъ болѣе заманчиво умѣренное благосостояніе трудовой, обеспеченной жизни, не знающее ни пресыщенія роскошью, ни страха за завтрашній день, ни чувства тревоги и тоски при видѣ нищеты и бѣдствій другихъ, униженныхъ жизнью. И домикъ, смѣющійся домику на противоположной сторонѣ сосѣдней улицы казался Николаю Сергѣевичу маякомъ среди окружающихъ его тумана и мглы.

Но прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Столбовы поселились на своей новой квартирѣ, и Николай Сергѣевичъ однажды вернувшись домой со службы, замѣтилъ, что крыша стараго дома съ мезониномъ снята и что плотники уже разбираютъ стѣны мезонина по бревнамъ.

— Должно быть, новый строить хотятъ,—замѣтилъ онъ женѣ.

— Да сегодня ломаютъ весь день съ утра,—сказала Анна Петровна.

А черезъ нѣсколько дней на мѣстѣ стараго дома уже копали канавы, часть улицы около него уже была обнесена новымъ деревяннымъ заборомъ, и въ двое воротъ этого забора въѣзжали съ одной стороны телеги съ кирпичомъ, съ другой—вывозили весь мусоръ стараго разрушеннаго дома. Около постройки закопошился цѣлый и равейникъ разнаго рода рабочихъ. Старыя липы были срублены, и дворъ, заполняя пустоту его, выросла, тысяча за тысячей, стогъ ярко-краснаго кирпича. Потомъ появились каменщики, появились бочки съ цементомъ, заходили взадъ и впередъ десятники со свер-

тыми въ трубку планами и аршиномъ въ рукахъ. Показывался нѣсколько разъ въ день архитекторъ, пріѣзжалъ раза три въ коляскѣ какой-то бородачъ.

Какъ только вывели фундаментъ, отслужили молебень. И съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ часомъ росло огромное каменное зданіе. Въ глубину оно заняло почти весь дворъ, казавшійся такимъ большимъ при старомъ деревянномъ домѣ съ мезониномъ; фасадомъ по улицѣ — оно заняло весь дворовый участокъ. Каждый день, возвращаясь со службы, Николай Сергѣевичъ съ удивленіемъ замѣчалъ, какъ значительно подвинулась постройка въ тѣ часы, которые онъ провелъ въ конторѣ за своими мертвыми цифрами. Когда онъ говорилъ объ этомъ женѣ, Анна Петровна отвѣчала ему:

— Да, я тоже вотъ сижу у окна, смотрю и думаю: пока я тутъ копаюсь за шитьемъ какой-нибудь одной юбки или переписываю нѣсколько десятковъ страницъ, въ это время, смотришь, тамъ выросло полъэтажа.

— Еще бы! — восклицалъ Николай Сергѣевичъ. — Тутъ не одна сотня людей работаетъ. А мы что съ тобой? Жалкія букашки.

И по мѣрѣ того, какъ поднимались этажи этого дома, чувство простого любопытства, съ которымъ Николай Сергѣевичъ слѣдилъ за постройкой, начинало у него переходить въ какое-то, ему самому непонятное чувство озлобленія. Положительно его сердила эта мощная работа, какъ упрекъ его собственному безсилію.

Безсиленъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ? Ничуть не бывало. Онъ трудолюбивѣе, энергичнѣе, по своему сильнѣе быть можетъ любого изъ этихъ сотенъ каменщиковъ. Возьмите отдѣльно cadaго изъ нихъ: жалкій мужикъ, находящійся въ рабской зависимости даже отъ своего десятника, который можетъ прогнать его съ работы и оставить безъ куска хлѣба. Но зато какая страшная сила капиталъ. Это онъ заставляетъ всѣхъ этихъ мужиковъ двигаться въ известномъ направленіи. Они пигмеи, владыка-капиталъ — гигантъ.

И Николай Сергѣевичъ чувствовалъ озлобленіе именно противъ этого гиганта, который и его превращалъ въ такого же пигмея, какъ любого изъ этихъ мужиковъ, и также могъ взять между пальцами и растереть такъ, что даже ни мокроты, ни пыли не останется. Съ каинимъ стараніемъ работаетъ его жена надъ обметываніемъ петель у какого-нибудь платья какой-нибудь невѣдомой ей заказчицы; какъ за отливо она относится къ тому, чтобы при перепискѣ бумагъ не пропустила гдѣ-нибудь запятой и тѣмъ не уронить въ глазахъ другихъ достоинства своей работы; какъ онъ самъ, въ своей конторѣ, старательно вычисляетъ всѣ мелочи, падающія на стоимость ка-

кого-нибудь предмета; съ какимъ упорнымъ терпѣніемъ отыскиваетъ онъ иногда затерявшуюся гдѣ-нибудь въ балансѣ копейку съ четвертью! И зачѣмъ все это? Для кого? Какимъ ничтожнымъ, ненужнымъ казался теперь Николаю Сергѣевичу весь его личный кропотливый трудъ при взглядѣ на широкій размахъ труда большой массы, дружно воздвигающей огромное зданіе?

Но вѣдь развѣ и здѣсь не то же самое? Развѣ и здѣсь отдѣльными единицы не дѣлаютъ кропотливаго дѣла, изнуряющаго ихъ, — развѣ не растрачиваютъ онѣ энергію на невидимыя мелочи? Каждый каменщикъ старается положить правильнымъ образомъ свои кирпичи, каждый заботливо поливаетъ ихъ цементомъ, вывѣряетъ кладку ватерпасомъ и старается ни въ скорости, ни въ достоинствѣ работы не отстать отъ другихъ. И все это не имѣетъ значенія для него самого: выгода будетъ принадлежать капиталу, слава — тому, кто держитъ этотъ капиталъ въ рукахъ.

VI.

Какъ-то разъ, въ воскресное утро, Николай Сергѣевичъ подошелъ по обыкновенію къ окну; подошла за нимъ и Анна Петровна; онъ положилъ ей руку на плечо, и молча, не думая ни о чемъ, они наблюдали за сосѣдней постройкой.

Несмотря на праздникъ, рабочій муравейникъ копошился. Каменщики, — одни гуськомъ, другъ за другомъ, втаскивали на своихъ спинахъ со двора на верхніе мостки тяжеловѣсныя стопки кирпичей и, сваливъ ихъ наверху у стѣнъ, сейчасъ же спускались за новымъ грузомъ, другіе — съ такой торопливостью, какая бываетъ на вокзалѣ предъ отходомъ поѣзда, клали эти кирпичи въ стѣны. Работа кипѣла на «ура!» Видно, работали за повышенную плату, торопясь до морозовъ вывести все зданіе подъ крышу.

Одна изъ боковыхъ стѣнъ строившагося дома выходила на чужой дворъ, какъ брандмауэръ, — отвѣсная, гладкая безъ единого отверстия. Николай Сергѣевичъ любовался ея безукоризненнымъ профилемъ, не загороженнымъ лѣсами, какъ были загорожены другія стѣны постройки.

За ровностью наружной кладки каменщики слѣдили здѣсь, п - видывая отвѣсъ сверху и перевѣшиваясь всѣмъ корпусомъ, что и заглянуть, какъ ложится на доскѣ нитка съ гирькой. Анна Петрог а видѣла не разъ эту сцену, и каждый разъ закрывала глаза: ей ка - лось, что у нея кружится голова отъ одного вида каменщика, с - сившагося надъ бездной. Сегодня, стоя подъ рукой Николая Серг -

вича, она чувствовала себя мужественнѣе, и съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдила, какъ одинъ изъ работавшихъ, молодой парень, въ поношенномъ пальто господскаго покроя, немного свѣсившись за стѣну, измѣрялъ прямизну кладби. Вдругъ она увидела, какъ парень отдѣлился отъ стѣны, болтулъ ногами въ воздухъ, полы пальто его распахнулись, фуражка свалилась съ головы, потомъ онъ еще разъ всѣмъ корпусомъ перевернулся въ воздухъ, и чрезъ двѣ-три секунды во дворѣ сосѣдняго дома лежало на мостовой безжизненное тѣло. Анна Петровна и глазъ зажмурить не успѣла. Она только ахнула, схватила мужа за руку и растерянно повторяла:

— Коля, Коля, Коля!... Что же это такое?

Николай Сергѣевичъ поблѣднѣлъ. Онъ нахмурился и, не обращая вниманія на жену, еще ближе прильнулъ къ окну и прошепталъ:

— Эхъ, бѣдняга!

Онъ не могъ оторваться отъ этого неподвижнаго, одиноко лежащаго на землѣ человѣка.

А съ высоты стѣны уже смотрѣли на упавшаго товарища сбѣжавшіеся къ мѣсту катастрофы каменщики. Когда какой-нибудь озорникъ воткнетъ въ муравейникъ палку, всѣ муравьи сразу устремляются въ недоумѣніи къ мѣсту преступленія, совершенному надъ ними невѣдомой имъ силой; такъ и здѣсь — всѣ рабочіе, бросивъ работу, въ тревожномъ недоумѣніи сгрудились въ одно мѣсто.

Анна Петровна смотрѣла теперь только на нихъ, на эту толпу, и не рѣшалась перевести взглядъ въ сторону свалившагося со стѣны. Но Николай Сергѣевичъ не могъ пересилить любопытства, взялъ со стола бинокль. Онъ увидалъ, что упавшій парень лежалъ лицомъ внизъ. Тѣмъ временемъ и дворники и нѣсколько успѣвшихъ приближаться съ постройки каменщиковъ уже окружили упавшаго. Когда его подняли, Николай Сергѣевичъ разсмотрѣлъ, что все лицо его было въ крови. Его вынесли изъ воротъ, положили на извозчика, одинъ изъ товарищей и одинъ изъ дворниковъ встали на подножки и убившагося парня повезли... Буда?... Въ могилу, конечно... Полиція препроводить въ деревню его паспортъ и заработанныя деньги, а тамъ...

Десятка полтора рабочихъ еще долго не отходили отъ рокового мѣста, безмолвно смотря съ этой многоэтажной высоты на окровавленные камни двора. Точно они хотѣли увидеть тамъ причину паденія, точно искали разгадку случившагося. А десятки другихъ рабочихъ уже отхлынули назадъ, каждый къ своему дѣлу. Опять забѣгали вверхъ и внизъ носильщики, таская кирпичъ, опять кирпичъ за кирпичемъ укладывался въ стѣну и заливался цементомъ.

Анна Петровна сѣла на диванъ, закрыла лицо руками и заплакала, а Николай Сергѣевичъ, поставивъ на мѣсто бинокль, думалъ въ это время: «Вотъ такъ и каждый изъ насъ! О чемъ-то хлопчешь, стараешься, свалился — и нѣтъ тебя... а постройка-жизнь пойдетъ своимъ чередомъ...»

Не прошло и часу, и уже другой каменщикъ приглядывалъ гирьку отвѣса въ наружной сторонѣ брандмауэра и свѣшивался надъ головокружительной бездной.

А черезъ двѣ недѣли зданіе было окончено. Подъ холоднымъ дождемъ плотники уставляли мокрыя бревна въ стропила, подъ хлопьями снѣга кровельщики наколачивали желѣзные листы. Анна Петровна боялась уже и взглянуть въ окно, какъ эти новые слуги царя-капитала скользили по мокрой желѣзной крышѣ.

VII.

Полковникъ прочиталъ-таки Аннѣ Петровнѣ и Николаю Сергѣевичу свои мемуары. Онъ для этого пригласилъ своихъ хозяевъ вечеромъ къ себѣ въ комнату, на чашку чаю, и продержалъ ихъ до полуночи. Отказаться было неудобно: надо же было хоть разъ доставить удовольствіе своему лучшему жильцу. Бое-что показалось имъ даже интереснымъ, — слишкомъ ужъ велики были тѣ событія, въ которыхъ полковникъ участвовалъ, — но въ общемъ чувствовалось, что онъ говоритъ все только о себѣ и слишкомъ часто повторяетъ одни и тѣ же патетическіе возгласы по поводу совершенно одинаковыхъ явленій военной жизни. Ни Николай Сергѣевичъ, ни Анна Петровна не выразили ему своего одобренія.

Они вообще какъ бы умышленно искали повода, чтобы между ними и жильцомъ установились «прохладныя» отношенія. Анна Петровна теперь уже не оставляла дверей изъ своей комнаты въ переднюю открытыми. Это замыканье, стѣсненіе себя было ей неприятно, — она чувствовала себя какъ бы комнатной жилицей, — но зато теперь встрѣчи съ полковникомъ и его супругой ограничивались передней, коридоромъ и кухней.

Полковникъ понялъ, что его избѣгаютъ, надулся и нѣкоторое время велъ себя немного вызывающе: сталъ громче кричать съ прислугу, чаще оставлялъ открытыми двери въ переднюю, выпустилъ въ нее накопившійся въ его комнатѣ табачный дымъ, и иногда при открытыхъ дверяхъ распѣвалъ довольно громко своимъ старческимъ голосомъ «жестокіе» романы. Но потомъ онъ немного успокоился, совсѣмъ погрузившись въ свои мемуары, пересталъ обращать вг-

маніе на хозяевъ. Попробовалъ было онъ завести знакомство съ сосѣдкой по комнатѣ, съ ломбардной барышней. Узнавъ чрезъ прислугу, что ее зовутъ Марьей Павловной, онъ при первой же встрѣчѣ въ коридорѣ отрекомендовался ей, называя ее по имени и отчеству, и выразилъ удовольствіе, что только тонкая переборка отдѣляетъ его отъ такой прекрасной особы. Но Марья Павловна именно въ этомъ-то не видѣла никакого удовольствія: каждый вечеръ полковникъ, слишкомъ громко диктуя женѣ свои мемуары, иногда далеко за полночь, мѣшалъ своей сосѣдкѣ уснуть. И она уклонилась отъ знакомства. Полковника это огорчило беззвучно. Человѣкъ всей душой искалъ общенія съ людьми, а его, Богъ знаетъ почему, никто не звалъ къ себѣ. «Старъ, бѣденъ, никому не нуженъ», — думалъ иногда полковникъ, и на нѣкоторое время поддавался мизантропіи. Но какъ только онъ возвращался къ своимъ «мемуарамъ», доброе расположеніе духа опять возстановивалось: *тамъ* онъ былъ когда-то нужнымъ!

Но особенно обиднымъ показалось ему то, что Анна Петровна оказывала гораздо больше вниманія его «гордой» сосѣдкѣ, чѣмъ ему. Этого было достаточно, чтобы полковникъ уже и къ той, и къ другой сталъ относиться съ видимой холодностью: какъ ни какъ, онъ вѣдь былъ въ солидномъ чинѣ и кое-что видалъ, да кое-что и сдѣлалъ на своемъ вѣку!...

А ломбардная барышня пришлась, видимо, по душѣ Аннѣ Петровнѣ. Барышня приходила со службы только поздно вечеромъ, и въ теченіе недѣли ее почти никто не видѣлъ. Зато по воскресеньямъ Анна Петровна зазывала ее иногда на часокъ къ себѣ, иногда сама заходила къ ней. Марья Павловна скоро подружилась съ дѣтьми; она умѣла такъ хорошо забавлять ихъ, рассказывала имъ такія занимательныя побасенки, что дѣти иногда и въ будни, безъ нея, врываются въ ея комнату, какъ бы надѣясь найти тамъ въ воздухѣ ту ласку, какой избаловала ихъ Марья Павловна. Какъ мать, Анна Петровна чувствовала, что въ барышнѣ говоритъ инстинктъ материнства, и не будь онъ почти ровесницы, Анна Петровна готова была бы полюбить свою жилищку, какъ ребенка. Искреннее расположеніе съ той и съ другой стороны скрѣплялось еще и тѣмъ, что у Марьи Павловны, какъ и у Анны Петровны, не было въ послѣднее время ничего радостнаго въ жизни.

— О, мой свободный, самостоятельный женскій трудъ! — говорила иногда Марья Павловна своимъ квартирнымъ хозяевамъ, сидя у чихъ въ воскресенье за чаемъ. — О, мои прежнія иллюзіи!... Какая ты та, какая тоска!... Если бы вы знали, какъ измучила меня эта

служба! Вѣчно видѣть передъ собою калейдоскопъ незнакомыхъ лицъ, между которыми ни одного радостнаго, а сколько ужасныхъ, сколько иногда заплаканныхъ!... Каждый день писать подь диктовку оцѣнщика: «пальто драповое, дамское, молью трачено, вытерто, — ссуда четыре рубля, оцѣнка шесть рублей; ложки серебряныя чайныя, вѣсъ такой-то, ссуды столько-то; брюки триковыя держаныя; лампа столовая бронзовая, захватана и поцарапана; и опять — пальто дамское, молью трачено»... какъ про бѣлаго бычка. И какая атмосфера... пыль, духота!... Откуда, кто принесъ это платье? Здоровые? Больные? Свое? Браденое?... Намъ еще ничего, мы только пишемъ, а оцѣнщики! Тѣ со всѣмъ этимъ возятся, вертятъ въ рукахъ, выворачиваютъ, чуть только не нюхаютъ.

— Да, я всегда удивлялся выносливости оцѣнщиковъ, — вставляя свое замѣчаніе Николай Сергѣевичъ. — Какъ только они не боятся! Вѣдь, говорятъ, очень часто сносятъ въ ломбардъ платье и послѣ заразныхъ покойниковъ.

— Э! у насъ не страшно, — смѣясь отвѣчала барышня. — Ничего не можетъ случиться: у насъ микробъ микроба поѣдаетъ.

Но Анна Петровна всетаки побаивалась, когда дѣти ходили въ комнату ломбардной барышни. Только по воскресеньямъ, когда барышня приходила къ ней, надѣвъ другое, чистое платье, она относилась съ меньшей тревогой, видя какъ дѣти ласкаются къ Марьѣ Павловнѣ и обнимаютъ ее.

«Ну, да развѣ удержишься! — мысленно успокаивала она себя. — Да развѣ и мы сами не заглядываемъ то одно, то другое, и все это виситъ тамъ, Богъ знаетъ съ чѣмъ, и опять возвращается къ намъ же. Никто, какъ Богъ!»

А мѣсяцъ, другой постоянныхъ встрѣчъ, и объ опасностяхъ разы больше не думалось.

VIII.

Въ квартирѣ Столбовыхъ и днемъ, и ночью стояла духота. У полковника всегда было накурено и пахло остатками кушанья, болѣзненная полковница не рѣшалась открывать форточки, пока сама была въ комнатѣ, а выходила она рѣдко, и спертый воздухъ изъ ихъ комнаты выпускался обыкновенно въ переднюю, куда проникали въ свою очередь запахи съ лѣстницы каждый разъ, когда у швейцара валились кисляки или треска. Черезъ дверныя щели дурной воздухъ изъ коридора, и изъ комнаты полковника проникалъ и въ комнату ломбардной барышни, а Марья Павловна, рано уходя и поздно

вращаясь, не имѣла времени особенно заботиться о вентиляціи. Въ дѣтской, гдѣ постоянно играли трое ребятъ, воздухъ былъ еще посвѣжѣе, чѣмъ въ другихъ комнатахъ, а въ комнатѣ, гдѣ проводила все свое время Анна Петровна—гостиной-столовой-кабинетъ-спальной и проч., и проч.—было душно и отъ излишка мебели, и отъ рѣдкой вентиляціи, и отъ запаховъ, набравшихся сюда отовсюду, въ особенности же изъ кухни.

Кухня была маленькая. Бухаркѣ Ольгѣ всегда было жарко, и всегда она ухитрялась начадить такъ, что въ тѣ часы, когда готовился обѣдъ, дверь на черную лѣстницу была постоянно открыта, и холодный воздухъ, врываясь въ кухню, гналъ всѣ кухонные запахи внутрь квартиры. Изъ-за этого съ ней постоянно бранилась и Анна Петровна, но больше всего препиралась съ Ольгой прислуга полковницы, старуха Сергѣевна. Покладливая во всемъ, она не выносила только холоду.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются, но деликатная Сергѣевна и съ Ольгой ужилась. Несмотря на то, что онѣ ежеминутно поневолѣ толкали одна другую, занимаясь каждая своимъ дѣломъ и топчась цѣлый день на квадратной сажени между плитой и кухоннымъ столомъ, двумя кроватями, двумя сундуками и ящикомъ для дровъ, онѣ какъ-то ни разу не повздорили ни изъ-за плиты, ни изъ-за щенокъ, ни даже изъ-за ночного храпа, которымъ будили одна другую. Но какъ только Ольга открывала дверь на лѣстницу, чтобы освѣжить кухню, начиналась баталія.

— Матушка, пожалѣй ты мои старыя кости, уморить ты меня хочешь, старуху,—ворчливо упрасивала Сергѣевна.

— А что-жь, изъ-за твоихъ старыхъ костей моей молодости подышать что ли?—огрызалась Ольга.

— Парь костей не ломить...

— Вотъ ты отъ пару-то, должно, и стала, какъ яблоко печеное,—смѣялась ядреная, какъ рѣпа, Ольга.

— Бреста на тебѣ нѣтъ, дѣвка!

— Есть, мать моя, есть! На, вотъ онъ, на мнѣ, крестъ-отъ мой!—и Ольга вытаскивала изъ-за пазухи серебряный крестикъ на черномъ шнуркѣ и подносила его къ носу старухи. — А ежели тебѣ б льшой деревянный охота, такъ пусть же его допрежь надъ тобой и ставить, а я еще пожить хочу.

— И себя уходишь, ревматизмъ наживешь, и меня въ могилу в онишь,—чуть не со слезами ворчала Сергѣевна, и, накинувъ на п ечи платокъ, торопливо прошмыгивала мимо открытыхъ на лѣстницу дверей, уходя изъ кухни въ комнаты.

Она по опыту уже знала, что Ольгу ей не осилить, и если нельзя было уломать ее жалкими словами, уступала, уходя съ поля сраженія. Если было можно, она дѣлала въ это время что-нибудь въ комнатѣ своихъ господъ, если же она тамъ мѣшала, — оставалась просто сидѣть на сундукѣ въ передней. Вмѣшательство полковницы въ ея распри съ Ольгой ни къ чему не привело. Обѣ стороны понимали, что здѣсь была хоть только одна эта причина ссоръ, а въ другихъ мѣстахъ бывало и хуже: приходилось мириться съ неизбѣжнымъ, что Богъ послалъ.

Полковница дорожила своей прислугой, служившей у нея уже другой десятокъ лѣтъ, видѣвшей инныя времена и преданно переносившей теперь умаленіе строя жизни ея господъ, съ сознаниемъ, что ни имъ, ни ей уже не предстоитъ перехода въ какую-либо лучшую жизнь, кромѣ той «идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни въздыханіе». Почти какъ нянька, Сергѣевна ухаживала за своей больной барыней, когда у той дѣлались такіе ревматическіе припадки, что ее надо было поворачивать на кровати.

Точно также дорожила своей Ольгой и Анна Петровна. Хотя Ольга жила у Столбовыхъ всего третій годъ, но она неожиданно оказалась тоже на рѣдкость преданнымъ человѣкомъ. Кухарка она была плохая; какъ горничная, она была мужикъ-мужикомъ; она даже какъ будто умышленно не хотѣла отдѣлаться отъ своей грубоватости, — баба она была не глупая, — а точно отвращеніе какое-то чувствовала къ внѣшнему лоску; но зато Анна Петровна могла безбоязненно довѣрить ей не только весь домъ, но и дѣтей; не обманеть, не уйдетъ, не приведетъ кумовой и знакомыхъ, да и ни передъ какой работой не остановится.

Эта преданность своимъ хозяевамъ и была, кажется, той почвой, на которой «сошлись характерами» Сергѣевна и Ольга. Такъ какъ двери на лѣстницу не всегда же стояли открытыми, то и рѣчи на кухнѣ раздавались не всегда непріязненные, а чаще, напротивъ, задушевно-наставительныя, въ особенности, когда которой-нибудь вспомнится родная сторона и взгрустнется по деревнѣ, по волѣ.

— Эхъ, худо и тамъ нонѣ стало, — хмуро, задумчиво глядя вдаль, произноситъ Ольга: — только и дѣлай — посылай старику ча пропитаніе. У брата шестеро ребятъ; и самъ и невѣстка вовсе не ели на работѣ, а жрать нечего. Вздѣла года два назадъ, провѣдатъ — глаза бы мои не глядѣли на ихъ житъе. Земли на три души, да по въ ней, и въ землѣ-то: одно слово — песокъ. Вотъ и мыкайся на сестра у чужого огня. Выбирай, гдѣ похуже, гдѣ получше.

— Буда пойдешь, дѣвушка, куда сунешься! — причитала въ сѣню

очередь, Сергѣевна.— Вездѣ нашему брату, бѣдному человѣку, не сладко. Терпи ужъ, коли гдѣ терпѣть можно. Смолоду-то, попробовала и я, всего попробовала,— а теперь: гляди ужъ только, чтобъ тебя, какъ старый башмакъ, на улицу не выкинули... Посмотришь и на господь-то, и имъ не слаще. Мои хоть трудовъ-заботъ не знаютъ, на покой. А что твои-то,— такъ какая это господская жизнь!

Ольга только рукой махнула:

— Живу жалѣючи. Я, какъ изъ деревни впервой сюда ѣхала, думала— у господъ каждый день масляница; а теперь— знаю. Сама горя намыкалась и чужое къ сердцу примешь.

Она всего перевидала. Служила и кухаркой, и одной, и судомойкой, и прачкой, и на поденщину хаживала. Три «жениха» ее обобрали до-чиста, ребенокъ «на воспитаньи» умеръ, такъ и на это дѣло зарокъ положила— въ дѣвкахъ рѣшила остаться. Ей далеко за тридцать, и она угомонилась,— довольствовалась этимъ небольшимъ угломъ и скуднымъ кускомъ, только бы чувствовать себя вольнымъ человѣкомъ. Простое, доброе отношеніе къ ней Анны Петровны было ей всего дороже.

— А то, бывало, зависишь отъ повара, отъ старшей кухарки, отъ горничной, отъ няньки, отъ мамки, отъ собачонки хозяйской— ходи да подмывай за ней. И каждый-то тебя обляять норовить. Вотъ и сама огрызаться научилась.

Поэтому-то она въ минуты раздраженія и не падила и Сергѣевну, а иногда и самое Анну Петровну. Но раздраженіе пройдетъ, и у Ольги— золотое сердце.

— Здѣсь я дѣло свое сдѣлаю, и сама себѣ барыня,— говорила она въ задушевной бесѣдѣ Сергѣевнѣ:— да и ѣмъ я, худо ли, хорошо ли, то же, что и господамъ своимъ сама готовлю. А вотъ ужъ, гдѣ у господъ народу много, не дай-ты Богъ! Жила я у большого одного чиновника,— генералъ что-ли-то онъ,— въ судомойкахъ; такъ чѣмъ насъ тамъ поваръ кормилъ,— подумать, такъ съ души воротить. Пойдетъ подлець въ лавку, и для хозяевъ-то наберетъ тухлятины, а ужъ намъ— что ни есть самое послѣднее!

— Такъ, милая, такъ, такъ,— вторила ей Сергѣевна.

— Ну, извѣстно, лавочникъ ему что слѣдуетъ по положенію, гдѣ у кого сколько заведено. А то и сверхъ положенія. Ну, и беретъ то, что давно выбросить надо. А мы жри. Бывало, заоремъ на него въ: ты, мошь, это чего намъ купилъ? А онъ тебѣ: «Вы, говорить, люди, а не господа, не рябчиками же васъ кормить». — Да ты, мошь, съ это ѣшь, собака! «А мнѣ, говорить, на что: я, пока готовлю, господскаго досыта напробуюсь». Такъ я изъ-за ѣды и съ мѣста

съ этого ушла. Лучше я здѣсь чернаго хлѣба досыта наѣмся, нечѣмъ ихъ печенки тухлой. А разъ я у нихъ съ голоду-то, да со злости, ужъ незнай нечаянно, незнай нарочно, тарелку мыла да разбила, такъ три рубля изъ жалованья аспиды ѣтакіе вычли. Посуда все дорогая, съ позолотой, а жрать нечего.

— Такъ, Оленька, такъ, такъ,—подакивала Сергѣевна.— А мнѣ, вотъ, тоже, знакомая горничная сказывала,—у нея ужъ примѣта такая,—какъ наниматься, говорить, иду, такъ и высматриваю въ комнатахъ: ежели дорогія тарелки фарфоровыя разныя по стѣнамъ на проволочкахъ развѣшаны, ну, значить, тутъ не жить,—кормить плохо будутъ.

IX.

Въ одинъ изъ праздниковъ Столбовыхъ навѣстилъ Андрей Васильевичъ. Поднявшись въ пятый этажъ, онъ едва могъ отдышаться.

Анна Петровна давно его не видала, и теперь съ нѣкоторымъ страхомъ, съ искреннимъ сочувствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ любопытствомъ смотрѣла на его исхудалое, болѣзненное лицо. Но добрые глаза его, молодые, живые, свѣтились огонькомъ.

— Хотѣлъ непремѣнно видѣть васъ на новой квартирѣ,—сказалъ Андрей Васильевичъ, здороваясь съ хозяйками.—Ужъ простите, что раньше не былъ на новосельи! Буда мнѣ! А вотъ добрелъ-таки. Зато ужъ на Рождествѣ не приду. На Рождество скажусь больнымъ—и никуда.

— Знаемъ, знаемъ, Андрей Васильевичъ,—сердечно, въ одинъ голосъ откликнулись хозяйки.—Спасибо вамъ... мы рады, очень рады видѣть васъ... Полноте, развѣ можно считаться визитами.

— Вотъ-съ, съ новосельемъ,—сказалъ Андрей Васильевичъ, подавая большую коробку конфетъ.

Дѣти встрѣтили приходъ Андрея Васильевича радостно. Сначала они было и не узнали его, такъ давно онъ не былъ. Но потомъ вспомнили, что онъ раза три приносилъ имъ подарки. И едва онъ успѣлъ сѣсть, какъ они уже начали карабкаться къ нему на колѣни и шарить у него въ карманахъ. Но Андрей Васильевичъ сейчасъ же такъ закашлялся, и кашель былъ такой продолжительный, что Анна Петровна на время оттащила дѣтей отъ него.

— Вотъ вѣдь какъ раскашлялся,—говорилъ Андрей Васильевичъ, вытирая выступившія на глаза слезы.—Нѣтъ, весной и шительно подаю въ отставку Господу Богу, а то что это: дома сидѣть одинъ-одинехонекъ не могу,—тоска, а какъ только въ ли, такъ своей особой одно огорченіе причиняешь.

А дѣти были уже опять около него, вытащили изъ одного кармана платокъ, изъ другого—записную книжку, а затѣмъ, добрались-таки до настоящаго: въ одномъ карманѣ была прехорошенькая маленькая кукла, въ другомъ—маленькій ящичекъ съ красками и кисточками для раскрашиванія.

Гость посидѣлъ у Столбовыхъ съ часъ. Выпили чайку, поговорили о домашнихъ дѣлахъ, о равновѣсїи въ бюджетѣ, и Андрей Васильевичъ въ заключеніе сказалъ, что онъ давно хлопочетъ у хозяина о прибавкѣ жалованья Николаю Сергѣевичу, можетъ быть къ Рождеству это ему удастся сдѣлать.—Хотя, чертъ ихъ тамъ, съ управляющимъ, разберетъ,—прибавилъ онъ хмурясь:—такимъ скаредомъ сталъ, какимъ я его никогда не видывалъ. Положимъ, знаемъ, что дѣла идутъ не очень блестяще; но вѣдь десятками рублей тысячи не сэкономишь. Я и то говорю ему, что вѣдь такъ люди начнутъ себѣ другія мѣста искать. «А пускай, говоритъ, ищутъ». Ну, да до Рождества подождемъ, увидимъ.

Въ глазахъ, въ манерѣ говорить, у Андрея Васильевича было столько доброты, столько ласки, и Столбовы чувствовали себя въ такой мѣрѣ обязанными ему за то безкорыстное и сердечное вниманіе, которое онъ имъ оказывалъ, что въ его присутствїи имъ было всегда какъ-то теплѣе.

Но когда Андрей Васильевичъ ушелъ, они уже во весь этотъ день ни разу не произнесли его имени: оба точно избѣгали говорить и вспоминать о немъ.

Х.

Рождество ждало Столбовыхъ не радостное. Заболѣлъ Вася: дифтеритъ не дифтеритъ, ангина не ангина,—приглашенный докторъ говорилъ какъ-то неувѣренно и совѣтовалъ положить мальчика въ больницу. Анна Петровна, боясь за здоровье Маши, согласилась. Навали карету, и Анна Петровна сама поѣхала съ ребенкомъ въ дѣтскую больницу, а домъ и хозяйство остались на рукахъ Ольги. Но, по мѣрѣ того, какъ въ больницѣ выяснялось, что болѣзнь мальчика не представляетъ опасности, Анна Петровна стала каждый день ходить домой. Болѣзнь, однако, должна была затянуться, и больничный докторъ совѣтовалъ не брать ребенка изъ больницы, пока онъ совсемъ не поправится.

Все это вызвало неожиданные расходы, и пришлось опять проситъ въ конторѣ впередъ въ счетъ жалованья. Дали только половину призываго, и при этомъ какъ-то ясно почувствовалось, что и надеж-

да на ожидавшуюся къ Рождеству прибавку потеряна. Дать немного взаймы еще Андрей Васильевичъ. Но всего этого оказывалось все-таки слишкомъ мало. Какъ разъ передъ праздниками у Анны Петровны долженъ бы быть заработокъ,—теперь, отвлеченная болѣзнь сына, она должна была отказаться отъ него. А тутъ еще надо давать къ праздникамъ прислугѣ, дворникамъ... И обойтись безъ заклада чего бы то ни было оказывалось невозможнымъ.

Аннѣ Петровнѣ стыдно было послать закладывать вещи Ольгу, чтобы потомъ, изъ этихъ же денегъ, давать ей «праздничныя». Неудобнымъ казалось заложить и такія вещи, отсутствіе которыхъ было бы слишкомъ замѣтно. И вотъ, Анна Петровна, подъ предлогомъ уборки къ празднику, потихоньку отъ кухарки и дѣтей, точно ворую у самой себя, связала въ узелокъ свою лѣтнюю кофточку, лѣтнее пальто мужа, два пикейныхъ одѣяла, поддюжины новыхъ простынь, сунула туда же, въ узелъ, серебряное чайное ситечко, и сама пошла съ этимъ въ ближайшее отдѣленіе частнаго ломбарда.

Она не ожидала того, что ей пришлось тамъ встрѣтить: отъ самаго угла улицы до второго подъѣзда, гдѣ помѣщалось отдѣленіе ломбарда, въ два ряда, гуськомъ, стояли жаждущіе войти туда. Анна Петровна сунулась было къ входнымъ дверямъ, ей сказали:

— Станьте въ очередь.

Оказалось, что уже и на лѣстницѣ, и внутри, до самаго прилавка оцѣнщиковъ, стоялъ народъ.

Анна Петровна окинула взглядомъ эту толпу. У большинства въ рукахъ узлы, у другихъ, очевидно, менѣе громоздкіе залоговъ въ карманахъ. Боже, какихъ только людей тутъ не было! И она—была одна изъ нихъ. Ей какъ-то не хотѣлось встать въ толпу, на виду у всѣхъ, со своимъ узелкомъ; она постояла, посмотрѣла и хотѣла было уже идти куда-нибудь въ другое отдѣленіе; но какой-то старичокъ въ поношенной офицерской шинели, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, точно угадавъ ея мысли, сказалъ ей:

— Что, барынька, вы думаете гдѣ-нибудь поскорѣе найдете? Становитесь-ка въ очередь: теперь дѣло передъ праздникомъ, вездѣ одинаково, а пока еще дойдете куда-нибудь, тутъ ужъ, глядишь, до кассы доберетесь.

Въ это время вся толпа подалась на два шага впередъ и опять остановилась. Анна Петровна увидала переходящихъ черезъ улицу, съ узелкомъ же, мужчину и женщину. И она поспѣшила встать впереди нихъ въ очередь.

Когда, часа черезъ два, она вернулась домой съ двѣнадцатью рублями въ карманѣ, она чувствовала, что простудилась; и ужъ не

въ состояніи была поѣхать въ этотъ день въ больницу. На другой день ей было еще хуже, — простуда оказалась серьезнѣе, чѣмъ она ожидала. Но падать въ постель было некогда. Что бы тамъ ни было, Анна Петровна рѣшилась перенести болѣзнь на ногахъ. И она дѣйствительно перенесла ее; и быть можетъ именно потому перенесла, что рядомъ былъ примѣръ такой же стойкой борьбы: ломбардная барышня тоже простудилась и еле держалась на ногахъ; но теперь, больше чѣмъ когда-либо, ей нельзя было манкировать службой, — дѣло вѣдь было передъ праздниками. Каждый день, возвращаясь поздно вечеромъ, Марья Павловна рассказывала Аннѣ Петровнѣ, что у нихъ въ ломбардѣ идетъ столпотвореніе вавилонское: несутъ, несутъ!... Рука онѣмѣла отъ записыванія всего того, что «молью трачено», «измято», «съ трещинами» и такъ далѣе.

Барышня говорила:

— А я иногда, знаете, просто даже съ озлобленіемъ смотрю на всѣ эти приносимыя къ намъ вещи! Когда я думаю, что ими завалены нѣсколько огромныхъ комнатъ, что все это лежитъ другъ на другѣ, мнется, пылится, — и зачѣмъ все это? Какой смыслъ скопленія всѣхъ этихъ вещей въ этихъ комнатахъ? Вѣдь всѣ онѣ нужны кому-то, вѣдь почти что всѣ онѣ еще недавно составляли необходимую часть жизни тѣхъ людей, которые ихъ принесли сюда. А вотъ теперь за то, что эти нужны имъ вещи эти несчастные люди заперли къ намъ въ ломбардную тюрьму, они же еще платятся процентами. Ну, развѣ нельзя бы это какъ-нибудь иначе? Вѣдь ужъ если будутъ отдавать деньги, такъ могли бы отдавать и такъ, безъ этого нарушенія порядка своей домашней жизни.

— А за что бы вы тогда жалованье получали? — смѣясь, возражалъ ей Николай Сергѣевичъ.

— Развѣ что!... — хмуро согласилась Марья Павловна, и шла къ себѣ, въ тревожномъ себѣ забыть тревожныя впечатлѣнія своего рабочаго дня.

Не весело было и у полковника. Онъ уже попробовалъ отнести первую часть своихъ мемуаровъ сначала въ одну редакцію, потомъ въ другую, и вездѣ ему сказали, что его произведеніе никому не нужно. Столбовы узнали объ этомъ отъ Марьи Павловны: черезъ закрытую дверь ей всегда были слышны разговоры полковника съ его супругой. Ему сказали, что все имъ написанное давно описано всѣми военными корреспондентами, что онъ не прибавляетъ ничего новаго и что если такъ каждый офицеръ будетъ описывать одно и то же, то тогда не хватитъ бумаги для печатанія. Полковникъ сердился, нахо-

диль это несправедливымъ и, не унывая, рѣшилъ продолжать свои мемуары—для потомства. Но какъ бы тамъ ни было, а къ празднику у него оказался дефицитъ въ бюджетѣ, и онъ, ходя теперь по канатъ, похлопывалъ себя по ляжкѣ и иногда громко восклицалъ:

— Ну, на кой чортъ мнѣ одна лишняя нога!...

Полковница была тоже въ дурномъ расположеніи и иногда впадала на супруга.

Стараясь развеселить ее, онъ въ шутовскомъ тонѣ напѣвалъ:

Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истервана моею!
Не говори!... Близка моя могилка,
А ты—цвѣтка весенняго свѣжей.

Николай Сергѣевичъ часто взглядывалъ теперь въ окно и каждый разъ его раздражалъ видъ только что возведеннаго новаго зданія. Онъ зналъ теперь, что это построено новое училище на пожертвованіе какого-то богача. Онъ думалъ, что, вотъ, можетъ быть, и его Вася, и няня Оеда, вмѣстѣ съ другими, такими же подростками мальчишками, будутъ со временемъ учиться, не въ этомъ, такъ въ другомъ училищѣ, какъ нѣкогда учился онъ самъ, и все это—зачѣмъ? Къ чему? Для того, чтобы такъ же бороться за существованіе и такъ же терпѣть нужду, какъ онъ? Такъ же быть однимъ изъ каменщиковъ, сооружающихъ капища царю-капиталу, такъ же работать до переутомленія—и, при случаѣ, такъ же падать со стѣны и пропасть, какъ слетѣлъ бѣдняга каменщикъ!

А тотъ хорошенькій домикъ на противоположной сторонѣ улицы, который такъ ласково улыбался бывало Николаю Сергѣевичу, теперь былъ совершенно закрытъ отъ него этой новой постройкой. И Николаю Сергѣевичу сдѣлалось обидно за его благополучныхъ обитателей: онъ видѣлъ, что каменная громада встала высокой стѣной и редь счастливымъ домикомъ, загородила ему свѣтъ солнца, закрыла видъ неба и всей своей внушительной массой какъ бы говорить ему: «ты такое же ничтожество передо мною, какимъ былъ передъ тобой стоявшій на этомъ мѣстѣ старый деревянный домъ съ мезониномъ. Я раздавилъ его, а завтра кто-нибудь, подобно мнѣ, придетъ и раздавитъ и тебя!»

Взглядъ Николая Сергѣевича невольно снова перебѣгалъ за уголъ улицы, въ ту сторону, гдѣ на горизонтѣ вырисовывались дымы трубъ фабрикъ. Мысль его попадала въ привычную колею, проторенную его ежедневной работой бухгалтера, и онъ сопоставлялъ власть капитала съ властью нужды: еслибъ не было нужды, такъ

сталъ былъ бы безсиленъ, какъ малый ребенокъ. А теперь онъ царить. Пока онъ былъ «капиталь просто», онъ царилъ надъ единицами, теперь онъ сталъ «капиталь-синдикать» и уже готовится подчинить себя царей и царства, и всѣ воинства ихъ.

И опять возбужденное воображеніе Николая Сергѣевича рисовало ему, тамъ, на горизонтѣ, въ далекой дали, страшныя, жадно пріоткрытыя челюсти слѣпого, безформеннаго чудовища—«Нужды». И онъ думалъ: «Нѣтъ теперь такого витязя, который могъ бы помѣряться съ врагомъ-нуждой одинъ на одинъ. Нѣтъ, и не будетъ. Безсильно всякое одинокое копье, всякій одинокій мечъ. Народомъ, всѣмъ народомъ навалиться надо... Громадѣ противопоставить массу, — тогда она подается!»

XI.

Около половины января ломбардная барышня сообщила Николаю Сергѣевичу, что у нихъ неожиданно ушелъ одинъ изъ конторщиковъ, получавшій 85 руб. въ мѣсяць. Она сама попала на свое мѣсто въ ломбардѣ по протекціи и предлагала теперь Николаю Сергѣевичу устроить его на мѣсто ушедшаго конторщика, — она надѣялась, что ей удастся сдѣлать это, если только онъ желаетъ перемѣнить свою те-перешнюю службу.

Для Николая Сергѣевича это являлось соблазномъ. Нужда давила на него теперь сильнѣе, чѣмъ прежде. Болѣзнь Васи сдѣлала новую прорѣху въ бюджетъ семьи. Мальчикъ теперь выздоровѣлъ, возвращенъ домой, но приходится приглашать доктора, хоть разъ въ недѣлю, чтобъ слѣдить за выздоровленіемъ: ребенокъ такъ ослабѣлъ, что надо бояться, какъ бы у него не развилась какая-нибудь хроническая болѣзнь. Да и сама Анна Петровна послѣ послѣдней простуды все не могла поправиться: перенесеніе остраго періода болѣзни на ногахъ отразилось затяжнымъ недомоганіемъ, мѣшавшимъ ей теперь усидчиво работать. Праздничныя, которыя Николай Сергѣевичъ получилъ въ своей конторѣ, были въ этомъ году ничтожны: дѣла шли убыточно, и хозяинъ обрѣзалъ наградныя у служащихъ. Изъ шестидесятирублеваго жалованья ежемѣсячно вычитали треть въ погашеніе того, что Николай Сергѣевичъ забралъ впередъ. Послѣ Новаго года и лавочникъ, и портной, которымъ Николай Сергѣевичъ былъ всегда долженъ, неотступно требовали уплаты, ссылаясь, что они сами нуждаются. Каждый день Николай Сергѣевичъ чувствовалъ, какъ затягивалась петля, какъ давили тиски, и не видѣлъ выхода. Прибавка въ 25 рублей въ мѣсяць, правда, не поправитъ его дѣлъ значительнымъ

образомъ; но развѣ можно было пренебрегать чѣмъ бы то ни было въ его положеніи? Могъ ли онъ спекулировать на выгоды въ будущемъ, когда каждую минуту на его голову грозило обрушиться неумолимое, тяжелое настоящее? Съ другой стороны... приближалась весна... Андрей Васильевичъ едва ли переживетъ и мартъ мѣсяць. Каждый день укрѣплялъ въ Николаѣ Сергѣевичѣ увѣренность, что Андрей Васильевичъ вотъ-вотъ свалится. Какъ же хвататься за 85 рублей, когда, занявъ мѣсто Андрея Васильевича, онъ будетъ получать сейчасъ же почти вдвое больше? И это такъ вѣрно, какъ дважды два четыре. Самъ хозяинъ и самъ Андрей Васильевичъ говорили уже не разъ объ этомъ. Иначе ему не давали бы, можетъ быть, такъ легко и впередъ въ счетъ жалованья. Да и какъ уйти, когда онъ долженъ конторѣ. Вѣдь этотъ долгъ не переведешь. Уйти, оставшись должнымъ, значить уронить себя въ глазахъ и прежняго хозяина, и новыхъ. Да еще каково-то будетъ служить на новомъ мѣстѣ, а на старомъ онъ уже завоевалъ прочное положеніе. А рѣшать надо сейчасъ, завтра, иначе перебеѣтъ открывшуюся вакансію кто-нибудь другой.

Николай Сергѣевичъ долго обсуждалъ этотъ вопросъ съ женой, провелъ потомъ безсонную ночь въ тревожныхъ думахъ, вертѣвшихся все около одной постылой и неотвязной мысли: «да вѣдь умереть же весной Андрей Васильевичъ!»—и утромъ сказалъ Марьѣ Павловнѣ, что онъ останется на старомъ мѣстѣ.

Черезъ день мѣсто конторщика въ ломбардѣ было уже занято за 90 рублей въ мѣсяць, а недѣли черезъ двѣ Николай Сергѣевичъ платонически жалѣлъ о томъ, что отказался отъ него: перваго февраля онъ получилъ изъ конторы по обыкновенію двѣ трети своего жалованья, и никакъ не могъ придумать, что ему дѣлать съ этими сорока рублями, когда необходимо было, по крайней мѣрѣ, втрое больше.

ХІІ.

Въ февралѣ было нѣсколько дней такой оттепели, когда въ воздухѣ какъ будто запахло весной. Анна Петровна загрустила. Ее вдругъ опять потянуло на волю, на дачу, въ поле. Послѣ простуды ея здоровье было нынче, пожалуй, еще хуже, чѣмъ въ прошлую весну. Хотя Вася теперь уже не хворалъ больше, но силенки въ немъ не было ни на грошъ, надо бы и его опять на воздухъ. Но поѣздка на дачу, съ трудомъ устроенная въ прошломъ году, нынче была очевидно совершенно неосуществима.

Анна Петровна не высказывала своихъ грустныхъ мыслей мужу, но настроеніе ея было такъ понятно Николаю Сергѣевичу, — развѣ оно не было и его настроеніемъ!

Дни становились длиннѣе, и теперь Николай Сергѣевичъ, возвращаясь со службы, видѣлъ въ окно красную каменную громаду будущаго училища уже не въ ночномъ сумракѣ, а при дневномъ свѣтѣ. И новый домъ начиналъ раздражать его теперь еще больше. «Вотъ, — думалъ онъ: — еще мѣсяць, два, — опять закопошатся здѣсь рабочіе, а къ осени все будетъ отдѣлано, и тутъ закипитъ своя жизнь. Въ годъ вырастетъ цѣлое новое учрежденіе. А я? Провертѣлся этотъ годъ, какъ бѣлка въ колесѣ, и ни съ мѣста!... И даже Андрей Васильевичъ не умеръ!...»

Теперь даже постороннихъ работъ находилось какъ-то меньше, да еще за одну изъ нихъ Николай Сергѣевичъ вотъ уже третій мѣсяць, какъ не могъ выпарапать ни гроша отъ заказчика. Блѣдныя лица жены и дѣтей постоянно говорили ему о необходимости сдѣлать что бы то ни было, чтобы жизнь ихъ была краше, а Николай Сергѣевичъ не видѣлъ ни откуда никакого просвѣта. И онъ становился съ каждымъ днемъ мрачнѣе, и по временамъ ему казалось, что онъ понимаетъ, какъ можетъ человѣкъ дойти до преступленія. Носившійся въ воздухѣ протестъ противъ «морали сытыхъ людей» достигалъ и до его ушей, попадалъ на благопріятную почву и выражался у него иногда такими, которыя потомъ и ему казались несомнѣнно безумными. То у него являлась ни съ того, ни съ сего готовность убить какого-нибудь мѣнялу, — то убить жену и дѣтей, убить для ихъ же счастья, потому что ему казалось, что нѣтъ большаго несчастія, чѣмъ жить такъ, какъ всѣ живутъ... Убить невинныхъ, избавить ихъ отъ борьбы съ жизнью, а самому скрыться и подъ чужимъ именемъ уйти въ монастырь, подъ схиму, чтобы замалывать грѣхи всего міра!...

Такъ молиться, какъ всѣ, на міру, онъ не чувствовалъ никакой потребности. Онъ видѣлъ, сколько лжи было въ душахъ этихъ молящихся, и онъ не хотѣлъ быть однимъ изъ нихъ. Когда онъ пробовалъ ходить въ церковь, его раздражали всѣ золотыя украшенія ея, потому что онъ приходилъ сюда плакать о своемъ горѣ, о недостаткѣ самаго необходимаго для его семьи. Онъ ненавидѣлъ свой новый цвѣтной галстукъ, который недавно, хотя и на послѣдніе гроши, а пришлось-таки купить, потому что въ рваномъ галстукѣ уже нельзя было показываться въ контору, — вѣдь общество требуетъ новаго галтука и отъ него, не разбирая, что подъ этой цвѣтной тряпкой дрожитъ отъ холода жизни оборванная душонка.

Каждый человѣкъ, пользовавшійся чрезмѣрной роскошью, возбуждалъ въ немъ ненависть, каждый, даже и не роскошествовавшій, но разный, возбуждалъ въ немъ ненависть еще большую. Иногда вечеромъ, когда, чрезъ открытыя двери въ переднюю доносился до его

слуха голосъ полковника, диктовавшаго свои мемуары, Николай Сергѣевичъ приходилъ въ первое состояніе. «Зачѣмъ живетъ этотъ негодный хламъ!—думалъ онъ въ такія минуты съ озлобленіемъ.— Очень нужно будетъ читать потомству его мемуары!... Зачѣмъ онъ живетъ, зачѣмъ?...»

Николай Сергѣевичъ начиналъ мысленно высчитывать, во что обходится государству такой бесполезный пенсионеръ. Сколько трудовыхъ часовъ мужика уходитъ на то, чтобы дать ему возможность занимать вотъ тутъ лучшую комнату въ квартирѣ и писать свои мемуары!

И это злило бухгалтера Столбова. Николаю Сергѣевичу ясно представлялся счетъ всенародныхъ убытковъ,—убытковъ, которые выносятся на своихъ плечахъ трудящіеся люди всѣхъ общественныхъ слоевъ и группъ, отъ мужика до дѣльца, убытковъ, причиняемыхъ саранчей туеядцевъ всякаго рода, отъ пропойцы-нищаго до бездѣльниковъ высшей марки. Громадное «сальдо» въ «Кредитѣ» счета народныхъ «Прибылей и Убытковъ» было для Николая Сергѣевича такъ очевидно, что не требовалось подводить и баланса. И онъ со злобой думалъ, что долженъ работать въ этомъ ненадежномъ «коммерческомъ предпріятіи», которое называютъ «народной жизнью», работать до истощенія силъ, борясь со всякаго рода заботами и лишеніями, и все это при полномъ сознаніи неизбежнаго крушенія не только его собственныхъ усилій, но и всей вавилонской башни... А дѣваться некуда! Служи, будь рабомъ и работай на другихъ!...

Такъ не лучше ли сразу пробиваться въ ряды «туеядцевъ»? Не пустятъ добромъ, лѣзть силой, хитростью, хотя бы преступленіемъ.

Онъ чувствовалъ, что самый воздухъ вокругъ него зараженъ жаждой богатства и ненавистью къ богатымъ. Онъ самъ готовъ пойти убить мѣнялу, а за нимъ самимъ жаднымъ, завистливымъ взглядомъ слѣдить какой-нибудь оборванецъ. И въ минуты такихъ настроеній Николаю Сергѣевичу ничего и никого не жаль!

Но припадокъ безумнаго озлобленія проходилъ, смѣнялся безнадежной тоской, и Николай Сергѣевичъ уже упрекалъ себя въ несправедливомъ отношеніи къ тѣмъ, кого онъ, какъ полковника, считалъ праздными дармоедами. Онъ думалъ о томъ, что еслибъ у людей не было надежды честно заработать себѣ право на свободу отъ подвольнаго труда, хотя бы въ старости, жизнь была бы проклятіемъ. Онъ вспоминалъ, что вѣдь если у полковника цѣлы обѣ руки и сѣ ноги, такъ не по его винѣ; онъ вспоминалъ геройскіе подвиги русскихъ войскъ въ Турціи; онъ думалъ о томъ, что будетъ съ нимъ самимъ, когда онъ сдѣлается инвалидомъ, потерявъ здоровье на слу-

бѣ въ разныхъ фабричныхъ конторахъ, откуда его, не обезпеченнаго, заблаговременно удалять, какъ негодную, ненужную ветошь, какъ «тунеядца»: вѣдь и Андрею Васильевичу, несмотря на его злѣйшую чахотку, пенсіи не даютъ.

ХІІІ.

Полковникъ доставилъ Николаю Сергѣевичу удовольствіе. Какъ-то въ началѣ марта старикъ, чувствуя недомоганіе, сходилъ въ баню, а на другой день и совсѣмъ не всталъ. Дня черезъ три пригласили доктора. Оказался брюшной тифъ. А еще черезъ три дня полковникъ лежалъ на столѣ.

Аннѣ Петровнѣ и Николаю Сергѣевичу пришлось принять самое дѣятельное участіе въ похоронахъ: полковница была такъ разстроена, что совсѣмъ растерялась. Нельзя было и узнать прежнюю сестру милосердія.

— Точно у насъ мало своего горя, — ворчалъ про себя Николай Сергѣевич. — А тутъ еще возись съ чужимъ.

А съ этимъ чужимъ горемъ ворвалась въ жизнь Столбовыхъ новая забота: полковница уже не хотѣла оставаться въ слишкомъ дорогой для нея комнатѣ и сейчасъ же переѣхала на время къ знакомымъ, собираясь послѣ сорокового дня уѣхать къ роднымъ на Днѣпръ. Вывѣсили ярлыкъ объ отдачѣ комнаты. Нѣсколько молодыхъ людей, осматривавшихъ ее, предлагали ровно половину того, что платилъ полковникъ. И Николай Сергѣевичъ чуть не каждый день повторялъ:

— Зачѣмъ онъ умеръ, зачѣмъ онъ умеръ!

Но проходило и по три, по четыре дня, когда не являлось ни одного нанимателя. Швейцаръ говорилъ, что теперь время глухое: дѣло къ экзаменамъ, учащіеся заняты, а всякіе другіе наниматели до переѣзда на дачи не трогаются съ мѣста. «До осени комната и вовсе можетъ простоять пустая».

Попробовали понизить цѣну на цѣлыхъ 10 рублей, — но жильца не находилось.

Николай Сергѣевичъ сильно подозрѣвалъ швейцара, что онъ въ сырую погоду не допускаетъ тѣхъ посѣтителей, кто приходитъ безъ калошъ: запачкаютъ ковры на лѣстницѣ. И онъ проклиналъ теперь эти ковры каждый разъ, когда ему приходилось снимать внизу калоши, возвращаясь домой. Онъ зналъ, что съ него взяли дорожку за квартиру именно за эти ковры, онъ зналъ, что и ему надо взять дорожку со своихъ жильцовъ, а что тутъ дѣлать, когда желающихъ заплатить дорожку не находится.

Теперь, заходя иногда въ пустую комнату, гдѣ жилъ полковникъ,

Столбовы уже обсуждали, не лучше ли имъ самимъ перебраться сюда, а отдать внаймы свою, какъ болѣе дешевую. Это нарушило бы сдѣлку, которую они составили себѣ, нанимая квартиру, но что же дѣлать, если дорогихъ жильцовъ не находилось, а есть такіе, которые предлагаютъ одну и ту же цѣну хоть за маленькую, хоть за большую.

Домохозяину Николай Сергѣевичъ въ срокъ уплатить не могъ. Съ трудомъ выплатилъ онъ ему небольшими частями за прожитой мѣсяцъ только тогда, когда уже насталъ срокъ и слѣдующаго платежа. Зато пришлось и ему, и Аннѣ Петровнѣ пить чай безъ сахару, — сахаръ давали только дѣтямъ и прислугѣ, — старались меньше жечь керосину, избѣгали израсходовать пяточокъ на конку.

А комната полковника все стояла пустая, и ковры на лѣстницѣ попрежнему мозолили Николаю Сергѣевичу глаза, какъ символъ все возрастающей, ненужной роскоши, которая давила его и отъ которой онъ не могъ нигуда убѣжать.

Онъ уже мечталъ о томъ, чтобы передать квартиру. Но вѣдь все равно надо было куда-нибудь дѣться. А исканіе другой квартиры, расходы на переѣздъ! Николаю Сергѣевичу нечего было и высчитывать, онъ по опыту зналъ всю обманчивость надежды сберечь что-нибудь этимъ путемъ. Выгоднѣе ждать, — найдется же жилецъ вмѣсто полковника.

Богда теперь Анна Петровна спрашивала мужа о здоровьи Андрея Васильевича, онъ даже просто ничего не отвѣчалъ ей; въ умѣ его мелькала въ это время раздражающая мысль: «все скрипитъ пока». У Андрея Васильевича онъ еще на-дняхъ занялъ 15 рублей на послѣднюю уплату домохозяину, а безъ этой уплаты насидѣлись бы безъ дровъ.

XIV.

Приближалась Пасха. Николай Сергѣевичъ рассчитывалъ, что скоро опять будутъ наградныя. У Анны Петровны какъ разъ передъ Пасхой набралась кое-какая работа, и, по крайней мѣрѣ, на Пасху имъ не угрожало выселеніе съ описью мебели по взысканію хозяина.

Но въ понедѣльникъ на Страстной случилось нѣчто такое, что всегда можно было предвидѣть, но чего никто не хотѣлъ ожидать и всего менѣе, въ эту минуту.

Николай Сергѣевичъ уже сидѣлъ утромъ на своемъ мѣст. въ конторѣ и работалъ. Работали и трое другихъ конторщиковъ. Ишелъ и Андрей Васильевичъ и тоже разложилъ на столѣ свои бухгалтерскія книги. А вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и главный управляющій,

поздоровался съ ними и прошелъ въ свой кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда поспѣшными шагами, взволнованный и передалъ Андрею Васильевичу для прочтенія письмо; и сейчасъ же объяснилъ остальнымъ служащимъ, въ чемъ дѣло. Оказывалось, что ихъ хозяинъ уѣхалъ неизвѣстно куда, оставивъ вотъ это письмо, въ которомъ объявлялъ о томъ, что не можетъ выполнить всѣхъ лежащихъ на немъ срочныхъ обязательствъ, и просилъ не разыскивать его, пока онъ самъ не найдетъ нужнымъ сообщить о своемъ мѣсто-пребываніи.

— Дѣло дряннѣ!—сказалъ въ заключеніе управляющій.—Банкротство несомнѣнное. Отсрочекъ не дадутъ. И пытаться бесполезно, знаю.

Начались охи, ахи, пересуды. Одинъ Андрей Васильевичъ былъ сдержаннѣе другихъ.

Николай Сергѣевичъ, доведенный до отчаянія всѣмъ стеченіемъ предшествовавшихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ его личной жизни, былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ больше всѣхъ. Сначала онъ не двинулся съ мѣста и молчалъ, мрачно смотря въ окно. Потомъ, вдругъ шумно захлопнувъ свои конторскія книги и подойдя къ группѣ остальныхъ служащихъ, онъ началъ шумѣть, неприлично браниться.

Когда Андрей Васильевичъ сталъ успокаивать его, онъ въ азартѣ крикнулъ ему:

— Вамъ хорошо говорить! Вы одиноки! Вы получали большое жалованье! У васъ, быть можетъ, есть сбереженія! Вамъ и жить-то два дня осталось!...

Онъ спохватился, что сказалъ рѣзкое слово, и уже со стономъ, чуть не съ воплемъ, добавилъ:

— А вѣдь у меня дѣти! Вѣдь мнѣ завтра надо протягивать руку на улицѣ!...

Андрей Васильевичъ отвелъ его въ сторону отъ другихъ и успокаивающимъ тономъ сталъ тихо объяснять ему, что онъ совсѣмъ не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ другіе:

— Я не находилъ нужнымъ говорить вамъ это прежде, теперь скажу. Я считаюсь холостякомъ,—да,—но у меня есть дочь... побочная... она замужемъ, въ Москвѣ. Если я до сихъ поръ, несмотря на мое нездоровье, работаю, такъ только потому, что и самому жить чѣмъ, да и дочери помогать надо... сами знаете, какое чиновничье жалованье!

Весь подъ впечатлѣніемъ собственной бѣды, Николай Сергѣевичъ оцѣнилъ даже и въ эту минуту того участія, которое всегда при-

нималъ въ немъ Андрей Васильевичъ, давая еще и ему займы, и только повторялъ:

— Но вѣдь завтра мнѣ надо протягивать руку! Я нищій!... Я нищій!... Я потерялъ больше всѣхъ кредиторовъ... И вѣдь поймите, что со мной второй разъ такая штука!... Второй разъ!... За что?...

Но, давъ волю первому порыву негодованія, онъ снова замолчалъ, отошелъ къ своей конторкѣ и прислонился къ ней, опустивъ въ раздумьи голову на руки.

А Андрей Васильевичъ съ управляющимъ продолжали обсуждать случившееся и, точно ища въ этомъ утѣшенія, старались уяснить себѣ причины краха. Все, конечно, было на виду, все давало чувствовать затруднительность положенія, но какой же большой не думаетъ о полномъ выздоровленіи? Дѣла ихъ фабрики пошатнулись вслѣдствіе отсутствія заказовъ на ея произведенія отъ большого машино-строительнаго завода; тотъ, въ свою очередь, сокращалъ производство за отсутствіемъ заказовъ отъ казны, а уменьшеніе казенныхъ заказовъ зависѣло, какъ говорили, отъ отсутствія у казны свободныхъ средствъ въ настоящее время. Къ этому прицѣлили и китайскую войну, и буровъ, и приостановку добычи золота въ Трансваалѣ. Если бы только удалось пережить временную заминку, опять бы завертѣлось колесо.

Николай Сергѣевичъ слушалъ ихъ и думалъ:

• «Ну, да! ну, да! виновать не хозяинъ нашъ, ѣздившій на рысакѣхъ, когда мы не имѣли пятачка на конку; виновать не управляющій, подносившій корзины цвѣтовъ актрисамъ, — виноваты тамъ, гдѣ-то, кто-то!... А ужъ больше всѣхъ, конечно, виновать я, что не умѣлъ кататься на рысакѣхъ и погупать цвѣты!... Это вѣдь тоже необходимо въ экономической жизни страны! Это способствовало бы увеличенію чьего-то бюджета, чьего-нибудь благосостоянія... О, да кто же виновать, скажите мнѣ Бога ради?... Кто виновать?...»

Когда Николай Сергѣевичъ вернулся домой и сообщилъ женѣ печальную новость, Анна Петровна выпустила изъ рукъ работу и ничего не сказала ему. Она даже не заплакала, а сразу какъ-то отупѣла.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, оба въ тяжеломъ раздумьи смотря въ полъ. Потомъ Анна Петровна, такъ и не произнеся одного слова, вышла въ дѣтскую.

А Николай Сергѣевичъ подошелъ къ окну и безцѣльно сталъ сидѣть въ него.

И опять передъ нимъ развернулась перспектива громадныхъ мовъ до самаго горизонта. Онъ проникалъ мыслью во всѣ кварти

этихъ домовъ и, береди умышленно свою свѣжую душевную рану, говорилъ себѣ, что во всѣхъ этихъ норахъ и логовицахъ, гдѣ ютится млекопитающее животное—человѣкъ, около него ютится и безпощадно гложущій его паразитъ—нужда.

Вдали, на горизонтѣ, дымъ фабрикъ сегодня какъ-то особенно сгущался въ большую, непроницаемую тучу. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, и тяжелый воздухъ не давалъ разсѣиваться дыму ни вверху, ни вширь. Какъ будто небо не хотѣло пускать къ себѣ это исчадіе земли. И дымная туча росла и росла; а, подпирая ее снизу, изъ фабричныхъ трубъ все лѣзъ и лѣзъ кверху, гдѣ густой, черный, гдѣ бѣлесоватый дымъ. Распластавшись надъ всѣми этими фабриками и ихъ колонно-образными трубами, туча принимала странныя, фантастическія формы. Вотъ сейчасъ это былъ огромный клубокъ переплетающихся между собой удавовъ: свивая и развивая свои мощныя кольца, они какъ будто хотятъ задушить другъ друга; а вотъ опять уже все сливается въ одну сѣрую, сплошную массу, — теперь это что-то вродѣ гигантскаго спрута: плавая въ океанѣ воздуха, страшилище опустило на дно, къ землѣ, свои многочисленныя щупальцы, впилося ими, какъ въ водоросли морскаго дна, въ фабричныя трубы—и сосеть, и сосеть изъ нихъ... людскую кровь.

И Николаю Сергѣевичу опять представилось все безсиліе, вся бесплодность единичныхъ усилій борьбы съ чудовищемъ-нуждой. Его губы нервно шептали:

«Всѣмъ народомъ навалиться!... Всѣмъ, всѣмъ вмѣстѣ!...»

Онъ сжалъ кулакъ и кому-то погрозилъ въ пространство.

Анна Петровна вошла въ это время въ комнату. Николай Сергѣевичъ обернулся и, не разжимая кулака, посмотрѣлъ на нее. Должно быть, въ его взглядѣ было что-то странное, потому что она растерянно, чуть слышно, точно боясь испугать его, произнесла:

— Боля, что съ тобой?

Онъ опомнился, разжалъ кулакъ, опустилъ руку, и такъ же тихо, нервно сказалъ:

— Ты думаешь я съ ума сошелъ? Нѣтъ еще!...

Ал. Луговой.

*
*
*

Когда живешь въ своей пустынѣ
Ты, непривѣтный и нѣмой,
Позволь коснуться мнѣ душой
Твоей печали, какъ святыни.

Я къ ней сойду зеленой сѣнью,
Миража зыбкою красой,
Летучей облачною тѣнью,
Прохладной бѣлою росой.

И надъ гробницами былого,
Надъ колыбелью мертвыхъ сновъ,
Среди увянувшихъ цвѣтовъ
• Пройду какъ вздохъ цвѣтка живого.

В. Мирозичъ.

Нравственная отвѣтственность общественныхъ властей.

I.

При разсмотрѣніи вопросовъ морали имѣется въ виду обыкновенно индивидуальная мораль; это потому, что нравственные качества такъ же тѣсно связаны съ личностью, какъ и интеллектуальное развитіе. Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы вопросы общественной морали не могли находить себѣ мѣста въ этикѣ. Не говоря о томъ, что коренной вопросъ, гдѣ заключается источникъ личныхъ качествъ, въ индивидѣ или въ общественной средѣ, является открытымъ, мы, во всякомъ случаѣ, имѣемъ право констатировать, что индивидуальныя отношенія не исчерпываютъ собою всѣхъ отношеній жизни. Общественная жизнь даетъ возможность наблюдать существованіе коллективныхъ организацій, въ которыхъ индивиды сплочены началомъ солидарности и въ которыхъ характерныя особенности каждаго лица сглаживаются и подчиняются вліяніямъ, имѣющимъ свой источникъ въ солидарности интересовъ. Построенныя по такимъ началамъ, общественныя организаціи проявляютъ, подобно индивидамъ, свою дѣятельность, вступаютъ въ отношенія какъ съ индивидами, такъ и съ другими подобными же коллективностями. Чѣмъ болѣе развивается жизнь народа, тѣмъ въ большей степени даютъ себя чувствовать многообразныя общественныя соединенія, и тѣмъ болѣе мы наблюдаемъ, на ряду съ дѣяніями и отношеніями индивидуальными, дѣянія и отношенія социальныя. Среди послѣднихъ выдающееся положеніе всегда занимали тѣ отношенія и дѣянія, которыя характеризовали жизнь наиболѣе сложныхъ общественныхъ организацій, снабженныхъ авторитетомъ и возможностью дѣйствовать принудительно на окружающую среду. Если, такимъ образомъ, дѣятельность сложныхъ общественныхъ организацій обнаруживается въ отношеніяхъ индивидовъ, такъ или иначе отражаясь на ихъ благосостояніи, то, спрашивается, не могъ ли подлежать эти коллективности такой же нравственной оцѣнкѣ, какъ и подчиняются индивиды? Не имѣемъ ли мы права, наряду съ индивидуальной моралью, поставить мораль социальную? Съ точки зрѣнія фор-

мальной пришлось бы отвѣтить на эти вопросы отрицательно. Въ самох дѣлѣ: общественные органы, хотя и состоятъ изъ людей, какъ коллективности все же не люди, а слѣдовательно, не могутъ имѣть и человѣческихъ качествъ; къ нимъ, значить, нельзя предъявлять и нравственныхъ требованій. Руководствоваться такой формальной точкой зрѣнія мы, однако, не имѣемъ права. О какихъ бы коллективностяхъ мы ни говорили, коль скоро мы рассматриваемъ ихъ дѣйствующими и становящимися въ отношенія къ индивидамъ или къ другимъ коллективностямъ, то дѣятельными агентами выступаютъ въ нихъ все же одни только люди. Вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, можетъ ли и должна ли рассматриваться съ нравственной точки зрѣнія дѣятельность людей, выступающихъ въ качествѣ представителей общественныхъ организацій, совершающихъ тѣ или другія дѣянія не лично отъ себя и не въ своихъ только интересахъ, но и отъ имени и въ интересахъ коллективностей. Такой вопросъ съ принципиальной стороны не представляетъ большихъ затрудненій. Всѣ функціи общественныхъ учреждений имѣютъ своей конечной цѣлью благо людей; слѣдовательно, цѣль дѣятельности этихъ учреждений имѣть чисто-этичскій характеръ. Но являются ли индивиды, функционирующіе какъ общественные органы, настолько же свободными въ осуществленіи нравственныхъ цѣлей, насколько свободны обыкновенные индивиды, не имѣющіе никакихъ общественныхъ полномочій? Если цѣли, ими преслѣдуемыя, имѣютъ этичскій характеръ, то есть ли въ ихъ распоряженіи соответствующія средства? Индивиды, выступающіе въ качествѣ общественныхъ органовъ, обладаютъ въ неодинаковой степени нравственной свободой, что обуславливается свойствами тѣхъ функцій, выполненіе которыхъ на нихъ возложено. При этомъ надо принять во вниманіе, что одни общественные органы имѣютъ руководящее значеніе, другіе ограничиваются исполнительною ролью. Нравственная свобода первыхъ, очевидно, шире, нежели послѣднихъ, такъ какъ послѣдніе въ меньшей степени имѣютъ возможность пользоваться личными этичскими взглядами; ихъ дѣятельность, въ значительной степени, бываетъ предрѣшена органами руководящими. Несмотря на это, для проявленія индивидуальной морали лицъ, ихъ представляющихъ, остается еще широкая сфера. Только лица, находящіяся въ полномъ рабствѣ, не могутъ подлежать нравственной оцѣнкѣ. Съ другой стороны, общественные органы руководящаго характера, хотя и болѣе свободны въ проявленіи нравственной природы представляющихъ ихъ индивидовъ, все же не могутъ считаться вполне свободными, будучи связаны многими условіями общественной жизни, господствующими правилами, историческими традиціями, взглядами и отношеніями къ тѣмъ или другимъ этичскимъ вопросамъ другихъ лицъ, также выполняющихъ общественныя функціи. Въ общемъ, слѣдовательно, можно признать, повидимому, что сфера нравственной свободы общественныхъ органовъ уже, нежели сфера индивидуальная. Это положеніе много утрачиваетъ однако въ своей силѣ, если мы вспомнимъ, что и не уполномоченные никакими общественными функціями

циями индивиды также, въ личной дѣятельности своей, связаны многочисленными условіями, далеко не всегда благоприятными для проявленія ихъ нравственной свободы. Такимъ образомъ, можно признать, что разница въ данномъ отношеніи между общественными органами и индивидами не принципиальная, но весьма относительная, не исключаящая возможности нравственной оцѣнки и отвѣтственности общественныхъ органовъ.

Между руководящими общественными органами наиболѣе выдающееся положеніе занимаютъ тѣ, которые выполняютъ законодательную функцію. Законы оказываютъ могущественное вліяніе на человѣческія отношенія, такъ какъ они могутъ быть благодѣтельными или вредными, гуманными или жестокими, одинаковыми и равными для всѣхъ, или создающими привилегіи въ пользу отдѣльныхъ общественныхъ группъ и т. д.; слѣдовательно, законы могутъ быть согласными съ требованіями этики или противорѣчить имъ; отсюда—возможность постановки вопроса о законодательной этикѣ. Последняя, въ сущности, почти совпадаетъ съ этикой права, такъ какъ законодательныя нормы въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются нормами права. Вопросъ заключается, слѣдовательно, въ томъ: поскольку нормы права воспринимаютъ и могутъ воспринимать воздѣйствіе нормъ нравственности?

Законодательная политика современныхъ цивилизованныхъ народовъ обыкновенно подчинена преобладающимъ социальнымъ теченіямъ и направленіямъ, гдѣ нравственныя начала разсматриваются нерѣдко какъ смѣшная сантиментальность. Ограничиваясь установленіемъ этического минимума въ видѣ запрещенія убивать, вредить здоровью, оскорблять личность, присваивать чужое имущество и т. п., современные законодательства далѣе этого не идутъ, оставляя спокойно существовать множество уродливыхъ съ нравственной точки зрѣнія явленій, не обнаруживая въ этомъ отношеніи никакого протеста, не дѣлая никакой попытки нравственно регулировать общественныя отношенія, приучая, такимъ образомъ, само общество смотрѣть на эти явленія, какъ на нѣчто нормальное и обычное. Сюда относятся, между прочимъ, всѣ тѣ явленія, которыя могутъ быть подведены подъ одно общее понятіе «социальныхъ противорѣчій». Еще нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ тому назадъ законодательство не усматривало ничего противнаго морали въ рабствѣ и крѣпостномъ состояніи, въ куплѣ и продажѣ людей, въ разрозненіи семей, въ продажѣ на сторону мужей отъ женъ, дѣтей отъ родителей; и хотя эволюція европейскаго общества мало-по-малу устраняетъ такія печальныя явленія, въ болѣе мягкихъ формахъ они все же сохраняются до нашихъ дней и несомнѣнно стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ требованіями самой элементарной этики.

ворчество законодательныхъ нормъ, какъ извѣстно, не единственная функція общественныхъ органовъ; наряду съ ней мы находимъ функцію исполнительную, и хотя законодательные органы являются въ каждой сколько-нибудь культурной странѣ органами руководящими, дающими основныя и главнѣйшія направленія всѣмъ общественнымъ органамъ, тѣмъ не

менѣе дѣятельность исполнительныхъ органовъ есть нѣчто само по себѣ въ значительной степени самостоятельное, и это потому, что законодательство даетъ лишь основныя указанія, проведеніе которыхъ въ жизнь можетъ быть до безконечности разнообразнымъ. Законъ—норма постоянная, опредѣляющая обыкновенно цѣлыя категоріи отношеній, изъ которыхъ каждое, въ свою очередь, можетъ варьироваться, смотря по времени и мѣсту. Слѣдовательно, на долю отдѣльныхъ лицъ, функционирующихъ въ качествѣ общественныхъ органовъ съ исполнительною ролью, всегда выпадаетъ весьма значительная возможность свободного усмотрѣнія, и если говорить о закономѣрной дѣятельности общественныхъ органовъ, то подъ этимъ разумѣется лишь то, что она не стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ основными началами, выработанными законодательствомъ. А если это такъ, то, очевидно, что наряду съ этикой законодательства можетъ и должна быть поставлена этика исполненія.

Не трудно видѣть, что въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ моральный уровень исполненія не отличается значительной высотой. Нигдѣ это не обнаруживается съ такой очевидностью, какъ въ области международныхъ отношеній, гдѣ въ тому же законодательная регламентація находитъ наименьшее примѣненіе. Принципы и требованія морали въ области международныхъ отношеній стоятъ, повидимому, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ: здѣсь все обусловлено требованіями политической цѣлесообразности; многое зависитъ отъ благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, благодаря которому могутъ быть достигнуты тѣ или другія выгоды,—нравственные мотивы играютъ ничтожную роль. Примѣры изъ прошлой и современной жизни европейскихъ народовъ настолько многочисленны, что нѣтъ надобности ихъ приводить. Въ тѣсной связи съ международной дѣятельностью находится дѣятельность военная, существующая только потому, что между различными народами ведутся войны. Такъ какъ военная дѣятельность заключается въ созданіи условий, обезпечивающихъ возможный успѣхъ войны, а этотъ успѣхъ достигается путемъ массоваго истребленія людей, то, очевидно, что и военное управленіе стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ требованіями этики. Съ чисто-теоретической точки зрѣнія оно такъ и есть. Но если принять во вниманіе, что подготовленіе къ войнѣ еще не есть война и что высокая степень военной организаціи можетъ обезпечивать даже мирное международное состояніе, то, которое называется «вооруженнымъ миромъ», то будетъ понятнымъ, что и къ военной дѣятельности могутъ быть предъявлены этическія требованія. Дѣло въ томъ, что средства, при помощи которыхъ воспитываются въ людяхъ качества, необходимые въ военномъ дѣлѣ, по самой сущности своей носятъ тотъ же несогласный съ требованіями этики характеръ. Военная дисциплина стремится подавить свободное проявленіе воли и разума. Суровыя наказанія, грубое третированіе обучающихся воиновъ, неуваженіе ихъ человѣческаго достоинства—вотъ приемы, практикующіеся въ цивилизованныхъ странахъ. Конечно, личныя нравственные качества военачальниковъ играютъ здѣсь им-

дающуюся роль; среди нихъ много людей гуманныхъ и просвѣщенныхъ, гнушающихся всякимъ произволомъ и насиліемъ надъ человѣческой личностью; дѣло однако въ томъ, что самая система требуетъ извѣстныхъ установившихся приемовъ, въ силу чего нерѣдко случается, что подъ вліяніемъ этихъ требованій люди, сами по себѣ не злые, дѣлаются, въ извѣстные, по крайней мѣрѣ, моменты, недоброжелательными и жестокими. Очевидно, что въ такого рода случаяхъ характеръ общественныхъ функций подавляетъ нравственную свободу лицъ, на которыхъ эти функции возложены.

Въ сферѣ финансовой и народно-хозяйственной дѣятельности общественныхъ органовъ принципы нравственности также не нашли достаточнаго примѣненія. Стоитъ вспомнить о косвенныхъ налогахъ, падающихъ на предметы первой необходимости, о торговлѣ ядами—алкоголемъ, табакомъ, опиумъ, чтобы видѣть, что погоня за денежными средствами заставляетъ забывать о требованіяхъ этики. Экономическая политика также даетъ не мало подобныхъ примѣровъ. Даже такая отрасль общественной дѣятельности, какъ отправленіе правосудія, не свободна отъ подобнаго рода упрековъ. Возникнувъ въ отдаленнѣйшія времена исторіи, судебная функция постепенно совершенствовалась въ духѣ справедливости и гуманности; слѣдовательно, это одна изъ тѣхъ отраслей общественной жизни, въ которой требованія этики постепенно отвоевывали для себя надлежащее мѣсто, не встрѣчая существенныхъ препятствій. Въ настоящее время уголовные и гражданскіе кодексы, а равно и соответствующіе процессы, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ достигли высокой степени совершенства; и тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ права игнорировать вопросъ объ этикѣ правосудія, въ виду того, что и здѣсь мы встрѣчаемъ явленія, несогласныя съ требованіями этики. Прежде всего съ нравственной точки зрѣнія могутъ быть обсуждаемы самыя понятія преступленія и наказанія, поскольку они устанавливаются законодательствами цивилизованныхъ народовъ. Здѣсь мы находимъ, что не всякое дѣяніе, признаваемое преступнымъ по закону, является въ то же время несогласнымъ и съ требованіями этики и, наоборотъ, не всякое дѣяніе, противное этимъ требованіямъ, признается преступнымъ и по закону. Стало быть, здѣсь возможна нѣкоторая коллизія между закономъ юридическимъ и закономъ нравственнымъ, т. е., говоря другими словами, законы юридическіе могутъ страдать отсутствіемъ нравственныхъ мотивовъ. Въ отношеніи наказанія надо сказать то же самое. Мы не будемъ уже говорить о томъ, что наказаніе вообще противорѣчитъ этикѣ, по крайней мѣрѣ, христіанской, требующей прощенія враговъ. На эту высокую точку зрѣнія не можетъ стать современный общественный строй. Гражданское общество, не рискуя прійти къ самоупраздненію, должно принимать тѣ или другія мѣры въ цѣляхъ борьбы съ преступленіями. Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы требованія этики не играли въ этой борьбѣ никакой роли; напротивъ, область примѣненія наказаній болѣе всего нуждается въ гуманизирующемъ вліяніи этики. Со-

временныя карательныя системы недостаточно проникнуты сознаниемъ этого принципа; въ нихъ отводится слишкомъ много мѣста возмездію, устрашенію, причиненію страданій. Если мы прибавимъ, что въ числѣ наказаній фигурируетъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ и смертная казнь, то будетъ ясно, что карательная функція весьма далека отъ нравственнаго идеала. Тѣ же антморальные элементы мы находимъ и въ судебномъ процессѣ, несмотря на всѣ его достоинства. Не вдаваясь ни въ какія подробности, укажемъ хотя бы на то, что стремленіе преградить обвиняемому всѣ способы уклониться отъ суда и слѣдствія заставляеть принимать предупредительныя мѣры, среди которыхъ особенно тяжестью отличается личное задержаніе или, такъ называемое, предварительное заключеніе; послѣднее можетъ быть разсматриваемо само по себѣ какъ наказаніе, такъ какъ оно въ высшей степени ограничиваетъ свободу личности; такъ на него обыкновенно смотрять и законодательства, виѣняя въ обязанность судебнымъ органамъ засчитывать время предварительнаго заключенія въ счетъ наказанія. Но не говоря о томъ, что наказаніе не должно быть налагаемо ранѣ признанія виновности лица, зачетъ его возможенъ только тогда, когда подобнаго рода признаніе дѣйствительно послѣдуетъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда обвиняемый признается судомъ невиновнымъ, отбытіе имъ предварительнаго наказанія является уже прямою несправедливостію и противорѣчитъ требованіямъ этики. Антморальныя черты въ гражданскомъ процессѣ легко найти въ массѣ тѣхъ формальныхъ требованій, неисполненіе которыхъ влечетъ за собою утрату самыхъ существенныхъ имущественныхъ и иныхъ правъ.

Мы думаемъ, приведенныхъ примѣровъ и указаній достаточно, чтобы видѣть, что дѣятельность современныхъ общественныхъ органовъ развѣ лишь въ очень незначительной мѣрѣ руководствуется этическими началами. Въ чемъ же заключается причина этого печальнаго явленія? Такъ какъ вопросъ этотъ слишкомъ сложный для того, чтобы можно было дать на него обстоятельный отвѣтъ въ короткомъ очеркѣ, то мы позволимъ себѣ высказать по этому поводу лишь нѣсколько соображеній.

II.

Одной изъ важныхъ причинъ, въ силу которыхъ дѣятельность общественныхъ органовъ оказывается, въ весьма значительной мѣрѣ, лишеною этическихъ основаній, служитъ весьма распространенное убѣжденіе, что въ лицѣ этихъ органовъ дѣйствуютъ не индивидуы, не люди, но именно органы или учрежденія, имѣющіе свои особыя потребности и обладающіе волей, направленною къ удовлетворенію этихъ потребностей. И то того, все общество, организованное въ одно цѣлое, признается юридическимъ лицомъ, т.-е. опять какимъ-то особеннымъ существомъ, наделеннымъ потребностями, волей и разумомъ, но лишеннымъ сердца и чувствъ. Даже и принадлежащія ему свойства, т.-е. потребности, воля и

разумъ, имѣють только внѣшнее сходство съ человѣческими свойствами; въ дѣйствительности же это нѣчто совершенно особенное, — это потребности коллективныя, воля коллективная и разумъ коллективный. Если это такъ, если юридическое лицо, какъ бы мы ни уподобляли его лицу физическому, лишено всѣхъ существенныхъ свойствъ послѣдняго, то къ нему, слѣдовательно, не могутъ быть предъявляемы и этическія требованія. Отсюда съ логической необходимостью слѣдуетъ, что юридическое лицо, проявляя свою дѣятельность, удовлетворяя свои потребности, не подчиняется этическимъ мотивамъ; мало того, если его дѣятельность направлена даже на индивидовъ, то и здѣсь нравственные мотивы получаютъ столь же мало мѣста, какъ и въ первомъ случаѣ, такъ какъ и здѣсь юридическое лицо не приобретаетъ никакихъ человѣческихъ свойствъ, а слѣдовательно и способности руководствоваться требованіями человѣческой этики. Это убѣжденіе глубоко вкоренилось въ умы тѣхъ лицъ, которымъ приходится функционировать въ составѣ общественныхъ органовъ. Согласно этому убѣжденію, государственное общество, какъ юридическое лицо, имѣетъ свои потребности и интересы, далеко не всегда совпадающіе съ потребностями и интересами каждаго отдѣльнаго гражданина, или хотя бы каждой однородной группы индивидовъ. Этимъ, намъ думается, въ значительной мѣрѣ объясняются тѣ антиморальные явленія, которыя характеризуютъ собою жизнь и дѣятельность социальныхъ органовъ. Для подтвержденія этого положенія сдѣлаемъ опять нѣсколько экскурсій въ сферу дѣятельности этихъ органовъ.

Въ дѣлѣ международныхъ отношеній всего болѣе, какъ мы видѣли, игнорируются этическія требованія и это, въ значительной степени, именно потому, что здѣсь на первомъ планѣ ставятся интересы коллективнаго цѣлаго, что самыя отношенія ведутся не между индивидами, а между социальными организаціями. Всѣ жестокости войнъ объясняются тѣмъ, что отдѣльная человѣческая личность съ ея разумомъ и чувствами, съ ея правами на блага жизни, какъ бы перестаетъ существовать, ступшевается и превращается исключительно въ политическое орудіе, въ механизмъ, по отношенію къ которому нѣтъ надобности соблюдать требованій этики.

Съ той же точки зрѣнія единства интересовъ коллективнаго цѣлаго, какъ государственнаго юридическаго лица, люди склонны разсматривать и народное хозяйство — промышленность, торговлю, земледѣліе и всѣ прочія отрасли хозяйственной жизни. Предметомъ попечительства этого цѣлаго являются вообще производительныя силы страны. Показателемъ экономическаго развитія его считаются вся сумма производства тѣхъ или другихъ продуктовъ, размѣры оборотнаго капитала въ торговлѣ, величина ввоза и въвоза, общая площадь посѣвовъ и средній урожай, число фабрикъ и завоовъ и т. п. Къ услугамъ коллективнаго цѣлаго является въ этомъ случаѣ статистика, а потому и хозяйственное единство страны, въ сущности, есть единство статистическое, по которому далеко не всегда можно судить

о хозяйственномъ развитіи народа. Въ этомъ легко убѣдиться, если возьмемъ для примѣра любое изъ европейскихъ государствъ XVI или XVII вѣка, когда господствовало крѣпостное право и трудъ огромнаго большинства населенія былъ не свободнымъ, когда въ городахъ промышленность и торговля сосредоточивались въ рукахъ монополистовъ и привилегированныхъ, когда само государство непосредственно стремилось руководить хозяйственной жизнью и было пронизано полицейско-меркантильными воззрѣніями. Въ то время взглядъ на народное хозяйство, былъ на одно цѣлое, также былъ распространенъ и даже въ большей степени нежели теперь: тогда говорили, что государственное благосостояніе возрастаетъ, если казна богата; торговля и промышленность народа развивается, если вывозъ превосходитъ ввозъ; земледѣліе улучшается, если имѣнщики имѣютъ большіе запасы зерна и отправляютъ его въ другія страны. Въ настоящее время такіе взгляды отвергнуты наукой; теперь показателемъ государственнаго благосостоянія служитъ не сумма производимыхъ, привозимыхъ или вывозимыхъ продуктовъ, а степень развитія народныхъ потребностей и характеръ ихъ удовлетворенія. Но если въ настоящее время экономическая наука не даетъ ввести себя въ заблужденіе общими статистическими цифрами, то, спрашивается, такъ ли обстоятъ дѣла на практикѣ, не сохранились ли еще въ законодательствѣ и политикѣ черты полицейско-меркантильной системы? Дѣйствительность насъ убѣждаетъ, что заблужденія прошлыхъ вѣковъ далеко не совсѣмъ исчезли, и это служитъ одной изъ причинъ, почему законодательная и административная народно-хозяйственная этика заставляетъ желать очень многого. Доказательствами могутъ служить усиленное содѣйствіе фабричной промышленности, покровительственныя пошлины, содѣйствіе вывозу и проч. Едва ли будетъ ошибочнымъ, если мы скажемъ, что цѣлью такой политики является повышеніе уровня экономическаго благосостоянія государства, какъ цѣлаго. Если количество и цѣнность матеріальныхъ благъ, принадлежащихъ вообще гражданамъ государства, увеличивается, то, по воззрѣніямъ современныхъ хозяйственныхъ и финансовыхъ органовъ, увеличивается и экономическое благосостояніе страны; руководящія органы склонны такъ думать въ особенности потому, что возрастаютъ государственныя доходы, въ видѣ разнаго рода сборовъ съ новыхъ цѣнностей. Эти излишки сборовъ, въ свою очередь, могутъ быть употреблены на общегосударственныя потребности—содержаніе войска, постройку желѣзныхъ дорогъ, уплату по государственнымъ займамъ и проч. Такимъ образомъ, имѣя дѣло съ интересами отвлеченнаго цѣлаго, руководствуясь соображеніями статистическаго единства и не ставя себѣ цѣлью въ этомъ случаѣ содѣйствія благосостоянію отдѣльныхъ лицъ или отдельныхъ группъ населенія, общественныя учрежденія, очевидно, считаютъ себя въ правѣ не руководствоваться какими-либо этическими соображеніями, такъ какъ послѣднія примѣнимы лишь къ людямъ и человѣческимъ отношеніямъ. Слѣдовательно, результатомъ заботъ о цѣломъ явилъ ся

игнорированіе этическихъ требованій и значительная доля невниманія къ конкретнымъ интересамъ различныхъ группъ населенія. Если бы руководящіе хозяйственные органы отказались по возможности отъ общей статистической политики и поставили бы на первомъ планѣ политику по группамъ населенія, удѣляя достаточно вниманія каждой группѣ, то совершенно ясно, что имѣя дѣло съ живыми людьми, съ ихъ благами и невзгодами, они не могли бы вполне отрѣшиться отъ требованій этики.

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что законодательная и административная политика, построенная по началамъ общегосударственныхъ интересовъ, страдаетъ тѣмъ крупнымъ изъяномъ, что, по самому существу дѣла, не даетъ достаточно мѣста требованіямъ морали. Чтобы законодательство и управленіе могли согласоваться съ этическими требованіями, необходимо изученіе нуждъ и потребностей не только общегосударственныхъ, но и, главнымъ образомъ, народныхъ и групповыхъ. Только при этомъ условіи законодатель можетъ руководиться началами справедливости и гуманности, основывать свои мѣропріятія не на среднихъ статистическихъ данныхъ, обнимающихъ цѣлое государство, но на дѣйствительныхъ фактахъ, приходитъ на помощь тамъ, гдѣ въ этомъ чувствуется бѣлая необходимость, беречь производительныя силы народа, когда онѣ слабы,—однимъ словомъ, согласоваться въ своей дѣятельности со степенью благосостоянія отдѣльныхъ социальныхъ группъ и стремиться, по возможности, довести это благосостояніе до одного возможно высшаго уровня.

Другой причиной, въ силу которой дѣятельность общественныхъ органовъ далеко отстываетъ отъ требованій этики, является самая организація общественныхъ учреждений. Такъ, въ составъ законодательныхъ учреждений входятъ люди самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ воззрѣній, защищающіе разнообразные интересы. Въ виду этого законодательство является результатомъ борьбы между партіями, которая, по существу дѣла, и есть борьба между интересами, имѣющими своихъ представителей въ законодательномъ органѣ. Какіе интересы являются представленными и каковы отношенія, съ количественной и качественной стороны, между представителями разнообразныхъ интересовъ, это, даже при всеобщей подачѣ голосовъ, опредѣляется не численными отношеніями между различными группами населенія, а цѣлой совокупностью взаимоотношеній, въ силу которыхъ группы, экономически сильнѣйшія, находятъ возможнымъ организовать для себя наиболѣе выгодное представительство. Напряженность борьбы опредѣляется отношеніями между партіями; чѣмъ болѣе равносѣяно, тѣмъ упорнѣе борьба и наоборотъ; въ жизни нерѣдко наблюдается господство одной или двухъ сплотившихся партій, имѣющихъ за собою по авляющее большинство голосовъ.

Отсюда мы видимъ, что современныя условія законодательства мало бы гопріятствуютъ выработкѣ законовъ, согласныхъ съ этическими требованиями. Условія эти очень трудно улучшить, такъ какъ борьба интере-

совѣ характеризуетъ всю экономическую жизнь и въ борьбѣ законодательныхъ партій находить лишь свое отраженіе. Чтобы сдѣлать законодательство согласнымъ съ этическими требованіями, необходимо было бы уничтожить эту борьбу и установить взаимнѣе нея солидарность между представителями различныхъ и нерѣдко противоположныхъ интересовъ; а чтобы достигнуть этой цѣли, требовалось бы, въ свою очередь, установить такую же солидарность интересовъ и въ самой жизни,—говоря другими словами, перевоспитать всѣхъ людей въ духѣ христіанской любви къ ближнему. За невозможностью достигнуть этого, законодательство продолжаетъ быть результатомъ борьбы между представителями различныхъ интересовъ. Борьба, по самому своему существу, противорѣчитъ этикѣ, такъ какъ всегда предполагаетъ стремленіе людей отстоять свои интересы насильственнымъ путемъ. Исходъ борьбы клонится всегда въ пользу сильнѣйшаго и, следовательно, не имѣетъ ничего общаго съ требованіями нравственности.

Подтвержденіе вышесказаннаго мы находимъ въ законодательной практикѣ современныхъ государствъ. Бросая общій взглядъ на современные законодательные органы, припоминая хотя бы ихъ недавнее прошлое и подводя общіе итоги ихъ дѣятельности, мы не можемъ не видѣть въ нихъ недостатокъ нравственной устойчивости. Конечно, въ составъ законодательныхъ органовъ попадаютъ обыкновенно люди, сколько-нибудь выдающіеся по уму и образованію, люди экономически-обезпеченные; весьма нерѣдко мы находимъ здѣсь выдающихся представителей науки и искусства, талантливыхъ дѣятелей печатнаго слова,—но все это не создаетъ еще прочныхъ гарантій для нравственной пригодности и устойчивости законодательныхъ учреждений. Высота ума и талантовъ не обуславливаетъ собой неперемѣнно соответствующей высоты нравственныхъ воззрѣній. Покойный англійскій премьеръ Гладстонъ и современный министръ колоній Чемберленъ принадлежать одному и тому же парламенту, и хотя Чемберленъ не стоитъ въ умственномъ отношеніи такъ высоко, какъ стоялъ Гладстонъ, все же ему нельзя отказать въ томъ, что у насъ называется государственнымъ умомъ, все же, несомнѣнно, онъ стоитъ въ этомъ отношеніи выше многихъ другихъ; но какая огромная разница между тѣмъ и другимъ въ нравственномъ отношеніи. Имя Гладстона перешло въ исторію въ ореолѣ славы и достоинства, имя Чемберлена уже при жизни его служить синонимомъ угнетателя. Если, такимъ образомъ, выдающіеся люди ума служатъ часто образцами нравственной неустойчивости, то тѣмъ болѣе это возможно относительно посредственнаго большинства въ составѣ законодательныхъ органовъ. Противоположность интересовъ отдѣльных партій можетъ приобрѣтать иногда весьма острый характеръ, и тогда въ разгарѣ страстей попираются элементарныя этическія требованія.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что приведенное указаніе о зависимости законодательства и управленія отъ борьбы интересовъ не находится вообщемъ въ какомъ-либо противорѣчій съ высказаннымъ ранѣе положеніемъ о томъ, что причинами несоответствія дѣятельности общественныхъ органовъ те-

ческими требованіямъ являются признаніе государства юридическимъ лицомъ и преувеличенное представленіе о важности интересовъ государства, какъ отвлеченнаго дѣлага. Борьба интересовъ есть прежде всего борьба фактическая. Во время избирательной кампаніи она приобретаетъ уже полу-юридическій характеръ, такъ какъ самые выборы членовъ законодательныхъ учреждений производятся на основаніи опредѣленныхъ законоположеній, но при сильномъ вліяніи фактическихъ условий. Наконецъ, въ нѣдрахъ законодательныхъ учреждений борьба интересовъ продолжается, но приобретаетъ уже чисто-юридическій характеръ. Законодательные органы, соотвѣтствуя по внутреннему своему составу фактическимъ отношеніямъ, являются въ то же время органами юридическими, дѣйствующими отъ имени дѣлага государства; партіи или группы, господствующія въ жизни, т.-е. въ области фактическихъ отношеній, являются господствующими и здѣсь; ихъ господство получаетъ здѣсь юридическій характеръ, облается въ юридическую форму, мотивируется юридической идеей,—идеей общаго блага, общегосударственныхъ интересовъ. Общими интересами признаются какъ разъ тѣ, которые составляютъ въ то же время интересъ господствующихъ партій или группъ. Такимъ образомъ, кажущееся противорѣчіе устраняется.

Третью причину, въ силу которой общественные органы въ своей дѣятельности мало соглашаются съ требованіями морали, составляетъ начало дѣлсообразности. Это мы видимъ, напримѣръ, въ дѣлѣ примѣненія наказаній. Если отдѣльный человекъ, руководствуясь указаніями христіанской этики, будетъ прощать своихъ враговъ и воздавать добромъ за зло, то современное государство не можетъ руководствоваться тѣмъ же принципомъ, такъ какъ это привело бы его къ самоотрицанію и самоуничтоженію. Кромѣ того, даже съ чисто-этической точки зрѣнія, за государствомъ нельзя признать права оставлять преступленія безнаказанными, потому что нельзя прощать обиды, нанесенныя другимъ лицамъ: прощать можетъ только самъ обиженный. Правда, по господствующему воззрѣнію, государство наказываетъ за преступленія потому, что ими нарушается государственнй законъ и преступленія совершаются какъ будто бы противъ государства; однако же надо признать, что при совершеніи уголовныхъ преступленій противъ частныхъ лицъ центръ тяжести этихъ преступленій лежитъ именно въ томъ злѣ, которое причиняется частнымъ лицамъ, а не въ нарушеніи законодательной нормы; и такъ какъ теперь государственная дѣятельность замѣнила собою прежній самосудъ, то государство и не въ правѣ оставлять преступленія безнаказанными. Эта юридическая точка зрѣнія не можетъ быть, однако, такъ хорошо обоснована, какъ точка зрѣнія политической дѣлсообразности. Государство не прощаетъ преступленій и въ томъ случаѣ, когда сами частныя лица, противъ которыхъ они совершены, желали бы ихъ простить. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что въ лицѣ преступника государство видитъ человека опаснаго, способнаго нарушать права другихъ лицъ, и оно подвергаетъ его на-

казанію, въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишенію свободы, отчасти чтобы оградить отъ него, хотя бы временно, все общество, отчасти итѣя въ виду исправить самого преступника. Если наказаніе и есть зло, причиняемое преступнику, то оно примѣняется ради добра какъ ему самому, такъ и всему обществу. Такимъ образомъ, наказаніе находитъ свое оправданіе въ основаніяхъ юридическихъ, нравственныхъ и политическихъ. Все это относится только къ самой идеѣ наказанія, но не къ тѣмъ суровымъ формамъ его, для которыхъ ни въ чемъ нельзя найти оправданія. Требования цѣлесообразности являются причиной отступленія отъ требований этическихъ и въ другихъ сферахъ государственной дѣятельности, на чемъ, впрочемъ, мы уже не будемъ останавливаться.

III.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что общественные органы, подобно индивидамъ, въ своей дѣятельности весьма далеко отступаютъ отъ требований этики и что это обуславливается тремя главными причинами: 1) распространеннымъ убѣжденіемъ, что въ лицѣ общественныхъ органовъ дѣйствуютъ не люди, но особыя организаціи, юридическія лица, не обладающія человѣческими свойствами, къ которымъ, слѣдовательно, не могутъ быть предъявляемы этическія требованія; 2) самой организаціей общественныхъ учреждений, въ особенности руководящихъ, каковы законодательныя, при которой характеръ и направленіе ихъ дѣятельности являются результатомъ борьбы и, въ концѣ концовъ, результатомъ господства сильнѣйшихъ партій или группъ; 3) началомъ цѣлесообразности, дѣйствующимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ непреодолимой силой. Такимъ образомъ, указанныя причины имѣютъ характеръ юридическій, экономическій и политическій. Намъ остается поставить вопросъ о томъ: можно ли считать такое состояніе общественныхъ органовъ чѣмъ-либо неизмѣннымъ и не подлежащимъ улучшенію, или же, наоборотъ, это только временное состояніе?

Самое поверхностное знакомство съ исторіей общественныхъ учреждений убѣждаетъ насъ въ томъ, что этический характеръ законодательства и политики не остается неизмѣннымъ и что онъ совершенствуется именно въ духѣ требований этики. Какъ ни кажется намъ несоответствующей этимъ требованіямъ современная дѣятельность общественныхъ учреждений, она все же представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ ея прошлыми видами и формами, при которыхъ этическія требованія нарушались еще въ большей степени, нежели въ настоящее время. Въ теченіе вѣковъ измѣняются социальныя отношенія, измѣняется политическій строй; за смѣною однихъ задачъ и цѣлей идутъ другія; отжившіе и устарѣлыя способы и формы дѣятельности замѣняются новыми, обыкновенно болѣе совершенными. Значитъ, мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что временная общественная дѣятельность, хотя постепенно и медленно, но

непрерывно, будет все болѣе и болѣе проникаться этическими началами. Быстрота этого развитія обуславливается быстротой и степенью устраненія тѣхъ причинъ, которыя стоятъ на пути къ нравственному совершенствованію. Вліяніе, въ указанномъ направленіи, на эти причины должно облегчать процессъ общественной морализаціи. Возможно ли, однако, такое вліяніе? Вопросъ этотъ сводится къ вопросу, возможно ли вообще содѣйствіе болѣе быстрому развитію общества и формъ его дѣятельности? Новѣйшая социологическая наука доказываетъ, что общественная структура и ея жизнь не есть что-либо зависящее отъ человѣческаго произвола, но что она возникаетъ, существуетъ и развивается въ зависимости отъ всѣхъ окружающихъ условій, среди которыхъ огромное вліяніе приобретаютъ условія естественныя; что въ этомъ отношеніи, жизнь социальная ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ явленій міровой жизни. Значитъ ли это, что въ этомъ грандіозномъ процессѣ социальнаго развитія ничего уже не предоставлено человѣческому разуму? Возможно ли думать, чтобы сознательно мыслящее человѣческое существо лишено было всякой возможности воздѣйствовать на этотъ процессъ? Конечно, нѣтъ. Соціальныи строй и социальная жизнь не являются дѣломъ человѣческаго произвола; не въ силахъ человѣка разомъ перевести общество изъ одной фазы міросозерцанія въ другую, или съ низшей культурной ступени на высшую; но содѣйствовать болѣе быстрому переходу изъ одного состоянія въ другое не составляетъ ничего несогласнаго съ законами природы. Если въ природѣ все совершается въ силу опредѣленныхъ причинъ, то человѣческій разумъ—одна изъ такихъ причинъ, не абсолютная конечно, но и не менѣе реальная, чѣмъ и всякая другая причина. Если въ природѣ дѣйствуютъ силы, то человѣческій разумъ есть одна изъ такихъ силъ, притомъ болѣе могущественная, чѣмъ многія другія силы. Вполнѣ оригинальнымъ свойствомъ этой силы является ея сознательный характеръ. Человѣческій разумъ сознаетъ какъ самого себя, такъ и порядокъ причинности въ явленіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ способенъ сознавать себя какъ одну изъ причинъ явленій и степень возможности и способности быть такой причиной. Эта своеобразная сила разума и даетъ людямъ возможность сознательно, т.-е. въ согласіи съ закономъ причинности, воздѣйствовать на измѣненіе явленій социальной жизни. Вотъ почему можно думать, что хотя опредѣленные причины и препятствуютъ общественнымъ органамъ руководствоваться въ своей дѣятельности этическими началами, все-таки разумная дѣятельность людей можетъ выражаться въ стремленіи воздѣйствовать на эти причины въ смыслѣ болѣе быстрого ихъ устраненія. Въ этомъ именно можетъ проявляться эта разумная дѣятельность людей—вотъ одинъ изъ важныхъ, но трудно разрѣшимыхъ вопросовъ.

Такъ какъ причинами, затрудняющими процессъ общественной морализаціи, являются признаніе общественныхъ органовъ неспособными къ воспріятію нравственныхъ истинъ, самая организація общественныхъ учрежденій и, наконецъ, начало цѣлесообразности, то, очевидно, что и

разумная дѣятельность людей можетъ быть направлена именно на эти причины.

По поводу первой причины нами уже было высказано нѣсколько соображеній въ началѣ настоящаго очерка. Необходимо всесторонне выяснитъ идею, что въ лицѣ общественныхъ органовъ дѣйствуютъ не какіе-либо особые юридическіе индивиды, а обыкновенные люди, мыслящіе и чувствующіе и подлежащіе, слѣдовательно, нравственной отвѣтственности. То, что они принимаютъ на себя обязанность выполнять общественныя функціи, т.-е. осуществлять мѣры полезныя для всѣхъ или только для нѣкоторыхъ группъ населенія, это еще не лишаетъ ихъ человѣческихъ качествъ и не дѣлаетъ ихъ неспособными подчиняться требованіямъ морали. Въ лицахъ, функционирующихъ въ качествѣ общественныхъ органовъ, должно воспитывать мысль, что единственной цѣлью ихъ дѣятельности является благо человѣческой личности, что всякаго рода организаци и общественныя приспособленія преслѣдуютъ ту же единственную цѣль, что сама человѣческая личность съ ея потребностями, благами, съ ея мышленіемъ и чувствованіемъ, есть конечная цѣль всякой дѣятельности и что всякаго рода коллективности, всякаго рода вымышленныя юридическія лица служатъ средствами для достиженія этой цѣли. Вотъ почему потребности отвлеченнаго общественнаго блага постольку лишь могутъ быть признаваемы, поскольку онѣ соответствуютъ реальнымъ потребностямъ отдѣльныхъ лицъ или группъ населенія. Когда будутъ дѣйствовать люди, а не фиктивные лица, когда цѣлью ихъ дѣятельности будетъ благо личности, а не отвлеченной коллективности, тогда требованія морали будутъ имѣть возможность найти себѣ дѣйствительное примѣненіе въ сферѣ дѣятельности общественныхъ органовъ. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы не существовало общихъ интересовъ и чтобы общественные органы не должны были заботиться объ этихъ интересахъ. Цѣлесообразная организаци общей безопасности, соответствующая платежной способности населенія податная система, добросовѣстная администраці—все это и многое другое составляетъ общій интересъ, такъ какъ все это дѣйствительно касается каждаго гражданина; поскольку во всѣхъ этихъ отношеніяхъ имѣется въ виду не общій интересъ отвлеченнаго блага, а дѣйствительный интересъ всѣхъ и каждаго, постольку дѣятельность общественныхъ органовъ можетъ и должна соответствовать этическимъ требованіямъ. Не хотимъ мы сказать также и того, что юридическія лица и всякаго рода коллективности, дѣйствующія какъ одно цѣлое, излишни; напротивъ, солидарная дѣятельность людей даетъ возможность достигать болѣе существенныхъ и важныхъ результатовъ, нежели дѣятельность индивидуальная; но коллективныя организаци, функционируя въ качествѣ общественныхъ органовъ, не должны считаться какими-то особыми существами, неспособными понимать требованій этики; человѣческіе индивиды, входящіе въ составъ этихъ органовъ не должны поступаться своими человѣческими взглядами и чувствами ради отвлеченныхъ интересовъ; человѣческая личность не должна растворять

въ общественной средѣ,—она должна сохранять неприкосновенными лучшія свойства своей природы, стремясь, напротивъ, суммировать ихъ съ подобными же свойствами другихъ индивидовъ, чтобы имѣть возможность съ большею силой проявлять ихъ во внѣ и тѣмъ самымъ давать большій просторъ нравственнымъ началамъ. Важно также понять мысль, что между общимъ благомъ и индивидуальнымъ не должно быть никакой коллизіи.

Другой причиной, препятствующей морализаціи общественныхъ органовъ, является характеръ ихъ состава; эта причина болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе по отношенію, главнымъ образомъ, къ законодательнымъ органамъ, какъ руководящимъ. Составъ ихъ зависитъ отъ характера выборовъ вообще, а въ государствахъ съ высшей культурой—отъ тѣхъ условий, которыя установлены для пользованія активнымъ и пассивнымъ правомъ выбора. Установленіе этихъ условий—дѣло чрезвычайной важности. Улучшеніе личнаго состава законодательныхъ учреждений должно встрѣчать, повидимому, непреодолимые препятствія, такъ какъ измѣненіе избирательной системы зависитъ отъ законодательныхъ же органовъ, а внутри ихъ—отъ господствующихъ партій. Этимъ объясняется медленность развитія законодательныхъ учреждений, медленное усвоеніе ими такого личнаго состава, при которомъ дѣятельность ихъ могла бы не игнорировать этическихъ требованій. Но какъ ни медленно совершается этотъ процессъ, онъ все же можетъ быть констатированъ. Постепенная демократизація законодательныхъ учреждений служить для этого нагляднымъ доказательствомъ. И въ настоящее время въ избирательныхъ законахъ различныхъ странъ мы находимъ постановленія, цѣль которыхъ заключается въ улучшеніи личнаго состава законодательныхъ органовъ; таковы постановленія, касающіяся возраста избирателей и избираемыхъ, ихъ неопороченнаго поведенія, занятія тѣми или другими профессіями и т. п. Можно, такимъ образомъ, допустить, что при современномъ общественномъ строѣ вошло уже въ нравы требовать отъ законодательныхъ собраній нѣкотораго этического минимума, который мало-по-малу долженъ возвышаться, благодаря появленію такихъ постановленій, которыя будутъ требовать отъ членовъ законодательныхъ собраній не только отрицательныхъ нравственныхъ качествъ вродѣ несудимости, неопороченности поведенія, но и положительныхъ.

Вопросъ о хорошемъ составѣ законодательныхъ учреждений занималъ многихъ выдающихся ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Стоитъ вспомнить Дж. Ст. Милля, Токвиля, Беджота; на это указываютъ также многочисленные проекты, касающіеся избирательныхъ системъ, пропорціональныхъ выборовъ, представительства меньшинства и т. п. Многие изъ этихъ проектовъ осуществились въ дѣйствительной жизни; но сдѣланная нами выше характеристика законодательныхъ органовъ свидѣтельствуетъ, что унлія поднять ихъ этическій уровень до сихъ поръ остаются, большею частью, тщетными. Это, однако, не доказываетъ, чтобы данная цѣль была вообще недостижима. Законодательныя учрежденія сами по себѣ способны лишь къ очень медленному самоусовершенствованію. Средства къ повыше-

нiю ихъ этическаго характера должны лежать внѣ ихъ. Современная общественная культура позволяетъ замѣчать недостатки законодательныхъ органовъ. Критическое къ нимъ отношенiе въ настоящее время присутствуетъ каждому сколько-нибудь образованному человѣку. Личность современнаго европейскаго гражданина не поглощена государствомъ, хотя бы онъ и принадлежалъ къ господствующимъ группамъ, хотя бы даже онъ несъ всѣ невыгоды экономическихъ отношенiй; онъ остается свободнымъ и самостоятельнымъ духовно, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ политическихъ, нравственныхъ и другихъ воззрѣнiяхъ. Нравственное влiянiе на законодательство онъ можетъ даже сдѣлать одной изъ своихъ высокихъ жизненныхъ задачъ. Соединяя свои духовныя силы съ силами другихъ своихъ согражданъ, онъ можетъ достигнуть значительныхъ результатовъ. Никогда еще европейскiе народы не представляли намъ картины такого безчисленнаго множества общественныхъ организацiй негосударственнаго характера, какъ въ настоящее время. Хотя эти организацiи и преслѣдуютъ, болѣею частью, цѣли экономическiя, все же мы очень нерѣдко встрѣчаемся и съ такими, которыя стремятся къ достиженiю цѣлей просвѣтительныхъ, научныхъ, религiозныхъ, нравственныхъ и т. п. Чѣмъ болѣе въ странѣ такихъ организацiй, тѣмъ для нея лучше, такъ какъ благодаря ихъ дѣятельности можетъ быть до нѣкоторой степени ослаблена сила экономического фактора и повышена степень влiянiя факторовъ неэкономическихъ. Въ особенности важны тѣ организацiи, которыя преслѣдуютъ цѣли нравственнаго совершенствованiя, путемъ непосредственнаго нравственнаго воздѣйствiя; а при помощи печатнаго слова и распространенiя идей о необходимости измѣненiя ложныхъ и антiморальныхъ взглядовъ и правилъ общежитiя возможно и косвенное влiянiе на морализацiю законодательныхъ и иныхъ учреждений. Какъ ни значительно въ настоящее время господство экономического фактора, все же нельзя сказать, чтобы современныи европейскiй человѣкъ руководствовался исключительно чувственными мотивами, чтобы онъ уже и вовсе не былъ способенъ подчиняться инымъ, болѣе благороднымъ побужденiямъ. Весьма важную роль здѣсь играетъ соответствующее влiянiе воспитанiя; безъ такого влiянiя легко могутъ побѣдить мотивы низшаго свойства; напротивъ, если человѣкъ подчиняется нравственному воздѣйствiю, онъ можетъ поборотъ въ себѣ низменныя побужденiя, обнаружить болѣе благородный образъ мыслей, подать голосъ за гуманную мѣру и т. д. При этомъ надо принять во вниманiе, что современныи европейскiй человѣкъ, если и совершаетъ нерѣдко дѣянiя, противныя этикѣ, то сознаетъ это и старается въ глазахъ другихъ оправдать себя какими-либо благовидными предлогами; при такомъ сознании достаточно имѣетъ незначительнаго влiянiя, чтобы склонить человѣка въ сторону до ра. Люди, занимающiе важныя и отвѣтственные положенiя народныхъ представителей, членовъ государственнаго совѣта, руководителей высшихъ административныхъ установленiй, не перестаютъ быть людьми и, слѣдовательно, могутъ, такъ же, какъ и другiе, подчиняться этическимъ влiянiямъ.

Здѣсь приобретаютъ нѣкоторое значеніе факторы чисто-психологическаго свойства. Люди, какъ представители тѣхъ или другихъ интересовъ, прежде всего имѣютъ побужденіе защищать именно эти односторонніе интересы; но какъ общественные дѣятели, на которыхъ возложена высокая миссія участвовать въ законодательствѣ или въ администраціи, они не могутъ чувствовать себя вполнѣ свободными въ заботѣ о своихъ личныхъ или групповыхъ интересахъ: они въ значительной степени связаны своей миссіей, благодаря чему и могутъ быть доступными нравственнымъ вліаніямъ. Чѣмъ больше солидарности въ такой этической дѣятельности, чѣмъ болѣе развивается организація интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ, тѣмъ возможнѣе дѣлается устраненіе причинъ, препятствующихъ морализаціи общественныхъ органовъ.

Что касается, наконецъ, начала цѣлесообразности, также являющагося иногда причиной несоотвѣтствія дѣятельности общественныхъ органовъ этическимъ требованіямъ, то по этому поводу можно сказать слѣдующее. Начало цѣлесообразности есть одно изъ основныхъ началъ человѣческой дѣятельности вообще; оно состоитъ въ примѣненіи такихъ средствъ, при помощи которыхъ цѣль достигается наиболѣе совершеннымъ образомъ и съ наименьшей тратой силъ. Это опредѣленіе пригодно особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду достиженіе техническихъ цѣлей; когда же дѣло идетъ о цѣляхъ и средствахъ человѣческаго общежитія, тогда данное опредѣленіе будетъ недостаточнымъ и неполнымъ, такъ какъ въ немъ упущенъ элементъ этической. Если мы говоримъ, что цѣль достигается наиболѣе совершеннымъ образомъ, то, въ сферѣ общественной, это значитъ, что средства, примѣняемые для достиженія цѣли, не только ведутъ къ ней съ наименьшей тратой силъ, но и съ наименьшимъ вредомъ для другихъ. Такая цѣлесообразность могла бы быть названа этико-соціальной цѣлесообразностью, область примѣненія которой даже и въ настоящее время незначительна. Обыкновенно этической элементъ или совсѣмъ игнорируется, или ему отводится второстепенное мѣсто. Въ особенности часто это мы наблюдаемъ въ дѣятельности общественныхъ учреждений при достиженіи ими общественныхъ цѣлей. Такъ, мы видимъ, что государство жертвуетъ жизнью своихъ гражданъ въ цѣляхъ территориальныхъ приобретеній, или въ цѣляхъ развитія торговли и промышленности, или, просто, въ видахъ поддержанія національнаго самолюбія; мы видимъ также, что государство наказываетъ преступниковъ, лишаетъ ихъ свободы, здоровья и даже жизни въ цѣляхъ охраненія спокойствія и безопасности гражданъ. Очевидно, что въ подобнаго ряда случаяхъ этическія требованія отступаютъ на второй планъ. Благо отдѣльныхъ лицъ приносится въ жертву ради предполагаемаго блага цѣлаго, или большее зло предупреждается совершеніемъ меньшаго, — а иногда и наоборотъ. Чтобы свести нарушеніе этическихъ требованій къ минимуму, общественные органы должны руководиться началомъ этико-соціальной цѣлесообразности, т.-е. стремиться достигать общественныхъ цѣлей съ наименьшей тратой силъ и съ наименьшимъ вре-

домъ для гражданъ. Но для этого не только средства, но, главнымъ образомъ, и самая цель не должны стоять въ противорѣчii съ требованiями этики. Руководящими этическими принципами могли бы быть признаны въ этомъ случаѣ слѣдующiе: всѣ тѣ требованiя этики, которыя предъявляются къ индивидууму, могутъ и должны предъявляться и къ общественнымъ органамъ, такъ какъ эти послѣднiе всегда состоятъ изъ индивидуумовъ и проявляемая ими дѣятельность касается отношенiй человѣческихъ. Юридическое объективированiе этическихъ нормъ съ ихъ отрицательной стороны недостаточно. Право, какъ этической минимумъ, не удовлетворяетъ современному его назначенiю, которое заключается въ достиженiи возможно большаго снисхожденiя формъ социальнаго господства и зависимости. Эта задача права позволяетъ общественнымъ органамъ идти далѣе установленнаго этическаго минимума, путемъ юридическаго объективированiя положительныхъ этическихъ требованiй. Въ числѣ такихъ положительныхъ требованiй видное мѣсто должны занимать спасенiе жизни, помощь страждущимъ физически и душевно, доброжелательная форма внѣшнихъ отношенiй, огражденiе свободы личности, обезпеченiе нѣкотораго значенiя за требованiями, такъ называемой, «распределительной справедливости» путемъ пожертвованiя части личнаго имущества въ пользу недостаточныхъ классовъ. Всѣ эти основныя нравственныя требованiя могли бы быть разработаны и облечены въ юридическую форму, въ цѣляхъ регулированiя отношенiй между гражданами. Но общественные органы, какъ извѣстно, не только регулируютъ отношенiя между гражданами, но и самостоятельно принимаютъ многочисленныя мѣры въ видахъ достиженiя тѣхъ или другихъ цѣлей; нравственныя требованiя поэтому должны распространяться и на эту самостоятельную дѣятельность общественныхъ учрежденiй. Опытъ жизни убѣждаетъ насъ, что эти учрежденiя въ недостаточной степени пользуются не только положительными указанiями этики, но и отрицательными; въ виду этого можно желать, чтобы они отказались отъ такихъ дѣянiй, которыя ими самими воспрещаются гражданамъ; сюда, наприм., относятся лишенiе жизни, нанесенiе вреда здоровью, оскорбленiе личнаго достоинства и нравственнаго чувства, и т. п. Но помимо всего этого, отъ тѣхъ же общественныхъ учрежденiй можно и должно желать дѣятельности, согласной и съ положительными требованiями этики—въ томъ же направленiи, въ какомъ эта дѣятельность желательна со стороны частныхъ лицъ. Справедливое распределенiе матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ,—вотъ нравственный идеалъ, къ которому должно стремиться каждое общество.

Въ заключенiе этого очерка позволимъ себѣ еще разъ замѣтить, что вся исторiя развитiя европейскихъ обществъ показываетъ стремленiе ихъ къ нравственному усовершенствованiю; только процессъ этотъ совершается медленно и постепенно. Сократенiе его ускоренiю возможно, какъ замѣчено, путемъ влiянiя на самыя причины, препятствующiя болѣе успѣшному его теченiю; однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ этому служить соединенiе и организацiя интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ.

В. В. Ивановскiй.

Сравнительная психологія и методъ ея изученія.

Едва ли есть другая область человѣческихъ знаній, въ которой отвѣты науки относились бы къ ея вопросамъ въ такой мало утѣшительной пропорціи, какую мы видимъ въ психологіи.

Въ XX вѣку не успѣли договориться даже по вопросу о томъ, какъ должно изучать ее, и старый споръ между исследователемъ «съ глазами, устремленными внутрь себя», и ученымъ, ищущимъ отвѣта на вопросы внѣ и вокругъ себя, продолжаетъ оставаться открытымъ.

Въ XX вѣку мы еще не успѣли выяснитъ, въ какой степени психологія животныхъ можетъ служить факторомъ, разъясняющимъ психологію человѣка.

Съ одной стороны, вопреки даннымъ эволюціонной теоріи, многіе ученые въ Англіи и Америкѣ, вслѣдъ за Вундтомъ и Роменсомъ, продолжаютъ утверждать, что въ познаніи законовъ психологіи надо идти не отъ животныхъ къ человѣку и какъ разъ наоборотъ: измѣрять психику животныхъ «душою человѣка» и познавать ее этимъ, единственно-возможнымъ для насъ путемъ познания *). Съ другой стороны, тѣ изъ нихъ, которые изученіе психики животныхъ признаютъ надежнѣйшимъ путемъ къ познанію психики человѣка, не рѣдко отнимаютъ у психологіи, какъ науки, всякую самостоятельность, рассматривая ее какъ часть физиологіи и не допуская для изученія ея иного метода, кромѣ метода физиологическаго.

Въ XX вѣку мы не успѣли договориться даже по такому кардинальному вопросу науки: представляетъ ли психологія человѣка и такъ называемая зоопсихологія одну дисциплину знанія, или это—двѣ разныхъ науки, подлежащія изученію на двухъ разныхъ факультетахъ университетовъ, какъ это до настоящаго времени практикуется: психологія человѣка—на

*) Проф. Нью-Йоркскаго университета Осборнъ, авторъ известной книги *Отъ червя до Дарвина*, писалъ мнѣ по поводу моего исследования *L'industrie des Araignées*, что на митингѣ біологовъ въ Нью-Йоркѣ большинство высказалось за методологическія идеи Роменса.

филологическомъ факультетѣ, а психологія животныхъ—на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета?

Въ концѣ-концовъ получается нѣчто весьма поучительное: психологія, какъ ее признаютъ теперь всѣ авторитетные ученые, есть наука опытная и читаютъ ее у насъ, да и во многихъ западно-европейскихъ университетахъ, философы-метафизики на филологическихъ факультетахъ; психологія человѣка, по мнѣнію тѣхъ же авторитетовъ, немыслима безъ изученія и знанія психологіи животныхъ, а эта послѣдняя на филологическомъ факультетѣ остается совершенно неизвѣстной; предполагается изученіе зоопсихологіи на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, а на самомъ дѣлѣ ее тамъ либо не изучаютъ вовсе, либо изучается она не зоологами, а физиологами, и въ этомъ случаѣ не какъ самостоятельная дисциплина науки, а какъ отдѣлъ физиологіи.

Трудно себѣ представить большую путаницу въ самой постановкѣ этого предмета, какъ университетской науки; соперничать съ этой путаницей можетъ развѣ путаница въ методахъ изслѣдованія и въ опредѣленіи областей, составляющихъ отдѣльныя дисциплины все той же зоопсихологіи и психологіи человѣка.

Чѣмъ же объясняется такое явленіе и такая поразительная запоздалость въ изученіи предмета, имѣющаго колоссальное общественное значеніе?

Объясняется это тѣмъ, во-первыхъ, что изученіе психологіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова, началось, такъ сказать, съ конца: ее начали съ того, что въ длинной цѣпи развитія психическихъ процессовъ является е послѣднимъ звеномъ, т.-е. не съ животныхъ, а съ человѣка.

Понятно отсюда, что наука эта, несмотря на массу затраченнаго на нее труда, должна была очень долгое время «болѣе двигаться, чѣмъ не двигаться впередъ». Гегель, подведя итоги многочисленнымъ психологическимъ системамъ, построеннымъ за періодъ времени, отдѣляющій Аристотеля отъ его дней, долженъ былъ констатировать, что эта наука не далеко ушла отъ своего начала. Философы, въ рукахъ которыхъ находимось е изученіе, тщетно старались рѣшить задачу путемъ одного умозрѣнія.

И въ самомъ дѣлѣ, если оставить въ сторонѣ изслѣдованія Аристотеля *) то окажется, что на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ психологія представляла собою чуть ли не единственный уголокъ естествознанія, въ которомъ человѣческая мысль экспериментировала такъ долго безъ всякаго, или почти безъ всякаго отношенія къ фактамъ дѣйствительности. Философы-теологи, философы-метафизики, позднѣе даже философы-позитивисты, каждый въ своему, выбирали, группировали и освѣщали необходимый для нихъ возрѣ

*) Этотъ великій натуралистъ древняго міра посвятилъ описанію жизни животныхъ двѣ книги. Онъ сравниваетъ ихъ психическую дѣятельность съ дѣятельностью взрослыхъ людей, но чаще,—и это особенно интересно, съ дѣятельностью дѣтей. Онъ говоритъ объ отношеніяхъ однихъ животныхъ къ другимъ, о способѣ добыванія пищи, о жилищахъ и ихъ устройствѣ, о перелетахъ птицъ, о вліяніи вѣтрянныхъ условій на психику животныхъ, и о многихъ другихъ вопросахъ нашей жизни.

ній матеріалъ, изъ котораго въ концѣ-концовъ дѣлались заключенія, и строились цѣлыя теоріи.

Философы-теологи, съ ихъ антропоцентрической точкой зрѣнія, видѣли въ психологіи животныхъ только матеріалъ для иллюстраціи моральныхъ тенденцій и грубо уродовали дѣйствительность, какъ того требовали этическія задачи и высшія цѣли ихъ общаго міросозерцанія.

Метафизики, глядя по обстоятельствамъ, то надѣялись животныхъ умомъ, превышающимъ умъ человѣческій; то, какъ философы картезианской школы, отнимали у нихъ не только умъ, но и чувства, приравнивая всѣхъ ихъ къ живымъ автоматамъ. И этотъ пунктъ картезианской философіи былъ не только пунктомъ—онъ былъ пробнымъ камнемъ для распознаванія членовъ школы отъ чуждыхъ ей элементовъ.

Философы-позитивисты своимъ трактованіемъ предмета въ области психологіи животныхъ мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ: они больше другихъ обращали вниманіе на факты; но какъ и всѣ, пользовались ими съ *выборомъ* не того, что представлялось наиболѣе достовѣрнымъ, а того, что наиболѣе подходило къ руководящей идеѣ руководящаго направленія.

Въ этомъ огромномъ потокѣ давно уже, однако, пробивалась струя живого источника знанія, которая съ годами ширилась, росла и все чаще и чаще начинала обращать на себя вниманіе серьезныхъ представителей науки.

И вотъ, по мѣрѣ того какъ накопляемій точнымъ изслѣдованіемъ матеріалъ науки создавалъ ей все болѣе и болѣе прочное положеніе, становилось замѣтнымъ несоотвѣтствіе между терминомъ *зоопсихологія* и тою областью явленій которая должна подлежать изученію при изслѣдованіи психики животнаго мира.

Эта область увеличивалась, и граница, отдѣляющая предметъ отъ соедѣнныхъ дисциплинъ, стала казаться искусственной и несоотвѣтствующей дѣлу. Подобно тому какъ въ сравнительной анатоміи и физиологіи, по мѣрѣ накопленія точнаго знанія, становилось очевиднымъ, что проводить границу между міромъ животныхъ и міромъ человѣка нельзя, такъ, гораздо позднѣе, то же самое стало выясняться и въ психологіи.

По мѣрѣ накопленія точно изученнаго матеріала дѣлалось очевиднымъ и здѣсь, что останавливаться на психологіи животныхъ, на *зоопсихологіи*, какъ на чемъ-то обособленномъ отъ психологіи человѣка, невозможно.

Въ терминѣ *зоопсихологія* чувствовались рудименты прошлаго нашей науки—и теологической антропоцентраціи, и метафизической идеи о сущности животныхъ отъ анатоміи человѣка, искусственной на томъ основаніи, что граница эта въ одномъ случаѣ отдѣляла бы другъ отъ друга предметы съ одними (человѣкъ и высшія животныя), а въ другомъ вовсе не проводила бы, хотя разница между этими предметами гораздо болѣе значительна (анатомія позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ). Мы однако не гнѣбаемъ ошибки, когда говоримъ о зоопсихологіи, какъ о чемъ-то противо-

поставляемому психологиче­скому человеку. Я не хочу сказать этимъ, что вовсе не признаю границы, отдѣляющей эту послѣднюю отъ психологиче­скихъ животныхъ. Напротивъ, какъ рядомъ съ сравнительной анатоміей и физиологіей стоятъ анатомія и физиологія человека, основывающая свою самостоя­тельность не на однихъ только утилитарныхъ соображеніяхъ, такъ рядомъ съ сравнительной психологіей, и еще съ большимъ на это правомъ, должна стоять психологія человека.

Съ большимъ правомъ потому, что съ тѣхъ поръ, какъ въ мѣрѣ во­царилось орудіе мысли — слово, пропасть, отдѣляющая животный мѣръ отъ человека, становилась все большею и большею и въ наши дни превра­тилась быть можетъ въ единственную на земномъ шарѣ, черезъ которую хотя и перекинуть, но въ сущности ничего не соединяетъ.

Паскаль былъ правъ, сказавши, что человекъ тростникъ, но *мысля­щій тростникъ*, и потому выше всей вселенной, ибо она не мыслитъ. Вотъ этотъ-то мѣръ человеческой мысли, освѣщающій и объединяющій всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ слагается его духовная жизнь, и должна со­ставить область его психологиче­ского. Будучи достояніемъ исключительно чело­века она, — его психологія, — и изучаться должна методомъ исклю­чительнымъ: старый классическій методъ «съ глазами, устремленными внутрь себя» (introspection), съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, можетъ здѣсь оказать значительныя услуги.

Нѣтъ нужды, что правильнымъ заключеніемъ этого метода мѣшается трудно улавливаемая граница между объектомъ наблюденія и наблюда­ющимъ субъектомъ, что изучая въ себѣ, на примѣръ, фактъ волненія, наблюдатель не можетъ различить въ себѣ взволнованнаго состоянія, такъ какъ нельзя одновременно быть и спокойнымъ, и наблюдать въ се­бѣ состояніе взволнованности и т. д., и т. д. Пусть внутренній анализъ остается личнымъ, частнымъ, а не общимъ, — всѣ эти, какъ и другія трудности метода, давно извѣстны, и все же это не мѣшаетъ мнѣ полагать, что натуралисты, устами Геккеля признающіе добытыя этимъ ме­тодомъ заключенія «сплошной схоластической метафизикой», не вполне правы *).

*) Споры по этому пункту еще не кончены, хотя къ сказанному Ог. Контъ — съ одной стороны и Миллемъ — съ другой, существенно новаго ничего спорящими сто­ронами не присоединяется. Огюсть Контъ, какъ извѣстно, объявилъ рациональнымъ только одинъ физиологическій методъ психологиче­ского, отрицая всякое значеніе психологическаго, и назвалъ науку, построенную на послѣднемъ методѣ, *фантастической психологіей*.

„Для наблюденія ума въ немъ самомъ, — говоритъ Контъ, — необходимо преа­вить его дѣятельность, а самое желаніе наблюдать уже составляетъ его дѣятель­ность“; „если вы не можете сдѣлать остановку, то не можете и наблюдать; если вы сдѣлаете ее, то нечего будетъ наблюдать. Результаты такого метода соответствуютъ его нецѣлостности“.

Контъ предлагаетъ изучать умъ человеческій путемъ наблюденія другихъ умовъ, а не самонаблюденія.

Другое дѣло—психологія человѣка, поскольку онъ составляетъ только звено въ цѣпи организованныхъ существъ, поскольку онъ неразрывно связанъ съ міромъ животныхъ и можетъ быть познанъ лишь черезъ и при

Противъ ученія Конта, какъ извѣстно, высказались, между прочимъ, такіе авторитеты, какъ Милль и Льюисъ (*Милль и Льюисъ*: „Огюсть Контъ и положительная философія“, переводъ подъ редакціею Н. Неклюдова и Н. Тиблена).

„Какимъ образомъ, — спрашиваетъ первый изъ нихъ (стр. 58), — мы будемъ въ состояніи наблюдать умственные операціи у другихъ людей и объяснять ихъ проявленія, если *знаніе самихъ себя* не покажетъ намъ, что означаютъ эти проявленія?“. „Должность соображеній Конта о невозможности самонаблюденія, — говорить далѣе знаменитый философъ, — можетъ только удивлять, какъ они въ состояніи ввести кого-либо въ заблужденіе“.

Возврънія Милля и его сторонниковъ, конечно, ничего не измѣняютъ въ воззрѣніяхъ крайнихъ представителей физиологической школы.

„Разсуждать о душѣ отдѣльно отъ разсужденія о веществѣ, — говорить, наприм., Маудсли, — въ переищкахъ котораго она обнаруживается, такъ же бесполезно и нелѣпно, какъ по общему убѣжденію говорить объ электричествѣ или тяготѣніи, какъ силахъ, существующихъ отдѣльно отъ тѣхъ переищвъ веществъ, по которымъ одиѣмъ мы узнаемъ ихъ“ („Физиологія и патологія души“ Маудсли, стр. 66).

Упомянувъ объ ученіи Милля и его защитѣ субъективнаго метода, Маудсли въ свою очередь высказываетъ удивленіе тому, какъ можетъ этотъ мыслитель „проповѣдовать *теперь* доктрины, давно отжившія свое время“.

Едва ли однако такое крайнее преувеличеніе важности физиологическаго метода можетъ быть признано справедливымъ. Если бы мы и признали доказаннымъ мнѣніе Конта и его послѣдователей о томъ, что только физиологія можетъ свести психологію „изъ заоблачныхъ сферъ философіи на твердую почву точнаго изслѣдованія“ и что до тѣхъ поръ, пока психологія не будетъ имѣть физиологическаго фундамента, всякая психологическая система будетъ зданіемъ, построеннымъ на личныхъ мнѣніяхъ того или другаго философа, „на спиритуалистическихъ мечтаніяхъ и догматическихъ предразсудкахъ“, — если бы мы и признали все это доказаннымъ, то и тогда дѣло подвинулось бы еще немного впередъ.

У физиологій слишкомъ мало необходимаго для рѣшенія вопросовъ психологій матеріала; сами физиологи, даже преувеличивающіе значеніе ихъ науки, признаютъ это. Но если бы этого матеріала было и гораздо больше, то и тогда едва ли физиологія могла бы притязать на такую роль, въ которой ее считаютъ способной крайніе защитники физиологическаго метода изученія психологій. Можно рѣшительно сомнѣваться, чтобы она въ лучшемъ случаѣ могла дать что-нибудь болѣе того, что составляетъ субстратъ психологій. Это разумѣется много, очень много, но также разумѣется и далеко не все, особенно по отношенію къ психологій человѣка. Правда, и эта послѣдняя въ рукахъ физиологовъ успѣла сдѣлать значительные успѣхи и накопила тотъ небольшой матеріалъ, который заставилъ признать полезность этой науки даже представителей метода самонаблюденія.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что если одно самонаблюденіе недостаточно для рѣшенія задачи, потому что оно не даетъ рѣшенія и не можетъ дать его на многіе вопросы, то, съ другой стороны, какъ это справедливо замѣчаетъ Милль по поводу ученія Конта, „если бы даже стало гораздо болѣе извѣстнымъ, чѣмъ извѣстно теперь, что каждому духовному состоянію непосредственно предше-
ствуесть етъ, какъ ближайшая причина, опредѣленное нервное состояніе, — мы всетаки дол-
жны были бы согласиться, что рѣшительно ничего не знаемъ о характерѣ этихъ нерв-
ныхъ состояній; но и узнавши ихъ когда-нибудь, мы едва ли сдѣлали бы психоло-
гическія наблюденія излишними, потому что нельзя опредѣлить соотношенія между

посредствѣ этого послѣдняго. Поскольку дѣятельность человѣка есть продуктъ его инстинктовъ,—онъ является не человѣкомъ, а животнымъ, въ которомъ человѣкъ не хозяинъ, а рабъ прошлаго, рабъ своей заглѣтой кровью исторіи, какъ не залита ею исторія ни одного изъ заселяющихъ землю хищниковъ.

Какъ рабъ,—онъ повинуется своему хозяину, боится его и не бьется его. Не даромъ знатоки человѣческаго сердца утверждаютъ, зная себя и хорошо имъ извѣстныхъ людей до возможности безошибочно предсказать, какъ и что эти люди сдѣлаютъ при данныхъ условіяхъ жизни, они рѣшительно ничего не знаютъ, что и какъ сдѣластъ человекъ, когда въ немъ заговорятъ инстинкты.

Здѣсь конецъ пониманію, конецъ человѣческой логики, конецъ члвчческой психологіи. На очередь выступаетъ психологія животныхъ.

Не даромъ также восторженные поклонники страстей, преклоняясь вѣредъ звѣремъ въ человѣкъ, и проклиная его разсудочность, говорятъ, что «солнце человѣческой жизни закатилось». Оно, это солнце, эта жизнь безконтрольных, ничѣмъ не сдерживаемыхъ страстей, жизнь инстинктовъ,—дѣйствительно, и къ счастью цивилизованнаго человечества, заглѣлось навсегда, но къ сожалѣнію, только отчасти, а не сплоя! Во всякомъ случаѣ на смѣну стараго взошло новое солнце,—солнце разума; оно озаряетъ тернистый путь человечества и творитъ его грядущее; оно образовало и продолжаетъ увеличивать пропасть, отдѣляющую человека отъ міра животныхъ, который прежде всего есть міръ инстинктовъ, живающихъ въ человѣчествѣ послѣдніе дни творческой и активной роли.

Разумныя способности есть, конечно, и у животныхъ; съ несоизмѣнностью, однако, онѣ могутъ быть допущены лишь для нѣкоторыхъ группъ *одно изъ десяти* типовъ животнаго царства,—типа позвоночныхъ; причемъ и для такого исключительнаго меньшинства эта способность и характерна, и, главное, такъ элементарна, какъ это до сихъ поръ многими натуралистами даже и не подозрѣвается. Чѣмъ ближе становится извѣстной жизнь самыхъ высшихъ позвоночныхъ, чѣмъ чаще и точнѣе применяется при изученіи ея экспериментъ, тѣмъ предѣлы ея разумности суживаются все больше и больше, а характеръ ея оказывается все болѣе и болѣе своеобразнымъ, непохожимъ на характеръ психики человѣческой.

Вотъ почему едва ли я ошибусь, сказавши, что если человѣкъ, поскольку онъ является носителемъ разумнаго начала, составляетъ объектъ психологіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и подлежитъ изученію по своимъ, исключительно ей свойственнымъ, методамъ, то съ другой стороны, и глвдвумя

двумя вещами при наблюденіи только одной изъ нихъ". Самъ Контъ признаетъ (съ нѣкоторою непоследовательностью, какъ это отмѣчаетъ Милль, стр. 61) необходимость анализа умственныхъ способностей („des diverses facultés élémentaires") для котораго требуется изученіе духа безъ всякаго отношенія къ физическимъ условіямъ. Преемники Конта—Банъ и Спенсеръ—относятся къ предмету уже съ двойною точкой зрѣнія: психологической и физиологической.

ку, поскольку онъ составляетъ звено одной неразрывной цѣпи существъ съ царствомъ животныхъ, онъ вмѣстѣ съ послѣдними составляетъ одинъ общій объектъ изслѣдованія *сравнительной психологіи*.

Отсюда ясно, почему съ накопленіемъ болѣе точнаго изученнаго матеріала нашей науки становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ несоотвѣтствіе между терминомъ *зоопсихологія* и тою областью явленій, которая на сомомъ дѣлѣ составляетъ, или, вѣрнѣе, должна составлять сферу изслѣдованій психики животнаго міра. Съ этимъ вмѣстѣ все определеннѣе, и определеннѣе чувствовалась потребность обособленія сравнительной психологіи въ самостоятельную научную дисциплину. На эту потребность указываетъ не только существованіе термина: *сравнительная психологія*, который у нѣкоторыхъ авторовъ явился, очевидно, въ видѣ корректива къ понятію, выражаемому словомъ зоопсихологія, но, — и это, разумѣется, гораздо важнѣе, — появленіе ряда изслѣдованій, въ которыхъ (какъ, напр., въ прекрасной книгѣ Моргана: «Привычка и инстинктъ»), рѣчь идетъ объ *инстинктахъ* позвоночныхъ животныхъ и человѣка, вопросы же психологіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не затрогиваются вовсе.

Между тѣмъ такой дисциплины естествознанія въ университетской наукѣ, какъ я уже сказалъ выше, не существуетъ.

Невольно, поэтому, возникаетъ вопросъ: если потребность въ обособленіи сравнительной психологіи, какъ самостоятельной дисциплины естествознанія, дѣйствительно сложилась, то что же мѣшаетъ осуществленію этой потребности?

Мѣшаетъ этому цѣлый рядъ обстоятельствъ, — я укажу важнѣйшія изъ нихъ.

Прежде всего, по моему мнѣнію, этому, какъ и всякому прогрессу вообще, *мѣшаютъ традиціи*: человѣкъ все еще продолжаетъ быть въ своихъ глазахъ центромъ, къ которому все сводится, отъ котораго все исходить, и которымъ все измѣряется.

«Психологію животныхъ, — говоритъ Вундтъ *), — можно излагать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Или имѣется въ виду нѣчто вродѣ сравнительной физиологіи души, общей исторіи развитія душевной жизни въ ряду живыхъ существъ, и тогда *на первомъ планѣ будетъ стоять наблюденіе животныхъ*, а человѣкъ будетъ приниматься во вниманіе лишь настолько, насколько онъ самъ представляетъ одну изъ разсматриваемыхъ формъ развитія, хотя и высшую. Или же *душевная жизнь человека* представляетъ *главный объектъ изслѣдованія*: тогда можно пользоваться душевными проявленіями животныхъ для того, чтобы выводить изъ нихъ поясненія душевныхъ свойствъ человѣка».

Самъ Вундтъ понимаетъ задачу сравнительной психологіи въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и, устанавливая различіе между сравнительной физиологіей и сравнительной психологіей, пишетъ: «въ случаѣ надобности можно

*) „Душа человѣка и животныхъ“.

было бы изложить физиологію цѣлаго класса или вида животныхъ, напр., инфузорій или лягушекъ, не принимая вовсе во вниманіе аналогичныхъ функций у человѣка».

Эта точка зрѣнія на предметъ представляется чрезвычайно поучительной, какъ по имени автора, ее высказавшаго, такъ и потому, что она до нашихъ дней продолжаетъ быть руководящей для многихъ натуралистовъ Англіи, Америки и Германіи.

Не трудно видѣть, однако, какую огромную ошибку дѣлаетъ Вундтъ, въ самой постановкѣ вопроса. Онъ говоритъ: если мы будемъ имѣть въ виду нѣчто вродѣ общей исторіи развитія душевной жизни въ ряду животныхъ существъ (т.-е. одну изъ основныхъ задачъ сравнительной психологіи, замѣчу я отъ себя), то на первомъ планѣ стануть животныя, а не человѣкъ; если же мы сдѣлаемъ главнымъ объектомъ психологіи послѣдняго, то въ систематическомъ изученіи животныхъ нѣтъ надобности.

Другими словами: мы должны поставить своей задачей либо сравнительную психологію, либо психологію человѣка. Я полагаю, что такая альтернатива не только не вытекаетъ изъ общихъ задачъ естествознанія, но и стоитъ съ ними въ коренномъ и непримиримомъ противорѣчій. Матеріалъ, которымъ наука уже располагаетъ, не только даетъ намъ право, — онъ обязываетъ насъ признать, что сравнительная психологія составляетъ свою, а психологія человѣка — свою дисциплину знанія. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои задачи и свои цѣли, отнюдь не исключаютія другъ друга, — напротивъ, содѣйствующія пониманію каждой изъ нихъ порознь и въ ихъ взаимодействіи.

Интересно, что нѣкоторые ученые, какъ Льюисъ, напримѣръ, даже не могутъ себѣ представить, чтобы психологію животныхъ можно было изучать иначе, какъ методомъ субъективнымъ.

«Въ то время, какъ сравнительная анатомія, — говоритъ этотъ ученый, — имѣетъ дѣло съ органами, выдѣленіями и другими проявленіями жизненной дѣятельности, представляющими собою объективные факты, которые не требуютъ ни субъективнаго контроля, ни субъективнаго толкованія, сравнительная психологія имѣетъ дѣло съ явленіями чувствительности у человѣка и животныхъ; внѣшніе признаки ихъ могутъ быть очень сходны, но какое же ручательство въ томъ, что внутреннія чувства каждаго изъ нихъ также сходны?»

Взглядъ этотъ, очевидно, лишаетъ сравнительную психологію самыхъ основъ ея существованія.

Другимъ обстоятельствомъ, тормозящимъ завершеніе процесса обособленія сравнительной психологіи въ самостоятельную дисциплину и естествознанія, является физиологическій методъ изученія предмета.

Долгое время, будучи единственно точнымъ методомъ изученія предмета, онъ привелъ его представителей къ заключенію, что методъ этотъ — единственно возможный методъ.

А такъ какъ онъ отнюдь «не требуетъ обособленія части общей

хологии» въ самостоятельную научную дисциплину,—напротивъ, является въ ней объединяющимъ факторомъ, то сравнительная психологія, въ качествѣ самостоятельной дисциплины, не принимается ни фیزیологами, ни натуралистами, которые, вслѣдъ за первыми, видятъ въ фیزیологическомъ методѣ изученія предмета единственно возможный. Я полагаю, однако, что эти соображенія представляютъ собою плодъ глубокаго недоразумѣнія.

Какъ ни блестящи добытые фیزیологами результаты, они могутъ объяснить намъ только субстратъ психологіи, а не самую психологию; вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что и роль фیزیологическаго метода изученія скромнѣе, чѣмъ это думаютъ его сторонники и представители.

Я знаю, что цѣлая школа фیزیологовъ рассуждаетъ иначе, сожалѣя и недоумѣвая надъ фактомъ, что все еще существуютъ такіе ученые, которые не признаютъ психологию за часть фیزیологіи. Они видятъ явную непослѣдовательность въ воззрѣніяхъ этихъ немногихъ, составляющихъ исключеніе фیزیологовъ, на томъ основаніи, что если фیزیологія есть наука, изучающая жизненные процессы, то психологія входитъ въ кругъ ея изслѣдованій совершенно такъ же, какъ въ него входитъ изученіе обмѣна веществъ.

Вопреки этому утвержденію, я полагаю, что ученые, которые психологию частью фیزیологіи не считаютъ, стоять на болѣе вѣрномъ пути.

Совершенно соглашаясь съ Ферворномъ въ томъ, что задачу фیزیологіи до сихъ поръ составляло изученіе дѣятельности нервовъ, органовъ чувствъ, функцій мозга и ихъ взаимныхъ отношеній; вполне довѣряя его утвержденію, что до сихъ поръ никогда фیزیологами еще не предпринималось точное изслѣдованіе дѣйствительной сущности фیزیологическаго процесса, я именно поэтому-то и не могу согласиться съ авторомъ ни въ томъ, что явленіе это только временное, ни въ томъ, что обуславливается оно несовершенствомъ фیزیологическаго метода изслѣдованій предмета.

«Невозможно придти къ сколько-нибудь ясному пониманію въ этомъ направленіи,—говоритъ этотъ ученый,—пока предметомъ изслѣдованія остаются исключительно сложные духовные процессы человѣка или высшихъ животныхъ. На пути же, по которому идутъ современныя фیزیологическія изысканія, предметомъ изслѣдованія являются почти исключительно: человѣкъ, собака, кроликъ, морская свинка и лягушка; животныя безпозвоночныя употреблялись вообще для фیزیологическихъ цѣлей лишь очень рѣдко, а для специально-психологическихъ почти никогда».

Дѣло, по моему мнѣнію, вовсе не въ томъ, чѣмъ пользовались фیزیологи для своихъ изслѣдованій, а въ томъ, что задача фیزیологіи можеть идти дальше изслѣдованія дѣятельности нервовъ, органовъ чувствъ, функцій мозга и ихъ взаимоотношенія лишь очень недалеко.

Многое множество вопросовъ психологіи, какъ таковой, лежитъ за пределами компетенціи фیزیологіи, и ея роль по отношенію къ первой не больше, чѣмъ роль химіи по отношенію къ фیزیологіи, и претензіи химіи смо-

трѣть на физиологію, какъ на часть химіи, нисколько не больше, чѣм претензіи физиолога считать психологію частью физиологіи.

Во всякомъ случаѣ совершенно понятно, что разъ эта послѣдняя точка зрѣнія на взаимоотношеніе названныхъ дисциплинъ знанія существуетъ, мы не можемъ ожидать отъ ея сторонниковъ стремленія признать сравнительную психологію обособленной дисциплиной естествознанія, какъ, съ другой стороны, совершенно понятно, что разъ несостоятельность этой точки зрѣнія будетъ установлена въ наукѣ, то одна изъ причинъ, тормозящихъ обособленіе сравнительной психологіи въ самостоятельную область изслѣдованій, будетъ устранена.

Третье и самое важное обстоятельство, тормозящее обособленіе сравнительной психологіи въ самостоятельную дисциплину естествознанія заключается въ основательной презумпціи многихъ натуралистовъ, по которой *биологическій методъ изслѣдованія предмета*, т.-е. рѣшеніе вопросовъ зоопсихологіи, на основаніи данныхъ образа жизни животныхъ не заслуживаетъ довѣрія. Даже тѣ изъ нихъ, которые принципиально не ходятъ заслуживающей глубокаго интереса попытку зоологовъ путемъ изученія безпозвоночныхъ выяснить духовную жизнь высшихъ животныхъ, все же полагаютъ, что имѣющійся въ настоящее время матеріалъ по этому предмету составляетъ продуктъ одной сплошной методологической ошибки.

Зоологи, говоритъ Ферворнъ, наприм., вмѣсто методическаго, послѣдательнаго изученія предмета занимались описаніемъ выхваченныхъ изъ середины животныхъ группъ «наудачу и случайно»; съ особенной охотой они брали для этого группу насекомыхъ. Вслѣдствіе этого, заключаетъ онъ въ концѣ-концовъ, получилось то, что между учеными, занимавшимися изслѣдованіемъ психологіи животныхъ по даннымъ образа ихъ жизни, оказалось столько же равныхъ возрѣній, сколько и самихъ авторовъ.

Не трудно убѣдиться, однако, что ошибка, на которую указываетъ Ферворнъ, вовсе не представляетъ ошибки, что дѣло не въ выборѣ матеріала, и что огульная на этомъ основаніи оцѣнка результатовъ, добытыхъ путемъ биологическаго метода, вовсе не соответствуетъ дѣйствительности.

Можно взять на выдержку любую группу животнаго царства и дѣлать строго-научное изслѣдованіе психологіи этой группы; и наоборотъ, можно написать методологическое изслѣдованіе жизни животныхъ, начиная съ простѣйшихъ и кончая хоть обезьянами, а въ концѣ-концовъ дать только новую главу къ тѣмъ тысячамъ главъ, которыя давно и вполне заслуживаютъ стяжанія себѣ кличку *анекдотической зоологіи*.

Дѣло зависитъ не столько отъ матеріала, сколько отъ метода ея обработки. А такъ какъ описаніе жизни животныхъ считалось и не считывается продолжаетъ считаться занятіемъ доступнымъ всякому желающему, то и слѣдовало ожидать, за него прежде всего взялись такъ называемые любители природы. Ими, главнымъ образомъ, собранъ тотъ матеріалъ,

зоопсихологіи, который, къ сожалѣнію, продолжаетъ оказывать тѣмъ болѣе сильное и вредное вліяніе на развитіе нашей науки, что дилеттантскій приѣмъ въ описаніи любителями жизни животныхъ, такъ сказать, санкціонированъ цѣлымъ рядомъ авторитетныхъ ученыхъ.

Для пониманія душевной жизни животныхъ,—говорить, на примѣръ, Вундтъ въ своей книгѣ «Душа человѣка и животныхъ»,—надо мѣрять эту жизнь душевной жизнью человѣка.

Психологія животныхъ, по его мнѣнію, пошла ложнымъ путемъ, когда она, взявъ за образецъ сравнительную анатомію или фізіологію, сочла возможнымъ описать духовную жизнь животныхъ въ восходящемъ порядкѣ, безъ всякихъ другихъ психологическихъ данныхъ, и даже переносить оттуда выводы на человѣка.

По мнѣнію Вундта, надо поступать какъ разъ наоборотъ: надо судить о психологіи животныхъ по психологіи человѣка.

И вотъ, заручившись такимъ способомъ толковать явленія душевной жизни животныхъ, любители и любительницы природы наводнили литературу предмета безчисленными наблюденіями надъ умомъ насѣкомыхъ, надъ ихъ рѣчью, гражданскимъ чувствомъ и проч., и проч. Самъ Вундтъ, слѣдуя указанному имъ методу, даетъ такія описанія образа жизни нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ животныхъ и такія толкованія описываемымъ фактамъ, что они смѣло могутъ быть приняты за образецъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать наблюденій и выводовъ.

Эти-то наблюденія и выводы, дѣйствительно подавляющіе по своему обилію, и имѣютъ въ виду натуралисты, произносящіе свой огульный приговоръ надъ цѣнностью того біологическаго метода изученія сравнительной психологіи, съ помощью котораго эти выводы получены и который можно назвать *антропоцентрическимъ* или, чтобы не вводить новаго термина,—*субъективнымъ* методомъ изслѣдованія психологіи животныхъ.

Но этотъ приѣмъ біологическаго изученія предмета не одинъ; рядомъ съ нимъ можетъ существовать другой, который, въ противоположность первому, можно назвать *объективнымъ*, а болѣе точно—*эволюционнымъ*, и который при огульной оцѣнкѣ біологическаго метода обыкновенно упускается изъ виду. А между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно этому объективному методу и принадлежитъ будущее нашей науки.

Теперь становится все яснѣе и яснѣе, что *руководящія идеи*, въ свое время сыгравшія видную роль въ психологіи животныхъ, превращаются въ традиціи, которыхъ цѣнность дискредитируется каждымъ новымъ изслѣдованіемъ; что фізіологія не обнимаетъ, да и не можетъ обнять всѣхъ (а чь психологіи; что данныя субъективнаго метода изслѣдованія закан- чаютъ періодъ своего вліянія и начинаютъ получать все болѣе спра- и дливную оцѣнку. Остается одинъ путь, тотъ, благодаря которому біоло- гическій методъ изученія предмета, несмотря на недовѣріе къ нему, въ и нцѣ-концовъ завоевалъ себѣ вниманіе серьезныхъ ученыхъ, т.-е. *біоло- гическій объективный методъ*.

Въ сожалѣнiю, однако, и среди его сторонниковъ, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, царить еще поразительное разногласiе какъ по общимъ, такъ и по частнымъ вопросамъ.

Конечно, своеобразность и трудность изслѣдованiй служитъ тому одной изъ причинъ, тѣмъ болѣе существенной, что не только у насъ, въ Россiи, но и за границей число станцiй и лабораторiй, въ которыхъ могли бы производиться систематическiя изслѣдованiя такого рода,—ничтожно.

Но причина эта не одна. Рядомъ съ ней стоитъ другая въ равной, если еще не въ большей степени важная. Она заключается въ отсутствiи точно выработаннаго и научно-установленнаго метода изслѣдованiя, который можно бы назвать объективнымъ. Всѣ сторонники этого объективнаго метода пока согласны въ одномъ: нельзя продолжать оцѣнку психической дѣятельности животныхъ по аналогiи съ человѣкомъ; нельзя мѣрять эту дѣятельность мѣрою человѣческой психики. Это бесспорно огромный шагъ впередъ; но за нимъ, очевидно, долженъ слѣдовать другой: нельзя дѣлать такъ, какъ это дѣлалось; такъ какъ же должно дѣлать?

Вотъ этотъ-то основной и огромной важности вопросъ, сколько я знаю, до сихъ поръ продолжаетъ оставаться открытымъ.

Сторонники субъективнаго метода имѣли, хотя и ложный, но методъ, т.-е. такой путь изученiя предмета, которымъ выражалась одна изъ основныхъ идей общаго мiросозерцанiя его сторонниковъ; ихъ методъ былъ въ то же время одной изъ формулъ ихъ научной философи. Что же противупоставляютъ имъ тѣ, которые признали и субъективный методъ, и добытые имъ результаты неудовлетворительными? Даютъ ли они взамѣнъ одного метода—другой?

Насколько я знаю—не даютъ, и въ этомъ заключается все дѣло.

Правда, мы имѣемъ цѣлую серiю изслѣдованiй, либо сполна посвященныхъ вопросу о методѣ изученiя психологiи животныхъ, либо попутно касающихся этого вопроса съ большей или меньшей подробностью.

Но всѣ эти *методы*, какъ ихъ называютъ авторы, представляютъ собою—не методы науки, а простой *перечень условий и приемовъ* изслѣдованiя. Другими словами: то, что авторы противопоставляютъ субъективному методу, составляетъ не элементъ ихъ философскаго мiросозерцанiя, а добытые путемъ ихъ личнаго опыта практическiе приемы работы.

Не трудно понять, конечно, что при такомъ положенiи дѣла борьба сторонниковъ разныхъ направленiй стоитъ не въ одинаковыхъ условiяхъ. Какъ ни огромны недостатки субъективнаго метода изслѣдованiя, какъ ни очевидны они, но объединяющая ихъ философская мысль даетъ имъ тѣмъ большую силу, что со стороны противниковъ этого метода ему ничего противопоставлено. Хуже того: противопоставлено нѣчто разрозненное, иногда противорѣчивое, даже въ частностяхъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ изъ г-тературы предмета за послѣднiе годы.

Kline въ 1899 г. напечаталъ изслѣдованіе, которое назвалъ «*Методомъ въ психологіи животныхъ*» *). Что же онъ подъ нимъ разумѣетъ?

Братко говоря, методъ этотъ, по мнѣнію учнаго, исчерпывается *тремя положеніями*:

1. Нельзя ограничиваться только наблюденіемъ надъ жизнью животныхъ; еще менѣе того можно довѣряться описаніямъ этой жизни неспеціалистами, такъ какъ эти описанія вполне основательно названы анекдотической зоологіей.

2. Съ другой стороны, нельзя ограничиться только опытнымъ путемъ изслѣдованія, такъ какъ опытъ, измѣняя условія дѣятельности животныхъ, порождаетъ явленія, не соответствующія дѣйствительности.

3. Послѣдній пунктъ методики Клейна заключается въ томъ, что, въ виду неудовлетворительности двухъ первыхъ методовъ изученія, настоящимъ должно признать путь смѣшанный, который слагается изъ наблюденій и опытовъ, взаимно другъ друга контролирующихъ.

Этотъ методъ быть прижѣнецъ авторомъ къ изслѣдованію инстинктовъ, привычекъ и сознательной дѣятельности цыплятъ съ большою пользою, равно какъ и въ изученіи нѣкоторыхъ психологическихъ явленій другихъ животныхъ. Не трудно видѣть однако, что то, что авторъ называетъ *методомъ*, такового не представляетъ: все, на что онъ указываетъ, все это — совѣты относительно приѣмовъ изслѣдованія. Совѣты, безспорно, очень цѣнные, но въ нихъ нѣтъ того философскаго міросозерцанія, которое необходимо для того, чтобы превратить приѣмы въ элементы научнаго метода.

Совершенно аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ и въ изслѣдованіи *Mills'a*, озаглавленномъ: «Природа психическихъ способностей животныхъ и методъ ея изученія» **). Его методъ, подобно методу Клейна, въ сущности, слагается изъ четырехъ совѣтовъ:

1. Наблюденія надъ животными должны дѣлаться въ условіяхъ ихъ свободной жизни.

2. Явленія животной жизни и ихъ дѣятельности не должны сравниваться съ аналогичными явленіями и дѣятельностью человѣка.

3. Описаніямъ дилеттантовъ и свѣдѣніямъ изъ третьихъ рукъ не должно придаваться довѣрія, такъ какъ часто эти свѣдѣнія имѣютъ цѣнность анекдотовъ; наконецъ,

4. Особей одного вида животныхъ не слѣдуетъ мѣрять одною мѣрою, такъ какъ среди нихъ могутъ быть и слабые, и болѣе одаренные экземпляры.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, весь «методъ изученія психологіи животныхъ» *Mills'a*. Нельзя, разумѣется, не привѣтствовать категорическаго отриванія анекдотической зоологіи и рѣшительнаго недовѣрія къ выводамъ,

*) *Kline* (L. W.): „Methods in Animal Psychology“. (Amer. J. of Psychol).

**) *Mills*: „The nature of animal intelligence and the methods of investigating it.“ (Psychol. Rev. 1899).

построеннымъ по аналогіи съ человѣкомъ; нельзя также не признать справедливымъ требованіе изучать животныхъ въ условіяхъ свободной ихъ жизни; не лишенъ наконецъ основанія и совѣтъ различнаго отношенія къ особямъ одного вида животныхъ. За всѣмъ тѣмъ, однако, это опять не методъ науки, а простой перечень грѣмовъ изученія и перечень, вѣстакъ сказать, неполный. Почти такимъ же способомъ трактуеть о методѣ изученія психологій животныхъ и извѣстный знатокъ простѣйшихъ Ферворнъ *).

«Для изслѣдованія движеній—это относится ко всѣмъ психологическимъ изысканіямъ—можно, говорить Ферворнъ, держаться трехъ методовъ».

1. *«Методъ чистаго наблюденія, который состоитъ исключительно въ томъ, что движенія и жизнедѣятельность изслѣдуемаго объекта точно прослѣживаются, чтобы затѣмъ, приобрести возможно обширный матеріалъ для наблюденій, получить возможность дѣлать заключенія относительно психическихъ процессовъ, лежащихъ въ основанія движеній. При этомъ важно не давать себѣ увлекаться и не дѣлать выводовъ на основаніи единичнаго наблюденія,—ошибка, отъ которой страдаютъ многія изъ прежнихъ заключеній,—но всегда пользоваться для выводовъ цѣлымъ рядомъ наблюденій въ ихъ послѣдовательности. Методъ чистаго наблюденія—самый старинный и примѣнялся уже въ прошломъ столѣтіи; на немъ основывается большинство сдѣланныхъ въ литературѣ заявленій».*

2. *«Методъ наблюденія надъ состояніемъ при искусственно созданныхъ условіяхъ. Всѣ условія, которыя могутъ дѣйствовать въ природѣ на организмъ въ теченіе его жизни, воспроизводятся экспериментальнымъ путемъ, и при этомъ наблюдается, какимъ образомъ реагируетъ на нихъ изслѣдуемый объектъ. Въ то время, какъ предшествовавшій методъ имѣеть въ виду, главнымъ образомъ, произвольныя движенія, послѣдній преимущественно даетъ объясненіе отношенія движеній къ раздраженіямъ. Это тотъ путь, на которомъ физиологія растений собрала много цѣнныхъ фактовъ».*

3. *«Методъ проникновенія въ живой организмъ оперативнымъ путемъ. Онъ служитъ особенно для установленія мѣстопробыванія психическихъ процессовъ. Къ высшимъ животнымъ, особенно позвоночнымъ, этотъ методъ уже давно и съ большимъ успѣхомъ примѣнялся физиологами. Относительно протистовъ, напротивъ, оперативный путь примѣнялся лишь изрѣдка и почти исключительно для другихъ цѣлей. Особенно замѣчательны опыты дѣленія Нуссбаума и Грубера съ цѣлью открыть значеніе клѣточного ядра при регенерации. Только Геккель, при своихъ изслѣдованіяхъ надъ монерами, случайно сдѣлалъ важное наблюденіе, что монеры (специально Protomуха и Mухаструмъ) могутъ быть раздѣлены на нѣсколько частей, которыя совершенно такъ же дѣйствуютъ, какъ и неповрежденные монеры. Между тѣмъ, еще ничего неизвѣстно объ отношеніяхъ клѣточного ядра къ осуществленію психическихъ процессовъ».*

*) „Психо-физиологическая жизнь простѣйшихъ организмовъ“. *Научн. Осн.* № 9 за 1901 г.

«Недостаточность каждаго изъ этихъ методовъ въ отдѣльности для пониманія психическихъ процессовъ очевидна: поэтому необходимо примѣненіе всѣхъ трехъ методовъ въ соединеніи».

Съ двумя первыми методами мы уже знакомы. Остается третій, безспорно очень важный; но онъ не биологическій въ прямомъ смыслѣ этого слова и ничего не даетъ для его разъясненія.

Таковы и подобны имъ «методы» изученія психологіи животныхъ, указываемые авторами, посвящавшими этому вопросу спеціальное вниманіе.

Попутныя замѣчанія авторовъ даютъ намъ еще меньше для рѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ долженъ быть этотъ объективный биологическій методъ, какъ нѣчто противоположное методу субъективному.

Такъ, *Marshall*, наприм., со свойственной ему неопредѣленностью и туманностью выраженій, въ своей статьѣ «Инстинктъ и разумъ» *) ставитъ необходимымъ условіемъ изслѣдованія—*объективный методъ*, который выражается въ томъ, что натуралистъ долженъ подчинять внутреннія явленія внѣшнимъ условіямъ. Выражаясь проще, требованіе метода заключается въ томъ, чтобы психическія явленія изучались въ условіяхъ наблюденія и опыта и только. Супруги Печкамъ въ обширномъ изслѣдованіи надъ жизнью одиночныхъ осъ (*On the instincts and habits of the solitary Wasps*), пишутъ по поводу метода изученія психологіи животныхъ слѣдующее: «Единственный методъ, который приведетъ насъ къ возможности провести точную границу между инстинктомъ и разумными способностями уданнаго вида, заключается въ томъ, чтобы производить детальное изученіе психической дѣятельности многихъ его особей и этимъ путемъ выяснитъ, что въ этихъ дѣйствіяхъ принадлежитъ виду и что принадлежитъ особи. Первое будетъ дѣломъ инстинкта, второе—разума».

Являясь, однако, не элементомъ метода, а практическимъ совѣтомъ извѣстнаго приѣма, идея эта теряетъ всякую цѣну. Собственное изслѣдованіе авторовъ объ осахъ какъ нельзя лучше это доказываетъ. Да иначе и быть не могло: какъ бы ни были хороши приѣмы, но если они представляютъ собою только рядъ отдѣльныхъ совѣтовъ, если совѣты эти не объединяются одною общею идеей, которая вытекала бы изъ научно-философскаго міровоззрѣнія, то едва ли можно всегда разчитывать на точность сдѣланнаго изслѣдованія и на правильность устанавливаемыхъ этимъ путемъ выводовъ.

Что можетъ быть, напримѣръ, болѣе опредѣленно сформулированнымъ приѣмомъ изслѣдованія, какъ нижеслѣдующій: *не отрицать психическихъ дѣйствій животныхъ психикой человека?! А между тѣмъ Buttel-Reipen **), выставивъ этотъ методологическій приѣмъ, какъ основной тезисъ изслѣдованія, и высказавъ по адресу антропоморфизма цѣлый рядъ весьма справедливыхъ сужденій и осужденій, сдѣлалъ изъ своего тезиса нижеслѣдующее приложеніе.*

*) *Marshall (H. R.): „Instinct and Reason, an essay concerning the relation of Instinct to Reason... (N.-York. Macmillan).*

**) Sind die Bienen „Reflexmaschinen“? etc. (Biol. Centr.).

Обладают ли пчелы слухом?—спрашивает онъ,—и отвѣчаетъ: ничто намъ не мѣшаетъ предполагать, что обладаютъ. Правда,—говоритъ онъ,—до сихъ поръ никакими приемами не удалось обнаружить у нихъ этой способности, но... прежде всего мы не должны мѣрять психическія дѣйствія животныхъ психикой человѣка; стало быть, изъ того, что мы не можемъ убѣдиться въ наличности слуха у пчелъ, не слѣдуетъ, чтобы они его не имѣли и не могли слышать звуковъ, которые издають другъ для друга.

Могутъ ли пчелы сообщаться другъ съ другомъ? Точныя изслѣдованія не дають для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ никакихъ данныхъ, но... что же изъ этого? Мы не должны судить о дѣйствіяхъ животныхъ, по дѣйствіямъ человѣка и т. д., и т. д.

Въ концѣ-концовъ получилось именно то, что и должно было получиться при отсутствіи точно и научно установленнаго метода изслѣдованія. Однихъ приемовъ, какъ бы ни были они хороши сами по себѣ, для рѣшенія задачъ сравнительной психологіи недостаточно, какъ недостаточно, напримѣръ, знакомства съ технической стороной художественныхъ произведеній для самостоятельнаго творчества. Научное изслѣдованіе такое же творчество, какъ и всякое другое, съ тою лишь разницей, что это—творчество не одной только мысли, но мысли, непрестанно руководимой и направляемой научно установленными фактами.

Таковы соображенія, вслѣдствіе которыхъ мнѣ кажется, что главнѣйшимъ тормазомъ, главнѣйшей причиной, мѣшающей *сравнительной психологіи* сдѣлаться самостоятельной дисциплиной естествознанія,—является *отсутствіе научнаго метода биологическихъ изслѣдованій*.

Отсюда сама собою понятна важность этого очереднаго вопроса науки.

Мнѣ рѣшеніе его представляется нижеслѣдующимъ.

Я полагаю, что такимъ методомъ биологическихъ изслѣдованій въ сравнительной психологіи долженъ быть методъ *объективный*, или, выражаясь точнѣе, *эволюціонный*. Этимъ методомъ я пользовался въ своихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ *) и детально изложилъ его въ своей докторской диссертации: «Биологическій методъ въ зоопсихологіи».

Натуралистъ, желающій держаться его въ своихъ изслѣдованіяхъ, долженъ прежде всего помнить, что животные организмы, въ смыслѣ ихъ психологіи, не представляютъ существъ изолированныхъ, что они генетически связаны между собою, изъ чего слѣдуетъ, что для пониманія психики одного изъ нихъ или одной ихъ группы необходимо сравненіе ея представителей не съ конечною формою животныхъ существъ—человѣкомъ, а съ формами, непосредственно предшествующими этимъ группамъ и . а ними непосредственно слѣдующими.

*) L'industrie des araneina. Memoires de L'académie Imperiale des sciences : St-Petersbourg. VII série. T. XLIII, № 11.

Chelidon Urbica (Городская ласточка). Ея индустрія и жизнь, какъ матерія : сравнительной психологіи.

Другими словами, необходимо въ области сравнительной психологіи дѣлать то же, что дѣлаетъ для рѣшенія одной части своихъ задачъ сравнительная анатомія, подвергая сравненію свойства структуры органовъ между собою и восходя отъ простаго къ сложному.

Этотъ приѣмъ изученія вопросовъ сравнительной психологіи еще не приываетъ собою, однако, біологическаго метода науки; недостаточно зненія явленій психики однихъ животныхъ съ другими, необходимо сравненіе этихъ явленій жизни одного животнаго въ разные стадіи развитія—другъ съ другомъ, начиная съ первыхъ моментовъ ея прознія и до послѣднихъ ея моментовъ.

Отсюда два пути сравнительнаго изученія предмета *методомъ эволюціи*:

а) *Путь филогенетическій*, подъ которымъ я разумѣю изученіе психики животныхъ по матеріалу, въ основаніи котораго лежитъ жизнь, въ томъ или другомъ ея отношеніи къ таксономическимъ единицамъ биологической систематики животныхъ; *идея генетическаго родства психики организмовъ составляетъ его руководящую нить*; в) *путь онтогенетическій*, подъ которымъ я разумѣю изученіе психики животныхъ по матеріалу, который представляется этой психикой въ разные періоды ея жизни особи, съ момента, когда она такъ или иначе начинаетъ психически реагировать на воздѣйствіе среды—до ея смерти; *идея эволюціи психики индивида составляетъ ея ближайшую задачу*.

Какой методъ не только опредѣляетъ пути, которыми должно производиться изслѣдованіе вопросовъ науки,—онъ придаетъ смыслъ и новое значеніе тѣмъ приѣмамъ изслѣдованія, которые до сихъ поръ предлагались въ видѣ самостоятельныхъ «методовъ» изученія предмета. Больше того: укажетъ и матеріалъ изслѣдованія и даже самихъ изслѣдователей.

Ставя непремѣннымъ условіемъ изслѣдованій: а) хорошее знаніе основъ доктринъ біологіи животнаго царства, б) систематическую подготовку области зоологіи и с) изоширенную наблюдательность,—эволюціонный методъ устранить любительство и дилеттантизмъ въ нашей наукѣ и, такъ образомъ, навсегда покончить съ «классическимъ» субъективнымъ методомъ изученія предмета.

Я глубоко убѣжденъ, что только путемъ этого объективнаго біологическаго метода изслѣдованія и данныхъ, которыя могутъ быть доставлены химіей и физиологіей нервной системы, мы подойдемъ къ рѣшенію основной задачи сравнительной психологіи:

1. Выяснить характерныя черты животной психики, т.-е. главнымъ образомъ ихъ инстинктивную дѣятельность и ея отношенія къ разумнымъ особенностямъ животныхъ;

2. опредѣлить условія и факторы эволюціи психики въ животномъ мѣстѣ, и наконецъ;

3. свести психическую и органическую эволюцію къ единству.

Владиміръ Вагнеръ.

Добрые обычаи и нравы.

(Изъ воспоминаній исследователя.)

Бто бывалъ въ глухихъ, удаленныхъ отъ крупныхъ торговыхъ или промышленныхъ центровъ, поселеніяхъ, тотъ навѣрное сохранялъ самыя теплыя воспоминанія о простыхъ нравахъ и добрыхъ людяхъ этихъ малоизвѣстныхъ уголковъ. По крайней мѣрѣ я лично, исколесивши значительную часть Россіи, всегда находилъ въ такихъ именно деревняхъ и радужный приѣмъ, и добрыхъ людей, и хорошіе обычаи, и непопорченные нравы. Въ настоящемъ случаѣ я впрочемъ не имѣю въ виду дѣлиться впечатлѣніями собственно о людяхъ. Я намѣренъ передать лишь нѣсколько добрыхъ обычаевъ изъ жизни людей, обычаевъ, конечно, довольно характерныхъ и для тѣхъ, кто ихъ создавалъ.

Прежде всего я попрошу читателя мысленно перенестись на далекій сѣверъ Россіи—въ Сольвычегодскій уѣздъ, Вологодской губерніи, чтобы сразу отгнать тѣ условія, при которыхъ существуютъ здѣсь добрые обычаи и нравы у деревенскаго люда.

Какъ извѣстно, Сольвычегодскій уѣздъ принадлежитъ къ числу отдаленныхъ и глухихъ мѣстностей Россіи. Когда-то здѣсь господствовали именитые люди Строгановы, писавшіеся не въ примѣръ прочимъ «съ вичемъ» и державшіе въ своихъ рукахъ богатства сѣвера и сѣверо-востока современной имъ Руси. Тогда и жизнь текла здѣсь широкимъ и мощнымъ потокомъ. Но это было давно. Теперь можно найти здѣсь только слѣды пропалаго. Въ Сольвычегодскѣ и посейчасъ еще сохранились древній монастырь и Строгановскій соборъ. Но остатки эти какъ-то совсѣмъ не подходятъ къ теперешней жизни. Городъ такъ малъ, такъ малолюднъ, что, глядя на него, совсѣмъ не замѣчаешь за монастыремъ, соборомъ и церквами самаго города. Лѣтъ 20 тому назадъ, т.-е. въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, въ Сольвычегодскѣ, сколько мнѣ помнится, было около 1,200 душъ населенія обоаго пола и 12 или 13 церквей. Городъ, въ особенности въ лѣтнее время, представлялъ собою красивое мѣстечко, расположенное на высокомъ берегу р. Вычегды, съ чистымъ открытыми муравой, улицами, красиво высаженными церквами, широка

кальной поверхностью Вычегды и превосходными окрестностями; но на этомъ чистенькомъ городкѣ лежала печать чего-то пустынного, неполнаго, отсутствующаго, точно жители выѣхали куда-то за городъ, на поле, оставивши подъ присмотромъ немстигхъ изъ своихъ домашнихъ пустующія жилища и многочисленныя церкви. И тѣмъ не менѣ Сольвычегодскъ все-таки былъ самымъ крупнымъ и самымъ многолюднымъ мѣстомъ въ краѣ.

Мнѣ припоминаются здѣсь рассказы мѣстныхъ жителей о двухъ волостяхъ—Горковской и Гавриловской, заброшенныхъ въ глуши сольвычегодскихъ лѣсовъ и тундръ. Даже сольвычегодцы считали эти волости «непроходимую глушь», а населеніе чуть ли не дикарями. Больше полугода, въ теченіе всего времени, на которое оттаивала земля и болота (тундры), горковцы и гавриловцы теряли всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ, властями, почтой и пр., да и тогда, когда устанавливался санный путь, они вообще были не очень расположены заводить крѣпкія постоянныя сношенія съ чужими людьми. Жили они въ своемъ особнякѣ замкнутою и своеобразною жизнью—немного сѣяли, немного водили скотъ, ловили рыбу и охотились за звѣрями и птицей; но во всемъ—и въ хозяйственныхъ приемахъ, и въ домашней обстановкѣ, и въ міровозрѣніи—сильно отставали отъ деревенскаго люда другихъ частей уѣзда. Еще въ сороковыхъ годахъ горковцы и гавриловцы не знали, наприм., что такое колеса со спицами и многіе изъ нихъ совсѣмъ не видѣли «этого чуда», свои же телѣги они устраивали на каткахъ-колесахъ, приготовленныхъ изъ сплошной доски или отрѣзковъ отъ крупныхъ деревьевъ. Но вотъ въ тотъ станъ, въ который входили Горковская и Гавриловская волости, явился приставъ-реформаторъ. Замѣтивши «неправильность въ хозяйствѣ» подвѣдомственнаго ему мужика, т.-е. отсутствіе колесъ со спицами и ступицами, реформаторъ этотъ собралъ жителей и приказалъ: «чтобъ были телѣги на колесахъ со спицами!» Почесали горковцы и гавриловцы затылки, повздыхали, поохали, быть можетъ, даже поволновались маленько, но начали съ тѣхъ поръ обзаводиться колесами со спицами и, буквально выполняя приказаніе начальства, стали упразднять колеса-круги. Жили горковцы и гавриловцы въ курныхъ, прокопченныхъ избахъ. Одежда, столы, лавки, стѣны, украшенія—все это покрывалось слоємъ копоти. Картины и иконы такъ чернѣли, что терялись самыя изображенія. У крестьянъ даже рѣдко употреблялось слово икона. Сидятъ крестьяне во время досуга и играютъ въ кости, въ очень распространенную здѣсь игру; но такъ какъ азартныя игры не обходятся безъ фальши, то происходятъ частыя споры, пререканія... Все это, однако, быстро разрѣшается своего рода судомъ совѣсти: «А поцѣлуешь закоптѣлыша?»—спрашиваетъ спорящій противника.—Снимаютъ со стѣны закоптѣлыша, т.-е. икону, кладутъ ее торжественно на столъ и кто «поцѣлуетъ закоптѣлыша», тотъ и правъ. Такъ всѣ споры во бще разрѣшались. Ни судовъ, ни тяжбъ въ подобныхъ случаяхъ эти дѣ и природы не знали, и не было, говорить, случая, чтобы, цѣлуя икону, кто-либо покривилъ душой.

Конечно, все это передавали мнѣ въ видѣ курьезовъ. Впоследствии, знакомясь съ деревенскою жизнью Сольвычегодскаго края, я всюду встречалъ своеобразные мѣстные обычаи, отъ которыхъ такъ и вѣяло сѣдомъ стариною и зачастую чисто-дѣтскою примитивностью, но за которыми почти всегда крылись такія простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ строго нравственныя отношенія людей, какія сдѣлали бы честь любому высококультурному обществу.

Первое, что особенно поразило меня въ новомъ краю, это малое участіе въ жизни здѣшнихъ людей замка. На замокъ здѣсь очень рѣдко запирались строенія. Во многихъ случаяхъ жимы помѣщенія не были даже приспособлены, какъ это ведется въ другихъ мѣстахъ, къ запорамъ. Уходя изъ дому, хозяева просто-на-просто приставляли палку или палочку, прутикъ, щепочку снаружи къ притвореннымъ дверямъ. Это былъ знакъ, что никого не было дома. Сосѣди, родня, люди близкіе и хорошо знакомые, въ случаѣ нужды, могли по обычаю заходить въ домъ безъ хозяевъ, но, уходя обратно, они обязаны были приставлять подпорку къ дверямъ. Иногда ставилась у дверей иная, отличная отъ хозяйской, палка, чтобы хозяева знали, что въ ихъ отсутствіе кто-то былъ. Снимать подпорку и входить въ домъ людямъ незнакомымъ считалось неприличнымъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, при непогодѣ, морозѣ, наступленіи ночи и пр., чужой человекъ могъ зайти въ домъ, но лучшее, что оставалось ему сдѣлать въ такомъ случаѣ,—это дожидаться возвращенія хозяевъ домой.

Этотъ деликатный обычай соблюдался и въ городѣ, и въ деревняхъ. Хотя старики и сѣтовали на то, что съ каждымъ годомъ все больше и больше усиливалась нужда въ замкѣ, но способъ охраны дома подпоркой господствовалъ еще всюду по Сольвычегодскому уѣзду, и нарушение этого обычая считалось дѣломъ предосудительнымъ или по меньшей мѣрѣ не тактичнымъ. Лично со мною случилось даже маленькое недоразумѣніе. Будучи на охотѣ вблизи небольшого починокъ (деревушки), я зашелъ съ однимъ крестьяниномъ въ незнакомый мнѣ дворъ и, не зная разныхъ тонкостей мѣстнаго обычая, взялся было за старую метлу, приставленную къ наружной двери въ видѣ подпорки, но въ тотъ же моментъ услышалъ строгое: «что ты... что ты, Богъ съ тобою?»

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на моего спутника.

— Нельзя трогать,—внушительно добавилъ онъ.

— Почему?—спросилъ я.

— Мы вѣдь чужіе,—пояснилъ крестьянинъ.—Пойдемъ лучше въ другой починокъ. Тамъ должно люди есть.

Я по опыту зналъ неудобства нарушенія мѣстныхъ обычаевъ, послѣдовалъ совѣту моего спутника, и мы зашагали по направленію къ другому починокъ, отстоявшему отъ перваго въ трехъ верстахъ.

Раньше передъ тѣмъ я поставленъ былъ въ крайне неловкое положеніе, благодаря незнанію мѣстныхъ обыкновеній. Случай вышелъ настолько характерный, что я подробно расскажу его здѣсь.

Сольвычегодскій уѣздъ принадлежитъ къ числу охотничьихъ промысловыхъ мѣстностей. Особенно много здѣсь лѣсной и болотной птицы. Я, какъ охотникъ, захватилъ съ собою двустволку, въ которой, однако, одинъ стволъ былъ сильно попорченъ. Узнавши про обиліе птицы у самаго Сольвычегодска, я, конечно, пожелалъ поскорѣе починить ружье, но сильно сомнѣвался, чтобы въ такомъ глухомъ городишкѣ, какъ Сольвычегодскъ, можно было найти порядочнаго ружейнаго мастера. Сообщаю свои сомнѣнія мѣстному исправнику, самому знающему въ городѣ человѣку и къ тому же южанину по происхожденію.

— Напрасно вы сомнѣваетесь?—замѣтилъ мнѣ исправникъ.—У насъ сколько хотите найдете вы мастеровъ, и любой изъ нихъ починить ваше ружье не хуже патентованнаго оружейника.

— Однако,—возразилъ я,—въ городѣ, кажется, нѣтъ ни одного мастера.

— Въ городѣ нѣтъ,—отвѣтилъ исправникъ,—а въ деревняхъ ихъ много.

— Но какъ же отыскать мнѣ хорошаго оружейника?—спрашиваю я.

— Очень просто. Завтра воскресенье; выходите,—совѣтуетъ исправникъ,—на базаръ и любому мужику скажите, чтобы онъ прислалъ вамъ оружейника.

Такъ я и сдѣлалъ. Пробравшись на другой день на базаръ въ охотничій рядъ, гдѣ продавалась обыкновенно дичь, я попросилъ крестьянина, вынесшаго на продажу цѣлую кашолку дичихъ утокъ, указать мнѣ ружейнаго мастера.

— А ружье-то у тебя какое?—спросилъ меня крестьянинъ.—Барское, что-ль?

— Какъ, барское?—переспросилъ я.

— Стволы-то сколько?

— Двустволка,—объяснилъ я.

— Ну, такъ это не иначе, какъ въ Наволокъ надо.

И крестьянинъ пообѣщалъ мнѣ прислать оружейнаго мастера изъ деревни Наволокъ, освѣдомившись предварительно насчетъ моей квартиры.

Черезъ три или четыре часа тотъ же крестьянинъ привелъ ко мнѣ на квартиру парня. Это и былъ оружейникъ изъ Наволока.

— Вотъ Николаѣй отдай ружье, настояще починить,—рекомендовалъ онъ мнѣ парня.

Я недовѣрчиво посмотрѣлъ на юнаго, бѣлокураго и безусаго мастера, досталъ ружье и деликатно освѣдомился, кто же собственно будетъ чинить ружье—самъ ли Николая или, можетъ быть, его отецъ.

Оказалось, что вся семья состояла изъ оружейниковъ; чинить же ружье вѣдался Николая; изъ короткаго разговора выяснилось, что Николая хорошо понималъ, что и какъ надо сдѣлать. Я освѣдомился о цѣнѣ за работу. Николая подумалъ нѣсколько и назначилъ 80 копеекъ.

— Восемьдесятъ копеекъ!—невольно воскликнулъ я, припомнивши, что

на югъ Россіи въ двухъ мастерскихъ съ меня, въ видѣ особаго одолженія, запросили за ту же работу шесть рублей.

— Развѣ это дорого?—заговорилъ въ свою очередь Николка.—Работы вѣдь не мало.

— Да нѣтъ... Я не то... Я больше тебѣ дамъ, только ты сдѣлай, какъ слѣдуетъ, — началъ выпутываться я, благоразумно, казалось мнѣ, умолчавши о томъ, что требовали съ меня патентованные мастера.

— Про это не сумнѣвайся!—успокоительно замѣтили въ одинъ голосъ крестьяне.

Не безъ сомнѣнія, однако, я вручилъ свое ружье Николкѣ и условилъ о днѣ, когда оружейникъ долженъ былъ принести мнѣ исправленное ружье. При уходѣ моихъ посѣтителей я далъ десять копеекъ на чай крестьянину, который какъ-то покосился сначала на меня, потомъ на Николку, и нехотя, казалось мнѣ, взялъ мой гривенникъ, не сказавши ни слова. «Мало!» подумалъ я.

Пришелъ назначенный день—Николка не принесъ ружья. Прошло еще три дня—оружейникъ не показывался. Я началъ тревожиться, тѣмъ болѣе, что не зналъ даже фамиліи оружейника. «Должно быть,—порѣшилъ я,—пропало ружье».

Въ слѣдующее воскресенье рано утромъ Николка явился однаго съ ружьемъ.

— Ты, пожалуйста, не сердчай, что раньше не принесъ ружья, — началъ извиняться Николка.—Некогда было въ будни-то идти, а во вторникъ на «общихъ» былъ.

— Что это такое «общія»?—освѣдомился я.

— Это значитъ «пожни» (сѣнокосъ) двумя деревнями въ разъ убрали.

Оказалось, что деревня Наволокъ, въ которой жилъ Николка, имѣла въ общемъ владѣніи съ сосѣдней деревушкой сѣнокосъ и что сѣнокосъ этотъ, по искони заведенному обычаю, убирался сообща всѣмъ населеніемъ обѣихъ деревень. Обычай общинной уборки сѣна настолько вообще крѣпко поддерживался здѣсь, что ни одинъ крестьянинъ не рѣшился бы не явиться на работы въ назначенный день. Для молодежи обычай этотъ имѣлъ и свою долю привлекательности. Приходилось работать не одному, а сообща съ сверстниками. Самыя работы носили праздничный характеръ. Всѣ—и молодежь, и отцы, и пожилые люди—выходили на работы разряженными въ лучшія праздничныя одежды; на пожни и съ поженъ шли «гурьбой», массой; молодежь—парни и дѣвушки—въ это время пѣла пѣни, гармоника не умолкала, шутки и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ, дѣти рѣзвились и бѣгали въ перегонки, старики и отцы степенно вели разговоры про урожай и хозяйственныя нужды, матери и замужнія женщины принимали участіе въ увеселеніяхъ молодежи,—все, однимъ словомъ, устраивалось на торжественный ладъ. Естественно, что Николка имѣлъ совершенно резонныя основанія къ тому, чтобы не сдержатъ своего сѣна, такъ какъ, назначая мнѣ день возвращенія ружья, онъ не зналъ, что

старикъ порѣшили уборку общихъ сѣнокосовъ именно въ этотъ праздничный день. Тѣмъ не менѣ молодой оружейникъ считалъ, повидимому, неделикатнымъ свой невольный проступокъ. Послѣ я неоднократно замѣчалъ, насколько щепетильны въ такихъ случаяхъ были крестьяне заолустныхъ сольвычегодскихъ деревень, представляя въ этомъ отношеніи яркую противоположность сольвычегодскимъ мѣщанамъ, назойливому и безцеремонному до безобразія классу городскихъ обывателей.

Я осматрѣлъ переданное мнѣ Николюкою ружье. Работа вышла вполне удовлетворительною и поражала изяществомъ заново сдѣланныхъ частей. Передавая Николюкѣ рубль за работу, я рѣшилъ прибавить еще нѣсколько мелочи, считая невѣроятно низкою плату за починку ружья, назначенную Николюкою; но послѣдній рѣшительно заявилъ, что онъ не можетъ взять у меня даже рубля, такъ какъ у него нѣтъ 20 коп. сдачи. Я началъ уговаривать молодого оружейника взять маленькую прибавку за работу, стоившую въ другихъ мѣстахъ въ нѣсколько разъ дороже, и Николашка еле-еле согласился оставить у себя сдачу въ 20 коп.

Прошло нѣсколько дней. Я бродилъ по лѣсу и случайно натолкнулся на двухъ дѣвочекъ, собиравшихъ «губы», т.-е. грибы. Маленькія сборщицы грибовъ сообщили мнѣ, что онѣ изъ деревни Наволокъ и что деревня эта близко отъ лѣса. Такъ какъ вечерѣло, то я рѣшилъ заночевать въ Наволокѣ и попросилъ дѣтей свести меня въ деревню къ Николюкѣ. Послѣдняго я засталъ дома, и когда зашелъ въ избу, то нашелъ здѣсь въ сборѣ, повидимому, всю семью — дѣда, маленькаго и бодрого старика, отца, мать, младшаго брата и еще двухъ малышекъ. Поздоровавшись, по обычаю, я попросилъ у хозяевъ позволенія переночевать въ избѣ. Въ отвѣтъ на это старикъ нѣсколько разъ произнесъ: «милости просимъ, милости просимъ!» Хозяйка начала готовить ужинъ. Самъ хозяинъ показался мнѣ суровымъ, непривѣтливымъ. Николашка упорно молчалъ. Я почувствовалъ нѣкоторую неловкость, но тутъ меня выручилъ старикъ. Съ несвойственною его возрасту живостью, онъ началъ расспрашивать меня про мою родину, живо интересуясь всѣмъ, что представляло для него новизну. Мало-по-малу въ разговорѣ приняли участіе хозяйинъ и хозяйка. Рѣчь перешла, между прочимъ, на мою двустовку. Я похвалилъ работу Николюки.

— Николашка-то исправилъ тебѣ ружье хорошо, — замѣтилъ при этомъ хозяинъ, — на то онъ ученъ, да ты вотъ не хорошо съ нимъ сдѣлалъ.

— Что такое? — не безъ тревоги спросилъ я.

— Сколько онъ запросилъ съ тебя за работу? — въ свою очередь спросилъ меня хозяинъ.

— Восемьдесятъ копеекъ.

— А сколько ты ему далъ?

— Рубль.

— Зачѣмъ же ты ему далъ рубль, а не восемьдесятъ копеекъ?

— Какъ зачѣмъ? Прибавилъ 20 коп. на чай за хорошую работу.

— Вотъ это-то и не хорошо. Прибавлять не слѣдовало. Боли Никола

запросилъ съ тебя 80 коп., то, значить, онъ не въ обиду себѣ такую цѣну назначилъ. Мы тоже свой расчетъ ведемъ: высчитываемъ за время и за матеріалъ. Намъ, можетъ быть, сходно было взять не 80 коп., а меньше. А ты вотъ далъ зря лишнихъ 20 коп. Теперь Ниголка у меня, что красна дѣвица—въ ротъ ничего не беретъ, отца слушаетъ, не шалитъ, не таятся. А что если бы онъ утаилъ отъ меня 20 коп. да зашелъ съ пріятелемъ въ кабачокъ да попробовалъ вина?

Признаюсь откровенно, я почувствовалъ себя въ положеніи провинившагося школьника. Упрекъ, сдѣланный мнѣ, былъ совершенно справедливъ. Своею неумѣстной двадцатикопеечною прибавкой я чуть не внесъ было въ семью раздора. Поневолѣ пришла на умъ поговорка: «со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся», да еще съ такимъ плохимъ уставомъ, какъ барскія подачки на чаекъ или на водку. Разумѣется, я крѣпко-на-крѣпко рѣшилъ вести себя съ этого раза возможно осмотрительнѣе по отношенію къ захомустанному сольвычегодскому крестьянину.

Мой невольный промахъ заставилъ меня пристальнѣе всмотрѣться въ своеобразныя отношенія здѣшняго крестьянина къ чужимъ людямъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что у мѣстныхъ крестьянъ было не въ обычаѣ брать на чай или на водку. Услуга съ ихъ стороны, въ видѣ работы или затраты нужнаго времени, просто переводится на деньги по стоимости рабочаго дня. Ходилъ какъ-то я въ глубь дѣсовъ и тундръ «на путики», т. е. на охотничьи участки, за рябчиками и тетеревами, съ мѣстнымъ охотникомъ; въ это время шла молотба хлѣба, и крестьянинъ-охотникъ высчиталъ, поэтому, сколько стоилъ ему недѣльный прогулъ и только за это взялъ съ меня плату, не кланча на чаекъ, несмотря на то, что мы притащили дичи на вдвое или втрое большую сумму. Въ такія сдѣлки мнѣ приходилось потомъ вступать съ мѣстными крестьянами очень часто, и разъ послѣдніе находили, что въ ихъ пользу поступало больше того, сколько считали они себя въ правѣ взять, — этотъ излишекъ всегда возвращался мнѣ въ видѣ разнаго рода предметовъ. Далъ какъ-то я двустоволку на недѣлю — за это мнѣ притащили двѣ пары рябчиковъ и никакими доводами я не могъ убѣдить своихъ пріятелей въ томъ, что на двѣ пары добытыхъ не мною рябчиковъ я не имѣлъ никакихъ правъ. «Такой обычай у насъ, — твердили мнѣ, — ты ужъ насъ не обижай». Схитрилъ я и подарилъ при этомъ мальчику, умѣвшему уже стрѣлять, пистоновъ, пороху и дроби, но черезъ недѣлю мнѣ притащили громаднаго глухаря. Однимъ словомъ, истые крестьяне считали несправедливымъ и позорнымъ для себя брать какія-либо надбавки съ чужихъ людей. Брали обыкновенно на чай или на водку только ямщики да перевозчики и лодочники на перевозахъ. Въ самомъ Сольвычегодскѣ это обыкновенно доведено было до крайности. Горожане не только просили на чай или на водку, но и просто-таки подачки. Особенно назойливо приставали ко всякому новому лицу дѣти съ своимъ безконечнымъ: «дайте копейку!» Деревенскій же людъ, въ особенности жители глухихъ деревень, крайне неодобрительно относились къ

денежнымъ подачкамъ и надбавкамъ, усердно помогая въ то же время другъ другу «кусочками». Подаваніе кусочковъ, взаимныя услуги освящены были обычаями взаимопомощи, широко проникнувшимъ въ общинную жизнь сѣвернаго крестьянина; но отношенія къ чуждому крестьянской средѣ челоуѣку мѣрились уже иною мѣрой. Такъ, оказалось, напримѣръ, что десять копеекъ, предложенныхъ мною на чай тому крестьянину, который привелъ ко мнѣ Николку-оружейника, послужили предметомъ оживленныхъ толковъ и разсужденій между крестьянами-односельцами и сосѣдями. Деньги здѣсь вообще очень дороги. Въ ту пору, когда я далъ 10 коп. на чай (передъ началомъ сѣнокошенія), крестьяне ходили на поденщину по 15 и 20 коп. На этомъ основаніи «деревенскій миръ» осудилъ своего сочлена, взявшаго безпрекословно гривенникъ «ни за что, ни про что». Зналъ общее мнѣніе на этотъ счетъ и Николка. И вдругъ тотъ же Николка взялъ на чай 20 копеекъ, т.-е. стоимость цѣлаго рабочаго дня. Естественно, что отецъ считалъ нужнымъ пожуричь Николку, и когда подвернулся подъ руку тому же обиженному отцу я самъ, то онъ и меня отчиталъ безъ стѣсненія за мою нетактичность.

Такимъ образомъ «брошенные», выражаясь языкомъ отца Николки, «зря» гривенникъ и двугрибенный внесли въ деревенскую среду своего рода бурю, улегшуюся лишь тогда, когда крестьяне ближе ознакомились со всѣми обстоятельствами дѣла. Деньги—рубль и копейка—не успѣли еще опомнать добрыхъ патриархальныхъ отношеній сѣвернаго труженика. Обычаи своихъ предковъ крестьянинъ считалъ еще выше «презрѣннаго металла». Меня часто поражала та образцовая точность, какую соблюдали крестьяне въ денежныхъ счетахъ. Случалось, наприм., при покупкахъ на базарѣ не дополучить съ деревенскихъ продавцовъ двѣ или копейку сдачи. Проходила недѣля, двѣ, иногда даже мѣсяць, вы, конечно, совершенно уже забыли не только про недоданную копейку или двѣ сдачи, но и про самый случай покупки; неожиданно, однако, является къ вамъ незнакомый крестьянинъ или крестьянка и вручаетъ сдачу. Разъ какъ-то я потерялъ на берегу рѣки 5 копеекъ. Вблизи находилась партія крестьянъ, ожидавшихъ на перевозѣ «карбаса», т.-е. большой лодки. Кто-то изъ этихъ крестьянъ нашелъ мою пятикопеечную монету. Пошарили крестьяне въ собственныхъ карманахъ—пятани были на своихъ мѣстахъ; стали соображать, кто же потерялъ, и такъ какъ я въ это время шелъ по берегу рѣки, то меня догнали и торжественно вручили затерянный пятакъ.

По отношенію къ утеряннмъ предметамъ сольвычегодскіе крестьяне проявляли такую похвальную честность и заботливость, какихъ мнѣ не приходилось встрѣчать нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. Разъ, во время охоты, я обронилъ на лугу изъ яхташа четвертушку бумаги, испещренную алгебраическими выкладками. Случайно были на томъ же лугу мальчики. Найдя бумажку, они передали ее взрослому грамотѣю. Послѣдній попробовалъ было прочесть алгебраическія выкладки, но «бумажка не далась» чтецу. Тогда грамотѣй нашелъ необходимымъ предъявить мудреную бумажку на

міру другимъ грамотѣямъ. Никто, однако, не могъ «осилить» бумажки. Деревня заинтересовалась находкою. Собрали сходъ. Кто-то высказалъ догадку, что потерялъ бумажку, вѣроятно, я и что «бумажка ученая», а потому и очень важная. Сначала на сходѣ рѣшено было нарядить кого-либо изъ молодежи и отослать бумажку мнѣ въ городъ. Но крестьяне-охотники «доказали», что такія же бумажки я часто употреблялъ на пыжи для ружья и что, можетъ быть, эта бумажка не имѣетъ особой цѣны для меня. Тогда сходъ поручилъ тому же грамотѣю, которому мальчишки передали на луку бумажку, привѣрѣнить ее ниточками къ дереву гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ на луку. Такъ какъ я часто бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, то крестьяне предположили, что я замѣчу потерянную бумажку, и если она мнѣ нужна, то я и подберу ее. Время было рабочее и лучшей комбинаціи нельзя было придумать, чтобы «довести дѣло до конца». Дѣйствительно, прохода нѣсколько дней спустя по луку, я издали замѣтилъ на одиноко стоявшей рябинѣ бѣлѣвшую бумажку. Подхожу къ рябинѣ и нахожу знакомыя мнѣ алгебраическія вычисленія. Бумажка, конечно, не имѣла для меня никакой цѣны, но я заинтересовался самымъ фактомъ прикрѣпленія ея къ дереву. Съ ближайшей деревнѣ крестьяне рассказали мнѣ, какъ это произошло.

Въ другое время въ Сольвычегодскѣ случилось цѣлое происшествіе съ гусемъ, породившее не мало разговоровъ въ городѣ и по окрестнымъ деревнямъ. Дѣло было такого рода. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ нѣтъ вообще домашнихъ гусей. Но одному казначейскому чиновнику удалось купить у крестьянъ свѣжія яйца дикихъ гусей. Яйца были положены подъ насѣду, которая и вывела гусятъ. Гусята превратились затѣмъ въ гусей и создали казначейскому чиновнику своего рода репутацію обладателя рѣдкихъ птиц. На гусей, какъ на диковинку, приходили глазѣть и горожане, и крестьяне изъ деревень. Самъ казначейскій чиновникъ гордился своимъ приобретеніемъ. Но вотъ въ одно время пропадаетъ изъ стада гусь. Чиновникъ передалъ свое горе знакомымъ. Пошли толки по городу, а изъ города перешли затѣмъ въ деревню. Около того же времени мой знакомый охотникъ принесъ и продалъ мнѣ дикаго гуся. Злые языки начали утверждать, что «казначейскаго гуся» убилъ охотникъ Петръ. Раза два приходилъ ко мнѣ казначейскій чиновникъ, чтобы разспросить, каковъ былъ проданный мнѣ гусь. По признакамъ, однако, купленный мною гусь не походилъ на «гуся казначейскаго». Мнѣ проданъ былъ «старый, матерой гусь», а у чиновника пропалъ «молодой гусачокъ». Молва тѣмъ не менѣе обвиняла въ исчезновеніи «казначейскаго гуся» Петра-охотника. Несчастный охотникъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ и каждый разъ усердно просилъ рассказать всѣмъ, что онъ продалъ мнѣ «старого матерого гуся». Все было напрасно. За Петромъ успѣла уже установиться неблаговидная репутація, да и по моему адресу, кажется, сыпались со стороны городской знати сѣтованія, какъ же я, человѣкъ умный, далъ провести себя Петру. Если прибавить къ этому, что Петръ-охотникъ пользовался до того репутаціей честнѣйшаго человека, то можно себя представить весь ядъ обвиненій, сыпавшихся на Петра,

который неоднократно крестился, божился и даже крестъ цѣловалъ въ томъ, что онъ былъ неповиненъ въ исчезновеніи казначейскаго гуся.

Дѣло было осенью, во время осенняго перелета гусей. Гуси тянулись вереницами по Вычегдѣ и Сѣверной Двинѣ и собирались громадными стадами при слияніи этихъ рѣкъ на лугахъ деревни Ботласъ, того самаго Ботласа, къ которому теперь проведенъ сѣверный желѣзнодорожный путь. И вотъ на лугу деревни Ботласъ и продолжилась «исторія съ казначейскимъ гусемъ». Одна изъ котласкихъ крестьянокъ, вставши рано утромъ и взявши ведра, отправилась къ Двинѣ по воду. Выйдя за околицу, она замѣтила стадо дивихъ гусей. Гуси, какъ и слѣдовало дикимъ гусямъ; улетѣли, лишь только подошла крестьянка къ нимъ на близкое разстояніе, но, къ удивленію послѣдней, одинъ гусь не улетѣлъ, а остался на мѣстѣ. Крестьянка бросила ведра и стала осторожно подходить къ гусю. Гусь въ свою очередь самъ началъ подходить къ крестьянкѣ и дался въ руки. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ водворенъ въ избѣ крестьянки. Скоро весь Ботласъ узналъ, что живой и здоровый гусь «самъ дался въ руки Марѣ». Пошли осмотры диковинной птицы. Гусь оказался, какъ гусь, и не только никого не дичился, но даже «гоготалъ», когда пробовали его кормить. Происшествіе было настолько выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, что рѣшено было собрать сходъ, чтобы «опредѣлить къ мѣсту гуся». На сходѣ умные люди сдѣлали предположеніе, что гусь, во-первыхъ, былъ несомнѣнно ручной, а, во-вторыхъ, видимо, попалъ въ стадо дивихъ гусей либо изъ цирка, либо отъ хозяина, водившаго гусей. Послѣднее мнѣніе казалось вѣрнѣе. Начали припоминать и вспомнили, что въ одной деревнѣ, верстахъ въ 30 отъ Ботласа, водилъ гусей мѣстный священникъ. Рѣшено было извѣстить священника о найденномъ въ Ботласѣ ручномъ гусѣ. Но при этомъ кто-то вскользь замѣтилъ: «а что если батюшка присвоить чужого гуся?» Тогда избраны были два крестьянина, отличавшіеся умнѣемъ вести политику, которымъ и поручено было побывать въ первое же воскресенье у священника, водившаго гусей, и вывѣдать поосторожнѣе, не пропалъ ли у него гусь. Избранные крестьяне взялись выполнять порученіе схода, такъ какъ время наступило свободное, нерабочее, а «ноги у крестьянъ были свои, некушленные». Посланцы прибыли въ село, стороною узнали, сколько было у батюшки гусей и всѣ ли они состояли налицо. Но этого было мало. Посланцы зашли къ священнику и, принявши благословеніе, попросили показать имъ гусей. Батюшка исполнилъ желаніе крестьянъ. Начались длинные разспросы про то, какъ батюшка вывелъ изъ «дивихъ яищъ» гусей, сколько пропало птицы и сколько осталось налицо, какого нрава были гуси, давались ли они въ руки, летали ли въ поле и пр. Въ концѣ концовъ крестьяне убѣдились, что у батюшки «всѣ гуси были дома». Благоразумно, не проронивши ни одного слова батюшкѣ о цѣли своего посѣщенія, котласцы снова подошли подъ благословеніе священника и, простившись съ нимъ, отправились во-свои. Собранный былъ вновь сходъ. Но въ то же воскресенье другіе котласцы побывали на базарѣ въ Сольвычегодскѣ и при-

несли извѣстіе про гуся, пропавшаго у казначейскаго чиновника. Ниточка была найдена, но котласцы,—если память не измѣняетъ мнѣ,—продѣлали то же и съ казначейскимъ чиновникомъ, что продѣлано было съ батюшкой. Гусь былъ отданъ по принадлежности. Петръ-охотникъ торжествовалъ, а я просто-таки ушамъ не вѣрилъ, слушая вышеизложенныя подробности происшествія «съ казначейскимъ гусемъ».

Занося все это на бумагу, я живо себѣ представляю убогія деревушки Сольвычегодскаго края, полную лишений жизнь ихъ обитателей, крайне невзрачную обстановку человѣческихъ жилищъ и донельзя несложныя потребности населенія. Такой бѣдности, какъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, я ни до того, ни впоследствии нигдѣ не встрѣчалъ. Сольвычегодскій крестьянинъ былъ бѣденъ вдвойнѣ: и потребностями, и средствами для удовлетворенія ихъ. Очень мало было такихъ семей, у которыхъ хватало собственнаго хлѣба на прокормленіе въ теченіе года. Не много было и такихъ, члены которыхъ могли вдоволь наѣдаться чернымъ хлѣбомъ. Особенно поражало меня отсутствіе у здѣшняго населенія теплой одежды. При длинной почти восьмимѣсячной зимѣ и суровыхъ тридцатиградусныхъ морозахъ, у большей части населенія нѣтъ ни шубъ, ни полушубковъ. Надѣнетъ крестьянинъ одинъ или два легкихъ зипуна и отправляется въ путь въ самую жестокую стужу. Несмотря на обиліе лѣса, черныя дымовыя избы всюду по уѣзду довольно распространены. Не всякому крестьянину оказывается по карману самая недорогая русская печка. Расходы на окна и тѣмъ болѣе на внутреннія украшенія жилищъ картинами или иконами уже стѣсняли хозяевъ въ денежныхъ средствахъ; удовлетвореніе личныхъ потребностей, внѣ обычныхъ рамокъ жизни, сводилось къ возможности выпить рюмку водки и купить «въ кои-то вѣки» на нѣсколько копеекъ пряниковъ или рожковъ для дѣтей; «черепяной свистулькой, — по замѣчанію одного моего знакомаго крестьянина, — не всякій тоже могъ тѣшить дѣтшекъ»; приобрѣтеніе гаруснаго пояса или ярко-краснаго платка составляло для многихъ предметъ завѣтныхъ мечтаній. Часто парни и взрослые ходили за 15 и 20 верстъ «въ Соль», т. е. въ Сольвычегодскъ, чтобы полакомиться здѣсь на двѣ или на три копейки «морковкою». Самые вкусы у населенія были мало развиты. Мои знакомые крестьяне утверждали, что «бѣлымъ хлѣбомъ нельзя наѣсться», и сильно сомнѣвались въ томъ, чтобы были такія мѣстности, населеніе которыхъ питалось бы однимъ пшеничнымъ хлѣбомъ. Я давалъ старикамъ, старухамъ, взрослымъ и дѣтямъ пробовать прекрасныя южныя яблоки, но всѣ они—и большіе, и малые—оставались при одномъ и томъ же мнѣніи, что ихъ мѣстная «рѣпушка скуснѣй». Крестьяне много ѣли такого, чего обыкновенно здоровый желудокъ не въ состояніи даже переварить. Хлѣбъ съ примѣсью древесной коры былъ довольно извѣстнымъ сѣверному жителю суррогатомъ. Позволю себѣ здѣсь въ видѣ маленькой иллюстраціи, рассказать, какъ въ первое время моего знакомства съ мѣстными крестьянами послѣдніе радушно угостили меня «друшничками».

Нужно замѣтить, что сольвычегодскіе крестьяне, кромѣ ржаного, употребляютъ ячменный хлѣбъ и послѣдній едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ первый. Но если ржаной хлѣбъ представляетъ здѣсь удобосъѣдаемый продуктъ, то яшный часто-таки буквально «въ глотку нельзя вогнать». Вообще сѣверныя хозяйки не умѣютъ печь хорошаго хлѣба. Дайте здѣшной стряпухѣ самую превосходную первосортную муку—и она вамъ въ лучшемъ случаѣ приготовитъ огромныхъ размѣровъ, низкій, блинообразный кругъ. Высокаго пушистаго хлѣба я не видѣлъ здѣсь. Надо прибавить, что на качество хлѣба въ сильнѣйшей степени вліяло здѣсь крайне расчетливое обращеніе съ мукой. Удовлетворительную ржаную муку можно было еще достать, но сколько-нибудь сносной яшной муки, безъ остей или усовъ,—никогда. Самъ по себѣ хорошо выпеченный ржаной хлѣбъ могъ быть употребляемъ въ пищу нѣсколько дней; «яшные же пироги» или «ярушники», какъ называется здѣсь этого рода хлѣбъ, удобосъѣдомы только въ мягкомъ свѣжеиспеченномъ видѣ; черезъ день, два ярушники превращались въ какую-то деревянную, трудно усваиваемую желудкомъ массу. И вотъ, никогда не видѣвши ярушниковъ и не зная ихъ свойствъ, я съѣлъ двѣ яшныхъ «шаньги» (лепешки съ картофелью) и небольшой кусокъ свѣжевыпеченнаго ярушника. Мои заботливые хозяева радушно упрасивали меня: «поѣшь на доброе здоровье, сударикъ ты нашъ, покушай, Бога ради», но, угощаясь «ярушничками», я не обратилъ должнаго вниманія на то, что и «шаньги», и «ярушники» были въ обилии пропитаны ячменными остями, яглами. Не прошло и часа послѣ угощенія, какъ схватили меня сильнѣйшіе спазмы и колики. Я буквально-таки не могъ двигаться, и потребовалась двухколеска, чтобы дотащить меня до перевоза у Сольвычегодска. Хозяева охали, вздыхали и испуганно дивились, отчего это такая странная болѣзнь сразу, ни съ того ни съ сего приключилась. Впослѣдствіи я такъ и не могъ приучить свой желудокъ къ ярушникамъ, какъ не могъ ѣсть лакомаго крестьянскаго блюда въ видѣ ржаного пирога, начиненнаго вонючей и слизью треской, и многого другого.

Итакъ, сольвычегодскій крестьянинъ жилъ и холодно, и голодно, и скудно, и убого. Долгая зима, тощая почва, угрюмые сѣверные лѣса, безконечныя болота—все это ставило здѣшнее хозяйство въ крайне тяжелыя условія. Борьба съ природой была до нельзя трудной и непосильной для единичныхъ предпринимателей. Приходилось, въ силу естественной необходимости, вести хозяйство и бороться сообща. И вотъ въ этой естественной необходимости по совмѣстной жизни и борьбѣ съ природою и кроются тѣ первоначальныя условія, которыми вызваны были, порождены и годъ воздѣйствіемъ которыхъ сложились потомъ оригинальные обычаи сольвычегодскаго крестьянина. Образцовая честность, широкое примѣненіе принципа взаимопомощи, оцѣнка людскихъ отношеній трудовымъ началомъ—все это было естественнымъ слѣдствіемъ общности труда и общности интересовъ въ борьбѣ съ суровою сѣвѣрной природою. Иначе здѣшніе

люди не справились бы съ тяжелыми гнетущими условіями дѣйствительности и погибли бы въ одиночной непосильной борьбѣ. Вотъ почему люди помогаютъ другъ другу и оцѣниваютъ взаимныя услуги одною и тою же мѣркой—количествомъ затраченнаго на дѣло труда. Крестьянинъ считаетъ постыднымъ взять на чай или на водку, отказывается отъ прибавки за хорошо выполненную работу потому, что то и другое не въ общинѣ, который сложился по правилу: возьми только то и за то, что сдѣлалъ. Если же вы потеряли пятакъ или у васъ ушелъ самовольно гусь со двора, то это уже особое, исключительное, выходящее изъ ряда вонъ обстоятельство. Тутъ нужна помощь, которую всякій долженъ оказать другому и на которую всякій можетъ рассчитывать отъ другого. Это услуга за услугу на непредвидѣнный случай. Вы увязнете съ подводой въ другъ аршинномъ сугробѣ снѣга—и васъ точно такъ же вытаскать добрые люди какъ принесутъ вамъ вашего гуся или пятакъ. Но въ этихъ случаяхъ вмѣшивается уже высшій контролирующий обычныя отношенія людскіе органъ—миръ, сходъ, сосѣди. Вообще, слѣдовательно, къ добрымъ нравамъ и обычаямъ Сольвычегодскаго населенія могутъ быть приложены только двѣ мѣрки—начало взаимопомощи и начало труда. Все, что поддается оцѣнкѣ съ этой точки зрѣнія, справедливо, по мнѣнію крестьянъ, а то, что не поддается подобной оцѣнкѣ,—несправедливо. Такова подкладка, такова мораль описываемыхъ мною добрыхъ обычаевъ и нравовъ.

Для характеристики этихъ нравовъ и обычаевъ я привелъ выше еще болѣе рѣдкіе и занимательные случаи. Но подобными случаями, только безъ столь яркой окраски, переполнена вся жизнь здѣшняго населенія. Въ общинѣ и артели, дома и внѣ деревни, въ полѣ и въ лѣсу, при сноскошеніи и при уборкѣ хлѣба, на охотничьемъ промыслѣ и въ рыболовномъ дѣлѣ—всюду и во всѣхъ такихъ случаяхъ добрые обычай и нравы населенія имѣютъ все ту же сейчасъ отмѣченную подкладку. За мелочами обыденной жизни часто скрадываются и ускользаютъ отъ вниманія эти обычай и обычныя взаимоотношенія, въ особенности у тѣхъ, кто не привыкъ думать и наблюдать.

Вы въ деревнѣ. Весна. Крестьяне цѣлыми семьями заботливо кончатся дома, во дворѣ. Всѣ заняты, казалось бы, исключительно своими дѣлами и никому нѣтъ никакой нужды до другого, да и некогда. Но вдругъ-то вдали на деревнѣ слышится: «навались!... Разъ... разъ... покуда еще!» Всѣ насторожили уши. Что это такое? «Да вѣдь дядя Василій съзывалъ, что сегодня срубъ новый будетъ устанавливать,—соображайте, сосѣди и однодеревенцы.—Бѣги, Иванъ; отправляйся, Петръ,—распорядятся хозяева и сами бѣгутъ.—Зачѣмъ? Почему?—спросите вы.—Почему надо»,—коротко отвѣчаютъ вамъ. Можетъ быть, дядя Василій и тѣ, кто находится съ нимъ, не осилить работы.

Нѣсколько крестьянъ подрядились поставить опредѣленное количество дровъ. Вышла артель въ лѣсъ и принялась за работу. Разбили лѣсъ на дѣлянки, назначили каждому урокъ. Вечерѣтъ. Рабочій день близокъ къ

концу. Силачъ Михай давно уже покончилъ съ своимъ урокомъ, а щедущный Иванъ «въ три пога» рубить и съ сокрушеніемъ сердечнымъ замѣчаетъ, что до конца урока ему еще далеко, а тутъ, точно на грѣхъ, топоръ въ нижней части вызубрился, совсѣмъ работать тяжело. Михай молча идетъ къ Ивану, за Михеємъ, покончивъ работу, пристаётъ къ тому же Ивану Савелій, за Савелиємъ Степанъ и т. д., и работа, назначенная лично Ивану, заканчивается сообщая:

Какъ-то я шелъ по полю. Улѣбъ въ это время уже поспѣлъ, и производилась уборка ржи. Отдѣльныя семьи жали свои полосы. Мѣстами раздавались пѣсни, мѣстами шутила молодежь, и перегибались словами люди степенные и старики. Солнце настолько уже сѣло, что время близилось къ окончанію дневныхъ работъ. Я подошелъ къ знакомой семьѣ и присѣлъ, чтобы вздохнуть послѣ довольно значительнаго перехода. Въ это время рядомъ на сосѣдней полосѣ раздалось: «шабашъ!» Жена и мужъ, оба молодые и здоровые, дожали полосу, покончивъ «дневную порцію» работы. Жена собрала бурачекъ, кашолку и еще кое-какую мелочь и поспѣшно пошла по направленію къ деревнѣ. Мужъ потянулся, зѣвнулъ, лѣниво взглянулъ на работавшихъ сосѣдей, еще лѣнивѣе перекрестился и, небрежно взваливши черезъ плечо поддевку, также медленной поступью направился въ деревню, помахивая серпами на ходу.

— И человекъ же!—сердито проворчалъ въ это время мой знакомый крестьянинъ.

— Что такое?—спросилъ я.

— Э! да чего тамъ рассказывать,—отвѣтилъ мнѣ крестьянинъ.

И молча бросивши свою работу доканчивать остальнымъ членамъ семьи, онъ направился къ слабосильному, съ больною женою, сосѣду и сталъ усердно жать чужую полосу. Это былъ протестъ противъ себялюбца-крестьянина, окончившаго раньше работу и не пожелавшаго помочь другимъ. Нарушенъ былъ старинный, добрый обычай, и ревнитель старины счелъ нужнымъ по своему его поддержать.

Въ другое время я отправился посмотреть на сѣнокосеніе. Меня интересовало, собственно, какъ производится работа «горбушей», короткой, серповидной косой, которой я до того совсѣмъ не видѣлъ въ другихъ мѣстахъ. Сѣнокосъ производился на кочковатомъ поемномъ лугу. Глазѣны на работу со стороны въ сущности не давало надлежащаго представленія о самой работѣ, и я рѣшилъ испытать горбушу на дѣлѣ. Съ этою цѣлью я попросилъ у ближайшаго крестьянина этотъ своеобразный инструментъ. Крестьянинъ передалъ мнѣ косу. Но въ это время раздалось: «э-э-э... Якимъ! Якимка!» Крестьянинъ, передавшій мнѣ косу, сталъ чесать затылокъ; другіе косцы перестали работать. Между тѣмъ, издавшій восклицаніе мужикъ обратился ко мнѣ: «ты отдай косу назадъ Якиму, а вотъ возьми у него»,—указалъ онъ на стараго щедушнаго косца.—«И чужакъ же!»—смѣялись другіе крестьяне, точно извиняясь предо мною, чужакомъ.—«Чего тамъ чудака!»—возразилъ мужикъ.—«Ай пра-

вила-то позабыли!» Я послѣдовалъ данному мнѣ совѣту. Пройдя два ряда по лугу, я вполнѣ испыталъ, что такое была горбуша, какъ рабочій инструментъ. Косить приходится не стоя въ полунаклонномъ положеніи, какъ это позволяетъ длинная коса, такъ называемая «литовка», а пригнувшись къ землѣ; самые размахи дѣлаются въ обѣ стороны—направо и нѣлѣво; получается, такимъ образомъ, довольно широкій рядъ. Но уже послѣ перваго ряда отъ непривычки я почувствовалъ сильный приливъ крови къ головѣ и какое-то онѣмѣніе во всемъ туловищѣ: вѣдь я находился все время въ согнутомъ положеніи, при которомъ требуется дѣлать частые и усиленные размахи горбушей. Работа напряженная и едва ли не самая тяжелая въ хозяйствѣ. «Баско (хорошо) покосилъ,—замѣтилъ мнѣ улыбаясь тотъ самый крестьянинъ, который предложилъ взять горбушу у старика-косца,—да жаль, что мало... а все-жъ нашему старичку далъ вздохнуть.» Крестьяне вновь размѣялись. Послѣ они передали мнѣ, что, по обычаю, временная помощь на полевыхъ работахъ должна оказываться слабѣйшимъ работникамъ и что, поэтому, и меня Захаръ «на время опредѣлилъ» на мѣсто маломощнаго старика, а не здороваго Якимки, который «за двоихъ могъ косу тянуть.»

Въ высшей степени интересные обычаи сложились въ охотничьемъ быту сельвычегодскихъ крестьянъ. Охотничьи промыслы довольно распространены въ этихъ мѣстахъ. Охота ведется главнымъ образомъ на рябчика и бѣлку, въ меньшей степени на тетерева, глухарей и бѣлую куропатку. У настоящихъ, заправскихъ охотниковъ есть свои опредѣленные охотничьи участки или территоріи. Это такъ называемые «путики». Путики возникли большею частью на правѣ вольной заимки, находятся въ пользованіи цѣлыхъ семей или одиночныхъ охотниковъ и опредѣляются извѣстными границами по болотамъ «веретьямъ» (возвышеннымъ сухимъ мѣстамъ), лѣсамъ и вообще по живымъ урочищамъ. На такомъ охотничьемъ участкѣ хозяева дѣлаютъ обыкновенно тѣ или другія приспособленія: строятъ избушки для ночлеговъ и амбарчики для провизіи, пролагаютъ тропы, «путики», для ходьбы, ставятъ силки и устраиваютъ разнаго рода ловушки для птицы. Разъ все это есть на путикѣ, ни одинъ истинный охотникъ не станетъ охотничать на чужомъ участкѣ. Охотничать тутъ значило бы посягать на чужой трудъ и затраты, а это противорѣчитъ всему строю здѣшной жизни. На чужихъ путникахъ обычаемъ дозволяется вести временно охоту только тѣмъ, кто не имѣетъ своихъ участковъ и не занимается вообще регулярно промысломъ. Но и этотъ разрядъ охотниковъ по возможности избѣгаетъ охоты на чужихъ путникахъ и во всякомъ случаѣ вблизи избушекъ. Тѣмъ не менѣе тѣ же охотничьи обычаи требуютъ, чтобы охотники помогали другъ другу. Если охотникъ идетъ по чужому путику и видитъ свалившійся «слопецъ», т.-е. особаго рода ловушку для глухарей, то онъ достанетъ пришибленную «слопцомъ» птицу, передатъ ее хозяину, если послѣдній вблизи, подъ рукою, или же вѣшаетъ на ближайшемъ деревѣ подъ вѣтвями птицу и ставитъ свою тамгу топоромъ на

томъ же деревѣ, а слопецъ снова налаживается. Рябчиковъ охотники рѣдко бьютъ на чужихъ путникахъ, чаще стрѣляютъ, проходя по чужому участку, бѣлокъ, въ особенности если бѣлку подлаиваетъ чужая собака; но во всѣхъ такихъ случаяхъ убитый рябчикъ или бѣлка сдаются хозяину путника или же подвѣшиваются на видныхъ мѣстахъ къ дереву, съ обязательно зарубленной на томъ же деревѣ топоромъ тамгой. По тамгѣ хозяинъ путника знаетъ, кто оказалъ ему услугу, и возвращаетъ сосѣду-охотнику зарядъ пороху, дрови и пистоль, истраченные на выстрѣлъ по рябчику или бѣлкѣ. Въ этомъ отношеніи охотники считаются другъ съ другомъ, потому что охотничьи заряды оцѣниваются извѣстною затратою времени и труда на тѣ предметы, на которые они вымѣниваются; самый же выстрѣлъ и предоставленіе хозяину убитаго звѣря или птицы являются дѣломъ взаимопомощи. Всѣ охотники оказываютъ такія услуги другъ другу. Съ другой стороны, каждый охотникъ свободно, не спрашиваясь у хозяина, можетъ пользоваться тѣми или другими жизненными удобствами на чужомъ путикѣ. Въ чужую избушку онъ заходитъ, какъ въ свою, и располагается въ ней, какъ дома. Если у отбившагося далеко отъ своего путника охотника не хватитъ провизіи, то онъ беретъ изъ чужого амбара или избушки столько хлѣба, сколько ему нужно, при непремѣнномъ условіи «возврата на мѣсто» взятаго. Такъ какъ охота ведется большею частью зимою, то на ночлегъ охотники отправляются въ тѣ избушки, какія окажутся ближе по пути, кому бы онѣ ни принадлежали. Зашедшій въ избушку охотникъ нарубить обыкновенно дровъ, растопить печку и занимаетъ, въ силу этого, положеніе хозяина, такъ сказать «на одну ночь». Если самъ хозяинъ явится въ свою избушку позже гостя-охотника, то онъ становится у двери, крестится и спрашиваетъ позволенія у гостя переночевать въ избушкѣ. Гость, конечно, скажетъ: «Милости просимъ». Все это продѣлывается серьезно, степенно. Соблюденіе же самой церемоніи испрашивания позволенія на ночлегъ въ собственной избѣ означаетъ, что охотничьи избушки устраиваются обыкновенно «на общую потребу», а хозяинномъ на ночь фактически оказывается тотъ, кто «позаботился» о ночлегѣ, т.-е. приложилъ трудъ, нарубилъ дровъ, истопилъ печку.

Не знаю, какъ теперь, но въ то время, о которомъ я говорю, описываемые обычаи и нравы составляли въ жизни сельвычегодскаго населенія такую выдающуюся черту, которая невольно напрашивалась на вниманіе исследователя. Убогая жизнь и несложныя потребности населенія отличались простотою и какою-то чисто-дѣтскою непосредственностью. Просты и дома, въ семьѣ. Большихъ семей я не встрѣчалъ здѣсь, не замѣчалъ и слѣдовъ суроваго семейнаго режима, оставшихся въ наслѣдство отъ произвола большаковъ; но доброе семейное согласіе, образцовую семейную жизнь и прекрасное отношеніе къ дѣтямъ, я находилъ всюду, гдѣ имѣлъ возможность близко соприкасаться съ крестьянскою средою. Особенно замѣчательныя отношенія установились между родителями и дѣтьми. Крестья-

яне, какъ и всюду считали нужнымъ «учить», что въ переводѣ на обыкновенный языкъ означало наказывать, малолѣтнихъ дѣтей; однако, вѣстовомъ обращеніи родителей съ дѣтьми я здѣсь ни разу не слышалъ. А главное, дѣти, въ особенности мальчики, пользовались въ семьѣ такою свободою, и, позволю себѣ выразиться, правомъ голоса, какихъ мнѣ не приходилось наблюдать въ другихъ мѣстахъ Россіи. Не могу здѣсь не передать одного характернаго въ этомъ отношеніи случая.

Былъ у меня одинъ знакомый медвѣжатникъ, представлявшій собой своего рода рѣдкость на весь уѣздъ. Охота на медвѣдя, въ особенности на стервятника, дѣло серьезное и опасное, требующее крѣпкихъ нервовъ, большой воли, непоколебимой рѣшимости и сильныхъ мускуловъ. Сольмчегодскій уѣздъ былъ переполненъ всякаго рода охотниками, но охотниковъ на медвѣдей было здѣсь мало. По крайней мѣрѣ я слышалъ рассказы про одного только замѣчательнаго охотника на медвѣдей—старика-дьяча, рѣднаго силача, который въ теченіе своей пятидесятилѣтней жизни посадилъ на рогатину нѣсколько десятковъ медвѣдей. Другимъ выдающимся охотникомъ на медвѣдей считался мой знакомецъ. Это былъ еще молодой, лѣтъ за тридцать мужчина, колоссальнаго, чуть ли не двухъ аршинъ и четырнадцати вершковъ роста, и «широкой кости», крайне неуклюжій по фигурѣ, но обладавшій также большою силою, которая позволяла ему тащить сани или телѣгу тамъ, гдѣ этого не могла лошадь. Медвѣжатникъ этотъ ходилъ на медвѣдя съ ружьемъ, но бывали случаи, когда, встрѣтася съ медвѣдемъ въ лѣсу безъ всякаго оружія, онъ бралъ въ руки первое попавшееся бревно и гнался «за косолапымъ», пока тотъ не исчезалъ въ лѣсу. Съ такимъ охотникомъ никто не боялся идти на медвѣдя. И вотъ этотъ силачъ-медвѣжатникъ, жившій верстахъ въ тридцати отъ Сольмчегодска, нѣсколько разъ просилъ меня побывать у него въ гостяхъ. Какъ-то въ глубокую осень по первому снѣгу я отправился къ нему, соблазненный охотой на тетеревей, которые, по словамъ моего пріятеля, собирались въ эту пору «цѣлыми тучами, какъ воронье».

Ѣхали мы по снѣгу цѣлый день. Рѣшено было переночевать у медвѣжатника и утромъ выѣхать на саняхъ за тетеревами. У медвѣжатника было нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ старшему пошелъ двѣнадцатый годъ и онъ стрѣлялъ уже всякую птицу. Это былъ угрюмый, сосредоточенный мальчикъ, поразительно напоминавшій тѣхъ серьезныхъ крестьянъ, которые не любятъ болтать и «раскрываютъ ротъ» только по необходимости. Рано утромъ, усѣвшись на сани, мы выѣхали за околицу деревни, гдѣ и начиналась собственно охота на тетеревей. Рассказъ медвѣжатника о необычайномъ обилии тетерекъ вполне подтвердился. Вся опушка березоваго лѣса ослалась усѣянною этими птицами, чернѣвшими действительно «точно вороны». Шелъ небольшой снѣжокъ, было тихо и погода вообще благопріятна для охоты. Лошадью правилъ старшій мальчуганъ медвѣжатника, а самъ же медвѣжатникъ сидѣлъ рядомъ со мною, буквально-таки волоча ю длинные ноги, обутыя въ бѣлыя «катанки» (валенки), по снѣгу. 2. 5.

тивши массу тетеревей, покрывшихъ верхушки березъ, медвѣжатникъ такъ и привскочилъ на ноги.

— Куда?—сурово осадилъ его мальчикъ.

Медвѣжатникъ снова сѣлъ на сани. Мальчикъ придержалъ лошадь и упорно молчалъ.

— Ну, трогай же, Петра?—проговорилъ медвѣжатникъ.

— Куда тамъ трогай?—сердито проворчалъ возница.—Въ заходъ-то кому идти? Ты, что-ль, пойдешь?

Медвѣжатникъ указалъ направление, по которому мы должны были подъѣзжать къ березамъ, сообщилъ въ общихъ чертахъ мальчику, какъ и и откуда онъ будетъ нагонять на насъ тетеревей, и спрыгнулъ съ саней, чтобы идти въ заходъ. Но тутъ снова сынъ осадилъ отца.

— Стой, стой! Ружье зачѣмъ взять? Оставь!—потребовалъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? А стрѣлять-то чѣмъ же?—попробовалъ отговориться отецъ.

— Да ты зубы не заговаривай,—наставлялъ мальчикъ.—Знаемъ мы твое стрѣлять! Зря палить станешь. Оставь ружье, говорю тебѣ.

Завязался споръ между отцомъ и сыномъ изъ-за ружья. Я едва могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться, до того комично было положеніе отца. Гигантъ-отецъ видимо пасовалъ передъ доводами сына-мальчика и какъ бы конфузился меня. Дѣло было въ томъ, что тетерева въ эту пору не подпускаютъ къ себѣ на выстрѣлъ пѣшихъ охотниковъ и спокойно сидятъ при подъѣздѣ къ нимъ на санихъ. Ружье въ обходъ было почти бесполезно. Несомнѣнно, что въ концѣ-концовъ отцу пришлось бы уступить и побѣдителемъ въ спорѣ остался бы сынъ, но тутъ я вмѣшался въ разговоръ, и мальчикъ нехотя согласился отпустить отца «въ заходъ» съ ружьемъ и припасами.

— Ты его не знаешь,—обратился ко мнѣ мальчикъ, когда отецъ оставилъ насъ.—Горячъ больно онъ по птицѣ. Какъ завидитъ птицу, такъ и начнетъ зря палить. Сколько зарядовъ «дуромъ» пропадаетъ! Бѣда съ нимъ, да и только...

Все это выходило довольно комично и какъ будто не вязалось съ репутациею медвѣжатника, какъ выдающагося охотника; а между тѣмъ дѣло объяснялось просто. Медвѣжатникъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ добродушныхъ людей, которые ничему не знаютъ толкомъ дѣны или, точнѣе сказать, не желаютъ этого знать. Охотникъ онъ былъ завзятый, а хозяинъ совсѣмъ плохой. Такъ какъ охота на тетеревей не требовала той выдержки, какая необходима была при охотѣ на медвѣдя, то медвѣжатникъ и палилъ направо и налево, не считая зарядовъ и не заботясь о томъ, что они «пропадали дуромъ». Между тѣмъ мальчикъ, взрослій среди еды и лишній, обѣщалъ быть образцовымъ и расчетливымъ хозяиномъ. Отецъ это прекрасно понималъ и дѣнилъ сына, подчиняясь его игоразумнымъ распоряженіямъ.

Пререканія, начавшіяся между отцомъ и сыномъ до охоты, закончи-

вались правоученіемъ, прочитаннымъ сыномъ отцу, по окончаніи охоты. Нагоняя на насъ тетеревей, медвѣжатникъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ и, конечно, за дальностью разстоянія ничего не убилъ. Тогда поэтому явился отецъ, сынъ насмѣшливо спросилъ:

— А гдѣ же твои тетерки?

Отецъ промолчалъ и украдкой взглянулъ на меня, улыбаясь.

— Вотъ и пускай его въ заходъ съ ружьемъ,—продолжалъ мальчуганъ.—Ему лишь бы выпалить... Эхъ, учили тебя мало!

Я не выдержалъ и разсмѣялся; смѣялся самъ медвѣжатникъ, подмигивая мнѣ и точно желая сказать: «Ничего, перетерпимъ... Пусть его поговорить... что ты съ нимъ подѣлаешь?»

Кто былъ въ это время между моими спутниками старшій и кто младшій—трудно сказать. Не подлежало сомнѣнію одно: образцовое отношеніе отца къ сыну. Это совершенно гармонировало съ нравами сольвычегодскихъ крестьянъ, отличавшихся въ сильнѣйшей степени тою именно непосредственною простотою, которая такъ ярко выражена въ евангельскомъ изреченіи: «Будьте, какъ дѣти».

Но я сильно погрѣшилъ бы противъ дѣйствительности, если бы ограничился однимъ переданнымъ выше по этому поводу. На основаніи лишь отиѣченныхъ нравовъ и обычаевъ дѣйствительность оказалась бы далеко въ лучшемъ видѣ, чѣмъ какова она есть. Обычаи, какъ и все, съ теченіемъ времени мѣняются, нравы портятся, да и при наличности нетронутыхъ еще временемъ добрыхъ обычаевъ и нравовъ могутъ существовать худые поступки людей. Сольвычегодскій уѣздъ, конечно, не избѣжалъ этой общей участи превращенія однѣхъ формъ жизни и жизненныхъ отношеній въ другія. Сюда уже начали проникать и внидраться хорошія и дурныя стороны цивилизаціи городской, фабричной и вообще недеревенской. Перемѣны коснулись и пѣсни, и языка, и костюмовъ, и потребностей, и повѣрій, и воззрѣній, и всего, чѣмъ особенно рѣзко отличалась старая патриархальная жизнь съ ея добрыми обычаями и нравами.

Въ этомъ отношеніи старые обычаи и нравы, несмотря на всю простоту и общепринятость своей первобытной морали, оказались, къ сожалѣнію, недостаточно крѣпкими и мало устойчивыми. И это понятно. Они возникли и сложились тѣмъ же бессознательнымъ, стихійнымъ путемъ, какъ и все въ природѣ, выросли, можно сказать, и расцвѣли, какъ цвѣты и деревья, но не вошли въ сознаніе людей въ формѣ знаній высшаго порядка, установленныхъ наукою, въ видѣ руководящихъ идей и принциповъ, выработанныхъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ и общечеловѣческихъ нуждъ и потребностей. Вотъ почему одни и тѣ же обычаи рѣдко дозволяли уживаться наряду съ добромъ и злу и въ дѣлѣ регулирования человѣческихъ отношеній не шли во многихъ случаяхъ далѣе охраны интересовъ одиночныхъ общинъ. Я расскажу въ заключеніе случая, характеризующіе добрые обычаи и нравы съ этой стороны.

Въ одно время меня въ высшей степени интересовала та внѣш-

обстановка, при которой могли сложиться столь оригинальные обычаи, как охотничьи. Съ этою цѣлью я нарочно прожилъ нѣсколько дней въ глуши тайги — на путяхахъ. Это была удаленная, совершенно отрѣзанная отъ всякихъ признаковъ человѣческаго жилья и приспособленій, равнинная мѣстность. Могучіе корабельные лѣса съ гигантскими соснами и елями, до того стройными и высокими, что, глядя на ихъ верхушки, буквально-таки приходилось придерживать шапку на затылкѣ, чередовались съ обширными и тощими, изрѣдка усѣянными чахлою древесною растительностью, сѣверными болотами. Мѣстность, благодаря этому, представляла видъ закрытой со всѣхъ сторонъ равнины, въ какой бы части ея вы ни находились. Негдѣ и не откуда было проникнуть глазу вдаль, чувствовалось какое-то стѣсненіе, подавленность, не было никакихъ слѣдовъ присутствія ни человѣка, ни домашнихъ животныхъ, ни дорогъ, ни даже колесной ѣзды. Стояла тихая осенняя погода, лѣсъ то угрюмо молчалъ, то изрѣдка шевелился и шелестѣлъ, точно мгновенно какая-то дрожь пробѣгала по его огромному щетинистому тѣлу. Дикіе звѣри не попадались на глаза, птицы также почти не нарушали этой томительной тишины. Хотѣлось услышать какой-либо звукъ, хотя бы лай собаки, крикъ пѣтуха, скрипъ телѣги или мычаніе коровы. Но тайга упорно молчала. Непріятно и жутко становилось въ эти моменты ничѣмъ ненарушимой тишины, въ особенности вечеромъ и ночью. На третій день нашего пребыванія въ тайгѣ вечеромъ послышался гдѣ-то отдаленный лай собаки. Оба мы съ товарищемъ-охотникомъ встрепенулись, ожили, точно совершилось какое-то крупное событіе въ нашей жизни, до того убійственно-томительно дѣйствовала на наше душевное настроеніе молчаливая сѣверная природа. Миѣ казалось или, точнѣе, чувствовалось, что именно эта торжественно угрюмая и монотонная тишина наложила свою печать на обычаи и взаимоотношенія охотниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обычаи охотниковъ представляютъ собою своего рода молчаливое соглашеніе людей въ поискахъ за добычей и въ борьбѣ съ природой. Молча, ни у кого не спрашиваясь, занимаютъ охотники мѣста для охоты, молча безъ предупрежденія помогаютъ они другъ другу, и молча, безъ сходовъ и приговоровъ, регулируютъ свои взаимныя отношенія. Въ дремучемъ сѣверномъ лѣсу, на охотничьемъ промыслѣ, нѣтъ ни властей, ни подчиненныхъ, ни выборныхъ лицъ, ни фактически выдвинувшихся главарей и руководителей. Всѣ здѣсь равны и равноправны. И несмотря на все это, между охотниками не возникало никакихъ споровъ и раздоровъ; всѣхъ мирилъ молчаливый обычай, все регулировалось имъ безъ внѣшнихъ приказовъ, распоряженій и контроля. Какъ-то вечеромъ я велъ разговоръ по этому поводу съ своимъ сотоварищемъ, охотникомъ Андреемъ.

— Какъ же это такъ, — допытывался я чуть ли не въ десятый разъ, — ч у охотниковъ никакого начальства нѣтъ?

— А зачѣмъ оно, — возразилъ мой собесѣдникъ, — коли всякій знаетъ, ч ему слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать.

— Ну, можетъ быть, у охотниковъ старики есть такіе, которыхъ охот-

ники во всемъ должны слушаться, или какіе-нибудь наиболѣе искусные и опытные охотники?

— Нѣтъ, — твердилъ Андрей свое, — всякій только себя знаетъ да старшихъ въ своей семьѣ уважаетъ.

— Однако могутъ же быть споры, ссоры. Кто же разбираетъ эти споры и миритъ спорящихся?

— Никто, — отвѣтилъ Андрей, — потому не изъ-за чего ссориться. Всякій свое правило ведетъ.

— Ну, а воровство, наприм., случится. Бъ кому охотникъ обратится съ жалобою, накрывши вора на мѣстѣ преступленія?

— Никакого воровства, — отрицалъ Андрей, — не бываетъ... Всякій своимъ пользуется.

— А развѣ не бываетъ такихъ, которые, проходя черезъ чужой путь и увидавши, что слопецъ придавилъ глухаря, подберутъ птицу и унесутъ съ собою, наладивши снова слопецъ, какъ будто онъ не падалъ раньше?

— Это точно, что можетъ случиться, — задумчиво отвѣтилъ Андрей. — Такой случай вышелъ у нашихъ сосѣднихъ охотниковъ.

— И что же?... Какъ охотники поступили съ виновникомъ?

— А ничего, — нехотя отвѣтилъ Андрей, — только, значить, человекъ тотъ, что глухарей чужихъ таскалъ, безъ вѣсти пропалъ...

— Какъ пропалъ? Отчего это могло случиться?

— А кто его знаетъ, — почти шопотомъ заговорилъ Андрей, — сказывають... будто пристрѣлили его...

— Убили? Что ты!

— Да, сказывали такъ, — уклончиво повторилъ свой отвѣтъ Андрей.

— Стало быть, и всякаго, кто сталъ бы воровать птицу на путникахъ, просто изъ ружья убьютъ, какъ бѣлку или рябчика?

— Убьютъ, — категорически заявилъ Андрей.

Я только руками развелъ. Такия прекрасныя, такия высоконравственныя отношенія между людьми: поразительное уваженіе правъ другого, широкая взаимная помощь, положительное поклоненіе культу труда и справедливости — и при этомъ смертная казнь изъ-за глухаря или тетерьки!

Въ другое время мнѣ хотѣлось выяснитъ право пользованія тагъ называемыми на сѣверѣ «новоприсадными землями», т.-е. рѣчными наносными лугами. Я попалъ въ деревню, въ которой были эти земли, и разспрашивая о пользованіи ими, дивился тонкостямъ, выработаннымъ въ этомъ отношеніи народнымъ обычаемъ. Оказалось, что крестьяне хорошо знаютъ и прекрасно изучили тѣ измѣненія въ береговыхъ частяхъ своихъ владѣній, какія производятъ ежегодно сѣверныя рѣки. Рѣка дѣлится обыкновенно на колѣна, и по колѣнамъ отдѣльныя общины учитываютъ измѣненія въ своихъ владѣніяхъ. Если берегъ одного колѣна постепенно подымается, а у береговъ лежащихъ затѣмъ ниже колѣнъ образуются по руслу наносы, то эти наносы считаются не старыми, материковыми землями, а

вновь образовавшимися, «новоприсадными», и въ видѣ таковыхъ признаются по обычаю собственностью той общины, у которой выше были размыты рѣкою берега. Первымъ заимщикомъ является здѣсь потерпѣвшая община, и достаточно самаго ничтожнаго приложенія труда, напримѣръ, уборки нанесенныхъ рѣкою деревьевъ или подчистки лозы, чтобы право заимки было укрѣплено за заимщиками разъ на всегда. Ближайшія по содѣйствию деревни слѣдятъ за такими измѣненіями въ своихъ владѣніяхъ и, по мѣрѣ образованія новоприсадныхъ земель, укрѣпляютъ на нихъ свои права путемъ заимокъ. Въ разговорѣ со мною крестьяне передали мнѣ десятки случаевъ этого рода и мнѣ приходилось только расхваливать творцовъ своеобразнаго обычая пользованія новоприсадными землями.

— Хорошо-то оно хорошо,—замѣтилъ мнѣ на это мой слушатель-охотникъ, съ которымъ мы зашли въ деревню,—да только между своими... а если теперь чужіе замѣшаются, поминай новоприсадныя земли, какъ ихъ звали.

— Это ты что же?... Въ нашъ огородъ камешки-то мечешь?—замѣтило съ своей стороны нѣсколько жителей деревни.

— Да хоть бы и про васъ не грѣхъ это сказать, — отвѣтилъ полуулыбчиво мой спутникъ.

— Ишь ты! Больно востеръ и прытокъ!—съострилъ кто-то изъ молодежи.

— Чего тамъ востеръ?—заговорилъ уже съ задоромъ мой спутникъ.— Не правду, что ли, говорю: чьи земли за березняками по рѣкѣ передъ мельницей—не наши развѣ?

— А ты возьми ихъ, коли ваши,—продолжалъ тотъ же острякъ.

— И возьмемъ... Придемъ цѣлымъ обществомъ, да всадить кто-нибудь тебѣ вилы въ бокъ—вотъ и возьмемъ свои земли... Слышалъ такія рѣчи?

Разговоръ началъ принимать крутой оборотъ. Я и нѣкоторые изъ болѣе выдержанныхъ и степенныхъ крестьянъ едва потушили разгоравшуюся ссору.

Оказалось, что мой спутникъ и жители деревни были представители различныхъ земельныхъ общинъ, жившихъ и владѣвшихъ землями довольно разъединенно, и что именно между этими двумя общинами возникли недоразумѣнія изъ-за новоприсадныхъ земель. Лежавшая вверхъ по теченію рѣки община, къ составу которой принадлежалъ мой спутникъ, претендовала на клочокъ новоприсадныхъ земель, образовавшихся у одного изъ береговъ по нижнему теченію рѣки, къ которымъ прилегали земли жителей деревни. Недоразумѣніе пока не выходило изъ границъ взаимныхъ попрекъ, но могло случиться и худшее. Незадолго передъ тѣмъ крестьяне одной общины вышли, вслѣдствіе таковаго же недоразумѣнія, съ вилами и кольями на крестьянъ другой; завязалась серьезная драка, окончившаяся разложеніемъ нѣсколькихъ участниковъ вилами въ бокъ, на что и намекалъ мой спутникъ. За годъ передъ тѣмъ произошли болѣе серьезные столкновения изъ-за новоприсадныхъ земель по р. Сѣверной Двинѣ между жите-

лями Сольвычегодскаго и Вельскаго уѣздовъ, потребовавшія выѣзда на мѣсто происшествія высшихъ властей. Послѣ сольвычегодскій исправникъ передалъ мнѣ случай о томъ, какъ одна община вышла на другую не только съ вилами, но и ружьями, и какъ при завязавшейся при этомъ перестрѣлкѣ у обѣихъ сторонъ оказались прострѣленными концы вилъ, что, впрочемъ, по мнѣнію исправника, свидѣтельствовало лишь объ искусствѣ сольвычегодскихъ стрѣлковъ, пугавшихъ противниковъ пулями на манеръ куперовскихъ или майнридовскихъ стрѣлковъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ общинно-земельными порядками Сольвычегодскаго уѣзда, мнѣ неоднократно приходилось потомъ слышать рассказы о спорахъ и недоразумѣніяхъ между отдѣльными общинами изъ-за земли, порождавшихъ безконечную вражду, сутяжничество, открытыя столкновенія и массу худыхъ вообще поступковъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ добрыми обычаями и нравами.

Итакъ, съ одной стороны, добрые обычай и нравы, а съ другой—жестокій самосудъ изъ-за гаухаря и перестрѣлка изъ-за клочка земли. Очевидно, умъ человѣческій и его нравственные понятія не вышли еще въ такихъ случаяхъ изъ дѣтскаго періода въ исторіи развитія духовной жизни человѣка, богатой первобытными добрыми нравами и обычаями и бѣдной высшими проявленіями человѣческой мысли и нравственныхъ чувствъ. Мнѣ припоминаются здѣсь сѣтованія одного моего пріятеля, старика-крестьянина, десятки разъ восклицавшаго въ разговорѣ по поводу такихъ случаевъ: «темнота-то, сударикъ ты мой, темнота да гордость наша во всемя тутъ виноваты!»

Ф. Щербина.

„Воръ олъ, а все спасибо ему, — отъ него кормимся“.

(Набросокъ земскаго статистика).

I.

— Чѣмъ занимаешься, кромѣ крестьянства?

— Извѣстно чѣмъ, — у насъ всѣ позументщики.

— На кого же работаешь?

— На Копылова въ Высоковѣ, — извѣстно! На кого-жь у насъ болѣе работать? Всѣ отъ него кормимся.

— Ну, а много ли въ недѣлю заработаешь?

— Какъ всѣ; больше полутора рублей въ недѣлю не выработаешь... Перосинъ свой... одного свѣту насколько сожжешь!

Это кругомъ Высокова во всѣхъ деревняхъ такъ приходилось спрашивать и такіе получались отвѣты.

Всѣ — позументщики. У себя по избамъ всю зиму работаютъ крестьяне на своихъ станахъ ризные, гробовые позументы и форменные галуны, а лѣтомъ тоже — въ свободное отъ крестьянскихъ работъ время. Всѣ отъ Копылова «кормятся»: мужики, бабы, парни, дѣвушки, дѣти.

Много пришлось всего объ Иванѣ Васильевичѣ Копыловѣ послушаться: всѣ ругаютъ, всѣ и благодарятъ: «спасибо ему, — отъ него кормимся; воръ олъ, — а все спасибо, — безъ него помирать бы намъ».

А Копыловъ по рассказамъ вотъ какъ свое богатство нажилъ.

Случилось это тому назадъ лѣтъ тридцать. Копыловы были самыя бѣдныя въ селѣ, изба у нихъ была старая, почти развалилась. «Сѣрѣй ихъ някто у насъ не жилъ», — припоминаютъ старики.

Было ихъ три брата; Иванъ, старшій, — ему было тогда лѣтъ 25, Василій — второй и Аеанасій, младшій. Отецъ да мать пожилые были. Отецъ кромѣ крестьянства ничѣмъ не занимался и кромѣ уѣзднаго города ни въ какихъ городахъ не бывалъ; только «около земли» и жилъ. Василій отцу по крестьянству помогаль, Аеанасій въ солдатахъ былъ, а Иванъ выучился за станомъ позументы ткать и работаль ихъ вмѣстѣ съ другими на одного своего деревенскаго скушника, а тотъ ихъ въ Москву отвозилъ.

Въ то время всё почти въ Высоковѣ и кругомъ въ деревняхъ только однимъ крестьянствомъ и жили; земли было порядочно, народу не такъ много, какъ теперь, можно было и «одной землей» прожить; потому промысловъ никакихъ почти не было, а позументы эти тогда только начинали здѣсь работать.

Какъ-какъ перебивались Бопыловы и сѣрѣй всёхъ на селѣ жили. У Ивана и Василя уже были жены. У старика уже внуки пошли; семья все увеличивается; въ избѣ тѣснѣй становится; хлѣба съ ребятишками много больше стало противъ прежняго уходить, а земли больше изъ міру не даютъ, потому что другіе на подростковъ 18-тилѣтнихъ просятъ; того и гляди еще со старика его двѣ души сваятъ: скоро изъ «работниковъ» выйдетъ, какъ 60 лѣтъ будетъ.

Стало такъ, что отъ одной земли не прокормишься; и молодыя бабы за станы сѣли. И всё работали на одного хозяина.

А Иванъ во всемъ селѣ усердѣй и ловчѣ всёхъ работалъ.

«Любопытный онъ былъ», и станокъ, и «машинку» наверху станка, отъ которой рисунокъ на позументѣ получается,—все разсмотрѣлъ и наизусть зналъ; самъ рисунки сталъ на картонѣ для хозяина составлять. «Обо всемъ интересовался» и отъ хозяина узналъ, въ какія мѣста и почему онъ въ Москвѣ позументы продаетъ. Прямо хотъ и самъ бы хозяиномъ сдѣлался, «да капиталовъ нѣтъ» и сиди весь день за своимъ станкомъ, на другою работай.

Въ это время изъ Варшавы въ деревню вернулся съ женой дядя Иванна. Уѣхалъ онъ еще молодымъ парнемъ въ Варшаву служить въ солдатахъ, да такъ до тѣхъ поръ въ деревню и не ворочался и вѣстей никакихъ о себѣ не присылалъ. О немъ въ селѣ уже и думать перестали и забыли его почти совсѣмъ.

А онъ въ Варшавѣ остался въ интендантствѣ служить; въ Варшавѣ же и женился; только дѣтей у нихъ не было. Тамъ онъ «до чиновниковъ дослужился», «капиталы нажилъ», а на старости надумалъ на покой въ родное село вернуться. Поставилъ новую избу, желѣзомъ крытую, и зажилъ въ ней. Крестьянства онъ не зналъ, да и не сталъ уже заводить на старости, а чтобы какое-нибудь занятіе имѣть «отъ скуки» и не однѣ готовыя деньги проживать, задумалъ «хозяйчикомъ»-позументничкомъ сдѣлаться и сталъ раздавать своимъ деревенскимъ утокъ и основы—позументъ работать, а они ему несли уже сработанный позументъ. А Ивана за его смѣтливость и знаніе дѣла дядя приставилъ завѣдывать выдачей матеріала и приѣмой сработанныхъ позументовъ; все дѣло сталъ Иванъ вести, а дядя только деньги получалъ. Такъ прошло нѣсколько времени. Иванъ се у дяди при дѣлѣ хлопочетъ, у себя дома рѣдно и показывается.

Какъ-то разъ дядя съ женой уѣхали въ городъ. Дома никого не авалось, и дверь заперли на замокъ. Вернулись изъ города, а у двери замокъ сломанъ, и изъ сундука шкатулка съ деньгами унесена. Черезъ въ-сколько дней шкатулку нашли ребятишки въ сосѣднемъ лѣсу,—подъ —

зарыта, замогъ сломанъ и денегъ нѣтъ. Заявилъ дядя властямъ, что украдено у него нѣсколько тысячъ. Приѣхалъ слѣдователь. Дядя высказалъ подозрѣнiе на Ивана. Стали спрашивать, откуда онъ самъ столько денегъ досталъ,—не могъ же онъ этого только своимъ небольшимъ жалованьемъ нажить, и посовѣтовали ему все дѣло прекратить, а то его еще самого, пожалуй, слѣдуетъ судить за эти деньги. Такъ это дѣло и кончилось, а слухи пошли, что Иванъ себѣ всѣ деньги взялъ. Иванъ ничѣмъ не показывалъ, чтобы у него денегъ много стало. Попржнему работалъ онъ въ своей гнилой избѣ на своемъ стану, и жена съ невѣсткой работали. Такъ и перестали говорить объ этомъ дѣлѣ. А дядя вскорѣ послѣ того умеръ.

Около года прошло—Иванъ все работаетъ на другихъ, а семья живетъ попрежнему сѣро.

Но вотъ онъ съзидилъ какъ-то въ Москву и получилъ тамъ небольшой заказъ на позументы. Сработалъ своей семьей, отвезъ и еще получилъ заказъ, больше прежняго; кое-кому даже въ своемъ селѣ далъ работать и опять свезъ въ Москву, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше заказовъ сталъ брать и больше по своимъ крестьянамъ раздавать. На Ивана Копылова уже порядочно народу стало работать. Вотъ Копыловы избу новую поставили, а старую снесли позади усадьбы и тамъ вродѣ «фабрички» въ ней устроили, станы поставили, кое-кого изъ чужихъ позвали ткать. Мало-по-малу на Копылова ужъ и по другимъ деревнямъ стали работать. И сдѣлался онъ настоящимъ хозяиномъ-позументщикомъ. Самъ уже давно на стану не работаетъ: куда тутъ,—неогда; въ пору успѣть раздать работу, да въ Москву товаръ отвезти.

Такъ, по рассказамъ, разбогатѣлъ Иванъ Васильевъ Копыловъ.

II.

Было раннее утро, когда я изъ сосѣдней деревни съ ночевки выѣхалъ въ Высоково. Морозъ настоящій, январскій; снѣгъ на поляхъ промерзъ, на дорогахъ утоптался и звенитъ подъ ногами лошадки, которая везетъ меня въ Высоково. Баба въ тулупѣ съ мохнатымъ воротникомъ и съ укутанной въ платокъ головой, такъ что только глаза у нея открыты, все дергаетъ возжи, нукаетъ и подхлестываетъ кнутомъ равнодушную и привыкшую ко всему этому лошаденку. Сверху сыплется мелкая снѣжная пыль и садится на лицо, волосы, мой халатъ, сани, солому; шершавая лошаденка стала сѣдой отъ нея. Вдали, по краямъ поля, бѣгутъ крестьянъ цѣя лошадки, запряженные въ розвальни,—то мужики ѣдутъ въ лѣсъ за ровами. Мы проѣхали поле. Вотъ крайняя ветхая, покосившаяся изба съ пригороженнымъ изъ сухихъ березокъ шалашемъ, вмѣсто двора,—бобы та кака-нибудь тутъ живутъ. Завернули за уголь,—открылась улица; изъ со дворами пошли и къ срединѣ улицы все лучше, кое-гдѣ крашенныя попадаются и съ желѣзными крышами. Село большое,—дворовъ пол-

тораста будетъ. Вотъ прудъ съ прорубью; возлѣ нея въ рваныхъ грязныхъ полушубкахъ съ подвязанными поверхъ теплаго головного платка еще ситцевыми платками, чтобы не застудиться, столпились бабы съ ведрами; онѣ перестали доставать воду, смотря въ насъ и говорятъ по-мѣтившая на меня головой: «кто бы это могъ быть?» Дальше церковь вымощенная, новая, бѣлая, современной архитектуры,—рѣдко въ деревняхъ такую встрѣтишь. Завернули за церковь,—на пригорѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, стоятъ три красныхъ кирпичныхъ дома съ бѣлой отдѣлкой по низамъ, окнамъ и фундаменту; въ срединѣ большой двухэтажный, по бокамъ его поменьше одноэтажные, оба одинаковые, для симметричности,—видно, одинъ хозяинъ всѣ три дома строилъ.

— Чьи это дома?—спрашиваю бабу-возницу.

— А Копылова, Ивана Васильева. Въ среднемъ-то фабрика и семья съ семействомъ тутъ же живетъ. Вотъ въ этомъ братъ Василій живетъ и училища тутъ же приходская, а этотъ для любовницы своей Иванъ Васильевъ построилъ, съ сыномъ она тамъ живетъ; сынъ-то тоже фабрику заводитъ, хорошо больно дѣло пошло, и золотой позументъ, и галуны,—все работаютъ, наемни качалку *) поставилъ, а все Иванъ Васильевъ ему завелъ, словно сыну родному.

— А что же, онъ развѣ не сынъ его?

— Нѣтъ, онъ отъ настоящаго у ней мужа,—она вдова, а отъ Ивана Васильева-то мальчижъ у самого живетъ.

Баба потянула лѣвую возжу, и лошадь остановилась у новой избы съ прибитой на ней бѣлой доской съ надписью: «Десятскій». Староста въ другой деревнѣ живетъ.

У воротъ мужикъ съ небольшой русой бородкой вмѣстѣ съ другимъ молодымъ лошадь запрягаютъ.

— Десятскій?—спрашиваю.

— Такъ точно-съ,—снимаетъ шапку мужикъ, подходя и недоуменно глядя на меня.

— Вотъ принимай, господина къ вамъ привезла, переписывать у насъ все будетъ, сколько кто посѣялъ, да сколько помолотилъ,—все списывать станеть, всю крестьянскую жизнь списываетъ...

— Такъ, такъ,—надѣвая шапку и нетвердо говоритъ мужикъ.—Слыхали, по деревнямъ ѣздите,—нѣсколько ободрившись продолжалъ онъ.—Только для чего-жъ это теперь все списываете? Лучше, аль хуже вамъ будетъ?

— Худого ничего не будетъ,—можетъ быть въ тысячный разъ отъѣдемъ я на подобный запросъ короткимъ успокоительнымъ отвѣтомъ.—/ и что! Гдѣ бы у васъ на деревнѣ устроиться мнѣ, чтобы переписать удобно было,—придется народъ призывать?

*) „Качалка“—усовершенствованный станокъ для тканья позументовъ, работающій въ 6 и болѣе разъ скорѣе простаго ручнаго станка. Работа на качалкѣ механическая,—вращеніе рычага.

— Вотъ ужъ, право, и не придумаю теперь, куда васъ опредѣлить,— и чешеть мужикъ свой затылокъ... Развѣ къ теткѣ Матренѣ ихъ?—оборачивается онъ къ другому.

— Да нѣтъ, имъ тамъ неспособно будетъ,—говорить другой,—ребятня, да овцы въ избѣ, грязно больно и запахъ тяжелый...

— Оно вѣрно, ребятня, да овцы...—придумывая куда бы еще помѣстить меня, тянетъ десятскій... Вотъ къ Марьѣ бобылкѣ,—она одна... да нѣтъ, тоже вѣдь больная лежитъ, неспособно такъ-то...

— Можетъ, у васъ въ избѣ ничего?—спрашиваю я.

— Да у насъ махонькій только одинъ у невѣстки... Овецъ тоже въ избѣ нѣту... Что же, коли понравится, хошь и у насъ оставайтесь.

И рѣшено остаться у десятскаго. Въ избу внесли мой сѣрый чемоданъ и черную папку съ бумагами.

Въ восьмиаршинной избѣ были: жена десятскаго, тощая, высокая, некрасивая; молодуха съ груднымъ ребенкомъ,—жена молодого брата десятскаго, запрягавшаго съ нимъ на улицѣ лошадь; три дѣвочки, дочери десятскаго, и старуха мать. Все семейство—девять человѣкъ, я десятый буду. Тѣсно, да не въ первый разъ.

Когда мы вошли, бабы стали суетливо собирать со стола остатки завтрака: деревянную чашку съ картошкой, ложки, куски ржаного хлѣба. Меньшая дѣвочка бѣгала за матерью, ухватившись за ея юбку и пряча въ ней свою голову. А старшая, лѣтъ тринадцати, понесла съ лавки въ уголь свою работу—«нашивку»: она нашивала на узкую ленточку маленькіе металлическіе кружочки—«блестки». Такую нашивку почти всѣ дѣвочки-подростки на Копылова работаютъ.

Десятскій попросился у меня въ городъ; онъ и лошадь запрягалъ, чтобы ѣхать туда свезти «изъ-провода» «мяздру» *) на одномъ кожевенномъ заводѣ. Я отпустилъ. Братъ десятскаго ушелъ въ заведеніе къ Копылову работать. Старшая дѣвочка перестала «нашивать» блестки на ленточку, бабы послали ее паряжать для меня народъ. Она набросила на плечи материнъ полупубоужъ (онъ былъ ей длиненъ и волочился по полу) и побѣжала на край села.

Весь день приходили мужики и бабы за тѣхъ изъ мужиковъ, которыхъ почему-либо не было дома; многіе изъ мужиковъ уѣхали въ лѣсъ за дровами. Я все спрашивалъ и писалъ. Всѣ въ селѣ, кромѣ стариковъ, дѣтей, да бабъ-хозяекъ, «около печки» хлопочущихъ,—позументщики, на Копылова работаютъ, кто по своимъ избамъ, а кто въ двухэтажномъ домѣ у Копылова,—тамъ у него поставлены станы и качалки.

Днемъ приходилъ «записываться» подвыпившій младшій братъ Копылова, Аванасій. Онъ былъ въ новой суконной поддевкѣ, и чистенныхъ вагой высокихъ сапогахъ; волосы на головѣ и коротко подстриженная борода были у него сѣдые. Онъ все время хвастался своимъ братомъ Иваномъ

*) Очистки, остающіеся при выдѣлкѣ кожъ; идутъ на столярный клей.

Васильевымъ, его умомъ, деньгами, сказалъ, что онъ на селѣ одиннадцатъ избъ своимъ любовницамъ поставилъ, а одной даже кирпичный домъ выстроилъ, и ему, Аѳанасію, тоже новую избу поставилъ. Кроме этой семинаршинной избы и чулана, у Аѳанасія нечего было и записывать въ его подворную карточку *); только еще жену 50 лѣтъ записалъ я, да на вопросъ, поставленный въ карточкѣ «если не имѣеть надѣла, хозяйства, лошади, коровы, то давно ли, почему?» вписалъ: «лѣтъ 30 тому назадъ крестьянствовалъ съ братьями и отцомъ; потомъ ушелъ на военную службу, воевалъ подъ Плевной; послѣ былъ дьячкомъ въ Москвѣ, изъ дьячковъ прогнали за пьянство, съ тѣхъ поръ дома».

Аѳанасій ушелъ. Въ избѣ сидятъ мужики и бабы, дожидаются своей очереди. Передо мной лежитъ подворная карточка съ надписью: Иванъ Васильевъ Бопыловъ. Выкрикиваю его. Всѣ оглядываются другъ на друга, Бопылова нѣтъ. Дѣвочка десятскаго, наряжавшая народъ, говоритъ, что онъ сказалъ, ему некогда сейчасъ; проситъ, если можно, вечеромъ записать. Не любятъ такіе, какъ Бопыловъ, при всемъ мірѣ записываться, всегда стараются въ одиночку записаться.

— Ну, ладно, думаю; можетъ у него, и правда, дѣло есть; да къ тому же у него, вѣрно, много писать придется, лучше этихъ запишу, отдохну, а на свободѣ вечеромъ и того отдѣлаю.

Въ избу все приходили и уходили, отворяли дверь и настудили такъ, что я надѣлъ ватное пальто. Было холодно. Старуха затопила маленькую желѣзную печку хворостомъ и щепками; стало вдругъ очень жарко.

III.

Вечеромъ я кончилъ переписывать. Въ церкви шла всенощная. Поставили самоваръ. Весь столъ заставили чашками и пили жидкій чай, а подъ конецъ одну воду съ молокомъ и чернымъ хлѣбомъ.

Десятскій изъ города еще не вернулся. Приѣхалъ онъ, когда кончали уже пить чай. Приѣхалъ пьяный и все на жену ругался, а она молчала. Была суббота. Въ русской печкѣ сейчасъ мыться собирались. Въ избѣ стало еще жарче. Я легъ на лавку отдохнуть. Хозяинъ-десятскій бормоча что-то невнятное, кого-то все ругая, раздѣвался у печки; около него стояла жена и загораживала отъ остальныхъ. Потомъ онъ голый полѣзъ въ печку. Послѣ вышелъ въ сѣни на крыльцо обливаться водой отъ зноя, приставшей къ тѣлу. Еще его братъ мылся, а женщины только головы вымыли. Десятскій надѣлъ чистую красную рубаху, причесалъ волосы, которые стали блестѣть и закрывали у него половину уха; онъ сразу пошелъ въ бани много потрезвѣлъ; глаза его еще были мутные, но онъ уже болѣе молчалъ и не ругалъ жену.

*) Подворная карточка—бланкъ съ вопросами, которые долженъ заполнить крестьянинъ. Карточка готовится заранее на каждый отдѣльный крестьянскій дворъ съ наименованіемъ домохозяина.

Всенощная отошла. Кто-то постуцалъ въ окно. Дѣвочка побѣжала отворять ворота. Въ сѣняхъ послышались мягкіе шаги, кто-то билъ ногу объ ногу, отряхая снѣгъ съ валенокъ. Открылась дверь въ избу; снаружи повалилъ паръ и густыми бѣлыми клубами разошелся по полу жарко нагретой избы. Вошелъ мужчина, высокій, плотный, съ большой головой, съ умными сѣрыми глазами и красными толстыми губами; длинная борода была съ просѣдью; на плечи у него былъ накинута черная тулупъ «на барашкѣ», на ногахъ были хорошія тонкія валенки. Онъ снялъ шапку, слегка перекрестился, не глядя на образа, и поклонился, такъ что можно было увидѣть у него на темени небольшую лысину посреди курчавыхъ волосъ. Весь онъ былъ очень бодрый, хотя ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ.

— А! Ивану Васильевичу почтеніе,—повернувшись на лавкѣ въ пол-оборота, какъ-то особенно развязно и качнувшись отъ бродившаго еще въ немъ вина, сказалъ хозяинъ-деятскій и протянулъ руку вошедшему. Тотъ сдержанно сказалъ:

— Здравствуй, Савелій,—и какъ бы не замѣчая протянутой ему руки, съ легкой усмѣшкой промолвилъ:—Видно, изъ города сейчасъ?

— А хоть бы и изъ города!... Знаю изъ города!... Что у насъ денегъ, что ли, нѣту?—сердась, заговорилъ десятскій.—Ты думаешь, что ты одинъ богачъ, такъ въ городѣ только тебѣ одному и можно!

— Ну, вотъ еще, что ты, Савелій!... Нѣтъ, я такъ спросилъ—весель ты нынче...

— А тебѣ что-жъ, что я весель?

— Да что-жъ мнѣ-то! Я ничего и не говорю; веселись, кто-жъ тебѣ мѣшать можетъ...

Десятскій осовѣло мотнулъ головой внизъ, потомъ поднялъ голову на Копылова и, глядя на него мутными глазами, придумывалъ что-нибудь возразить ему, но Копыловъ избѣгалъ его взгляда, и, сѣвъ на край лавки, обратился ко мнѣ:

— Покончили съ нашимъ селомъ?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ. Вотъ еще у васъ нужно кое-что спросить; да потомъ у священника объ ихъ землѣ, причтовой, и хозяйствѣ.

— Вотъ какъ! Вы значить и священниковъ описываете?—почтительно удивился Копыловъ.

— Да, всѣхъ—и крестьянъ, и священниковъ, и помѣщиковъ... Вообще всѣ встрѣчающіяся на моемъ пути въ вашей волости земли, кому бы онѣ ни принадлежали...

— Такъ, такъ-съ,—пристально глядя на меня и внимательно слушая, кивалъ головой Копыловъ.

— Всякую крестьянскую шуру-муру пишутъ,—вставилъ десятскій, разсѣнно вслушивавшійся въ нашъ разговоръ.

Копыловъ молчалъ. Ему, видно, не нравился пьяный десятскій, не давшій ему слова сказать, чтобы не придратъся и не намекнуть на его

довольство. Онъ какъ-то съжился. А тутъ ему нужно еще «писаться», рассказывать лишь о себѣ, своемъ занятіи, его прибыльности, при этомъ пьяномъ и неугомонномъ десятскомъ, который въ трезвомъ видѣ всагдъ почитателенъ съ нимъ и услужливъ, а сейчасъ, пьяный, такъ враждебенъ къ нему, его довольству и превосходству.

Десятскій куриль у двери, облокотясь на печурку въ печкѣ и поставивъ одну ногу на лавочку, придѣланную къ печкѣ. Я рылся въ бумагахъ, отыскивая подворную карточку, заготовленную для Бопылова. Двѣ младшія дѣвочки, прислонясь одна къ другой и свалившись на бокъ, спали въ углу на лавкѣ, молодуха шила что-то и въ то же время качала ногой люльку, старуха чесала ленъ на гребнѣ, а жена десятскаго перетираала посуду. Всѣ молчали и смотрѣли, что я стану дѣлать.

— А тѣсно у тебя тутъ, Савелій! Гдѣ вы ихъ тутъ уложите-то?—обратился Бопыловъ къ десятскому, показавъ на меня глазами.

— Гдѣ-нибудь на лавкѣ улягусь,—сказалъ я.

— Что же вамъ тѣсниться-то? Ихъ вѣдь вонъ какое семейство...

— Семейство большое...—замѣтилъ десятскій, сплевывая.

— Не угодно ли ко мнѣ ночевать пожаловать? У меня вамъ просторно будетъ.

— Да, тамъ на что же лучше будетъ, вольготнѣе... — подтвердилъ десятскій.

— Такъ вы ужъ пожалуйте ко мнѣ,—предложилъ Бопыловъ.— Можеть, тамъ меня и запишите... что у меня есть?...

— Нѣтъ, запишу я васъ ужъ сейчасъ, а ночевать, пожалуй, правдъ, здѣсь будетъ тѣсно,—согласился я.

Въ сущности ночевать я могъ бы и у десятскаго, такъ какъ приходилось ночевать и при худшихъ условіяхъ. Такъ, однажды я пріѣхалъ въ деревню поздно, прямо къ десятскому-бобылю; лѣтомъ онъ бывалъ пастухомъ въ своей деревнѣ. Всѣ уже спали; въ одной только избѣ огонь свѣтился, и мнѣ пришлось остаться на ночевку у десятскаго, въ почти напленной избѣ, на принесенной съ мороза соломѣ, прикрытой сверху кофъ буркой. Въ этотъ разъ меня интересовалъ самъ Бопыловъ, мнѣ хотѣлось узнать его ближе въ его домѣ, въ частномъ разговорѣ. Отказался же я записать его у него на дому, а не здѣсь—изъ тактическихъ соображеній, съ которыми всегда приходится считаться статистику, въ виду того, что передъ нимъ проходятъ деревенскіе люди различныхъ положеній, — богатые и бѣдные, сильные и слабые, и надо показать, что для того дѣла, которое дѣлаеть статистикъ, они всѣ равны, отъ нихъ всѣхъ просятъ одинаково правдивыхъ отвѣтовъ и одинаковаго довѣрія къ «перепискѣ». Я написалъ Бопылова. Семья: самъ, жена, сынъ, работникъ, работница по двѣмъ. Три кирпичныхъ дома. Двѣ лошади: ѣздовая и рабочая (для крестьянъ той работы), двѣ коровы, овцы, поросята. Соха. Земли надѣльной, какъ и у всѣхъ, на 2-хъ работниковъ (самъ и сынъ)—4 души. «Бушчей» земли 7 ть. Арендуеть только поносъ, рублей на 60. Есть огородъ, садъ съ ябло: и...

нями, смородиной. Сѣютъ ржи мѣръ 20; овса мѣры 24; гречу, горохъ, рый ребятишки всегда весь вытаскаютъ, такъ его мало, картофелю въ 15 рассаживаютъ. Хлѣба для себя не хватаетъ—покупаютъ. Корму скота съ соломой да съ сѣномъ съ арендованныхъ луговъ хватаетъ. ийство не больше, чѣмъ у средняго домохозяина. Самъ Копыловъ плохо знаетъ, сколько и чего сѣютъ,—онъ до этого не доходить, «не интересуется»; жена всѣмъ этимъ завѣдуетъ. А онъ ужъ только одно знаетъ—и позументы.

Я кончилъ. Всѣ молчали все время и внимательно слушали. Пьяный гтскій ни разу не вставилъ замѣчанія и слѣдилъ глазами за тѣмъ, какъ вло перо у меня по бумагѣ.

IV.

Я накиннулъ бурку, надѣлъ шапку, и мы вышли съ Копыловымъ на цу. Было очень свѣтло. Небо чистое, усыпанное звѣздами. Сбоку надъ ой снѣжной равниной какъ будто застыла луна; она была такая яркая сравненія въ темно-синихъ небомъ и ея края такъ рѣзко на нежь отялись, что казалось, что она очень близко отъ земли и далеко отъ а, и хотѣлось достать ее рукой. А снѣжная равнина къ горизонту тѣла и тамъ сливалась съ темнымъ краемъ неба. Тамъ, на равнинѣ, наю было тихо, неподвижно и холодно. А направо, на облитомъ свѣтомъ вно-бѣломъ снѣгѣ, протянулись мужицкія сѣрыя избы съ пухлыми отъ мешаго на нихъ снѣга зеленовато-бѣлыми крышами. И кое-гдѣ въ погтой тѣню отъ крыши стѣнъ избы выдѣлялось ярко-желтое, огненное, овое отъ морозныхъ рисунковъ окно. А дальше за деревней, какъ бы гъ крышами, заснула темная толпа высокихъ сосенъ.

Было такъ тихо, что уху хотѣлось звука и оно ловило скрипъ подъ ними ногами, такъ что малѣйшее давленіе ступни по мерзлому снѣгу ствовалось.

Мы подошли къ двухэтажному каменному дому. У воротъ въ тѣни, ию падавшей отъ дома на снѣгъ, кто-то сидѣлъ на кучѣ сгребеннаго га. Это былъ Аеанасій Копыловъ.

— Уходи!—сказалъ Иванъ брату, когда мы подошли, и сталъ стучать ворота, чтобы отворили.

— Дай двугривенный.

— Уходи, говорю, — понизивъ голосъ и какъ-то сдавленно сказалъ арь. Въ голосѣ у него послышалась такая нотка, послѣ которой пья- й Аеанасій поднялся съ кучи снѣга, на которой онъ сидѣлъ, и что-то рмоча пошелъ отъ дома.

— Пьяница! — сказалъ какъ бы про себя съ презрѣніемъ Копыловъ, вдя на крыльцо въ домъ.

По лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ дома. Въ просторной педней комнатѣ на черномъ клеенчатомъ диванѣ спалъ, уткнувшись въ

подушку лицомъ, и съ босыми ногами мальчикъ лѣтъ шести — это былъ побочный сынъ Бопылова, какъ я узналъ послѣ. Залъ оклеенъ бѣлыми хорошими обоями; по окнамъ стоятъ разные цвѣты; въ простѣнкѣ между окнами привѣшено высокое, хорошее зеркало, подъ нимъ ломберный столъ, по стѣнамъ вѣнскіе стулья; сбоку въ углу столъ, покрытый бѣлой скатертью, за которымъ Бопыловъ ѣсть и пьетъ одинъ съ мальчикомъ, который спалъ въ передней. Лишняго, безвкуснаго въ комнатѣ, какъ это бываетъ у деревенскихъ богатѣевъ, ничего нѣтъ. Рядомъ съ залой еще комната, — вѣчто вродѣ гостиной. Здѣсь шкафъ-горка съ посудой и разными серебряными вещами. На стѣнѣ большой фотографическій портретъ Бопылова, раскрашенный — это онъ самъ его пальцемъ раскрасилъ. Отсюда дверь въ маленькую контору съ прилавкомъ, вѣсами, кучами позументовъ, галуновъ, катушками золотой канители. Здѣсь всегда спитъ Бопыловъ; тутъ всѣ его сокровища. Изъ конторы дверь въ «фабрику» — позументное заведеніе, которое занимаетъ большую часть верха. Это огромная комната, вся заставленная ручными станами и качалками для выработки позументовъ. Работаютъ здѣсь только «свои деревенскіе».

Жизнь Бопыловъ проводилъ отдѣльно отъ своей семьи. Онъ жилъ вверху съ мальчикомъ отъ любовницы, а семья, жена и сынъ съ невѣсткой, жили внизу, и это были какіе-то чужіе люди для Бопылова. Жена, тихая, простая женщина, стряпала, хлопотала по двору; сынъ, блѣдный, худой, чихоточный, съ жидкой бородкой и грустнымъ взглядомъ, тихій, былъ у отца вродѣ приказчика; онъ отвѣшивалъ въ конторѣ позументщикамъ канитель и выдавалъ другіе матеріалы, провѣрялъ принесенные ими сработанные позументы; за все это отецъ платилъ ему маленькое жалованье. Онъ ходилъ въ ситцевой рубахѣ подъ поношеной визиткой, въ опоркахъ на босу ногу. Тамъ внизу было какъ бы другое семейство. А Бопыловъ вечерами уходилъ въ сосѣдній домъ къ вдовѣ.

Невѣстка Бопылова въ какомъ-то засаленномъ мѣщанскомъ платьѣ накрыла на столъ и подала самоваръ; ей было трудно нести его, такъ какъ она была беременна. Бопыловъ сказалъ, что у него есть, кажется, лимонъ и пошелъ въ гостиную; тамъ онъ долго искалъ его, натыкаясь руками въ темнотѣ на посуду и звеня ею; потомъ принесъ половину лимона, уже сильно высохшую.

Мы пили чай только вдвоемъ. Во всемъ верху больше никого не было, только мальчикъ храпѣлъ за стѣной и что-то грезилъ во снѣ.

Вечеръ былъ длинный, за чаемъ мы все разговаривали. Бопыловъ говорилъ все больше про себя. Онъ очень былъ доволенъ, что я пришелъ къ нему, былъ разговорчивъ и откровененъ. Видно, обыкновенно онъ чувствовалъ себя очень одинокимъ. Говорилъ онъ какъ-то не переставая, хорошо, просто, складно, не по-деревенски. Я удивлялся той противоположности, какая была между нимъ и его братьями и другими деревенскими. Про него говорили: «у него Богъ въ карманѣ»; но теперь, къ старости онъ, видно, сталъ думать и говорить о Богѣ, о загробной жизни.

Съ какимъ-то особеннымъ желаніемъ высказаться вымалдывалъ Копыловъ передо мною свою прошлую жизнь. Казалось, какъ будто ему до сихъ поръ не съ кѣмъ было говорить и онъ все молчалъ и вотъ теперь обращался представившемуся случаю. Онъ какъ будто и каялся, и хвалился. Онъ говорилъ о томъ, сколько труда и терпѣнія вложилъ онъ въ свое дѣло, какъ онъ вначалѣ пѣшкомъ въ стужу полуголодный ходилъ съ позуентами въ Москву и у него не брали ихъ въ лавкахъ, такъ какъ не знали его; какъ потомъ мало-по-малу своими трудами онъ выбился и достигъ своего теперешняго положенія (ни о дядѣ, ни о случаѣ со шгатулой онъ не упоминалъ), выстроилъ эти каменные дома, завелъ «фабрику»; ухаживалъ своими рабочихъ, когда они ему дѣлали кирпичъ на дома, наготовилъ кирпичу и для церкви за отдачу ему на время подъ кирпичный заводъ полдесятины мірской земли, потомъ выстроилъ церковь и теперь въ ней церковнымъ старостой, устроилъ школу и въ ней попечителемъ.

Отъ своего «міра» Копыловъ сторонился, слишкомъ разошлись ихъ интересы. Онъ за эти тридцать лѣтъ совсѣмъ отсталъ отъ мірскихъ дѣлъ, отыкъ отъ уравнивающаго вліянія міра, подъ которымъ и самъ прежде былъ. Все это время онъ жилъ только собой и своимъ дѣломъ.

— Не резонъ мнѣ туда, на сходни-то ихнія ходить, — говорилъ Копыловъ. — Потому, только и норовятъ тебя какимъ-нибудь словомъ обидѣть. И все кто? Самые-то ничего не стоящіе «глоты», пьяницы! Настоящій домохозяинъ ничего тебѣ не скажетъ, а эти крикуны норовятъ все, чтобы тебѣ какую-нибудь грубость сдѣлать, неприятность... Такъ я ужъ теперь и бросаю на сходни-то ходить... Толку-то тамъ всегда мало... больше крику... горланять вотъ эти глоты, а настоящимъ, солиднымъ и слова не дадутъ сказать... Да что, по мнѣ хоть и не будь его вовсе, міру-то, такъ лучше было бы; по крайности, ни пьянства такого не было бы, ни браги, ни стѣсненія, живи каждый по себѣ, какъ знаешь... И землю тогда можно было бы разработать, какъ тебѣ хочется, клеверъ посѣять или еще что! А то съ ними развѣ сладись? Вотъ я предлагалъ имъ, изъ земства агрономомъ тоже пріѣзжалъ — предлагалъ — вмѣсто трехъ, четыре поля устроить и клеверъ въ поляхъ сѣять; говорили, что теперь вездѣ крестьяне пошли такъ дѣлать. Такъ нѣтъ, уперлись, особенно кто постарше-то, говорятъ: «не хотимъ, отцы и дѣды такъ жили и мы, авось, доживемъ; противъ Бога, говорятъ, не пойдешь»... такъ ничего и не вышло.

Одинокое чувствовалъ себя Копыловъ. Съ міромъ онъ разошелся, отъ семьи тоже особнякомъ держится, его больше тянетъ туда, рядомъ, въ одноэтажный кирпичный домъ; тамъ онъ отдыхаетъ, забывается.

А жизнь уже почти вся позади, онъ уже сдѣтъ сильно сталъ и задумывается надъ прошлой жизнью, надъ ея смысломъ и надъ тѣмъ, что будетъ послѣ смерти; онъ боится ея, этой смерти, и въ немъ поднимается какой-то страхъ, и тогда онъ старается успокоиться, ухаживая за своимъ маленькимъ сыномъ, какъ нянька, и начинаетъ еще больше привязываться къ нему.

Мы пили чай и разговаривали. Вдруг за стѣной мальчикъ проснулся и заплакалъ. Бопыловъ поспѣшно, мелкимъ бѣгомъ скрылся за дверь, что-то сталъ шептать, утѣшать. Мальчикъ плакалъ какъ-то особенно жалобно; онъ проснулся отъ чего-нибудь страшнаго. Старикъ все время лоса утѣшалъ его. Потомъ мальчикъ пересталъ плакать, опять заснул. Бопыловъ вернулся.

— Это внукъ вашъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, сынишко!

— Вы у себя вѣдь взрослого сына записали, женатаго, а этого не писывали...

— А этотъ у меня отъ другой... Вотъ ея домъ-то, рядомъ, а онъ меня всегда... Вѣдь мы его никуда не записали,—сказалъ онъ спокойнѣе и безпокойно.—Куда-жъ его теперь, ко мнѣ ли, къ ней ли вамъ придется?

— Правильнѣе-то къ ней!

— Нѣтъ ужъ вы, будьте любезны, выпишите его ко мнѣ, а то и какъ бы для него потомъ плохо не было; всетаки наследникъ онъ и а то туда-то выпишете, какъ бы путаницы какой не вышло для него и слѣдствіи...

Я объяснилъ ему, что наша «статистическая перепись» имѣетъ совсѣ другое значеніе и совершенно не можетъ устанавливать никакихъ правъ ни имущественныхъ, ни личныхъ, но онъ всетаки, безпокоясь, попросилъ меня вписать мальчика къ нему, «такъ надежнѣй будетъ».

Видно Бопыловъ любилъ этого маленькаго, а не старшаго сына.

У.

На слѣдующее утро я сидѣлъ опять въ восьмидесятирублевой кабѣ доездаго и переписывалъ кое-кого, кто не пришелъ наканунѣ.

Пришелъ въ новомъ тулупѣ молодой, средняго роста, крѣпкій, съ умнымъ лицомъ, русый мужчина лѣтъ 25-ти, Лисенковъ. Это былъ сынъ Лисенницы Бопылова отъ ея умершаго мужа. Въ томъ каменномъ одноэтажномъ домѣ съ подвальнымъ этажемъ, который Бопыловъ построилъ для матери, онъ наставляетъ станы для тканья позументовъ, устроеннаго вродѣ заведенія. Онъ раздаетъ работать позументы и по сосѣднимъ деревнямъ. Дѣло идетъ у него хорошо. Говорятъ, изъ него настаетъ «хозяинъ» выйдеть. Онъ кончилъ съ похвальнымъ листомъ земскую школу, читаетъ и теперь книжки, преимущественно изъ народныхъ изданій, и писываетъ *Сельскій Вѣстникъ*. У него хорошо идетъ и крестьянское хозяйство, приарендовываетъ пашню, покосъ, посѣялъ на усадьбѣ яблоки, разсаживаетъ тамъ яблони, смородину, малину. Когда онъ увидалъ у меня на столѣ *Русскій сельскій календарь*, изданный «Посредникомъ», съ раскрашенной обложкой, изображавшей мужика, съющаго изъ луговъ, то взялъ и сталъ внимательно его перелистывать и просматривать, онъ

бенно остановясь на отдѣлѣ, гдѣ говорилось о разныхъ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и были рисунки плуговъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Онъ началъ спрашивать меня о плугахъ, травосѣяніи и другомъ и спросилъ, гдѣ бы ему можно было купить такой календарь. Я отдалъ ему свой. Онъ остался очень доволенъ.

Позументное дѣло идетъ у Лисенкова бойко. Кое-кто уже отъ Копылова перешелъ къ нему. А Копыловъ не только не сердится на это, на даже иногда помогаетъ и поддерживаетъ его, даетъ ему часть своихъ заказовъ при спѣшности ихъ. Самъ Копыловъ уже, видно, усталъ, изработался; сынъ его не изъ такихъ, чтобы безъ отца могъ самостоятельно вести все дѣло, и Копыловъ не завидуетъ Лисенкову, а поощряетъ его.

Я уѣхалъ изъ Высокова, но долго еще по сосѣднимъ деревнямъ писалъ я позументчиковъ и сидѣлъ въ ихъ избахъ, тѣсныхъ, грязныхъ, заставленныхъ станами, и слушалъ про Копылова:

— Воръ онъ, а все спасибо ему, отъ него кормимся!...

С. Волковъ.

О судебных порядках и адвокатурѣ въ Соединенныхъ Штатахъ *).

(Изъ личныхъ впечатлѣній).

Форма юстиціи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—англійскаго типа и особенно характернымъ въ ней является полное отсутствіе административныхъ судилицъ; всё рѣшительно вопросы, какой бы сферы права они ни касались, частной ли, публичной или политической,—подлежатъ вѣдѣнію суда.

Самый строй процесса и даже матеріальное право,—какъ обычное, такъ и кодифицированное,—тоже въ основѣ своей англійскаго типа. Это и понятно: нынѣшніе американцы являются прямыми потомками англичанъ-переселенцевъ, которые занесли съ собою въ Америку свою культуру, свои порядки, свои основы общежитія. Конечно, не о слѣпомъ подражаніи здѣсь рѣчь: американецъ не терпитъ шаблона и какого бы то ни было подражанія чужому примѣру, и всюду, въ каждомъ вопросѣ и на каждомъ шагу, стремится онъ къ проявленію самостоятельности, такъ обильно отпущенной ему самой природой. Отсюда и въ области права у американцевъ много своеобразныхъ частности, порой довольно курьезныхъ. Такъ, на примѣръ, въ одномъ изъ штатовъ существуетъ правило, что если судья опаздываетъ въ засѣданіе на полчаса, то стороны имѣютъ право избрать въ судьи кого-либо изъ присутствующихъ. Въ Калифорніи судья при полученіи жалованья даетъ подписку въ томъ, что изъ числа дѣлъ, поступившихъ къ нему за послѣдніе 90 дней, нѣтъ ни одного не разрѣшеннаго. Въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ судьи и адвокаты въ началѣ своей дѣятельности даютъ подписку въ томъ, что они никогда не принимали участія въ дуэли. Но всё такого рода мелочи и отступленія, конечно, нисколько не затмѣваютъ самой основы,—англійской и по настоящее время. Если же и есть различія, то они объясняются различіемъ государственнаго устройства Англии и Америки.

*) Сообщение, сдѣланное на конференціи кievскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Америка, какъ государство федеративное, имѣетъ особые федеративные суды, отличные отъ судовъ отдѣльныхъ штатовъ. Организация тѣхъ и другихъ различна.

Федеративные суды вѣдаютъ вопросы права, вытекающіе изъ дѣлъ общенациональныхъ (военныя, почтовые, таможенныя дѣла) и столкновѣній между отдѣльными штатами; главное же назначеніе ихъ—это регулировать отношенія по конституціонному праву, охранять конституцію, какъ федеративную, такъ и cadaго отдѣльнаго штата, что дѣлается по принципу: «нерушимый союзъ нерушимыхъ штатовъ». Разрѣшенію федеративныхъ судовъ подлежатъ эти общіе вопросы лишь по конкретнымъ частнымъ случаямъ, подчасъ совершенно незначительнымъ на первый взглядъ; но разрастаясь, они порождаютъ политическія контroversы и выдвигаютъ уже на первый планъ вопросъ о примѣнкости или непримѣнкости въ данномъ случаѣ тѣхъ или иныхъ параграфовъ конституціи. Такъ, напримѣръ, въ Калифорніи существовало распоряженіе о томъ, что всѣ содержащіеся въ тюрьмѣ должны носить короткіе волосы, не болѣе одного вершка длины. Китаецъ Ho-Ah-Kow, попавшій въ тамошнюю тюрьму, конечно, раздѣлилъ участь своихъ сотоварищей: по распоряженію шерифа у него немедленно была отрѣзана коса. Такое пренебрежительное отношеніе къ требованіямъ его религіи глубоко обидѣло его, и онъ подалъ жалобу въ верховный судъ, который и призналъ, что коса есть не простое украшеніе, а убранство, требуемое религіею жалобщика, что лишеніе ея является оскорбленіемъ его религіознаго чувства, котораго никакое распоряженіе отдѣльнаго штата не можетъ и не должно нарушать, ибо это противорѣчило бы основной конституціи всего союза, обезпечивающей религіозную свободу каждому гражданину, какой бы вѣры или расы онъ ни былъ. Верховный судъ призналъ за Ho-Ah-Kow'омъ право на возмѣщеніе убытковъ отъ потери косы. Американцы любятъ уподоблять свое государственное устройство планетной системѣ; верховному суду въ Вашингтонѣ и приходится устанавливать равновѣсіе между центробѣжною и центростремительною энергіею отдѣльныхъ частей федеративнаго цѣлаго.

Федеративные суды дѣлятся на верховный, объѣздные и мѣстные. Верховный судъ состоитъ изъ 9 лицъ, назначаемыхъ пожизненно президентомъ съ одобренія сената. Онъ засѣдаетъ въ величественномъ помѣщеніи Капитолія въ Вашингтонѣ. Это—единственное изъ судебныхъ учреждений штатовъ, гдѣ съ самаго начала существуетъ для судей форма: тоги и береты. Каждое дѣло, подлежащее разрѣшенію верховнаго суда, докладывается дважды in pleno: первый разъ для выясненія преобладающаго мнѣнія, а затѣмъ для окончательнаго рѣшенія по докладу, который составляется однимъ изъ судей, противоположно къ выяснившемуся мнѣнію. Благодаря этому, дѣла, конечно, двигаются не скоро и накаплиются; нѣкоторые ждутъ своей очереди и по три года и болѣе. Судъ этотъ является учрежденіемъ, возникшимъ въ теперешней его формѣ въ тѣ времена, когда Америка представляла

собой небольшой уголокъ съ незначительнымъ населеніемъ; теперь же въ Америкѣ числится свыше 75 милл. населенія, и, конечно, это старое учрежденіе со своей системой производства уже не можетъ функционировать во всѣхъ отношеніяхъ столь же успѣшно, какъ въ былыя времена при несравненно меньшемъ населеніи. Между прочимъ, по исторіи личнаго состава этого суда возможно и интересно констатировать то высокое уваженіе, которымъ пользуется въ Америкѣ судья. Первымъ президентомъ верховнаго суда былъ Джонъ Маршалъ, пробывшій въ этомъ званіи около 35 л. (1800—1835 г.),—какъ разъ въ то время, когда Америка какъ государство лишь формировалась и начинала жить своей, такъ дорого завоеванной, самостоятельной жизнью. Казалось бы, что въ такія минуты, когда народъ только что отвоевалъ свою независимость, когда онъ всѣмъ считаетъ себя обязаннымъ своей отагѣ и когда дѣйствительно приходится еще примѣнять ее для умиротворенія раскодившихся элементовъ,—казалось бы, что въ это время всѣ лавры выпадутъ на долю военныхъ героевъ, полководцевъ, можетъ быть—законодателей, но ни въ какомъ случаѣ не такихъ мирныхъ и сравнительно скромныхъ дѣятелей, какъ судья. А между тѣмъ, какъ передъ однимъ фасадомъ Капитолія воздвигнута статуя Вашингтона, такъ передъ другимъ красуется статуя Джона Маршала, судебная дѣятельность котораго относится именно къ этому знаменательному времени. Изъ этого видно, что въ созданіи и скрѣпленіи основъ новой формы своего общежитія американцы отводятъ судебной дѣятельности такую же роль, какую обыкновенно надѣляютъ только прославляемыхъ героевъ. Я лично и не помню даже, чтобы раньше гдѣ-либо въ другихъ странахъ встрѣчалъ столь видный памятникъ судѣ.

Что касается организаціи судовъ въ отдѣльныхъ штатахъ, то здѣсь имѣются суды единоличныя, для дѣлъ меньшей важности, и суды коллегиальныя. Въ каждомъ штатѣ существуютъ низшія (первая инстанція) и высшія суды (апелляціонная инстанція). Судовъ по типу кассационному—нѣтъ. Назначеніе судей губернаторами съ одобренія сената въ настоящее время осталось лишь въ немногихъ штатахъ; преобладаетъ же система народнаго избранія. Интереснымъ является придуманный американцами остроумный способъ дать возможность и меньшинству оказывать вліяніе на результаты выборовъ. Принципъ этого способа тотъ, что при выборѣ трехъ судей каждый голосующій можетъ назвать лишь два лица. Тогда, если, напримѣръ, одна сплотившаяся партія упорно выставляетъ желательныхъ ей кандидатовъ, она въ заключеніи ихъ выберетъ, но только въ числѣ двухъ; третій же кандидатъ, очевидно, будетъ избранъ другой партией, хотя и менѣе многочисленной, которая также упорно выставляетъ своихъ двухъ кандидатовъ: одинъ изъ нихъ и будетъ третьимъ избраннымъ въ дополненіе къ первымъ двумъ. Судьи избираются на опредѣленный срокъ, болѣе или менѣе продолжительный, въ среднемъ, на 8—10 л.; и пожизненность, и кратковременность этой службы, въ виду возможныхъ злоупотребленій въ первомъ случаѣ и недостаточной привлекательности

ности ея во второмъ, почти вездѣ отмѣнены. Въ области выборовъ у американцевъ не обошлось безъ курьезнаго случая, могущаго служить недурной иллюстраціей той прямолинейности, съ какою они проводятъ въ жизнь принципы своего государственнаго устройства. Въ 1875 г., когда негры были освобождены и получили всѣ политическія права, они вмѣстѣ съ тѣмъ получили право избирать своихъ судей; вскорѣ въ одной мѣстности оказалось около 200 человекъ изъ нихъ, не умѣвшихъ ни читать, ни писать, избранными въ судьи.—Разиѣръ содержанія судей колеблется. Доходить оно до 10,000 долл., иногда спускается всего до 2,000 долларовъ, среднее 4—5 тыс. долл. Немудрено послѣ этого, что при дороговизнѣ жизни въ Америкѣ среди судей сплошь и рядомъ раздаются, какъ почти всюду и въ Европѣ, жалобы на необезпеченность.

Средній доходъ адвоката считается выше судейскаго жалованья. Однако, нѣтъ примѣровъ подкупности судей; если и возможно постороннее воздѣйствіе на судью, то лишь чисто-политическаго характера; наприм., вліяніе какой-либо партіи, главенствующей на выборахъ; это и отражается нерѣдко на рѣшеніяхъ того или другаго судьи. Въ крупныхъ центрахъ, гдѣ по спеціальнымъ причинамъ дѣла самоуправленія могутъ попасть въ такія нечистыя руки, какъ было въ Нью-Йоркѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, во времена печальной славы главарей, какъ Вильямъ Твидъ, Моцартъ Голь и другіе имъ подобные, и въ судьи попадали возмутительныя личности, вродѣ Альберта Бардозо. Когда началось разоблаченіе подвиговъ этихъ воротилъ муниципалитета, трое изъ городскихъ судей должны были искать спасенія въ бѣгствѣ.

Засѣданія суда отличаются чрезвычайной простотою, отсутствіемъ излишнихъ формальностей и особенно письменности. Судья сидитъ за своимъ столомъ, около него толпа народа; заявляются жалобы, допрашиваются тутъ же свидѣтели, разспрашивается жалобщикъ, обвиняемый; все это продѣлывается съ чрезвычайнымъ добродушіемъ, и взаимное довѣріе судьи и публики сказывается на каждомъ шагѣ; постановленіе приговора тоже до крайности упрощено: судья произноситъ приговоръ: «6 мѣсяцевъ тюрьмы», секретарь записываетъ это на обложкѣ дѣла—и приговоръ готовъ.

Суды высшей формы, съ присяжными засѣдателями, отличаются въ своемъ построеніи большимъ разнообразіемъ: не вездѣ требуется единогласіе присяжныхъ, не вездѣ составъ ихъ—12 человекъ. А одно время въ двухъ штатахъ (Wyoming'ѣ и Washington'ѣ), въ составъ присяжныхъ избирались женщины; это послѣднее, впрочемъ, довольно скоро вышло изъ употребленія. Между прочимъ, интересныя наблюденія были произведены надъ присяжными-женщинами: особенной строгостью, особенной суровостью отличались эти присяжные по отношенію къ проявленіямъ всякаго рода страстей и вообще неводержанности, особенно же—пьянства.

Присяжные участвуютъ во всѣхъ болѣе или менѣе сложныхъ процессахъ—и гражданскихъ, и уголовныхъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ они разрѣшаютъ вопросъ о фактѣ по всякимъ дѣламъ, гдѣ требуется его установленіе для

доказательства существованія известныхъ юридическихъ отношеній. Поэтому допускается полная свобода доказательствъ въ этой области: свидѣтели могутъ быть допрашиваемы рѣшительно по всемъ дѣламъ, не исключая даже вексельныхъ. Разъ отвѣтчикъ начинаетъ спорить о фактѣ, на сцену являються присяжные; а въ глазахъ присяжныхъ главное доказательство—свидѣтели. Но если судья обнаружитъ, что это лишь придирка со стороны отвѣтчика, лишь желаніе затянуть процессъ, онъ имѣетъ право отпустить присяжныхъ, не требуя ихъ вердикта, и рѣшить дѣло по документамъ. Такимъ образомъ, большинство дѣлъ въ американскихъ судахъ разрѣшаются присяжными. Теперь въ особенности часты дѣла о вознагражденіи за убѣдѣ: здѣсь присяжнымъ приходится разрѣшать и вопросъ о правѣ на вознагражденіе и самый размѣръ послѣдняго. Вопросы присяжнымъ не ставятся въ тяжелой формѣ, какъ у насъ, письменной формѣ, а просто-на-просто присяжные, по выслушаніи дѣла и резюме судьи, удаляются въ совѣщательную комнату и затѣмъ выносятъ свой краткій словесный вердиктъ: «за истца», «за отвѣтчика», или «за истца въ такой-то суммѣ». Стороны имѣютъ въ гражданскомъ дѣлѣ право отвода присяжныхъ по 6 человекъ безъ объясненія причинъ (*peremptory challenge*). Характернѣе же всего то разнообразіе поводовъ, по которымъ судья соглашается на отводъ присяжнаго по законному основанію. Это болѣе замѣтно при образованіи состава присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ для отвода, кромѣ официальныхъ причинъ, допускается масса особыхъ причинъ, обуславливаемыхъ предположеніемъ, что данный присяжный по своимъ воззрѣніямъ, убѣжденіямъ или личному опыту жизни можетъ оказаться пристрастнымъ при рѣшеніи вопросовъ разбираемаго дѣла. Стороны въ уголовномъ процессѣ имѣютъ весьма обширное право отвода безъ объясненія причинъ; такъ, наприм., по нью-іоркскому уголовному кодексу въ дѣлахъ о преступленіяхъ, грозящихъ смертной казнью, онѣ могутъ произвольно отвести до 30 присяжныхъ каждая; въ дѣлахъ, грозящихъ тюремнымъ заключеніемъ,— до 20 чел., въ остальныхъ же случаяхъ— до 5 человекъ. Обыкновенно процедура отвода, въ особенности въ громкихъ дѣлахъ, весьма продолжительна. Вызывается очередной по списку присяжный; защитникъ начинаетъ предлагать ему цѣлый рядъ вопросовъ для выясненія того возможнаго отношенія къ подсудимому, которое присяжный проявитъ въ совѣщательной комнатѣ, и если онъ убѣдится изъ отвѣтовъ присяжнаго, что послѣдній по какимъ бы то ни было причинамъ не можетъ совершенно беспристрастно отнестись къ личности подсудимаго,—онъ отводитъ его; вызывается слѣдующій, и съ нимъ продѣлываютъ то же самое. Ставятся вопросы самые разнообразныя, не исключая и вопросовъ изъ частной, интимной жизни. Опросъ этотъ выясняетъ тѣ отношенія, по которымъ сторона можетъ найти даннаго присяжнаго для себя неподходящимъ,—она тогда его отпускаетъ (*excuse*); или опросъ выясняетъ тѣ отношенія, по которымъ и судъ соглашается, что присяжный здѣсь неудобенъ, и тогда, по просьбѣ стороны судья его отпускаетъ (*discharge*). Вопросы бывають, напримѣръ, такіе: есл

столкновение обвиняемаго съ потерпѣвшимъ произошло на почвѣ служебной, то присяжнаго спрашиваютъ, не имѣлъ ли онъ подобныхъ столкновений со своимъ хозяиномъ или со своимъ рабочимъ; или, когда въ числѣ доказательствъ имѣется медицинская экспертиза, присяжнаго спрашиваютъ о степени его довѣрія къ врачебной наукѣ. Такимъ образомъ, опрашиваются защитникомъ по-очереди всѣ присяжные; то же право принадлежит и другой сторонѣ. Въ серьезныхъ процессахъ выборъ присяжныхъ порою тянется въ теченіе 2—3 недѣль; но зато составъ ихъ, въ концѣ-концовъ, является такимъ, что стороны должны признать его чуждымъ всякихъ вліяній, совершенно непристрастнымъ. Право отвода является такимъ образомъ существеннѣйшимъ процессуальнымъ регуляторомъ, благодаря которому судъ присяжныхъ уже безусловно внѣ подозрѣній, связываемыхъ съ этой формой отправленія правосудія тѣми, кто бессмысленно сравниваетъ его съ судомъ улицы.

О роли, которая приписывается защитѣ въ уголовномъ дѣлѣ, даетъ понятіе слѣдующая характерная подробность: по нью-іоркскому кодексу въ процессахъ, гдѣ обвиняемому грозитъ смертная казнь, для назначеннаго судомъ защитника полагается вознагражденіе отъ казны въ размѣрѣ 500 долларовъ, причемъ, если процессъ затягивается, то гонораръ можетъ быть ему выданъ въ двойномъ размѣрѣ. Что касается свидѣтелей, то, какъ выше было сказано, они допускаются и въ гражданскомъ процессѣ рѣшительно по всѣмъ вопросамъ и играютъ, такимъ образомъ, большую роль въ выясненіи дѣла. Самая процедура допроса происходитъ при слѣдующей обстановкѣ. Въ судебномъ залѣ, рядомъ съ возвышеніемъ для судьи, сбоку—такое же возвышеніе для допрашиваемаго свидѣтеля; напротивъ судьи—скамья для защитника и обвинителя; между этой скамьей и возвышеннымъ мѣстомъ свидѣтеля—стенографъ, записывающій по всякому дѣлу рѣшительно все, что говорится на судѣ. Свидѣтель садится на возвышеніе, на немъ сосредоточивается всеобщее вниманіе, и допросъ начинается,—допросъ подробный, перекрестный и настолько утомительный, что сплошь и рядомъ можно наблюдать сценку, какъ свидѣтель отъ утомленія снимаетъ свой сюртукъ и въ такомъ видѣ продолжаетъ давать показанія; такое на нашъ взглядъ странное поведеніе свидѣтеля, однако, ни въ комъ не вызываетъ не только протеста, но даже улыбки или удивленія, и допросъ ни на минуту не останавливается. Вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы всячески узнать отъ свидѣтеля все, что ему извѣстно по дѣлу; внѣшностями и декорумомъ интересуются мало; это не то, что у насъ, гдѣ смущеннаго и безъ того свидѣтеля съ самаго начала еще больше смущаютъ реваншіями особой позы: ему предлагаютъ смотрѣть прямо, а отвѣчать въ сторону, т.-е. сразу ставятъ въ самое неестественное положеніе, какое только можно себѣ представить... Остальные свидѣтели въ американскомъ дѣлѣ находятся обыкновенно тутъ же въ камерѣ, хотя для нихъ и есть отдѣльная комната; но такого рода предосторожности совершенно излишні, ибо допросъ настолько подробенъ и ведется съ такимъ вниманіемъ и

искусствомъ, что свидѣтель показываетъ, одну правду, изъ опасенія въ противномъ случаѣ немедленно же попасться во лжи. Что касается присяги, то она составляетъ очень существенный обрядъ въ процессѣ; въ гражданскихъ дѣлахъ присягаютъ не только свидѣтели, но сами стороны и даже ихъ повѣренные. Форма присяги очень простая и краткая: «Обязуюсь говорить правду, только правду, всю правду».

Внѣ городовъ и населенныхъ центровъ порядки во многомъ иные. Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе полное отсутствіе полиціи, которую, надо сказать, американцы вообще недолюбливаютъ, считая расходъ на нее совершенно излишнимъ и непродуманнымъ. Въ видѣ организованной по-европейски власти они имѣютъ ее—можно сказать, лишь терпятъ ее,—только въ городахъ. Властью предержащею внѣ города является шерифъ; осуществляетъ же онъ ее, въ случаѣ обнаруженія какого-либо преступленія, при содѣйствіи самихъ жителей. Американцы и тутъ проявляютъ свою личную энергію и самодѣятельность; при отсутствіи полиціи само общество ведетъ непосредственно борьбу съ преступленіями и, ловко обнаруживая виновныхъ, постепенно приходитъ къ желанному концу: преступленія, даже тѣ, которыя въ той или другой мѣстности часто носятъ эпидемическій характеръ, мало-по-малу уменьшаются и, наконецъ, окончательно исчезаютъ. Въ этомъ отношеніи любопытны грабежи и разбои въ поѣздахъ. Отъ времени до времени случаи ихъ начинаютъ повторяться, то тамъ, то сямъ. Совершаются они одинаковымъ манеромъ: на идущій поѣздъ всакиваютъ нѣсколько замаскированныхъ людей, заставляютъ машиниста подъ угрозой наведеннаго револьвера остановить поѣздъ, требуютъ подъ такой же угрозой отъ пассажировъ отдачи денегъ и затѣмъ соскакиваютъ съ поѣзда и скрываются въ темнотѣ *). О каждомъ такомъ случаѣ на слѣдующій день появляются телеграммы во всѣхъ газетахъ. При этомъ удивительно, до чего сообщенія эти кратки: они ограничиваются изложеніемъ голаго факта, безъ комментарій или жалобныхъ словъ; но на-ряду съ этими сообщеніями фигурируетъ въ газетахъ и вездѣ на вокзалахъ объявленіе: «Управленіе такой-то дороги назначаетъ 1,000 долл. награды тому, кто поймаетъ живымъ или мертвымъ или обнаружитъ мѣстопробываніе кого-либо изъ напавшихъ тогда-то и тогда-то на поѣздъ». Во время моей поѣздки по континенту Америки была какъ разъ такая серія нападеній вооруженными людьми на курьерскіе поѣзда и чистка кошельковъ у пассажировъ спальныхъ вагоновъ. Дивился я тому, какъ мало замѣтно волненія или возбужденія у пассажировъ, читающихъ извѣстіе, что какъ разъ вчера на этой или смежной линіи вновь произошло подобный случай. Черезъ нѣкоторое время послѣ одного нападенія появилась телеграмма, что кондукторъ убитъ наповалъ одного изъ та-

*) Единственная картина, которую я видѣлъ въ обширномъ кабинетѣ судьи въ новомъ зданіи уголовного суда въ Нью-Йоркѣ, это—большое изображеніе замаскированного бандита съ револьверомъ, направленнымъ на зрителя съ надписью „hands off“.

нихъ авантюристовъ и что управленіе дороги выдало ему за это 2,000 доллар. О случаяхъ новыхъ нападеній на поѣзда послѣ того не попадалось мнѣ извѣстій.

Въ Америкѣ очень рѣдки надписи о воспрещеніи чего-либо; но на поляхъ и проѣзжихъ дорогахъ на каждомъ шагу можно встрѣтить объявленіе, прибитое гдѣ-либо на огороженномъ мѣстѣ или на деревѣ, обещающее награду во столько-то долларовъ всякому, кто захватитъ перешедшаго эту ограду или поймаетъ при порубкѣ деревъ и т. п. Такую систему борьбы съ нежелательными въ общественной жизни явлениями американцы считаютъ и болѣе дешевой, и болѣе разумной, нежели система постоянной и обязательной полиціи, которая, къ тому же, приноситъ не мало вреда, попадая въ распоряженіе какой-либо партіи и влияя на подачу голосовъ при выборахъ. Между прочимъ, въ этой области есть очень интересныя учрежденія. Въ нѣкоторыхъ городахъ имѣются цѣлыя конторы для найма полицейскихъ служителей и сыщиковъ; за опредѣленную плату каждый можетъ нанять для розысканія преступника сыщиковъ, которые и исполняютъ эту полицейскую обязанность въ предѣлахъ даннаго имъ порученія. Въ Чикаго есть цѣлая фирма такого рода (Pinkerton's men), гдѣ можно сразу нанять до 1,000 вооруженныхъ полисменовъ; этимъ нерѣдко пользуются, когда стачка рабочихъ принимаетъ угрожающій для остального населенія характеръ. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что по конституціямъ нѣкоторыхъ штатовъ частнымъ лицамъ безусловно воспрещается наемъ вооруженной полиціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ толпа и самолично расправляется съ преступникомъ, пользуясь самосудомъ и примѣняя судъ Линча. Послѣдній въ настоящее время происходитъ исключительно въ южныхъ штатахъ, гдѣ вообще порядки плохи и отношенія между чернымъ и бѣлымъ населеніемъ крайне обострены. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ въ мою бытность въ Америкѣ въ какомъ-то городкѣ штата Алабама. Въ газетахъ о немъ было сообщено, по обыкновению, просто, какъ о заурядномъ фактѣ, безъ какихъ бы то ни было комментариевъ, lamentацій или воззваній. Дѣло произошло такъ: негръ повкусился на насиліе надъ одной бѣлой женщиной; когда та стала кричать и звать на помощь, онъ бѣжалъ въ лѣсъ; собравшаяся толпа бѣлыхъ жителей пустилась въ погоню, бросивъ свои дѣла и заперевъ лавки; скоро его изловили, пользуясь услугами собакъ (совершенно такъ, какъ объ этомъ повѣствуется въ «Хижинѣ дяди Тома»), и тутъ же на мѣстѣ рѣшили было его повѣсить; но затѣмъ вопросъ о способѣ казни пущенъ былъ на голоса, и большинство потребовало, чтобы его сожгли; это и было немедленно же исполнено; причемъ, право первымъ подложить огонь подъ костеръ было предоставлено мужу оскорбленной. Если судъ Линча и понинѣ практикуется въ мало заселенныхъ и пустынныхъ штатахъ, то это, какъ традиціонная форма самосуда, при вышеуказанныхъ условіяхъ не должно особенно удивлять. Въ Техасѣ онъ примѣняется въ особенности за конокрадство. Повтораста лѣтъ назадъ этотъ видъ расправы, вмѣсто суда, часто

практиковался и въ сѣверныхъ штатахъ; теперь же онъ и въ южныхъ штатахъ составляетъ исключительное явленіе. На вопросъ мой, обращенный къ юристамъ въ Нью-Йоркѣ по поводу извѣстія изъ Алабамы, составляетъ ли это закономъ дозволенную расправу и если нѣтъ, то почему противъ виновныхъ въ этомъ варварствѣ не возбуждается никакого преслѣдованія, я получилъ отвѣтъ, что возбужденіе такого преслѣдованія ни къ чему бы не привело, такъ какъ мѣстные присяжные не дали бы согласія на преданіе суду участниковъ этой расправы, признаваемой, по убѣжденію тамошнихъ массъ, въ извѣстныхъ случаяхъ необходимой. Вотъ если бы это случилось въ здѣшнихъ мѣстахъ—прибавили мои собесѣдники какъ бы для успокоенія моего недоумѣнія—присяжные не задумались бы предать суду весь поселокъ какъ за умышленное убійство. Однако, происшедшій непосредственно послѣ этого случай весьма наглядно показалъ, что сѣверяне отнюдь не должны успокаивать себя мыслью, что эти факты повторяются еще только у южанъ и что къ нимъ, сѣверянамъ, поэтому они не имѣютъ болѣе отношенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ извѣстія изъ Алабамы появилась въ газетахъ телеграмма, что въ одномъ изъ городковъ штата Нью-Йорка играли маленькія дѣти и, оставшись недовольными кѣмъ-то изъ сверстниковъ, рѣшили подвергнуть его суду Линча; одинъ изъ нихъ предложилъ расправиться съ нимъ «такъ, какъ дѣлаютъ на югѣ съ неграми»; планъ встрѣтилъ одобреніе со стороны остальныхъ: они взвели осужденнаго на игрушечный костеръ, достали гдѣ-то керосину, облили имъ костеръ и подожгли его.

Американецъ, какъ уже было сказано, на каждомъ шагѣ проявляетъ свою инициативу и свою самодѣятельность, не возлагая слишкомъ большихъ надеждъ на власть; къ государственной власти онъ относится совершенно трезво, ничего мистическаго, сверхъестественнаго или всемогущаго въ ней не видитъ; онъ болѣе всего полагается на самого себя и пользуется ея услугами лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда убѣдится, что на этотъ разъ личная его энергія, его единичныя силы не принесутъ желанныхъ результатовъ. Случаи практикуемаго и нынѣ суда Линча надо разсматривать какъ оборотную сторону этихъ порядковъ.

Въ противоположность англійской и французской, американская адвокатура не имѣетъ ни корпоративнаго устройства, ни двухчленнаго дѣленія; тамъ нѣтъ отдѣльнаго авоуѣ и отдѣльнаго авоуат, который занимается лишь судовореніемъ безо всякаго личнаго сношенія съ клиентомъ: американскій адвокатъ самъ принимаетъ, самъ направляетъ, самъ и защищаетъ дѣло на судѣ. Но такъ какъ практикою занимаются въ большинствѣ случаевъ сообща нѣсколько лицъ, конторою изъ 2—3 человекъ, то функціи защ. и сами собою раздѣляются: одни занимаются собираніемъ доказательствъ, другіе—чисто-юридической работой. Для вступленія въ сословіе требуется особый экзаменъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отъ него освобождаются лица, окончившія курсъ въ такъ называемой школѣ законовъ или про

шія полный курсъ юридическаго факультета; отъ экзамена освобождаетъ дипломъ только нѣсколькихъ реомированныхъ школь. Приемъ въ число адвокатовъ зависитъ отъ суда, который и ведетъ списокъ членамъ сословія, предварительно запрашивая свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ и познаніяхъ каждаго новаго кандидата отъ особаго учрежденія, вродѣ совета, состоящаго въ числѣ 3—4 лицъ изъ адвокатовъ же и пополняемаго также по назначенію суда. Обычай требуетъ прохожденія каждымъ адвокатомъ извѣстнаго стажа. На время стажа, который продолжается три года, новый членъ сословія поступаетъ къ адвокату въ качествѣ клерка и получаетъ у своего патрона серьезную практическую подготовку; время вступленія его въ клерки отмѣчается какъ начало теченія стажа, необходимое при будущемъ вступленіи его въ адвокаты. Ни раса, ни полъ не служатъ препятствіемъ къ вступленію въ это сословіе, такъ что и негръ и женщина могутъ пользоваться этимъ правомъ. Между адвокатурой и магистратурой самыя живыя отношенія. Нерѣдко судъ назначаетъ изъ среды адвокатовъ предсѣдателя или докладчика по нѣкотораго рода дѣламъ, требующимъ особыхъ свѣдѣній или разслѣдованія, какъ-то: по дѣламъ отчужденія или раздѣла имущества и др. Въ этомъ случаѣ адвокату полагается извѣстное вознагражденіе въ зависимости отъ цѣны имущества. Контроль за дѣятельностью адвокатовъ принадлежитъ суду, и въ случаѣ нарушенія этическихъ правилъ послѣдній сообщаетъ объ этомъ въ совѣтъ повѣренныхъ для разслѣдованія, а затѣмъ передаетъ виновнаго суду присяжныхъ. Что касается внѣшней стороны, то прежде всего у адвокатовъ не существуетъ никакой формы, ни значковъ, ни тогъ, а носятъ они самое обыкновенное повседневное платье. Та же простота и во внѣшнемъ видѣ дѣлопроизводства. Адвокатъ, обыкновенно дѣйствующій безо всякой довѣренности, которой у него никто и не спрашиваетъ, принявъ дѣло, пишетъ (на ремингтонѣ, конечно) кратко, на полулистѣ, исковое прошеніе; такъ же пишутся отвѣты и всѣ акты; такъ что въ концѣ-концовъ самое сложное дѣло представляется лишь небольшимъ, тонкимъ пакетомъ сложенныхъ въ восьмую долю листа и перехваченныхъ резинкой бумагъ.

Относительно гонорара не существуетъ рѣшительно никакихъ ограничительныхъ правилъ и никакихъ таксъ, обязательныхъ для повѣренныхъ: все предоставлено свободѣ соглашенія. Обыкновенно адвокатъ, принимая дѣло, беретъ съ клиента задатокъ (retainer), а остальную сумму (fees) получаетъ по окончаніи дѣла, включительно до приведенія въ исполненіе рѣшенія суда, который, кстати сказать, вознагражденіе повѣренному въ рѣшеніи своемъ опредѣляетъ обыкновенно въ размѣрѣ 5% съ суммы и т. д. Если же, однако, дѣло затягивается надолго, то клиентъ по просьбѣ адвоката «освѣжаетъ» гонораръ (refreshment). При той массѣ адвокатовъ, какъ въ Америкѣ (около 75 тысячъ; въ одномъ Нью-Йоркѣ съ Бруклиномъ—свыше 12 тысячъ), ими, казалось бы, должны пополняться кадры интеллигентнаго пролетаріата. Однако и въ этой области оправдывается мнѣніе, что Америка—рай для трудящихся. Заработкомъ адвоката вполне

окупается его трата труда, времени и способностей, и, по общему отзыву, адвокатура послѣ первыхъ 5—6 лѣтъ практики даетъ достаточную матеріальную обеспеченность. Есть, конечно, между адвокатами отдѣльные лица, зарабатывающія до 100 и болѣе тыс. въ годъ; но болѣею частью они занимаются уже не исключительно-адвокатской практикой, а выступаютъ въ качествѣ представителей всевозможныхъ трестовъ, компаній и т. п.

Ораторскіе приемы американцевъ какъ въ судѣ, такъ и на политической аренѣ отличаются крайней простотой. Нѣтъ изысканныхъ оборотовъ, нѣтъ цвѣтистыхъ фразъ; ораторъ не выходитъ изъ себя, не кричитъ и не дѣлаетъ эксцентричныхъ жестовъ. Главныя особенности рѣчи — дѣловитость, логика и юморъ, въ особенности, послѣдній: вся рѣчь оратора изобилуетъ искуснымъ юморомъ, не имѣющимъ, впрочемъ, ничего общаго съ издѣвательствомъ; напротивъ: юморъ этотъ настолько умѣлый и добродушный, что хотя онъ и оказываетъ должное воздѣйствіе на противника и на судей, на слушателя производитъ впечатлѣніе пріятельскихъ отношеній между ораторомъ и его противникомъ. Ничего тутъ нѣтъ похожего на экспансивность ораторовъ Европы, въ особенности представителей латинской расы. Однажды, припоминаю, я въ Неаполѣ зашелъ въ уголовный залъ суда и попалъ какъ разъ къ рѣчамъ защитниковъ. Ихъ было двое: молодой и старикъ. Первымъ говорилъ молодой. Съ налитыми кровью глазами, бѣшено ударяя себя въ грудь и выкрикивая слова во всѣ легкія, онъ произнесъ длинную, громовую рѣчь. Настала очередь старика. Молодой еще не такъ меня удивилъ своими приѣмами рѣчи: на то вѣдь это и былъ молодой горячій итальянецъ. Но старикъ сразу поразилъ меня; его аллюры превзошли всякія ожиданія. До этого момента онъ сидѣлъ совершенно спокойно и производилъ впечатлѣніе почтеннаго, сдержаннаго человѣка. Едва же настала его очередь, какъ онъ моментально преобразился: вскочилъ, точно ужаленный, и, схвативъ у товарища тогу, сталъ кричать, волнуясь, не попадая въ лѣвый рукавъ тоги и приходя все болѣе и болѣе въ экстазъ; онъ судорожно потрясалъ руками, схватывался за голову и, въ концѣ концовъ, съ тогой на одну руку, въ пылу экстаза, для иллюстраціи какаго-то изъ своихъ доводовъ, проѣхался по всему залу верхомъ на одномъ изъ вещественныхъ доказательствъ (кажется, то было ружье). Въ Америкѣ мнѣ пришлось слышать визгъ, свистъ и страшный гамъ слушателей на политическомъ митингѣ; но ораторъ, по адресу котораго это дѣлалось, сохранялъ при этомъ внѣшнее спокойствіе и, переждавъ шумные возгласы, продолжалъ свою плавную рѣчь.

Что касается положенія адвокатскаго сословія въ общественномъ мнѣніи Америки, то въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить слѣдующее: всѣ бытописатели Америки утверждаютъ, что это сословіе — наиболѣе дѣлая и уважаемая изъ всѣхъ либеральныхъ профессій, — въ сравненіи, напримеръ, съ профессіей инженеровъ, врачей, журналистовъ. Адвокатъ по мнѣнію американцевъ, — представитель законности; его на этомъ основаніи уважаютъ, считая, что его положеніе въ политическомъ отношеніи въ

положенія даже духовенства. Общественное свое значеніе и благотворное политическое вліяніе адвокаты обнаруживаютъ въ особенности при выборѣ судей. Насколько высоко стоятъ и насколько вліятельно это сословіе, можно видѣть хотя бы изъ того факта, что среди американскихъ президентовъ есть цѣлый рядъ адвокатовъ: Адамсъ, Линкольнъ, Гаррисонъ; послѣдній по окончаніи четырехлѣтняго срока президентства вернулся къ своей прежней дѣятельности. И покойный президентъ Макъ-Кинлей—изъ того же сословія.

Въ заключеніе не могу не подѣлиться своимъ наблюденіемъ надъ явленіемъ, такъ сказать, общаго характера, встрѣчающимся въ Америкѣ на каждомъ шагѣ. А именно: особеннымъ успѣхомъ и расположеніемъ тамъ пользуется молодежь. Многія предпріятія, промышленныя, торговыя, фабричныя, имѣютъ во главѣ совершенно молодыхъ людей; многія высокія и отвѣтственныя должности заняты также молодыми людьми. Американцы считаютъ, что для дѣла важны не только умственное успокоеніе, уравновѣшенность и невозмутимость пожилого возраста, но и легкая воспріимчивость, юная энергія и живое чувство молодости. Поэтому на всѣхъ поприщахъ молодая сила встрѣчаютъ себѣ тамъ радушный пріемъ и довѣріе.

А. С. Гольденвейзеръ.

Борьба съ универсальными магазинами въ Германіи.

До послѣдняго времени приходилось слышать лишь о борьбѣ между крупнымъ и мелкимъ производствомъ. Въ области же торговли такой борьбы не было или, по крайней мѣрѣ, она не носила столь рѣзкаго характера, какъ въ сферѣ производства. Это, конечно, не потому, что въ торговлю не проникъ крупный капиталъ: тамъ онъ основался еще раньше, чѣмъ въ производствѣ. Причина кроется скорѣе въ томъ, что мелкій и крупный капиталы почти мирно раздѣлили между собой различныя сферы торговли. Крупный капиталъ сосредоточился по преимуществу въ оптовой торговлѣ, а мелкій—въ розничной. Эту сравнительную гармонию начинаетъ нарушать въ послѣднее время крупный капиталъ: не довольствуясь оптовой торговлей, онъ забираетъ въ свои руки и розничную торговлю. Одно изъ наиболее яркихъ проявленій этой тенденціи — универсальные магазины, или какъ ихъ иначе называютъ: крупные базары (Grossbazare), товарные дома (Warenhäuser) и т. д. Существенная черта этихъ большихъ магазиновъ та, что они торгуютъ въ розницу въ крупныхъ размѣрахъ разнообразнѣйшими товарами. Крупный характеръ отличаетъ ихъ отъ деревенскихъ лавокъ, въ которыхъ также продаются разнообразные товары; разнообразіе товаровъ отличаетъ ихъ отъ такъ наз. специальныхъ магазиновъ, торгующихъ обыкновенно предметами одной какой-нибудь отрасли промышленности. Наконецъ, стремленіе къ наживѣ отличаетъ такіе магазины отъ потребительныхъ обществъ, которыя часто также очень крупны и торгуютъ разнообразными товарами, но своей цѣлью ставятъ выгоды потребителя.

Причины появления универсальныхъ магазиновъ разнообразны, но главныя изъ нихъ надо искать въ области производства. Какъ извѣстно, основная черта современнаго крупнаго производства, это—стремленіе къ возможно большому увеличенію размѣровъ производства. Наиболее важное средство для этого—пониженіе цѣнъ товаровъ; но окончательныя цѣны послѣдѣ ихъ опредѣляютъ розничные торговцы; они между тѣмъ понижаютъ цѣны далеко не въ той мѣрѣ, въ какой понижаютъ производители. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: розничная торговля, которая большей частью носитъ мелкій характеръ, даетъ средство существованія цѣлому классу

лицъ, мелкихъ торговцевъ, уровень потребностей которыхъ постепенно поднимается. Кроме того, растутъ и издержки на веденіе торговли; торговецъ принужденъ даромъ доставлять покупателю товаръ на домъ, красиво убирать свою лавку и держать ее въ чистотѣ, чтобы не спугнуть заботливыхъ покупателей; платить все растущую наемную плату и т. д. ¹⁾. Эти расходы мелкій торговецъ можетъ покрывать изъ надбавокъ къ фабричнымъ цѣнамъ товаровъ; онѣ (надбавки) поэтому, если и не всегда растутъ, то и не падаютъ значительно. Между тѣмъ фабричныя цѣны все понижаются и понижаются; поэтому надбавки кажутся все большими, даже въ томъ случаѣ, когда абсолютная величина ихъ не измѣняется.

Van d. Borghт изслѣдовалъ въ концѣ 80-хъ годовъ 46 разнаго рода товаровъ Аахенской розничной торговли; оказалось, что лишь на 6 товаровъ или 13%, общаго ихъ числа надбавки не превышали фабричной или оптовой цѣны; на 37 товаровъ или 80%, общаго числа ихъ надбавлялось отъ 15 до 50%; на 3 товара или 7%, надбавка превышала даже 50% цѣны, по которой розничные торговцы покупали товаръ ²⁾. Опросъ, устроенный правленіемъ орлеанской желѣзной дороги, показалъ, что служащія на этой дорогѣ покупаютъ предметы потребленія на 30—127% дороже стоимости ихъ производства ³⁾. Точно также по официальному изслѣдованію въ Германіи въ 1893 г., на наиболѣе ходкіе сорта сигаръ въ розничной торговлѣ надбавлялось по 41—66%, и на папирсы по 25—50%, оптовой цѣны ⁴⁾.

По изслѣдованію Швейцарскаго правительства въ 1889 г. изъ 87 розничныхъ торговцевъ, продававшихъ денатурализованный спиртъ лишь 5 надбавляли къ цѣнѣ, по которой они купили его у правительства, менѣе 20%, 42 надбавляли отъ 20 до 50%, а 40 даже свыше 50% ⁵⁾.

Можно было бы привести множество другихъ такихъ примѣровъ.

Всѣ они показываютъ, какъ сильно должна быть стѣснена промышленность въ ея стремленіи расширить размѣры производства посредствомъ удешевленія товаровъ. Въ результатѣ этого мы видимъ стремленіе производителей частью увеличить свою долю въ цѣнѣ продукта, разъ не удастся значительно расширить размѣровъ производствъ и слѣдовательно уменьшить долю торговца, частью и вовсе устранить торговца изъ сферы обмѣна. Первое осуществляется путемъ устройства синдикатовъ и картелей, причѣмъ въ такомъ случаѣ производители становятся полными господами торговцевъ (главнымъ образомъ, оптовыхъ, а черезъ нихъ и розничныхъ)

¹⁾ *W. Borgius*: „Wandlungen im modernen Detailhandel. Archiv für sociale Ge-
sellschaft und Statistik“. Bd. 19, стр. 76.

²⁾ *Dr. R. van der Borghт*: „Der Einfluss des Zwischenhandels auf die Preise.
Schriften des Vereins für Socialpolitik“. Bd. 36, стр. 252.

³⁾ *Mataja*: „Grossmagazine und Kleinhandel“. Berlin, 1891 г., стр. 40.

⁴⁾ *Trocksch*: „Ueber die neuesten Veränderungen im deutschen Wirtschaftsleben“
Lüttich, 1890 г., стр. 101.

⁵⁾ *Bobet*: „Etude sur le monopole de l'alcool en Suisse“. Grenoble, 1900 г., стр. 104.

и могут диктовать имъ какія угодно цѣны. Вестфальскій угольный синдикатъ и соляной картель въ Германіи могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ этому положенію ¹⁾.

Но образовать синдикаты можно обыкновенно лишь въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя производятъ сырье, полуфабрикаты или фабрикаты, не особенно различающіеся другъ отъ друга по качествамъ и фасонамъ. Между тѣмъ давленіе розничной торговли сильнѣе всего чувствуется въ отрасляхъ, вырабатывающихъ такіе фабрикаты, относительно которыхъ производителямъ очень трудно условиться вслѣдствіе разнообразія ихъ качествъ.

Въ виду этого, то же стремленіе фабрикантовъ повысить свою долю въ цѣнѣ на счетъ прибыли розничнаго торговца здѣсь выливается въ иную форму: промышленники сами берутся за торговлю своими товарами. Особенно велико это стремленіе въ табачной и пивоваренной отрасляхъ промышленности. Значительная часть этихъ продуктовъ продается въ розницу въ торговыхъ заведеніяхъ самихъ производителей, — они съ этой цѣлью основали массу табачныхъ лавокъ и ресторановъ. Это очень любопытно. Табакъ и пиво вырабатываются фабричнымъ путемъ; организовать продажу ихъ въ очень крупныхъ размѣрахъ, наприм., въ специальныхъ магазинахъ или крупныхъ магазинахъ нельзя: заведенія, торгующія ими, должны находиться недалеко отъ покупателей, и потому одинъ крупный магазинъ не сможетъ продать и половины того количества табаку или пива, какое могутъ продать десять мелкихъ, располагающихъ такимъ же капиталомъ, что и крупный. Производители пива и табака, находясь подъ давленіемъ мелкой торговли и не имѣя возможности возложить торговлю на крупную, довольствующуюся меньшей прибылью, принуждены сами приниматься за торговлю своими продуктами.

То, къ чему стремится фабрикантъ, т. е. возможно большее расширеніе сбыта товаровъ, составляетъ основную черту универсальныхъ магазиновъ. Такимъ образомъ, они удовлетворяютъ одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей крупнаго производства. Это свойство даетъ имъ возможность требовать отъ производителей много льготъ, которыя особенно важны въ то время, когда, какъ мы увидимъ ниже, они подвергаются преслѣдованію со стороны своихъ конкурентовъ и ихъ защитниковъ.

Другая причина массоваго появленія универсальныхъ магазиновъ — это подъемъ благосостоянія, который особенно великъ былъ въ истекшее десятилѣтіе. Какъ извѣстно, чѣмъ выше благосостояніе, тѣмъ относительно меньше расходуется на пищу и больше на предметы, хотя бы и дешеваго, но все же комфорта: больше тратится на платье, домашнюю утварь и т. д. ²⁾. Когда подъемъ благосостоянія массъ сталъ освобождать с

¹⁾ Ср. также отношеніе между трестами и мелочными торговцами: *И. де-Ру* „Промышленные монополіи въ Соединенныхъ Штатахъ“, стр. 69—70.

²⁾ См. интересную книгу г. Щербини „Крестьянскіе бюджеты“. Спб., 1900

аты на пищу относительно крупную долю дохода, то явилась возможность организовать торговлю предметами дешеваго комфорта. Лишь при комъ подъемѣ могли появиться универсальные магазины, нерѣдко насчитывающіе по нѣскольку миллионѣвъ покупателей.

Универсальные магазины постепенно овладѣваютъ розничной торговлей потому, конечно, вступаютъ въ конфликтъ съ мелкими торговцами, въ умахъ которыхъ была сосредоточена до сихъ поръ вся розничная торговля. Въ этой борьбѣ преобладаніе остается пока за универсальными магазинами, имѣющими много преимуществъ передъ мелкими розничными лавками. Эти преимущества легко выяснитъ, анализируя существенныя черты крупныхъ магазиновъ.

Во-первыхъ, въ универсальныхъ магазинахъ продаются самые разнообразныя предметы; здѣсь можно купить ножи и дѣтскія коляски, консервы и велосипеды, перчатки и оптическіе инструменты, бархатъ и кожаные сапоги, румяна и священное писаніе и т. д. Одинъ изъ такихъ магазиновъ въ Америкѣ назначилъ даже особую премию для выдачи тому, кто назоветъ говаръ, котораго нельзя было бы купить тамъ. Объ одномъ такомъ англійскомъ магазинѣ депутатъ баварской палаты Нейм говорилъ, что тамъ имѣются «даже конюшни, сады, дома; тамъ найдете вы цвѣты, книжные товары, гробы и могильные памятники. Остается развѣ только то, чтобы крупныя магазины наняли еще и погребальщиковъ, которые и похоронятъ Mittelstand» ¹⁾. Число отдѣленій бостонскихъ универсальныхъ магазиновъ колеблется между 19 и 70; въ среднемъ же въ каждомъ изъ 18 бостонскихъ магазиновъ было по 22 отдѣленія ²⁾. Въ магазинѣ Tietz'a въ Берлинѣ было 56 отдѣленій ³⁾.

О другомъ универсальномъ берлинскомъ магазинѣ шутили, что тамъ молодая представительница прекраснаго пола можетъ мріобрѣсти все, что ей нужно, за исключеніемъ развѣ мужа.

Разнообразіе продаваемыхъ товаровъ составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій борьбы этой новой формы розничной торговли со старой: оно позволяетъ имъ экономить въ расходахъ на помѣщенія, которыя при такомъ разнообразіи товаровъ можно лучше утилизировать затѣмъ публика предпочитаетъ все покупать въ одномъ мѣстѣ. На все это достаточно указывалось въ нѣмецкой литературѣ. Прибавимъ лишь къ этому, что разнообразіе товаровъ значительно уменьшаетъ рискъ предпринимателя: никогда не бываетъ застоя спроса въ одно и то же время на товары всѣхъ отраслей: поэтому крупный магазинъ можетъ наверстать на одномъ товарѣ то, что онъ теряетъ на другомъ. Разнообразіе товаровъ является такимъ образомъ своего рода страхованіемъ отъ риска. Другая важная особенность этихъ предпріятій та, что они носятъ очень крупный характеръ, такъ, «Воп

¹⁾ „Verhandl. des. Bayerisch. Abgeordneten.“ 1899 г., стр. 297.

²⁾ „Soziale Praxis“ 1900 г., стр. 1322.

³⁾ „Warenhaus“ 1900 г., № 39, стр. 6.

Marsché» въ Парижѣ сбываетъ въ годъ болѣе, чѣмъ на 65 милл. рублей, «Louvre» — почти на 50 м. р., въ Берлинѣ магазинъ Wertheim'a продаетъ товаровъ на 14—15 милл. руб. и т. д.

Благодаря такому громадному обороту магазины получаютъ право требовать отъ фабрикантовъ крупныхъ скидокъ и разныхъ льготъ, наприм., права дѣлать заказы крупными партіями, забирать же мелкими (чѣмъ универсальные магазины и пользуются въ очень широкихъ размѣрахъ въ цѣляхъ экономіи въ расходахъ на помѣщеніе). Эти же крупные обороты даютъ имъ возможность имѣть особыхъ агентовъ на главныхъ рынкахъ, и потому они, будучи хорошо освѣдомлены о цѣнахъ, умѣютъ закупать товары очень дешево.

Значительные обороты позволяютъ универсальнымъ магазинамъ широко проводить раздѣленіе труда. Здѣсь одному лицу поручается продажа лишь одного рода товаровъ, снабженныхъ, къ тому же, твердыми цѣнами. Это значительно упрощаетъ дѣло продажи и открываетъ широкій доступъ дешевому женскому труду. Такъ въ Бостонѣ на 1,524 мужчинъ въ крупныхъ магазинахъ приходилось 2,645 женщинъ ¹⁾. Въ берлинскихъ магазинахъ женщины составляютъ чуть не $\frac{1}{10}$ служащаго персонала. Въ одномъ бреславльскомъ крупномъ магазинѣ на 170 женщинъ было лишь 22 мужчинъ ²⁾. Наконецъ, крупные обороты облегчаютъ примѣненіе въ торговлѣ рекламы. Универсальные магазины, вскормленные рекламой, сами не мало способствовали и дальнѣйшему ея развитію. Аршинныя объявленія на улицахъ, газетныя публикаціи — все это казалоcь слишкомъ элементарнымъ. Универсальные магазины изобрѣли или во всякомъ случаѣ примѣнили въ широкихъ размѣрахъ новые, гораздо болѣе совершенные способы рекламы. Одинъ изъ нихъ состоитъ, наприм., въ томъ, что нѣкоторые очень ходкіе и недорогіе товары, обычные цѣны которыхъ всѣмъ извѣстны (напримѣръ, сахаръ, спички и т. д.) и во всѣхъ лавкахъ однѣ и тѣ же, универсальные магазины продаютъ дешевле всѣхъ своихъ конкурентовъ; часто дешевле даже того, во что они обходятся самимъ универсальнымъ магазинамъ. Такъ, наприм., въ Нью-Йоркѣ лишь при заказѣ въ нѣсколько вагоновъ пачка сахара въ $3\frac{1}{2}$ фунта могла обойтись въ 15 цент.; во всѣхъ мелкихъ розничныхъ лавкахъ такія пачки продавались по 20 цент., одинъ же универсальный магазинъ продавалъ ее по 14 цент. ³⁾. Или наприм., въ магазинѣ Jandorf'a въ Берлинѣ было объявлено, что дюжина искусственныхъ фіалокъ стодитъ 1 пфен., между тѣмъ самому и магазину онѣ обходились по 2 пфен. ⁴⁾. То же самое имѣетъ мѣсто и во Франціи ⁵⁾. Это очень хорошая

¹⁾ „Sociale Praxis“ 1900 г., стр. 322.

²⁾ W. Borgius. Wandlungen im Kleinhandel: „Archiv. fur soc. Gesetzgebung d Statistik“. Bd 15, стр. 75.

³⁾ „Warenhaus“, 1899 г., № 1, стр. 9.

⁴⁾ Множество такихъ примѣровъ можно найти въ запискѣ берлинскаго торг. промышленнаго союза: „Warenhaus-Umsatzsteuer“, а также въ книгѣ P. Dehn'a.

⁵⁾ Garrigues: „Les grands magasins de nouveauté et le petit commerce de détail“. Paris, 1898 г., стр. 51.

ишанка. Публика думаетъ, что всѣ товары тамъ такъ же дешевы, какъ и, особо рекламируемые, и валомъ валить къ хитрому купцу. Въ цѣль рекламы универсальные магазины часто объявляютъ, что такіе-то товары въ такіе-то дни и часы будутъ продаваться ниже обыкновенныхъ цѣнъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ нѣкоторые изъ нихъ выдаютъ покупателямъ разныя преміи—пирожное, конфеты и т. д. Въ магазинѣ Jandorf'a въ Берлинѣ выдаютъ покупателямъ даромъ въ извѣстные дни даже фотографическія карточки, число которыхъ находится въ зависимости отъ того, сколько купило данное лицо въ магазинѣ товаровъ: наприм., при покупкѣ не менѣе, чѣмъ на 5 мар., даютъ три карточки, а при покупкѣ болѣе чѣмъ на 20 марокъ—12 карточекъ. Съ цѣлью привлечь побольше покупателей крупныя магазины основываются въ центральныхъ частяхъ городовъ, гдѣ народа всегда много; подъ нихъ отводятъ грандіозныя и прекрасныя зданія. Такъ, магазинъ Tietz'a въ Берлинѣ занимаетъ 5,000 кв. метровъ, снабженъ 100,000 стѣнныхъ и 1,000 висячихъ электрическихъ лампъ; электричество для этихъ лампъ добываютъ 4 машины съ 4 паровыми котлами въ 200 лошадиныхъ силъ; вода, нужная для этихъ котловъ, проведена изъ Шпре по каналу, устройство котораго обошлось въ 80,000 мар. Все зданіе вмѣстѣ съ товарами обошлось въ 13 милл. мар. ¹⁾ Магазинъ Wertheim'a занимаетъ 7,800 кв. метр. земли, по объему же онъ не менѣе 10—70,000 куб. метровъ; онъ обошелся владѣльцу въ 17 милл. мар. ²⁾ Срудно даже повѣрить, что въ этихъ громаднхъ домахъ съ саженными окнами, прекрасными паркетными полами, мраморными лѣстницами, почти сплошь устланными богатыми коврами, въ домахъ, поражающихъ изяществомъ своей отделки, какъ внѣшней, такъ и внутренней, продаются такіе предметы, какъ топоры, капуста, селедки, которые, какъ извѣстно, съ изяществомъ ничего общаго не имѣютъ. По этимъ великолѣпнымъ заламъ разгуливаютъ не вельможи, не знатныя дамы, а преимущественно мелкіе чиновники, ремесленники, ихъ жены, сестры и т. д. Комфортъ, царящій въ универсальныхъ магазинахъ, ихъ привлекаетъ, быть можетъ, не въ меньшей мѣрѣ, нежели дешевизна.

Наконецъ, универсальные магазины торгуютъ дешевыми сортами товаровъ. Они сдѣлали доступными для небогатыхъ людей такіе предметы, которые въ другихъ, наприм., специальныхъ магазинахъ продаются очень дорого.

Изъ этой черты крупныхъ базаровъ—привлекать въ качествѣ главнаго покупателя небогатыя классы—вытекаетъ рядъ выгодъ: дешевые товары очень ходки и потому магазинамъ нечего особенно бояться застоя, товаръ не залеживается подолгу; поэтому и капиталъ въ универсальныхъ магазинахъ обращается быстрѣе; такъ, по словамъ Voglia's'a, торговецъ желѣзными издѣліями оборачиваетъ свой капиталъ всего лишь три раза

¹⁾ „Warenhaus“ 1900 г., № 38, стр. 2.

²⁾ Ibid., № 58, стр. 4.

въ годъ, а универсальные магазины, по крайней мѣрѣ въ мѣсяцъ одинъ разъ. Поэтому, при томъ же капиталѣ, универсальный магазинъ выручитъ гораздо больше розничнаго торговца. Сравнительная обеспеченность сбыта товаровъ, вслѣдствіе ихъ ходкаго характера, даетъ универсальнымъ магазинамъ возможность продавать лишь за наличныя; поэтому и у фабрикантовъ они могутъ покупать за наличныя; это опять-таки даетъ имъ право требовать большихъ скидокъ ¹⁾.

Изученіе основныхъ чертъ универсальныхъ магазиновъ ясно показываетъ какъ велики ихъ преимущества передъ мелкой розничной торговлей. Они привили розничной торговлѣ приемы крупныхъ предприятий. Между тѣмъ мелкая торговля не только не могла воспользоваться такимъ орудіемъ конкуренціи, какъ реклама (этому главнымъ образомъ мѣшаетъ незначительность оборотовъ), но и такимъ преимуществомъ, какъ покупка непосредственно у производителя. Это достаточно ясно доказала опросъ, устроенный ганноверской торговой палатой. Мелкіе торговцы принуждены покупать свои товары большей частью у оптовыхъ продавцевъ, почему, конечно, и товаръ обходится имъ дороже ²⁾.

Кромѣ того, мелкій торговецъ принужденъ много продавать въ кредитъ: иначе ему трудно удержать при себѣ покупателя ³⁾. Хотя продажа въ кредитъ позволяетъ ему удерживать при себѣ покупателя, но она же и губитъ его: продавая въ кредитъ, онъ не можетъ покупать за наличныя; отсюда масса перепахать при покупкѣ товаровъ.

Если ко всему сказанному прибавить еще и то, что мелкій торговецъ не можетъ экономить въ наемной платѣ за помѣщенія, въ расходахъ на служащихъ и т. д., то намъ не трудно понять, что крупные магазины должны причинять ему сильный вредъ. Факты вполне подтверждаютъ это.

По словамъ Wernicke, съ открытіемъ въ Берлинѣ на Rosenthalerstrasse универсальнаго магазина дѣла многихъ мелкихъ торговцевъ совсѣмъ разстроились. Какъ только въ какомъ-нибудь маленькомъ городѣ пройдетъ слухъ, что одинъ изъ извѣстныхъ владѣльцевъ универсальныхъ магазиновъ хочетъ открыть тамъ отдѣленіе, мѣстныхъ торговцевъ охватываетъ ужасъ: они боятся, что скоро ихъ совсѣмъ погубить ⁴⁾.

Вліяніе универсальныхъ магазиновъ на мелкую торговлю выражается и въ паденіи оборотовъ послѣдней. Такъ, по опросу торговой камеры въ Билѣ изъ 20 торговцевъ колоніальными товарами, оборотъ не измѣнился: у 3-хъ за 1888—98 г., у 2-хъ за 1892—98 г. и у одного за 1895.—99 г.;

¹⁾ Главнымъ результатомъ всѣхъ этихъ преимуществъ является то, что они могутъ продавать товары гораздо дешевле мелкихъ торговцевъ, несмотря на то, что у нихъ нѣкоторые расходы, напр., на помѣщеніе рекламы, очень велики.

²⁾ „Die Lage des Kleinhandels im Deutschland“. Berlin, 1899 г., т. I, стр. 14, 3 и т. д.

³⁾ Ibid., стр. 1—2, 4—5, 25, 28, 32, 37 и т. д.

⁴⁾ Wernicke: „Kleinhandel, Konsumvereine und Warenhäuser. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“. 1897 г., стр. 718.

у 9-ти оборотъ за 1888—98 г. упалъ и лишь у пяти онъ поднялся. Въ томъ же городѣ изъ 14 мануфактуристовъ у 3-хъ оборотъ не измѣнился въ теченіе 1888—98 г. и у одного за 1892—98 г., у восьми за 1888—98 г. онъ упалъ и лишь у 4-хъ поднялся. Вслѣдствіе сокращенія оборотовъ сократились, конечно, и доходы торговцевъ: такъ, изъ 10 торговцевъ колоніальными товарами: у 8 въ теченіе 1888—98 г. доходъ понизился, у 1-го остался въ томъ же размѣрѣ и лишь у 1-го повысился; у 4-хъ изъ 9-ти мануфактуристовъ доходъ понизился, у 3-хъ остался тотъ же и только у двухъ увеличился ¹⁾. То же пониженіе оборотовъ и доходовъ констатируется и опросомъ торговой камеры въ Sorau относительно городовъ Sorau, Guben, Forst и т. д. ²⁾.

Хотя число торговыхъ заведеній по германской переписи 1895 года увеличилось въ сравненіи съ 1882 г., но это объясняется частью тѣмъ, что въ Германіи универсальные магазины стали размножаться лишь съ половины 90-хъ годовъ, т.-е. уже послѣ переписи, частью же тѣмъ, что они не всѣмъ торговцамъ вредятъ въ одинаковой степени: они, напримеръ, не могутъ повредить тѣмъ, кто торгуетъ разнаго рода съѣстными припасами и напитками; потребителямъ приходится запасаться этими предметами по нѣскольку разъ въ недѣлю или даже каждый день, поэтому и ходить за ними въ универсальные магазины, находящіеся обыкновенно очень далеко отъ ихъ жилищъ, не представляетъ для нихъ никакой выгоды. Это ясно видно изъ данныхъ о Парижѣ, гдѣ универсальные магазины существуютъ съ сороковыхъ годовъ и гдѣ, слѣдовательно, вліяніе ихъ должно было сказаться очень ярко. Въ Парижѣ въ 1880 году всѣхъ патентовъ на торговлю было взято 101,171, а въ 1886 г. 129,337 или почти на 29% больше; но разсматривая эти цифры въ деталяхъ, мы видимъ, что ростъ числа магазиновъ замѣчался отнюдь не во всѣхъ отрасляхъ торговли, тогда какъ число патентовъ на торговлю съѣстными припасами увеличилось съ 29,069 въ 1860 г. до 52,646 въ 1886 г., т.-е. почти на 80%, число патентовъ на торговлю предметами одѣянія, торговля которыми сосредоточилась въ универсальныхъ магазинахъ, уменьшилась съ 23,800 до 22,529 или 5%. Было бы, конечно, наивно думать, что уменьшился сбытъ предметовъ одѣянія; напротивъ, судя по числу лицъ, занятыхъ въ той и другой отрасли, сбытъ одежды увеличился въ большей мѣрѣ, нежели сбытъ съѣстныхъ припасовъ: въ первой отрасли число служащаго персонала увеличилось за тотъ же періодъ на 270%, а во второй лишь на 80% ³⁾.

Въ то время какъ мелкая торговля падаетъ, универсальные магазины рамножаются съ необычайной быстротой. Еще въ 1891 году Mataja на-

¹⁾ „Die Lage des Kleinhandels“, т. II, стр. 86—87.

²⁾ „Erhebungen über die Lage des Kleinhandels im Bezirke der Handelskammer für die östliche Niederlausitz in Sorau“, стр. 15—18.

³⁾ *Garrigue*: „Les grands magasins de nouveauté et le petit commerce de détail“. P: 3, 1898 г.

считывалъ въ Германіи всего лишь три такихъ магазина, причѣмъ 2 изъ нихъ были скорѣе потребительными обществами (офицеровъ и чиновниковъ). Въ 1899 году Huber насчитываетъ уже около 500 крупныхъ магазиновъ. Изъ этого числа 90 и правительствомъ были признаны универсальными магазинами и внесены въ списки подъ такимъ названіемъ ¹⁾).

Это очень характерно: очевидно, что многіе торговцы давали своему предпріятію названіе универсальнаго магазина въ цѣляхъ привлечь къ себѣ покупателей.

Вмѣстѣ съ ростомъ числа такихъ магазиновъ растутъ и обороты каждаго изъ нихъ. Такъ, одинъ изъ универсальныхъ магазиновъ въ Берлинѣ продалъ въ 1895 г. на 6 милл. мар., въ 1896 г. на 12 милл. мар., въ 1897 г. на 24 милл. мар. и въ 1898 г. на 32 милл. мар. ²⁾). Такой поразительный ростъ числа универсальныхъ магазиновъ и ихъ оборотовъ не можетъ насъ удивлять, ибо мы уже знаемъ какъ велики преимущества этихъ новыхъ колоссовъ въ сравненіи со слабой, неповоротливой мелкой торговлей, у которой имъ приходится отбивать кліентовъ.

Но этотъ же быстрый ростъ значенія универсальныхъ магазиновъ не могъ не породить среди торговцевъ массы жалобъ. Самыя особенности универсальныхъ магазиновъ способствовали обостренію недовольства или мелкихъ торговцевъ. Послѣдніе страдаютъ и отъ конкуренціи крупныхъ специальныхъ магазиновъ. Между тѣмъ противъ специальныхъ магазиновъ ничего не имѣютъ даже наиболѣе ярые защитники мелкихъ торговцевъ. Такъ, напр., въ запискѣ союза берлинскихъ торговцевъ и ремесленниковъ говорится, что специальные магазины не надо смѣшивать съ универсальными магазинами: послѣдніе суть плодъ спекуляціи, первые же достигли своего выдающагося положенія, благодаря знанію дѣла и честности ихъ владѣльцевъ ³⁾).

Такое различное отношеніе мелкихъ торговцевъ къ тому и другому роду конкурирующихъ предпріятій объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что универсальные магазины овладѣваютъ наиболѣе ходкими и дешевыми товарами, а потому привлекаютъ къ себѣ незажиточную многочисленную публику, бывшую до сихъ поръ главнымъ кліентомъ мелкихъ торговцевъ. Въ германскихъ универсальныхъ магазинахъ средняя покупка однимъ лицомъ не превышаетъ, по словамъ Зомбарта, 1 марки ⁴⁾). Между тѣмъ специальные магазины продаютъ болѣе дорогіе сорта товаровъ, и на большую сумму, сравнительно небольшому зажиточному кругу покупателей. Стоитъ зайти на минуту въ тѣ и другіе магазины, чтобы понять разницу между ними. Въ специальныхъ магазинахъ вы увидите самое большое нѣсколько десятковъ покупателей; универсальные же магазины буквально пе-

1) Huber: „Warenhaus und Kleinhandel“. Stuttgart, 1899 г., стр. 9.

2) „Die Warenhaus-Umsatzsteuer zum Schutz des Kleingewerbes. Denkschrift, herausg. v. Bund der Handel- und Gewerbetreibenden“. Berlin, 1899 г., стр. 11.

3) Ibid., стр. 12.

4) „Schriften des Vereins für Socialpolitik“. Bd. 88, стр. 247.

реполнены ими; ихъ здѣсь тысячи, въ наиболѣе же крупныхъ, въ оживленное время, даже десятки тысячъ. Они переполняютъ собой не только магазины, но и тротуары около послѣднихъ; удивительно ли, если у мелкаго торговца напашаетъ въ душѣ злоба: онъ принужденъ сидѣть безъ дѣла въ то время, когда его счастливые соперники не успѣваютъ даже удовлетворять спроса со стороны его вчерашнихъ клиентовъ.

Все это обостряло недовольство мелкихъ торговцевъ. Но это недовольство не могло бы вылиться въ широкое движеніе противъ универсальныхъ магазиновъ, если бы они не торговали разнообразными товарами. Специальный магазинъ можетъ сильно стѣснять торговцевъ лишь одной или двухъ-трехъ смежныхъ съ нимъ отраслей промышленности; поэтому, если и возможенъ протестъ противъ него, то лишь со стороны весьма незначительной группы торговаго класса. Между тѣмъ отъ конкуренціи крупныхъ магазиновъ страдаетъ большая часть торговцевъ.

Если такимъ образомъ потребность универсальныхъ магазиновъ въ многочисленномъ кругѣ покупателей обострила злобу мелкихъ торговцевъ, то разнообразіе продаваемыхъ ими товаровъ придало движенію противъ универсальныхъ магазиновъ широкій характеръ.

Движеніе противъ универсальныхъ магазиновъ носило сначала экономическій характеръ. Оно состояло въ томъ, что, во-первыхъ, торговцы усваивали торговые приемы этихъ магазиновъ. Но эти приемы (рекламы, удешевленіе, разнообразіе товаровъ и т. д.) большей частью вовсе непримѣнимы въ мелкой торговлѣ, хотя все же нѣкоторые успѣхи сдѣланы и на этомъ пути ¹⁾). Другой способъ борьбы—организация въ союзы—получилъ гораздо болѣе широкое примѣненіе. Во многихъ мѣстахъ уже существуютъ союзы купцовъ; они закупаютъ товары вмѣстѣ для всѣхъ своихъ членовъ и поэтому получаютъ у фабрикантовъ большую скидку. Можно насчитать цѣлый рядъ такихъ союзовъ; наприм., союзъ нѣмецкихъ торговцевъ галантерейными товарами, союзъ мануфактуристовъ средней Германіи, ферейнъ для закупки колоніальныхъ товаровъ и т. д. ²⁾). Нѣкоторые изъ нихъ имѣли большой успѣхъ; наприм., веймарскій союзъ торговцевъ галантерейными товарами, основанный въ 1893 г., состоялъ изъ 63 членовъ, накупилъ въ томъ же году товаровъ на 152,000 мар. и выдалъ своимъ членамъ около 8,000 мар. дивиденда. Въ 1898 г. союзъ купилъ товаровъ на 1,3 милл. мар. и выдалъ 55 тыс. мар. дивиденда, причемъ къ этому времени у него уже имѣлся запасный фондъ въ 72,000 мар. ³⁾).

Этими же союзами торговцы пользуются и въ цѣляхъ прямой борьбы съ крупными магазинами. Они рассылаютъ всѣмъ своимъ поставщикамъ цѣнники, обявывая ихъ ничего не продавать крупнымъ магазинамъ, потребителямъ обществамъ и т. д. Такъ поступилъ союзъ нѣмецкихъ тор-

¹⁾ „Warenhaus“ 1900 г., № 3, стр. 2. См. также *Borgius*: „Wandl. im mod. Det“.

²⁾ *P. Dehn*: „Die Grossbazare und Massenzweiggeschäfte“. Berlin, 1899 г., стр. 76—77.

Gravell: „Zum Kampf gegen die Grossbazare“, стр. 43.

гольцевъ желѣзными издѣліями ¹⁾, союзъ торговцевъ мѣдными товарами ²⁾ и т. д. Въ Берлинѣ въ началѣ 1901 г. мелкіе торговцы основали Anti-konsum-Alliance, цѣль котораго состоитъ въ борьбѣ съ потребительными обществами и другими конкурентами мелкой торговли при помощи разнообразнѣйшихъ средствъ какъ-то: пріобрѣтеніе ипотеки на торговля помѣщенія этихъ учрежденій и продажи ихъ съ торговъ, повышеніе наемной платы ³⁾ и т. д. Но союзы не могутъ принести особенно большой пользы классу мелкихъ торговцевъ, такъ какъ они осуществимы лишь на одной стадіи обмѣна — покупкѣ торговцемъ товара. Что же касается до другой стадіи — продажи, то здѣсь каждый членъ союза предоставленъ самому себѣ ⁴⁾. А между тѣмъ какъ разъ въ организаціи продажи и проявляется наиболѣе ярко преимущество универсальныхъ магазиновъ передъ мелкой торговлей.

Затѣмъ, что еще важнѣе, отнюдь не во всѣхъ отрасляхъ промышленности и не всюду возможно возникновеніе такихъ союзовъ. Слишкомъ много препятствій приходится преодолѣть, прежде чѣмъ удастся привести торговцевъ къ соглашенію. Это, во-первыхъ, потому, что ихъ очень много, они разсѣяны по-всей странѣ и, находясь въ различныхъ условіяхъ, не въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы въ образованіи союзовъ. Во-вторыхъ, товары розничной торговли отличаются крайнимъ разнообразіемъ, и торговцамъ приходится соглашаться относительно множества родовъ товаровъ, что опять-таки всегда сопряжено съ крайними трудностями ⁵⁾.

Совокупному дѣйствію этихъ главныхъ причинъ надо, вѣроятно, приписать то, что, несмотря на сильную агитацію, дѣло организаціи союзовъ мелкихъ розничныхъ торговцевъ ползаетъ черепашинымъ шагомъ и, конечно, не успѣваетъ задымлять тѣ бреши въ мелкой торговлѣ, которыя пробиваютъ универсальные магазины каждый день и каждый часъ. Такимъ образомъ, борьба съ универсальными магазинами на экономической почвѣ ни къ чему почти не приводитъ: мелкимъ торговцамъ оставалось бы, кажется, подчиниться своей участи и безропотно удалиться изъ тѣхъ областей торговли, гдѣ крупному капиталу больше везетъ. Но съ интересами мелкой торговли совпали интересы господствующихъ классовъ, и, понятно, она не хочетъ бросить давно насижennaго мѣста, не испытать послѣдняго важнаго средства борьбы — политическаго...

Мелкіе торговцы потребовали особаго обложенія универсальныхъ магазиновъ, основываясь на томъ, что послѣдніе пріобрѣтаютъ къ нечестнымъ средствамъ конкуренціи и обложены гораздо меньше ихъ. Такъ, наприм., въ книгѣ, изданной союзомъ берлинскихъ торговцевъ и ремесленниковъ,

¹⁾ *W. Borgius*, стр. 79.

²⁾ *Huber*, стр. 66.

³⁾ „*Wagenhaus*“ 1901 г., стр. 246.

⁴⁾ „*Palais Bounne Nouvelle*“, „*Bazare de l'Industrie*“ и „*Magasins Reunies*“, кованые во Франціи для сбереженія мелкимъ торговцамъ расходовъ на помѣщеніи: не имѣли успѣха. *Garrigues*, стр. 46.

⁵⁾ См. наприм.: „*Erhebungen d. Handelak. in Sorau*“, стр. 11.

приводится 6 лавокъ со среднимъ оборотомъ по 28,500 мар. въ годъ; каждая платитъ 37 мар. налога. При такомъ же обложеніи универсальный магазинъ съ оборотомъ въ 25 милл. мар. платилъ бы 32,875 мар., теперь же онъ платитъ лишь 1% со своего дохода въ 1 милл. мар. т.-е. лишь 10,000 мар. ¹⁾).

Другой доводъ мелкихъ торговцевъ и ихъ защитниковъ заключается въ томъ, что и для государства выгодно защитить мелкихъ торговцевъ: ибо для него выгоднѣе имѣть тысячи мелкихъ плательщиковъ налоговъ, чѣмъ нѣсколько крупныхъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ они ссылаются на Бисмарка, который сказалъ, что «государство ничуть не заинтересовано въ томъ, чтобы создавались крупныя предпріятія, торгующія массой предметовъ: они въ концѣ концовъ уплатятъ ему въ подоходномъ налогѣ лишь столько, насколько они ослабили платежеспособность лицъ съ небольшимъ состояніемъ; напротивъ, для государства, съ политической точки зрѣнія, хозяйственная обезпеченность этого многочисленнаго мелкаго люда важнѣе обогащенія одного лица» ²⁾).

Вмѣстѣ съ мелкими торговцами протестуютъ и ихъ приказчики. Они въ особенности напираютъ на то, что универсальные магазины понизили уровень знаній приказчиковъ: благодаря крайней специализаціи занятій и заранѣе назначеннымъ цѣнамъ продаваемыхъ товаровъ, поле самостоятельности приказчика крайне сужено; отъ него не требуется никакой подготовки, и женщина вполне можетъ замѣнить его. Зато онъ и лишенъ возможности стать когда-нибудь самостоятельнымъ купцомъ ³⁾). Приказчики подавали петиціи, созывали собранія съ цѣлью протеста противъ универсальныхъ магазиновъ и требовали обложить ихъ налогомъ. Одно изъ нихъ было создано, наприм., въ Берлинѣ 9 марта 1900 г. ⁴⁾).

Третья группа, борющаяся съ универсальными магазинами,—это домовладельцы. Универсальные магазины сильно вредятъ имъ: при падающихъ доходахъ мелкимъ торговцамъ, конечно, трудно платить высокія наемныя цѣны; съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ растетъ притокъ покупателей къ центру города, гдѣ обыкновенно расположены универсальные магазины, владѣнія, находящіяся внѣ центра, падаютъ въ цѣнѣ или, во всякомъ случаѣ, не поднимаются въ цѣнѣ столь быстро, какъ это было бы при отсутствіи универсальныхъ магазиновъ. Отдѣльные факты ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Когда, напр., въ Берлинѣ на Розенталерштрассе былъ основанъ универсальный магазинъ, никто не хотѣлъ дать домовладельцамъ этой улицы ссуды подъ вторую и третью ипотеку ⁵⁾). Мы видимъ массу протестовъ со стороны домовладель-

¹⁾ „Warenhaus-Umsatzsteuer“, 30—31.

²⁾ „Verhandl. d. Kam. d. Abgeordn. d. Bayerisch. Landtags Stenogr. Ber. XXII Bl“ стр. 294.

³⁾ „Sociale Praxis“ 1900 г., стр. 580.

⁴⁾ Ibid, стр. 609.

⁵⁾ Wernicke, стр. 718.

цевъ: такъ, наприм., съездъ въ Висбаденѣ домовладѣльческихъ ферейновъ въ концѣ 1898 г. рѣшилъ ходатайствовать о томъ, чтобы универсальные магазины были обложены налогомъ, такъ какъ-де съ появленіемъ новыхъ конкурентовъ мелкіе лавочники не въ силахъ платить наемныхъ денегъ ¹⁾. За обложене универсальныхъ магазиновъ высказался и съездъ городскихъ земле-и домовладѣльцевъ въ Эрфуртѣ въ августѣ 1900 г. ²⁾. Въ другихъ случаяхъ домовладѣльцы проявили себя еще болѣе яркими врагами универсальныхъ магазиновъ: такъ, наприм., въ городахъ Kattowitz'ѣ и Waldenburg'ѣ они просто стоворились не отдавать своихъ помѣщеній подъ крупныя магазины и тѣмъ помѣшали появленію послѣднихъ. Въ Hirschberg'ѣ примѣнили тотъ же бойкотъ къ фирмѣ Bagasch, желавшей основать тамъ универсальный магазинъ, и потому фирма принуждена была сама построить для себя помѣщеніе ³⁾.

Эти три экономическія группы, и, главнымъ образомъ, конечно, мелкіе торговцы, нашли отвѣтъ въ правящихъ классахъ. Государство идетъ навстрѣчу ихъ требованіямъ. За мелкихъ торговцевъ вступаются господствующіе, богатые классы общества. Это кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что тѣ же классы не задумались въ свое время бросить на произволъ судьбы классъ мелкихъ кустарей, изнемогавшихъ въ борьбѣ со своимъ гигантомъ-конкурентомъ—крупной фабрикой. На вопли о помощи, раздававшіеся изъ рядовъ кустарей, они отвѣчали холодной и ужасной по своей жестокости формулой—*laissez faire, laissez passer*. Теперь такіе же вопли несутся со стороны мелкихъ торговцевъ, и господствующіе классы внимательно прислушиваются къ нимъ, не только прислушиваются, но стараются и унять ихъ, хотя бы для этого пришлось пожертвовать частью собственныхъ и чужихъ интересовъ. Чѣмъ же объяснить такое различное отношеніе этихъ классовъ къ обиженнымъ теперь и раньше? Неужели измѣнилась нравственная фізіономія этихъ классовъ? Ничуть не бывало. Къ защитѣ слабыхъ ихъ побуждаютъ тѣ же экономическія явленія, которыя создали этихъ слабыхъ. Крупный промышленный капиталъ сильно уменьшилъ число мелкихъ собственниковъ, стоявшихъ между богатыми классами и пролетариатомъ: онъ отнялъ у этихъ собственниковъ единственное средство цѣлесообразной утилизациі собственности—производство и обратилъ ихъ въ пролетаріевъ. Поэтому богатые классы, видя, какъ сильно рѣдѣютъ ряды средняго сословія, такъ же, какъ и они заинтересованнаго въ сохраненіи нынѣшняго общественнаго строя, и какъ, напротивъ, растутъ быстро пролетаріатъ, безусловно враждебный нынѣшнему буржуазному строю, стараются спасти его, этотъ *Mittelstand*. Отсюда и возникла такъ называемая «политика средняго сословія» («*Mittelstandspolitik*»), которая въ настоящее время оказываетъ сильное вліяніе на все законо-

¹⁾ Dehn, стр. 63.

²⁾ „Warenhaus“ 1900 г., № 3, стр. 2—3.

³⁾ Grävell, стр. 37.

тельство Германіи и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ странъ. Путемъ этой политики господствующіе классы стараются создать такія, экономическія условія, при которыхъ гибель средняго или мелкаго предпринимателя не такъ неизбежна. Этимъ мотивомъ было продиктовано въ Германіи сильное пониженіе тарифа на пересылку мелкихъ пакетовъ. Думали, что это поможетъ мелкимъ ремесленникамъ и торговцамъ расширить свои обороты; на дѣлѣ же наибольшую пользу изъ этого пониженія извлекли крупные предприниматели. Въ тѣхъ же цѣляхъ покровительства мелкимъ собственникамъ въ Германіи ввели форму обложенія пива: съ 1 января 1890 г. гектолитръ его обложенъ въ 6 марокъ; причемъ съ лицъ, выкуривающихъ его отъ 10,000 до 40,000 гектол. въ годъ, взимается дополнительный акцизъ 25 пфен., при выкуркѣ болѣе 40,000 гект. дополнительный акцизъ составляетъ 50 пф. Напротивъ, мелкія пивоварни (до 10,000 гект. въ годъ платятъ при извѣстныхъ условіяхъ лишь 5 мар. за гект. ¹⁾). Та же тенденція—защитить мелкаго производителя проявилась и въ налогѣ на сахаръ и вино ²⁾. Но болѣе любопытную форму она приняла въ Швейцаріи. Здѣсь при введеніи винной монополіи рѣшились во что бы то ни стало сохранить мелкое винокурение, которому грозила гибель въ неравной борьбѣ съ нѣмецкимъ и въ особенности съ австрійскимъ дешевымъ спиртомъ. Съ этою цѣлью швейцарское правительство рѣшило покупать у туземныхъ производителей около четверти количества спирта, идущаго на внутреннее потребленіе (т.-е. приблизительно всю выработку спирта внутри страны), причемъ: чѣмъ меньше винокурня, тѣмъ больше получаетъ она за свое вино. На этой операціи государство теряетъ очень солидныя суммы, такъ какъ въ Швейцаріи спиртъ стоитъ гораздо дороже, чѣмъ за границей: такъ, наприм., въ пятилѣтіе 1893—98 гг. туземный спиртъ стоилъ правительству въ среднемъ по 75 фр. за гектол., заграничный же спиртъ въ теченіе 1889—98 гг. обходился всего лишь въ 35 фр., т.-е. вдвое дешевле туземнаго. Поэтому, благодаря закупкамъ внутри страны, государство потеряло за 1891—95 гг. около 6.400,000 фр. ³⁾. Та же идея защиты средняго класса красной нитью проходитъ черезъ всю исторію борьбы съ крупными магазинами въ Германіи. Мелкіе торговцы нашли откликъ прежде всего въ партіи центра прусскаго, баварскаго, саксонскаго и другихъ государствъ. Последній выступилъ за мелкихъ торговцевъ частью потому, что онъ является ихъ представителемъ въ парламентахъ, частью же руководясь идеями *Mittelstandspolitik*. «Капиталь,—говорилъ Фуксъ, ораторъ изъ партіи центра прусскаго ландтага, во время дебатовъ по поводу обложенія крупныхъ магазиновъ,—захватилъ въ руки всѣ отрасли промышленности и въ верхъ въ конкуренціи съ менѣе состоятельными. Кто проповѣдуетъ принципъ *laissez faire, laissez passer*, тотъ въ области промышленной дѣя-

¹⁾ „Handbuch der politischen Oekonomie“, Шенберга, изд. 4, т. III, стр. 534.

²⁾ И. Озеровъ: „Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи“. Спб., 1899 г., стр. 105.

³⁾ Bobet.

тельности стоять за кулачное право, при котором экономически сильный одолевает слабого. Это столь элементарный процессъ, что, какъ вы всё знаете, одна большая партія въ рейстагъ всю свою надежду возлагаетъ на этотъ ходъ вещей, и дагѣ, если мы этого не сдѣлаемъ (т.-е. если не обложимъ универсальные магазины А. М.), то увидимъ, какъ сейчасъ изображенный процессъ сдѣлаетъ то, что бѣднякъ и богатъ будутъ стоять непосредственно другъ противъ друга»¹⁾.

Если клерикально-буржуазный центръ могъ выступить за обложение универсальныхъ магазиновъ отчасти подъ прямымъ давленіемъ мелкихъ торговцевъ и изъ боязни потерять среди нихъ популярность, то поведение консервативной партіи не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что она дѣйствовала почти исключительно изъ соціально-политическихъ видовъ. Правда, она и въ рядахъ мелкихъ торговцевъ насчитываетъ не мало приверженцевъ, но главная сила ея покоится не на нихъ, а на деревнѣ. Между тѣмъ она рѣшительно высказалась за новый налогъ. Тьшорре, консерваторъ, говорилъ въ томъ же засѣданіи прусскаго ландтага: «Мои политическіе друзья и я вполне признаемъ важную соціальную и экономическую миссію крупнаго капитала, но думаемъ, что если бы онъ вѣрно понималъ свою миссію, то не направлялся бы въ тѣ области, гдѣ его успѣхи связаны съ гибелью большого числа самостоятельныхъ лицъ».

Такимъ образомъ за экономическія группы, заинтересованныя въ обложеніи универсальныхъ магазиновъ, вступились двѣ важнѣйшія партіи, экономически-нейтральныя, не извлекавшія изъ этого обложенія никакихъ выгодъ; къ защитѣ мелкой торговли ихъ побуждали главнымъ образомъ соціально-политическія идеи.

Вопросъ о борьбѣ съ универсальными магазинами возникъ впервые въ Пруссіи. Въ 1896 г. консервативный депутатъ Brockhausen внесъ въ прусскій ландтагъ предложеніе обложить универсальные магазины особымъ налогомъ, который сообразовался бы главнымъ образомъ съ доходомъ магазина, капиталомъ, вложеннымъ въ него, и числомъ его отдѣленій. Это встрѣтило неодобреніе не только у лѣвой, но и у національ-либераловъ; послѣдніе выразили опасеніе какъ бы налогъ не легъ на плечи тѣхъ, кого Brockhausen хотѣлъ защитить, такъ какъ очень трудно провести демаркационную линію между универсальными магазинами и другими торговыми предпріятіями. Той же точки зрѣнія держалось и правительство, въ лицѣ министра финансовъ Микеля²⁾. Въ виду этого палата депутатовъ рѣшила передать вопросъ на обсужденіе особой комиссіи, поручивъ ей выработать и законопроектъ новаго налога. Но комиссія ни къ чему не пришла, она отвергла всѣ представленные ей законопроекты и рѣшила просить правительство самому *выработать законопроектъ*. Такимъ образомъ, указавъ національ-либераловъ и правительства на всю трудность выработать г

¹⁾ „Stenogr. Berichte über die Verhandl. d. Abgeordneten.“ Ber., 1896, 9 4, стр. 2279.

²⁾ „Stenogr. Berichte“, 14 Apr. 1896 г., стр. 1595—1598.

ектъ закона, который вполнѣ соответствовалъ бы цѣли законодателя, блестяще оправдался на примѣрѣ самой комиссiи. Объясняется это тѣмъ, что универсальныхъ магазиновъ было еще немного и ихъ физiономiя не вполнѣ еще выяснилась. Съ другой стороны, по этой же причинѣ движенiе мелкихъ торговцевъ не носило еще общаго и организованнаго характера, а выражалось лишь въ отдѣльныхъ жалобахъ и глухомъ недовольствѣ.

Въ виду всего этого предложенiе комиссiи было принято съ поправкой, которую внесъ консервативный депутатъ Тьшорре, заявившiй, что ея требуютъ онъ и его политическiе друзья: поправка состояла въ томъ, что правительство приглашалось *искать мѣры*, которыя могли бы защитить мелкихъ торговцевъ отъ конкуренцiи со стороны универсальныхъ магазиновъ. Свою поправку Тьшорре основывалъ на томъ, что еще недостаточно выяснились основанiя будущаго законопроекта и потому нечего торопить правительство съ представленiемъ его. Палата согласилась съ нимъ ¹⁾.

Итакъ, правительству было предоставлено принять какiя-либо мѣры противъ универсальныхъ магазиновъ. На первыхъ порахъ оно попыталось разрѣшить задачу при помощи городскихъ общинъ. Въ началѣ 1897 года министръ финансовъ Мигель издалъ двѣ программы обложенiя, въ которыхъ указывалось, какимъ образомъ города могутъ устанавливать новые налоги на универсальные магазины. Но почти ни одинъ прусскiй городъ не сдѣлалъ изъ этихъ программъ никакого употребленiя ²⁾. Въ маѣ 1897 г. вслѣдствiе множества жалобъ и ходатайствъ мелкихъ торговцевъ, Мигель созвалъ особый съѣздъ изъ ихъ представителей, на которомъ онъ, между прочимъ, объяснилъ, что защищать мелкую торговлю—дѣло городовъ, которые съ этой цѣлью могутъ измѣнить и промысловый налогъ ³⁾. Министръ установилъ срокъ, въ теченiе котораго города могли просить правительство разрѣшить имъ ввести въ промысловый налогъ соответственныя измѣненiя. Но такiя ходатайства поступили лишь отъ двухъ городовъ Beuthen'a и Königshtitten'a ⁴⁾.

Другiе города не облагали универсальныхъ магазиновъ, частью не желая стѣснять этой прогрессивной формы торговли, частью же боясь потерять значительный доходъ отъ существующаго промысловаго налога: универсальные магазины могли перебраться въ другiе города, гдѣ новый налогъ не былъ введенъ.

Расчетъ Мигеля вынуть каштаны изъ огня чужими руками оказался такимъ образомъ невѣренъ. Отовсюду приходили извѣстiя, что городскiя думы отклоняютъ проекты обложенiя, вносимые отдѣльными членами. Между тѣмъ давленiе со стороны мелкихъ торговцевъ и ихъ приверженцевъ на правительство все росло, ибо число и обороты универсаль-

¹⁾ Stenogr. Ber., 9 Juni 1896 г., стр. 2279.

²⁾ Warenhaus-Umsatzsteuer, стр. 36—37.

³⁾ Ibid., стр. 37.

⁴⁾ Ibid., стр. 38.

ныхъ магазиновъ увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ засѣданіе ландтага 19 апрѣля 1898 г. былъ внесенъ запросъ, что намѣрено дѣлать правительство для защиты мелкихъ торговцевъ. Прежнее глухое и неопределенное недовольство теперь приняло явныя формы, разрослось въ цѣлое движеніе противъ сильныхъ противниковъ мелкихъ торговцевъ.

Подъ этимъ давленіемъ правительство принуждено было выработать въ началѣ 1899 года проектъ обложенія универсальныхъ магазиновъ. Онъ былъ разосланъ торговымъ камерамъ для обсужденія. По этому проекту налогъ сообразовался съ наемной платой торговаго помѣщенія, числомъ служащихъ и количествомъ родовъ товара, которыми торговалъ универсальный магазинъ; при 2-хъ группахъ товаровъ взималось 10%, наемной платы, при 3-хъ—15%, и т. д. Разъ число служащихъ превышало 25 человекъ, универсальный магазинъ, торгующій 1—3 группами товаровъ, уплачивалъ по 20 мар. за каждого служащаго ¹⁾.

Этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія ни съ чьей стороны; сторонники универсальныхъ магазиновъ находили его несправедливымъ. Громадное большинство торговыхъ камеръ высказалось противъ него, какъ ибры стѣснительной для развитія универсальныхъ магазиновъ. Съ другой стороны, и противники универсальныхъ магазиновъ были недовольны законопроектомъ. Они находили его недостаточнымъ для огражденія мелкой торговли, указывали на примѣръ Франціи, гдѣ такая модификація промысловаго налога въ цѣляхъ защиты мелкихъ торговцевъ не принесла имъ никакой пользы. Они требовали налога на оборотъ, потому что лишь такой налогъ могъ, по ихъ словамъ, сдѣлать универсальные магазины безвредными для мелкой торговли: наибольшая опасность заключается въ томъ, что универсальные магазины стремятся къ возможно большому расширенію своихъ оборотовъ и для этого, конечно, отвлекаютъ отъ мелкихъ торговцевъ ихъ покупателей. Налогъ же на оборотъ устранить эту ненасытную страсть крупныхъ магазиновъ къ расширенію оборотовъ.

Правительство не рѣшилось поэтому внести свой проектъ въ ландтагъ на обсужденіе. Такъ какъ, однако, движеніе противъ универсальныхъ магазиновъ все росло ²⁾, то правительство уже въ началѣ 1900 г. внесло новый проектъ обложенія. Онъ сводился къ слѣдующему: обложенію подлежатъ лишь предпріятія, торгующія въ розницу болѣе чѣмъ одной изъ 4-хъ группъ товаровъ (перечисленныхъ въ § 6 законопроекта) и минимум на 500,000 мар. въ годъ; налогъ взимается съ оборота и при оборотѣ въ 500—550,000 мар. составляетъ 1½%, съ него; далѣе онъ повышается пропорціонально повышенію оборота, пока не достигаетъ 2%, при оборотѣ въ 1 милл. мар.; при оборотѣ свыше 1 милл. мар. онъ взимается всѣмъ въ

1) Dehn.

2) 6 іюня 1899 г. въ ландтагѣ обсуждалась интерпелляция депутата Hitze-Roth на поведеніе универсальныхъ магазиновъ; 3 іюля того же года въ ландтагъ посту или петиція, требовавшая обложенія магазиновъ налогомъ и т. д. (см. „Begründung des Gesetzentwurf“, vom 20 Februar 1900.

томъ же размѣрѣ, т.-е. въ 2%. Въ случаѣ если налогъ превыситъ 20% чистаго дохода, предприниматели могутъ просить правительство не взимать свыше этихъ 20%.

Такимъ образомъ, новый проектъ рѣзко отличается отъ прежняго. Тотъ, по крайней мѣрѣ, старался приноровиться къ доходности универсальныхъ магазиновъ: въ основу обложенія онъ клалъ нѣсколько внѣшнихъ признаковъ—наемную плату, число служащихъ—которые даютъ хотя нѣкоторое понятіе о доходахъ предпріятія. Новый же законопроектъ основывался исключительно на оборотѣ, который лишь очень рѣдко можетъ служить показателемъ дохода. Въ разныхъ мѣстахъ, при торговлѣ разными товарами, при разномъ составѣ покупателей и т. д., одинъ и тотъ же оборотъ даетъ совершенно различный доходъ. Такъ, наприм., аптекаръ или ювелиръ при оборотѣ въ 10,000 руб. могутъ заработать 10,000 руб., тогда какъ булочникъ при томъ же оборотѣ не заработаетъ, быть можетъ, и 2,000 р. Конечно, обложеніе универсальныхъ магазиновъ не создаетъ столь уродливыхъ неравенствъ, какія получились бы въ случаѣ обложенія по обороту другихъ видовъ торговли: въ универсальныхъ магазинахъ на ряду съ вещами, продажа которыхъ оставляетъ магазину, быть можетъ, только 1—2%, продаются такія вещи, которыя даютъ 20 и 30% дохода. Этому-то и надо, на нашъ взглядъ, приписать то обстоятельство, что во Франціи, несмотря на сильную агитацію противъ универсальныхъ магазиновъ, почти не заикнулись объ обложеніи ихъ по оборотамъ: тамъ они торгуютъ сравнительно немногочисленными группами товаровъ: это скорѣе магазины модныхъ предметовъ одѣянія и разныхъ галантерейныхъ и изящныхъ вещей (*magasins de nouveauté*, какъ называютъ ихъ французы), чѣмъ *Warenhäuser*, гдѣ можно купить все, что угодно. Поэтому во Франціи этотъ налогъ создалъ бы гораздо болѣе несправедливостей въ обложеніи. Несмотря, однако, на смягчающія обстоятельства, прусскій законопроектъ былъ очень несправедливъ. Онъ, какъ говорили сторонники универсальныхъ магазиновъ, наказывалъ купца за его желаніе довольствоваться малой прибылью, за то, что послѣдній держится мудраго правила наживать мало, но продавать много. Весьмъ извѣстно, что наиболѣе выдающіеся универсальные магазины довольствуются 5—6% съ оборота; поэтому новый налогъ представлялъ громадную обузу, такъ какъ поглощалъ не менѣ одной пятой части ихъ дохода. Другой крупный недостатокъ подобнаго обложенія заключался въ томъ, что очень трудно опредѣлить сумму оборота, начиная съ которой извѣстное торговое предпріятіе можно причислить къ крупнымъ. Въ Берлинѣ предпріятіе можетъ продавать на 500,000 мар. въ годъ, и все же оно не причинитъ мелкой торговлѣ того вреда, какой можетъ причинить въ городѣ съ 30,000 населеніемъ такой же магазинъ съ оборотомъ въ 100,000 мар. Правительство само сознавало всю нелѣпость этого уродливаго налога, основаннаго на грубомъ внѣшнемъ признакѣ. Въ мотивировкѣ этого закона указывается на все его несовершенство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признается и его необходимость. Универсальные магазины

обложены-де легче мелкихъ, довольствуются меньшей прибылью и этиъ сильно притѣсняють ихъ, ослабляютъ ихъ налоговую платежеспособность. Между тѣмъ можно-де опасаться, что, овладѣвъ всей торговлей, эти универсальные магазины перестанутъ вести нынѣшнюю политику малой прибыли и большого оборота и станутъ извлекать изъ своего монопольнаго положенія слишкомъ много выгодъ, конечно, въ ущербъ всему обществу ¹⁾.

Какъ бы то ни было, новый законопроектъ всѣмъ непредубѣжденнымъ лицамъ показался прямо чудовищнымъ по своей несправедливости. Почти вся печать стала на сторону универсальныхъ магазиновъ. Тѣмъ большую бурю онъ вызвалъ среди владѣльцевъ универсальныхъ магазиновъ и другихъ группъ, экономическіе интересы которыхъ связаны съ процвѣтаніемъ этихъ торговыхъ предпріятій. Раньше надѣялись, что правительство будетъ въ силахъ противиться требованіямъ мелкихъ торговцевъ и ихъ друзей; теперь же, съ опубликованіемъ новаго законопроекта, стало ясно, что правительство капитулировало передъ сильными противниками универсальныхъ магазиновъ (центромъ и консервативной партіей) и нечего рассчитывать на него. Въ результатъ этого убѣжденія въ короткое время создалось движеніе противъ новаго налога. Участіе приняли въ немъ, конечно, прежде всего сами владѣльцы универсальныхъ магазиновъ. Но затѣмъ, что очень любопытно, въ этой агитаціи заодно съ хозяевами выступили и ихъ приказчики. Такъ, наприм., многочисленное собраніе приказчиковъ разныхъ универсальныхъ магазиновъ въ Берлинѣ, состоявшееся 28 марта 1900 г., приняло резолюцію противъ новаго налога. Была подана ландтагу особая петиція противъ новаго налога, за подписью 7,500 приказчиковъ. Еще раньше, при опубликованіи правительствомъ перваго законопроекта, въ 1899 г. служащіе крупныхъ магазиновъ подали правительству петицію, въ которой говорилось, что всѣ 12,000 служащихъ универсальныхъ магазиновъ по собственному опыту знаютъ, что они находятся въ несравненно лучшемъ положеніи, нежели приказчики мелкихъ торговцевъ; у послѣднихъ не урегулированы рабочее время, часы отдыха и обѣда, они получаютъ ничтожное жалованье и т. д., между тѣмъ какъ въ универсальныхъ магазинахъ торговля производится обыкновенно лишь до 8 час. вечера, введены правильная нагрузка для обѣда и отдыха, уплата жалованья въ случаѣ болѣзни, лѣтній отпускъ съ сохраненіемъ за служащими ихъ жалованья и т. п. ²⁾. Поэтому на универсальные магазины они смотрять-де прямо какъ на благодѣтельное явленіе.

Что это отнюдь не продиктовано какими-либо побочными обстоятельствами, какъ, наприм., давленіе со стороны хозяевъ, ясно видно изъ сопоставленія фактовъ, относящихся къ тому и другому роду торговли. Въ мелкой торговлѣ, судя по опросу ганноверской торговой камеры, при из-

¹⁾ „Anlagen zu d. Stenogr. Berichten über Verhandl. des Hauses d. Abgeu. 1.^e 1900. II Bd. Aktenstück. № 47. „Begründung zum Gesetzentwurf“, vom 20 Februar, 1900.

²⁾ „Warenhaus“ 1900 г., № 10, стр. 5—6.

чики, прошедшіе 3—4-лѣтній курсъ обученія, получаютъ обыкновенно въ началѣ около 900 мар. въ годъ, затѣмъ черезъ 3—4 года жалованье, постепенно повышаясь, доходитъ до 1,200 мар.; дальнѣйшее повышение его зависитъ отъ способностей и возраста приказчика, но обыкновенно максимум жалованья не превышаетъ 1,500 мар. въ годъ ¹⁾). Между тѣмъ въ универсальномъ магазинѣ Wertheim'a въ Берлинѣ минимумъ жалованья холостыхъ мужчинъ 1,500 мар., а женатыхъ 2,400 мар., при этомъ лишь 18% общаго числа служащихъ получаютъ меньше 2,400 мар. въ годъ, 69% получаютъ отъ 2,400 до 6,000 мар. и 13% свыше 6,000 мар. ²⁾). Въ одномъ изъ бреславльскихъ универсальныхъ магазиновъ минимумъ жалованья мужского служащаго персонала составляетъ 1,080 мар. и т. д. ³⁾). Отсюда ясно, что служащіе дорожатъ своими мѣстами и потому выступили вмѣстѣ съ хозяевами противъ новаго налога; послѣдній могъ ухудшить ихъ положеніе, заставить хозяевъ сбросить часть налогового бремени на ихъ плечи.

Кромѣ приказчиковъ, за универсальные магазины выступили и фабриканты. Это весьма понятно: универсальные магазины являются для нихъ (по причинамъ, изложеннымъ нами выше) очень выгодными покупателями; поэтому фабриканты предчувствовали (и вполне основательно, какъ это показала дѣйствительность), что универсальные магазины не приминутъ взвалить на нихъ новое налоговое бремя; въ ландтагъ поступила петиція болѣе чѣмъ отъ 4,500 фабрикантовъ. Они указывали на то, что налогъ удорожитъ товары, слѣдовательно, уменьшитъ потребленіе и вызоветъ перепроизводство. Универсальные магазины, по словамъ петиціи, своего рода выставки, которыя прекрасно знакомятъ иностранцевъ съ товарами германской индустріи и вызываютъ у нихъ желаніе вывезти ихъ къ себѣ на родину. Наконецъ, универсальные магазины сильно увеличили сбытъ и дали многимъ мелкимъ фабрикамъ возможность расширить свое производство и вывозить товары за границу. Поэтому петиція высказывалась противъ налога ⁴⁾).

Такимъ образомъ, противъ обложенія универсальныхъ магазиновъ выступили три группы, которымъ борьбу съ новымъ налогомъ диктовали ихъ экономическіе интересы. Защитниками ихъ явились главнымъ образомъ свободомыслящая и социаль-демократическая партія. Эти партіи боролись съ новымъ налогомъ, потому что онъ стремился не къ справедливому обложенію крупныхъ предпринимателей, а къ искорененію прогрессивной формы торговли. Онѣ прекрасно видѣли, что для массъ выгоднѣе покупать въ универсальныхъ магазинахъ, нежели въ мелкихъ, продающихъ въ тридорога. Социал-демократія была противъ новаго закона отчасти по той же причинѣ, по какой консервативная и центръ были за него: приказчикъ универсальнаго

¹⁾ „Die Lage des Kleinhandels“, т. I, стр. 58, 111 и т. д.

²⁾ „Warenhaus“ 1900 г., № 12, стр. 7—8.

³⁾ „Die Lage des Kleinhandels“, т. II, стр. 82.

⁴⁾ „Warenhaus“ 1900 г., № 11, стр. 10.

магазина не будущий хозяин самостоятельного предприятия, а въ сущности тотъ же пролетарій, хотя, конечно, стоящій гораздо выше рабочаго. Чѣмъ больше будетъ такихъ приказчиковъ, тѣмъ меньше хозяевъ, а это очень выгодно для социаль-демократіи, которая наибольшее сопротивление находитъ какъ разъ въ рядахъ этой мелкой самостоятельной буржуазіи. Такимъ образомъ, борьба шла уже не между экономическими группами, непосредственно заинтересованными въ проведеніи или устраниеніи новаго закона, а между политическими партіями, которыя экономическимъ группамъ удалось привлечь на свою сторону. Въ этой борьбѣ побѣда осталась за центромъ и консервативной партіей: социаль-демократія совершенно не представлена въ прусскомъ ландтагѣ, свободомыслящіе же одни были слишкомъ слабы, чтобы помѣшать проведенію новаго налога. По требованію центра и консервативной партіи законопроектъ былъ переданъ въ особую комиссію, которая исправила его еще болѣе въ духѣ требованій сторонниковъ *Mittelstand'a*. Наиболѣе важное измѣненіе состояло въ томъ, что комиссія установила 300,000 мар. оборота въ качествѣ *minimum'a*, съ котораго начинается обложеніе (вмѣсто 500,000 первоначальнаго законопроекта), палата депутатовъ приняла этотъ *minimum*. Но противъ этого возстала палата господъ, которая старается слѣдовать во всемъ указаніямъ правительства. Въ качествѣ *minimum'a* оборота она предложила 400,000 мар. На этомъ и сошлись.

Налогу подлежатъ всѣ торговыя предприятия, которыя продаютъ предметы болѣе чѣмъ одного изъ 4-хъ классовъ, перечисленныхъ въ законѣ и болѣе чѣмъ на 400,000 мар. Налогъ начинается съ 4,000 мар. при оборотѣ въ 450—500,000 мар. и повышается съ ростомъ оборота, дохода при оборотѣ въ 1.100,000—1.200,000 мар. до 22,000 мар. и за каждыя дальнѣйшія 100,000 оборота взимается по 20,000 мар. или 2%. Потребительныя общества также подлежатъ этому налогу, поскольку, конечно, продаютъ свои товары и не-членамъ. На нихъ только не распространяется право обложенныхъ предприятий требовать, чтобы правительство не взимало болѣе 20% чистаго дохода, когда налогъ съ оборота превышаетъ эти 20%. Законъ вступилъ въ силу съ 1-го іюля 1900 г. Доходъ съ налога переданъ городамъ.

Микель сказалъ въ палатѣ депутатовъ, что новый налогъ задержитъ притокъ крупнаго капитала въ область розничной торговли. «Я,—продолжалъ министръ,—отнюдь не держусь того мнѣнія, что этотъ налогъ явится арканомъ, которымъ можно снова поставить на ноги мелкія предприятия: они сами должны помочь себѣ и притомъ, главнымъ образомъ, путемъ организациі товариществъ. Хорошо было бы только, чтобы они имѣли на это время, нынѣшній же головокружительный ростъ крупныхъ предпріи и не даетъ имъ времени организовать». Новый налогъ и былъ рассчитанъ на то, чтобы задержать этотъ быстрый ростъ. Достигъ ли онъ этой цѣли? Всѣ имѣющіеся по этому вопросу факты говорятъ, что—нѣтъ.

Универсальные магазины предпочли сбросить налогъ на плечи фаб-

универсальныхъ магазиновъ разослалъ всѣмъ своимъ поставщикамъ-фабрикантамъ циркуляръ, въ которомъ спрашивалъ ихъ, могутъ ли они сдѣлать ему скидку въ размѣрѣ будущаго налога. Тотчасъ по опубликованіи новаго закона всѣ болѣе или менѣе выдающіеся универсальные магазины разослали такіе же циркуляры. Циркуляры имѣли успѣхъ, и партіи, проведенія новыя законъ, по словамъ *Frankfurter Zeitung*, были неспрiятно поражены тѣмъ, что налогъ упалъ въ концѣ концовъ совсѣмъ не на универсальные магазины ¹⁾.

Этому нечего и удивляться: разнообразіе товаровъ, производимыхъ разными фабрикантами-поставщиками универсальныхъ магазиновъ, не позволяетъ имъ образовать союза, картеля, который боролся бы съ универсальными магазинами: очень мало общихъ интересовъ, напримѣръ, у фабриканта разныхъ сластей и издателя; между тѣмъ они оба въ одинаковой мѣрѣ сбываютъ свои товары универсальнымъ магазинамъ.

Но фабриканты, взявъ на себя обузу, возложенную на нихъ универсальными магазинами, очень любезно перевалили ее на плечи мелкихъ торговцевъ. Вотъ что пишетъ *Berliner Börsen-Kurjer*: «Универсальные магазины потребовали отъ нихъ (фабрикантовъ) 2% скидки, т.-е. столько, сколько надо для покрытія расходовъ по новому налогу. Фабриканты принуждены были согласиться на скидку, чтобы не потерять выгодныхъ кліентовъ, но они тотчасъ повысили цѣны другимъ кліентамъ» ²⁾.

То же самое говорится и въ письмѣ одного фабриканта въ *Vossische Zeitung* ³⁾. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, пострадали сами же мелкие торговцы. Универсальные магазины оказались сильнѣе фабрикантовъ, но послѣдніе сильнѣе мелкихъ торговцевъ и ихъ посредниковъ—оптовыхъ. Налогъ, пройдя послѣдовательно черезъ нѣсколько слоевъ,—застрялъ и тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали.

А универсальные магазины цвѣтутъ и развиваются. Съ проведеніемъ новаго закона они приобрѣли даже большее значеніе: многіе спеціальныя магазины, боясь попасть подъ новыя законъ, прекратили торговлю разными побочными товарами. Поэтому, какъ производители этихъ товаровъ, такъ и покупатели попали почти въ исключительную зависимость отъ универсальныхъ магазиновъ.

Таково значеніе экономическихъ преимуществъ. Закономъ нельзя ни подавить, ни искоренить явленія, обладающаго этими преимуществами, и поддержать явленія, лишеныя ихъ. Вѣдь, попытка защитить мелкую розничную торговлю отъ ея конкурентовъ дѣлалась уже не разъ. Такъ, въ 1896 г. потребительнымъ обществамъ было запрещено продавать товаръ не-членамъ (въ противномъ случаѣ они не освобождаются отъ налога въ); это побудило тѣхъ, кто раньше не состоялъ членомъ и, быть можетъ, лишь изрѣдка покупалъ товары въ потребительномъ обществѣ, вступить

¹⁾ *Warenhaus*, 1900 г., № 33.

²⁾ *Ibid.*, № 35, стр. 2.

³⁾ *Ibid.*, № 33.

въ него и при помощи его удовлетворять всѣ свои экономическія нужды; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ комиссионерамъ было запрещено продавать товары въ розницу потребителямъ: въ результатѣ усилились непосредственныя сношенія между фабрикантами и производителями (напр., по почтѣ)¹⁾, что въ настоящее время вызываетъ горькія жалобы въ кругахъ мелкихъ торговцевъ. Новая попытка сокрушить мощныхъ враговъ мелкой торговли не удалась. Налогъ не оправдалъ социальна - политическихъ надеждъ (если можно такъ выразиться). Финансовые результаты его также не важны. Въ теченіе перваго полугодія своего существованія (съ 1 іюня 1900 г. по 1 января 1901 г.) онъ далъ Берлину лишь 530,000 мар.; присоединивъ сюда еще доходъ съ одного вновь открывшагося универсальнаго магазина, получимъ не болѣе 1½ милл. мар. въ годъ²⁾.

Такова была судьба этого монолучнаго налога въ Пруссіи.

Другія германскія государства также сочли нужнымъ бороться съ универсальными магазинами. Мы не станемъ излагать всѣхъ перипетій этой борьбы, такъ какъ онѣ представляли собой то же, что и въ Пруссіи, и описаніе ихъ было бы лишь повтореніемъ сказаннаго. Воснемся лишь главнѣйшихъ фактовъ.

Такъ, въ Саксоніи еще 12 мая 1896 г. былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ правительство обращало вниманіе городовъ на право ихъ облагать налогами торговля заведенія; при этомъ въ качествѣ максимальной нормы опредѣлялось два процента съ оборота. Минимальнымъ же оборотомъ, при наличности котораго города могли причислить розничное торговое заведеніе къ категоріи универсальныхъ магазиновъ, была назначена сумма 20,000 мар.³⁾ Многіе города послѣдовали совѣтамъ правительства, но лучшимъ доказательствомъ бесплодности этой борьбы съ универсальными магазинами можетъ служить то, что въ настоящее время стоятъ на очереди законопроектъ обложенія ихъ государствомъ.

Въ Баваріи еще въ началѣ 1899 г. (въ мартѣ) ввели налогъ на оборотъ въ ½—3%⁴⁾, смотря по размѣрамъ оборота. И здѣсь налогъ былъ введенъ изъ социальна - политическихъ соображеній, съ цѣлью помѣшать гибели мелкихъ торговцевъ⁵⁾. Однако и здѣсь не могли достигъ этой цѣли. По словамъ *Berliner Börsen-Zeitung* баварскіе универсальные магазины, заказывая товаръ, прибавляютъ, что сверхъ обыкновенныхъ скидокъ требуется еще ½ скидки для покрытія расходовъ по новому на-

1) Warenhaus, 1901 г., стр. 112.

2) Troeltsch.

3) Warenhaus, 1901 г., стр. 290.

4) Oeser: „Die Besteuerung des Kleinhandels durch Umsatz - Branchensteuer“. Frankfurt a/M., 1899 г., стр. 45.

5) W. Jah: „Die Grossbazare und Warenhäuser. Jahrb. für Gesetzgeb. u. Verw.“, 1900 г. Bd. 24, стр. 755.

6) Послѣ того, какъ не удалась попытка правительства отклонить налогъ съ оборота („Begründung“).

логу ¹⁾. Число универсальныхъ магазиновъ тамъ увеличивается, а не уменьшается ²⁾.

Бюртембергское правительство, внесшее недавно въ палату проектъ обложенія универсальныхъ магазиновъ, сознается, что его принудили къ этому «стремленія извѣстныхъ партій и экономическихъ группъ», хотя у него и существуютъ опасенія принципиальнаго характера. Эти «опасенія» вызываются, конечно, той легкостью, съ которой универсальные магазины сбрасываютъ съ себя новый налогъ.

Сторонники *Mittelstand'a*, озлобленные этой неуязвимостью универсальныхъ магазиновъ, доходятъ въ несправедливости къ нимъ до геркулесовыхъ столбовъ. Такъ, наприм., въ Гамбургѣ *Central-Ausschuss Hamburg-Altonaer Detaillisten* предложилъ обложить универсальные магазины слѣдующимъ образомъ: налогъ взимается начиная съ оборота въ 250,000 мар. и составляетъ $\frac{1}{10}\%$ съ 50,000 мар., при оборотѣ въ 300,000 мар. налогъ равенъ $\frac{2}{10}\%$, со 100,000 мар. и такъ далѣе, при увеличеніи оборота на каждыя 50,000 мар. налогъ увеличивается на $\frac{1}{10}\%$ (свободными же отъ налоговъ остаются лишь первые 200,000 мар.). Поэтому, напр., при оборотѣ въ 3.200,000 мар. налогъ составитъ 180,000 мар. или 6% съ оборота; при 5.200,000 мар. онъ будетъ уже 500,000 мар. или 10% и т. д.

Не безъ основанія поэтому газета *Warenhaus* называетъ этотъ налогъ «скорпиономъ, въ сравненіи съ которымъ прусскій налогъ на универсальные магазины является крошечнымъ паукомъ» ³⁾.

М. Авсарисовъ.

1) *Warenhaus*, 1901 г., стр. 230.

2) *Ibid.*, 1900 г., № 23, стр. 4.

3) 1901 г., стр. 210.

Курская выставка по народному образованію.

Выставка по народному образованію, устроенная курскими губернскимъ земствомъ въ іюнь нынѣшняго года, представляетъ собою свѣтлое и отрадное явленіе на общемъ фонѣ нашей тусклой, однообразной жизни. Она явилась въ одно и то же время и праздникомъ просвѣщенія, на который съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи дѣятели въ области народнаго образованія, и школы, гдѣ можно было многому научиться всѣмъ, кто работаетъ въ интересахъ начальнаго образованія, этого фундамента нашей будущей культуры. Выставка показала намъ результаты 35-лѣтней дѣятельности земства въ области просвѣщенія и отиѣтила тотъ поступательный ходъ въ этой области, который съ каждымъ годомъ, несмотря на многія неблагоприятныя условія русской жизни, становится все интенсивнѣе и шире. Просвѣтительная волна растетъ съ каждымъ годомъ, становясь все выше и охватывая все большій и большій районъ.

Мысль устроить выставку возникла въ комиссіи курскаго губернскаго земства по народному образованію, которая представила на разсмотрѣніе XXXVII очереднаго курскаго губернскаго земскаго собранія по этому вопросу особый докладъ, гдѣ указывала, что устройство выставокъ является однимъ изъ испытанныхъ средствъ для наиболѣе цѣлесообразнаго направленія и наиболѣе полнаго развитія въ любой отрасли дѣятельности и, въ частности, въ земскомъ хозяйствѣ. «Въ моменты, — писала комиссія, — когда необходимо подсчитать то, что достигнуто, и опредѣлить дальнѣйшіе шаги въ томъ или иномъ кругѣ практическихъ мѣропріятій, выставки являются прекраснымъ способомъ выяснить очередныя нужды, требующія удовлетворенія въ данной области, привлечь къ нимъ, по возможности, широкое общественное вниманіе и освѣтить разрозненныя на первый взглядъ мѣры въ цѣльную картину».

Докладъ комиссіи о выставкѣ былъ принятъ земскимъ собраніемъ 11 ноября 1901 года; въ декабрѣ того же года губернской управой было принято соответствующее ходатайство, утвердительный отвѣтъ на которое полученъ былъ лишь 4 апрѣля нынѣшняго года. Подготовительныя работы по устройству выставки были начаты тотчасъ же по отправкѣ

ходатайства, но у работающих не было достаточной увѣренности въ благопріятномъ исходѣ ходатайства, а поэтому наиболее интенсивная работа и подготовка началась лишь съ апрѣля, когда вопросъ о выставкѣ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Вся главная часть работы была выполнена всего въ 2¹/₂ мѣсяца. Нельзя не удивляться изумительной энергіи устроителей выставки, если принять во вниманіе тѣ положительно блестящіе результаты, которые были достигнуты ими. На выставкѣ приняли участіе 14 губернскихъ и 33 уѣздныхъ земствъ, города Харьковъ, Курскъ, Одесса, Ялта, разнаго рода просвѣтительныя общества и комиссіи, частныя школы и лица и, наконецъ, издательскія и торговыя фирмы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое значительное количество участниковъ выставки объясняется тѣмъ горячимъ сочувствіемъ, которое встрѣтила она со стороны земствъ, просвѣтительныхъ обществъ, дѣятелей по народному образованію и лучшей части нашей прессы. «Лишь краткость времени, говорится въ предисловіи къ выставочному каталогу, не дала возможности многимъ принять въ ней активное участіе, но не мало лицъ и учреждений сдѣлало все зависящее отъ нихъ для выставки. Такого рода явленіе служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ, что первый опытъ курскаго губернскаго земства не только долженъ повлечь за собою дальнѣйшіе опыты со стороны другихъ земствъ и просвѣтительныхъ обществъ, но при большемъ времени для осуществленія выставки, послѣднія будутъ улучшаться и быть можетъ не за горами то время, когда удастся организовать такую выставку, которая освѣтитъ всѣ стороны народнаго начального образованія въ Россіи».

За семь дней выставки ее посѣтило свыше 5,000 человекъ. Тутъ были учителя и учительницы народныхъ школъ, земцы, представители просвѣтительныхъ обществъ, дѣятели по народному образованію и публика, интересующаяся школьнымъ дѣломъ. Два этажа довольно обширной женской учительской школы гор. Курска съ утра до вечера были переполнены публикой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ трудомъ можно было двинуться, тѣмъ болѣе, что большинство посѣтителей не просто осматривали выставленные экспонаты, а въ большинствѣ случаевъ изучали ихъ съ записными книжками въ рукахъ. Завѣдовавшіе различными отдѣлами выставки давали обстоятельныя указанія и разъясненія всѣмъ интересующимся, благодаря чему нѣкоторыя залы выставки обращались въ аудиторію, которая съ большимъ вниманіемъ выслушивала обстоятельныя разъясненія по тому или другому вопросу школьнаго дѣла. Выставка, дѣйствительно, явилась школою, гдѣ можно было многому научиться даже людямъ, уже давно занимающимся вопросами народнаго образованія. Посѣтителей особенно привлекали тѣ экспонаты (діаграммы и картограммы), которые знакомили съ положеніемъ дѣла народнаго образованія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи въ различные періоды второй половины прошлаго вѣка и указывали, подъ вліяніемъ какихъ факторовъ это дѣло развивалось, что мѣшало этому развитію и т. п. Особенно много діаграммъ въ этомъ направленіи принадле-

жить курскому губернскому земству, которое много и плодотворно работало надъ выясненіемъ у насъ разныхъ сторонъ народообразовательнаго дѣла.

Чтобы выяснить, какое мѣсто по степени грамотности занимала Россія среди другихъ государствъ Европы на рубежѣ XIX и XX столѣтій, курское земство собрало данныя о грамотности новобранцевъ въ Россіи и западной Европѣ за 1898 г. и представило ихъ въ видѣ прекрасно выполненной діаграммы, наглядно указывающей, какъ далеко отстали мы въ этомъ отношеніи отъ Запада. Въ то время какъ въ Россіи процентъ грамотныхъ новобранцевъ въ 1898 г. равнялся 44,5, въ Италіи онъ былъ равенъ 58, въ Венгріи—64, Австріи—69,2, Бельгіи—89, Франціи—90,6, Голландіи—92,7, Пруссіи—99,2, Германіи—99,4, Швеціи—99,6, Гессенѣ—99,8, Баваріи и Баденѣ—100. Иначе говоря, въ то время, какъ въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ неграмотные среди новобранцевъ составляли лишь незначительный процентъ, у насъ число неграмотныхъ преобладаетъ.

Процентъ грамотныхъ новобранцевъ равнялся у насъ въ 98 г. 44,5, причѣмъ во вниманіе была принята вся территория Россіи. Если же расчетъ произвести отдѣльно для губерній земскихъ и неземскихъ, то картина получится нѣсколько иная. Разница будетъ въ пользу земскихъ губерній, что, конечно, и должно служить прекраснымъ показателемъ плодотворности земской работы. На выставкѣ по этому вопросу имѣлась интересная діаграмма, указывающая процентъ грамотныхъ новобранцевъ за три десятилѣтія съ подраздѣленіемъ на земскія и неземскія губерніи. Вотъ эти любопытныя цифры:

	1878 г.	1888 г.	1898 г.
% грамотныхъ новобранцевъ въ земскихъ губерніяхъ	21, 3	33,05	59
Тоже въ неземскихъ	20,81	25,2	36,3
Тоже для всей Россіи	21,05	30,1	44,5

Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ земскихъ губерніяхъ число грамотныхъ новобранцевъ увеличилось за 20 лѣтъ почти въ 3 раза, въ губерніяхъ неземскихъ оно не увеличилось и въ 2 раза.

Еще лучше результаты земской дѣятельности въ дѣлѣ народнаго образованія будутъ видны, если сопоставить цифры, указывающія, на сколько сельскихъ жителей приходится одно училище въ губерніяхъ земскихъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Данныя по этому вопросу, имѣвшіяся на выставкѣ, относились къ 1896 году и рисовали положеніе дѣла въ слѣдующемъ видѣ. Въ то время, какъ въ земскихъ губерніяхъ одна школа приходилась на 3,310 жителей, въ губерніяхъ Архангельской, Асханской, Оренбургской и области войска Донского—на 6,066 человекъ, въ сѣверо-западномъ краѣ—на 6,143 человекъ, а въ юго-западномъ краѣ—на 8,525 человекъ. Цифры эти настолько убѣдительны и настолько краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что мы считаемъ излишнимъ дѣлать на нихъ либо комментаріи.

Не менѣе любопытна также картограмма, составленная по официальнымъ свѣдѣніямъ 1896 года и указывающая процентное отношеніе учащихся къ населенію въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ. Процентъ учащихся дѣвочекъ по отношенію къ женскому населенію представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ земскихъ губерніяхъ онъ равенъ 1%, въ губерніяхъ Астраханской, Архангельской, Оренбургской и области войска Донского—0,5%, въ сѣверо-западномъ краѣ—0,32% и въ юго-западномъ краѣ—0,3%. Что касается процента учащихся мальчиковъ къ мужскому населенію, то онъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ земскихъ губерніяхъ—3,4%, въ губерніяхъ Архангельской, Астраханской, Оренбургской и области войска Донского—1,9%, въ сѣверо-западномъ краѣ—1,8% и въ юго-западномъ краѣ—1,2%. Наконецъ, % учащихся обоого пола къ общему числу населенія составляетъ въ земскихъ губерніяхъ—2,3%, въ губерніяхъ Архангельской, Астраханской, Оренбургской и области войска Донского—1,22%, въ сѣверо-западномъ краѣ—1,1% и въ юго-западномъ краѣ всего лишь 0,8%.

Съ какой бы стороны ни посмотрѣли мы на развитіе школьнаго дѣла, всюду видимъ, что земскія губерніи идутъ во главѣ, опережая остальные мѣстности, и нерѣдко—очень значительно. Не менѣе любопытенъ также и тотъ фактъ, заслуживающій особеннаго вниманія, что эта работа въ интересахъ просвѣщенія съ большей или меньшей интенсивностью и продуктивностью идетъ по всей линіи земствъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ, помимо только что приведенныхъ статистическихъ данныхъ, также и цифры, указывающія на постоянныя увеличенія за послѣднее время расходовъ земствъ на народное образованіе. Процентное отношеніе расходовъ на народное образованіе за пять лѣтъ 1895—1900 г. къ общей суммѣ расхода за 1900 годъ каждой земской губерніи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Названіе губерній.	Увеличеніе расходовъ на народное образов. въ процентахъ.	Названіе губерній.	Увеличеніе расходовъ на народное образов. въ процентахъ.
Екатеринославская	81,6	Полтавская	34,4
Курская	49,8	С.-Петербургская	34,3
Владимірская	49,1	Тамбовская	33,1
Вятская	48,8	Уфимская	32,8
Московская	47,9	Пермская	32,3
Олонецкая	47,8	Таврическая	32,2
верская	46,4	Смоленская	31,6
Вологодская	46,2	Харьковская	31
Востромская	44,9	Орловская	30,9
Вамарская	44,8	Ярославская	30
Вимбирская	43,7	Новгородская	28,6
Вижгородская	43,1	Псковская	28,5
Воронежская	43	Тульская	28
Врсковская	38,5	Пензенская	24,8

Бессарабская	38,2	Казанская	23,9
Саратовская	36,9	Рязанская	21,3
Черниговская	35,1	Калужская	16,5

Изъ этой таблицы видно, что наиболѣе интенсивной въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ была просвѣтительная работа екатеринославскаго земства; второе мѣсто по напряженію матеріальныхъ средствъ на начальное обученіе занимаетъ Курская губернія, близко къ которой подходятъ группа губерній: Владимирская, Вятская, Московская, Олонецкая. Въ остальныхъ земскихъ губерніяхъ максимумъ увеличенія расходовъ на народное образованіе былъ въ Тверской губ., минимумъ въ Калужской.

Не менѣе интересны также данныя объ абсолютныхъ расходахъ земствъ на народное образованіе въ 1900 г. и о процентномъ отношеніи этихъ расходовъ къ общему земскому бюджету въ томъ же году. Вотъ эти данныя:

Губерніи.	Расходъ на народное образованіе въ тыс. руб.	% въ общему земскому бюджету.	Губерніи.	Расходъ на народное образованіе въ тыс. руб.	% въ общему земскому бюджету.
Вятская	1.168	29,6	Казанская	394	15,6
Пермская	1.028	23,2	Нижегородская	383	14,1
Московская	886	23,3	Новгородская	333	16,9
Полтавская	778	21,2	С.-Петербургская	329	17,8
Курская	640	16,2	Рязанская	329	13,5
Екатеринославская	622	20,1	Костромская	327	17,4
Самарская	611	16,8	Уфимская	285	15,2
Херсонская	592	17,6	Ярославская	267	16,1
Тверская	575	22,4	Смоленская	263	14,7
Черниговская	544	20,2	Псковская	249	12,9
Таврическая	537	15	Орловская	249	12,7
Харьковская	503	15,6	Олонецкая	224	19,5
Владимирская	501	19,6	Бессарабская	212	10,6
Воронежская	474	17,4	Тульская	200	12,4
Тамбовская	462	14,1	Пензенская	185	15
Вологодская	452	20	Симбирская	176	9,7
Саратовская	415	12,1	Калужская	168	11,7

Изъ этой таблицы видно, что больше всѣхъ земствъ на народное образованіе тратитъ вятское, а меньше всѣхъ—калужское. Что касается процентнаго отношенія расходовъ на народное образованіе къ общему земскому бюджету, то и здѣсь Вятской губерніи принадлежитъ первое мѣсто (29,6%). Ниже всѣхъ стоитъ Симбирская губ. (9,7%).

Нужно ли говорить о томъ, что въ зависимости отъ увеличенія земскихъ затратъ на народное образованіе растутъ и грамотность среди населенія? Наиболѣе вѣрными показателями здѣсь могутъ служить да и нынѣ о постепенномъ паденіи процента безграмотныхъ среди новобранцевъ въ земскихъ губерніяхъ за три послѣднія десятилѣтія. Данныя эти нынѣ любопытны, что мы позволимъ себѣ привести ихъ цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они были представлены на Курской выставкѣ.

Название губерній.	1876 г.			1886 г.			1896 г.				
	%	негр.	новобр.	%	негр.	новобр.	%	негр.	новобр.		
1. Бессарабская . . .	94		85	71			18.	Нижегородская.	79	69	49
2. Уфимская . . .	94		91	86			19.	Орловская . . .	78	78	56
3. Самарская . . .	89		82	72			20.	Таврическая . . .	78	64	53
4. Казанская . . .	88		84	71			21.	Смоленская . . .	75	68	46
5. Пензенская . . .	88		80	67			22.	Олонеккая . . .	75	61	45
6. Пермская . . .	87		75	60			23.	Херсонская . . .	74	70	58
7. Полтавская . . .	87		78	59			24.	Вологодская . . .	72	64	51
8. Воронежская . . .	86		77	63			25.	Новгородская . . .	72	58	45
9. Вятская	86		75	57			26.	Рязанская	72	58	42
10. Тамбовская . . .	86		78	60			27.	Калужская	71	56	39
11. Харьковская . . .	86		80	67			28.	Тульская	66	61	41
12. Курская	85		76	61			29.	Костромская	64	54	36
13. Сибирская	85		72	59			30.	Владимирская	62	47	29
14. Саратовская . . .	82		75	50			31.	Тверская	61	46	27
15. Черниговская . . .	82		75	57			32.	Московская	49	38	17
16. Екатеринославск.	81		75	58			33.	С.-Петербургская	41	28	19
17. Псковская	81		75	62			34.	Ярославская	40	24	14

Еще болѣе яркую картину движенія % грамотности можно наблюдать въ отдѣльныхъ районахъ земскихъ губерній, болѣе плодотворно работающихъ въ области народнаго образованія. Напр., въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губ., % грамотныхъ среди новобранцевъ за послѣдніа 35 лѣтъ болѣе, чѣмъ учетверился. Въ 1877 г. % грамотныхъ новобранцевъ по Мелитопольскому уѣзду равнялся 16,6, въ 1882 г.—27%, въ 1887 г.—30,5%, въ 1892 г.—46,6%, въ 1897 г.—52,9%, и, наконецъ, въ 1901 г.—66,6%.

Въ журнальной замѣткѣ невозможно исчерпать всего богатаго содержанія статистическаго отдѣла выставки. Мы позволимъ себѣ остановиться еще на немногихъ цифрахъ, указывающихъ на ростъ просвѣтительной дѣятельности земствъ въ ширь и относящихся, по преимуществу, къ Курской губерніи, какъ къ одной изъ передовыхъ губерній въ этомъ отношеніи, къ тому же и болѣе полно представившей на выставкѣ современное состояніе въ ней народнаго образованія. Здѣсь интересно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что послѣдніа 5 лѣтъ являются временемъ болѣе интенсивной работы земства по народному образованію, въ зависимости отъ чего и результаты получаются болѣе благоприятные. Такъ, за 5 послѣднихъ лѣтъ въ Курской губерніи возникло столько же школъ, сколько за предыдущія 18 лѣтъ. Это оживленіе можно сравнить только съ быстрымъ возрастаніемъ числа школъ, какое происходило въ концѣ 60-хъ и первой половинѣ 70-хъ годовъ. Подобное явленіе наблюдается не въ одной Курскій губерніи, но и въ нѣкоторыхъ другихъ земскихъ губерніяхъ. Въ теченіе 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ дѣятельность земствъ по устройству

школьного дѣла замѣтно понижается; въ послѣдующее же пятилѣтіе, съ участіемъ губернскихъ земствъ, ростъ начальныхъ училищъ сильно прогрессируетъ. Такъ, въ Московской губерніи за десятилѣтіе 188³/₄—189³/₄ г. было открыто всего 82 школы, т. е. по восьми школъ въ годъ; начиная съ 1895 г. ежегодно въ Московской губерніи число школъ увеличивалось въ среднемъ на 45. Еще рѣзче эта разница сказывается въ Вятской губерніи, гдѣ за 20 лѣтъ, съ 1874—1894 г., новыхъ земскихъ школъ было открыто лишь 43, тогда какъ въ 1-й годъ рассматриваемаго пятилѣтія возникло 185 начальныхъ училищъ; въ среднемъ же за годъ учреждалось земствомъ по 97 школъ. По мѣрѣ роста школъ, обученіе становится доступнѣе, школа приближается къ населенію, школьные районы сокращаются, число учащихся растетъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и *показатель образованія* (число учащихся на 100 жителей). Въ Курской губерніи за пять послѣднихъ лѣтъ замѣчается значительное уменьшеніе количества душъ населенія, а также и дѣтей школьнаго возраста приходящихся на одну земскую школу. Въ 1895 году одна школа въ Курской губерніи приходилась на 3,921 душу обоюбого пола, черезъ пять лѣтъ одна школа приходится уже на 3,266 душъ; въ то же время число дѣтей школьнаго возраста, приходящихся на 1 земскую школу, съ 196 спустилось до 163. Здѣсь уместно будетъ замѣтить, что Курская губернія по количеству населенія и по числу дѣтей школьнаго возраста, приходящихся на одну организованную школу, занимаетъ 21-е мѣсто среди прочихъ земскихъ губерній; по показателю же образованія ей принадлежитъ 19-е мѣсто. Вообще, показатель образованія для земскихъ губерній представляется въ слѣдующемъ видѣ (данныя за 1898 годъ).

Губерніи.	Показатель образованія.	Губерніи.	Показатель образованія.
1. С.-Петербургская . . .	4,52	18. Новгородская	2,51
2. Московская	3,90	19. Курская	2,49
3. Таврическая	3,85	20. Бессарабская	2,48
4. Тверская	3,18	21. Смоленская	2,45
5. Саратовская	3,07	22. Пермская	2,35
6. Херсонская	3,01	23. Харьковская	2,17
7. Ярославская	2,94	24. Вятская	2,16
8. Олопецкая	2,89	25. Тамбовская	2,06
9. Самарская	2,86	26. Костромская	2,05
10. Калужская	2,85	27. Воронежская	2,05
11. Рязанская	2,81	28. Нижегородская	2,03
12. Екатеринославская . . .	2,65	29. Симбирская	1,89
13. Владимирская	2,64	30. Казанская	1,7 ⁵
14. Орловская	2,60	31. Пензенская	1,
15. Черниговская	2,60	32. Псковская	1,
16. Тульская	2,59	33. Вологодская	1,
17. Полтавская	2,54	34. Уфимская	1,

Если принять во вниманіе, что общее число дѣтей школьнаго возраста по самымъ скромнымъ вычисленіямъ нигдѣ не стоитъ ниже 5%, то де-

му числу населенія, то не трудно убѣдиться, какъ еще далеки у насъ даже земскія губерніи отъ идеальнаго положенія дѣла, т.-е. отъ осуществленія всеобщаго обученія. Изъ приведенной таблицы видно, что ближе всего стоитъ къ этому Петербургская губернія, гдѣ показатель образованія только на 0,48 меньше идеальнаго и дальше всего—Уфимская, гдѣ показатель образованія меньше идеальнаго на 3,80. Что касается губерній неземскихъ, то въ нихъ въ большинствѣ случаевъ показатель образованія еще ниже.

Вотъ данныя, сюда относящіяся:

Губерніи.	Показ. образ.	Губерніи.	Показ. образ.
1. Петроковская . . .	3,73	9. Могилевская . . .	1,09
2. Варшавская . . .	2,86	10. Волынская . . .	1,08
3. Люблинская . . .	2,14	11. Виленская . . .	1,08
4. Гродненская . . .	2,02	12. Витебская . . .	1,02
5. Ломжинская . . .	1,77	13. Ковенская . . .	1,02
6. Радомская . . .	1,70	14. Подольская . . .	0,74
7. Архангельская . .	1,51	15. Оренбургская . .	0,67
8. Минская	1,16	16. Киевская	0,46

За исключеніемъ губерній Варшавской, Петроковской, Люблинской и Гродненской, всѣ прочія неземскія губерніи въ отношеніи показателя образованія стоятъ ниже земскихъ, если не считать Пензенской, Псковской, Вологодской и Уфимской губ., также съ весьма низкимъ показателемъ образованія.

Увеличеніе земскихъ ассигновокъ на народное образованіе не только способствуетъ росту этого дѣла въ ширь, т.-е. увеличенію числа школъ и учащихся, но и въ глубь, т.-е. улучшенію самой постановки дѣла народнаго образованія, куда слѣдуетъ отнести улучшеніе школьныхъ помѣщеній, повышеніе образовательнаго уровня учащихся, улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія, увеличеніе курса начальной школы, снабженіе школъ учебными пособиями, учительскими и ученическими бібліотеками и т. под.

Число собственныхъ земско-общественныхъ школьныхъ зданій въ Бурской губ. за пятилѣтній періодъ времени увеличилось на 30,4%, общаго числа собственныхъ зданій. Успѣхъ школьнаго строительства обусловливается здѣсь прежде всего участіемъ губернскаго земства, которое выражается главнымъ образомъ въ выдачѣ безвозвратныхъ пособій и возвратныхъ ссудъ на постройку училищныхъ зданій. Число классныхъ комнатъ съ 667 въ 1895—96 г. возросло къ концу пятилѣтія до 871. На одну классную комнату въ настоящее время приходится въ среднемъ по 60 учащихся. Число 60 на первый взглядъ можетъ показаться нормальнымъ, къ числу учащихся на одну комнату; но если разсматривать его въ связи съ размѣрами большинства существующихъ классныхъ помѣщеній, то оно оказывается сильно нарушающимъ гигиеническія требованія. Въ виду того, что шивъ учащихся въ школы является болѣе интенсивнымъ, чѣмъ постройка чольныхъ зданій, можно предполагать, что пройдетъ еще не мало времени,

пока число и размѣръ классныхъ помѣщеній будутъ соответствовать количеству учениковъ. Сказанное по отношенію школьныхъ зданій Курскій губ. будетъ до нѣкоторой степени справедливо и по отношенію къ другимъ земскимъ губерніямъ, такъ какъ Курская губ., поскольку можно судить по имѣвшимся на выставкѣ даннымъ, въ этомъ отношеніи не выдѣляется рѣзко въ ту или другую сторону.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находится вопросъ объ учащихся въ земскихъ школахъ.

Наиболѣе подробныя данныя находимъ также по отношенію къ Курской губ. За послѣднее пятилѣтіе число учащихся въ начальныхъ земскихъ школахъ губерніи увеличилось на 236. Остановившаяся на разсмотрѣніи преподавательскаго персонала въ началѣ и концѣ пятилѣтія, можно замѣтить, что число народныхъ учителей за это время увеличилось лишь на 1; значить, общее увеличеніе числа учащихся произошло всецѣло на счетъ учительницъ, число которыхъ къ концу пятилѣтія стало болѣе почти въ 2 раза, тогда какъ число учителей осталось почти безъ перемѣнъ. Что касается образовательнаго ценза учащихся, то въ этомъ отношеніи послѣднее пятилѣтіе обнаруживаетъ далеко неутѣшительныя явленія: % учащихся въ земскихъ школахъ съ надлежащимъ запасомъ знаний за пятилѣтіе понизился на 3,9%. Въ началѣ пятилѣтія число учителей съ надлежащей подготовкой составляло 60,1%, къ концу же пятилѣтія лишь 56,2. Немногомъ лучше въ этомъ отношеніи стоитъ дѣло и въ другихъ губерніяхъ, за исключеніемъ Московской, гдѣ % подготовленныхъ учащихся является наивысшимъ, выражаясь числомъ 75,3. Въ Орловской губ. число подготовленныхъ учителей составляетъ 59%, въ Саратовской—58,1%, и въ Воронежской—51%. Цифры эти лишній разъ говорятъ о тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены у насъ личность и трудъ учащихся.

Много было говорено по поводу того, что жизнь нашего народнаго учителя часто представляетъ собою сплошной подвигъ. На подвигъ не способны или исключительно сильныя личности, или люди фанатически преданные дѣлу просвѣщенія. Тѣхъ и другихъ, очевидно, меньшинство, большинство же—обыкновенные люди, которые при первой же возможности стремятся покинуть учительское поприще, чтобы занять болѣе обеспеченное положеніе. Чтобы удержать учителя при школѣ, необходимо вѣрнымъ образомъ измѣнить его матеріальное и, въ особенности, правовое положеніе, и только съ разрѣшеніемъ этихъ, можно сказать, наболѣвшихъ вопросовъ наша народная школа можетъ рассчитывать на постоянный и достаточный контингентъ вполне подготовленныхъ учителей и учительницъ.

Мы уже говорили, что за послѣднія пять лѣтъ дѣло народнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ значительно двинулось впередъ, и только по отношенію къ труду учащихся это движеніе не достигло сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. На одного учащаго въ Курской губ. въ началѣ пятилѣтія приходилось 63 ученика, а къ концу пятилѣтія—59. Уменьше-

ние на 4 человека мало чемъ измѣняетъ дѣло. Трудъ учителя попрежнему остается чрезмѣрнымъ и тяжелымъ. Курская губ. въ этомъ отношеніи еще опережаетъ другія мѣстности. Такъ, наприм., въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губ. на 1 учащаго приходится 67. Интересно выяснить, надолго ли у учителя достаетъ силы и энергіи, при наличности данныхъ условій, чтобы работать на нивѣ народнаго просвѣщенія. Лучшимъ показателемъ здѣсь могутъ служить данныя о продолжительности учительской службы. По даннымъ за 1900 и 1901 гг. число учащихся въ земскихъ школахъ Курской губ., занимавшихся въ школахъ отъ 1—5 лѣтъ, составляло 49,9% всѣхъ учащихся; отъ 5—10 лѣтъ—17%; отъ 10—15 лѣтъ—11,8%; отъ 15—20 лѣтъ—10,9%; отъ 20—25 лѣтъ—6%; отъ 25—30 лѣтъ—1,8%; выше 30 лѣтъ—0,6%. Если бы народный учитель имѣлъ право на пенсію, подобно учителямъ средне-учебныхъ заведеній, и если бы эта пенсія давалась ему по прошествіи 25 лѣтъ, то таковой могли бы воспользоваться лишь 6% учителей; у 94 человекъ изъ 100 не хватило бы силъ *дотянуть* до того момента, когда за нимъ было бы признано право быть сытымъ до конца дней своихъ. Почти въ такомъ же положеніи вопросъ о продолжительности учительской службы стоитъ и въ Саратовской губ. Данныя по этому вопросу на выставкѣ были представлены отдѣльно для учителей и учительницъ. Приводимъ ихъ:

Продолжительность пребывания на службѣ.	Учителя %	Учительницы. %
До 1 года. . . .	25,33	30,79
" 2—3 лѣтъ . .	28,39	31,71
" 3—5 " . . .	18,67	16,77
" 5—10 " . . .	8	4,27
" 15—20 " . . .	3,56	2,74
" 20—25 " . . .	1,77	0,61
Свыше 25 " . . .	3,14	0,61

Среднее годовое жалованье учителямъ земскихъ школъ Курской губ. въ началѣ пятилѣтія составляло 250 р., колебалось отъ 60 до 370 руб., къ концу пятилѣтія средній годовой окладъ повысился до 288,4 р., колебалось отъ 150 до 424 р. Что касается учительницъ, то здѣсь средній годовой окладъ жалованья въ началѣ пятилѣтія равнялся 227,1 руб., колебалось отъ 120 до 300 р.; къ концу пятилѣтія средній размѣръ возросъ до 250 р., колебалось отъ 120 до 418 р. Увеличеніе средняго жалованья произошло, благодаря введенію прогрессивной прибавки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что иъбра эта, принятая всѣми уѣздными земствами, является весьма благодегельной. Положимъ, что размѣры этой прибавки довольно скромны; тѣмъ не менѣе по обезпеченію матеріальнаго положенія педагогическаго персонала земскихъ школъ прибавки являются шагомъ впередъ.

Нѣсколько лучше обстоятъ дѣло съ вознагражденіемъ учащихся и въ Саратовской губ. Не свыше 200 р. получаютъ здѣсь 2,6% учителей и 1,3% учительницъ. Отъ 200 до 300 р.—42,1% учителей и 59,3% учи-

тельницъ. Отъ 300 до 400 руб.—42,1%, учителей и 27,8%, учительницъ. Свыше 400 р.—13,2 учителей и 2,4%, учительницъ. Еще лучше матеріальныя условія учащихся въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губ., гдѣ средній годовой омадь учительскаго жалованья достигаетъ 390 р.

Въ связи съ вопросомъ о денежномъ вознагражденіи учащихся будетъ не лишнимъ коснуться и вопроса объ ихъ семейномъ положеніи. По Курской губ. среди учителей болѣе половины семейныхъ, изъ учительницъ же замужнихъ лишь 5-я часть. Въ среднемъ на 1 учительскую семью приходится 3,3% человекъ дѣтей. Менѣе половины, а именно 41,1%, всѣхъ учительскихъ дѣтей учатся въ различныхъ заведеніяхъ. Наибольшій % (55,3) учащихся дѣтей учителей земскихъ школъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ воспитывается 41,2% учительскихъ дѣтей, и совсѣмъ ничтожный %, ихъ продолжаетъ свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. На долю профессиональныхъ училищъ приходится 8,2%. Обыкновенно учителя отдаютъ своихъ дѣтей въ ближайшія учебныя заведенія: прогимназіи, гимназіи, духовныя и уѣздныя училища того же уѣзда, въ которомъ находится вѣренна я имъ школа. По выяснившимся даннымъ, лишь немногія изъ учительскихъ дѣтей проходятъ полный курсъ средне-учебныхъ заведеній; въ большинствѣ же случаевъ учителю удается довести своего сына или дочь до 4-го класса гимназіи, послѣ чего, въ силу недостаточности средствъ, дѣти оставляютъ гимназію, и такимъ образомъ образованіе заканчивается на полдорогѣ. Съ 1899 г. курское губернское земство на половинныхъ расходахъ съ уѣздными земствами стало приходить на помощь своему народному учителю въ дѣлѣ образованія его дѣтей. Въ связи съ этой помощью земства, быть можетъ, находится и то обстоятельство, что въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній въ послѣдніе 2 года учится достаточное количество учительскихъ дѣтей.

Чтобы покончить съ учительскимъ вопросомъ, намъ остается сказать еще, что въ дѣлѣ улучшенія учительскаго положенія въ болѣе или меньшей степени принимаютъ участіе почти всѣ земства. Нужно пожелать, чтобы рука объ руку съ земскими начинаніями шелъ и самъ учитель, *самостоятельно* пролагая себѣ дорогу къ лучшему будущему, для чего единственно вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ является объединеніе учителей. Лично намъ планъ объединенія представляется въ такомъ видѣ. Объединеніе *поуездное*, когда организуются или самостоятельныя *уездныя* общества взаимопомощи или открываются филиальныя *уездныя* отдѣленія существующихъ уже губернскихъ обществъ. Второю ступеню являются общества *губернскія*, объединяющія дѣятельность уѣздныхъ организаций. Конечн о ступеню должно явиться объединеніе губернскихъ обществъ въ е ѣ союза, на подобіе существующаго уже у насъ союза потребителей обществъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ Москвѣ, какъ извѣсн о, предполагается съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимн о помощи. Необходимо, чтобы съѣздъ этотъ возможно полнѣе разработалъ

прось объ объединеніи учителей въ интересахъ улучшенія ихъ матеріальнаго и правового положенія.

Много мѣста было отведено на Курской выставкѣ нагляднымъ пособиямъ. Въ этомъ отношеніи курская выставка оказала громадную услугу русской школѣ, показавъ, къ чему должна стремиться наша народная школа въ дѣлѣ наглядности обученія. Помимо экспонатовъ, представленныхъ довольно полно и разнообразно, обращалъ на себя вниманіе обстоятельный трудъ завѣдующаго музеемъ наглядныхъ учебныхъ пособій курскаго губернскаго земства А. Я. Минаева, — трудъ, посвященный вопросу о распространеніи наглядныхъ пособій въ школахъ. «Наши школы, — говоритъ г. Минаевъ, — остаются чрезвычайно бѣдными по отношенію къ нагляднымъ пособиямъ, обученіе въ нихъ продолжаетъ быть чисто-книжнымъ; въ соответствии съ классицизмомъ средней школы и грамматизмомъ начальной, всѣ типы нашихъ учебныхъ заведеній характеризуются одною общей чертой — книжностью, почти полнымъ отрицаніемъ принципа наглядности въ обученіи. На нашемъ книжномъ рынкѣ почти совершенно отсутствуютъ наглядныя пособия; въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда школа обставляется сравнительно богато, выручаютъ заграничныя изданія и издѣлія. Поразительную скудость учебныхъ пособій русскаго изданія можно особенно рельефно представить себѣ по слѣдующему непреложному факту. У насъ до сихъ поръ нѣтъ дешевыхъ и хорошихъ картинъ отечественной исторіи, доступныхъ и пригодныхъ для школъ; какъ много мы ни говоримъ о національномъ направленіи образованія, мы, однако, до настоящаго времени не имѣемъ пособій ни казеннаго, ни частнаго изданія для школьнаго употребленія при изученіи дѣтьми прошлаго ихъ родины. Существующія въ продажѣ картины по русской исторіи черезчуръ дороги или плохо исполнены и, кромѣ того, всѣ онѣ неудачно подобраны по содержанію. То же самое относится къ географіи и этнографіи Россіи. Мы имѣемъ сотни удачныхъ и неудачныхъ учебниковъ синтаксиса русскаго и церковно-славянскаго языка, букварей, книгъ для класнаго чтенія, задачникъ и т. п.; въ этой сферѣ издательства — оживленная дѣятельность, конкуренція, работа творчества и потуги бездарностей, но въ сферѣ изданія наглядныхъ пособій для школы почти полное бездѣйствіе». Г. Минаевъ правъ. Въ области изданія наглядныхъ пособій у насъ не сдѣлано почти ничего. Мы думаемъ, что причиною этого является не столько косность нашихъ издателей и предпринимателей, сколько отсутствіе спроса на наглядныя пособия со стороны школы. Мы увѣрены, что въ настоящее время, когда спросъ на наглядныя пособия уже существуетъ, оживится или, вѣрнѣе, народится дѣятельность по изданію наглядныхъ пособій. Земство, создавшее у насъ народную школу, уже нагѣтило первые шаги къ созданію школьныхъ музеевъ наглядныхъ пособій, являющихся существенной необходимостью для правильной постановки дѣла обученія и воспитанія.

Правда, сдѣлано пока еще не особенно много, но то, что уже достигнуто

и то, что показала намъ курская выставка, ясно указываетъ, что дѣло поставлено на правильный путь и имѣетъ всѣ задатки къ дальнѣйшему развитію. Пионерами въ дѣлѣ устройства школьныхъ музеевъ явились у насъ Можайское уѣздное Московской губ. и вятское губернское земства. Можайское земство организовало первый въ Россіи земскій подвижной музей наглядныхъ пособій. Вятское земство устроило первую въ Россіи мастерскую для изготовленія этихъ пособій. И оба достигли большого успѣха. Данными о можайскомъ музеѣ, имѣвшимся на выставкѣ, ясно указываютъ, насколько жизненно это учрежденіе, обслуживающее школы не только своего, но и трехъ сосѣднихъ уѣздовъ. Дѣятельность можайскаго музея дала толчокъ къ устройству такихъ же земскихъ музеевъ въ сосѣднихъ Волоколамскомъ, Рузскомъ, Серпуховскомъ, Подольскомъ, Енинскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно останавливаться на дѣятельности мастерской учебныхъ пособій вятскаго губернскаго земства. Мы приведемъ лишь нѣсколько цифръ, указывающихъ на плодотворность работы этого симпатичнаго учрежденія. Началомъ дѣятельности мастерской вятскаго земства можно считать 1897 годъ, когда стали поступать въ продажу приготовляемыя ею пособія. Въ 1897—98 г. пособій было выслано на 566 р., въ 1898—99 г.—на 4,331 р., въ 1899—1900 г.—на 10,947 р. и, наконецъ, въ 1901 г.—на 21,092 р. «Быстрый ростъ продаваемыхъ пособій настолько очевиденъ, что не требуетъ никакихъ комментариевъ и только лишній разъ подтверждаетъ, насколько велика уже въ Россіи потребность въ дешевыхъ и хорошихъ наглядныхъ пособіяхъ. Въ виду этого нельзя не согласиться съ отчетомъ мастерской, высказывающимъ, что вятское губернское земство устройствомъ мастерской *отомстило на насущный вопросъ школьной жизни*. Изъ списковъ лицъ и учреждений, выписывавшихъ изъ мастерской пособія, видно, что къ ней обращались буквально изъ всѣхъ мѣстъ Россіи. Такъ, въ 1901 году учебныя пособія разсылались въ 55 губерній и областей Россіи по требованію 315 лицъ и учреждений».

За самое послѣднее время вопросы нагляднаго обученія возникли и въ другихъ земствахъ и уже успѣли получить то или другое осуществленіе на практикѣ. Славяносербское земство, Екаторинославской губ., снабдило всѣ школы уѣзда элементарными наглядными пособіями и приступило къ организаціи подвижнаго педагогическаго музея. Пирятинское земство, Полтавской губ., постановило выписать по предложенію руководителей курсовъ пособій на 20 руб. въ каждую школу уѣзда. Тамбовское уѣздное земское собраніе еще въ 1898 году постановило снабдить всѣ школы пособіями по списку, составленному по руководству Н. Ѳ. Бунакова. Въ тульской губернской земской управѣ при отдѣлѣ по народному образованію такъ же устроенъ педагогическій музей. Золотоношское уѣздное земство, Полтавской губ., въ 1899 году ассигновало 300 руб. на устройство передвижнаго педагогическаго музея по образцу существующаго при кievскомъ обществѣ грамотности. Наконецъ, ярославское уѣздное земство снабдило свои школы

нѣкоторыми, хотя элементарными, пособиями. Вопросъ о снабженіи школъ наглядными пособиями поднять также въ цѣломъ рядѣ земствъ, городовъ и другихъ общественныхъ учреждений. Назовемъ: шадринское, ялтинское, елецкое, новоторжское и весьегонское уѣзныя земства, краснохолмская и тифлисская городскія думы, харьковское общество грамотности, орловская воскресная школа, пермскій научно-промышленный музей и др. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что дѣло развитія у насъ и распространенія идеи нагляднаго обученія много обявано плодотворной дѣятельности с.-петербургскаго подвижнаго музея, состоящаго при постоянной комиссіи по техническому образованію И. Р. Т. О. Это симпатичное учрежденіе, возникшее и развившееся по частной инициативѣ, охотно отвѣчаетъ на всѣ запросы учреждений и частныхъ лицъ по вопросу объ устройствѣ музеевъ. Мы обращаемъ на это вниманіе всѣхъ, кто нуждается въ указаніяхъ и справкахъ по упомянутому вопросу. По типу петербургскаго подвижнаго музея организованъ и музей курскаго губернскаго земства, могущій послужить образцомъ этого рода учреждений. Снабженіе наглядными пособиями школъ Курской губ. началось года 3 тому назадъ, когда по предложенію губернской земской управы губернскія и уѣзныя земскія собранія постановили на половинныхъ началахъ снабдить въ теченіе 5 лѣтъ всѣ земскія школы небольшими коллекціями наглядныхъ пособій, стоимостью каждая 12 руб. Съ началу 1905 г. такими коллекціями будутъ снабжены всѣ школы губерніи, за исключеніемъ Рыльскаго уѣзда, не принявшаго предложенія губернскаго земства.

Чтобы не останавливаться на полдорогѣ, на ряду съ этими маленькими школьными музеями, земство приступило къ организаціи болѣе обширныхъ музеевъ, имѣющихъ передвижной характеръ и рассчитанныхъ на 30 школъ. «Такие музеи, устроенные при уѣздныхъ земскихъ управахъ, должны имѣть исключительно передвижной характеръ, т.-е. необходимо придать имъ такую организацію, чтобы они возможно скоро и удобно могли высылать во временное пользованіе земскихъ школъ по требованію учащихся тѣ или другія учебныя пособия. На оборудованіе одного комплекта такого музея придется затратить не менѣе 200 руб. *). Завѣдываніе музеемъ должно быть поручено одному опредѣленному лицу. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ уже имѣются при управахъ особые завѣдующіе отдѣлами народнаго образованія, съ успѣхомъ можно поручить имъ и это новое дѣло, близко касающееся ихъ служебныхъ занятій. На обязанности хранителя музея должно лежать наблюденіе за содержаніемъ пособій въ исправномъ видѣ, разсылка по требованію учащихся пособій по школамъ и составленіе годовыхъ отчетовъ о дѣятельности музея. При всемъ этомъ для достиженія наибольшаго успѣха музея или ея отдѣленій необходимымъ условіемъ является привлеченіе къ нему какъ съѣзжихъ учащихся, особенно городскихъ и пригородныхъ школъ, такъ и

*) Такой музей экспонировался на выставкѣ. Списокъ входящихъ въ него учебныя пособия можетъ быть выписанъ изъ педагогическаго бюро курскаго земства.

мѣстныхъ общественныхъ силъ. Во всякомъ уѣздномъ городѣ возможно составить небольшой кружокъ лицъ, живо интересующихся народной школой и всегда готовыхъ дѣлиться своимъ трудомъ, временемъ и знаніями. Организация подобнаго кружка сотрудниковъ музея желательна еще и потому, что у хранителей музеевъ будетъ не мало и другихъ занятій, между тѣмъ какъ дѣла по музею будетъ много. Кружокъ сотрудниковъ могъ бы обсуждать совмѣстно съ хранителемъ нужды музея, собирать и составлять различныя школьныя коллекціи по минералогіи, зоологіи и ботаникѣ, собирать иллюстрированныя журналы, фотографическія снимки, гравюры и составлять изъ нихъ систематическія коллекціи къ чтеніямъ въ школахъ по географіи, міровѣдѣнію, исторіи и т. д., и т. д. Участіе общественныхъ силъ привлечетъ даровой и добровольный трудъ и знанія интеллигентныхъ лицъ, вызоветъ притокъ пожертвованій натурой (всевозможными коллекціями и приборами) и, можетъ быть, деньгами и обезпечитъ планомерно развитіе дѣятельности музеевъ. Во главѣ всего школьно-музейнаго дѣла въ губерніи долженъ стоять губернской музей, каковой уже и открытъ при курской губернской земской управѣ съ августа 1901 года. Цѣль его исключительно показательная. Его пособія должны наглядно показывать посѣтителамъ музея, будутъ ли они изъ среды земскихъ дѣятелей, народныхъ учителей, попечителей школъ и, наконецъ, частныхъ лицъ, въ какой мѣрѣ и какими пособіями желательно обставить народную школу или мѣстный подвижной музей. Лицо, завѣдующее имъ, должно постоянно слѣдить за выпускомъ новыхъ наглядныхъ пособій какъ русскими мастерскими, такъ, по возможности, и заграничными. Наиболѣе подходящія изъ нихъ для начальной школы въ качествѣ образцовъ должны приобрѣтаться для музея. Вмѣстѣ съ этимъ тѣсно связано и устройство при музеѣ бібліотеки или собранія литературы по наглядному обученію, которою могли бы пользоваться посѣтители музея. Вмѣстѣ съ организацией губернскаго музея курское земство приступило также, по примѣру вятскаго земства, къ организаціи мастерской учебныхъ пособій. Вообще, дѣятельность курскаго земства въ этомъ отношеніи можетъ быть названа образцовой и можно лишь пожелать, чтобы остальные земства послѣдовали его примѣру.

Помимо коллекцій Можайскаго и курскаго земствъ, на выставкѣ экспонировалась еще интересная коллекція простѣйшихъ пособій для объясненія явленій природы, составленная учителемъ богородицкаго городского училища (Тульской губ.) г. Смирновымъ. Коллекція эта поражаетъ простотою своего устройства. Изготовленіе ея доступно всякому, при затратѣ положительнаго грошовыхъ средствъ. Въ продолженіе всей выставки около экспонатовъ г. Смирнова постоянно толпилась публика, съ интересомъ разсматривавъ и электрическую машину, сдѣланную изъ простой бутылки съ пробитымъ дномъ, коробка, приспособленная для доказательства законовъ равновѣсія, пузырьки съ подкрашенной жидкостью для показанія закона расширенія отъ теплоты и т. п. Коллекцію, выставленную г. Смирновымъ, можетъ готовить всякій учитель, употребивъ на нее въ большинствѣ случаевъ:

нужныя домашнія вещи и разрѣшивъ такимъ образомъ вопросъ, хотя и о примитивномъ, но очень полезномъ школьномъ музеѣ. Намъ передавали, что г. Смирновъ въ непродолжительномъ времени намѣренъ напечатать брошюру для ознакомленія съ приготовленіемъ простѣйшихъ приборовъ по физикѣ.

Наша замѣтка о выставкѣ была бы далеко неполна, если бы мы не упомянули о статистическихъ данныхъ и экспонатахъ, относящихся къ внѣшкольному образованію. Прежде всего остановимся на вечерне-повторительныхъ занятіяхъ въ земскихъ школахъ. О пользѣ и необходимости подобнаго рода занятій едва ли нужно много говорить. Начальная народная школа въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, даетъ лишь зачатки знаній, которыя безъ дальнѣйшаго развитія скоро забываются, и, такимъ образомъ, результатъ школьной работы сводится къ нулю. «Безъ развитія мы получили бы только Гоголевскихъ Петрушекъ, — говоритъ Кавелинъ въ своей статьѣ «Крестьянскій вопросъ», — негодныхъ и неспособныхъ ни къ чему толковому, услаждающихъ процессомъ чтенія; приобретенныя ими ограниченныя свѣдѣнія, безъ развитія, не послужатъ имъ ни къ какому полезному употребленію и въ скоромъ времени перезабудутся, потому что къ нимъ у неразвитыхъ людей и не лежитъ душа, а пользы и необходимости ихъ они не понимаютъ, а потому ими не дорожатъ».

Пользу и необходимость вечернихъ повторительныхъ занятій признаютъ въ настоящее время одинаково какъ само населеніе, такъ и земство, которое спѣшитъ идти навстрѣчу народившейся въ деревнѣ потребности знанія и въ стремленіи къ свѣту. Если нашими земствами много сдѣлано для развитія школьнаго дѣла по сравненію съ неземскими губерніями, то не мало приложено ими заботъ и по отношенію къ послѣшкольному образованію. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи занимаетъ вятское земство, ассигновавшее еще въ 1892 г. 5,000 руб. на веденіе повторительныхъ классовъ. Въ 1894 г. вятское губернское земство организовало цѣлую сѣть воскресныхъ повторительныхъ занятій, которыхъ насчитывалось въ это время въ губерніи около 95 по 10 уѣздамъ, причемъ число учащихся достигало 2,234 человекъ; въ 1895 году занятія велись при 98 школахъ, учащихся было 1895 человекъ; въ 1896 г. особая комиссія губернскаго земства по народному образованію признала «наряду съ другими мѣрами для распространенія образованія въ народѣ необходимымъ устройство вечерне-повторительныхъ классовъ для большинства мѣстностей губерніи; для мѣстностей бойкихъ, промышленныхъ, заводскихъ она признала желательнымъ учрежденіе особыхъ вечернихъ курсовъ для грамотныхъ взрослыхъ въ особыми программами и *отдѣльными учителями*». Въ этомъ же году всѣхъ школъ, гдѣ велись такіа занятія, было 111 съ 2,191 учащимися. Въ слѣдующемъ году губернское собраніе постановило ассигновать по 1,000 руб. на уѣздъ съ тѣмъ, чтобы на эти средства были заведены не только воскресные классы, но и вечернія занятія со взрослыми, какъ неграмотными, такъ и

прошедшими начальную школу. Устройство вечернихъ, воскресныхъ и повторительныхъ занятій со взрослыми осуществлено въ цѣломъ рядѣ другихъ земскихъ губерній, — назовемъ земства: полтавское, саратовское, воронежское, казанское, херсонское, пензенское, харьковское, курское—губернскія, затѣмъ вышеволоцкое, моршанское, козловское, липецкое, лебедянское, свѣяжское, нижегородское, бугурусланское, бѣлозерское и другія уѣздныя земства. «Организація повторительныхъ занятій носятъ различный характеръ, смотря по мѣстнымъ условіямъ; въ большинствѣ случаевъ это повторительныя занятія по программѣ начальныхъ школъ какъ съ окончившими школу, такъ и вышедшими до окончанія, а иногда къ нимъ присоединяется группа и совершенно неграмотныхъ. Второй типъ занятій— воскресныя школы, предназначенныя для неграмотныхъ и, наконецъ, третій—дополнительныя занятія для окончившихъ школу съ болѣе широкими программами, куда входятъ естествознаніе, исторія, географія, геометрія и т. п.». Многочисленныя наблюденія показываютъ, что наибольшую жизненностью отличаются занятія третьяго рода, т.-е. дополнительные курсы съ расширенной программой. Вотъ что читаемъ по этому вопросу въ одномъ изъ отчетовъ курскаго земства: «потребность въ знаніи, въ расширеніи умственнаго кругозора несомнѣнно существуетъ въ деревнѣ, удовлетворить эту потребность одна начальная школа не въ силахъ; на помощь ей должны придти другія учрежденія, среди которыхъ видную роль должны сыграть дополнительные курсы съ возможно болѣе широкой программой, поставленные прочно и систематично, обезпеченные пособіями и книгами, съ особыми учителями съ лучшей образовательной подготовкой, которые могли бы вести эти занятія толково, сосредоточить на нихъ все свое вниманіе. Опытъ повторительныхъ классовъ, преслѣдующихъ одну цѣль—избѣжаніе рецидива безграмотности, производимый многими земствами въ теченіе ряда лѣтъ, оказался неудачнымъ; деревня переросла эту цѣль; требованія ея стали шире и сложнѣе, а успѣхъ дополнительныхъ занятій тамъ, гдѣ они ведутся, наглядно убѣждаетъ, что именно только такія занятія удовлетворяютъ населенію. Къ подобной организаціи курсовъ приходится, независимо отъ другихъ, каждое земство, которое ведетъ повторительныя занятія; такъ, земства курское, черниговское, вятское, саратовское, аккерманское, несмотря на то, что работаютъ въ этомъ дѣлѣ совершенно отдѣльно одно отъ другаго, пришли къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, вырабатывая какъ условія, при которыхъ возможны занятія, такъ и самыя программы. Недостатокъ общенія между земствами, разрозненность ихъ дѣятельности не могутъ не отзываться вредно на дѣлѣ. Вмѣсто того, чтобы выработать совмѣстно общія нормы занятій, выяснить условія, при которыхъ эти занятія не бы имѣть успѣхъ, земствамъ приходится каждому за свой рискъ дѣлать опыты, затрачивать средства и силы, тогда какъ при большемъ общеніи, наприм., путемъ сѣздовъ учителей, посредствомъ совмѣстнаго изданія отчетовъ, или путемъ сѣздовъ земскихъ дѣятелей, та же работа могла бы

идти несравненно успешнее и быстрее, отчего само дело только бы выиграло». Съ этимъ заключеніемъ курскаго земства нельзя не согласиться.

Намъ уже не разъ приходилось говорить о той видной роли, какую играютъ въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія народные чтенія. Какъ извѣстно, въ ряду причинъ, задерживающихъ широкое развитіе у насъ дѣла народныхъ чтеній, немаловажную роль играетъ дороговизна картинъ для волшебнаго фонаря. Вотъ почему мы съ особымъ удовольствіемъ остановились на курской выставкѣ передъ экспонатами кн. Братковской. Ею были выставлены очень недурныя картины для волшебнаго фонаря, приготовленіе которыхъ обходится отъ 1½ до 3½ коп. за штуку. Приготовленіе такихъ картинъ настолько просто, что является доступнымъ для всякаго. Весь трудъ заключается въ промазкѣ дамарнымъ лакомъ обыкновенныхъ картинокъ, напечатанныхъ или нарисованныхъ на простой бумагѣ. При помощи этого способа почти любая картина можетъ быть обращена въ свѣтовую, т.-е. какъ одноцвѣтная, такъ и отпечатанная красками или раскрашенная отъ руки, хромолитографія, гравюры, фототипія, цинкографія и т. д. Матеріаломъ при этомъ могутъ служить народные картины, листы съ изображеніями для нагляднаго обученія, вырѣзки изъ книгъ и журналовъ, почтовая бумага, календари, объявленія, этикетки, оберточная бумага. Сверхъ того для практическаго примѣненія этого способа важно то, что лица, даже не обладающія специальнымъ умѣніемъ рисовать, могутъ при помощи переводной бумаги сводить и раскрашивать рисунки изъ иллюстрированныхъ изданій. Разнообразіе и дешевизна матеріала даютъ указаніе на то, что при изданіи специальныхъ листовъ для промазки дамарнымъ лакомъ, картины могутъ быть изданы съ соблюденіемъ всѣхъ художественныхъ требованій и доведены до такой степени дешевизны, что можно будетъ говорить объ ихъ дѣйствительной общедоступности. Поэтому, въ непродолжительномъ времени, въ цѣляхъ полнаго удешевленія свѣтовыхъ картинъ и распространенія этого способа, предполагается сдѣлать опытъ изданія специальныхъ листовъ для промазки дамарнымъ лакомъ съ серіями картинъ къ разрѣшеннымъ чтеніямъ. Самый способъ приготовленія подобныхъ картинъ состоитъ въ слѣдующемъ: пузырекъ съ дамарнымъ лакомъ нужно поставить въ горячую воду, а картины, отпечатанные красками, передъ промазкой лакомъ смочить нашатырнымъ спиртомъ и дать просохнуть; при раскрашиваніи употреблять три основныхъ краски (карминъ, берлинскую лазурь, гумми-гутъ) и ихъ смѣшенія, также тушь, сіенну, сепію; въ карминъ прибавлять нашатырный спиртъ, бумагу выбирать потоньше, проклеенная бумага и плотная бумага не годятся; промазывать заблаговременно, приблизительно за недѣлю до чтенія; неровности, пузырьки и другія несправности на поверхности промазаннаго рисунка сглаживаются скипидаромъ; промазывать и сглаживать обыкновенной акварельной кистью.

Не мало интересныхъ данныхъ заключала въ себѣ курская выставка и по вопросу о развитіи у насъ народныхъ библиотекъ и чталенъ. И здѣсь пер-

венствующая роль принадлежит земству, если не считать некоторых отдельных случаев, когда въ дѣлѣ устройства народныхъ библиотекъ проявили себя некоторые просвѣтительныя общества. Изумительную дѣятельность по открытію библиотекъ проявило харьковское общество по распространенію въ народѣ грамотности: оно, черезъ особый комитетъ по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ, за послѣднія 8 лѣтъ успѣло открыть въ Харьковской губерніи 303 народныхъ библиотекъ. Замѣчательную энергію въ дѣлѣ устройства народныхъ библиотекъ проявило также мѣлитопольское земство. Въ настоящее время имъ устроено въ уѣздѣ 100 библиотекъ, стоимость книжнаго богатства которыхъ достигаетъ 17,500 руб. Въ теченіе послѣдняго отчетнаго года эти библиотекы имѣли слишккомъ 15,000 подписчиковъ. Число народныхъ библиотекъ въ Тверской губ. въ настоящее время превосходитъ 150. Въ Саратовской губ. земствомъ устроено 124 библиотекы. Въ Курской губ.—87 библиотекъ, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губ.—24 библиотекы и т. д.

Мы далеко не исчерпали всего богатаго матеріала, который заключаетъ въ себѣ курская выставка; да въ журнальной статьѣ и невозможно это сдѣлать. Для этого потребовалось бы слишккомъ много времени и мѣста. Мы имѣли только въ виду хотя отчасти познакомить читателя съ тѣмъ, что дала первая у насъ выставка по народному образованію. Пожелаемъ, чтобы и другія земства, а также и просвѣтительныя учрежденія выступили на путь устройства выставокъ по народному образованію. Пожелаемъ также, чтобы поскорѣе получилась возможность къ устройству у насъ всероссійской выставки по народному образованію, которая безпристрастно указала бы намъ наше мѣсто въ дѣлѣ просвѣщенія среди цивилизованныхъ народовъ Запада; указала бы намъ, что и какъ у насъ сдѣлано въ этой области, что и какъ предстоитъ сдѣлать; указала бы намъ, подъ вліяніемъ какихъ факторовъ дѣло просвѣщенія движется у насъ впередъ и какіе факторы задерживаютъ его. Такая выставка могла бы явиться дѣйствительно всероссійскимъ праздникомъ просвѣщенія, на которомъ дѣятели по народному образованію запаслись бы знаніемъ и силами для предстоящей имъ трудной и сложной задачи,—задачи осуществленія дѣйствительно всеобщаго образованія въ размѣрѣ того минимума, который соответствовалъ бы неотложнымъ требованіямъ современности. Въ ожиданіи, пока осуществятся эти мечты друзей русскаго просвѣщенія, принесемъ нашу искреннюю и глубочайшую благодарность дѣятелямъ курскаго губернскаго земства по народному образованію за то по-истинѣ великое дѣло, которое совершили они своей выставкой. Если первая ласточка еще и не дѣлаетъ весны, то, во всякомъ случаѣ, она служитъ предвѣстницей свѣтлыхъ д ей. Будемъ надѣяться, что таковой именно ласточкой въ области народнаго образованія и была курская выставка.

Н. Тулуше

Изъ исторіи каедръ финскаго языка и литературы въ Гельсингфорскомъ университетѣ *).

14 марта прошедшаго года исполнилось 50-лѣтіе со дня введенія финскаго языка въ число постоянныхъ и полныхъ предметовъ преподаванія въ нашемъ университетѣ. Того же числа 1851 г., тогдашнимъ университетскимъ канцлеромъ, наследникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, собственноручно выдана была Матиасу Александру Кастрену грамота, которой онъ утверждался въ должности профессора по кафедрѣ финскаго языка. Это событіе—основаніе профессорской каедръ финскаго языка въ единственномъ университетѣ Финляндіи—имѣетъ великое значеніе въ исторіи развитія не только финской науки, но и финской національной жизни вообще. Представьте себѣ: для того языка, на которомъ, по правиламъ того же времени, разрѣшается «печатать только то, что и по духу и по образу изложенія имѣетъ цѣлью религіозное облагораживаніе души или же экономическую пользу», учреждается постоянная кафедра въ университетѣ. Далѣе: университетъ, при всей своей неподготовленности къ новому дѣлу, можетъ вручить новоучрежденную кафедру человѣку, который пользуется европейскою извѣстностью и которому по широтѣ кругозора немного равныхъ въ исторіи этого университета. А когда этого перваго профессора финскаго языка вскорѣ постигаетъ преждевременная смерть, въ университетѣ занимаетъ его мѣсто другой, обезпечившій за собою, систематизаціей Калевалы, почетное мѣсто въ исторіи всемірной литературы и оказавшій безсмертныя услуги отечеству возвышеніемъ финскаго языка на уровень языка культурнаго.

Поэтому я считаю краткое изложеніе исторіи возникновенія означенной каедръ заслуживающимъ вниманія.

Финскій языкъ, до возникновенія университета въ Або, употреблялся лишь въ случайныхъ юбилейныхъ одахъ и пьесахъ того же характера; съ

*) Рѣчь, произнесенная проф. Э. Н. Сетеле по поводу 50-лѣтія существованія каедръ финскаго языка и литературы въ названномъ университетѣ.

учрежденіемъ же Абосскаго университета, финскій языкъ начинаетъ выдѣляться какъ предметъ изслѣдованія, отчасти даже преподаванія, хотя и не имѣетъ тамъ постоянной кафедры. Первая финская грамматика, составленная университетскимъ профессоромъ, выходитъ въ свѣтъ вскорѣ послѣ основанія университета. Въ ней финскій языкъ на основаніи различныхъ изслѣдованій сравнивается мѣстами съ эстонскимъ, но больше, подѣ влияніемъ современнаго направленія, съ еврейскимъ или греческимъ языками. Пьеръ Браге,—эта свѣтлая личность, которой принадлежать величайшія заслуги въ дѣлѣ основанія университета,—сознавалъ даже и тогда, что въ задачи финскаго университета должно входить также преподаваніе роднаго языка. Когда же университетскій вице-канцлеръ, епископъ І. Гецеліусъ старшій, обратился къ Браге, бывшему въ то время государственнымъ судьей, съ предложеніемъ призвать въ университетъ профессора, который «могъ бы взять на себя дѣло основательнаго преподаванія для учащейся молодежи нѣмецкаго языка», то Браге отвѣтилъ: «Знаніе нѣмецкаго языка въ этой странѣ не представляется настолько существеннымъ, чтобы сколько-нибудь способный человѣкъ могъ испытывать затрудненіе въ дѣлѣ преподаванія, такъ какъ необходимость употребленія этого языка встрѣчается довольно рѣдко; но намъ было бы желательно, чтобы ваше преподаваніе заставило нѣмцевъ и шведовъ учиться финскому языку, отличающемуся достаточнымъ благозвучіемъ». Письмо это, написанное въ 1666 г., не вызвало, однако, никакихъ мѣропріятій.

Въ эпоху знаменитаго профессора «краснорѣчія» (т.-е. латинскаго языка) *Генриха Габріэля Портана* положено строго-научное основаніе финской университетской учености. Правда, къ преподавательской дѣятельности Портана финскій языкъ или вообще финскіе предметы не относились. Но съ другой стороны не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и финскій языкъ включался въ составъ того частнаго обученія, къ которому профессоръ съ большою готовностью призывалъ въ университетской учебной программѣ и въ которомъ, вѣроятно, заключалось обстоятельное руководство къ составленію диссертаций, если даже Портанъ самъ и не писалъ таковыхъ.

Первымъ преподавателемъ специально финскаго языка былъ *Карлъ Густавъ Веманъ*. Въ 1766 году онъ представилъ въ университетъ юбилейную оду по случаю бракосочетанія принца и принцессы, и на основаніи этой оды претендовалъ на должность преподавателя или доцента финской литературы въ университетѣ. Ему отказали и предписали для полученія мѣста написать настоящую диссертацию, каковую Веманъ по истеченіи года и представилъ. 9 января 1769 г., на основаніи этой диссертации, Веманъ назначенъ былъ на искомую имъ должность. Но такъ и въ это было лишь бесплатное мѣсто доцента, то оно не могло служить къ приманкой для того, чтобы остаться въ университетѣ. Нѣсколько семестровъ въ лекціонныхъ программахъ значатся лекціи Вемана; но послѣ въ и къ заявляется, что онъ отбылъ въ Стокгольмъ, и вскорѣ его имя окончател-

исчезаетъ изъ программъ. Въ бытность свою въ Стокгольмѣ Веманъ училъ королевскихъ принцевъ Карла и Фридриха-Адольфа финскому языку, но съ какимъ успѣхомъ, наврядъ—ли извѣстно потомству.

Прошло болѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ Веману явился преемникъ. Таковымъ оказался извѣстный лексикографъ *Густавъ Ренваль*. Защитивъ диссертацию «О правильномъ произношеніи и правописаніи финскаго языка», которою, главнымъ образомъ, и установлено наше нынѣшнее правописаніе, онъ въ 1811 году назначенъ былъ доцентомъ по кафедрѣ финской литературы. Но такъ какъ и его въ скоромъ времени перевели на болѣе выгодную должность, то финскій языкъ опять лишился кафедры, несмотря на то, что финскіе предметы время отъ времени трактовались въ диссертацияхъ. Инициатива въ дѣлѣ улучшенія положенія роднаго языка переходить къ университетской молодежи.

То первое пробужденіе національнаго чувства, во главѣ котораго стоялъ Адольфъ Иваръ Арвидсонъ и которое сказывалось въ издававшейся въ 1821 г. газетѣ *Abo Morgonblad*, охватило пламенемъ вдохновенія молодыя сердца. Первымъ проявленіемъ этого было ходатайство студентовъ объ улучшеніи преподаванія финскаго языка.

2 марта того же 1821 г., въ инскрипціонный день, ректору университета поданъ былъ адресъ, подписанный 222 студентами или $\frac{2}{3}$ всего числа (330) занимавшихся тогда въ университетѣ. Адресъ заключалъ въ себѣ ходатайство объ учрежденіи въ университетѣ постоянной кафедры финскаго языка. Въ тотъ же день ректоръ сдѣлалъ объ этомъ докладъ въ засѣданіи консисторіи; но дѣло было отложено до слѣдующаго засѣданія. Нѣсколько мѣсяцевъ позже, когда въ консисторіи вновь приступили къ обсужденію этого вопроса, преемникъ Портана, Іоаннъ Фридрихъ Валениусъ, человекъ, хотя и глубоко образованный, но самолюбивый и грубый, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго находились какъ университетская жизнь, такъ и литературно-научные интересы вообще, прочелъ длинное возраженіе противъ ходатайства, составленное имъ по всѣмъ правиламъ краснорѣчія. Въ своемъ возраженіи онъ старался доказать, что кафедра финскаго языка, хотя и связана съ *нѣкоторой пользой*, однако, не вызывается *необходимостью*, на основаніи чего прошеніе должно быть отвергнуто.

Изъ-за отзыва Валениуса вопросъ былъ отложенъ до одного изъ слѣдующихъ засѣданій, вслѣдствіе чего и оставался нерѣшеннымъ цѣлыхъ три года. Только лѣтомъ 1824 г. прошеніе студентовъ отправлено было канцлеру. Тогда, со стороны консисторіи, сдѣлано было предложеніе предоставить этотъ вопросъ на обсужденіе комиссіи, образованной для урегулированія академическаго законодательства. Это предложеніе было принято. Студенты не получили никакого рѣшительнаго отвѣта. И ихъ дѣло, казалось, затерялось въ бумагахъ комиссіи.

Весьма важно, что обстоятельства времени не благопріятствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ финскаго языка. Повышеніе знанія финскаго языка среди

чиновниковъ находили излишнимъ. Правда, согласно постановленію 1824 года, пасторы подвергались незначительному письменному испытанію во финскомъ языкѣ въ соборномъ капитулѣ; но изъ жалобъ на недостаточное знакомство ихъ съ упомянутымъ языкомъ видно, что означенныя требованія не очень-то принимались во вниманіе. Хотя были и лица, которыя, подобно Э. Г. Эрстрему, въ своемъ юношескомъ увлеченіи думали, что финскій языкъ немедленно можетъ вступить въ роль языка школьнаго и университетскаго преподаванія, а также культурныхъ потребностей вообще, но нѣтъ сомнѣнія, что большинство образованнаго класса смотрѣло на будущее финскаго языка или равнодушно, или безнадежно. Какіе взгляды преобладали въ университетскихъ сферахъ, явствуетъ изъ отзыва консисторіи, даннаго въ 1826 г. комиссіи по разработкѣ учебнаго плана для низшихъ школъ. Комиссія эта обратилась къ консисторіи съ просьбой сообщить о необходимыхъ реформахъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ страны; по этому поводу консисторія и поручила составленіе отзыва профессору богословія А. І. Лагусу. Но сдѣланный имъ отзывъ соответствовалъ настроенію консисторіи лишь въ тѣхъ пунктахъ, которые стояли внѣ вопроса о положеніи мѣстныхъ языковъ. Такъ, онъ предложилъ, чтобы шведскій языкъ впредь вовсе не преподавался специально, лишь бы учителя латинскаго языка обращали на него вниманіе учениковъ,—но чтобы *финская грамматика* преподавалась съ перваго класса. Однако, консисторія отвергла и то, и другое предложеніе, рѣшивъ именно «поставить шведскій языкъ на первомъ планѣ». Затѣмъ передѣлка неодобренной части отзыва поручена была профессору восточныхъ языковъ Ф. Г. Фаттенборгу. Въ этомъ, три четверти столѣтія тому назадъ изданномъ, отзывѣ, говорится между прочимъ:

«Языкъ нуженъ человѣку, чтобы самому мыслить и сообщать другимъ свои мысли, для чего лучше всего служить родной языкъ, къ которому привыкаешь съ дѣтства. Но такъ какъ Финляндія имѣетъ два родныхъ языка, шведскій и финскій, а на послѣднемъ говоритъ большинство населенія, то казалось бы, и онъ имѣетъ право на значеніе культурнаго языка въ Финляндіи, и даже литературнаго, въ особенности послѣ того, какъ латынь исчезаетъ изъ кабинетовъ многихъ ученыхъ. Но получить такое значеніе, котораго финскій языкъ не могъ достичь на первыхъ ступеняхъ нашей культуры, и которымъ онъ и впоследствии никогда не пользовался, онъ и теперь не можетъ, безъ ущерба для развитія просвѣщенія въ странѣ. Финскій народъ слишкомъ немногочисленъ, чтобы стремиться къ созданію собственной литературы на своемъ древнемъ родномъ языкѣ. Не только въ данный моментъ, но, быть можетъ, и въ будущемъ Финляндія окажется счастлива тѣмъ, что она, какъ въ литературномъ, такъ и въ научномъ отношеніи, и въ виду того языка, который долженъ быть языкомъ науки, имѣетъ возможность присоединиться къ націи, кото-
ра впервые воспитала ее и дала ей свой языкъ для распространенія и о-
свѣщенія. Попытки предоставить финскому языку равныя права со швед-»

снимъ тѣсно связаны съ опасностью подвергнуть страну тому невѣжеству, въ которомъ она находилась нѣсколько столѣтій назадъ, но которое она уже оставила за собой, или же, по крайней мѣрѣ, препятствовать ея стремленіямъ сравняться на пути къ просвѣщенію съ другими культурными странами. Такъ какъ незамѣнимая польза и необходимость шведскаго языка въ дѣлѣ образованія въ Финляндіи неоспоримы и въ данномъ случаѣ имѣется въ виду вообще указать на предметы, входящіе въ систему мѣстнаго школьнаго обученія, то представляется еще одна важная причина, обязывающая преподавать шведскую грамматику въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти заведенія посѣщаются молодыми людьми финскаго происхожденія, которые отъ говорящихъ по-шведски товарищей едва ли научатся этому языку настолько, чтобы быть въ состояніи сообщать на немъ *тѣ немногочисленныя мысли, которыя у нихъ, пожалуй, могутъ возникнуть*. Но въ виду того, что эти молодые люди, число которыхъ въ школахъ весьма большое, обученіемъ, происходящимъ по-шведски, во всякомъ случаѣ будутъ введены на поприще науки, то вполне естественно, чтобы они прежде всего изучали тотъ языкъ, на которомъ говорятъ ихъ учителя».

На основаніи всего этого консисторія предлагаетъ, чтобы шведскій языкъ сталъ однимъ изъ главныхъ предметовъ школьнаго преподаванія; причемъ консисторія признаетъ знаніе и финскаго языка необходимымъ для каждаго чиновника.

Возвратимся, однако, къ распоряженіямъ объ учрежденіи каѳедры финскаго языка.

Вышеупомянутая комиссія, въ которой обсуждался вопросъ объ урегулированіи университетскаго законодательства и на разсмотрѣніе которой, какъ сказано, поступило прошеніе студентовъ, высказалась противъ предложенія объ учрежденіи каѳедры, чего и можно было ожидать при участіи въ комиссіи такихъ членовъ, какъ профессора Валеніусъ и Фаттенборгъ. Но университетская консисторія, которой еще разъ представилась возможность высказаться по поводу отзыва комиссіи, стала на сторону студентовъ и когда, наконецъ, вопросъ объ университетскомъ законодательствѣ прошелъ всѣ чистилища и новый университетскій уставъ въ 1828 г. былъ опубликованъ, то имъ, между прочимъ, установлена была въ университетѣ *должность лектора финскаго языка*.

Вотъ какія препятствія пришлось преодолѣть, прежде чѣмъ была одержана побѣда, хотя бы небольшая, въ пользу финскаго языка!

Первымъ лекторомъ финскаго языка въ нашемъ университетѣ былъ преданный своему дѣлу *Карлъ Николасъ Чекманъ*, занимавшій эту должность до самой смерти, почти 10 лѣтъ, а послѣ него, — извѣстный своими странностями и упрямствомъ ревнитель финскаго языка *Карлъ Аксель Готтундъ*. Нѣсколько позже, а именно въ началѣ 1840 г., *Матиасъ Александръ Кастренъ* былъ назначенъ доцентомъ финскаго и древне-сѣверныхъ языковъ. О профессорской же каѳедрѣ и думать не могли въ ту пору.

Въ 1842 г. вопросъ о преподаваніи въ университетѣ финскаго языка получилъ весьма неожиданный толчокъ со стороны исполнявшаго должность вице-канцлера, генерала Теслева. Обращая въ особой бумагѣ вниманіе консисторіи на отсутствіе въ университетѣ занятій по финскому языку, онъ выразилъ желаніе услышать мнѣніе консисторіи касательно мѣръ, вносящихся къ устраненію означеннаго упущенія. Консисторія, съ своей стороны, находила лучшимъ способомъ къ достиженію этой цѣли учредить нѣсколько стипендій для занимающихся изученіемъ финскаго языка студентовъ. Во время преній высказана была также мысль о введеніи въ университетѣ экстраординарной должности профессора финскаго языка; но мысль эта была лишь отмѣчена въ протоколѣ.

Вопросъ о денежномъ вспоможеніи на этотъ разъ остался безъ послѣдствій; но нѣсколько времени спустя онъ вновь возникъ по инициативѣ высшаго начальства. Въ 1846 г. министръ статсъ-секретарь финляндскій увѣдомилъ сенатъ, что Государь Императоръ, по сдѣланному генералъ-губернаторомъ, княземъ Меншиковымъ, докладу, повелѣлъ сенату высказаться относительно учрежденія въ университетѣ стипендій для студентовъ, занимающихся изученіемъ финскаго языка. Откуда инициатива фактически шла—неизвѣстно.

Сенатъ, въ свою очередь, вошелъ со справками по дѣлу, между прочимъ, въ консисторію, вслѣдствіе чего вопросъ вторично поступилъ на разсмотрѣніе послѣдней. Тогда обсужденіе его поручено было особому комитету, который сдѣлалъ даже больше, чѣмъ требовалось отъ него. Высказавшись за учрежденіе стипендій, комитетъ притомъ счелъ своимъ долгомъ «всеподданнѣйше заявить, что всемилостивѣйшее и отеческое намѣреніе Государя Императора содѣйствовать занятіямъ по финскому языку въ университетѣ скорѣе всего достигнуто было бы учрежденіемъ кафедръ для финскаго языка, притомъ съ такимъ окладомъ содержанія, чтобы занимающій оную всецѣло и безъ удручающихъ жизненныхъ заботъ могъ посвятить себя исполненію должности, а также литературной дѣятельностью поощрять занятія по названному языку». Въ тому же комитетъ указывалъ на то, что въ Россіи, въ Казанскомъ университетѣ, Монаршеею милостію учреждено восемь кафедръ для разныхъ восточныхъ языковъ, изъ коихъ многіе служатъ роднымъ языкомъ мѣстному населенію. Въ виду этого комитетъ поставилъ вопросъ: «не обязанъ ли, принимая это во вниманіе, финскій университетъ взять на себя заботу о культивированіи того языка, на которомъ финскій народъ говоритъ?» Далѣе комитетъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что Академія Наукъ въ Петербургѣ, признавъ необходимость филологическаго изученія упомянутыхъ племенъ, назначила для этой гдѣ академикомъ-спеціалистомъ. Комитетъ, наконецъ, увѣренъ въ томъ, что въ Финляндіи не мало лицъ, которыя «къ чрезвычайному развитію явили и на славу университету могли бы занимать такую должность».

Консисторія согласилась на оба предложенія комитета, какъ объ учрежденіи стипендій, такъ и о профессорской должности. Несогласіе обнародовано

лось лишь въ томъ, будетъ ли должность ординарной или экстраординарной *). При вотированіи этого вопроса высказано было нѣсколько весьма замѣчательныхъ мнѣній.

Самые ясныя и убѣдительныя доводы въ пользу учрежденія ординарной кафедры приводилъ профессоръ I. I. Нервандеръ. Онъ, во-первыхъ, указалъ на необходимость увеличенія профессорскаго жалованья, во-вторыхъ, на то, что занятія по финскому языку среди молодежи подвинулись бы впередъ гораздо успѣшнѣе, если бы этотъ предметъ имѣлъ въ консисторіи постоянного представителя, который при каждомъ случаѣ могъ бы защищать интересы своего предмета. Остальныя причины я приведу словами протокола:

3) «Занятія по финскому языку такъ важны, не только для финскаго университета, но и для всеобщей филологіи, а требованія всего культурнаго міра относительно серьезнаго изученія этой отрасли филологіи такъ настоятельны, что задачи нашего университета были бы совершенно непонятны, если бы значеніе этихъ занятій не подчеркивалось уже тѣмъ чистовѣщнымъ символомъ, что кафедра финскаго языка и литературы включена въ число постоянныхъ. Такимъ образомъ, университетъ, признавъ, что упомянутыя занятія—существенная часть его учебной системы, а не случайное и мимолетное явленіе, счелъ бы своею обязанностью способствовать успѣшному развитію этихъ занятій, составляющихъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей науки, о которой университетъ по своему положенію долженъ имѣть попеченіе и за благоуспѣшность которой онъ несетъ отвѣтственность передъ ученымъ міромъ. 4) Въ виду того, что въ университетѣ имѣется кафедра русской литературы и что финскій языкъ такъ же необходимъ для страны, какъ и русскій, было бы оскорбительно для умѣреннаго чувства собственнаго достоинства Финляндіи, если бы профессорская кафедра роднаго языка не стала ординарной».

Во главѣ противной стороны былъ профессоръ исторіи Бломквистъ, который нашелъ нужнымъ возбудить всеподданнѣйшее ходатайство объ учрежденіи только экстраординарной кафедры, а вмѣстѣ съ тѣмъ, объ упраздненіи лекторской должности, причемъ обязанности лектора могли бы перейти къ будущему экстраординарному профессору.

Оба вопроса поступили на разсмотрѣніе сената въ началѣ 1847 г. По вопросу о стипендіяхъ сенатъ почти единогласно высказался за учрежденіе десяти стипендій, каждая въ размѣрѣ 60 рублей, для содѣйствія изученію финляндскаго языка среди студентовъ богословскаго факультета. Вопросъ объ учрежденіи кафедры финскаго языка вызвалъ рядъ весьма замѣчательныхъ мнѣній о финскомъ языкѣ и финскомъ движеніи, высказанныхъ во время голосованія. Среди сенаторовъ генералъ-лейтенантъ, баронъ Клиновстремъ сильно возражалъ противъ предложенія сената. Онъ старался

*) Экстраординарные профессора пользуются меньшимъ окладомъ содержанія и не имѣютъ права голоса въ консисторіи.

доказать, что кафедра «для финскаго нарѣчія» не необходима для науки или же общественнаго образованія страны, «такъ какъ по-фински говорятъ лишь низшіе классы населенія, между тѣмъ какъ шведскій, нѣмецкій и отчасти русскій языки служатъ разговорнымъ языкомъ образованнаго класса». Далѣе онъ сказалъ:

«На основаніи вышеназложеннаго и въ виду того, что я, съ одной стороны, не могу не принять во вниманіе политической стороны вопроса, а съ другой—что та группа, которая за послѣднее время подъ названіемъ «феномановъ» выступила съ громкими претензіями, несомнѣнно связала бы, въ случаѣ всемилоствѣйшаго согласія на проектируемое учрежденіе особой кафедры финскаго языка, такое согласіе съ такъ называемыми «финскими интересами» и все сильнѣе поощрялась бы къ новымъ и большимъ стремленіямъ, конечная цѣль которыхъ, нынѣ непредвидимая, перейдетъ, быть можетъ, *предѣлы нынѣшней Финляндіи*, я считаю своимъ долгомъ всеподданнѣйше просить, чтобы Государь Императоръ всемилоствѣйше соизволилъ отказать въ согласіи на предложеніе университетской консисторіи объ учрежденіи новой профессорской кафедры для финскаго языка и литературы».

Предсѣдательствовавшій въ сенатѣ, генералъ-отъ-инфантеріи Тесленъ, зато оказался горячимъ сторонникомъ вопроса. Приводимъ изъ его отзыва слѣдующее извлеченіе:

«Изъ прогресса культуры и духовнаго развитія Финляндіи само собою вытекало, что языкъ страны все болѣе и болѣе разрабатывался и дѣлался какъ у насъ, такъ и за границей, предметомъ филологическихъ разысканій. Что финскій языкъ, какимъ онъ нынѣ является въ разговорной рѣчи, распадается на нѣсколько діалектовъ, такъ же ясно, какъ и то, что настоящій литературный языкъ еще страдаетъ отсутствіемъ необходимой точности и твердости; но гибкость его, богатый запасъ выраженій и оригинальность характера даютъ понять каждому, кто не судитъ о немъ, не зная его, что эти неровности со временемъ сгладятся и, быть можетъ, даже скорѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, болѣе культурныхъ, европейскихъ языкахъ. Учрежденное съ всемилоствѣйшаго соизволенія Государя Императора Общество финской литературы, не рассчитывая на большія средства, но владѣя зато достаточнымъ запасомъ доброй воли и энергіи, даже оказало въ этомъ отношеніи своей дѣятельностью большое вліяніе и, главнымъ образомъ, на дѣлѣ доказало, съ какой пользой для языка связано учрежденіе особой кафедры въ университетѣ. Что сіе предложеніе вполне достойно тщательнаго обсужденія, лучше всего явствуетъ изъ того, что инициатива его принадлежитъ высшему культурному учрежденію страны; что нашимъ великодушнымъ Государемъ, въ различныхъ университетахъ имперіи, учреждены кафедры для языковъ, менѣе разработанныхъ и важныхъ, чѣмъ финскій; что почти во всѣхъ странахъ Европы существуютъ не только университетскія кафедры для культивированія роднаго языка, но даже и цѣлыя академіи; что, наконецъ, финскій языкъ въ германскихъ и другихъ университетахъ же дѣлался предметомъ публичныхъ лекцій. Помимо этого, само собою»

мѣется, что каждая нація должна любить и цѣнить свой родной языкъ и только тотъ, *кто самъ не финнъ*, можетъ отрицать существованіе этихъ чувствъ относительно финскаго языка. Никакія политическія домогательства, однако, не лежатъ въ основѣ данной всеподданнѣйшей петиціи, какъ не лежатъ и домогательства находящейся на плохомъ счету у нѣкоторыхъ лицъ феноманіи, интересы которой постоянно были чисто-литературнаго характера, хотя молодое поколѣніе горячо и полюбило ихъ, что, впрочемъ, вездѣ и во всякое время свойственно юношескимъ стремленіямъ. Обо всемъ этомъ, надѣюсь, каждый, знающій лояльность и чувство справедливости финскаго народа, готовъ со мною свято свидѣтельствовать передъ престоломъ. Бъ тому же финскому народу Монаршею милостью подтверждена неприкосновенность его законовъ и языка, пока народъ самъ добровольно не лишитъ себя этой милости. Вслѣдствіе этого есть надежда, что благорасположенное правительство будетъ поддерживать и интересы финскаго языка, подобно тому какъ оно теперь неустанно заботится объ улучшеніи экономическихъ условій страны путемъ новыхъ благодѣтельныхъ законовъ».

Извѣстно, что генераль Теслевъ, который не особенно владѣлъ перомъ, составилъ свой отзывъ при помощи другого, по всей вѣроятности, горячаго сторонника національнаго дѣла, профессора Г. Рейна; но, во всякомъ случаѣ, нужно отдать честь Теслеву, что онъ выступилъ съ подобнымъ докладомъ.

Хотя большинство сената высказалось за дѣло финскаго языка, но, повидимому, оно такъ и осталось въ рамкахъ предварительныхъ распоряженій. Вопросы о стипендіяхъ и о каедрѣ оставались нерѣшенными цѣлыхъ три года.

Но весной 1850 года явилось отношеніе министра статсъ-секретаря съ увѣдомленіемъ о важныхъ распоряженіяхъ Государя Императора въ пользу финскаго языка. Какое странное совпаденіе! Оно докладывалось *въ томъ же общемъ засѣданіи обоихъ департаментовъ сената, а именно 8 апрѣля 1850 года*, въ которомъ докладывалось и знаменитое распоряженіе цензуры 1850 года о разрѣшеніи издавать на финскомъ языкѣ сочиненія, имѣвшія исключительною цѣлью религіозное облагораживаніе души или экономическую пользу. Упомянутое отношеніе содержало въ себѣ два пункта. Во-первыхъ, сенату сообщалось, что Государь Императоръ соизволилъ повелѣть сенату высказаться касательно минимальнаго срока, по истеченіи котораго прошенія и жалобы низшихъ классовъ населенія могутъ приниматься вѣдомствами и на финскомъ языкѣ, а также могутъ быть выдаваемы членамъ названныхъ классовъ, и въ переводѣ на финскій языкъ, приговоры судебныхъ мѣстъ и полицейскихъ властей и постановленія правительства, касающіяся низшихъ и знающихъ только финскій языкъ слоевъ населенія. Притомъ сенату поручено было сдѣлать всеподданнѣйшее предложеніе о надлежащихъ по этому дѣлу мѣрахъ. Во-вторыхъ, въ отношеніи сказано было, что Государь Императоръ, «согласно мнѣніямъ

канцлера Александровскаго университета», повелѣлъ назначить въ университетъ профессора финскаго языка на равныхъ съ другими профессорами правахъ и преимуществахъ.

Какимъ образомъ этотъ вопросъ, послѣ трехлѣтняго перерыва, возникъ, даже во время цензурнаго запрещенія, не вполне извѣстно.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что решительный шагъ въ дѣлѣ финскаго языка сдѣланъ былъ университетскимъ канцлеромъ, самымъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ, и тому что въ отношенiи есть ссылка именно на его мнѣнiе.

Итакъ, профессорская каведра была основана, и консисторiя могла положить ее такому человѣку, какъ М. А. Бастренъ, который «не только на обязательныхъ экзаменахъ, указанныхъ въ университетскихъ постановленiяхъ, но и многими, изданными имъ сочиненiями высокаго научнаго достоинства, чрезвычайнымъ образомъ доказалъ свою способность къ упомянутой профессорской должности».

Но только назначенiе еще не состоялось. Это событiе—интересная страничка въ исторiи каведры финскаго языка.

14 марта 1851 г., раннимъ утромъ, университетскiй ректоръ Г. Райнъ извѣщенъ былъ особымъ курьеромъ вице-канцлера, генералъ-майора Норденштама, о томъ, что канцлеръ, Его Императорское Высочество, Госуд. Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, предыдущей ночью прибылъ въ городъ и что Его Императорское Высочество въ 11 час. дня намѣреваетъ удостоить университетъ своимъ посѣщенiемъ. Ровно въ назначенное время канцлеръ, въ сопровожденiи помощника генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Рокосовскаго, вице-канцлера, генералъ-майора Норденштама и прочей свиты, прибылъ въ университетъ, встрѣченный на нижнихъ ступеняхъ университетской лѣстницы ректоромъ. Войдя прямо въ залу заседанiя консисторiи, гдѣ ему вице-канцлеромъ представлены были университетскiе преподаватели и другiя должностныя лица, канцлеръ выразилъ благодарность за высказанныя ему 11 января того же года въ рноподданническомъ чувствѣ, по случаю празднованiя университетомъ 25-лѣтней годовщины съ канцлерской дѣятельности. Воснувшись затѣмъ цѣли, вызвавшей, главнымъ образомъ, его посѣщенiе, а именно, пресловутыхъ въ то время спорныхъ между вице-канцлеромъ и студентами, Его Императорское Высочество, въ словамъ протокола консисторiи, «отдѣльно велѣлъ призвать къ себѣ профессора финскаго и древне-сѣверныхъ языковъ, доктора М. А. Бастренъ, причемъ Его Императорское Высочество всемиловѣйше соизволилъ выдать ему подписанную въ тотъ же день утвердительную грамоту на должность профессора финскаго языка этого университета».

Добавлю только, что канцлеръ всемиловѣйше бесѣдовалъ съ собравшимся студенческимъ корпусомъ и что въ прощальномъ привѣтiи, которое онъ на банкетѣ въ царскомъ дворцѣ послалъ черезъ ректора студентамъ, онъ выразилъ искреннее желанiе, чтобы финскiе студенты всегда оставались честными финнами.

Тому человѣку, который первый назначенъ былъ на эту кафедру, учрежденную въ концѣ концовъ, благодаря теплому сочувствію и дѣятельному участию самого канцлера, не было суждено долго занимать ее. Уже въ слѣдующемъ году, а именно 7 мая 1852 г., онъ, только 39 лѣтъ, отошелъ въ вѣчность.

Какъ ни коротка была трудовая жизнь М. А. Кастрена—всего 15 лѣтъ онъ могъ посвятить научному изслѣдованію и только какой-нибудь годъ занимать профессорскую кафедру—но результаты, имъ достигнутые, поразительны. Начавъ съ сравнительнаго изслѣдованія финскаго, эстонскаго и лопарскаго языковъ, онъ кончилъ изслѣдованіемъ всѣхъ «алтайскихъ» языковъ. Онъ работалъ надъ самыми разнообразными языками, и финско-угорскими, и, специально, самоѣдскими, изслѣдованіе которыхъ поставилъ себѣ одной изъ задачъ своей жизни. Выдающееся сочиненіе о миѳологіи финскихъ племенъ онъ написалъ съ удивительной, по обстоятельствамъ того времени, дальновзоркостью. Его глубокой и проникательный взглядъ вникалъ въ этнографію племенъ, которыя онъ изучалъ во время своихъ путешествій; даже археологію онъ не оставилъ безъ вниманія. Во время непродолжительной преподавательской дѣятельности онъ въ своихъ лекціяхъ широко пользовался областями филологіи, этнографіи, народной повѣи и миѳологіи, внушая сочувственное отношеніе молодежи къ предметамъ, которымъ онъ самъ всецѣло былъ преданъ. Словомъ, во всемъ, что унаслѣдовало отъ него потомство, проявляется его обширный умъ, глубокой взглядъ и горячая любовь къ изслѣдуемому предмету.

Невѣроятныя трудности, сопровождавшія Кастрена въ утомительныхъ путешествіяхъ, разбила его здоровье; но, несмотря на это, онъ все трудился, не положивъ пера даже на той постели, съ которой больше не вставалъ.

Въ чемъ же заключалась та сила, которая вдохновляла юнаго ученаго и заставляла его жертвовать здоровьемъ и жизнью, преодолевать то опасности самоѣдскихъ тундръ, то мученія сибирскихъ юртъ, забывать и терзающую боль и усталость въ стремленіи къ жизненной цѣли? Однажды, собираясь въ дальнее путешествіе и прощаясь со студентами, онъ въ своей рѣчи поставилъ имъ вопросъ: «Въ чемъ же заключается та сила, которая побуждаетъ человѣка забывать личную пользу и трудиться для общественнаго блага?» И самъ отвѣтилъ на это: «Это—любовь къ отечеству. Если бы не она, то не было бы никакой общественной жизни, а внѣ общественной жизни—никакой культуры». И выразивъ желаніе, чтобы такая любовь къ отечеству на всю жизнь осталась въ душѣ у его слушателей, онъ продолжалъ: «Гораздо пріятнѣе бороться за такую идею, которая и для другихъ служитъ идеаломъ, которой и другіе увлекаются. Тогда борешься съ увѣренностью въ томъ, что не жертвуешь счастьемъ и наслажденіями жизни только изъ-за пустыхъ мечтаній, что человѣкъ не какой-нибудь ручеекъ, изливающий свою воду бесполезно, а капля той струи, которая орошаетъ бѣдную, но чудную страну—нашу

финскую отчину. Въ такомъ убѣжденіи я скоро прошусь съ родиной—готовый жить, готовый умереть за ея будущее».

Слѣдовательно, убѣжденіе Кастрена заключалось въ томъ, что если онъ своими научными трудами прославилъ отечество, если онъ, по словамъ великаго борца финскаго національнаго движенія I. В. Снельмана, первый обезпечилъ финскому имени самостоятельное мѣсто на страницахъ исторіи наукъ, если онъ изслѣдованіемъ древностей своего народа и родственныкъ ему племенъ обогатилъ международную науку, то онъ участвовалъ и въ трудѣ для общаго блага, для всего человѣчества. Въ тому же, его національная исходная точка зрѣнія повела къ тому, что имъ, какъ выразился о немъ посторонній цѣнитель его трудовъ, А. Н. Пыпинъ, «руководило теплое сочувствіе къ народамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ единоплеменниковъ своего собственнаго народа, сочувствіе, внушенное, быть можетъ, не столько инстинктомъ племеннымъ, сколько широкимъ чувствомъ общечеловѣческимъ: оно побуждало его защитить историческое и человѣческое достоинство этихъ народовъ».

Итакъ, въ его благородномъ образѣ мыслей сливались научныя и патриотическія, общечеловѣческія и національныя стремленія.

Обширные планы Кастрена осуществились только отчасти, роковая смерть постигла его слишкомъ рано.

Невыразимо-грустные и съ разбитымъ сердцемъ стояли друзья возлѣ его могилы, одинаково опечаленные какъ судьбой отечества, такъ и судьбой преждевременно потеряннаго, дорогаго друга. «Если сынъ Финляндіи,—произнесъ Снельманъ въ своей надгробной рѣчи,—всѣми силами своей души преданъ труду для блага роднаго языка и литературы, для блага будущности отечества вообще, то какую гарантію этой будущности дать ему взгляды на былое или обзорѣніе настоящаго? Гдѣ же тотъ, у котораго при жизни не поколеблется сознаніе, а при смерти—твердое упованіе на то, что для насъ настанетъ свѣтлое будущее? Это упованіе было бы больше, чѣмъ надежда,—это было бы залогомъ будущаго. Сознаніе было бы счастіемъ. Но я онасаюсь, никто не имѣетъ этого сознанія—никто!

«Развѣ же та душа, любовь которой была такъ искренна, не была проникнута такимъ упованіемъ? Нѣтъ, финская отчизна! Благороднѣйшіе сыны твои ходятъ съ поникшей головой, съ потупленнымъ взоромъ, и когда они будутъ преданы твоей землѣ, то останется только разбитое сердце, разбитое уже раньше.

«Онъ боролся въ этой борьбѣ, перенесъ общую нашу судьбу смѣло, мужественно. Но онъ не дожилъ до исхода, ибо не надѣялся на него.

«Послушный голосу долга, онъ сдѣлавъ то, къ чему влекло его сеѣще. Да послужить намъ утѣшеніемъ содѣянное имъ и да будетъ намъ великъ въ примѣромъ его благородная душа!»

Теперь, по случаю достопамятной годовщины, вспоминая Кастрена, я хотѣлъ бы возстановить въ памяти cadaго два завѣта Кастрена студентамъ,—завѣта, которые въ данный моментъ дороги, какъ нивѣ и,

нашему народу. Первый гласить: «Герой не тотъ, кто по влеченію минутной страсти, неосторожно и безъ предусмотрительности бросается на смерть; герой тотъ, кто, ни на минуту не теряя спокойствія духа, сумѣетъ обуздать свои страсти. Вотъ какова была прежде наша финская доблесть; да будетъ она и впредь такова!». Другой гласить: «Если бы только мы всё, присутствующіе здѣсь, были убѣждены, что наши нынѣшнія стремленія—только скромное начало болѣе серьезной, продолжающейся всю жизнь дѣятельности для блага отечества, то, увѣряю васъ, никогда тѣнь позора ни падеть на финскій народъ. Тогда, послѣ прожитыхъ столѣтій, краниологи будутъ избавлены отъ труда выкапывать наши черепа, чтобы *такимъ образомъ* опредѣлить происхожденіе нашего народа. Съ Божьей помощью мы оставимъ тогда по себѣ болѣе привлекательную память, чѣмъ наши уродливые скелеты».

Послѣ Кастрена, въ 1853 г., назначенъ былъ профессоромъ по каедрѣ финскаго языка и литературы *Элиасъ Лёнротъ*.

Жизнь и дѣятельность Лёнрота и Кастрена были во многихъ пунктахъ противоположны. Между тѣмъ какъ Кастренъ, вскорѣ послѣ назначенія его профессоромъ, во цвѣтѣ лѣтъ покинулъ земное поприще, Лёнроту, которому при вступленіи въ профессорскую должность исполнилось 51 годъ и который уже достигъ кульминаціонной точки своей дѣятельности, суждено было воспользоваться многолѣтней жизнью, крѣпкимъ здоровьемъ и постоянной способностью къ труду. Между тѣмъ какъ Кастренъ, изслѣдуя происхожденіе финскаго народа, далеко устремлялъ свой гениальный взоръ, Лёнротъ искалъ доказательствъ духовнаго благородства финскаго народа въ глуши лѣсовъ страны тысячи озеръ, въ самой душѣ ея обитателей. Однаковы они были въ томъ, что тому и другому любовь къ родинѣ и родному народу были опорой и рычагомъ ихъ трудовъ. Они сошлись также и въ томъ, что оба приобрѣли всемірную извѣстность, а въ своемъ отечествѣ достигли славы, какой, пожалуй, до нихъ не добился ни одинъ финнъ.

Каждому изъ насъ извѣстно, почему сдѣлалось безсмертно имя Лёнрота. *Калевала* и *Элиасъ Лёнротъ*—вотъ слова, которыя далеко за предѣлами родины прославили имя финскаго народа и которыя въ Финляндіи воспламенили сердца, ободрили души.

Чѣмъ же объясняется это? Что придадо Калевалѣ такое значеніе?

Какъ достоинство каждаго индивида для его ближняго тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе онъ подготавливаетъ своими стараніями, трудами и талантами *новую почву* для матеріальнаго и умственнаго развитія, такъ и цѣлый народъ ставится въ глазахъ человѣчества тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ создано самостоятельнаго, собственнаго, способнаго обогатить душу всюю мощь всего человѣчества. Въ своей Калевалѣ финскій народъ впервые дебютируетъ на всемірной сценѣ. Въ ней собраны и соединены въ одно цѣлое руны финскаго народа, она—капитальное, характерное и изведеніе творчества финской души. Изъ нея ясно, какъ финскій на-

родъ съ точки зрѣнія своего характера и нравовъ, смотрѣлъ на чело-вѣческую жизнь и природу, изобразивъ не только эти послѣднія, но и тотъ міръ, который стоитъ внѣ и выше чело-вѣческаго наблюдени-а именно невѣдомый міръ духовъ. Калевалой Финляндія впервые внесла свою значительную лепту въ сокровищницу всемирной литературы. Это событіе, въ то же время, способствовало укрѣпленію національной самоу-вѣренности, надеждѣ на будущее и вѣрѣ въ возможность и право на-самобытною жизнью.

Калевала, однако, не единственный памятникъ финской національ-ной поэзіи, съ которымъ связано имя Лёнрота. Въ сборникѣ *Кителесты* онъ собралъ тѣ лирическія пѣсни, въ которыхъ финскій народъ вырази-лъ свои чувства и настроенія. Въ сборникѣ *Волшебная поэма* (ми-нація) онъ показалъ ту магическую силу, обладанія которой древніи фи-нны полагали достаточнымъ, чтобы покорить законы природы. Въ *Шо-воркахъ* и *Заюкахъ*, собранныхъ имъ, видны древняя мудрость здра-мыслящаго финна, его жизненная опытность и понятія о справедливомъ и несправедливомъ.

Этихъ трудовъ было бы уже достаточно для одного чело-вѣка; но не была лишь одна сторона дѣятельности Лёнрота. Помимо того, что онъ открылъ клады финской національной поэзіи, онъ явился не только выда-ющимся филологомъ, но и писателемъ, сильно обогатившимъ языкъ. Подобно Кастрену и онъ занимался изслѣдованіемъ финскаго и родственныхъ ему языковъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ первый. И въ этой области «чудныхъ словъ тайникъ открылъ онъ», а именно, онъ составилъ фи-нскій словарь громадныхъ размѣровъ, служащій до сихъ поръ незаменимъ-ымъ руководствомъ какъ для изучающихъ финскій языкъ, такъ и для поль-зующихся имъ вообще. Практическій знатокъ финскаго языка, какимъ Ка-стрень никогда не былъ, Лёнротъ опять-таки открылъ тайникъ чу-дныхъ словъ. Обладая неподобнымъ пониманіемъ языка, онъ установилъ значеніе многочисленныхъ словъ, которыя облекали прежде шата-ющимся понятіемъ, но нуждались, по мѣрѣ развитія культурныхъ потребностей, въ установленіи точнаго смысла. Главная, наконецъ, его заслуга въ этой области заключается въ томъ, что онъ, заимствовавъ лучшіе матеріалы диалектовъ, связалъ распадавшійся финскій литературный языкъ въ одно цѣлое. Въ традиціонный западно-финскій литературный языкъ Лёнротъ, благодаря своему замѣчательному вкусу, сумѣлъ внести восточно-финскіе запасы словъ и фразъ, отличавшихся богатомъ выразительностью восточ-наго, поэтическаго языка. И такимъ образомъ, благодаря ревностной дѣятельности Лёнрота, преобразованъ былъ финскій литературный языкъ, — юный финскій языкъ, который сумѣлъ сдѣлаться истолкователемъ чело-вѣческой культуры и, въ то же время, послужилъ отличительнымъ признакомъ на-циональнаго единства.

Оригинально, что дѣятельность Лёнрота по качеству и результату

приняла иной характеръ, чѣмъ могъ ожидать онъ самъ, или кто-либо другой, принимая во вниманіе его таланты.

Смиранный и, по мнѣнію многихъ, скромный до крайности, онъ никогда не гнался за славой, которую, однако, приобрѣлъ больше, чѣмъ кто-либо другой изъ его соотечественниковъ. Онъ не обладалъ творческимъ талантомъ поэта, но составилъ все же Калевалу такъ, что ни одинъ поэтъ не сдѣлалъ бы этого лучше. Онъ, опять-таки, не былъ особеннымъ стилистомъ, не былъ однимъ изъ тѣхъ, чей геній превращаетъ слова въ пламенную, плѣняющую сердца силу, но, между тѣмъ, онъ совершенно преобразовалъ финскій литературный языкъ. Этотъ фактъ объясняется только тѣмъ, что національный духъ, когда наступаетъ время, проявляется черезъ людей, въ которыхъ соединяется и сосредоточивается духовная сила всего народа, въ которыхъ точно олицетворяется весь народъ. И, въ самомъ дѣлѣ, Эліасъ Лёнротъ былъ точно олицетворенный финскій духъ. Представляя по чертамъ характера истинный типъ настоящаго финна, онъ, благодаря своимъ странствованіямъ и изслѣдованіямъ, до того проникъ во внутреннюю жизнь народа, въ финскую національную поэзію, въ народную рѣчь, что явился естественнымъ объединителемъ духовнаго наслѣдія финскаго народа, его поэзіи и языка, и глашатаемъ этого единства.

Въ настоящее время финскій народъ собирается воздвигнуть Эліасу Лёнроту памятникъ; снять покрывало съ него предположено въ день 100-лѣтія рожденія Лёнрота. Памятникъ этотъ, правда, не будетъ имѣть на себѣ словъ, сочиненныхъ для него поэтомъ Оксаненъ и заключающихъ въ себѣ выраженіе благодарности «всей Финляндіи» маститому сыну ея; но выразительность краткаго стиха Калевалы, предназначеннаго служить украшеніемъ памятника:

«Чудныхъ словъ тайникъ открылъ онъ»

вполнѣ рельефно передаетъ суть и смыслъ его дѣятельности.

Но и безъ особыхъ свидѣтельствъ несомнѣнно, что «вся Финляндія» будетъ сохранять Эліаса Лёнрота въ благодарной памяти,—пока будетъ существовать финскій народъ.

Пер. Р. С—нъ.

Тотализаторъ и московская городская дума.

Тотализаторъ существуетъ въ Россіи лѣтъ 20. Это—механическій счетчикъ, показывающій, сколько закладовъ поставлено играющими на каждую въ данномъ заздѣ лошадь и общую сумму ставокъ. При расчетѣ изъ общей суммы ставокъ отчисляется 10%, въ пользу скакового или бѣгового общества, а остальные дѣлятся между купившими билеты на побѣдительницу лошадь. Первые воспоминанія о тотализаторѣ не имѣютъ жгучаго характера. Правда, игра въ тотализаторъ—азартная игра и потому, какъ и всѣ другія азартныя игры, подвергалась большей частью насмѣшкамъ и только иногда, рѣдко-рѣдко, серьезнымъ нападкамъ обличительной литературы. Большею частью все сводилось къ болѣе или менѣе остроумнымъ словамъ, бросаемымъ въ сторону небольшой кучки людей, искавшихъ въ этой игрѣ средства взвинтить свои нервы, развлечься въ своемъ сытомъ, скучномъ прозябаніи. Игра въ тотализаторъ ничѣмъ тогда не отличалась отъ карточной игры въ клубахъ. Это было обыкновенное простое пари между знакомыми состоятельными людьми. Проиграть или выиграть было лишь интересно, слегка волновало кровь игроковъ, но не имѣло для нихъ серьезнаго значенія. Правда, какъ и въ клубахъ, такъ и здѣсь бывали случаи, что принимали участіе въ игрѣ люди безъ средствъ, думая поправить свое матеріальное положеніе; но, потерявъ свои послѣдніе гроши, кончали гдѣ-нибудь самоубійствомъ или вступали на путь преступленій. Такой случай направлялъ на тотализаторъ болѣе серьезное вниманіе общества, и остроты и насмѣшки переходили въ рѣзкіе нападки*). Но такіе случаи были сравнительно рѣдки, и на тотализаторъ смотрѣли, какъ на игрушку, хотя игрушку опасную, а игроковъ считали вѣзломощными богачами; говорили даже, что эта игра совершенно подходитъ къ потребностямъ широкой русской натуры.

Но уже въ 1885 году отношеніе общества къ тотализатору рѣзко мѣняется. На него сыплются уже серьезные обвиненія обличителей. Эти обвиненія становятся съ каждымъ годомъ все болѣе рѣзкими. Старая и

*) *Жертвы тотализатора*, — брошюрка, преданная администраціей сожженія

ближе познакомиться съ этимъ учрежденіемъ и его вліяніемъ. Но рядомъ съ этимъ лица, заинтересованныя въ этой игрѣ, выступаютъ противъ обличителей, причемъ, какъ это всегда бываетъ, въ защиту выставляютъ какія-то высшія государственныя нужды и цѣли и въ то же самое время стараются замкнуться въ своей дѣятельности, сдѣлать ее недоступной общественному контролю *), а обличителей выставить людьми некомпетентными и очернить ихъ **); защитники тотализатора стараются отвлечь вниманіе общества отъ этой игры и, чтобы доказать неправильность обличеній, истребуютъ вліяніе на общество другихъ зодъ, какъ-то: карточной, биржевой игры,—вмѣсто того чтобы открыто и правдиво обнародовать дѣйствія тотализатора; наконецъ, сваливаютъ вину на необузданность человѣческой природы. И этотъ послѣдній аргументъ завершаетъ эту хорошо знакомую русскому обывателю систему защиты какого-нибудь общественнаго зла,—систему, которая имѣетъ лишь одну цѣль: окружить данный вопросъ мракомъ, тайной, поставить его въ зависимость отъ какихъ-то силъ, не подлежащихъ регулированію рукою человѣка, ослабить энергію обличителей и продолжать свое существованіе на зло всѣмъ. Есть отрывочныя свѣдѣнія о тотализаторѣ, но свѣдѣнія эти не полны и часто далеки отъ дѣйствительности. Поэтому исходнымъ пунктомъ для изслѣдованія является лишь та масса негодованія, которая накопилась у общества противъ тотализатора. Попробуемъ выяснитъ причину этого негодованія. При этомъ, чтобы защитники тотализатора могли найти отвѣтъ на свои доводы, придется говорить о предметахъ, имѣющихъ весьма слабое отношеніе къ тотализатору,—напримѣръ, о нуждахъ націи; но вина въ этомъ должна пасть на защитниковъ тотализатора.

Лошадь, какъ двигательная сила, есть орудіе производства, а съ введеніемъ коннозаводства и продуктъ производства. Теперь во многихъ отрасляхъ производства лошадь, какъ двигательная сила, потеряла свое прежнее значеніе. Ея мѣсто заняли сила паденія воды, сила пара, газоваго и электричества. Сохранилась лошадь въ сельскомъ хозяйствѣ, на войнѣ и, упряжная, въ городѣ. По количеству лошадей Россія занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ. Изъ 60.000,000 лошадей на долю Россіи приходится 25.000,000. Въ Европейской Россіи на 100 жителей приходится 10—55 лошадей (въ рабочемъ возрастѣ—19,3). (Въ другихъ государствахъ отъ 2 до 17 и лишь въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—24,3). Изъ всего числа лошадей въ Россіи 89%, приходится на крестьянство, остальные 11%—на войско и въ качествѣ cheval de luxe. Въ лошади цѣнятся сила, выносливость и быстрота. Этими качествами въ наибольшей степени, несомнѣнно, отличается дикая лошадь. Прирученіе

*) Не печатаютъ о своихъ оборотахъ и доходахъ, какъ это, наприм., дѣлаетъ всякое другое коммерческое учрежденіе.

**) Какъ, наприм., *Новости Для* за 28 февр. 1902 г. и нѣк. др.

лишило ее значительной доли силы, ослабило ее выносливость и быстроту. Способъ вернуть эти качества дала наука въ «естественномъ подборѣ», и администрація занялась насажденіемъ коннозаводства*). Уже въ 1712 году Петръ Великій устраиваетъ конные заводы въ Базанской, Азовской, Кіевской и Астраханской губерніяхъ, имѣя лишь въ виду снабжать лошадьми кавалерію и императорскія конюшни. Но въ XIX в. (съ 1819 г.) мѣняется характеръ и цѣли этихъ заводовъ. Цѣлью стало улучшение мѣстныхъ породъ лошадей. Преміями, привилегіями**), пособиями, всякаго рода поддержкой***) стала администрація понуждать частныхъ лицъ заняться коннозаводствомъ. Съ 1843 года учрежденъ комитетъ государственнаго коннозаводства. Въ настоящее время управленіе государственнаго коннозаводства располагаетъ 6 заводами и 31 заводскими степными конюшнями съ 2,410 лошадьми. Отсюда лошадей развозятъ по соглашенію съ земствами и коневодами на случные пункты въ разные уѣзды и мѣстности почти бесплатно, даже платятъ за эти случные пункты. Если за эти помѣщенія не берутъ платы, то управленіе награждаетъ хозяевъ такихъ помѣщеній серебряною медалью, чеканенною особо для этихъ случаевъ. Часто коневоды берутъ лошадей и черезъ нѣсколько времени возвращаютъ ихъ слабыми и вялыми (ихъ потребляютъ на работу и слабо кормятъ) и просятъ дать другихъ лошадей. Напримѣръ, въ Донской области изъ 36 казенныхъ жеребцовъ 15 погибло, 9 пало, 6 стали уже бесполезны****). Управленіе устраиваетъ скачки и бѣга, причемъ соревнованіе, усилившаеся большими призами, должно было дать еще болѣе сильный толчокъ для развитія частныхъ конскихъ заводовъ. Учреждаются скаковыя и бѣговныя общества, которые организовали скачки и бѣга, организовали выдачу призовъ. Повышается сильно плата на кровныхъ культурныхъ лошадей*****), увеличенъ

*) Примѣры г. Стаховича (*Русск. Вѣдом.*, 1902 г. отъ 8—9 января и 9—10 февраля) не являются доводомъ противъ необходимости культивированія лошади. Эти примѣры, указывая выяснившіяся на дѣлѣ, въ Трансваальской и Китайской войнахъ, слабость и непригодность культивированной лошади и болшую сравнительно пригодность природной бурской и якутской лошади, а также выставивъ данныя противъ нашихъ рысистыхъ лошадей, критикуютъ лишь неправильную постановку культуры лошади и говорятъ за новый порядокъ и систему культивированія.

**) Напримѣръ, введенъ льготный тарифъ для перевозки лошадей по желѣзнымъ дорогамъ.

***) О размѣрахъ этихъ пособій не сохранилось свѣдѣній, но можно судить о нихъ хотя бы потому, что даже теперь, въ 1902 г., М. И. Дрегемиллеру назначено въ годъ по 1,000 руб. и обезпеченъ сбытъ лошадей съ тѣмъ, чтобы онъ завелъ конюшню изъ 3 жеребцовъ и 12—15 матокъ.

****) Циркуляръ по главному управленію государственнаго коннозаводства 12: густа 1901 г.

*****) Указаніе г. Стаховича (*Русск. Вѣдом.*, 1902 г. 8 января) на то, что въ д. д. кровная лошадь лучше и дешевле, чѣмъ въ Россіи, несомнѣнно вѣрно, и, пока ужъ, теперь выгоднѣе было бы покупать ихъ за границей, чѣмъ возиться съ коннозаводствомъ.

спросъ на нихъ (новый законъ о комплектованіи лошадьми кавалеріи). Призы на скачкахъ и бѣгахъ все повышаются, а коннозаводство двигается черепашинымъ шагомъ.. Администрація сама больше уже ничего не можетъ сдѣлать для коннозаводства и вводитъ тотализаторъ. Онъ долженъ былъ стать чѣмъ-то вродѣ ультра-косвеннаго налога исключительно для развитія коннозаводства.

Тотализаторъ—это игра, пари, гдѣ интересъ основанъ на азартѣ. Какъ азартная игра, онъ не могъ получить санкціи государственнаго совѣта, закона *), и былъ введенъ административнымъ порядкомъ. Такое отношеніе государственнаго совѣта къ тотализатору придаетъ послѣднему характеръ явленія противозаконнаго и могущаго быть терпимымъ лишь временно, пока администрація считаетъ нужнымъ, въ силу данной ей власти, приѣмлять экстраординарныя мѣры. Уничтоженіе тотализатора доставило бы много хлопотъ (?) администраціи **). Игра доступна для всѣхъ безъ различія пола, возраста и матеріальныхъ средствъ. Цѣна билетовъ отъ 30 коп. до 10 руб. И вскорѣ изъ чего-то незначительнаго, существующаго въ видѣ приспособленія къ коннозаводству, тотализаторъ сталъ сердцемъ и головой коннозаводства, сталъ управлять всѣмъ его существованіемъ. Для расширенія его операций введено буммерство; сильно увеличено количество дней скачекъ и бѣговъ, до 140 въ годъ, сильно увеличено количество заѣздовъ, уменьшены дистанціи бѣговъ и скачекъ, и широко раздаются билеты для бесплатнаго входа на ипподромъ.

Въ 1886 году оборотъ тотализатора въ одной лишь Москвѣ равнялся 2.660,000 руб.; въ 1901 г. (промежутокъ въ 15 лѣтъ) оборотъ его въ Москвѣ равняется уже 19.632,656 руб. Число скаковыхъ обществъ увеличилось до 63, число рысистыхъ—до 28. Преміи стали колоссальны; ихъ выдаютъ за переходъ въ высшіе классы, за новые рекорды. «Залихватскій» князя Голицына, напримѣръ, кромѣ призовъ, въ 1900 г. получилъ за переходъ изъ 2 класса во вѣйшаго класса 2,500 руб., а за новый рекордъ на $\frac{1}{2}$ секунды—1,300 руб. «Питомецъ» С. И. Гирня за улучшеніе трехверстнаго рекорда на 4 секунды получилъ 7 января 1900 г., кромѣ призовъ, 8,690 руб. Призы при выигрышѣ даются не только владѣльцамъ лошадей, но и ихъ заводчикамъ—медаль (въ 200 руб.). О колоссальности призовъ можно судить хотя бы по слѣдующимъ цифрамъ: «Питомецъ» за 7 лѣтъ (съ 1895 г. по 1901 г.) взялъ 179,864 руб. и 5,375 франковъ; «Горынычъ» за нѣсколько лѣтъ—31,150 рублей. О доходахъ коннозаводчиковъ можно получить нѣкоторое представленіе по слѣдующимъ цифрамъ за 1901 г.

*) Ст. 278 уст. о предуп. и пресѣч. преступл.—запрещаются азартныя игры и карты и всякія другія; запрещается участвовать въ азартныхъ играхъ и спос- бствовать имъ. Примѣчаніе 1782 года: запрещено: 1) картами или иными чѣмъ и азартныя игры основанныя единственно на случаѣ; 2) домъ своей или нанятый открыть для азартныхъ игръ и ради запрещенной игры.

**) Этотъ доводъ представилъ с.-петербургскій градоначальникъ въ комиссіи 7 марта 1902 г. въ защиту тотализатора.

Считая только призы и преміи:

Лазаревъ получилъ	157,182 р. и 3 кубка (1,400 р.)
Решке >	157,167 > и жет.
Блюхъ >	86,318 >

и т. д.

Несмотря на такіе доходы (т.-е. скорѣе изъ-за нихъ), пришлось еще увеличить призы для трехлѣтокъ, чтобы коннозаводчики въ погонѣ за призами не выпускали на ипподромъ двухлѣтокъ, которые легко портятся. Чтобы и слабыя лошади получали призы, вводятся гандикапы. Но всѣ эти колоссальныя преміи и призы ничтожны сравнительно съ тѣми суммами, которые даетъ игра въ тотализаторъ. Определенныхъ цифръ здѣсь искать нечего (ихъ скрываютъ), но о нихъ можно судить по тому, что наѣзники прибѣгаютъ на скачкахъ и бѣгахъ къ недобросовѣстной ѣздѣ и изъ-за выигрыша въ тотализаторъ не стремятся къ полученію приза.

Мы видѣли здѣсь, какія громадныя средства даются коннозаводчикамъ для поощренія: каждый шагъ ихъ орошается золотымъ дождемъ. Какъ же идетъ ростъ коннозаводства и какъ вліяетъ на него тотализаторъ? Бъ сожалѣнію точныхъ цифръ для отвѣта на первый вопросъ нельзя найти. Но вотъ нѣкоторыя цифры:

Въ 1899 г. на главнѣйшихъ скачкахъ и бѣгахъ приняло участіе 1,069 лощ.
 > 1901 > 1,152 >

За 2 года приростъ равняется 83 лошадямъ, по 40 съ лишнимъ на годъ.

Относительно качественного успѣха, достигнутого коннозаводчиками въ дѣлѣ культивировки лошадей, можно судить по тому, что изъ 80 лошадей, отправленныхъ изъ Россіи въ Парижъ на всемірную выставку 1900 года, администрація рѣшилась отправить лишь 20 лошадей частныхъ коннозаводчиковъ, остальные 60 были взяты изъ государственныхъ заводовъ. Было бы интересно вычислить, во что обходится націи каждая культурная лошадь; но въ виду отсутствія определенныхъ данныхъ можно указать лишь, что приведенныя выше суммы, получаемыя коннозаводчиками, и цифры, рисующія количественный приростъ лошадей, заставляютъ предполагать, что каждая кровная лошадь (и вообще культурная) обходится націи въ нѣсколько десятковъ тысячъ, а иногда и сотенъ тысячъ. Если раньше коннозаводство было «охотою» богачей, было даровымъ (?) трудомъ (?) *) для государственныхъ нуждъ, то теперь оно—почти даромъ достающіеся огромныя капиталы и не «охота», а жадность богачей.

Конечно, такія бѣшенныя деньги не могла бы выдавать ни одна администрація. Эту миссію выполняетъ тотализаторъ. Но его вліяніе на коннозаводство не ограничивается доставленіемъ денегъ, а проявляется въ высшей степени многообразно. Изъ средства для коннозаводства тотализаторъ сталъ цѣлью его. Коннозаводство стало приспособленіемъ къ тот-

*) Выраженіе газеты *Новости Дня*.

лизатору, и лошадей стали приспособлять къ скачкамъ. Первоначальная идея коннозаводства—національная, общественная необходимость—совершенно была затерта тотализаторомъ. Стали производить лошадей, чтобы получать бѣшеные призы обществъ, а не для того, чтобы нація обладала сильными и выносливыми лошадьми, способными при всякихъ условіяхъ служить въ сельскомъ хозяйствѣ, на войнѣ и въ упряжи. Если по количеству лошадей Россія занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ, то по качеству ихъ Россія стоитъ позади многихъ: 65,4% маломѣрныхъ лошадей, а 44,6% полномѣрныхъ; на 45% кобылъ приходится 3,6% жеребцовъ. Преобладающій типъ—это крестьянская лошадь съ самымъ скромнымъ незавиднымъ тѣлосложеніемъ, но выносливая, неприхотливая, какъ ея хозяинъ-мужикъ. Объединеніе и дифференціація крестьянства сопровождается уменьшеніемъ количества лошадей. Причина этому: совмѣстная паства молодыхъ лошадей разнаго пола (преждевременная случка); работа въ самомъ раннемъ возрастѣ; недородъ, болѣзни, непосильный трудъ, несоответствующія гигиеническія условія; частые падежи. Передъ этими условіями пасуютъ даже выносливость и неприхотливость крестьянской лошади. Надо полагать, что коннозаводство мало можетъ помочь тутъ даже въ самомъ лучшемъ случаѣ,—даже если бы оно имѣло возможность укрѣплять всѣхъ крестьянскихъ лошадей. Тѣмъ болѣе, если коннозаводство не даетъ того, что должно бы дать. Если мы сравнимъ количество крестьянскихъ лошадей—22.250,000 съ количествомъ матокъ, покрываемыхъ заводскими лошадьми на случныхъ пунктахъ—37,478 *), то процентное отношеніе выразится числомъ 0,17%. Трудно сказать, какая часть изъ нихъ идетъ въ сельское хозяйство (надо полагать, что вся эта работа предпринимается для нуждъ кавалеріи); но, если мы допустимъ даже, что—всѣ, то всетаки должны констатировать ничтожное вліяніе коннозаводства на крестьянскую лошадь. Кроме того, самая система, постановка культуры лошади въ коннозаводствѣ заставляеть сомнѣваться въ томъ, насколько дѣйствительно можетъ укрѣпить лошадь нынѣшняя культура, когда главное вниманіе обращается лишь на ростъ, кровность и внѣшнія формы лошади. Эти лошади, столь красивыя и эффектныя на скаковомъ полѣ, оказались далеко уступающими въ силѣ и выносливости природнымъ лошадямъ. Нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ извлечены изъ китайской и трансваальской войны (см. у г. Стаховича *Русскія Выдомости* за январь и февраль 1902 г.). По отношенію къ рысистымъ лошадямъ коннозаводчики, подъ вліяніемъ тотализатора, стали обращать свое главное вниманіе на рѣзвость и скороспѣлость. На мѣсто мощнаго орловскаго рысака—лошади для упряжи—тотализаторъ поставилъ призовую лошадь исключительно для бѣговъ. Раньше бѣга давали возможность судить не только о красотѣ и прочности формъ, и только о рѣзвости, но и о силѣ лошади. Дистанція бѣга была въ 3,

*) Обѣ цифры взяты для одного и того же года (см. Конская перепись 1888 г. и памятная книжка коннозаводства за 1894 г.).

4, 5 и болѣе версть. Теперь, чтобы тотализаторъ чаще и лучше работалъ, устраиваютъ гитовыя испытанія, гдѣ дистанція равна 1—1½ верстамъ. Производство для приза вызвало массу расходовъ на наѣздниковъ; напримеръ, нѣкоторые изъ американскихъ жокеевъ получаютъ теперь за сезонъ до 35,000 руб. Такіе расходы на жокеевъ и тренеровъ стали производиться, когда въ послѣдніе годы бѣга показали, что при вышеуказанныхъ условіяхъ бѣга успѣхъ часто зависитъ не столько отъ лошади, сколько отъ наѣздника. Такое открытіе поведетъ, конечно, не только къ погонѣ за американскими наѣздниками, но и къ болѣе хаматному отношенію къ лошади. Знатоки животноводства указываютъ, что коннозаводство, руководимое тотализаторомъ, уродуетъ орловскаго рысака и ведетъ его къ вырожденію.

Свѣдѣнія, которыя проникаютъ въ литературу съ аренъ скаковыхъ и бѣговыхъ обществъ, рисуютъ вліяніе тотализатора и въ другомъ отношеніи. Оказывается, что часто не лучшія лошади, не наиболѣе искусныя наѣздники получаютъ призы. На чемъ же основывается полученіе приза? И передъ нами открывается цѣлая картина грязнаго плутовства и мошенничества. Вмѣстѣ съ бѣшенными призами и огромными доходами тотализаторъ внесъ какой-то новый духъ въ дѣло скачекъ и бѣговъ. Такъ какъ выгоднѣе стало выигрывать на тотализаторѣ, чѣмъ получать призы, то хозяева лошадей стали нарочно пускать впередъ другихъ лошадей, на которыхъ они держали пари. Для той же цѣли существуетъ цѣлая группа поддѣльныхъ рысаконъ. Докладъ № 285 московской городской управы и финансовой комиссіи такъ описываетъ это явленіе. «Призъ въ нѣсколько сотъ рублей разыгрывается въ 2 заѣзда, по 1½ версты каждый. Игра идетъ на каждый заѣздъ отдѣльно, кромѣ того, на результатъ, т.-е. 3 игры по поводу одного приза при условіяхъ самыхъ дерзкихъ злоупотребленій. Увѣренный въ преимуществахъ своей лошади, наѣздникъ не спѣшитъ на первомъ заѣздѣ (онъ выиграетъ во второмъ), а въ первомъ, выпустивъ плохого соперника и сдѣлавъ на него ставку, беретъ чуть не весь тотализаторъ». Особенно способствуетъ плутовствамъ, вызваннымъ тотализаторомъ, такъ называемый гандикапъ. Какъ всякій плутъ, гандикапъ надѣваетъ личину самопожертванія. Гандикапъ долженъ утѣшить проигравшихъ, ставя болѣе слабыхъ лошадей впереди. Но гандикаперы подкупаются, и болѣе сильныя лошади ставятся впереди болѣе слабыхъ. Тотъ же докладъ пишетъ объ этомъ такъ: «Разстановка дѣлается безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ и принциповъ... Все зависитъ отъ усмотрѣнія гандикаперовъ, двухъ наемниковъ въ обществѣ. Они ставятъ лошадей по своему взгляду на то или другое состояніе. Всякую несообразность оправдываютъ добросовѣстнымъ заблужденіемъ. Наѣздники только и думаютъ скрыть рѣзвость лошади и погнать на выгодное мѣсто. Нерѣдко умышленно сдерживаютъ лошадей, чтобы опасть въ будущій разъ на выгодное мѣсто и взять ставку тотализатора. Гандикаперы сопутствуютъ каждый бѣговой день и ставятся всегда какъ и

для отыгрыша, а вѣрнѣе для полнаго проигрыша и завершения игорнаго азарта». Когда на XI сѣздѣ вице-президентовъ скаковыхъ обществъ предсѣдатель поднялъ вопросъ о гандикапахъ вслѣдствіе дошедшихъ до него слуховъ о неудовольствіи, которое вызываютъ эти учрежденія въ публикѣ, коннозаводчики отрицали существованіе неудовольствія и замяли поднятый вопросъ *). Всѣ стояли за сохраненіе этого учрежденія, такъ какъ-де доходы, приносимые имъ, очень солидны. За 3 послѣднихъ года онъ далъ лишь московскому бѣговому обществу 482,000 р. Кроме того, для расширения тотализатора введены повторные гиты на бѣгахъ, введены безчисленные добавочные дни, безконечныя программы съ двумя десятками заѣздовъ. Новый духъ, появившійся на аренѣ, — это плутовство, вопарившееся на мѣстѣ благороднаго соревнованія. Появились какія-то платныя должности, какіе-то дѣятели, какія-то дѣла, — и все это нѣчто темное, боящееся свѣта **). Хотѣлось бы вывести все это на свѣжую воду ***).

Арены скакового общества окружены галереями, которыя набиты людьми, какъ сельдями. Это — публика все приличная, большею частью заплатившая за входъ довольно высокую плату. Она стоитъ съ вытянутыми, напряженными лицами, съ биноклемъ, точно пригвожденнымъ къ глазамъ, боясь упустить малѣйшее движеніе «своихъ» лошадей, съ сердцами, которыя скачутъ вмѣстѣ съ этими лошадьми, то обгоняя ихъ, окрыленные надеждой, то отставая отъ нихъ, погруженные въ отчаяніе. Что же? Эти люди предаются эстетическому созерцанію красоты формъ и движеній героевъ скачекъ, красоты дѣйствія, происходящаго на ристалищѣ? Это зрѣлище дышитъ силой, здоровьемъ, красотой, благородствомъ? Оно переноситъ въ древній героическій періодъ Греціи, поэмы котораго еще до сихъ поръ воспитываютъ наши поколѣнія?

Ничего подобнаго... Кажется, будто всѣ эти лица сами участвуютъ въ ристалищѣ, не какъ жокеи, не какъ наѣзники, не какъ хозяева, не какъ люди, а какъ лошади, подставившія свою спину какой-то лихой властной силѣ, и, понукаемыя ея нагайкой и управляемыя ея вожжами, несутся, не зная куда, съ одною мыслью, что вотъ-вотъ смерть ударитъ тебя. Что же это за сила? Кто онъ — этотъ наѣзникъ, выѣзжающій на спинахъ многотысячной толпы?

Тотализаторъ!

А толпа растетъ съ каждымъ годомъ, такъ какъ отъ увеличенія количества играющихъ зависитъ расширеніе операций тотализатора. О численномъ количествѣ этой толпы мы, не имѣя точныхъ данныхъ, можемъ судить по оборотамъ тотализатора (въ Москвѣ — 19.632,656 руб.), а также

*) См. *Журналъ коннозаводства и коневодства*.

**) Инцидентъ съ Телѣгинымъ.

**) По закону 3 декабря 1889 г. запрещено печатное оглашеніе результатовъ игры въ тотализаторъ. Но эта мѣра, имѣющая цѣлю ослабить игорную страсть, не достигла своей цѣли. Она только вывела дѣла тотализатора изъ сферы публичнаго во: гроя.

и по тому, что число лицъ въ галереяхъ равно слишкомъ 10,000,—а они представляютъ небольшой процентъ всего числа тототшиниковъ. Частное зло стало зломъ общественнымъ. Правда, тотализаторъ не могъ бы существовать не при современныхъ условіяхъ. Въ другихъ условіяхъ это чудовище само по себѣ, безъ всякаго внѣшняго удара, умерло бы отъ голода. Теперь же оно живетъ—радостное, торжествующее, могущественное. Когда покупатели подходятъ къ окошечку тотализатора, то думаютъ: «вотъ средство сразу разбогатѣть». И течетъ къ нему толпа, которая ставитъ на его билетикъ все, что имѣетъ, ничего не жалѣя, вплоть до своей и чужой жизни. Образовался цѣлый культъ, появились жрецы-букмекеры, которые стали проникать въ самыя бѣдныя хижины, раздавать надежду на обогащеніе, забирать за это послѣднія крохи бѣдняковъ, послѣдніе нравственные устои ихъ, забирать ихъ души, а подчасъ и жизнь *). Появились даже прорицатели. И толпы бѣдняковъ, не имѣя средствъ заплатить за входъ, раснолагаются вокругъ зданія скачекъ. Гласный В. Д. Жадаевъ, видѣвшій эту толпу, такъ передаетъ свои впечатлѣнія: «Я видѣлъ, какъ цѣлая семья, мужъ и жена съ пятилѣтней дѣвочкой на рукахъ, брали на собранныя трудовыя деньги 3-хъ рублевый билетъ. Видѣлъ, какъ проигравшіе всѣ свои деньги раздѣлялись за оградой, закладывали одежду и являлись опять къ окошечку брать 3-хрублевый билетъ, а проигравши опять, даже чернѣли, потому что имъ завтра прямо ѣсть нечего... Я видѣлъ, что это полнѣйшее разореніе для населенія». Чтобы познакомиться ближе съ этой толпой, вѣрнѣе всего обратиться въ орудный судъ, заглянуть въ тюрьмы; много можно было бы узнать о ней на каторгѣ, многое могли бы рассказать врачи, адвокаты, писатели, кушцы, пресса. Предсѣдатель московскаго окружнаго суда за нѣсколько лѣтъ запомнилъ 24 рѣзкихъ случая кражъ и 3 случая убійствъ, совершенныхъ изъ-за игры въ тотализаторъ. По мнѣнію компетентныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, если бы мотивы преступленія постоянно выяснялись на судѣ, то число преступленій отъ игры въ тотализаторъ оказалось бы гораздо больше. Читая этотъ далеко не полный, но всетаки солидный списокъ преступленій, чувствуешь, что во всѣхъ этихъ преступленіяхъ виновникъ одинъ—тотализаторъ. Многие семейные люди, прежде своевременно платившіе за квартиру и въ лавочку, при открытіи тотализатора стали запаздывать платежами. Судебный приставъ К. Д. Гусевъ описываетъ это такъ: «Дашь повѣстку, просить обождать 2 дня. Являешься черезъ 2 дня, смотришь, на столѣ гора билетовъ тотализатора, значить проигрался вчера, и слышишь просьбу: извините, подождите, уплатить не могу». О числѣ самоубійствъ отъ тотализатора нельзя найти данныхъ, но можно, безъ опасенія ошибки и, считать, что увеличеніе оборотовъ тотализатора имѣетъ связь съ

*) Эти букмекеры на почвѣ своего служенія часто занимаютъ ростовщичествомъ, напоминающимъ средніе вѣка. Образовались легучія кассы и кассары, скупающіе игровыя деньгами за большіе проценты: за 50 рублей берутъ векселъ въ 200 рублей.

личеніемъ числа самоубійствъ. Врачи *) констатируютъ развитіе отъ тотализатора разныхъ болѣзней и вмѣстѣ съ беллетристами и прессой указываютъ на массу порождаемыхъ имъ семейныхъ несчастій и драмъ. Въ *Русскомъ Словѣ* ✽ Дорошевичъ передаетъ воспоминанія объ игрѣ въ тотализаторъ одного лица, осужденнаго на каторгу за убійство любовницы, у которой ему хотѣлось отнять послѣднее платье, чтобы заплатить за билетъ тотализатора. «Когда играешь, то чувствуешь себя,—говоритъ онъ,—чисто, какъ кошку въ мѣшокъ засадятъ и крутить начнутъ... преступленіе я свое какъ во снѣ совершилъ». Изъ купческаго міра постоянно слышны жалобы купцовъ на приказчиковъ и другихъ служащихъ, часто растрчивающихъ хозяйскія деньги на игру въ тотализаторъ. Эти растраты и кражи доходятъ до суда лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда сумма растраты велика или когда многократность ихъ выводятъ хозяина изъ терпѣнія. Въ собраніи выборныхъ московскаго мѣщанскаго общества вліяніе тотализатора описывается такъ. «Эта игра выхватываетъ изъ мѣщанскаго сословія не одну жертву. Много лицъ, увлекшись страстью къ этой игрѣ, вступило на путь преступленій, совершило растраты, подлоги и инныя имущественныя преступленія, расчетъ за которыя происходилъ уже въ залѣ суда на скамьѣ подсудимыхъ. Но далеко не всѣ губительныя послѣдствія игры въ тотализаторъ доходятъ до суда. Много горя, разореній и ненужныхъ страданій создаетъ эта игра; много лицъ, извѣдавшихъ это увлеченіе, разорили свои семьи, потеряли свои мѣста, вѣрные заработки, потеряли доброе имя и уваженіе тѣхъ лицъ, среди которыхъ проходитъ ихъ жизнь и дѣятельность». Бромъ неудачниковъ, погибшихъ въ этой азартной игрѣ, есть много удачниковъ, выигравшихъ и радостно катящихся съ ипподрома. Но куда идутъ эти выигрыши? На улучшеніе жизни? Или, можетъ быть, на коннозаводство? Нѣтъ! Неожиданно, внезапно, безъ труда добытыя деньги отуманиваютъ мозгъ не меньше вина. За выигрышемъ слѣдуетъ не трудъ, не спокойствіе, а праздность, разгулъ, развратъ, кутежи, карты и, наконецъ, бессмысленное швыряніе деньгами. Мало того, сюда съ ипподрома идетъ не только выигрышъ, но и призь и даже заработанныя деньги. Прокучиваютъ ихъ не только нынѣшніе удачники, но и всѣ лица, такъ или иначе причастныя къ скачкамъ и бѣгамъ: тутъ и коннозаводчики, и спортсмены, и управляющіе, и завѣдующіе ихъ заводами и конюшнями, тренеры и жокеи ихъ, даже конюхи и конюшенныя мальчики. По мнѣнію г. Стаховича, самые заинтересованные коннозаводствомъ, скачками и тотализаторомъ люди—это содержатели «Яра», «Стрѣльны» и т. п.

Итакъ, тотализаторъ есть зло **), польза котораго для коннозаводства очень сомнительна, а вредъ—громадный; онъ—зло, которое развращаетъ слаковое и бѣговое дѣло, и, наконецъ, онъ—зло, которое развращаетъ и

*) Напримѣръ, д-ръ Пучковъ.

***) Это признаютъ даже и защитники тотализатора; лишь газета *Новости Дня* считаетъ его «невиннымъ ягненкомъ» (выраженіе *Новостей Дня*).

губить население города. Въ тому же это зло, безъ всякихъ оправданій какъ съ матеріальной, такъ и съ этической точки зрѣнія, существуетъ и безъ законодательной санкціи. И вотъ уже 15 лѣтъ, какъ московская городская дума ведетъ борьбу съ тотализаторомъ и до сихъ поръ съ незавиднымъ успѣхомъ. Чѣмъ же объясняется ея неуспѣшность? Прослѣдимъ ходъ этой борьбы.

Впервые этотъ вопросъ былъ поднятъ въ городской думѣ гласнымъ С. Н. Мамонтовымъ 16 мая 1886 года. Указывая на зло тотализатора, онъ убѣждалъ принять возможныя мѣры для полного уничтоженія этой азартной, развращающей и губящей московское населеніе игры или по крайней мѣрѣ, для ея ограниченія. Московская городская дума, во-первыхъ, признавъ игру въ тотализаторъ крайне азартной, привлекающей къ себѣ всѣ слои населенія Москвы, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, не исключала даже воспитанниковъ школъ и гимназій; признавъ тотализаторъ силой, дѣйствующей развращающимъ образомъ на всѣхъ, а особенно на молодежь и рабочій классъ населенія, и разстраивающей матеріальное благосостояніе жителей; во-вторыхъ, считая, что на обязанности городской думы на основаніи 3 пункта, 1949 ст., II т., I ч. Общ. Губ. Учр. Управления лежитъ пешичь о благосостояніи городского населенія, постановила: «обязательнымъ довести о вредныхъ послѣдствіяхъ упомянутой азартной игры до свѣдѣнія правительства и ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ передъ московскимъ генералъ-губернаторомъ о воспрещеніи игры въ тотализаторъ, наравнѣ со всѣми возбраняемыми закономъ азартными играми». Въ отвѣтъ на это ходатайство 24 мая 1886 г. думѣ было предложено сдѣлать соответствующее распоряженіе о воспрещеніи воспитанникамъ народныхъ школъ игры въ тотализаторъ. Въ то же время московскій генералъ-губернаторъ отправляетъ отношеніе къ московскому оберъ-полицеймейстеру «о немедленномъ закрытіи существующихъ на московскомъ скаковомъ ипподромѣ кассъ для продажи рублевыхъ и болѣе дешевыхъ билетовъ на игру въ тотализаторъ» и «о строгомъ наблюденіи за недопущеніемъ учащейся молодежи къ игрѣ въ тотализаторъ во время скачекъ». Правда, эти мѣры дума считала памплативами, но, зная, что не такъ легко дѣло дѣлается, успокоилась пока на достигнутыхъ ограниченіяхъ игры въ тотализаторъ, тѣмъ болѣе, что эти распоряженія должны были устранить самыя острые и непріятныя проявленія этого учрежденія.

Съ новой силой и съ новой энергіей этотъ вопросъ поднимается въ собраніи городской думы 4 іюля 1889 г. городскимъ головою Н. А. Алексѣевымъ. На этомъ собраніи было констатировано, что полумѣры, предпринятыя противъ тотализатора въ 1886 г., нисколько не ослабили это зло, если, наоборотъ, не способствовали его усиленію. Операции тотализатора сильно увеличились, уничтоженіе рублевыхъ билетовъ заставило игроковъ покупать 3-рублевые билеты въ складчину; игра распространилась по всей Москвѣ, проникла во всѣ самыя бѣдныя хижины предгіііі. Вслѣдствіе этого мѣры, предложенныя городскимъ головою для боръіі

тотализаторомъ: 1) запретить печатать что-либо о скачкахъ и бѣгахъ; запретить печатать о фаворитахъ - лошадяхъ; 3) уничтожить кассы въ ипподрома съ окошечкомъ, обращеннымъ на Ходынское поле, или въ певыхъ для публики мѣстахъ, и 4) воспретить скачки въ воскресные и праздничные дни, когда недостаточное население свободно и несетъ своимъ заработанные гроши на это дѣло, — всѣ эти мѣры были отвергнуты, къ паллиативы. И единогласно было принято предложеніе ходатайствовать предъ московскимъ генералъ-губернаторомъ о полномъ закрытіи тотализатора.

Прошло еще 8 лѣтъ. Зло съ каждымъ годомъ все разрасталось; оборотъ тотализатора уже равнялся 8.000,000 руб. И вотъ, известнымъ намъ гласнымъ С. Н. Мамонтовымъ 28 января 1897 года вносится собранію городской думы предложеніе установить на тотализаторъ налогъ въ нѣсколько процентовъ съ его оборотнаго рубля съ тѣмъ, чтобы налогъ этотъ былъ всецѣло обращенъ на нужды городскихъ попечительствъ бѣдныхъ. Дума обратилась за разрѣшеніемъ этого вопроса къ попечительствамъ, которыя и предложили на ея усмотрѣніе слѣдующее заключеніе: «Ходатайствовать предъ правительствомъ объ установленіи 5-типроцентнаго сбора съ выигрышей тотализатора въ пользу городского управленія Москвы на покрытіе расходовъ на призрѣніе бѣдныхъ городскими попечительствами, на городскіе дома трудолюбія и городское присутствіе и разбора просящихъ милостыни». Это заключеніе попечительства мотивовали тѣмъ, что они, признавая тотализаторъ общественнымъ зломъ, ижеиствующимъ быть уничтоженнымъ, но въ то же время не питая надежды на его уничтоженіе, считаютъ себя не въ правѣ отказаться отъ предложенія думы и обязаны хоть чѣмъ-нибудь ослабить вредъ, приносимый тотализаторомъ, пока онъ существуетъ. Когда это заключеніе было внесено въ городскую думу, не всѣ гласные согласились съ мнѣніемъ попечительствъ, указывая на то, что даже налогъ въ 400,000 руб. въ пользу бѣдныхъ не можетъ успокоить общественную совѣсть. Постановленіе попечительствъ было принято большинствомъ, но въ то же время имъ снова поднятъ вопросъ о закрытіи тотализатора и единогласно постановлено поручить городской управѣ представить думѣ соображенія по просу о необходимости повторенія ходатайства о совершенномъ закрытіи тотализатора въ виду вреда, приносимаго имъ городскому населенію.

Городская дума въ собраніи 19 мая 1898 г. единогласно постановила: просить Его Императорское Высочество московскаго генералъ-губернатора вернуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества ходатайство московской городской думы о скорѣйшемъ закрытіи въ Москвѣ тотализатора. 7 марта 1900 г., дума получаетъ извѣщеніе, что это ходатайство приостановлено Его Императорскимъ Высочествомъ московскимъ генералъ-губернаторомъ гласно отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ въ виду того, что раньше нужно обсудить новыя правила о закладахъ въ тотализаторѣ, вы-

работанныя главнымъ управленіемъ государственнаго коннозаводства и разосланныя уже на заключеніе бѣговымъ и скаковымъ обществамъ».

Вслѣдъ за этимъ 2-го іюня 1901 г. городская дума увѣдомляется, что Его Императорское Высочество главноуправляющій государственнымъ коннозаводствомъ находить возможнымъ въ непродолжительномъ времени сдѣлать распоряженіе о томъ, «чтобы въ Императорскихъ московскихъ скаковомъ и рысистомъ обществахъ изъ суммъ, которыя по установленнымъ отчисленіямъ окажутся подлежащими выдачѣ въ видѣ дѣйствительнаго выигрыша на билеты тотализатора, т.-е. за вычетомъ суммы стоимости самыхъ билетовъ, взятыхъ на выигравшихъ призы лошадей, производилось ежегодно отчисленіе въ размѣрѣ 5% въ пользу московскаго городского общественнаго управленія на благотворительныя надобности». 8-го іюня 1901 г. городской думѣ препровождается московскимъ губернаторомъ запросъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, не откажется ли дума въ виду согласія главнаго управленія государственнаго коннозаводства на обложеніе тотализатора 5-типроцентнымъ сборомъ отъ ходатайства о совершенномъ закрытіи тотализатора.

Эти предложенія городская дума немедленно же передала на детальное разсмотрѣніе городской управы и финансовой комиссіи, соединенное совѣщаніе которыхъ представило на усмотрѣніе московской городской думы слѣдующее заключеніе. Представить московскому губернатору:

1) Что московская городская дума, проникнутая глубокимъ сознаніемъ непомерно и съ каждымъ годомъ растущаго вреда, который причиняетъ населенію города существованіе тотализатора, и убѣжденная въ томъ, что частичныя измѣненія въ условіяхъ дѣятельности тотализатора не уменьшаютъ вреда, причиняемаго имъ населенію, настаиваетъ, чтобы представленное Его Императорскимъ Высочествомъ московскимъ генералъ губернаторомъ всеподданнѣйшее ходатайство о скорѣйшемъ закрытіи въ Москвѣ тотализатора было повергнуто на милостивое благовозрѣніе Его Императорскаго Величества.

2) Что московская городская дума, не признавая возможнымъ быть соучастникомъ въ выигрышахъ тотализатора, отказывается отъ сборовъ съ него на благотворительныя нужды города и не считаетъ возможнымъ прекратить искъ, предъявленный къ Императорскому московскому обществу охотниковъ конскаго бѣга объ изыятіи изъ владѣній означеннаго общества въ пользу города Москвы 12 десятинъ 2,295 кв. сажень земли со сносомъ возведенныхъ на этой землѣ построекъ.

18 декабря 1901 г. московская городская дума постановила принять это заключеніе и, собравъ, насколько возможно, полный матеріалъ о вредномъ вліяніи тотализатора, просить Его Императорское Высочество московскаго генералъ-губернатора принять ея депутацію, которая и доложила, указавъ подробно о вліяніи тотализатора на населеніе г. Москвы, и просить положить къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшее ходатайство о закрытіи тотализатора.

И только тутъ впервые московская городская дума увидѣла, что она одна стоитъ противъ золотой крѣпости тотализатора. Московское губернское земство, купеческое, мѣщанское, ремесленное общества, общество приказчиковъ и, наконецъ, 25 января 1902 г. московское губернское дворянское собраніе единогласно признали, что тотализаторъ оказываетъ на населеніе деморализующее вліяніе, и рѣшили ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о закрытіи тотализатора.

Въ февралѣ 1902 г. Высочайше назначена коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о тотализаторѣ. Коммиссія, сохранила это учрежденіе, но, обы успокоить нѣсколько общественное негодованіе противъ тотализатора, ѣлала нѣкоторыя уступки: отняла у тотализатора воскресные дни и рѣшила отчислить съ его оборотовъ нѣкоторый процентъ въ пользу бѣдныхъ.

Разсматривая ходъ борьбы, которую вела московская городская дума противъ тотализатора, мы видимъ причину сохраненія его еще до нынѣшняго времени въ томъ, что до сихъ поръ московская городская дума дѣйствовала одна и потому была не вполне настойчива и прямолинейна въ своихъ ходатайствахъ. Теперь же, когда и городъ, и деревня, и промышленность, и торговля, и трудъ, и наука, въ лицѣ своихъ представителей, поднялись противъ тотализатора, когда становится все болѣе и болѣе невиднымъ, что тотализаторъ поставилъ коннозаводство на ложный путь, когда онъ загрязнилъ здоровый спортъ, что онъ ведетъ лошадь къ вырожденію; когда уже существуетъ сознаніе, насколько сильно и неотразимо его возвращающее и губительное вліяніе на населеніе; когда польза отъ коннозаводства сравнительно съ вредомъ тотализатора оказывается ничтожна, — теперь никакія соображенія не позволяютъ жертвовать спокойствіемъ благосостояніемъ населенія ради тотализатора. Хотя и теперь коммиссія признала необходимымъ сохранить тотализаторъ, но можно безошибочно предсказать, что существованіе этой игры недолговѣчно.

А. Б.

Темное старое время Грузіи.

(Первый реалистическій романъ Чонкадзе „Сурамская крѣпость“.)

Развитіе грузинской литературы новѣйшей эпохи начинается со времени русскаго владычества на Кавказѣ. Въ 1821 г. при верховно-грузинскомъ правительствѣ стала издаваться первая *Грузинская газета*, смѣненная въ 1832 г. новымъ органомъ *Тифлисскія Вѣдомости*. Въ 1851 г. первый грузинскій драматургъ князь Георгій Эристовъ основалъ журналъ *Цискори* («Заря»), въ которомъ приняли участіе талантливые поэты кн. Николай Барташвили и кн. Георгій Орбелиани. Въ этомъ-то органѣ, въ 1859 г., былъ напечатанъ первый грузинскій *реалистическій* романъ «Сурамская крѣпость», принадлежащій перу Данила Чонкадзе (1830—1860). Вѣщная канва этого романа держится на извѣстномъ странствующемъ сказаніи, по которому, согласно вѣрованіямъ нашихъ отдаленныхъ предковъ, для благополучнаго окончанія воздвигаемой постройки необходимо было зарыть подъ ней *живое существо* *).

До сихъ поръ слышится въ различныхъ концахъ Грузіи грустная пѣсня о Зурабѣ, замуравленномъ въ стѣнѣ Сурамской крѣпости:

Сурамская крѣпость,
Радъ я тебя видѣть,
Мой Зурабъ у тебя,
Береги ты его мнѣ!

Пѣсня эта состоитъ изъ воплей матери и стоновъ сына, котораго за дѣлываютъ на глазахъ у матери въ стѣну, по указаніямъ колдуньи. По тѣлу возвышается строящаяся стѣна, мать же, стоя поодаль и рыдая, постоянно взываетъ къ сыну, освѣдомляется, какъ высоко возвели стѣну:

— Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?

— Горе мнѣ, мать,—по колѣни.

— Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?

*) Подобное сказаніе приурочено, наприм., въ Н.-Новгородѣ къ башнѣ, назв. земной Коромысловой, такъ какъ подъ нее зарыли рабочіе молоденькую женщину и шую за входъ съ ведрами и коромысломъ.

- Горе мнѣ, мать,—по поясъ.
- Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?
- Горе мнѣ, мать,—по горло.
- Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?
- Горе мнѣ, мать,—покончено.

При этихъ словахъ сына задѣлали окончательно, и онъ испустилъ духъ. Мать падаетъ въ обморокъ. Черезъ часъ она просыпается сумасшедшею, которая потомъ не спитъ, не ѣстъ, не пьетъ и лишь раздражающимъ душу голосомъ вопрошаетъ Сурамскую крѣпость, что стало съ ея милымъ Зурабомъ.

Легенда о задѣланіи единственного сына несчастной матери, красавца Зураба въ стѣнахъ Сурамской крѣпости—самая популярная въ грузинскомъ народѣ. Эту легенду воспользовался Д. Чонкадзе, чтобы въ мастерскомъ разсказѣ изобразить ненормальныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Разсказъ этотъ, написанный простымъ народнымъ языкомъ, имѣлъ въ свое время огромное вліяніе. Онъ въ первый разъ затронулъ въ грузинскомъ обществѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Чонкадзе изобразилъ въ самыхъ живыхъ краскахъ страданія крестьянъ отъ безграничнаго произвола помѣщиковъ, которые въ силу освященныхъ вѣками обычаевъ рабовладѣльчества, загубили въ странѣ такъ много жизней. Самый разсказъ ведется авторомъ въ духѣ Боккачіо, весьма оригинально. Онъ рисуетъ беззаботную жизнь кружка молодыхъ грузинъ изъ достаточныхъ семей. Кружокъ этотъ каждый вечеръ собирается на берегу рѣки Куры у Ангисъ-Хатслага спуска въ Тифлисе въ сопровожденіи туземныхъ музыкантовъ. Здѣсь, при глухомъ ревѣ Куры, раздаются звуки тари, чіанури и дудуки *). Молодые люди кутятъ напролетъ всю ночь. Впрочемъ, по временамъ, они проводятъ тамъ часы досуга въ пріятныхъ и поучительныхъ разсказахъ. На этотъ случай у нихъ соблюдается очередь. Кто-нибудь изъ нихъ является распорядителемъ кружка и на его обязанности лежатъ заставлять всѣхъ по порядку разсказывать о прожитой жизни, или о какомъ-нибудь знаменитомъ историческомъ происшествіи. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ кто-то изъ молодыхъ людей, по поводу пѣсни о Сурамской крѣпости, повелъ разсказъ, такъ заинтересовавшій молодыхъ людей, что всѣ послѣдующіе вечера вниманіе кружка сосредоточилось на немъ.

Въ сѣдой древности, въ одной изъ именитыхъ княжескихъ фамилій Имеретіи, именно въ домѣ князя Церетели, живетъ въ услуженіи молодая, красивая дѣвушка, дочь умершаго крестьянина. Сынъ князя, 20-лѣтній молодой человекъ, вскорѣ полюбилъ дѣвушку и плодомъ этой любви явился сынъ Дурмишханъ. Старый князь, чтобы наказать дерзость крестьянки, принявшей ласки его сына, взялъ ребенка и переслалъ его въ

*) Грузинскіе музыкальные инструменты.

подарокъ своей родственницѣ, урожденной также Церетели, жентѣ Мухранскаго въ Тифлисъ. Мать Дурмишхана зачахла съ горя и черезъ годъ умерла. Это обстоятельство ничуть не обезпокоило молодого князя, который въ самый день похищенія ребенка у матери съ такимъ же беззаботнымъ и веселымъ видомъ отправился на охоту за перепелами, какъ и въ день смерти несчастной крестьянки. Дурмишханъ росъ при дворѣ Мухранскаго. Онъ зналъ исторію своего происхожденія, и сирота съ молодыхъ лѣтъ мечталъ лишь о томъ, какъ бы пріобрѣсти средства и наконецъ сдѣлаться свободнымъ. Когда ему минуло 20 лѣтъ, онъ полюбилъ прелестную дѣвушку, Вардуа, незаконнорожденную дочь служанки княгини. Княгиня любила ее и пожелала устроить ей счастье, выдавъ ее замужъ за Дурмишхана. Молодой человекъ, желая для счастья дѣвушки собрать средства, выпросилъ у княгини позволеніе направиться въ дальній путь и заняться нѣкоторое время торговлею. Княгиня выпросила это позволеніе у мужа, дала Дурмишхану средства на первое обзаведеніе и благословила его въ путь. Много слезъ пролила Вардуа на прощанье съ любимымъ человекомъ, но помѣшать его отъѣзду не могла, да и не хотѣла. Тѣмъ съ большимъ усердіемъ продолжала она службу у доброй княгини и съ этихъ поръ жила лишь любовью къ милому Дурмишхану.

По грузинской дорогѣ изъ Тифлиса въ Сурамъ ѣдетъ на карабахскомъ конѣ молодой джигитъ; онъ весь въ оружіи, на него посмотрѣть любо. Высокая папаха объемлетъ его кудри; на него накинута черная бурма; черты его лица выражаютъ рѣшимость; онъ гордо сидитъ на конѣ; но вотъ раздался взмахъ плети, конь прынулъ и понесся, какъ вѣтеръ, промежъ заборовъ ахалцхскихъ виноградниковъ. Джигитъ вскорѣ сыркнулъ съ лошади, подъ тѣнью орѣховыхъ деревъ у холоднаго родника «Крътцаро».

То былъ Дурмишханъ. Онъ хотѣлъ напоить лошадь и освѣжиться отъ полдневнаго зноя. Въ это время онъ завидѣлъ по другой сторонѣ дороги партію вооруженныхъ конныхъ турокъ. Впереди ихъ ѣхалъ статный турецкій воинъ, по одеждѣ янычаръ, но по чертамъ лица—грузинъ. Дурмишханъ осмотрѣлъ свое оружіе и сталъ въ выжидательномъ положеніи. Янычаръ слѣзъ съ лошади, поклонился почтительно Дурмишхану и началъ спрашивать, откуда и куда онъ ѣдетъ. Оказалось, что оба они идутъ по одной дорогѣ и къ одному мѣсту. Осману-Агѣ, такъ звалъ себя янычаръ, понравился статный и красивый Дурмишханъ; они вскорѣ подружились, и дорогою Османъ-Ага рассказалъ ему про свою жизнь.

Отецъ Османа-Аги былъ помѣщичій крестьянинъ; разъ при спускѣ воза съ горы арба задавила его. Вдова осталась съ двумя малютами,—это были онъ и его сестра. Помѣщикъ, не долго думая, взялъ къ себѣ съ матерью въ услуженіе, домъ же ихъ продалъ, а земли отъ другихъ крестьянамъ въ аренду. Разъ является къ помѣщику священникъ изъ сосѣдняго прихода, и послѣ долгихъ переговоровъ, помѣщикъ являетъ матери Османа, что онъ продалъ ее дѣтей священнику, кот

и возьметъ ихъ себѣ на слѣдующій день. Пораженная горемъ мать, не желая лишиться дѣтей, рѣшилась въ ту же ночь бѣжать съ малютками въ Тифлисъ, гдѣ долгое время она жила подаяніемъ въ тѣсныхъ и темныхъ армянскихъ закоулкахъ, назвавъ себя и своихъ дѣтей выходцами изъ Арменіи. Она провела такимъ образомъ 10 лѣтъ, посѣщала армянскія церкви, но не приобщалась. Наконецъ, совѣсть стала ее сильно укорять, и она на одиннадцатомъ великомъ посту рѣшилась исполнить христіанскій долгъ и начала говѣть въ православной церкви. На исповѣди она рассказала священнику свою исторію. Но каковъ былъ ея ужасъ, когда на третьей недѣлѣ послѣ приобщенія Св. Тайнъ помѣщикъ нагрянулъ съ прислугою на ея лачужку и забралъ ее съ дѣтьми къ себѣ домой. Въ это время Османъ-Агѣ было 16 лѣтъ, онъ уже ходилъ на заработокъ и носилъ кинжалъ. Помѣщикъ, чтобъ наказать непокорную мать, приказалъ впречь ее подъ ярмо, на гумнѣ, въ молотильню рядомъ съ быкомъ и гнать ее по кругу. Сдѣлавъ десять круговъ, она упала и испустила духъ передъ лицомъ сына своего Османъ-Ага, котораго держали связаннымъ тамъ же. Османъ вырывается изъ рукъ своихъ мучителей, бросается въ домъ помѣщика и закалываетъ его, сидѣвшаго на тахтѣ, кинжаломъ, затѣмъ бросается въ сосѣднюю комнату и зарѣзываетъ жену его съ двухлѣтнею малюткою. Отсюда онъ бросается на улицу и бѣжитъ въ сторону Ахалциха. Слуги помѣщика видятъ все это, но не ловятъ его. Османъ-Ага въ Ахалцихѣ принимаетъ исламъ и скоро дѣлается янычаромъ. Послуживъ десять лѣтъ при дворѣ султана съ честью, онъ выходитъ въ отставку съ порядочнымъ состояніемъ, возвращается на родину, поселяется въ Сурамѣ и дѣлается первымъ зажиточнымъ торговцемъ въ Сурамѣ.

Въ этихъ разсказахъ путешественники достигаютъ Сурама. Османъ-Ага приглашаетъ къ себѣ Дурмишхана и дѣлаетъ его своимъ приказчикомъ. Разсказъ Османа-Аги производитъ на Дурмишхана сильное впечатлѣніе: онъ еще болѣе возненавидѣлъ помѣщичій гнетъ и рѣшилъ приложить все свое стараніе, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, свободнымъ отъ барина. Но въ эгоистическомъ стремленіи къ приобрѣтенію денегъ онъ заглушаетъ въ себѣ всѣ лучшія стороны своей натуры. Онъ даже забываетъ свои прежнія чувства къ Вардуа. Проходитъ время. Османъ-Ага дѣлаетъ его своимъ наследникомъ и женитъ его на своей крестницѣ—дочери состоятельнаго сурамскаго крестьянина. Послѣ свадьбы Дурмишханъ пишетъ письмо въ Тифлисъ, къ своей прежней невѣстѣ Вардуа, что пусть она его больше не ждетъ, что онъ желаетъ ей лучшаго мужа и много счастья въ жизни. По прочтеніи письма она поблѣднѣла и тихо опустилась на полъ. «Воды, скорѣй, воды», — кричитъ сердобольная княгиня. — Черезъ четверть часа дѣвушку привели въ чувство. Она встала и не сказала ни слова. На вопросы Мухранской она отвѣтила, что совершенно спокойна и больше ни о чемъ не думаетъ...

На другой день Вардуа остановилась передъ дверью одноэтажнаго ста-

раго домика и постучалась. Изъ дома выглянула костлявая старуха и пригласила ее къ себѣ.

Это была знаменитая гадалщица.

— Мать моя,—начала твердымъ голосомъ Вардуа,—ты меня выучи своему ремеслу, чтобы я могла когда-нибудь отомстить—отомстить дьявольски.

— Мщеніе, милая моя, великій грѣхъ. Предоставь все лучше волѣ Божьей! Моли Господа, онъ за тебя отомститъ.

Гадалщица была извѣстна исторія Вардуа.

— Нѣтъ, мать моя, я сама желаю ему отомстить; чтобы онъ самъ узналъ, что мстителемъ была именно я, а не кто другой.

— Мое ремесло—гаданье, милая моя, но подумай хорошенько, пока ты еще не вступила на этотъ путь... Знай, что, вступивши на него, ты разстанешься съ міромъ. Ты сдѣлаешься колдуньей; свѣтъ начнетъ смотрѣть на тебя не какъ на существо человеческое, а какъ на нѣчто среднее между человѣкомъ и дьяволомъ. Подумала ли ты объ этомъ?

— Мнѣ нечего ужъ думать, я рѣшила,—отвѣчала Вардуа.

— Нѣтъ, ступай, моя родная, подумай еще эту ночь, приходи завтра, а тогда увидимъ.

Вардуа, вернувшись домой, объявила княгинѣ, что она уже не пригодна ей болѣе и просила ее отпустить на волю Божью. Княгиня согласилась. На другое утро дѣвушка была опять у гадалщицы.

— Ну, что, дитя мое, какъ рѣшила?—спросила ее старуха.

— Я рѣшилась выучиться твоему ремеслу,—отвѣчала съ твердостью Вардуа.

Прошли десяти лѣтъ. По всему краю разнеслась молва о гадалщицѣ Вардуа. Въ дѣлахъ важныхъ самъ царь и его приближенные предварительно совѣтовались съ знаменитою ворожей.

Настало смутное время грузинскаго царства. Турки начали спускаться со стороны Ардагана въ долину Куры. Царь готовился приступить къ оборонѣ страны и приказалъ своему визирю возвести укрѣпленія во всѣхъ горныхъ проходахъ. Рѣшено было, между прочимъ, построить крѣпость въ Сурамѣ. Но удивительное дѣло! Какъ только выводили крѣпостную стѣну на два аршина высоты, стѣна трескалась и разрушалась до основанія. Двигаясь вельможи, задумался царь. Великое несчастье тяготѣетъ надъ странюю. Духовные составили синглитъ, отслужили молебны, но крѣпостныя стѣны отъ этого не крѣпнутъ: при каждомъ возведеніи онѣ трескаются и распадаются въ прахъ. Наконецъ, собрались на совѣтъ совѣтники царя, вельможи и почетные старики изъ простаго сословія; держали они совѣтъ, какъ быть и что дѣлать? На совѣтъ кто-то сказалъ:

— Не обратиться ли къ ворожѣ Вардуа?

Всѣ единогласно порѣшили посоветоваться съ нею.

Визирь послалъ гонца въ Тифлисъ къ Авлабарской гадалщицѣ и сказалъ Вардуа, въ чемъ дѣло.

Морщины когда-то бывшей красавицы Вардау нѣсколько разошлись. Улыбка скользнула на ея застывшихъ отъ старости и горя губахъ. Она призадумалась:

«Насталъ, наконецъ, твой часъ, Варда. Ну, моя головушка, покажи-ка теперь себя», подумала ворожея.

— Не время долго думать,—говорить ей царскій посланецъ.

— Нѣтъ, сынъ мой, скоро дѣла не сдѣлаешь и крѣпости тоже нельзя построить скоро. Скажи ты мнѣ...

— Ну, спроси скорѣе, готовъ я тебѣ сказать, что знаю, — съ нетерпѣніемъ восклицаетъ царскій гонецъ.

— Живеть ли кто-нибудь въ Сурамѣ изъ именитыхъ купцовъ по имени Дурмишханъ?—спросила Вардау.

— Живеть.

— Есть у него сынъ?

— Есть, онъ такой прекрасный, зовутъ его Зурабъ; онъ единственный сынъ богатаго и именитаго Дурмишхана.

— Ну, такъ вотъ свершилось! Слѣдуетъ заложить въ стѣну Сурамской крѣпости именно этого прекраснаго Зураба...

Схватили Зураба, связали и поставили его на фундаментъ и начали съ поспѣшностью строить крѣпость. Несчастную мать вдали отъ него удерживаютъ царскіе слуги. Она, съ распущенными волосами, громко рыдая, зоветъ къ сыну:

— Сынъ мой, Зурабъ, какъ высоко?

— Горе мнѣ, мать, по колѣни и т. д.

Въ это время старика Дурмишхана не было дома, онъ находился въ дальнихъ краяхъ съ торговыми цѣлями. На обратномъ пути въ Сурамъ онъ узналъ, что его счастье разсѣяно по вѣтру: жена съ ума сошла, а сынъ задѣланъ въ крѣпости.

По дорогѣ въ Тифлисъ ѣдетъ старикъ, лицо его исказилось горемъ и злостью. Сѣдина его пожелтѣла. Вдѣтъ онъ день и ночь, не зная усталости, не смыкая глазъ. Онъ прибылъ въ Тифлисъ, поѣхалъ на Авлабаръ и остановился передъ двухэтажнымъ домомъ; домъ этотъ—словно царскій дворецъ. Во дворѣ народъ толпится. Здѣсь ждутъ рѣшенія своей судьбы люди со всѣхъ концовъ страны. То былъ дворъ ворожеи Вардау. Дурмишханъ поправилъ на себѣ кинжалъ, поднялся на лѣстницу и вошелъ въ покои Вардау. Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. О, какіе это были взгляды двухъ когда-то влюбленныхъ существъ!

— Это ты посовѣтовала заложить визирю моего сына въ стѣну крѣпости?

При этомъ вопросѣ Вардау тихонько вынула острый кинжалъ изъ-подъ му.ока.

— Да, я посовѣтовала,—отвѣтила безстрашно Вардау.

— Зачѣмъ же, проклятая? Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

мѣга VIII, 1902 г.

— Дурмишханъ, погляди на меня, ты меня не узнаешь?... Ты убило мое сердце—я убила твоего сына, я отомщена.

— Охъ, проклятая!—и онъ схватилъ ее за горло.

— Обними меня, мой милый! Двадцать лѣтъ я ждала этой минуты.

Она обняла его и вонзила ему въ спину кинжалъ по рукоятку.

Спустя нѣсколько часовъ ихъ застали мертвыми въ объятіяхъ другъ друга.

Разсказъ Чонкодзе *) не вѣренъ въ историческомъ отношеніи; а въ строго-художественномъ воспроизведеніи дѣйствительной жизни не выдерживаетъ критики. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніяхъ онъ грѣшитъ во многомъ. Легенда, которую авторъ развилъ въ своемъ разсказѣ, относится къ слишкомъ стародавней эпохѣ, между тѣмъ какъ факты разсказа принадлежатъ къ позднѣйшему времени. Но зато Чонкодзе первый мастерски затронулъ животрепещущій вопросъ и этимъ произвелъ громадное вліяніе на грузинское общество. Разсказъ «Сурамисъ Цихе» («Сурамская крѣпость»), помѣщенный въ журналъ *Дискори*, расшевелилъ и увлекъ тогдашнюю грузинскую публику; люди стараго покроя, женщины, молодое поколѣніе—всѣ зачитываясь имъ, всѣхъ трогала печальная судьба Зураба и несчастной его матери; Вардуа, Дурмишханъ и Османъ-Ага—всѣ они были признаны жертвами ненормальныхъ экономическихъ отношеній, которыхъ свѣтлозарная развязка, чудилась тогда еще смутно.

Языкъ «Сурамисъ Цихе»—чрезвычайно простой и выразительный. Отдѣльныя картины очень живо рисуютъ характеры героевъ разсказа и обнаруживаютъ въ авторѣ наблюдательность и художественное чутье. Но въ общемъ разсказъ не представляетъ цѣльнаго, выдержаннаго художественнаго произведенія; это рядъ картинъ, не имѣющихъ внутренней связи и механически сдѣланныхъ между собой участіемъ самого разсказчика, котораго авторъ заставляетъ каждый вечеръ приходиться въ кружокъ на берегу Буры и продолжать среди кутежа начатое имъ повѣствованіе. Чонкодзе не долго жилъ послѣ появленія въ свѣтъ своего перваго талантливаго произведенія. Онъ умеръ отъ оспы 30 лѣтъ. Грузинская литература преждевременно лишилась въ немъ писателя съ много обѣщавшими задатками. Борцомъ противъ крѣпостнаго ига, по его стопамъ, выступилъ съ болѣе огненной рѣчью и глубокимъ поэтическимъ талантомъ современный романистъ и публицистъ, кн. Илья Чавчавадзе.

А. Хахановъ.

*) Вторымъ изданіемъ „Сурамисъ-Цихе“ вышло въ 1879 г. въ Тифлисѣ.

Земство и сельско-хозяйственная промышленность.

Обыкновенно жѣтняя пора представляетъ собою въ дѣятельности земскихъ собраній періодъ затишья, обусловленный отчасти неудобствомъ для большей части гласныхъ отрываться отъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, отчасти тѣмъ, что въ это время земскія управы, съ одной стороны, приводятъ въ исполненіе значительную часть мѣропріятій, выработанныхъ предыдущимъ собраніемъ, съ другой — собираютъ свѣдѣнія и подготавливаютъ доклады для будущей осенней сессіи. Въ этомъ году однако во многихъ губерніяхъ земскія управы сочли необходимымъ созывъ экстренныхъ собраній. Основанія для созыва были въ разныхъ мѣстностяхъ различны; но, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что это явленіе указываетъ на нѣкоторый происходящій въ послѣднее время подъемъ и оживленіе земской дѣятельности. Однимъ изъ вопросовъ, которымъ, повидимому, наиболѣе интересовалось земство за это время, было опредѣленіе своего отношенія къ задачамъ, поставленнымъ на очередь учрежденіемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и содѣйствующихъ ему мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ. Разсуждая формально, этотъ вопросъ, собственно говоря, не касался земства, такъ какъ особое совѣщаніе сочло возможнымъ оставить земство, какъ учрежденіе, въ сторонѣ, призвавъ къ участию въ занятіяхъ комитетовъ только предсѣдателей и членовъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ, очевидно не въ качествѣ представителей земства и выразителей его взглядовъ, а просто въ качествѣ рабочей силы, такъ какъ безъ сомнѣнія составу земскихъ управъ ближе, чѣмъ кому-либо изъ прочихъ членовъ комитетовъ, должны быть извѣстны тѣ фактическія данныя объ экономическомъ положеніи населенія, съ которыми придется имѣть дѣло комитетамъ. Тѣмъ не менѣе управы, конечно, не могли отрѣшиться отъ своей основной роли быть представителями взглядовъ земскихъ собраній и исполнителями ихъ порученій. Такъ, курская губернская управа внесла въ курское экстренное собраніе докладъ, въ которомъ высказала, что для наиболѣе правильнаго выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и тѣмъ болѣе для цѣлесообразнаго разрѣшенія вопроса о мѣрахъ для ея подъема безусловно необходимы чрезвычай-

чайныя средства, а не обычные приемы кабинетнаго и канцелярскаго обсуждения текущихъ вопросовъ. Пересмотръ и оцѣнка условий нашей сельской промышленности нуждается въ чрезвычайномъ подъемѣ всѣхъ силъ наибольшаго круга опытныхъ и знающихъ лицъ, требуетъ напряженной работы знакомыхъ съ сельско-хозяйственною жизнью учреждений. Для управы ясно несоотвѣтствіе между сложностью задачи, возложенной на особое совѣщаніе, и простотою организаціи, черезъ которую оно хочетъ рѣшить эту задачу. По мнѣнію управы, совокупность условий, въ которыхъ находится современное сельское хозяйство, можетъ быть уяснена лишь земскими учреждениями, располагающими опытомъ въ изученіи различныхъ сторонъ сельско-хозяйственной жизни и въ осуществленіи экономическихъ мѣропріятій. Въмѣсто того особое совѣщаніе рѣшило образовать комитеты, составленные преимущественно изъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстной администраціи. Предсѣдатели и члены земскихъ управъ тоже входятъ въ составъ этихъ комитетовъ, но врядъ ли они въ правѣ высказывать въ нихъ мнѣнія отъ имени земства, которое ихъ на это не уполномочивало. Они явятся такими же отдѣльными должностными лицами, какъ и всѣ назначенные члены комитетовъ. Поэтому губернская управа полагаетъ, что и отъѣзды комитетовъ не могутъ представлять мѣстныхъ нуждъ и будутъ носить на себѣ явный отпечатокъ взглядовъ отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ комитетовъ. Нельзя не признать, что успѣхъ особаго совѣщанія будетъ зависетьъ отъ того, насколько широкое участіе примутъ въ этой работѣ общественныя силы и въ какой мѣрѣ будетъ имъ обеспечена возможность проведенія ихъ взглядовъ на сельско-хозяйственныя нужды. Передъ серьезностью задачи и трудностями переживаемаго нами момента долженъ смолкнуть голосъ недовѣрія къ обществу и къ земскимъ учреждениямъ, а потому лучшимъ залогомъ успѣшной дѣятельности совѣщанія было бы, по мнѣнію курской управы, приглашеніе въ него представителей губернскихъ земствъ по выбору губернскихъ собраний. Поэтому управа предлагала немедленно ходатайствовать передъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія о вызовѣ въ совѣщаніе двухъ представителей, избранныхъ земскимъ собраніемъ. Обращаясь къ существу дѣла, курская управа полагала, что слѣдуетъ безусловно отказаться отъ мысли, будто какія-либо частичныя мѣропріятія способны поднять уровень современнаго состоянія сельскаго хозяйства. Подъемъ этотъ мыслимъ только при осуществленіи цѣлой системы агрономическихъ и экономическихъ реформъ, которыя въ свою очередь нельзя провести къ жизни безъ устраненія основныхъ тормазовъ нашего крестьянскаго и владѣльческаго хозяйства. Каждое проводимое сельско-хозяйственное мѣропріятіе нуждается въ томъ, чтобы само населеніе понимало смыслъ и принимавшихъ нововведеній и имѣло фактическую возможность ихъ осуществлять. Между тѣмъ этой-то возможности и требуемаго пониманія у населенія въ настоящее время нѣтъ и не можетъ быть, благодаря общимъ условиямъ жизни нашего крестьянства и существующему въ деревнѣ не порядку. Несомнѣнно, что русскій крестьянинъ способенъ къ общес-

ному веденію общихъ предпріятій; необходимо только поднять его личность, дать ему возможность развить его самодѣятельность. Чтобы достичь этого, надо дать крестьянину тѣ же личныя права, которыя имѣютъ другія сословія, подчинивъ его общимъ судебнымъ установленіямъ гражданскаго и уголовнаго суда; надо дать ему право на полное независимое общинное, сельское и волостное управленіе, безъ чего немислимо никакое развитіе свободнаго производительнаго труда. Слѣдующее необходимое общее условіе, безъ котораго нельзя рассчитывать на подъемъ сельско-хозяйственной промышленности, это—народное образованіе, понимаемое не какъ простая грамотность, но и какъ умственное развитіе народной массы. Поэтому рѣшительная постановка вопроса о введеніи всеобщаго обученія является необходимою. Далѣе, орудіями и органами для проведенія улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ безъ сомнѣнія должны явиться и по закону, и въ силу своей предшествовавшей дѣятельности земскія учрежденія. Для повышенія же русской экономической дѣятельности необходимо расширеніе круга избирателей путемъ сокращенія имущественнаго ценза, увеличеніе числа гласныхъ вообще и числа гласныхъ отъ крестьянъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ надѣльной земли и числомъ сельскихъ обществъ. вмѣстѣ съ тѣмъ земскія учрежденія при проведеніи въ жизнь сельско-хозяйственныхъ улучшеній нуждаются въ посредствующихъ органахъ между ними и населеніемъ. На этомъ основаніи учрежденіе земскихъ исполнительныхъ комиссій, экономическихъ попечительствъ или, что еще лучше, учрежденіе мелкихъ земскихъ единицъ, обладающихъ въ опредѣленномъ кругѣ дѣйствій самостоятельностью, было бы очень полезно. Кромѣ того, для развитія дѣятельности земствъ крайне важно обезпечить имъ необходимую устойчивость и самостоятельность. Но какъ бы ни была построена организація мѣстнаго самоуправленія и какъ бы довѣрчиво ни относился крестьянинъ къ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, послѣднія не могутъ имѣть мѣста, если не измѣнится отношеніе правительства къ сельской промышленности. Вся финансовая политика послѣднихъ лѣтъ направлена на поддержаніе обрабатывающей промышленности, земледѣльческое же населеніе несетъ платежи за счетъ торговли и фабричной промышленности. При этомъ финансовыя смѣты составляются съ такимъ расчетомъ, что доходы значительно превышаютъ первоначальныя предположенія; изъ остатковъ выстроена желѣзнодорожная сѣть, но едва ли можно признать справедливымъ возложеніе на настоящее поколѣніе единовременныхъ затратъ на предпріятія, предназначенныя служить нѣсколькимъ поколѣніямъ. Несомнѣнное истощеніе платежныхъ силъ требуетъ облегченія податнаго бремени и переложенія части ея на обрабатывающую промышленность. Поэтому, если можно говорить о серьезномъ подъемѣ земледѣлія, то для этого являются необходимыми: прекращеніе покровительственной политики по отношенію къ обрабатывающей промышленности, облегченіе податнаго бремени, лежащаго на землѣ, главнымъ образомъ, выкупныхъ платежей, а также облегченіе косвенныхъ налоговъ и постепенное введеніе подоходнаго налога. Въ заключеніе доклада управа

предлагала поручить ей сдѣлать сводку всего, что сдѣлано по этимъ вопросамъ до сихъ поръ губернскими и уѣздными земствами, и разослать ее въ уѣздныя управы для доклада уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, на основаніи отзывовъ которыхъ губернская управа должна будетъ представить докладъ очередному губернскому собранію; постановленія собранія и послужатъ тѣмъ отвѣтомъ на запросъ особаго совѣщанія, который должны дать въ комитетахъ председатели и члены управъ.

Докладъ курской губернской управы возбудилъ въ собраніи очень горячія пренія, которыя касались главнымъ образомъ вопроса объ участіи земскихъ выборныхъ представителей въ работахъ совѣщанія. Собраніе рѣшило возбудить такое ходатайство. Гласные кн. П. Д. Долгорукій и г. Пущкаревъ настаивали на необходимости сдѣлать засѣданія особаго совѣщанія гласными. Докладъ управы рѣшено передать на обсужденіе уѣздныхъ собраній.

Мы старались резюмировать докладъ курской губернской управы, налагая по возможности его же словами всѣ существенныя его положенія. Желающіе ближе ознакомиться съ этимъ обширнымъ и обстоятельнымъ докладомъ могутъ найти его въ 5 (майскомъ) № «Саратовской земской недѣли». Мы особенно остановились на немъ потому, что въ немъ заключаются всѣ главнѣйшія общія пожеланія, высказанныя и другими земствами, ставшими на ту же точку зрѣнія, что для успѣшнаго проведенія въ жизнь какихъ бы то ни было сельско-хозяйственныхъ улучшеній необходимо измѣненіе основныхъ правовыхъ и экономическихъ условій, въ которыхъ въ настоящее время находится наше деревенское населеніе. Такъ, казанская губернская управа въ докладѣ своемъ собранію, указывая на фактъ прогрессивнаго паденія народнаго благосостоянія, видитъ причины его въ исключительномъ положеніи крестьянскаго класса по сравненію съ другими сословіями, въ отсутствіи общегражданской правоспособности крестьянина, и, съ другой стороны, въ значительномъ превышеніи государственныхъ доходовъ по прямому и косвенному обложенію сравнительно съ расходами государства на общественныя потребности, причѣмъ платежеспособность массы населенія не стоитъ въ соотвѣтствіи съ налогами. Практическіе выводы казанскаго доклада сводятся къ слѣдующимъ тезисамъ: надо принять мѣры къ упроченію земскихъ учреждений, давъ имъ полную возможность продуктивно работать и включивъ въ ихъ компетенцію всѣ заботы о хозяйственныхъ нуждахъ населенія; слѣдуетъ отмѣнить всѣ особыя узаконенія, относящіяся къ крестьянамъ, и сравнять ихъ въ правахъ съ прочими сословіями; необходимо достигнуть большаго соотвѣтствія между интересами земледѣлія и заботами общегосударственной политики и, какъ частную мѣру, необходимо установить періодическіе областныя сѣзды земскихъ представителей тѣхъ губерній, которыя находятся въ одинаковыхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ. Что касается до вопроса объ участіи казанской губернской управы въ работахъ губернскаго комитета, то существованію ея при управѣ экономической совѣтъ, при участіи членовъ управы рѣшено,

что они должны въ засѣданіяхъ комитета проводить не личныя свои мнѣнія, а мнѣнія всего земскаго собранія, для чего и необходимо, чтобы последнее указало тѣ руководящія взгляды и принципы, которыхъ должна придерживаться управа, участвуя въ занятіяхъ комитета. Докладъ управы однако не могъ быть представленъ собранію, такъ какъ онъ былъ исключенъ изъ числа намѣченныхъ къ обсужденію по распоряженію начальника губерніи въ виду полученнаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ разъясненія, что обсужденіе вопроса, поднятаго экономическимъ совѣтомъ казанскаго губернскаго земства, представляется несвоевременнымъ. Въ виду этого собраніе поручило управѣ созвать новое экстренное собраніе для рѣшенія этого вопроса, когда будетъ получено извѣщеніе объ открытіи занятій губернскаго комитета, и кромѣ того постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи земскимъ собраніямъ обсуждать и высказывать свои мнѣнія по вопросамъ, которые будутъ включены въ программу комитетовъ.

Въ орловское земское собраніе былъ внесенъ елецкимъ предводителемъ дворянства А. А. Стаховичемъ докладъ, въ которомъ указывается на то, что при практикуемомъ въ настоящее время способѣ приглашенія свѣдущихъ людей въ учреждаемыя по разнымъ вопросамъ комиссіи и совѣщанія, чуть ли не единственнымъ основаніемъ приглашенія является случайное, часто по слухамъ, знакомство представителя вѣдомства съ приглашаемыми имъ лицами; между тѣмъ земства могли бы оказать созываемому въ настоящее время совѣщанію о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности незамѣнимое содѣйствіе и своими отвѣтами на прямо обращенные къ нимъ запросы, и своими ходатайствами по предметамъ, относящимся къ компетенціи совѣщанія. Въ виду этого г. Стаховичъ предложилъ собранію ходатайствовать передъ предсѣдателемъ совѣщанія г. министромъ финансовъ о приглашеніи имъ представителей орловскаго земства, избранныхъ для сего земскимъ собраніемъ, и на случай удовлетворенія этого ходатайства наметить своимъ избраніемъ кандидатовъ. Это предложеніе было единогласно принято собраніемъ.

Въ самарскомъ губернскомъ собраніи управа предложила собранію ходатайствовать о допущеніи особо выбранныхъ отъ земства лицъ къ занятіямъ въ губернскомъ комитетѣ, такъ какъ эти лица явятся болѣе компетентными представителями интересовъ Самарской губерніи. Собраніе рѣшило выбрать шесть гласныхъ и ходатайствовать о допущеніи ихъ къ занятіямъ въ губернскомъ комитетѣ.

Саратовская губернская управа внесла въ саратовское экстренное собраніе докладъ, въ которомъ указывая на то, что самимъ особымъ совѣщаніемъ признано за комитетами право сужденія также и по вопросамъ внѣ первоначально указанной имъ программы и что то же совѣщаніе, хотя и отказалось отъ прямого опроса земствъ, но въ то же время высказало, «что въ такомъ жизненномъ и важномъ для Россіи дѣлѣ, какъ сельское хозяйство, едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося

мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворяются этими мѣрами, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія», управа полагаетъ необходимымъ со стороны губернскаго земства, независимо отъ дѣятельности комитета, оказать свое содѣйствіе особому совѣщанію. Это могло бы быть выполнено обычнымъ порядкомъ, т. е. программа совѣщанія должна быть подвергнута разработкѣ въ экономическихъ совѣтахъ и обсуждена въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, а затѣмъ въ губернскомъ собраніи, которое можетъ возбудить соотвѣтствующія ходатайства передъ особымъ совѣщаніемъ или представить свое мнѣніе комитету. Затѣмъ управа находила желательнымъ участіе въ работахъ совѣщанія представителя земства. Что касается до вопроса о томъ, насколько при обсужденіи и выясненіи мѣстныхъ нуждъ сельскаго хозяйства нужно держаться предложенной совѣщаніемъ программы, то управа полагала, что успѣхи экономической дѣятельности вполнѣ зависятъ отъ правовыхъ, культурныхъ и другихъ общественнымъ условій въ широкомъ смыслѣ этого слова. По этому поводу управа ссылалась на мнѣніе земствъ, въ отвѣтахъ ихъ, данныхъ на запросы министерства земледѣлія въ 1894 г. Резюмируя въ общихъ чертахъ сущность этихъ отвѣтовъ, получается, что значительное большинство земствъ сводили вопросъ о подъемѣ сельскохозяйственной промышленности къ крестьянскому вопросу и съ этой точки зрѣнія находили, что во главѣ мѣръ по улучшенію сельскаго хозяйства должны стоять мѣры, поднимающія вообще культурный уровень массы населенія и способствующія развитію въ немъ самодѣятельности. Всѣ почти земства высказались тогда за необходимость самаго широкаго распространенія общаго образованія и затѣмъ уже сельско-хозяйственныхъ и вообще профессиональныхъ знаній; затѣмъ слѣдовали мѣры экономического характера, въ ряду которыхъ отводилось особое вниманіе измѣненію финансовой и таможенной политики, уменьшенію всякаго рода повинностей; наконецъ, обращалось вниманіе на болѣе широкую постановку дѣла сельско-хозяйственнаго кредита, на необходимость расширенія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, на правильную организацію переселеній и пр. Вполнѣ раздѣляя эти заключенія, саратовская губернская управа считала необходимымъ внести ихъ какъ дополненія при разработкѣ вопроса о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. На основаніи всего вышеизложеннаго управа предложила собранію: 1) высказать свое мнѣніе по поводу главнѣйшихъ нуждъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, предварительнѣ поставивъ этотъ вопросъ на обсужденіе очередныхъ уѣздныхъ собраній и поручивъ его разработку управѣ совмѣстно съ экономическимъ совѣтомъ, и 2) ходатайствовать передъ правительствомъ о приглашеніи въ составъ совѣщанія представителя саратовскаго губернскаго земства для дачи іъясненій по представленной въ него запискѣ отъ земскаго собранія.

Въ собраніи пренія сосредоточилась главнымъ образомъ на послѣднѣмъ вопросѣ. Предсѣдатель губернской управы графъ Олсуфьевъ настаивалъ на ходатайствѣ въ вышесказанной редакціи. Гласные А. Д. Юматовъ и А. М.

Маслениковъ предлагали ходатайствовать о допущеніи представителя земскаго собранія къ участию въ занятіяхъ совѣщанія вообще, съ правомъ совѣщательнаго голоса, а не только для дачи объясненій по запискѣ. Собраніе приняло предложеніе о ходатайствѣ въ такой формѣ: просить г. министра финансовъ, чтобы онъ, пользуясь предоставленнымъ ему 2 п. Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи особаго совѣщанія правомъ, пригласилъ къ участию въ работахъ совѣщанія въ качествѣ свѣдущаго лица уполномоченнаго саратовскаго земства по избранію губернскаго собранія; самый же выборъ такого лица отложить до очереднаго собранія, когда будетъ разсмотрѣна записка. Разработкѣ вопросовъ, подлежащихъ включенію въ эту записку, экономическій совѣтъ посвятилъ первое свое засѣданіе послѣ собранія. Въ докладъ совѣту управа выставила три категоріи мѣропріятій для подъема сельской промышленности: въ первую входятъ мѣры общекультурнаго характера, какъ, наприм., приближеніе земскихъ учреждений къ населенію путемъ учрежденія мелкой земской единицы, всесословной волости, развитіе въ населеніи самодѣятельности и инициативы, народное образованіе, ви́школьное образованіе, обезпеченіе личности крестьянина, организація земледѣльческаго труда и т. п. Вторую группу составляютъ мѣры общезкономическаго характера, среди которыхъ на первый планъ выдвигается перенесеніе налоговъ прямыхъ и косвенныхъ съ земледѣльческихъ массъ на другіе классы, причемъ указывается на связь задолженности и недомогности населенія съ финансовой политикой послѣдняго десятилѣтія. Въ третью группу включены мѣры къ подъему сельско-хозяйственной промышленности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; сюда входятъ профессиональное знаніе, увеличеніе землевладѣнія и землепользованія, кустарные промыслы, кредитъ и т. п. Программа эта была одобрена совѣтомъ и поступить на разсмотрѣніе очередныхъ земскихъ собраній.

Такимъ образомъ, пожеланія земства въ общемъ сводятся къ двумъ пунктамъ: 1) расширенію программы вопросовъ о мѣрахъ къ улучшенію сельской промышленности, причемъ особое вниманіе обращается на мѣры болѣе общаго правового и экономическаго характера, и 2) допущенію къ ближайшему участию въ обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ выбранныхъ земскими собраніями представителей земства. Эти пожеланія встрѣтили въ разныхъ губерніяхъ различное къ себѣ отношеніе мѣстной администраціи. Такъ, въ Орлѣ, въ первомъ засѣданіи губернскаго комитета, происходившаго подъ предсѣдательствомъ губернатора г. Кристи, предсѣдатель губернской управы внесъ отъ имени также и предсѣдателей уѣздныхъ управъ письменное предложеніе о томъ, чтобы въ работахъ уѣздныхъ и губернскаго комитетовъ участвовали въ качествѣ членовъ выборные отъ земскихъ собраній. На это послѣдовало разъясненіе предсѣдательствующаго, что подобное ходатайство орловскаго губернскаго собранія особымъ совѣщаніемъ уже было отклонено, а возбуждать новое ходатайство несвоевременно. Затѣмъ губернской комитетъ рѣшилъ ограничить свою функцію лишь дачей заключенія по намѣченнымъ вопросамъ, отказавшись и отъ разсмотрѣнія ма-

теріаловъ, доставляемыхъ уѣздными комитетами, которые въ сыромять видѣ будутъ направлены въ особое совѣщаніе. Иначе, повидимому, отнесся къ дѣлу саратовскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ. Открывая засѣданіе губернскаго комитета и прочтавъ программу вопросовъ, по которымъ губернскіе и уѣздные комитеты приглашаются представить свои заключенія въ особое совѣщаніе, онъ высказалъ между прочимъ, что, конечно, могутъ быть затрогиваемы и не перечисленные въ этой программѣ вопросы, если они по существу своему имѣютъ связь съ указаннымъ въ томъ или другомъ пунктѣ программы или вообще могутъ быть полезны въ интересахъ развитія и улучшенія сельской промышленности. Далѣе г. Энгельгардтъ заявилъ, что по предоставленному ему, какъ предсѣдателю комитета, праву приглашать всѣхъ лицъ, участіе коихъ будетъ полезно для дѣла, онъ пригласилъ всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, которые бы пожелали участвовать въ занятіяхъ комитета. Дѣло это близко интересамъ земства, и условія сельско-хозяйственнаго положенія хорошо извѣстны земскимъ людямъ, а потому ихъ мнѣнія могутъ принести практическую пользу. Въ разговорѣ съ сотрудникомъ *Саратовскаго Листка* г. Энгельгардтъ сказалъ, что онъ пригласитъ всѣхъ гласныхъ безъ исключенія, не только губернскихъ, но и уѣздныхъ, принять участіе въ работахъ комитета. Очень интересное сообщеніе сдѣлалъ въ *Южномъ Краѣ* г. Шараповъ о своемъ разговорѣ съ предсѣдателемъ особаго совѣщанія С. Ю. Витте. Говоря о предстоящихъ работахъ совѣщанія, министръ высказалъ: Государь Императоръ желаетъ предоставить полную свободу мѣстнымъ людямъ высказаться, почему кромѣ программы (составленной В. И. Ковалевскимъ), которая будетъ разослана, губернскимъ комитетамъ, вѣроятно, будетъ предоставлено право возбуждать самостоятельно всякіе вопросы. Разумѣется отвѣтственность за точную передачу этого разговора всецѣло остается на г. Шараповѣ.

Различны, конечно, и взгляды органовъ печати на пожеланія земствъ. *Московскія Вѣдомости*, передавая содержаніе доклада курской губернской управы, конечно, называютъ его только курьезомъ. Но большинство органовъ печати относятся къ дѣятельности земствъ по этому вопросу очень сочувственно. Такъ, *Новое Время* считаетъ выдающимся общественнымъ явленіемъ послѣдняго времени ту отзывчивость, каковую проявили губернскіе земства къ работѣ особаго совѣщанія. *Степной Край* вполне присоединяется къ тѣмъ постановленіямъ, которыя сдѣланы были по этому поводу курскимъ и саратовскимъ губернскими собраніями. Но, замѣчаетъ газета, экстренныя собранія происходятъ не въ каждой губерніи, и не вездѣ рассматриваемый вопросъ по тѣмъ или инымъ причинамъ можетъ быть затронуть. Поэтому всего желательнѣе то рѣшеніе, котораго думаетъ держатъ саратовскій губернаторъ, т. е. пригласить къ участію въ комитетахъ всѣхъ гласныхъ и расширить программу подлежащихъ обсужденію вопросовъ.

Выраженный земствомъ живой интересъ къ поднятому правительствомъ вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и ихъ готовность серьезно посвятить себя разработкѣ этого вопроса не могутъ не

заставить пожалѣть о томъ, что особое совѣщаніе не нашло возможнымъ прямо обратиться къ непосредственному содѣйствію земства. Въ самомъ дѣлѣ, если особое совѣщаніе само признало, что «едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды должны удовлетворить эти мѣры», то очевидно, что въ настоящее время, при существующемъ нашемъ общественномъ строѣ, такое мнѣніе можетъ быть высказано только земскими учреждениями, такъ какъ они одни являются представителями всего населенія, хотя можетъ быть и далеко не совершенными. Но и помимо этой, такъ сказать, теоретической стороны дѣла, съ практической стороны очень важно также и то обстоятельство, что земство имѣетъ уже значительный опытъ и въ лицѣ своихъ экономическихъ совѣтовъ и статистическихъ отдѣленій обладаетъ обширной организаціей, приспособленной къ выполнению данной задачи—выясненію сельско-хозяйственныхъ нуждъ населенія. Кроме того, по всей вѣроятности земство же должно будетъ въ значительной мѣрѣ явиться и исполнителемъ намѣченныхъ мѣропріятій, такъ какъ едва ли можно предположить возможность выполнения ихъ чисто-бюрократическимъ путемъ. Да и само правительство въ частныхъ вопросахъ, касающихся экономического подъема населенія, тоже, повидимому, смотритъ на дѣло съ этой точки зрѣнія; такъ, наприм., по вопросу о мелкомъ народномъ кредитѣ предполагается предоставить земскимъ учреждениямъ широкій просторъ въ организаціи кредитныхъ учреждений съ участіемъ представителей земства какъ въ центральномъ коллегіальномъ управленіи, такъ и въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ.

Взглядъ, признаваемый правильнымъ по вопросу о народномъ кредитѣ, едва ли можетъ считаться ложнымъ по отношенію къ другимъ вопросамъ, касающимся подъема экономического благосостоянія народа. Между тѣмъ образуемые по распоряженію особаго присутствія губернскіе и уѣздные комитеты не могутъ явиться дѣйствительными выразителями мнѣній мѣстнаго населенія и, при предположенномъ способѣ опроса, въ огромномъ большинствѣ случаевъ дадутъ отвѣты, выражающіе не мнѣніе населенія, а взгляды мѣстной администраціи. Вообще, нельзя не видѣть, что при опросѣ по какому бы то ни было дѣлу существуетъ большая разница между результатами, которые получаютъ, когда на вопросъ отвѣчаютъ лица, избранныя тѣми, кого спрашиваютъ, и результатами, которые получаютъ, когда отвѣты даются лицами, избранными тѣмъ, кто спрашиваетъ. Очевидно, что только въ первомъ случаѣ отвѣты могутъ внести въ сужденіе спрашивающаго нѣчто новое и тѣмъ увеличить многосторонность и основательность его сужденія; второй же случай сводится въ сущности къ разговору съ своимъ собственнымъ отраженіемъ и потому, не создавая ни чего новаго, долженъ оказаться бесплоднымъ. Поэтому естественно, что пѣттикующийся у насъ иногда вызовъ свѣдущихъ людей въ разныя коммиссіи, по приглашенію или назначенію, рѣдко приводилъ къ плодотворнымъ результатамъ. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ выборъ по большей части обуславливается или случайностью, или желаніемъ приглашающихъ

найти въ спрашиваемомъ поддержку своего уже заранѣе составленнаго мнѣнія. Въ лучшемъ случаѣ приглашенный можетъ внести лично отъ себя известную долю знанія или опытности, но мнѣнія «тѣхъ, чьи нужды должны удовлетворяться» вырабатываемыми мѣрами, все же останутся совершенно неизвѣстны.

Въ настоящемъ случаѣ привлеченіе къ участию въ комитетахъ представителей и членовъ земскихъ управъ ставить ихъ, кромѣ того, въ неопредѣленное и отчасти ложное положеніе, такъ какъ съ одной стороны они приглашаются въ комитеты въ качествѣ представителей земскихъ учреждений, съ другой стороны, не могутъ не сознавать, что они не въ правѣ говорить отъ имени земства, не имѣя для этого полномочій и указаній отъ своихъ земскихъ собраній. Изъ всего этого выходитъ, что казалось бы правильнѣе всего было вести дѣло такъ, чтобы правительство и земство въ общемъ дѣлѣ дѣйствовали сообща, какъ это и высказалъ, по словамъ той же корреспонденціи *Саратовскаго Листка*, г. саратовскій губернаторъ, сказавши, по отношенію къ дѣятельности комитета, что ничто не даетъ такихъ результатовъ, какъ совмѣстная работа всѣхъ земскихъ людей съ комитетомъ, ибо неудобно и нераціонально было бы дробить свои силы въ такомъ важномъ и сложномъ дѣлѣ. Изъ того, что было высказано на земскихъ собраніяхъ, очевидно, что болѣе свободное и дѣятельное участіе земства въ обсужденіи причинъ неудовлетворительности нашего сельско-хозяйственнаго положенія и мѣръ къ его улучшенію по всей вѣроятности внесло бы большую ширину взгляда и въ самую постановку этой задачи. Конечно, такая болѣе широкая постановка не всѣмъ нравится. Разумѣется, какія-нибудь *Московскія Вѣдомости* не увидятъ въ ней ничего, кромѣ ничтъ, съ ихъ точки зрѣнія, неоправдываемаго желанія земства выйти изъ предоставленной ему сферы въ сферу государственной дѣятельности. Но всякій непредубѣжденный человекъ не можетъ не видѣть, что въ такомъ большомъ дѣлѣ, какъ подъемъ всей русской сельско-хозяйственной промышленности, всякія мѣропріятія частичнаго характера, какъ бы рациональны они ни были, каждое само по себѣ, не могутъ имѣть никакого дѣйствительнаго, значенія и останутся мертвою буквою, безъ соображенія ихъ съ тѣми общими причинами и условіями, при которыхъ они должны будутъ проводиться. Говорить о разныхъ рациональныхъ культурахъ мужику, когда онъ находится на степени развитія какихъ-нибудь подлипковцевъ, или говорить объ этомъ и болѣе развитому, когда вмѣсто всякаго оборотнаго капитала за нимъ состоитъ двухгодовая недоимка, очевидно, дѣло бесполезное. Это все равно, что лѣчить микстурами большого, который не можетъ ихъ принимать или которъ находится въ гигиеническихъ условіяхъ, постоянно поддерживающихъ его болѣзнь. Обратитъ вниманіе на эти гигиеническія условія и указать на необходимость ихъ измѣненія для успѣшнаго лѣченія не значитъ выйти изъ предѣловъ правъ врача, а напротивъ, значитъ только войти въ разумные предѣлы его дѣятельности. И какъ больной, оставаясь въ тѣхъ же

условіяхъ, не выздорѣеть отъ рецептовъ, такъ и подъемъ экономическаго благосостоянія населенія не можетъ быть достигнутъ частичными распоряженіями. Если бы это было возможно, то, конечно, давно было бы сдѣлано, потому что упадокъ народнаго хозяйства никому не выгоденъ а меньше всего правительству, хотя бы даже съ чисто-фискальной точки зрѣнія, не говоря уже о его высшихъ цѣляхъ и обязанностяхъ. Улучшенные способы земледѣльческой культуры вовсе не новость и давно примѣняются въ Европѣ и у насъ въ благоустроенныхъ хозяйствахъ; если же они не примѣняются крестьянами, то, очевидно, здѣсь не хватаетъ чего-то еще. Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить вопросъ о мелкомъ кредитѣ. Чего, чего съ нимъ не дѣлали и правительство, и земство: писались всякіе законы и уставы, заводились то ссудныя товарищества, то артели и разныя другія формы. И тѣмъ не менѣе до сихъ поръ единственный процвѣтающій въ деревнѣ кредитъ—это кулацкій и ростовщическій, а правительство и земство и по сейчасъ стоятъ передъ неразрѣшимой задачей: какъ доставить кредитъ некредитоспособному? Отчего же крестьянская масса оказывается некредитоспособной? Оттого же, отчего некредитоспособенъ всякій ребенокъ. Вѣдь крестьяне у насъ до сихъ поръ приравниваются къ дѣтямъ: какъ тѣ, такъ и другія находятся подъ постоянной опекой. Для крестьянъ существуетъ особое отеческое начальство, судящее ихъ по душѣ, а не по закону, и имѣющее возможность постоянно вмѣшиваться въ ихъ общественныя, хозяйственныя, даже семейныя дѣла. Начальство читаетъ имъ наставленія о благоповеденіи, вродѣ тѣхъ, которыя любятъ говорить г. Сухотинъ, и никто этому не удивляется, хотя никто не читаетъ такихъ наставленій ни дворянству, ни купечеству; крестьяне могутъ поручать защиту своихъ интересовъ въ земскомъ собраніи только лицамъ, которыя одобрены тоже попечительнымъ начальствомъ. Наконецъ, въ своихъ бібліотекахъ крестьяне могутъ читать лишь немногое изъ того, что дозволяется читать всѣмъ прочимъ; поэтому между народной и дѣтской литературой образовалась даже какая-то общность, выдѣляющая ее изъ литературы взрослыхъ людей. При такихъ условіяхъ какъ же ожидать отъ крестьянъ инициативы и самостоятельности? Мы не говоримъ уже о тѣхъ исключительно-универсальныхъ для личности крестьянина условіяхъ, которыхъ не существуетъ для дѣтей въ сколько-нибудь развитыхъ и уважающихъ себя семьяхъ, гдѣ дѣтей давно уже не бьютъ и не сбываютъ. По этимъ причинамъ у насъ и не прививаются въ крестьянской средѣ ни кредитныя учрежденія, ни всякія другія экономическія улучшения, требующія для правильной постановки своей прежде всего признанія крестьяниномъ своихъ правъ на свободное распоряженіе своей личностью и своей дѣятельностью. Значитъ, прежде всякихъ собственно-хозяйственныхъ улучшеній, надо поднять личность крестьянина и обезпечить развитіе его самостоятельности, для чего надо уравнивать его съ лицами другихъ сословій въ правахъ личныхъ и гражданскихъ, освободивъ отъ административной опеки и подчинивъ общимъ судебнымъ установленіямъ;

необходимо затѣмъ предоставить общественнымъ учреждениямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія фактической общедоступности народнаго образованія и устранить существующія препятствія для внѣ-школьнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, необходимо конечно устранить недостатки современной финансовой политики, въ силу которыхъ насущныя мѣстные потребности населенія не получаютъ своего справедливаго удовлетворенія по недостатку средствъ, тогда какъ то же населеніе обременено платежами косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости. Наконецъ, такъ какъ воспособленіе сельской промышленности на мѣстахъ не можетъ быть выполнено иначе, какъ при дѣятельномъ участіи земства, то для успѣшнаго исполненія этой обязанности со стороны земскихъ учреждений необходимо, чтобы земское представительство было организовано внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній, чтобы земскія учреждения были приближены къ населенію и чтобы имъ были обеспечены устойчивость и самостоятельность, безъ которыхъ они не могутъ удовлетворительно исполнять свои функціи органовъ государственнаго управленія. Таковы необходимы предварительныя условія подъема сельско-хозяйственнаго уровня и таковы же пожеланія, дѣлаемыя земствами: курскимъ, саратовскимъ и другими. Каковъ бы ни былъ окончательный результатъ обсужденія этого вопроса, во всякомъ случаѣ за земствомъ несомнѣнно останется важная заслуга правильной и широкой его постановки и возбужденія въ обществѣ дѣятельнаго интереса къ его разрѣшенію въ этомъ смыслѣ.

Когда уже была окончена эта статья, мы получили извѣстіе о засѣданіи уѣзднаго комитета въ Суджѣ, Курской губерніи. «Въ участію въ занятіяхъ комитета предсѣдателемъ были приглашены всѣ уѣздные земскіе гласные, члены земскаго экономическаго совѣта, въ числѣ коихъ было много крестьянъ, преподаватели Кучеровской сельско-хозяйственной школы, земскій агрономъ. Всего собралось 48 человѣкъ. Въ залу засѣданія была допущена публика. Предсѣдатель А. В. Евреиновъ, открывъ засѣданіе и изложивъ цѣль собранія, между прочимъ объяснилъ, что Высочайше утвержденное положеніе особаго совѣщанія предоставляетъ уѣзднымъ комитетамъ право коснуться въ своихъ сужденіяхъ, помимо вопросовъ чисто сельско-хозяйственныхъ и вопросовъ мѣстной жизни, также и вопросовъ, касающихся общаго правопорядка, общаго управленія, поскольку таковыя отражаются на сельскомъ хозяйствѣ и мѣстной жизни вообще, что опять-таки вноситъ громадный интересъ въ работы уѣздныхъ комитетовъ.

«Затѣмъ совѣщаніемъ единогласно принята программа занятій, составленная г. Евреиновымъ. Содержаніе ея таково: «Каково положеніе сельскаго хозяйства нашей мѣстности? Причины, влияющія на его безотрадное положеніе, распадаются на вопросы общаго характера—государственнаго значенія—и на вопросы частнаго характера—техническаго. Вопросы эти: 1) Общій правопорядокъ, нынѣ почти устраняющій общественныя силы отъ дѣятельности, построенной на административно-бюрократичес-

полицейскомъ основаніи и общемъ недоверіи. 2) Правопорядокъ крестьянъ и уклада ихъ жизни: а) опека надъ ихъ дѣятельностью и даже личностью; б) обособленіе ихъ отъ другихъ сословій; в) судъ, обычай и отдѣльные законы; г) приниженность сословій; д) несоразмѣрность взимаемыхъ съ нихъ платежей; е) малоземелье; ж) чрезполосность; з) отсутствіе судебной защиты для купленныхъ земель и вообще; и) отсутствіе огражденія имущества ихъ; і) натуральныя повинности. 3) Административная опека какъ надъ обществомъ и его дѣятельностью, такъ и надъ отдѣльными лицами. 4) Постоянное требованіе на все разрѣшеній, отсутствіе явочнаго порядка для какой-либо коопераціи или союза. 5) Финансовая политика, построенная не на основаніи главнаго занятія 85% русскаго населенія (налоги, прямыя и косвенныя). 6) Вытекающая отсюда ненародная экономическая общая политика всего государства, покровительствующая весьма малому меньшинству въ ущербъ огромнаго большинства. 7) Неудовлетворительность нашихъ желѣзныхъ дорогъ. 8) Тарифы и условія перевозокъ. 9) Непроѣздность гужевыхъ дорогъ (грунтовыхъ) и неподѣздность къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. 10) Недостатокъ кредита какъ общаго, такъ и мелкаго. 11): а) роль министерства земледѣлія; б) его средства; в) роль земства при осуществленіи обсуждаемой программы въ жизни; г) отношеніе министерства земледѣлія и его связь съ мѣстными общественными установленіями; д) кому будетъ предоставлено проведеніе всѣхъ мѣропріятій въ среду населенія: мѣстному ли чиновничеству, или самому населенію черезъ его представителей. 12) Народное продовольствіе, которое оставлено въ прежнемъ архаическомъ своемъ видѣ, да еще въдобавокъ изъято изъ вѣдѣнія общественныхъ установленій и ведется нынѣ бумажнымъ способомъ чиновниками, довольствующимися уже утратившими смыслъ въ нашей мѣстности хлѣбозапасными магазинами. 13) Существенный вопросъ народнаго образованія въ формѣ всеобщаго обученія, безъ коего немислимо проведеніе культурныхъ мѣропріятій въ массу. 14) О точномъ собираніи свѣдѣній какъ по сельскому хозяйству вообще, такъ и по урожаямъ въ частности: а) кто будетъ вѣдать этимъ въ центрѣ; б) кто будетъ работать на мѣстѣ; в) кто даетъ на это средства. 15) Вопросъ о прессѣ какъ специальной, такъ и общей. 16) Относящійся къ вопросу о мѣстномъ правопорядкѣ вопросъ о полномъ прекращеніи преслѣдованія сектантовъ, заставляющаго сторониться православныхъ, тогда какъ по большей части сектанты—самый хозяйственный и домовитый народъ. 17) Вопросъ о сельскомъ духовенствѣ и о зависимости прихода отъ духовной консисторіи и епархіальнаго начальства. 18) Вопросъ о сельской полиціи и безопасности. Отсутствіе ея или недостаточность тяжело отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ главнымъ образомъ. 19) Устраненіе безъ всякихъ основаній земскихъ собраній отъ обсужденій вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію особаго совѣщанія. 20) Объ организаціи земскихъ учрежденій внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній. 21) Приближеніе земскихъ учрежденій къ сельскому населенію устройствомъ мелкой земской

единицы. 22) О необходимой для земских учреждений самостоятельности и возможная их устойчивость. 23) Рабочий вопрос.

«По прочтении и утверждении изложенной программы председателем местной уездной земской управы кн. П. Д. Долгоруковым было внесено заявление о необходимости обсуждения всех вопросов, намеченных комитетом в уездном земском собрании, которое представило бы мнение всего заинтересованного населения уезда.

«Уездный комитет, выслушав это заявление, единогласно постановил возбудить перед министром финансов через курский губернский комитет ходатайство о том, чтобы запрошено было отзыв суджанского уездного земского собрания по всем вопросам, подлежащим обсуждению уездного комитета, дабы последний мог принять их в соображения при своих работах.

«Кн. П. Д. Долгоруковым были внесены на обсуждение комитета следующие вопросы, возбужденные суджанским экономическим советом:

1) О последствиях крестьянского малоземелья и о средствах помощи ему. При этом высказывается пожелание, чтобы предварительно обсуждения этого вопроса была выяснена и установлена известная земельная норма, обеспечивающая крестьянской семье достаточные средства к жизни. 2) О мерах к устранению чрезвычайной раздробленности участков крестьянской надельной земли, лишающей возможности вводить в севооборот какие-либо культурные улучшения. 3) Об учреждении должностей земских поверенных по делам для доставления населению юридической помощи. 4) Об установлении выдачи крестьянским поземельным банкам отдельным крестьянам ссуды под надельную землю, покупаемую ими у однообщественников в случаях переселения последних и т. п. 5) Об ограничении скопления в одних руках участков подворного землевладения. По вопросу о преимуществах общинного или подворного землевладения экономический совет внес на обсуждение уездного комитета следующее предложение: «Желательно, устранив всякие стеснения и ограничения, предоставить крестьянскому населению полную свободу самому избирать тот или другой вид землепользования».

«Для подробной разработки поставленных в программе вопросов уездный комитет учредил четыре подготовительных комиссии: 1) по вопросам общего правопорядка; 2) по вопросам крестьянского правопорядка; 3) по вопросам юридическим, и 4) по вопросам хозяйственно-агрономическо-техническим. Председателями комиссий избраны: в первую—предводитель дворянства А. В. Евреиннов, во вторую—податный инспектор П. П. Пустовитов, в третью—председатель земской управы кн. П. Д. Долгоруков и в четвертую—член уездной земской управы В. В. Усов. Всем председателям комиссий уездный комитет предоставил полнейшее право приглашать кроме избранных комитетом членов и других лиц. Заседания комиссий имеют быть публичными в числе других членов в комиссиях входят и крестьяне» (Русск. Вн.).

В. Липа

Этюды о позитивизмѣ.

I.

Четыре года тому назадъ минуло столѣтіе со дня рожденія Огюста Конта. Знаменитый французскій мыслитель родился 19 января 1798 года, въ Монпелье, въ роялистской и католической семьѣ. Шестнадцати лѣтъ, первымъ по списку конкурентовъ центра и юга Франціи, онъ поступилъ въ политехническую школу, гдѣ его профессоромъ былъ знаменитый геометръ Пуансо. Черезъ два года за участіе въ студенческихъ волненіяхъ онъ долженъ былъ покинуть школу и возвратился въ Монпелье, гдѣ слушалъ лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Отправившись опять въ Парижъ, Контъ жилъ уроками математики, продолжая настойчиво и систематично расширять и углублять свои научныя познанія.

Въ 1818 году онъ знакомится съ Сень-Симономъ, который оказалъ на Конта благодѣтельное вліяніе. Исторія ихъ дружбы и разрыва извѣстны. Извѣстны также его несчастливая женитьба и нѣжныя отношенія къ преждевременно скончавшейся Клотильдѣ Во. Ея смерть тяжело отразилась на Контѣ, сильно повліяла на его ученіе, въ которомъ подчеркнута *реакція сердца на умъ*, и привела къ знаменитой формулѣ: *любовь, какъ принципъ, порядокъ, какъ основаніе, прогрессъ, какъ цѣль*.

23 марта 1902 года на площади Сорбонны былъ открытъ памятникъ основателю социологіи и положительной философіи, сооруженный по международной подпискѣ.

Позитивизмъ пустилъ глубокіе корни во Франціи. Его вліянію въ значительной мѣрѣ подчинились Тэнъ и Ренанъ; учениками Конта признавали себя Литтре, Робинэ, Лафиттъ и много другихъ выдающихся ученыхъ и мыслителей. Въ духѣ контовскаго позитивизма работаетъ Рибо, Берглю, имъ проникнуты такіе государственные дѣятели новѣйшей эпохи, какъ Гамбетта, Жюль Ферри, Леонъ Буржуа. Въ Англіи позитивисты составляютъ видную группу. Ученикомъ Конта охотно признавалъ себя знаменитый Джонъ Стюартъ Милль, сочиненія котораго играютъ крупную роль въ исторіи русскаго умственнаго и общественнаго развитія. Мюнхенскій профессоръ Моленааръ на банкетѣ ученыхъ обществъ, въ сентябрѣ 1900 г.,

въ Парижѣ, указавъ, что труды Фейербаха, Вундта, Ратценхофера и въ особенности Грубера выяснили глубокое значеніе положительной философіи. Ея вліяніе чувствуется во всѣхъ странахъ Европы, проникло въ Мексику, Бразилію, въ Соединенные Штаты, Канаду, даже въ Турцію: позитивистомъ является вождь младо-турокъ, Ахмедъ Риза *).

Сочиненія Конта до сихъ поръ не переведены на русскій языкъ, и литература о немъ, оригинальная и переводная, бѣдна у насъ. Кромѣ того, философія Конта нерѣдко освѣщается неправильно. По большей части мало принимается въ расчетъ его философія математическихъ и естественныхъ наукъ, неразрывно и глубоко связанная съ историческими идеями Конта и съ его построеніемъ социологіи. Специалисты, признавая ошибки и заблужденія великаго французскаго мыслителя въ области, напримѣръ, біологіи, придаютъ, однако, важное значеніе мыслямъ и наблюденіямъ Конта и въ этой сферѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, побуждаетъ меня въ рядѣ непритязательныхъ этюдовъ познакомить читателей съ идеями Конта, съ ихъ критикою и защитою другими писателями. На первый разъ я остановлюсь на *законахъ трехъ фазисовъ* развитія нашего ума и познанія.

По ученію французскаго философа, наша мысль проходитъ теологическую, метафизическую и положительную, или научную стадію развитія. Въ теологическомъ состояніи человѣческой умъ представляетъ себѣ явленія, какъ дѣйствія сверхъестественныхъ существъ, наполняющихъ міръ. Сначала эти существа не отдѣлимы отъ предмета или явленія, — эпоха фетишизма. Она смѣняется многобожіемъ, — главная по Конту стадія теологическаго развитія, — за которымъ возвышается единобожіе. Затѣмъ слѣдуетъ, въ этой эволюціи, метафизическій періодъ, когда олицетворяются отвлеченныя понятія, сущности, когда утверждается, напримѣръ, что природа *боится* пространства и т. п.

Въ періодъ фетишизма существуютъ фетишии всего племени, но по большей части эти божества — домашнія, даже личные. У каждаго бываетъ свой фетишъ. Это неблагопріятно для развитія общихъ мыслей, не организуешь духовенства, какъ ихъ органа, — что происходитъ въ эпоху политеизма **). Съ момента обожанія звѣздъ начинается, по мнѣнію Конта, переходъ отъ фетишизма къ политеизму. Звѣзда не можетъ быть личнымъ или домашнимъ фетишемъ. Когда была установлена недоступность свѣтилъ, — что потребовало много времени, — явилась нужда въ посредникахъ между обожаемымъ и обожающимъ, т. е. въ духовенствѣ, а это въ свою очередь обусловило возможность политическаго развитія. И въ научн. отношеніи совершается глубокой переворотъ: мировоззрѣніе фетишист. —

*) Ср. *Louis de Busnes: „L'Héritage intellectuel d'Auguste Comte“ (La Revue, № 5 et 6, 1902.*

**) См. „Cours de philosophie positive“, 3 édition, T. V, 42—44.

сплошная галлюцинація. Все зависитъ отъ произвола фетиша, къ которому обращаются съ своими желаніями; для законотѣрнаго сосуществованія и послѣдовательности явленій нѣтъ мѣста. По отношенію къ искусствамъ духъ фетишизма не былъ такимъ угнетающимъ, какъ по отношенію къ начаткамъ точнаго знанія. Воображеніе поощрялось имъ *).

Заслуживаютъ полнаго вниманія соображенія Бонта о переходѣ чело-вѣчества изъ кочевого состоянія къ земледѣлію. Признавая, что къ этому вело увеличеніе населенія, Бонтъ главную причину перехода видитъ въ подготовленной уже интеллектуальной и нравственной перемѣнѣ **). Религіозная потребность въ постоянныхъ наблюденіяхъ за звѣздами содѣйство-вала переходу на постоянное жительство (прежде всего, вѣроятно, фети-шистскаго духовенства). Бонтъ по этому поводу настаиваетъ на необходи-мости изучать сложную совокупность различныхъ видовъ общественныхъ явленій и въ особенности не разъединять опѣнки матеріальнаго и духов-наго развитія. Духъ научнаго изслѣдованія, приобретенное точное знаніе,— первоначально косвенно, а потомъ прямо,—все сильнѣе и сильнѣе видо-измѣняли и видоизмѣняютъ весь строй мыслей и всѣ социальныя условія существованія. Въѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ и метафизическій духъ, въ осо-бенности ярко обнаруживающійся при переходѣ отъ политеизма къ моно-теизму. Его влияніе при этомъ было по преимуществу критическимъ. Мета-физика и теологія съ колыбели челоуѣчества были соперницами и въ умственномъ, и въ политическомъ отношеніи ***).

Бонтъ объясняетъ, почему политеизмъ былъ особенно благопріятенъ эстетическому развитію челоуѣчества ****). Эстетическія способности явля-ются какъ бы посредниками между способностями, чисто - нравственными и чисто интеллектуальными: ихъ цѣль связываетъ ихъ съ одними, ихъ средства — съ другими. У небольшого числа людей, постоянно живу-щихъ мыслью, искусство является связующимъ звеномъ съ нравственною жизнью; для громаднаго большинства людей, наоборотъ, эстетическое раз-витіе служитъ необходимою ступенью для истиннаго умственнаго развитія. Политеизмъ, слѣдовательно, сыгралъ въ свое время великую и благотвор-ную роль.

Особенностями политеистической стадіи развитія Бонтъ считаетъ раб-ство и смѣшеніе духовной и свѣтской власти (*puvoir spirituel, pouvoir temporel*). Древность не знала удивительнаго раздѣленія этихъ властей, созданнаго въ средніе вѣка, подъ счастливымъ вліяніемъ католицизма: одна—чисто-нравственная, существенно назначенная для того, чтобы упра-влять мыслями и наклонностями; другая—политическая, прямо прилагаю-щаяся къ дѣйствіямъ и результатамъ. Такая духовная власть объединяетъ

*) Ibid., 51—55.

***) Ibid., 62—65.

****) Ibid., 81.

*****) Ibid., 101—107.

удаленная одна от другой страны, управлять народами, политический строй которых весьма различенъ.

Бонтъ указываетъ на двойственный процессъ политеизма: въ одномъ случаѣ онъ приобретаетъ теократическую, въ другомъ — военную форму. Вслѣдствіе этого, несмотря на основное соотношеніе, которое въ большей или меньшей степени всегда существуетъ между ходомъ развитія человеческого духа и развитіемъ общества, главная эволюція интеллектуальная и главная эволюція социальная (*la principale évolution intellectuelle et la principale évolution sociale*) разъединяются, хотя идутъ аналогично (Греція, Римъ).

Постепенно философская мысль въ Греціи, освобождаясь отъ политеизма, принимала метафизическій характеръ и удалялась отъ точнаго знанія, которое сдѣлало уже значительные успѣхи. Въ области социальныхъ отношеній греческая метафизическая мысль сыграла разрушительную роль.

Слѣдуетъ прочесть у самого Бонта объясненіе того, какъ изъ историческаго дуализма (греко-римскаго) произошло раздѣленіе духовной и свѣтской власти, торжество монотеизма. Можно съ нимъ во многихъ случаяхъ не соглашаться, не нельзя съ нимъ не считаться.

Монотеизмъ, въ социальномъ отношеніи, произвелъ глубокое вліяніе главнымъ образомъ въ области морали; но это его значеніе зависѣло отъ его политическаго существованія. Бонтъ еще разъ подчеркиваетъ заслугу католицизма въ общемъ совершенствованіи социальнаго организма *). Геній католицизма, въ высокой степени социальный, состоялъ въ особенноти въ томъ, что, создавая чисто-нравственную власть, независимую отъ власти въ собственномъ смыслѣ политической, онъ постепенно вводилъ въ политику нравственныя начала.

Этого мало: католицизмъ, по мнѣнію Бонта, въ мѣру возможности, доставилъ нравственности верховенство въ общественныхъ отношеніяхъ.

Французскій мыслитель обнаружилъ глубокое историческое пониманіе событій, когда онъ протестовалъ противъ господствовавшего въ его время убѣжденія, что средніе вѣка — сплошная тьма, сплошная реакція. Не говоря уже о томъ великомъ эволюціонномъ шагѣ, который выше упомянуть и которому Бонтъ съ особенною любовью посвящаетъ сотни страницъ, онъ настаиваетъ и на удивительныхъ успѣхахъ въ средніе вѣка и музыки, и архитектуры.

Католицизмъ не могъ поворотить, втянуть въ себя интеллектуальное движеніе, и поэтому неминуемо было умственное разложениіе. Наступаетъ критическій періодъ, метафизическая фаза развитія, въ которой творческая работа научной мысли владетъ уже основаніе третьей стадии, — торжестъ положительной философіи, и поддерживаетъ метафизику въ ея борьбѣ теологіей. Замѣчу здѣсь, что въ оцѣнкѣ метафизики Бонтъ впадаетъ ошибку. Онъ придаетъ ей только отрицательный, разрушительный хар-

*) Ibid., стр. 231. Ср. примѣчаніе на той же страницѣ.

теръ. Незнакомство съ германскою философскою мыслью помѣшало Контю правильно опредѣлить дѣйствительную историческую роль тѣхъ усилій, которыя дѣлала человѣческая мысль въ поискахъ истины и правды *по ту сторону опыта*.

Сотни страницъ посвятилъ Огюстъ Контъ развитію и историческому доказательству своей идеи, научному обоснованію закона трехъ состояній. Этотъ законъ и классификація наукъ составляютъ главное содержаніе позитивной философіи, ея спинной хребетъ, по выраженію Милля.

Контъ полагаетъ, что не можетъ существовать никакого законнаго сомнѣнія относительно точности и важности открытаго имъ закона. Но крайняя новизна предмета и глубоко укоренившіяся заблужденія ума могутъ, какъ онъ думаетъ, повести къ тому, что даже лучшіе умы не оцѣнятъ вполне конечное обновленіе этимъ принципомъ всей соціальной науки. Поэтому необходимо сдѣлать въ основныхъ чертахъ и въ главныхъ фазахъ обзоръ міровой исторіи. Контъ дѣлаетъ еще ограниченіе: онъ беретъ исключительно развитіе передовыхъ народовъ, оставляя въ сторонѣ запоздавшія и изолированныя цивилизаціи. Когда главные законы соціальнаго движенія будутъ такимъ образомъ оцѣнены въ явленіяхъ ихъ наиболѣе полнаго обнаруженія, тогда возможно и полезно прослѣдить ихъ дѣйствіе въ другихъ сферахъ, принимая въ расчетъ и оцѣнку характеристичныя въ каждомъ случаѣ особенности. Положительная политика введетъ поэтому обновленіе въ общій духъ международныхъ сношеній, замѣняя вмѣшательство, вносящее беспорядокъ и даже угнетающее, благосклоннымъ отношеніемъ, взаимно полезнымъ.

II.

Въ Россіи первымъ заговорилъ о Контѣ В. А. Милютинъ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1847 года (томъ LV) онъ напечаталъ большую статью о сочиненіи Бутовскаго: *Опытъ о народномъ богатствѣ или началахъ политической экономіи*. Авторъ ссылается на никому почти въ то время неизвѣстнаго Огюста Конта, называя его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей положительной науки, и доказываетъ необходимость положительной методы при изученіи общественныхъ фактовъ. Статья Милютина начинается съ изложенія закона трехъ фазисовъ, причемъ первый изъ нихъ, по цензурнымъ условіямъ того времени, онъ называетъ *миологическимъ*. Въ другой статьѣ, напечатанной въ *Современникѣ* въ томъ же 1847 году (томъ V) *Мальтусъ и его противники*, Милютинъ вооружается противъ метафизики и настаиваетъ на сліяніи естественныхъ и общественныхъ наукъ (статья вторая).

Подъ конецъ своей такъ преждевременно оборвавшейся жизни за популяризацию историческихъ идей Конта взялся Писаревъ. Онъ вполне признаетъ ученіе о трехъ фазахъ. «Основной законъ исторіи нашелся», пишетъ Писаревъ. Талантливый критикъ и публицистъ полагаетъ, что въ

1865 году Россія не имѣла еще о Контѣ никакого понятія. По нѣкоторымъ пунктамъ Писаревъ не согласенъ съ основателемъ *Положительной философии*. Такъ, соглашаясь съ тѣмъ, что рабство было исторически даже благотвѣтельною въ концѣ-концовъ необходимою, Писаревъ не можетъ признать нормальнымъ явленіемъ современный пауперизмъ.

Совершенно иное отношеніе къ тремъ фазисамъ развитія находимъ у близкаго намъ по времени критика контовской философіи. В. С. Савиновъ называетъ этотъ законъ *пресловутымъ*. По его мнѣнію, «всякая имѣющая историческое значеніе, является первоначально какъ выразитель непосредственной увѣренности (наптія, вдохновенія, что соответствуетъ теологической стадіи у Конта); затѣмъ она становится предметомъ отвлеченнаго мышленія (метафизическая стадія Конта) и, наконецъ, ставитъ какъ задача реальнаго осуществленія или воплощенія (позитивная стадія Конта). Очевидно, три стадіи по Соловьеву не имѣютъ ничего общаго съ тремя фазисами развитія по Контѣ.

Въ западной философской литературѣ опроверженія и апологіи контовскаго ученія, какъ извѣстно, многочисленны. Я остановлюсь только на немногихъ изъ нихъ, до сихъ поръ, если не ошибаюсь, не отмѣченыхъ въ нашей социологической и философской литературѣ.

Ферразъ въ своемъ *Этюдѣ о французской философіи въ XIX столѣтіи* настаиваетъ на томъ, что законъ трехъ фазисовъ былъ формулированъ Сень-Симономъ **). Въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ къ Редерну Сень-Симонъ говоритъ: «Изучая относительный и положительный характеръ цѣлаго и частей науки, находятъ, что цѣлое и части должны первоначально имѣть предположительный характеръ; затѣмъ цѣлое и части должны имѣть характеръ полупредположительный (mi-conjectural) и положительный; наконецъ цѣлое и части должны приобрѣсти, насколько возможно, характеръ положительный». Конечно, эта мысль можетъ быть названа зародышемъ ученія о трехъ фазисахъ, но отъ зародыша до развитой системы разстояніе громадное. Съ большимъ основаніемъ мы можемъ считать предшественникомъ контовскаго ученія о трехъ фазисахъ Тюрго, который указываетъ, что явленія природы изъясняются тройко, въ послѣдовательномъ развитіи ихъ приписываютъ первоначально дѣйствию разумныхъ существъ (теологическій періодъ), потомъ сущностямъ или качествамъ, наконецъ, механическому дѣйствию одного тѣла на другое.

Ферразъ находитъ, что эти три способа мышленія естественны, но не послѣдовательны. Человѣчество, по его мнѣнію, всегда пользовалось и будетъ ими пользоваться одновременно. Религія, метафизика, наука отличаются каждая особой потребности нашей природы.

Гиддингсъ упрекаетъ Конта въ томъ, что онъ замкнулъ законъ исторіи въ чисто-интеллектуальный процессъ ***). Этотъ упрекъ несправедливъ. Г-

*) Ferras: „Étude sur la Philosophie en France au XIX siècle“.

***) Нѣкоторые приписываютъ эту формулу доктору Бурдену.

***) Гиддингсъ: „Основанія социологіи“, стр. 310.

раздо серьезнѣе и основательнѣе всѣхъ этихъ возраженій тѣ, которыя дѣла-
етъ Фулье въ своемъ трудѣ: *Позитивистское движеніе и социологическая
концепція міра* *).

Фулье признаетъ, что именно Огюсть Контъ придалъ закону трехъ
состояній социологическую и философскую цѣнность, которой ему прежде
не доставало во всякомъ случаѣ. Классификація наукъ выражала законъ
научнаго развитія; ученіе о трехъ фазисахъ является закономъ философ-
скаго развитія. Теологическая и метафизическая философіи, въ отличіе отъ
положительной, носятъ субъективный характеръ. Ихъ принципомъ, гово-
ритъ Контъ, при объясненіи явленій внѣшняго міра служить непосред-
ственное чувствованіе явленій нашей внутренней жизни; положительная
философія характеризуется подчиненіемъ концепціи человѣка концепціи
міра. Соціальное развитіе есть прогрессъ къ наукѣ и прогрессъ въ наукѣ.

Огюсть Контъ, конечно, видѣлъ, что хронологически три стадіи раз-
витія не всегда послѣдовательны, что есть историческія отклоненія и смѣ-
шанные періоды; но періоды эти должны характеризоваться преоблада-
ющимъ въ данное время состояніемъ. Слѣдующія слова Конта не оставля-
ютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія: «Теологическая философія
даже въ нашемъ дѣтствѣ, личномъ или общественномъ, никогда не могла
быть въ строгомъ смыслѣ всеобщей; иными словами, нѣкоторый рядъ
явленій, наиболѣе простые и извѣстные факты всегда разсматривались
какъ подчиненные естественнымъ законамъ, а не произвольному вмѣша-
тельству сверхъестественныхъ агентовъ». Въ нашей обыденной жизни, въ
элементарныхъ семейныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ, всегда присут-
ствовало нѣкоторое предвидѣніе, а слѣдовательно и положительное знаніе,
исключавшее волю фетиша, стало быть—и силу обращенія къ нему въ дан-
номъ случаѣ. Зародышъ положительной философіи, говоритъ Контъ, такъ же
первобытенъ, какъ и зародышъ теологической философіи, только развитыя
онъ могъ лишь гораздо позже. Контъ настаиваетъ на этомъ, потому что
иначе будетъ непонятна его *социологическая* теорія: такъ какъ въ истори-
ческомъ процессѣ происходитъ не твореніе, а эволюція, то безъ принятія
въ соображеніе высказанной Контомъ идеи было бы совершенно непонятно
торжество научнаго духа надъ предшествовавшими стадіями развитія. Всѣ
три стадіи коллективной мысли всегда сосуществовали, какъ всегда же со-
существовали и вліяли одна на другую наука, промышленность и нравствен-
ность. Вопросъ въ томъ, кому и когда принадлежала главная, направля-
ющая роль.

Законъ трехъ состояній, замѣчаетъ Фулье, есть законъ философской
и научной эволюціи, а не эволюціи другихъ социальныхъ явленій. Но,
разумеется, по Конту интеллектуальная гегемонія въ человѣчествѣ все
болѣе и болѣе переходитъ въ руки философіи, основанной на наукѣ, и

*) *Alfred Fouillée*: „Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde“.

общество, какъ *человѣческое* общество, въ своемъ устройствѣ и сферахъ не можетъ не опредѣляться существенными факторами данной философскаго и научнаго развитія.

Фулье думаетъ, что человѣчество движется къ синтезу теологическаго метафизическаго и позитивнаго состояній, а не къ исчезновенію первыхъ двухъ въ пользу третьяго. Концепція міра, говоритъ Фулье, которая господствуетъ объективною наукою, не исключаетъ признанія мѣста и роли субъективнаго. Огюсть Контъ это предвидѣлъ, но онъ, по мнѣнію современнаго намъ критика, сузилъ понятіе субъективнаго, придавъ ему значеніе *человѣческаго интереса* *).

Въ одномъ изъ новѣйшихъ трудовъ Рибо: *Эволюція объективныхъ идей*, мы находимъ подтвержденіе нѣкоторыхъ изъ глубокомысленныхъ замѣчаній Конта. Такъ, Рибо указываетъ, что въ развитіи понятія *закона* можно различать три главные періода: періодъ родовыхъ образовъ, періодъ законовъ конкретныхъ или эмпирическихъ и періодъ законовъ теоретическихъ и идеальныхъ **). Первый изъ періодовъ научнаго развитія понятія закона играетъ именно ту роль, которую приписываетъ ему и Контъ. Человѣкъ машинально признаетъ нѣкоторую правильность за очень ограниченное число явленій. «Представленіе объ этой правильности есть результатъ постояннаго или частаго повторенія нѣкоторыхъ цѣлковыхъ явленій (такихъ, какъ солнца, луны, время года); оно создается въ умѣ процессомъ пассивной ассимиляціи, т.-е. путемъ образованія родовыхъ образовъ». Въ первыхъ порахъ умственной жизни человѣчества это представленіе принесло несомненно благотворные результаты: «оно содержало чрезвычайно сильное стремленіе воображенія населять міръ произвольными причинами, не руководящимися никакимъ правилами; оно побуждало человѣка установить мирное царство случайности; оно было первымъ выраженіемъ вѣры въ случайность явленій. Успѣхи размышленія и методическаго изслѣдованія сдѣлали остальное».

Во многихъ случаяхъ Огюсть Контъ ошибался, но и ошибки его иногда имѣли плодотворныя послѣдствія. Знаменитый французскій мыслитель иногда ошибся, когда утверждалъ, что мы никогда ничего не узнаемъ о строеніи небесныхъ тѣлъ: гениальное открытіе Кирхгофа и Бунзена окончательно опровергло это утверженіе. Но какой же изъ великихъ философовъ не впадалъ въ заблужденіе? Стремленіе творца положительной философіи и социологіи охватить и понять весь историческій процессъ человѣчества заслуживаетъ глубокаго вниманія и производитъ возвышающее душу впечатлѣніе. Это стремленіе, всѣмъ извѣстно, не ново; но въ постановкѣ и обработкѣ у Конта не мало новаго и въ высокой степени

*) Изъ новѣйшихъ писателей довольно интересныя замѣчанія о фетишизмѣ мы находимъ у Камилла Дрейфуса: *Мировая и социальная эволюція* (русскій пер., т. II). Онъ полагаетъ, что фетишизмъ не первая ступень эволюціи.

***) Привожу по русскому переводу.

плодотворнаго. Человѣческая мысль безпрестанно прокладываетъ себѣ дорогу въ глубокой мглѣ и ярко освѣщаетъ и пройденную дорогу, и грядущій путь человѣческаго и человѣчнаго развитія. вмѣстѣ съ Тюрго и Кондорсе мысль эта радостно привѣтствуетъ безконечное совершенствованіе человѣка и общества; вмѣстѣ съ Луи Бланомъ она смѣло ставитъ оптимистическія вѣхи историческаго процесса: авторитетъ, индивидуализмъ, братство, въ экономической формулѣ Лассаля: землевладѣніе, капиталъ, трудъ. Контовскій законъ трехъ состояній превосходитъ эти попытки и шириною, и прочностью основанія, и глубиною построенія, дедуктивнаго и индуктивнаго, потому что Контъ подтверждаетъ правильность своего ученія и историческимъ наведеніемъ, и указаніемъ на природу человѣка, проходящаго въ личной жизни тѣ же фазисы развитія, какіе проходитъ общество.

Въ системѣ Конта, говоритъ Леви-Брюль *), построеніе социологіи можетъ быть разсматриваемо сразу и какъ точка достиженія, и какъ точка отправленія. Съ установленіемъ закона *трехъ состояній* социальная физика перестаетъ быть только философскою концепціею и становится положительною наукою. Этотъ законъ предчувствовали и даже формулировали въ XVIII вѣкѣ Тюрго, Кондорсе, Бюрденъ, но лишь Контъ оцѣнилъ всю его важность и развилъ ученіе объ его первенствующей роли въ общемъ развитіи человѣчества.

Въ 1822 году, въ *Планнъ научныхъ работъ, необходимыхъ для преобразованія общества*, Контъ говорилъ, что, по природѣ человѣческаго духа, каждая отрасль нашихъ знаній проходитъ послѣдовательно три различныя теоретическія состоянія: теологическое или фиктивное, метафизическое или отвлеченное, наконецъ, научное или положительное. Въ первомъ урокѣ *Курса положительной философіи*, воспроизведя это мѣсто, Контъ прибавляетъ: «Въ другихъ выраженіяхъ, человѣческій умъ, по своей природѣ, употребляетъ послѣдовательно въ каждомъ своемъ изслѣдованіи три метода философствованія, характеръ которыхъ существенно различенъ и даже противоположенъ: сначала методу теологическую, потомъ метафизическую и, наконецъ, положительную. Отсюда и три рода философіи или общихъ системъ пониманія совокупности явленій, каждая изъ которыхъ исключаетъ другія. Первая есть необходимая точка отправленія человѣческаго разума, третья—его твердое и окончательное состояніе, вторая имѣетъ единственнымъ назначеніемъ служить этому переходу». Необходимо прибавить, что для Конта теологія есть синонимъ антропоморфизма въ пониманіи причинъ. Слово *метафизика* также употребляется Контомъ въ смыслѣ и тождественномъ съ обычнымъ: метафизическое, или абстрактное, говоритъ онъ. Такова, напримѣръ, гипотеза витализма въ физиологіи. Поэтому совершенно неправильно, замѣчаетъ Леви-Брюль, толковать мысль Конта такимъ образомъ, будто эволюція человѣчества всегда удаляетъ его отъ

*) *Lévy-Bruhl: „La philosophie d'Auguste Comte“, p. 39.*

теологич, какъ религія: въ ученіи Конта религія, въ положительной (въ историческаго развитія, будетъ управлять всею жизнью человѣка. Законъ трехъ состояній есть общій законъ развитія мысли. Онъ господствуетъ въ исторіи въ томъ смыслѣ, что другіе факторы зависятъ отъ него болѣе, чѣмъ онъ отъ нихъ.

Теологическая философія сдѣлала возможнымъ наблюденіе явленій, а это наблюденіе мало-по-малу породило идею о неизмѣнныхъ законахъ, управляющихъ явленіями. По мысли Конта законъ трехъ состояній является не только историческимъ, но и психологическимъ. Доказательствомъ его вѣрности служитъ то, что ни одна отрасль нашего знанія не переходитъ съ метафизической стадіи на теологическую или съ положительной на другую изъ нихъ.

Для Конта законъ трехъ состояній есть общая формула прогресса члвчскаго ума, но не въ отдѣльномъ лицѣ, не въ индивидуумѣ, а въ цѣломъ члвчествѣ (*Sujet universel*). Въ *Критикѣ чистаго разума* говорится тотъ же міровой субъектъ, но только совершенно отвлеченнымъ способомъ: члвческій духъ разсматривается *съ себя самою*. Контъ представляетъ себя міровой субъектъ какъ конкретное единство, которое существуетъ во времени. Для него изученіе духовныхъ функций, свойственныхъ члвчѣку, становится положительнымъ лишь тогда, когда оно производится съ исторической и соціологической точки зрѣнія. Поэтому законъ трехъ состояній и является, говоритъ Леви-Брюль, краеугольнымъ камнемъ всей положительной системы. Положительная философія анализируетъ интеллектуальную исторію члвчества. Члвческій духъ путемъ изученія своего прошлаго приходитъ къ сознанію законовъ своей дѣятельности. Контъ говоритъ, что не слѣдуетъ объяснять члвчество члвчскомъ, а надо члвчѣка объяснять члвчествомъ *).

В. Гольцевъ.

*) Ср. вполнѣ отрицательную критику закона трехъ состояній у *Bertrand Russell*, *Philosophy and scientific method*. Интересна глава о Контѣ въ первомъ томѣ *Философіи исторіи какъ соціологіи* Барта (русскій переводъ, глава вторая и третья).

ПРАВИЛА ВЫСТАВКИ

ПО садоводству, лѣсоводству, огородничеству, виноградарству, шелководству и пчеловодству,
устройстваемой Донскимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго
Общества садоводства.

съ 1 по 10 сентября 1902 года

въ г. Новочеркасскѣ.

- § 1. Донской Отдѣлъ Императорскаго Россійскаго Общества садоводства устраиваетъ въ Новочеркасскѣ выставку произведеній садоводства, огородничества, виноградарства, шелководства, лѣсоводства и пчеловодства Донской области и ближайшихъ къ области губерній; но желая вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность населенію ознакомиться также и съ образцовыми произведеніями этихъ культуръ, пригласилъ участвовать на выставкѣ нѣкоторые учрежденія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Вѣдомства Удѣловъ и частныя хозяйства юга Россіи.
- § 2. Выставка открывается 1 сентября и продолжается до 10 сентября.
- § 3. Выставка заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:
- I. Садоводство, а) плодководство и б) декоративное садоводство.
 - II. Лѣсоводство.
 - III. Огородничество, бахчеводство и табаководство.
 - IV. Виноградарство и винодѣліе.
 - V. Продукты технической переработки плодовъ и овощей.
 - VI. Садовая техника.
 - VII. Шелководство.
 - VIII. Пчеловодство.
 - IX. Съменной Отдѣлъ.
 - X. Научный Отдѣлъ.

Замѣтки читателя.

Прочелъ сборникъ статей г. Петра Струве: *На разные темы*. Нѣкоторыя изъ этихъ статей были мнѣ вѣдѣсны. Всѣ онѣ написаны въ промежутокъ времени отъ 1893 до 1901 года включительно. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что въ 1884 г. онъ былъ «въ философіи критическимъ позитивистомъ, въ социологіи и политической экономіи рѣшительнымъ, хотя и вовсе не правовѣрнымъ, марксистомъ. Съ тѣхъ поръ и позитивизмъ, и опирающійся на него марксизмъ перестали для автора быть *еще истинной* (курсивъ мой), перестали всецѣло опредѣлять и окрашивать его мировоззрѣніе». Г. Струве является такимъ образомъ нагляднымъ опроверженіемъ контовскаго закона трехъ фазисовъ умственного развитія: изъ позитивиста онъ сдѣлался метафизикомъ.

Авторъ настаиваетъ на своемъ правѣ пересматривать собственное мировоззрѣніе, «на свой страхъ искать и выработывать себѣ новый строй идей». Само собою разумѣется, что такого права,—одного изъ драгоценнѣйшихъ правъ живой мыслящей личности,—какъ выражается г. Струве,—нельзя не признать. Авторъ статей *На разные темы* отличается и обширною начитанностью, и талантливостью, и горячей искренностью. Мнѣ его эволюція не совсѣмъ понятна, и новые его взгляды (какъ и нѣкоторые изъ прежнихъ) кажутся мнѣ ошибочными.

Почему марксизмъ опирается на позитивизмъ? Главнымъ факторомъ развитія человѣчества основатель положительной философіи признавалъ умственное движеніе, а не производственныя отношенія. Какъ соединялись эти противоположныя взгляды въ прежнемъ мировоззрѣніи автора, для меня непонятно. Непонятно это будетъ и въ томъ случаѣ, если г. Струве подъ критическимъ позитивизмомъ разумѣетъ ученія Авенариуса, Лааса, Маха.

Въ прежнихъ статьяхъ нашимъ философамъ-метафизикамъ крѣпко ставалось отъ ихъ теперешняго единомышленника. Въ статьѣ *Наша утилитисты* (1897 г.) г. Струве обвиняетъ покойнаго Соловьева въ невѣствѣ, Чичерина въ легкомысліи, «которое не столько возмущаетъ, сколько поражаетъ». Въ примѣчаніи къ другой статьѣ, *Философія идеальнаго добра или апологія реального зла?* сказано: «Въ то время (1897 г.) я стоялъ еще на почвѣ критическаго позитивизма, теперь же исповѣдую метафизическую философію».

ческій идеализмъ и, въ силу этого, сталъ гораздо ближе къ Соловьеву, чѣмъ прежде. Но и теперь я считалъ бы нужнымъ рѣшительно протестовать противъ его социально-экономической философіи». Стало быть, замѣчу я, между метафизическимъ идеализмомъ и социально-экономическою философіею, нѣтъ никакой органической связи.

Нѣчто отъ позитивизма у г. Струве осталось. Полемизируя съ Н. К. Михайловскимъ, онъ такъ формулируетъ его социологическій субъективизмъ: <1) Соціологія недоступно, по самому социально-психологическому существу ея проблемъ, общеобязательное или объективное ихъ рѣшеніе. 2) Соціологія, въ силу той же особенности ея проблемъ, задается и должна задаваться не только вопросомъ о томъ, что есть, но и вопросомъ о томъ, что должно быть. Иначе говоря, соціологія есть дисциплина не только объясняющая, но и нормирующая>. Г. Струве—рѣшительный противникъ этого взгляда (статья написана въ прошломъ году). Впрочемъ, онъ замѣчаетъ: <я не боюсь быть *дикимъ* и брать то, что мнѣ нужно, и у Канта, и у Фихте, и у Маркса, и у Brentano, и у Rodbertus, и у Bemъ-Baверка, и у Lassala>.

Г. Струве стоитъ за *свободное творчество социальныхъ идеаловъ*. Что же можно возразить противъ этого требованія? Я думаю только, что *критическій позитивизмъ* можетъ доказать объективную благотворность для человѣчества нѣкоторыхъ условій социального развитія, какъ можно доказать необходимость подобныхъ объективныхъ условій для физическаго здоровья человѣка.

Г. Струве горячо возстаетъ—и въ этомъ отношеніи я вполне ему сочувствую—противъ буржуазной культуры, противъ *культы довольства*. «Тѣ условія,—говоритъ онъ,—которыя мы объединяемъ подъ названіемъ *довольства*, безусловно необходимы, какъ средство для дальнѣйшаго подъема человѣка и человѣчества; буржуазность начинается лишь тамъ, гдѣ это средство становится объектомъ культа, превращается въ верховную цѣль и въ высшую цѣнность,—словомъ заполняетъ собою *религіозное* сознаніе людей и, такъ какъ оно не въ состояніи сдѣлать это, упраздняетъ такое сознаніе». Г. Струве волагаетъ, что эта *культурная буржуазность* составляетъ самую характерную особенность, какъ бы духовную сущность современнаго человѣка. Мнѣ этотъ мрачный взглядъ представляется большимъ преувеличеніемъ. У самого г. Струве мы встрѣчаемъ очень бодрія ноты. Такъ, говоря о русскомъ западничествѣ, онъ замѣчаетъ, что въ этомъ западничествѣ <всегда жило и живетъ настоящее уваженіе къ національному духу и та истинная ревность о немъ, которой наиболѣе приличествуетъ загаженное ненавистниками свѣта и свободы наименованіе патріотизма. Истинные ревнители національнаго величія, истинные патріоты вовсе не тѣ, кто помышляетъ только о томъ, какъ бы разъ навсегда приковать національный духъ, точно каторжника къ тачкѣ, къ опредѣленнымъ формамъ духовно-общественнаго бытія; но, наоборотъ, тѣ, кто, вѣруя въ силу и крѣпость свободно зиждущаго національнаго духа, стремятся снять съ него

всѣ пути, утвердивъ неизблемую основу достойнаго національнаго существованія—*отвержденныя въ правѣ права личности*».

Мысли, конечно, далеко не новыя, но повторять ихъ необходимо, и когда онѣ высказаны, какъ у г. Струве, горячо и талантливо, онѣ не останутся безъ благотворнаго отзыва. Такимъ же благороднымъ духомъ проникнута другая статья автора: *Въ чемъ истинный национализмъ?* Она была первоначально напечатана, подъ псевдонимомъ, въ *Вопросахъ философіи и психологіи* и своевременно отмѣчена въ нашемъ журналѣ. Въ ней г. Струве «съ радостнымъ сердцемъ» повторяетъ историческія слова Гуттена: Умы пробудились, радостно жить!

Русская Мысль съ своего основанія и до настоящаго времени держалась такого же взгляда на вопросъ о націонализмѣ, какой высказываетъ теперь г. Струве. Позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ одного изъ моихъ внутреннихъ обзорѣвъ, написаннаго двадцать одинъ годъ тому назадъ: «Намъ нѣтъ надобности заявлять о томъ, что мы глубоко вѣруемъ въ духовную мощь русскаго народа, въ его великое историческое будущее, въ его самобытность; но въ особой защитѣ послѣдняя, по нашему мнѣнію, не нуждается, ибо великій историческій народъ непремѣнно будетъ самобытенъ. Если оживленіе торговаго обиха, усиленіе взаимной связи экономической и духовной разрушаетъ старые предрасудки и устанавливаетъ значительное единообразіе въ учрежденіяхъ и правахъ просвѣщенныхъ народовъ, то, съ другой стороны, творческой самобытности каждаго племени открывается при этомъ болѣе широкій просторъ. Именно тогда и можетъ обнаружить историческій народъ всю свою духовную мощь, когда онъ усвоитъ себѣ общія основы правильной государственной жизни. Только на этой почвѣ могутъ развернуться его силы, вполне обнаружится его дѣйствительная самобытность. Въ самомъ дѣлѣ, самобытенъ Китай, самобытна и Англія. Но при столкновеніи съ новыми требованіями жизни, съ новыми болѣе просвѣщенными народами быстро обнаруживается духовная немощь перваго и великая сила послѣдней. Выработать себѣ извѣстныя формы общественныхъ и домашнихъ отношеній и застыть, окаменѣть въ этихъ формахъ, конечно, оригинально, самобытно; но такая самобытность, какъ всякому понятно, есть отрицаніе дальнѣйшаго развитія, есть залогъ неминуемой смерти, болѣе или менѣе скорое наступленіе которой будетъ уже зависѣть отъ случайныхъ причинъ. Только непрерывно усвоивъ себѣ все лучшее, достигнутое другими народами, и перерабатывая его самостоятельно, можно не отстать отъ историческаго движенія, не потерять значенія въ мировомъ развитіи. Искусственно или, во всякомъ случаѣ, довольно произвольно, по личной оцѣнкѣ, заявляя о необходимости поставить преграду естественному развитію народной жизни, самые пріятельные, самые глубокіе знатоки этой жизни могутъ сдѣлать не мало крупныхъ ошибокъ. Необходимо поэтому, чтобы рамки общественной жизни не стѣсняли свободнаго выраженія общественныхъ потребностей».)

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. XI, „Внутреннее обзорѣніе“.

Я думаю, что подъ этими словами подпишутся теперь многіе «метафизическіе идеалисты».

Мы пережили періодъ увлеченія народничествомъ, потомъ періодъ упадка духа и апофеоза *отрадныхъ фактовъ* и *мелкихъ дѣлъ*, главнымъ представителемъ котораго была *Неделя* и съ которымъ въ *Русской Мысли* энергично и страстно боролся Шелгуновъ. Пережили затѣмъ и ново-марксизмъ, съ особенною яркостью провозглашенный г. Петромъ Струве. Новыя теченія какъ будто обходили и обгоняли нашъ журналъ. Но вотъ народничество расплылось, стусеивалось, теорія мелкихъ дѣлъ отброшена, въ марксизмѣ полный расколъ,—и основныя потребности русской жизни опять выступаютъ впередъ, съ новою силою дають о себѣ знать. На этотъ разъ, надо надѣяться, культурная работа не пойдетъ вразбродъ. Очень ужъ мы отстали отъ Европы и въ просвѣщеніи, и въ благосостояніи.

P.S. Извѣстно, что *Московскія Вѣдомости* относятся къ земству съ враждебностью опричника и при каждомъ удобномъ случаѣ стараются очернить и оклеветать безкорыстно работающихъ земскихъ дѣятелей. Это извѣстно и въ порядкѣ вещей, но иногда приемы газеты всетаки вызываютъ нѣкоторое удивленіе. Вышла, напримѣръ, недавно книга г. Ганзена: *Опытъ оздоровленія деревни* (она печаталась первоначально статьями въ нашемъ журналѣ).

Московскія Вѣдомости въ замѣткѣ *Недузъ современной деревни* говорятъ объ этой книгѣ. Какъ относится земство къ трудовой помощи и къ устройству пріютовъ-яслей?—спрашиваетъ газета. «Не заслужило ли оно довѣрія населенія? По крайней мѣрѣ, крестьяне одной вятской деревни, какъ рассказываетъ г. Ганзенъ, отказались отъ осушки 200 дес. болотъ, боясь «въ случаѣ осушки болотъ новыхъ сборовъ казенныхъ и земскихъ» *).

Борзописецъ *Моск. Вѣдом.* не замѣтилъ, что онъ отвѣчаетъ не на вопросъ, какъ земство относится къ вопросу о трудовой помощи: онъ приводитъ фактъ недовѣрія *крестьянъ*, ихъ опасенія, чтобы послѣ совершенныхъ работъ не увеличались *казенные* и земскіе сборы. Но этого мало: г. Ганзенъ въ своей книгѣ (страница 21) прямо говоритъ: «Представители земства всегда готовы были помочь намъ, гдѣ и когда только было нужно». Авторъ убѣжденъ, что всѣ предпріятія трудовой помощи, возникшія въ Малмыжскомъ уѣздѣ, благодаря мѣстному земству, обезпечены въ своемъ существованіи, будутъ имѣть и энергическую поддержку, и разумный надзоръ. Вотъ что свидѣтельствуетъ о земствѣ безпристрастный наблюдатель (кстати сказать—датчанинъ), посланный правительствомъ для оказанія трудовой помощи послѣ неурожая, въ 1899 году. Совѣстно за университетскую газету...

В. Г.

*) *Моск. Вѣд.*, № 196.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЗРѢНІЕ.

Новый законъ о незаконнорожденныхъ. — Объ устройствѣ средней школы на 1904-1903 учебный годъ. — Занятія комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. — Проектируемая реорганизація санитарнаго и врачебнаго дѣла. — Жизнь провинціи.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ обнародованъ новый законъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Извѣстно, въ какомъ положеніи находились у насъ дѣти, рожденныя внѣ брака. Они были въ полномъ смыслѣ слова безправны. Незаконныя дѣти не только не имѣли права на фамилію отца, но и не могли наследовать ни послѣ отца, ни послѣ матери. Дѣти, происшедшія отъ браковъ, признанныхъ недействительными, также признавались у насъ незаконными, что составляло уже явную и вопіющую несправедливость. Единственная льгота, которую предоставлялъ такимъ дѣтямъ законъ, состояла въ томъ, что они имѣли право требовать отъ родителей содержанія наравнѣ съ законными дѣтьми.

Новый законъ въ значительной степени улучшаетъ положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей и въ этомъ смыслѣ представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ. Раньше всего онъ совершенно измѣняетъ положеніе дѣтей, рожденныхъ отъ брака, признаннаго недействительнымъ. Такія дѣти сохраняютъ права дѣтей законныхъ. Отъ соглашенія родителей зависитъ опредѣлить, у кого изъ нихъ должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти; причемъ, если со стороны одного изъ родителей вступленіе въ бракъ было не добровольно, другой имѣетъ право требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей.

Внѣбрачными дѣтьми законъ признаетъ: рожденныхъ незамужнею, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія и рожденныхъ по смерти мужа матери или по расторженіи брака разводомъ или же послѣ признанія его недействительнымъ, когда со дня смерти мужа матери или расторженія брака прошло болѣе трехсотъ шести дней. Внѣбрачный ребенокъ, если ему не было присвоено отчества при совершеніи метрической записи, именуется отчествомъ, сообразно имени своего воспріемника, фамилія же ему присваивается по материнской съ отчествомъ; но съ согласія матери и ея отца, если они находятся въ живыхъ, онъ можетъ именоваться дѣвичьей фамиліей.

Отецъ вѣбрачнаго ребенка обязанъ нести издержки на его содержаніе сообразно своимъ имущественнымъ средствамъ и общественному положенію матери ребенка; мать также принимаетъ участіе въ этихъ издержкахъ сообразно со своимъ имущественными средствами, которыя принимаются во вниманіе при опредѣленіи ребенку содержанія отъ отца. При этомъ въ составъ содержанія, слѣдующаго съ отца вѣбрачнаго ребенка, включается и содержаніе нуждающейся въ томъ матери. Доставленіе средствъ на содержаніе ребенка даетъ отцу право надзора за его воспитаніемъ; разногласія же по этому поводу между отцомъ и матерью разрѣшаются опекунскимъ учрежденіемъ.

Вѣбрачныя дѣти и ихъ законныя нисходящія наследуютъ послѣ матери наравнѣ съ ея законными дѣтьми, но лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ; причемъ послѣ матери, оставившей только законныхъ дочерей, они наследуютъ съ послѣдними въ равныхъ доляхъ. На наследованіе же въ имуществѣ отца и его родственниковъ, а также родственниковъ матери, вѣбрачныя дѣти права не имѣютъ. При требованіи отъ матери содержанія вѣбрачному ея ребенку, а также при предъявленіи его наследственныхъ правъ, доказательствомъ происхожденія ребенка отъ матери служить метрическая записъ. Если же мать въ записи не поименована или записи представить невозможно, то въ доказательство принимаются только письменныя удостовѣренія, исходящія отъ самой матери.

Узаконеніе попрежнему допускается только для лицъ христіанскихъ исповѣданій, но распространяется чрезъ слѣдующій бракъ и на дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ облегчается и возможность усыновленія. Новый законъ даетъ право усыновлять и собственныхъ вѣбрачныхъ дѣтей. Кроме того, усыновленіе допускается и при наличности собственныхъ дѣтей, возрастное же отношеніе, существовавшее по прежнимъ правиламъ, отнынѣ значенія имѣть не будетъ (по прежнему закону усыновитель не могъ быть моложе 30 лѣтъ, а усыновляемый долженъ былъ быть на 18 лѣтъ моложе усыновителя).

Новый законъ далеко отъ совершенства. Особенно крупнымъ недостаткомъ его является оставленіе въ силѣ прежняго порядка, по которому вѣбрачныя дѣти не имѣютъ права на наследованіе послѣ отца и даже послѣ матери наследуютъ лишь въ ея благопріобрѣтенномъ имуществѣ. Но несправедливость, созданную вѣками и глубоко укоренившуюся въ жизни, трудно исправить сразу. Какъ бы то ни было, новый законъ представляетъ значительный шагъ впередъ къ правильному рѣшенію вопроса, т. е. къ полному уравненію законно и незаконнорожденныхъ дѣтей.

Выработанные комиссіей директоро́въ гимназій и реальныхъ училищъ проекты устройства средней школы на 1902—1903 г. разсмотрѣны были въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ совѣтѣ министра, затѣмъ подвергнуты были на Высочайшее усмотрѣніе, послѣ чего 20 іюля Высочайше повелѣно было: 1) Утвердить на 1902—1903

учебный годъ для 4-хъ младшихъ классовъ реальныхъ училищъ табу недельныхъ уроковъ, одобренную ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія и совѣтомъ министра. 2) Утвердить на 1902—19 учебный годъ для 3-хъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій табу недельныхъ уроковъ, одобренную ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія и совѣтомъ министра, не распространяя ее на Рижскую городскую гимназію, на гимназіи при обонхъ историко-филилогическихъ институтахъ, на гимназическіе классы Лазаревского института сточныхъ языковъ, на гимназическіе классы лицея Цесаревича Николая, на гимназическіе классы тѣхъ церковныхъ училищъ, программа которыхъ не подверглась измѣненію въ 1901—1902 учебномъ году. 3) Утвердить на 1902—1903 учебный годъ для 4-го класса 3-й петербургской, 5-й московской, 6-й варшавской, 2-й кievской и юрьевской гимназій таблицу недельныхъ уроковъ съ греческимъ языкомъ, выработанную комиссіей директоровъ средне-учебныхъ заведеній, созданной съ Высочайшаго санаденія, послѣдовавшаго 20 апрѣля 1902 г. 4) Утвердить на 1902—1903 учебный годъ для 4-хъ классовъ прогимназій и гимназій, не помеченныхъ въ пунктѣ 2-мъ и 3-мъ, таблицу, выработанную означенною комиссіей директоровъ для гимназій съ курсомъ 4-го класса безъ греческаго языка. 5) Дѣйствіе наложенныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣропріятій сохранить въ силѣ и по истеченіи 1902—1903 учебного года впредь до введенія въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ гимназій и прогимназій, а также реальныхъ училищъ, съ предоставленіемъ одному министру народного просвѣщенія видоизмѣнять число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ по своему ближайшему усмотрѣнію. До введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ указанныхъ заведеній таблицы уроковъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ, подлежащія введенію на основаніи приведеннаго Высочайшаго повелѣнія въ 1902—1903 учебномъ году, представляются въ слѣдующемъ видѣ. Таблица для гимназій: Законъ Божій—во всѣхъ 4-хъ классахъ по 2 урока. Русскій языкъ—въ I—5, во II—5, въ III—4, въ IV—4. Латинскій языкъ—въ I—нѣтъ, во II—нѣтъ, въ III—5, въ IV—5. Математика—во всѣхъ классахъ по 4 урока. Исторія—въ I—2, во II—2, въ III—2, въ IV—3. Географія—вездѣ по 2 урока. Нѣмецкій языкъ—въ I—5, во II—4, въ III—3, въ IV—3. Французскій языкъ—въ I—нѣтъ, во II—3—6, въ III—3, въ IV—4. Природовѣдѣніе—въ 3 классахъ по 2, въ IV—ни одного. Рисованіе—въ 3 классахъ—2, 2 и 1, въ IV—нѣтъ. Чистописание—въ I—2, въ другихъ—нѣтъ. Итого въ I—26, во II—28, въ III—28 и въ IV—27 уроковъ. Таблица для реальныхъ училищъ: Законъ Божій—во всѣхъ классахъ по 2 урока. Русскій языкъ—въ I—5, во II—5, въ III—4, въ IV—4. Математика—въ I—4, во II—4, въ III—4, въ IV—6. Исторія—по 2 урока въ каждомъ классѣ. Географія—въ I—1, во II—2. Нѣмецкій языкъ—въ I—5, во II—6—3, въ III—5, въ IV—4. Французскій языкъ—въ I—нѣтъ, во II—3—6, въ IV—4. Природовѣдѣніе—во всѣхъ классахъ по 2 урока.

по 2 урока. Рисованіе—въ I—2, во II—2, въ III—2, въ IV—2. Чистописаніе—въ I—2. Черченіе—въ I и II—нѣтъ, въ III—2, въ IV—2. Итого въ I—26, во II—28, въ III—30 и въ IV—30. Изучавшіе въ I классѣ гимназій и реальныхъ училищъ нѣмецкій языкъ въ 1901—1902 учебномъ году будутъ имѣть во II классѣ 3 урока нѣмецкаго языка и 6 уроковъ французскаго языка, изучавшіе же въ I классѣ французскій языкъ будутъ имѣть во II классѣ 6 уроковъ нѣмецкаго языка и 3 урока французскаго языка, а въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ I классѣ преподавался одинъ нѣмецкій языкъ, можетъ быть назначено во II класса 4 урока нѣмецкаго языка и 5 уроковъ французскаго языка, а въ тѣхъ, гдѣ въ I классѣ преподавался одинъ французскій языкъ, вводится во II классѣ 3 урока по французскому и 6 по нѣмецкому языку. Для учениковъ реальныхъ училищъ, не изучавшихъ французскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ, вводится обязательное обученіе французскаго языка въ III классѣ съ тѣмъ, чтобы впоследствии въ старшихъ классахъ число уроковъ этого языка было увеличено, а вмѣсто того было уменьшено на 2 число уроковъ рисованія въ V классѣ и на 1 число уроковъ по черченію въ VI классѣ. Въ III классѣ гимназій продолжается обученіе обоимъ новымъ языкамъ, тѣмъ не менѣе обученіе двумъ изъ нихъ представляется не обязательнымъ, а факультативнымъ, въ виду введенія въ этотъ классѣ совершенно новаго для многихъ учениковъ языка латинскаго. Въ гимназіяхъ, гдѣ въ курсѣ IV класса есть греческій языкъ, продолжается въ этомъ классѣ обязательное обученіе обоимъ новымъ языкамъ, начатое въ 1901—1902 учебномъ году, причемъ съ такимъ расчетомъ, что тотъ изъ языковъ, который въ III классѣ изучался при 4-хъ урокахъ, будетъ изучаться въ IV классѣ при 3-хъ урокахъ и наоборотъ; въ гимназіяхъ же съ обоими древними языками въ IV классѣ обученіе второму новому языку устанавливается лишь факультативное.

Хотя этими мѣрами не предрѣшается вопросъ о будущей реформѣ средней школы, тѣмъ не менѣе знаменательнымъ признакомъ является ужь одно то, что коммиссія сочла необходимымъ сохранить по возможности полнѣе порядокъ, установленный временными правилами 1901 г. Это служить отряднымъ указаніемъ на то, что и будущая реформа не далеко отступить отъ намѣченнаго ранѣе проекта преобразованія.

Въ газетахъ появляются извѣстія о ходѣ совѣщаній въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Наиболее выдающейся чертой этихъ совѣщаній является стремленіе къ возможно широкой постановкѣ вопроса,—стремленіе, которое, разумѣется, слѣдовало предвидѣть и которому, надо надѣяться, особое совѣщаніе охотно пойдетъ навстрѣчу, такъ какъ ничего кромѣ пользы дѣлу оно принести не можетъ *).

*) Подробнѣе говорится объ этихъ совѣщаніяхъ въ помѣщенной выше статьѣ *Земство и сельско-хозяйственная промышленность*.

Такъ, въ харьковскомъ губернскомъ комитетѣ, въ первомъ же засѣданіи предсѣдатель губернской земской управы г. Гордѣенко возбудилъ вопросъ:

«можно ли, и въ какихъ предѣлахъ, касаться въ засѣданіяхъ мѣстныхъ комитетовъ такихъ предметовъ общегосударственнаго и экономическаго характера, о которыхъ прямо не упоминается въ программѣ занятій особаго совѣщанія, но которые имѣютъ важное для дѣла значеніе? Такъ, существуетъ цѣлый рядъ тормазовъ, устранить которые необходимо было бы въ интересахъ сельскаго хозяйства. Сюда надо отнести нашу покровительственную систему и систему синдикатовъ разныхъ промышленниковъ, открыто практикуемую. Въ заботѣ о распространеніи желѣза среди сельскаго населенія, въ интересахъ противоположныхъ, мы, напримѣръ, сталкиваемся съ синдикатомъ желѣзодѣлателей, рассчитаннымъ на несообразное повышеніе цѣнъ на желѣзо; въ заботѣ о распространеніи машинъ или поднятій сельско-хозяйственной культуры мы сталкиваемся съ ходатайствомъ горнопромышленниковъ о наложеніи пошлинъ на иностранныя машины».

По этому поводу предсѣдатель комитета разъяснилъ,

«что мѣстнымъ комитетомъ предоставлено касаться этихъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что основаніе къ этому имѣется въ самой программѣ, которая трактуетъ о мѣрахъ къ уменьшенію пожаровъ, а устраненіе препятствій къ удешевленію желѣза есть уже косвенная мѣра къ уменьшенію пожаровъ; далѣе въ той же программѣ говорится о распространеніи усовершенствованныхъ машинъ, а наложеніе пошлинъ на иностранныя машины представляется препятствіемъ къ ихъ распространенію».

Въ концѣ засѣданія предсѣдатель обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей просьбой.

«У каждаго, несомнѣнно, найдутся знакомые, интересующіеся тѣмъ или другимъ вопросомъ сельскаго хозяйства, и компетентные въ немъ. Пригласить всѣхъ въ комитетъ нѣтъ возможности, но если бы такія лица пожелали представить въ комитетъ свои соображенія, въ видѣ ли печатныхъ, но неизвѣстныхъ комитету трудовъ, или нарочито составленныхъ записокъ, то комитетъ принялъ бы ихъ съ глубокой благодарностью. О привлеченіи такихъ трудовъ и записокъ отъ компетентныхъ лицъ губернатора и просилъ присутствующихъ».

Въ рузскій уѣздный комитетъ предсѣдателемъ, его кн. Долгоруковымъ, приглашены были всѣ гласные земскаго собранія.

Открывая засѣданіе, кн. Долгоруковъ, разъяснивъ цѣль и значеніе образованныхъ комитетовъ, сказалъ, что онъ въ первое же засѣданіе счелъ необходимымъ пригласить гг. гласныхъ земскаго собранія, и къ лицамъ, которымъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому, знакомы всѣ мѣстныя нужды и извѣстны условія сельско-хозяйственнаго положенія уѣзда. Сообщивъ далѣе перечень вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, предсѣдатель разъяснилъ, что могутъ затрогиваться и другіе вопросы, не во-

шіе въ программу, но имѣющіе значеніе для улучшенія сельско-хозяйственной промышленности. Въ виду сложности вопросовъ желательно, конечно, участіе и другихъ лицъ, интересующихся дѣломъ и знакомыхъ съ мѣстными условіями, но онъ не желалъ бы брать приглашеніе такихъ лицъ исключительно на себя одного, такъ какъ, несомнѣнно, онъ могъ бы и ошибиться въ выборѣ лицъ, а потому онъ и обращается съ предложеніемъ къ настоящему составу комитета указать ему, кого, по мнѣнію гг. гласныхъ, слѣдовало бы пригласить. По предложенію гласнаго М. С. Толмачева, указавшаго, что путь, избранный кн. П. Д. Долгоруковымъ, — путь обращенія къ представителямъ мѣстныхъ нуждъ — гласнымъ земскаго собранія, — безусловно правильный и могущій дать наиболѣе плодотворные результаты, — комитетъ выразилъ искреннюю и глубокую благодарность князю. Затѣмъ комитетомъ былъ составленъ списокъ лицъ, участіе которыхъ было бы желательно, и постановлено переченъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, разослать всѣмъ членамъ комитета. Въ заключеніе комитетъ, чтобы быть освѣдомленнымъ о занятіяхъ другихъ комитетовъ и не рѣшать того, что можетъ быть уже давно и вполне удовлетворительно разрѣшено въ сосѣднихъ уѣздахъ или губерніи, постановилъ возбудить ходатайство передъ московскимъ губернскимъ комитетомъ о томъ, чтобы постановленія всѣхъ комитетовъ предавались гласности.

Интересныя постановленія сдѣланы были бирскимъ (Уфимской губ.) и тамбовскимъ уѣздными комитетами. Бирскій комитетъ постановилъ дополнить официальную программу слѣдующими вопросами: 1) о необходимости немедленнаго всеобщаго образованія; 2) объ уравниеніи сельскаго населенія съ другими сословіями въ отношеніи суда; 3) о введеніи мелкой земской единицы; 4) объ обязательномъ государственномъ страхованіи посѣвовъ отъ неурожаевъ; 5) о финансовой политикѣ, и 6) объ общихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ поднятію сельскаго хозяйства. Затѣмъ уѣздный комитетъ рѣшилъ возбудить ходатайство о допущеніи представителей печати на всѣ засѣданія губернскаго и уѣздныхъ комитетовъ.

Тамбовскій же уѣздный комитетъ принялъ слѣдующія постановленія:

«Въ цѣляхъ поднятія благосостоянія крестьянства желательно надѣленіе земель изъ государственныхъ имуществъ Тамбовской губерніи крестьянъ, получившихъ при освобожденіи такъ называемый дарственный или нищенскій надѣлъ; желательно увеличеніе надѣла малоземельныхъ крестьянъ за счетъ государственныхъ имуществъ Тамбовской и другихъ ближайшихъ губерній Восточной Россіи; желательно уравниеніе крестьянъ какъ въ смыслѣ подсудности, такъ и въ смыслѣ управленія со всѣми остальными сословіями; желательно принятіе мѣръ для всеобщаго обученія. Въ интересахъ сельскихъ хозяевъ всѣхъ сословій желательна отмена покровительственныхъ пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сельско-хозяйственные орудія. Если же отъ этого послѣдуетъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ, нарушающее равновѣсіе бюджета, то въ цѣляхъ его восстановле-

нія желательно введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога. Наконецъ, желательно возстановленіе Земскаго Положенія 1864 г.»

Въ составъ комитета уѣздныхъ предводителей дворянства приглашены всѣ гласные уѣзднаго земскаго собранія.

Совершенно другой характеръ имѣло первое засѣданіе тверскаго уѣзнаго комитета подъ предсѣдательствомъ уѣзнаго предводителя дворянства г. Трубникова. На этомъ засѣданіи, кромѣ двухъ членовъ уѣздной земской управы, присутствовали приглашенные предсѣдателями 16 дворян-землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ двое земскихъ начальниковъ, и около 20 крестьянъ, избранныхъ по указанію земскихъ начальниковъ. Предсѣдатель объявилъ, что публика не будетъ допущена, чтобы не было превратныхъ толкованій о дѣятельности комитета; вслѣдствіе этого двое мѣстныхъ землевладѣльцевъ, пришедшіе въ качествѣ слушателей, были удалены, несмотря на протестъ г. Юрлова, сказавшаго, что именно удаленіе публики и можетъ дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. Открывши засѣданіе, предсѣдатель высказалъ, что, по его мнѣнію, комитету слѣдуетъ только указать на обстоятельства, мѣшающія правильному развитію сельскаго хозяйства въ Тверскомъ уѣздѣ, ограничившись притомъ предлѣми программы, указанной особымъ совѣщаніемъ; изысканіе же мѣръ къ устраненію существующихъ недостатковъ есть дѣло правительства и не входитъ въ задачу комитета. Впрочемъ, онъ самъ считаетъ нужнымъ указать на одну сторону дѣла, неупомянутую въ программѣ, именно на упадокъ народной нравственности послѣ освобожденія крестьянъ, и хотя со времени учрежденія земскихъ начальниковъ въ этомъ отношеніи и послѣдовало нѣкоторое улучшеніе, но все же народная нравственность и теперь стоитъ очень низко, что отражается въ особенности на отношеніяхъ рабочихъ къ нанимателямъ. Эта же мысль была развита въ прочитанной предсѣдателями запискѣ землевладѣльца Н. А. Страхова, который приходитъ къ заключенію, что необходимо усилить власть земскихъ начальниковъ, увеличить ихъ число, усилить сельскую полицію, назначивъ къ каждой селеніе полицейскихъ надзирателей изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, а также усилить наказанія за порубку, потраву и т. п. Кромѣ этой записки, было представлено еще нѣсколько записокъ. Авторъ одной изъ нихъ, г. Пшеславскій, указывая на то, что всякія мѣры для улучшенія сельскаго хозяйства требуютъ расходовъ, высказывается за желательность этихъ мѣръ въ томъ случаѣ, когда и расходы будутъ производиться правительствомъ, а не земствомъ, и завѣдываніе дѣломъ будетъ находиться въ рукахъ правительства, а не земства. Представлена была еще записка землевладѣльца А. Н. Дякова, но предсѣдатель не нашелъ возможнымъ прочесть ее, ссылаясь на то, что авторъ входитъ въ сферу государственныхъ вопросовъ (въ той запискѣ высказываются взгляды, сходные съ тѣми, напримѣръ, какіе были высказаны въ суджанскомъ комитетѣ Бурской губ.). На это нѣкоторый изъ присутствующихъ было замѣчено, что читалась же записка г. Страхова, въ которой предлагаются такія общегосударственныя мѣры, какъ и нѣ-

ненія въ Уставѣ о наказаніяхъ. Тѣмъ не менѣе записка г. Дьякова не была прочитана. Затѣмъ комитетъ постановилъ поручить предварительную разработку вопросовъ по программѣ особаго совѣщанія коммиссіи, въ которую вошли всѣ желающіе изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи комитета.

Разсужденія, которыя слышались въ тверскомъ комитетѣ, служатъ яснымъ указаніемъ на то, какъ важно привлечь въ составъ комитетовъ земскихъ мѣстныхъ дѣятелей, какъ это и дѣлается въ большинствѣ комитетовъ. Если бы составъ комитетовъ вездѣ былъ такой, какъ въ Твери, то, вѣроятно, кромѣ мнѣнія о необходимости увеличить число полицейскихъ надзирателей для поднятія уровня сельско-хозяйственной промышленности, особое совѣщаніе ничего отъ нихъ и не услышало бы.

Русскія Вѣдомости передаютъ интересное сообщеніе о томъ, что рязанскимъ губернаторомъ получено предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ войти въ обсужденіе вопроса объ организациіи врачебнаго и санитарнаго дѣла. Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужили слѣдующія соображенія.

«Существующая въ имперіи постановка врачебнаго и санитарнаго дѣла, основанная на правилахъ Устава врачебнаго и медицинской полиціи, представляется крайне ненормальной, такъ какъ означенныя правила, относящіяся въ большинствѣ случаевъ къ 30-мъ годамъ истекшаго столѣтія, устарѣли и совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ современной жизни. Кромѣ того, ни въ уставахъ, ни въ другихъ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не указано прямого разграниченія задачъ по врачебной и санитарной части между правительствомъ, съ одной стороны, и земскими и городскими учрежденіями—съ другой. Хотя въ земскомъ и городскомъ положеніяхъ и есть упоминаніе объ отнесеніи къ ихъ вѣдомствамъ участія въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія, развитію врачебной помощи населенію и изысканію способовъ къ улучшенію мѣстныхъ условій въ санитарномъ отношеніи, но осуществленіе этихъ задачъ, за немногими исключеніями, составляетъ лишь право, а не обязанность упомянутыхъ учреждений, равнымъ образомъ не имѣется указаній на то, чтобы расходы по врачебно-санитарной части были для земства и города обязательными. Въ виду этого всегда возможно уклоненіе со стороны земствъ и городовъ отъ заботы по улучшенію врачебнаго и санитарнаго дѣла, и правительство не въ правѣ признать это явленіе незаконнымъ, и если можетъ настоять на сохраненіи извѣстнаго порядка или даже на принятіи новыхъ мѣръ, то лишь путемъ чрезвычайнымъ, — признаніемъ дѣйствій земскихъ и городскихъ учреждений несоотвѣтствующими общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающими интересы населенія. Отсутствуютъ также въ законѣ какія-либо указанія на взаимныя отношенія земствъ и городовъ по предмету подачи населенію врачебной помощи. Такая неопредѣленность отношеній и отсутствіе точнаго разграниченія сферъ дѣятельности земствъ и городовъ сказывается особенно сильно во время распространенія эпидеми-

ческих болѣзней, борьба съ которыми требуетъ исполнѣ согласованныхъ между собою мѣропріятій. Въ этихъ случаяхъ мѣры, принимаемыя земствами, не являются обязательными для городовъ, и вопросъ о распространѣніи ихъ на всю территорию губерній или уѣзда ведетъ къ нерѣдкимъ пререканіямъ между земствами и городскими общественными управленіями. Все это вмѣстѣ взятое, а также и требованія, предъявляемыя самой жизнью о принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ въ означенной области, ставятъ на очередь вопросъ о выясненіи тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ можно было бы организовать врачебное и санитарное дѣло.

Придавая успѣшному разрѣшенію этого вопроса самое серьезное значеніе, министръ проситъ губернатора обсудить его совмѣстно съ компетентными лицами и свое заключеніе, освѣщенное статистическими данными, сообщить въ министерство съ такимъ расчетомъ, чтобы представленнымъ матеріаломъ можно было воспользоваться въ началѣ будущаго 1903 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ сообщилъ нѣкоторыя общія соображенія, высказанныя въ особомъ образованномъ для этого при министерствѣ внутреннемъ дѣлѣ совѣщаніи, которыя, не предѣшая вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ, могутъ служить руководствомъ при его обсужденіи.

Соображенія эти слѣдующія: организація врачебной помощи населенію и попеченіе о санитарномъ благоустройствѣ, какъ задачи, касающіяся ближайшимъ образомъ пользы и нужды данной мѣстности, должны быть возложены, въ видѣ общаго правила, въ качествѣ повинности на земскія и городскія общественныя управленія. Въ обязанностяхъ правительства въ этой области можетъ быть отнесенъ всецѣло лишь надзоръ за надлежащею постановкою врачебнаго и санитарнаго дѣла. Для правильной же его постановки необходимо установить тотъ минимумъ обязательныхъ требованій, который можетъ быть предъявляемъ къ земствамъ и городамъ, съ указаніемъ признаковъ для опредѣленія сего минимума. Таковыми въ зависимости отъ численности населенія и нормальнаго для данной мѣстности процента заболѣваемости могутъ быть: а) въ отношеніи врачебной помощи: 1) количество больничныхъ коекъ тѣхъ и другихъ, по роду болѣзней, разрядовъ; 2) число состоящихъ на общественной службѣ врачей, и 3) количество и размѣры амбулаторныхъ пріемныхъ покоевъ; б) въ отношеніи санитарнаго благоустройства: 1) количество состоящихъ на общественной службѣ санитарныхъ врачей и дезинфекторовъ, и 2) размѣры устройствъ, предназначенныхъ для борьбы съ заразными заболѣваніями, а именно: количество и емкость дезинфекціонныхъ камеръ и прачечныхъ, санитарнаго обоа, лабораторій для изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ и т. п. Что же касается до сравнительнаго соотношенія зажиточныхъ и бѣдныхъ классовъ населенія, то хотя оно и можетъ оказывать извѣстное вліяніе на опредѣленіе означеннаго минимума, но едва ли можетъ быть признано рѣшительнымъ. Минимумъ требованій долженъ бы быть рассчитанъ въ зависимости отъ того, будетъ ли врачебная и санитарная помощь оказываема безплатно или нѣтъ. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы принять во вниманіе,

что хотя на первый взгляд помощь эту, казалось бы, необходимымъ сдѣлать бесплатной лишь для немущихъ, но такъ какъ самое понятіе о несостоятельности довольно неопредѣленно, то на практикѣ встрѣтились бы недоразумѣнія и затрудненія для опредѣленія состоятельности лицъ и, кромѣ того, установленіе платы препятствовало бы вкорененію въ населеніи привычки обращаться своевременно къ врачебной помощи и заботиться о санитарномъ благоустройствѣ окружающей его обстановки. Общественнымъ управленіямъ не должно быть, конечно, возбранено вниманіе платы за оказываемую ими врачебную и санитарную помощь, каковой вопросъ подлежить разрѣшенію въ томъ или другомъ смыслѣ сообразно съ мѣстными условіями и въ зависимости отъ каждаго даннаго случая въ отдѣльности, но во всякомъ случаѣ представлялось бы желательнымъ, чтобы область бесплатной помощи была, по возможности, расширена, а въ особенности, чтобы дезинфекція помѣщеній и вещей, когда она производится обязательно, не вызывала расходовъ со стороны лицъ, имущество коихъ ей подвергается. Относительно разграниченія сферъ дѣятельности земствъ и городовъ по отбыванію ими санитарной и врачебной повинности слѣдуетъ замѣтить, что предоставленіе разрѣшенія сего вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свободному соглашенію между земствами и городами имѣло бы слѣдствіемъ постоянныя между ними пререканія, а потому необходимо было бы установленіе извѣстныхъ условій, коими опредѣлялись бы обязанности земства какъ по отношенію ко всей ввѣренной его попеченію территоріи, такъ и въ частности по отношенію къ отдѣльнымъ городскимъ поселеніямъ. Просимыя свѣдѣнія не должны касаться вопроса о лѣченіи и призрѣніи умалашенныхъ, такъ какъ вопросъ этотъ подлежитъ особому обсужденію въ министерствѣ».

Слухи о предстоящей реорганизациі врачебнаго дѣла давно уже проникли въ печать. Въ связи съ этими слухами наша «охранительная пресса» выражала надежду на изытіе санитарной и врачебной части изъ рукъ земскаго и городского самоуправленія. Приведенное сообщеніе доказываетъ, какъ неосновательны были эти надежды. Въ основу предстоящаго преобразования, очевидно, ляжетъ справедливое положеніе, что организациія врачебной помощи населенію и попеченіе о санитарномъ благоустройствѣ, какъ задачи, касающіяся мѣстныхъ польвъ и нуждъ, должны быть возложены въ видѣ общаго правила, въ качествѣ повинности, на земскія и городскія управленія. Въ обязанностямъ же правительства долженъ быть отнесенъ надзоръ за надлежащей постановкой врачебнаго и санитарнаго дѣла.

А что врачебное и санитарное дѣло въ нашихъ городахъ и селеніяхъ нуждается въ коренномъ преобразованіи—это не подлежитъ сомнѣнію. Не только деревни, села и небольшіе города, но даже крупныя пункты не обезпечены у насъ достаточной врачебной помощью и крайне неблагоустроены въ санитарномъ отношеніи. Въ газетахъ множество разъ описывались въ самыхъ неприглядныхъ краскахъ больницы въ такихъ городахъ,

какъ Казань, Киевъ, Одесса, Петербургъ. Лишь на-дняхъ общественное мнѣніе Москвы было взволновано двумя фактами разрѣшенія на уходъ беременныхъ женщинъ, которымъ отказано было въ пріемъ въ родильные пріюты. Нѣсколько разъ появлялись въ московскихъ газетахъ и статьи безпорядковъ въ той или иной городской больницѣ.

Да вотъ, стоило намъ по поводу вышеприведеннаго предложенія и нистра внутреннихъ дѣлъ заговорить о нашихъ больничныхъ порядкахъ, и намъ подвернулась въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* корреспонденція, въ которой слѣдующимъ образомъ рисуются больничные порядки въ такомъ большомъ и богатомъ городѣ, какъ Ростовъ-на-Дону.

«Опубликованный теперь медицинскій отчетъ за 1900 годъ указываетъ на крупныя недостатки въ больницѣ. Штатное количество коекъ равняется 448, а ежедневное число больныхъ доходило до 527, максимумъ въ 730 человекъ; больными были заняты не только всѣ палаты, но и коридоры. Родильный пріютъ съ пятью койками вмѣщаетъ обычно 10—12 роженницъ, въ силу чего, по словамъ отчета «все помѣщеніе чрезвычайно тѣсно и поддерживать въ немъ чистоту и асептичность весьма затруднительно». Не существуетъ въ больницѣ, несмотря на массу кожекъ, женского и дѣтскаго отдѣленія, а больные этого рода размѣщаются по прочимъ палатамъ. Но самымъ темнымъ пятномъ больницы нужно считать, несомнѣнно, настоящее положеніе сифилитическаго отдѣленія, гдѣ наряду съ проститутками помѣщаются и всѣ прочія больныя сифилисомъ и другими хроническими болѣзнями, а также и дѣти. Благодаря такому сосѣдству больныхъ избѣгаетъ больницы; вынужденныя же при такихъ условіяхъ лечь на койку подвергаются риску особаго сорта «такъ какъ по словамъ отчета, дурное вліяніе проституткозъ часто пагубно отзывается на простыяхъ дѣвушкахъ, и попаданіе послѣднихъ въ дома терпимости сразу послѣ выхода изъ больницы, къ крайнему нашему прискорбію, намъ приходилось наблюдать не разъ. «Между тѣмъ старшій врачъ больницы заявляетъ въ отчетѣ, что наша больница считается «одною изъ лучшихъ на югѣ Россіи и составляетъ красу и гордость Ростова». Какъ на пути устраненія переполненія больницы, указывается на необходимость устройства особыхъ больницъ для рабочихъ мѣстныхъ фабрикъ, заводовъ и городскихъ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги, нынѣ размѣщаемыхъ въ городской больницѣ; дѣйствительно, устройство особыхъ больницъ для рабочихъ является настоятельною нуждою, и тогда городская больница по числу своихъ кожекъ вполне удовлетворитъ потребность въ леченіи собственно жителей города и вмѣстѣ съ этимъ прекратятся непомерныя расходы на больницу, равняющихся въ настоящее время почти 200 тысячамъ рублей въ годъ».

Такова больница, считающаяся и, можетъ быть, справедливо «одною изъ лучшихъ на югѣ Россіи».

Бстатъ, о санитарныхъ порядкахъ. Недавно суджанскій (Курскій губ.)

врачебный совѣтъ заслушалъ докладъ о санитарномъ состояніи школъ уѣзда, составленный на основаніи матеріаловъ, собранныхъ врачами.

«Докладъ констатируетъ чрезвычайное переполненіе школъ: только 21 школа удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ относительно объема воздуха; особенно выдѣляются переполненіемъ восемь школъ, въ нихъ на каждаго ученика приходится только по 1 кв. арш. площади пола и отъ 3 до 5 кубич. арш. объема воздуха. Почти всѣ школы Суджанскаго уѣзда получаютъ освѣщеніе классныхъ комнатъ съ гигиенической точки зрѣнія неправильное, въ 72%, недостаточное и въ 15%, очень плохое. Рекомендованные губернскимъ земствомъ планы школьныхъ построекъ въ смыслѣ освѣщенія негигиеничны. Загрязненіе, духота и порча воздуха въ классѣ достигаютъ высокой степени,—особенно къ концу занятій; температура поднимается въ иныхъ школахъ до 22—23° Р. Вентиляція недостаточна. Много способствуетъ порчѣ воздуха грязное содержаніе класса, рѣдкое мытье половъ, что объясняется недостаткомъ, а иногда отсутствіемъ прислуги. Въ 9-ти школахъ жалуются на страшный холодъ. Дѣти и учителя сидятъ въ верхней одеждѣ, и были случаи прекращенія занятій по случаю холода. Происходить это отчасти вълѣдствіе неаккуратной доставки топлива. Правильно устроенными классными столами и скамьями пользуются только четыре школы, въ остальныхъ классныя скамьи стараго типа, въ гигиеническомъ отношеніи непригодныя, да и такихъ столовъ въ иныхъ школахъ недостаточно. 19 школъ имѣютъ усадьбу недостаточную, а 28 школъ совсѣмъ не имѣютъ усадьбы; при 22 школахъ нѣтъ ретирадъ. Въ школахъ примѣняются дисциплинарныя взысканія, недозволимельныя съ медицинской точки зрѣнія. При поголовномъ осмотрѣ учениковъ въ 36 школахъ обнаружено: 41 заболѣваніе въ зависимости отъ порчи воздуха (въ одной школѣ); 12 заболѣваній заразнымъ сифилисомъ и 561 случай глазныхъ болѣзней, въ томъ числѣ 286 трахоматозныхъ».

Въ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано слѣдующее интересное сообщеніе.

«Въ с. Хованщинѣ, Сердобскаго уѣзда одинъ крестьянинъ въ качествѣ ходока по дѣламъ рассказывалъ крестьянамъ, что онъ собираетъ для нихъ документы, при помощи которыхъ можно будетъ оттягать землю у сосѣдняго владѣльца, и что часть этихъ документовъ уже собрана и хранится въ особомъ сундукѣ. Мѣстный урядникъ, услышавъ о томъ, что повѣренный общества смущаетъ крестьянъ, распуская слухи о какихъ-то таинственныхъ бумагахъ, и въ то же время тратитъ ихъ деньги, получая ихъ не съ предлогомъ разъѣздовъ для хлопотъ объ отобраніи земли, и желая огорчить самихъ же крестьянъ и разоблачить обманъ ихъ ходока, съ участіемъ понятыхъ арестовалъ сундукъ. Вслѣдъ за этимъ въ село пріѣхалъ синовой приставъ съ цѣлью выяснитъ всѣ обстоятельства дѣла, но крестьяне ничего слушать не хотѣли и вели себя крайне буйно, а нѣко-

торые изъ нихъ позволили сдѣлать нападеніе на пристава и волостного старшину и нанесли имъ тяжкіе побои. На другой же день въ село прибыли начальникъ губерніи А. П. Энгельгардтъ, судебныя власти, жандармскій полковникъ и отрядъ пѣхоты, а черезъ нѣкоторое время и отрядъ казаковъ. Собравшейся на улицѣ толпѣ народа губернаторъ объяснилъ преступность ея поведенія и строгую отвѣтственность по закону для тѣхъ, кто осмѣливается оказывать неповиновеніе закону и сопротивленіе властямъ, установленнымъ Государемъ Императоромъ, и приказалъ арестовать тѣхъ, противъ кого имѣлись данныя, изобличившія ихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, что и было немедленно исполнено. Арестованные были отведены въ особое помѣщеніе и поставлены военный караулъ. Толпа же оставалась на улицѣ, и изъ среды ея раздавались голоса, что они всѣ виноваты. Тогда губернаторъ объяснилъ, что кто виноватъ, это разбереть слѣдственная власть и рѣшить судъ, а онъ приказываетъ всѣмъ разойтись по домамъ и являться лишь по требованію слѣдователя и должностныхъ лицъ, и прибавилъ, что если они не разойдутся, то онъ предупреждаетъ ихъ, что прикажетъ удалить ихъ войскамъ. Многіе удалились, но часть толпы не расходилась, и губернаторъ приказалъ отряду казаковъ удалить оставшихся, что тотчасъ же и было исполнено. Этимъ и закончилось происшествіе. Крестьяне, видимо, поняли свою неправоту, безпрекословно являлись на допросы и выражали сожалѣніе о случившемся. Арестованные были отправлены подъ конвоемъ въ тюрьму. Въ тамниственномъ сундукѣ ничего такого, что могло бы имѣть какое-либо значеніе, конечно, не оказалось, тамъ лежали самыя обыкновенныя книги, а документы, о которыхъ болтали повѣранный крестьянъ, находящіеся будто у него, были копія съ бумагъ и черновыя всякихъ прошеній, имъ же подаваемыхъ въ разныя учрежденія.—Второе происшествіе имѣло мѣсто въ с. Владыкинѣ тоже Сердобскаго уѣзда. Въ г-жѣ Олсуфьевой явились крестьяне с. Владыкина, которые предъявили владѣлицѣ приговоръ на аренду у нея земли по указанной въ приговорѣ цѣнѣ, сказавъ, что она должна приговоръ этотъ исполнить и подписать, потому что такой законъ вышелъ. Г-жа Олсуфьева отвѣтила, что она такого закона не знаетъ, не слышала о немъ, но, что если такой законъ есть, она его исполнить, потому что законъ каждый долженъ исполнять, но пусть приговоръ утвердитъ земскій начальникъ, тогда она повѣритъ, что приговоръ законный. Крестьяне отвѣтили, что они сами знаютъ и безъ земскаго начальника этотъ законъ, а потому имъ незачѣмъ ходить къ земскому начальнику, а что она должна подписать, и при этомъ грубо и дерзко угрожали владѣлицѣ имѣніи. Г-жа Олсуфьева повторила, что на одни ихъ слова она положиться не можетъ, а желаетъ сама убѣдиться въ такомъ законѣ, что если они не хотятъ и не къ земскому начальнику, то пусть сходятъ къ священнику, которому и вѣрятъ, и она ему вѣритъ, и если онъ подпишетъ на приговорѣ, что такой законъ есть, то и она подпишетъ. При этомъ г-жа Олсуфьева прибавила, что угрозы она не боится, потому что зло сдѣлать каждый и

человѣкъ можетъ, но дѣлать зло должны бояться сами дѣлающіе его, потому что они за него отвѣтятъ и сами пострадаютъ. Крестьяне ушли. Вскорѣ въ усадьбу прибылъ губернаторъ съ казаками. По приказанію губернатора немедленно былъ созванъ сходъ. Начальникъ губерніи А. П. Энгельгардтъ вышелъ къ крестьянамъ и сказалъ имъ, что онъ знаетъ, что это не они сами выдумали про несуществующій законъ, а имъ это наболтали разные проходимцы, которые нарочно ихъ смущаютъ и подводятъ подъ бѣду, но что они не должны никого слушать, потому что всѣ законы царскіе, всѣ распоряженія правительства объявляются чрезъ него, губернатора, а по его приказанію сообщаются населенію мѣстными должностными лицами, а не посторонними людьми. «И какъ вы сами до сихъ поръ не понимаете,—сказалъ губернаторъ,—что значать всѣ эти подговоры, какаѣ ихъ цѣль? Цѣль ихъ ясна. Россія велика, могуча и сильна, а потому у нея много завистниковъ, враговъ, которые и дѣйствуютъ чрезъ разныхъ людей, чтобы посѣять смуту въ нашемъ отечествѣ, и подбиваютъ васъ на разныя дурныя, преступныя дѣла. Всѣ они тайкомъ толкуютъ вамъ разный вздоръ, даютъ вамъ читать разныя книжки и листки преступнаго содержанія, гдѣ хулятъ наши русскіе порядки и законы, а вы вмѣсто того, чтобы по долгу присяги и по чувству любви къ царю и отечеству не допускать зла въ нашей родинѣ, слушаетесь своихъ же враговъ, враговъ Россіи». Затѣмъ губернаторъ объяснилъ, что населеніе должно строго соблюдать порядки и не позволять себѣ нарушать права собственности другихъ владѣльцевъ и нарушать ихъ спокойствія, что за это законъ подвергаетъ строгой отвѣтственности, ограждая всѣхъ отъ подобнаго нарушенія. Лица, осмѣлившіяся съ угрозами требовать подписанія незаконнаго приговора и ложно ссылаться на несуществующій законъ, были по приказанію губернатора подвергнуты наказанію. Крестьяне принесли повинную и сказали, что они никогда боже не позволятъ себѣ такого незаконнаго проступка и просили простить ихъ».

Въ *Восточномъ Обозрѣніи* рисуется почти невѣроятная картина современнаго сбора податей у инородцевъ Минусинскаго уѣзда.

«Подати обыкновенно собираются дней за пять, за шесть до того дня, въ который ихъ надобно отвозить къ старостѣ.

Въ первый день сбора старшина собираетъ своихъ десятниковъ, которыхъ обыкновенно нѣсколько и, рассказавъ имъ, по сколько рублей они должны взыскать и съ кого, поручаетъ деньги привезти къ такому-то дню. Десятникъ и старшина завтра же берутъ за поясъ нагайку и отправляются къ тѣмъ, съ кого ему поручено взыскать подати. Какъ обыкновенно случается, у плательщиковъ денегъ налицо не оказывается и десятникъ начинаетъ неуплатившаго таскать немилосердно за волосы и бить по щечкѣ, а тотъ, въ свою очередь, только кланяется и проситъ подождать ень-два. Наконецъ, появляется на столѣ водка и начинается угощеніе есатника или старшины, если онъ собираетъ самъ. Сначала угощаетъ динь, затѣмъ и другой и такимъ родомъ за старшиной или десятникомъ

указываютъ всё плательщики, ихъ семьи и родственники; въ томъ же улусѣ случится и сборщикъ другого рода, тамъ идетъ также попойка. Подобныя угощенія происходятъ все время, пока идетъ сборъ, и въ это время въ каждомъ улусѣ трезвыми можно найти только однѣхъ дѣвушекъ и дѣтей. Замужнія женщины всё пьютъ вино. Водка обыкновенно готовится самими инородцами изъ хлѣба, самымъ примитивнымъ образомъ. Но при недостаткѣ такой водки или при нежеланіи ее пить сборщикомъ, посылается въ деревню или покупается гдѣ-нибудь въ улусѣ, такъ какъ въ каждомъ улусѣ найдется такой торговецъ, который торгуетъ безплатно водкой, покупая ее изъ оптовыхъ складовъ и для выгоды разводя наполовину водой. Бутылка подобной водки стоитъ 50 к. Во время попойки нѣсколько разъ начинается въ полномъ смыслѣ истязаніе неуплатившихъ подати. Потомъ начинается раздобываніе денегъ на подати: продается за безцѣнокъ хлѣбъ, у кого есть скотъ, сѣно и прочее. Берутъ деньги подъ работу, причемъ самая плата за ихъ работу кладется ничтожная, напр., татаринъ, взявшій 4 рубля, обязывается выжать у давшаго ему деньги богача двѣ десятины хлѣба или вынести копенъ 200 сѣна. Да еще, если дающій пьетъ водку, то татаринъ долженъ предварительно напоить его водкой. При мнѣ,—говорятъ корреспондентъ газеты,—татаринъ проситъ у казака 1 р. денегъ для того, чтобы купить водки и ѣхать къ богатому татарину же просить денегъ на подать въ количествѣ 5 руб. 20 коп. За этотъ рубль онъ обязывается отработать пять дней въ лѣтнее время, а вѣдь въ то время платять по 60—70 к. въ день. Забирая такимъ образомъ деньги подъ работу, инородцы нерѣдко не успѣваютъ убрать для себя хлѣбъ или сѣно. Однимъ словомъ, правду говорятъ татары, что они живутъ только для того, чтобы платить подати. Былъ такой случай. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1901 года въ улусѣ Сеускомъ, аскызской управы, старшина и десятникъ кизильскаго рода были по лицу нагайкой татарина, уплатившаго уже подати, но не купившаго имъ бутылки водки, и безобразіе это было прекращено только при помощи моей и еще нѣсколькихъ постороннихъ людей. Окровавленнато инородца я держалъ въ квартирѣ, пока не уѣхали сборщики. При такихъ порядкахъ сбора поневолѣ не будешь разсуждать ни о какихъ переборахъ, дѣлаемыхъ въ свою пользу старшинами и ихъ десятниками. Они, пріѣзжая въ свой улусъ съ приказами, непременно найдутъ предлогъ собрать по нѣсколько копеекъ съ души лишнихъ противъ приказа: на перевозъ, угощеніе, подводы и т. п. Вслѣдствіе такого рода сбора податей, почти всё инородцы, исключая богачей, забаланы у русскихъ или своихъ татаръ-богачей. Картина эта нѣсколько измѣняется къ лучшему, если татары добыли хорошо на промыслѣ орѣховъ, бѣлки, боля и прочаго. Но промыселъ удачный бываетъ не всякій годъ, да и что онъ добудетъ, долженъ отдать за прежде взятый у богача долгъ и т. за безцѣнокъ. Однимъ словомъ, во время сбора податей татарскіе сборщики напоминаютъ о давно минувшихъ дняхъ татарскихъ князевъ, и вшихъ чуть не право жизни и смерти надъ инородцами. Сборщики по

тей—это временные царьки, царствующие дней семь-восемь среди 30—50 человекъ каждый, а считая семьи, то и среди 100—200 человекъ».

Право, если бы мѣстомъ дѣйствія не былъ указанъ Минусинскій уѣздъ, можно было бы думать, что это происходитъ гдѣ-нибудь въ глубинѣ Битая или Бореи.

Умеръ одинъ изъ выдающихся нашихъ государственныхъ дѣятелей, членъ государственнаго совѣта д. т. с. Кирилль Петровичъ Яновскій. Покойный одно время былъ директоромъ народныхъ училищъ въ Бессарабской губ. и помощникомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, а съ 1878 по 1901 г. управлялъ кавказскимъ учебнымъ округомъ. Здѣсь онъ обратилъ на себя общее вниманіе своей энергичной и разумной дѣятельностью на пользу просвѣщенія. За этой дѣятельностью сочувственно слѣдило все русское общество.

Смерть такого виднаго гуманнаго дѣятеля, какъ Б. П. Яновскій, является особенно чувствительной въ настоящій моментъ, когда вопросы школы приобрѣли первостепенное значеніе.

А. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Всѣ говорятъ о мирѣ, о необходимости его укрѣпленія. Въ этомъ смыслѣ истолковываются путешествія въ Россію президента французской республики, короля Италіи и германскаго императора. Но вооруженія развиваются непрерывно и поглощаютъ громадныя средства, которые могли бы пойти на неотложныя нужды народнаго просвѣщенія и экономическаго благосостоянія.

Во Франціи дѣлается попытка облегчить народу отбываніе всеобщей воинской повинности сокращеніемъ ея срока до двухъ лѣтъ, уже безъ всякихъ льготъ по образованію и по другимъ основаніямъ. За эту реформу стоятъ комиссія палаты депутатовъ и сената и военный министръ, генераль Андре. Она встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны генераловъ старой школы, какъ печально извѣстный Мерсье.

Новый морской министръ, Пельтанъ, вводитъ серьезныя преобразованія въ своемъ вѣдомствѣ. Онъ энергично стремится поднять чувства долга и отвѣтственности у высшихъ офицеровъ флота. Имъ отрѣшенъ отъ должности морской префектъ Тулона вице-адмиралъ Бомонъ за неблагопрістойное отношеніе къ мѣстнымъ властямъ и представителямъ самоуправленія. Контръ-адмиралъ Серванъ отрѣшенъ за то, что, будучи съ эскадрою у Антильскихъ острововъ, истощалъ матросовъ чрезмѣрнымъ трудомъ подъ тропическимъ солнцемъ, не принимая никакихъ гигиеническихъ мѣръ предосторожности. Результатомъ явилось необычайное число смертей и заболѣваній матросовъ на крейсерѣ, на которомъ былъ поднятъ флагъ Сервана.

При торжествѣ открытія памятника Гошу въ Киберонѣ (Бретань) Пельтанъ произнесъ замѣчательную рѣчь. Сто пять лѣтъ тому назадъ, — сказалъ морской министръ, — жители города съ удивленіемъ увидѣли передъ собою огромный военный и транспортный флотъ. Это французы-эмигранты плыли на англійскихъ судахъ. Съ ними было сорокъ священниковъ. во главѣ съ епископомъ Доля, котораго папа благословилъ на возстановленіе стараго режима. Эти французы явились сражаться съ французами-республиканцами, когда отечество было въ опасности отъ иностранцевъ. Ю

въ Кимберонѣ былъ Лазарь Гошъ и нашествіе потерпѣло полное пораженіе. Пельтанъ выражаетъ убѣжденіе, что ни въ одной партіи не раздадутся теперь голоса въ оправданіе и въ прославленіе измѣны. Онъ не шлетъ эмигрантамъ и крестьянамъ Бретани, которые стали за нихъ, ни проклятій, ни оскорбленій; онъ признаетъ, что, увлеченные слѣпымъ фанатизмомъ, они боролись безкорыстно и самоотверженно. Пельтанъ противопоставляетъ устарѣвшему взгляду на армію, какъ на орудіе политическаго господства въ странѣ, современное понятіе о ней, какъ силѣ, подчиненной національной волѣ и непобѣдимой передъ иностранцами.

Нѣтъ сомнѣній, что мѣры нынѣшняго французскаго правительства поведутъ къ усиленію французскаго флота, въ особенности въ Средиземномъ морѣ. Это море не безъ основанія называли англійскимъ озеромъ. Владѣя Гибралтаромъ, Мальтой, Кипромъ и Суэскимъ каналомъ, Великобританія, дѣйствительно, господствуетъ въ его водахъ. Въ послѣднее время Франція становится въ болѣе выгодное положеніе. До сихъ поръ въ Средиземномъ морѣ она имѣла для своего военнаго флота одинъ опорный пунктъ—Тулонъ (Италія два—Спецію и Маддамену). Теперь на сѣверномъ берегу Африки выросла грозная крѣпость—Бизерта. Превосходный каналъ соединяетъ открытое море съ огромнымъ и глубокимъ озеромъ, куда можетъ помѣститься свободно и вполнѣ безопасно множество кораблей. Со стороны суши французы также приводятъ Бизерту въ неприступное положеніе *).

Извѣстный англійскій писатель, Арнольдъ Уайтъ (Arnold White) помѣстилъ въ парижской *La Revue* статью объ относительномъ положеніи Англійи и Франціи на Средиземномъ морѣ **). Уайтъ говоритъ, что британское могущество зависитъ отъ трехъ вещей: отъ силы ея флота въ Средиземномъ морѣ, отъ обладанія Гибралтаромъ и Мальтой и отъ постоянной бдительности быть всегда и вездѣ готовой къ морской борьбѣ. Иначе говоря, дѣло заключается въ превосходствѣ великобританскаго флота надъ соединенными флотами возможныхъ враговъ Соединеннаго королевства.

Въ Англійи раздаются теперь немногочисленные голоса въ пользу очищенія Средиземнаго моря, т.-е. отказа содержать тамъ большой флотъ и въ пользу отказа отъ Египта, Мальты и Кипра. Говорятъ, что Англія—мировая имперія, что ей нѣтъ надобности въ континентальныхъ союзахъ. Уайтъ замѣчаетъ, что обратная уступка Кипра доставила бы удовольствіе турецкому султану, но сомнительно, чтобы очищеніе Египта примирило Францію съ Великобританіей. Что касается отказа отъ Мальты, то англійскій писатель считаетъ его прямо невозможнымъ: это значило бы отказаться отъ символа морскаго могущества. Отъ всего этого усмилось бы только европейское англофобство и было бы возбуждено негодованіе итальянскаго народа, обманутаго въ своихъ надеждахъ на Англійю.

*) Ср. Fallot; *Malte et Biserte. L'Angleterre dans la Méditerranée. (Quest. Dipl. et Colon., 1 Aout, 1902).*

**) *La Revue, № 14 (15 Juillet, 1902).*

На это можно замѣтить, что Италия была бы довольна, получивъ Мавританію. Что касается до надеждъ на поддержку Англіи (въ Триполѣ, въ Тунисѣ) то онѣ, кажется, утасуютъ въ Италию, и новѣйшее франко-итальянское приглашеніе въ достаточной степени ограждаетъ итальянскіе интересы.

Морская война не будетъ вызвана Англіею,—говорить Уайтъ,—конечно, нападеніе произойдетъ не въ проливахъ, гдѣ Великобританія могуча, а въ Средиземномъ морѣ, гдѣ сильны французы и русскіе. Въ настоящихъ условіяхъ рѣшительная побѣда англичанъ въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ не обезпечена надъ этими союзниками. Авторъ высказываетъ при этомъ недовѣріе по отношенію къ Германіи, считая и ея флотъ возможнымъ противникомъ.

Если русскій черноморскій флотъ успѣетъ соединиться съ французскимъ на пути между Дарданеллами и Тулономъ, то шансы борьбы уравниваются. Поэтому, англійскія силы въ Средиземномъ морѣ должны быть значительны, чтобы сразу нанести французамъ разрушительный ударъ въ Тулонѣ. Необходимо имѣть въ виду, что торговля однихъ средиземноморскихъ портовъ достигаетъ теперь 2 миллиардовъ 375 милліоновъ франковъ; это важнѣйшая морская дорога въ мірѣ. Англія не можетъ отказаться отъ господства на Средиземномъ морѣ, потому что это для нея вопросъ жизни, это значило бы отказаться въ будущемъ и отъ Востока.

Интересно сопоставить съ этими взглядами мнѣніе Вамбери о роли Турціи Англіи и Германіи *).

Нѣмецкое вліяніе въ Турціи почувствовалось во второй половинѣ XVIII вѣка, когда султанъ Мустафа III отправилъ посольство къ Фридриху Великому, чтобы просить его помощи противъ Австріи и Россіи. Турецкій посоль, Ахмедъ Ресми Еффенди, восхвалялъ прусскаго короля и предлагалъ (въ 1771 году) объединеніе Германіи Гогенцолернами. Этотъ проектъ остался случайнымъ.

Побѣдоносная война съ Франціей необыкновенно высоко поставила Германію въ глазахъ турецкаго правительства. Абдуль-Гамидъ послѣднимъ выступилъ съ самыми дружественными заявленіями, которыя были благопріятно приняты Бисмаркомъ.

Нѣмецкіе офицеры и чиновники были посланы на турецкую службу. Но пользу дорого стоящія нѣмцы принесли только въ обученіи турецкой арміи. Они являются любимцами падишаха, подчеркивающаго свою дружбу съ германскимъ императоромъ, уже дважды бывшимъ у него въ гостяхъ въ Константинополѣ. Германія искусно пользуется этимъ благорасположеніемъ, добиваясь значительныхъ льготъ для своей торговли и промышленности.

Вамбери признаетъ огромное значеніе багдадской дороги, но указываетъ на трудности ея сооруженія. Рельсовый путь отъ Константинополя до Персидскаго залива, въ 300 километровъ, будетъ стоить 600.000.000

*) *La Revue*, 1 Août 1902.

Франковъ. Турецкое правительство не въ состояніи будетъ, по мѣрѣ постройки дороги, уплачивать поквотметричную гарантію. Вамбери кромя того предвидитъ на Верхнемъ Евфратѣ столкновение Германіи съ Россіей и рекомендуетъ первой сближеніе, а не борьбу съ Англіей *).

Министерство Бомба, принявшееся энергически приводить въ исполненіе законъ о религиозныхъ конгрегаціяхъ, встрѣтило сопротивленіе со стороны клерикаловъ. Покуда дѣло обходится безъ серьезныхъ безпорядковъ, несмотря на манифестаціи, которыя устраиваются въ Парижѣ и въ провинціи вождями клерикализма и аристократическими дамами. Забавно, что эти манифестаціи производятся «во имя свободы». Злѣйшіе и непримиримые враги свободы совѣсти и убѣжденных лицемерно укрываются за демократическій девизъ. Болѣе или менѣе значительнаго сопротивленія правительство можетъ ожидать въ до сихъ поръ фанатической Бретани, гдѣ особенно яростно велась пропаганда противъ закона о конгрегаціяхъ, подчиняющаго ихъ надзору государства.

Извѣстный бонапартистъ, Поль Кассаньякъ, потерпѣвшій пораженіе на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ, печатаетъ въ своей газетѣ *Асторитетъ* письмо какого-то виконта, въ которомъ тотъ предлагаетъ оригинальную стачку: стачку священниковъ,—единственное средство, по мнѣнію автора, протестовать съ успѣхомъ противъ правительства, которое отымаетъ у священниковъ жалованье за ихъ открытое неповиновеніе правительственнымъ распоряженіямъ. Теперь лишеннаго содержанія священника поддерживаютъ богатые прихожане; населенію все равно, кто на это тратитъ деньги, а республиканское правительство получаетъ сбереженія. Если духовенство откажется исполнять свои религиозныя обязанности, то это,—полагаетъ виконтъ В.,—вызоветъ негодованіе народа и заставитъ государство отступить отъ своихъ требованій. Кассаньякъ соглашается съ тѣмъ, что это крайнее средство, лишшающее народъ крещенія, брака и предсмертной исповѣди и причастія, приведетъ къ возстанію. Такая серьезная, умѣренная и спокойная газета, какъ *Temps*, спрашиваетъ: къ какому возстанію? Къ вооруженному, къ клерикальной жаверіи? Это было бы ужасно, но не имѣетъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ клерикаламъ и не придется вызвать ни какого фанатическаго взрыва. Имъ иногда удастся выдвигать противъ исполнителей закона лишь женщинъ и дѣтей. Само собою разумѣется, что эта духовная междоусобная война имѣетъ печальное вліяніе на внутреннее состояніе Франціи, въ извѣстной мѣрѣ неблагоприятно отражается и на ея международномъ положеніи. Но вина въ этомъ отношеніи падаетъ

*) Вѣнская газета *Die Zeit*, въ статьѣ „О положеніи вещей на Средиземномъ морѣ“, говоритъ, что отказъ Франціи отъ Триполиса повелъ къ тому, что Италия отказалась отъ всякаго дѣйствія въ Марокко, что приближаетъ Францію къ Гибралтару (№ 409, 2 August 1902). Газета считаетъ это ошибкою Италиі, происшедшею отъ ошибокъ англійской политики: всякое усиленіе Франціи на Средиземномъ морѣ опасно для Италиі.

на реакціонный клерикально-монархическій союзъ, потому что о стѣсненіи религіозной свободы въ современной Франціи и рѣчи быть не можетъ.

Стремясь освободить начальную школу отъ іезуитской пропаганды, руководимой изъ Рима, союзная намъ Франція заботится и объ улучшеніи средне-образовательной школы. Передъ закрытіемъ сессіи парламента въ сенатѣ былъ сдѣланъ правительству по этому поводу запросъ. «Правительство,—говоритъ сенаторъ Денуа,—поступаетъ въ высокой степени разумно и безкорыстно, увеличивая самостоятельность директоровъ лицеевъ, улучшая ихъ матеріальное положеніе, окружая ихъ комитетами усовершенствованія изъ мѣстныхъ жителей и позволяя имъ употреблять значительную часть сбереженій въ бюджетѣ своего лица на его улучшеніе. Все это прекрасно; но этого не достаточно. Необходимо, чтобы въ завѣдываніи дѣлами лицеевъ непосредственное участіе принимали и учителя. Они,—говоритъ Денуа,—отдадутся своему дѣлу всею душой только въ томъ случаѣ, когда на нихъ будетъ лежать отвѣтственность за общее веденіе дѣла, когда они будутъ чувствовать себя въ немъ какъ у себя дома и когда вдобавокъ они будутъ вполне обеспечены въ матеріальномъ отношеніи. Денуа горячо одобряетъ и самый планъ реорганизации средней школы съ ея раздѣленіемъ на два цикла и на четыре отдѣленія въ старшемъ изъ нихъ и выражаетъ сожалѣніе лишь о томъ, что реформа касается пока однихъ лицеевъ и не будетъ *теперь же* введена въ коллежахъ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ относится и къ уравненію правъ классическаго и реальнаго образованія и настаиваетъ на необходимости обратить особенное вниманіе на практическое ознакомленіе воспитанниковъ средней школы съ новыми языками и поставить дѣло такъ, чтобы они въ ней прежде всего научились говорить и писать на нихъ» *).

Другой ораторъ, Фабръ, обратилъ вниманіе на усиленіе преподаванія въ старшемъ классѣ лицеевъ (гимназій) логики и философіи. Онъ, однакъ, заявляетъ себя сторонникомъ классической системы образованія.

Новый министръ народнаго образованія, Шомье, выразивъ полное сочувствіе основнымъ началамъ преобразованія средней школы, за которыя стоялъ его предшественникъ, высказался за постепенность реформы. Необходимо принять во вниманіе и сложность дѣла, и разнообразіе мѣстныхъ условій. Въ французскихъ лицеехъ (гимназіяхъ),—говорилъ министръ—и до сихъ поръ было два отдѣленія,—классическое и реальное, или современное,—но между ними всегда лежала цѣлая пропасть, благодаря которой ихъ преподаватели и воспитанники смотрѣли другъ на друга какъ на враговъ и соперниковъ. Въ реформированной школѣ будутъ уже не два отдѣленія, но ихъ воспитанники будутъ тѣснѣйшимъ образомъ свланы между собою и единствомъ преподаванія общихъ предметовъ, и одинакою серьезностью постановки обученія и самыхъ выпускныхъ экзаменовъ и,

*) *Русскія Вѣдомости*, № 184.

наконецъ, равенствомъ правъ и положенія. Прежде классики смотрѣли на себя какъ на своего рода аристократію, а на реалистовъ—какъ на дураковъ и дѣтляевъ. Теперь всѣ отдѣленія средней школы будутъ поставлены одинаково серьезно и вполне уравнены въ правахъ.

«Защитники классицизма, — продолжалъ министр, — видятъ въ этомъ уравниеніи правъ смертный приговоръ классическому образованію и боятся за солидность общаго образованія будущихъ поколѣній; но ихъ страсти и опасенія совершенно напрасны. Классическому образованію въ реформированной школѣ посвящается специальное отдѣленіе; но отводить ему старое, преобладающее мѣсто, какъ этого добиваются защитники классицизма, было бы въ высокой степени несправедливо и неразумно, такъ какъ оно не удовлетворяетъ больше ни условіямъ времени, ни запросамъ жизни,—оно вполне соответствовало бы тому времени, когда среднее образованіе получали только дѣти однихъ зажиточныхъ классовъ и когда вслѣдствіе вялыхъ международныхъ отношеній не чувствовалось большой потребности въ знаніи иностранныхъ языковъ и литературъ, когда, наконецъ, естественныя и общественныя науки были развиты довольно слабо. Въ настоящее время, напротивъ, въ среднемъ образованіи нуждаются всѣ и каждый, теперь иностранныя языки мало-мальски образованному человѣку совершенно необходимы въ виду установившейся близости международныхъ отношеній и огромнаго значенія иностранной литературы и иностранныхъ научныхъ произведеній; за послѣднее столѣтіе, наконецъ, естественныя и общественныя науки сдѣлали такіе огромные успѣхи, что знакомиться съ ними мимоходомъ, какъ это практиковалось раньше, дѣлается совершенно невозможнымъ».

Сенатъ французской республики, огромнымъ большинствомъ (212 голосовъ противъ 51) одобрилъ заявленіе министра народнаго образованія.

Русская Мысль говоритъ о современномъ положеніи Испаніи и въ рецензіи на прекрасную книгу Вас. И. Немировича-Данченко (№ 7) и въ статьѣ г. Головачева. Придется сказать объ этомъ нѣсколько строкъ и иностранному обозрѣвателю.

Прежде всего «немножко статистики». Правительство не рѣшается обнародовать находящіяся въ его рукахъ свѣдѣнія, но вотъ далеко неполныя данныя, собранныя статистико-географическимъ институтомъ. Въ настоящее время въ несчастной странѣ насчитывается 3,115 монастырей (въ 1884 г.—1,188). Монаховъ 10,754, монахинь—40,188 *).

Печально звучитъ описаніе испанскихъ (настильскихъ) деревень въ разсказѣ путешественника, который говоритъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ фельетонѣ *Frankfurter Zeitung* (№ 176). Школъ мало, посѣщаютъ ихъ немногіе. Зачѣмъ? По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ (къ зависти *Гражданина*) въ столицѣ Испаніи двѣ трети жителей безграмотны. Не даромъ великая міровая держава превратилась въ ничтожную страну.

*) *Frankfurter Zeitung*, № 174, Zweites Morgenblatt.

Недалеко от Мадрида, въ деревнѣ, умерла отъ дифтерита пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Католическая учительница собрала всѣхъ ученицъ и учениковъ школы: они должны были присутствовать въ церкви и цѣловать по головѣ ребенка. Черезъ нѣсколько дней половина этихъ дѣтей умерла отъ дифтерита.

Роберто Кастровидо называетъ испанскихъ монаховъ *филоксерами* и *иноградникъ Господнемъ*. Настоящее и будущее Испаніи, по его мнѣнію, безотрадно. Онъ говоритъ: «Монахи отравили намъ душу. У насъ нѣтъ патріотовъ, а лишь сепаратисты, нѣтъ самоотверженныхъ гражданъ, готовыхъ пожертвовать жизнью за отечество, а есть господа, которые живутъ на его счетъ, какъ сутенеры—на средства потерянныхъ женщинъ. Женщина у насъ вынуждена на мужчину лишь въ томъ смыслѣ, что отвыкаетъ его отъ дѣла, дѣлаетъ эгоистомъ, прикрѣпляетъ къ семьѣ, удаляетъ отъ общества и отечества. Наша религіозность—пустая форма, ханжество. Наша молодежь фривольна, заражена скептицизмомъ, эгоистична. Гдѣ у насъ вѣра, энтузіазмъ, смѣлость—качества молодежи? Подъ снѣгомъ сидитъ. Кто былъ болѣе молодымъ, чѣмъ незабвенный Пи-и-Маргалль?» *).

Либеральный кабинетъ съ старымъ хитрецомъ Сагастой во главѣ имѣетъ въ виду никакихъ серьезныхъ преобразованій. По своимъ принципамъ взглядамъ выдѣляется изъ испанскихъ политическихъ дѣятелей если не одинъ Каналехасъ. Онъ хорошо понимаетъ необходимость фабричнаго законодательства въ интересахъ труда, содѣйствія обѣднѣвшему земледѣльческому населенію, устройства рабочихъ пенсіонныхъ каскъ и т. д. Конечно, этому должно предшествовать серьезное изученіе вопросовъ, участіемъ мѣстныхъ общественныхъ силъ. Въ бытность Каналехаса министромъ онъ вмѣстѣ съ парламентской комиссіей выработалъ проектъ института труда, при министерствѣ земледѣлія, промышленности, торговли и общественныхъ работъ. Онъ долженъ былъ собирать необходимыя статистическія свѣдѣнія, организовать инспекцію труда, готовить законопроектъ и т. д. Въ его составъ должны были входить техники и представители мѣстныхъ совѣтовъ. Антиклерикальное направленіе министра повело къ выходу его въ отставку. Но роль Каналехаса далеко еще не кончена.

Въ іюлѣ въ Брюсселѣ собирался международный конгрессъ по армянскому вопросу. Починъ, какъ говоритъ *Frankfurter Zeitung*, шелъ изъ Франціи. Были представители изъ двѣнадцати странъ, въ томъ числѣ изъ Германіи и Россіи. Конгрессъ обращаетъ вниманіе европейскихъ правительствъ и общественнаго мнѣнія на неисполненіе султаномъ обязательствъ берлинскаго трактата, на притѣсненія, грабежи и убійства, которымъ непрерывно подвергаются армяне въ Турецкой имперіи. Двадцать четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ порта горжественно обязалась *безъ всякаго вознагражденія* ввести административныя реформы въ населенныхъ армянами областяхъ Малой Азіи. Простой безопасности жизни и собственности не даетъ она

*) *Петербургскія Видомости*, № 180.

армянамъ, и европейская христіанская дипломатія молчитъ, терпитъ непрерывныя злодѣйства, которыя совершаются по подстрекательству и попустительству султана почти четверть вѣка!

Frankfurter Zeitung говоритъ, что армянамъ нечего ждать заступничества со стороны Германіи: нѣмецкая дипломатія дружитъ съ султаномъ и преслѣдуетъ въ Малой Азіи (багдадская желѣзная дорога, напримѣръ) торговые цѣли. Святость международныхъ договоровъ и требованія справедливости давно отступили для руководителей германской политики на задній планъ. Всего скорѣе, говоритъ *Франкфуртская газета*, можно надѣяться на вмѣшательство Франціи, Англіи, Италіи и, быть можетъ, Австро-Венгріи. Мы несогласны съ тѣмъ, что наше отечество не присоединится къ такому вмѣшательству и заступничеству, руководясь будто желаніемъ разложенія турецкой имперіи.

Германскіе социаль-демократы начали усиленную агитацію въ пользу несчастливаго армянскаго народа. Въ Берлинѣ былъ недавно многолюдный митингъ (болѣе 1,200 человекъ), на которомъ произнесъ рѣчь о турецкихъ звѣрствахъ и о нравственной обязанности Европы обуздать ихъ извѣстный Бернштейнъ. На митингъ было много славянъ. Рѣчь Бернштейна вызвала горячія, долго несомолгавшія рукоплесканія. Предложенная имъ резолюція въ пользу дарованія армянамъ самоуправленія принята всѣми голосами противъ одного.

Цислейтанскій министръ-президентъ Корберъ исполнилъ обѣщаніе, данное императоромъ въ тронной рѣчи, и внесъ въ парламентъ законопроектъ о печати. Въ объяснительной рѣчи онъ твердо заявилъ, что печать является не врагомъ правительства, а необходимымъ критикомъ, другомъ, то порицающимъ, то радующимся. «Публичные обсуждения въ печати,—говорилъ министръ-президентъ,—представляютъ собой естественный путь для распространенія взглядовъ и намѣреній, и это приноситъ несравненно меньше вреда, чѣмъ тайное накопленіе взглядовъ и стремленій, чѣмъ подавленіе мыслей и направленій. Въ то же самое время распространеніе образованія, вслѣдствіе чего получается самостоятельность убѣжденій, служить лучшимъ противовѣсомъ противъ крайнихъ направленій въ печати. Чѣмъ менѣе препятствій встрѣчаетъ она со стороны законодательства, тѣмъ менѣе опасности представляется для общественныхъ или частныхъ интересовъ. Печать имѣетъ также большое значеніе для всеобщаго народнаго образованія. Если даже многіе вопросы, которые разбираются ежедневной печатью, и разбираются съ партійной точки зрѣнія,—то все же польза, приносимая газетами, столь велика, что эта темная сторона теряетъ всякое значеніе. Правительство не задумалось выбросить за бортъ все то, что устарѣло. Я могу съ увѣренностью сказать, что проектъ чуждъ всякаго полицейскаго духа, и мы старались избѣжать всего, что могло бы означать вмѣшательство правительственной власти въ жизнь печати. Законъ о печати—не оружіе для нападенія на печать, а лишь охранительная стѣна противъ ея проступковъ».

У насъ нѣтъ подъ рукою австрійскаго законопроекта. Вотъ что сообщаютъ о немъ *Петербургскія Вѣд.*: «До сихъ поръ генеральный прокуроръ могъ конфисковать тотъ или другой номеръ газеты или какую-либо статью ея, никому не давая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Голосъ автора заглушался, и этимъ вся процедура кончалась. Теперь же будетъ иначе. Прокуроръ не лишается своихъ полномочій: онъ и теперь имѣетъ право на собственный рискъ и страхъ конфисковать статью газеты, заключающую въ себѣ оскорбленіе величества, религіи, безнравственность или возбужденіе народныхъ массъ. Но въ то время, какъ до сихъ поръ этимъ все кончалось, теперь только начинается обсужденіе конфискаціи. Прокуроръ обязанъ въ теченіе двѣнадцати часовъ съ момента ея передать конфискованную статью на разсмотрѣніе суда. Судъ обязанъ въ теченіе слѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ разобрать дѣло и утвердить конфискацію или отменить ее. Въ теченіе слѣдующихъ восьми дней прокуроръ обязанъ возбудить противъ редактора и автора статьи уголовное обвиненіе; въ противномъ случаѣ конфискація теряетъ силу и статья можетъ быть снова безпрепятственно помѣщена. Найдеть судъ присяжныхъ, что конфискація была произведена заслуженно, — авторъ и редакторъ могутъ быть приговорены къ чувствительному денежному штрафу и даже къ долгосрочному аресту. Если же судъ придетъ къ противоположному заключенію, правительство обязано возмѣстить всѣ убытки, причиненные ею. Такимъ образомъ, передъ судомъ редакторъ и прокуроръ должны будутъ давать объясненія, представлять свои мотивы, защищать свои убѣжденія».

Осенью законопроектъ будетъ обсуждаться въ парламентѣ. Національные распри не помѣшаютъ партіямъ оцѣнить несомнѣнные достоинства и благородный духъ правительственнаго законопроекта.

Кстати замѣтить, вѣнскій корреспондентъ *Франкфуртской газеты* пишетъ, что крайнія партіи въ Австро-Венгріи клонятся къ упадку *). Соглашеніе съ Венгеріей сильно подвинулось, обѣ стороны сдѣлали уступки. Высокомѣріе (*Uebermuth*, — такъ въ маріенбургской рѣчи императоръ Вильгельмъ говорилъ о полякахъ) всегерманцевъ ослабло, партія рассталась на шпенереванцевъ и вольфганцевъ. Падаютъ и христіанско-соціальная партія.

Въ Норвегіи парламентъ принялъ новое уголовное уложеніе, которое замѣнитъ устарѣлое законодательство 1842 года и вступить въ силу съ 1 января 1904 года. Смертная казнь совершенно отменяется, какъ и смерительные дома. Наказаніями остаются тюрьма, арестъ и денежные штрафы.

В. Г

*) *Frankfurter Zeitung*, № 190, Erstes Morgenblatt.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

АВГУСТЪ

1902 года.

сержантѣ. I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы.—Искусство.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Учебники.—Справочныя книги.—Изданія для народа. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюля по 1-е августа 1902 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

жоръ Гюго. Несчастные.—Кн. Д. Голицынъ (Муравлинъ). Отъ смутныхъ дней.—М. Длуцкий. Въ благопріятной средѣ.—Сказочное сокровище забытаго уголка.

Викторъ Гюго. „Несчастные“ (*Misérables*). Переводъ О. Н. Поной и А. Н. Энгельгардтъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1902 г. на 8 руб. „Всюду, гдѣ непросвѣщенныя массы, среди полного отчужденія, влечать свое жалкое существованіе; всюду, гдѣ ребенокъ страдаетъ, потому что у него нѣтъ книги, которая бы его учила, и очагъ, орыи бы его отогрѣлъ,—книга, озаглавленная „Несчастные“, постукаетъ въ дверь и скажетъ: „отошлите! я пришла къ вамъ, какъ другъ“. Слова, которыми Гюго напутствовалъ свой знаменитый романъ, вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. На страницахъ *Misérables* много оригинальныхъ комбинацій и невѣроятныхъ приключеній; и зло, и добро бражены здѣсь выше своего человѣческаго роста, краски слишкомъ выливы и пестры, слова слишкомъ обильны и громки,—но сквозь все идеализованное и вымышленное свѣтится возмущенная и человѣколюбивая мысль. Оригинальная чета каторжника и ребенка, которая ходитъ передъ глазами читателя, навсегда останется для него памятною и близкою; и уличный мальчикъ Гаврошъ, этотъ голодный филантропъ, этотъ веселый дѣятель баррикады, и Фантина, несчастная дочь кляпящагося Парижа, тоже никогда не сотрутся изъ его воспоминанія сердца. Это гуманитарное и социальное значеніе *Misérables* искупаетъ лишніе эстетическіе и архитектурные недостатки романа. А богатство картин, драматизмъ отдѣльныхъ сценъ, потрясающія столкновенія и трѣпчя людей, неожиданность удивительныхъ событій, чудесное спасеніе тамъ, гдѣ на вашихъ глазахъ передъ героемъ уже разверзается неуемная пропасть,—все это держитъ ваше вниманіе въ постоянной тремѣ и напряженіи, все это привлекаетъ васъ къ замѣчательной книгѣ. Этое изданіе ея въ хорошемъ русскомъ переводѣ является, поэтому, спорно желаннымъ.

Кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ). Отъ смутныхъ дней. Романъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Если бы литературныя произведенія оцѣнивались не по своимъ эстетическимъ достоинствамъ, а по степени патріотизма и благонамѣренности своихъ авторовъ, то романъ Д. Голицына заслуживалъ бы всякой похвалы и, можетъ быть, сталъ бы бестселлеромъ. Спб., 1902 г.

бы даже въ конкурсѣ. Положительныя лица произносятъ здѣсь въ бесѣдахъ такія рѣчи, которыя, собственно, жалко тратить на обыденность разговора, и читатель невольно сътуетъ на автора, что онъ цѣлкомъ не перенесъ ихъ на столбцы *Московскихъ Вѣдомостей*: въ этой газетѣ ихъ бы съ удовольствіемъ напечатали какъ руководящія передовыя статьи. Тогда не надо было бы кн. Голицыну и придумывать искусственной фавбу; тогда не впасть бы онъ въ такія художественныя несообразности, какъ, напримѣръ, случайность, немотивированность и комизмъ убійства князя Могилова, которое однако, по мысли автора, должно имѣть глубокія основанія и производить трагическое впечатлѣніе; тогда не надо было бы ему употреблять на своихъ герояхъ-нигилистовъ столько краски, черной какъ уголь, — впрочемъ, кн. Голицынъ въ данномъ случаѣ, быть можетъ, въ видахъ экономіи, не притронулся зато ни къ какимъ другимъ краскамъ и оттѣнкамъ своей, правда, скудной палитры...

К. М. Длусскій. Въ благопріятной средѣ. Романъ. Спб., 1902 г. Романъ г. Длусскаго имѣетъ въ значительной степени дидактическій характеръ, ради котораго слишкомъ подчеркнута разница между тихой жизнью провинціального уголка и порочной средой Петербурга, — той „благопріятной средой“, гдѣ развились дурныя задатки героини и гдѣ она погибла для своего кроткаго, великодушнаго жениха, пріѣхавшаго съ нею изъ провинціи. Эта моральная антитеза и порожденная ею рѣзкая прямолинейность нѣкоторыхъ отрицательныхъ персонажей ослабили художественное значеніе романа. Но и въ своемъ настоящемъ видѣ онъ читается легко и съ интересомъ, и есть въ немъ очень красивыя страницы, счастливо задуманные и хорошо исполненные образы. Напримѣръ, личность жениха написана ярко и трогательно; фигуры Лидіи, ея отца, Павла Ѡдеевича намѣчены хотя и немногими, но выразительными штрихами. Особенно удалась г. Длусскому первая часть романа: отъ нея вѣетъ лѣтній духъ Малороссіи, въ ней есть идиллическія картинки, своеобразный пейзажъ, которымъ авторъ иногда злоупотребляетъ, прерывая имъ теченіе разсказа или разговора (вообще, литературная манера г. Длусскаго отличается нѣкоторой медлительностью).

Сказочное сокровище забытаго уголка. Собраніе румынскихъ сказокъ и легендъ. Переводъ А. И. Яцимирскаго. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 1902 г. Ц. 1 р. Заглавіе книги выбрано авторомъ очень удачно. Дѣйствительно, Румынія — забытый уголокъ. О ней вообще знаютъ очень мало и тѣмъ менѣе знаютъ ея художественныя сокровища. Однако, г. Яцимирскій, повидимому, не ошибся, представляя вниманію русской публики переводъ образцовъ румынскаго народнаго творчества. Книга, о которой мы говоримъ, очень интересна. Въ ней есть что-то свѣжее, оригинальное, что-то такое, къ чему мы, знающіе отъ дѣтскихъ дней тонъ и стиль русскихъ сказокъ, не привыкли. Хотя книга г. Яцимирскаго рассчитана на маленькую публику въ прямомъ смыслѣ, на дѣтей очень небольшого возраста, но намъ кажется, что румынскія сказки будутъ интересны не только дѣтямъ, оказавъ имъ прямую пользу, въ смыслѣ развитія художественнаго вкуса, фантазіи и воображенія, но и прочтутся съ интересомъ и взрослыми. Румынскія сказки имѣютъ чисто-восточный, яркій колоритъ. Народъ, создавшій ихъ, не купился на краски: громадныя гиперболы, странныя скачки фантазіи — вотъ основныя черты румынскаго народнаго творчества, насколько мы можемъ судить по образцамъ г. Яцимирскаго. Выбѣтъ отъ тѣмъ каждая се не проникнута глубокой любовью къ природѣ, тонкимъ пониманіемъ ея расоты и гуманнымъ, добрымъ и кроткимъ отношеніемъ ко всему живущу.

Къ достоинствамъ книги надо отнести и ея внѣшній видъ, очень неруно исполненные рисунки, недурную бумагу, четкую печать. Цѣна вскольکو высока, особенно для дѣтской книги.

ФИЛОСОФІЯ.

В. Вундтъ. Система философіи.—В. Вундтъ. Введеніе въ философію.

Вильгельмъ Вундтъ. Система философіи. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Водена. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб., 1902 г. Ц. 3 р. Эта книга появилась на нѣмецкомъ языкѣ почти одновременно съ извѣстнымъ сочиненіемъ Фулье „L'avenir de la métaphysique fondée sur 'exrégience“, и въ этомъ совпадении есть нѣчто характерное и знаменательное. Оба мыслителя, независимо другъ отъ друга, пришли къ тому конечному заключенію, что будущее можетъ принадлежать лишь такой метафизикѣ, которая зиждется на опытѣ и въ своихъ построенияхъ употребляетъ тѣ же методы, что и положительная наука. Если Фулье видитъ задачу метафизики прежде всего въ коренномъ анализѣ всей совокупности опыта,—анализѣ, за которымъ долженъ слѣдовать болѣе глубокой и окончательный синтезъ найденныхъ элементовъ, то Вундтъ въ общемъ развиваетъ аналогичные взгляды. И для него метафизика не есть „поэзія идей“ или самоудовлѣяющая сфера особаго, априорнаго знанія: въ основу ея онъ кладетъ опытъ и орудіями ея дѣлаетъ обычные методы соединенія фактовъ, опирающіеся на законъ основанія и слѣдствія. Своеобразие же метафизики заключается въ томъ, что оно не ограничиваетъ этого сочетанія фактовъ опредѣленными сферами опыта, а распространяетъ его на всю совокупность даннаго. При этомъ всѣ предварительные матеріалы, какіе ей доставляются отдѣльными дисциплинами знанія, она подвергаетъ логическому изслѣдованію, приводитъ ихъ въ согласіе другъ съ другомъ и соединяетъ въ одно свободное отъ противорѣчій цѣлое, „удовлетворяющее не только требованіямъ нашего ума, но и потребностямъ нашего сердца“. Если эти общіе взгляды и не привели Вундта къ дѣйствительной „системѣ“, внутренне-цѣльной и органической, если указаный имъ идеаль, „свобода отъ противорѣчій“, не вполне осуществленъ имъ самимъ и разностороннія вліянія Спинозы, Лейбница, Канта, Фехнера не слились у него въ стройное цѣлое, то во всякомъ случаѣ синтетическая попытка Вундта очень интересна и поучительна, и въ современной философіи крупное значеніе имѣетъ его многостороннее міросозерцаніе, которое, исходя изъ данныхъ естествовѣдѣнія, въ частности—физиологіи, завершается моментами этики и религіи.

Вильгельмъ Вундтъ. Введеніе въ философію. Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. А. Котляра подъ редакціей профессора московскаго университета кн. С. Н. Трубецкаго. М., 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.—Вильгельмъ Вундтъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго С. С. Штейнберга и С. Д. Львова. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. Хотя на обложкѣ второй изъ этихъ книгъ и не значится слово „полный“, но право на него имѣетъ и переводъ, выпущенный редакціей „Образованія“. По своимъ основнымъ идеямъ новая работа нѣмецкаго психолога и философа не отличается отъ прежнихъ его монографій. Какъ и раньше, онъ придаетъ значеніе лишь такой разработкѣ философіи, которая глубже и тѣснѣе устанавливаетъ связь послѣдней съ положительными науками. Отъ *Введеній въ философію* Паульсена, Кюльпе и Герузалема сочиненіе

Вундта отличается тѣмъ, что въ немъ преобладаетъ методъ истинскій. Въ цѣломъ рядѣ сжатыхъ очерковъ авторъ показываетъ, какъ жили и самая философія, и ея отдѣльные проблемы, и излагаетъ рѣшенія тѣхъ философовъ, съ именами которыхъ связаны важные моменты въ исторіи отвлеченной мысли. Это историческое вступленіе, по замыслу Вундта, должно подготовить читателей къ связанному изученію философіи въ ея основныхъ задачахъ—гносеологіи, метафизикѣ, этикѣ. Подробный анализъ этихъ проблемъ посвящена вторая часть книги Вундта.

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Нордау. Новые парадоксы.—Н. Д. Сергеевскій. Въ вопросу о финляндскій и номин.—Ю. Н. Лавриновичъ. Образованіе рабочихъ въ Россіи.—И. Бродскій. Еврейская нищета въ Одессѣ.—А. Ф. Цитниковъ. Нарымскій край.—Д. Гавриловъ. Сибирь.

Максъ Нордау. Новые парадоксы. Перев. Э. Ф. Зауэръ. С. 1902 г. Ц. 75 к. Въ этихъ новыхъ парадоксахъ далеко не все интересно. Авторъ разсматриваетъ жизнь всю какъ она есть, трактуетъ самыя разнообразные вопросы, безъ системы, безъ опредѣленной цѣли, трактуетъ, какъ фельетонистъ, не поднимаясь до уровня мыслителя и тетки, способнаго начертать принципы того идеальнаго строя, который долженъ смѣнить нашъ несовершенный строй. Предъ нами критикъ, критикъ талантливый и остроумный, умѣющій нерѣдко озарить кимъ свѣтомъ то, что „ежеминутно предъ очами и чего не зрять радужныя очи“. Авторъ говоритъ о бракѣ, говоритъ о „политической жизни“ подъ которой разумѣетъ несовершенства современной государственной организации, объ „экономической лжи“ и т. д. Въ этихъ разсужденіяхъ много стараго и тривіальнаго. Въ экономическихъ соображеніяхъ автора не трудно уловить вліяніе Рескина и Толстого. Страницы, наполненны филиппиками противъ современнаго брака, противъ ловли женовъ, разврата мужичковъ, подчиненнаго и униженнаго положенія женщинъ и т. д., ничего не говорятъ уму русскаго читателя, испытанаго могучее дѣйствіе обличительныхъ страницъ „Крейперовой сонаты“. Больше интересны политическіе парадоксы Нордау. Въ нихъ виденъ все тотъ поверхностный и талантливый дилеттантъ, не представляющій себѣ никакой организации большого общества, но смѣло и оригинально критикующій недостатки современнаго строя. Современное государство да своимъ гражданамъ слишкомъ мало взаимѣтъ огромныхъ стѣсненій, которыя налагаетъ на него. Изъ желанія быстро разыскать преступника оно заставляетъ всѣхъ мирныхъ гражданъ прописываться въ участки, изъ желанія въ случаѣ несостоятельности одного купца быстро освоить его дѣлами, оно принуждаетъ вести книги по установленному шаблону миллионы купцовъ, которые и не думали о банкротствѣ. Въ концѣ концовъ эти стѣсненія чувствуютъ именно мирные и честные члены общества, а преступники находятъ средство обходить ихъ. Мирнымъ гражданамъ запрещено носить оружіе, а грабители все-таки вламываются въ дома съ револьверами и кинжалами. Въ своей критикѣ парламентаризма Нордау высказываетъ не мало справедливыхъ замѣчаній, но больше въ ней непродуманныхъ сужденій, свидѣтельствующихъ недостаточно-серьезномъ изученіи вопроса. Въ чемъ же положительныя идеалы автора?—спросить бытъ можетъ читатель. Приходится сказать, что это—самая слабая сторона „парадоксовъ“. Эти идеалы не

сны и опредѣленны; и если постараться свести ихъ въ систему, мы олучимъ что-то вродѣ мечтаній Руссо о возвратѣ къ патриархальному грою, обь идеальныхъ мелкихъ республикахъ, гдѣ отдѣльные члены сно чувствуютъ свою связь съ обществомъ, получаютъ наглядную награду за каждый свой вкладъ. Нордау остроумень въ своихъ нападкахъ а печать, на эту могучую силу, съ которой ничто не въ состоянн оротъся; но онъ наивень и несостоятеленъ, когда предлагаетъ средства ля реформирования печати вродѣ выборовъ на должность редактора. аключительная глава „Конечная гармонія“ представляетъ собою не что ное, какъ повтореніе евангельской заповѣди: „Люби ближняго какъ саю себя“. Несмотря на отсутствіе глубины и дѣльной общественно-политическаго міровозрѣнн, книга Нордау, блестящая по языку, остроумно и яркому освѣщенію темныхъ сторонъ современнаго соціальнаго троя, будетъ имѣть интересъ въ глазахъ читающей публики.

Н. Д. Сергѣевскій. Къ вопросу о финляндской автономіи и основнхъ законахъ. Очерки Спб., 1902 г. Ц. 1 р. Это дорого: въ прошурѣ всего 88 страницъ. О положенн Финляндн есть много обстояельныхъ страницъ у такого компетентнаго ученаго, какъ знаменитый йчеринъ. Г. Сергѣевскій—бывшій профессоръ Петербургскаго университета *по уголовному праву*... Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Наша дѣль—представить русской читающей публикѣ посильное разъясненіе лавнѣйшихъ моментовъ, таѣ называемаго, *финляндскаго вопроса*, т. е. вопроса о публично-правовомъ положенн Финляндн въ составѣ Россійскаго государства. Русскій образованный человекъ, думается намъ, долженъ отчетливо представлять себѣ содержаніе этого вопроса; долженъ знать, что это есть вопросъ исключительно политическій, не имѣющій отношенн къ національно-духовной самобытности финской націи“. Сочиненіе, авторъ котораго утверждаетъ, что форма политическаго устройства и управленн не имѣетъ отношенн къ національно-духовной самобытности,—не заслуживаетъ разбора.

Ю. Н. Лавриновичъ. Образование рабочихъ въ Россіи. Идадн редакціи журнала „Техническое Образование“. Спб., 1902 г. Авторъ этого доклада, читаннаго въ „Собранн экономистовъ“ въ прошломъ году, и частью напечатаннаго тогда же въ газетѣ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, касается здѣсь одного изъ насущнѣйшихъ вопросовъ нашей современности. Работа г. Лавриновича была вызвана разсматривавшимся въ истекшемъ году въ государственномъ совѣтѣ проектомъ „Положенн о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и курсахъ“, составленнымъ министерствомъ финансовъ и, какъ извѣстно, съ 18 марта текущаго года сдѣлавшимся уже закономъ. Новая попытка названнаго министерства придти на помощь нашему рабочему въ дѣль его профессиональнаго образования мотивировалась указаннми на нашу промышленную отсталость отъ другихъ образованныхъ странъ, гдѣ образованіе и развитіе рабочаго стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ у насъ. Привѣтствуя эту попытку, г. Лавриновичъ подробно останавливается, однако, на исторіи вопроса обь образованн рабочихъ на нашей родинѣ и подвергаетъ затѣмъ обстоятельному анализу указанное выше положеніе о мастерскихъ и курсахъ. Авторъ вспоминаетъ, что мысль обь огромномъ влиянн умственно-нравственнаго развитн рабочаго на развитіе промышленности была у насъ высказана такими авторитетами, какъ А. И. Чупровъ и И. И. Янжуль, дѣльнымъ рядомъ изслѣдователей, какъ П. М. Шестаковъ, С. С. Григорьевъ, и многими другими, русскими и иностранными авторами. Тѣмъ не менѣе, дѣло это, ясное,

какъ день, подвинулось на нашей родинѣ, какъ и многія другія уже выясненныя дѣла, весьма мало впередъ, несмотря на то, что правительство въ лицѣ, наприм., покойнаго министра финансовъ И. Вышнеградскаго и другихъ своихъ представителей, отнеслось къ ящему вопросу, повидимому, съ полнымъ сознаниемъ его важности. Но ко же всѣ его мѣры, вродѣ законовъ 1882 и 1884 г., циркуляры министерства народнаго просвѣщенія 1895 года и др., оставались дѣйствительными, главнымъ образомъ, потому, что у нашего рабочаго, при 11½ часовомъ трудовомъ днѣ (и добавимъ отъ себя—при личности *сверхурочныхъ работъ*, уничтожающихъ все скромное значеніе закона объ 11½ часовомъ рабочемъ днѣ), положительно не оставалось ни времени, ни силъ для занятій на какихъ-либо курсахъ или школахъ. Кромѣ недостатка времени, у рабочаго нѣтъ и элементарнаго образованія, безъ котораго усвоеніе предметовъ профессиональных курсовъ является невозможнымъ. Что касается до малолѣтнихъ рабочихъ, то устраиваемыми кое-гдѣ для нихъ школами они не могутъ зоваться въ силу установленнаго для нихъ 8-мичасового обязательнаго труда. Сверхъ всего этого, всѣ издававшіеся законы о фабричныхъ ремесленныхъ школахъ только *рекомендовали* фабрикантамъ устраивать школы или предоставленіе рабочимъ возможности учиться, а не *обязали* ихъ къ тому. Такимъ же характеромъ отличается и законопроектъ (а нынѣ законъ) о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и курсахъ. Другой его недостатокъ г. Лавриновичъ справедливо упоминаетъ въ томъ, что общее образованіе рабочаго играетъ здѣсь (въ новомъ законѣ) третъестепенную роль. По этому поводу редакторъ журнала, издавашаго брошюру, признаетъ (въ особой выноскѣ) упрекъ автору совершенно несправедливымъ, „потому что забота объ общемъ образованіи русскихъ рабочихъ относится къ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, а потому министерство финансовъ по необходимости должно было ограничить свою задачу лишь сообщеніемъ рабочимъ профессиональныхъ знаній и умѣній“. Какъ бы отвѣчая на это замѣчаніе, авторъ въ послѣдней главѣ своего доклада говоритъ: „Почему когда у насъ заходитъ рѣчь о школахъ или, вообще, объ образовательныхъ учрежденіяхъ, то главнымъ вершителемъ судебъ непременно является министерство народнаго просвѣщенія. Это происходитъ въ силу историческаго предразсудка, что просвѣщать можетъ только министерство просвѣщенія. Просвѣщаетъ ли оно, однако? Интересующихся этимъ вопросомъ г. Лавриновичъ отсылаетъ къ бюджету этого министерства въ его отчетахъ, къ его распоряженіямъ, вродѣ закрытія въ 1895 г. общедоступныхъ курсовъ педагогическаго общества, составленія на 1896 г. книгъ для народныхъ библиотекъ и т. п. „Вслѣдствіе того, — продолжаетъ авторъ брошюры, — что министерство ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ни одна буква алфавита не была усвоена ребятами безъ его дѣйствія, чтобы ни одна дыра въ сельской школьной избѣ не была замазана безъ его разрѣшенія, оно до того завалено работой, что не имеетъ никакой физической возможности браться за завѣдываніе иными отраслями школьнаго дѣла; если же оно берется за это, то нельзя сказать, что отъ этого происходитъ большая польза для народнаго просвѣщенія“. Отрицая далѣе пользу централизаціи управленія учебными дѣлами, требующимъ мѣстнаго управленія, г. Лавриновичъ спрашиваетъ: „Да и почему дѣло просвѣщенія должно непременно находиться въ рукахъ чиновниковъ, хотя бы и служащихъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія?“. Опытъ Англіи и Франціи, гдѣ почти всѣ отрасли просвѣщенія

дѣла вѣдаются общественными организаціями, гдѣ это дѣло ввѣрено мѣстнымъ общинамъ, что даетъ блестящіе результаты,—развѣ недостаточно убѣждаетъ въ необходимости предоставить въ этомъ отношеніи большую свободу частному почину? Поддержаніе той же мысли авторъ находитъ и на нашей родинѣ въ дѣятельности бывшихъ комитетовъ грамотности, „преобразованныхъ“ такъ, что отъ нихъ почти и слѣдовъ не осталось, или въ дѣятельности педагогическаго общества, устроившаго нѣчто въ родѣ народнаго университета.

Авторъ въ концѣ концовъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Для образованія какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, какъ фабричныхъ, такъ и ремесленныхъ рабочихъ въ Россіи сдѣлано слишкомъ мало. Попытки правительства распространить образованіе въ рабочемъ классѣ при посредствѣ упомянутыхъ выше законовъ и циркуляра должны быть признаны неудачными и не вполне достигшими цѣли, „такъ какъ законами этими хотѣли примирить совершенно противоположные интересы хозяевъ и рабочихъ, а авторитетность законовъ диссертативировали недостаточною категоричностью ихъ положительныхъ постановленій“. При сохраненіи прежнихъ началъ законодательства этого рода, если бы, согласно ходатайствамъ цѣлаго ряда съѣздовъ, и былъ изданъ новый законъ, то его постигнетъ столь же печальная судьба. Въ дѣлѣ распространенія образованія среди рабочихъ всѣхъ категорій сильнѣйшимъ тормазомъ служитъ ихъ малограмотность и слишкомъ большая продолжительность рабочаго дня на фабрикахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ. Всякая попытка частныхъ лицъ или обществъ придти рабочему населенію на помощь доставленіемъ ему духовной пищи подвергается столь сильнымъ стѣсненіямъ, что въ большинствѣ случаевъ не достигается цѣли. Такъ какъ отъ поднятія умственнаго уровня рабочихъ классовъ прежде и больше всего выиграютъ сами промышленники-хозяева фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ мастерскихъ, то они должны нести и расходы по организаціи просвѣтительныхъ учреждений для рабочихъ. Въ основу образованія рабочихъ должно быть положено общее образованіе, а не техническое, причѣмъ лучшимъ образовательнымъ учрежденіемъ для рабочихъ слѣдуетъ признать школы, подобныя лондонскимъ „политехникумамъ“ или „народнымъ дворцамъ“. Такъ какъ русская интеллигенція всегда шла впередъ во всѣхъ правительственныхъ начинаніяхъ, то образованіе рабочихъ, какъ дѣло національное, должно быть ввѣрено ей въ лицѣ представителей городского и земскаго самоуправленія, общественныхъ учреждений и отдѣльныхъ дѣятелей, извѣстныхъ своими просвѣтительными трудами. Вопросъ объ образованіи рабочихъ неизбѣжно связанъ съ вопросомъ о нормировкѣ рабочаго дня. Поэтому, работамъ по организаціи школъ для рабочихъ долженъ предшествовать пересмотръ закона 1897 г. о нормировкѣ рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ и ремесленнаго устава, нормирующаго рабочій день въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Таковы замѣчанія автора брошюры, обстоятельно мотивированныя въ самомъ ея текстѣ. Къ нему мы и отсылаемъ нашихъ читателей, интересующихся настоящимъ важнымъ вопросомъ русской жизни.

И. Бродовскій. Еврейская нищета въ Одессѣ. Одесса, 1902 г. Ц. 30 к. Во внутреннемъ обзорѣни *Русской Мысли* (1901 г., кн. X), уже была отмѣчена книжка г. Бродовскаго, когда она появилась отдѣльной статьёй въ журналѣ *Восходъ*. Потрясающая картина нищеты, набросанная правдивымъ перомъ автора, можетъ показаться горькой ироніей надъ тѣми, кто возмущенно говоритъ объ еврейскомъ капитализмѣ. И если

бы книжку г. Бродовскаго прочитали тѣ лица, которыя словомъ и дѣломъ способствовали существованію новаго гетто, „черты осѣдлости“, голодныя человѣческія существа бьются въ отведенной имъ клѣткѣ и изнывають въ ваторгѣ непосильнаго и неоплачиваемаго труда, у профессиональныхъ нищихъ покупая для своихъ дѣтей куски хлѣба, — быть можетъ, этимъ лицамъ сдѣлалось бы стыдно...

Нарымскій край. (5 станъ Томскаго уѣзда, Томской губерніи). Историко-статистическій очеркъ. Составилъ приставъ 5 станъ Томскаго уѣзда А. Ф. Плотниковъ. Спб., 1901 г. (1 вып. X т. Записокъ Имп. рус. геогр. общ. по отдѣл. статист. Над. подъ ред. В. Н. Латкина). Нарымскій край расположенъ въ сѣверной части Томскаго уѣзда, въ мѣстности, изрѣзанной массой рѣкъ и рѣчекъ, принадлежащихъ къ бассейну Оби. „На этой огромной зыблящейся равнинѣ, изобилующей болотами и болотными озерами, встрѣчаются гривы и острова суши изъ сыпучаго песку, иногда версты на 5 длиною, покрытыя обыкновенно строевымъ лѣсомъ“, — такъ описываетъ авторъ характеръ поверхности Нарымскаго края. Название его по-остяцки значитъ „болото“ и извѣстно было еще до похода Ермака. Край этотъ населенъ очень рѣдко; населеніе состоитъ изъ русскихъ, остяковъ и самоѣдовъ; на пространствѣ 200 т. кв. вер. разбросано всего только 18 тысячъ человѣкъ.

Трудъ г. Плотникова содержитъ всестороннее описаніе вѣтренной его попеченію мѣстности, въ которой онъ является единственнымъ представителемъ правительственной власти. Въ отдѣльныхъ очеркахъ авторъ описываетъ эксплуатацію и развращеніе инородцевъ пришлымъ русскимъ населеніемъ, характеръ усвоеннаго ими христіанства, ихъ семейную жизнь и экономическое положеніе, даетъ даже нѣкоторыя филологическія указанія касательно ихъ языка. Въ упрекъ г. Плотникову надо поставить лишь нѣкоторую бессистемность, даже безпорядочность въ распредѣленіи и изложеніи находившагося въ его рукахъ обильнаго матеріала. Внимательно остановившись на вопросѣ о способности инородцевъ къ духовному развитію, г. Плотниковъ пришелъ къ тому заключенію, что они не только обнаруживаютъ несомнѣнныя дарованія, но усваиваютъ грамоту „даже лучше русскихъ дѣтей“ (стр. 100). Онъ рассказываетъ свою собственную любопытную попытку въ этомъ направленіи съ открытой имъ въ 1896 г. передвижной школой грамоты, встрѣченной инородцами настолько сочувственно, что они отъ себя положили ей учителю 15 руб. въ мѣсяцъ жалованья. После нѣкоторыхъ затрудненій дѣло пошло такъ успѣшно, что учиться стали даже взрослые. „Изъ этого примѣра мы окончателно убѣдились, — заключаетъ авторъ, — что такъ или иначе, при желаніи можно достигъ способа обученія грамотѣ инородцевъ, въ какомъ бы заголустѣ ихъ кочевья ни находились, и что труды, какъ сѣмя, упадутъ завѣдомо на хорошую землю, которая несомнѣнно принесетъ плоды, такъ какъ инородцы достаточно доказали свою способность къ грамотѣ“ (стр. 103).

Прибавимъ, что для полнаго успѣха при постановкѣ инородческаго дѣла въ Сибири надо воспользоваться опытомъ приволжскаго края, гдѣ оно утверждено на началахъ, выработанныхъ Н. И. Ильминскимъ, причемъ въ основу обученія непременно долженъ быть положенъ русскій языкъ.

Закончивъ „историко-статистическимъ описаніемъ“ инородческаго восточнаго края, авторъ переходитъ къ изученію быта русскаго населенія, с общаеъ данныя о его распредѣленіи и останавливается преимуще-

на различныхъ сторонахъ его экономическаго положенія, описывая въ рядѣ очерковъ отдѣльныя отрасли мѣстной промышленности и сообщая большое количество статистическихъ данныхъ.

Въ роковомъ вопросѣ о столкновеніи русскаго населенія съ инородческимъ, симпатіи автора всецѣло на сторонѣ послѣдняго; его горячее сочувствіе къ нему неоднократно выливается въ громкій призывъ на помощь гибнущему населенію и диктуетъ не одну искреннюю и сильную страницу.

„Вѣдь давно пора,—не разъ повторяетъ г. Плотниковъ,—взглянуть на этихъ дѣтей природы—нашихъ братьевъ по вѣрѣ—сострадательными глазами и дать имъ толчокъ подняться въ культурномъ отношеніи. Вѣдь припомнимъ, что инородцы со времени прихода сюда первыхъ русскихихъ казаковъ, находясь сначала подъ властью воеводъ, уже четвертый вѣкъ несутъ на себѣ безропотно такой тяжелый крестъ и въ будущемъ, при настоящихъ условіяхъ, невидю исхода къ лучшему, а, наоборотъ, констатированъ крайне прискорбный фактъ вымиранія инородцевъ—этихъ аборигеновъ края, научившихъ здѣсь русскимъ и звѣроловству и рыболовству. Вѣдь все, что составляетъ здѣсь промыселъ, все, что является здѣсь первой необходимостью для человѣка, на какой бы степенн развитія онъ ни стоялъ,—все это созданіе инородческаго ума“ (стр. 79).

„Неужели эти крещенные люди не заслуживаютъ того, чтобы имъ, способнымъ къ культурѣ, была протянута рука помощи?“

„Заботы объ улучшеніи быта инородцевъ должны послужить искупленіемъ за тѣ ихъ жертвы и эксплуатацію, коимъ подвергались они въ первую эпоху завоеванія. Инородцы Нарымскаго края, обратившись въ полуосѣдлыхъ и осѣдлыхъ, содержатъ въ своихъ юртовыхъ селеніяхъ станціи и тѣмъ помогаютъ намъ въ дѣлѣ культуры и сношеній; неужели мы должны быть имъ за это неблагодарны и продолжать хладнокровно смотрѣть на ихъ вымираніе?“

„У насъ, въ обществѣ, существуютъ „общества спасанія на водахъ“, „общества филантропическія“, „общества покровительства животнымъ“ и пр., то почему бы тому же образованному обществу не учредить „общества покровительства вымирающимъ людямъ“, которые платятъ подати и отбываютъ разныя повинности, а, слѣдовательно, доставляютъ деньги на удовлетвореніе высшихъ потребностей этого образованнаго общества? Вѣдь они ничѣмъ не заявили себя неспособными къ гражданской и умственной жизни и вообще не потеряли правъ на культурное общечеловѣческое существованіе, и не ихъ вина, что они не могутъ избавиться отъ кабалы и эксплуатаціи русскаго населенія, которое, почти со времени завоеванія, смотритъ на инородца, какъ на раба, на доходную статью и попрежнему старается захватить въ свои руки промыселъ и добычу съ нихъ“ (стр. 217).

Г. Плотниковъ нѣсколько разъ говорить и о той помощи, съ которой надо подойти къ инородцамъ. „А потому, чтобы дать инородцамъ вздохнуть нѣсколько свободнѣе,—пишетъ онъ,—чтобы поднять ихъ энергію къ жизни, пробудить уснувшія надежды въ лучшее будущее,—къ чему они способны, но лишены возможности добиться,—слѣдуетъ прийти къ нимъ на помощь, во имя спасенія народности, ради братства и человѣколюбія,—путемъ ряда культурныхъ мѣропріятій, а прежде всего—не лишнее было бы устроить передвижныя съ общежитіями школы, избавиться отъ платежа ясака и друг. казенныхъ сборовъ за умершія ревизскія души, освободить отъ ремонтнаго содержанія храмовъ, обязатель-

наго сбора на постройки новых, избавить инородцевъ отъ эксплоатации торговцами (проектированнымъ нами выше путемъ устройства лавок) дать имъ возможность, за упадкомъ промысловъ, приучаться къ землѣдѣлю, для чего по Васьюгану, Тыму, Кети, Парабели—переселить крестьянъ съ обязательствомъ не производить имъ, на первое время никакой между инородцами торговли и не захватывать чистыхъ мѣстъ пашины, а расчищать таковыя вновь“ (стр. 366).

Трудъ г. Плотникова содержитъ рядъ яркихъ и правдивыхъ картинъ жизни далекаго края, изображающихъ иногда ужасныя и трогательныя сцены бѣдствій и безвыходной безпомощности инородческаго населенія. Книга г. Плотникова представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ простое историко-статистическое изслѣдованіе: его книга—крупная публицистическая работа, вскрывающая самыя больныя мѣста жизни Нарымскаго края,—будемъ надѣяться, что ея искренній призывъ къ помощи и помощи откликъ въ тѣхъ, кто прочтетъ этотъ прочувствованный трудъ дѣла далекаго, потеряннаго среди тундры Нарыма.

П. Головачевъ Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902 г. Ц. 1 р. Эта отлично изданная, со многими рисунками, книга стоитъ такъ дешево очевидно потому, что всѣ расходы или, по крайней мѣрѣ, значительную часть ихъ взяла на себя г-жа Базанова. Весь сборъ поступаетъ въ пользу общества вспоможенія нуждающимся сибирякамъ и сибирячкамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы.

Авторъ даетъ живую, занимательную картину Сибири, руководясь лучшими источниками и авторитетами; 66 рисунковъ, взятыхъ изъ разныхъ коллекцій, иллюстрируютъ изложеніе. Тутъ и мѣстные типы и виды, и постройки. Къ книгѣ приложена хорошая карта Сибири: указатель книгъ, брошюръ и статей, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи авторъ.

Жизнь Сибири,—говоритъ г. Головачевъ,—за послѣднее время испытала рядъ быстрыхъ переменъ. Переселенческое движеніе, Сибирская желѣзная дорога могущественно повліяли на разрушеніе стараго натурального хозяйства, и нельзя сказать, чтобы только въ благоприятномъ отношеніи. Сибирь,—говоритъ авторъ,—на долгое время предстоитъ быть страной вывоза сырья, исключительно животнаго и растительнаго происхожденія. „Тѣмъ необходимѣе поэтому для Сибири совокупное мѣропріятій, которыя бы могли поднять общій уровень образованія въ странѣ и внушить сибирскому крестьянству здравыя сельско-хозяйственныя понятія въ такой степени, чтобы все населеніе поддерживало общіе мѣры, направляемыя къ возстановленію и сохраненію постоянного равновѣсія творческихъ силъ природы, сочувствовало бы этимъ мѣрамъ, потому что понимало бы ихъ значеніе“. Для этого необходимо введеніе въ Сибирь земскихъ учреждений.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ.—**С. П. Моравскій.** Средневѣковый идеализмъ.—**С. Емльковъ.** Какъ начался расколъ русской церкви.—**Иванъ Пойкинъ.** Торопецкая старина.—**В. Н. Дебольскій.** Духовныя и договорныя грамоты.—**Ситновскій.** А. С. Пушкинъ въ его письмахъ.—**Степанинскій.** Начала философіи въ русской литературѣ XI—XVI вв.—**Н. М. Паловъ.** Слово о полку Игоревѣ.—**Д. П. Шестаковъ.** Памяти Т. Г. Шевченка.—**К. Я. Гротъ.** Къ биографіи И. И. Дмитріева.—**Художникъ Федотовъ и его стихотворенія.**—**С. К. Буличъ.** А. Е. Варламовъ.—**А. И. Фаресовъ.** Мой отвѣтъ.—**Ж. Пелиссе.** Критическіе этюды.

П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). Изд. акціон. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. Спб., 1902 г. Во введеніи авторъ говоритъ о происхожденіи абсолютизма въ Западной Европѣ подъ вліяніемъ возрожденія римской государственной идеи и разложенія феодальнаго строя и сословно-представительныхъ учрежденій средневѣковья. Первая глава книги посвящена раннему абсолютизму (итальянскому принципату) вообще и главнымъ представителямъ его (Сфорца, Медичи, Борджиа) въ частности, а также политической философіи Маккиавели. Во второй главѣ рѣчь идетъ объ абсолютизмѣ испанско-габсбургскомъ, о монархіи Фердинанда и Изабеллы, Карла V, Филиппа II и его преемниковъ до начала XVIII в. Третья глава изображаетъ ростъ королевской власти во Франціи вплоть до Генриха IV, а затѣмъ дѣятельность Ришелье и апогей абсолютизма вмѣстѣ съ его результатами. Изъ этого перечня видно, что авторъ нѣсколько искусственно сузилъ рамки своей томы: абсолютную монархію въ Германіи и Испаніи XVIII в. онъ отнесъ къ отдѣлу о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“, а исторію Франціи при Людовикѣ XV поставилъ „введеніемъ“ въ исторію революціи. Но главная ошибка автора состоитъ въ томъ, что абсолютную монархію онъ готовъ разсматривать какъ явленіе романскихъ странъ по преимуществу и первой причиною ея возникновенія считать возрожденіе римской государственной идеи, а потомъ уже указывать на разложеніе средневѣкового строя, экономическаго и политическаго. Говоритъ такъ,—значитъ забывать не только объ Австріи и Пруссіи, но и о Византіи и Россіи, ставить политическія формы выше наполняющаго ихъ соціальнаго содержанія, наконецъ, соблазнять читателя устарѣлою идеею всемогущества національныхъ различій, преграждая доступъ къ его уму идеѣ единообразнаго развитія всѣхъ культурныхъ народовъ. Въ данномъ случаѣ опасность тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ удачнѣе выполнена работа автора въ прочихъ отношеніяхъ, особенно въ отдѣлѣ о французской монархіи. Очень удачно подчеркнута здѣсь постепенность развитія ея административныхъ учрежденій, независимо отъ воздѣйствія даже такихъ мастеровъ своего дѣла, какъ Ришелье. Наглядно изображены результаты чрезмѣрнаго развитія абсолютизма въ Испаніи времени Филипповъ II—IV и во Франціи эпохи Людовика XIV,—напримѣръ, упадокъ самоуправленія земскаго и городского подъ опекой администраціи, возрастаніе привилегій дворянства и духовенства, обнищаніе народа подъ гнетомъ податей. Любопытны также указанія на ростъ вліянія генеральнаго контролера финансовъ во Франціи XVII в. или рельефное описаніе, путемъ удачныхъ выписокъ изъ Марьежоля и Тона, строгаго церемоніала мадридскаго и версальскаго двора. Въ общемъ нельзя не признать, что разбрасывая самую книгу написана очень продуманно, сжато и содержательно.

Можно только опасаться, что временами ея отвлеченное изложение окажется нѣсколько труднымъ для средняго читателя. Но что вѣрное будетъ ему совсѣмъ не по плечу, такъ это составленная авторомъ библиографія. Въ ней преобладаютъ сочиненія на иностранныхъ языкахъ, многотомные общіе обзоры, объемистыя монографіи, густые сборники документовъ; кому все это можетъ быть нужно, тотъ за справками сюда не обратится, а для простаго читателя это только лишній балластъ. Для немногихъ указанныхъ по-русски сочиненій авторъ даетъ одни заглавія. Читателю этого недостаточно: къ заглавіямъ не мѣшало бы присоединить краткіе отзывы; иначе одни слова останутся для него пустыми звуками. Маленькій примѣръ: для знаменитыхъ мемуаровъ Сень-Симона авторъ указываетъ послѣднее полное изданіе Буалия въ 14 томахъ, которое можно найти только въ университетскихъ бібліотекахъ, да и то, пожалуй, не во всѣхъ, и не указываетъ извлеченія изъ нихъ, недавно помѣщеннаго въ приложеніи къ журналу *Миръ Божій*, хотя и ссылается на статьи не только въ *Revue des deux mondes*, но и въ *Revue historique* и *Historische Zeitschrift*. Отсюда выводъ: не мѣшало бы нашимъ специалистамъ, берущимся за составленіе книжекъ для большой публики, обращать больше вниманія на интересы будущихъ читателей.

Средневѣковый идеалистъ (Людовикъ IX Св.). Сост. С. П. Нравскій. Изд. т-ва Сытина. М., 1902 г. (Педагог. Общество, сост. при Импер. Московск. университетѣ. Труды комиссіи по устройству чтеній для учащихся). Во вступленіи къ своему небольшому, но содержательно написанному очерку авторъ высказываетъ нѣсколько справедливыхъ соображеній касательно значенія біографій отдѣльныхъ личностей съ точки зрѣнія изученія общихъ условій жизни общества и измѣненій въ нихъ происходящихъ. Всего интереснѣе здѣсь біографіи людей, воплощавшихъ въ себѣ идеалы своего времени, такъ какъ онѣ помогаютъ намъ понимать психологическую основу событій и учреждений эпохи. Къ числу такихъ типичныхъ для своего времени идеалистовъ принадлежалъ и Людовикъ Св. Онъ думалъ и поступалъ такъ, какъ, по взгляду его современниковъ, должны были думать и поступать всѣ они. Оттого его понимали и высоко цѣнили уже при жизни. Затѣмъ авторъ характеризуетъ отношеніе Людовика къ средневѣковымъ идеаламъ и міросозерцанію, изображаетъ его набожность и преданность вѣрѣ, но въ то же время—уклоненіе отъ строгаго аскетизма въ сторону проповѣдуемаго францисканствомъ духа любви къ ближнему и подвиговъ милосердія; наконецъ, его идеальное рыцарство. Замѣтивъ далѣе, что нравственныя и религиозныя воззрѣнія, распространяемыя церковью въ средневѣковомъ обществѣ, преломлялись въ данной исторической средѣ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ послѣдней, рисуя ея невѣжество, грубость нравовъ и жестокость, а затѣмъ слѣдитъ за отраженіемъ ихъ въ религиозной жизни эпохи, указывая на ея фанатизмъ и нетерпимость, ея суевѣріе, грубый реализмъ религиозныхъ представленій и вышнее отношеніе къ чудесамъ. Въ третьемъ отдѣлѣ книжки авторъ подробно характеризуетъ феодальный строй и отношеніе къ нему Людовика, а также значеніе дѣятельности послѣдняго въ исторіи развитія королевской власти во Франціи. Все это изложено очень продуманно и въ то же время живо и наглядно; изложеніе иллюстрируется выдержками изъ сочиненныхъ памятниковъ и очень недурно исполненными рисунками. Въ общемъ можно упрекнуть автора: онъ недостаточно отвелъ мѣста описанію государственной дѣятельности Людовика и ни словомъ не обмолвился о его

знаменитыхъ сотрудникахъ на этомъ поприщѣ—легистахъ. Но въ общемъ разбираемая книжка, насколько это возможно при ея малыхъ размѣрахъ, даетъ очень наглядное представленіе объ описываемой эпохѣ.

С. Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. Изд. т-ва Д. С. Курнинъ и К^о. М., 1902 г. Ц. 35 к. Въ живомъ, тепло и популярно написанномъ изложеніи читатель найдетъ здѣсь обстоятельный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи раскола на Руси и о первыхъ періодахъ этого крупнаго историческаго явленія, начавшагося во второй половинѣ XVII вѣка и не исчезнувашаго съ наступленіемъ текущаго XX вѣка. Возникши на почвѣ круглаго невѣжества и соединеннаго съ нимъ преклоненія передъ формою, въ ущербъ сущности дѣла, движеніе это восприняло въ себя затѣмъ экономическіе, а отчасти даже и политическіе недуги своего времени и въ общемъ итогѣ вылилось въ отчаянную борьбу части русскаго населенія за старозавѣтные устои жизни, въ виду постепенно надвигавшихся новыхъ порядковъ. Активные и пассивные приемы этой глухой, упорной и жестокой культурной борьбы описаны авторомъ настоящей книги съ достаточной силой и яркостью, хотя онъ сумѣлъ при этомъ не вдаваться въ излишнія подробности и сохранить должную осторожность въ оцѣнѣ и характеристикѣ приемовъ знаменитой борьбы. Въ результатъ, мыслящій читатель вынесетъ изъ очерка г. Князькова довольно ясное представленіе о коренной причинѣ великаго недоразумѣнія русской жизни, называемаго расколомъ,—причинѣ, лежащей въ отсутствіи не только какаго-либо образованія, но даже и простой грамотности въ средѣ русскаго населенія; съ другой стороны, та же книга даетъ и наглядную иллюстрацію того положенія, что суровыя до жестокости мѣры борьбы съ расколомъ вели за собой только одинъ результатъ—его усиленіе. Особенно возмутителенъ тотъ періодъ этой народной драмы, когда, доведенные до отчаянія суровыми мѣрами правительницы Софьи, раскольники прибѣгли къ самоистребленію, путемъ самоожженія и другихъ не менѣе ужасныхъ приемовъ самоубійства, совершавшихся при томъ не въ видѣ единичныхъ случаевъ, а массами, цѣлыми селеніями и даже городами. Давно ли мы сами были еще свидѣтелями подобнаго же приема въ наше время? Книга заканчивается характеристикой современныхъ фракцій раскола: поповщины и беспоповщины, съ нѣкоторыми ихъ разновидностями. Какъ по тону, такъ и по способу изложенія настоящее сочиненіе г. Князькова (автора такъ же прекрасно написанной и изданной тою же фирмой книги „Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право“) заслуживаетъ полнаго одобренія и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Кромѣ весьма полезнаго списка пособій, приложеннаго въ концѣ книги, въ ней имѣются на отдѣльныхъ листахъ портреты царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, и три снимка съ извѣстныхъ картинъ, рисующихъ нѣкоторые эпизоды изъ исторіи раскола (наприм., „Черный соборъ въ Соловецкомъ монастырѣ“, „Отправленіе боярыни Морозовой въ ссылку“, „Споръ о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ“). Жаль только, что отсутствуютъ почему-то указанія на имена извѣстныхъ художниковъ, которымъ принадлежать эти картины. Цѣна книги по своей высотѣ послужитъ досаднымъ препятствіемъ для широкаго ея распространенія среди значительнаго круга читателей. Портреты вышли плоховато.

Торопецкая старина. Историческіе очерки города Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка. Исслѣдованіе Ивана П. Юннина. Изд. Имп. общ. ист. и др. Рос. М., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к. То опецъ, нынѣ увядный городъ Псковской губерніи, извѣстенъ еще

начальной летописи. Во второй половинѣ XII вѣка около Торопца образуется самостоятельное княжество; потомъ на полтора вѣка (съ половины XIV до первыхъ годовъ XVI) онъ подпадаетъ подъ власть Литвы; наконецъ, съ 1503 года, присоединенный Иваномъ III, превращается въ уѣздъ московскаго государства.

Г. Побойнинъ дѣлитъ исторію Торопца на двѣ половины, гранью между которыми служить его присоединеніе къ Москвѣ. Первой эпохѣ посвящены главы I—III, второй—IV—VI, причѣмъ авторъ въ разсказѣ о той и другой эпохѣ держится такого порядка: сначала онъ излагаетъ историко-географическія и статистическія данныя, затѣмъ дѣлаетъ очеркъ пережитой городомъ внѣшней исторіи, наконецъ, даетъ подробное описаніе внутренней жизни города, обозрѣвая составъ населенія, управленіе, подати, повинности, экономической и общественный бытъ.

Въ XVI и XVII вѣкѣ Торопецъ становится порубежною крѣпостью; ему неоднократно приходится обороняться и отсиживаться отъ враговъ, и вражда къ Литвѣ становится въ немъ наследственной. „Правы были, — замѣчаетъ г. Побойнинъ, — торопецкіе священники, стрѣльцы, пушкеры и посадскіе люди, когда въ 1662 году въ своей всегородной челобитной заявили: „твой государевъ порубежный городъ Торопецъ искони стоять на ровни“.

Особенно хорошо раскрыта г. Побойнинымъ внутренняя жизнь Торопца. Значеніе города вытекало изъ того же обстоятельства, которое такъ тяжело отзывалось на его внѣшней безопасности, — изъ его порубежнаго положенія: онъ былъ силенъ своимъ посредничествомъ въ торговлѣ московскаго государства съ Литвой. Всего любопытнѣе въ книгѣ г. Побойнина основанный на свѣжѣмъ архивномъ матеріалѣ очеркъ „воеводскаго управленія и мѣстнаго самоуправленія“.

По уставной земской грамотѣ царя Феодора Іоанновича, разысканной г. Побойнинымъ, Торопцу былъ данъ земскій судъ и прочія связанныя съ земскимъ управленіемъ льготы. Торопчане благополучно судились этимъ судомъ до 1634 года, но въ этомъ году случилась бѣда: грамота сгорѣла. Воеводы тотчасъ же успѣли воспользоваться ея потерей и „отняли“ земскій судъ на себя. Но черезъ нѣсколько лѣтъ уцѣлѣвшій списокъ съ злополучной грамоты былъ представленъ вмѣстѣ съ челобитиемъ торопчанъ въ московскій приказъ, и земскій судъ былъ восстановленъ. Вскорѣ, однако, это право было уничтожено появленіемъ Уложения; тѣмъ не менѣе, при помощи усиленныхъ ходатайствъ, торопчане добились его возвращенія: года черезъ три послѣ уложения имъ была выдана новая грамота; но прошло пять лѣтъ, сгорѣла и она. Воеводы тотчасъ же этимъ пользуются и начинаютъ судъ „отнимать“, но торопчане успѣваютъ на этотъ разъ возобновить свой драгоценный документъ. Наконецъ, одинъ особенно предпримчивый воевода, въ 1666 г. снова уничтожилъ земскій судъ, и Торопецъ принужденъ былъ обходиться безъ него свыше 20 лѣтъ. Торопчане не унывали, среди нихъ явился энергичный человѣкъ — нѣкто Максимъ Заозерскій. Они выбрали Максима земскимъ старостой съ особенными полномочіями и поручили ему добиваться новой уставной земской грамоты. Хожденіе Максима по московскимъ приказамъ и ожесточенная общественная борьба въ самъ Торопецъ составляютъ содержаніе самыхъ интересныхъ страницъ книжки. Въ концѣ концовъ Максимъ добился не дававшейся торопчанамъ грамоты, но пользовались они ею недолгое время, — на этотъ разъ не шло и хлопотать: земскій судъ по указу Петра Великаго былъ отмененъ окончательно.

Въ Торопцѣ въ миниатюрѣ происходили всѣ процессы, пережитые русскимъ обществомъ,—здѣсь на исторіи одной ячейки мы можемъ наблюдать отраженіе почти всѣхъ явленій, преисходившихъ въ большомъ и своеобразномъ ульѣ, который назывался московскимъ государствомъ. Авторъ раскрылъ этотъ смыслъ исторіи Торопца, умѣло использовавъ много новаго и любопытнаго архивнаго матеріала, найденнаго имъ среди самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Сравнительно менѣе удачны страницы, посвященные бытовымъ подробностямъ духовной культуры: эти черты, во-первыхъ, трудно поддаются опредѣленію при помощи однихъ только мѣстныхъ извѣстій, во-вторыхъ, при такомъ описаніи онѣ слишкомъ специализируются: черты общаго характера относятся авторомъ къ исключительнымъ признакамъ торопецкой жизни и торопецкихъ гражданъ.

Г. Побойнинъ сумѣлъ отыскать въ исторіи Торопца то, что представляетъ въ ней общій интересъ, и рассказъ о его судьбахъ превратилъ въ изслѣдованіе, интересное для наблюдателя общихъ процессовъ русской жизни. Авторъ сумѣлъ сдѣлать разработку темы интереснѣе самой темы,—конечно, только мысль любящаго историка могла съ такимъ терпѣливымъ усердіемъ и съ такимъ тщательнымъ вниманіемъ изслѣдовать узкій вопросъ исторіи одного маленькаго города.

Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. II. Изслѣдованіе В. Н. Дебольскаго. Спб., 1902 г. Второй выпускъ предпринятаго г. Дебольскимъ труда значительно обширнѣе вышедшаго въ прошломъ году перваго выпуска. Въ настоящей брошюрѣ г. Дебольскій разбираетъ названія поселеній и урочищъ, встрѣчающіяся въ грамотахъ (I т. С. г. г. и Д.) эпохи великихъ князей Василя I, Василя Темнаго и Ивана III. При помощи справокъ съ позднѣйшими географическими указаніями, главнымъ образомъ съ писцовыми книгами, авторъ пытается приурочить всѣ эти названія къ опредѣленной мѣстности, стараясь по возможности нанести ихъ на карту, что, впрочемъ, ему далеко не всегда удается. Брошюра г. Дебольскаго содержитъ въ текстѣ 40 чертежныхъ эскизовъ, приуроченныхъ къ отдѣльнымъ группамъ упомянутыхъ въ грамотахъ географическихъ названій. Къ работѣ приложена подробная карта московскаго государства, какъ она складывается изъ этихъ географическихъ данныхъ къ концу княженія Ивана III. На этой картѣ нанесено много селеній, существующихъ около Москвы и до сихъ поръ, но много и такихъ, имена которыхъ совершенно забыты.

Сиповскій. А. С. Пушкинъ по его письмамъ. Спб., 1902 г. При всемъ своемъ глубокомъ психологическомъ и историко-литературномъ интересѣ, письма Пушкина почти не вызвали отдѣльныхъ изслѣдованій. Мы помнимъ только очень притязательную статью г. Сигмы—Сыромятникова и добросовѣстную, но тяжеловѣсную и довольно пеструю по своему составу работу г. Ляцкаго. Небольшая брошюра г. Сиповскаго выгодно отъ нихъ отличается единствомъ плана, цѣльностью и мѣткостью пониманія Пушкина. Онъ выдвигаетъ прежде всего разнообразіе въ содержаніи писемъ Пушкина: „образъ поэта мѣняется въ зависимости отъ того, къ кому онъ пишетъ, мѣняется до неузнаваемости, до елпія съ чуждымъ образомъ“ (стр. 4). Въ его поэтической жизни и писемъ играло большую роль мгновеніе, ярко сказывалась удивительная подвижность и впечатлительность, „живость духа, вѣчно ищущаго новыхъ настроеній и впечатлѣній“. Всѣ основныя черты переписки г. Сиповскій иллюстрируетъ удачно подобранными примѣрами. Въ упрекъ ему

можно поставить только доверіе къ апокрифическимъ запискамъ Смирновой. Брошюра написана очень хорошо и, несомнѣнно, съ удовольствіемъ прочтется всѣми поклонниками великаго поэта.

Свѣнцицкій. Начала философіи въ русской литературѣ XI—XVI вв. Львовъ, 1902 г. Г. Свѣнцицкій очень широко понимаетъ терминъ „философія“. Подъ него онъ подводитъ и „природную философію русскаго народа“, т.-е. обожествленіе природы, почитаніе боговъ, космогоническіе мѣны и пр., и лѣтописныя упоминанія о „философахъ“, т.-е. хорошихъ знатокахъ богословія,—о происхожденіи добра и зла отъ добрыхъ и злыхъ духовъ, и поученія Владиміра Мономаха, и посланіе Никифора о постѣ. Расплывчатость и неопредѣленность въ основной постановкѣ темы идутъ у него объ руку съ конспективною сжатостью и полною, мѣстами, безсвязностью изложенія. Выхваченные изъ общезвѣстныхъ источниковъ элементарные факты нагромождаются безъ всякой внутренней связи и сообщаются почти всюду въ видѣ сухого, голаго перечня. Изложеніе содержанія древне-русскаго литературнаго памятника сдѣлано настолько обще и безцвѣтно, что заставляетъ предполагать знакомство съ ними изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Н. М. Павловъ. Слово о полку Игоревѣ. Замѣтки объ изслѣдованіяхъ памятника и переложеніе на современный языкъ. М., 1902 г. Г. Павловъ высоко цѣнитъ свой трудъ и очень пренебрежительно относится къ другимъ изслѣдователямъ величайшаго памятника нашей старинной литературы. За его изложеніемъ чувствуется самовольная мысль, что оно рѣшить всѣ сомнѣнія и контроверсы. Даже самъ М. Н. Катковъ одобрилъ переводъ г. Павлова—какая же рѣчь можетъ еще идти объ его опѣнкѣ! Несмотря на эту рекомендацію, мы осмѣливаемся усомниться въ достоинствахъ перевода и комментарія. Совершенно напрасно „Слово о полку Игоревѣ“ даетъ угадывать (г. Павлову), что оно рассказывалось (!) пѣвцомъ въ гридницѣ у князя предъ многочисленными слушателями“ (стр. 8): это старое, давно отброшенное мнѣніе опровергается всѣмъ составомъ и общимъ характеромъ „Слова“ — произведенія безусловно княжескаго. „Дивь“—будто бы „стражннѣ“ (стр. 15—16), хотя въ такомъ смыслѣ это слово никогда не употреблялось. Вмѣсто загадочнаго „карна“ должно читать *просто* (очень даже просто!) *жирно* (стр. 19), вмѣсто „ходны“ — *незначительная* поправка „годинъ“ (стр. 19), „спала“ — „слава“ (стр. 21) и пр. При такихъ „быстротѣхъ и натискѣхъ“ темныхъ мѣстъ въ „Словѣ“, конечно, не окажется ни одного; жаль только, что всѣ эти конъектуры совершенно произвольны, а иногда даже и не имѣютъ никакого смысла...

Не лучше и переводъ. „Трудныя повѣсти“—*важное сказанье*, „Замышленіе Бояне“—*сочиненіе*, „растекала“—*расточала*, „за шеломенемъ“—„за рубежомъ“ и пр.

Брошюра г. Павлова является, собственно, вторымъ изданіемъ, очень мало дополненнымъ и исправленнымъ, если считать за первое изданіе отдѣльные оттиски изъ *Русскаго Вѣстника* Катковскихъ временъ. Мы думаемъ, что не было рѣшительно никакой необходимости ни въ одномъ изъ этихъ изданій.

Д. П. Шестаковъ. Памяти Т. Г. Шевченка. Казань, 1901 г. 40-лѣтіе кончины гениальнаго украинскаго вѣдателя вызвало рядъ характеристикъ и воспоминаній. Интересно отмѣтить, что онѣ исходили не отъ однихъ малороссовъ и появлялись въ Петербургѣ, Казани и ц. ч. Любовь къ Шевченку, такимъ образомъ, захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги, и его меланхолическая, сердцемъ выстрадавшая

зія находить себѣ живые отзвуки и „на сѣверѣ дальнемъ“. Г. Шестаковъ читаль, напр., свой докладъ, теперь, въ настоящей брошюрѣ напечатанный, въ „Обществѣ любителей русской словесности въ память Пушкина при Казанскомъ университетѣ“. Его характеристика основана на очень немногочисленныхъ источникахъ, опирается главнымъ образомъ на русскіе переводы—въ общемъ, очень слабые—не отличается оригинальностью взглядовъ; но въ ней много искренняго увлеченія, факты группированы недурно и для великорусскаго читателя дадутъ много новаго. Характеристику творчества Шевченка г. Шестаковъ сливаетъ въ изложеніемъ его біографіи, сославшись на то, что „у рѣдкаго поэта творчество такъ тѣсно переплетается съ жизнью, носить такой глубокой, душевный, автобиографическій характеръ, какъ у Т. Г. Шевченка“. Все это такъ, но излишнее подчеркиваніе біографическаго элемента почти совсѣмъ вытѣснило изложеніе общаго идеальнаго содержанія Шевченковской лирики,—а съ нимъ не мѣшало бы познакомить русскаго читателя.

К. Я. Гротъ. Къ біографіи И. И. Дмитріева. Спб., 1902 г. Дмитріевъ принадлежитъ къ числу наименѣе изученныхъ поэтовъ нашихъ. До сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь полнаго и приличнаго изданія его сочиненій, мало-мальскія научной біографіи. Кое-что, но очень мало даютъ только изданія *Съвера* и С. А. Венгерова. Но оживленіе въ дѣлѣ изученія нашей старинной поэзіи, которое наблюдается за послѣднее время, коснулось и Дмитріева и принесло рядъ новыхъ, очень интересныхъ матеріаловъ, за которыми, будемъ надѣяться, послѣдуютъ попытки научной разработки всего собраннаго. Въ исторіи нашей поэзіи конца XVIII и начала XIX в. Дмитріевъ сыгралъ слишкомъ крупную роль, и за его изученіе давно уже пора было приниматься. Чрезвычайно любопытны напечатанныя недавно письма Дмитріева къ кн. Вяземскому; очень характерна исторія его послѣднихъ дней, пересказанная теперь г. Гротомъ на основаніи рукописныхъ данныхъ. Письма и отзывы, вызванные его смертью и собранные г. Гротомъ, во весь ростъ рисуютъ этого суховатаго съ перваго взгляда, слишкомъ щепетильнаго и сдержаннаго, но по существу очень добраго, отзывчиваго и сердечнаго человѣка, сохранившаго до преклонныхъ лѣтъ и послѣдней минуты жизни умственную свѣжесть, научные и литературные интересы, глубокую любовь къ природѣ.

Художникъ Федотовъ и его стихотворенія. Спб., 1902 г. Немногіе знаютъ, что знаменитый художникъ Федотовъ былъ въ то же время и очень недурнымъ, оригинальнымъ поэтомъ, и новый томикъ „Дешовой Библіотеки“ г. Суворина объ этомъ очень кстати напомнилъ читающей публикѣ. Въ него, кромѣ обстоятельной и хорошо составленной біографіи Федотова, вошли все его поэтическія произведенія. Они иногда находятся въ тѣсной связи съ его художественной дѣятельностью: онъ пишетъ, напр., стихи, „Предисловіе къ картинѣ *Поправка обстоятельствъ или женитба майора*“. Въ нихъ есть своеобразіе стиха, яркія черты народности и проблески большой *бытовой наблюдательности*, вообще очень характерной для отца русскаго жанра. Въ живописи отъ академической условности Федотовъ рѣзко повернулъ къ простотѣ и бытовой правдѣ, благодаря чему и сыгралъ такую крупную роль въ исторіи націонализаціи и реализаціи, если такъ можно выразиться, русскаго искусства. Въ своихъ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ онъ выступаетъ съ тѣми же чертами. Онъ подражаетъ раешнику, пишетъ народнымъ складомъ, сочиняетъ солдатскія пѣсни, басни въ духѣ Крылова—и въ то же время отрицаетъ у себя поэтическій талантъ, не рѣшается отдавать

свои стихотворения въ печать и отзывается о нихъ очень вѣжливо. Потомство не согласилось съ этой самооцѣнкой—и имѣеть теперь новое собраніе этихъ стихотвореній.

С. К. Буличъ. А. Е. Варламовъ. Нѣсколько новыхъ данных для его біографіи. Спб., 1902 г. Мы мало до сихъ поръ знаемъ одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ національныхъ композиторовъ, смотря на весь интересъ его своеобразной личности. Г. Буличъ пытается въ дѣлахъ придворной пѣвческой капеллы нѣсколько очень цѣнныхъ свѣдѣній о немъ и, сопоставивши ихъ съ прежними, дать довольно полную и цѣльную характеристику Варламову. Онъ былъ человѣкъ разносторонне одаренный, но крайне безхарактерный и лѣнивый; на всей его душѣ лежалъ меланхолическій отпечатокъ, который такъ характеренъ для его романсовъ. „Устроиться“, что называлъ онъ не умѣлъ никогда и нигдѣ и жилъ жизнью артистической. По одному свидѣтельству, онъ и за свои романсы брался тогда, когда сильно прикручивала нужда. Тихій и мягкосердечный, онъ звался общою любовью и имѣлъ много друзей даже въ высшемъ обществѣ. Его талантъ вездѣ цѣнился высоко, но это не помогло ему получить при придворной капеллѣ. Исторію отношеній въ послѣднюю кончившуюся отказомъ назначить Варламова даже сверхштатнымъ членомъ пѣнія, г. Буличъ передаетъ особенно подробно.

А. И. Фаресовъ. Мой отвѣтъ (изъ литературной полемики). Спб., 1902 г. Въ этой брошюрѣ г. Фаресовъ оправдывается на сѣтяхъ страницъ отъ обвиненій, съ которыми единодушно выступилъ противъ него почти вся русская печать, въ томъ числѣ и *Русская Мысль*, отзвѣвъ которой особенно не понравился автору. Какъ, можетъ вспомнить читатели, г. Фаресовъ вскорѣ послѣ смерти Шеллера-Молова выступилъ съ своими пріятельскими воспоминаніями о немъ, въ которыхъ рассказывалъ о покойномъ „правду, что хуже всякой лжи“, теперь онъ принципиально отстаиваетъ свое право на подобныя воспоминанія, упрекаетъ своихъ оппонентовъ за то, что они будто бы убили его идеализировать Шеллера, замалчивать его отрицательныя стороны, ратуя за правду и полную объективность и пр. Онъ никакъ, по моему, не хочетъ или не можетъ понять, что смерть имѣеть свои права, что для многого нужно нѣкоторое историческое отдаленіе, что не все можно выносить на улицу, въ особенности надъ свѣжей еще могилею. Зачѣмъ возбуждать незаглохшія страсти? Человѣкъ не успѣлъ умереть, а тутъ отдаются въ печать его злостные отзывы о живыхъ еще лицахъ вызванные, быть можетъ, минутнымъ раздраженіемъ и нисколько характерныя для личности покойнаго. То же слово г. Фаресову могъ бы не такъ и не тогда молвить. Многихъ рецензентовъ непріятно поразило въ его разсказѣ какая-то особая хлесткость, развязность, очевидный расчетъ на эффектъ, близкій къ скандалу. Кое-кто изъ близкихъ къ Шеллеру лицъ уже выступилъ съ протестами и уличалъ г. Фаресова въ неточностяхъ, ошибкахъ и даже изобрѣтеніяхъ. Значить, его воспоминанія были не только несвоевременными и безтактными, но и неточными.

Жоржъ Пелисье. Критическіе этюды. Перев. Заблоцкой. Ц. 1 рубль. Критическіе этюды Жоржа Пелисье, извѣстнаго знатока литературы, очень интересны. Въ нихъ много блестящихъ разборовъ, характерности. Въ книгѣ, между прочимъ, помѣщена статья о „Воскресеніи“ Толстого, ранѣе изложенная въ *Русской Мысли*. Помимо разбора отдѣльных произведеній, у Пелисье есть статьи обще-литературныя. Пелисье широкъ

живаешь, напримѣръ, изображенія молодой дѣвушки въ французскомъ романѣ и указываетъ на то, какую незначительную роль они играютъ. Изображаются дѣвушки блѣдно, даже когда выступаютъ героинями. „Только одна Жоржъ Зандъ,—говоритъ онъ,—изобразила съ тонкимъ изяществомъ соединеніе наивности и лукавства, вызывающаго кокетства и стыдливой сдержанности, и нѣжное таинственное очарованіе дѣвственнаго сердца, въ которомъ возбуждается любовь“. Обыкновенно же развязкой романа или, большею частью, завязкой служитъ бракъ. Романы занимаютъ, обыкновенно, женскимъ адюльтеромъ. Но что же за дѣвушки обрисовываются въ романахъ? „Инженю: это существо робкое, граціозное и глупенькое. Всѣ инженерю похожи другъ на друга, потому что имѣютъ исключительный характеръ наивности“. Затѣмъ—полудѣва. Откуда же вытекаютъ подобные типы дѣвушекъ? Объясняются это французскимъ воспитаніемъ,— сперва монастырскимъ, затѣмъ домашнимъ. „Женщина должна слушаться не разсуждая“. Все воспитаніе „стремилось къ тому, чтобы держать дѣвушекъ въ подчиненіи и, слѣдовательно, не давать развиваться ихъ умственнымъ и нравственнымъ способностямъ“. Новый же типъ дѣвушки, „соединяющей твердость воли съ кротостью, энергію съ нѣжностью, независимость со скромностью, сознание добра и зла, если не съ „наивностью“, то хотя съ чистотой и цѣломудріемъ души“, — совершенно не изображается въ литературѣ.

Къ „Плодородію“ авторъ относится съ большимъ сочувствіемъ. Внушено оно было Зола тревожной думой о человечествѣ и въ особенности о Франціи. Если никакія теоріи и статистическія изслѣдованія не могутъ заставить людей обратить вниманіе на грозящую гибель, то можетъ быть общественное вниманіе привлечено будетъ литературнымъ произведеніемъ. „И мы,—говоритъ Пелисье,—должны быть благодарны Зола за его великодушную любовь къ человечеству, которая вдохновила его написать столько краснорѣчивыхъ строкъ“. Въ статьѣ „Литературная анархія“ Пелисье смѣется надъ людьми, которые жалуются на литературную анархію, на отсутствіе школы. Онъ же видитъ въ этомъ разнообразіе талантовъ. „Каждый писатель имѣетъ свою индивидуальность. Искусство есть видоизмѣненіе природы сообразно съ тѣмъ, какъ ее видитъ и чувствуетъ человекъ“. Художникъ можетъ быть свободенъ только тогда, когда онъ не принадлежитъ къ школѣ.

ИСКУССТВО.

А. Бенуа. Исторія живописи въ XIX в.—К. Байб. Исторія искусствъ.—Р. Мутеръ. Исторія живописи.

Александра Бенуа. Исторія живописи въ XIX в. Русская живопись. Ч. I. Спб., 1901 г. Ц. 2 р. Русское искусство новаго времени давно ожидало своего истолкователя. Нельзя, конечно, назвать „исторіями“ русскую живопись тѣ канцелярскіе послужные списки отмѣнно-строгихъ академикомъ и ихъ учтиво-послушныхъ питомцевъ или же тѣ сухыя и точныя до протокольности описанія ихъ произведеній, которыя до сихъ поръ наивно выдавались за „Исторію русскаго искусства“ и по которымъ читающая публика знакомилась съ отечественной живописью въ ея недавнемъ прошломъ. Если и бывали попытки прослѣдить эволюцію художественныхъ направленій, вѣусовъ и требованій, то онѣ или касались

главнымъ образомъ той эпохи, которая носитъ характерное названіе тенденціозной или передвижнической, или же эти статьи разбросаны по журналамъ, художественнымъ сборникамъ и т. д. Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ прекрасную книгу А. Бенуа, написанную необыкновенно живо, остроумно, занимательно, яркими и широкими штрихами, съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла. Свои взгляды на общія задачи искусства г. Бенуа не разъ уже, и необыкновенно прямолинейно, высказывалъ въ цѣломъ рядѣ статей; но впервые примѣнилъ онъ ихъ ко всей русской живописи XIX вѣка только въ настоящей книгѣ. Поэтому намъ нужно считаться съ этой переоцѣнкой старыхъ цѣнностей и не удивляться, когда новый критикъ находитъ иногда чисто-живописныя красоты въ тѣхъ картинахъ, которыя проходили молчалимъ прежніе исследователи. Этой именно грандіозной ломкой старыхъ взглядовъ и нужно объяснять, что Бенуа нисколько не задумывается со смѣлостью, доходящей до дерзости, вычеркнуть изъ исторіи русской живописи не только цѣлый рядъ картинъ и даже именъ, но и цѣлыя главы, и отмѣтить оригинальныя черты только въ творчествѣ немногихъ живописцевъ — Левицкаго, Боровиковскаго, Кипренскаго, Венеціанова. Отмѣтивъ затѣмъ причины колоссальнаго успѣха Брюллова, Бенуа подробно останавливается на непонятномъ и недоступномъ для большинства Ивановѣ, котораго называетъ мистикомъ въ его эскизахъ (стр. 116), анахронизмомъ (стр. 111), эпикомъ (стр. 109), наконецъ, пророкомъ, мудрецомъ, мученикомъ и подвижникомъ по натурѣ (стр. 107) и т. д. „Да и кромѣ Иванова,—говоритъ Бенуа,—не было недостатка въ сильныхъ и одухотворенныхъ индивидуальностяхъ среди русскихъ художниковъ. Венеціановъ — такое явленіе, которому равнымъ въ то время на Западѣ былъ только одинъ Рунге; Федотовъ, пробившійся изъ николаевской военщины до положенія вождя русской живописи; Верещагинъ, такъ горячо, такъ стойко пропагандировавшій свои, быть можетъ, и не очень глубокіе, но искренніе и когда-то свѣжіе идеалы; Рѣпинъ и Васнецовъ, вырвавшіеся изъ провинціального болота и сдѣлавшіеся прославленными представителями школы; Ге, съ упорствомъ и не безъ дерзости принявшійся въ своихъ картинахъ проповѣдовать такія философскія воззрѣнія, которыя наименѣе возможны у насъ; всѣ они и во главѣ ихъ, повторяю, Ивановъ,—такія явленія, которыя ясно доказываютъ, что недостатка въ значительныхъ личностяхъ среди нашихъ художниковъ не было. Напротивъ того, врядъ ли за все XIX столѣтіе въ исторіи живописи сыщется гдѣ-либо такое собраніе отчаянныхъ борцовъ и преобразователей“. Но вполне естественно въ такомъ случаѣ вслѣдъ за авторомъ задать вопросъ: отчего же эти силачи и храбрецы, въ общемъ, не дали ничего яркаго, рѣшительнаго, окончательнаго и цѣльнаго? Нельзя только согласиться съ очень ужъ простымъ отвѣтомъ автора на этотъ мучительный вопросъ, будто все это произошло „отъ оторванности отъ почвы, отъ незаполненной пропасти, существующей между коренной народной жизнью и этой наносной культурой, которую мы еще и теперь такъ мучительно сознаемъ, не ужившись въ теченіе двухъ столѣтій съ ней“ и т. д., потому что приводимыя имъ параллели изъ явленій литературы едва ли состоятельны, и весь вопросъ, намъ кажется, слѣдуетъ считать открытымъ. Очень интересно, впрочемъ, замѣчаніе Бенуа, что умнѣйшіе и образованнѣйшіе люди — Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій и Толстой — и самыя темныя, сбивчивыя понятія о живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, а потому писатели не разъ сбивали съ толку и художниковъ образъ. Вообще, вся книга А. Бенуа представляетъ собою, явное подражаніе

„Исторія живописи XIX в.“ Р. Мутера. Поэтому вмѣстѣ съ несомнѣнными достоинствами нѣмецкаго историка, мы часто встрѣчаемъ у Бенуа и отрицательныя черты, характерныя для Мутера. Такъ, напримѣръ, въ указанномъ выпускѣ А. Бенуа дѣлаетъ нѣсколько одностороннихъ вылазокъ противъ нашего идейнаго искусства, говоря, напримѣръ, въ очеркѣ о В. Васнецовѣ, что „тиранія лаптя и сермяги всёмъ слишкомъ надѣла“ (стр. 122) или, что художникъ „отказался отъ прѣснаго реализма и первый напомнилъ о томъ, что кромѣ интереса къ „Земскому собранію“ и къ „Преферансу у чиновниковъ“, могутъ существовать и другіе, къ чему-то болѣе прекрасному и отрадному“ (стр. 120); наконецъ, въ главѣ о Ге: „пресмыкающійся (sic) характеръ русской живописи второй половины XIX вѣка“ (стр. 113), „гражданскія проповѣдничанья“ (стр. 110) и т. п. Всѣ рисунки выбраны очень удачно и исполнены превосходно.

К. Байэ. Исторія искусствъ. Перев. подъ ред. и съ добавленіями проф. университета св. Владимира Г. Г. Павлуцкаго. Съ 350 рисунк. въ текстѣ, 28 фототипическими таблицами и 2 таблицами въ краскахъ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ, 1902 г. Ц. 4 р. Несмотря на то, что, объясняя обстоятельства „случайнаго возникновенія“ книги Байэ на русскомъ языкѣ, самъ переводчикъ какъ бы признаетъ, что трудъ французскаго византолога нельзя назвать ученой работою, а скорѣе „популярной книгой для извѣстнаго круга читателей, для юношества преимущественно“, — согласиться съ послѣднимъ едва ли возможно. Намъ кажется, что нельзя назвать вполне удачнымъ выборъ переводчика, павшій на устарѣлую книгу, которая появилась въ оригиналѣ еще въ 1886 г. Русскій редакторъ какъ бы чувствуетъ этотъ недостатокъ въ книгѣ Байэ и потому дѣлаетъ нѣкоторыя библиографическія дополненія, указывая главнымъ образомъ на новѣйшіе труды западно-европейскихъ ученыхъ по искусству, что едва ли, впрочемъ, принесетъ должную пользу русскимъ читателямъ. Дѣло въ томъ, что такія дорогія или же слишкомъ спеціальныя книги, какъ извѣстныя монографіи и изданія Мюнца, Крауза, Дурма, Вогюе, Шпрингера, Мейсснера, д'Аргенвилля, Розенберга и т. п., почти недоступны для тѣхъ читателей, которыхъ какъ разъ имѣлъ въ виду переводчикъ: „ко мнѣ часто обращались студенты и другіе молодые люди съ просьбой указать имъ краткій общій курсъ исторіи искусствъ на русскомъ языкѣ, — говоритъ переводчикъ въ своемъ предисловіи; въ виду отсутствія въ нашей литературѣ такого курса, я рекомендовалъ сдѣлать переводъ книги Вауэт, которая изъ всѣхъ существующихъ общихъ исторій искусствъ показала мнѣ наиболѣе подходящей“. Во всякомъ случаѣ, общая исторія искусства Байэ, написанная нѣсколько тяжелымъ языкомъ, въ видѣ конспекта съ характерными заглавіями подѣлѣна, болѣе умѣстными въ учебникѣ, чѣмъ въ популярной книгѣ, обнаруживающая археологическіе вкусы автора, — едва ли въ состояніи настолько заинтересовать русскаго читателя, чтобы онъ обратился къ одному изъ указываемыхъ переводчикомъ источниковъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ гордо цѣлесообразнѣе были бы ссылки на такія общедоступныя книги, и существующія на русскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя біографіи въ извѣстной „Биографической бібліотекѣ“ Павленкова, отдѣльныя очерки въ необыкновенно живо написанной книгѣ Д. Мадкевича „Живопись во Франціи“, наконецъ, множество оригинальныхъ и переводныхъ статей, появившихся въ *Художественномъ Сборникѣ*, *Журналѣ изящныхъ искусствъ*, *Свердловѣ Сіанни*, *Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ*, *Искусствѣ*

и худож. промышленности и т. д. Наконецъ, не указаны такія цѣнныя работы, какъ Н. Ѳ. Сумцева, „Леонардо да-Винчи“, изслѣдованія Выше-славцева и Васильчикова о Рафаелѣ и мн. др. Если къ этому прибавимъ, что Байэ заканчиваетъ свою книгу XVIII вѣкомъ и для исторіи искусства въ минувшее столѣтіе пришлось прибѣгнуть къ компиляціи по книгамъ А. Бенуа и А. Новицкаго,—то будетъ ясно, что вновь переведенная книга не вполне удовлетворяетъ несомнѣнно назрѣвшей потребности во всеобщей исторіи искусствъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія другой подобной „Исторіи“ на русскомъ языкѣ, книга Байэ является очень полезной. А умѣнье автора двумя-тремя словами охарактеризовать извѣстную эпоху или отдѣльное творчество, интересные экскурсы въ область исторіи, удачный выборъ рисунковъ и мѣстами встрѣчающіяся истинно-поэтическія страницы, напримѣръ, глава о готикѣ,—все это дѣлаетъ то, что произведеніе Байэ можно смѣло рекомендовать всѣмъ, кто интересуется искусствомъ. Издана книга опрятно и недорого, большинство рисунковъ исполнено удачно. Недурны фототипія и хромолитографія.

Р. Мутеръ. Исторія живописи. I часть. Переводъ съ нѣмец. подъ редакціей К. Бальмонта. Спб., 1901 г. Ц. 2 р. 50 к. Характерно прежде всего уже то, что „Исторію живописи“ авторъ начинаетъ въ сущности только XV вѣкомъ. „Лишь совершенно порвавъ съ традиціями,—говоритъ Мутеръ,—лишь послѣ того, какъ искусство еще разъ прошло стилистическое развитіе среднихъ вѣковъ, начиная съ византийства, продолжая мистикой и кончая жоттовской монументальной живописью, оно свернуло на другой путь. Теперь явились художники внѣ всякой связи съ прошлымъ, которые принялись за работу съ самаго начала, какъ будто кисти и краски только что были изобрѣтены. Ударъ слѣдуетъ за ударомъ, происходитъ процессъ безпрестанныхъ переворотовъ, по быстротѣ едва ли имѣющій что-либо подобное въ нашемъ нервномъ столѣтіи“ (стр. 53). Уже этимъ однимъ объясняется нѣсколько отрицательное отношеніе историка ко всему въ искусствѣ, что носитъ печать традиціи. Вотъ почему онъ рѣшается отнести не къ живописи, а къ „искусству *чистописанія*“ миниатюры въ манускриптахъ ирландскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ монаховъ (стр. 5), догматичность христіанскаго искусства и холодность мозаиковыхъ изображеній видѣть даже въ томъ характерномъ наблюденіи, „что онѣ сдѣланы *изъ камня*“ (стр. 4) и дѣлать цѣлый рядъ подобныхъ парадоксальныхъ выводовъ. Что же касается христіанскаго искусства въ узкомъ значеніи этого термина, то Мутеръ понимаетъ его какъ одно изъ выраженій великаго отреченія христіанства отъ эллинскаго язычества, причемъ въ этомъ именно отпаденіи видятъ „непреодолимыя преграды“ для искусства, объясняя его сверхчувственнымъ характеромъ стремленій въ новой религіи, отрицаніемъ ея всего земного, перенесеніемъ всѣхъ интересовъ и идеаловъ къ „тому свѣту“—и другими едва ли справедливыми мыслями: вѣдь извѣстно, что въ эволюціи христіанства собственно-аскетизмъ и торжественно застывшія формы государственно-церковнаго византийскаго формализма выступаютъ гораздо позже; кромѣ того, запрещенія святынь отцовъ, о которыхъ говоритъ далѣе Мутеръ (стр. 2), относятся исключительно къ скульптурнымъ произведеніямъ, не допускаемымъ въ восточной церкви и по настоящее время, и никогда не имѣютъ въ виду живописи. Возможно даже, что только для оправданія своего взгляда на христіанское искусство Мутеръ относитъ все катакомбное искусство съ его характеромъ декоративной живописи „къ прошедшему, а не къ бѣ-

тому; и означаетъ оно *конецъ*, а не начало“ (стр. 3). Далѣе, мы назовемъ, пожалуй, красивымъ и остроумнымъ, но нисколько не справедливимъ, мнѣніе Мутера о томъ переломѣ въ фресковой живописи, который будто бы являлся *прямымъ* слѣдствіемъ проповѣди Франциска Ассизскаго. Его біографіей, въ которой фигурируютъ звѣри и птицы, авторъ желаетъ объяснить появленіе изображеній животныхъ на картинахъ непосредственно слѣдующихъ за этимъ временемъ мастеровъ: „природа была обезгрѣшена Францискомъ и могла стать предметомъ художественнаго прославленія“ (стр. 8). Но трудно думать, что такое влияние могло имѣть одна біографія этого святаго. Припомнимъ хотя бы древнѣйшія сцены Рождества Христова, гдѣ также фигурируютъ животныя; многочисленныя повѣсти изъ іерусалимскаго и египетскаго патериковъ, напримѣръ, хорошо извѣстный рассказъ о дружбѣ старца Герасима со львомъ; легенду о погребеніи Маріи Египетской, старыя композиціи на стихъ „Всякое дыханіе да хвалить Господа“ или же „О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь“, съ цѣлымъ цикломъ существующихъ и несуществующихъ звѣрей, птицъ, рыбъ и т. п.; наконецъ, орнаментальныя украшенія такъ называемаго тератологическаго или звѣринаго, чудовищнаго стиля, состоящаго изъ сезонныхъ змѣй, василисковъ, гарпій, драконовъ, страшныхъ птицъ и т. п. Вотъ что освящало животное царство для живописи болѣе отдаленныхъ временъ, а не біографія Франциска, легенда о которомъ, по увѣренію автора, будто бы „не имѣла никакихъ традицій, освященныхъ стариной“ (стр. 17). Совершенно аналогичный выводъ дѣлаетъ Мутеръ изъ проповѣди въ Германіи Сузо, освободившей природу отъ монашескаго проклятія: „Въ видѣніяхъ Сузо часто встрѣчаются цвѣты, въ особенности розы, райскіе сады, въ которыхъ прогуливается Мадонна. Онъ описываетъ рай въ видѣ прекрасной долины, гдѣ благоухаютъ лиліи, розы, фіалки и ландыши, гдѣ чижики и соловьи днемъ и ночью распѣвають чудныя мелодіи“ (стр. 15). Видно, нѣмецкій ученый забылъ иллюстраціи къ Псалтыри, Пѣсни пѣсней, миниатюры въ восточныхъ рукописяхъ, украшенія въ катакомбахъ и тѣ же восточныя христіанскія легенды, гдѣ цвѣты играютъ не послѣднюю роль. Подобныхъ ошибокъ разсѣяно въ книгѣ Мутера не мало, и всѣ онѣ объясняются желаніемъ автора выразиться красивѣе, остроумнѣе, цвѣтистѣе, нагляднѣе. Во всякомъ случаѣ, подобные недочеты вполнѣ простительны въ первомъ по времени опытѣ прагматической исторіи живописи эпохи возрожденія. Интересны также сближенія нѣкоторыхъ произведеній живописи съ явленіями литературными; но намъ казалось бы, что едва ли на живописцевъ того времени имѣли такое громадное вліяніе трактаты кельнскихъ мистиковъ—Альберта Магнуса, Эккарта, Таулера или же обличительный характеръ поэмы Данте, какъ думаетъ Мутеръ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

М. Меттерлиникъ. Жизнь пчелъ.—*Р. Л. Гарнеръ.* Языкъ обезьянъ.—*Д-ръ Желъ.* Преобразуемость живыхъ организмовъ.—*Т. Паркеръ.* Лекціи по элементарной биологіи.—*А. и Ф. Гербертсонъ.* Человѣкъ и его трудъ.—*Б. Ландсбергъ.* Въ царствѣ хѣсовъ и полей.—*Эльпе.* Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладнаго знаній.

Морисъ Меттерлиникъ. Жизнь пчелъ. Перев. съ франц. подъ редакціей Н. К. Невзорова. Ц. 1 р. 25 к. Появленіе этой книги въ подлинникъ обратило на себя большое вниманіе, и многіе журналы дали болѣе или менѣе подробныя извлеченія изъ нея и переводы отдѣльныхъ

главъ. Имя автора, какъ одного изъ видныхъ представителей стихотворческой литературы, широко извѣстно, и своего рода событіемъ было обстоятельство, что Метерлинкъ выступилъ не съ романомъ, съ хитвореніями или драматическимъ произведеніемъ, а съ трактатомъ о жизни пчелъ. Хорошо знакомый съ теоріей и практикой пчеловодства, авторъ остался вѣрнъ своей поэтической натурѣ и своей склонности къ философствованію. Добрая половина книги наполнена разсужденіями на разныя отвлеченныя темы, имѣющія лишь косвенное отношеніе къ жизни пчелъ. Все изложеніе (въ оригиналѣ) написано красивымъ, изящнымъ, вычурнымъ языкомъ, который, надо сознаться, совершенно обезобразилъ переводчикомъ. Чтобы хорошо передать слогъ такого писателя, какъ Метерлинкъ, надо самому прекрасно владѣть языкомъ. Что касается содержанія, то, какъ уже сказано, Метерлинкъ хорошо знаетъ пчеловодство, но многія изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній и догадокъ не выдерживаютъ научной критики и, не желая нисколько быть излишне строгимъ въ отношеніи къ автору, мы всетаки должны сказать, что очень и очень часто постыдно слоняется въ немъ пчеловода-натуралиста. Пособіемъ для ознакомленія съ жизнью пчелъ эта книга служить не можетъ. Ея назначеніе совершенно другое: она можетъ привлечь вниманіе многихъ людей, толпы, къ этому интересному и чуждому міру, и для этой цѣли яркость и вычурность изложенія даже полезны: именно яркость и вычурность привлекаютъ толпу. Жаль, что не передавши красоту подлинника, переводчикъ во многихъ мѣстахъ не точно передалъ и смыслъ его. Такъ, на стр. 26 слово передано — „маточникъ“; на стр. 31 сказано, что нектаръ превращается въ медъ и хлѣбину, что невѣрно, а въ оригиналѣ сказано вѣрно, что въ медъ превращается нектаръ, а цвѣточная пыльца (хлѣбина) превращается въ пищу личинокъ. Тутъ же слово „consolider“ (укрѣплять) переведено — „возводить“ и т. п.

Р. Л. Гарнеръ. Языкъ обезьянъ. Перев. съ англійскаго С. Л. Халюткина подъ редакц. В. В. Битнера. Ц. 50 к. Весьма извѣстно, что многія животныя обладаютъ способностью объясняться другъ съ другомъ съ помощью опредѣленныхъ звуковъ, — иначе говоря, обладаютъ языкомъ; но никому не приходило въ голову подвергнуть языкъ животныхъ серьезному научному изслѣдованію. Американцу Гарнеру пришла блестящая мысль воспользоваться фонографомъ для изученія языка обезьянъ, и результаты получились крайне интересные. Оказалось, что самый видъ обезьянъ обладаетъ своимъ собственнымъ языкомъ, который понимаютъ другія обезьяны того же вида, не только когда слышатъ его отъ своего товарища, но и изъ фонографа. Мы не имѣемъ возможности излагать здѣсь интересные выводы и соображенія, которыя авторъ приводитъ въ своей работѣ, но можемъ сказать, что имъ открыта совершенно новая сторона изученія животныхъ, которой со временемъ предстоитъ, конечно, весьма широкое развитіе. Книжка читается съ большимъ интересомъ.

Д-ръ Желъ. Преобразуемость живыхъ организмовъ. Переводъ съ французскаго. В. Ранцова. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. Мы не знаемъ, кто таковой авторъ этой книги. Въ зоологической наукѣ мы еще не знаемъ и, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненія, компетентность его въ научныхъ вопросахъ подлежитъ сомнѣнію. Такъ, например, на стр. 86 онъ пишетъ: „Зоофиты или животнорастенія (какъ, напримеръ: губки, кораллы, полипы, морскіе ежи и т. п.) отличаются слѣдующими свойствами...“ и при перечисленіи этихъ свойствъ говоритъ, между прочимъ: „важнѣйшія фізіологическія ихъ отправленія — это“

дыханіе и кровообращеніе не приурочены еще къ обособленнымъ органамъ и выполняются посредствомъ канальцевъ, сообщающихся другъ съ другомъ и съ внѣшней средой". Тутъ авторъ соединяетъ во едино подѣ давно оставленной ключкой „зоофитовъ" представителей совершенно разныхъ типовъ, не имѣющихъ ничего общаго въ своей организаціи, какъ морскіе ежи и полипы, и приписываетъ иглокожимъ такія черты строенія, которыхъ онѣ вовсе не имѣютъ. На стр. 141 авторъ относитъ руконогихъ (*Brachiopoda*) къ мягкотѣлымъ (*Mollusca*), смѣшивая совершенно различныя группы животнаго царства. Уже этихъ двухъ рѣдкихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, насколько ненадежны и поверхностны научныя познанія автора. А сюжетъ книги очень сложный: надо было дать не только изложеніе эволюціонной теоріи, но и цѣлый рядъ сравнительно-анатомическихъ и сравнительно-эмбриологическихъ свѣдѣній. Обиліе конспективно сообщаемыхъ фактовъ можетъ очень затруднить читателя-неспециалиста, а вѣдь именно для такого читателя и пишутся подобныя книги. Особенно это замѣчаніе относится къ анатомическимъ и эмбриологическимъ даннымъ. Въ общемъ книга д-ра Желѣ не можетъ никакимъ образомъ считаться цѣннымъ приобрѣтеніемъ нашей общедоступной научной литературы. Странное впечатлѣніе производитъ предисловіе переводчика, В. Ранцова. Оно содержитъ въ себѣ изложеніе „гипотезы о сущности вещества", которая въ значительной степени составляетъ плодъ фантазіи г. Ранцова. Такъ, напримѣръ, онъ полагаетъ, что землетрясенія и вулканическія изверженія являются результатами „взрывовъ пластовъ уплотненнаго ээира" (стр. XIX). Возрастаніе температуры съ углубленіемъ въ толщу земной коры авторъ объясняетъ поглощеніемъ ээира земною поверхностью и т. п. Въ заключеніе предисловія г. Ранцовъ говоритъ, что „вселенная представляется какъ бы общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ (*sic*), воспитывающіеся въ которомъ живые организмы послѣдовательно переходятъ отъ низшихъ степеней сознанія къ высшимъ и переводятся изъ одного класса въ другой". Сравненіе болѣе, чѣмъ оригинальное.

Т. Паркеръ. Лекціи по элементарной біологіи. Перев. съ англійскаго, съ измѣненіями и дополненіями В. Н. Львова. Изданіе второе. Ц. 2 р. 50 к. Первое изданіе этой книги на русскомъ языкѣ имѣло большой и вполне заслуженный успѣхъ. Второе изданіе еще болѣе заслуживаетъ успѣха, такъ какъ оно значительно расширено сравнительно съ первымъ и расширено именно въ той части, которая въ первомъ изданіи отличалась чрезмѣрной краткостью, — именно въ концѣ, гдѣ рѣчь идетъ о высшихъ формахъ. Когда читатель имѣлъ въ рукахъ „Лекціи" Паркера въ ихъ первоначальномъ видѣ, то невольно возникало у него вопросъ, почему талантливый авторъ, отдавъ такъ много вниманія низшимъ растительнымъ и животнымъ формамъ и прослѣдивъ съ такой подробностью осложненія организаціи на низшихъ ступеняхъ жизни, отказывается вести читателя дальше, не показываетъ ему съ достаточной ясностью дальнѣйшаго усовершенствованія живыхъ организмовъ. Въ изданіи англійскомъ изданіи авторъ развилъ въ самостоятельныя главы описанія строенія рака, беззубки, акулы, хвощей, голосѣмянныхъ и крытосѣмянныхъ. Раньше высшія формы были изложены слишкомъ кратко. Переводчикъ постарался упростить терминологию и составилъ для каждой главы систематическіе вопросы, которые должны помочь читателю вѣрить, насколько хорошо усвоено имъ прочитанное. Книга Паркера является образцомъ популярной книги въ лучшемъ смыслѣ этого слова: авторъ не старается всячески спуститься до уровня пониманія малозна-

ющаго и малоразвитого человѣка, какъ дѣлають нѣкоторые популяризаторы, а, наоборотъ, старается поднять читателя до своего уровня, давая серьезное, содержательное чтеніе въ строгомъ, научномъ и въ то же время доступномъ изложеніи.

А. и Ф. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Переводъ съ англійскаго А. Александровой. Съ 97 рис. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. Эта небольшая книжка, опротно изданная, заключаетъ въ себѣ коротенькое описаніе образа жизни, семейственныхъ и общественныхъ отношеній человѣка и вліянія на формы его жизни внѣшнихъ факторовъ. Здѣсь изображается жизнь человѣка въ важнѣйшихъ ея проявленіяхъ отъ тундры и африканскихъ лѣсовъ до центровъ европейской цивилизаціи. Имѣются кромѣ того отдѣльныя главы: Вліяніе занятій на образъ жизни, Развитіе искусствъ, Развитіе промышленности, Торговля и транспортъ и проч. Все это изложено коротко и удобопонятно. Книжка имѣетъ типъ учебника и можетъ быть хорошимъ дополненіемъ для учениковъ при прохожденіи курса географіи.

Б. Ландсбергъ. Въ царствѣ лѣсовъ и полей. Образовательныя прогулки среди природы въ различные времена года. Со 2-го нѣмецкаго изданія перевелъ С. А. Порѣцкій. Со множествомъ рисунковъ. М., 1901 г. Ц. 1 р. 30 к. Новыя программы природовѣдѣнія въ реформированной средней школѣ вызвали появленіе большого количества учебниковъ, подогнанныхъ подъ эти новыя требованія. Началась несимпатичная спекуляція на потребности даннаго момента. Появилась I-я часть (осень) бесѣдъ и рассказовъ о природѣ, составленныхъ примѣнительно къ новымъ программамъ г-жей Ярошевской, снабдившей свой курсъ природовѣдѣнія ссылками и эпиграфами изъ Священнаго Писанія, появилось „Природовѣдѣніе“ (ч. I-я) г. Ерощенко, книжка уже совершенно бездарная и обличающая въ авторѣ полное непониманіе самаго духа новыхъ программъ и т. д.

Среди этой макулатуры совершенно особое мѣсто занимаетъ книжка Б. Ландсберга, преподавателя естественныхъ наукъ въ алленштейнской гимназіи въ Германіи. Въ книгѣ талантливо описанъ цѣлый рядъ экскурсій съ учениками въ различные времена года. Экскурсіи посвящены не собиранію мертваго матеріала, а наблюденію природы (по преимуществу растений) въ самой природѣ. Книга написана и переведена превосходнымъ языкомъ и можетъ служить какъ руководствомъ для экскурсій, такъ и книгой для чтенія юношества. При современномъ развитіи учебныхъ экскурсій книга можетъ принести большую пользу для преподавателей естественныхъ наукъ.

Мѣстность, описанная авторомъ, Сѣверная Пруссія, по природѣ своей близко стоитъ къ Прибалтійскому краю. Совпаденіе большого количества примѣровъ, приводимыхъ авторомъ, съ подходящими къ Средней Россіи, дѣлають книгу пригодной и для послѣдней; преподавателю предоставляется лишь нѣкоторые примѣры замѣнить другими. Съ внѣшней стороны изданіе исполнено очень хорошо. Множество рисунковъ прекрасно иллюстрируютъ текстъ.

Эльпе. Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладнаго знаній. Третья серія. Ц. 1 р. 20 к. Эта книжка представляетъ собою перепечатку фельетоновъ и мелкихъ замѣтокъ, которые были мѣщаемы авторомъ въ газетѣ *Новое Время*, и касаются они самыхъ разнородныхъ вопросовъ. Здѣсь мы находимъ: „Новый замѣчательный сорсливы“ и „Величайшее въ мірѣ ископаемое животное“, и „Жидовское вино“, и „Прожорливость пауковъ“, и „Голову Бисмарка“, и „Нов

ние успѣхи цвѣтной фотографіи". Все это по большей части компиляция изъ иностранныхъ популярныхъ журналовъ, которыя, при всей умѣлости автора, производятъ на читателя весьма странное впечатлѣніе: вниманіе устаиваетъ и въ головѣ получается какая-то путаница. Мы думаемъ, что издавать отдѣльной книгой 72 статьи, совершенно не связанныя между собою ни содержаниемъ, ни общей идеей, имѣеть мало значенія. Чтеніе такой книги врядъ ли будетъ полезно, такъ какъ въ ней отсутствуетъ главный элементъ разумнаго чтенія: послѣдовательное развитіе идей. Справочной книгой это изданіе тоже не можетъ служить, такъ какъ наборъ матеріала въ ней совершенно случайный.

МЕДИЦИНА.

А. Р. Уоллесъ. Оспопрививаніе есть заблужденіе. — Руководство къ практической медицинѣ.

А. Р. Уоллесъ. Оспопрививаніе есть заблужденіе. Популярно-научный очеркъ. Переводъ съ англійскаго Лакіера. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1901 г. Ц. 40 коп. Настоящая брошюра, предназначенная не для врачей, а для широкаго круга читателей, очевидно, имѣеть цѣлью возстановить общественное мнѣніе противъ оспенныхъ прививокъ. Нѣсколько единичныхъ попытокъ такого рода въ Россіи были встрѣчены довольно равнодушно и прошли почти незамѣченными. На сей разъ съ категорическимъ рѣшеніемъ столь важнаго общественнаго вопроса выступилъ извѣстный англійскій естествоиспытатель; книжка его выпущена на русскомъ языкѣ фирмой, къ изданіямъ которой читающая публика привыкла относиться съ большимъ довѣріемъ. Все это заставляетъ насъ рассмотреть настоящую работу нѣсколько подробнѣе. Вопросъ объ оспопрививаніи, какъ и всякій вопросъ, имѣющій за собою столѣтнюю давность, прошелъ въ своемъ развитіи цѣлый рядъ ступеней. Понятно, что и взгляды, и аргументы защитниковъ оспопрививанія въ началѣ XIX и въ началѣ XX вѣковъ не могутъ быть тождественны. При самомъ своемъ появленіи открытіе Дженнера, какъ и масса другихъ медицинскихъ открытій, даже со стороны самихъ врачей было встрѣчено съ преувеличенными надеждами и ожиданиями. Позднѣе, по мѣрѣ накопленія опыта, по мѣрѣ развитія медицинскихъ знаній и соприкасающихся съ ними отдѣловъ другихъ наукъ, отъ многога пришлось отказаться, многое дополнить, многое измѣнить. Не трудно, конечно, какъ это дѣлаетъ авторъ, съ нашими теперешними знаніями и болѣе точными методами изслѣдованія подходить къ работамъ нашихъ предшественниковъ, подчеркивать ихъ промахи, глумиться надъ ихъ ошибками. Весьма возможно, что на многихъ изъ читателей, незнакомыхъ ни съ исторіей даннаго вопроса, ни съ его теперешнимъ состояніемъ, подобный приемъ произведетъ сильное впечатлѣніе, доводы автора покажутся весьма убѣдительными. Съ большою запальчивостью полемизируя съ защитниками прививокъ, авторъ старается доказать, что ослабленіе или исчезновеніе грозныхъ оспенныхъ эпидемій прежняго времени зависитъ исключительно отъ успѣховъ культуры, а не отъ распространенія предохранительныхъ прививокъ. На это во раженіе автора можно замѣтить, что въ медицинѣ уже давно стало изъ истой истиной, что борьба съ эпидемическими болѣзнями должна заключаться въ оздоровленіи мѣстности, жилищъ, въ улучшеніи питанія, улучшеніи условій труда, въ увеличеніи культурности населенія. Все этъ уже давно подтверждено на опытѣ. Но дѣлать отсюда выводъ,

что прививка не играла и не играет никакой роли въ ослабленіи тяжести оспенныхъ эпидемій, мы не имѣемъ никакого права. Чтобы судить, играетъ ли оспенная прививка въ развитіи эпидеміи какую-либо роль, необходимо рассмотретьъ распространеніе и тяжесть заболѣванія у лицъ привитыхъ и непривитыхъ въ данную эпидемію, въ данномъ мѣстѣ, сравнивая между собою группы одинаковаго возраста, находящіяся въ одинаковыхъ социальныхъ и экономическихъ условіяхъ. До послѣдняго времени, благодаря обязательности прививки въ Западной Европѣ, дѣлать такія наблюденія было довольно трудно. Въ настоящее же время, послѣ того какъ обязательность прививки въ 1895 г. была отмѣнена въ Бернскомъ кантонѣ въ Швейцаріи, а въ 1898 г. въ Англіи, условія для подобныхъ наблюденій сдѣлались болѣе благоприятными. Въ прошломъ 1901 г. вспыхнула оспенная эпидемія какъ разъ въ Лондонѣ и Бернскомъ кантонѣ. Цифры, собранныя во время этой эпидеміи для выясненія роли прививокъ, имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ цифры, собиравшіяся прежде. Оспенныя прививки, какъ извѣстно, сохраняютъ свою силу лишь въ продолженіе пяти лѣтъ; поэтому для выясненія роли прививокъ надо сравнивать субъектовъ одинаковаго возраста, при условіи, что имъ сдѣлана прививка не болѣе 5 лѣтъ назадъ. Въ настоящее время, въ виду крайней рѣдкости повторныхъ прививокъ у взрослыхъ, вышеуказаннымъ условіямъ удовлетворяютъ лишь дѣти въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ. Въ Бернскомъ кантонѣ въ эпидемію 1901 г. среди привитыхъ дѣтей означеннаго возраста не было отмѣчено ни одного случая заболѣванія оспой, тогда какъ среди непривитыхъ дѣтей того же возраста отмѣчено 33 случая заболѣванія, изъ которыхъ 9 окончились смертью. Въ Лондонѣ въ ту же эпидемію среди привитыхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ отмѣченъ лишь 1 случай заболѣванія оспой, окончившійся выздоровленіемъ, тогда какъ среди непривитыхъ дѣтей того же возраста отмѣчено 61 случай заболѣванія, изъ которыхъ 39 окончились смертью. Опасности отъ прививки, которая такъ усиленно подчеркиваетъ авторъ (въ Англіи по официальнымъ даннымъ ежегодно умираетъ отъ прививки 52 ребенка), зависятъ главнымъ образомъ отъ погрѣшностей въ приготовленіи и сохраненіи оспенной лимфы, отъ недостаточно тщательнаго соблюденія правилъ абсолютной чистоты во время прививки, отъ крайней слабости или другихъ неблагоприятныхъ моментовъ въ организмѣ прививаемаго ребенка. При надлежащемъ вниманіи, всѣхъ этихъ погрѣшностей можно избѣгать, а слабымъ дѣтямъ надо откладывать прививку до болѣе благоприятнаго момента. Въ заключеніе замѣтимъ, что если надежды, возлагавшіяся на оспенныя прививки ближайшими послѣдователями Дженнера, и не оправдались вполнѣ, то принципъ, провозглашенный Дженнеромъ, оказался настолько плодотворнымъ, что въ настоящее время способъ лѣченія прививками различныхъ заболѣваній является наиболѣе цѣннымъ, наиболѣе общающимъ среди всѣхъ другихъ приемовъ современной терапіи.

Руководство къ практической медицинѣ. Составленное под редакціей проф. Ebstein'a и д-ра Schwalbe. Переводъ под редакціей проф. Кузнецова. Харьковъ. Цѣна за 5 томовъ 45 руб. Изданіе выходитъ выпусками съ 1898 г. Настоящая работа, имѣетъ это видно изъ ея заглавія, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, потребности практическихъ врачей; она не ограничивается изложеніемъ называемыхъ внутреннихъ болѣзней, но захватываетъ и массу областей болѣе или менѣе тѣсно соприкасающихся съ внутренней медициной что для практическаго врача дѣлаетъ это руководство особенно цѣннымъ.

Разсматриваемая нами работа, какъ и всѣ сборныя руководства, отличается не одинаковыми достоинствами въ различныхъ своихъ частяхъ—одни ея отдѣлы написаны лучше, другіе хуже. Въ общемъ она составлена весьма удовлетворительно и смѣло можетъ быть рекомендована какъ цѣнное пособие практическому врачу. Среди лицъ, участвовавшихъ въ составленіи этого руководства, не мало такихъ, которыя уже давно пользуются заслуженной извѣстностью въ медицинской литературѣ. Переводъ отдѣланъ довольно хорошо, вѣрность изданія удовлетворительна.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

П. В. Будринъ. Частное земледѣліе.—В. Ф. Арнольдъ. Общія черты агрономической техники.

П. В. Будринъ. Частное земледѣліе. Часть I, выпускъ 1. Варшава, 1902 г. Въ первомъ выпускѣ этой книги описана культура зерновыхъ хлѣбовъ и зерновыхъ бобовыхъ растений. Въ небольшомъ введеніи авторъ (профессоръ по кафедрѣ частнаго земледѣлія въ Ново-Александрійскомъ институтѣ) даетъ понятіе о сѣвооборотѣ, что, по нашему мнѣнію, вполне уместно въ курсѣ земледѣлія, къ которому ученіе о сѣвооборотѣ можетъ относиться съ большимъ правомъ, чѣмъ къ сельскохозяйственной экономіи. Рядъ главъ разсматриваетъ зерновые хлѣба въ совокупности, и только послѣ такого общаго обзора г. Будринъ переходитъ къ частной характеристикѣ отдѣльныхъ хлѣбовъ. Зерновыя бобовыя тоже разсматриваются сначала совместно.

Изложеніе очень обстоятельное и изобилующее интересными подробностями. Очень многое основано на собственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ автора, ведущаго полевое хозяйство на Новоалександрійской фермѣ (въ продолженіе 20 лѣтъ). Выпускъ снабженъ болѣе чѣмъ 70 рисунками, изъ которыхъ нѣкоторые очень поучительны.

Кое-что въ книгѣ мы назвали бы лишнимъ: наприм., можно было и не упоминать о „нѣкоторыхъ авторахъ“ (стр. 26), спускающихся на Уралъ границу ячменя до 60° с. ш.; авторъ и самъ не соглашается съ этимъ указаніемъ; напомнимъ, что вся Архангельская губернія, гдѣ ячмень является главною культурою, расположена сѣвернѣе этой параллели. Въ описаніи сортовъ русскихъ пшеницъ насъ удивило отсутствіе ссылокъ на работу С. М. Богданова по юго-западному краю. Названіе „дикуши“ дается не одной только татарской гречихѣ (стр. 178): въ Нижегородской губерніи этимъ именемъ зовется гречиха обыкновенная. Въ отдѣлѣ бобовыхъ особаго вниманія заслуживаетъ описаніе культуры люпиновъ.

В. Ф. Арнольдъ. Общія черты агрономической техники и сельско-хозяйственной экономіи крестьянскихъ хозяйствъ Херсонскаго уѣзда. Херсонъ, 1902 г. Ц. 1 руб. Для статистическаго метода въ русской агрономической литературѣ явилась какая-то благоприятная полоса. Вскорѣ послѣ книги П. А. Вихляева (о которой мы говорили въ апрѣльской книгѣ *Русской Мысли*) вышло въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ замѣчательное изслѣдованіе В. Ф. Арнольда, относящееся къ крестьянскому сельскому хозяйству въ Херсонскомъ уѣздѣ. Тѣмъ лицамъ, которыя продолжаютъ видѣть въ агрономіи примѣненіе одного только умозрѣнія и эксперимента, а наблюденію иногда соглашаются дать мѣсто только въ томъ случаѣ, если оно имѣетъ историческій характеръ, будетъ очень полезно познакомиться съ научною работою, стрѣною ограниченою вдумчивымъ наблюденіемъ.

Материалъ относится къ 124 хозяйствамъ, разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ Херсонскаго уѣзда. Жаль, что авторъ не останавливается подробно на приемахъ наблюденія и не отмѣчаетъ, почему именно выбирались тѣ, а не другія хозяйства. Обиліе правильностей, часто совершенно неожиданныхъ, показываетъ, однако, что число хозяйствъ совершенно достаточно для того, чтобы обнаружить *общія* черты технического и экономического строя хозяйствъ.

Авторъ совершенно основательно отдалъ большое вниманіе изученію крестьянскаго потребленія: дѣйствительно, въ крестьянскомъ хозяйствѣ „потребленіе семьи хозяина играетъ первенствующую роль въ числѣ факторовъ, обуславливающихъ то или иное веденіе хозяйства“ (стр. 18). Оригинальность сказывается въ особенности въ удачномъ подыскиваніи формулъ, опредѣляющихъ измѣненіе разныхъ хозяйственныхъ элементовъ при разной степени зажиточности. О построеніи такихъ формулъ авторомъ былъ прочитанъ въ декабрѣ 1901 г. особый докладъ, явившійся, по нашему мнѣнію, лучшимъ украшеніемъ статистической подсекціи петербургскаго съѣзда. Многие выводы имѣютъ ближайшее отношеніе къ задачамъ дѣятельности мѣстныхъ агрономовъ. Южно-русская сельско-хозяйственная таксація найдетъ для себя въ книгѣ В. Ф. Арнольда много важныхъ количественныхъ нормъ. Для большой публики особенно интересными покажутся главы, относящіяся къ личному потребленію, къ домашнему хозяйству крестьянскихъ крестьянъ. Но самое важное значеніе въ работѣ, конечно, имѣютъ изящные выводы по методу сопутствующихъ измѣненій. Книга снабжена обширными таблицами (въ 515 графъ).

УЧЕБНИКИ.

А. Киселевъ. Элементарная физика.—П. А. Виноградовъ. Синтаксисъ.

А. Киселевъ. Элементарная физика для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I и II. М., 1902 г. Цѣна 2 руб. Нельзя сказать, чтобы наша учебная литература была богата хорошими учебниками по физикѣ для средней школы; поэтому появленіе новаго учебника вполне уместно. Изложеніе г. Киселева вполне элементарное, достаточно научное, безъ излишнихъ длиннотъ; авторъ останавливается на самомъ существенномъ. Часто учащіяся, приступая къ механикѣ, предшествующей другимъ отдѣламъ физики, еще не обладаютъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, чтобы разобратъся въ наиболѣе сложныхъ частяхъ этого отдѣла (переменные движенія, маятникъ, механическая работа и живая сила, и пр.); поэтому авторъ учебника, по нашему мнѣнію, вполне уместно дѣлитъ механику на двѣ части: наиболѣе простые понятія даются въ началѣ учебника, а трудные отдѣлы, требующіе большей математической подготовки, излагаются въ концѣ учебника. Приложеніе содержитъ краткія свѣдѣнія по химіи и по метеорологіи. Съ вѣншей стороны изданіе вполне удовлетворительно. Кромѣ 500 рисунковъ въ текстѣ, приложена таблица типичныхъ спектровъ въ краскахъ. Въ концѣ главъ приложены примѣры и задачи на пройденное.

П. А. Виноградовъ. Синтаксисъ. Ученіе о простомъ и сложномъ предложеніи. Курскъ, 1901 г. Ц. 65 к. Г. Виноградовъ с извѣдливо нападаетъ въ своемъ предисловіи на современные шедом учебники синтаксиса, въ которыхъ „грамматическое предложеніе отъ жствляется съ логическимъ сужденіемъ, и всѣ обороты рѣчи выводятся изъ отвлеченныхъ понятій“ (стр. 1). Можно дагѣе одобрить и же- не

того же г. Виноградова предложить „грамматическое изученіе синтаксическаго строя рѣчи“, при которомъ „синтаксическіе обороты рѣчи удовлетворительно объясняются синтаксическими законами: согласованіемъ, управленіемъ, сочиненіемъ и подчиненіемъ предложений и проч.“, и которое одно „можетъ быть цѣлесообразно и плодотворно въ младшихъ классахъ гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній“ (стр. 4). Осуществленіе хорошаго желанія въ книжкѣ г. Виноградова не исполнѣ, однако, соотвѣтствуетъ самому желанію, и учебникъ его гораздо лучше задуманъ, чѣмъ выполненъ. Прежде всего, если учебникъ, предназначенный для класснаго употребленія, заключаетъ въ себѣ, кромѣ примѣровъ и добавленій, около 170 страницъ, и если въ немъ все дѣйствительно существенное помѣщено рядомъ съ несущественнымъ и второстепеннымъ, то едва ли онъ можетъ быть названъ практичнымъ. Но этого мало. Грамматическія правила и грамматическіе законы изложены г. Виноградовымъ иной разъ въ такой тяжелой и трудной формѣ, что ученикамъ придется потратить слишкомъ много силъ и времени на усвоеніе этихъ правилъ и этихъ законовъ. Примѣромъ въ послѣднемъ случаѣ можетъ послужить хотя бы такое разсужденіе составителя: „Бываютъ предложенія, реальное значеніе которыхъ несогласно съ дѣйствительностью; и въ этихъ случаяхъ подлежащее представляется производителемъ дѣйствія, выраженного сказуемымъ. Напримѣръ, свѣтитъ яркая луна“ (стр. 11). Можно сказать увѣренно, что приведенное сейчасъ мѣсто не покажется ученику вразумительнымъ. Наконецъ, весьма умѣсто было бы сдѣлать г. Виноградову кой-какія возраженія и по составу, и во всякомъ случаѣ весьма мудро, напримѣръ, исполнѣ согласиться съ его пониманіемъ „грамматическихъ сочетаній частей рѣчи“ (стр. 6 и 7).

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона. Полутомы 66—70.—Словарь иностранныхъ словъ.

Энциклопедическій словарь (Брокгаузъ—Лейпцигъ, Ефронъ—Петербургъ). Полутомы 66—70. Словарь приближается къ концу: въ семидесятомъ полутомѣ находятся уже слова на букву *ф* (до *Финляндія*). Мы нѣсколько разъ указывали на то, какое крупное значеніе имѣетъ это изданіе, какую пользу принесетъ оно для нашего просвѣщенія. Конечно, дѣло не могло обойтись безъ недостатковъ и пробѣловъ; но въ общемъ *Словарь* редактируется отлично.

Въ статьѣ о трансформизмѣ желательнѣе было бы встрѣтить болѣе подробныя указанія на русскую литературу предмета (напримѣръ, на статью Чернышевскаго, *Старою трансформиста*, въ *Русской Мысли*). Отмѣтимъ отличныя статьи г. Венгерова объ И. С. Тургеневѣ и г. Семевского объ Н. И. Тургеневѣ. Обстоятельную статью о Тэнѣ далъ проф. Перье. О Ѳ. И. Тютчевѣ написалъ г. Горнфельдъ. Его оцѣнка страдаетъ преувеличеніями.

Интересна и содержательна статья объ уголовномъ правѣ (профес. узьмина-Караваева), объ университетахъ въ Россіи (П. Н. Милокова). Въ статьѣ г. Милокова объ *University Extension* не указаны статьи М. Цебриковой (первая у насъ по времени, въ *Русской Мысли*) и г. Янула. Хороша статья г. Покровскаго объ А. М. Унковскомъ. Нельзя сказать, чтобы была удовлетворительна характеристика Г. И. Успен-

скаго, сдѣланная г. Морозовымъ. Очень полезна обширная статья о фабричномъ законодательствѣ г. Дементьева и о фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ В. Покровскаго. Важныя свѣдѣнія и указанія заключаетъ въ себѣ статья проф. Н. И. Карѣева о факультетахъ. Особенное вниманіе обращаетъ на себя рядъ отличныхъ статей о Финляндіи, занимающихъ въ совокупности 56 страницъ. Нельзя не отмѣтить статей о феодализмѣ (гг. Гревса, Карѣева, Петрушевскаго, Писковскаго, Ясинскаго, Новодворскаго, Милокова, Масальскаго), философіи (гг. Радлова и Дебольскаго), философіи исторіи (г. Карѣева), финансахъ (гг. Озерова и Свирщевскаго). Въ общемъ, повторяемъ, изданіе представляетъ собою изъ ряду вонъ выдающееся предпріятіе.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ подъ редакціей Ф. Н. Берга. Бесплатное приложеніе къ иллюстрированному журналу „Родная рѣчь“. Москва, 1901 г. Нельзя не согласиться съ предисловіемъ въ *Словарю иностранныхъ словъ*, что у массы читающей публики существуетъ потребность въ такомъ словарѣ, а потому и слѣдуетъ привѣтствовать его выходъ въ свѣтъ. Къ сожалѣнію, однако, *Словарь*, составленный подъ редакціей Ф. Н. Берга, далеко не безъ недостатковъ: многія изъ иностранныхъ словъ объяснены неясно, неточно и даже кевѣрно. Можно ли, напримѣръ, считать удовлетворительнымъ объясненіе слова *аналитикъ*, которое, по словарю, означаетъ „человѣка, свѣдущаго въ аналитикѣ“ (стр. 37)? Не вполне удобно иногда и пользованіе словаремъ. Такъ, слово *аддиктъ* (стр. 12) означаетъ, по словарю, „кабальный“, а слово „кабала“ объяснено отдѣльно и въ нѣсколькихъ смыслахъ, отчего лицо, пользующееся словаремъ г. Берга, должно быть поставлено втупикъ. Другой примѣръ: о словѣ *акротерь* въ словарѣ сказано: „небольшіе постаменты по угламъ и наверху фронтона“ (стр. 20): здѣсь одно иностранное слово выясняется цѣлыми двумя, и читателю приходится рыться въ разныхъ мѣстахъ словаря, чтобы понять непонятное. Наконецъ, необходимо отмѣтить и то, что въ словарѣ встрѣчаются неожиданности; какимъ образомъ, наприм., въ *словарь иностранныхъ словъ* попало слово *манниловщина*, которое опредѣляется, какъ „слово, происшедшее отъ гоголевскаго Манилова („Мертвыя души“) и означающее всякаго рода непрактическія добрыя пожеланія и мечтанія“ (стр. 384, 385)?

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Пособія для выбора книгъ читателямъ изъ народа.

„Какія книги хорошія, какія худыя?“ „Какія книги прочесть необходимо?“ „Что мнѣ читать?“ Эти вопросы стоятъ не только предъ читателемъ изъ народа, но и предъ читателемъ изъ образованныхъ классовъ. Было бы большою ошибкой думать, что читатель крестьянинъ или фабричный готовъ читать все, что ему попадется подъ руку, не разбирая, и глотать любую книгу съ аппетитомъ страуса,—птицы, въ извѣстномъ очень неразборчивой на счетъ вкуса. По нѣкоторымъ даннъ можно даже думать, что типъ читателя-страуса болѣе распространенъ среди чистой публики, чѣмъ среди посѣтителей бесплатныхъ читальницъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, и лишь читатели изъ учащейся молодежи проявляютъ ясно выраженную тенденцію читать не то, что ж-

ю, а то, что нужно. Намъ лично приходилось наблюдать, какъ читатель изъ народа создаетъ понятіе о такой книгѣ, которую *нужно* прочесть. Понятіе это создается главнымъ образомъ по слухамъ, идущимъ изъ какого-нибудь грамотѣя, который въ данной общественной группѣ читается „своимъ человѣкомъ“. Если какая-либо книга, будь то романъ или научно-популярный трактатъ, произвела на читателя болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе и, какъ выражается этотъ читатель „открыла ему глаза“,—онъ дѣлается *хвалителемъ*, а значить и распространителемъ этой книги. Отъ силы впечатлѣнія зависитъ реномъ книги. Есть въ настоящее время уже такія, отнюдь не дубочныя книги, которыя жружены ореоломъ, подобно тому какъ окруженъ имъ „Робинзонъ“, „Гуагъ“ и др. Напримѣръ, къ числу такихъ недавно прославившихся книгъ принадлежитъ извѣстный романъ Беллами „Черезъ сто лѣтъ“, „Спартакъ“ Джованнолли, „Ріенци“ Бульвера и многіе другіе. Есть такія „нужныя книги“, около которыхъ уже создалась своего рода легенда и которыя даже вызвали рядъ передѣлокъ, своего рода фальсификацій, и перешли на нашихъ глазахъ изъ области печатной литературы въ область устной народной словесности (наприм., „Чѣмъ люди живы“, „Два старика“ Л. Толстого). Число такихъ книгъ, о которыхъ читатель изъ народа теперь говоритъ: „Ихъ *нужно* прочесть!“ быстро увеличивается. Явленіе это лучше всего можно наблюдать въ безплатныхъ читальняхъ, функционирующихъ въ фабричныхъ мѣстностяхъ, но и деревня не совсемъ чужда тому же движенію. Намъ приходилось видѣть рукописные перечни „нужныхъ“ книгъ, составленные самими читателями изъ народа. Это не что иное, какъ записи прочитанныхъ какимъ-либо грамотѣемъ книгъ; записи эти переписываются, дополняются, передѣлываются и ходятъ по рукамъ. Это очень интересныя, своеобразныя, выработанныя самою жизнью „программы домашняго чтенія“. Нѣкоторые изъ нихъ очень обширны. Есть списки, въ которые вошло до 50—60 названій книгъ. Самый фактъ существованія такихъ списковъ показываетъ, что „программы чтенія“ нужны для *всѣхъ* группъ читателей, отъ высшихъ и до низшихъ слоевъ населенія.

Люди провинціи, близко стоящіе къ читающей толпѣ, давно подмѣтили эту нужду читателей изъ народа въ указатель книгъ для нихъ. Мало-по-малу создалась цѣлая литература „списковъ“, составленныхъ людьми, болѣе или менѣе начитанными, для людей, совсемъ не начитанныхъ. Намъ приходилось видѣть „каталоги хорошихъ книгъ“ самаго различнаго содержанія: большіе и малые, тенденціозные и пестрые, доказывавшіе то основательную начитанность составителей, то полнѣйшее невѣжество ихъ. Въ настоящее время въ средѣ читателей изъ народа повторяется то же явленіе, какое происходило въ культурномъ обществѣ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда ходили по рукамъ каталоги Распопова, бр. Покровскихъ и т. п. Эти каталоги цѣлый десятокъ лѣтъ ходили въ рукописяхъ, свидѣтельствуя такимъ способомъ о давно назрѣвшей потребности въ указателяхъ „нужныхъ“ и „полезныхъ“ книгъ. Мало-по-малу эти каталоги были вытѣснены изъ обращенія „программами домашняго чтенія“, составленными при участіи извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ.

То своего рода знаменіе времени, что подобное явленіе наблюдается въ „нижнихъ этажахъ“ читающей массы. Тѣ же нужды и потребности, тѣ же стремленія и настроенія, которыя отличали когда-то болѣе или менѣе ограниченные круги культурнаго общества, сдѣлались теперь достояніемъ толпы. Явленіе повторяется, ставъ болѣе распространеннымъ

и захвативъ новыя общественныя группы. Во всякомъ случаѣ фактъ на-лицо: нуждается въ указателяхъ лучшихъ книгъ читатель изъ народа, и эту свою нужду онъ самъ сознаетъ.

Въ какой же степени и какими способами пользуется читающая толпа тѣми рукописными списками „нужныхъ“ книгъ и указателями, которые находятся въ ея распоряженіи? Какъ извѣстно, даже культурные читатели обыкновенно поставлены въ затруднительное положеніе относительно добыванія рекомендованныхъ имъ книгъ: многихъ изъ этихъ книгъ не имѣется въ продажѣ, такъ какъ старыя изданія распроданы давнымъ давно. Съ перваго взгляда кажется, что при такихъ условіяхъ добыванія книгъ никакіе указатели лучшихъ книгъ для народа не имѣютъ смысла и значенія. Къ счастью, сама жизнь показала, что это не такъ. Стремленіе интеллигенціи, искренне преданной дѣлу народнаго образованія, и самихъ крестьянъ и рабочихъ, „ясно уразумѣвшихъ все значеніе честной и умной книги для всего народа“ (какъ выражается въ своемъ письмѣ одинъ изъ такихъ современныхъ деревенскихъ начетчиковъ), не только указало, но и нашло должный выходъ изъ затрудненія. Въ газетахъ уже нѣсколько разъ появлялись корреспонденціи изъ разныхъ глухихъ и не глухихъ мѣстъ, сообщающія о новомъ типѣ библиотекъ, устраиваемыхъ самимъ народомъ: это „домашнія библиотеки въ складчину“, состоящія изъ книгъ, купленныхъ по какой-либо рекомендаціи, наприм., по списку, указателю и пр. Владѣльцы книгъ вписываютъ свои книжныя богатства въ одинъ общій каталогъ; иногда эти богатства помѣщаются даже въ общемъ шкафу; иногда они распредѣляются въ нѣсколькихъ центрахъ, часто придумываются чрезвычайно разнообразныя и иногда очень остроумныя комбинаціи, которыя имѣютъ главною цѣлью ускореніе круговращенія книжныхъ богатствъ въ толпѣ. Намъ извѣстенъ случай, когда средства, необходимые для организаціи такой библиотеки, были получены путемъ выгодной распродажи листовокъ (покупная цѣна ихъ отъ 62 до 90 к. за сотню, продажная цѣна по 2—3 коп. штука, т. е. 2—3 р. за сотню). Бываютъ случаи, что такія библиотечки организуются и жертвуются деревенскимъ начетчикамъ городскими „интеллигентами“, работающими въ различныхъ обществахъ грамотности и т. п. Съ этою цѣлью дѣлаются взносы, собираются пожертвованія. Такъ какъ подобныя библиотечки, можно сказать, плодятся не по днямъ, а по часамъ, и изъ явленія исключительнаго дѣлаются явленіемъ массовымъ, то значеніе указателей книгъ для народа становится очевиднымъ.

Какими же указателями можетъ въ настоящее время пользоваться читатель изъ народа, стремящійся съ помощью рациональнаго чтенія пополнить свое жалкое самообразование? Хотя число такихъ указателей чрезвычайно ничтожно, тѣмъ не менѣе они существуютъ и, по нашимъ наблюденіямъ, ими пользуются читатели, деревенскіе и фабричныя. Такой указатель былъ помѣщенъ въ одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ, именно въ *Саратовскомъ Дневникѣ* №№ 82—83 за этотъ годъ, и составленъ извѣстнымъ провинціальнымъ литераторомъ, сотрудничавшемъ періодическимъ изданіемъ въ провинціи А. В. Пановымъ. Г. Пановъ уже много лѣтъ интересуется народной литературой, вообще книгами, доступными для читателей, получившихъ образованіе ниже средняго, и ведетъ библиографію народныхъ книгъ въ нѣкоторыхъ южныхъ и юго-восточныхъ газетахъ. Его „Опытъ каталога лучшихъ дешевыхъ изданій для народа“ представляетъ собою хотя и не полную, но вообще довольно удачную попытку составить систематическій списокъ книгъ доступныхъ какъ по содержанию, такъ и по цѣнѣ для читателей изъ

нѣ и фабричныхъ. Г. Пановъ предназначаетъ свой трудъ „главнымъ образомъ для взрослыхъ читателей (отъ 16 лѣтъ и выше), болѣе или менѣе грамотныхъ (прошедшихъ низшую школу), читателей съ нѣкоторыми задатками и во всякомъ случаѣ способныхъ воспринимать прочитанное“. Врядъ ли можно сомнѣваться, что именно такой читатель и нуждается больше всѣхъ читателей на Руси въ такомъ спискѣ книгъ, какъ вышеуказанный „Опытъ“. Г. Пановъ тщательно взвѣшиваетъ содержаніе рекомендуемыхъ книгъ и строго относится къ выбору ихъ; выѣранныя же книги располагаетъ по категоріямъ или отдѣламъ, начиная съ беллетристики и кончая естествознаніемъ, социологіей и политической экономіей. Книги выбраны болѣею частью дешевыя, хотя, за бѣдностью многихъ отдѣловъ научно-популярной литературы, составитель не имѣлъ возможности провести принципъ дешевизны чрезъ весь свой каталогъ. Правда, „Опытъ“ г. Панова сильно нуждается въ пополненіи *), но, быть можетъ, неполнота отчасти объясняется тѣмъ, что этотъ „Опытъ“ по выраженію составителя, представляетъ собою „лишь minimum того, что слѣдуетъ прочесть на первыхъ порахъ, дабы выработать въ себѣ сознательный взглядъ на вещи“. Было бы желательно, чтобы „Опытъ“ г. Панова появился отдѣльнымъ изданіемъ.

Къ той же категоріи систематическаго указателя книгъ для народа должна быть отнесена небольшая книжечка, составленная А. И. Лебедевымъ („Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для родителей, бібліотекарей и учителей, съ указаніемъ избранныхъ книгъ“. Нижній-Новгородъ, 1901 г. Ц. 40 к.). Въ эту книжечку вошли отзывы о 556 книгахъ и брошюрахъ. Библиографическій матеріалъ расположенъ въ книжкѣ г. Лебедева по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) Трудъ и совѣстная жизнь людей. 2) Семья—первичная форма общегитія. 3) Выработка характера и убѣжденій. 4) Наблюденія надъ общественною жизнью людей и общественные работники. 5) Чему учить природа? 6) Пршшлая и настоящая жизнь народовъ. Г. Лебедевъ, составляя свою книжечку, имѣлъ въ виду читателей дѣтскаго возраста, и потому большая часть матеріала, вошедшая въ его книжечку, можетъ быть рекомендована *дѣтямъ*, но никакъ не взрослымъ читателямъ изъ народа. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе два отдѣла, указанные въ книжкѣ г. Лебедева (отдѣлъ 5 и 6), могутъ быть рекомендованы не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Многія научно-популярныя книжки, составленныя для дѣтей, подходят и для народнаго чтенія, и за отсутствіемъ болѣе серьезныхъ и болѣе содержательныхъ научныхъ книгъ, которыя имѣли бы въ виду читателя хотя неподготовленнаго, но взрослога, чей умъ не *tabula rasa*,—могутъ сослужить хорошую службу и читателямъ изъ народа. Г. Лебедевъ (завѣдующій книжнымъ складомъ нижегородскаго губернскаго земства), повидимому, даже лучше знаетъ читателя изъ народа, чѣмъ дѣтей,—этимъ и объясняется, что имъ введены въ отдѣлъ научно-популярныхъ книгъ такія книжки, которыя врядъ ли даже будутъ доступны дѣтямъ до 13 лѣтъ, но весьма желательны въ народной бібліотекѣ, какою пользуются взрослые читатели (наприм., „Вильгельмъ Оранскій“ А. Ѳ. Быковой). Поставленную себѣ задачу г. Лебедевъ выполнилъ весьма добросовѣстно, и составленная имъ книжечка можетъ служить

*) Наприм., пропущены такія прекрасныя книжки, какъ историческая повѣсть Гра „Марсальды“ (Историческій Вѣстникъ 1897 г., кн. 1—3); Тренчъ „Очеркъ германской жизни“, Крауфордъ „Ирландія 40 лѣтъ назадъ“ и др. См. указатель историческихъ романовъ, А. Мезеръ. Спб., 1902 г. (послѣднія главы его даютъ указаніе о беллетристичѣ, отражающей вѣянія 70—80-хъ годовъ.

нѣкоторымъ пособіемъ при выборѣ книгъ не только „библіотекари народныхъ учителями“, но и вообще читателями изъ народа, въ тѣ предѣлахъ, которые нами указаны выше.

Какъ извѣстно, за послѣднія десять лѣтъ очень ясно опредѣлилось въ русскомъ народѣ новое явленіе, — массовое наростаніе такихъ явленій, которые въ прежнее время назывались „самоучками“, а въ настоящее время называются „современными начетчиками“. Самоучки, которые еще недавно разсматривались какъ явленіе исключительное, обратились сами собою въ явленіе самое обыденное. Исслѣдователи этихъ самоучекъ насчитываютъ ихъ тысячами. Факты показываютъ, что эта категория читателей изъ народа пользуется не только книгами специально для нея предназначенными, но и вообще научными и научно-популярными, упраздняя такимъ образомъ самое понятіе объ „особой литературѣ для народа“. Къ сожалѣнію, книги этой категории такъ далеко неизвѣстны въ широкихъ кругахъ народныхъ начетчиковъ. Читатели едва ли возможно болѣе извѣстными, чтобы напомнить о ихъ существованіи, нѣкоторые издатели (О. Попова, „Издатель“, Сытинъ и др.) стали прилагать къ своимъ изданіямъ особые библиографическіе указатели, перечисляя въ этихъ послѣднихъ множество хорошихъ книгъ, нерѣдко совершенно забытыхъ и располагая ихъ въ нѣкоторой системѣ (наприм., къ книгѣ Гетчинсона „Очерки первобытнаго міра“ приложено обширный указатель книгъ и статей, распределенныхъ по схемѣ *эволюціи мірозданія*). Такіе указатели приложены при дѣломъ рядѣ изданій. Списокъ ихъ изданъ библіотекой Л. Т. Рубакиной („Списокъ пособій для выбора книгъ по разнымъ отраслямъ знанія“. Ц. 5 коп.). Но и анонимные указатели, несомнѣнно способствуя книжному круговороту и въ читающей публикѣ, тѣмъ не менѣе не всегда и не всѣмъ читателямъ внушаютъ довѣріе къ себѣ; сама собой выступаетъ въ виду вышій планъ потребность въ другихъ, болѣе серьезныхъ и систематическихъ указателяхъ. Такіе указатели уже составлены компетентными людьми — профессорами и литераторами, и начетчики изъ народа несомнѣнно пользуются ими наравнѣ съ читателями изъ другихъ слоевъ читающей публики. Мы говоримъ о такъ называемыхъ „Программахъ домашняго чтенія“. Программы эти говорятъ читателю о существованіи хорошихъ книгъ, о которыхъ онъ до того времени и не слышалъ, разбивая ту или иную область знаній на отдѣлы, обставляя каждый отдѣлъ вопросами, эти программы возбуждаютъ въ самомъ широкомъ кругѣ читателей живѣйшій интересъ къ данной наукѣ и показываютъ очевидную возможность удовлетворить разбужденную такимъ способомъ любознательность. Правда, не все и не всегда понятно такому читателю изъ народа въ этихъ программахъ; тѣмъ не менѣе, онѣ даютъ сколько нибудь толчокъ его мысли и раскрываютъ передъ нимъ широкіе горизонты знаній. Намъ приходилось видѣть программы домашняго чтенія и въ деревняхъ, и на фабрикахъ. Приходилось видѣть и читателей-работниковъ упорно читавшихъ книжку за книжкой по такой программѣ. Правда, такіе читатели — исключеніе, но не въ систематическомъ чтеніи по этимъ программамъ значеніе этихъ послѣднихъ. Ихъ значеніе именно въ *минутн* о существованіи хорошихъ книгъ и о новыхъ и безграничныхъ областяхъ знаній, открываемыхъ этими книгами.

Въ настоящее время существуетъ двѣ такихъ программы домашняго чтенія: московская и петербургская. Первая изъ нихъ составлена особой комиссіей по организаціи домашняго чтенія, состоящей при уполномоченномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній (первоначаль-

I выпуска этихъ программъ относится къ 1893 г.). Вторая программа („Программы чтеній для самообразованія“) выработана особымъ отдѣломъ для содѣйствія самообразованія „при комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“ (Солянкомъ городкѣ) въ Петербургѣ. Петербургская программа предполагаетъ болѣе широкій кругъ лицъ, пользующихся ею, чѣмъ московская, предъявляющая къ читателю повышенныя требованія и рассчитанная на четыре года систематическаго курса. Петербургская программа, напротивъ, не включена ни въ какія рамки времени. Московская ставитъ свою цѣль, „прійти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія“. Свои услуги московская коммиссія предлагаетъ тѣмъ лицамъ, которыя желаютъ серьезно и основательно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, но не имѣвшимъ возможности изучить этотъ отдѣлъ въ высшей школѣ. Этой послѣдней школѣ и соответствуетъ содержаніе программъ московской коммиссіи. Изъ предыдущаго можно, пожалуй, заключить, что между начетчикомъ изъ народа и этой программой нѣтъ ничего общаго. Но это невѣрно: самое расчлененіе знанія на отдѣльныя науки и расчлененіе каждой науки и ея отдѣловъ на вопросы уже имѣетъ для этого читателя, не побывавшаго ни въ какой школѣ, огромное значеніе; а библиографическими указаніями программъ начетчики изъ народа пользуются не менѣе охотно, чѣмъ всякіе другіе. Правда, прохожденіе систематическаго курса по программѣ недоступно большинству ихъ, какъ и высшія учебныя заведенія; но доступно ли оно и большинству такъ называемой культурной публики? Петербургская программа предъявляетъ къ изучающимъ меньшія требованія. Это—программа обычная, энциклопедическая, имѣющая въ виду не столько каждую науку, взятую въ отдѣльности, сколько всю область научнаго знанія, распадающагося на отдѣльныя науки. Ея идеаль—идеаль *общаго* образованія, т.-е. „усвоеніе всѣхъ основныхъ данныхъ и главнѣйшихъ выводовъ современнаго научнаго знанія“. Петербургская программа предполагаетъ въ читателѣ подготовку соответствующаго курса среднеучебныхъ заведеній. Но читательская емкость средняго русскаго грамотѣя не превышаетъ 10—12 десятилистныхъ книгъ въ годъ; такимъ образомъ, вопросъ о количествѣ рекомендуемыхъ книгъ сводится не къ количеству чтенія, а къ широтѣ *выбора*, и въ этомъ смыслѣ преимущество несомнѣнно на сторонѣ московской программы. Вопросы, которыми обставлены всѣ ея отдѣлы, тоже должны быть отнесены къ числу ея преимуществъ. Потребность времени, выражающаяся въ возрастаніи читателей и начетчиковъ въ народной средѣ, сказывается и на дѣятельности московской и петербургской коммиссіей домашняго чтенія: та и другая ставитъ задачей расширеніе круга лицъ, пользующихся программами. Московская коммиссія работаетъ въ настоящее время надъ составленіемъ упрощенной энциклопедической программы, а петербургская—съ 1900—1901 года занята разработкой особой программы систематическаго чтенія, предназначенной для читателей, получившихъ образованіе ниже средняго. Было бы желательно, чтобы разработка программъ для наименѣ подготовленнаго круга читателей была поставлена такъ же научно и педагогично, какъ въ это уже сдѣлано для болѣе подготовленныхъ круговъ ихъ.

Поправка. Въ VII кн. *Русской Мысли*, въ библиографическ. отзывѣ о книгѣ „Четъ постоян. коммиссіи по дѣламъ потребительн. обществъ“, вклялись слѣдующ. оечатки: стр. 232, строка 28 св. напечатано П. Н. Шапова, слѣдуетъ П. Н. Исаковъ; строка 29 св. вмѣсто *представителемъ*, слѣдуетъ *предсѣдателемъ*; строка 31 св. вмѣсто *създа*—*союза*.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1902 г.

- Андаевъ, Л. А.** Стихи прозаика. Слб., 1902 г. Ц. 50 к.
- Богоявленскій, Л.** Въ новомъ мірѣ. Романъ. Изд. І. К. Таценко. Кіевъ, 1902 г. Ц. 75 к.
- Богдановъ, М. Н.** Изъ русской природы: 1) Въ лѣсной глуши. Ц. 10 коп. 2) Въ колосистой ржи. Ц. 10 к. 3) Какъ идетъ жизнь на свѣтѣ. Ц. 20 к. 4) Карпушкинъ родникъ. Ц. 20 к. Изд. т-ва И. Д. Смытна. М., 1902 г.
- Вундтъ, В.** Введение въ философію. Изд. ред. журн. „Образованіе“. Слб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вечерніе классы для взрослыхъ при кіевскихъ городскихъ училищахъ, содержащія за счетъ средствъ попечительства о народной трезвости и городской думы.** Кіевъ, 1902 г.
- Галаицкій, Н. И.** Гдѣ читателямъ и гг. писателямъ. Слб., 1902 г. Ц. 50 к.
- Гексли, Т. и Мартинъ, Г.** Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Изд. т-ва И. Д. Смытна. М., 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 января 1902 г.** М., 1902 г.
- Гражданское Уложеніе:** 1) Семейственное право. Т. I, кн. 2; т. II, кн. 2. 2) Вотчинное право. Т. I, кн. 3; т. II, кн. 3; т. III, кн. 3. Слб., 1902 г.
- Григорьевъ, К.** Бредъ жизни. Изд. Г. Г. Аршенко. Слб., 1902 г. Ц. 80 к.
- Данныя подворнаго обследованія четырехъ волостей Дорогобужскаго уѣзда въ 1899 г.** Смоленскъ, 1902 г.
- Забрежневъ, И.** Цѣна счастья. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. Г. Г. Аршенко. Слб., 1902 г. Ц. 70 к.
- Забѣлинъ, Ив.** Исторія гор. Москвы. Ч. 1-я. Изд. московской городской думы. М., 1902 г.
- Загооскинъ, М. Н.** Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 г. Слб., 1902 г. Ц. 40 к.
- Круксъ, В.** О происхожденіи химическихъ элементовъ. Изд. т-ва И. Д. Смытна. М., 1902 г. Ц. 50 к.
- Куркинъ, П. И.** Статистика движенія населенія въ Московской губерніи въ 1833—1897 гг. Изд. москов. губери. земства. М., 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Лавриновичъ, Ю. Н.** Образованіе рабочихъ въ Россіи. Слб., 1902 г.
- Лангманъ, Ф.** Баргаль Туразеръ. Харьковъ, 1902 г. Ц. 30 к.
- Лебедевъ, А. И.** Дѣтская и народная литература. Вып. 1-й, 2-е изданіе. Н.-Новгородъ. 1902 г. Ц. 50 к.
- Македоновъ, Л.** Хозяйственное положеніе района станицъ Баракаевской, Каменноостской и Севастопольской, Кубанской области. Воронежъ, 1901 г.
- Мара, Марія.** Миражи. Варшава, 1902 г. Ц. 1 р.
- Мѣсныя 3-го совѣщанія статистиковъ вятскаго земства по вопросамъ текущей статистики.** Годъ 3-й. Вятка, 1902 г.
- Новополинъ, Гр.** Въ сумеркахъ литературы и жизни. Изд. Э. А. Головкиной. Харьковъ. 1902 г. Ц. 1 р.
- Нордау, М.** Собраніе сочиненій. Пер. съ нѣм. Изд. Б. К. Фукса. Т. VI. Кіевъ, 1902 г. Ц. за 12 т.—5 р.
- Ожешко, Эд.** Собраніе сочиненій. Т. VI, пер. съ польск. С. С. Залискаго. Кіевъ, 1902 г. Подп. ц. 4 р., съ всылкой—5 р.
- Отчетъ комиссіи по устройству училищъ народныхъ чтеній въ Москвѣ** время съ 1 сентября 1899 г. по 1 сентября 1901 г. М., 1902 г.
- Отчетъ о дѣятельности комитета молдавичинскаго общества борьбы съ вѣтствомъ за 1901 г.** Пермь, 1902 г.

- Отчетъ пенсіонной кассы вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей за 1900 годъ. Ч. 1 и 2. Спб., 1901 г.
- Отчетъ кременчугскаго отдѣленія полавской комиссіи народныхъ чтеній за 1901 годъ. Годъ 5. Кременчугъ, 1902 г.
- Общій отчетъ елисаветградской уѣздной земской управы за 1901 годъ. Елисаветградъ, 1902 г.
- Организація публичныхъ лекцій при николаевской обществ. библиотекѣ и отчетъ лекціонной комиссіи за 1900—1901 гг. Николаевъ, 1902 г.
- Писаревскій, В. Е. Горошки. (Изъ жизни мелкаго муравейника). Изд. Германа. Одесса, 1902 г. Ц. 1 р.
- Пружанскій, Н. Въ разгарѣ страстей. Романъ-хроника, въ 2-хъ частяхъ и рассказъ Великолѣпная гостиница. Т. II. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. I, 1902 г. Пермь, 1902 г.
- Радцигъ, А. Производство и потребление овса на всемъ свѣтѣ. Статистическое изслѣдованіе. Спб., 1902 г.
- Ренанъ, Эрнестъ. Собраніе сочиненій. Пер. съ франц. подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. IV. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ, 1902 г. Подп. ц. 5 руб.
- Риманъ, Г. Музыкальный словарь. Пер. съ 5-го нѣмецк. изданія Б. Юргенсона, подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. VI. Изд. П. Юргенсона. М., 1902 г. Подп. ц. 6 руб.
- Середонинъ, С. М. Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ 2-й, часть I и II. Спб., 1902 г.
- Степановъ, И. и Базаровъ, В. (по Боннемеру, Зеверту, Ковалевскому, Гуго и др.). Общественныя отношенія во Франціи XVII и XVIII вѣка. Изд. ред. журн. „Образованіе“. Спб., 1902 г. Ц. 50 к.
- Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1901 годъ. Изд. тверск. губернскаго земства. Тверь, 1902 г.
- Справочная книжка для ѣдущихъ въ Θεодосію. Изд. А. А. Берлинъ. Θεодосія. 1902 г. Ц. 60 к.
- Систематическій сборникъ постановленій земскихъ собраній за 35 лѣтъ, съ разъясненіями изъ докладовъ и дѣлъ управы 1865—1899 гг. Подъ редакц. председателя управы А. М. Колюбакина. Т. I. Новгородъ, 1902 г.
- Филипповъ, А. Н. Гигіена дѣтей. Изд. 3-е, дополненное и обработанное. М., 1902 г. Ц. 2 р.
- Шнитцлеръ, А. Поручикъ Густль. Изд. Э. А. Головкиной. Харьковъ, 1902 г. Ц. 25 к.
- 1901 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб., 1902 г.
- 1902 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I. Спб., 1902 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„Библиографическаго отдѣла“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: <i>Викторъ Гюго. Несчастные.</i> — <i>Вл. Д. Голыцынъ (Мураслинъ). Отъ смутныхъ дней.</i> — <i>К. М. Длусскій. Въ благоприятной средѣ.</i> — <i>Сказочное сокровище забытаго уголка.</i>	247
Философія: <i>В. Вундтъ. Система философіи.</i> — <i>В. Вундтъ. Введеніе въ философію.</i>	249
Публицистика: <i>М. Нордау. Новые парадоксы.</i> — <i>Н. Д. Сергеевскій. Въ вопросу о финляндской автономіи.</i> — <i>Ю. Н. Лавриновичъ. Образованіе рабочихъ въ Россіи.</i> — <i>И. Бродовскій. Еврейская нищета въ Одессѣ.</i> — <i>А. Ф. Пломинского. Нарымскій край.</i> — <i>П. Головачевъ. Сибирь.</i>	260
Исторія, исторія литературы: <i>П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на западѣ.</i> — <i>С. П. Моравскій. Средневѣковый идеализмъ.</i> — <i>С. Дьячковъ. Какъ начался расколъ русской церкви.</i> — <i>Иванъ Побойтинъ. Тороневская старина.</i> — <i>В. Н. Дебольскій. Духовныя и договорныя грамоты.</i> — <i>Симонскій. А. С. Пушкинъ въ его письмахъ. Севниціицкій. Начала философіи въ русской литературѣ XI—XVI вв.</i> — <i>Н. М. Павловъ. Слово о полку Игоревѣ.</i> — <i>Д. П. Шестаковъ. Памяти Т. Г. Шевченка.</i> — <i>К. Я. Грога. Къ біографіи И. И. Дмитріева.</i> — <i>Художникъ Федотовъ и его стихотворенія.</i> — <i>С. К. Буличъ. А. Е. Варламовъ.</i> — <i>А. И. Фаресовъ. Мой отвѣтъ.</i> — <i>Л. Пелисье. Критическіе этюды.</i>	257
Искусство: <i>А. Бенуа. Исторія живописи въ XIX в.</i> — <i>К. Бойе. Исторія искусствъ.</i> — <i>Р. Мутеръ. Исторія живописи.</i>	265
Естествознаніе: <i>М. Меттерлихъ. Жизнь пчелъ.</i> — <i>Р. Л. Гарисеръ. Языкъ обаянъ.</i> — <i>Д-ръ Желъ. Преобразуемость живыхъ организмовъ.</i> — <i>Т. Паркеръ. Лекція по элементарной биологіи.</i> — <i>А. и Ф. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ.</i> — <i>В. Ландсбергъ. Въ царствѣ лѣсовъ и полей.</i> — <i>Эльме. Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладнаго знаній.</i>	269
Медицина: <i>А. Р. Уоллессъ. Оспопрививаніе есть заблужденіе.</i> — <i>Руководство къ практической медицинѣ.</i>	273
Сельское хозяйство: <i>П. В. Будринъ. Частное земледѣліе.</i> — <i>В. Ф. Арнольдъ. Общія черты агрономической техники.</i>	275
Учебники: <i>А. Киселевъ. Элементарная физика.</i> — <i>П. А. Вышгородовъ. Синтаксисъ.</i>	276
Справочныя книги: <i>Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона. Полутомы 66—70.</i> — <i>Словарь иностранныхъ словъ.</i>	277
Изданія для народа: <i>Пособія для выбора книгъ читателями народа.</i>	278

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русь Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1902 г.

ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ журнала „Русская Мысль“,

находящаяся при конторѣ журнала
(Москва, Воздвиженка, Валаньковский пер., домъ Аплаксиной).

Библиотека „Русской Мысли“.

I. Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 коп. II. Ремезовъ, М. Н. Клеопатра. Картинки античнаго мира. Ц. 40 к. III. Альбовъ, М. Н. Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 руб. IV. Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р. V. Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Допущена въ народныя библиотеки и читальни. VI. Ремезовъ, М. Н. Иудей и Римъ. Картинки античнаго мира. Ц. 50 к. VII. Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р. VIII. Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія.	Ц. 1 р. Допущена въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни. IX. Маминъ - Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охотники брови. Ц. 1 р. X. Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к. XI. Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к. XII. Ожешкова, Элиза. Пяна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. XIII. Ремезовъ, М. Н. По Шлюмберже. Картины жизни Византия въ X вѣкѣ. Ц. 50 к. XIV. Ремезовъ, М. Н. Византия и Византийцы конца X вѣка. Ц. 50 к. XV. Ремезовъ, М. Н. Эпиклоги византийскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библиотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Голышева).

I. Нассе и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библиотеки и читальни. II. Пере. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к. III. Дюкло. Пастѣръ. Исследование о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. IV. Вартъ, А. Религия Индіи. Ц. 1 р. V. Гауптъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к. VI. Погожева. Шеридагъ. Школа злословія. Биографическ. очеркъ Шеридага. Ц. 60 к. Допущена въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.	VII. Гиро, П., проф. Фюстакъ де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни, въ учительскія библи. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ. VIII. Дюкло. Пастѣръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библи., гимназій и реальн. уч. для библи. учител. инстит., семинар., учительск. библи. для низш. учеб. зав., для бесплатн. народн. библи. и читальн. IX. Галле, Андре. Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к. X. Вертло. Наука и нравственность. Ц. 60 к. XI. Геккель. Натурализмъ подъ тропиками. Ц. 60 к. XII. Делажъ. Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анненкова-Бернардъ, Н. (Н. П. Дружинина). Рассказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к. Вобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическія законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 4 р. Бурже, Поль. Трагическая идиллія Цар. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.	Данилинъ, И. А. Очерки и рассказы. Ц. 1 р. Женщина. Статья г-жи Элизы Ожешковой, ш-ше Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лавури Маргольмъ, Карменъ Сильва, Д. Менант. Ц. 40 к. Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

- Корелинъ, П. С., проф.** Иллюстрированная чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневысокая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возраста, библ. средн. учебн. зав. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Цѣна за каждый вып. по 30 к.
- Матушевскій, Игнацій.** Дьяволъ въ поэзи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ язычной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.
- Мачетъ, Г. А.** Слуги. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Закрытый казакъ. Жидъ. Бѣлая Падна. Хамелеонъ. Песнистка. Холера. Добрый вольгъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Милюковъ, П. Н.** Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.
- Ея же.** Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юлянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.
- Ея же.** Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
- Ея же.** Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.
- Ея же.** Меланхолика. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е, удешевленное. Ть Третья. Поѣздка въ Аены. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, и учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.
- Его же.** Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.
- Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобрена для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальнъ.
- Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
- Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.
- На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
- Крестonosцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
- Чеховъ, Мих.** Закрытъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Антонъ.** Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 руб.
- Эртель, А. И.** Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.
- Эске-Хоинскій, Теодоръ.** Последніе римляне. Историческій романъ изъ временъ Феодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
- Юноша, Клеменсъ.** Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. Допущено въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для бесплатныхъ народ. читальнъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.
- Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к. Допущено въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.
- Сенкевичъ.** Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.
- Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.
- Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.
- Ожешкова, Элиза.** Юлянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальнъ.
- Списокъ книгъ для народныхъ бібліотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая бібліотека „Русской Мысли“.

- Южные сосѣди китайцевъ.** Франдузы въ Тонкинѣ и Кохинхѣ; Аннамъ, Сямъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китаю и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній народныхъ аудиторіяхъ.
- Жизнь и труды Эдисона.** Съ портретомъ Эдисона. Составилъ Уманецъ. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ бесплатныя народныя библиотечки и читальни.

библиотеки и читальни, въ учительскія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Эжипейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безпл. народн. библиот. и читальни.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). *Лиза-гусятница.* Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофда. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библиотек. и читальни.

Весѣды по школьной гигиенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. диаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Работство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*) 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни, въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ Мин. Нар. Пр.

Исполинъ нѣмецкой промы-

шленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. В. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розенеръ.* (Изъ жизни штрийскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Тронцкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китаецы. Бытъ китаецевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ бесплатныя народн. библиотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицера.—**Подъ шумъ въюги.** *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячкова.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ГАЗЕТУ

КРЫМСКІЙ КУРЬЕРЪ,

издающуюся десятый годъ въ гор. Ялтѣ.

Газета теперь выходитъ ежедневно и даетъ читателямъ самый разнообразный матеріалъ для чтенія, имѣя въ виду интересы не только мѣстныхъ обывателей, но и пріѣзжей курортной публики.

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы. Между прочимъ, въ газетѣ помѣщаются повѣсти, разсказы, стихотворенія, фельетоны изъ мѣстной и русской общественной жизни на вопросы дня. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ мѣстныхъ корреспонденцій изъ крима.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на годъ 6 руб., полгода—4 руб., 3 мѣсяца—2 р. 50 к., 1 мѣсяць—1 руб. За пересылку за границу доплачивается къ установленной платѣ по 60 коп. въ мѣсяць.

Редакторъ-издательница **Н. Р. Лупандина.**

Подписка адресуется: Гор. Ялта, въ редакцію газеты „Крымскій Курьеръ“.

НОВЫЯ КНИГИ.

Изданія журнала „Русская Мысль“.

ДЬЯВОЛЪ ВЪ ПОЭЗІИ.

Игнація Матушевскаго.

Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изысканой смелости всѣхъ народовъ и вѣковъ. Эюдъ по сравнительной исторіи литературы.

Переводъ со 2-го изданія В. М. Лаврова.

Цѣна 1 рубль.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи
Профессора М. С. Корелина.

Выпускъ I.

ЕГИПЕТСКІЕ БОГИ.

ИХЪ ХРАМЫ И ИЗОВРАЖЕНІЯ.

Съ 28 рисунками въ текстѣ.

2-е изданіе.

Печатано безъ переизмѣнъ съ изданія, одобреннаго для учебныхъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

Цѣна 80 коп.

Контора журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Вязаньковскій пер., д. Аплаксиной) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдующей за это платѣ.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дается уступка.

Вышла августовская книжка 1902 г. (№ 8) ежемѣсячнаго иллюстри-
рованного журнала для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Тридцать четвертый годъ изданія.

Содержаніе августовской книжки (№ 8) „Дѣтскаго Чтенія“ 1902 г.

I. Фридрихъ Фребель. Портретъ на отдѣльномъ листѣ. II. Стихотвореніе. М. Ю. Лермонтова. Бородино. Съ рисунками художника К. Н. Чичагова. III. Матреша. Разсказъ. Е. П. Гославскаго. IV. Заря. Стихотвореніе. Л. М. Медведева. V. Далекія воспоминанія. Посвящ. Е. Н. III. *Екатерины Струковской*. VI. Въ родныхъ поляхъ. Стихотвореніе. И. А. *Вялюсова*. VII. Корсижанецъ. Разсказъ *Жана Экара*. Съ французскаго М. Р. VIII. Сказки природы. Волшебникъ дождь. В. М. *Сысоева*. IX. Березка. Стихотвореніе *Θ. Т. Гаерилова*. X. На развалинахъ стараго дома. *Елены Булавиной*. XI. Удивительнаго приключенія муравья Сангвина, имъ самимъ разсказаннаго. Переводъ съ украинскаго съ рукописи. Глава шестая. Мы узнаемъ, наконецъ, что такое наши коровы. Моя проба доить. Рабочіе-кормильцы. Мы идемъ разсматривать другія породы. Лахнусь отделилась!... *Гнат. Хоткевича (Галайда)*. XII. Довъ-Педро и Мавра Андреевна. Фантастическій разсказъ. Изъ письма къ двумъ дѣвочкамъ. *Н. Васимича*. XIII. Въ травѣ. Стихотвореніе *Виктора Гофмана*. XIV. Памятники. Культурно-историческій очеркъ. Судьба старинныхъ памятниковъ и назначеніе новыхъ. *А. Николаева*. Окончаніе. Съ тремя рисунками. XV. Изъ жизни животныхъ. Передвиженіе. *Николай Сорокина*. Съ 3 рисунками. XVI. Стихотвореніе А. С. Пушкина. Наполеонъ. XVII. Наполеонъ на полѣ битвы. Рисунокъ. XVIII. Бородинская годовщина. (Изъ письма В. А. Жуковскаго къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ) Съ двумя рисунками. XIX. Находка. Историческій разсказъ. *Ив. Ив. Митропольскаго*. Съ рисункомъ. XX. Гетманъ Самонъ Зборовскій. *Дм. Ив. Зварницкаго*. Окончаніе. XXI. Русскій витязь. Рисунокъ. XXII. За свободу братьевъ-славянъ. Первая Шевна. Вторая Шевна. *Е. Т.* Продолженіе. XXIII. Деревня на воздухѣ. Глава восьмая. Докторъ Югансенъ. Повѣсти *Жюль Верна*. Съ рисункомъ. Продолженіе. XXIV. Фридрихъ Фребель, основатель „Дѣтскихъ садовъ“. М. XXV. Странички изъ жизни людей. Маркизъ Ито. *Е. Т.* XXVI. По блгу-свѣту. На парусахъ по сушѣ. Новое Мертвое море домъ „Черноголовыхъ“ въ Ригѣ. Праздникъ деревень въ Римѣ. *Е. Т.* XXVII. Изъ жизни растений. Воскресающее растеніе. Съедобныя лиліи. Причины своеобразности осенней окраски древесныхъ листьевъ. *Е. Т.* XXVIII. Смѣхъ не грѣхъ. Веселыя странички. Шарады. Русскія народныя загадки. Шуточный вопросъ. Монограмма. Треугольникъ. Живой сѣговикъ. Съ рисункомъ. XXIX. Рѣшенія. XXX. Объявленія.

Подписная цѣна на годъ: на *Дѣтское Чтеніе* съ пересылкой 5 р., на *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* 6 руб. Отдѣльно на *Педагогическій Листокъ* съ пересылкой 2 руб. Плата за объявленія: за страницу 20 р., $\frac{1}{2}$ стр.—10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, В. Молчанова, д. 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ — 30 коп. уступки съ годового экземпляра).

Издательница *Е. Н. Тихомирова*.

Редакторъ *Дм. Ив. Тихомировъ*.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. **В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„ географія.
Проф. Н. М. Картева	„ исторія.
Академика А. О. Невзалева	} „ біологическихъ наукъ.
Проф. В. Т. Шелкова	
Проф. Д. М. Менделѣва	„ химико-технической и фабрично-заводской.
Проф. А. В. Соснова	„ сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ф. Соловьева	„ музыки.
А. М. Основа	„ изящныхъ искусствъ.
Академика М. М. Янгула	„ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждыя два мѣсяца.

Вышелъ 68-й полутомъ (Углеродъ—Усиліе).

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтой, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся нынѣ полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный день, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принимать подписку, если найдеть гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышли 10 вып. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксіной).

Типо-литогр. Т-ва М. Н. Кушнеревъ и №, Пименовская ул., соб. д.

	<i>Стр.</i>
XVI. ТОТАЛИЗАТОРЪ И МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА. — А. Б.	142
XVII. ТЕМНОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ ГРУЗИИ. (Первый реалистический романъ Чонкадзе «Сурамская крѣпость»).—А. С. Хаханова.	156
XVIII. ЗЕМСТВО И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕН- НОСТЬ.—В. Ланда.	163
XIX. ЭТЮДЫ О ПОЗИТИВИЗМЪ.—В. А. Гольцева	177
XX. ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.—В. Г.	196
XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Новый законъ о незаконнорож- денныхъ.—Объ устройствѣ средней школы на 1902—1903 учебный годъ.—Занятія комитетовъ о нуждахъ сельско-хо- зяйственной промышленности.—Проектируемая реорганизация санитарнаго и врачебнаго дѣла.—Изъ жизни провинціи. . .	200
XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	216
XXIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.— Философія.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы.— Искусство.—Естествознание.—Медицина. Сельское хозяй- ство.—Учебники.—Справочныя книги.—Изданія для наро- да.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1902 г.	247
XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редація «Рус-
ской Мысли» открыта въ теченіе лѣта только по средамъ отъ 1—3
час. дня.

Непринятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня
отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятые редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе
3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихо-
твореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній
редація не входитъ въ переписку.

Редакція журналу „Русская Мысль“ предприняла изданіе

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

СОЧИНЕНІЙ

Техрика Сежкевича

въ переводѣ В. М. Лаврова.

Въ настоящее время открыта подписка на первую серію, заключающуюся въ 6 томахъ романовъ:

I) Камо грядеши?
(Quo vadis?)		III) Огнемъ и мечомъ.
II) Безъ Догмата.		IV и V) Потопъ.
		VI) Панъ Володіевскій.

Цѣна за всѣ 6 томовъ (около 180 печатныхъ листовъ) 5 руб.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной, вв. № 9.

Можно подписываться и на отдѣльные тома.

Цѣна I, II и VI тома по 1 р., III-го — 1 р. 25 к., IV и V-го — 1 руб. 75 коп.

I и II томъ вышли; III выйдетъ — въ августъ, IV и V — въ сентябрь и VI въ октябрь. Послѣ выхода послѣдняго тома цѣна будетъ повышена.

Пересылка по разстоянію.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
 Renewed books are subject to immediate recall.

30 Sep '63 DT	
IN STACKS	RECEIVED
SEP 16 1963	APR 10 1996
	CIRCULATION DEPT.
REC'D LD	
SEP 23 '63 - 1 M	SEP 18 2002
APR 11 1970 46	
APR 13 1970	
JUL 5 1984	
rec'd circ. APR 26 1984	
LIBRARY USE APR 11 '86	
NRLF PHOTOCOPY	OCT 16 '90

LD 21A-40m-4,'63
 (D6471s10)476B

General Library
 University of California
 Berkeley